This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ND 30
100

Елисаветъ

въ С.-Петербургѣ, 17 Октября 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготов. Госуд.

СЕМЕЙСТВО

РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. ВАСИЛЬЧИКОВА.

8387

Библиотека НКИД
№ 35444

Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Пушкинъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

НКИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.
1880

(499)

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

ГЛАВА I.

стр.

Происхожденіе и возвышеніе 1

ГЛАВА II.

Воцареніе Елизаветы. — Тайный бракъ. — Отправленіе Кирилы Григорьевича за границу 9

ГЛАВА III.

Путешествіе въ Малороссію. — Возвращеніе графа Кирилы Григорьевича. 36

ГЛАВА IV.

Толки о гетманствѣ. — Придворная жизнь Кирилы Григорьевича. — Президентство. — Женитьба 69

ГЛАВА V.

Канцлеръ гр. Бестужевъ. — Пребываніе двора въ Москвѣ. — Избраніе въ гетманы 100

ГЛАВА VI.

Партіи при дворѣ. — Бекетовъ. — Присяга на гетманство. — Отъѣздъ графа Кирилы Григорьевича въ Малороссію и пребываніе его въ Глуховѣ . 125

ГЛАВА VII.

Партіи при дворѣ. — Бестужевъ. — Шуваловы. — Приготовленія къ войнѣ. — Отъѣздъ гетмана въ Глуховъ. 173

ГЛАВА VIII.

Пребываніе гетмана въ Малороссіи. — Переписка съ Петербургомъ. . . 206

ГЛАВА IX.

Пребываніе при дворѣ.—Свадьбы.—Паденіе Бестужева.—Опасность, угрожавшая Разумовскимъ. — Занятія по академіи. — Пребываніе въ Малороссіи. 247

ГЛАВА X.

Смерть Елизаветы.—Таракановы.—Царствованіе Петра III.—Восшествіе на престолъ Екатерины. 280

ГЛАВА XI.

Коронація. — Замыслы Орлова. — Безкорыстіе графа Алексѣя Григорьевича.—Уничтоженіе гетманства.—Путешествіе графа Кирилы Григорьевича за границею. — Переписка съ И. И. Шуваловымъ. — Смерть графа Алексѣя Григорьевича и графини Екатерины Ивановны. 300

ГЛАВА XII.

Вдовство.—Жизнь въ Петербургѣ и въ Малороссіи. 349

ГЛАВА XIII.

Жизнь въ Москвѣ 393

ГЛАВА XIV.

Послѣдніе годы 460

Приложенія. . . . . I—CIII.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нигдѣ и никогда не бывало столько временщиковъ *), какъ у насъ въ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Впервые явились они при Петрѣ. Для новыхъ порядковъ нужны были новые дѣятели, и они собрались по зову царя отовсюду: изъ Нѣмецкой Слободы, изъ-за границы и изъ низшихъ слоевъ русскаго общества. Быстро достигли они первыхъ мѣстъ въ государствѣ, тайкомъ набивали карманы, но за то въ потѣ лица трудились подъ зоркимъ окомъ мощнаго Императора, твердо державшаго ихъ въ рукахъ своихъ. Царствованіе Императора Петра Великаго составляетъ первую эпоху въ исторіи русскихъ временщиковъ. Это была эпоха неутомимаго, почти нечеловѣческаго труда. За нею слѣдуетъ вторая эпоха, дворцовыхъ переворотовъ, продолжавшаяся до времени Екатерины Великой. Здѣсь, при каждомъ новомъ царствованіи, всплываютъ уже не труженики, а личности безъ всякихъ особенныхъ талантовъ или заслугъ, одною слѣпою игрою случая, разомъ возводимыя до высшихъ государственныхъ почестей и пользованія несмѣтными богатствами. Вся дѣятельность этого второго рѣда временщиковъ сосредоточивалась на придворныхъ интригахъ, благодаря которымъ вліяніе ихъ на дѣла было огромное.

При Екатеринѣ начинается третья эпоха. Здѣсь тоже представляется цѣлая толпа юныхъ и красивыхъ любимцевъ счастія; но надо, даже и въ этой темной сторонѣ жизни великой царицы, отдать ей справедливость,—одни только люди въ полномъ смыслѣ талантливые, и притомъ люди русскаго происхожденія и закала достигали, по ея благосклонности, государственнаго значенія. Возвы-

*) Значеніе слова „временщикъ“ хорошо выясняется въ слѣдующемъ выраженіи, которое намъ удалось слышать отъ одной простой старушки, говорившей барину отправлявшемуся на выгодное мѣсто въ Петербургъ: „Будешь во времени, меня помяни“.

сились при ней: Орловы, Потемкинъ, Завадовскій, Мамоновъ, Зубовы, тогда какъ Васильчиковъ, Зоричъ, Ермоловъ, Римскій-Корсаковъ и Ланской получили только богатые подарки, да камергерскіе ключи. Эпоху эту можно по справедливости назвать эпохою вельможъ. Всѣ эти Екатерининскіе орлы, сходя съ поприща придворнаго, уносили въ свои московскіе дворцы какой-то отблескъ величія, который во времена оны ярко отражался на первопрестольной столицѣ. Въ короткое царствованіе Павла I-го, звучащее какимъ-то диссонансомъ между правленіями Екатерины Великой и Александра I-го, снова являются временщики, напоминающіе собою времена Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Это была ихъ вечерняя заря, и съ 1801 года самыя выраженія «временщикъ» и «человѣкъ въ случаѣ» сложены вмѣстѣ со старыми понятіями и преданіями въ архивъ прошлаго. Большая часть временщиковъ, каковы: Меншиковы, Девіеры, Ягужинскіе, Шафировы, Остерманы, Минихи, Брюсы, Левенвольды, Бироны, Лестоки, Разумовскіе, Сиверсы, Шуваловы и другіе родились или на низшихъ ступеняхъ общества или же, хотя и принадлежали къ дворянскимъ родамъ, но, не имѣя, до возвышенія своего, ни состоянія, ни преданій, терялись въ огромной массѣ мелкаго дворянства.

Исторія многихъ изъ временщиковъ чрезвычайно романтична. Возвышеніе и паденіе Меншикова, несомнѣнно самаго замѣчательнаго изъ временщиковъ вообще, а тѣмъ болѣе изъ Русскихъ временщиковъ прошлаго столѣтія, породили цѣлую литературу монографій на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Также, хотя и не въ такой мѣрѣ, заняла историковъ трагическая судьба талантливаго Остермана и не менѣе его замѣчательнаго Миниха. Другіе временщики, напротивъ, еще недавно и столь ярко блиставшіе, теперь окончательно всѣми забыты. Только ознаменовавшіе свой случай рядомъ злодѣйствъ, какъ, напримѣръ, Биронъ, кровавая память котораго еще не угасла въ народѣ, или тѣ, которыхъ потомки удержали хотя часть богатства и значенія предковъ, не канули еще въ Лету. Кто помнитъ у насъ теперь объ угасшихъ семействахъ Ягужинскихъ, Шафировыхъ, Рагузинскихъ, Скавронскихъ? Какъ много родовъ, недавно возвышенныхъ, успѣли уже обѣднять и, никому неизвѣстные, ведутъ скромную жизнь въ какомъ нибудь дальнемъ уголкѣ необозримаго отечества нашего.

Преданія и памятники старины быстро у насъ исчезаютъ. Плохо умѣютъ у насъ сохранять какъ достояніе отцовъ, такъ и самую память о нихъ. Не только въ домахъ и селахъ семейные тники и воспоминанія, но даже въ храмахъ Божіихъ—самыя

могилы предковъ не охранены отъ святотатственныхъ рукъ человѣческихъ. При несчастной страсти нашей все подновлять и передѣлывать, нерѣдко надгробія изъ церквей и монастырей сперва прибираются въ кладовыя [1]), а потомъ даже продаются въ ломъ разсчетливыми церковными старостами [2]).

Недаромъ замѣтилъ Пушкинъ, что мы презираемъ отцами

Ихъ славой, честью и правами
Великодушно и умно.

Вѣтреные Русскіе баре, за границею и въ Петербургскихъ гостиныхъ, громко разсуждающіе объ аристократизмѣ и считающіе себя чуть не средневѣковыми баронами, не стыдясь продаютъ родовыя имѣнія и семейныя усыпальницы, считаютъ старинные свои архивы за пыльный сборъ календарей, хранятъ на чердакахъ, среди всякаго хлама, дѣдовскіе портреты и давнымъ-давно, по выраженію того же Пушкина, перелѣзли изъ баръ въ tiers-état. Съ трудомъ укажешь въ наши дни на дачу въ окрестностяхъ Москвы или Петербурга, которая бы осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатыя московскія палаты заняты казенными заведеніями, да и въ юномъ Петербургѣ едва-ли насчитаешь четыре дома долѣе трехъ поколѣній сохранившіеся въ одномъ и томъ же родѣ [3]).

Графы Разумовскіе принадлежатъ ко второй эпохѣ временщиковъ. Возвышеніемъ своимъ они обязаны только случаю. Они не играли видной роли въ лѣтописяхъ отечества нашего, не отличались особенными, выходящими изъ ряда, талантами. Въ продолженіи шести царствованій: Елизаветы, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I съ немногимъ сто лѣтъ существуетъ семейство Разумовскихъ и не представляетъ ни одного полководца, ни одного вполнѣ замѣчательнаго государственнаго мужа. Послѣдніе сыны гетмана умерли за границею, гдѣ провели бо́льшую часть своей жизни. Единственнымъ представителемъ рода Разумовскихъ остался въ наше время Саксенъ-Кобургъ-Готскій

---

[1]) Такъ, напримѣръ, поступлено было въ Александро-Невской Лаврѣ съ надгробіемъ Ягужинскаго и въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ надгробіями Бутурлиныхъ. Ср. XVIII-й вѣкъ, кн. 1-я, изд. 1-е, стр. 364.

[2]) Такъ поступлено было въ Серпуховскомъ уѣздѣ: въ селѣ Лопаснѣ съ надгробіями Васильчиковыхъ, въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Хлѣвани съ надгробіями Головкиныхъ и пр., и пр. и пр.

[3]) Домъ графа Шереметева на Фонтанкѣ и домъ Нарышкиныхъ на Фонтанкѣ, переходящій по наслѣдству графинѣ Шуваловой—въ пятомъ поколѣніи; дома графа Строганова на Невскомъ Проспектѣ, у Полицейскаго моста и князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго—на Невскомъ, у Аничкова моста,—оба въ третьемъ поколѣніи.

подданный—графъ Камилъ Разумовскій, лютеранинъ, не признанный въ Россіи за графа, не имѣющій уже ничего общаго съ отечествомъ нашимъ и вѣроятно едва знающій кто были его предки. Несмотря однако на все это, имя Разумовскихъ, какимъ-то невѣроятнымъ случаемъ, еще не изгладилось изъ памяти народной. Разсказы о нихъ приняли характеръ какой-то легенды. Вообще все относящееся до семейства Разумовскихъ, ихъ неимовѣрный случай, огромное богатство, столь скоро составившееся и почти столь же скоро распавшееся на мелкія крохи, ихъ хлѣбосольство, щедрость и достоинство на высотѣ почестей перваго поколѣнія, наконецъ трагическая судьба нѣкоторыхъ потомковъ — все это носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то сказочнаго. Разумовскіе, безъ сомнѣнія, рядомъ съ Шереметевыми, остались для народа любимыми вельможами прошлаго столѣтія. Еще при жизни своей, они, по крайней мѣрѣ графы Алексѣй и Кирилъ Григорьевичи, пользовались общественнымъ сочувствіемъ. Екатерина отзывается о нихъ, что: она «никогда не знавала семейства временщиковъ, болѣе всѣми любимаго» [1]). Причину этой любви угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполнѣ можно было примѣнить стихи Державина:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Приводя стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ «Письма о достоинствѣ» А. П. Сумарокова. Сумароковъ долгое время былъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры. Кстати замѣтить, что рукопись оды «Вельможа», изъ которой приведены эти стихи, съ помѣткою въ концѣ рукою Державина: «Ноября 12-го 1794 года»—находилась въ библіотекѣ графа Петра Алексѣевича Разумовскаго, проданной съ публичнаго торга въ Одессѣ, около 1839 года.

Второе поколѣніе Разумовскихъ уже совершенно утратило свой первобытный типъ. При родоначальникахъ семьи этой произошелъ въ Россіи тотъ переломъ, на который мы указываемъ во второй части нашей монографіи, переломъ, имѣвшій огромное значеніе

[1]) Mémoires de Catherine II. 113.

для Россіи, гибельныя послѣдствія котораго ощущаются до сихъ поръ. Первые Разумовскіе родились и навсегда остались истыми хохлами, страстно любившими свою родину. Второе же поколѣніе, за немногими исключеніями, представляетъ намъ рядъ гордыхъ и неприступныхъ космополитовъ, преисполненныхъ феодальными предразсудками, наивно вѣровавшихъ въ величіе своего рода, едва говорившихъ по-русски. Ихъ Вигель въ запискахъ своихъ крайне мѣтко прозвалъ «русскими Монморанси».

Мы думаемъ не безъинтересно будетъ ближе познакомиться съ невѣроятнымъ случаемъ регистроваго казака и прослѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ сыновья простого хохла переобразовались въ французскихъ и нѣмецкихъ аристократовъ. Съ этою цѣлью мы уже давно собираемъ всякія данныя о семействѣ Разумовскихъ, усердно перебирая семейные и государственные архивы. Первая часть труда нашего появилась уже въ печати въ 1868 году (XVIII-й вѣкъ—сборникъ, издаваемый П. И. Бартеневымъ, часть II), но съ тѣхъ поръ мы познакомились съ богатѣйшимъ архивомъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кириловича Разумовскаго, намъ сообщены были многія интересныя бумаги и преданія Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ и покойною Маріею Алексѣевною Крыжановскою, рожденною Перовскою; графъ А. С. Уваровъ и князь Н. В. Репнинъ передали въ наше полное распоряженіе все то, что въ богатыхъ семейныхъ архивахъ ихъ касается до семейства Разумовскихъ и что было намъ доселѣ знакомо только въ отрывкахъ; наконецъ много напечатано было съ тѣхъ поръ новыхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII вѣку въ разныхъ сборникахъ, повременныхъ изданіяхъ и другихъ чисто историческихъ сочиненіяхъ.

Архивъ князя Андрея Кириловича Разумовскаго († 1837), послѣ смерти второй жены его, свѣт. княгини Константины Осиповны, рожденной графини Тюргеймъ, скончавшейся въ 1867 въ Линцѣ (въ Австріи) послѣ продолжительной умственной болѣзни, достался ея двоюродной племянницѣ и воспитанницѣ, графинѣ Георгинѣ фонъ-деръ-Липпе-Бистерфельдъ и Вейсенфельдъ, рожденной Актонъ. Мужъ графини фонъ-деръ-Липпе, графъ Куртъ-Рейнике фонъ-деръ Липпе пожертвовалъ большую часть бумагъ князя Разумовскаго въ нашъ государственный архивъ, все же то, что носило исключительно семейный характеръ, онъ весьма обязательно доставилъ намъ, узнавъ, что мы занимаемся составленіемъ исторіи семейства Разумовскихъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, первая часть труда нашего увеличилась почти вдвое и многое пришлось въ ней переработать заново; вотъ отчего мы рѣшаемся нова издать ее одновременно съ остальными томами, въ которыхъ

помѣщаемъ, нелишенную драматизма, исторію второго поколѣнія Разумовскихъ, равно какъ и интересныя бумаги князя Андрея Кириловича. Объемистая переписка гетмана графа Кирилы Григорьевича и разныя другія бумаги, относящіяся къ первому поколѣнію Разумовскихъ, почерпнутыя частью изъ семейныхъ, частью изъ государственныхъ архивовъ, а нѣкоторыя цѣликомъ перепечатанныя изъ богатаго архива князя С. М. Воронцова, издаваемаго П. И. Бартеневымъ, не имѣютъ, за исключеніемъ немногихъ, строго историческаго интереса, тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ полномъ составѣ, такъ какъ отъ нихъ вѣетъ всею прелестью стародавности. Читая ихъ, невольно переносишься ко временамъ Елизаветы и Екатерины и живешь ежедневною жизнію этой эпохи. Мы именно старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать эту ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч. и проч. относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что̀ вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ нашемъ стремленіи къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины. Крайность эта кажется намъ извинительной для археолога. При составленіи нашей монографіи мы не задавались никакими отвлеченными вопросами и по мѣрѣ силъ нашихъ старались избѣгнуть всякой тенденціозности, которая въ настоящее время до того распространилась по всѣмъ отраслямъ нашей литературы. Цѣлью нашею было возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени. Удалось ли это намъ—пусть судитъ благосклонный читатель.

Село Кораллово, Августъ 1879 г.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и возвышеніе.

Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія черниговской губерніи, Козелецаго повѣта, на хуторѣ Лемёшахъ, жилъ регистровый казакъ „кіевскаго Вышъ-города Козельца полка, Григорій Яковлевичъ Розумъ [1])". Лемёши, нынѣ село на старой почтовой дорогѣ изъ Кіева въ Черниговъ, между станціями Козельцомъ и Чемеромъ, были до 1765 года небольшимъ хуторомъ. Прозваніе Розума дано было Григорію Яковлеву, какъ гласитъ преданіе, сосѣдними казаками отъ поговорки, которую онъ любилъ употреблять подъ пьяную руку: „гей! що то за голова, що то за розумъ!" [2]). Хотя Розумъ „съ великою охотою вси казацкіе противъ татаръ и протчіихъ непріятелей отправлялъ походы", однако счастіе ему не улыбалось „ради частыхъ нечаемыхъ, ово отъ непріятелей, ово междоусобныхъ, разореній" [3]) и ово, можемъ мы прибавить по преданію, ради непросыпнаго пьянства. Григорій Яковлевичъ имѣлъ старшаго брата Ивана Яковлевича и сестру Анну Яковлевну, которая была замужемъ за казакомъ Дубиною [4]). Онъ самъ женился на дочери казака Демёшки изъ сосѣдняго села Адамовки—Натальѣ Демьяновнѣ, которой немало пришлось намыкаться горя отъ пьянаго и безпутнаго мужа. Розумъ былъ человѣкъ сварливый и вздорный; все, заработанное трудолюбивою женою, въ потѣ лица, пропивалъ онъ въ шинкахъ. Наталья Демьяновна, наоборотъ, была женщина разсудительная и умная; Розумиху любили и почитали во всемъ околоткѣ. Розумы жили въ хатѣ, которая еще недавно стояла

---

[1]) Философія Аристотелева по умствованію періпатетіковъ и пр. Кіевъ, 1745.

[2]) „Московскія Вѣдомости", 1860. № 182. Село Лемёши, статья Кобзаря Василенко.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же. У Ивана Розума былъ сынъ Иванъ и внуки: Савва, Петръ и Василій—о нихъ смотри ниже. У Анны Яковлевны Дубины былъ сынъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

среди Лемёшей, по правую сторону почтовой дороги отъ Козельца въ Черниговъ. Въ длину съ сѣнями и каморою обращена была она къ улицѣ и находилась отъ нея шагахъ въ двадцати, среди огорода, на которомъ изрѣдка стояли фруктовыя деревья. Наружнымъ видомъ она не отличалась отъ прочихъ ее окружавшихъ хатъ, а по величинѣ и чистой отдѣлкѣ оконъ и дверей ее можно было принять за хату довольно зажиточнаго крестьянина. Она была аршинъ $8^1/_2$ или 9 въ длину и столько же въ ширину. Внутри стѣны были выбѣлены. Вышина хаты была $3^3/_4$ аршина. На потолкѣ во всю длину красовался сволокъ, т.-е. поперечная балка, поддерживающая потолокъ, на которой малороссіяне вырѣзываютъ имена, молитвы и пр. Сволокъ обыкновенно свято хранится и при перестройкахъ переносится изъ старой хаты въ новую. На сволокѣ Лемёшевской хаты вырѣзана была славянскими буквами подъ титлами слѣдующая надпись: „Благословеніемъ Бога Отца, поспѣшеніемъ Сына (затѣмъ изображеніе креста), содѣйствіемъ Святаго Духа создася домъ сей рабы Божіей Наталіи Розумихи. Року 1711 маія 5 дня". Слова: „Наталіи Розумихи" приписаны были какъ-бы другимъ почеркомъ. Въ такомъ видѣ сохранялась хата эта до 16 іюня 1854 года, когда пожаръ уничтожилъ ее до тла. Старожилы помнили и надпись и всю хату всегда въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее пожаръ [1]). Хата эта съ окружающею ее левадою принадлежала Г. П. Галагану, происходящему по женской линіи отъ Натальи Демьяновны. Г. П. Галаганъ дорожилъ хатою Разумовскихъ: всѣ плетни вокругъ нея были разобраны и при ней постоянно находился сторожъ. Въ этой-то хижинѣ жили Розумы и родились младшія ихъ дѣти. Всего было ихъ шестеро: три сына: Данило, Алексѣй и Кирила, и три дочери: Агаѳья, Анна и Вѣра. О первомъ мы ничего не знаемъ; онъ былъ, кажется, гораздо старѣе братьевъ и умеръ задолго до 1741 г., оставивъ на попеченіи Натальи Демьяновны дочь свою, Авдотью Даниловну. Второй сынъ Натальи Демьяновны — Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемёшахъ 17 марта 1709 года. Онъ былъ сперва пастухомъ общественныхъ стадъ [2]). Его привлекательная наружность, пріятный голосъ и охота къ ученію обратили на него вниманіе мѣстнаго духовенства. Григорію Яковлеву, вѣчно пьяному, не по сердцу была грамота, и сынъ тайкомъ ходилъ учиться къ дьячку села Чемеръ [3]), къ приходу котораго принадлежали Лемёши. Однажды Григорій, возвратясь изъ шинка, засталъ сына своего за книгою. Уже не разъ доставалось мальчику за страсть къ ученію. Разсерженный

[1]) „Москвитянинъ", 1855 года, № 6, стр. 187—188.

[2]) Марковичъ „Исторія Малороссіи", т. II, ст. 635.

[3]) Село Чемеръ принадлежало потомъ Будлянскимъ (см. ниже); нынѣ принадлежитъ г. Пашковскому.

Розумъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, схватилъ топоръ и бросился на Алексѣя; тотъ пустился бѣжать вокругъ хаты, а отецъ за нимъ. Обѣжавъ нѣсколько разъ хижину, несчастный мальчикъ, видя, что Розумъ его нагоняетъ, проскочилъ подъ ворота и топоръ отца, брошенный ему въ слѣдъ, глубоко врѣзался въ дерево. Послѣ этого случая Алексѣй Григорьевичъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и болѣе туда не возвращался; онъ нашелъ себѣ убѣжище у своего учителя, дьячка Чемерской церкви [1]). Здѣсь онъ окончательно обучился грамотѣ и пѣнію [2]) и по праздникамъ плѣнялъ чуднымъ голосомъ Чемерскихъ прихожанъ. Однажды Натальѣ Демьяновнѣ приснилось, что въ хатѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды всѣ вмѣстѣ. Мужу она вѣроятно не призналась въ видѣніи, но пересказала сонъ сосѣдямъ, которые надъ нею смѣялись [3]). Дня три спустя, въ началѣ января 1731 года, въ праздничный день, проѣзжалъ черезъ Чемеръ полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, возвращавшійся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для Императрицы Анны Ивановны [4]). Вишневскій зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка Чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и поскакалъ съ доброжелателемъ своимъ въ сѣверную столицу.

Третій сынъ Григорія и Наталіи Розумовъ—Кирила, родился 18 марта 1728 года [5]). Будучи ребенкомъ, онъ ходилъ за отцовскими волами. „Сыновья мои родились счастливыми: когда Алеша хаживалъ съ крестьянскими ребятишками по орѣхи и грибы, онъ ихъ всегда набиралъ вдвое болѣе, чѣмъ товарищи, а волы, за которыми ходилъ Кирюша, никогда не заболѣвали и не сбѣгали со двора“, говаривала

---

[1]) Сообщено, равно какъ и другія подробности о молодости Разумовскихъ, Г. П. Галаганомъ, который разсказы эти слышалъ отъ своей тётки Вѣры Ивановны Чорбиной, рожденной Галаганъ, скончавшейся 80-ти лѣтъ въ 1840 году; она была правнукою Натальи Демьяновны и жила въ Батуринѣ, у графа Кирилы Григорьевича въ послѣдніе года его жизни.

[2]) Manstein, Memoires sur la Russie, т. II, стр. 221.

[3]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи“, т. II, ст. 635.

[4]) Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, т. I, ст. 361.

[5]) Въ запискѣ подъ заглавіемъ: „Знаніе дому фамиліи Его Высокографскаго Сіятельства Генералъ-Фельдмаршала Кирилы Григорьевича Разумовскаго“, хранящейся въ архивѣ гр. Уварова, годомъ рожденія гетмана показанъ 1724 годъ. Это ввело насъ въ заблужденіе въ первомъ изданіи. Съ тѣхъ поръ мы нашли другой старѣйшій списокъ той же записки (въ бумагахъ покойной М. А. Крыжановской), гдѣ вмѣсто 1724 года выставленъ 1728 годъ, что вполнѣ согласно съ показаніями прочихъ біографовъ гетмана и надгробною надписью въ Батуринѣ.

впослѣдствіи Наталья Демьяновна, но въ настоящую пору, т.-е. послѣ отъѣзда сына Алексѣя, она счастіемъ похвастаться не могла. Наоборотъ, судьба ея была крайне горька. Мужъ спился съ кругу и умеръ [1]), старшій сынъ умеръ также, оставивъ на попеченіи матери малолѣтнюю дочь; второй сынъ, который могъ бы быть подмогою для семьи, пропалъ безъ вѣсти; однимъ словомъ Розумиха совершенно упала духомъ. Голодающихъ дѣтей нечѣмъ было прокормить. Въ отчаяніи Наталья Демьяновна рѣшилась идти въ Козелецъ, надѣясь милостынею добыть кусокъ насущнаго хлѣба. „Ну", говорила она дорогою, „если денегъ не достану, такъ придется идти мазать хаты", и тутъ же дала обѣтъ, въ случаѣ нежданной помощи, отслужить молебенъ въ Козелецкой церкви. Едва успѣла она это подумать, какъ увидала на дорогѣ ножикъ, оправленный золотомъ, оброненный вѣроятно какимъ-нибудь проѣзжимъ. Розумиха подняла ножъ, продала его въ Козельцѣ и на вырученныя деньги сперва отслужила молебенъ, а потомъ уже накупила хлѣба для голодающей семьи. Вернувшись въ Лемёши, Натальи Демьяновна получила первое извѣстіе о пропавшемъ сынѣ [2]).

Счастіе улыбнулось Алексѣю Розуму съ перваго дня его пріѣзда въ Петербургъ. Вишневскій представилъ своего питомца тогдашнему оберъ-гофмаршалу, графу Рейнгольду Левенвольду, который сейчасъ же помѣстилъ молодого малороссіянина въ придворный хоръ [3]). Тутъ онъ встрѣтилъ много земляковъ. Въ то время почти всѣ высшія духовныя должности заняты были „черкасами" и придворные пѣвчіе набирались исключительно въ Малороссіи. Такъ, Марковичъ въ любопытныхъ запискахъ своихъ разсказываетъ, что въ 1732 году въ Глуховѣ „пѣли въ церкви св. Николая пѣвчіе многіе, присланные по требованію гетмана (Даніила Апостола) отъ архіерея кіевскаго и другихъ, для двора государыни" [4]).—При большомъ дворѣ Алексѣй Розумъ

---

[1]) Въ 1760 году Алексѣй и Кирила Григорьевичи надъ могилою родителя соорудили каменный храмъ во имя трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Причетъ лемёшевскій уже не знаетъ ни времени кончины Григорія Яковлевича, ни точнаго мѣста его погребенія. Въ церкви сохранилась бумага, обязательно сообщенная намъ въ спискѣ А. Ѳ. Бодровымъ. Изъ этой бумаги видно, что Лемёши принадлежали брату Натальи Демьяновны, бунчуковому товарищу Денису Демьяновичу Стрѣшенцову, который ихъ завѣщалъ племяннику своему графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. Кирила Григорьевичъ въ свою очередь подарилъ ихъ въ 1791 году своей родственницѣ Матренѣ Герасимовнѣ Тепловой (женѣ извѣстнаго Григорія Николаевича) съ обязательствомъ ея и ея наслѣдниковъ вѣчно вносить въ лемёшевскую церковь по 25 рублей въ годъ.

[2]) Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной—сообщено Г. П. Галаганомъ.

[3]) Manstein, Mémoires sur la Russie, II, 221, и Helbig, Russische Günstlinge, ст. 210.

[4]) Записки Марковича, I, 397.

остался однако весьма мало времени. Нѣсколько дней послѣ поступленія его въ придворный хоръ, Цесаревна Елизавета Петровна присутствовала при богослуженіи въ дворцовой церкви. Она была поражена голосомъ Розума и потребовала, чтобы онъ былъ ей представленъ, послѣ окончанія литургіи. Красота его поразила Великую Княжну еще болѣе, чѣмъ голосъ. Высокій, стройный, нѣсколько смуглый, съ чудными черными глазами и черными же дугообразными бровями, Розумъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова.—Цесаревна просила графа Левенвольда уступить ей молодого пѣвчаго; графъ согласился, и Алексѣй Григорьевичъ перешелъ ко двору Елизаветы Петровны [1]).

До 1731 г. первымъ лицомъ при дворѣ этомъ былъ сержантъ Семеновскаго полка,—камеръ-пажъ Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго владимірскаго помѣщика изъ окрестностей Александрова. Черезъ него Елизавета Петровна познакомилась съ этою мѣстностію, которую очень полюбила и которую посѣщала даже будучи Императрицею. Но, несмотря на вліяніе Шубина, съ первыхъ же дней поступленія своего ко двору Цесаревны, Алексѣй Григорьевичъ сталъ пользоваться особымъ почетомъ; онъ отдѣленъ былъ отъ прочаго хора пѣвчихъ, считался наравнѣ съ камердинерами Цесаревны: Чулковымъ, Полтавцевымъ и Штерномъ, и получалъ равное съ ними содержаніе. „Пѣвчему Алексѣю Григорьеву", гласитъ вѣдомость о томъ, сколько *отпускается къ поставцу ея высочества и служителямъ, окромя банкетовъ и приказовъ, водки, вина и пива*, „чрезъ день и 2 дни водки и вина по 1 кружкѣ. Пива по 4, по 6 и по 7 кружекъ въ каждый день" [2]). При дворѣ Цесаревны, точно также какъ и при большомъ дворѣ, Розумъ встрѣтилъ много земляковъ. Великая Княжна владѣла имѣніемъ въ Малороссіи, духовниками ея были малороссіяне; сперва отецъ Костанцій, о которомъ упоминаетъ, въ своемъ, къ сожалѣнію, еще неизданномъ дневникѣ, генеральный хорунжій Николай Даниловичъ Ханенко, и бывшій священникъ украинской ея вотчины—села Понорницы [3]) Ѳедоръ Яковлевичъ Дубинскій.—Были при дворѣ ея и пѣвчіе малороссіяне—Тарасовичъ и Божокъ [4]), а также камеръ-лакей Иванъ Ѳедоровичъ Котляревскій [5]), слѣпой бандуристъ Григорій

[1]) Manstein, Memoires sur la Russie, II, стр. 221.

[2]) Архивъ князя Воронцова, I, 20. На приведенной вѣдомости не означено къ какому времени она относится, но положительно можно утвердить, что она составлена въ 1731 году. Въ началѣ этого года Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій привезенъ былъ въ Петербургъ, а въ декабрѣ того же года Шубинъ, въ ней еще числящійся, посаженъ подъ арестъ и въ январѣ 1732 сосланъ въ Сибирь.

[3]) Мѣстечко Понорница,—Черниговской губ., Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, отобрано было у Шафирова.

[4]) Записки Марковича, I, 421.

[5]) Рукописный дневникъ Ханенки.

Михайловъ [1]) и секретарь Петръ Мировичъ [2]). Въ концѣ 1731 года Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ-называемый каменный мѣшокъ и, наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на Великую Княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что Елизавета намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, Цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди непріязненнаго къ ней петербургскаго двора. Дочь Екатерины, непомнившей родства, возросшая среди птенцовъ великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елизавета Петровна была вполнѣ чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. Постоянно подозрѣваемая, окруженная шпіонами, она поневолѣ жила въ сомкнутомъ кружкѣ своего маленькаго двора, избѣгая всякаго новаго знакомства, всякаго сближенія съ лицами, игравшими видную роль въ свѣтѣ. Но если бы Елизавета Петровна и желала окружить себя Рюриковичами или потомками Гедимина, едва ли бы удалось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, послѣ смерти матери и отъѣзда сестры въ Голштинію, одна, безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или, вѣрнѣе, вовсе не воспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, Цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего и по неволѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братіею. Послѣ ссылки Шубина, Елизавета обратила свое вниманіе на молодого Розума, потерявшаго свой голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы [3]). Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не Розумъ, а Разумовскій—произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ Цесаревиныхъ имѣній [4]); мало-по-малу и другія недвижимыя имущества, а вслѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елизаветы Петровны очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича,

---

[1]) Рукописный дневникъ Ханенки и Архивъ князя Воронцова, I, 21.
[2]) Зап. Марковича, I, 268.
[3]) Helbig, Russische Günstlinge, 210.
[4]) Manstein, Mem. sur la Russie, II, 221.

который получилъ званіе гофъ-интенданта. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина.—Сама Елизавета называетъ его въ письмахъ: „другомъ нелицемѣрнымъ“. „Другъ мой нелицемѣрный“, писала она къ Михаилу Иларіоновичу Воронцову, „велѣлъ поклониться вамъ, а теперь я ему не велѣла писать“ [1]). „Притомъ же просилъ меня Алексѣй Григорьевичъ“, сообщала она ему же въ 1739 году, „дабы я вамъ отписала, чтобы вы на него не прогнѣвались, что онъ не пишетъ къ вамъ, для того, что столько боленъ былъ, что не безъ опасенія:—превеликій жаръ. Однакожъ, слава Богу, что этотъ жаръ перервали, и сдѣлалась лихорадка, и еще съ постели не вставалъ, однакожъ де теперь безъ опасенія; и приказалъ свой должный поклонъ отдать и желаетъ васъ скорѣе видѣть“ [2]). У Разумовскаго заискивали самые вліятельные при Цесаревнѣ люди. Мавра Егоровна Шувалова упоминаетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ: „Отдаю мой поклонъ милостивому государю А. Г. и прошу его ласки ко мнѣ“ [3]). „Хору честному воспѣвальному, товарищамъ, отдаю мой поклонъ, а особливо Алексѣю Григорьевичу и прошу покорно въ доброй памяти содержать“ [4]), приписывалъ къ письму жены Петръ Ивановичъ Шуваловъ.—„Милостивому моему государю А. Г. отдаю поклонъ и прошу бутылку шампанскаго прислать ко мнѣ на дорогу. Ей-Богу, пью горѣлку“ [5]), писала еще изъ Торжка Мавра Егоровна. Самые ближіе родственники Цесаревны, какъ, напримѣръ, двоюродный братъ ея Андрей Симоновичъ Гендриковъ, обращались къ Разумовскому съ просьбами о заступничествѣ и о сохраненіи въ милости [6]).—Въ правленіе Анны Леопольдовны Алексѣй Григорьевичъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Немногіе придворные, ее окружавшіе, преклонили голову передъ юнымъ любимцемъ и смотрѣли на него уже тогда, какъ на тайнаго супруга Великой Княгини [7]).

Случай Алексѣя Григорьевича отозвался и въ Лемешахъ. Цесаревна была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Малороссіею. Пріѣзжіе изъ Украйны являлись къ ней, привозили письма отъ гетмана, кутили съ ея пѣвчими, бандуристами и камеръ-лакеями и водили дружбу съ духовниками. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ пріѣзжихъ малороссіянъ Алексѣй Григорьевичъ переписывался съ семьею. Дѣла Розумихи поправились.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, I, 12.
[2]) Тамъ же, I, 7.
[3]) Тамъ же, I, 82.
[4]) Тамъ же, I, 85.
[5]) Тамъ же, I.
[6]) Тамъ же, I.
[7]) Helbig, Russ. Gunst., 210.

подданный—графъ Камилъ Разумовскій, лютеранинъ, не признанный въ Россіи за графа, не имѣющій уже ничего общаго съ отечествомъ нашимъ и вѣроятно едва знающій кто были его предки. Несмотря однако на все это, имя Разумовскихъ, какимъ-то невѣроятнымъ случаемъ, еще не изгладилось изъ памяти народной. Разсказы о нихъ приняли характеръ какой-то легенды. Вообще все относящееся до семейства Разумовскихъ, ихъ неимовѣрный случай, огромное богатство, столь скоро составившееся и почти столь же скоро распавшееся на мелкія крохи, ихъ хлѣбосольство, щедрость и достоинство на высотѣ почестей перваго поколѣнія, наконецъ трагическая судьба нѣкоторыхъ потомковъ — все это носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то сказочнаго. Разумовскіе, безъ сомнѣнія, рядомъ съ Шереметевыми, остались для народа любимыми вельможами прошлаго столѣтія. Еще при жизни своей, они, по крайней мѣрѣ графы Алексѣй и Кирилъ Григорьевичи, пользовались общественнымъ сочувствіемъ. Екатерина отзывается о нихъ, что: она «никогда не знавала семейства временщиковъ, болѣе всѣми любимаго» [1]). Причину этой любви угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполнѣ можно было примѣнить стихи Державина:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Приводя стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ «Письма о достоинствѣ» А. П. Сумарокова. Сумароковъ долгое время былъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры. Кстати замѣтить, что рукопись оды «Вельможа», изъ которой приведены эти стихи, съ помѣткою въ концѣ рукою Державина: «Ноября 12-го 1794 года»—находилась въ библіотекѣ графа Петра Алексѣевича Разумовскаго, проданной съ публичнаго торга въ Одессѣ, около 1839 года.

Второе поколѣніе Разумовскихъ уже совершенно утратило свой первобытный типъ. При родоначальникахъ семьи этой произошелъ въ Россіи тотъ переломъ, на который мы указываемъ во второй части нашей монографіи, переломъ, имѣвшій огромное значеніе

[1]) Mémoires de Catherine II. 113.

для Россіи, гибельныя послѣдствія котораго ощущаются до сихъ поръ. Первые Разумовскіе родились и навсегда остались истыми хохлами, страстно любившими свою родину. Второе же поколѣніе, за немногими исключеніями, представляетъ намъ рядъ гордыхъ и неприступныхъ космополитовъ, преисполненныхъ феодальными предразсудками, наивно вѣровавшихъ въ величіе своего рода, едва говорившихъ по-русски. Ихъ Вигель въ запискахъ своихъ крайне мѣтко прозвалъ «русскими Монморанси».

Мы думаемъ не безъинтересно будетъ ближе познакомиться съ невѣроятнымъ случаемъ регистроваго казака и прослѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ сыновья простого хохла переобразовались въ французскихъ и нѣмецкихъ аристократовъ. Съ этою цѣлью мы уже давно собираемъ всякія данныя о семействѣ Разумовскихъ, усердно перебирая семейные и государственные архивы. Первая часть труда нашего появилась уже въ печати въ 1868 году (XVIII-й вѣкъ—сборникъ, издаваемый П. И. Бартеневымъ, часть II), но съ тѣхъ поръ мы познакомились съ богатѣйшимъ архивомъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кириловича Разумовскаго, намъ сообщены были многія интересныя бумаги и преданія Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ и покойною Маріею Алексѣевною Крыжановскою, рожденною Перовскою; графъ А. С. Уваровъ и князь Н. В. Репнинъ передали въ наше полное распоряженіе все то, что въ богатыхъ семейныхъ архивахъ ихъ касается до семейства Разумовскихъ и что было намъ доселѣ знакомо только въ отрывкахъ; наконецъ много напечатано было съ тѣхъ поръ новыхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII вѣку въ разныхъ сборникахъ, повременныхъ изданіяхъ и другихъ чисто историческихъ сочиненіяхъ.

Архивъ князя Андрея Кириловича Разумовскаго († 1837), послѣ смерти второй жены его, свѣт. княгини Константины Осиповны, рожденной графини Тюргеймъ, скончавшейся въ 1867 въ Линцѣ (въ Австріи) послѣ продолжительной умственной болѣзни, достался ея двоюродной племянницѣ и воспитанницѣ, графинѣ Георгинѣ фонъ-деръ-Липпе-Бистерфельдъ и Вейсенфельдъ, рожденной Актонъ. Мужъ графини фонъ-деръ-Липпе, графъ Куртъ-Рейнике фонъ-деръ Липпе пожертвовалъ большую часть бумагъ князя Разумовскаго въ нашъ государственный архивъ, все же то, что носило исключительно семейный характеръ, онъ весьма обязательно доставилъ намъ, узнавъ, что мы занимаемся составленіемъ исторіи семейства Разумовскихъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, первая часть труда нашего увеличилась почти вдвое и многое пришлось въ ней переработать заново; вотъ отчего мы рѣшаемся нова издать ее одновременно съ остальными томами, въ которыхъ

помѣщаемъ, нелишенную драматизма, исторію второго поколѣнія Разумовскихъ, равно какъ и интересныя бумаги князя Андрея Кириловича. Объемистая переписка гетмана графа Кирилы Григорьевича и разныя другія бумаги, относящіяся къ первому поколѣнію Разумовскихъ, почерпнутыя частью изъ семейныхъ, частью изъ государственныхъ архивовъ, а нѣкоторыя цѣликомъ перепечатанныя изъ богатаго архива князя С. М. Воронцова, издаваемаго П. И. Бартеневымъ, не имѣютъ, за исключеніемъ немногихъ, строго историческаго интереса, тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ полномъ составѣ, такъ какъ отъ нихъ вѣетъ всею прелестью стародавности. Читая ихъ, невольно переносишься ко временамъ Елизаветы и Екатерины и живешь ежедневною жизнію этой эпохи. Мы именно старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать эту ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч. и проч. относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что́ вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ нашемъ стремленіи къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины. Крайность эта кажется намъ извинительной для археолога. При составленіи нашей монографіи мы не задавались никакими отвлеченными вопросами и по мѣрѣ силъ нашихъ старались избѣгнуть всякой тенденціозности, которая въ настоящее время до того распространилась по всѣмъ отраслямъ нашей литературы. Цѣлью нашею было возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени. Удалось ли это намъ—пусть судитъ благосклонный читатель.

Село Кораллово, Августъ 1879 г.

Розумъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, схватилъ топоръ и бросился на Алексѣя; тотъ пустился бѣжать вокругъ хаты, а отецъ за нимъ. Обѣжавъ нѣсколько разъ хижину, несчастный мальчикъ, видя, что Розумъ его нагоняетъ, проскочилъ подъ ворота и топоръ отца, брошенный ему въ слѣдъ, глубоко врѣзался въ дерево. Послѣ этого случая Алексѣй Григорьевичъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и болѣе туда не возвращался; онъ нашелъ себѣ убѣжище у своего учителя, дьячка Чемерской церкви [1]). Здѣсь онъ окончательно обучился грамотѣ и пѣнію [2]) и по праздникамъ плѣнялъ чуднымъ голосомъ Чемерскихъ прихожанъ. Однажды Натальѣ-Демьяновнѣ приснилось, что въ хатѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды всѣ вмѣстѣ. Мужу она вѣроятно не призналась въ видѣніи, но пересказала сонъ сосѣдямъ, которые надъ нею смѣялись [3]). Дня три спустя, въ началѣ января 1731 года, въ праздничный день, проѣзжалъ черезъ Чемеръ полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, возвращавшійся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для Императрицы Анны Ивановны [4]). Вишневскій зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка Чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и поскакалъ съ доброжелателемъ своимъ въ сѣверную столицу.

Третій сынъ Григорія и Наталіи Розумовъ—Кирила, родился 18 марта 1728 года [5]). Будучи ребенкомъ, онъ ходилъ за отцовскими волами. „Сыновья мои родились счастливыми: когда Алеша хаживалъ съ крестьянскими ребятишками по орѣхи и грибы, онъ ихъ всегда набиралъ вдвое болѣе, чѣмъ товарищи, а волы, за которыми ходилъ Кирюша, никогда не заболѣвали и не сбѣгали со двора“, говаривала

---

[1]) Сообщено, равно какъ и другія подробности о молодости Разумовскихъ, Г. П. Галаганомъ, который разсказы эти слышалъ отъ своей тётки Вѣры Ивановны Чорбиной, рожденной Галаганъ, скончавшейся 80-ти лѣтъ въ 1840 году; она была правнукою Натальи Демьяновны и жила въ Батуринѣ, у графа Кирилы Григорьевича въ послѣдніе года его жизни.

[2]) Manstein, Memoires sur la Russie, т. II, стр. 221.

[3]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи“, т. II, ст. 635.

[4]) Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, т. I, ст. 361.

[5]) Въ запискѣ подъ заглавіемъ: „Знаніе дому фамиліи Его Высокографскаго Сіятельства Генералъ-Фельдмаршала Кирилы Григорьевича Разумовскаго“, хранящейся въ архивѣ гр. Уварова, годомъ рожденія гетмана показанъ 1724 годъ. Это ввело насъ въ заблужденіе въ первомъ изданіи. Съ тѣхъ поръ мы нашли другой старѣйшій списокъ той же записки (въ бумагахъ покойной М. А. Крыжановской), гдѣ вмѣсто 1724 года выставленъ 1728 годъ, что вполнѣ согласно съ показаніями прочихъ біографовъ гетмана и надгробною надписью въ Батуринѣ.

среди Лемёшей, по правую сторону почтовой дороги отъ Козельца въ Черниговъ. Въ длину съ сѣнями и каморою обращена была она къ улицѣ и находилась отъ нея шагахъ въ двадцати, среди огорода, на которомъ изрѣдка стояли фруктовыя деревья. Наружнымъ видомъ она не отличалась отъ прочихъ ее окружавшихъ хатъ, а по величинѣ и чистой отдѣлкѣ оконъ и дверей ее можно было принять за хату довольно зажиточнаго крестьянина. Она была аршинъ $8^1/_2$ или 9 въ длину и столько же въ ширину. Внутри стѣны были выбѣлены. Вышина хаты была $3^3/_4$ аршина. На потолкѣ во всю длину красовался сволокъ, т.-е. поперечная балка, поддерживающая потолокъ, на которой малороссіяне вырѣзываютъ имена, молитвы и пр. Сволокъ обыкновенно свято хранится и при перестройкахъ переносится изъ старой хаты въ новую. На сволокѣ Лемёшевской хаты вырѣзана была славянскими буквами подъ титлами слѣдующая надпись: „Благословеніемъ Бога Отца, поспѣшеніемъ Сына (затѣмъ изображеніе креста), содѣйствіемъ Святаго Духа создася домъ сей рабы Божіей Наталіи Розумихи. Року 1711 маія 5 дня". Слова: „Наталіи Розумихи" приписаны были какъ-бы другимъ почеркомъ. Въ такомъ видѣ сохранялась хата эта до 16 іюня 1854 года, когда пожаръ уничтожилъ ее до тла. Старожилы помнили и надпись и всю хату всегда въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее пожаръ [1]). Хата эта съ окружающею ее левадою принадлежала Г. П. Галагану, происходящему по женской линіи отъ Натальи Демьяновны. Г. П. Галаганъ дорожилъ хатою Разумовскихъ: всѣ плетни вокругъ нея были разобраны и при ней постоянно находился сторожъ. Въ этой-то хижинѣ жили Розумы и родились младшія ихъ дѣти. Всего было ихъ шестеро: три сына: Данило, Алексѣй и Кирила, и три дочери: Агаѳья, Анна и Вѣра. О первомъ мы ничего не знаемъ; онъ былъ, кажется, гораздо старѣе братьевъ и умеръ задолго до 1741 г., оставивъ на попеченіи Натальи Демьяновны дочь свою, Авдотью Даниловну. Второй сынъ Натальи Демьяновны — Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемёшахъ 17 марта 1709 года. Онъ былъ сперва пастухомъ общественныхъ стадъ [2]). Его привлекательная наружность, пріятный голосъ и охота къ ученію обратили на него вниманіе мѣстнаго духовенства. Григорію Яковлеву, вѣчно пьяному, не по сердцу была грамота, и сынъ тайкомъ ходилъ учиться къ дьячку села Чемеръ [3]), къ приходу котораго принадлежали Лемёши. Однажды Григорій, возвратясь изъ шинка, засталъ сына своего за книгою. Уже не разъ доставалось мальчику за страсть къ ученію. Разсерженный

[1]) „Москвитянинъ", 1855 года, № 6, стр. 187—188.

[2]) Марковичъ „Исторія Малороссіи", т. II, ст. 635.

[3]) Село Чемеръ принадлежало потомъ Будлянскимъ (см. ниже); нынѣ принадлежитъ г. Пашковскому.

Розумъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, схватилъ топоръ и бросился на Алексѣя; тотъ пустился бѣжать вокругъ хаты, а отецъ за нимъ. Обѣжавъ нѣсколько разъ хижину, несчастный мальчикъ, видя, что Розумъ его нагоняетъ, проскочилъ подъ ворота и топоръ отца, брошенный ему въ слѣдъ, глубоко врѣзался въ дерево. Послѣ этого случая Алексѣй Григорьевичъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и болѣе туда не возвращался; онъ нашелъ себѣ убѣжище у своего учителя, дьячка Чемерской церкви [1]). Здѣсь онъ окончательно обучился грамотѣ и пѣнію [2]) и по праздникамъ плѣнялъ чуднымъ голосомъ Чемерскихъ прихожанъ. Однажды Натальѣ-Демьяновнѣ приснилось, что въ хатѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды всѣ вмѣстѣ. Мужу она вѣроятно не призналась въ видѣніи, но пересказала сонъ сосѣдямъ, которые надъ нею смѣялись [3]). Дня три спустя, въ началѣ января 1731 года, въ праздничный день, проѣзжалъ черезъ Чемеръ полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, возвращавшійся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для Императрицы Анны Ивановны [4]). Вишневскій зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка Чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и поскакалъ съ доброжелателемъ своимъ въ сѣверную столицу.

Третій сынъ Григорія и Наталіи Розумовъ—Кирила, родился 18 марта 1728 года [5]). Будучи ребенкомъ, онъ ходилъ за отцовскими волами. „Сыновья мои родились счастливыми: когда Алеша хаживалъ съ крестьянскими ребятишками по орѣхи и грибы, онъ ихъ всегда набиралъ вдвое болѣе, чѣмъ товарищи, а волы, за которыми ходилъ Кирюша, никогда не заболѣвали и не сбѣгали со двора“, говаривала

---

[1]) Сообщено, равно какъ и другія подробности о молодости Разумовскихъ, Г. П. Галаганомъ, который разсказы эти слышалъ отъ своей тётки Вѣры Ивановны Чорбиной, рожденной Галаганъ, скончавшейся 80-ти лѣтъ въ 1840 году; она была правнукою Натальи Демьяновны и жила въ Батуринѣ, у графа Кирилы Григорьевича въ послѣдніе года его жизни.

[2]) Manstein, Memoires sur la Russie, т. II, стр. 221.

[3]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи“, т. II, ст. 635.

[4]) Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, т. I, ст. 361.

[5]) Въ запискѣ подъ заглавіемъ: „Знаніе дому фамиліи Его Высокографскаго Сіятельства Генералъ-Фельдмаршала Кирилы Григорьевича Разумовскаго“, хранящейся въ архивѣ гр. Уварова, годомъ рожденія гетмана показанъ 1724 годъ. Это ввело насъ въ заблужденіе въ первомъ изданіи. Съ тѣхъ поръ мы нашли другой старѣйшій списокъ той же записки (въ бумагахъ покойной М. А. Крыжановской), гдѣ вмѣсто 1724 года выставленъ 1728 годъ, что вполнѣ согласно съ показаніями прочихъ біографовъ гетмана и надгробною надписью въ Батуринѣ.

впослѣдствіи Наталья Демьяновна, но въ настоящую пору, т.-е. послѣ отъѣзда сына Алексѣя, она счастіемъ похвастаться не могла. Наоборотъ, судьба ея была крайне горька. Мужъ спился съ кругу и умеръ [1]), старшій сынъ умеръ также, оставивъ на попеченіи матери малолѣтнюю дочь; второй сынъ, который могъ бы быть подмогою для семьи, пропалъ безъ вѣсти; однимъ словомъ Розумиха совершенно упала духомъ. Голодающихъ дѣтей нечѣмъ было прокормить. Въ отчаяніи Наталья Демьяновна рѣшилась идти въ Козелецъ, надѣясь милостынею добыть кусокъ насущнаго хлѣба. „Ну", говорила она дорогою, „если денегъ не достану, такъ придется идти мазать хаты", и тутъ же дала обѣтъ, въ случаѣ нежданной помощи, отслужить молебенъ въ Козелецкой церкви. Едва успѣла она это подумать, какъ увидала на дорогѣ ножикъ, оправленный золотомъ, оброненный вѣроятно какимъ-нибудь проѣзжимъ. Розумиха подняла ножъ, продала его въ Козельцѣ и на вырученныя деньги сперва отслужила молебенъ, а потомъ уже накупила хлѣба для голодающей семьи. Вернувшись въ Лемёши, Наталья Демьяновна получила первое извѣстіе о пропавшемъ сынѣ [2]).

Счастіе улыбнулось Алексѣю Розуму съ перваго дня его пріѣзда въ Петербургъ. Вишневскій представилъ своего питомца тогдашнему оберъ-гофмаршалу, графу Рейнгольду Левенвольду, который сейчасъ же помѣстилъ молодого малороссіянина въ придворный хоръ [3]). Тутъ онъ встрѣтилъ много земляковъ. Въ то время почти всѣ высшія духовныя должности заняты были „черкасами" и придворные пѣвчіе набирались исключительно въ Малороссіи. Такъ, Марковичъ въ любопытныхъ запискахъ своихъ разсказываетъ, что въ 1732 году въ Глуховѣ „пѣли въ церкви св. Николая пѣвчіе многіе, присланные по требованію гетмана (Даніила Апостола) отъ архіерея кіевскаго и другихъ, для двора государыни" [4]).—При большомъ дворѣ Алексѣй Розумъ

---

[1]) Въ 1760 году Алексѣй и Кирила Григорьевичи надъ могилою родителя соорудили каменный храмъ во имя трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Причетъ лемёшевскій уже не знаетъ ни времени кончины Григорія Яковлевича, ни точнаго мѣста его погребенія. Въ церкви сохранилась бумага, обязательно сообщенная намъ въ спискѣ А. Ѳ. Бодровымъ. Изъ этой бумаги видно, что Лемёши принадлежали брату Натальи Демьяновны, бунчуковому товарищу Денису Демьяновичу Стрѣшенцову, который ихъ завѣщалъ племяннику своему графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. Кирила Григорьевичъ въ свою очередь подарилъ ихъ въ 1791 году своей родственницѣ Матренѣ Герасимовнѣ Тепловой (женѣ извѣстнаго Григорія Николаевича) съ обязательствомъ ея и ея наслѣдниковъ вѣчно вносить въ лемёшевскую церковь по 25 рублей въ годъ.

[2]) Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной—сообщено Г. П. Галаганомъ.

[3]) Manstein, Mémoires sur la Russie, II, 221, и Helbig, Russische Günstlinge, ст. 210.

[4]) Записки Марковича, I, 397.

который получилъ званіе гофъ-интенданта. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина.—Сама Елизавета называетъ его въ письмахъ: „другомъ нелицемѣрнымъ“. „Другъ мой нелицемѣрный“, писала она къ Михаилу Илларіоновичу Воронцову, „велѣлъ поклониться вамъ, а теперь я ему не велѣла писать“ [1]). „Притомъ же просилъ меня Алексѣй Григорьевичъ“, сообщала она ему же въ 1739 году, „дабы я вамъ отписала, чтобы вы на него не прогнѣвались, что онъ не пишетъ къ вамъ, для того, что столько боленъ былъ, что не безъ опасенія:—превеликій жаръ. Однакожъ, слава Богу, что этотъ жаръ перервали, и сдѣлалась лихорадка, и еще съ постели не вставалъ, однакожъ де теперь безъ опасенія; и приказалъ свой должный поклонъ отдать и желаетъ васъ скорѣе видѣть“ [2]). У Разумовскаго заискивали самые вліятельные при Цесаревнѣ люди. Мавра Егоровна Шувалова упоминаетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ: „Отдаю мой поклонъ милостивому государю А. Г. и прошу его ласки ко мнѣ“ [3]). „Хору честному воспѣвальному, товарищамъ, отдаю мой поклонъ, а особливо Алексѣю Григорьевичу и прошу покорно въ доброй памяти содержать“ [4]), приписывалъ къ письму жены Петръ Ивановичъ Шуваловъ.—„Милостивому моему государю А. Г. отдаю поклонъ и прошу бутылку шампанскаго прислать ко мнѣ на дорогу. Ей-Богу, пью горѣлку“ [5]), писала еще изъ Торжка Мавра Егоровна. Самые близкіе родственники Цесаревны, какъ, напримѣръ, двоюродный братъ ея Андрей Симоновичъ Гендриковъ, обращались къ Разумовскому съ просьбами о заступничествѣ и о сохраненіи въ милости [6]).—Въ правленіе Анны Леопольдовны Алексѣй Григорьевичъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Немногіе придворные, ее окружавшіе, преклонили голову передъ юнымъ любимцемъ и смотрѣли на него уже тогда, какъ на тайнаго супруга Великой Княгини [7]).

Случай Алексѣя Григорьевича отозвался и въ Лемёшахъ. Цесаревна была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Малороссіею. Пріѣзжіе изъ Украйны являлись къ ней, привозили письма отъ гетмана, кутили съ ея пѣвчими, бандуристами и камеръ-лакеями и водили дружбу съ духовниками. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ пріѣзжихъ малороссіянъ Алексѣй Григорьевичъ переписывался съ семьею. Дѣла Розумихи поправились.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, I, 12.
[2]) Тамъ же, I, 7.
[3]) Тамъ же, I, 82.
[4]) Тамъ же, I, 85.
[5]) Тамъ же, I.
[6]) Тамъ же, I.
[7]) Helbig, Russ. Gunst., 210.

Михайловъ [1]) и секретарь Петръ Мировичъ [2]). Въ концѣ 1731 года Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ-называемый каменный мѣшокъ и, наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на Великую Княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что Елизавета намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, Цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди непріязненнаго къ ней петербургскаго двора. Дочь Екатерины, непомнившей родства, возросшая среди птенцовъ великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елизавета Петровна была вполнѣ чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. Постоянно подозрѣваемая, окруженная шпіонами, она поневолѣ жила въ сомкнутомъ кружкѣ своего маленькаго двора, избѣгая всякаго новаго знакомства, всякаго сближенія съ лицами, игравшими видную роль въ свѣтѣ. Но если бы Елизавета Петровна и желала окружить себя Рюриковичами или потомками Гедимина, едва ли бы удалось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, послѣ смерти матери и отъѣзда сестры въ Голштинію, одна, безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или, вѣрнѣе, вовсе не воспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, Цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего и по неволѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братіею. Послѣ ссылки Шубина, Елизавета обратила свое вниманіе на молодого Розума, потерявшаго свой голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы [3]). Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не Розумъ, а Разумовскій—произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ Цесаревиныхъ имѣній [4]); мало-по-малу и другія недвижимыя имущества, а вслѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елизаветы Петровны очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича,

---

[1]) Рукописный дневникъ Ханенки и Архивъ князя Воронцова, I, 21.
[2]) Зап. Марковича, I, 268.
[3]) Helbig, Russische Günstlinge, 210.
[4]) Manstein, Mem. sur la Russie, II, 221.

который получилъ званіе гофъ-интенданта. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина.—Сама Елизавета называетъ его въ письмахъ: „другомъ нелицемѣрнымъ“. „Другъ мой нелицемѣрный“, писала она къ Михаилу Иларіоновичу Воронцову, „велѣлъ поклониться вамъ, а теперь я ему не велѣла писать“ [1]). „Притомъ же просилъ меня Алексѣй Григорьевичъ“, сообщала она ему же въ 1739 году, „дабы я вамъ отписала, чтобы вы на него не прогнѣвались, что онъ не пишетъ къ вамъ, для того, что столько боленъ былъ, что не безъ опасенія:—превеликій жаръ. Однакожъ, слава Богу, что этотъ жаръ перервали, и сдѣлалась лихорадка, и еще съ постели не вставалъ, однакожъ де теперь безъ опасенія; и приказалъ свой должный поклонъ отдать и желаетъ васъ скорѣе видѣть“ [2]). У Разумовскаго заискивали самые вліятельные при Цесаревнѣ люди. Мавра Егоровна Шувалова упоминаетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ: „Отдаю мой поклонъ милостивому государю А. Г. и прошу его ласки ко мнѣ“ [3]). „Хору честному воспѣвальному, товарищамъ, отдаю мой поклонъ, а особливо Алексѣю Григорьевичу и прошу покорно въ доброй памяти содержать“ [4]), приписывалъ къ письму жены Петръ Ивановичъ Шуваловъ.—„Милостивому моему государю А. Г. отдаю поклонъ и прошу бутылку шампанскаго прислать ко мнѣ на дорогу. Ей-Богу, пью горѣлку“ [5]), писала еще изъ Торжка Мавра Егоровна. Самые ближніе родственники Цесаревны, какъ, напримѣръ, двоюродный братъ ея Андрей Симоновичъ Гендриковъ, обращались къ Разумовскому съ просьбами о заступничествѣ и о сохраненіи въ милости [6]).—Въ правленіе Анны Леопольдовны Алексѣй Григорьевичъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Немногіе придворные, ее окружавшіе, преклонили голову передъ юнымъ любимцемъ и смотрѣли на него уже тогда, какъ на тайнаго супруга Великой Княгини [7]).

Случай Алексѣя Григорьевича отозвался и въ Лемѣшахъ. Цесаревна была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Малороссіею. Пріѣзжіе изъ Украйны являлись къ ней, привозили письма отъ гетмана, кутили съ ея пѣвчими, бандуристами и камеръ-лакеями и водили дружбу съ духовниками. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ пріѣзжихъ малороссіянъ Алексѣй Григорьевичъ переписывался съ семьею. Дѣла Розумихи поправились.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, I, 12.
[2]) Тамъ же, I, 7.
[3]) Тамъ же, I, 82.
[4]) Тамъ же, I, 85.
[5]) Тамъ же, I.
[6]) Тамъ же, I.
[7]) Helbig, Russ. Gunst., 210.

На присланную отъ сына, разумѣется сначала незначительную, подмогу она завела корчму, что̀ въ Малороссіи не имѣло унизительнаго значенія и, благодаря смышлености своей, отлично повела дѣла свои. Дочерей она поспѣшила выдать замужъ—старшую Агаѳью за ткача Уласа (Власа) Климовича; вторую—Анну—за закройщика Осипа Лукьянова Закревскаго, а меньшую Вѣру за регистроваго казака Ефима Ѳедорова Драгана. Какъ ни скромны были эти партіи, все же, послѣ недавней крайней нужды, онѣ Розумихѣ должны были показаться благословеніемъ свыше.—Меньшаго сына своего, Кирилу, Наталья Демьяновна вѣроятно отдала на выучку тому же Чемерскому дьячку, съ легкой руки котораго такъ повезло Алексѣю Григорьевичу. Страстно привязанный къ родинѣ и къ семьѣ, Алексѣй Разумовскій радѣлъ о ней среди относительной роскоши своей теперешней жизни, и хотя Кирила Григорьевичъ любилъ вспоминать впослѣдствіи про времена, когда онъ ходилъ за волами, покрикивая: „цопъ, цопъ“, однако дѣтство его протекло при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ дѣтство брата. Уже въ Лемёшахъ онъ получилъ начатки образованія. Нѣтъ возможности допустить, чтобы два года позднѣйшихъ путешествій могли бы до того измѣнить юнаго пастуха, если бы почва не была подготовлена, хотя бы весьма недостаточнымъ воспитаніемъ.—Впрочемъ, у насъ есть прямыя доказательства сношеній Разумовскаго съ семьею.—Въ 1737 году Елизавета отправила въ Малороссію довѣреннаго камердинера своего Игнатія Полтавцева и дала ему письмо къ полтавскому полковнику, Андрею Андреевичу Горленкѣ, часто ее навѣщавшаго, какъ видно изъ дневника Ханенки, во время продолжительныхъ пребываній его въ Петербургѣ.

„Благородный господинъ Андрей Андреевичъ“, писала къ Горленкѣ Елизавета отъ 11 іюля 1737 года, „посланъ отъ насъ въ Малороссію за *нашими нуждами* камердинеръ нашъ Игнатій Полтавцевъ и ежели онъ о чемъ у васъ о своихъ нуждахъ просить будетъ, прошу, по вашей къ намъ благосклонности, въ томъ его не оставить. Въ чемъ на васъ и не безнадежна остаюсь вамъ доброжелатная Елизаветъ“ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что нужды, о которыхъ упоминаетъ Цесаревна, главнымъ образомъ, относились до жителей Лемёшъ.—Слухъ о случаѣ Алексѣя Григорьевича изъ Лемёшей распространился по всей Малороссіи. „И я, матушка, столько рада, что могла достать Вашему Высочеству хорошихъ хлопцевъ“..., писала изъ Нѣжина Мавра Егоровна Шувалова, отъ 2 марта (вѣроятно) 1738 г., „....и съ великою охотою отдаютъ къ Вашему В. хлопцовъ отцы и родня; *слышутъ, каковы къ нимъ милости и какъ содержите*“.

---

[1]) Марковичъ, „Ист. Малороссіи“, II, 631.

Но самое прямое указаніе на отношенія не только Разумовскаго, но и самой Цесаревны къ Натальѣ Демьяновнѣ, находимъ мы въ слѣдующемъ письмѣ Великой Княгини къ кіевскому полковнику Антону Михайловичу Танскому: „Благородный господинъ полковникъ,—писала она отъ 8 мая 1741 изъ Петербурга, — я уповаю, что вы, г. полковникъ, по сему письму не оставите имѣть великую благосклонность къ охраненію двора нашего гофъ-интенданта Алексѣя Григорьевича матери его Натальи Демьяновны Разумовой, что въ приключившихся ея нуждахъ и являемыхъ ей обидахъ особливѣйшимъ охраненіемъ содержать изволите; ибо сіе зависитъ въ диспозиціи вашего благородія, въ чемъ полагаясь на васъ, остаюсь вамъ доброжелательною — Елисаветъ“ [1]).

Но судьба готовила семейству Разумовскихъ еще бо́льшее возвышеніе, отъ котораго далеки были даже самыя блестящія представленія ихъ о будущемъ величіи.

ГЛАВА II.

Воцареніе Елизаветы. — Тайный бракъ. — Отправленіе Кирилы Григорьевича за границу.

Анна Ивановна скончалась 17-го октября 1740 года. На русскомъ престолѣ очутился двухъ-мѣсячный ребенокъ. Уже давно чуялось на Руси, во всѣхъ слояхъ общества, недовольство. Недовольство это, сдерживаемое при Аннѣ страхомъ пытокъ, ссылокъ и казней, стало теперь громко высказываться. Отъ слабой, нерѣшительной, неопрятной правительницы, глаза всѣхъ невольно обращались на статную и красивую Цесаревну, свою, русскую, а не иноземку, въ которой какъ-бы воплотилась древняя народная сказка о царь-дѣвицѣ. — Еще недавно забытая и униженная, Елизавета стала вдругъ надеждою русскаго народа. При дворѣ переворотъ слѣдовалъ за переворотомъ. Минихъ свергнулъ Бирона, Остерманъ Миниха, — шаткость правительства была очевидна. Иностранцы по прежнему всѣмъ заправляли. Графъ Линаръ и Менгдены окружали Анну Леопольдовну и ею распоряжались, какъ хотѣли. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга загорѣлась война со шведами. Шведскій главнокомандующій,

---

[1]) Изъ бумагъ семейства Танскихъ, принадлежащихъ П. А. Васильчикову.

графъ Левенгауптъ, издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что вступилъ въ русскія владѣнія только съ тѣмъ, чтобы быть удовлетвореннымъ за многочисленныя неправды, причиненныя Швеціи господствовавшими надъ Россіею иностранными министрами.—Безпокойный маркизъ де-ла-Шетарди уже давно хлопоталъ о государственномъ переворотѣ.—Елизавета долго не рѣшалась, но теперь явно наступила благопріятная минута, и она стала дѣйствовать съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и вполнѣ женскою тонкостію, отклоняя всякое, могущее ее стѣснить въ будущемъ, обязательство.

Дня за три до восшествія своего на престолъ, Елизавета Петровна собрала „малѣйшій консиліумъ“ изъ кавалеровъ своего двора. Правительница Анна Леопольдовна въ этотъ день намекнула Цесаревнѣ, что по городу ходятъ слухи о сношеніяхъ ея съ шведами и французскимъ посланникомъ. Терять времени нельзя было; всѣ кавалеры настаивали на томъ, чтобы Елизавета дѣйствовала немедленно и рѣшительно. При этомъ Разумовскій сказалъ: „сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отчего сынове россійстіи могутъ придти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего“. На слова эти Цесаревна отвѣчала: „подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ“. При этихъ словахъ всѣ присутствующіе прослезились [1]).

Въ ночь переворота съ 24 на 25 ноября 1741 года, въ то время, какъ Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова и Шварца, объѣзжала гвардейскія казармы и занимала дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ оставался наблюдать за порядкомъ въ домѣ Цесаревны на Царицыномъ лугу [2]). Туда сама Елизавета перевезла въ саняхъ павшую правительницу вмѣстѣ съ Императоромъ Иваномъ Антоновичемъ и его сестрою [3]).

Въ 8 часовъ утра 25 ноября готовъ былъ манифестъ. Елизавета надѣла на себя андреевскую ленту, провозгласила себя полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и при восторженныхъ кликахъ народа переѣхала изъ своего дома въ зимній дворецъ, находившійся неподалеку отъ Полицейскаго моста. Придворные Елизаветы, на которыхъ еще вчера свысока смотрѣли Левенвольды, Менгдены, Головкины, Минихи,—стали первыми вельможами въ государствѣ. 30 ноября, въ

[1]) Пекарскій, Маркизъ де ла-Шетарди, 429.

[2]) Die Merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Kaysers Peters des Dritten и пр. v. einem Freunde der Wahrheit, 102.

[3]) Маркизъ де ла-Шетарди, 401.

день св. Апостола Андрея Первозваннаго, Петръ и Александръ Ивановичи Шуваловы, Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій пожалованы были въ дѣйствительные камергеры, а два послѣдніе, кромѣ того, въ поручики лейбъ-кампаніи съ чиномъ генералъ-поручиковъ.

„Воронцовъ и Разумовскій, — писалъ къ графу Брюлю саксонскій секретарь посольства Пецольдъ отъ 25 января 1742,—люди, не имѣющіе никакого понятія о военномъ дѣлѣ, были однакоже зачислены въ лейбъ-кампанію, по той причинѣ, чтобы дать имъ возможность пользоваться жалованьемъ, сопряженнымъ съ такими должностями и тѣмъ самымъ уменьшить расходы по кассамъ“ [1]).

Слухъ о перемѣнахъ въ Петербургѣ быстро дошелъ до Малороссіи, а въ Малороссіи и до Лемѣшъ.

„Была у меня“, пишетъ Ханенко 15 января 1742 года, „изъ села Лемѣшовъ новопожалованнаго дѣйствительнаго камергера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матка Наталья Демьянова дочь и вручила письмо для пересылки къ оному сыну“ [2]). Такимъ образомъ, извѣстное преданіе о томъ, какъ пріѣхавшаго изъ Петербурга офицера за г-жею Разумовскою крестьяне встрѣтили съ удивленіемъ и отвѣчали на его разспросы: „въ насъ зъ роду не було такой пани, а е коли бажаете хата Розумихи-вдовы“, и о томъ, что захваченная въ-расплохъ Наталья Демьяновна воскликнула: „пане ясневельможный, ты хлопецъ добрій, не глазуй зъ мене, що я тобы подіяла, чи не срамъ тоби снущаться у бидной вдовы“, — оказывается не болѣе, какъ выдумкою. Какъ мы видѣли выше, слухъ о случаѣ Алексѣя Григорьевича уже давно ходилъ по Украйнѣ, а госпожу Разумовскую знали не только по всему околотку, но даже и въ Глуховѣ. Къ тому же, Алексѣй Григорьевичъ, какъ видно изъ письма его къ матери отъ 5-го іюля 1744 (см. ниже), купилъ ей домъ въ Козельцѣ, по крайней мѣрѣ, онъ въ 1744 году упоминаетъ о *старомъ* своемъ Козелецкомъ домѣ. За Наталіею Демьяновною точно отправленъ былъ курьеръ, но позднѣе, теперь было не до того. Послѣ быстраго переворота надо было осмотрѣться, ждали наслѣдника престола, слѣдовало думать о коронаціи въ Москвѣ. Въ началѣ февраля 1742 года прибылъ племянникъ новой Государыни, герцогъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскій Петръ-Ульрихъ. Елизавета немедленно пожаловала ему ленту св. Андрея Первозваннаго съ брилліантовою звѣздою, а герцогъ съ своей стороны назначилъ Михаила Илларіоновича Воронцова и Алексѣя Григорьевича Разумовскаго кавалерами, учрежденнаго отцомъ его, въ

[1]) „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“, VI, 396.

[2]) Рукописный дневникъ Н. Д. Ханенки.

память покойной Цесаревны Анны Петровны, голштинскаго ордена св. Анны [1]). Въ концѣ февраля дворъ переѣхалъ въ Москву, а 25 апрѣля Государыня торжественно короновалась въ Успенскомъ соборѣ. Милости посыпались на Алексѣя Григорьевича. Въ самый день коронованія Разумовскій, несшій въ церемоніи шлейфъ Государыни и отправлявшій при церемоніальныхъ обѣдахъ, за тропомъ, должность оберъ-шенка, былъ пожалованъ оберъ-егермейстеромъ и получилъ прямо (помимо Александровской ленты) знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. „Жалованъ Алексѣй Григорьевичъ, нашъ патріотъ въ кавалеры бликитной ленты", пишетъ Марковичъ [2]). 13 іюня того же года пожаловано ему было изъ собственныхъ императрициныхъ вотчинъ: можайскаго уѣзда, село Троицкое-Болычево, село Рождественно-Порѣчье [3]), да село Николаевское-Карачарово съ заводами. Въ московскомъ уѣздѣ село Знаменское [4]); 30 того же іюня Алексѣй Григорьевичъ получилъ изъ Миниховыхъ вотчинъ въ Малороссіи: въ городѣ Носовкѣ, по рѣкѣ Вербѣ, и въ селѣ Адамовкѣ хутора; въ селѣ Козарахъ, на рѣкѣ Острѣ, мельницу; того же года августа 27-го изъ бывшихъ имѣній Неплюева—мѣстечки Ропскъ и Бакланъ [5]).

Послѣ коронованія отправленъ былъ нарочный за Наталіею Демьяновною въ Лемёши. Розумиха собралась, какъ кажется, на-легкѣ съ сыномъ и внучкою. Судя по дневнику Ханенки, ее провожали полковникъ кіевскій Михаилъ Танскій съ братомъ Іосифомъ, сынъ Нѣжинскаго полковника Божича, полковой обозничный кіевскій Подвисоцкій, Афендикъ и другіе [6]). За нѣсколько станцій до Москвы, навстрѣчу къ матери выѣхалъ Алексѣй Григорьевичъ. Сохранилось преданіе о томъ, что Наталья Демьяновна не узнала въ блестящемъ царедворцѣ своего сына; онъ принужденъ былъ раздѣться, чтобы по родимымъ пятнамъ убѣдить мать, что онъ точно сынъ ея.

Наталью Демьяновну напудрили, устроили ей высокую модную прическу (теля очипка), нарумянили, нарядили въ модное платье и повезли во дворецъ, предупредивъ ее, что она должна пасть на ко-

---

[1]) „Сбор. Русс. Ист. Общества", VI, 413. Депеша Пецольда отъ 24 февраля 1742.

[2]) Зап. Марковича, II, 162.

[3]) Сёла Порѣчье и Карачарово московской губерніи, можайскаго уѣзда, принадлежатъ теперь правнуку гетмана графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго — графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову. Въ великолѣпномъ домѣ находятся богатѣйшія библіотеки и древлехранилище. Село Болычево принадлежитъ г. Редлиху.

[4]) Село Знаменское-Денисьево, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ кн. В. М. Голицыну.

[5]) См. ниже жалов. грамоту отъ 13 мая 1734. Ропскъ и Бакланъ до Неплюева принадлежали Меньшикову. Бакланъ принадлежитъ г-жѣ Головиной, рожд. кн. Урусовой, внукѣ графини Уваровой, рожд. Разумовской.

[6]) Смотри ниже.

Новый оберъ-егермейстеръ и Андреевскій кавалеръ, предъ которымъ раболѣпствовали теперь не только немногіе придворные захудалаго двора Цесаревны, но и первые магнаты имперіи, чувствовалъ, однако, какъ мало подготовленъ онъ былъ къ своему положенію и какъ необходимо было ему окружить себя людьми, которые могли бы выводить его изъ той затруднительной обстановки, въ которую, даже и въ то нехитрое и невзыскательное время, безпрестанно ставило его совершенное отсутствіе всякаго образованія. У Алексѣя Григорьевича въ выборѣ людей было какое-то особенное природное чутье; почти всѣ при немъ служившіе были людьми замѣчательными.

Первымъ, какъ по давности знакомства съ Разумовскими, такъ и по вліянію, которое онъ постоянно имѣлъ на всю ихъ семью, стоитъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, сынъ жены истопника въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ, отчего и получилъ онъ фамилію Теплова [1]), и воспитанникъ знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ, учрежденной Ѳеофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время учился за-границею. Онъ воротился оттуда въ 1736 г., поступилъ въ Академію наукъ и пристроился къ Артемію Петровичу Волынскому, который никогда, по свидѣтельству Гельбига, не покровительствовалъ невѣжеству [2]). Съ необыкновенною ловкостью выпутался онъ изъ-подъ суда во время гибели Волынскаго, перешелъ къ занятіямъ ученымъ, назначенъ переводчикомъ при Академіи, а въ 1741 г. адъюнктомъ. Тутъ онъ сталъ искать покровительства у новаго временщика и сдѣлался необходимымъ въ домѣ Разумовскаго. Отъ своего воспитателя Тепловъ наслѣдовалъ большую ученость, соединенную съ весьма широкими понятіями о томъ, какъ обходиться съ людьми сильными и какъ обхожденіе съ ними согласовать со степенью ихъ силы.

Другая личность, состоявшая при Алексѣѣ Григорьевичѣ, былъ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, ученикъ Миллера, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ академической гимназіи въ Петербургѣ и первый адъюнктъ изъ русскихъ въ Академіи наукъ. Онъ также довершилъ воспитаніе свое за-границей и первый составилъ грамматику русскаго языка [3]). Ададуровъ при графѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря и исполнялъ эту должность, какъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже письма, даже въ то время, когда сдѣлался преподавателемъ русскаго языка при Екатеринѣ-Великой. По представленію Алексѣя Григорьевича, Ададуровъ получилъ, позднѣе, мѣсто у канцлера графа Бестужева; впослѣдствіи былъ онъ куратором московскаго университета.

---

[1]) Helbig, Russische Günstlinge, 313.

[2]) Тамъ же. Въ 1736 г. умеръ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[3]) Куникъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ".

Къ этимъ двумъ личностямъ прибавимъ еще Александра Петровича Сумарокова, генеральсъ-адъютанта при А. Г. Разумовскомъ, дослужившагося при своемъ патронѣ до бригадирскаго чина. Его извѣстность началась подъ крыломъ графа. Наконецъ, такимъ же адъютантомъ при Разумовскомъ—и особенно къ нему приближеннымъ—встрѣчаемъ Ивана Перфильевича Елагина, несомнѣнно одного изъ честнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Двумъ первымъ порученъ былъ Кирила Григорьевичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ до 1743 г. начальнымъ ученіемъ старался онъ, подъ ихъ руководствомъ, пополнить свое воспитаніе.

Такимъ образомъ, бывшій пастухъ общественныхъ стадъ, а потомъ пѣвчій придворнаго хора, сталъ на-ряду съ первыми вельможами имперіи, и — странная вещь — быстрое возвышеніе его не породило въ высшихъ петербургскихъ кругахъ особенной зависти или недовольства. „О камергерѣ Разумовскомъ, зачисленномъ также въ лейбъ-кампанію“, доносилъ Пецольдъ отъ 25-го января 1742 г., „здѣсь ходятъ толки, будто отведенные ему во дворцѣ покои граничатъ непосредственно съ опочивальнею Государыни. Разумовскій родомъ полякъ [1]) и хорошъ собою; такъ какъ онъ въ бытность Государыни

---

[1]) Донесеніями Пецольда, весьма, впрочемъ, интересными, должно пользоваться съ крайнею осмотрительностью. Не надо забывать, что онъ принадлежалъ къ Саксонской миссіи, глава которой графъ Линаръ игралъ такую важную роль при правительницѣ; къ тому же, онъ былъ нѣмецъ; благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ онъ весьма недоброжелательно отзывается какъ о самомъ переворотѣ 1741 года, такъ и о приверженцахъ Елизаветы и охотно прислушивался ко всякимъ невыгоднымъ для нихъ слухамъ, которые спѣшитъ вносить въ свои депеши. Слухи эти часто бывали совершенно ложные. Такъ, онъ въ приводимой нами депешѣ говоритъ, что Разумовскій былъ родомъ полякъ, а отъ 2-го марта 1743 г. пишетъ: „О господствующемъ здѣсь непостоянствѣ можно судить по слѣдующимъ двумъ новымъ случаямъ. Сначала было рѣшено, что оберъ-егермейстеръ Разумовскій долженъ подать въ отставку, для того, чтобы уступить свое мѣсто камеръ-юнкеру Панину (Никитѣ Ивановичу), брату жены оберъ-шталмейстера Куракина. Егермейстеръ, бросившись къ ногамъ Императрицы съ разнаго рода увѣреніями, хотя и достигъ того, что остался на мѣстѣ, но все-таки замѣтно, что новый любимецъ (Панинъ) имѣетъ передъ нимъ нѣкоторое преимущество и т. д.“ Во всемъ этомъ анекдотѣ нѣтъ даже и тѣни правды. Точно также считаемъ мы вполнѣ ложнымъ извѣстіе, сообщаемое Пецольдомъ въ депешѣ отъ 7 іюня 1742, о томъ, что „нѣкто камергеръ Строгановъ (баронъ Александръ Сергѣевичъ, впослѣдствіи графъ) до коронаціи еще просилъ о дарованіи ему чина тайнаго совѣтника. Когда объ этомъ было доложено Государынѣ, она, говорятъ, отнеслась къ этому въ высшей степени неодобрительно и удивлялась, какъ могъ выразить подобное требованіе человѣкъ, который только и замѣчателенъ тѣмъ, что умѣетъ добывать огромный ежегодный доходъ съ своихъ соляныхъ промысловъ. Но когда ея извѣстный любимецъ Разумовскій замѣтилъ ей, что при этомъ случаѣ онъ можетъ заработать 3000 червонцевъ—дѣло это не встрѣтило никакихъ препятствій въ дальнѣйшемъ *своемъ ходѣ*“. (*См.* „Сборн. Русск. Истор. Общества“, VI, 482 и 439).

еще Принцессой занималъ у нея должность управляющаго, то никто никогда и не обращалъ на него вниманія. Онъ не отличается ни знаніемъ, ни опытностью, ни тонкостью въ обращеніи, что въ сущности весьма пріятно нѣкоторымъ лицамъ, желающимъ заслужить особыя милости, ибо они могутъ быть, повидимому, вполнѣ спокойны, такъ какъ высочайшая благосклонность выпала на долю человѣка, совсѣмъ для нихъ безвреднаго" [1]). Но судьба не ограничилась возвышеніемъ своего баловня до высшихъ ступеней государственнаго чиноначалія,—она готовила Алексѣю Григорьевичу новое, дотолѣ неслыханное въ Россіи положеніе при дворѣ. Хитрый и ловкій графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ еще при Аннѣ Леопольдовнѣ вызванъ былъ изъ ссылки и снова привлеченъ къ общественной дѣятельности, благодаря совершенному отсутствію всякаго серьёзнаго дарованія между людьми, державшими бразды правленія. Одинъ онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ и умѣлъ владѣть перомъ. Государынѣ онъ былъ неугоденъ, но хорошо излагалъ мысли на бумагѣ и объяснялся по-французски и по-нѣмецки. По необходимости, его удержали при дѣлахъ [2]). Несмотря однако на свой умъ и ловкость, Бестужевъ никогда не съумѣлъ пріобрѣсть вполнѣ благорасположенія Императрицы. Ему недоставало той живости въ выраженіяхъ, которая нравилась Государынѣ; въ обхожденіи его была какая-то жеманность и натянутость, а въ дѣлахъ — мелочность, которая была ей особенно противна [3]). Бестужевъ былъ настолько хитеръ, чтобы съ-разу понять, сколь необходима была для него при дворѣ сильная подпора: онъ ухватился за Разумовскаго. Бывшій камеръ-юнкеръ короля великобританскаго Георга I-го, близко знакомый съ англійскою литературою, живо помнилъ изреченіе Шекспира: „frailty — thy name is woman", т.-е. слабость, перемѣнчивость — твое имя женщина. Государынѣ было всего 33 года, красоты она была необыкновенной. Имя Россіи громко звучало по всей Европѣ; въ продолженіи 60-ти лѣтъ бездомные иностранцы стекались сюда со всего свѣта и находили здѣсь обильную добычу для кармановъ и честолюбія. Того гляди, какой-нибудь принцъ-искатель приключеній — въ родѣ Инфанта Португальскаго, Принца де-Конти, Принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ или, наконецъ, графа Маврикія Саксонскаго — приглянется Императрицѣ и, чего добраго, надѣнетъ „вѣнецъ и бармы Мономаха". Тогда конецъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Бестужева, — тогда, пожалуй, опять на сцену выйдетъ Остерманъ и мѣсто великаго канцлера, на которое

[1]) Тамъ же, VI, 398.
[2]) Пекарскій, Марк. де ла-Шетарди, 585.
[3]) Ernst Hermann, Geschichte des Russischen Staates, V, 112.

НКИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ. Едва Бестужевъ занялъ мѣсто вице-канцлера, какъ уже противъ него образовалась сильная партія. Всѣ сторонники союза съ Франціею и Пруссіею возопили, когда онъ предложилъ тѣсную связь съ Австріею. Лестокъ, по заступленію котораго Бестужевъ былъ снова призванъ къ дѣятельности, теперь, вмѣстѣ съ де-ла-Шетарди, сталъ во главѣ его противниковъ, къ числу которыхъ принадлежали генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, великій канцлеръ князь Черкасскій и другіе,—все люди съ вѣсомъ при дворѣ. Хотя переворотъ, о которомъ такъ хлопоталъ де-ла-Шетарди, и произведенъ былъ безъ его участія и даже вѣдома, однако онъ съ виду пользовался огромнымъ вліяніемъ. „Если первый поклонъ Императрицѣ", писалъ англійскій резидентъ Финчъ, „то второй—де-ла-Шетарди" [1]). Елизавета Петровна привыкла къ Лестоку, онъ сталъ ей необходимъ и имѣлъ всегда свободный доступъ къ Государынѣ,—Бестужевъ, наоборотъ, только рѣдко допускался съ докладами. Удержаться ему одному не было никакой возможности. „Вице-канцлеру много помогаетъ опора", доносилъ Пецольдъ отъ 31-го мая 1743 г., „которую онъ находитъ въ своемъ братѣ, пріобрѣтшемъ большое довѣріе, въ Воронцовѣ, въ любимцѣ Разумовскомъ и другихъ, и въ архіепископѣ Новгородскомъ, который изъ духовенства пользуется въ настоящее время наибольшимъ почетомъ" [2]). Но брату вице-канцлера — графу Михаилу Петровичу — готовилась карьера за границею, Воронцову онъ довѣрялъ не вполнѣ, опасаясь его честолюбія. Самою вѣрною опорою Бестужева оставался Разумовскій. Онъ вскорѣ сталъ его лучшимъ другомъ. Но этого было недовольно; надо было еще сдѣлать узы, соединявшія Разумовскаго съ Государыней, неразрывными. Бестужевъ сталъ искать себѣ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ и скоро нашелъ ихъ въ духовникѣ Ѳедорѣ Яковлевичѣ Дубянскомъ и въ епископѣ Юшкевичѣ.

Духовенство, принадлежавшее къ русской партіи, во имя которой Елизавета взошла на престолъ, только-что успѣло свободно вздохнуть отъ гнёта, подъ которымъ долгое время оно томилось. Во все царствованіе Анны Ивановны, Ѳеофанъ Прокоповичъ нещадно преслѣдовалъ сторонниковъ Стефана Яворскаго и приверженцевъ „Камня Вѣры". Съ большою ловкостью припуталъ онъ къ ихъ убѣжденіямъ интриги іезуитовъ. Главною же ихъ виною было то, что они иностранцевъ называли „человѣками или людишками", высказывали мысль, довольно, впрочемъ, вѣрную, „что государство ихъ питаетъ", да, кромѣ того, еще и всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ „многое число

---

[1]) „Исторія Россіи", пр. Соловьева, XXI.

[2]) „Сборникъ Русс. Истор. Общества", VI, 487.

честныя особы при дворѣ и въ воинскихъ и въ гражданскихъ чинахъ рангами высокими почтены, служатъ, неправдою и невѣрностью помарали“ [1]). Съ воцареніемъ Елизаветы, русская партія взяла рѣшительный перевѣсъ; во главѣ ея стоялъ духовникъ Императрицы Дубянскій, къ которому она благоволила, человѣкъ весьма умный и ловкій царедворецъ, но при дворѣ разыгрывавшій роль простячка, что давало ему еще большую силу, такъ какъ никто изъ царедворцевъ его не опасался. Одинъ только Бестужевъ, а гораздо позднѣе и Екатерина, съумѣли разгадать его. Благодаря Дубянскому, всѣ изгнанные въ царствованіе Анны Ивановны іерархи — Левъ Юрловъ воронежскій, Варлаамъ Вантовичъ кіевскій и другіе—были освобождены изъ заключенія, и архіерейскій санъ имъ возвращенъ. Съ каѳедры, въ присутствіи Императрицы, стали сыпаться самыя сильныя обвиненія и ругательства противъ иностранцевъ. Громко стали говорить о чудесахъ, бывшихъ при гробѣ Святителя Димитрія Ростовскаго, искренняго друга Яворскаго. Но все могло измѣниться. Не всѣ еще иностранцы были сокрушены. Лестокъ и де-ла-Шетарди въ высшей степени пользовались еще довѣріемъ Государыни, а — по словамъ Ѳеофилакта Лопатинскаго — „женское сердце пуще мужескаго“. Слѣдовало постоянно имѣть при Самодержицѣ такое лицо, которое было бы предано духовенству и на заступничество котораго можно бы вполнѣ и всегда разсчитывать. Такимъ изъ всѣхъ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Искренно благочестивый, онъ, какъ малороссъ, принадлежалъ къ партіи автора „Камня Вѣры“, сторонники котораго были, по бо́льшей части, украинцы и бѣлоруссы; призрѣнный въ младенчествѣ духовенствомъ, возросшій подъ крыломъ его, онъ взиралъ на него съ чувствами самой искренней и глубокой благодарности и былъ ему преданъ всѣмъ своимъ честнымъ и любящимъ сердцемъ. Власть гражданская сошлась съ властью духовною. Уговорить богомольную и отчасти суевѣрную Государыню было не трудно: духовникъ имѣлъ всегда до нея доступъ, и она охотно прислушивалась къ словамъ его. Въ депешѣ отъ 8-го апрѣля 1747 г. саксонскій резидентъ Пецольдъ говоритъ: „Всѣ уже давно предполагали, а я теперь это знаю за достовѣрное, что Императрица нѣсколько лѣтъ тому назадъ (seit ungefähr ein Paar Jahren) вступила въ бракъ съ оберъ-егермейстеромъ (eine Mariage de Conscience errichtet)“ [2]). Преданіе гласитъ, что вѣнчаніе [3]) происходило осенью 1742 г. въ подмосковномъ

[1]) Hermann, Geschichte des Russ. Staats, V, 202.

[2]) Слова Ѳеофана, см. Чистовичъ—Рѣпиловское дѣло, стр. 9. Hermann, Gesch. des Russ. St. V. 202.

[3]) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, стр. 30.

селѣ Перовѣ (дворъ возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ 1742 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянскій. Съ тѣхъ поръ Государыня особенно полюбила Перово; она одарила церковь дорогою утварью, богатыми ризами и воздухами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, собственной ея работы [1]). Возвращаясь съ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ Кремль, дорогою, на улицѣ Покровкѣ, противъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, Елизавета вспомнила, что послѣ вѣнчанія не былъ отслуженъ молебенъ,— велѣла остановиться, вошла въ церковь и отстояла молебствіе. Послѣ молебна она зашла къ приходскому священнику и кушала у него чай. Въ память этого событія, надъ церковью въ Перовѣ и церковью Воскресенія въ Барашахъ, которая была роскошно обновлена Императрицею, поставлены были, подъ крестами, вызолоченныя императорскія короны, а на мѣстѣ, гдѣ находился домъ священника, возведены были, по ея же приказанію, графомъ Растрелли богатыя палаты, подаренныя Елизаветою Разумовскому, гдѣ помѣщается нынѣ 4-я гимназія. „Въ возобновленіи и украшеніи храма Воскресенія, — говоритъ г. Снегиревъ,— участвовали Императрица Елисавета Петровна и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, имѣвшіе къ нему особенное благоволеніе. Преданіе старожиловъ къ этому прибавляетъ, что на память благодарственнаго молебна, по особому случаю пѣтаго Елизаветою Петровною въ этомъ храмѣ, его глава, по ея повелѣнію, увѣнчана императорскою короною, которая и донынѣ украшаетъ куполъ. При ней въ верхней церкви устроенъ великолѣпный иконостасъ съ живописными образами, а въ нижней — полъ устланъ чугунными плитами, лежавшими дотолѣ на синодальномъ дворѣ“ [2]).

Вліяніе Алексѣя Григорьевича послѣ брака стало огромно [3]). Всѣ его почитали и съ нимъ обращались, какъ съ супругомъ Императрицы. Онъ занималъ во дворцѣ комнаты, смежныя съ аппартаментами Государыни. Когда онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, Елизавета Петровна обѣдывала въ его покояхъ, и онъ принималъ ее и ея приближенныхъ (до 12 человѣкъ за-разъ) въ царчевомъ шлафрокѣ [4]). Случившійся съ нимъ припадокъ подагры остановилъ весь дворъ, отправлявшійся въ Тихвинъ, и даже Великаго Князя и Великую Княгиню, сидѣвшихъ уже въ саняхъ [5]). Разумовскій всюду сопутствовалъ Государынѣ—и, какъ увѣряетъ очевидецъ, она даже публично оказывала ему знаки нѣжности и сама застегивала ему шубу и поправляла

---

[1]) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 188.

[2]) „Москвитянинъ“, 1844 г., т. V, 424.

[3]) Записки Порошина, 72.

[4]) Mém. de Cath. II, 55.

[5]) *Тамъ же, стр.* 75.

шапку, когда въ трескучій морозъ они выходили изъ театра [1]). Одному ему отпускалось рыбное кушанье, въ то время какъ государыня и весь дворъ содержали строжайшій постъ, а графъ Бестужевъ принужденъ былъ обратиться къ патріарху Константинопольскому за разрѣшеніемъ не ѣсть грибнаго. Однимъ словомъ, его положеніе было совершенно особенное, и это положеніе онъ удержалъ до конца жизни Императрицы, несмотря на всѣ усилія враждебной ему партіи. Царедворцы падали ницъ передъ всемогущимъ супругомъ Государыни, и даже гордая Мавра Егоровна Шувалова, статсъ-дама, пользовавшаяся съ давнихъ поръ довѣренностью Елизаветы Петровны и склонявшая ее на гнѣвъ и милость, когда хотѣла [2]), въ Москвѣ пѣвала молебны, когда мужъ ея, графъ Петръ Ивановичъ, возвращался съ охоты у Разумовскаго, не высѣченный отъ него батожьемъ [3]): Алексѣй Григорьевичъ не могъ отстать отъ страсти всѣхъ малороссіянъ къ вину и „весьма неспокоенъ бывалъ пьяный“ [4]). Въ своихъ увеселеніяхъ дворъ поддѣлывался ко вкусамъ Алексѣя Григорьевича. Благодаря страсти его къ музыкѣ, заведена была постоянная итальянская опера; за огромныя цѣны выписывались знаменитые по Европѣ пѣвцы, „буфоны и буфонши“. Въ штатѣ двора встрѣчаются бандуристы и бандурщицы, и даже „малороссіянка-воспѣвальница“ [5]). Украинскіе пѣвчіе, изъ которыхъ особенно отличался Марко Ѳедоровъ Полторацкій, пѣли и на крылосѣ, и на сценѣ, вмѣстѣ съ итальянцами. На придворныхъ пирахъ появились малороссійскія блюда; однимъ словомъ, все украинское было въ модѣ. Но средн всѣхъ упоеній такой неслыханной фортуны, Разумовскій оставался всегда вѣренъ себѣ и своимъ. На крылосѣ — и въ покояхъ Петербургскаго дворца, среди Лемѣшевскаго стада — и на великолѣпныхъ праздникахъ роскошной Елизаветы былъ онъ все тѣмъ же простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ и насмѣшливымъ, но въ то же время крайне-добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любящимъ прекрасную свою родину и своихъ родственниковъ. Племянницу свою, Авдотью Даниловну, онъ пристроилъ фрейлиною къ Государынѣ. Вся родня его вышла въ люди. Универсаломъ 1742 г. объявлено было слѣдующее: „поданнымъ сего октября 21-го дня въ войсковую генеральную канцелярію челобитіемъ, Наталья Демьяновна, госпожа Разумовская, представила, что полку кіевскаго казаки—родные братья ея: Ѳедоръ, Герасимъ и Денисъ Демѣшки, и племян-

---

[1]) Anecdotes et recueil de coutumes... de la Russie par un voyageur qui a séjourné 13 ans dans cet empire. Londres. 1792. T. VI, стр. 92.

[2]) Бант.-Каменскій, Біогр. Росс. генералиссимусовъ и генералъ-фельдм., стр. 303.

[3]) Зап. Порошина, 72.

[4]) Тамъ же.

[5]) Камер.-Фур. Журналъ 1748.

ники: Андрей, Павелъ и Корнѣй—сыны Демёшки-жъ, да зятья: Іосифъ Закревскій, *Уласъ* Климовичъ и *Евфимъ* Драганъ съ прошлыхъ давнихъ годовъ Ея Императорскаго Величества Всероссійскому престолу въ разныхъ военныхъ и другихъ многихъ походахъ вѣрно, радѣтельно и усердно, не щадя своего здоровія, служили, не упуская ни единаго похода, а именно: Ѳедоръ Демёшко — 13 годъ атаманомъ куреннымъ былъ... а Герасимъ и Денисъ Демёшки во всѣхъ турецкихъ акціяхъ и сраженіяхъ службу отправляли; а дѣды и отцы ихъ всѣхъ прежде бывшихъ походовъ не миновали... племянники же ея, родного помершаго брата Андрея дѣти: Павелъ и Корнѣй Демёшки — съ единаго двора перемѣнно во всѣхъ турецкихъ походахъ обрѣтались; а прадѣдъ ихъ, Григорій Стришинецъ, чрезъ тридцать годъ, сотникомъ Остерскимъ былъ... изъ зятей же ея, одинъ, Іосифъ Закревскій, былъ въ Польскомъ походѣ 3 года... другой зять ея, Уласъ, въ тѣхъ же походахъ будучи, службы отправлялъ, — а третій, Евфимъ Драганъ, въ тѣхъ же походахъ обрѣтался, и особливо отецъ его, Ѳедоръ Драганъ, находясь въ службѣ, въ Усть-самарскомъ походѣ и умре. За ту же долговременную и усердно оказанную ихъ службу, чрезъ которую они понесли изъ своихъ имуществъ многіе убытки, по примѣру другихъ, никакого еще доселѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества награжденія не получили; и просили о награжденіи ихъ за такія многія ревностныя и усердно оказанныя службы чиномъ бунчуковыхъ товарищей и о принятіи ихъ въ особливую протекцію генеральной войсковой канцеляріи".

Исполняя это прошеніе госпожи Разумовской, члены канцеляріи велѣли исчисленную ея родню „принять подъ главный знакъ бунчукъ и опредѣлить въ чисто бунчужныхъ товарищей" [1]). Такимъ образомъ, неграмотные дядья и шурья Алексѣя Григорьевича изъ простыхъ казаковъ, закройщиковъ и ткачей обратились въ бунчуковыхъ товарищей. Немного послѣ Драганъ для благозвучія переобразовался въ Дарагана; Демёшки въ память дѣда *Остерскаго сотника Григорія Стришинца* приняли подходящую къ великорусскому нарѣчію фамилію Стрешенцовыхъ, а Климовичъ, „имѣя совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ существуетъ, именуется и гербомъ печатается, но, не имѣя возможности, за краткость времени, доказательства письменнаго о томъ представить" [2]), сталъ величаться шляхтичемъ Будлянскимъ. Надо замѣтить, что все

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниговской губерніи. Выпускъ I, 102—103.

[2]) Тамъ же, вып. I, 102,—изъ прошенія, поданнаго въ 1784 Михаиломъ Власовичемъ *Будлянскимъ* въ черниговское губернское дворянское собраніе.

тогдашнее малороссійское шляхетство обуреваемо было страстью вести роды свои изъ старинной Польши. Заботясь о роднѣ своей, Разумовскій не забывалъ и о тѣхъ, кому обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и сдѣлался своимъ человѣкомъ у Разумовскаго, черезъ это онъ сталъ близокъ и къ Государынѣ, которая жаловала ему имѣнія и разную домашнюю утварь, сохранившуюся доселѣ у его потомковъ [1]). Марковичъ разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Вишневскимъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, проводилъ дружескія вечеринки у Разумовскаго [2]). Сохранилось преданіе о томъ, что Алексѣй Григорьевичъ не забылъ и своего учителя-дьячка, вызвалъ его въ Петербургъ и предоставилъ ему право выбрать себѣ въ столицѣ такую должность, которая ему придется по сердцу. Долго старикъ не рѣшался, наконецъ, онъ какъ-то попалъ въ театръ. Давали оперу. Музыка его свела съ ума и онъ бросился къ Разумовскому, прося о назначеніи своемъ въ придворные капельмейстеры. Алексѣй Григорьевичъ, посмѣявшись надъ добродушіемъ старика, назначилъ его смотрителемъ въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ съ приличнымъ жалованьемъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что Алексѣй Григорьевичъ, хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ доказательствъ, старался, сколько могъ, облегчить судьбу и падшаго графа Левенвольда. Его предстательствомъ объясняется то, что Левенвольдъ сосланъ былъ въ сравнительно-близкій Соликамскъ, тогда какъ Остермана заточили въ Березовѣ, а Миниха въ Пелымъ. Если бы не несчастное Лопухинское дѣло, то Левенвольдъ навѣрное былъ бы возвращенъ. Даже послѣ онаго, въ 1758 году, когда при дворѣ никто уже и не помнилъ про Левенвольда, безъ малѣйшаго сомнѣнія вслѣдствіе предстательства Разумовскаго, отправленъ былъ курьеръ въ Соликамскъ, съ извѣстіемъ объ освобожденіи ссыльнаго графа—но было уже поздно: курьеръ не засталъ Левенвольда въ живыхъ [4]).

Въ мартѣ 1743 года Разумовскій отправилъ, уже нѣсколько подготовленнаго въ Петербургѣ, брата своего Кирилу Григорьевича заграницу, подъ строжайшимъ инкогнито, „дабы ученіемъ наградить пренебреженное понынѣ время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и фамиліи своей впредь собою и поступками своими принесть честь и порадованіе“. Кирила Григорьевичъ отправился на два года въ Германію и Францію подъ надзоромъ Григорія Николаевича Теплова. Передъ отъѣздомъ онъ отъ брата получилъ

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1870 г., 274—275.

[2]) Зап. Марковича, II, 158.

[3]) „Москов. Вѣдомости“, 1860, № 182. Село Лемѣши, статья Кобзаря Василенка.

[4]) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, 10.

слѣдующую инструкцію, какимъ образомъ поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ [1]):

„При отправленіи васъ въ чужестранныя государства, и во-первыхъ —въ Германію, какъ для изученія полезныхъ наукъ, такъ и пристойныхъ честному кавалеру добрыхъ поступокъ, разсудилъ я за потребно: при желаніи вамъ къ тому намѣренію Божія благословенія, дать слѣдующую, къ собственной вашей пользѣ, братскую инструкцію. По силѣ оной должны вы поступать.

I. Во-первыхъ, крайнее попеченіе имѣть о истинномъ и совершенномъ страхѣ Божіи, во всемъ поступать благочинно и благопристойно, и вѣру православнаго греческаго исповѣданія, въ которой вы родились и воспитаны, непоколебимо и нерушимо содержать, удерживая себя притомъ отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и прочихъ, честному и добронравному человѣку неприличныхъ поступокъ и пристрастій.

II. Въ разсужденіе же вашихъ еще младыхъ лѣтъ, также и для другихъ важныхъ обстоятельствъ изобрѣлъ я за потребно для васъ до даннаго впредь отъ меня опредѣленія поручить въ смотрѣніе и предводительство академіи наукъ адъюнкту Григорію Теплову. Чего ради чрезъ сіе наикрѣпчайше васъ увѣщеваю, ему, какъ опредѣленному надъ вами смотрителю, съ надлежащимъ почтеніемъ во всемъ, что́ онъ въ вашу пользу за благо изобрѣсти или учредить имѣетъ, быть послушну. Собою и безъ его воли ничего не начинать и не дѣлать, никакихъ компаній и денежныхъ расходовъ безъ его согласія и позволенія не имѣть, и въ прочемъ во всемъ такимъ образомъ съ нимъ поступать, какъ вы въ томъ, по возвращеніи своемъ, отвѣтъ дать можете, и какъ то разумному человѣку благопристойно.

III. А понеже главное и единое токмо намѣреніе при семъ вашемъ отправленіи въ чужестранныя государства состоитъ въ томъ, чтобы вы себя къ вящей службѣ Ея Императорскаго Величества, по состоянію вашему, способнымъ учинили, и фамиліи бы вашей впредь собою и своими поступками принесли честь и порадованіе, того ради имѣете вы о дѣйствительномъ исполненіи онаго намѣренія прилагать съ своей стороны неусыпное попеченіе, и оное за едино токмо средство всего вашего будущаго благополучія признавать, оставя всѣ другія разсужденія и пристрастія. Дабы вы, при семъ уже довольно созрѣвшемъ возрастѣ, пренебреженное по нынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще, по вашимъ младымъ лѣтамъ, въ васъ способность въ собственную вашу пользу употребить могли, что́

---

[1]) Прилагаемые два документа мы перепечатываемъ изъ „Москвитянина“ 1852 г., *№ 12, куда, въ свою очередь,* они попали изъ „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“.

къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ. Дано въ С.-П-бургѣ марта дня 1743 года.

Алексѣй Разумовскій".

Третій пунктъ этой инструкціи, въ которомъ Алексѣй Григорьевичъ такъ серьёзно смотритъ на образованіе, насъ еще болѣе удостовѣряетъ въ томъ, что какъ въ Лемѣшахъ, такъ позднѣе и въ Петербургѣ, Кирилла Григорьевичъ учился и особенно въ послѣднее время учился много и послѣдовательно. „Пренебреженное доселѣ время", о которомъ упоминается въ томъ же пунктѣ, слѣдуетъ отнести къ занятіямъ въ Лемѣшахъ, которыя, безъ сомнѣнія, были самыя элементарныя. Вмѣстѣ съ инструкціею, данною Кириллѣ Григорьевичу, старшій Разумовскій вручилъ другую его ментору слѣдующаго содержанія; въ ней вполнѣ выражается нѣжная привязанность его къ брату:

„Государь мой Григорій Николаевичъ.

„При отправленіи брата моего Кирилы Григорьевича въ вашемъ надзираніи въ другія государства, разсудилъ я за потребно объявить вамъ письменно, въ чемъ мое намѣреніе состоитъ и чего я, по вашему обѣщанію, требую: 1) Прежде всего я отъ васъ прошу беречь при всякомъ случаѣ его здоровье и, сколько возможно, отвращать отъ него всякія здоровью его вредительныя приключенія. 2) Законъ Православнаго Греческаго исповѣданія не только въ немъ наблюдать, но и стараться, по вашему благоразумію, далѣе его въ томъ наставлять, какъ то вамъ самимъ извѣстно, что началю всей человѣческой премудрости—страхъ Божій. 3) Повсягодно не пропускать того и прилежно стараться, чтобъ приступать къ Святымъ Тайнамъ, хотя по одному разу. Буде же въ томъ городѣ, гдѣ жить будете, случая къ тому не будетъ, то хотя нарочно въ близкое мѣсто для того ѣздить. 4) По пріѣздѣ вашемъ въ Галлу [1]) или гдѣ вы разсудите при первомъ случаѣ остановиться и жить, старайтесь такую квартиру занять, которая не была бы излишняя, а была бы во всемъ покойна, а лучше всего, когда найдете мѣсто у профессора какого и столъ свой у него будете имѣть, при которомъ бы всегда была честная и полезная къ воспитанію молодого человѣка компанія. 5) Перво всего, я думаю, учиться Кириллѣ Григорьевичу нѣмецкаго языка, а когда въ томъ нѣсколько навыкнетъ, то и французской начать надобно, дабы, во Францію пріѣхавши, могъ онъ хотя нѣсколько по-французски говорить, и за то ему въ нѣмецкой землѣ столько пробыть дозволяется, сколько вы за потребно разсудите.

[1]) Въ „Москвитянинѣ" напечатано въ *Гассу;* это очевидная ошибка, такого города нѣтъ въ Германіи, *тогда какъ Галле* славился своимъ университетомъ.

6) Между тѣмъ ариѳметики, географіи, исторіи универсальной учиться онъ долженъ, и къ тому такожъ особливое прилежаніе употреблять. 7) Изъ нѣмецкой земли, не отписавъ ко мнѣ и не получивъ на то ему позволенія отъ меня, не выѣзжать. 8) Къ наукамъ его принуждать, смотря по состоянію здоровья, умѣренно, и буде случится (отъ чего Боже сохрани!) занемочь, доктора и лекарей искать искусныхъ. 9) Безъ позволенія бы онъ вашего ничего не начиналъ, въ компаніи не вступалъ и гостей бы не принималъ такихъ, съ которыми ему знакомство не прилично. 10) Имя его прямое тѣмъ только открывать, кому вы разсудите за потребно, а безъ того называть всегда такъ, какъ въ паспортѣ прописано, дабы онъ не имѣлъ причины лишнихъ расходовъ содержать. 11) Деньги его чтобъ всегда при немъ были, и за его печатью, только васъ прошу смотрѣть за нимъ, чтобы онъ безъ вашей воли ихъ не издерживалъ, а вы можете расходъ порядочно приказать записывать, и всякій мѣсяцъ, освидѣтельствовавъ оный, подписывать съ нимъ вмѣстѣ и въ то время, когда отъ меня требовать будетъ пересылать новыя суммы, присылать прошу издержаннымъ деньгамъ исправный расходъ, хотя перечнемъ. 12) Въ платьѣ и галантереи излишества прошу никакого не дѣлать и до того не допускать, развѣ кого изъ учителей онъ необходимо долженъ будетъ подарить чѣмъ. 13) Безчестья ему никакого ни словомъ, ни дѣломъ не наносить, а ежели что случится достойное исправленія, о томъ ему и представлять и выговаривать наединѣ и безъ посторонникъ людей, а о нестерпимыхъ, ежели какія, паче чаянія, случатся отъ него грубости и непослушаніе, писать ко мнѣ немедленно, и тѣ письма напередъ ему прочитывать, ибо ему довольная инструкція дана, какъ онъ долженъ вамъ повиноваться. 14) Для лучшей стройности тѣла его и для забавы, учить его танцовать, фектовать и на лошадяхъ ѣздить, но съ такою умѣренностью, чтобы въ томъ ни излишняго ни времени ни расходовъ не издерживать. 15) Писать ко мнѣ и къ матушкѣ принуждать его сколько можно почаще, а васъ обо всемъ прошу со всякою вѣрностію ко мнѣ обстоятельно писать. 16) Люди, которые будутъ при немъ: Григорій и Иванъ, отдаются въ полное ваше смотрѣніе и когда проступятся предъ Кирилою Григорьевичемъ и вы разсудите, безъ наказанія ихъ, ежели онъ хочетъ, не оставлять; впрочемъ я на васъ во всемъ полагаюся и больше все, что́ здѣсь опущено, предаю въ ваше собственное разсужденіе. Обѣщеваю за то васъ, по возвращеніи вашемъ благополучномъ, во всемъ по силѣ моей не оставлять и за трудъ вашъ дѣйствительно благодарить, съ которымъ обѣщаніемъ всегда пребываю, вашъ слуга,

Алексѣй Разумовскій".

Кирила Григорьевичъ отправился изъ Петербурга въ исходѣ марта подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующей записки, сохранившейся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Его сіятельство (Бестужевъ) изволили приказать написать два паспорта на хорошей большой бумагѣ, а именно:

„1. Для Ивана Ивановича Обидовскаго, Россійскаго дворянина, и при немъ служители:

„Василій Егоровъ, Григорій Савинъ, Иванъ Колмыковъ (Григорій да Иванъ упоминаются въ письмѣ Разумовскаго къ Теплову).

„2. Для Кирилы Григорьевича Разумовскаго, Россійскаго шляхтича и при немъ 3 служителя, которые отпущены въ иностранныя государства; и еще сегодня оные, приложивъ печати и съ переводомъ совсѣмъ изготовя, прислать къ его сіятельству господину вице-канцлеру на дворъ".

Второй паспортъ нуженъ былъ до границы и для „открытія прямаго имени Разумовскаго тѣмъ, кому бы заблагоразсудилось Теплову". Мы думаемъ, что небезъинтересно будетъ приложить здѣсь и самый паспортъ, выданный Кирилѣ Григорьевичу—вотъ списокъ онаго:

„Божіею милостью, мы, Елисаветъ первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе кому вѣдать надлежитъ. Понеже показатель сего Россійскій шляхтичъ Кирила Разумовскій отпущенъ изъ Россіи въ иностранныя государства, того ради всѣхъ высокихъ областей дружелюбно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства кто симъ употребленъ быть имѣетъ, пріятно желаемъ, нашимъ же военнымъ и гражданскимъ управителямъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: помянутаго шляхтича Кирилу Разумовскаго въ надлежащемъ ему пути, какъ туда ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося, съ обрѣтающимися при немъ его 3-мя служителями и вещами, не токмо вездѣ свободно и безъ задержанія пропускать, но и гдѣ случится побыть ему позволить и всякое благоволеніе и потребное вспоможеніе оказывать велѣли, за что мы каждымъ высокимъ областямъ въ таковыхъ случаяхъ взаимно воздавать обѣщаемъ. Наши же подданные оное наше повелѣніе да исполнятъ. Во свидѣтельство чего данъ ему сей паспортъ за нашею государственною печатью изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ С.-Петербургѣ первагонадесять марта 1743".

Въ тотъ же день выданъ паспортъ и адъюнкту Теплову, „для дальнѣйшаго и совершеннѣйшаго обученія, отправленнаго въ иностранныя государства".

Кирила Григорьевичъ былъ уже подготовленъ къ путешествію; во всякомъ случаѣ онъ *уже твердо* зналъ грамоту. Несмотря на это,

многаго еще недоставало въ немъ, чтобы быть тѣмъ, что французы называютъ „un cavalier accompli“, и нѣтъ сомнѣнія, что старшій Разумовскій, щедрый до расточительности, не изъ какихъ-либо денежныхъ разсчетовъ отправилъ брата въ чужіе края подъ вымышленнымъ именемъ и предписывалъ ему строжайшую экономію, а для того, чтобы, такъ какъ неслыханное возвышеніе Алексѣя Григорьевича уже огласилось по всей Европѣ, нѣсколько-деревенская и необтесанная еще личность меньшаго брата не причинила бы Россійскому двору какого посрамленія. Поѣздка въ Галле, какъ видно, не осуществилась. Путешественники остановились сперва въ Кёнигсбергѣ, гдѣ были очень хорошо приняты капитаномъ Брилемъ, находившимся вѣроятно въ Прусской службѣ; здѣсь они познакомились съ извѣстнымъ въ то время ученымъ Целестиномъ-Христіаномъ Флотвелемъ [1]), уроками котораго вѣроятно пользовался молодой Разумовскій. Отсюда Кирила Григорьевичъ съ ментором своимъ проѣхалъ въ Данцигъ. Изъ Кёнигсберга Кирила Григорьевичъ писалъ о разрѣшеніи тамъ остаться цѣлый годъ, чтобы на рубежѣ Европы подготовиться къ дальнѣйшему путешествію. На свое посланіе онъ получилъ, въ Данцигѣ уже, отъ Ададурова слѣдующій отвѣтъ:

„М. Г. мой Кирила Григорьевичъ. Въ исполненіе высокаго повелѣнія его высокопревосходительства брата вашего, моего милостивѣйшаго государя, имѣю я ваше высокоблагородіе съ должною покорностію увѣдомить, что его высокопревосходительство находится въ пожеланномъ здравіи и благополучіи и вашимъ благополучнымъ въ Кенигсбергъ прибытіемъ, а наипаче высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію, которая пожалованіемъ васъ минувшаго апрѣля 25 дня въ дѣйствительные при Ея Императорскомъ Величествѣ камеръ-юнкеры вамъ показана, васъ поздравить, и я ваше высокоблагородіе отъ истиннаго сердца покорнѣйше поздравляю, съ искреннимъ желаніемъ непремѣннаго продолженія къ вамъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, и всегдашняго умноженія вашего и всей высокой фамиліи вашей благополучія. И понеже сія знатная дистинкція учинена вамъ во мнѣніи наивящшей къ полезнымъ наукамъ вашей прилежности и для побужденія васъ черезъ то къ наибольшему старанію о пріобрѣтеніи надлежащей способности къ службѣ Ея Императорскаго Величества и всѣхъ честному и знатному кавалеру пристойныхъ и похвальныхъ свойствъ и добрыхъ поступокъ: то его высокопревосходительство приказалъ мнѣ вашему высокоблагородію чрезъ сіе паки напамятовать, какъ то его высокопревосходительство при случаѣ и самъ

---

[1]) О Флотвелѣ—см. ниже.

къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ. Дано въ С.-П-бургѣ марта дня 1743 года.

Алексѣй Разумовскій".

Третій пунктъ этой инструкціи, въ которомъ Алексѣй Григорьевичъ такъ серьёзно смотритъ на образованіе, насъ еще болѣе удостовѣряетъ въ томъ, что какъ въ Лемёшахъ, такъ позднѣе и въ Петербургѣ, Кирила Григорьевичъ учился и особенно въ послѣднее время учился много и послѣдовательно. „Пренебреженное доселѣ время", о которомъ упоминается въ томъ же пунктѣ, слѣдуетъ отнести къ занятіямъ въ Лемёшахъ, которыя, безъ сомнѣнія, были самыя элементарныя. Вмѣстѣ съ инструкціею, данною Кирилѣ Григорьевичу, старшій Разумовскій вручилъ другую его ментору слѣдующаго содержанія; въ ней вполнѣ выражается нѣжная привязанность его къ брату:

„Государь мой Григорій Николаевичъ.

„При отправленіи брата моего Кирилы Григорьевича въ вашемъ надзираніи въ другія государства, разсудилъ я за потребно объявить вамъ письменно, въ чемъ мое намѣреніе состоитъ и чего я, по вашему обѣщанію, требую: 1) Прежде всего я отъ васъ прошу беречь при всякомъ случаѣ его здоровье и, сколько возможно, отвращать отъ него всякія здоровью его вредительныя приключенія. 2) Законъ Православнаго Греческаго исповѣданія не только въ немъ наблюдать, но и стараться, по вашему благоразумію, далѣе его въ томъ наставлять, какъ то вамъ самимъ извѣстно, что начало всей человѣческой премудрости—страхъ Божій. 3) Повсягодно не пропускать того и прилежно стараться, чтобъ приступать къ Святымъ Тайнамъ, хотя по одному разу. Буде же въ томъ городѣ, гдѣ жить будете, случая къ тому не будетъ, то хотя нарочно въ близкое мѣсто для того ѣздить. 4) По пріѣздѣ вашемъ въ Галлу [1]) или гдѣ вы разсудите при первомъ случаѣ остановиться и жить, старайтесь такую квартиру занять, которая не была бы излишняя, а была бы во всемъ покойна, а лучше всего, когда найдете мѣсто у профессора какого и столъ свой у него будете имѣть, при которомъ бы всегда была честная и полезная къ воспитанію молодого человѣка компанія. 5) Перво всего, я думаю, учиться Кирилѣ Григорьевичу нѣмецкаго языка, а когда въ томъ нѣсколько навыкнетъ, то и французской начать надобно, дабы, во Францію пріѣхавши, могъ онъ хотя нѣсколько по-французски говорить, и за то ему въ нѣмецкой землѣ столько пробыть дозволяется, сколько вы за потребно разсудите.

---

[1]) Въ „Москвитянинѣ" напечатано въ *Гассу;* это очевидная ошибка, такого города нѣтъ въ Германіи, тогда какъ Галле славился своимъ университетомъ.

корнѣйшій и нижайшій слуга Вас. Ададуровъ. Въ Санктъ-Петербургѣ 7 мая 1743. (Получено 28 мая 1743 въ Гданскѣ)“ [1]).

Дидактическій тонъ письма этого ясно указываетъ на отношенія учителя къ бывшему ученику.

Въ то время, какъ Кирила Григорьевичъ учился географіи и универсальной исторіи, нѣмецкому и латинскому языкамъ, братъ его получилъ отъ Государыни, 30 апрѣля 1743 года, въ полтавскомъ полку слободы Орчакъ, Карловку [2]), село Коломакъ; въ лубенскомъ полку село Андреяшевку, село Андреевку [3]), а въ Нитинскомъ на Сеймѣ— семь большихъ гетманскихъ мельницъ подъ Батуринымъ [4]). Мѣстности эти были конфискованы у Миниха и передавались Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе „съ деревнями, съ людьми и со крестьяне, съ пашнею, землею, съ лѣсы и сѣнными покосы и съ заводы всякаго званія, съ мельницами, съ лошадьми и со скотомъ, и со всѣми къ тѣмъ слободамъ, селамъ и деревнямъ принадлежностями, какъ оныя во владѣніи Миниха состояли“, а 2-го іюня того же года собственныя ея вотчины въ Псковскомъ уѣздѣ, Корельскую волость съ приписными къ ней въ разныхъ уѣздахъ, засадахъ и губахъ, волостьми и деревнями, а 7 октября того же года отписныя ингерманландскія деревни и приморскій домъ, да еще имѣющійся въ С.-Петербургѣ, за Малою-Невкою, называемый Крестовскій островъ бывшаго фельдмаршала Миниха, да въ Копорскомъ уѣздѣ Гостилицкую мызу со всѣмъ и съ красильнымъ заводомъ.

При дворѣ тогда интриги были въ сильномъ разгарѣ. Елизавета Петровна была полнымъ олицетвореніемъ русской помѣщицы прошлыхъ временъ. Лѣнивая, прихотливая, неимѣвшая опредѣленныхъ часовъ ни для сна, ни для вставанія, ни для ѣды, ни для одѣванія, ненавидѣвшая всякое серьёзное занятіе, то излишне фамильярная, то за бездѣлицу сердившаяся и бранившая царедворцевъ самыми неизбранными словами, вѣчно окруженная барскими барынями, приживалками, разсказчицами, чесательницами пятокъ, она любила толки и въ слушаніи ихъ проводила большую часть дня. Никогда доселѣ не представлялось такого разгула для всѣхъ мелкихъ доносовъ, наушничества, пронырствъ и каверзъ. Первую роль тутъ играли женщины: Мавра Егоровна Шу-

---

[1]) Изъ архива гр. Уварова.

[2]) Карловка принадлежала впослѣдствіи вдовѣ графа Льва Кириловича, графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, нынѣ принадлежитъ В. К. Екатеринѣ Михаиловнѣ.

[3]) Андреевка принадлежала кн. Варварѣ Алексѣевнѣ Рѣпниной р. гр. Разумовской, принадлежитъ теперь Василію Аркадьевичу Кочубею; Крестовскій островъ принадлежитъ кн. К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому; Гостилицы, сперва Потемкину, а теперь кн. Голицыну.

[4]) *Зап. Марковича*, II, 292.

Кирила Григорьевичъ отправился изъ Петербурга въ исходѣ марта подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующей записки, сохранившейся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Его сіятельство (Бестужевъ) изволили приказать написать два паспорта на хорошей большой бумагѣ, а именно:

„1. Для Ивана Ивановича Обидовскаго, Россійскаго дворянина, и при немъ служители:

„Василій Егоровъ, Григорій Савинъ, Иванъ Колмыковъ (Григорій да Иванъ упоминаются въ письмѣ Разумовскаго къ Теплову).

„2. Для Кирилы Григорьевича Разумовскаго, Россійскаго шляхтича и при немъ 3 служителя, которые отпущены въ иностранныя государства; и еще сегодня оные, приложивъ печати и съ переводомъ совсѣмъ изготовя, прислать къ его сіятельству господину вице-канцлеру на дворъ".

Второй паспортъ нуженъ былъ до границы и для „открытія прямаго имени Разумовскаго тѣмъ, кому бы заблагоразсудилось Теплову". Мы думаемъ, что небезъинтересно будетъ приложить здѣсь и самый паспортъ, выданный Кирилѣ Григорьевичу—вотъ списокъ онаго:

„Божіею милостью, мы, Елисаветъ первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе кому вѣдать надлежитъ. Понеже показатель сего Россійскій шляхтичъ Кирила Разумовскій отпущенъ изъ Россіи въ иностранныя государства, того ради всѣхъ высокихъ областей дружелюбно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства кто симъ употребленъ быть имѣетъ, пріятно желаемъ, нашимъ же военнымъ и гражданскимъ управителямъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: помянутаго шляхтича Кирилу Разумовскаго въ надлежащемъ ему пути, какъ туда ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося, съ обрѣтающимися при немъ его 3-мя служителями и вещами, не токмо вездѣ свободно и безъ задержанія пропускать, но и гдѣ случится побыть ему позволить и всякое благоволеніе и потребное вспоможеніе оказывать велѣли, за что мы каждымъ высокимъ областямъ въ таковыхъ случаяхъ взаимно воздавать обѣщаемъ. Наши же подданные оное наше повелѣніе да исполнятъ. Во свидѣтельство чего данъ ему сей паспортъ за нашею государственною печатью изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ С.-Петербургѣ первагонадесять марта 1743".

Въ тотъ же день выданъ паспортъ и адъюнкту Теплову, „для дальнѣйшаго и совершеннѣйшаго обученія, отправленнаго въ иностранныя государства".

Кирила Григорьевичъ былъ уже подготовленъ къ путешествію; во всякомъ случаѣ онъ уже твердо зналъ грамоту. Несмотря на это,

патента на камеръ-юнкерскій чинъ. Коммиссію о напечатаніи и украшеніи онаго упросилъ я у его высокопревосходительства милостиваго государя моего Алексѣя Григорьевича, для показанія должной моей вашему высокоблагородію услуги, и по напечатаніи давно уже вручилъ его высокопревосходительству. Но понеже патентъ его высокопревосходительства на оберъ-егермейстерскій чинъ не былъ еще тогда готовъ, который также у меня дѣлался, то и вашъ до тѣхъ поръ не стали подписывать. Итакъ, по окончаніи того патента, изволила всемилостивѣйшая Государыня подписать братца вашего патентъ 17-го, а вашъ 18-го числа сего мѣсяца. Я отъ искренняго сердца ваше высокоблагородіе съ сею Ея Императорскаго Величества высочайшею милостію паки поздравляю и желаю, чтобъ мнѣ, по моему къ вамъ совершенному усердію, вскорѣ и съ новымъ, но еще бо́льшимъ счастіемъ вашему высокоблагородію покорнѣйшее поздравленіе принести можно было. При семъ, по приказу его высокопревосходительства, имѣю ваше высокоблагородіе увѣдомить, что его высокопревосходительство изволили за Ея Императорскимъ Величествомъ слѣдовать въ Москву сего числа, въ началѣ 12-го часа по-утру, въ пожелаемомъ благополучіи. Я проживу здѣсь до 27-го или до 28-го числа сего мѣсяца, и такъ ежели сюда будутъ ваши письма, то отправлю оныя немедленно къ его высокопревосходительству, а по пріѣздѣ моемъ въ Москву—при первой почтѣ не оставлю ваше высокоблагородіе о здравіи вашего государя брата увѣдомить; впрочемъ, рекомендуя себя въ дальнѣйшія вашего высокоблагородія милости, пребываю съ должнымъ респектомъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій и нижайшій слуга Василій Ададуровъ. — Въ Спб., 21-го января 1744 года".

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, 12-го мая 1744 года, Императрица подарила Алексѣю Григорьевичу село Перово и деревни—Тетерки и Тимохово, а также и дворъ Гороховскій на поемной землѣ Спасо-Андроніева монастыря, отобранной прежде въ вотчинную канцелярію, но съ тѣмъ, чтобы за землю платить монастырю оброчныя деньги. Государыня любила посѣщать Перово и гостила тамъ иногда довольно долго. Туда привозила она впослѣдствіи Великаго Князя и Великую Княгиню [1]); тамъ Елизавета Петровна любила потѣшаться соколиною и псовою охотою, на которую приглашались часто чужестранные министры и нѣкоторыя изъ знатныхъ особъ двора.

Въ тѣ времена Перово было не то, что́ теперь; тамъ красовались великолѣпный домъ, роскошный англійскій садъ съ дорогими растеніями, бесѣдками, фонтанами, статуями и проч. Длинный проспектъ

---

[1]) *Memoires* de Catherine II, стр. 79.

учинить не оставитъ, чтобы вы какъ въ нужныхъ вамъ языкахъ и наукахъ, такъ и въ добрыхъ поступкахъ крайнее раченіе и прилежность оказывали, послѣдуя во всемъ къ пользѣ вашей предводительству Григорія Николаевича, что̀ къ удовольствію его высокопревосходительства, а къ вашему большому авантажу впредь служить имѣетъ. Что ваше высокоблагородіе начали географіи и нѣмецкому языку учиться, то его высокопревосходительству весьма пріятно, но притомъ изволилъ его высокопревосходительство въ подтвержденіе прежняго своего повелѣнія приказать, чтобы вы и въ латинскомъ языкѣ нѣсколько обучаться изволили, который для нѣмецкаго и французскаго вамъ очень нуженъ и тѣмъ языкамъ вмѣсто основанія служить имѣетъ; а какимъ образомъ въ томъ упражняться и все прочее, полагаетъ его превосходительство на разсмотрѣніе Григорія Николаевича. На требованное вами дозволеніе, чтобы первый годъ жить вамъ въ Кенигсбергѣ, его высокопревосходительство согласиться изволилъ, и приказалъ означенный годъ жить вамъ въ семъ городѣ въ такомъ разсужденіи, чтобы тутъ при прочихъ наукахъ особливо по-нѣмецки научиться, а потомъ съ бо́льшею способностію далѣе путь свой продолжать могли. Что до музыки и танцованія касается, оное его высокопревосходительство для увеселенія вашего также соизволяетъ, токмо съ такою умѣренностію, чтобы вы того за главное свое упражненіе почитать не изволили, но больше-бъ времени и прилежности на нѣмецкій и латинскій языки (пока французскаго еще не начинаете), на исправность и чистость въ русскомъ письмѣ и стилѣ, и на исторію и географію употребляли, пока къ дальнимъ и вышнимъ наукамъ вашему высокоблагородію со временемъ приступить можно будетъ. А фехтованіе его высокопревосходительство разсудилъ отложить до тѣхъ поръ, пока ваше высокоблагородіе въ означенныхъ языкахъ и наукахъ пробы своего прилежанія и прогрессовъ оказать и къ его высокопревосходительству прислать изволите. Благодарительныя письма къ тѣмъ особамъ, о которыхъ вы и Григорій Николаевичъ упоминаете, его высокопревосходительство при первомъ способномъ случаѣ писать обѣщалъ, также и г-на капитана Бриля надлежащимъ воспоможеніемъ оставить не изволитъ. Впрочемъ, письмами вашего высокоблагородія, которыя всѣ исправно здѣсь получены, его высокопревосходительство весьма доволенъ и приказалъ за оныя благодарить, а самъ на оныя отвѣтствовать не могъ, за неимѣніемъ къ тому времени. Я же за милостивое вашего высокоблагородія приписаніе ко мнѣ въ письмахъ Григорія Николаевича нижайше благодарствую и, желая вашему высокоблагородію всякаго благополучія и счастливаго во всѣхъ намѣреніяхъ вашихъ успѣха, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего высокоблагородія по-

возведены были въ графское достоинство Лестокъ и Брюммеръ,—горшіе враги его. Бестужевъ, прочитавъ извѣщеніе объ этомъ въ нѣмецкихъ газетахъ, явился къ Разумовскому и сказалъ ему: „посмотрите, какъ Россію презираютъ иностранные дворы: они доказываютъ подобными пожалованіями, что Государыня нуждается въ ихъ милости, когда намѣревается награждать своихъ подданныхъ". Разумовскій отвѣчалъ, что онъ подобныхъ хитростей не разумѣетъ и „что надлежитъ всегда за великое счастье поставлять, когда милость великаго Принца получить можно". Императрица весьма апробовала отвѣтъ Алексѣя Григорьевича и сказала, что если бы онъ у нея просилъ совѣта, она не могла бы сочинить лучшаго отвѣта. „Сія Принцесса", говоритъ далѣе Шетарди, „охотно видѣла бы, чтобъ такой человѣкъ, котораго она сама произвела, еще наивяще возвышенъ былъ, токмо чтобы не явствовало, якобы то отъ нея происходитъ" [1]).

Какъ скоро въ Малороссіи узнали о полученіи Алексѣемъ Григорьевичемъ достоинства Римскаго графа, отъ всѣхъ чиновъ народа малороссійскаго отправлено было къ нему поздравленіе. На это поздравленіе графъ Разумовскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ [2]):

„Высокопочтеннѣйшіе господа! Ваше поздравительное писаніе, которымъ вы меня почтить изволили, при полученіи графскаго достоинства священныя Римскія имперіи, въ которое Его Императорское Величество Цесарь меня возвысить соблаговолилъ, одолжаетъ меня чрезъ сіе принесть мое благодареніе съ обнадеживаніемъ всегдашняго благодаренія (sic), и что я во всякихъ случаяхъ то памятовать буду, что вы, высокопочтеннѣйшіе господа, въ моемъ благополучіи участіе пріемлете и тому изволите радоваться, что я, принявъ и возблагодаривъ за явленную вами при семъ случаѣ учтивость, оставаюсь всегдашнимъ моимъ обыкновеннымъ почитаніемъ, которое всегда будетъ непремѣнно такимъ же образомъ, какъ и я имѣю честь быть непрестанно вашего высокопочитанія послушнымъ слугою. Г. А. Розумовскій, Іюня 28-го 1744 году. Москва".

Черезъ два мѣсяца послѣ пожалованія Алексѣя Григорьевича въ рейхсъ-графы, по случаю заключенія съ Швеціею мира, 15-го іюня, оба брата Разумовскіе возведены были въ графское Россійской Имперіи достоинство. Ададуровъ извѣстилъ объ этомъ Кирилу Григорьевича слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Съ несказанною радостію поздравляю я ваше сіятельство

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова.

[2]) Перепечатываемъ его изъ „Исторіи Малороссіи" Маркевича. Т. IV, стр. 417, приложеніе XCI. По ошибкѣ оно названо отвѣтомъ *Гетмана* Разумовскаго.

валова, Анна Карловна Воронцова, Настасья Михайловна Измайлова и, наконецъ, какая-то Елизавета Ивановна, которую графъ А. С. Строгановъ называлъ „le ministre des affaires étrangères de ce temps-là“ [1]). Отъ женщинъ не отставали и мужчины. Не медля по воцареніи Елизаветы, образовались партіи, только и думавшія о томъ, какъ бы одна другую низвергнуть. Вражда ихъ забавляла Государыню, и часто пересказами старались они еще болѣе возбудить противниковъ другъ противъ друга [2]). Съ одной стороны, стояли, какъ мы сказали выше, представители союза съ Франціею, къ которымъ присоединилась еще Голштинская свита наслѣдника престола, съ другой—Бестужевъ, опиравшійся на Разумовскаго. Самъ же Разумовскій не принималъ участія въ сплетняхъ и интригахъ придворныхъ: онѣ были противны его добродушной и честной природѣ. Его близкими пріятелями были Бестужевъ и Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ [3]); но тѣмъ не менѣе въ дѣла государственныя онъ не вмѣшивался, а Бестужева онъ любилъ, потому что въ немъ, несмотря на его недостатки, природнымъ инстинктомъ чуялъ самаго способнаго и полезнаго для Россіи дѣятеля. Первая стычка между двумя партіями имѣла слѣдствіемъ несчастное Лопухинское дѣло. Лестоку, во что бы то ни стало, хотѣлось уничтожить соперника, имъ же самимъ возвышеннаго. Онъ ухватился за пустыя придворныя сплетни, надѣялся въ нихъ запутать вице-канцлера и тѣмъ повредить Австріи. Началось слѣдствіе, пытки, казни; но Бестужева дѣло это не сломило, а Лестоку подготовило путь въ ссылку. Послѣ драматической развязки Лопухинскаго процесса, дворъ переѣхалъ въ Москву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весною 1744 года, пріѣхала Принцесса Ангальтъ-Цербстъ-Бернбургская, Іоганна-Елизавета съ дочерью Софіею-Августою-Фридерикою. Пріѣздъ этотъ былъ нежданнымъ ударомъ для Бестужева, мечтавшаго о брачномъ союзѣ для наслѣдника престола съ Принцессою Саксонскою; но въ то же самое время муропомазаніе принцессы Софіи, принявшей, съ православіемъ, имя Екатерины Алексѣевны, было послѣднимъ торжествомъ Лестока.

Еще до отъѣзда двора, Ададуровъ выслалъ Кириллѣ Григорьевичу камеръ-юнкерскій патентъ при письмѣ, изъ котораго видно, что при дворѣ ожидали скораго пожалованія Разумовскихъ въ графское достоинство:

„Милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ, при покорнѣйшемъ моемъ поздравленіи вашего высокоблагородія съ благополучнымъ начатіемъ сего года, имѣю честь служить при семъ присылкою вашего

---

[1]) Записки Порошина, 72.

[2]) Hermann's Gesch. d. russ. St. T. V, стр. 165.

[3]) Зап. Порошина, 72.

Какъ видно, многочисленныя произведенія и пожалованья этого дня дѣлались весьма безтолково. По крайней мѣрѣ, Екатерина Великая, по случаю мира съ Швеціею въ 1790 г. (8 августа), вспоминая про былыя времена, говорила Храповицкому о безпорядочномъ при Императрицѣ Елизаветѣ торжествѣ мира: „занимались только церемоніею и производились въ чины безъ всякихъ правилъ: видно, по внушенію Бестужева и Разумовскаго". Вообще Екатерина не была высокаго мнѣнія о дворѣ Елизаветы Петровны; разговаривая однажды съ тѣмъ же Храповицкимъ, она ему замѣтила о придворныхъ покойной тётки: „тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, а Сиверсъ—изъ лакеевъ" [1]).

ГЛАВА III.

Путешествіе въ Малороссію. — Возвращеніе графа Кирилы Григорьевича.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ государственныя дѣла вмѣшиваться не любилъ, онъ понималъ, что высшія правительственныя соображенія не про него писаны, что онъ къ этому дѣлу не подготовленъ. Къ тому же, свойственная всѣмъ истымъ малороссіянамъ лѣнь отстраняла его отъ головоломныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе значеніе его при дворѣ было громадное. Самыя приближенныя къ Государынѣ лица называютъ его „милостивымъ патрономъ" и обращаются къ нему за ходатайствомъ.

„Сіятельный графъ, милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ",— писалъ къ Разумовскому изъ Берлина, женатый на двоюродной сестрѣ Елизаветы, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ,— „братъ мой всегда ко мнѣ пишетъ о непремѣнной вашего сіятельства ко мнѣ милости и дружбѣ, которыя черезъ частыя напоминанія свидѣтельствовать изволили, за которыя ваше сіятельство покорнѣйше благодарствуя, съ моей стороны никогда не престану быть вашимъ вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ слугою. При семъ прилагаю письмо къ Ея И. В., которое покорно прошу немедленно вручить, ибо я Ея Величеству доносилъ о имѣвшемся сей день разговорѣ королевскомъ со мною, также приложилъ Французскую копію съ учиненной конвенціи между королемъ Прусскимъ и королемъ Англійскимъ для окончанія

[1]) Записки Храповицкаго. Изд. Барсукова, 68 и 346.

имѣющей войны; оное все нужно Ея Имп. Вел. вѣдать, и прошу ваше сіятельство меня о томъ увѣдомить и пр.“ [1]).

Тотъ же Воронцовъ черезъ Алексѣя же Григорьевича испрашивалъ отъ Государыни денегъ на покупку подмосковнаго села Троицкаго-Конкова. „Вашему сіятельству вѣдомо,—писалъ онъ,—что я ни одной русской деревни не имѣю, и для житія Московскаго необходимо въ близости деревню имѣть нужно. Хотя оная мнѣ никакого дохода приносить не будетъ, токмо разсуждая по добротѣ и близости къ Москвѣ, сія деревня, конечно, 10 тыс. руб. стоитъ. Я же не токмо 5,000 руб. денегъ не имѣю, но ниже ежегодное содержаніе моего дому безъ великаго долгу не проходитъ. Нынѣ принужденъ нахожусь алмазы или серебряные сервизы въ закладъ отдать, и едва ли оныя деньги съ процентами занять сыскать могу. Того ради, по благосклонной дружбѣ и милости вашего сіятельства ко мнѣ покорнѣйше прошу мнѣ милость показать и всемилостивѣйшей нашей Государынѣ доложить о всеподданнѣйшемъ моемъ прошеніи, дабы я деревнями награжденъ. Чрезъ которую высочайшую милость Е. И. В. я въ состояніе приведенъ буду въ пожалованномъ мнѣ толь знатномъ чинѣ не бѣдное житіе вести, и какъ накопившійся долгъ на мнѣ не въ долгомъ времени заплатить, такъ, не упуская случая, и сію деревню (Конково) купить. Вашему сіятельству вѣдомо, что я пренижайшее прошеніе Е. В. подалъ, и затѣмъ нынѣ вторично трудить всемилостивѣйшую Государыню отнюдь не смѣю. Токмо прошу ваше сіятельство милосердое сердце Е. В. упросить о милостивомъ услышаніи упомянутаго моего рабскаго прошенія, и ежели столь счастливъ буду, что Е. И. В. меня деревнями наградить благоизволитъ, всепокорно прошу приложенный указъ къ подписанію поднести. Сею высочайшею милостію Е. В. я премного награжденъ и обрадованъ буду и мнѣ ничего не останется на свѣтѣ желать, какъ токмо непремѣнное продолженіе дражайшей Е. И. В. милости. Я не престану Бога молить о долголѣтнемъ здравіи и благополучномъ царствованіи Е. И. В., а ваше сіят., за многія благодѣянія ваши, вѣчную благодарность и услуги мои при всѣхъ случаяхъ и фамиліи вашей оказывать не оставлю и пр.“ [2]).

Еще униженнѣе обращались къ Разумовскому братья Бестужевы. „Прошу васъ слезно“,—писалъ къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову графъ Михаилъ Петровичъ,—„замолвить за меня; такожде и его превосходительство, милостиваго государя моего Алексѣя Григорьевича, попроси, чтобъ и онъ милостивое слово за меня замолвилъ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, II, 608—609.

[2]) Тамъ же, II, 621—623.

и меня вѣрнаго и покорнаго вашего слугу, какъ скорѣе увѣдомить, какое мое есть преступленіе передъ Е. И. В." [1]).

Особенно же слезно вымаливалъ себѣ вотчины великій канцлеръ. „Убей Богъ душу мою",—писалъ онъ къ Разумовскому, отъ 7 декабря 1744 года,—„что ежели бы не сущая моя крайняя бѣдность и нищета меня принуждала, никогда бы не дерзнулъ не токмо Е. И. В., но ниже бы ваше сіятельство прошеніями моими потрудить; но Богъ тому свидѣтель, что къ прежнимъ моимъ долгамъ и разореніямъ въ разныя торжества и весьма убыточные сюда и отсюда переѣзды и не имѣя своихъ собственныхъ доходовъ, въ такіе новые долги пришелъ, что онаго на мнѣ болѣе сорока тысячъ находится, умалчевая о томъ, что изъ бѣднаго моего наслѣдства деревню за пять тысячъ продалъ, и почти всѣ пожитки подъ закладомъ, такъ что и подаренную мнѣ недавно отъ короля Шведскаго табакерку за десять тысячъ рублевъ заложилъ, дабы чѣмъ могъ до Санкт-Петербурха дотащиться. Но теперь до того пришло, что и кредиту нѣтъ, ни заложить больше нѣчего. Я не уповаю тѣмъ виновенъ быть, что не прежде или не вмѣстѣ со многими прочими, яко съ Нероновымъ, Сантіемъ, Минихомъ, Трубецкимъ, Румянцовыми о деревняхъ не просилъ. Я не чаю, чтобъ изъ оныхъ кто болѣе моего заслужилъ, а особливо послѣдній, которому въ девяносто гаковъ пожаловано, моими (обще съ покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бреверномъ) трудами и руководствомъ Абовскій миръ заключенъ и, слѣдовательно, яко воронъ чужими перьями украшивался. Ежели же паче чаянія въ квестію придти могло, что онымъ пожалованы изъ конфискованныхъ, а я прошу о коронныхъ деревняхъ, то и конфискованныя не Французской или Шведской коронѣ, но Е. же И. В., всемилостивѣйшей Государынѣ, Самодержицѣ нашей принадлежали. Но, какъ выше сего упомянуто, развѣ я тѣмъ виновенъ, что не прежде или не вмѣстѣ съ прочими о деревняхъ просилъ, ибо конфискованныя въ Лифляндіи почти всѣ уже розданы? Истинно, сіятельнѣйшій графъ, еще клянуся вамъ самимъ Богомъ, что ежели бы не толь мизерное мое состояніе было, то бы, не такъ какъ другіе, всеконечно никакими прошеніями моими не потрудилъ; а понеже уже милостивымъ вашимъ предстательствомъ въ просьбѣ моей самопожеланное начало учинено, что недѣли тому съ три назадъ, какъ Е. И. В. персонально мнѣ всемилостивѣйше обѣщать соизволила упрашиванныя мною деревни мнѣ пожаловать и для того повелитъ челобитную мою пріискать, того ради ваше сіятельство всепокорно-обязательнѣйше возблагодаря, всеуниженно прошу, по продолжающей вашей ко мнѣ милостивой про-

[1]) Архивъ князя Воронцова, II, 218.

проведенъ былъ вплоть до измайловскаго звѣринца. Здѣсь Государыня охотилась, а въ самомъ Перовѣ любила смотрѣть на игры и хороводы поселянъ [1]). 16-го мая, того же 1744 года, Алексѣй Григорьевичъ, чрезъ предстательство графа Кейзерлинга, русскаго посланника въ Дрезденѣ, былъ пожалованъ Императоромъ Карломъ VII [2]) въ рейхсъ-графы. Въ грамотѣ на графское достоинство римской имперіи сказано, что Разумовскіе происходятъ отъ знатной фамиліи Польскаго королевства — Рожинскихъ, изъ которой фамиліи Романъ Рожинскій поселился въ Малороссійскихъ городахъ, гдѣ его потомки, отъ своихъ полезныхъ заслугъ и многихъ благоразумныхъ совѣтовъ, употребляемое нынѣ прозваніе Разумовскихъ получили. Такимъ образомъ, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, префектъ Кіевской академіи, не первый сочинилъ эту фантастическую генеалогію, надъ которою впослѣдствіи не рѣдко посмѣивался Кирила Григорьевичъ и которая была напечатана подъ заглавіемъ:

„Философіа Арістотелева по умствованію періпатетиковъ изданная Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества природныя нашея великія Государыни всеавгустѣйшія Императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи вѣрному подданному, священныхъ Россійскаго и Римскаго Імперіи сіятельнѣйшему Рейхсъ-Графу, высокопревосходительнѣйшему Государственному Ягеръ-Мейстеру, Дѣйствительному Еяжъ Імператорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Оберъ-Камеръ-Геру, Лейбъ-Компаніи порутчику и многихъ орденовъ Кавалеру Его Высоко-Рейсъ-Графскому Сіятельству Алексію Григоріевичу Разумовскому, въ лѣтный славнаго Его Тезоименитства День. Приписанная на шировѣрной выпискѣ, изъ печатныхъ, Латинскихъ и Польскихъ книгъ о шляхетной генеалогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ, утвержденная въ четыры доводы, раздѣленная и публичними въ Академіи Могилозборовской Кіевской диспутами освидѣтельствованная чрезъ Всенижайшаго Слугу и Богомольца, Академіи Кіевскія Префекта и Тоежде Философіи Троекурснаго Учителя Іермонаха Михаила Козачинскаго Поднесенная. Отвѣтствовалъ же, сея жъ Философіи Слышатель, Греческаго, Еврейскаго и Нѣмецкаго Діалектовъ ученикъ Благородный Господинъ Григорій Щербацкій при учительствѣ Помянутаго Префекта Михаила. Въ Кіевѣ 1745 года, Марта 17 дня".

Какъ видно изъ перлюстраціи депешъ маркиза де-ла-Шетарди, пожалованіе Разумовскаго въ графы не пришлось по сердцу Бестужеву. Вѣроятно, ему не нравилось то, что въ одно время съ Разумовскимъ

---

[1]) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 189.

[2]) Карлъ VII, курфюрстъ Баварскій, Императоръ Германскій съ 1742 по 1745 годъ.

и въ ихъ особливыхъ надобностяхъ всегда предстателемъ былъ“ [1]). „Первый тогда фаворитъ“, говоритъ онъ далѣе, „св. Синода членамъ особливо благосклоненъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у Ея Величества предстательства и заступленія употреблялъ“ [2]). Протоіерей Дубянскій и архіепископъ Амвросій не ошиблись въ своемъ разсчетѣ и до конца жизни Елизаветы имѣли у трона скораго заступника и помощника. Это заступничество, вопреки жалобамъ Шаховского, имѣло отчасти и плодотворное дѣйствіе. Если не по иниціативѣ Разумовскаго, то по крайней мѣрѣ черезъ его посредство, учреждена была въ Свіяжскѣ особая коммиссія съ цѣлью распространять христіанство въ Заволжьѣ. Миссіонеры посылались и въ Сибирь, и на Кавказъ, и въ Камчатку. Въ Сибири и въ Камчаткѣ миссіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Изъ татаръ Казанской губерніи, благодаря неутомимой дѣятельности архимандрита Димитрія Сѣченова, возведеннаго впослѣдствіи, и весьма вѣроятно по предстательству Разумовскаго, на Новогородскую каѳедру, крестилось 360,000 человѣкъ, и многія тысячи Калмыковъ приняли вѣру христіанскую. Въ Вѣдомостяхъ безпрестанно появлялись извѣстія о присоединяемыхъ къ Православію, и Государыня очень часто бывала крестною матерью. Доброе сѣмя было брошено и начало уже пускать корни. Вслѣдъ за принятіемъ Христіанства неминуемо бы послѣдовало окончательное обрусѣніе края. Къ сожалѣнію, благіе начатки эти не принесли добраго плода и, благодаря равнодушію слѣдующихъ царствованій, пропали безъ слѣда. Екатерина, среди своихъ огромныхъ трудовъ, не имѣла времени заняться этимъ дѣломъ; при Павлѣ думали только о сокрушеніи всего, что было сдѣлано въ предыдущее царствованіе, и не оставалось времени на прочное созиданіе чего-либо новаго.

Рядомъ съ учрежденіемъ миссій упомянемъ еще объ основаніи въ Астрахани семинаріи для приготовленія проповѣдниковъ между иновѣрцами, о печатаніи Евангелія и духовныхъ книгъ для Грузинъ и наконецъ о новомъ изданіи всей Библіи, не появлявшейся въ печати съ самаго 1663 года. Къ сожалѣнію, это религіозное настроеніе имѣло и свою темную сторону. Набожностью Императрицы и Разумовскаго для достиженія своихъ цѣлей безпрестанно пользовались хитрые интриганы. „Я была окружена въ молодости“, говоритъ Императрица Екатерина, „богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду“ [3]). Конечно, религіозныя убѣжденія Алексѣя Гри-

[1]) Записки кн. Я. П. Шаховского, I, 64.

[2]) Тамъ же, I, 97.

[3]) „Сборникъ Русскаго Истор. Общества“. Письмо Екатерины къ г-жѣ Жофренъ отъ 15 января 1766 г.

горьевича были самыя искреннія. Вѣра его была чиста и изливалась изъ глубины души его; но нельзя не пожалѣть, что при всемъ его желаніи добра, отсутствіе всякаго образованія служило помѣхою. Онъ былъ часто орудіемъ ловкихъ и властолюбивыхъ царедворцевъ и лицъ прикрытыхъ рясою, конечною цѣлью которыхъ было по большей части не истинное благо духовенства и преуспѣяніе вѣры Христовой, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла.

Этимъ объясняется то, что, несмотря на исключительное положеніе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ при дворѣ, во все продолженіе царствованія Елизаветы, и на постоянное благорасположеніе къ нимъ Государыни и непрестанное ходатайство за нихъ Разумовскаго, собственно для улучшенія всего духовенства и раціональнаго усиленія его вліянія было сдѣлано или ничего, или такъ мало, что не стоитъ объ этомъ упоминать.

Другой вопросъ, возбудившій живое участіе въ Разумовскомъ — были дѣла Малороссіи. Здѣсь онъ дѣйствовалъ совершенно самобытно, руководимый единственно страстною любовью къ родинѣ. При дворѣ никто не обращалъ вниманія на отдаленную Украйну, до нея никому не было дѣла, и она, еще столь недавно пользовавшаяся правами свободы, стенала подъ игомъ правителей, насылаемыхъ изъ Петербурга. Права ея были забыты и, по свидѣтельству Георгія Конискаго, страшнымъ образомъ отозвались въ ней всѣ ужасы Бироновщины. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Елизаветы, по восшествіи на престолъ, было указать во время личнаго своего присутствія въ Сенатѣ 15 декабря 1741 г., чтобы имѣлось разсужденіе, какое облегченіе въ податяхъ и въ прочемъ можно сдѣлать Малороссійскому народу, чтобы онъ поправился отъ убытковъ, претерпѣнныхъ имъ въ бывшую Турецкую войну и вслѣдствіе пребыванія у него большого войска [1]. Кромѣ того, Государыня поручила управленіе Малороссіи бывшему любимцу своему, Александру Борисовичу Бутурлину. Бутурлинъ принялъ это назначеніе нехотя, съ условіемъ, что оно будетъ временное и только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться ко двору. Коронованіе Государыни вскорѣ послужило ему благимъ предлогомъ. Между тѣмъ, какъ скоро Бутурлинъ привезъ въ Малороссію манифестъ о восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, рѣшено было отправить въ Петербургъ съ поздравленіемъ депутатовъ отъ народа Малороссійскаго. На то избраны были Лубенскій полковникъ Петръ Апостолъ (сынъ послѣдняго гетмана) и бунчуковые товарищи Яковъ Марковичъ, Григорій Лизогубъ и Андрей Горленко. Послѣдній былъ тотъ самый Андрей Андреевичъ, съ которымъ Елизавета переписывалась будучи Цесаревной. Во время

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 42.

избранія своего въ депутаты, онъ находился уже въ Петербургѣ, откуда посылалъ запорожца Гриву за паспортомъ генеральнымъ на званіе депутата [1]). Весьма вѣроятно, что самое избраніе и отправленіе въ Петербургъ депутатовъ совершалось по его внушенію и, быть можетъ, онъ поѣхалъ впередъ съ семействомъ Разумихи, которому еще недавно передавалъ письма и посылки, присылаемыя съ „каморъ-динеромъ“ Игнатомъ Полтавцевымъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ депутаты отправляются на поклонъ къ Игнату Кириловичу Полтавцеву и „у него покаловъ по нѣскольку вина выпивши, подъ шумомъ“ въ свою квартиру возвратились [2]). Какъ мы видѣли, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ народомъ Малороссійскимъ. Вѣроятно, что сношенія начались еще до пріѣзда депутатовъ; во всякомъ случаѣ пребываніе ихъ при дворѣ еще болѣе скрѣпило связь Разумовскаго съ Малороссіею. Переписка стала оживленнѣе, и Марковичъ не разъ вручалъ Разумовскому письма отъ старшинъ генеральныхъ. Депутаты прибыли въ Петербургъ въ январѣ 1742 года. Алексѣй Григорьевичъ несказанно обрадовался землякамъ. „Были мы у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, нашего Малороссіянина“, говоритъ Марковичъ. Все, что можно было сдѣлать для радушнаго пріема депутатовъ, было сдѣлано Разумовскимъ. Государыня приняла ихъ отмѣнно милостиво. Въ день аудіенціи она, въ присутствіи дамъ и господъ, стоя выслушала привѣтъ, говоренный полковникомъ Лубенскимъ Апостоломъ. Ему отвѣчалъ оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ и обнадеживалъ милостью монаршею весь народъ Малороссійскій, а партикулярно депутатовъ. Разумовскаго депутаты посѣщали безпрестанно, то поутру „и были на водкѣ у Алексѣя Григорьевича“ [3]), то вечеромъ, и въ обществѣ Вишневскаго и Елагина „бокаловъ по 10-ти венгерскаго выпили и подпіахомъ“ [4]). Часто заставали они у него Государыню: „были во дворцѣ у Разумовскаго, гдѣ удостоились быть у ручки Ея Величества и милостивыя слова слышать“, и опять-таки „подпіахомъ“ [5]). Ихъ приглашали на всѣ маскарады и банкеты придворные, возили въ оперу, гдѣ „дѣвки Италіанки и кастратъ [6]) пѣли съ музыкою“; показывали имъ звѣринцы, кунсткамеру, академію и проч. Изъ Петербурга въ слѣдъ за дворомъ депутаты отправились въ Москву. Здѣсь продолжали они столь же часто посѣщать Разумовскаго,

---

[1]) Записки Марковича, II, 152.
[2]) Тамъ же, II, 157.
[3]) Тамъ же, II, 171.
[4]) Тамъ же, II, 158.
[5]) Тамъ же, II, 160.
[6]) Метастазій.

да еще нерѣдко бывали у отца духовнаго Дубянскаго, у стараго знакомаго Горленки, Полтавцева, у бандуриста Григорія Михайловича и у пѣвчаго Божка, двухъ земляковъ, всюдѣ возведенныхъ въ дворянство [1]). 25 апрѣля 1742, въ день коронованія, Малороссійскіе депутаты въ процессіи уступили шагъ одному только Лифляндскому ритершафту. Черезъ день послѣ коронованія они, на особой аудіенціи, поздравляли Государыню. Потомъ опять начались вечеринки у Разумовскаго, балы, куртаги, оперы маскарады и пр. Особенно была по сердцу Малороссіянамъ опера, „гдѣ въ изъясненіе милосердыхъ сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ Римскомъ и составленной на него конжюраціи чрезъ Синетуса и Лентулуса, съ наущенія Вителлія, дочери убіеннаго Виталлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч. при превзрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ“ [2]).

Кромѣ этихъ оффиціальныхъ торжествъ и обѣденныхъ пирушекъ у Разумовскаго, были еще у него болѣе интимные праздники, на которыхъ первыми гостями, разумѣется, были Малороссіяне. „Ѣздили мы въ домъ А. Г. Разумовскаго“, говоритъ Марковичъ, „гдѣ была сватьба его служителя со служебкою, и тамъ ми Малороссіяне (опять-таки) водіяхомъ“. Со свадьбы хохлы наши отправились, вѣроятно въ нѣсколько безобразномъ видѣ, во дворецъ, гдѣ былъ „фейерверкъ изрядный и контовый“ [3]). Эти свадьбы служителей со служебками не только у Разумовскаго, но и при дворѣ повторялись весьма часто и всегда съ особенною торжественностью. Описанія ихъ встрѣчаемъ мы почти на каждой страницѣ Камерфурьерскаго журнала, и рѣдкія проходили безъ присутствія Государыни. Недаромъ говорилъ Иванъ Лопухинъ Вергеру: „нынѣшняя Государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама просто живетъ...“ [4]). Елизавета Петровна бывала на свадьбахъ этихъ иногда „аки гостья“, иногда изъ двери или окошка инкогнито смотрѣла на веселіе придворной прислуги, или же только одѣвала или осматривала невѣсту во внутреннихъ покояхъ. Видя ласковый пріемъ, дѣлаемый депутатамъ при дворѣ, царедворцы наперехватъ угощали ихъ въ Московскихъ хоромахъ и зазывали въ под-

---

[1]) Записки Марковича, II, 157.

[2]) Тамъ же, II, 167—168. La Clementia di Tito, опера Метастазія, поставленная на московской сценѣ Штелинымъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Петербурга. Къ операѣ онъ придѣлалъ діалогъ: La Russia afflitta e riconsolata (Пекарскій, Извѣстія для біогр. Ломоносова).

[3]) Зап. Марковича, II, 166, 172, 175, 179.

[4]) Исторія Соловьева, XXI, 287.

московныя: князь Черкасскій въ Останкино, фельдмаршалъ князь Долгорукій въ Васильевское. Но среди удовольствій, депутаты не забывали своихъ интересовъ. Разумовскій былъ имъ во всемъ усердный патронъ и ходатай. Апостолъ успѣлъ выхлопотать матери своей, вдовѣ гетмана Даніила, ежегодную пенсію въ 300 руб.; кромѣ того, состоялись, безъ сомнѣнія исключительно подъ вліяніемъ Разумовскаго, слѣдующіе сенатскіе указы: 1) запрещено было строжайше Великороссіянамъ принимать Малороссіянъ въ кабалу; 2) приказано было составить особую коммиссію изъ Русскихъ и Малороссіянъ для смотрѣнія за свободными маетностями и 3) строжайше запрещено было Русскимъ, служащимъ на Украйнѣ и проѣзжающимъ черезъ нее, чинить обиды, забирать даромъ провіантъ, дрова и пр. Сняты были всѣ недоимки и уничтожены обременявшія жителей повинности [1]). Разрѣшенъ былъ снова переходъ крестьянъ съ мѣсто на мѣсто. Сведены были почты, учрежденныя во время Турецкой войны, и приказано содержать только одну—отъ Глухова по Кіевскому тракту. Наконецъ, какъ мы видѣли выше, возвращены были изъ Сибири ссыльные: Танскій, Костошъ и другіе, которые радушно были принимаемы и Алексѣемъ Григорьевичемъ и его матерью.

Мѣсто Бутурлина въ Малороссіи занялъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Бибиковъ, и Малороссійскіе члены войсковой генеральной канцеляріи получили право пользоваться равенствомъ съ Великороссійскими членами, право похищенное у нихъ Леонтьевымъ вопреки указа 1734 г. Кромѣ того, несомнѣнно тоже черезъ Разумовскаго, подтверждены были всѣ права и преимущества города Кіева.

Пріемъ, оказанный депутатамъ въ Петербургѣ, льготы ими привезенныя, разсказы ихъ о силѣ и вліяніи Разумовскаго при дворѣ, о любви его къ родинѣ и всегдашней готовности хлопотать и стоять за земляковъ, произвели сильное впечатлѣніе въ Малороссіи. Всѣ дохнули привольнѣе, во всѣхъ сердцахъ породилась надежда на будущія блага, и „генеральные старшины“ громко стали поговаривать объ избраніи гетмана.

Разумовскій давно грустилъ по родинѣ и думалъ только о томъ какъ бы попасть въ Малороссію. Малѣйшее его желаніе было закономъ при дворѣ. Елизавета сейчасъ же послѣ коронованія своего собралась въ Украйну. Отправлены были приказы объ исправленіи дороги въ Кіевъ и о строеніи дворцовъ на станціяхъ. Потомъ, по причинѣ недостатка въ лѣсѣ и изъ опасенія отяготить Малороссіянъ постройками, велѣно было приготовлять только отъ Глухова до Кіева погреба для питей и припасовъ [2]). Немедленно было приступлено къ

---

[1]) Исторія Соловьева XXIII, 42.

[2]) *Исторія Соловьева, XXI, 260.*

поправкѣ дороги черезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ и Ковелецъ. Она была расширена, мосты сдѣланы прочнѣе и поставлены раскрашенныя версты [1]). Но высшія государственныя соображенія принудили Елизавету отложить путешествіе. Дворъ возвратился въ Петербургъ. Война съ Швеціею, переговоры съ Англіею, Лопухинское дѣло не дозволяли Императрицѣ удаляться отъ Сѣвера. Но теперь, послѣ празднованія мира и обрученія Великаго Князя начались сборы къ отъѣзду. Ададуровъ извѣстилъ Кирилу Григорьевича о путешествіи или, какъ тогда выражались, походѣ Государынин слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Вашему сіятельству чрезъ сіе съ покорностію доношу, что Е. И. В. наша всемилостивѣйшая Государыня изволила 27 дня сего іюня по полудни въ 7 часовъ выступить изъ Москвы для воспріятія своего пути въ Кіевъ и, доѣхавъ до Коломенскаго, тамо ночевать изволила. За Ея Императорскимъ Величествомъ изволилъ слѣдовать и вашъ братецъ, его высокографское сіятельство, который находится, слава Богу, въ совершенно добромъ здравіи и пожелаемомъ благополучіи. За день передъ тѣмъ туда же изволили отправиться по полудни въ 4-мъ часу Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княжна, также и Ея Свѣтлѣйшая Государыня мать. Печать родоваго гербу [2]) ваше сіятельство можете вырѣзать съ той, которую къ вамъ отъ братца письма будутъ печа-

[1]) Бант. Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 219—220.

[2]) Вотъ описаніе герба Разумовскихъ, заимствуемое нами изъ Гербовника (ч. I, стр. 20—21). Щитъ, раздѣленный перпендикулярно на двѣ части, имѣетъ золотое и черное поле, въ коихъ изображенъ двоеглавый коронованный орелъ, перемѣнныхъ съ волями цвѣтовъ; на груди сего орла голубой щитокъ, содержащій серебряную двумя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперекъ пробитую лату. Сверхъ всего щита положена графская корона, подъ которою поставленъ серебряный коронованный шлемъ о десяти золотыхъ обручахъ, по краямъ золотомъ обложенный, съ висящимъ на немъ золотымъ клейнодомъ и съ стоящимъ сверхъ короны голубинъ прапоромъ, изображеннымъ на немъ вышеписанною серебряною латою украшенныхъ, при которой приложены двѣ красныя крестообразно вверхъ летящія стрѣлы. По сторонамъ щита опущенъ наметъ, съ правой стороны краснаго и чернаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ, а съ лѣвой голубого и краснаго, подложенный серебромъ. На мѣсто щитодержателей, съ одной стороны вооруженный Скиѳъ, съ откровенною головою, лѣвою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе голубое, нижнее красное, епанча и поясъ, на которомъ виситъ сабля, серебряные, а скиѳскій лукъ, колчанъ и сабля золотые. Съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный Полякъ съ откровенною головою, правою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ метательное копье держащій. Внизу подпись: „Famam extendere factis“. „Щитодержатель Полякъ и Скиѳъ, сказано въ диплома на графское достоинство Кирилы Григорьевича, изображены для показанія начала фамиліи Разумовскихъ“, *т.-е. происхожденія* отъ Рожинскихъ.

таны. Она уже у мастера и вырѣзывается на стали; я чаю, что скоро и поспѣетъ. Оная можетъ вашему сіятельству для запечатыванія вашихъ писемъ служить до тѣхъ поръ, пока дипломъ на графское достоинство къ вамъ присланъ будетъ. Я получилъ указъ, чтобы ѣхать въ Кіевъ вчера и надѣюсь завтра или въ среду конечно отправиться. И такъ, какъ вашему сіятельству угодно будетъ впередъ къ братцу писать, то можете адресовать оныя чрезъ графа Михаила Петровича (или какъ ваше сіятельство сами за благо изобрѣсти изволите) къ великому канцлеру его сіятельству графу Алексѣю Петровичу, до тѣхъ поръ, пока дворъ изъ Кіева возвратится. Я надѣюсь, что такимъ способомъ письма вашего сіятельства къ братцу очень вѣрно доходить будутъ. Наконецъ, рекомендуя себя въ милость вашего сіятельства, пребываю со всесовершеннымъ респектомъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій и нижайшій слуга Василій Ададуровъ. Въ Москвѣ 30 іюня 1744 [1]).“

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій находился въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ матерью, которую нѣжно любилъ. Онъ радѣлъ о ней изъ Петербурга и не только о ней одной, но и о всѣхъ вообще родственникахъ своихъ. Всѣ они стали зажиточными, если не богатыми людьми. Вотъ письмо графа Алексѣя Григорьевича, относящееся къ 1743 г. и свидѣтельствующее о томъ, какъ онъ заботился о матери. Письмо это собственноручное, и мы печатаемъ его съ сохраненіемъ правописанія подлинника: „Милостивая Государыня матушка. Сказувалъ мнѣ Степанъ Лутай, что желаніе ваше есть, чтобы смотреть за теми дворами іхуторами которія ви ізволили сами покупать; і ежели то подленно такъ то прошу меня уведомить; то я срадостію велю іхъ отдать вамъ, нетолько хуторъ и двори но і одамовку [2]) отдать велю, однакъ вы ізволите сними делать то въ вамъ вашей і кому хочете ізволите приказать заними смотретъ і ежели ещо что надобно то прошу мене увѣдомить і я всё то готовъ (вычеркнуто: для васъ зделать) для тебе государыня матушка зделать лишь бы тень не било вамъ затрудненія всмотреніи; да прикажи матушка прислать описанія всемъ темъ деревнямъ которія пожалованы зятямъ і дядюшкамъ і ондреенкамъ [3]). Дворецково Степана Лутая вамъ рекомандую вмилость, которово посылаю для услугъ вашихъ и бить ему безъ отлучно при васъ, куда нейзволите поехать, і извольте і приказувать каксвоимъ слугою і онъ вамъ надеюсь будетъ угоденъ ко услугамъ; ежели ізволите куда писма писать, государыня матушка, то извольте приказать дворецкому Степану чтобы

---

[1]) Изъ Архива гр. Уварова.

[2]) Адамовка, бывшее имѣніе Миниха, было, какъ мы видѣли выше, пожаловано Алексѣю Григорьевичу 19 іюня 1742.

[3]) *Андреенки—племянники* Натальи Демьяновны, сыновья ея брата Андрея.

горьевича были самыя искреннія. Вѣра его была чиста и изливалась изъ глубины души его; но нельзя не пожалѣть, что при всемъ его желаніи добра, отсутствіе всякаго образованія служило помѣхою. Онъ былъ часто орудіемъ ловкихъ и властолюбивыхъ царедворцевъ и лицъ прикрытыхъ рясою, конечною цѣлью которыхъ было по большей части не истинное благо духовенства и преуспѣяніе вѣры Христовой, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла.

Этимъ объясняется то, что, несмотря на исключительное положеніе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ при дворѣ, во все продолженіе царетвованія Елизаветы, и на постоянное благорасположеніе къ нимъ Государыни и непрестанное ходатайство за нихъ Разумовскаго, собственно для улучшенія всего духовенства и раціональнаго усиленія его вліянія было сдѣлано или ничего, или такъ мало, что не стоитъ объ этомъ упоминать.

Другой вопросъ, возбудившій живое участіе въ Разумовскомъ — были дѣла Малороссіи. Здѣсь онъ дѣйствовалъ совершенно самобытно, руководимый единственно страстною любовью къ родинѣ. При дворѣ никто не обращалъ вниманія на отдаленную Украйну, до нея никому не было дѣла, и она, еще столь недавно пользовавшаяся правами свободы, стенала подъ игомъ правителей, насылаемыхъ изъ Петербурга. Права ея были забыты и, по свидѣтельству Георгія Конискаго, страшнымъ образомъ отозвались въ ней всѣ ужасы Бироновщины. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Елизаветы, по восшествіи на престолъ, было указать во время личнаго своего присутствія въ Сенатѣ 15 декабря 1741 г., чтобы имѣлось разсужденіе, какое облегченіе въ податяхъ и въ прочемъ можно сдѣлать Малороссійскому народу, чтобы онъ поправился отъ убытковъ, претерпѣнныхъ имъ въ бывшую Турецкую войну и вслѣдствіе пребыванія у него большого войска [1]). Кромѣ того, Государыня поручила управленіе Малороссіи бывшему любимцу своему, Александру Борисовичу Бутурлину. Бутурлинъ принялъ это назначеніе нехотя, съ условіемъ, что оно будетъ временное и только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться ко двору. Коронованіе Государыни вскорѣ послужило ему благимъ предлогомъ. Между тѣмъ, какъ скоро Бутурлинъ привезъ въ Малороссію манифестъ о восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, рѣшено было отправить въ Петербургъ съ поздравленіемъ депутатовъ отъ народа Малороссійскаго. На то избраны были Лубенскій полковникъ Петръ Апостолъ (сынъ послѣдняго гетмана) и бунчуковые товарищи Яковъ Марковичъ, Григорій Лизогубъ и Андрей Горленко. Послѣдній былъ тотъ самый Андрей Андреевичъ, съ которымъ Елизавета переписывалась будучи Цесаревной. Во время

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 42.

не *фасталъ* бы и не славился бъ тѣмъ, что онъ мнѣ родня, но дождались бы на вышепоказанномъ старомъ моемъ Козелецкомъ домѣ моего свиданія. При томъ доношу вамъ, милостивая государыня, предъ недавнымъ временемъ писалъ ко мнѣ Гамѳъ (?) о своей обидѣ, учиненной ему якобы отъ Ѳедора Демьяновича, что мнѣ весьма противно, и для того велѣлъ я Семену Пустòтѣ той часъ о томъ обстоятельно изслѣдовать и обидимое возвратить. Васъ же, м. г., покорно прошу отъ себя и отъ мене какъ Ѳедору Демьяновичу такъ и всѣмъ имъ наижесточайше и крайне запретить, чтобы они отнюдь никому впредь никакихъ обидъ и озлобленій не дѣлали, о чемъ отъ мене и къ Семену Пустòтѣ писано, понеже зато очень худо можетъ слѣдовать. Ежели же кто съ нихъ въ томъ явился бы ослушнымъ и противнымъ, то о томъ той часъ приказать ко мнѣ написать и ожидать на то моей резолюціи. Платьямъ какъ сестрицамъ, такъ зятямъ, дядямъ, тѣткамъ и Андреенкамъ [1]) къ пріѣзду моему велѣно отъ меня дѣлать Семену Пустòтѣ, а изъ чего кому, о томъ въ моемъ къ нему указѣ показано. Что же вы, м. г., изволили писать о господинѣ ротмистрѣ (?) то я въ томъ стараться буду, чтобъ его удовольствовать, и о томъ впердъ вамъ донесть непремину. Нынѣ же, прося вашего благословенія, съ обыкновеннымъ моимъ повиновеніемъ пребываю, м. г. матушка, вамъ послушный и покорный сынъ и слуга „*граф*ъ Алексѣй Разумовскій".

„P. S. Что изволили вы, м. г. матушка, писать и требовать, гдѣ бъ именно вамъ и съ кѣмъ Е. В. встрѣтить: на то вамъ доношу, что я о томъ удобнѣе не сыскалъ, какъ въ Нѣжинѣ; да и то чтобъ какъ изъ своихъ, такъ и изъ постороннихъ при васъ никого бы не было, кромѣ Семена Пустòты и другихъ служителей. Степану жъ Рыбалкину быть безотлучно при новомъ моемъ Алексѣевскомъ домѣ. Впредь же я о семъ еще буду обстоятельно писать, нынѣжъ доношу, что братъ Кирила Григорьевичь въ чужихъ краяхъ; слава Богу находится въ добромъ здравіи и въ наукѣ своей успѣваетъ".

„1744 іюля 5 дня съ Москвы". [2]).

Поѣздъ Государыни былъ огромный; ее сопровождали Разумовскій, гофмейстеръ Шепелевъ, графъ Салтыковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, два архіепископа, графиня Румянцева, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, Брюммеръ, Берхгольцъ, сочинитель извѣстныхъ Записокъ (о первомъ пребываніи его въ Россіи), Декенъ и пр. пр. [3]). Вся свита состояла изъ

---

[1]) Павелъ и Корнѣй Андреевичи Демѣшки.

[2]) Изъ богатаго семейнаго архива Г. П. Галагана, находящагося въ великолѣпномъ его селѣ Сокирницахъ, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи.

[3]) Зап. Марковича, II, 209 и Mémoires de Catherine, II, 18.

да еще нерѣдко бывали у отца духовнаго Дубянскаго, у стараго знакомаго Горленки, Полтавцева, у бандуриста Григорія Михайловича и у пѣвчаго Божка, двухъ земляковъ, вскорѣ возведенныхъ въ дворянство [1]). 25 апрѣля 1742, въ день коронованія, Малороссійскіе депутаты въ процессіи уступили шагъ одному только Лифляндскому ритершафту. Черезъ день послѣ коронованія они, на особой аудіенціи, поздравляли Государыню. Потомъ опять начались вечеринки у Разумовскаго, балы, куртаги, оперы маскарады и пр. Особенно была по сердцу Малороссіянамъ опера, „гдѣ въ изъясненіе милосердыхъ сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ Римскомъ и составленной на него конжюраціи чрезъ Синетуса и Лентулуса, съ наущенія Виттеліи, дочери убіеннаго Виталія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч. при превеликомъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ“ [2]).

Кромѣ этихъ оффиціальныхъ торжествъ и обѣденныхъ пирушекъ у Разумовскаго, были еще у него болѣе интимные праздники, на которыхъ первыми гостями, разумѣется, были Малороссіяне. „Ѣздили мы въ домъ А. Г. Разумовскаго“, говоритъ Марковичъ, „гдѣ была сватьба его служителя со служебкою, и тамъ мы Малороссіяне (опять-таки) подпіяхомъ“. Со свадьбы хохлы наши отправились, вѣроятно въ нѣсколько безобразномъ видѣ, во дворецъ, гдѣ былъ „фейерверкъ изрядный и коштовый“ [3]). Эти свадьбы служителей со служебками не только у Разумовскаго, но и при дворѣ повторялись весьма часто и всегда съ особенною торжественностью. Описанія ихъ встрѣчаемъ мы почти на каждой страницѣ Камерфурьерскаго журнала, и рѣдкія проходили безъ присутствія Государыни. Недаромъ говорилъ Иванъ Лопухинъ Бергеру: „нынѣшняя Государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама просто живетъ...“ [4]). Елизавета Петровна бывала на свадьбахъ этихъ иногда „аки гостья“, иногда изъ двери или окошка инкогнито смотрѣла на веселіе придворной прислуги, или же только одѣвала или осматривала невѣсту во внутреннихъ покояхъ. Видя ласковый пріемъ, дѣлаемый депутатамъ при дворѣ, царедворцы наперехватъ угощали ихъ въ Московскихъ хоромахъ и зазывали въ под-

---

[1]) Записки Марковича, II, 157.

[2]) Тамъ же, II, 167—168. La Clementia di Tito, опера Метастазія, поставленная на московской сценѣ Штелинымъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Петербурга. Къ операѣ онъ придѣлалъ діалогъ: La Russia affiitta e riconsolata (Пекарскій, Извѣстія для біогр. Ломоносова).

[3]) Зап. Марковича, II, 166, 172, 175, 179.

[4]) Исторія Соловьева, XXI, 287.

три недѣли въ Козелецъ [1]) и еще три другихъ недѣли прождали тамъ Императрицу", повѣствуетъ Екатерина II, „путешествіе которой было задержано разными обстоятельствами. Мы узнали въ Козельцѣ, что дорогою нѣсколько лицъ изъ свиты Государыни были отправлены въ ссылку и что она сама была въ очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ въ серединѣ мѣсяца она пріѣхала въ Козелецъ и мы тамъ оставались до конца Августа". Такъ какъ Великій Князь проѣхалъ черезъ Глуховъ 3-го Августа, а Государыня пріѣхала туда 6-го и выѣхала оттуда 7-го [2]), то ясно, что она до пріѣзда въ Козелецъ гостила въ Алексѣевскомъ новомъ домѣ графа Алексѣя Григорьевича. Пріемъ сдѣланный Елизаветѣ въ Толстодубовѣ, подъ Глуховымъ на самомъ рубежѣ Украйны, былъ великолѣпенъ. 10 полковъ регистровыхъ, 2 компанейскихъ и нѣсколько отрядовъ изъ надворной гетманской корогвы, генеральные старшины и бунчуковые товарищи расположились лагеремъ въ шести верстахъ отъ Есмани [3]). Полки были выстроены въ одну линію, въ два рада; первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, обскакивалъ весь фронтъ и другой полкъ и останавливался за послѣднимъ, второй дѣлалъ то же и такимъ образомъ Государыня видѣла неразрывную цѣпь полковъ до Глухова. Войска были одѣты заново въ синихъ черкескахъ съ вылетами и широкихъ шароварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками [4]). Государыня, въ свитѣ которой находились: графъ Алексѣй Григорьевичъ, оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ, гофмаршалъ Шепелевъ, графъ Салтыковъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, „прочихъ камергеровъ довольно", архіепископы — Сарскій и Подонскій — Платонъ Малиновскій, Переяславскій — Арсеній Могилянскій [5]), и духовникъ Ѳ. Я. Дубянскій [6]), 5-го Августа въ четвертомъ часу пополудни была встрѣчена казацкими войсками подъ начальствомъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба. Такъ какъ Императрица подвигалась весьма медленно и часто выходила изъ кареты, казаки дѣлали свои повороты безъ всякаго затрудненія. Елизавета веселилась и удивлялась встрѣчѣ

---

[1]) Екатерина, вмѣсто Козелецъ, пишетъ Козельскъ. Вообще видно, что память ей нѣсколько измѣнила въ этомъ мѣстѣ. Императрицу они не могли ожидать въ Козельцѣ три недѣли, такъ какъ 29 Августа дворъ уже торжественно въѣхалъ въ Кіевъ. Вѣроятно все пребываніе въ Козельцѣ было трехъ-недѣльное. Намъ также неизвѣстно кто изъ свиты Государыни былъ отправленъ въ ссылку. Mémoires de Catherine, II, 19.

[2]) Зап. Марковича, II, 209—210.

[3]) Тамъ же II, 209.

[4]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи", II, 627 и „Исторія Руссовъ", 244.

[5]) Платонъ Малиновскій изъ префектовъ кіевской академіи хиротонисанъ 1750, † 1754 архіепископомъ московскимъ. Арсеній Могилянскій изъ архимандритовъ Троицкой лавры хиротонисанъ 1744, † 1770 митрополитомъ кіевскимъ.

[6]) Зап. Марковича, II, 210.

поправкѣ дороги черезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ и Ковелецъ. Она была расширена, мосты сдѣланы прочнѣе и поставлены раскрашенныя версты [1]). Но высшія государственныя соображенія принудили Елизавету отложить путешествіе. Дворъ возвратился въ Петербургъ. Война съ Швеціею, переговоры съ Англіею, Лопухинское дѣло не дозволяли Императрицѣ удаляться отъ Сѣвера. Но теперь, послѣ празднованія мира и обрученія Великаго Князя начались сборы къ отъѣзду. Ададуровъ извѣстилъ Кирилу Григорьевича о путешествіи или, какъ тогда выражались, походѣ Государыни слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Вашему сіятельству чрезъ сіе съ покорностію доношу, что Е. И. В. нама всемилостивѣйшая Государыня изволила 27 дня сего іюня по полудни въ 7 часовъ выступить изъ Москвы для воспріятія своего пути въ Кіевъ и, доѣхавъ до Коломенскаго, тамо ночевать изволила. За Ея Императорскимъ Величествомъ изволилъ слѣдовать и вашъ братецъ, его высокографское сіятельство, который находится, слава Богу, въ совершенно добромъ здравіи и пожелаемомъ благополучіи. За день передъ тѣмъ туда же изволили отправиться по полудни въ 4-мъ часу Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княжна, также и Ея Свѣтлѣйшая Государыня мать. Печать родоваго гербу [2]) ваше сіятельство можете вырѣзать съ той, которую къ вамъ отъ братца письма будутъ печа-

[1]) Бант. Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 219—220.

[2]) Вотъ описаніе герба Разумовскихъ, заимствуемое нами изъ Гербовника (ч. I, стр. 20—21). Щитъ, раздѣленный перпендикулярно на двѣ части, имѣетъ золотое и черное поле, въ коихъ изображенъ двоеглавый коронованный орелъ, перевѣнныхъ съ полями цвѣтовъ; на груди сего орла голубой щитокъ, содержащій серебряную двумя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперекъ пробитую лату. Сверхъ всего щита положена графская корона, подъ которою поставленъ серебряный коронованный шлемъ о десяти золотыхъ обручахъ, по краямъ золотомъ обложенный, съ висящимъ на немъ золотымъ клейнодомъ и съ стоящимъ сверхъ короны голубымъ прапоромъ, изображенною на немъ вышеписанною серебряною латою украшеннымъ, при которой приложены двѣ красныя крестообразно вверхъ летящія стрѣлы. По сторонамъ щита опущенъ наметъ, съ правой стороны краснаго и чернаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ, а съ лѣвой голубого и краснаго, подложенный серебромъ. На мѣсто щитодержателей, съ одной стороны вооруженный Скиѳъ, съ откровенною головою, лѣвою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе голубое, нижнее красное, эпанча и поясъ, на которомъ виситъ сабля, серебряные, а скиѳскій лукъ, колчанъ и сабля золотые. Съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный Полякъ съ откровенною головою, правою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ метательное копье держащій. Внизу подпись: „Famam extendere factis“. „Щитодержатель Полякъ и Скиѳъ, сказано въ дипломѣ на графское достоинство Кирилы Григорьевича, изображены для показанія начала фамиліи Разумовскихъ“, т.-е. происхожденія отъ Рожинскихъ.

тѣсно жили и другіе. Однажды Великій Князь зашелъ къ намъ въ комнату, въ то время когда матушка писала. Около нея стояла открытая шкатулка, въ которой онъ сталъ изъ любопытства шарить. Матушка сказала ему не трогать шкатулки; онъ отошелъ въ другой уголъ комнаты и сталъ прыгать. Но прыгая, чтобы разсмѣшить меня, онъ нечаянно задѣлъ за крышку шкатулки и уронилъ ее. Матушка разсердилась и они стали обмѣниваться крупными словами. Матушка упрекала Великаго Князя въ томъ, что онъ преднамѣренно уронилъ шкатулку, а тотъ громко жаловался на ея несправедливость; оба вызывали меня въ свидѣтельницы. Зная нравъ матушки, я боялась получить пощечину, если не буду на ея сторонѣ; въ то же время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни огорчать Великаго Князя. Такимъ образомъ я очутилась между двумя огнями. Однако я сказала матушкѣ, что навряд ли Великій Князь сдѣлалъ это умышленно, такъ какъ, прыгая онъ нечаянно зацѣпилъ кафтаномъ за крышку шкатулки, стоявшей на весьма низкомъ табуретѣ. Матушка, которой необходимо было излить на комъ либо гнѣвъ свой, накинулась на меня. Я замолчала и стала плакать. Великій Князь, видя мои слезы и то, что меня бранятъ изъ за него, сталъ упрекать ее въ несправедливости и назвалъ гнѣвъ ея бѣшенствомъ, та назвала его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ, трудно было, безъ драки, довести далѣе ссору. Съ этихъ поръ Великій Князь возненавидѣлъ матушку. Онъ никогда не забылъ этой ссоры, а матушка съ своей стороны была злопамятна и въ отношеніяхъ между ними стали проявляться принужденность, недовѣрчивость и вѣчныя колкости“ [1]). Во время пребыванія въ Козельцѣ Елизавета Петровна познакомилась съ сестрами, зятьями и вообще всею роднею Алексѣя Григорьевича. Домъ, въ которомъ жила Государыня и спорили Великій Князь съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою, существуетъ понынѣ. Отъ Натальи Демьяновны онъ перешелъ къ дочери ея Вѣрѣ Григорьевнѣ Дараганъ, а отъ нея — къ правнуку Григорію Павловичу Галагану. Въ немъ сохранилось кресло, на которомъ сиживала Елизавета Петровна, и многіе семейные портреты. Въ послѣднихъ числахъ Августа дворъ двинулся изъ Козельца. За 60 верстъ отъ Кіева представились Императрицѣ нѣсколько избранныхъ лицъ духовенства и гражданства Кіевскаго; встрѣча въ самомъ Кіевѣ, 29 Августа, была чрезвычайно торжественна: въ ней приняло участіе все народонаселеніе города. Воспитанники духовной академіи ожидали Елизавету Петровну въ видѣ греческихъ боговъ, героевъ и даже миѳологическихъ животныхъ. Съ помощью машинъ, частью выписанныхъ, частью и собственнаго изобрѣтенія, произведены были разныя удивительныя явленія „къ удо-

[1]) *Mémoires de* Catherine, II, 19—21.

вольствію Императрицы; между прочимъ, выѣзжалъ за городъ важный старикъ, самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два пѣтическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя Кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ Государыню на берегу Днѣпра, у конца моста, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе и поручалъ его и весь народъ Русскій въ милостивое ея покровительство" [1]). Всѣ полковники по дистанціямъ до Кіева съ полчанами своими подавали челобитья съ прошеніемъ о гетманѣ. Государыня въ Кіевѣ оставалась двѣ недѣли. Она была въ восторгѣ и отъ пріема и отъ самаго Кіева, и однажды произнесла всенародно: „Возлюби меня, Боже, въ царствіи небесномъ Твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый". Она посѣщала церкви и монастыри, гдѣ оставляла богатые вклады, собственноручно золотила великолѣпную церковь Андрея Первозваннаго и повелѣла строить въ Кіевѣ дворецъ [2]). На возвратномъ пути Государыня опять посѣтила Козелецъ. Здѣсь она снова остановилась на нѣсколько дней, такъ какъ выѣхала изъ Кіева 11-го Сентября, а въ Глуховъ прибыла только 20-го. Такимъ образомъ почти все время своего пребыванія въ Малороссіи, за исключеніемъ 14 дней, посвященныхъ Кіеву, она пробыла въ гостяхъ у графа Алексѣя Григорьевича. Наталья Демьяновна съ дочерьми проводила Государыню до Нѣжина и была Императрицею приглашена съ ними въ Петербургъ на свадьбу наслѣдника престола. Въ Глуховѣ Елизавета Петровна провела двое сутокъ, и крестила тамъ сына у генеральнаго есаула Якубовича и дочь у генеральнаго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго. Въ Глуховѣ же при дворѣ праздновалась свадьба управляющаго графа Алексѣя Григорьевича, Семена Пустóты, съ дочерью Вибельскаго сотника Тризны [3]). Въ отвѣтъ на прошеніе о гетманѣ старшинамъ генеральнымъ было приказано прислать въ Петербургъ торжественную депутацію ко дню бракосочетанія наслѣдника. Невольно приходитъ на умъ (хотя, впрочемъ, это одно только предположеніе), не думала ли Елизавета сдѣлать гетманомъ своего супруга, и не отказался ли онъ отъ этого съ своею обычною скромностью, предлагая на свое мѣсто брата Кирилу? Какъ бы то ни было, но рѣшеніе вопроса объ избраніи гетмана было на время отложено.

Лишь только Императрица проѣхала черезъ Нѣжинъ, какъ тамъ

---

[1]) „Исторія Руссовъ", 244. Описаніе Кіева I, 82—88.

[2]) Тамъ же.

[3]) Зап. Марковича *II, 212.*

разыгралась исторія, которая была крайне непріятна для графа Алексѣя Григорьевича и которую никакъ не могли предупредить всѣ его заботливыя письма о томъ, какъ родственники должны были держать себя. Между гвардейцами, изъ первыхъ перешедшихъ на сторону Елизаветы Петровны, находился нѣкто Грюнштейнъ. Онъ былъ человѣкъ вздорный и буйный. Хотя онъ получилъ значительныя имѣнія послѣ воцаренія Елизаветы, однако онъ не удовольствовался этимъ. Онъ хотѣлъ разыгрывать политическую роль и объявилъ себя открытымъ противникомъ генералъ-прокурора князя Трубецкаго. Въ Петербургѣ оказался недостатокъ въ соли. Грюнштейнъ воспользовался этимъ случаемъ, явился къ графу А. Г. Разумовскому и объявилъ, что если онъ не уговоритъ Государыню, пользуясь своимъ вліяніемъ на нее, удалить Трубецкаго, то онъ, Грюнштейнъ, убьетъ его на мѣстѣ прежде чѣмъ кто-нибудь успѣетъ опомниться, и хотя бы даже это стоило ему жизни. Но, разставаясь съ жизнію онъ вынесетъ убѣжденіе, что спасъ Императрицу и государство отъ самаго зловреднаго человѣка, тяготящаго землю. Угроза эта прошла для Грюнштейна безъ послѣдствій, но это не научило его уму-разуму. Самъ Грюнштейнъ былъ сынъ крещенаго еврея изъ Саксоніи. До поступленія въ военную службу онъ велъ скитальческую жизнь по Россіи. Романтическія похожденія, разсказанныя имъ Пецольду, сильно отзываются неправдою [1]). Въ 1744 г., состоя адъютантомъ при лейбъ-компаніи, онъ въ числѣ другихъ компанейцевъ слѣдовалъ за Государынею въ Кіевъ. 19-го Сентября Императрица проѣхала обратно изъ Кіева черезъ Нѣжинъ. Вечеромъ того-же дня во второмъ часу по-полуночи, Власъ Климовичъ alias Будлянскій съ женою Агаѳьею Григорьевною возвращался восвояси со двора, гдѣ останавливалась Наталья Демьяновна. Ѣхалъ онъ въ колескѣ, съ двумя верховыми впереди. Въ темнотѣ, на большой Кіевской дорогѣ, экипажъ Будлянскаго столкнулся съ коляскою Грюнштейна, у которой мазали колеса. Грюнштейнъ выскочилъ изъ коляски, сталъ кричать: „что за канальи ѣздятъ, не сворачиваютъ съ дороги и не отдаютъ честь генералитету“, и велѣлъ стащить съ лошади ѣхавшаго передъ коляскою Будлянскаго слугу его Дегтяренку, который объявилъ, что ѣдетъ сестрица графа Разумовскаго съ мужемъ. Услыхавъ это, Грюнштейнъ сталъ бранить Алексѣя Григорьевича скверными словами и закричалъ: „Я Разумовскаго услугою лучше и онъ черезъ меня имѣетъ счастіе, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ, его Государыня жалуетъ, а мы погибаемъ!“ При этомъ онъ ударилъ въ лицо кучера Будлянскаго, столкнулъ его съ козелъ и велѣлъ бить другихъ слугъ. Власъ Климовичъ захотѣлъ за нихъ всту-

---

[1]) „*Сборникъ* Русск. Истор. Общ.“, VI, 392—94. Депеши Пецольда.

230 человѣкъ [1]). Старшины генеральные взяли-было на себя поставку лошадей и провизіи на станціяхъ отъ Глухова до Кіева. Рѣшено было подготовить 4000 лошадей; но Алексѣй Григорьевичъ писалъ къ Бибикову, что всѣхъ лошадей нужно будетъ 23,000, такъ что принуждены были ихъ собирать съ обывателей [2]). Не безъ интереса будетъ здѣсь выписать, сколько какой провизіи для этой свиты положено было поставить каждому старшинѣ. Вотъ что обязался поставить Марковичъ: „Вина волжскаго два ведра, крымскаго 2, яловицъ 2, телятъ 2, валуховъ 10, ягнятъ 8, каплуновъ 10, курчатъ 50, индѣекъ 4, гусей 7, утокъ 20, поросятъ 8, кабановъ 2, яицъ 500, уксусу 1 ведро, масла 1 пудъ, ветчины 4 окорока, муки пшеничной 1 четверть, муки ситной 2 четв., грибовъ 500, патоки 15 фунт., водки двойной 10 ведръ, крупъ гречневыхъ 3 четверика, пшена 3 тоже, сала полпуда“. Отецъ Марковича раскопалъ даже плотину въ своемъ прудѣ, чтобы наловить болѣе рыбы [3]).

Великій Князь съ Великою Княжною и Принцессою Цербстскою выѣхали впередъ. Они помѣстились въ двухъ каретахъ. Въ одной сидѣли Принцесса, Великая Княжна, графиня Румянцева и статсъ-дама Принцессы, въ другой Великій Князь, Брюммеръ, Берхгольцъ и Декенъ. Великому Князю скоро надоѣло общество педагоговъ, онъ пересѣлъ въ карету Принцессы и уже болѣе не захотѣлъ изъ нея выходить. Принцессѣ общество его было не по вкусу, и для развлеченія она пригласила къ себѣ въ карету молодыхъ людей, находившихся въ ея свитѣ: князя Александра Михайловича Голицына и графа Захара Григорьевича Чернышева [4]). Но въ каретѣ стало слишкомъ тѣсно, тогда вспомнили о повозкахъ, въ которыхъ перевозились постели; одну изъ нихъ наскоро уладили, постели всѣ убрали и наставили скамеекъ; такимъ образомъ путешествіе окончилось самымъ веселымъ образомъ, къ великому негодованію престарѣлыхъ придворныхъ, крайне другъ другу надоѣвшихъ, сидя все время вмѣстѣ [5]). За два дня до Государыни проѣхалъ поѣздъ Великаго Князя черезъ Глуховъ и остановился въ Козельцѣ, въ новомъ домѣ графа Алексѣя Григорьевича. „Мы всѣ ожидаемъ здѣсь съ нетерпѣніемъ пріѣзда нашей божественной Императрицы“, писала изъ Козельца, отъ 14 августа, Принцесса Іоганна Елизавета къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову,... „здѣшній домъ графа Разумовскаго чудо какъ хорошъ“ [6]). „Мы доѣхали черезъ

---

[1]) Описаніе Кіева, Закревскаго, I, 82.

[2]) Записки Марковича, II, 205.

[3]) Тамъ же, II, 207.

[4]) Оба впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала.

[5]) Mémoires de Catherine, II, 18—19.

[6]) Архивъ кн. Воронцова, I, 419.

менитый математикъ показалъ ему подлинный гороскопъ, составленный имъ вмѣстѣ съ другими академиками по приказанію Анны Ивановны для новорожденнаго Ивана Антоновича. Заключеніе, выведенное обоими математиками, до того ихъ ужаснуло, что они рѣшили представить Государынѣ другой гороскопъ, предсказавшій молодому принцу всякія благополучія. Кромѣ Эйлера, Разумовскаго училъ еще Фридрихъ-Генрихъ Штрубе де-Пирмонъ, родомъ изъ Ганновера, членъ Петербургской академіи, бывшій долгое время секретаремъ Бирона, а потомъ графа Петра Григорьевича Чернышева, въ бытность послѣдняго посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ. Въ письмѣ къ Шумахеру, отъ 2-го іюля 1744 изъ Берлина, Штрубе между прочимъ пишетъ: „досуга у меня здѣсь нѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я имѣю честь учить здѣсь г. Разумовскаго, который кажется столько же доволенъ мною, сколько я имъ...“ Но если учитель и ученикъ были довольны другъ другомъ, то образовались совершенно другого рода отношенія между Штрубе и Тепловымъ. Первый написалъ графу Алексѣю Григорьевичу доносъ на Теплова, который узналъ объ этомъ и въ длинномъ письмѣ къ Шумахеру горько жаловался на Штрубе. „Когда онъ (Штрубе)“, писалъ Тепловъ, „вопреки моей воли, выигралъ значительную сумму у молодого Разумовскаго въ карты, то я сдѣлалъ ему выговоръ за то. Вотъ почему онъ осмѣлился дѣлать неблагоразумныя и дерзкія попытки предъ графомъ Разумовскимъ, чтобы меня очернить и уронить въ его мнѣніи до такой степени, что въ своихъ письмахъ говорилъ обо мнѣ какъ объ игрокѣ, ворѣ, пьяницѣ и имѣющемъ другіе пороки, въ которыхъ я невиненъ даже передъ Богомъ... Вотъ его мнѣ признательность за 200 экю, которые доставилъ ему за ученіе г. Разумовскаго, за 200 руб., которые выхлопоталъ ему какъ почетному, но теперь безполезному члену нашей академіи, и за милость и благосклонность е. с. графа Разумовскаго, которыхъ достигнулъ по моей рекомендаціи. Несмотря на всѣ эти важныя услуги, онъ старался о моей погибели, хотѣлъ оттереть меня и, не краснѣя, писалъ о томъ е. с. Чтобы избавиться отъ непріятнаго затрудненія и освободиться отъ подобнаго врага, я его спроваживаю, отнимая у него вознагражденіе тою же властію, которою зависѣло отъ меня назначить...“ [1]). Пользуясь уроками Эйлера и Штрубе, Разумовскій занимался несомнѣнно и съ другими учителями, и изучалъ Французскій языкъ, бывшій въ то время

[1]) Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, I, 671—675. Враждебныя отношенія главнаго ментора съ учителемъ породили вѣроятно разные толки, которые дошли до Коржавина, разсказывавшаго впослѣдствіи: „что Кирила Григорьевичъ весьма недостоинъ такой чести и великаго чина и правленія Академіи, и скаредныя рѣчи говорили, якобы въ Берлинѣ штрафованъ“. Архивъ князя Воронцова, *II, 313.*

вольствію Императрицы; между прочимъ, выѣзжалъ за городъ важный старикъ, самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два піитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя Кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ Государыню на берегу Днѣпра, у конца моста, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе и поручалъ его и весь народъ Русскій въ милостивое ея покровительство“ [1]). Всѣ полковники по дистанціямъ до Кіева съ полчанами своими подавали челобитья съ прошеніемъ о гетманѣ. Государыня въ Кіевѣ оставалась двѣ недѣли. Она была въ восторгѣ и отъ пріема и отъ самаго Кіева, и однажды произнесла всенародно: „Возлюби меня, Боже, въ царствіи небесномъ Твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый“. Она посѣщала церкви и монастыри, гдѣ оставляла богатые вклады, собственноручно золотила великолѣпную церковь Андрея Первозваннаго и повелѣла строить въ Кіевѣ дворецъ [2]). На возвратномъ пути Государыня опять посѣтила Козелецъ. Здѣсь она снова остановилась на нѣсколько дней, такъ какъ выѣхала изъ Кіева 11-го Сентября, а въ Глуховъ прибыла только 20-го. Такимъ образомъ почти все время своего пребыванія въ Малороссіи, за исключеніемъ 14 дней, посвященныхъ Кіеву, она пробыла въ гостяхъ у графа Алексѣя Григорьевича. Наталья Демьяновна съ дочерьми проводила Государыню до Нѣжина и была Императрицею приглашена съ ними въ Петербургъ на свадьбу наслѣдника престола. Въ Глуховѣ Елизавета Петровна провела двое сутокъ, и крестила тамъ сына у генеральнаго есаула Якубовича и дочь у генеральнаго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго. Въ Глуховѣ же при дворѣ праздновалась свадьба управляющаго графа Алексѣя Григорьевича, Семена Пусто́ты, съ дочерью Вибельскаго сотника Тризны [3]). Въ отвѣтъ на прошеніе о гетманѣ старшинамъ генеральнымъ было приказано прислать въ Петербургъ торжественную депутацію ко дню бракосочетанія наслѣдника. Невольно приходитъ на умъ (хотя, впрочемъ, это одно только предположеніе), не думала ли Елизавета сдѣлать гетманомъ своего супруга, и не отказался ли онъ отъ этого съ своею обычною скромностью, предлагая на свое мѣсто брата Кирилу? Какъ бы то ни было, но рѣшеніе вопроса объ избраніи гетмана было на время отложено.

Лишь только Императрица проѣхала черезъ Нѣжинъ, какъ тамъ

[1]) „Исторія Руссовъ“, 244. Описаніе Кіева I, 82—83.

[2]) Тамъ же.

[3]) Зап. Марковича II, 212.

мовскаго. Гельбигъ, вообще не очень снисходительный, говоритъ, что въ Берлинѣ Разумовскій былъ воспитанъ Эйлеромъ настолько удачно, насколько то было возможно безъ напряженія (ohne Anstrengung); онъ былъ не безъ познаній, и по-нѣмецки и по-французски говорилъ отлично [1]). По своемъ возвращеніи, Кирила Григорьевичъ является при пышномъ дворѣ Елизаветы истымъ вельможею, не столько по почестямъ и знакамъ отличія, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умѣнью держать себя. Въ немъ не было въ нравственномъ отношеніи ничего такого, что́ французы такъ мѣтко назвали parvenu, хотя на самомъ дѣлѣ и онъ и братъ были „*parvenu*“ въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому мелочныя тщеславныя выходки, соединенныя съ этимъ понятіемъ, были бы ему вполнѣ извинительны. Отсутствіе геніальныхъ способностей вознаграждалось въ немъ,—прибавляетъ еще Гельбигъ,—страстною любовью къ отчизнѣ, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми онъ обладалъ въ высшей степени и благодаря которымъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе [2]). Не слѣдуетъ заключать изъ этихъ словъ Гельбига, чтобы младшій Разумовскій былъ лишенъ дарованій. Напротивъ того, „онъ былъ хорошъ собою“,—говоритъ Императрица Екатерина, „оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ гораздо великодушнѣе и благотворительнѣе его“ [3]). Всѣ красавицы при дворѣ были отъ него безъ ума. „Я не знаю другой семьи“,—продолжаетъ Екатерина,—„которая, будучи въ такой отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ всѣми любима, какъ эти два брата“ [4]).

Таковымъ явился въ Петербургъ вчерашній казакъ и таковымъ онъ былъ до конца жизни. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему голову, роскошь и всѣ послѣдствія, съ нею неразрывныя, не испортили его сердца; онъ былъ добръ и великодушенъ, благотворителенъ, щедръ въ милостыняхъ, и, безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ живого оригинальнаго ума съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливости. А было отъ чего вскружиться головѣ при дворѣ роскошной Елизаветы, и едва ли кто, подобно Разумовскому, съумѣлъ бы сохранить трезвость мыслей среди этого водоворота интригъ и непрестанныхъ наслажденій.

„Дворъ“,—говоритъ князь Щербатовъ,—„подражая, или, лучше ска-

---

[1]) Helbig, Russ. Günstlinge, 215.
[2]) Тамъ же, 218.
[3]) Mém. de Cath., II, 80.
[4]) Тамъ же, 81.

жать, угождая Императрицѣ, въ златотканыя одежды облекался; вельможи изощряли въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ столѣ — все, что есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ — все, что есть рѣдке, въ услугѣ,—возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, нестоль для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинялись нужны для вожденія возлащенныхъ каретъ. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ; вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ“ [1]). . . . . .

Особенною роскошью отличались оба пріятеля графа Алексѣя Григорьевича: великій канцлеръ Бестужевъ, у котораго былъ погребъ „тотъ великій, что онъ знатный капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графамъ Орловымъ“, и у котораго палатки, ставившіяся на его загородномъ дворѣ на Каменномъ-Острову, имѣли шелковыя веревки; да Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, „всегда имѣвшій великій столъ и гардеробъ, изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоявшій“; который во время 7-ми-лѣтней войны, „всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью съ собою перевозилъ“. Впрочемъ, и старшій Разумовскій не отставалъ отъ своихъ пріятелей. Онъ первый, по свидѣтельству кн. Щербатова, сталъ носить бриліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и эполеты. Онъ велъ большую игру, самъ держалъ банкъ и нарочно проигрывалъ, „причемъ статсъ-дама Настасья Михайловна Измайлова (рожденная Нарышкина) и другія попросту изъ банка крадывали у него деньги, да и не только столь важныя лица, которыя потомъ въ надлежащемъ мѣстѣ выхваливали его щедрость, но и люди совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За дѣйствит. тайн. сов. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ, Александровскимъ кавалеромъ и президентомъ Вотчинной Коллегіи, одинъ разъ подмѣтили, что онъ тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ и въ сѣнахъ отдавалъ слугѣ своему“ [2]). Роскошь при дворѣ приняла особенные размѣры. Готовились къ бракосочетанію Великаго Князя; всѣмъ придворнымъ чинамъ за годъ впередъ было выдано жалованье, такъ какъ они „по пристойности каждаго свои экипажи приготовить имѣютъ“. Именнымъ указомъ велѣно было знатнымъ обоего пола особамъ изготовить богатыя платья, кареты цугами и пр.

---

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, 59.

[2]) Зап. Порошина, 72.

„И понеже сіе торжество чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣетъ, то хотя для онаго каждой персонѣ какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно (впрочемъ, всемилостивѣйше дозволялось дѣлать и болѣе). Служителей же при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: 1-го и 2-го классовъ персонамъ у каждой кареты по 2 гайдука и отъ 8 до 12 лакеевъ, кто сколько похочетъ, токмо-бъ не менѣе 8 было, такожде по 2 скорохода и кто можетъ еще по 2 или по одному пажу и по 2 егеря“ и т. д. По этому росписанію даже лица четвертаго класса обязаны были имѣть не менѣе 4 лакеевъ [1]).

Изъ Парижа выписано было подробное описаніе всѣхъ церемоній празднествъ и банкетовъ, бывшихъ при свадьбѣ Дофина съ Инфантою Испанскою, а изъ Дрездена — всѣ рисунки, программы, объявленія и проч. тѣхъ торжествъ, которыми во время правленія роскошнаго Августа II сопровождалось бракосочетаніе сына его, царствующаго въ то время короля Польскаго. Государыня страстно любила празднества. При дворѣ бывали безпрестанные банкеты, куртаги, балы, маскарады, комедіи французская и русская, итальянская опера и проч. Всѣ они дѣлились на разныя категоріи; каждый разъ опредѣлялось, въ какомъ именно быть костюмѣ, въ робахъ, шлафорахъ или самарахъ, для дамъ, въ цвѣтномъ или богатомъ платьѣ для мужчинъ. Два раза въ недѣлю бывали при дворѣ маскарады, одни для двора и для тѣхъ лицъ, которыхъ Государыня удостоивала приглашеніемъ, другіе для 6 первыхъ классовъ и знатнаго шляхетства. Кромѣ того, бывали часто еще публичные праздники для дворянства. Иногда на нихъ допускалось и купечество и всякаго званія люди, кромѣ людей боярскихъ. На эти маскарады дамы должны были являться въ доминахъ съ „баутами“ и „быть на самыхъ малыхъ фижменахъ, т.-е. чтобъ обширностью были малые“. Строго запрещалось привозить съ собою малолѣтнихъ и употреблять въ убранствѣ хрусталь и мишуру. Дозволялось являться въ приличныхъ маскахъ и платьяхъ маскарадныхъ, „точію кромѣ пилигримскаго, арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ“. Кромѣ того, мужчинамъ строжайше запрещалось имѣть при себѣ оружіе, т.-е. сабель, кинжаловъ и прочаго. На праздникахъ этихъ, „знатная маска“ отдѣлялась отъ „вольной маски“ [2]). Даже французы, которые въ то время гордились Версалемъ и его праздниками, не могли надивиться роскошью нашего двора.

„Красота и богатство аппартаментовъ“,—говоритъ де-ла-Месселіеръ,

---

[1]) Энциклоп. Словарь, состав. русскими учеными и литер. Отд. II. Елизавета Петровна, ст. Пекарскаго, стр. 468.

[2]) *Камеръ-фуріерскіе журналы* 40-хъ и 50-хъ годовъ.

секретарь Французскаго посольства,—„невольно поразили насъ; но удивленіе вскорѣ уступило мѣсто пріятнѣйшему ощущенію при видѣ болѣе 400 дамъ, наполнявшихъ оные. Онѣ были почти всѣ красавицы въ богатѣйшихъ костюмахъ, осыпанныхъ брилліантами. Но насъ ожидало еще новое зрѣлище; всѣ шторы были разомъ спущены, и дневной свѣтъ внезапно былъ замѣненъ блескомъ 1200 свѣчей, которыя отражались со всѣхъ сторонъ въ многочисленныхъ зеркалахъ... Загремѣлъ оркестръ, состоявшій изъ 80 музыкантовъ. Великій Князь съ Великою Княгинею подали примѣръ танцамъ... Вдругъ услышали мы глухой шумъ, имѣвшій нѣчто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежь, и мы увидѣли великолѣпный тронъ, съ котораго сошла Императрица, окруженная своими царедворцами и вошла въ большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно... Дамы и кавалеры окружили насъ, говоря съ нами по-французски, какъ говорятъ въ Парижѣ. Зала была огромная, и зараз танцовали до 20 минуетовъ, что производило довольно странную, но въ то же время пріятную для глазъ картину. Контраданцевъ вообще танцовали мало, всего нѣсколько польскихъ и англезовъ. Въ 11 часовъ оберъ-гофмейстеръ объявилъ Ея Величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень большую и богато-убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами. По серединѣ стоялъ фигурный столъ на 400 персонъ. На хорахъ во все время ужина гремѣла вокальная и инструментальная музыка. Были кушанья всѣхъ возможныхъ странъ Европы, и прислуживали французскіе, русскіе, нѣмецкіе и итальянскіе оффиціанты, которые старались ухаживать за своими соотечественниками“ [1]).

На этихъ балахъ и маскарадахъ часто разыгрывались лоттереи, и почти всегда садились за ужинъ по билетамъ, которые раздавались гостямъ, такъ что случай рѣшалъ, какому кавалеру сидѣть около какой дамы.

Банкеты бывали великолѣпные; обыкновенно среди фигурнаго стола дѣлали „превзрядною фигурою, фонтанъ съ коскадами, который во все время кушанія играніемъ воды продолжался, и около коскада установлено бывало премножество налитыми бѣлымъ воскомъ шкаликами, которые въ то время были зажжены, также въ залѣ и галлереѣ въ паникадилахъ и кронштейнахъ зажжено бывало премножество бѣлаго воска свѣчъ“ [2]).

Въ 1744-мъ году Елизавета Петровна вздумала приказать, чтобы

---

[1]) Voyage à St.-Pétersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie par M. de la Messelière, 120—128.

[2]) *Камеръ-фуріерскій журналъ, 1750 г.*

на нѣкоторые придворные маскарады всѣ мужчины являлись безъ масокъ въ огромныхъ юпкахъ на фижмахъ, одѣтые и причесанные какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскомъ придворномъ платьѣ. Такія метаморфозы крайне не нравились мужчинамъ, которые бывали оттого въ дурномъ расположеніи духа. Съ другой стороны, дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ постарѣе, ту безобразили толстыя и короткія ноги. Но мужской костюмъ вполнѣ шелъ Государынѣ, и несчастные дамы и кавалеры должны были покориться судьбѣ своей. При высокомъ ростѣ и нѣкоторой полнотѣ, Елизавета Петровна была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины не было такой прекрасной ноги: нижняя часть особенно была необыкновенно стройна. Государыня во всякомъ нарядѣ умѣла придавать движеніямъ своимъ особенную прелесть [1]); она танцовала превосходно и отличалась особенно въ менуэтѣ и русской плескѣ. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта лучше, чѣмъ въ Россіи [2]). Великая Княгиня тоже страстно любила танцы и иногда по три раза на балѣ мѣняла платье. Кокетство было тогда въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ дамы только и думали о томъ, какъ бы перещеголять одна другую [3]).

Императрица первая подавала примѣръ щегольства; во время пожара въ Москвѣ въ 1753 г., у нея сгорѣло 4000 платьевъ [4]), а послѣ смерти ея Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея слишкомъ 15,000 платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не ношенныхъ; 2 сундука шелковыхъ чулокъ; лентъ, башмаковъ и туфлей до нѣсколькихъ тысячъ, болѣе сотни неразрѣзанныхъ французскихъ матерій и проч. [5]). Никто не смѣлъ одѣваться и причесываться такъ же какъ Государыня. Елизавета Петровна имѣла особое попеченіе о туалетѣ своихъ придворныхъ; такъ, въ 1748 году Е. И. В. изволила указомъ объявить, чтобъ дамы волосы убирали по прежнему: заднихъ отъ затылка не подгибали вверхъ, а ежели когда надлежитъ быть въ робахъ, тогда дамы имѣютъ задніе отъ затылка волосы подгибать къ верху [6]); а въ 1752 году предписано было оберъ-гофмейстеринѣ, гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ, придворнымъ кавалерамъ съ фамиліями, и генералитету первымъ 4-мъ классамъ съ фамиліями-жъ, во время

[1]) Mémoires de Catherine, II, 148—149.

[2]) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, 61.

[3]) Mémoires de Cath., II, 149.

[4]) Тамъ же, 199. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени по сношеніямъ съ Франціею, къ донесеніямъ нашихъ пословъ безпрестанно прилагались длинные счеты закупаемыхъ для двора тканей.

[5]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1866, IV. Смѣсь, стр. 100.

[6]) *Камеръ-фуріерскій журналъ*, 1748 г.

Высочайшаго Е. И. В. въ Петергофѣ присутствія въ куртажные дни имѣть платье: дамамъ кафтаны бѣлые тафтяные, обшлага, опушки и пики гарнитуровыя зеленыя, по борту тонкій позументъ, на головахъ имѣть обыкновенный пальяонъ, а ленты зеленыя, волосы вверхъ гладко убраны; кавалерамъ: кафтаны бѣлые, камзолы, да у кафтановъ обшлага маленькіе, разрѣзные и воротники зеленые, кто изъ какой матеріи пожелаетъ, съ цыкладою серебрянаго позумента около петель, и при томъ у тѣхъ петель, чтобъ были кисточки серебряныя-жъ, небольшія, какъ онія прежде сего у Петергофскаго платья бывали" [1]).

Не смотря на цѣлый рядъ подобныхъ предписаній, которыми предполагалось ограничить издержки частныхъ людей, роскошь съ каждымъ годомъ усиливалась, тѣмъ болѣе, что другими Высочайшими же приказаніи не только она была терпима, но даже дѣлалась обязательною для людей высшаго круга. Но за этимъ внѣшнимъ блескомъ, за этими румянами, фижмами и брилліантами, крылись азіатская нечистоплотность и неряшество. Во время путешествій Государыни, свиту и даже Великаго Князя и Великую Княгиню помѣщали кое-какъ въ людскихъ палаткахъ; иногда въ комнатахъ Великой Княгини была по колѣно вода, иногда печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя щели. Въ добавокъ при дворѣ бывалъ такой недостатокъ въ мебели, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ зимняго дворца въ лѣтній, оттуда въ Петергофъ, Царское Село и даже Москву. При этихъ переѣздахъ все ломалось и билось, и безъ всякой починки ставилось въ комнатахъ. Для каждой незначительной поправки требовалось именное приказаніе Императрицы, добраться до которой было очень мудрено, или же совсѣмъ невозможно [2]). Въ богатыхъ домахъ вмѣстѣ съ гайдуками, гусарами, скороходами въ великолѣпныхъ ливреяхъ, спокойно безпрестанно босоногая челядь въ лохмотьяхъ. Въ спальней комнатѣ Елизаветы Петровны спалъ, на тюфячкѣ, ея бывшій лакей Чулковъ; близъ спальной Великой Княгини въ небольшомъ покоѣ, во время томящаго зноя, жило 17 человѣкъ разной прислуги, которые не имѣли иного выхода, какъ черезъ комнаты самой Екатерины [3])...

Но всѣ эти мелочи ускользали отъ Кирилла Григорьевича, который вполнѣ и отъ души предавался удовольствіямъ свѣта. Къ свадьбѣ съѣхались гости изъ Малороссіи. Наталья Демьяновна собралась со всею семьею, оставивъ въ Адамовкѣ одну только дочь Анну Григорьевну Закревскую, которая передъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени и

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1752 г.

[2]) Mémoires de Catherine II, 163.

[3]) Тамъ же, 197.

поэтому не могла предпринять дальняго пути. „Былъ у старушки Розумовской“, пишетъ отъ 8-го іюня 1745-го Марковичъ, „которая сегодня пріѣхала въ Глуховъ, а послѣ-завтра отъѣдетъ въ Петербургъ“ [1]). Наталья Демьяновна ѣхала по зову Государыни, но главнымъ образомъ влекло ее на сѣверъ свиданіе съ младшимъ сыномъ, только что вернувшимся изъ дальняго странствованія. Мы уже упомянули, что Елизавета Петровна особенно благоволила къ Аннѣ Григорьевнѣ Закревской, которая вѣроятно была любимою сестрою графа Алексѣя Григорьевича. Какъ скоро Государыня узнала, что Закревская осталась въ Адамовкѣ, за нею отправленъ былъ кабинетъ-куріеръ Писаревъ. Передъ отъѣздомъ Писаревъ получилъ подробную инструкцію, которая въ двухъ редакціяхъ сохранилась въ Государственномъ Архивѣ.

„Указъ кабинетъ-куріеру Писареву. Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, и его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ объявить нашу милость и соизволеніе, что хотимъ, дабы она пріѣхала сюды для присутствія на бракѣ нашего племянника Его Императорскаго Высочества Великаго Князя, а понеже оная госпожа по отъѣздѣ сюда матери своей осталась беременна въ послѣднихъ дняхъ къ рожденію, что можетъ быть и воспослѣдствовало уже, и для того ѣхать ей сюды соизволяемъ не ранѣе (оставленъ пробѣлъ) недѣли послѣ рожденія младенца; такожъ и время назначеннаго брака въ половинѣ Августа и для того, ежели до пріѣзду твоего уже оная госпожа родила, то ей, считая по рожденіи (пробѣлъ) недѣль и въ путь убираться, сюда ѣхать возможно; еслиже оная госпожа родила въ сихъ числахъ, то ей уже времени на исправленіе отъ болѣзней рожденія и сюда пріѣхать не достанетъ, то уже ѣхать ей сюда какъ можетъ исправиться“.

Вѣроятно еще до отъѣзда Писарева, получено было извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени Анны Григорьевны: рядомъ съ редакціею, приведенною выше, находимъ другую, писанную рукою кабинетъ-министра барона Ивана Антоновича Черкасова:

„Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго въ село Адамовку, къ его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ. Посланное съ тобою своеручное письмо Ея Императорскаго Величества отдать и потомъ посланный съ тобою жъ пакетъ отъ графа Лестока доктору Унгеборну или лѣкарю Яхонтову въ Кіевѣ отдать, куда и ѣхать тебѣ, межъ тѣмъ какъ оная госпожа Анна Григорьевна станетъ въ путь ѣхать сюды собираться и онаго лѣкаря Яхонтова и съ лѣкарствами взять тебѣ при оной же госпожѣ.

„Для пріѣзда оной госпожи сюда брать подводы по указу данному

---

[1]) Записки Марковича, II, 223.

тебѣ изъ яиской канцеляріи, сколько потребно, съ заплатою прогоновъ, на что дано тебѣ изъ кабинета Е. И. В. 500 рублевъ и чтобъ, какъ при оной госпожѣ поѣдешь, было ей приготовлено всякое потребное въ пути довольство и покой. Такожъ и лѣкарю подводы и пищу давать, какъ можетъ доволенъ быть. Расходныхъ денегъ записывать и по пріѣздѣ подать оный расходъ и остаточныя деньги, что будетъ, въ кабинетъ Е. И. В.". Съ боку приписано:

„И на покупку потребныхъ медикаментовъ нужныя деньги употреблять".

Елизавета Петровна собственноручно писала Аннѣ Григорьевнѣ слѣдующее:

„Г. Анна Григорьевна.

„По пріѣзде онаго курера, ежели Богъ васъ в совершенное здравіе после родовъ привелъ, то пожалуй какъ возможно скорея сберитеся и дочку, которая четверолетняя, объ которой изъперва вамъ писанно было, только за немощию не прислали, то теперь с собою возмите и какъ возможно скорея приежайте к намъ, дабы застать свадьбу племянника моего, которую чрезъ помощь Божию надеюсь въ будущей месицъ совершит, и желаю всемъ серцемъ и васъ при оной видить; а что вамъ по оной дороге что надобно, то куреру оному прикажите, я ему все велела исполня (ть), что вамъ потребно будетъ.

Елисаветъ" [1]).

Паветъ отъ Лестока содержалъ указъ лѣкарю Яхонтову:

„Указъ Е. И. В. Самодержицы Всероссійской изъ медицинской канцеляріи Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову.

„Сего Іюля 13-го дня по Е. И. В. указу Е. И. В. дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикусъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею, и всѣмъ медицынскимъ факультетомъ, рейхсъ-графъ господинъ Лестокъ приказалъ послать къ тебѣ указъ и велѣть по полученіи онаго явиться тебѣ немедленно къ отправляющейся въ Санктъ-Петербургъ превосходительнѣйшаго господина оберъегермейстера, Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, графа Алексѣя Григоріевича Разумовскаго сестрѣ Аннѣ Григоріевнѣ, въ селѣ Адамовкѣ и для пользованія въ случаѣ болѣзни ѣхать при ней до Санктъ-Петербурга, а прибывъ явиться въ медицинскую канцелярію. И Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову учинить о томъ по сему Е. И. В. указу. С.-Петербургъ іюля 13-го дня 1745 года. У подлиннаго подписано по нѣмецки: графъ Лестокъ" [2]).

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1867 г., IV. Смѣсь, стр. 38.

[2]) Изъ государственнаго архива. Дѣло подъ заглавіемъ: „О привозѣ ко двору

Кромѣ этого, Писареву вручены были слѣдующіе два указа въ ямскую и Малороссійскую генеральную войсковую канцелярію:

„Въ Ямскую канцелярію.

„По Е. И. В. указу отправляется отселя въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства оберъ-егермейстера, Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ Ямской канцеляріи дать указъ съ причётомъ въ такой силѣ: ежели оный Писаревъ во всѣхъ отъ того села, ямахъ или почтовыхъ станахъ, состоящихъ въ командѣ ямской канцеляріи, подъ оную госпожу, при ней подлѣкаря, медикаментовъ, служителей ея и подъ багажи ея, будетъ требовать сколько и когда ямскихъ или обывательскихъ подводъ, чтобъ ямскіе управители и старосты давали безъ всякаго задержанія за указные прогоны, а ему Писареву отселя до онаго села, также отъ онаго до Кіева и обратно въ то село для привоза лѣкаря и медикаментовъ дать подводъ, сколько потребуется“ [1]).

Изъ кабинета Е. И. В. въ Малороссійскую войсковую канцелярію:

По Е. И. В. указу отправляется отсель въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства, оберъ-егермейстера и Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры, Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ оной канцеляріи дать указъ въ такой силѣ, чтобы оному Писареву вѣдомство Малороссійской генеральной канцеляріи до показаннаго села и оттоль до Кіева и обратно, по селамъ и деревнямъ и мѣстечкамъ состоящимъ въ командѣ оной канцеляріи, сколько и когда будетъ требовать подъ оную госпожу и при ней будущихъ и себя подводъ обывательскихъ, давали бъ безъ всякаго задержанія во всемъ вѣдомствѣ оной канцеляріи за указную плату, и Малороссійская генеральная войсковая канцелярія имѣетъ учинить по Е. И. В. указу“.

Какъ видно, Анна Григорьевна ѣхала медленно. Къ ней на встрѣчу отправленъ былъ другой кабинетъ-курьеръ Гурьевъ съ слѣдующимъ предписаніемъ отъ барона Ивана Антоновича Черкасова:

„По указу Е. И. В. принять тебѣ съ конюшни берлинъ со всѣми

изъ Малой Россіи есаула Закревскаго жены (другою рукою) его и графа Разумовскаго матери съ дѣтьми“. О пріѣздѣ Натальи Демьяновны въ дѣлѣ этомъ, впрочемъ, никакихъ бумагъ нѣтъ.

[1]) Тамъ же.

путевыми припасами и по данной подорожной нужния лошади впречь и ѣхать по Московской дорогѣ на встрѣчу кабинетъ-куріеру Писареву и гдѣ его ѣдущаго сюда встрѣтишь при сестрѣ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Аннѣ Григорьевнѣ, то оной госпожѣ объявить Е. И. В. соизволеніе, дабы въ оный посланный съ тобою берлинъ изволила сѣсть и для поспѣшенія съ одною дѣвкою только ѣхать сюда, какъ возможно скорѣе, дабы могла поспѣть сюда къ 20-му сего мѣсяца, ежели ранѣе невозможно, и тебѣ самому при ней ѣхать. И на всѣхъ почтовыхъ станахъ велѣть десять лошадей денно и ночно имѣть во всякой готовности съ людьми и хомутами. На оный путь для платежа прогоновъ принять тебѣ изъ кабинета сто рублевъ, изъ которыхъ употреблять на пищу, ежели у Писарева денегъ мало. А гдѣ надлежитъ ей обѣдать или ужинать, то посылать напередъ приготовлять, дабы затѣмъ въ пути долго не мѣшкать, такожъ тебѣ или Писареву ѣздить всегда впереди для того, такожъ и лошадей приготовить. А у багажа ея оставить людей. Б. Ив. Ч. [1]).

„18 августа 1745".

Нѣсколько ранѣе Наталіи Демьяновны выѣхали ея племянники и внуки Стрѣшенцовы, Закревскіе и Будлянскіе. „Я былъ", записываетъ въ Діаріумѣ своемъ Николай Даниловичъ Ханенко подъ 3 февралемъ 1745 г., „у племянниковъ графа Разумовскаго, прибывшихъ въ Москву изъ Козельца". Сама Наталья Демьяновна прибыла въ Петербургъ 6 іюля „и стала квартирою на Смольномъ дворѣ" [2]).

Не одно семейство Разумовскихъ спѣшило на сватьбу; туда еще отправились генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, кумъ Государыни, которому она пожаловала села Вишняки и Горожинъ; ѣхала съ нимъ и жена его, которую Елизавета Петровна, говорятъ, полюбила за сходство ея съ покойною Императрицею Екатериною I-ою и пригласила въ Петербургъ [3]). Кромѣ того, ѣхали еще для присутствія при бракосочетаніи депутаты, избранные отъ народа Малороссійскаго: генеральный обозный Лизогубъ, генеральный хорунжій Н. Д. Ханенко и бунчуковый товарищъ Василій Андреевичъ Гудовичъ. Сенатъ опредѣлилъ сначала всѣмъ тремъ депутатамъ на содержаніе по 30 рублей въ мѣсяцъ, т.-е. по 10 рублей на каждаго. Государыня, узнавъ о томъ черезъ графа Алексѣя Григорьевича, отправила въ Сенатъ слѣдующій указъ:

„Мы увѣдомились, что Малороссійскимъ чиновникамъ назначено на наемъ квартиры, съ покупкою дровъ и свѣчъ, по 10 рублей въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Записки Марковича, II, 218.

[3]) Бантышъ-Каменскій, „*Исторія Малой* Россіи", III, 192—193.

мѣсяцъ, по примѣру выдачи, производившейся имъ въ 1727 году въ Москвѣ; но какъ они пріѣхали поздравить насъ съ бракосочетаніемъ возлюбленнаго нашего племянника, то повелѣваемъ дать имъ квартиру и по сту рублей въ мѣсяцъ и впредь съ такими пріѣзжими поступать по сему, дабы подданнымъ вѣрнымъ нашимъ не было обиды противъ ихъ достоинства“ [1]).

Разумѣется, депутаты были своими людьми у Алексѣя Григорьевича. Только-что Ханенко пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ онъ уже отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „вручилъ графу Разумовскому письма“. 22-го іюня онъ пишетъ... „послѣ обѣда отъѣхалъ съ сыномъ Васильемъ до Петергофа и на 18-ой верстѣ отъ Петербурга встрѣтилъ Государыню ѣдущую верхомъ и Ея Величество съ графомъ Разумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнить изволила“. Сейчасъ же, послѣ пріѣзда Натальи Демьяновны, депутаты отдаютъ ей „визиту“, постоянно у нея обѣдаютъ; у нея на Смольномъ дворѣ живутъ Малороссіяне, Журманъ и Борсукъ, а жена генеральнаго бунчужнаго Оболонскаго вмѣстѣ съ нею переѣхала въ Петергофъ. На другой день послѣ переѣзда ихъ, Ханенко тоже туда отправился: „отъѣхавъ съ сотникомъ Вибельскимъ Тризною и ужинали на квартирѣ г. Разумовской у Пустòты“. 21-го іюля депутаты ужинаютъ у Разумовскаго въ лѣтнемъ дворцѣ „купно съ архіереями“. 23-го Іюля Наталья Демьяновна, а при ней и бунчужный съ женою отъѣхали въ мызу, называемую Гостилицъ. Государыня была къ Малороссіянамъ крайне благосклонна. „Рано были съ обознымъ генеральнымъ, первый у графа Разумовскаго, потомъ и самой Государынѣ кланялись и у ручки были и обѣдали у приватнаго стола при присутствіи Ея Величества въ лѣтнемъ дворцѣ“. Были у ручки Государыни. Были рано у графа Разумовскаго, гдѣ Государынѣ, при поднесеніи нѣсколькихъ сосудовъ роговой водки, кланялся войтъ Нѣжинскій—Стеріевичъ. Рано были во дворцѣ и кланялись Государынѣ, отъѣзжавшей въ Царское Село и у ручки были и до поздна пребывали у госпожи Разумовской“ [2]). Какъ видно, милостивое обхожденіе Императрицы къ Малороссіянамъ было нѣкоторымъ царедворцамъ не по сердцу и они позволяли себѣ при дворѣ на ихъ счётъ насмѣшки, но Малороссы, сильные всемогущимъ покровительствомъ супруга Елизаветы „зло огрызались“ [3]). 21-го Августа отпразднована была съ необыкновеннымъ блескомъ свадьба наслѣдника престола. Десять дней продолжались торжества; балъ смѣнялся банкетомъ, банкетъ маскарадомъ, маскарадъ

---

[1]) Марковичъ, Ист. М. Россіи II, 623—631.

[2]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[3]) *Записки Марковича, II,* 229.

„италіанскимъ дѣйствіемъ называемымъ пастораль", пастораль оперой, французскими комедіями, балетами и пр. На всѣхъ торжествахъ Малороссійскіе депутаты занимали почётныя мѣста. Около 140 богатыхъ каретъ насчитывали въ брачномъ поѣздѣ, изъ нихъ особымъ изяществомъ отличалась сіяющая зеркалами и позолотою карета Семёна Кириловича Нарышкина. При дворѣ блистала новая богатая статсъ-ливрея, сукно и галуны для которой выписывались изъ-за границы.

ГЛАВА IV.

Толки о гетманствѣ.—Придворная жизнь Кирилы Григорьевича.—Президентство.—Женитьба.

Среди развлеченій столичной жизни, Оболонскій, Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ, къ которымъ еще присоединился пріѣхавшій изъ Глухова Кочубей, не забывали нуждъ Малороссіи и всячески старались скорѣе довести до конца порученія, на нихъ возложенныя генеральною старшиною. Уже 18 сентября 1745 года Ханенко говоритъ, что „данъ графу А. Г. Разумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ".

Черезъ три дня Малороссіяне снова идутъ во дворецъ—„21 сентября рано вси, а въ вечеру я самъ былъ во дворцѣ у графа Разумовскаго для разговору о поданномъ ему меморіалѣ". Еще три дня спустя подана была „*чертьма* (черновая?) челобитной для усмотрѣнія графа и копіи грамоты и письма". 7-го октября, послѣ обѣда у бунчужнаго, депутаты поѣхали къ рейхсъ-графу и „какъ виноградомъ, такъ и виномъ подчиваны отъ него и всякіе держали разговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ. Потомъ были на комедіи французской". Рѣшенія, однако, никакого не выходило, но депутатамъ дали почувствовать, кого имъ готовили въ начальники и ихъ мало-по-малу сближали съ молодымъ братомъ всемогущаго фаворита, заранѣе, хотя и втайнѣ, назначеннаго въ гетманы.

„Обѣдалъ (20 ноября 1745 года) я съ Гудовичемъ у г. Разумовской съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ и Тепловымъ". „Были во дворцѣ у графа Кирилы Григорьевича", пишетъ Ханенко. Изъ Мало-

россіи торопили депутатовъ. „1 декабря рано утромъ были у графа Алексѣя Григорьевича и письмо къ нему писанное отъ старшины генеральной мною подано". Отвѣта все не было, однако, 25 декабря, на Рождество „*пріѣздилъ* (sic) къ депутатамъ капитанъ-поручикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживаніемъ отъ графа Разумовскаго" [1]).

Итакъ, Лизогубу, Ханенкѣ и Гудовичу, волею-неволею, приходилось сидѣть у моря и ждать погоды, пользуясь своимъ пребываніемъ въ столицѣ и близкими отношеніями ко двору, чтобы обдѣлывать свои частные дѣлишки.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наталья Демьяновна хорошо знала, кто будетъ со временемъ гетманомъ на Украйнѣ; но, несмотря на то, что она жила въ Петербургѣ въ кругу семьи, среди многочисленнаго общества земляковъ, ее снова тянуло въ Малороссію. Какъ видно изъ дневника Ханенки, она почти ежедневно или угощала у себя малороссіянъ, или сама у нихъ обѣдала. Кромѣ того, она часто видалась съ живущими въ Петербургѣ архіереями, которые почти всѣ были ея земляками. Но старушка не дождалась рѣшенія судьбы ея меньшаго сына, она рѣшилась разстаться съ внучатами и близкими родственниками, между прочимъ, съ племянницею Авдотьею Герасимовною Журавкою, рожденною Стрѣшенцовою, и стала собираться назадъ въ Адамовку. 14 Января 1746 года былъ у графа Алексѣя Григорьевича, въ собственномъ его домѣ, что былъ прежде Цесаревинъ дворецъ на Царицыномъ лугу—сговоръ нѣжинскаго полковника Семена Васильевича Кочубея съ двоюродною сестрою графскою Ксеніею Герасимовною Стрѣшенцовою. Женихи размѣнялись перстнями, „которые сама Государыня отдавать и на руки жаловать изволила, потомъ была вечеря, гдѣ и мы (депутаты) у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были танцы, до коихъ и насъ употреблено. Тогда же графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею" [2]). Черезъ два дня послѣ сговора, т.-е. 18 Января, Наталья Демьяновна, погостивъ шесть мѣсяцевъ у сыновей, отъѣхала изъ столицы. Она отправилась съ дочерьми, не думая, что въ послѣдній разъ прощается съ старшимъ сыномъ, оставляя внуковъ и внучекъ, родныхъ и двоюродныхъ, Будлянскихъ, Закревскихъ, Дарагановъ и Стрѣшенцовыхъ на его попеченіи. Передъ нею поскакалъ въ Козелецъ кабинетъ-курьеръ Писаревъ съ слѣдующимъ указомъ изъ кабинета Государыни:

„Е. И. В. указала для проѣзда отъ Санктъ-Петербурга до Малой Россіи оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-пору-

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Тамъ же.

„италіанскимъ дѣйствіемъ называемымъ пастораль", пастораль оперой, французскими комедіями, балетами и пр. На всѣхъ торжествахъ Малороссійскіе депутаты занимали почётныя мѣста. Около 140 богатыхъ каретъ насчитывали въ брачномъ поѣздѣ, изъ нихъ особымъ изяществомъ отличалась сіяющая зеркалами и позолотою карета Семёна Кириловича Нарышкина. При дворѣ блистала новая богатая статсъ-ливрея, сукно и галуны для которой выписывались изъ-за границы.

ГЛАВА IV.

Толки о гетманствѣ.—Придворная жизнь Кирилы Григорьевича.—Президентство.—Женитьба.

Среди развлеченій столичной жизни, Оболонскій, Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ, къ которымъ еще присоединился пріѣхавшій изъ Глухова Кочубей, не забывали нуждъ Малороссіи и всячески старались скорѣе довести до конца порученія, на нихъ возложенныя генеральною старшиною. Уже 18 сентября 1745 года Ханенко говоритъ, что „поданъ графу А. Г. Разумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ".

Черезъ три дня Малороссіяне снова идутъ во дворецъ—„21 сентября рано вси, а въ вечеру я самъ былъ во дворцѣ у графа Разумовскаго для разговору о поданномъ ему меморіалѣ". Еще три дня спустя подана была „*чертьма* (черновая?) челобитной для усмотрѣнія графа и копіи грамоты и письма". 7-го октября, послѣ обѣда у бунчужнаго, депутаты поѣхали къ рейхсъ-графу и „какъ виноградомъ, такъ и виномъ подчиваны отъ него и всякіе держали разговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ. Потомъ были на комедіи французской". Рѣшенія, однако, никакого не выходило, но депутатамъ дали почувствовать, кого имъ готовили въ начальники и ихъ мало-по-малу сближали съ молодымъ братомъ всемогущаго фаворита, заранѣе, хотя и втайнѣ, назначеннаго въ гетманы.

„Обѣдалъ (20 ноября 1745 года) я съ Гудовичемъ у г. Разумовской съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ и Тепловымъ". „Были во дворцѣ у графа Кирилы Григорьевича", пишетъ Ханенко. Изъ Мало-

„Изъ кабинета Е. И. В. въ Ямскую канцелярію. Ея Императорское Величество указали:

„Отправляется отсуда въ домъ свой въ Малую-Россію до мѣстечка Козельца оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго мать съ дочерьми, которымъ для проѣзду ихъ со свитою до показаннаго мѣста Е. И. В. указали дать на 80 ямскихъ подводъ за указный платежъ подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить о томъ по Е. И. В. указу“ [1]).

Внуки и внучки Натальи Демьяновны помѣщены были во дворцѣ. Не только Алексѣй Григорьевичъ, но и сама Государыня любила и ласкала ихъ, что̀ подало поводъ, какъ мы увидимъ далѣе, къ разнымъ слухамъ касательно ихъ происхожденія. Особенно полюбила Государыня дочерей Анны Григорьевны Закревской. Къ племянникамъ и къ племянницамъ Алексѣя Григорьевича приставлена была нѣкто мадамъ Шмитъ или Шмитша, какъ она названа въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ [2]). Шмитша эта была родомъ чухонка и жена придворнаго трубача; ее также называли „мадамъ Іоганной“ [3]).

Она отличалась необыкновенною толстотою и массивностію, была бой-баба и сохранила отъ прежней лагерной жизни особенную грубость тона. Шмитша обязана была своимъ назначеніемъ покровительству старыхъ нѣмокъ и шведокъ, находившихся въ числѣ Императрицыныхъ камеръ-фрау, а потомъ, благодаря умѣнью шпіонить и сплетничать, играла довольно важную роль при дворѣ и назначена была гофмейстериною при фрейлинахъ [4]).

Кромѣ Шмитши, или Іоганны, при племянникахъ Алексѣя Григорьевича состояли еще главнымъ гувернеромъ—нѣкто Носке, бывшій впослѣдствіи гофмейстеромъ при камеръ-пажахъ, да лотарингецъ Францискъ Сосеротъ — для обученія ихъ французскому языку и штилю [5]).

Для племянниковъ и племянницъ съ мадамой бывали во всѣ дни отъ двора ординарные столы, да, кромѣ того, имъ же ежедневно отпускалось разныхъ питей на 4 р. 41 к., а учителю Носке на 32 съ $^1/_2$ копѣйки [6]). Родственники Алексѣя Григорьевича безпрестанно видались съ Малороссійскими депутатами. „Рано были у насъ“, помѣчаетъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1748.

[3]) Anecdotes ou recueuil de coutumes etc. VI, 82.

[4]) Mém. de Catherine, II, 249.

[5]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1748, и Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова. Носке былъ учителемъ И. И. Шувалова.

[6]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1748.

чика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матери съ дочерьми въ домъ ея, находящіеся на Московской дорогѣ, таможе ежели есть и отъ Москвы, дворцы протапливать и имѣть въ чистотѣ. И того ради ѣхать тебѣ чрезъ Новгородъ до Малой-Россіи тѣмъ трактомъ, куда вышеобъявленнымъ персонамъ въ домъ ихъ слѣдовать надлежитъ, и приставленнымъ къ тѣмъ дворцамъ указъ Е. И. В. объявить, чтобъ во оныхъ дворцахъ покои протапливали и имѣли въ чистотѣ, и когда означенныя персоны прибудутъ, то имъ въ тѣхъ дворцахъ станцію имѣть не только безпрепятственно, но и со всякимъ учтивствомъ допускали-бъ, а когда проѣдутъ, то оныхъ дворцовъ больше не протапливать. Ежели иногда въ которыхъ дворцахъ дровъ недостаточно будетъ, въ такомъ случаѣ немедленно велѣть тамошнимъ обывателямъ, сколько потребно, привезть, а какъ обрѣтающимся при тѣхъ дворцахъ приставникомъ, такъ и находящимся въ тамошнихъ мѣстахъ обывателямъ чрезъ сіе имяннымъ Е. И. В. объявляется, чтобы они въ томъ были тебѣ послушны, чего ради имѣешь ты, гдѣ кому надлежитъ, сей указъ для прочтенія объявлять, и отъ послѣдняго дворца обратно ѣхать тебѣ въ Петербургъ. Будучи тебѣ въ пути, обидъ нигдѣ никому не чинить и безденежно подводъ не брать подъ опасеніемъ штрафа по указамъ".

Подписано отъ 9-го января 1746 года [1]).

Изъ кабинета было въ то же время предписано въ ямскую канцелярію:

„По указу Е. И. В. посылается изъ кабинета Е. В. для нѣкотораго дѣла въ Малую-Россію до Козельца кабинетъ-курьеръ Петръ Писаревъ, которому надлежитъ до показаннаго мѣста и обратно въ С.-Петербургъ по двѣ почтовыя подводы за указные прогоны, подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить оное по Е. И. В. указу".

9 января 1746 года [2]).

Дорогою постигло Писарева несчастіе: близъ Тулы ему „незапнымъ случаемъ выломали ногу", и на его мѣсто, по распоряженію тульской провинціальной канцеляріи, для подготовленія дворцовъ до Козельца, отправленъ былъ канцелярист Тимоѳей Садовниковъ [3]).

Наталья Демьяновна съ дочерьми и прислугой отправилась изъ Петербурга на 80-ти ямскихъ подводахъ, что̀ видно изъ слѣдующаго предписанія въ ямскую канцелярію:

---

[1]) Государственный архивъ: дѣло о привозѣ ко двору и пр.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

въ кадриль его свѣтлости принца Августа Голштинскаго въ доминахъ рудожелтыхъ съ серебряною выкладкою“ [1]). Кирила Григорьевичъ ежедневно находился въ обществѣ Государыни то при дворѣ, то у брата своего. Елизавета Петровна большую часть дня проводила въ комнатахъ своего супруга во дворцѣ; кромѣ того, часто посѣщала она его дома и въ городѣ и за городомъ. Какъ любила Императрица гостить въ Перовѣ, такъ точно, во время пребыванія въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, часто навѣщала она то Гостилицкую мызу, то Мурзинку, то Славянку, то Приморскій дворъ, подпетербургскія дачи старшаго Разумовскаго. Но особенно любила она Гостилицы. Сюда пріѣзжала она иногда на нѣсколько дней лѣтомъ, позднею осенью и даже зимою. Здѣсь она охотилась верхомъ то съ собаками, то съ соколами, въ мужскомъ платьѣ. Здѣсь давались Алексѣемъ Григорьевичемъ роскошные обѣды и вечернія кушанья, то въ разныхъ аппартаментахъ дома, то на дворѣ въ постановленной бѣлой палаткѣ. Во время этихъ угощеній гремѣла итальянская музыка, иногда играли волторнисты, при питіи здоровьевъ палили изъ пушекъ. Изрѣдка собирались въ домъ крестьянскія „бабы съ дѣвками“, такъ какъ Государыня любила народныя пѣсни [2]). 5 сентября 1745 г. Государыня праздновала въ Гостилицахъ свои имянины. Компанія была многочисленная. Тутъ были: фельдмаршалъ князь Долгорукій, графъ Румянцевъ, Нарышкины и нѣкоторыя изъ статсъ-дамъ, всего до 40 человѣкъ. Государыня пополудни въ 1-мъ часу слушала божественную литургію въ полковой церкви Преображенія Господня; по окончаніи обѣдни имѣлась пальба изъ пушекъ. Въ половинѣ второго началось обѣденное кушанье въ залѣ, на 12-ти штукахъ. Форшнейдеромъ при столѣ былъ камеръ-юнкеръ графъ Воронцовъ. Во время обѣда пили за здравія: Е. И. В., Ихъ Императорскихъ Высочествъ и благополучнаго и счастливаго государствованія Е. И. В., при пушечной пальбѣ, при играніи на трубахъ и битіи въ литавры. Во время кушанія играла музыка. Послѣ обѣда по-полудни въ 6-мъ часу начался балъ въ той же залѣ, гдѣ обѣдали и были поставлены на трехъ штукахъ фрукты. По окончаніи бала играли въ карты, и прочее увеселеніе имѣлось до 12-го часа. Въ половинѣ 12-го въ нижнемъ аппартаментѣ началось вечернее кушаніе, за поставленнымъ на 11 штукахъ столомъ, при которомъ присутствовали Е. И. В. и всѣ вышеозначенныя персоны. Во время того кушанія также имѣлась музыка. При питіи за здоровья палили изъ пушекъ. Противъ дома имѣлась

[1]) Камеръ-фуріерскіе журналы, 1745 г.
[2]) Тамъ же.

иллюминація. — Особенно любилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ угощать Государыню и весь дворъ у себя, въ Царевинином, а позднѣе въ Аничковскомъ домѣ, въ день своихъ именинъ 17-го марта. Для праздниковъ этихъ онъ не щадилъ денегъ, и во все царствованіе Елизаветы 17-ое марта считалось чѣмъ-то въ родѣ табельнаго дня,—такъ иногда, хотя и рѣдко, этотъ день праздновался въ Гостилицахъ; бывали пиры, итальянская музыка, иллюминація, и, что не совсѣмъ согласовалось съ набожностью Елизаветы Петровны и Разумовскаго,—несмотря на великій постъ,—танцы. „Около середины великаго поста,—говоритъ Екатерина Великая, — мы ѣздили съ Императрицею въ Гостилицы на именины къ оберъ-егермейстеру графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело“ [1]). Одно изъ посѣщеній Гостилицъ дорого обошлось Великому Князю и Великой Княгинѣ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ сама Екатерина:

„Въ исходѣ мая, въ Вознесенье, мы поѣхали въ Гостилицы къ графу Разумовскому. 23 числа того же мѣсяца Государыня пригласила туда императорскаго посла барона Претлака. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ Императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко за полночь, такъ что, когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, солнце уже взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Положеніе этого дома намъ понравилось зимою, когда мы были на именинахъ у оберъ-егермейстера и, чтобы намъ сдѣлать угодное, онъ намъ его отвелъ. Домъ былъ двухъ-этажный, въ верхнемъ этажѣ были лѣстница, зала и три комнаты; мы спали въ одной, Великій Князь одѣвался во второй, въ третьей жила г-жа Крузе. Внизу расположились Чеглоковы, мои фрейлины и мои камеръ-фрау. Возвратившись съ ужина, мы всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра, нѣкто Левашевъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чегловковымъ насчетъ построекъ, которыя тамъ производились. Найдя всѣхъ еще спящими, Левашевъ сѣлъ около часового, и ему послышалось, что что-то трещитъ; это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ сказалъ ему, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ на часахъ, трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашевъ обѣжалъ домъ и увидѣлъ, что изъ подъ дому вываливались большіе камни. Онъ тотчасъ разбудилъ Чеглокова, и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чегловковъ схватилъ халатъ и побѣжалъ наверхъ; тамъ стеклянныя двери были заперты; онъ велѣлъ выломать замки и, дошедши до комнаты, гдѣ мы спали, дернулъ занавѣски,

[1]) Mém. de Cath., II, 78—79.

разбудилъ насъ и сказалъ, чтобы мы скорѣе вставали и уходили, такъ какъ подъ домомъ провалился фундаментъ. Великій Князь спрыгнулъ съ постели, схватилъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чеглокову, что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться, и, одѣваясь, вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣдней комнатѣ. Я поспѣшила разбудить ее; но такъ какъ она спала очень крѣпко, то я едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дому. Я помогла ей одѣться и, когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу; но едва успѣли мы переступить порогъ, какъ все провалилось, и мы услышали шумъ, похожій на тотъ, который бываетъ при спускѣ корабля въ воду. Мадамъ Крузе и я упали на полъ. Въ эту минуту, изъ противоположной двери, со стороны двора, вошелъ Левашевъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ ту сторону, гдѣ была катальная гора; она стояла прежде въ уровень со вторымъ этажемъ, а теперь по крайней мѣрѣ на аршинъ была выше. Левашевъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ: ея уже не было, она провалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались на верхъ по обломкамъ; Левашевъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ. Тамъ нашла я Великаго Князя въ шлафрокѣ. Вышедши изъ дому, я стала пристальнѣе разсматривать то, что́ происходило тамъ, и увидѣла, какъ оттуда выбирались и выносились окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина, княжна Гагарина [1]). Она хотѣла выбраться изъ дома, какъ и всѣ другія; но только-что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печка стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что́ произошло между фундаментомъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Причиною всего этого было то, что

---

[1]) У Екатерины II, когда она была Великою Княгинею, фрейлинами были двѣ сестры: княжны Гагарины, дочери князя Алексѣя Матвѣевича отъ брака съ Шафировою и внуки извѣстнаго Сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича. Изъ нихъ старшая Анна Алексѣевна (впослѣдствіи оберъ-гофмейстерина) вышла за т. сов. графа Д. М. Матюшкина, а меньшая Дарья Алекс. (статсъ-дама) за фельдмаршала кн. А. М. Голицына.

домъ выстроенъ былъ осенью на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ известковаго камня. Въ сѣняхъ перваго этажа архитекторъ велѣлъ поставить двѣнадцать деревянныхъ столбовъ. Ему надо было ѣхать въ Малороссію и, уѣзжая, онъ сказалъ Гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Несмотря на запрещеніе архитектора, управляющій, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести столбы, которые безобразили сѣни. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда известковыхъ камней, которые отъ того расползлись въ разныя стороны, и вмѣстѣ съ этимъ самый домъ началъ скатываться съ горы, на которой онъ стоялъ, до маленькаго пригорка, который и остановилъ дальнѣйшее паденіе. Я отдѣлалась нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того напуганы, что, въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ, каждая громко захлопнутая дверь заставляла насъ вздрагивать. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, Императрица, обитавшая въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ; ей не хотѣлось вѣрить, чтобы опасность, въ которой мы находились, была велика, и потому всѣ старались представить ее незначительною, и иные даже утверждали, что опасности вовсе никакой не было. Испугъ мой очень не понравился Государынѣ, и она за него на меня дулась. Оберъ-егермейстеръ плакалъ, былъ въ отчаяніи и говорилъ даже, что съ горя застрѣлится. Но видно ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ“ [1]).

Такимъ образомъ, въ пирахъ и весельи пролетѣлъ первый годъ пребыванія молодого Разумовскаго при дворѣ. Г. Н. Тепловъ продолжалъ находиться при немъ, хотя въ это время едва ли онъ могъ усмотрѣть за своимъ бывшимъ ученикомъ. Впрочемъ, онъ этого и не домогался; онъ терпѣливо выжидалъ времени, когда судьба призоветъ Кирилу Григорьевича къ серьёзной дѣятельности и заранѣе готовился принять въ этой дѣятельности самое живое участіе.

Изъ сверстниковъ своихъ графъ Кирила особенно сблизился съ умнымъ, оригинальнымъ и любезнымъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Ихъ связывали и молодость, и своеобразность и одинаковые успѣхи въ свѣтѣ, но особенно общая страстная любовь къ отчизнѣ. „Человѣкъ быстрый, увертливый и проворный“, по свидѣтельству кн. Щербатова [2]), Чернышевъ долгое время былъ заграницею и

---

[1]) Mém. de Catherine, II, 87—92.

[2]) Кн. Щербатовъ, 60.

„къ несчастію“ (прибавляетъ строгій критикъ нравовъ прошлаго столѣтія, представлявшаго, надо признаться, обильную почву для критики), перенялъ заграницею все, что̀ сластолюбіе и роскошь при Европейскихъ дворахъ наипріятнѣйшаго имѣютъ. Столъ его привлекалъ вкусъ, обоняніе и зрѣніе, экипажи его блистали золотомъ, ливрея его пажей была шита золотомъ, вина у него были самыя лучшія и самыя дорогія“. Но среди роскоши и удовольствій въ немъ не загасалъ святой огонь, и проблески этого огня привлекали къ себѣ Кирилу Григорьевича. Отъ природы ума нѣсколько поверхностнаго, Чернышевъ много зналъ и читалъ; заграницею онъ сошелся со всѣми замѣчательными людьми того времени, отлично говорилъ въ обществѣ, былъ добрый человѣкъ, весьма гостепріимный и со всѣми одинаково любезный. Сходство характеровъ и наклонностей породило дружбу, о которой мы, впрочемъ, болѣе знаемъ по преданію. Въ бумагахъ графа Кирилы, находящихся въ архивѣ гр. А. С. Уварова, сохранилось письмо отъ Чернышева, ясно указывающее на близость ихъ отношеній. Письмо это написано гораздо позднѣе описываемаго нами времени, однако намъ кажется кстати привести его здѣсь.

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не знаю, греческая, не знаю латинская пословица, однако есть такая: „лучше поздно, нежели никогда“, она-то со мною сбывается. Уже тому два мѣсяца, какъ я пріѣхалъ въ отечество, да и откудова, изъ Франціи, а къ вашему сіятельству еще не писалъ; уже и на голубую ленту, которую я съ того времени ношу [1]), я наглядѣлся, а къ вашему сіятельству и о полученіи оной не сообщилъ. Истинно непростительно; когда бы не столь увѣренъ былъ на милость вашего сіятельства, я бы никогда не отважился, однако лучше про оное молчать, а постараться въ оное дурачество впредь не попадаться. „Die Erkenntniss des Fehlers ist die halbe Besserung“. Или Горацій говоритъ: „melius semel, quam nuncquam“. Или какъ голландецъ Vondel говоритъ: „better oit als noit“: *oit* значитъ *иногда*, а *noit* значитъ *никогда*. Trêve de proverbes! Истинно не однова собирался къ вашему сіятельству писать, и уже не одно письмо и писалъ, только все чиновны таковы, что... [2]) ихъ не умѣю, и для того уже разсудилъ хотя глупое или измаранное письмо, да лишь бы написать. Сколь же мнѣ прискорбно, что вашего сіятельства я здѣсь не засталъ, о томъ маню себя, что вы увѣрены. Сколько бы я васъ по пріѣздѣ своемъ изъ Франціи забавилъ. Разсудите, каковъ я сталъ: другихъ кафтановъ не ношу какъ *шелиновыхъ* (?),

---

[1]) По свидѣтельству Щербатова, Чернышевъ этою голубою лентою Бѣлаго Орла обязанъ былъ И. И. Шувалову.

[2]) Неразобранное слово.

въ красныхъ каблукахъ и все пою пѣсни, да какія — одна другой лучше, и навезъ ихъ столько много, все въ томъ разумѣ, чтобы васъ онымъ поучить. Я въ Парижѣ былъ 10 недѣль и 4 часа и изъ онаго времени въ крайней скукѣ былъ только 4 часа, а въ прочее вы догадаться можете, каково мнѣ было. Хожу всякій день въ двухъ лентахъ, а епанцы (?) всѣ цѣлы; дорого бы далъ, чтобы Гр. Н. Тепловъ меня видѣлъ, каковъ я чиненъ сталъ въ двухъ лентахъ: онъ бы на меня глядя все хохоталъ. Платья изъ Парижа навезъ тьма [1]) и карету, предорога. Прощай, милостивый государь, будьте увѣренъ, что я пока живъ, пребуду все тотъ же, сирѣчь наипризнательнѣйшій и усерднѣйшій изо всѣхъ в. с. слугъ и пр.

„Смѣю ли, милостивый государь, за неимѣніемъ другой бумажки въ письмѣ в. с. мой поклонъ Гр. Ник. приписать и увѣрить его, что мнѣ истинно безъ него скучно; ни побраниться, ни похохотать, ни поругать, ни пошептать не съ кѣмъ; вѣдь онъ помнитъ, что я всегда говорилъ, что хоть въ ссорѣ когда съ нимъ, а говорить люблю, и его шутки хороши. Жаль мнѣ очень, что у него въ Глуховѣ нѣтъ моей Стрѣтенской кормилицы, то бы онъ, хотя бы ея шутки ко мнѣ отписалъ. Adieu Monseigneur“.

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ-заграницы 21 мая 1746 года, графъ Кирила Григорьевичъ „въ разсужденіе усмотрѣнной въ нёмъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искуства“ [2]), былъ назначенъ президентомъ Императорской академіи наукъ съ жалованіемъ по 3000 рублей въ годъ. 12 іюня [3]) Разумовскій въ первый разъ явился въ академію и обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Почтеннѣйшіе господа, всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Государыня и повелительница Елизавета Петровна, наша всемилостивѣйшая Императрица и самодержица, съ неутомимымъ материнскимъ попеченіемъ старается неустанно споспѣшествовать благу и чести своихъ подданныхъ. Нынѣ она соблагоизволила своимъ высочайшимъ повелѣніемъ назначить меня президентомъ Императорскаго общества столько же учёного, сколько и славнаго. Такая высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей Монархини налагаетъ на васъ, государи мои, на всѣхъ вообще и на каждаго въ особенности, обязанность направлять свои труды къ согласованію ихъ съ мыслію высокоблаженной и досто-

---

[1]) „Одѣянія его (т.-е. Чернышева) были“, говоритъ князь Щербатовъ (стр. 61), „особливаго богатства и вкуса и ихъ толь много, что единожды вдругъ 12 кафтановъ выписалъ“.

[2]) Изъ диплома на графское достоинство отъ 1-го марта 1751.

[3]) Исторія Соловьева, XXII, 320.

славной памяти Петра Великаго, перваго основателя вашего общества. Меня же эта милость побуждаетъ наблюдать и приводить въ исполненіе точнѣйшимъ образомъ всё то, что изъ вашего прилежанія и усердія можетъ быть извлечено на пользу нашего отечества.

„Не требуется подробныхъ изъясненій, чтобы убѣдить васъ, какъ горячо желаетъ того наша всемилостивѣйшая Монархиня, такъ какъ это вы достаточно усматриваете изъ множества до сихъ поръ изданныхъ полезныхъ постановленій и славныхъ распоряженій Е. И. В., которыя служатъ тому подтвержденіемъ и доказательствомъ. Я нахожу одно необходимымъ, это поощрять васъ, государи мои, чтобы отнынѣ же для выполненія своего долга вы обратились со мною къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ наше обширное государство извлекло бы вмѣстѣ съ славою и истинную пользу для себя. Это есть первая и важнѣйшая цѣль вашего учёнаго общества, для которой оно основано. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что не можетъ быть благороднѣе и прекраснѣе той славы, которая зиждется на благѣ цѣлаго общества. И какъ можетъ не быть славы, когда польза распространится по широкому русскому государству? Соединеніе таковыхъ двухъ дѣятельностей имѣлъ также цѣлью заботливый Монархъ, для своего отечества, въ составленномъ имъ самимъ проэктѣ объ основаніи академіи наукъ, въ которой въ то же время учрежденъ и университетъ [1]). И такъ на эти два главные предмета должны мы преимущественно обратить наше вниманіе, и я твердо убѣжденъ, что ваши всестороннія усилія и стремленія на будущее время будутъ согласоваться, какъ это было и до сихъ поръ, съ волею, мыслями и желаніемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни. Я во всякое время буду пользоваться вашими добрыми совѣтами, и своею главнѣйшею обязанностію буду считать достиженіе благоденствія этого учрежденія и удовольствованіе каждаго его сочлена въ особенности согласно всемилостивѣйшему намѣренію Е. И. В.; причемъ имѣю основательную надежду, что вы, милостивые государи, моимъ усердіемъ, а я вашимъ содѣйствіемъ будемъ взаимно довольны. Да подастъ Всевышній, чтобы наше единодушіе скорѣе принесло такіе плоды, которые были бы въ состояніи со-

[1]) Профессоръ Соловьевъ (Исторія Россіи, XXII, 320) слова эти приводитъ нѣсколько иначе: „За необходимо вамъ объявить нахожу, что собраніе ваше такія мѣры отъ перваго нынѣшняго случая принять должно, которыя бы не одну только славу, но и совершенную пользу въ семъ пространномъ государствѣ производить могло. Вы знаете, что слава одна не можетъ быть столько велика и столь благородна, ежели къ ней не присоединена польза. Сего ради Петръ Великій какъ о славѣ, такъ и пользѣ равномѣрное попеченіе имѣлъ, когда первое основаніе положилъ сей академіи, соединивъ ее съ университетомъ“. Разница въ редакціи произошла отъ того, что покойный академикъ Пекарскій, напечатавшій въ своей исторіи академіи рѣчь Разумовскаго in extenso—перевелъ ее съ нѣмецкаго списка, которымъ онъ пользовался.

дѣлать насъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ достойными лестной, высокой милости Е. И. В.“ [1]).

На эту рѣчь отвѣчалъ Шумахеръ. „Академія,—сказалъ онъ между прочимъ,—остававшаяся въ продолженіи пяти лѣтъ безъ главы, чувствуетъ истинную радость и полнѣйшее удовольствіе, потому что нынѣ начальникомъ ея поставленъ столь знатный господинъ, котораго благородный образъ мыслей обѣщаетъ намъ, что ее скоро увидятъ поставленною на твердомъ и прочномъ основаніи...“ [2]).

Профессоръ элоквенціи Тредьяковскій съ своей стороны привѣтствовалъ новаго президента слѣдующими словами: „академія, чрезъ ваше графское сіятельство, оживотворивши всѣ свои члены и въ здравіе пришедши, какъ съ одра тяжкія болѣзни возстала. Академія чрезъ васъ, первую Россійскую свою главу, всеконечно изобрящетъ всегда дѣйствительный способъ, дабы исполнить основателя своего намѣреніе—множиться россійскими членами, въ россійскихъ твердо обращаемыхъ составахъ“ [3]). Кромѣ этихъ сильно тенденціозныхъ словъ сохранились еще черновыя отвѣтныхъ рѣчей Миллера и Н. І. Делиля, противниковъ Шумахера, въ которыхъ говорится, „что академики вполнѣ убѣждены въ ревности е. с. ко благу общественному, и потому нисколько не страшатся, чтобы ложныя внушенія людей, или мало свѣдущихъ, или злонамѣренныхъ, могли произвести на новаго президента самомалѣйшее впечатлѣніе, и что академики, не разъ жаловавшіеся правительству на академическую канцелярію, надѣются что Разумовскій даруетъ наконецъ академіи новый уставъ...“, но врядъ ли рѣчи эти были прочтены [4]).

Въ наши дни покажется конечно страннымъ—назначеніе въ президенты академіи 18-ти-лѣтняго мальчика, едва выпустившаго изъ рукъ указку, за которую такъ поздно ухватился, но при Елизаветѣ едва ли это кого удивляло. На де сіансъ академію смотрѣли въ тѣ времена какъ на заморскую затѣю, пригодную для сочиненія всякихъ виршей, фейерверковъ и другихъ подобныхъ увеселительныхъ куншутовъ. Этотъ взглядъ, съ практичностію нѣмца, подмѣтилъ Шумахеръ и завелъ при академіи, къ великому неудовольствію ученыхъ своихъ сочленовъ, разныя мастерскія. Вслѣдствіе этого большинство тогдашняго общества съ крайнимъ равнодушіемъ смотрѣло на назначеніе президента надъ учрежденіемъ, которое по тогдашнимъ понятіямъ входило въ разрядъ того, что при Версальскомъ дворѣ называлось: „les menus plaisirs“. Нельзя, впрочемъ, не признаться, что академія С.-Петербургская, при

[1]) Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ. II, XXII—XXIII.

[2]) Тамъ же, II, XXIII.

[3]) Исторія Соловьева, XXII, 320.

[4]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, II, XXIV—XXV.

отсутствіи всякаго подобія школъ, не говоря уже объ университетѣ, долгое время была аномаліею. Съ другой стороны, назначеніе молодого Разумовскаго объясняется не только исключительнымъ положеніемъ брата его при дворѣ, но еще тѣмъ полнымъ отсутствіемъ людей образованныхъ и способныхъ, которымъ отличалось, особенно въ началѣ, царствованіе Елизаветы Петровны. Къ тому же, при тогдашнемъ настроеніи умовъ, вѣрнымъ отголоскомъ котораго служатъ приведенныя выше слова Тредьяковскаго, во главѣ академіи болѣе образованное меньшинство желало видѣть Русскаго, а не Нѣмцевъ, каковы были до сихъ поръ: Блументростъ, Кейзерлингъ, Корфъ и Бревернъ. Но изъ Русскихъ никто къ этому дѣлу не оказался годнымъ, такъ что въ первыя пять лѣтъ, послѣ вступленія Елизаветы на престолъ, академія оставалась безъ президента. Тѣмъ временемъ вернулся изъ-за границы братъ всемогущаго временщика съ огромнымъ запасомъ льстивыхъ свидѣтельствъ отъ падкихъ на Русскія деньги иностранныхъ профессоровъ. При дворѣ всѣ были отъ новоприѣзжаго въ восторгѣ. Ласкатели Алексѣя Григорьевича, а ихъ въ то время было не мало, громко трубили по городу и при дворѣ о талантахъ и познаніяхъ молодого Разумовскаго; академія нуждалась въ президентѣ, и Кирила Григорьевичъ, самъ ни сознавая ни значенія ея, ни обязанностей на него возлагаемыхъ, очутился однажды президентомъ Императорской Россійской академіи наукъ. Очевидно, что при отсутствіи серьёзнаго классическаго образованія, при безпрестанныхъ развлеченіяхъ свѣтской жизни, недавній казакъ, какимъ-то чудомъ преобразившійся въ придворнаго кавалера, не могъ быть примѣрнымъ президентомъ. Безъ руководителя невозможно было обойтиться, и таковымъ сталъ давно знакомый съ академіею, воспитатель новаго президента Тепловъ. Десять дней послѣ назначенія Разумовскаго, Тепловъ получилъ мѣсто ассессора при академической канцеляріи [1]). Несмотря однако на недостаточность познаній и на совершенную неподготовленность къ таковому дѣлу, можно смѣло сказать, что Кирила Григорьевичъ ничѣмъ не хуже своихъ предшественниковъ управлялъ академіею. И Блументростъ, и Корфъ, и Кейзерлингъ, и Бревернъ мало занимались ввѣреннымъ имъ учрежденіемъ, полагаясь всегда и во всемъ на Шумахера. Состояніе академіи, послѣ управленія первыхъ четырехъ президентовъ, было самое плачевное. Всѣ лучшіе иностранные профессора уѣхали или, правильнѣе, бѣжали за границу. Ссоры между оставшимися иногда доходили до дракъ и неоднократно разбирались въ Сенатѣ. Интригамъ всякаго рода не было конца, доносы другъ на друга были въ общемъ ходу. Учрежден-

---

[1]) Пекарскій. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Приложеніе къ VIII тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, стр. 41.

ные при академіи университетъ и гимназія числились только на бумагѣ. „L'académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède [1]), писалъ Тепловъ къ профессору Штрубе, бывшему учителю новаго президента, съ которымъ, какъ видно, успѣлъ помириться. Среди этого омута отчаянно дѣйствовала геніальная личность Ломоносова. Ломоносовъ, возвратившійся изъ за-границы, полный сознанія силъ своихъ, съ горячею любовью къ отчизнѣ, съ жаждою неутомимой дѣятельности, встрѣтилъ на родинѣ пріемъ самый холодный. Ему обѣщали, при отправленіи за границу, мѣсто экстраординарнаго академика, и вмѣсто того назначали въ адъюнкты. Огромное большинство соотечественниковъ или вовсе не обратило на него вниманія, или взирало на него недовѣрчиво. Русскій ученый въ тѣ времена былъ чѣмъ-то немыслимымъ; Русскій поэтъ представлялся публикѣ въ видѣ Тредьяковскаго, на котораго современники смотрѣли какъ на какого-то шута. Но самыми непримиримыми врагами Ломоносова въ академіи были Нѣмцы, съ Шумахеромъ во главѣ. Они взяли, такъ-сказать, академію на аренду и смотрѣли на нее какъ на свое собственное достояніе. Нѣмцы тѣснили даже своихъ, когда они, какъ, напримѣръ, Делиль или Браунъ, дружились съ Русскими.

Но со вступленія на престолъ Елизаветы, общій по Россіи крикъ противъ иностранцевъ сталъ раздаваться и въ стѣнахъ академіи. Немногіе Русскіе тамъ служившіе стали поговаривать о произволѣ Нѣмцевъ. Ломоносовъ очутился во главѣ недовольныхъ и вошелъ въ открытую борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, громко проповѣдуя, что желаетъ видѣть „Россійскую академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую“. Со всѣмъ импетомъ сильной и цѣльной натуры, шелъ онъ, часто не разбирая средствъ, къ достиженію своей цѣли и надорвался надъ геркулесовою работою. Гдѣ нѣмецкій элементъ пустилъ корни, тамъ онъ долго держится; цѣлаго столѣтія недостаточно было, чтобы осуществить мысль перваго нашего ученаго дѣятеля. Но, къ несчастію, въ борьбѣ своей Ломоносовъ, неуживчивостью, пылкостью и необузданностью, самъ безпрестанно портилъ дѣло и подготовлялъ успѣхъ противникамъ.

Первою заботою новаго президента было ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ академическихъ. Разумовскій потребовалъ изъ Сената всѣ бумаги, касающіяся распрей между академиками и, кромѣ того, велѣлъ каждому изъ нихъ порознь подать о томъ-же особенную бумагу. Первое впечатлѣніе при разборѣ этихъ бумагъ было самое тягостное, и весьма вѣроятно, что впечатлѣніе это съ самаго начала

[1]) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина. Томъ I, стр. 704.

охладило президента къ дѣлу. Во всѣхъ этихъ изложеніяхъ, въ перекрестныхъ навѣтахъ и жалобахъ, была такая путаница, что даже человѣку вполнѣ опытному едвали было возможно доискаться до истины. Право, какъ и слѣдовало ожидать, осталось за хладнокровнымъ, тихимъ и порядливымъ Шумахеромъ, настоящимъ учредителемъ академіи. Хитрый, властолюбивый, ласкательный, онъ несомнѣнно обладалъ талантами, а главное—былъ очень распорядителенъ. Благодаря его трудамъ, академія была основана; съ крайнимъ искусствомъ съумѣлъ онъ въ началѣ собрать музеи и созвать профессоровъ изъ-за границы. Потомъ онъ мало-по малу сталъ забирать власть въ свои руки, и, какъ скоро это удалось, онъ исключительно занялся своими выгодами, и академія стала на второмъ планѣ. Такимъ образомъ, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ онъ одинъ распоряжался академіею и сосредоточилъ въ рукахъ своихъ власть первыхъ президентовъ. Шумахеръ былъ въ перепискѣ съ Тепловымъ во время путешествія его по чужимъ краямъ при графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ. Разсчетливый Нѣмецъ находилъ, что нелишнее быть въ ладахъ съ адъюнктомъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ съ сильными міра сего. Теперь онъ всячески заискивалъ у новаго ассессора, и тѣмъ еще болѣе усилилъ себя. Разобравъ нѣсколько академическія дѣла, графъ Кирила Григорьевичъ представилъ правительствующему Сенату слѣдующее заключеніе: „Отъ каждаго изъ профессоровъ я требовалъ письменно, имѣютъ ли что еще въ подтвержденіе или доказательство своихъ жалобъ, и когда каждый письменно объявилъ, что никакого доказательства въ улику приносить не можетъ, а нѣкоторые объявили, что и сами того не знали и не разумѣли, къ чему руки свои прикладывали, но дѣлали это больше по наученію другихъ: то усмотрѣлъ я, что совѣтникъ Шумахеръ во всѣхъ своихъ поступкахъ предъ профессорами правъ и ненависть отъ нихъ однимъ только тѣмъ заслужилъ, что по ревности своей къ пользѣ и славѣ государственной въ небытность президентовъ принуждалъ профессоровъ къ отправленію ихъ должности и къ показыванію дѣйствительныхъ трудовъ, за которые имъ столь знатное жалованіе опредѣлено. Когда по вступленіи моемъ въ правленіе академическихъ дѣлъ разсмотрѣны труды профессоровъ, то нашлось, что нѣкоторые изъ нихъ больше въ убытокъ государству здѣсь жили и обманывали командировъ, нежели старались произвести пользу въ народѣ; притомъ не по достоинству своихъ трудовъ и знанія требовали себѣ жалованія и къ полученію его всякіе происки употребляли; а какъ потомъ строгій надъ ними надзоръ учрежденъ, то главный возбудитель всѣхъ ссоръ и несогласій между профессорами и совѣтникомъ Шумахеромъ, бывшій при академіи профессоръ Делиль, видя, что дѣла академическія не по его намѣренію стали происходить, и что ему невозможно уже

канцелярію обманывать, взялъ свой абшидъ. И ежелибы описать всѣ прежніе поступки нѣкоторыхъ бывшихъ и нѣкоторыхъ нынѣ находящихся при академіи профессоровъ, изъ которыхъ однакожъ исключаются добрые и достойные, то бы правительствующій Сенатъ могъ совершеннѣе видѣть ревность къ пользѣ отечества Россійскаго Шумахерову и лѣность и нерадѣніе къ трудамъ разныхъ профессоровъ. И тѣмъ подтверждаю, что въ нынѣшнемъ времени многіе въ порученныхъ имъ дѣлахъ такъ нерадѣтельно поступали, что на силу возможно было пріискать способъ, чтобъ ихъ привести въ надлежащій порядокъ, и могу увѣрить прав. Сенатъ, что между профессорами многими ничего инаго не усматривается, какъ желаніе одно—стараться всегда о прибавкѣ своего жалованія, получать разными происками ранги великіе и ничего за то не дѣлать и не быть у никого въ командѣ и дѣлать собою, что̀ кому вздумается, подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія, но любятъ свободу“ [1]).

Разумѣется, какъ заключеніе это, такъ и рѣчь, произнесенная Разумовскимъ, при первомъ появленіи его въ академіи, были сочинены Тепловымъ. Такимъ образомъ, на жалобы Ломоносова и его товарищей, благодаря Теплову и Шумахеру, не было обращаемо вниманія. „Нынѣшній президентъ его сіятельство графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій“, говоритъ Ломоносовъ, „отъ Россійскаго народу могъ бы много успѣть, когда бы хоть немного побольше вникалъ въ дѣла академическія. Но съ самаго начала ввѣрился тотчасъ Шумахеру, а особливо, что тогдашній ассессоръ Тепловъ былъ ему предводитель, а Шумахеру пріятель“ [2]). Къ несчастію, крайне неуживчивый Ломоносовъ съумѣлъ поссориться со всѣми лицами, окружавшими Разумовскихъ. Вражда его съ Сумароковымъ извѣстна. Объ Елагинѣ онъ иначе и не отзывался, какъ о „Перфильевичѣ“, въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ; съ Тепловымъ онъ тоже былъ на ножахъ. Понятно, что и Тепловъ, и Елагинъ, и Сумароковъ съ своей стороны его не щадили и что отовсюду доходили до президента самые невыгодные для поэта-академика отзывы. Несмотря на это, Разумовскій безсознательно, самъ собою, понялъ, что Ломоносовъ не походилъ на окружавшихъ его, что въ этой грубой личности было что-то, невольно вселявшее и сочувствіе, и удивленіе и какое-то невольное почтеніе къ заносчивому профессору. Русскому вполнѣ, каковъ былъ Разумовскій, нравилась даже эта размашистая натура, которую не удерживали ни приличія свѣта, ни торжественность академическихъ засѣда-

---

[1]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 97.

[2]) Тамъ же, 118. Пекарскій, Дополн. извѣстія для біогр. Ломоносова (приложеніе къ VIII т. Зап. Академіи Наукъ). стр 29.

ній, и наперекоръ всѣмъ стоявшимъ близъ президента, какъ въ оффиціальной сферѣ, такъ и въ семейномъ кружкѣ, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ Ломоносову руку помощи. Такъ, Разумовскій поднесъ въ 1748 году Государынѣ оду его на восшествіе ея на престолъ и самъ же, вѣроятно, выхлопоталъ сочинителю награду въ 2000 рублей. Тотъ же Разумовскій „для поощренія Ломоносова велѣлъ привести академическую лабораторію въ такое состояніе, чтобы Ломоносовъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случатся въ химіи"; благодаря президенту, Ломоносовъ получилъ казенную квартиру и передъ отъѣздомъ Разумовскаго въ Украйну былъ имъ же представленъ къ чину коллежскаго совѣтника. Ломоносовъ умѣлъ цѣнить эти знаки сочувствія; въ то время у него не было еще могущественнаго покровителя; онъ не забывалъ ихъ и послѣ, и, въ минуты самаго сильнаго раздраженія противъ хода дѣлъ въ академіи, онъ писалъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, передъ которымъ имѣлъ обыкновеніе изливать всю душу свою: „Президентъ нашъ добрый, только ввѣрился Теплову" [1]).

Разумовскій несомнѣнно хотѣлъ поправить дѣла академіи, но среди развлеченій свѣтской жизни, при крайней своей молодости, онъ къ дѣлу относился далеко не серьёзно. — Впрочемъ, сейчасъ же послѣ вступленія своего въ должность, онъ поспѣшилъ обратиться къ учителю своему — знаменитому Эйлеру, уговаривая его вернуться въ Петербургъ и снова занять мѣсто при академіи. По случаю этого предложенія, Бернулли писалъ къ Эйлеру: „Боюсь только, что уже будетъ невозможно привести академію въ прежнее цвѣтущее состояніе, но это бы осуществилось, когда бы вы рѣшились отправиться туда года на два. Дѣло можно бы такъ устроить, что король, по сосѣдству и изъ дружбы къ императрицѣ, отпустилъ бы васъ въ Россію, и въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ возникнуть никакихъ неудобствъ. Я вызываюсь исполнять въ продолженіи двухъ лѣтъ ваши обязанности въ Берлинѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы получали берлинское жалованье"... [2]). Но Эйлеръ не принялъ предложеній Разумовскаго... „Я совершенно доволенъ своей судьбою", писалъ онъ, „король назначилъ мнѣ то же жалованье, какое получалъ я въ Петербургѣ... и... называетъ меня своимъ профессоромъ — я счастливѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ" [3]). Такое же предложеніе было сдѣлано Іоганну-Вольфангу Крафту, Даніилу Бернулли и брату его Іоганну съ столь же малымъ успѣхомъ. Старшій Бернулли прямо объявилъ Эйлеру, что Шумахеръ—

---

[1]) Билярскій, 149.

[2]) Пекарскій. Ист. Академіи, I, 115.

[3]) Тамъ же, I, 261—262.

единственная причина недовѣрія за границею къ Петербургской академіи [1]). За то другой учитель Разумовскаго, Штрубе де-Пирмонтъ поспѣшилъ заключить съ академіею новый контрактъ и сдѣлался не только профессоромъ, но даже и непремѣннымъ секретаремъ академіи, впрочемъ, не на долго [2]).

Такимъ образомъ, академія принуждена была довольствоваться тѣми иностранными посредственностями, которыхъ не разогнали безпрестанные споры между членами ученаго института, а равно и интриги властолюбиваго Шумахера. Послѣ неудачнаго призыва ученыхъ знаменитостей, которыхъ академія не съумѣла сохранить въ нѣдрахъ своихъ, президентъ приступилъ къ сочиненію новаго регламента, который былъ подписанъ Императрицею 24-го іюля 1747 года. Это былъ собственно первый уставъ академіи, такъ какъ Петръ Великій не успѣлъ составить такового при жизни своей. Регламентъ, составленный Тепловымъ и Шумахеромъ безъ участія академиковъ, возбудилъ только новую бурю. Въ университетѣ и гимназіи при академіи не было почти учениковъ. Несмотря на сопротивленіе духовнаго начальства, президентъ востребовалъ изъ Невской, Московской и Новгородской семинарій лучшихъ воспитанниковъ. Въ Москву для выбора ѣздилъ Тредьяковскій, въ Петербургѣ этимъ дѣломъ занялся Ломоносовъ и другъ его Браунъ. Первое время лекціи или плохо, или никакія производили въ студенты безъ экзаменовъ. Ректоръ университета, знаменитый Миллеръ, перессорился и съ Тепловымъ, и съ Ломоносовымъ, и съ Шумахеромъ. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, и на мѣсто его былъ назначенъ Крашенинниковъ. Набранные въ семинаріяхъ студенты кутили, дрались между собою и грубили начальству. Но мало-по-малу дѣла улучшились, ученіе пошло живѣе, и въ числѣ студентовъ находились извѣстные впослѣдствіи Румовскій, Барсовъ и Поповскій. Въ январѣ 1748 года Кирила Григорьевичъ, вслѣдствіе „имяннаго изустнаго указа“ Императрицы, предписалъ, дабы при академіи наукъ „переводили и печатали книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забава соединена бъ была съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“ [3]). Это предписаніе осталось на время безъ послѣдствій; оно только подало первую мысль къ осуществившемуся 8 лѣтъ позднѣе изданію „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, о которыхъ будемъ имѣть случай еще говорить далѣе. Между тѣмъ вражда Ломоносова съ Шумахеромъ все болѣе и болѣе ожесточалась. Союзникомъ послѣдняго явился зять его Таубертъ, ко-

---

[1]) Пекарскій, Ист. Академіи, I, 117.
[2]) Тамъ же, I, 676—677.
[3]) Билярскій, 277.

тораго Шумахеръ готовилъ себѣ въ преемники. Къ довершенію бѣдъ, пожаръ истребилъ значительную часть зданій и музеевъ Академіи и между прочимъ знаменитый Готорпскій глобусъ.

Приглашая академиковъ въ Россію, Разумовскій въ то же самое время старался отклонить Вольтера отъ намѣренія посѣтить Петербургъ. Съ знаменитымъ философомъ графъ Кирилла Григорьевичъ былъ въ постоянной перепискѣ, но до насъ дошло только одно письмо президента съ черновыми поправками Шумахера.

„Monsieur", писалъ Разумовскій къ Вольтеру, „Je Vous suis bien obligé des complimens de congratulation que Vous me faites sur la dignité que sa Majesté Impériale, ma gracieuse Souveraine, a eu la grace de me conférer. Le comble de mes souhaits serait, Monsieur, que j'eusse bientôt la satisfaction de Vous faire les mêmes sur la récompense complète que Vous avez à espérer du roy à qui Vous avez devoué si sagement Vos services [1]). Il est connaisseur des arts et des sciences, et il sait récompenser ceux qui les possèdent comme Vous les possédez, Monsieur, au plus haut dégré.

Le libraire de l'académie ayant envoyé l'annee passée au mois de Juin à M-r Briasson un ballot de livres de notre impression, y a mis par mes ordres entre autres paquets pour les membres de Paris attachés à notre académie, un pour Vous, Monsieur, où il y a dix tomes de nos anciens Commentaires et le premier tome des nouveaux avec le supplément de Scientia navalis [2]) en deux tomes, que j'espère que Vous aurez recus, ou que Vous les recevrez en son temps. Pour l'atlas de Russie, il n'y est pas, parceque Vous ne me l'avez par demandé. Mais à présent sachant Votre sentiment làdessus je Vous l'enverrai ou par eau ou par terre à la première occasion qui se présentera. Le voyage, que Vous souhaitez d'entreprendre, est à mon avis trop long et trop fatigant pour un homme de Votre âge et de Votre constitution, et pour moi, pour Vous dire la vérité, très inutile, parcequ'il y a apparence que je serai dans ce tems là bien éloigné d'icy et hors d'état de profiter de Votre conversation et c'est pourtant ce que je ne voudrais pas (sic,) en être privé. Je suis avec beaucoup de zêle, Monsieur, Votre très humble et très obéissant serviteur [3]).

Изъ бумагъ, относящихся до академической дѣятельности графа Кирилы Григорьевича, сохранились въ Архивѣ графа А. С. Уварова три письма, которыя и приводимъ здѣсь.

---

[1]) Фридрихъ Великій.

[2]) Scientia navalis—сочиненіе Леонарда Эйлера, съ посвященіемъ графу К. Г. Разумовскому напечатано при Академіи въ 1749 г.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, I, 384—385.

I.

Письмо канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ графу К. Г. Разумовскому.

„Сіятельнѣйшій графъ, государь мой Кирила Григорьевичъ, любезнодражайшій сватъ [1]), Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила указать в. с. объявить, чтобы изволили къ бывшему въ здѣшней академіи профессору Эйлеру отписать, не похочетъ ли онъ паки сюда возвратиться и въ здѣшнюю службу вступить, обнадеживая его особливымъ Е. И. В. высочайшимъ благоволеніемъ и что ему всякія возможныя снисхожденія и выгодности дозволены будутъ, ежели онъ токмо на то вознамѣрится и увѣдомитъ на какихъ кондиціяхъ онъ на то поступить хощетъ. — Все сіе имѣя секретно, наипаче въ Берлинѣ, содержано быть, я в. с. прошу оное письмо въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прислать, дабы оное съ отправляющимся вскорѣ въ Берлинъ куріеромъ къ министру Е. И. В. тамо, г. канцеляріи совѣтнику Гроссу [2]), надежно прислано быть могло. Напротиву чего можете и в. с. въ письмѣ вашемъ къ г. Эйлеру присовокупить, чтобъ онъ свой отвѣтъ для отправленія сюда ему же Гросу поручилъ. Я есмь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

„27-го Октября 1750".

Получивъ письмо это, въ которомъ уже видно вліяніе на Государыню только что возвысившагося тогда любителя просвѣщенія Ивана Ивановича Шувалова, Разумовскій написалъ къ Гроссу и Эйлеру, отъ которыхъ получилъ слѣдующіе отвѣты:

II.

Письмо Г. И. Гросса къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Quoiqu'en consequence de la gracieuse lettre de Votre Excellence du 30 Octobre j'aie fait de mon mieux pour porter M. Euler à accepter les conditions avantageuses que S. M. l'Impératrice lui a fait offrir et d'abord il a paru même y être disposé, ne faisant

---

[1]) См. ниже.

[2]) Генрихъ Ивановичъ Гроссъ, другъ Кантемира, чрезъ котораго и поступилъ на русскую службу, родился въ 1713 году въ Штутгартѣ. Онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Варшавѣ, Дрезденѣ, Гагѣ и наконецъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1765 и похороненъ въ церкви св. Павла,—см. „Русскій Архивъ", 1865 г., стр. 1505.

d'autre difficulté si non celle qu'il aurait de la peine à obtenir ici son congé: cependant par l'incluse ci-jointe, qu'il me fit remettre hier, V. E. verra que j'ai le chagrin de n'avoir pas reussi auprès de lui dans la négotiation qu'elle m'a confiée. Certainement il n'y a pas de ma faute, mais je ne laisse point d'être sincèrement fâché de n'avoir pas pû suivant vos intentions procurer à l'académie Impériale un si digne sujet. Au reste j'ai l'honneur d'être avec tout le respect possible, monseigneur, de V. E. le très humble et très obéissant serviteur Gross.

Berlin, ce 30 Novembre (11 Decembre) 1750.

III.

Письмо Леонарда Эйлера [1]) къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Les gracieuses intentions de S. M. I. que V. E. m'a bien voulu annoncer pénètrent mon âme du plus profond respect, et je me sens tout à fait rempli de confusion quand je me représente d'un côté les emminents avantages que S. M. I. me fait la grâce de m'offrir et de l'autre côté mes faiblesses qui m'en rendent entièrement indigne. Plus je comprends la grandeur du bonheur auquel je pourrais parvenir par la grâce de Votre haute Excellence et dont mon esprit est tout à fait ébloui, plus je dois aussi considérer combien S. M. I. attend de moi à l'égard de son académie. Or ce serait pour moi la plus grande mortification, si je me trouvais incapable de répondre aux idées avantageuses que V. E. avez formées de ma capacité et que je dois regarder comme l'effet de la grâce toute particulière dont V. E. m'a bien voulu daigner (sic) jusqu'ici en si grande abondance. Or quelque prix qu'on puisse mettre à mes travaux dans l'étude des mathématiques, quoique je n'en connaisse que trop les défauts, je sens assez que le peu de mes forces diminue de jour en jour et comme j'avance à grands pas vers les 50

[1]) Леонардъ Эйлеръ, знаменитѣйшій математикъ прошлаго столѣтія, родился въ Базелѣ въ 1707 году. Молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ онъ въ Россію, куда его призвали, чтобы занять мѣсто въ академіи вмѣстѣ съ его соотечественниками и друзьями Н. и Д. Бернулли, сыновьями его учителя. Въ Петербургѣ Эйлеръ женился на дочери швейцарскаго живописца Гезеля. Онъ оставался въ Россіи до 1741, когда, вслѣдствіе непріятностей, вмѣстѣ съ другими учеными, покинулъ академію, чтобы поселиться въ Берлинѣ, куда призвалъ его Фридрихъ II, высоко цѣнившій его геніальныя способности. Тамъ Эйлеръ оставался до 1766 г. и, послѣ неоднократныхъ приглашеній, только въ этомъ году, уже во время директорства графа Орлова, рѣшился возвратиться въ Россію. Екатерина Великая щедро его одарила. Эйлеръ умеръ въ Петербургѣ слѣпымъ въ 1783.

ans de mon âge, j'éprouve en moi très distinctement le même sort, qu'on remarque généralement dans tous ceux qui se sont livrés aux études mathématiques. Car quelques grands génies, qu'ayant (sic) été Newton, Leibnitz, Herman, Wolf et Bernoulli, on n'observe pas sans surprise, que toutes les belles découvertes, dont nous leur sommes redevables, ont été produites avant la quarantième année de leur âge et bien qu'ils aient vécu plus longtemps, et qu'il y en ait encore en vie, il est surprenant, que tout ce qu'ils ont fait après ce terme n'approche point de leurs premières productions et qu'il s'en faut même beaucoup. Voilà précisément le cas, monseigneur, où je dois avouer que je me trouve actuellement; car ayant déjà passé ce terme, qui ajourne jusqu'ici les découvertes des mathématiciens, je ne saurais me flatter que je fusse à l'avenir en état de réussir dans cette étude mieux que mes prédécesseurs. Dans ces circonstances mon devoir et mon zêle pour l'académie Impériale exigent de ma part un sincère aveu de mon impuissance de remplir dignement l'importante charge, à laquelle V. E. me voudrait faire la grâce de m'élever, et quoique cette générosité inouie de S. M. I. dont mon coeur est le plus vivement touché pût mettre ma famille au plus haut degré de félicité, je me vois contraint par mon indignité à renoncer à un si grand bien, auquel la Providence me défend d'aspirer, m'ayant outre cela mis dans un état, où ni ma santé, ni celle de quelques uns de mes enfants ne saurait soutenir un si grand voyage et encore moins un climat si différent de celui d'ici, surtout après que j'ai persuadé ma vieille mère de se transporter chez nous, qui, ayant déjà passé 72 ans, serait tout à fait hors d'état d'entreprendre un tel changement. Cependant ces obstacles insurmontables ne m'empêchent pas de reconnaitre le prix infini des hauts avantages que S. M. I. daigne de m'offrir si généreusement par l'entremise de V. E. comme j'en suis touché le plus vivement et infiniment au de là que je suis (sic) en état d'exprimer mes sentiments de reconnaissance et de respect, je supplie très humblement V. E. d'agréer les faibles marques de ma plus profonde soumission; et comme c'est principalement le véritable intérêt de l'académie Impériale, qui me nécessite de renoncer à des offres aussi glorieux qu'avantageux, je me flatte que V. E. ne désapprouvera pas ma résolution et qu'elle ne me refusera point la continuation de ses hautes grâces, dont j'ai été si heureux de jouir jusqu'ici, quoique de plus en plus je me sois moins en état de les mériter. Toutefois au défaut de ma capacité, qui va très sensiblement en diminuant, je redoublerai mes efforts pour produire de temps en temps quelque morceau qui ne soit pas tout à fait indigne de l'attention de l'académie Impériale, et ce sera par ce moyen que je tâcherai de soutenir,

autant qu'il me sera possible, l'honneur que V. E. me fit en m'accordant si gracieusement une place parmi le membres étrangers. Dans cet état il ne me reste que d'implorer V. E. très humblement de vouloir bien regarder gracieusement mes faibles efforts et mon zèle ardent pour les intérêts de l'académie Impériale. Or la lettre dont V. E. m'a daigné d'honorer (sic) et dont je ne découvrirai jamais rien à personne, me servira d'un monument perpétuel des grâces de V. E. et augmentera dans mon coeur de plus en plus la haute vénération et le profond respect avec lequel je serai toute ma vie, monseigneur, de Votre haute Excellence le très humble, très obéissant et très soumis serviteur L. Euler. Berlin, ce 25 Novembre 1750 [1]).

Какъ ни плохо шли дѣла въ академіи, однако чрезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія въ президенты, 29-го іюня 1746 г., въ день обрученія своего съ фрейлиною Екатериною Ивановною Нарышкиною, графъ Кирила Григорьевичъ получилъ александровскую ленту. 25-го сентября того же года была привѣтная при дворѣ аудіенція королевско-польскому и курфирсто-саксонскому полномочному министру, графу Фицтуму, или, какъ выражается Камеръ-фуріерскій журналъ, „Вицту". „Пріѣхалъ оный посолъ въ своей каретѣ и въ антикамерахъ принятъ церемоніймейстеромъ, потомъ оберъ-церемоніймейстеромъ; за нимъ на блюдѣ его кавалеръ несъ кавалерію (Бѣлаго Орла) для поднесенія Ея Императорскому Величеству, ради его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, и тако препровожденъ черезъ залу въ аудіенцъ-камеру и тамъ передъ Е. И. В. отправлена привѣтная ауденція". Въ честь новаго кавалера „того же дня, пополудни, былъ при дворѣ куртагъ въ залѣ, причемъ играла италіанская музыка" [2]). „Послѣ полдня во дворцѣ былъ куртагъ," повѣствуетъ Ханенко, „передъ начатіемъ котораго посолъ Короля Польскаго при приватной аудіенціи офрировалъ графу Алексѣю Григорьевичу кавалерію Бѣлаго Орла". На другой день малороссійскіе депутаты спѣшили поздравить своего патрона. „Рано утромъ," помѣчаетъ Ханенко подъ 26 сентябремъ, „были у графа и съ полученіемъ оной кавалеріи поздравляли". Коллегія иностранныхъ дѣлъ предложила Государынѣ „въ тотъ же день помянутому графу Фицтуму кавалерію св. Александра пожаловать" [3]). Фицтумъ получилъ 30-го сентября александровскую звѣзду, осыпанную брилліантами [4]).

---

[1]) Архивъ гр. Уварова.

[2]) Журналы: церемоніальный, банкетный, камеръ-фуріерскіе и путевые 1746 г.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 213.

[4]) См. Бантышъ-Каменскій, Списокъ кавалеровъ и пр., 200. Графъ Людвигъ Зигфридъ Фицтумъ фонъ Екштедтъ (Vitzthum von Eckstädt), бывшій впослѣдствіи посломъ въ Баваріи и Франціи, получилъ въ 1757 андреевскую ленту (тамъ же. 104).

Отвѣтная грамота къ Королю Польскому по случаю пожалованія Разумовскаго была, по приказанію Елизаветы, написана отдѣльно. Коллегія заготовила было общій отвѣтъ по случаю произведенія графа Алексѣя Григорьевича и Чоглокова. Грамота эта подписана была въ декабрѣ 1746 года [1]).

Какъ мы видѣли выше, Кирила Григорьевичъ былъ женихомъ; за него сосватала сама Императрица, нѣсколько (по свидѣтельству Екатерины II) противъ его желанія [2]), внучатную сестру свою и фрейлину, Е. И. Нарышкину. Екатерина Ивановна родилась 11-го мая 1729 года. Она была дочерью флота капитана Ивана Львовича Нарышкина (р. 1-го января, 1700 г. † 11-го іюля 1734 г.), отъ брака съ четвероюродною сестрою Дарьею Кириловною Нарышкиною же (р. 6-го марта 1709 г. † 19-го мая 1730 г.). Семейство Нарышкиныхъ раздѣлилось уже въ XVI вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ родство между отдѣльными вѣтвями было такъ отдаленно, что, несмотря на строгость въ то время церковныхъ правилъ, потомки разныхъ поколѣній свободно могли вступать между собою въ бракъ. Бракъ Царя Алексѣя Михайловича возвысилъ весь исходный родъ Нарышкиныхъ и самые отдаленные родственники царицы Натальи Кириловны, ея троюродные и двоюродные дяди съ сыновьями попали ко двору, а многіе даже въ окольничіе и бояре. Изъ родныхъ дядей Петра Великаго только двое оставили потомство: любимецъ Петра, начальникъ посольскаго приказа, Левъ Кириловичъ (р. 1664 г. † 1705 г.) и боринъ Мартеміанъ Кириловичъ (р. 1665 г. † 1697 г.). У послѣдняго была одна только дочь, княгиня Наталья Мартемьяновна Голицына (р. 1682 г. † 1740 г.), оставившая послѣ себя сына, князя Ивана Васильевича, умершаго бездѣтнымъ въ 1773 году, и дочь, княжну Дарью Васильевну (р. 1708 г. † 1762 г.), бывшую замужемъ сперва за княземъ Дадіяномъ, а потомъ за Кочетовымъ. Такимъ образомъ, изъ поколѣнія Нарышкиныхъ, отъ котораго происходила Царица Наталья Кириловна, одинъ только бояринъ Левъ Кириловичъ оставилъ мужское потомство. У него было три сына Александръ, Иванъ и Евграфъ. Евграфъ Львовичъ умеръ въ 1706 г.; Иванъ Львовичъ рано овдовѣлъ и умеръ тридцати-четырехъ лѣтъ, оставивъ на попеченіе старшаго брата, Александра Львовича (впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера) единственную дочь, сироту, Екатерину Ивановну. По матери своей, невѣста графа Разумовскаго происходила отъ Ѳомы Ивановича Нарышкина, дяди Кирилы Полуектовича [3]). Дѣдъ ея,

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 223 и 232.

[2]) Mémoires de Catherine II, 112.

[3]) Единственными представителями царской вѣтви рода Нарышкиныхъ въ наши

Кирила Алексѣевичъ, женатый на княжнѣ Мышецкой, былъ сперва царскимъ крайчимъ, потомъ оберъ-комендантомъ Дерптскимъ, первымъ Петербургскимъ комендантомъ, а въ 1719 году—московскимъ губернаторомъ. Дядя ея, Семенъ Кириловичъ, первый щеголь своего времени, бѣжалъ въ царствованіе Анны Ивановны во Францію и проживалъ тамъ подъ именемъ „Тенкина". Елизавета Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ камергеры и назначила посланникомъ въ Англію. Онъ тамъ оставался всего 7 мѣсяцевъ, назначенъ былъ гофмаршаломъ при Великомъ Князѣ, а въ 1757 году—оберъ-егермейстеромъ. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что былъ изобрѣтателемъ знаменитой у насъ въ прошломъ столѣтіи роговой музыки. У Семена Кириловича отъ брака съ Маріею Павловною Балкъ-Полевою († 1793 г.) было двое дѣтей, умершихъ въ малолѣтствѣ, но отъ брата его, Петра Кириловича († 1770 г.), женатаго на Е. М. Готовцевой, существуетъ многочисленное потомство. Изъ сестеръ Дарьи Кириловны, двѣ—Наталья († 1770 г.) и Евдокія—умерли дѣвицами, а двѣ другія: Татьяна Кириловна († 1757 г., старшая изъ сестеръ) была за генералъ-адмираломъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ меньшимъ Голицынымъ, а Софья Кириловна (тоже умершая въ 1757 г. и въ одномъ мѣсяцѣ съ сестрою)—за генералъ-поручикомъ барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Сынъ послѣдней, о которомъ придется намъ говорить ниже, былъ первымъ графомъ Строгановымъ. Екатерина Ивановна воспитывалась въ домѣ дяди своего Александра Львовича, извѣстнаго своею надменностью и женатаго на графинѣ Еленѣ Александровнѣ Апраксиной. Сестры его при дворѣ Петра Великаго играли весьма важную роль и считались чѣмъ-то въ родѣ принцессъ крови [1]). Такимъ образомъ, Екатерина Ивановна все дѣтство свое, пока не была взята ко двору, провела съ двоюродными братьями своими, Александромъ и Львомъ Александровичами, столь извѣстными въ прошломъ столѣтіи своею любезностью и гостепріимствомъ. За Нарышкиными считали 88,000 душъ; половину этого огромнаго имѣнія получила она въ приданое и между прочимъ: домъ на Воздвиженкѣ (теперь графа Шереметева), подмосковныя села: Петровское (извѣстное подъ именемъ Петровскаго-Разумовскаго), Троицкое, Котлы и др., огромныя пензенскія вотчины: Чернышево, Ершово и проч. и проч.

„Обрученіе было", говоритъ Ханенко, 29-го іюня 1746 года,

дія—Василій Львовичъ Нарышкинъ, женатый на кн. Орбеліани и Эммануилъ Дмитріевичъ, женатый на А. Н. Чичериной; всѣ другіе Нарышкины происходятъ отъ отдаленныхъ родственниковъ царицы Натальи Кириловны.

[1]) Изъ нихъ Агрипина Львовна вышла за князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, Александра за знаменитаго Артемія Ивановича Волынскаго, Марія за князя Ѳедора Ивановича Голицына и Анна за князя Алексѣя Юрьевича Трубецкаго.

„въ придворной большой церкви, графа Кирила Григорьевича съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершаго Ивана Львовича Нарышкина дочерью. Онъ же, графъ Кирила Григорьевичъ, рано послѣ обѣденъ пожалованъ кавалеріею св. Александра". „30 іюня. — Рано утромъ были во дворцѣ и поздравляли первѣй графа Кирилу Григорьевича, а потомъ и графа Алексѣя Григорьевича, у котораго тутъ же были и архіереи". Черезъ три мѣсяца, т.-е. 27 октября 1746 года, отпразднована была и самая свадьба. Вотъ описаніе ея, заимствованное нами изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1746 года.

„27 октября снятъ трауръ, который носили по французской дофинѣ. Сего же числа отправлялась при дворѣ Е. И. В. свадьба камергера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго съ фрейлиною Нарышкиною. Пополудни знатнѣйшія обоего пола особы съѣхались во двору Е. И. В. въ галерею, а въ 6-мъ часу пополудни на дворецъ велѣно въѣхать придворнымъ цугамъ, такожъ и другихъ знатныхъ персонъ каретамъ, въ которыя сѣвъ, чиновные по свадебной церемоніи поѣхали по жениха на его дворъ, и въ 7-мъ часу привезенъ онъ во дворецъ прямо къ большому галерейному крыльцу, и препровожденъ въ церковь. Потомъ, обыкновенною церемоніею, изъ покоевъ Е. И. В. чрезъ галерею, невѣста ведена съ литавры и трубы маршаломъ е. с. княземъ Трубецкимъ съ шаферами и другими кавалерами. Невѣсту велъ Его Императорское Высочество; за нею слѣдовали Е. В. Государыня Великая Княгиня и другія чиновныя дамы въ церковь, и по обвѣнчаніи, такою же церемоніею пошли въ галерею и въ парадныя камеры, пока на пріуготовленные столы кушанья становили. И какъ поставили кушанья, въ покояхъ на сторонѣ Е. И. В., подлѣ малой комнатной церкви, въ трехъ покояхъ: въ 1-й большой 2 стола съ балдахинами, на 80 персонъ; во 2-мъ покоѣ—2 стола, на 80 же персонъ; въ 3-мъ покоѣ — на 20 персонъ, — то за столомъ, обыкновенно подъ балдахиномъ, посажена невѣста подлѣ ея матери: по правую сторону — Ея Высочество Государыня Великая Княгиня, по лѣвую — ея свѣтлость вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Гомбургская; въ концѣ стола, изъ Высочайшей милости, изволила присутствовать Е. И. В.; подлѣ Е. В., по правую и лѣвую стороны, сидѣли господа послы; во время стола за стульями у пословъ стояли камеръ-пажи; потомъ сидѣли знатнѣйшія дамы. За другимъ столомъ подъ балдахиномъ женихъ; подлѣ его отцы и братья, и прочіе знатные и чужестранные министры. Во время столовъ, по свадебной церемоніи обыкновенно, маршалъ, съ трубы и литавры, приводилъ ближнихъ дѣвицъ и форшнейдера. Здоровья маршалъ съ шаферами пить начиналъ: 1) жениха и невѣсты, 2) отцовъ и матерей, 3) братьевъ и сестеръ, 4) форшнейдера и ближнихъ дѣвицъ, 5) всѣхъ гостей. Форшнейдеръ былъ ка-

мергеръ графъ Скавронскій; шаферовъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ 6 человѣкъ. А за прочими столами сидѣли также знатныя персоны до 6 класса. Въ продолженіи стола играла италіанская музыка. И по окончаніи стола возвратились въ галерею и начались танцы; и, нѣсколько танцовавъ, съ музыкою провожены до каретъ и отвезены женихъ и невѣста въ домъ ихъ. Того дня при дворѣ была надѣта статсъ-ливрея.

„28-го числа октября, по-утру, обыкновенно помянутые камеръгеръ графъ Разумовскій съ женою Е. И. В. всеподданнѣйше благодаренія приносили, также и И. И. В., и того дня при столѣ И. В. уняты были кушать. Того-жъ дня пополудни, собрались ко двору Е. И. В. въ галерею всѣ знатнѣйшіе, и начался балъ; а между тѣмъ въ вышеобъявленныхъ же комнатахъ, въ которыхъ 27-го числа кушали, таковые же столы пріуготовлены. И по окончаніи бала кушали вечернее кушаніе; сидѣли обыкновенно невѣста, въ своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ; потомъ приведенъ графъ господинъ Разумовскій церемоніею, при битіи литавръ, играніи трубъ, маршаломъ, и, сорвавъ надъ своею графинею вѣнецъ, посаженъ съ нею. Е. И. В., изъ Высочайшей милости, изволила при томъ столѣ присутствовать яко гостья, а Е. В. Государыня Великая Княгиня и господа послы сидѣли подлѣ Е. И. В., такъ, какъ и въ первый день. За другимъ столомъ Его Императорское Высочество и прочія чиновныя персоны и чужестранные министры. Въ продолженіи стола была италіанская музыка. Здоровья кушали тѣжъ, которыя въ 1 день пили. По окончаніи стола разъѣхались по дворамъ.

„29-го числа октября роздыхъ.

„30-го числа октября, пополудни Е. И. В и И. И. В. и всѣ знатнѣйшіе и чужестранные были въ домѣ упомянутаго камергера, графа Разумовскаго; былъ балъ и кушали вечернее кушаніе“ [1]).

На другой день послѣ свадьбы, 28-го октября, графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою съ пожалованіемъ пребогатаго портрета [2]). Малороссійскіе депутаты присутствовали при свадебной церемоніи и на другой день являлись съ поздравленіями какъ къ новобрачному, такъ и къ графу Алексѣю Григорьевичу [3]). При академіи, по случаю женитьбы президента, напечатаны были, сочиненные Христіаномъ Крузіусомъ, профессоромъ антиквитетовъ и исторіи литеральной при академическомъ университетѣ, латинскіе стихи, подъ заглавіемъ: „Epithalamion in nuptias ab illustrissimo atque excellentissimo comite, Cyrillo Gregorii fil. Rasumovsky, augustissimae Imperatricis

[1]) Журналы: церемоніальный, банкетный и проч. 1746.

[2]) „Русская Старина“, II, 490.

[3]) Невданный дневникъ Хавкина.

totius Russiae a cubiculo, Academiae Scientiarum praeside, atque ordinis S. Alexandri et S. Annae equite cum generosissima virgine Catharina Ioannis fil. Nariscina, auspicato contractas A. P. C. N. CIↃIↃCCXLVI. D. VI. Cal. Nov. Christianis Crusius, prof. P. O. antiquit. et hist. litt. hoc eminendi devotique animi testandi causa canit. Petropoli typis Academiae Scientiarum" [въ f° 2 ненум. листа] [1]).

Депутаты Лизогубъ, Хавенко и Гудовичъ продолжали жить въ Петербургѣ, въ домѣ полковника графа Захара Григорьевича Чернышева. Они все также часто видались съ родственниками Алексѣя Григорьевича: Дарагавами, Стрешневыми, Будлянскими и съ живаго въ лѣтнемъ дворцѣ, двоюродною его сестрою, Евдокіею Герасимовною Журавою; они угощали графскихъ „камердиновъ" Ивана Золотова, Ивана Барановскаго, Дмитрія Войновича и другихъ, навѣщ., зачастую бесѣдовали и съ самимъ графомъ, но резолюціи на ихъ счетъ все не выходило. Непрестанно говорили они обонмъ Разумовскимъ о своихъ нуждахъ, подавали меморіалы, письма отъ старшины и даже самой Натальи Демьяновны, но все не въ прокъ. Они знали, что у нихъ будетъ гетманъ, не трудно было имъ догадаться, кто именно этотъ гетманъ будетъ, и вслѣдствіе этого ухаживали за Кирилою Григорьевичемъ, безпрестанно у него бывали, не пропускали случая поздравить его, когда слѣдуетъ, причемъ однажды въ день поздравленія съ назначеніемъ въ президенты академіи Хавенко весьма оригинально вноситъ въ журналъ свой, въ скобкахъ: Rika cum Hudowitz ad mensam. Но всѣ эти обѣщанія были на словахъ. Въ Августѣ 1746 года, депутаты получили отъ Алексѣя Григорьевича наставленіе быть у государственнаго великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, и обнадеживанія „какъ о главномъ дѣлѣ, такъ и о другихъ общихъ дѣлахъ", а главное „о скоромъ отпускѣ и милости Ея Величества" [2]). Наконецъ, 15 мая 1747 года узнали депутаты, что „указъ именный сего мая 5-го числа подписанный объ избраніи гетмана въ сенатъ присланъ". Гудовичъ вслѣдствіе этого извѣстія явился къ старшему Разумовскому и подалъ ему „потребный меморіалъ",—а на другой день всѣ депутаты отправились во дворецъ благодарить графа за исходатайствованіе именнаго указа о гетманѣ. Указъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Понеже въ бытность нашу въ Украйнѣ, тамошняя старшина и обыватели, имѣемъ всего нашего подданнаго народа Малороссійскаго, нами всеподданнѣйше были челомъ о опредѣленіи имъ по прежнему гетмана, того ради мы, на сіе ихъ всеподданнѣйшее прошеніе все-

[1]) Пекарскій. Исторія Академіи, I, 693.

[2]) Неизданный дневникъ Хавенки.

милостивѣйшее соизволили, указали нынѣ въ Малороссіи гетману по прежнимъ тамошнимъ правамъ и обыкновеніямъ быть, и онаго во всемъ на такомъ основаніи учредить, какъ бывшій тамъ наперед сего гетманъ Скоропадскій учрежденъ былъ; и нашему сенату, будучи въ оном всѣ тамошнія малороссійскія дѣла нынѣ выданы, чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, справясь съ оными, для такого-жъ учрежденія и опредѣленія въ Малой Россіи новаго гетмана, немедленно потребныя расположенія учинить и во всемъ, что къ тому принадлежитъ, по тому примѣру поступить и исполненіе учинить, какъ при опредѣленіи вышеномянутаго гетмана Скоропадскаго поступлено было, и учинить по сему нашему указу. Елисаветъ" [1]).

Обрадованные депутаты поспѣшили просить у графа Алексѣя Григорьевича объ исходатайствованіи имъ отпуска, „тожно"—Разумовскій—„велѣлъ еще потерпѣть". Малороссы снова представляли ему не только о старыхъ, но и новыхъ нуждахъ. Гудовичъ, находившійся какъ-бы во главѣ посольства, имѣлъ частыя совѣщанія съ графомъ объ общихъ дѣлахъ Малороссійскихъ, подавалъ новую „челобитную, сочиненную о нуждахъ въ докладъ Государынѣ отъ сената внесенныхъ", письма о тѣхъ же дѣлахъ, жаловался на обиды, причиняемыя въ Глуховѣ генералъ-маіоромъ Луниным и проч. Графъ довольно съ депутатами разговаривалъ о дѣлахъ, обнадеживалъ ихъ, что вскорѣ по дѣламъ общимъ будетъ резолюція и, наконецъ, признался имъ (31 января 1748), что „и самъ былъ бы радъ депутатовъ отселѣ, т.-е. изъ Петербурга, сбыть". Но прошло еще три мѣсяца, а депутаты все еще находились въ полной неизвѣстности относительно своего отъѣзда. Алексѣй Григорьевичъ принималъ ихъ снова въ большомъ „салѣ" дворца (30 апрѣля), обнадеживалъ ихъ скорымъ отъѣздомъ и подчивалъ ихъ водкой [2]).

14 марта 1748 года депутаты писали въ Малороссію, что доподлинно они увѣрены о назначеніи для элекціи гетмана генералъ-маіора графа Гендрикова, камергера Великой Княгини и что они надѣются вмѣстѣ съ нимъ быть отпущены во-свояси [3]). 2-го мая того же года Разумовскій сообщилъ Гудовичу, что для отправленія Гендрикова все уже было готово, — а все же несчастныхъ депутатовъ не отпускали. Въ концѣ Августа Алексѣй Григорьевичъ имъ сообщаетъ: „развѣ де вмѣстѣ съ нами (т.-е. съ дворомъ) до Москвы отъѣздъ вашъ будетъ"— и въ самомъ дѣлѣ въ концѣ года „была Гендрикову учинена декларація—ѣхать ему передомъ въ Москву, откуда уже будетъ его от-

[1]) Зап. Марковича, II, 249.

[2]) Неизданный дневникъ Хапенки.

[3]) Зап. Марковича, II, 260.

правка въ Украйну",—самый же отъѣздъ депутатовъ въ Москву состоялся въ февралѣ 1749 года. 1-го числа обѣдали они у духовника Дубенскаго, а послѣ обѣда пріѣхалъ къ нимъ графскій камердинеръ Иванъ Барановскій съ извѣстіемъ, что Государыня изволила подписать свою конфирмацію на докладѣ сенатскомъ о нуждахъ малороссійскихъ. 4-го они были рано во дворцѣ: „первo Разумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство, потомъ отъ его-жъ представлены были самой Государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что и учинено было въ церквѣ комнатной" [1]). Но въ Москву поѣхали только двое изъ депутатовъ, третій, Лизогубъ, умеръ въ Петербургѣ 24 января 1749 г. Москва оказалась первымъ этапомъ депутатовъ и этапомъ, какъ мы увидимъ далѣе, крайне продолжительнымъ.

Младшій Разумовскій не спѣшилъ промѣнять удовольствія свѣтской и придворной жизни на скуку Глуховскаго захолустья. Все ему въ столицѣ улыбалось: 5 сентября 1747 у него родилась дочь, графиня Наталья Кириловна. Ровно черезъ годъ (5 сентября 1748 г.), Государыня собственноручно возложила на графа Кирилу знаки ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ Августомъ III-мъ и въ тотъ же день пожаловала въ подполковники лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка [2]). Наконецъ, 12 сентября 1748 г., у него родился сынъ—первенецъ—графъ Алексѣй Кириловичъ.

Милости Императрицы по прежнему продолжали сыпаться и на старшаго Разумовскаго. 25 ноября 1745 года, ради празднованія вступленія на престолъ, пожалованъ онъ былъ капитанъ-лейтенантомъ лейбъ-компаніи [3]). 27 мая 1747 г. получилъ онъ въ Копорскомъ уѣздѣ земли, принадлежащія къ Санковицкой мызѣ, да бывшій князя Меньшикова Рачинскій погостъ, мызу Перелѣсскую и мызу Гревову, деревню Нилово, Рудилово, Войносово, да деревню Монастырь [4]). Наконецъ, 7 сентября 1748 года, „конной-гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій" [5]).

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.
[2]) Изъ диплома на графское достоинство.
[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.
[4]) Изъ жалов. грамоты.
[5]) Неизданный дневникъ Ханенки.

ГЛАВА V.

Канцлеръ гр. Бестужевъ. — Пребываніе двора въ Москвѣ. — Избраніе въ гетманы.

Вліяніе Бестужева на дѣла государственныя продолжало усиливаться. Крайне пронырливый и подозрительный, неуживчивый и часто мелочной, великій канцлеръ былъ однако твердъ и непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Врагъ непримиримый, онъ былъ, однако, другомъ друзей своихъ и иначе ихъ покидалъ, какъ когда они сами измѣняли ему [1]). Дружба его съ вице-канцлеромъ, графомъ М. И. Воронцовымъ, о которой, какъ мы видѣли выше, упоминалъ Пецольдъ, оказалась недолговременною. Воронцовъ неохотно уступилъ первое мѣсто честолюбивому Бестужеву, который съ своей стороны не любилъ дѣлиться властію. Съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣлъ канцлеръ проводить свои мысли даже черезъ недруговъ своихъ и какъ Воронцовъ, такъ и Шуваловы долгое время служили его цѣлямъ [2]). Замѣчательно, что на сторонѣ своей Бестужевъ имѣлъ честнѣйшихъ людей своего времени и притомъ людей чисто-русскаго закала. Вотъ почему дипломаты такъ ненавидѣли всю Бестужевскую партію, и почему великаго канцлера такъ долго поддерживала Елизавета. Лучшимъ другомъ Бестужева былъ, напримѣръ, кабинетъ-секретарь Государыни, баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, человѣкъ суровый и упрямый, но любившій порядокъ и справедливость [3]). Главною силою канцлера была несомнѣнно тѣсная дружба его съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.—„Вліяніе старшаго Разумовскаго на Государыню“, пишетъ Пецольдъ отъ 18 апрѣля 1747 года, „до того усилилось послѣ брака ихъ, что хотя онъ прямо и не вмѣшивается въ государственныя дѣла, къ которымъ не имѣетъ ни влеченія, ни талантовъ, однако, каждый можетъ быть увѣренъ въ достиженіи того, что́ хочетъ, лишь бы Разумовскій замолвилъ слово“. „Хотя“, говоритъ онъ далѣе, „значеніе великаго канцлера было уже очень велико, благодаря всѣмъ его интригамъ (menées), однако онъ дошелъ только теперь, со времени женитьбы сына на молодой графинѣ Разумовской, до высшей степени могущества. Императрица съ тѣхъ поръ поставила Бестужева на такую близкую ногу, что не проходитъ почти вечера безъ пригла-

---

[1]) Mémoires de Catherine, II, 7.
[2]) Тамъ же, 9.
[3]) Тамъ же.

менія его на маленькія „parties de plaisir“ и Государыня дозволяетъ ему всегда говорить ей все, что онъ хочетъ“ [1]). Французскій повѣренный въ дѣлахъ Даліонъ съ отчаяніемъ писалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ—маркизу д'Аржантонъ: вице-канцлеръ находитъ на пути своемъ такія препятствія, которыя преодолѣть трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность и разрушаетъ планы графа Воронцова: онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго... Намъ больше дѣлать нечего при здѣшнемъ дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіею, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію“ [2]).

Эта „молодая графиня Разумовская“, впрочемъ и въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ такъ титулованная, была упомянутая нами Авдотья Даниловна, Императрицына фрейлина. 18 Декабря 1746 года, въ день своего рожденія, Императрица обручила сына канцлера графа Андрея Алексѣевича, тогда еще камеръ-юнкера, а впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Александровскаго кавалера, на фрейлинѣ Разумовской во время бала и въ присутствіи всѣхъ чужестранныхъ министровъ и знатнѣйшихъ обоего пола особъ [3]). Бракъ, совершенный 5-го Мая 1747 года, былъ несчастливъ. „Хотя Бестужевы еще такъ недавно женились“, пишетъ Пецольдъ въ приведенной нами выше депешѣ, „однако у нихъ уже не разъ бывали домашнія ссоры; молодая графиня грозилась пожаловаться Государынѣ и оберъ-егермейстеру, обѣщаясь обратить свое замужество къ униженію великаго канцлера и его семейства, во столько же, во сколько оно до сихъ поръ служило къ ихъ возвышенію“ [4]). Въ концѣ 1747 года графиня Авдотья Даниловна поѣхала съ мужемъ въ Вѣну, куда молодой Бестужевъ былъ отправленъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцгерцога Леопольда. Марія Терезія, нуждавшаяся въ союзѣ съ Россіею и знавшая, что Бестужевъ и Разумовскіе были сторонниками Вѣнскаго кабинета, осыпала любезностями графиню Бестужеву. Жила графиня не долго: безпутный мужъ скоро вогналъ ее въ могилу.

Горячій сторонникъ союза съ Англіею, гдѣ онъ провелъ свою молодость и съ Австріею, дружественныя отношенія съ которой были еще завѣщаны Петромъ Великимъ, Бестужевъ не могъ равнодушно думать о Пруссіи и Франціи. Онъ зналъ, сколько денегъ потратили и Фридрихъ Великій и Версальскій кабинетъ на то, чтобы его сверг-

[1]) Hermann, Geschichte des russischen Staats. V, 202.

[2]) Исторія Соловьева, XXII, 129.

[3]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1746.

[4]) Hermann, Gesch. d. russ. St. V, 208.

нуть, и всѣ усилія его стремились къ тому, чтобы окончательно уничтожить вліяніе этихъ двухъ державъ въ С.-Петербургѣ. Въ лицѣ маркиза де-ла-Шетарди, со срамомъ изгнаннаго за предѣлы Россіи, рушилось вліяніе Франціи. За Пруссію стоялъ еще графъ Лестокъ, которому Государыня была многимъ обязана, но котораго не могъ терпѣть графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Послѣ изгнанія де-ла-Шетарди, Лестокъ сдѣлался злымъ недругомъ Бестужева, который съ своей стороны не могъ простить пронырливому лейбъ-медику устроенный наперекоръ ему бракъ Наслѣдника. Канцлеръ всячески старался уронить во мнѣніи Императрицы зазнавшагося временщика. Перлюстрація депешъ иностранныхъ агентовъ при дворѣ нашемъ представляла къ тому удобное средство, да и самъ Лестокъ открытымъ презрѣніемъ ко всему русскому и необдуманными рѣчами готовилъ себѣ погибель. 22-го Ноября 1748 года Лестокъ праздновалъ свадьбу свою съ дѣвицею фонъ-Менгденъ, 24-го того же мѣсяца онъ былъ арестованъ въ домѣ своемъ на Фонтанкѣ (на углу Лештукова переулка) С. Ѳ. Апраксинымъ и А. И. Шуваловымъ, а вскорѣ затѣмъ заключенъ въ крѣпость. „Pestucheff (sic) ne s'est point adressé directement à l'Impératrice pour perdre Lestocq", доносилъ въ Вѣну графъ де-Бернисъ, „mais il a employé pour cela le Grand Veneur Rosoumovsky qui dans le premier moment répugnait à s'en mêler. Pour l'y déterminer, Pestoucheff représenta au Grand Veneur que, si Lestocq se trouvait innocent, il s'entendait de soi-même qu'il serait relâché et rehabilité, que par conséquent cette détention ne serait autre chose que ce qui lui était arrivé à lui-même Grand Chancelier (въ 1740 г., при сверженіи Бирона) ainsi qu'à plusieurs autres; mais que tous les indices, que l'on a des crimes de Lestocq, exigeaient qu'on s'assura de sa personne. C'est par ces raisonnements que le comte Rosoumovsky s'est déterminé à en parler à l'Impératrice [1])". Слова Разумовскаго подѣйствовали, Лестока допрашивали, пытали и сослали сперва въ Угличъ, а потомъ въ Устюгъ Великій. Другіе враги Бестужева, Шуваловы трепетали передъ всемогущимъ канцлеромъ. Великій Князь, о которомъ Бестужевъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, лишенный своей Голштинской свиты, которую канцлеръ выгналъ безъ всякихъ церемоній изъ Россіи, и Великая Княгиня, на которую онъ смотрѣлъ какъ на малозначущую дѣвочку, окруженные соглядатаями, не могли ни двинуться, ни вымолвить слова безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ ссылки Лестока, дворъ снова переѣхалъ въ Москву. Здѣсь Государыня обѣдала и ужинала у Разумовскаго въ Горенкахъ, а 17 марта въ селѣ Покровскомъ было обѣденное кушанье для тезоименитства его сіятельства графа Алексѣя

[1]) Архивъ князя Воронцова, III, 329—330.

Григорьевича; кушали Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества и перваго и втораго класса обоего пола персоны. Палили изъ пушекъ при пятіи здоровьевъ [1]).

Вслѣдъ за дворомъ пріѣхалъ въ Москву и графъ Кирила Григорьевичъ. Вообще, когда дворъ покидалъ Петербургъ, то сѣверная столица обращалась въ совершенную пустыню: не видать было болѣе каретъ, и травою заростали улицы [2]). По предложенію Шумахера, при президентѣ въ Москвѣ учреждено было отдѣленіе академической канцеляріи [3]), при которой письмоводителемъ былъ нѣкто Фелькнеръ [4]). Въ это пребываніе въ Москвѣ, Государыня очень серьёзно заболѣла; у нея сдѣлались страшныя спазмы, отъ которыхъ она лишалась чувствъ и жизнь ея была въ опасности. Придворные страшно переполошились, но болѣзнь хранилась подъ строжайшимъ секретомъ, такъ что Великій Князь и Великая Княгиня узнали объ этомъ случайно [5]). „Цѣлую ночь", пишетъ Линаръ, датскій посланникъ, хорошо знакомый съ тѣмъ что дѣлалось при дворѣ, ибо онъ, по свидѣтельству Екатерины II-ой [6]), былъ принятъ какъ свой у Бестужевыхъ, „были собранія и переговоры, на которыхъ между прочимъ рѣшено было главными министрами и военными властями, что, какъ скоро Государыня скончается, Великаго Князя и Великую Княгиню возьмутъ подъ стражу и Императоромъ провозгласятъ Ивана Антоновича. Число лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, очень велико, но до сихъ поръ никто другъ друга не выдавалъ... Я подозрѣваю многихъ въ томъ, что они принимали участіе въ этомъ заговорѣ, особенно же имѣющихъ причины опасаться Великаго Князя и весьма естественно ожидающихъ болѣе милостей отъ принца, который всѣмъ имъ будетъ обязанъ" [7]). Всегда сдержанный въ депешахъ своихъ, Линаръ здѣсь явно намекаетъ на Бестужева. Этимъ показаніемъ объясняются ночныя совѣщанія Бестужева и Апраксина у Чоглоковыхъ, о которыхъ упоминаетъ Екатерина [8]). Вѣроятно и Алексѣй Григорьевичъ зналъ объ этихъ планахъ. Ему, какъ истинно Русскому человѣку, не разъ приходилось внутренно вздыхать въ виду иностранныхъ замашекъ и вкусовъ Наслѣдника престола. Опасенія касательно жизни Государыни скоро разсѣялись; впрочемъ, какъ мы уже сказали, о томъ знали лишь самые къ ней

---

[1]) Кам.-фур. журналъ 1748.
[2]) Mém. de Catherine, II, 126.
[3]) Пекарскій, Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова, 43.
[4]) Тамъ же.
[5]) Mémoires de Catherine, II, 105.
[6]) Тамъ же, 137.
[7]) Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 106.
[8]) Mém. de Cath., II, 105.

приближенные; всякій спросъ о здравіи Императрицы могъ бы любопытнаго привести прямо въ тайную канцелярію. Елизавета Петровна весною переѣхала въ Перово къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Сюда приглашены были и Великій Князь съ Великою Княгинею. Каждый день бывали въ Перовѣ охоты, и мужчины возвращались домой поздно, усталые и нелюбезные, такъ что дамамъ приходилось искать развлеченія въ себѣ самихъ.

Государыня ежедневно принимала участіе въ охотахъ; что же касается до Великой Княгини, то она усердно принялась за чтеніе, и тѣмъ составляла исключеніе при дворѣ, гдѣ рѣдко кто брался за книгу. Оберъ-гофмейстерина Чоглокова, состоявшая при Екатеринѣ, горько жаловалась на скуку: не съ кѣмъ было поиграть въ карты, до которыхъ она была страстная охотница, да къ тому же и мужъ ея, котораго она страшно ревновала, выбился изъ рукъ. Благодаря подаренной ему сучкѣ Цирцеѣ, онъ участвовалъ на каждой охотѣ и сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ всей Перовской компаніи. Его увѣряли, что собака его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чоглоковъ былъ въ восторгѣ. Въ Перовѣ Великая Княгиня заболѣла, и здѣсь она увидѣла доказательство того обаятельнаго вліянія на приближенныхъ, которымъ природа столь щедро ее одарила. Враждебная ей Чоглокова, приставленная къ ней Бестужевымъ, чтобы слѣдить за каждымъ ея шагомъ, съ самою нѣжною заботливостью стала ухаживать за Великою Княгинею во время этой болѣзни и съ этихъ поръ совершенно перемѣнилась въ своихъ къ ней отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ этой болѣзни захворала вторично и Государыня. Она приказала перенести себя въ Москву, и весь дворъ шагомъ ѣхалъ за нею [1]). Этотъ новый припадокъ спазмъ не имѣлъ послѣдствій, и вскорѣ потомъ Государыня отправилась на богомолье къ Троицѣ. Она дала обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ и начала свое путешествіе отъ Покровскаго дворца. Пройдя въ день версты три или четыре, Императрица возвращалась въ Москву въ каретѣ. Иногда она въ экипажѣ отправлялась далѣе къ тому мѣсту, гдѣ приготовлена была стоянка. Послѣ отдыха она снова возвращалась въ каретѣ туда, гдѣ остановилась въ своемъ хожденіи, и отсюда снова продолжала свое шествіе. Такимъ образомъ походъ этотъ занялъ почти все лѣто, тѣмъ болѣе, что иногда Императрица по нѣсколько дней отдыхала въ Москвѣ и селахъ по дорогѣ. На время богомолія Великій Князь и Княгиня переѣхали на Троицкую дорогу и поселились въ Раевѣ, имѣніи Чоглоковыхъ, близъ Тайнинскаго. Когда Государыня дошла до Тайнинскаго, гдѣ находился въ тѣ времена дворецъ, въ

[1]) Mém. de Catherine, I, 109—111.

Раево сталъ ежедневно пріѣзжать графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. Онъ жилъ въ имѣніи жены своей Петровскомъ, на тогдашней Петербургской дорогѣ. „Онъ былъ очень веселаго нрава и однихъ съ нами лѣтъ“, пишетъ Екатерина, „мы очень любили его, и Чоглоковымъ пріятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его визиты не прекращались все лѣто, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ у насъ обѣдалъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ 40 или 50 верстъ. Лѣтъ 20 спустя, однажды мнѣ вздумалось спросить его, что̀ ему была за охота пріѣзжать въ Раево и раздѣлять скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго, какое тогда было въ Москвѣ, общества [1]). На этотъ вопросъ, ни минуты не задумываясь, онъ отвѣчалъ: Я былъ влюбленъ.— Что вы? возразила я: — да въ кого же могли вы быть влюблены у насъ?— Въ кого?— отвѣчалъ онъ — въ васъ. Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я даже и не подозрѣвала этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ былъ женатъ, и повидимому жилъ съ женою хорошо“ [2]).

Петровское, какъ видно изъ дневника Ханенки, часто посѣщали Великій Князь и Великая Княгиня. Что же касается до депутатовъ, то они были своими людьми у Кирилы Григорьевича. „Отъѣхали мы 27 Іюля въ Петровское“, повѣствуетъ Ханенко, „до графа Кирилы Григорьевича и тамъ обѣдали и у него застали Романа Иларіоновича Воронцова, князя Алексѣя Никитича Волконскаго, графа Ивана Григорьевича Чернышева, Вас. Ан. Брылкина и ассессора академіи наукъ Г. И. Теплова. Послѣ обѣда изъ луковъ стрѣляли и имѣли нѣкоторые объ Украйнѣ разговоры съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ“ [3]).

Въ то время какъ Наслѣдникъ съ Великою Княгинею жилъ въ Раевѣ, однажды, на охотѣ, подпоручикъ Бутырскаго полка Іосифъ Ватуринъ бросился передъ Великимъ Княземъ на колѣни и объявилъ, что его одного признаетъ законнымъ своимъ Государемъ и готовъ исполнить все то, что онъ прикажетъ. Испуганный Наслѣдникъ пришпорилъ свою лошадь и ускакалъ. Оказалось, что Великій Князь, черезъ

---

[1]) Пецольдъ, вѣроятно обманутый какимъ-нибудь придворнымъ нувелистомъ, писалъ ко двору своему: „Трубецкой, Чоглоковъ и молодой графъ Разумовскій получили тайное приказаніе не покидать Великаго Князя, и доносить кому слѣдуетъ обо всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ и предпринимаетъ“ (Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 203). Показаніе это совершенно ложно: Екатерина не медля бы узнала шпіона и не пощадила бы Кирилу Григорьевича въ запискахъ своихъ.

[2]) Mém. de Cath. II, 112—113.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

своихъ царей, свёлъ тайкомъ съ этимъ Батуринымъ знакомство. Дѣло огласилось; Батурина схватили и заключили въ тайную канцелярію. Онъ оказался безпутнымъ, промотавшимся малымъ, бросившимся какъ съумасшедшій въ заговоръ, не заручившись даже болѣе или менѣе серьёзными сообщниками, ибо едва можно назвать этимъ именемъ темныхъ товарищей его Худышкина, Тыртова, Кенжина и Кетова [1]). При допросахъ оказалось, что Батуринъ питалъ самую злую ненависть къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и намѣревался въ случаѣ удачи умертвить его. Передъ товарищами онъ хвастался, что имѣетъ на то именной указъ отъ Великаго Князя, которому Разумовскій самый лютый врагъ и злодѣй [2]). Вскорѣ послѣ воцаренія Елизаветы стали ходить въ народѣ разные враждебные графу Алексѣю Григорьевичу слухи. Любопытно, что слухи эти, носившіе на себѣ до 1749 года характеръ одной только зависти и относившіеся прямо до положенія его во дворцѣ, съ конца 40-хъ годовъ принимаютъ серьёзный оттѣнокъ и имѣютъ цѣлью представить Наслѣдника престола жертвою колдуна Малороссіянина. Несчастное паденіе потолка въ Гостилицахъ послужило тэмою для самыхъ нелѣпыхъ толковъ: Разумовскій, какъ разсказывали, шесть разъ подводилъ Великаго Князя подъ вѣрную смерть; чарами своими онъ остудилъ Государыню къ племяннику; Наталью Демьяновну называли колдуньею, волшебницею и еретицею; говорили, что Алексѣй Григорьевичъ составилъ команду изъ своихъ Черкасъ, которые губили Русскихъ, что онъ вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отправилъ ихъ къ матери, которая въ свою очередь отослала ихъ въ Польшу и пр. и пр. и пр. [3]). Въ дѣлахъ тайной канцеляріи, сохранившихся въ государственномъ архивѣ, мы находимъ цѣлый рядъ разбирательствъ по поводу такихъ вздорныхъ обвиненій на благодушнаго Разумовскаго.

Къ несчастію, въ каждомъ дѣлѣ затрогивалась честь не одного только Разумовскаго, но и Государыни, и поэтому почти всѣ эти разбирательства оканчивались крайне трагически застѣнкомъ, дыбой, кнутомъ, плетьми, батогами, шпицрутенами и наконецъ ссылкою на каторгу. Такимъ образомъ судились: въ 1743 г. казначей монетной канцеляріи служитель Ѳедоръ Мозовскій, въ 1745—дворецкій мундшенкскій помошникъ Семенъ Очаковъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Тимерязевъ; въ 1746 – токарь петергофской конторы Михайло Дачковъ и бунчуковый товарищъ Павелъ Григорьевъ Скорупка; въ 1747 г. бунчуковый товарищъ Марко Марковичъ; въ

[1]) Mémoires de Catherine II, 122—124.

[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 209—210.

[3]) Дѣла тайной канцеляріи въ государственномъ архивѣ.

1748 Преображенскаго полка поручикъ Василій Марковичъ и дворовая дѣвка Дарья Михайлова; въ 1749 г. бывшій де-сеансъ Академіи регистраторъ Ивановъ; въ 1750 раскольный старецъ Корнилій, солдатъ Лазарь Быстряковъ, арестанты Алексѣй Явницевъ и Григорій Косоговскій, солдаты Щетенко, Матвѣй Шестаковъ, Иванъ Меркульевъ, однодворецъ Поярковъ и Троицкаго-Волновскаго (близъ Бѣлгорода) монастыря строитель іеромонахъ Пафнутій; въ 1751 титулярный совѣтникъ Андрей Позняковъ; въ 1752 крестьянинъ Петръ Прокофьевъ, деньщикъ Григорій Воробьевъ, солдатъ Иванъ Гордѣевъ, купецъ Иванъ Пичугинъ и дворовый человѣкъ Иванъ Парцевскій; въ 1753 крѣпостная жёнка Авдотья Никонова и пр. и пр. и пр. Каждое имя представляетъ отдѣльное дѣло, почти всѣ дѣла между собою сходны и бо́льшею частью неудобны для печати. Нѣкоторыя однако не лишены интереса. Такъ, напр., солдатъ Матвѣй Шестаковъ между прочимъ судился за то, что назвалъ Разумовскаго „*временщикомъ*“.—Такимъ образомъ оказывается, что слово это старинѣе, чѣмъ можно было предполагать. Дѣло бывшаго де-сеансъ академіи регистратора Иванова замѣчательно по толкамъ, которые возбуждало въ мелкомъ чиновномъ мірѣ академіи президентство младшаго Разумовскаго. Иванова оговорилъ стрянчій Новогородскаго архіерея Стефана —Петръ Верещагинъ. Ивановъ говорилъ Верещагину: По академіи чинятся великіе непорядки, когда е. с. Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ академію пріѣдетъ, то, облокотясь на столъ, все лежитъ и никакого разсужденія не имѣетъ и что положатъ, то крѣпитъ безъ спору, а болѣе въ той академіи имѣетъ власть той академіи ассессоръ Григорій Тепловъ, и что́ онъ е. с. скажетъ, то по его словамъ такъ и дѣлается, да не токмо въ академіи, но и въ домѣ е. с., что́ прикажетъ оный Тепловъ который день кушать готовить, то-де по его, Теплова, приказу и дѣлается и домъ весь е. с. въ смотрѣніи имѣетъ оный Тепловъ; и нынѣ многіе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, къ пожалованію въ унтеръ-офицеры сюда пріѣзжая, сперва просятъ онаго Теплова, а не е. с., и что́ оный Тепловъ о комъ скажетъ, то того и въ чинъ произведутъ. Въ 1748 имѣлось Малороссіянъ въ С.-Петербургѣ не малое число для прошенія Е. И. В. на е. с. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ разныхъ обидахъ, и когда изъ оныхъ Малороссіянъ кто подаетъ Е. И. В. какое прошеніе, то, по прочтеніи, Е. И. В. соизволяетъ то прошеніе отдать е. с. Алексѣю Григорьевичу и е. с. велитъ того просителя взять подъ караулъ и отослать въ Малую Россію по прежнему, ибо почти всею Малою Россіею завладѣлъ е. с. и имѣющихся вотчинъ своихъ управителямъ приказываетъ е. с., чтобъ подданныхъ его приводили къ содержанію отъ побѣга противъ Великороссійскихъ крестьянъ; да у его жъ сія-

тельства въ Малой Россіи построенъ домъ каменный превеликій и писалъ е. с. за море къ корреспонденту своему, чтобъ прислать е. с. на обивку въ тотъ новый домъ покоевъ разныхъ стѣнныхъ обоевъ на 400,000 рублей. Тогда Верещагинъ спросилъ у Иванова, откуда у Разумовскаго столько денегъ... Дальнѣйшія подробности мы опускаемъ. По дѣлу строителя іеромонаха Пафнутія привлечено было много разныхъ лицъ: строитель Троицкаго Богоявленскаго, что въ Кремлѣ, монастыря (приписаннаго къ Троицкой Сергіевой лаврѣ) іеромонахъ Аѳанасій Дорошевичъ, пѣвчій Кирила Загоскевичъ, іеромонахъ Троицкой Сергіевой лавры Тимоѳей Куракинъ, генералъ-маіорша Бредихина и другіе. Дѣло это замѣчательно по подробностямъ о бракѣ Елизаветы съ Разумовскимъ, тайно совершеннымъ, по показанію многихъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ, но до вѣнчанія на царство, Кириломъ Флоринскимъ, который за это будто произведенъ былъ въ архимандриты Троицкой лавры и члены св. Синода. Упомянемъ еще о дѣлѣ Авдотьи Никоновой, имѣющемъ нѣкоторое сходство съ сказаніями о псевдо-Таракановыхъ, о которыхъ придется говорить намъ позднѣе. Эта Никонова-крѣпостная нѣкоего Бачманова, содержалась въ Тихвинскомъ Введенскомъ женскомъ монастырѣ „въ монастырскихъ трудахъ до конца живота“. Въ 1753-мъ году она сказала за собою государево слово и дѣло, и когда её доставили въ тайную канцелярію, не иначе хотѣла говорить какъ самой Государынѣ или по крайней мѣрѣ графу Александру Ивановичу Шувалову. Угроза пыткою развязала ей однако языкъ, и она показала, что въ томъ же Тихвинскомъ монастырѣ содержалась подъ карауломъ *Персидская* дѣвка—Лукерья Михайлова. Эта Лукерья разсказала Никоновой, что она дочь Персидскаго короля и жена графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что Государыня ее насильно выдала замужъ за Разумовскаго, потому что на ней хотѣлъ жениться Великій Князь, котораго тоже противъ воли сосватали. Въ подтвержденіе словъ своихъ Лукерья показала Никоновой двѣ небольшія писанныя бумажки, свернутыя какъ письма, и прочла ихъ. Одно будто было письмо отъ Разумовскаго и другое отъ Великаго Князя, оба отмѣнно нѣжныя и въ нихъ Лукерья называлась: „другомъ сердечнымъ Ольгою Макаріевною“. Замѣчательно, что Лукерья была оправдана и отослана обратно въ Тихвинскій монастырь за крѣпкимъ карауломъ, а Никонова была нещадно бита кнутомъ и сослана въ строжайшее заключеніе въ другой монастырь [1]). Противъ Разумовскаго стали тоже сильно возставать начальники новой скопческой ереси, уже начинавшей взирать на молодого Петра Ѳеодоровича какъ на

[1]) Государственный архивъ—дѣла Тайной Канцеляріи.

своего искупителя [1]). Всѣ эти слухи были предвозвѣстниками перемѣны, исподоволь готовившейся въ дворцовыхъ покояхъ. Враждебная Бестужеву партія не теряла надежды. Ей нужна была опора внутри дворца, и опору эту она скоро нашла себѣ въ лицѣ молодого камеръ-пажа Ивана Шувалова.

Въ Іюлѣ Государыня отправилась изъ Москвы въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, а оттуда въ Воскресенскую обитель, болѣе извѣстною подъ именемъ Новаго Іерусалима. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сопутствовалъ ей, равно какъ и нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Дорогою Государыня останавливалась въ принадлежащемъ Разумовскому селѣ Знаменскомъ - Денисьевѣ и тамъ вечернее кушанье кушать изволила въ ставкахъ на лугу, подлѣ Москвы-рѣки. „Тутъ она ночевала, на другой день обѣдала, а вечернее кушанье изволила кушать у князя Голицына, переѣхавъ Москву-рѣку, въ селѣ его, Голицына [2]), а ночевать возвратиться изволила въ село Знаменское". Этотъ князь Голицынъ, у котораго ужинала Елизавета Петровна, былъ князь Николай Ѳедоровичъ, сынъ князя Ѳедора Ивановича (женатаго въ первомъ бракѣ на Маріѣ Львовнѣ Нарышкиной, теткѣ графини Екатерины Ивановны Разумовской) отъ второго брака съ Анною Петровною Измайловою. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ посѣщенія Государыни, Голицынъ женился на сестрѣ Ивана Ивановича Шувалова, Прасковьѣ Ивановнѣ. Весьма вѣроятно, что это пребываніе въ Знаменскомъ и посѣщеніе Петровскаго были связаны съ возвышеніемъ Шувалова; доказательствомъ этому служитъ то, что послѣдній уговорилъ Разумовскаго уступить ему Знаменское, напоминавшее ему о началѣ его случая, а впослѣдствіи подарилъ оное сестрѣ своей [3]). Навряд ли Разумовскій уступилъ бы, безъ особенныхъ на то причинъ, имѣніе, подаренное ему въ 1742 г. Государыней. Изъ Знаменскаго Императрица имѣла шествіе поутру въ 12-мъ часу въ Звенигородъ и, не доходя полверсты до монастыря, обѣдала въ ставкахъ. Отдохнувъ, она посѣтила Саввинъ монастырь, отслужила соборный молебенъ чудотворцу, и поѣхала въ Воскресенскъ. Она прибыла уже ночью въ разбитый за монастыремъ, противъ заднихъ воротъ, лагерь свой. На другой день Государыня отстояла обѣдню и осмотрѣла выстроенный для нея противъ большой соборной церкви деревянный дворецъ, куда къ вечеру и переѣхала. На другой день Елизавета снова отслушала обѣдню и, осмотрѣвъ

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 209.

[2]) Село Петровское, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ *правнуку кн.* Николая Ѳедоровича—князю Александру Михайловичу Голицыну.

[3]) Знаменское-Денисьево, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ *правнуку кн.* Прасковьи Ивановны—князю Владиміру Михайловичу Голицыну.

подробно всѣ зданія монастырскія, послѣ обѣда отъѣхала въ Москву [1]). Воскресенскъ очень полюбился Императрицѣ. 2-го Сентября того же года она предприняла снова туда шествіе. 3-го числа въ Новый Іерусалимъ прибыли Ихъ Высочества. Въ день имянинъ Государыни послѣ торжественной литургіи съ предикою, которую говорилъ Ростовскій митрополитъ и молебна, Елизавета приняла отъ духовныхъ персонъ поздравленіе и жаловала ихъ къ рукѣ, потомъ послѣдовала въ свой новый дворецъ, гдѣ при пушечной пальбѣ ее поздравляли придворные. За монастыремъ, на лугу, устроены были ставки и въ нихъ Императрица съ Наслѣдникомъ, Великою Княгинею и знатными обоего пола особами изволила кушать. Кавалеры, для которыхъ не хватило мѣста за столомъ Государыни и гвардіи оберъ-офицеры обѣдали въ сосѣдней ставкѣ. Въ продолженіе стола играла итальянская инструментальная и вокальная музыка. На служащихъ надѣта была статсъ-ливрея. Во время обѣда Великій Князь провозгласилъ здоровье Государыни (51 пушечный выстрѣлъ). Государыня въ отвѣтъ предложила здоровье Ихъ Высочествъ (31 выстрѣлъ). Наслѣдникъ въ отвѣтъ выпилъ за счастливое и благополучное государствованіе Ея Величества (51 выстрѣлъ). Государыня предложила здоровье всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ (31 выстрѣлъ), а Великій Князь напослѣдокъ, поднявъ кубокъ, сказалъ: сколько въ кубкѣ капель, столько лѣтъ желаютъ вѣрноподданные здравствовать Ея Величеству (101 выстрѣлъ). Вечеромъ вся свита Государыни собралась въ дворцовыхъ покояхъ монастыря, въ залѣ былъ концертъ. Играли и пѣли Итальянцы, а гости забавлялись въ карты. 6-го Государыня уѣхала въ Москву [2]). Во время этого пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ, 4 Сентября, Императрица пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры. Это было событіемъ при дворѣ: всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ [3]). Шувалова Елизавета уже не разъ отличала и, какъ мы видѣли выше, даже посѣтила будущаго его зятя по дорогѣ въ Саввинъ монастырь. Назначеніе это надѣлало шуму и въ академіи. Вслѣдствіе письма Теплова отъ 16 Октября 1749 года, въ Русскія и Нѣмецкія вѣдомости было внесено „о пожалованіи камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры“ — т.-е. точно такъ, какъ о томъ выразился въ письмѣ своемъ Тепловъ. Какъ видно, объявленіе это сильно взорвало Шуваловыхъ, которые о томъ довели, по всей вѣроятности, до Государыни. Письмомъ отъ 6 Ноября того же года Тепловъ сообщалъ Шумахеру, что президенту „безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смо-

[1]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1749 года.
[2]) Кам.-Фур. Журналъ 1749.
[3]) Mém. de Cath. II, 117.

трать на свою должность и отправляють дѣла съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью. Сколько памятуется и опредѣленіемъ особливымъ подтверждено было, дабы чины особливаго достоинства всегда вносились въ газеты съ ихъ именемъ и отечествомъ и съ надлежащею учтивостью, а не такъ, какъ подъ № 85, объ Иванѣ Ивановичѣ, господинѣ Шуваловѣ... Чего ради е. с. г. президентъ приказалъ къ вашему высокоблагородію писать, дабы вы, призвавъ въ канцелярію тѣхъ, на комъ сіе взыскивать надлежитъ, учинили имъ пристойный выговоръ въ канцеляріи" и пр. Академическая канцелярія переполошилась. Наведены были справки. Шумахеръ воспользовался случаемъ, чтобы подвести Ломоносова; но тотъ доказалъ „что Россійскіе артикулы" до него не касаются [1]). Несомнѣнно, что графъ Кирила Григорьевичъ опасался, какъ бы не подумали, что онъ, въ качествѣ брата Алексѣя Григорьевича, имѣлъ причины быть недовольнымъ возвышеніемъ Шувалова, и поэтому приказалъ внести о немъ въ газеты какъ о лицѣ не особенно важномъ. Санктъ-Петербургскія Вѣдомости зависѣли отъ президента и издавались при академіи. Вслѣдствіе всей этой исторіи въ № 91 Вѣдомостей помѣщено было полное описаніе пребыванія Государыни въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ концѣ прибавлено, что Императрица „пожаловать изволила камеръ-пажа своего Ивана Ивановича господина Шувалова двора своего камеръ-юнкеромъ" [2]). Возвышеніе Шувалова, который еще камеръ-пажемъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины своимъ прилежаніемъ и любовью къ чтенію [3]), исподоволь подготовлялось его родственниками. Графиня Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа вниманіе Государыни и, благодаря ей, Иванъ Ивановичъ получилъ сперва золотые часы, потомъ пожалованъ былъ камеръ-пажемъ, а наконецъ и камеръ-юнкеромъ. Съ обыкновенною своею хитростью Шуваловы такъ устроили дѣло, что Бестужевъ и Апраксинъ просили Государыню о пожалованіи Ивана Ивановича въ камеръ-юнкеры, и графъ Александръ Ивановичъ „пріѣзжалъ къ нимъ нарочно будто просить, чтобы они фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и Ея Величеству, въ удобное время, доложили" [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ и Апраксинъ обратились къ другу своему Разумовскому и что добродушный Алексѣй Григорьевичъ самъ же просилъ о возвышеніи своего соперника. Съ этихъ поръ нанесенъ былъ первый ударъ могуществу Бестужева,

---

[1]) Билярскій, Матеріали для біогр. Ломоносова, 134—137.

[2]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 421—422.

[3]) Ив. Ив. Шуваловъ—статья П. И. Бартенева, 8.

[4]) Записки Порошина, 72.

и Алексѣй Григорьевичъ сталъ мало-по-малу удаляться на второй планъ. Борьба Бестужевской партіи съ партіею Шуваловыхъ продолжалась девять лѣтъ, девять лѣтъ самыхъ хитрыхъ и большею частью грязныхъ интригъ, особенно со стороны послѣднихъ, которые въ молодомъ и благородномъ родственникѣ своемъ, Иванѣ Ивановичѣ, противъ ожиданія, встрѣчали скорѣе тормазъ, чѣмъ подпору. Объ этой борьбѣ будемъ мы имѣть случай говорить позднѣе.

Положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ, повидимому, не измѣнилось, но случай Шувалова на него сильно подѣйствовалъ и онъ тяжко заболѣлъ послѣ перваго путешествія въ Воскресенскъ. Депутаты долгое время не могли его видѣть по причинѣ нездоровья. Государыня однако продолжала осыпать своего „нелицемѣрнаго друга“ милостями и Разумовскій мало-по-малу оправился. 13-го Сентября прибыла въ Москву сестра его Вѣра Григорьевна, съ мужемъ своимъ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ и дядею Денисомъ Демѣшкою alias Стрешенцовымъ. Они остановились во дворцѣ графскомъ [1]),— вѣроятно на Покровкѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ велъ постоянную переписку съ родственниками своими въ Малороссіи; къ сожалѣнію, до насъ дошли только два письма его къ Вѣрѣ Григорьевнѣ Дараганъ; письма эта весьма типичны,—мы ихъ здѣсь помѣщаемъ.

I.

Государыня моя сестрица Вѣра Григорьевна. Черезъ Нахимовскаго два письма неподписанныхъ я получилъ, которіе (sic) думаю писаны отъ васъ, потому что въ одномъ упомянуто объ отправленіи вашего сына Ивана, который сюда съ Нахимовскимъ пріѣхалъ здоровъ; а другое о пожалованныхъ вамъ деньгахъ. На которіе чрезъ сіе вамъ упоминаю: для писемъ содержать человѣка знающаго и добраго, на котораго вамъ можнобъ было повѣрить, а при томъ подтверждать чтобъ безъ подпи*су* вашего имени писемъ никуда не отправлялъ, да и то о чемъ и къ кому прикажете, между тѣмъ обучиться подписывать и самимъ свое имя. *Оніе* жъ письма запечатаны были печатью (на которой имя вашего мужа вырѣзано) непристойною вашему характеру, ибо на оной корона и между короною перо княжескихъ фамилій. Того ради оною печатью впредь писемъ не печатать, а откудова вы оный гербъ взяли и стали имъ печататься—меня въ скорости увѣдомить. Для печатанія вамъ писемъ по вашей чести отъ

[1]) Неизд. дневникъ Ханенки. Ханенко упоминаетъ еще о какомъ-то графскомъ бархатномъ (?) домѣ въ Москвѣ.

меня въ скорости всѣмъ печати будутъ присланы. Впрочемъ прошу поступать безъ поврежденія чести, а я есмь съ искреннимъ усердіемъ, государыня моя сестрица, вашъ братъ граѳъ (sic) А. Разумовскій. Поклонъ мой сестрѣ Агафьѣ Григорьевнѣ и мужу ея, а притомъ поклонъ мой *Ѳеому* Дарагану.

Августа 12 дня 1747 г.

II.

Государыня моя сестрица Вѣра Григорьевна. Купчую написанную на имя вашего мужа на село Пески хотя матушка изволила по чьимъ неразсуднымъ представленіямъ ко мнѣ писать, яко бы не къ пользѣ и не по чести нашей перемѣнять, однакъ я разсудилъ оную лучше перемѣнить и написать на ваше имя, а прежней изъ книгъ не выдирая чи съ вашей включить, чтобъ оная въ состояніи быть не могла; ибо на покупку оной деревни не мужу вашему, но вамъ изъ высочайшей милости всемилостивѣйше отъ Е. И. В. деньги пожалованы. Впрочемъ желая вамъ съ вашимъ мужемъ [1]) благополучнаго и продолжительнаго здоровія есмь, государыня сестрица, вашъ братъ и слуга граѳъ А. Разумовскій.

Ноября 4 1747 г., С.-Петербургъ [2]).

Эта-то малограмотная Вѣра Григорьевна прибыла теперь въ Москву, чтобы поблагодарить Государыню за щедрыя милости, а также чтобы повидаться съ дѣтьми, вмѣстѣ съ дворомъ переѣхавшими изъ Петербурга въ древнюю столицу [3]). Государыня, чтобы утѣшить оскорблённаго любимца, крайне радушно приняла сестру его. 17 Сентября Вѣра Григорьевна праздновала свои имянины; обѣдали у ней Журавка съ женою, судья Ахтырскій съ женою, депутаты и всѣ графскіе племянники и племянницы. Передъ обѣдомъ „выправили обратно въ Малую Россію Дениса Демёшку“, вѣроятно уже черезъ-чуръ отзывавшагося природнымъ казачествомъ, причемъ однако Государыня пожаловала ему 3000 рублей. 29-го Сентября Императрица вернулась изъ Троицкой Лавры въ Москву вечеромъ, а ночью переведена во дворецъ Вѣра Григорьевна съ мужемъ. На другой же день депутаты поспѣшили къ ней, чтобы поздравить ее съ новосельемъ. 3-го Октября они у нея

[1]) Ефимъ Ѳедоровичъ Дараганъ умеръ въ 1762 году и похороненъ въ Лемёшевской Трехъ-святительской церкви.

[2]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[3]) Неизд. дневн. Ханенки.

обѣдали, и Дараганъ разсказывалъ Ханенкѣ, что наканунѣ Государыня, за столомъ, вспомнила о его, Ханенковой, женѣ [1]).

Между тѣмъ истекало уже четыре года со времени прибытія Малороссійскихъ депутатовъ. Въ Москвѣ они были дѣятельнѣе чѣмъ когда либо. Только-что дворъ успѣлъ переѣхать изъ Петербурга, какъ они уже подали Алексѣю Григорьевичу „меморіалъ объ остальныхъ общенародныхъ дѣлахъ, а именно: о гетманѣ, о выводѣ Грузинъ, о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ до артиллеріи генеральной подлежащихъ, о располщикахъ“ (?) и „о томъ всемъ довольно съ графомъ разговоръ вели“. Въ Мартѣ они отъ Разумовскаго слушали декларацію „о скоромъ отправѣ“. Черезъ мѣсяцъ они подаютъ сочиненную ими записку „о классахъ ранговъ малороссійскихъ“, причемъ Алексѣй Григорьевичъ ихъ снова обнадежилъ имѣющимся быть скоро уже ихъ отпускомъ. Въ Іюнѣ они пишутъ въ генеральную канцелярію о нарядѣ изъ ближнихъ Козелецкихъ полковъ во дворъ графскій Козелецкій работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ. Въ Іюлѣ, видя, что ихъ все еще не отпускаютъ, по случаю болѣзни Разумовскаго, они сочинили просительное къ нему письмо объ исходатайствованіи имъ позволенія вернуться во-свояси. Письмо это передалъ о. духовникъ Дубянскій; потомъ они черезъ камердинера графскаго докладываютъ ему о саранчѣ и о томъ, что генеральная канцелярія нарядила работныхъ людей изъ 4 полковъ, по требованію графскому, для работъ въ Козелецкомъ его домѣ. До свѣдѣнія депутатовъ дошло также, что графъ Кирила Григорьевичъ „говорилъ брату о депутатахъ и нуждахъ Малороссійскихъ довольно“ [2]). Около того же времени генеральная старшина черезъ Гудовича и Ханенку прислала графу Алексѣю Григорьевичу слѣдующее посланіе:

Сіятельнѣйшій рейхсъ графъ, высокомилостивый патронъ. По высочайшему Е. И. всемилостивѣйшей Государыни Монархини нашей милосердію и о здѣшнихъ Малороссійскихъ обывателей, при нынѣшней ихъ скудости и бѣдности, оказанному состоявшійся высокомонаршій указъ объ увольненіи Малой Россіи отъ довольствія положенныхъ на сей край консистентовъ и о положеніи неимущимъ денегъ индуктнаго сбора черезъ три года, такожъ и выводѣ конскихъ заводовъ и о прочемъ здѣшней нацы (sic) облегченіи и помилованіи полученъ, и таковый высочайшій Е. И. В. всемилостивѣйшій указъ, при всенародномъ собраніи здѣсь въ Глуховѣ, въ церкви по божественной литургіи, со вседолжнѣйшимъ ко всещедрому Богу принесеніемъ молебнаго пѣнія за всевысочайшее Е. И. В. здравіе и все-

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Тамъ же.

благополучнѣйшее и многолѣтное государствованіе, публикованъ, что̀ и во всѣхъ Малороссійскихъ полкахъ съ молебствіемъ и торжествомъ публиковать же отправлено, о чемъ и къ преосвященному митрополиту Кіевскому, такожъ къ епископамъ Черниговскому и Переяславскому для ровнаго жъ благоденственнаго исполненія, сообщеніе учинено, и во знаніе бъ и нынѣ же подписавшіеся сколько много быть чиновъ въ Глуховѣ при резиденціи гетманскаго правленія всеподданнѣйшее благодарственное челобитіе чрезъ обрѣтающихся въ Москвѣ отъ здѣшней націи депутатовъ дерзновеніе приняли. И яко довольно чувствуемъ, что сія высочайшая Е. И. В. милость по особливому вашего высокографскаго сіятельства ходатайству и патронству слѣдовала, такъ за то вашему высокографскому сіятельству отъ всенискреннѣйшихъ цѣлаго отечества нашего сердецъ нижайшее приносимъ благодареніе съ глубочайшимъ прошеніемъ о содержаніи впредь здѣшняго отечества во всегдашнимъ своимъ высокомъ призѣри и патронствѣ и ниже со всѣмъ здѣ живущими не изобрѣтая болна (sic) какъ бы изъяснимъ всепокорнѣйшихъ сердецъ нашихъ вѣрную о томъ благодарность, а крайній долгъ себѣ пріемлемъ высокое вашего рейхсъ графскаго сіятельства имя всегда памятовать незабвенно.

Вашего высокографскаго сіятельства высокомилостиваго патрона всенижайшіе слуги [1]).

11 Октября Гудовичъ и Ханенко обѣдали у Вѣры Григорьевны Дараганъ, вмѣстѣ съ графомъ Гендриковымъ, Журавками, Лясавицкимъ и женою его Дубиновкою, тоже родственницею Разумовскихъ. 13-го, депутаты „рано были во дворцѣ передъ графомъ Разумовскимъ, который объявилъ имъ о скорой отправкѣ въ Малороссію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего числа посланы именные указы въ Сенатъ и коллегію иностранныхъ дѣлъ, по причинѣ перевоса изъ Сената въ ту коллегію дѣлъ Малороссійскихъ". Потомъ депутаты ѣздили къ великому канцлеру и съ нимъ имѣли также разговоры объ избраніи гетмана въ силу именнаго указа. Въ послѣдніе дни своего пребыванія они особенно часто видѣлись съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ и какъ съ нимъ, такъ и съ Тепловымъ много разговаривали про Малороссію. 20 Ноября они презентовали Кириллѣ

[1]) У Маркевича (Исторія Малороссіи, Т. IV, стр. 411 и 419) напечатаны, подъ именемъ докладовъ, два благодарственныхъ адреса къ Государынѣ—одинъ, болѣе пространный, отъ Стародубскаго полка, второй отъ — генеральныхъ старшинъ. Маркевичъ (IV, 421) посланіе это называетъ „письмомъ Малороссійскихъ старшинъ къ Гетману Разумовскому", но, во-первыхъ, гетманъ не былъ рейхсъ-графомъ, во-вторыхъ, до своего избранія въ гетманы (1750 г.) онъ не былъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Малороссіею; перепечатываемое же нынѣ письмо относится къ началу 1749 г. Мы перепечатываемъ эту, какъ равно и другія бумаги, безъ сохраненія неправописанія подлинниковъ.

Григорьевичу 3 книги—двѣ статута Литовскаго *по русску* и *по польску* печатанныя, а третью—статуты коронные да трактатъ съ Польшею въ 1686 учиненный, которымъ уступлена тогобочная Украйна". Съ старшимъ Разумовскимъ они трактовали о Батуринѣ и другихъ на гетмана подлежащихъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и пр. Тепловъ же подарилъ имъ всѣ академическія изданія. Отъ времени до времени депутаты черезъ графскихъ камердинеровъ напоминаютъ объ отправкѣ и наконецъ сами просятъ Разумовскаго „о порядочной отправѣ". 14-го Декабря, наконецъ, была имъ отпускная аудіенція. Ханенко произнесъ при этомъ благодарственную рѣчь, въ которой перечислялись всѣ явленныя Малороссіи милости монаршія. На рѣчь отвѣчалъ великій канцлеръ. Потомъ Государыня жаловала ихъ къ ручкѣ и милостиво съ ними говорить изволила. На другой день Гудовичъ съ Ханенкомъ опять поѣхали во дворецъ, прощались со многими кавалерами, а въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ простились и видѣли, какъ Государыня, со всею своею ассистенціею, изволила въ путь до С.-Петербурга подняться, при пальбѣ изъ многихъ пушекъ. Изъ дворца они поспѣшили къ графу Кирилѣ Григорьевичу, чтобы поздравить его съ новорожденною дочерью Елизаветою. 17-го Декабря, Гудовичъ и Ханенко у графа Гендрикова читали данную ему инструкцію и грамоту на избраніе гетмана. Потомъ встрѣтились еще вечеромъ съ Гендриковымъ у младшаго Разумовскаго. 18-го они ѣздили поздравить Кирилу Григорьевича со днемъ рожденія Императрицы, тотъ ихъ удержалъ обѣдать „съ другими многими своего полка Измайловскаго и прочими офицерами. Послѣ обѣда игралъ Кирила Григорьевичъ въ *биларъ* (sic) съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, капитаномъ своего полка" [1]).

„Отправа" депутатовъ была вполнѣ „порядочная". При отпускѣ пожалованы были они собольими шубами въ 500 рублей, деньгами по 1000 рублей и брильянтовыми перстнями отъ придворнаго ювелира Дюплона [2]); кромѣ того Государыня велѣла заплатить за ихъ квартиру въ Петербургѣ графу Захару Чернышеву 550 рубл. [3]). Депутаты времени не потеряли; правда, ихъ долго продержали, но за то не мало льготъ вымолили они для Малороссіи, жестоко пострадавшей въ это время отъ саранчи и пожаровъ. Винокуреніе было уменьшено, ввозъ хлѣба изъ Польши былъ разрѣшенъ для продовольствія народа, выведены были изъ Украйны квартировавшіе въ ней полки, жители были уволены отъ работы крѣпостей и возки артиллеріи, не приказано было выдавать болѣе „рацioновъ и порціоновъ" на гарнизонъ Глуховскій, на полевую аптеку

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Малороссійскія, 1749.

[3]) *Архивъ князя* Воронцова, VII, 290.

и на генералитетъ; повелѣно было разобрать конскіе заводы и наконецъ, индуктныя деньги, около 84,000 рублей, въ теченіи трехъ лѣтъ выдаваемы были бѣднымъ [1]).

Въ началѣ Января 1750 г. депутаты пріѣхали въ Глуховъ и привезли данную имъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ высочайшую отпускную грамоту. Дѣло объ избраніи графа Кирилы Григорьевича было уже рѣшено въ Петербургѣ, теперь слѣдовало исполнить обрядъ выбора его вольными голосами. Въ жалованной грамотѣ объявлялось Малороссіянамъ, духовнымъ и мірскимъ, войску Запорожскому обѣихъ сторонъ Днѣпра и пр., что „быть въ Малой Россіи гетману по прежнему", на томъ же основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ Скоропадскій; что въ Глуховъ отправляется, для избранія имъ гетмана изъ Малороссійскаго народа вольными голосами, графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ и что въ Глуховѣ должны были собраться всѣ вѣрные подданные Ея Величества, духовные и мірскіе, а также полковники, полковые старшины, бунчуковые и значковые товарищи и казаки изо всѣхъ полковъ, къ тому времени, которое назначитъ графъ Гендриковъ, для избранія себѣ гетмана „по прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, кого благопристойно будетъ, изъ вѣрныхъ и искусныхъ особъ". „Впрочемъ", гласитъ далѣе грамота, „мы обѣщаемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, Малороссійскому народу, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы, отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ..... имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать и во первыхъ своихъ подданныхъ отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять и весь Малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содержать" [2]).

6-го Января, послѣ литургіи и благодарственнаго молебна съ многолѣтіемъ грамота была прочтена въ Глуховской соборной церкви. По всѣмъ полкамъ и ко всѣмъ полковникамъ, кромѣ отдѣльныхъ грамотъ, отправленныхъ прямо изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, черезъ депутатовъ, были разосланы повѣстки съ повелѣніемъ войсковой канцеляріи, дабы грамоты были опубликованы такъ же, какъ и въ Глуховѣ. Хотя еще не имѣлось свѣдѣній о времени прибытія Гендрикова, однако сотнику Глуховскому и казакамъ его было приказано, отъ войсковой канцеляріи, состоять въ готовности и держать вѣстовыхъ въ Сѣвскѣ, кои могли бы заблаговременно дать знать о прибытіи графа и, кромѣ того, должны были изъ Сѣвска ѣхать передъ его каретою.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 194. Записки Якова Марковича, II, 271. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, VII, 426—430.

[2]) Ригельманъ, *Повѣствованіе о Малой Россіи*, т. IV, кн. VI, стр. 8—10.

Передъ Гендриковымъ пріѣхалъ въ Глуховъ, вѣроятно, чтобы подготовить ему помѣщеніе, родственникъ его, камеръ-юнкеръ Сафоновъ [1]). 9-го числа, черезъ нарочнаго курьера, Глуховскаго гарнизона сержанта Быковскаго, получено было генеральною старшиною письмо отъ Гендрикова, писанное изъ Калуги отъ 6-го января, въ которомъ онъ объявлялъ о томъ, что ѣдетъ, и просилъ, чтобы все было готово къ его пріему. Присутствующіе въ войсковой канцеляріи члены того же 9-го числа отправили къ Гендрикову глинскаго сотника, Антона Крижановскаго, съ поздравленіемъ по случаю новаго года и благополучнаго путешествія, а также съ извѣщеніемъ, что все готово къ принятію графа. Для встрѣчи и провожанія Гендрикова назначены были: 1) на границѣ Малороссійской подъ селомъ Толстогубовымъ, глуховскій сотникъ Туранскій съ 300 казаковъ изъ его сотни; 2) четырьмя верстами ближе къ Глухову—королевецкій сотникъ Огѣевскій и сто казаковъ; 3) ближе къ Ясмани—воронежскій сотникъ Холодовичъ и сто казаковъ, и 4) подъ Ясманью ямпольскій сотникъ Каневецкій съ своею сотнею. При всѣхъ сотняхъ были знамена. 13-го Января сотникъ Крижановскій возвратился въ Глуховъ съ письмомъ отъ Гендрикова, въ которомъ онъ, за поздравленіе и „прудкое“ извѣстіе о приготовленіяхъ, объявлялъ свое удовольствіе. 14-го узнали, что посланецъ Царицы прибылъ въ Сѣвскъ, и того же числа, какъ присутствующіе въ войсковой канцеляріи, такъ и прочая генеральная старшина, въ сопровожденіи компанейской команды, называемой надворною коргвою, и войсковою музыкою выѣхали въ Ясмань. 15-го прибылъ графъ Гендриковъ. Всѣ чины встрѣтили его передъ въѣздомъ въ Ясмань и поздравили съ благополучнымъ пріѣздомъ. Раздались звуки музыки и литавръ. Гендриковъ вышелъ изъ кареты и благодарилъ; потомъ онъ отправился на приготовленную ему квартиру, куда всѣ снова къ нему явились. Отдохнувъ немного, Гендриковъ поѣхалъ далѣе въ сопровожденіи чиновъ и войскъ, выступавшихъ къ нему на встрѣчу. При въѣздѣ въ Глуховскій форштадтъ, пушки салютовали 31 ударомъ. Впередъ шли сотники Глуховскій, Королевецкій, Воронежскій и Ямпольскій съ обнаженными саблями, за ними слѣдовали ихъ команды съ распущенными знаменами, держа ружья на караулъ, при звукѣ музыки, трубъ и литавръ. Отъ Сѣвскихъ воротъ до квартиры графа Гендрикова поставленъ былъ Глуховскій гарнизонный полкъ. Въ первой каретѣ ѣхали секретарь и переводчикъ; во второй графъ Гендриковъ съ своимъ адъютантомъ, по сторонамъ кареты ѣхали верхомъ два сержанта лейбъ-гвардіи; въ третьей каретѣ ѣхала жена посла, графиня Елизавета Сергѣевна Гендрикова, изъ рода Бутурлиныхъ; въ четвертой дѣти Генд-

---

1) Зап. Марковича, II, 278.

ринова; въ прочихъ же коляскахъ слѣдовали другіе изъ свиты графа чины. Генеральная старшина встрѣтили графа на крыльцѣ изготовленнаго для него дома и отдали ему подлежащій „комплементъ“; послѣ того поздравляли духовные чины: архимандритъ и Глуховскій протопопъ съ ихъ соборами, причемъ первый произнёсъ краткое, а второй болѣе пространное слово [1]).

Гендриковъ привезъ жалованную грамоту и, по его требованію, черезъ два дня послѣ его пріѣзда, генеральные старшины подписались на „прошеніи въ гетманы Кирилы Григорьевича“, — какъ выражается Марковичъ [2]). Вотъ этотъ курьёзный документъ:

„Ея Имп. всепресвѣтлѣйшее Величество высочайшимъ своимъ повелѣніемъ благоизволила учредить ваше графское сіятельство отъ тайнаго совѣта своего въ министерство такое дабы по привилегіямъ и обыкновенію древнему нашему, вольными голосами избрать намъ гетмана. За сію высочайшую милость и матернее попеченіе Ея И. пресвѣтлѣйшаго В. раболѣпно приносимъ усердное благодареніе и вѣрность нашу подданническую непоколебимо Е. И. всепр. В. и Наслѣдникомъ Е. И. всепр. В. сохранить клятвенно обѣщаемъ. Чувственно намъ есть, что изволеніе Е. И. всепр. В. не инако точію чрезъ тщательное посредствіе сіятельнѣйшаго рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который, при дворѣ Е. И. В. обрѣтаясь, отъ самаго начинанія и основанія сего дѣла, во всемъ производилъ дѣйствительное вспоможеніе: 1-ое, когда за закрѣпою единой Малороссійской генеральной старшины до Е. И. всепр. В. челобитная чрезъ бунчуковыхъ товарищей была съ прошеніемъ позволенія избрать гетмана послана до рейхсъ-графскаго сіятельства, то его сіятельство исходатаилъ высочайшее Е. И. всепр. В. дозволеніе о подачѣ генеральною старшиною Е. И. В. и всемилостивѣйшее той челобитной принятіе, почему во время благополучнаго шествія Е. И. всепр. В. въ Кіевъ изо всѣхъ полковъ поднесена челобитная; 2-ое, а равнымъ образомъ и блаженныя памяти преосвященнѣйшему митрополиту и архіепископу Кіевскому Рафаилу такожде объ избраніи гетмана чрезъ ходатайство е. рейхсъ-графскаго с. поднесть дозволено; 3-е, съ общаго совѣта нашего

[1]) Подробности о пріемѣ Гендрикова, а равно объ избраніи гетманскомъ, почерпнуты нами изъ „Журнала о происхожденіи въ пріѣздъ въ Малую Россію обрѣтающихся при высочайшемъ Е. И. В. дворѣ, отправленныхъ въ 1745 г. отъ всей Малороссійской націи для прошенія о бытіи въ Малой Россіи, по прежнему, гетману и о прочихъ нуждахъ господъ депутатовъ и о прочемъ слѣдующемъ дѣйствіи“. Журналъ этотъ былъ напечатанъ въ „*Осмод*“ 1862 г. № 2 (Февраль) подъ ошибочнымъ заглавіемъ: „Встрѣча на Украйнѣ Кирила Разумовскаго и избраніе его въ гетманы“. Старинный подлинникъ журнала хранится въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ.

[2]) Записки Марковича II, 278.

приближенные; всякій спросъ о здравіи Императрицы могъ бы любопытнаго привести прямо въ тайную канцелярію. Елизавета Петровна весною переѣхала въ Перово къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Сюда приглашены были и Великій Князь съ Великою Княгинею. Каждый день бывали въ Перовѣ охоты, и мужчины возвращались домой поздно, усталые и нелюбезные, такъ что дамамъ приходилось искать развлеченія въ себѣ самихъ.

Государыня ежедневно принимала участіе въ охотахъ; что же касается до Великой Княгини, то она усердно принялась за чтеніе, и тѣмъ составляла исключеніе при дворѣ, гдѣ рѣдко кто брался за книгу. Оберъ-гофмейстерина Чоглокова, состоявшая при Екатеринѣ, горько жаловалась на скуку: не съ кѣмъ было поиграть въ карты, до которыхъ она была страстная охотница, да къ тому же и мужъ ея, котораго она страшно ревновала, выбился изъ рукъ. Благодаря подаренной ему сучкѣ Цирцеѣ, онъ участвовалъ на каждой охотѣ и сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ всей Перовской компаніи. Его увѣряли, что собака его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чоглоковъ былъ въ восторгѣ. Въ Перовѣ Великая Княгиня заболѣла, и здѣсь она увидѣла доказательство того обаятельнаго вліянія на приближенныхъ, которымъ природа столь щедро ее одарила. Враждебная ей Чоглокова, приставленная къ ней Бестужевымъ, чтобы слѣдить за каждымъ ея шагомъ, съ самою нѣжною заботливостью стала ухаживать за Великою Княгинею во время этой болѣзни и съ этихъ поръ совершенно перемѣнилась въ своихъ къ ней отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ этой болѣзни захворала вторично и Государыня. Она приказала перенести себя въ Москву, и весь дворъ шагомъ ѣхалъ за нею [1]). Этотъ новый припадокъ спазмъ не имѣлъ послѣдствій, и вскорѣ потомъ Государыня отправилась на богомолье къ Троицѣ. Она дала обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ и начала свое путешествіе отъ Покровскаго дворца. Пройдя въ день версты три или четыре, Императрица возвращалась въ Москву въ каретѣ. Иногда она въ экипажѣ отправлялась далѣе къ тому мѣсту, гдѣ приготовлена была стоянка. Послѣ отдыха она снова возвращалась въ каретѣ туда, гдѣ остановилась въ своемъ хожденіи, и отсюда снова продолжала свое шествіе. Такимъ образомъ походъ этотъ занялъ почти все лѣто, тѣмъ болѣе, что иногда Императрица по нѣскольку дней отдыхала въ Москвѣ и селахъ по дорогѣ. На время богомолія Великій Князь и Княгиня переѣхали на Троицкую дорогу и поселились въ Раевѣ, имѣніи Чоглоковыхъ, близъ Тайнинскаго. Когда Государыня дошла до Тайнинскаго, гдѣ находился въ тѣ времена дворецъ, въ

[1]) Mém. de Catherine, I, 109—111.

Раево сталъ ежедневно пріѣзжать графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. Онъ жилъ въ имѣніи жены своей Петровскомъ, на тогдашней Петербургской дорогѣ. „Онъ былъ очень веселаго нрава и однихъ съ нами лѣтъ“, пишетъ Екатерина, „мы очень любили его, и Чоглоковымъ пріятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его визиты не прекращались все лѣто, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ у насъ обѣдалъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ 40 или 50 верстъ. Лѣтъ 20 спустя, однажды мнѣ вздумалось спросить его, что ему была за охота пріѣзжать въ Раево и раздѣлять скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго, какое тогда было въ Москвѣ, общества [1]). На этотъ вопросъ, ни минуты не задумываясь, онъ отвѣчалъ: Я былъ влюбленъ.— Что вы? возразила я: — да въ кого же могли вы быть влюблены у насъ?— Въ кого?— отвѣчалъ онъ — въ васъ. Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я даже и не подозрѣвала этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ былъ женатъ, и повидимому жилъ съ женою хорошо“ [2]).

Петровское, какъ видно изъ дневника Ханенки, часто посѣщали Великій Князь и Великая Княгиня. Что же касается до депутатовъ, то они были своими людьми у Кирилы Григорьевича. „Отъѣхали мы 27 Іюля въ Петровское“, повѣствуетъ Ханенко, „до графа Кирилы Григорьевича и тамъ обѣдали и у него застали Романа Иларіоновича Воронцова, князя Алексѣя Никитича Волконскаго, графа Ивана Григорьевича Чернышева, Вас. Ан. Брылкина и ассессора академіи наукъ Г. И. Теплова. Послѣ обѣда изъ луковъ стрѣляли и имѣли нѣкоторые объ Украйнѣ разговоры съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ“ [3]).

Въ то время какъ Наслѣдникъ съ Великою Княгинею жилъ въ Раевѣ, однажды, на охотѣ, подпоручикъ Бутырскаго полка Іосифъ Ватуринъ бросился передъ Великимъ Княземъ на колѣни и объявилъ, что его одного признаетъ законнымъ своимъ Государемъ и готовъ исполнить все то, что онъ прикажетъ. Испуганный Наслѣдникъ пришпорилъ свою лошадь и ускакалъ. Оказалось, что Великій Князь, черезъ

---

[1]) Пекольдъ, вѣроятно обманутый какимъ-нибудь придворнымъ шутникомъ, писалъ ко двору своему: „Трубецкой, Чоглоковъ и молодой графъ Разумовскій получили тайное приказаніе не покидать Великаго Князя, и доносить кому слѣдуетъ обо всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ и предпринимаетъ“ (Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 203). Показаніе это совершенно ложно: Екатерина не медля бы узнала шпіона и не попадала бы Кирилу Григорьевича въ запискахъ своихъ.

[2]) Mém. de Cath. II, 112—113.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

своихъ царей, свѣлъ тайкомъ съ этимъ Батуринымъ знакомство. Дѣло огласилось; Батурина схватили и заключили въ тайную канцелярію. Онъ оказался безпутнымъ, промотавшимся малымъ, бросившимся какъ съумасшедшій въ заговоръ, не заручившись даже болѣе или менѣе серьёзными сообщниками, ибо едва можно назвать этимъ именемъ темныхъ товарищей его Худышкина, Тыртова, Кенжина и Кетова [1]). При допросахъ оказалось, что Батуринъ питалъ самую злую ненависть къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и намѣревался въ случаѣ удачи умертвить его. Передъ товарищами онъ хвастался, что имѣетъ на то именной указъ отъ Великаго Князя, которому Разумовскій самый лютый врагъ и злодѣй [2]). Вскорѣ послѣ воцаренія Елизаветы стали ходить въ народѣ разные враждебные графу Алексѣю Григорьевичу слухи. Любопытно, что слухи эти, носившіе на себѣ до 1749 года характеръ одной только зависти и относившіеся прямо до положенія его во дворцѣ, съ конца 40-хъ годовъ принимаютъ серьёзный оттѣнокъ и имѣютъ цѣлью представить Наслѣдника престола жертвою колдуна Малороссіянина. Несчастное паденіе потолка въ Гостилицахъ послужило темою для самыхъ нелѣпыхъ толковъ: Разумовскій, какъ разсказывали, шесть разъ подводилъ Великаго Князя подъ вѣрную смерть; чарами своими онъ остудилъ Государыню къ племяннику; Наталью Демьяновну называли колдуньею, волшебницею и еретицею; говорили, что Алексѣй Григорьевичъ составилъ команду изъ своихъ Черкасъ, которые губили Русскихъ, что онъ вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отправилъ ихъ къ матери, которая въ свою очередь отослала ихъ въ Польшу и пр. и пр. и пр. [3]). Въ дѣлахъ тайной канцеляріи, сохранившихся въ государственномъ архивѣ, мы находимъ цѣлый рядъ разбирательствъ по поводу такихъ вздорныхъ обвиненій на благодушнаго Разумовскаго.

Къ несчастію, въ каждомъ дѣлѣ затрогивалась честь не одного только Разумовскаго, но и Государыни, и поэтому почти всѣ эти разбирательства оканчивались крайне трагически застѣнкомъ, дыбой, кнутомъ, плетьми, батогами, шпицрутенами и наконецъ ссылкою на каторгу. Такимъ образомъ судились: въ 1743 г. казначей монетной канцеляріи служитель Ѳедоръ Мозовскій, въ 1745—дворецкій мундшенкскій помошникъ Семенъ Очаковъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Тимерязевъ; въ 1746 – токарь петергофской конторы Михайло Дачковъ и бунчуковый товарищъ Павелъ Григорьевъ Скорупка; въ 1747 г. бунчуковый товарищъ Марко Марковичъ; въ

[1]) Mémoires de Catherine II, 122—124.

[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 209—210.

[3]) Дѣла тайной канцеляріи въ государственномъ архивѣ.

1748 Преображенскаго полка поручикъ Василій Марковичъ и дворовая дѣвка Дарья Михайлова; въ 1749 г. бывшій де-сеансъ Академіи регистраторъ Ивановъ; въ 1750 раскольный старецъ Корнилій, солдатъ Лазарь Быстряковъ, арестанты Алексѣй Явинцевъ и Григорій Косоговскій, солдаты Щетенко, Матвѣй Шестаковъ, Иванъ Меркульевъ, однодворецъ Поярковъ и Троицкаго-Волновскаго (близъ Бѣлгорода) монастыря строитель іеромонахъ Пафнутій; въ 1751 титулярный совѣтникъ Андрей Позняковъ; въ 1752 крестьянинъ Петръ Прокофьевъ, деньщикъ Григорій Воробьевъ, солдатъ Иванъ Гордѣевъ, купецъ Иванъ Пичугинъ и дворовый человѣкъ Иванъ Парцевскій; въ 1753 крѣпостная жёнка Авдотья Никонова и пр. и пр. и пр. Каждое имя представляетъ отдѣльное дѣло, почти всѣ дѣла между собою сходны и бо́льшею частью неудобны для печати. Нѣкоторыя однако не лишены интереса. Такъ, напр., солдатъ Матвѣй Шестаковъ между прочимъ судился за то, что назвалъ Разумовскаго „*временщикомъ*“.—Такимъ образомъ оказывается, что слово это старинѣе, чѣмъ можно было предполагать. Дѣло бывшаго де-сеансъ академіи регистратора Иванова замѣчательно по толкамъ, которые возбуждало въ мелкомъ чиновномъ мірѣ академіи президентство младшаго Разумовскаго. Иванова оговорилъ стрянчій Новогородскаго архіерея Стефана —Петръ Верещагинъ. Ивановъ говорилъ Верещагину: По академіи чинятся великіе непорядки, когда е. с. Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ академію пріѣдетъ, то, облокотясь на столъ, все лежитъ и никакого разсужденія не имѣетъ и что положатъ, то крѣпитъ безъ спору, а болѣе въ той академіи имѣетъ власть той академіи ассессоръ Григорій Тепловъ, и что́ онъ е. с. скажетъ, то по его словамъ такъ и дѣлается, да не токмо въ академіи, но и въ домѣ е. с., что́ прикажетъ оный Тепловъ который день кушать готовить, то-де по его, Теплова, приказу и дѣлается и домъ весь е. с. въ смотрѣніи имѣетъ оный Тепловъ; и нынѣ многіе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, къ пожалованію въ унтеръ-офицеры сюда пріѣзжая, сперва просятъ онаго Теплова, а не е. с., и что́ оный Тепловъ о комъ скажетъ, то того и въ чинъ произведутъ. Въ 1748 имѣлось Малороссіянъ въ С.-Петербургѣ не малое число для прошенія Е. И. В. на е. с. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ разныхъ обидахъ, и когда изъ оныхъ Малороссіянъ кто подаетъ Е. И. В. какое прошеніе, то, по прочтеніи, Е. И. В. соизволяетъ то прошеніе отдать е. с. Алексѣю Григорьевичу и е. с. велитъ того просителя взять подъ караулъ и отослать въ Малую Россію по прежнему, ибо почти всею Малою Россіею завладѣлъ е. с. и имѣющихся вотчинъ своихъ управителямъ приказываетъ е. с., чтобъ подданныхъ его приводили къ содержанію отъ побѣга противъ Великороссійскихъ крестьянъ; да у его жъ сія-

тельства въ Малой Россіи построенъ домъ каменный превеликій и писалъ е. с. за море къ корреспонденту своему, чтобъ прислать е. с. на обивку въ тотъ новый домъ покоевъ разныхъ стѣнныхъ обоевъ на 400,000 рублей. Тогда Верещагинъ спросилъ у Иванова, откуда у Разумовскаго столько денегъ... Дальнѣйшія подробности мы опускаемъ. По дѣлу строителя іеромонаха Пафнутія привлечено было много разныхъ лицъ: строитель Троицкаго Богоявленскаго, что въ Кремлѣ, монастыря (приписаннаго къ Троицкой Сергіевой лаврѣ) іеромонахъ Аѳанасій Дорошевичъ, пѣвчій Кирила Загоскевичъ, іеромонахъ Троицкой Сергіевой лавры Тимоѳей Куракинъ, генералъ-маіорша Бредихина и другіе. Дѣло это замѣчательно по подробностямъ о бракѣ Елизаветы съ Разумовскимъ, тайно совершеннымъ, по показанію многихъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ, но до вѣнчанія на царство, Кириломъ Флоринскимъ, который за это будто произведенъ былъ въ архимандриты Троицкой лавры и члены св. Синода. Упомянемъ еще о дѣлѣ Авдотьи Никоновой, имѣющемъ нѣкоторое сходство съ сказаніями о псевдо-Таракановыхъ, о которыхъ придется говорить намъ позднѣе. Эта Никонова-крѣпостная нѣкоего Бачманова, содержалась въ Тихвинскомъ Введенскомъ женскомъ монастырѣ „въ монастырскихъ трудахъ до конца живота“. Въ 1753-мъ году она сказала за собою государево слово и дѣло, и когда её доставили въ тайную канцелярію, не иначе хотѣла говорить какъ самой Государынѣ или по крайней мѣрѣ графу Александру Ивановичу Шувалову. Угроза пыткою развязала ей однако языкъ, и она показала, что въ томъ же Тихвинскомъ монастырѣ содержалась подъ карауломъ *Персидская* дѣвка—Лукерья Михайлова. Эта Лукерья разсказала Никоновой, что она дочь Персидскаго короля и жена графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что Государыня ее насильно выдала замужъ за Разумовскаго, потому что на ней хотѣлъ жениться Великій Князь, котораго тоже противъ воли сосватали. Въ подтвержденіе словъ своихъ Лукерья показала Никоновой двѣ небольшія писанныя бумажки, свернутыя какъ письма, и прочла ихъ. Одно будто было письмо отъ Разумовскаго и другое отъ Великаго Князя, оба отмѣнно нѣжныя и въ нихъ Лукерья называлась: „другомъ сердечнымъ Ольгою Макаріевною“. Замѣчательно, что Лукерья была оправдана и отослана обратно въ Тихвинскій монастырь за крѣпкимъ карауломъ, а Никонова была нещадно бита кнутомъ и сослана въ строжайшее заключеніе въ другой монастырь [1]). Противъ Разумовскаго стали тоже сильно возставать начальники новой скопческой ереси, уже начинавшей взирать на молодого Петра Ѳеодоровича какъ на

[1]) Государственный архивъ—дѣла Тайной Канцеляріи.

Сомнѣваться болѣе было невозможно. Бестужевъ видѣлъ, что положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ становится не тѣмъ, какое было прежде; надо было искать другой опоры, и онъ рѣшился замѣнить новаго фаворита своимъ собственнымъ созданіемъ, которое было бы его орудіемъ, а не подмогою для недруговъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ стали примѣчать при дворѣ, что роскошнѣе всѣхъ бывалъ одѣтъ на театральныхъ представленіяхъ довольно красивый юноша Бекетовъ, лѣтъ 18 или 19, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ. Потомъ и внѣ театра показались на немъ и брилліантовыя пряжки, и кольца, и часы, и кружева, и все самое лучшее. Наконецъ онъ вышелъ изъ корпуса и, несомнѣнно вслѣдствіе настояній Бестужева, ненавидѣвшій всякія интриги Алексѣй Григорьевичъ (котораго уже Екатерина II называетъ въ это время *бывшимъ фаворитомъ*) сейчасъ же взялъ молодого кадета Бекетова къ себѣ въ адъютанты, что давало тогда капитанскій чинъ. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія, и стали говорить, что если графъ Разумовскій приблизилъ къ себѣ Бекетова, то это сдѣлано съ цѣлью противопоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, такъ какъ бывшій кадетъ обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни [1]). Придворные не ошибались: дѣйствительно Бекетовъ былъ избранъ Бестужевымъ, чтобы отстранить Шувалова и его партію. Во всемъ этомъ дѣлѣ явно видна рука канцлера. Онъ приставилъ къ молодому и неопытному Бекетову другого адъютанта, состоявшаго при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, Ивана Перфильевича Елагина, который въ то же время служилъ и подъ его начальствомъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Жена Елагина, бывшая камерфрау Государыни, доставляла Бекетову тонкое бѣлье и кружева, а такъ какъ она не была богата, то ясно было, что деньги тратились не изъ ея кошелька [2]). Болѣе года оба соперника жили совмѣстно при дворѣ. Бекетовъ занялъ комнаты во дворцѣ. Въ Маѣ 1751 года Шуваловъ уѣхалъ даже изъ Петербурга, но не надолго [3]). Бестужевъ тѣмъ болѣе долженъ былъ дорожить поддержкою во дворцѣ, что въ самой семьѣ Разумовскихъ уже не находилъ онъ прежняго полнѣйшаго довѣрія. Графъ Кирила Григорьевичъ съ нимъ разсорился. Размолвка вышла изъ-за Теплова. Во время пребыванія двора въ Москвѣ великій канцлеръ составилъ въ Октябрѣ 1749 года записку „для всевысочайшаго извѣстія“. Она была слѣдующаго содержанія: „Хотя тогда никто слова не говорилъ, какъ Лестокъ на обѣдѣ у Шведскаго посланника

---

[1]) Mém. de Catherine II, 150—151.

[2]) Mém. de Catherine II, 152.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 482.

подробно всѣ зданія монастырскія, послѣ обѣда отъѣхала въ Москву [1]). Воскресенскъ очень полюбился Императрицѣ. 2-го Сентября того же года она предприняла снова туда шествіе. 3-го числа въ Новый Іерусалимъ прибыли Ихъ Высочества. Въ день именинъ Государыни послѣ торжественной литургіи съ предикою, которую говорилъ Ростовскій митрополитъ и молебна, Елизавета приняла отъ духовныхъ персонъ поздравленіе и жаловала ихъ къ рукѣ, потомъ послѣдовала въ свой новый дворецъ, гдѣ при пушечной пальбѣ ее поздравляли придворные. За монастыремъ, на лугу, устроены были ставки и въ нихъ Императрица съ Наслѣдникомъ, Великою Княгинею и знатными обоего пола особами изволила кушать. Кавалеры, для которыхъ не хватило мѣста за столомъ Государыни и гвардіи оберъ-офицеры обѣдали въ сосѣдней ставкѣ. Въ продолженіе стола играла итальянская инструментальная и вокальная музыка. На служащихъ надѣта была статсъ-ливрея. Во время обѣда Великій Князь провозгласилъ здоровье Государыни (51 пушечный выстрѣлъ). Государыня въ отвѣтъ предложила здоровье Ихъ Высочествъ (31 выстрѣлъ). Наслѣдникъ въ отвѣтъ выпилъ за счастливое и благополучное государствованіе Ея Величества (51 выстрѣлъ). Государыня предложила здоровье всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ (31 выстрѣлъ), а Великій Князь напослѣдокъ, поднявъ кубокъ, сказалъ: сколько въ кубкѣ капель, столько лѣтъ желаютъ вѣрноподданные здравствовать Ея Величеству (101 выстрѣлъ). Вечеромъ вся свита Государыни собралась въ дворцовыхъ покояхъ монастыря, въ залѣ былъ концертъ. Играли и пѣли Итальянцы, а гости забавлялись въ карты. 6-го Государыня уѣхала въ Москву [2]). Во время этого пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ, 4 Сентября, Императрица пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры. Это было событіемъ при дворѣ: всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ [3]). Шувалова Елизавета уже не разъ отличала и, какъ мы видѣли выше, даже посѣтила будущаго его зятя по дорогѣ въ Саввинъ монастырь. Назначеніе это надѣлало шуму и въ академіи. Вслѣдствіе письма Теплова отъ 16 Октября 1749 года, въ Русскія и Нѣмецкія вѣдомости было внесено „о пожалованіи камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры“ — т.-е. точно такъ, какъ о томъ выразился въ письмѣ своемъ Тепловъ. Какъ видно, объявленіе это сильно взорвало Шуваловыхъ, которые о томъ довели, по всей вѣроятности, до Государыни. Письмомъ отъ 6 Ноября того же года Тепловъ сообщалъ Шумахеру, что президенту „безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смо-

---

[1]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1749 года.

[2]) Кам.-Фур. Журналъ 1749.

[3]) Mém. de Cath. II, 117.

тятъ на свою должность и отправляютъ дѣла съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью. Сколько памятуется и опредѣленіемъ особливымъ подтверждено было, дабы чины особливаго достоинства всегда вносились въ газеты съ ихъ именемъ и отечествомъ и съ надлежащею учтивостью, а не такъ, какъ подъ № 85, объ Иванѣ Ивановичѣ, господинѣ Шуваловѣ... Чего ради е. с. г. президентъ приказалъ къ вашему высокоблагородію писать, дабы вы, призвавъ въ канцелярію тѣхъ, на комъ сіе взыскивать надлежитъ, учинили имъ пристойный выговоръ въ канцеляріи“ и пр. Академическая канцелярія переполошилась. Наведены были справки. Шумахеръ воспользовался случаемъ, чтобы подвести Ломоносова; но тотъ доказалъ „что Россійскіе артикулы“ до него не касаются [1]). Несомнѣнно, что графъ Кирила Григорьевичъ спасался, какъ бы не подумали, что онъ, въ качествѣ брата Алексѣя Григорьевича, имѣлъ причины быть недовольнымъ возвышеніемъ Шувалова, и поэтому приказалъ внести о немъ въ газеты какъ о лицѣ не особенно важномъ. Санктъ-Петербургскія Вѣдомости зависѣли отъ президента и издавались при академіи. Вслѣдствіе всей этой исторіи въ № 91 Вѣдомостей помѣщено было полное описаніе пребыванія Государыни въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ концѣ прибавлено, что Императрица „пожаловать изволила камеръ-пажа своего Ивана Ивановича господина Шувалова двора своего камеръ-юнкеромъ“ [2]). Возвышеніе Шувалова, который еще камеръ-пажемъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины своимъ прилежаніемъ и любовью къ чтенію [3]), исподоволь подготовлялось его родственниками. Графиня Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа вниманіе Государыни и, благодаря ей, Иванъ Ивановичъ получилъ сперва золотые часы, потомъ пожалованъ былъ камеръ-пажемъ, а наконецъ и камеръ-юнкеромъ. Съ обыкновенною своею хитростью Шуваловы такъ устроили дѣло, что Бестужевъ и Апраксинъ просили Государыню о пожалованіи Ивана Ивановича въ камеръ-юнкеры, и графъ Александръ Ивановичъ „пріѣзжалъ къ нимъ нарочно будто просить, чтобы они фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и Ея Величеству, въ удобное время, доложили“ [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ и Апраксинъ обратились къ другу своему Разумовскому и что добродушный Алексѣй Григорьевичъ самъ же просилъ о возвышеніи своего соперника. Съ этихъ поръ нанесенъ былъ первый ударъ могуществу Бестужева,

---

[1]) Билярскій, Матеріали для біогр. Ломоносова, 134—137.

[2]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 421—422.

[3]) Ив. Ив. Шуваловъ—статья П. И. Бартенева, 8.

[4]) Записки Порошина, 72.

и Алексѣй Григорьевичъ сталъ мало-по-малу удаляться на второй планъ. Борьба Бестужевской партіи съ партіею Шуваловыхъ продолжалась девять лѣтъ, девять лѣтъ самыхъ хитрыхъ и большею частью грязныхъ интригъ, особенно со стороны послѣднихъ, которые въ молодомъ и благородномъ родственникѣ своемъ, Иванѣ Ивановичѣ, противъ ожиданія, встрѣчали скорѣе тормазъ, чѣмъ подпору. Объ этой борьбѣ будемъ мы имѣть случай говорить позднѣе.

Положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ, повидимому, не измѣнилось, но случай Шувалова на него сильно подѣйствовалъ и онъ тяжко заболѣлъ послѣ перваго путешествія въ Воскресенскъ. Депутаты долгое время не могли его видѣть по причинѣ нездоровья. Государыня однако продолжала осыпать своего „нелицемѣрнаго друга“ милостями и Разумовскій мало-по-малу оправился. 13-го Сентября прибыла въ Москву сестра его Вѣра Григорьевна, съ мужемъ своимъ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ и дядею Денисомъ Демѣшкою alias Стрешенцовымъ. Они остановились во дворцѣ графскомъ [1]),— вѣроятно на Покровкѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ велъ постоянную переписку съ родственниками своими въ Малороссіи; къ сожалѣнію, до насъ дошли только два письма его къ Вѣрѣ Григорьевнѣ Дараганъ; письма эта весьма типичны,—мы ихъ здѣсь помѣщаемъ.

I.

Государыня моя сестрица Вѣра Григорьевна. Черезъ Нахимовскаго два письма неподписанныхъ я получилъ, которіе (sic) думаю писаны отъ васъ, потому что въ одномъ упомянуто объ отправленіи вашего сына Ивана, который сюда съ Нахимовскимъ пріѣхалъ здоровъ; а другое о пожалованныхъ вамъ деньгахъ. На которіе чрезъ сіе вамъ упоминаю: для писемъ содержать человѣка знающаго и добраго, на котораго вамъ можнобъ было повѣрить, а при томъ подтверждать чтобъ безъ подпису вашего имени писемъ никуда не отправлялъ, да и то о чемъ и къ кому прикажете, между тѣмъ обучиться подписывать и самимъ свое имя. *Оніе* жъ письма запечатаны были печатью (на которой имя вашего мужа вырѣзано) непристойною вашему характеру, ибо на оной корона и между короною перо княжескихъ фамилій. Того ради оною печатью впредь писемъ не печатать, а откудова вы оный гербъ взяли и стали имъ печататься—меня въ скорости увѣдомить. Для печатанія вамъ писемъ по вашей чести отъ

[1]) Неизд. дневникъ Ханенки. Ханенко упоминаетъ еще о какомъ-то графскомъ бархатномъ (?) домѣ въ Москвѣ.

по именному же указу Императрицы, Пустóта былъ выпущенъ изъ подъ стражи [1]).

По какой причинѣ ихъ остановили и что сталось съ прочими арестантами—намъ неизвѣстно. Ясно только, что прежняго всемогущества уже не было. Между тѣмъ новые Малороссійскіе депутаты Оболонскій, Кочубей, Журманъ и Пиковецъ, отправленные по случаю гетманскаго избранія, прибыли тѣмъ временемъ въ Петербургъ. 24 Апрѣля была дана имъ публичная аудіенція. Они благодарили Государыню отъ всего народа Малороссійскаго за оказанную милость, а имъ отвѣчалъ великій канцлеръ и объявилъ между прочимъ, что на выборъ гетманскій воспослѣдуетъ въ непродолжительномъ времени высочайшее утвержденіе [2]).

5-го Іюня 1750 г. подписанъ былъ Императрицею указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, состоявшій изъ пяти пунктовъ. Въ 1-мъ утверждалось избраніе графа Кирилы Григорьевича, во 2-мъ жаловались ему на урядъ прежнія гетманскія маетности, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Гамалѣевскому, Батуринскому и Межибожскому монастырямъ, Глуховской Анастасіевской церкви, графу Алексѣю Григорьевичу, Витковичу и Павловскому. Маетности эти составляли города Ямполь и Батуринъ съ уѣздами, Гадячскій замокъ съ Чеховскою и Быковскою волостьми; Почепъ съ уѣздомъ, Шептаковская волость, Вакланскій дворецъ, село Литвиновичи, хуторъ Будійскій, Глуховская мельница о трехъ камняхъ, Переволчинскій перевозъ и опредѣленное доселѣ на монастырское содержаніе село Кучеровка съ приселками Сошичемъ и Потаповкою, да села Поповка, Машевъ и Жадовъ. 3) Всѣ доходы Малороссійскіе приказано было собирать и употреблять по „прежнимъ обыкновеніямъ“. 4) Конскіе заводы кирасирскихъ и конногвардейскаго полковъ приказано вывесть изъ гетманскихъ маетностей, а также казенную полотняную фабрику изъ Почепа. 5) Великороссійскимъ чинамъ велѣно въ генеральной канцеляріи, въ генеральномъ судѣ, въ коммиссіи экономіи, въ счетной и въ коммиссіи объ обидахъ, болѣе не присутствовать, и министерскую канцелярію уничтожить. Наконецъ графу Гендрикову предписано возвратиться въ С.-Петербургъ [3]). Несмотря на этотъ указъ, графъ Кирила не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и самихъ депутатовъ тамъ задерживали. 24 Іюля 1750 г. Государыня подписала рядъ указовъ, въ силу которыхъ Разумовскій при торжествахъ, публичныхъ церемоніяхъ и при столахъ получилъ мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

[2]) Ригельманъ, т. IV, кн. IV, стр. 12. Странно, что въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ объ этой аудіенціи не упоминается.

[3]) Маркевичъ, „Исторія Малороссіи“, IV, 439—440.

старшинству. Приказывалось ему возобновить Батуринъ [1]), „при заложеніи онаго учинить освященіе по церковному обыкновенію и имѣть тамъ гетману свою резиденцію“ [2]). Отдавались ему всѣ доходы съ подлежащихъ на урядъ гетманскій маетностей, деньгами, хлѣбомъ, виномъ и прочими припасами, собранные до избранія его [3]). Наконецъ, такъ какъ Кирила Григорьевичъ „противъ другихъ гетмановъ имѣлъ ту отличность“, что былъ русской имперіи графъ, и такъ какъ Императрица высочайше имѣла къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, то приказано было въ отправляемыхъ къ нему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотъ „давать ему предикатъ: высоко и благоурожденнаго“ [4]). Въ то же самое время Государыня повелѣть соизволила „клейноды для гетмана сдѣлать новые, со украшеніемъ изъ каменьевъ, которыхъ бы цѣною до 1500 р. было и какимъ образцомъ оные сдѣланы быть имѣютъ, тому на передъ изготовить чертежи, а между тѣмъ, чтобы гетману во управленіе вступить можно было, отдать ему клейноды старые, объявя притомъ, что и новые даны быть имѣютъ“ [5]). При этомъ по докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ „о повсегодномъ отпускѣ изъ статсъ-конторы на расходы по Малороссійскимъ дѣламъ 5000 р.“, Государыня повелѣла „сихъ денегъ не требовать; а когда на какой расходъ или выдачу оныя потребны будутъ, о томъ докладывать Е. В.“ [6]). Три мѣсяца позднѣе, т.-е. 31 Октября 1750, Императрица подписала новый указъ, въ силу котораго войско Запорожское поступало также подъ вѣдомство Малороссійскаго гетмана и, вслѣдствіе требованія господина гетмана Государыня, на поданный ей отъ сената докладъ о рангахъ Малороссійскимъ чинамъ, соизволила повелѣть гетману объявить, „что оные ранги Малороссійскимъ чинамъ пожаловать соизволитъ, токмо въ оные чины никто прежде пожалованъ быть не имѣетъ, безъ представленія о ихъ персонахъ и достоинствахъ Е. И. В., а инако на волю предаются на старомъ основаніи“ [7]). Въ то же самое время изъ св. синода посланъ былъ слѣдующій указъ [8]):

---

[1]) То же подтверждено именнымъ указомъ гетману отъ 31 Іюля того же года,— см. Ригельманъ, IV, VI, 12, 13.

[2]) Архивъ князя Воронцова, VII, 284.

[3]) Бантышъ-Каменскій, III, 220, говоритъ: „съ 1734 г. собранные“, но въ указѣ срока этого не указано. Гетманскій доходъ превышалъ 100,000 р. въ годъ.

[4]) Маркевичъ Исторія Малороссіи, IV, 441—442.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 285.

[6]) Тамъ же, VII, 284.

[7]) Тамъ же, 290.

[8]) За сообщеніе приведенныхъ нами указовъ и распоряженій духовнаго вѣдомства обязаны мы Н. Н. Мурзакевичу, доставившему ихъ въ редакцію „Русскаго Архива“, обязательно намъ ихъ передавшую. Они извлечены изъ рукописнаго сборника

Указъ Е. И. В. Самодержицы Всероссійской изъ святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященнѣйшему Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому.

Святѣйшему правительствующему Синоду правительствующаго Сената вѣдѣніемъ объявлено: въ указѣ Е. И. В. за подписаніемъ собственныя Е. И. В. руки, сего Іюня 5-го дня въ Сенатъ написано: „Понеже по всемилостивѣйшему Е. И. В. повелѣнію учиненное въ Малороссіи тамошняго народа вольными голосами избраніе въ гетманы дѣйствительнаго камергера, академіи наукъ президента и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника графа Кирилы Разумовскаго ему отъ Е. И. В., 24 Апрѣля сего года, объявлено и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ указомъ Е. И. В. всемилостивѣйше конфирмовано, того ради Е. И. В. повелѣли сенату о всемилостивѣйшемъ пожалованіи отъ Е. И. В. его графа Разумовскаго въ гетманы, куда надлежитъ дать знать. И по Е. И. В. указу и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода велѣно: для надлежащаго о томъ вѣдѣнія въ подчиненныя подлежащія святѣйшему Синоду мѣста послать указы и посланы, и преосвященному Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому о томъ вѣдать, № 768. 1750 г. Іюня 19 ч.“ Подписали: Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ, секретарь Андрей Сорокинъ, канцеляристъ Борисъ Невскій.

Вслѣдствіе этого указа митрополитъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новаго гетмана въ церквахъ поминали на литургіи такъ: „Благороднаго Кирила гетмана“—вѣроятно по старинной формулѣ; но этой формулой, какъ видно, новый гетманъ остался недоволенъ, и митрополитъ поспѣшилъ разослать другое предписаніе, которое кстати здѣсь приводимъ, хотя оно относится и къ позднѣйшему времени.

Митрополіи Кіевской пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Пафнутію, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Ѳеофану, Нехворощанскому Даміану, всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Дмитрію, Гадяцкому Василію, Зѣнковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону, честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Опошнянскому Іакову, Хорольскому Симеону, Остаповскому Иродіону и Іоанну Богаевскому да іереямъ духовной протопопіи, Мирогородское правленіе содержащимъ: Воскресенскому Іоанну Христенку и Бѣликовскому, Покровскому Петру Михайлову; дѣвичихъ монастырей: Великобудянскаго игумени Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасьѣ и Быстрицкаго начальницѣ Памфиліѣ. Прошлаго 750 г. Августа 8, по указу Е. И. В. и по опре-

---

указовъ и распоряженій кіевскихъ митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Тимоѳея Щербацкаго по подвѣдомственной имъ епархіи.

дѣленію его преосвященства Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, отпущенному съ катедральной протопопіи Кіевскія канцеляріи, между прочимъ велѣно вамъ: Ясновельможнаго господина Малыя Россіи, обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетмана, Е. И. В. дѣйствительнаго камергера, Императорской Санктпетербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника и ордена святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго святыя Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: „Благороднаго Кирила гетмана“; а понеже таковое воспоминаніе показалось не во удовольствіе, того ради, въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ предъ всѣми прежними гетманами предикатовъ съ полученія сего Е. И. В. указа вамъ и всему вѣдомству вашему подвѣдомственнымъ приказать воспоминать тако: „высоко и благоурожденнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи“. О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу, полученіе же сего вмѣсто репорта, подъ симъ подписавъ, изъ послѣдняго мѣста, обратно въ канцелярію прислать катедральную. № 1093. 1751 года Августа 27 дня. Подписали катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей, митрополіи Кіевской архідіаконъ Манассій, катедральной канцеляріи регентъ іеродіаконъ Лука, канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Этимъ однако дѣло не кончилось, и черезъ годъ митрополитъ разсылаетъ по епархіи новое предписаніе:

По указу великаго господина иже въ Богу (sic) преосвященнѣйшаго Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, съ канцеляріи митрополіи Кіевскія пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Гавріилу, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Антонію, Нехворощанскому Даміану; всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Димитрію, Миргородскому Роману, Гадяцкому Василію, Зѣнковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону, честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Опошнянскому Іакову, Хоролскому Симеону, Остаповскому Иродіону, Іоанну Богаевскому, дѣвичихъ монастырей: Великобудянскаго игуменіи Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасіи и Быстрицкаго начальницѣ Аноѳіи предлагается. Хотя прошлаго 751 года Августа 21 дня отпущеннымъ къ вамъ изъ катедральной его преосвященства канцеляріи указомъ велѣно: ясновельможнаго господина Малыя Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ высокоповелительнаго гет-

мана, Е. И. В. дѣйствительнаго камергера, Императорской С.-Петербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника и обѣихъ Россійскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ заслугъ предъ всѣми гетманами преимуществъ, съ полученія онаго указа вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать: въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: „высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи“; но понеже извѣстно его преосвященству учинено, яко нѣкоторые священники, по природной своей тупости, и не могучи оныхъ терминовъ настояще выговорить, оные отмѣняютъ, что не въ удовольствіе, но токмо ко раздраженію слѣдуетъ, того ради, за полученіемъ сего вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать воспоминать тако: „сіятельнаго графа гетмана Кирила Григорьевича“. О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему непремѣнное исполненіе. Полученіе же сего, вмѣсто репорта, подписавъ, изъ послѣдняго мѣста обратно въ канцелярію митрополіи Кіевской сообщенныхъ вопій прежнихъ указовъ прислать. № 410. 1752 года, Марта 17-го дня. Подписали: катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей, канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Депутаты Малороссійскіе были отпущены въ концѣ Іюля. Передъ отъѣздомъ они получили по 1000 рублей каждый и по бриллиантовому перстню отъ придворнаго ювелира Дюплона, подобно ихъ предшественникамъ [1]). 5-го Іюля было благодественное молебствіе въ Глуховской церкви Св. Михаила и читана была грамота изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которой объявлялось утвержденіе избраннаго гетмана; послѣ молебствія была пальба. Такія же грамоты разосланы были во всѣ полки. Въ то же время Нѣжинскій полковой есаулъ Долинскій привезъ изъ Петербурга первое приказаніе новаго гетмана. Онъ предписывалъ Лисенкѣ, Скоропадскому и Валкевичу управлять генеральною канцеляріею, а Горленкѣ, Ханенкѣ и Оболонскому завѣдывать генеральнымъ судомъ до его пріѣзда [2]). Вскорѣ графъ Гендриковъ и прочіе Русскіе, занимавшіе должности въ Малороссіи, уѣхали обратно въ Россію [3]). Самъ же графъ гетманъ не спѣшилъ пріѣздомъ: его задерживали въ Петербургѣ и беременность

[1]) Изъ бумагъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ.
[2]) Зап. Марковича, II, 284—285.
[3]) Тамъ же, II, 287.

жены [1]), и интересъ борьбы между партіею брата и Шуваловыми, и составленіе себѣ приличнаго штата, и наконецъ сама Государыня, особенно къ нему благоволившая и не желавшая лишить ни себя, ни придворныхъ любезнаго собесѣдника, умѣвшаго отлично угощать, давать банкеты и балы, которые она не рѣдко удостоивала своимъ присутствіемъ [2]).

Соперничество между Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и Никитою Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ однако окончилось въ отсутствіе гетмана. Лѣтомъ 1751-го года, когда графъ Кирила былъ уже въ Малороссіи, Бекетовъ, любившій литературу и занимавшійся вмѣстѣ съ другомъ своимъ Елагинымъ стихотворствомъ, сталъ перелагать стихи свои на музыку. Пѣсни, имъ сочиняемыя, пѣвали у него молоденькіе придворные пѣвчіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Бекетовъ полюбилъ за ихъ прекрасные голоса и въ простотѣ душевной иногда гулялъ съ ними по Петергофскимъ садамъ. Шуваловы ухватились за это и поспѣшили истолковать поведеніе Бекетова самымъ отвратительнымъ образомъ [3]). Какъ видно, этого было недостаточно; чтобы окончательно погубить молодого любимца, графъ Петръ Ивановичъ вкрался въ сердце неопытнаго Бекетова, выхвалялъ красоту его, чрезвычайную бѣлизну лица и для сохраненія всегдашней свѣжести далъ ему притираніе. Довѣрчивый Бекетовъ поспѣшилъ имъ воспользоваться, и лицо его покрылось угрями и сыпью. Графиня Мавра Егоровна немедля обратила на это вниманіе Государыни, и присовѣтовала удалить Бекетова, какъ человѣка зазорнаго поведенія [4]). На этотъ разъ ударъ былъ вѣренъ. Государыня, вслѣдствіе этой послѣдней продѣлки, переѣхала въ Царское, куда запрещено было слѣдовать Бекетову. Несчастный остался съ Елагинымъ и заболѣлъ горячкою, отъ которой чуть не умеръ. Въ бреду онъ безпрестанно говорилъ объ Императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли [5]). Какъ скоро онъ поправился, его удалили отъ двора. Указомъ 1757 года, надворный совѣтникъ Якимъ Барсуковъ (бывшій товарищъ графа Кирилы Григорьевича за границею, а потомъ состоявшій при старшемъ Разумовскомъ), генеральсъ-адъютанты Никита Бекетовъ и Иванъ Елагинъ произведены были въ армейскіе полковники, съ тѣмъ чтобы быть Барсукову, въ Малой Россіи, въ полку

---

[1]) 15 Декабря 1749 г. графиня родила дочь Елизавету; въ это время она была беременна сыномъ Петромъ, родившимся 15 Января 1751.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1750 г.

[3]) Mémoires de Catherine II, 160—161.

[4]) Бантышъ-Каменскій, Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, I, 301. Онъ же, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, I, 115. Бекетовъ впослѣдствіи былъ Астраханскимъ губернаторомъ.

[5]) Mémoires de Catherine II, 161.

Стародубскомъ полковникомъ съ опредѣленными на тотъ чинъ въ Малой Россіи деревнями и угодьями, которыя ему, Барсукову, отдать со всѣмъ наличествомъ, оставшимся по смерти бывшаго тамъ полковника Максимовича; Бекетова опредѣлить по его прошенію въ армію, а Елагину остаться при генералъ-фельдмаршалѣ и кавалерѣ графѣ Разумовскомъ, съ полнымъ жалованіемъ по его чину изъ статсъ-конторы и считаться имъ, Елагину и Бекетову, старшинствомъ по ихъ генеральсъ-адъютантскимъ чинамъ съ прочими полковниками, пожалованными прошлаго года декабря 25, по докладу отъ военной коллегіи изъ равныхъ съ ними состоящихъ ранговъ“ [1]). Какъ видно, хотя и удаленный отъ двора, Бекетовъ все еще продолжалъ считаться адъютантомъ графа Алексѣя Григорьевича, только указъ о назначеніи его въ арміи окончательно разорвалъ всякую связь его съ дворомъ. Шуваловы торжествовали вполнѣ.

Избраніе графа Кирилы Григорьевича въ гетманы вдохновило Ломоносова, и въ 1750 году онъ посвятилъ Разумовскому идиллію, которую выписываемъ здѣсь:

ПОЛИДОРЪ.

—

ИДИЛЛІЯ.

—

Е. С. ГРАФУ КИРИЛѢ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ. 1750 ГОДЪ.

—

Въ оной разговариваютъ:
Калліопа, Муза.
Левкія, Днѣпровская Нимфа.
Дафнисъ, тамошній пастухъ.

Калліопа.

Между прохладными Днѣпровскими струями,
Между зелеными и мягкими кустами,
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею.
Едино щастіе съ тобою я имѣю,
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ [2]);

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.
[2]) Графъ Кирила Григорьевичъ.

Богиня, что поля пространны управляетъ [1]),
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Левкія.

Доколѣ будетъ Днѣпръ въ брегахъ своихъ крутиться,
Дотолѣ алтари здѣсь будутъ Ей куриться,
И лавры завсегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лучахъ повсюду раздаются,
И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды льются.
Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжный духъ,
И вѣтьвьми дерева красуяся, качаютъ,
И горы и лѣса Богиню возвышаютъ,
Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Калліопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду,
И чрезъ тебя Парнассъ почувствовалъ отраду,
Какъ влагу получивъ изсохшая земля [2]).

Левкія.

Ты, Муза, прохладись подъ тѣнію густою.

Калліопа.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоенъ часъ сплетать вѣнки прекрасны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

И вѣтьвей и цвѣтковъ, Калліопа, нарву.
Смотри, какъ зеленью вездѣ покрылись нивы,
И тихой Днѣпръ въ себѣ изображаетъ ивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ Зефиры кудрявыхъ древъ листами,
И нѣжатъ теплыми душистой цвѣтъ крылами,
Съ котораго, шумя, свой пчелы медъ несутъ.

---

[1]) Императрица Елизавета Петровна.
[2]) Президентство.

Калліопа.

Пріятный день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтьями соловей свой свистъ усугубляетъ,
Завидуя въ лугахъ поющимъ пастухамъ.
И овцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ ужъ обратили,
И козы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревами ищетъ,
Иной самъ прячется отъ ней въ зеленый кустъ.

Левкія.

Хотя довольно насъ пріятность услаждаетъ:
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами увитъ вкругъ и посохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журчанье,
Не столько голубицъ мнѣ мило воркованье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ пріятна трель;
Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,
И имя, „Полидоръ", стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! пѣніемъ своимъ насъ услади.

Калліопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ
Однако сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ:
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, что нынѣ пѣть пристойно,
Что слуху вашего и что сихъ дней достойно.
Ты, Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Калліопа.

Зачни великія Богини добродѣтель,
Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель:
Потомъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, что̀ видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ,
И что̀ при Нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ стадѣ:
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
И въ голосъ къ твоему напѣву приставать.

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги,
И слушайте мой новой стихъ:
Усыпьте, Нимфы, здѣсь дороги
Лилеями изъ рукъ своихъ;
Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, долы и ручьи!

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи!

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О, какъ я веселюся нынѣ,
Что̀ видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерпаютъ
Широки сѣверны поля!

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтаютъ!

Левкія.

Красуется сія земля!

Дафнисъ.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицомъ ея стоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О, тихи вѣтры! развѣвайте
По всѣмъ лугамъ слова мои!

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи!

Дафнисъ.

Вчерась меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали,
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ.

Калліопа.

Верьхи Парнасски украшаетъ.

Левкія.

Онъ здѣшнихъ будетъ честь луговъ.

Дафнисъ.

Онѣ одна передъ другою,
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ [1]),
Которой Полидоръ красою
Плѣнившись, торжествуетъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы заплетите,
Нарвавши съ розами лилей.

Калліопа.

На нихъ любуясь, поглядите.

Левкія.

И думайте при томъ о ней.

Дафнисъ.

Лозѣ подобно плодовитой,
Она возлюбленнымъ плодомъ,
Благословеніемъ покрытой,
Исполнитъ Полидоровъ домъ.

---

[1]) Графиня Екатерина Ивановна Разумовская.

Пребудетъ радость въ вѣкъ отнынѣ,
На каждый умножаясь часъ.

Калліопа.

Хвала безсмертная Богинѣ!

Левкія.

Украсившей его и насъ!

Дафнисъ.

Ему поспѣшно наливайтесь
Пріятной сладостью плоды,
Сторично овцы размножайтесь
И лѣтніе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте
Сбирать прилежные рои.

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи [1]).

Пастораль эта какъ-то сквозитъ иронією, которая, впрочемъ, можетъ быть не приходила на мысль Ломоносову. Полидоръ „превышающій собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ“, слишкомъ живо напоминалъ бывшаго пастуха Лемѣшевскаго общественнаго стада, а „отрада, почувствованная Парнасомъ“, едва ли „подобно влагѣ“ освѣжила изсохшую почву Академіи!

Въ Февралѣ 1751 года стали поговаривать на Украйнѣ о безпокойствахъ со стороны Татаръ [2]). Мѣшкать долѣе въ Петербургѣ было трудно. Приходилось готовиться къ отъѣзду въ Малороссію. 28 Февраля 1751 года Императрица соизволила указать „привести гетмана къ присягѣ въ придворной церкви, причемъ быть одному изъ архіереевъ, синодальному члену, а потомъ представить его на поклонъ и клейноды для отдачи ему при семъ же случаѣ приготовить. Притомъ Государыня разсуждать изволила, что понеже при прежнихъ гетманахъ великороссійскіе министры опредѣлены были, тобъ и при нынѣшнемъ

---

[1]) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина, I, 293—299.

[2]) Записки Марковича, II, 291.

гетманѣ такого министра опредѣлить надобно, не для надзиранія за самимъ гетманомъ, ибо о вѣрности его никакого сумнѣнія нѣтъ, но токмо для смотрѣнія за тамошнею Малороссійскою старшиною, чтобъ отъ нихъ чего худаго не учинилось, такъ что иногда и самъ гетманъ усмотрѣть не можетъ. На сіе всенижайше донесено, что въ Москвѣ при отправленіи графа Гендрикова для выбора гетмана и о семъ Е. И. В. докладывано было, что соизволено-ли будетъ при гетманѣ министру быть, но Е. И. В. на сіе тогда не соизволила". Въ тотъ же день доложено было Императрицѣ „что Малороссійскій гетманъ, при нынѣшнемъ своемъ отъѣздѣ въ Малую Россію, экипажи свои отправлять на передъ и когда соизволено будетъ ему для учиненія присяги, а потомъ на поклонъ къ Е. И. В. и для принятія клейнодовъ пріѣхать, тогда не соизволено ли будетъ ему дворцовый экипажъ дать? Но Е. И. В., за непристойное сіе признавая для того, что и прежнимъ гетманамъ дворцовые экипажи не даваны, разсуждать изволила, что въ то время, когда гетманъ изъ Малой Россіи обратно пріѣдетъ, можно ему на время дворцовый экипажъ дать, пока собственный его привезенъ будетъ" [1]). 13-го Марта [2]) 1751 года новый гетманъ наконецъ торжественно присягалъ въ С.-Петербургѣ. Весь дипломатическій корпусъ и знатныя обоего пола особы собрались во дворецъ въ галерею, около придворной церкви, передъ начатіемъ богослуженія. Императрица, Наслѣдникъ и Великая Княгиня присутствовали при обѣднѣ. Послѣ обѣдни Государыня съ Великимъ Княземъ и Княгинею вышли изъ церкви. Въ ней остались гетманъ, великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, вице-канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и остальные мужчины. Первенствующій членъ синода, Платонъ, архіепископъ Московскій и Сѣвскій, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ налоемъ, на которомъ находились евангеліе и крестъ. Великій канцлеръ взялъ гетмана за руку и подвелъ его къ налою; тогда архіепископъ Платонъ прочиталъ слѣдующую присягу, которую громко повторилъ гетманъ, поднявъ вверхъ руку:

„Азъ обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ, что хощу и долженъ Ея Величеству, своей природной и истинной всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской и прочая и прочая и прочая и Е. И. В. высокому законному Наслѣднику, Е. И. В. благовѣрному государю Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, который по изволенію и самодержавной Е. И. В. власти опредѣленъ, и впредь отъ Е. же И. В. по самодержавной Е. И. В.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 293—294.

[2]) Въ запискахъ Марковича означено 8 марта; это вѣроятно опечатка.

власти опредѣляемыхъ, и къ воспріятію престола удостоеннымъ высокимъ наслѣдникамъ [1]) вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому Е. В. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ во всемъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что̀ къ Е. В. вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ, о ущербѣ же Е. В. интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявить, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщиться буду. Когда-жъ къ службѣ и пользѣ Е. В. какое тайное дѣло или какое бъ оное ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно; повѣренный и положенный на мнѣ чинъ гетманства надъ войскомъ Запорожскимъ и надъ народомъ Малороссійскимъ вѣрно и постоянно содержать и все то войско и народъ Малороссійскій къ вѣрности, къ службѣ и послушанію приводить и ни съ которыми посторонними государи безъ вѣдома и безъ указу Е. И. В. никакой переписки и пересылки собою не имѣть, а гдѣ услышу какихъ непріятелей (отъ чего сохрани Боже) собраніе, и мнѣ гетману о томъ вѣрно и немедленно Е. И. В. доносить; а гдѣ повелитъ мнѣ Е. И. В. быть на службѣ съ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и мнѣ, наблюдая интересъ и повелѣнія Е. И. В., со всею вѣрностью служить и всѣ указы Е. И. В. ко мнѣ отъ времени до времени присылаемые надлежащимъ образомъ по совѣсти моей, съ крайнѣйшимъ радѣніемъ исправлять и такимъ образомъ себя весть и поступать какъ доброму и вѣрному Е. И. В. рабу и подданному благопристойно есть и подлежитъ и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ о томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь“ [2]).

---

[1]) Нѣтъ ли тутъ намека на назначеніе наслѣдницею престола, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра Ѳедоровича, Екатерины? Дѣтей у нихъ въ то время еще не было. См. объ этомъ статью П. И. Бартенева: Екатерина Вторая и пр. (Восьмнадцатый вѣкъ, книга первая, стр. 29).

[2]) Изъ Государственнаго Архива. Бумага носитъ заглавіе: „Копія съ присяги Малороссійскаго гетмана графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, учиненной 13 марта 1751 года“. Въ концѣ ея читаемъ: „У подлинной пишетъ тако: Ея Императорскаго Величества Малороссійскаго войска Запорожскаго гетманъ и кавалеръ графъ Кирила Разумовскій по вышеписанному присягаю и подписуюсь. Я смиренный Платонъ архіепископъ Московскій и Сѣвскій свидѣтельствую о присягѣ господина гетмана и кавалера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго и подписуюсь“.

Послѣ этого, гетманъ подписался на поднесенной канцлеромъ присягѣ; то же сдѣлалъ и архіепископъ. По окончаніи обряда гетманъ и великій канцлеръ со всѣми кавалерами вышли въ галерею и въ аудіенцъ-камеру, куда уже были принесены всѣ клейноды гетманскіе: пребогато украшенная дорогими каменьями золотая булава, большое бѣлое знамя съ Русскимъ гербомъ, бунчукъ, войсковая печать и серебряные литавры съ пребогатыми, на бархатѣ шитыми, заковычками и съ золотыми висящими кутасами [1]). Черезъ часъ послѣ выхода своего изъ церкви, Государыня прибыла въ аудіенцъ-камеру. Совѣтникъ Собакинъ поднесъ великому канцлеру положенную на золотое блюдо гетманскую булаву. Бестужевъ ее передалъ Государынѣ, которая ее и другіе клейноды вручила Разумовскому. Этимъ церемонія окончилась. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ гетманша первая тронулась изъ Петербурга въ Москву [2]). Самъ же гетманъ ожидалъ жалованной грамоты и уволенъ былъ въ Малороссію только 22-го мая [3]). Того же числа Государыня подписала жалованную грамоту гетману слѣдующаго содержанія:

„Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Елизаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская (за тѣмъ слѣдуетъ титулъ большой).

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же Малороссійскому народу извѣстно и вѣдомо да будетъ, что мы, Великая Государыня, наше И. В., милосердуя о нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа и имѣя о благосостояніи онаго материнское попеченіе и призрѣніе, дабы сей изъ давнихъ временъ къ нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ, на всеподданнѣйшее отъ Малороссійской старшины именемъ всего народа прошеніе, высочайше и всемилостивѣйше соизволили, по прежнему обыкновенію, вольными голосами, избрать гетмана, яко то при

---

[1]) Ригельманъ, т. IV, 13. Неизвѣстно почему, онъ говоритъ, что Разумовскій получилъ клейноды 24 февраля.

[2]) Зап. Марковича, II, 292—293.

[3]) Ригельманъ, IV, 13. Не знаемъ, откуда г. Щебальскій почерпнулъ извѣстіе помѣщенное имъ въ его Чтеніи изъ Русской Исторіи, выпускъ IV, стр. 213, будто Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ до избранія и открылъ двери для званныхъ и незванныхъ и что поэтому, когда въ слѣдующемъ году „собралась рада, то казаки, на вопросъ кому быть гетманомъ, или молчали, или произносили имя Разумовскаго". Этому извѣстію явно противорѣчитъ и Ригельманъ, и Бантышъ-Каменскій, и Записки Марковича, и Исторія Маркевича, и наконецъ Камеръ-фурьерскій журналъ. Такъ же ошибочно г. Щебальскій титулуетъ Степана Ѳедоровича Апраксина графомъ.

предкахъ нашихъ, Всероссійскихъ Монархахъ и Императорахъ было. Вслѣдствіе же того нашего всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію, нашего И. В. генералъ-маіорѣ, лейбъ-компаніи подпоручикѣ, Е. И. В. нашей любезнѣйшей племянницы Великой Княгини камергерѣ и орденовъ св. Александра и св. Анны кавалерѣ, графѣ Иванѣ Гендриковѣ, 22 Февраля прошлаго 1750 года въ Глуховѣ отъ всѣхъ обще Малороссійскихъ чиновъ и народа единогласно избранъ гетманомъ природный Малороссіянинъ, нашъ дѣйствительный камергеръ, академіи наукъ президентъ и нашей гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ, и орденовъ св. Александра, Вѣлаго Орла и св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій и со онымъ выборомъ подписаннымъ всѣхъ при томъ бывшихъ духовныхъ персонъ, старшины и другихъ чиновъ руками для испрошенія всевысочайшей нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Пиковецъ, и мы, Великая Государыня, Н. И. В., въ разсужденіе того, по повелѣнію нашему общему вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его, графа Разумовскаго, гетманомъ всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной намъ, Великой Государынѣ, въ вѣрности своей предъ св. евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь въ придворной нашей церкви при нашемъ канцлерѣ д. т. сов., сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, присяги, войсковые клѣйноты (sic): булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ насъ получилъ, послѣ чего онъ, подданный нашъ гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Н. И. В., дабы мы пожаловали его на урядъ гетманскій и на маетности, на булаву опредѣленныя, жалованною грамотою. И Мы, всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская, Н. И. В., призирая на то подданнаго нашего гетмана прошеніе и вѣдая его къ Н. И. В. по прежде засвидѣтельствованымъ при дворѣ нашемъ по чину своему прилежности и благоповеденію, такожде въ гвардіи нашей и въ академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда гетманскаго дать и силою сей Н. И. В. жалованной грамоты соизволяемъ ему, подданному нашему гетману, войсковую армату или артиллерію и данные гетманскаго достоинства знаки имѣть такъ, какъ прежніе гетманы, въ вѣрности своей къ намъ бывшіе, со-

держали, воинскія и гражданскія всякія въ Малой Россіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда нашего блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Е. Ц. В., гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Н. И. В. указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему посылаемымъ безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго. А маетностями на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію. Дабы, видя онъ, подданный нашъ гетманъ, къ себѣ сію нашу милость, служилъ Н. И. В. и нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно со всѣмъ подъ правленіемъ его обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, противъ всѣхъ нашихъ непріятелей во всемъ согласно вышепоименованной присягѣ, которую онъ, гетманъ, при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ. За что наша, Великой Государыни, Н. И. В., милость и призрѣніе и впредь отъ него, подданнаго Нашего отъемлена не будетъ, но напаче умножится и для объявленія вящшей къ нему, подданному нашему гетману, нашей милости и утвержденія сію грамоту собственною Н. И. В. рукою подписали и нашею государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ резиденціи нашей С.-Петербургѣ Мая 22-го дня лѣта отъ Р. Хр. 1751, государствованія нашего десятаго года“ [1]).

Передъ отъѣздомъ своимъ графъ-гетманъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ докладомъ:

„По всемилостивѣйшему и высочайшему В. И. В. соизволенію отправляюсь я въ Малую Россію и, будучи отселѣ въ такомъ отдаленіи, не уповаю, чтобъ способно мнѣ было въ томъ же порядкѣ академію содержать, въ какомъ она при мнѣ находилась. Заведенный же мною въ академіи порядокъ и непрерывная въ чужестранныхъ государствахъ корреспонденція съ учеными людьми не могутъ ни на малое время остаться безъ главнаго въ академіи командира. Того ради всеподданнѣйше В. И. В. доношу, не соблаговолено ли будетъ въ академію опредѣлить В. И. В. указомъ президента иного; а буде В. И. В. угодно будетъ по прежнему мнѣ-жъ президентомъ остаться, то въ такомъ случаѣ весьма бы полезно было прибавить вице-президента, по изобрѣтенію В. И. В., и жалованіе ему опредѣлить изъ той

[1]) Изъ бумагъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива. Грамота эта напечатана у Ригельмана, IV, 15—16, но съ ошибками.

суммы, которая президенту положена, а я, будучи высокомонаршею В. И. В. милостію паче мѣръ моихъ награжденъ, такое президентское достоинство и безъ жалованія нести могу. Оный же вице-президентъ могъ бы въ отсутствіи моемъ всѣ дѣла такъ, какъ и президентъ, равносильно отправлять, а о важнѣйшихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ со мною переписку и сношеніе имѣть и такимъ образомъ ущербу казнѣ В. И. В. никакой не будетъ и дѣла академическія съ наилучшимъ успѣхомъ теченіе свое непрерывно возымѣютъ.

„На сіе желаю высочайшей резолюціи В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій“ [1]).

Несмотря на послѣднюю фразу доклада, какъ кажется, высочайшей резолюціи не послѣдовало; во всякомъ случаѣ она была отрицательная, и Шумахеръ по прежнему продолжалъ управлять неограниченно академіею.

Для отправленія гетмана въ Малороссію нанято было сенатомъ 125 подводъ, за которыя заплачено по 3 рубля за каждую; но графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ, чтобы отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Малороссіи на каждомъ почтовомъ стану было приготовлено, какъ это было дѣлано для гетмана Скоропадскаго, по 200 подводъ, съ тѣмъ, чтобы когда графиня Екатерина Ивановна проѣдетъ, то съ каждаго стана двѣ трети подводъ распустить, а треть оставить для него самого [2]). Гетманъ отправился въ Малороссію съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ Тепловымъ, со множествомъ экипажей, верховыми лошадьми, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами, сержантами Измайловскаго полка и даже труппою актёровъ. Тепловъ только-что произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники и по просьбѣ Разумовскихъ, Государыня повелѣла ему быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоразсудитъ и по чину его получать ему довольство отъ гетмана [3]).

Передъ отъѣздомъ графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ „объ отдачи ему той грамоты, которая за подписаніемъ Е. И. В. блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Великаго на гетманство Скоропадскому въ 1711 г. дана была и которая донынѣ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хранилась“, но Государыня „соизволила указать, не отдавая ту грамоту, по прежнему въ архивѣ содержать“ [4]). Изъ Москвы Разумовскій вмѣстѣ съ женою продолжалъ путь къ Глухову. „Іюня 18 числа“, сказано было въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, „его ясновельможность г. гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1867, кн. I, смѣсь, стр. 4.
[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 148.
[3]) Тамъ же.
[4]) Архивъ князя Воронцова, VII, 301.

Запорожскихъ, президентъ академіи наукъ, подполковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и кавалеръ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, въ провожаніи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ и многаго знатнаго дворянства, отправился отсюда (т.-е. изъ Москвы) въ путь благополучно, причемъ нѣкоторые провожали его ясновельможность до первой станціи Пахры; а 21 числа его ясновельможность прибылъ въ Тулу и отъ знатнѣйшихъ тамошняго города благополучнымъ пріѣздомъ поздравленъ и богато трактованъ" [1]). Въ Ясмани гетмана встрѣтили компанейскіе полки, Запорожцы и депутація, состоявшая изъ архимандрита, протопопа, нѣсколькихъ священниковъ, генеральнаго писаря Безбородки и десяти бунчуковыхъ товарищей. Послѣ ранняго обѣда въ Ясмани, гетманъ поднялся со всею своею свитою и выѣхавшею къ нему на встрѣчу депутаціею. Когда онъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ Волкевичъ съ бунчужными товарищами и запорожскими казаками окружили гетманскую карету. Внутри города, отъ Сѣвскаго въѣзда до гетманскаго двора, постановлены были въ два ряда 6000 казаковъ [2]). Они отдавали гетману честь съ музыкою, битьемъ въ литавры и со стрѣльбою, пока не раздалась пальба изъ пушекъ. Генеральные старшины и бунчуковые товарищи ожидали гетмана у городскихъ воротъ. Генеральный есаулъ Якубовичъ привѣтствовалъ его рѣчью. Весь поѣздъ направился сперва къ церкви Св. Николая, гдѣ Гомелевскій архимандритъ произнесъ предику и окропилъ ясновельможнаго святою водою, а оттуда въ гетманскія палаты. Здѣсь снова встрѣтили Разумовскаго генеральные старшины и бунчуковые товарищи; генеральный подскарбій Скоропадскій привѣтствовалъ его рѣчью. Гарнизонный Глуховскій полкъ стоялъ въ парадѣ вокругъ церкви и отдалъ на караулъ со стрѣльбою, а рота, стоявшая на гетманскомъ дворѣ, съ поклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ [3]). На другой день мужчины явились къ гетману, а дамы къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Приглашены были на обѣдъ всѣ генеральные старшины и полковники [4]). Сейчасъ же по пріѣздѣ гетмана сдѣлано было „повелительное объявленіе", чтобы старшины, полковники, шляхетство и прочія особы и люди всякаго званія собрались въ Глуховъ къ 13 Іюля [5]) для торжественнаго и публичнаго объявленія жалованной грамоты. 13 Іюля, послѣ пробитія утренней зари, по данному сигналу изъ трехъ пушекъ, всѣ Малороссійскіе полки вошли въ городъ пѣшіе

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 148.

[2]) Ригельманъ, IV, 13.

[3]) Записки Марковича, II, 294—295.

[4]) Тамъ же, II, 295.

[5]) Ригельманъ и Вас.-Каменскій говорятъ, что церемонія была 14 Іюля. Придерживаемся показанія Марковича-очевидца.

состоятъ. А здѣсь какъ на устроеніе пристойнаго въ Глуховѣ гетманскаго дома, такъ паче на построеніе въ Батуринѣ церквей Божіихъ, гетманскаго дома и прочихъ публичныхъ апартаментовъ, довольной суммы потребно; на то какъ скарбу національнаго, такъ и на собственное содержаніе мое всемилостивѣйше пожалованныхъ доходовъ крайне недостаточно. Того ради В. И. В. всенижайше прошу, тѣ парусныя полотна въ гетманской Почеповской волости коштомъ Малороссійскимъ и людьми выдѣланныя и нынѣ на лицо тамъ имѣющіяся и мною съ прочими наличностями принятыя, оставить такъ же къ моему употребленію всемилостивѣйше пожаловать указомъ.

„В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій [1]).

„1751 года, Октября 12 дня въ Глуховѣ".

Въ то же самое время новый гетманъ отдавалъ слѣдующій ордеръ зятю своему, бунчуковому товарищу „Евфиму" Дарагану:

„Понеже высочайшею Е. И. В. грамотою, нами сего Ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелѣно, на мѣсто умершаго архимандрита Кіевско-Печерской лавры Іосифа Оранскаго, выбрать кандидатовъ достойныхъ того сана мужей трехъ или болѣе изъ монаховъ въ Печерской и въ иныхъ тамошнихъ Кіевскихъ обителяхъ находящихся, или изъ такихъ, которые оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ въ Великороссійскихъ монастыряхъ, по древнему обычаю соборнѣ, въ присутствіи преосвященнаго Тимоѳея, архіепископа-митрополита Кіевскаго и при присланныхъ отъ насъ, вольною элекціею; и по избраніи для высочайшаго благоусмотрѣнія и конфирмаціи, кому изъ тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ Е. И. В. за руками всѣхъ будущихъ на той элекціи съ засвидѣтельствованіемъ о достоинствѣ къ той архимандріи оныхъ кандидатовъ выборъ. Того ради для бытія въ присутствіи съ его преосвященствомъ господиномъ архіепископомъ-митрополитомъ Кіевскимъ отцомъ Тимоѳеемъ и съ прочимъ имѣющимъ тамъ быть духовенствомъ при элекціи кандидатовъ въ архимандриты Кіево-печерскія лавры, опредѣлены отъ насъ генеральный бунчужный господинъ Оболонскій да вы. И о томъ къ отцу намѣстнику съ братіею той лавры отверстый вамъ дается нашъ универсалъ, и съ которымъ вы должны ѣхавъ въ показанную Кіевопечерскую лавру, имѣете быть у того присутствія. И кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ въ кандидаты избраны будутъ, на оныхъ выборахъ и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненные выборы присланы были къ намъ чрезъ васъ по прежнему обыкновенію, для взнесенія къ Е. И. В. при нашемъ представленіи. О томъ вы его пре-

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

священству и прочему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 года Ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій [1])".

Веселъ показался жителямъ Глухова 1751—52 годъ. У гетмана балъ смѣнялся комедіею, комедія банкетомъ. На семейныхъ праздникахъ гетманскихъ вино лилось рѣкою. Какъ маленькій властелинъ, давалъ онъ аудіенціи старшинамъ послѣ богослуженія въ придворной церкви, вручалъ торжественно перначъ полковому судьѣ миргородскому Остроградскому, котораго производилъ въ полковники [2]) и на пріемахъ у себя поздравлялъ кого съ повышеніемъ, кого съ наградою. Замашки эти стали однако заходить слишкомъ далеко и изъ Петербурга спѣшили умѣрить пылъ ясновельможнаго. Мы уже упомянули, что Наталья Демьяновна времени своего въ Глуховѣ не теряла. Вся родня Разумовскихъ заняла видное положеніе на Украйнѣ. Мѣстная аристократія поспѣшила вступить съ нею въ тѣсныя отношенія посредствомъ браковъ. Журманы, Жоравки, Кочубеи, а впослѣдствіи Вальковичи, Апостолы и Галаганы сроднились съ Разумовскими. Но такое родство съ Малороссійскою шляхтою уже не удовлетворяло Наталью Демьяновну, она хотѣла, чтобы дочери ея положеніемъ своимъ окончательно затмили малороссійскихъ панинъ и безпрестанно приставала къ сыну съ требованіемъ новыхъ для нихъ маетностей. Графъ Кирила Григорьевичъ сталъ раздавать имъ сотенные городки, которые до того всегда были свободны. Вотъ универсалы, въ силу которыхъ Дарагапы и Будлянскіе получили огромныя помѣстья:

„Е. И. В. Малыя Россіи и обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, Имп. Санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ и обоихъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ святыхъ Апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и голштинскаго св. Анны кавалеръ, Россійской Имперіи графъ Кирила Разумовскій.

„Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ [3]) господамъ генеральной Малороссійской старшинѣ, полковникамъ, бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ ихъ урядами, а особливо полковнику Переяславскому съ полковою старшиною и сотниковъ того полку Борисполскому съ сотенною старшиною и кому вѣдать надлежитъ. Имѣя мы респектъ къ сестрѣ нашей Вѣрѣ Григоріевнѣ и мужу ея бунчуковому товарищу „Евфиму" Дарагану, который, обрѣтаяся въ службѣ Е. И. В. въ войскѣ Малороссійскомъ,

---

[1]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[2]) Зап. Марковича, II, 301.

[3]) Мы не сохраняемъ правописанія подлинника, преисполненнаго украинизмами. Универсалъ пишется постоянно „унѣверсалъ" и т. п.

противъ прочихъ равныхъ ему чиновниковъ къ содержанію фамиліи своей и исправленію себя къ должной службѣ имѣетъ недостатокъ. По данной намъ отъ Е. И. В. власти надаемъ оной сестрѣ нашей Вѣрѣ Григорьевнѣ съ мужемъ ея для лучшаго имъ содержанія дому своего и исправленія себя, оному ея мужу, бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану, къ войсковой службѣ въ полку Переяславскомъ мѣстечко Борисполь со всѣми въ томъ мѣстечкѣ жительствующими свободными посполитыми людьми и съ принадлежащими къ нему грунтами, плецами посполитскими [1]) и угодьями и всѣми принадлежностями въ вѣчное имъ и наслѣдникамъ ихъ владѣніе (кромѣ живущихъ въ томъ мѣстечкѣ казаковъ и ихъ казачихъ грунтовъ и угодій, кои при своихъ вольностяхъ и владѣніяхъ ненарушимо содержаны быть должны), и симъ нашимъ универсаломъ, утверждая въ вѣчное, спокойное и неподвижное имъ владѣніе то мѣстечко Борисполь со всѣми къ нему принадлежностями, грунтами и угодьями, повелѣваемъ, дабы тѣхъ посполитыхъ людей войты со всѣмъ посполитствомъ имъ, сестрѣ нашей съ мужемъ ея и наслѣдникамъ ихъ, были послушны и подданническія должности и повинности отправляли; а полковникъ Переяславскій, старшина, полковые сотники и никто отнюдь въ томъ владѣніи никакого помѣшательства чинить да не дерзаютъ. И за объявленіемъ въ полковой Переяславской канцеляріи сего нашего универсала того мѣстечка Борисполя со всѣми посполитыми людьми и принадлежностями отдачу учинить отъ оной полковой Переяславской канцеляріи чрезъ нарочнаго старшину. Въ укрѣпленіе всего того сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и печатью національною Малороссійскою данъ въ Глуховѣ, 1752 года, Января 17 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій". L. S. [2]).

Въ другомъ универсалѣ того же года мы читаемъ: „имѣя мы респектъ къ сестрѣ нашей Агафьѣ Григорьевнѣ и мужу ея бунчуковому товарищу Власу Климовичу, который обрѣтаясь въ службѣ Е. И. В. въ войскѣ Малороссійскомъ, противъ прочихъ равныхъ ему чиновниковъ къ содержанію фамиліи своей имѣетъ недостатокъ... надаемъ оной сестрѣ нашей съ мужемъ ея, для лучшаго имъ содержанія дому своего и исправленія себѣ оному ея мужу, бунчуковому товарищу Власу Климовичу, къ войсковой службѣ, въ полку Прилуцкомъ въ мѣстечкѣ Срѣбномъ остальные за раздачею Грузинамъ [3]) дворы жительствующихъ посполитыхъ людей свободныхъ войсковыхъ

[1]) Общественными площадями.

[2]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[3]) При Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, много имѣній малороссійскихъ было роздано Грузинскимъ выходцамъ, потомки которыхъ частію и теперь владѣютъ ими — таковы князья Баратовы, Жеваховы и другіе.

и полку Нѣжинскаго мѣстечко Олишевку и съ принадлежащими къ нимъ грунтами пустовскими, плецами посполитскими и угодьями, въ вѣчное ихъ и наслѣдникамъ ихъ владѣніе и т. д. [1]).

Бориспольцы протестовали противъ своего закабаленія, но управляющій Дарагана захватилъ всѣ документы и другіе городскіе знаки и увезъ къ Дарагану на Мартусевскій хуторъ [2]). Бориспольцы дѣло свое проиграли, но слухъ о немъ дошелъ до Петербурга. Разумовскій кромѣ этого отпустилъ на Голштинскую службу къ Великому Князю,

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ родовъ Черниговской губерніи, выпускъ I, Черниговъ, 1868, стр. 111.

[2]) Сообщено Г. П. Галаганомъ. Борисполь, или Борисово поле,—мѣстечко и почтовая станція Полтавской губерніи Переяславскаго уѣзда, при верховьѣ Альты, на дорогѣ изъ Кіева въ Переяславъ, отъ перваго въ 40 верстахъ. Названіе свое получило отъ того, что при находящейся въ немъ церкви Св. Николая стояло тѣло убіеннаго святого князя Бориса. Въ немъ 4 церкви, и около 6,000 жителей. По имени его коадъюторы (т.-е. викаріи) кіевской митрополіи до 1799 назывались епископами переяславскими и бориспольскими. (Геогр. словарь Щекатова, I, 531 и Энцикл. лексиконъ Плюшара, VI, 344). Въ 1767 году малороссійская коллегія слушала предложеніе графа П. А. Румянцева о тѣхъ городахъ, изъ которыхъ за малымъ числомъ жителей графъ не назначилъ выбора депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Вмѣсто выбора, для нихъ обременительнаго, Румянцевъ предлагалъ, чтобы жители такихъ незначительныхъ городковъ отозвались къ нему прямо о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, „черезъ что самое", какъ значилось въ его предложеніи, „возьмутъ они участіе съ прочими гражданами". Этимъ воспользовались Бориспольцы и писали 4 іюня въ Малороссійскую коллегію: „Онъ полковникъ (Дараганъ) за жизни еще своей (онъ умеръ въ 1762 г.) ратушъ въ футоръ (sic) Мартусевскій свой понеслъ, а зерцало и орла, такожъ мѣдное ратушное ведро и кварту въ маетность свою село Глибокое велѣлъ взять; печать же мѣстная Бориспольская и поднесь въ сотенномъ Бориспольскомъ правленіи имѣется, такожъ и протоколъ ратушный у сотника Бориспольскаго Максима Афендика находится... Цѣховымъ людямъ яко то шевскаго цѣху, кромѣ панщины, на каждаго положена чинчь по два и по три рубля; а на всякій годъ накидаютъ на цѣхъ болѣе ста сырыхъ кожъ, которыхъ мы немогучи вычинить, принуждены кіевскимъ кожемщикамъ (sic) давать и за чинбу своими деньгами платить, но выдѣланіи-жъ шіемъ чоботы, которые развѣ только 25 копѣекъ достойны, а намъ по 40 копѣекъ накидаютъ. Когда жъ съ Козельца въ Борисполь пріѣдетъ ея полковницы (т.-е. Вѣры Григорьевны Дараганъ) стряпчій-шафаръ и счетчикъ, то недовольно что самимъ съ своею ремню чоботы дилаемъ безденежно, но и ихъ наймитамъ, мамкамъ, нянькамъ и служебкамъ приказываютъ шить безъ заплаты... Имѣючіе же тягло ратушные люди всякаго дни на панщинѣ бываемъ и буди въ якомъ дворѣ двѣ или три хаты стоятъ, то вдругъ безъ очереди на работу гонятъ, и на всякій годъ чиншъ оплачуемъ предъ святками рождественскими и воскресенскими отъ каждой хаты по курицѣ и яицъ по десяти; выбираютъ особо по пѣвню на каплуны и отъ пѣвня по денежкѣ, по два мотка отъ хаты прядемъ, на которые только по двѣ смѣны конопель даютъ, а мотовило десяти-пудовое. Хмѣлю по взяцѣ, червцу по ложцѣ взимаютъ, а если хмѣлю и червцу яко въ Борисполю не родится, у кого то за хмѣль по 5 коп., а за червецъ по 8 коп. взыскиваютъ". (Изъ архива Г. П. Галагана). Просьба Бориспольцевъ оставлена была безъ послѣдствій.

телями зъ войсковой генеральной канцеляріи ордера, за писаря полкового кіевскаго Борсука отобрать съ командою велѣно, черезъ что ежели они слѣдователи таковое учинятъ исполненіе, за крайнее можно признать неспокойство. И для того вашимъ высокородіямъ пріятно рекомендую, пока отъ его ясновельможности, дражайшаго сына моего по письму моему къ нему посланному, будетъ какая резолюція, о неотказѣ въ Чемерѣ дворовъ за писаря Борсука, ордеромъ къ нимъ слѣдователямъ бунчуковымъ товарищамъ Лазаревичу и Романовичу, предложить, за что и вашимъ высокородіямъ за таковую благосклонность благодарить имѣю, въ которомъ я упованіи и пребываю вашихъ высокородій доброжелательная графиня Наталія Разумовская. Января 13 дня 1753 года. Лемеши". Письмо было сочинено какимъ-нибудь грамотѣемъ, проживавшимъ при Натальѣ Демьяновнѣ „ради кореспонденціи", такъ какъ она сама была неграмотна. Будлянскій былъ тоже неграмотенъ и подлинники разныхъ его отзывовъ по этому дѣлу подписаны различными почерками. Генеральная канцелярія потребовала отъ Будлянскаго доказательства неправильности слѣдствія, тотъ отвѣчалъ новымъ прошеніемъ отъ имени тёщи и тогда дѣло было представлено на резолюцію гетману, причемъ канцелярія рѣшительно высказалась въ пользу Борсука. Разумовскій, находившійся въ то время въ столицѣ, отвѣчалъ универсаломъ, „который", по выраженію г. Лазаревскаго, „представляетъ собою не маловажное свидѣтельство его безпристрастія". Будлянскому было предписано дворы и грунты отдать безденежно Борсуку и ежели онъ купилъ въ Чемерѣ у сторонніхъ владѣльцевъ дворы и грунты ранговаго владѣнія, то и тѣ отъ него отобрать [1]).

18 Апрѣля 1751 года къ гетману съ капитаномъ-поручикомъ, лейбъ-компаніи вице-капраломъ Василіемъ Суворовымъ, отцомъ знаменитаго князя Италійскаго, прислана была графу Кирилѣ Григорьевичу андреевская лента. Разумовскій спѣшилъ благодарить Государыню слѣдующимъ письмомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая Великая Государыня Елизаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

„При изъявленіи столь многочисленныхъ высокомонаршихъ и высокоматернихъ ко мнѣ всеподданнѣйшему милосердій, благоугодно нынѣ явилось В. И. В. всемилостивѣйше украсить меня еще орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Сіе безприкладное великодушіе вкореняетъ столь глубокое въ сердцѣ моемъ благоговѣніе къ В. И. В. яко къ Помазанницѣ Божіей, что я,

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи, вып. I, стр. 104—111.

единственно монаршею вашею милостью безъ всякихъ заслугъ возвышенный, не иначе приступаю какъ рабъ недостойный къ престолу вашему, почитая таковыя щедроты за верхъ всего моего въ жизни временной благополучія. Повергши же себя предъ стопы ваши высокомонаршія и не имѣя достойныхъ словъ принести В. И. В. мое всеподданнѣйшее благодареніе, Богу единому хвалу воздаю и Его молю отъ глубочайшаго моего сердца о укрѣпленіи державы В. И. В. и о всецѣломъ здравіи освященныя Вашея Особы, полагая, до послѣдняго пролитія крови, животъ мой за все то, что либо потребно къ соблюденію долгоденственнаго и мирнаго вашего государствованія, въ чемъ имѣ Господь да поможетъ, всегда несумнѣнную надежду и моленіе имѣю со всѣмъ моимъ домомъ.

„Съ такимъ всеискреннѣйшимъ усердіемъ молебствіе Богу нынѣ соборнымъ и торжественнымъ пѣніемъ совершилъ и есмь со всѣмъ моимъ потомствомъ по конецъ живота моего, державнѣйшая Императрица, Вашего Всепресвѣтлѣйшаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

„Въ Глуховѣ. Апрѣля 22, 1752 году“ [1]).

19 Апрѣля въ Глуховѣ было торжество „ради привезенной кавалеріи“. Торжество это продолжалось до 25 числа, подъ которымъ Марковичъ снова замѣчаетъ: „торжество было, обѣдали въ гетманскомъ дворцѣ; ввечеру былъ балъ и фейерверкъ“ [2]). Въ началѣ Мая гетманъ, сопровождаемый Тепловымъ, генеральнымъ писаремъ Безбородкою, генеральнымъ есауломъ Якубовичемъ и 10 бунчуковыми товарищами, отправился осматривать Малороссійскіе полки. Онъ сперва посѣтилъ Батуринъ, потомъ Стародубъ и Черниговъ, а оттуда проѣхалъ въ степные полки и Кіевъ. Въ гетманское отсутствіе дѣлами правили Скоропадскій, Волкевичъ и Ханенко. Оболонскому была поручена экспедиція строеній. Путешествіе продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ [3]). Гетмана вездѣ встрѣчали съ радостью, вездѣ устроены были пышные пріемы; вся Малороссія ликовала. Одинъ только случай, породившій толки въ народѣ, смутилъ Малороссовъ. Гетманъ въ Черниговѣ объѣзжалъ городскія укрѣпленія; за нимъ слѣдовали многочисленная свита его и всѣ чины Черниговскаго полка; онъ подъѣхалъ къ главному бастіону у церкви Св. Екатерины; вдругъ вихрь сорвалъ съ него андреевскую ленту. Тепловъ, ѣхавшій за нимъ, успѣлъ ее подхватить и хотѣлъ ее снова надѣть; но гетманъ взялъ у него ленту, свернулъ и положилъ въ

[1]) Изъ бумагъ Госуд. архива.
[2]) Записки Марковича, II, 304.
[3]) Ригельманъ, IV, 17.

карманъ. Ропотъ въ народѣ и толки дошли до старухи Натальи Демьяновны; она уговаривала сына удалить Теплова, предсказывая ему неизбѣжныя несчастія, ежели онъ будетъ слѣдовать совѣтамъ своего любимца. Гетманъ однако не послушался матери [1]).

Во время этого путешествія, гетману попалось въ руки пасквильное письмо, доказывающее, что избраніе его было не вполнѣ единогласное и что по Украйнѣ водились недовольные. Разумовскій донесъ о томъ Государынѣ слѣдующимъ рапортомъ, писаннымъ изъ имѣнія матери:

„Всепресвѣтлѣйшая и пр.

„Прошлаго Мая 15 дня, когда я пріѣхалъ изъ Батурина въ село Кунашевку при городѣ Борзнѣ [2]), подано мнѣ письмо писаремъ моимъ генеральнымъ Безбородькою (sic), о которомъ онъ, писарь, мнѣ объявилъ, что сіе-де письмо къ нему прислано отъ Полтавскаго полковника Горленка, съ тѣмъ увѣдомленіемъ, что въ полковой Полтавской канцеляріи подано нѣкоторымъ казакомъ подъ неизвѣстною печатью съ надписаніемъ таковымъ: *Промеморія въ Полтавскую полковую канцелярію, везти до города Полтавы немедленно, отъ Изюмской полковой канцеляріи,* и когда-де оный пакетъ распечатанъ былъ, тоде въ немъ промеморіи никакой не явилося, а найдено сіе письмо, на которомъ подписано имя мое и чины, яко бы оное письмо ко мнѣ было писано, а фамиліи не упомянуто.

„Принявши я вышепомянутое письмо, распечаталъ самъ и въ немъ нашелъ еще пакетъ бѣлый, припечатанный, только безъ печати, а въ томъ пакетѣ нашлась скверная бумажка, притворною и фальшивою рукою написанная, которая заключаетъ въ себѣ открытую брань, поносными и язвительными словами, матери нашей, брату моему графу Алексѣю Григорьевичу и мнѣ собственно. Все же оное такъ сочинено отъ дерзновеннаго нѣкотораго злодѣя, что хотя уязвляетъ нашу честь, властію и милосердіемъ В. И. В. намъ пожалованную, но, по моему скудному разсужденію, наипаче оскорбляетъ самодержавную власть, которую В. И. В., яко истинная наша Монархиня и Помазанница на землѣ Божія, единственно отъ Бога пріемлете.

„Таковое я усмотрѣвши дерзновеніе и злодѣйство, не пропустилъ того же часа, дабы слѣды не затерялися, по которымъ оное скверное письмо дошло до меня, послать нарочнаго съ секретною моею инструкціею къ полковнику Полтавскому Горленкѣ въ Полтаву, а оттуда, слѣдуя по запискамъ почтовымъ, приказалъ обоимъ слѣдовать далѣ. Вчерашняго же числа, какъ полковникъ Горленко, такъ и по-

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II, 642—643 и Бант.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣчаніе къ стр. 71 и 72.

[2]) С. Кунашевка принадлежитъ нынѣ М. Н. Кочубею.

сланный нарочный, возвратясь, подали мнѣ рапортъ письменно, что по точнымъ ихъ свидѣтельствамъ является, яко сей пакетъ вышелъ изъ Билевской крѣпости, что на линіи, а отъ кого точно, того имъ собою найти было невозможно. И яко поискъ такого злодѣя государственнаго, который, забывъ страхъ Божій, оскорбляетъ власть и волю Монаршую, требуетъ особливой наижесточайшей строгости, то оная безъ особливаго и высочайшаго повелѣнія В. И. В. произведена въ дѣйство быть не можетъ. Того ради, падъ предъ стопы высокомонаршіе, всеподданнѣйше прошу В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть учинить слѣдствіе неослабное, дабы доискаться и искоренить такого отважнаго злодѣя, а притомъ и насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ вашихъ, защитить отъ поношенія. Вышепомянутый же пасквиль подлинный и съ тѣми пакетами, въ которыхъ онъ запечатанъ, при семъ подъ особливымъ конвертомъ прилагаю, который, яко мерзкая бумажка, недостоинъ того, чтобъ собственными своими ручками В. И. В. вынуть изъ конверта изволили. Іюня 12-го, 1752. Адамовка" [1]).

Не знаемъ, какая воспослѣдовала высочайшая резолюція, но бумага эта не лишена интереса: она доказываетъ, что новый гетманъ вполнѣ проникнутъ былъ важностію своего сана и пасквильныя на свой счетъ выраженія считалъ оскорбленіемъ Императорскаго Величества.

Передъ окончаніемъ своего путешествія, Разумовскій еще разъ посѣтилъ Батуринъ, гдѣ съ нимъ съѣхалась жена его и гдѣ постройки быстро подвигались впередъ. Отсюда онъ писалъ къ Государынѣ:

Преосвященный Василій, митрополитъ Черногорскій, который предстать счастіе имѣетъ предъ В. И. В., удостовѣрилъ меня показаніемъ подлинныхъ высочайшихъ грамотъ, какъ блаженныя и достославныя памяти Государя, родителя вашего, такъ и В. И. В., что народъ, отъ котораго онъ посланъ, есть тотъ, который, по единовѣрству за благочестіе Православныя Греческаго исповѣданія вѣры, особливые опыты показывалъ своего усердія къ престолу монаршему Всероссійскому и во время войны съ Портою Оттоманскою въ 1711 не малою храбростью себя отличалъ. Почему вседражайшій родитель В. И. В. засвидѣтельствовать соизволилъ въ незабвенную память потомкамъ всѣ таковыя ихъ дѣйствія особливыми своими высочайшими грамотами. А яко въ семъ народѣ Православная Греческая церковь съ западной стороны окружена Римскимъ исповѣданіемъ, а съ другихъ трехъ Магометанами, то въ таковомъ иновѣрныхъ и бусурманъ окруженіи охраняетъ себя единымъ покровительствомъ В. И. В. Вѣдая же В. И. В. теплоту къ защищенію и распространенію истиннаго христіанства,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 406—408. Приложенный пасквиль въ архивѣ князя не сохранился.

пріемлю дерзновеніе чрезъ сіе всеподданнѣйше о немъ засвидѣтельствовать и донести, что онъ, преосвященный, показался мнѣ мужъ разумный и не для своей какой-либо корысти, какъ видно изъ грамотъ, которыя я читалъ, но для вспоможенія къ соблюденію въ Православіи всего своего народа подаяніемъ въ монастыри ихъ путь воспріялъ—явиться къ престолу В. И. В., о чемъ удостовѣряя, есмь до конца живота моего, державнѣйшая Императрица, В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій. Батуринъ. Августа 19-го, 1752“ [1]).

Вскорѣ по возвращеніи гетмана въ Глуховъ, умерла жена Григорія Николаевича Теплова [2]), а 22-го Октября у Разумовскаго родился сынъ, названный въ воспоминаніе недавно полученной „блакитной кавалеріи“ Андреемъ. Сынъ генеральнаго подскарбія Скоропадскаго было отправленъ курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ. 1-го Ноября были крестины—воспріемниками были графъ Алексѣй Кириловичъ и графиня Наталья Демьяновна, нарочно прибывшая для этого въ Глуховъ. „Прибывшей въ Глуховъ матушкѣ отдали всѣ визитъ во дворцѣ“, повѣствуетъ Ханенко. Въ день крестинъ у гетмана обѣдали вся генеральная старшина да генералъ-маіоръ князь Кантемиръ съ женою своею Пассековою и дочерью [3]). Главные чиновники явились ко двору гетманскому съ поздравленіями, причемъ подносили гетманшѣ „обычный презентъ“ [4]). Вскорѣ послѣ торжественныхъ крестинъ графиня Наталья Демьяновна вернулась въ Адамовку, а какъ скоро графиня Екатерина Ивановна оправилась отъ родовъ, оба Разумовскіе стали собираться, по приглашенію Государыни, въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Они выѣхали изъ Глухова 24 Ноября въ 10 часовъ пополуночи, при пушечной пальбѣ [5]). Въ свитѣ гетмана находились генеральный обозный Кочубей, генеральный писарь Безбородко, Гадяцкій полковникъ Голецкій, 6 бунчуковыхъ товарищей, старшій канцелярисгъ Туманскій и другіе.

Въ архивѣ графа Уварова сохранилось нѣсколько писемъ графа Бестужева-Рюмина, и графа М. И. Воронцова, писанныхъ къ гетману во время пребыванія его въ Глуховѣ. Мы ихъ здѣсь помѣщаемъ въ хронологическомъ порядкѣ [6]).

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

[2]) Зап. Марковича, II, 308 Это была вторая жена Теплова.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[4]) Записки Марковича, II, 309.

[5]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[6]) Изъ писемъ этихъ только два вошли въ первое изданіе нашего сочиненія.

Письма канцлера графа Бестужева.

I.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ, любезно дражайшій сватъ.

Усмотря изъ почтеннѣйшаго в. с. отъ 4-го сего мѣсяца писанія благополучное ваше въ Москву прибытіе, тѣмъ в. с. искреннѣйше поздравляю, желая много случаевъ имѣть съ благополучными произшествіями в. с. поздравлять и моими охотными услугами всегда больше благосклонность и дражайшую дружбу вашу пріобрѣтать. Впрочемъ, въ приписаніи отъ в. с. поскриптѣ комплиментъ коль не обязателенъ, я просилъ бы однакожъ для свата и истиннаго друга всякой оставить и вѣрить, что мнѣ при всякомъ случаѣ по вашимъ желаніямъ служить пріятно будетъ, да и безъ того уже не оставилъ объ упоминаемой вами грамотѣ съ е. с., дражайшимъ братцемъ вашимъ, говорить, усердно желая, чтобы только по тому скорый успѣхъ воспослѣдовалъ. И отдавая мой нижайшій поклонъ любезнѣйшей графинѣ вашей моей милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ есмь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и истинною преданностію в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Спб. 11 Апрѣля 1751 г.

II.

На почтенное в. с. отъ 15-го сего мѣсяца писаніе, имѣю честь отвѣтствовать, что я по содержанію онаго во всемъ, что къ удовольствію в. с. служить можетъ, охотно и прилежно стараться готовъ и буду, а что до приложеннаго при томъ билета принадлежитъ, то я какъ прежде в. с. доносилъ, такъ и теперь увѣдомить могу, что я о вашей грамотѣ сколько можно стараясь и уже съ согласія съ е. с. дражайшимъ братцомъ вашимъ письменный о томъ докладъ подалъ, сегодня о томъ паки напамятовать хотѣлъ, но какъ случая не было, то я постараюсь, чтобъ оное завтра учинить. Въ прочемъ, отдавая мой поклонъ любезнѣйшей графинѣ вашей моей м. г. Катеринѣ Ивановнѣ, есмь съ совершеннымъ высокопочитаніемъ в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Спб. 22-го Апрѣля 1751 г.

III.

Вручитель сего войсковой товарищъ Іотія (sic) будучи в. с. уже прежде грамотами рекомендованъ, да и нынѣ одну при себѣ имѣя,

я видя его крайнюю нужду и бѣдность уклониться не могъ его симъ еще особливо въ милость в. с. препоручитъ и толь паче, что онъ будучи крайняго сожалѣнія достоенъ в. с. показаніемъ ему милости заставитъ его вашимъ вѣчно прославителемъ быть. Я семь и проч.

Изъ Спб. 4-го Іюня 1751 г.

IV.

В. с. прошу за противно не принять, что я на почтенныя ваши отъ 28 прошлаго мѣсяца писанія донынѣ отвѣтствовать умедлилъ, ибо то единственно отъ недостатка времени происходитъ; къ тому же я долго не зналъ, чтобы удовольствительнаго в. с. на то донести, такъ что и теперь не могу больше какъ токмо увѣдомить, что касательно до посланной совѣтнику Полякову формы кореспонденціи оная будетъ коллегіею распоряжена, я по партикулярно дружескому в. с. письму ничего ни собою, ни коллегіи сдѣлать не могу, что же до другаго и до положенной копіи принадлежитъ, то я также ничего еще точнаго сказать не могу, какъ токмо сослаться на дражайшаго братца в. с., что за моимъ стараніемъ и напоминаніемъ не стоитъ, что по данному отъ сената докладу скорая всевысочайшая резолюція воспослѣдовала, безъ которой, сколько мнѣ извѣстно, сенатъ собою ничего рѣшить не можетъ. Впрочемъ я в. с. какъ и прежде обнадежить могу, что я во всемъ ко удовольствію в. с. всѣмъ сердцемъ служить готовъ, пребывая и проч.

Изъ Спб. 27-го Іюня 1751 г.

V.

Къ отправленной къ в. с. въ пользу господина Капниста, сына бригадира сего имени, грамотѣ и при отъѣздѣ нынѣ отсюда сего послѣдняго, имѣю честь присовокупить мое прошеніе, да соизволите в. с., какъ первому въ его благополучіи милостиво вспомоществовать, такъ и сего послѣдняго въ вашей благосклонной протекціи и милости содержать, я же, напротивъ того, всегда тщательно случай искать буду къ показанію вамъ всѣхъ отъ меня зависящихъ услугъ и благоугодностей, пребывая и проч.

Изъ Спб. 24-го Іюля 1751 г.

VI.

Съ наибольшею радостью имѣю честь увѣдомить в. с., что Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила сегодня во-первыхъ в. с. кавалеромъ Святаго Андрея назначить, а потомъ на Александра Борисовича, графа Михаила Ларіоновича, князя Бориса Григорьевича Юсупова и Степана Ѳедоровича [1]) оную наложить. Я в. с. тѣмъ отъ всего сердца поздравляю и буде присылка знаковъ онаго нѣсколько замѣшкается, то только для того, что я по особливой моей къ в. с. преданности съ дражайшимъ братцомъ вашимъ стараться буду о томъ, чтобъ в. с. орденъ бриллiантами украшенный присланъ былъ. Впрочемъ я имѣю честь быть и проч.

Изъ Спб. Сентября 5-го дня 1751 г.

VII.

Господинъ Журманъ, не вѣдая, что я вчерась уже съ нарочною эстафетою в. с. увѣдомилъ о пожалованномъ вамъ отъ Е. И. В. орденѣ св. Андрея, сегодня меня просилъ подорожную ему дать, дабы съ нарочнымъ в. с. сію пріятную вѣдомость съ большими при томъ обстоятельствами отправить. Я ему не только въ томъ отказать не хотѣлъ, но паче ссылаясь во всемъ на то, что онъ къ в. с. писать будетъ, вторично в. с. тѣмъ отъ всего сердца поздравляю и есмь и проч.

Изъ Спб. Сентября 6-го дня 1751 г.

P. S. Два почтеннѣйшія в. с. отъ 1-го Августа писанія я чрезъ господина Журмана получилъ и какъ по первому тщательно стараться буду во всемъ къ удовольствію в. с. служить, и ему какъ свойственнику в. с. во всемъ, что отъ меня зависитъ, полезнымъ быть, такъ по другому крайне благодарствую в. с. за обѣщаемое показаніе милости бѣдному старику Іотію, котораго я потому паки въ милость в. с. поручаю.

---

[1]) Александръ Борисовичъ Бутурлинъ † 1767 г., впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ; гр. Мих. Ил. Воронцовъ † 1767, тогда вице-канцлеръ, впослѣдствіи государственный канцлеръ; кн. В. Гр. Юсуповъ, Д. Т. С., Сенаторъ и директоръ шляхетнаго корпуса, † 1759; Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, † 1760.

VIII.

Почтеннѣйшее в. с. отъ 12 прошлаго Декабря писаніе я въ свое время исправно получилъ и будучи оное до коллегіи принадлежащее тогда-жъ въ оную и сообщено. И такъ имѣя честь в. с. увѣдомить пребываю и пр.

Въ Спб. Января дня 1752 г.

IX.

Вручитель сего, бывшій въ Глуховѣ при министерской канцеляріи канцеляристомъ и у приходу и расходу денежной казны, по возвращеніи своемъ сюда хотя и представленъ былъ въ сенатъ для повышенія рангомъ, однакожъ ничего тамъ получить не могъ, и такъ будучи принужденъ паки въ Глуховъ, гдѣ жена его осталась, возвратиться, меня просилъ его въ милость в. с. рекомендовать. Я-жъ въ томъ ему, видя сожалѣтельное его состояніе и долговременную при тамошнихъ дѣлахъ бытность, толь меньше отказать могу, но паче в. с. прошу ему вашу милость объявить опредѣленіемъ его по вашему благоусмотрѣнію въ Глуховѣ къ какому либо дѣлу, которое онъ способно отправлять, и отъ того пропитаніе съ женою имѣть могъ бы. В. с. меня тѣмъ по премногу одолжить изволите, яко пребывающаго всегда и пр.

Изъ Спб. Января 29-го дня 1752 г.

X.

За учиненное мнѣ письмомъ в. с. поздравленіе наступающимъ нынѣ новомъ годомъ будучи по премного обязанъ, я упустить не хотѣлъ в. с. мое благодареніе чрезъ сіе засвидѣтельствовать, взаимно желая вамъ какъ въ сей, такъ и на многіе будущіе годы совершеннаго добраго здравія и всякаго благополучія, я же есмь въ прочемъ и проч.

Въ Спб. Февраля дня 1752 г.

P. S. Въ отвѣтъ на постскриптъ в. с. имѣю я засвидѣтельствовать и великое сожалѣніе, что донынѣ не могъ вамъ служить пересылкою знаковъ ордена и то ревностное стараніе, которое я какъ съ начала, такъ потомъ и нынѣ объ исходатайствованіи оныхъ непрестанно прилагаю и прилагать буду.

3-го Февраля 1752 г.

XI.

По прошенію подателя сего поляка Шлинки, который при томъ же и грамоту о себѣ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ в. с. вручить честь имѣть будетъ, я уклониться не могъ его чрезъ сіе въ милость и протекцію в. с. наилучше рекомендовать, пребывая въ прочемъ и пр.

Въ Спб. Февраля 6-го 1752 г.

XII.

При воспослѣдовавшемъ наконецъ отправленіи къ в. с. куріера съ знаками ордена св. Андрея, вамъ всемилостивѣйше отъ Е. И. В. пожалованнаго, что донынѣ сперва даже до 8 Октября за подписаніемъ токмо грамоты, а потомъ за самыми знаками останавливалось, я столь большею радостію в. с. поздравляю, сколь я всегда охотенъ в. с. служить. Сколько жъ я тѣмъ временемъ о поспѣшеніи сего отправленія напоминалъ въ томъ ссылаюсь на е. с. дражайшаго вашего братца и в. с. прошу увѣренными быть о томъ совершенномъ высокопочитаніи, съ которымъ я есмь и пр.

Въ Спб. Марта 14-го 1752 г. [1]).

PS. По написаніи сего, крестъ ордена не прежде, какъ въ прошедшую субботу, т.-е. 21-го сего мѣсяца, ко мнѣ присланъ, а потомъ при нынѣшнихъ дняхъ благоговѣнія за исправленіемъ принадлежащей къ тому цѣпи даже до сего дня сіе отправленіе замедлилось.

Марта 26-го дня 1752 г.

XIII.

По высочайшему Е. И. В. именному повелѣнію долженствую я в. с. знать дать, что Е. И. В. съ удивленіемъ о томъ увѣдомиться изволила, что в. с. двухъ братьевъ Скоропадскихъ, отпустя слуга, въ посторонню ихъ службу рекомендуете: ибо ежели Голштинскую за чужую не почитать, то, однакожъ, и за Россійскую принимать не можно; что также никогда не обыкновенно, чтобы мимо своей Государыни въ чужомъ мѣстѣ службы искать и тѣмъ паче, когда въ томъ

[1]) Письмо это въ архивѣ графа Уварова сохранилось въ двухъ экземплярахъ, одинаково подписанныхъ Бестужевымъ, но одинъ изъ экземпляровъ безъ постскриптума.

никакой надобности нѣтъ: потому что, ежели бы то для экзерцицій или операцій воинскихъ было, то при толь многочисленныхъ Е. И. В. арміяхъ всему тому еще лучше всякаго другого мѣста обучиться можно. Е. И. В. не изъ какого гнѣва, но въ такомъ всемилостивѣйшемъ разсужденіи повелѣла мнѣ къ в. с. отписать, дабы, вѣдая всевысочайшее ея соизволеніе въ подобныхъ случаяхъ, вы толь лучше могли по онымъ должнѣйше себя располагать. Я есмь, и пр.

Изъ Спб. Марта 29-го дня 1752.

XIV.

В. с. меня весьма одолжите, ежели генеральнаго сухопутнаго гошпиталя лекаря Иберкамфа въ прошеніи его къ опредѣленію при академіи наукъ милостію своею не оставите, за что̀ я ко взаимнымъ услугамъ готовъ. Со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю и пр.

Въ Спб. Іюня 11-го дня 1752 г.

XV.

Вручитель сего, нѣжинскій житель, Аѳанасій Познанцевъ, прилежно меня просилъ о рекомендаціи по его дѣлу къ в. с., я, по его иностранству и неимуществу, ему отказать не хотѣлъ и в. с. покорно прошу ему милость вашу дозволить и его, буде возможно, въ его дѣлѣ удовольствовать приказать; я же, напротиву того, есмь всегда и пр.

Съ Каменнаго-Острова. Августа 14-го дня 1752 г.

XVI.

Почтеннѣйшее в. с. писаніе отъ 3-го числа минувшаго Іюля, я получить честь имѣлъ, и усмотря изъ онаго, что в. с. благосклонность имѣли рекомендованнаго отъ меня лекаря Иберкамфа при академіи опредѣлить, оставить не могу за то в. с. мое благодареніе чрезъ сіе учинить.

Касательно-жъ господина подполковника Этлингера, то я предъ нѣкоторымъ временемъ и в. с. уже писалъ, чтобъ вы особливымъ листомъ въ коллегію объ немъ отозваться изволили, и тогда я больше въ состояніи найдуся по желанію в. с. старанія мои о томъ усугубить,

дабы показать, съ какимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью я есмь и пр.

Съ Каменнаго-Острова. 17-го Августа 1752 г.

XVII.

В. с., будучи удостовѣрены, коль истинное я всегда участіе пріемлю во всемъ, что благополучнаго вамъ случиться можетъ, легко можете себѣ представить и ту радость, которую я чувствовалъ, усмотря изъ почтеннѣйшаго в. с., отъ 24-го Октября писанія, что Богъ даровалъ вамъ любезнаго сына. Жена моя также благодаритъ за учиненное и ей въ ономъ письмѣ увѣдомленіе и приложеннымъ письмомъ особливо. Засвидѣтельствуйте свое (sic) о томъ поздравленіе е. с. любезнѣйшей вашей графинѣ, моей м. г. Катеринѣ Ивановнѣ, я-жъ, оное симъ исправляя, отъ всего сердца желаю впредь многайше толь пріятные случаи имѣть для засвидѣтельствованія, съ какимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью я быть честь имѣю и пр.

Въ Спб. Ноября 7-го дня 1752 г.

Письма вице-канцлера графа М. И. Воронцова.

I.

Вручитель сего, польскій шляхтичъ Шишко, просилъ здѣсь коллегію иностранныхъ дѣлъ о нѣкоторой своей претензіи, давней уже съ прошлой польской революціи. А понеже, по разсмотрѣнію здѣсь оной его претензіи, невозможно было въ томъ его удовольствовать, да и онъ самъ принялъ намѣреніе по единовѣрію остаться въ Россіи и утвердиться жительствомъ въ Украйнѣ, вслѣдствіе чего просилъ меня о рекомендаціи къ в. с. Того ради я оставить не хотѣлъ, чтобъ чрезъ сіе не просить в. с. въ милостивомъ принятіи онаго бѣднаго человѣка въ вѣдомство ваше и сдѣлать о немъ такое опредѣленіе, чтобы онъ могъ пропитаніе имѣть. Въ прочемъ пребываю съ неизмѣннымъ высокопочитаніемъ и совершенною дружбою покорный и вѣрный слуга гр. М. Воронцовъ.

1752 г. Февраля 1-го, въ Спб.

II.

При семъ къ в. с. посылаю изготовленный портретъ е. с. графа Алексѣя Григорьевича, который господиномъ Каравакою по приказу графини Катерины Ивановны сдѣланъ и здѣсь отъ всѣхъ съ немалою апробаціею принятъ, яко же и е. с., братецъ вашъ, оный взять изволилъ и былъ доволенъ [1]).

Для извѣстія в. с. доношу, что всемилостивѣйшей нашей Государынѣ благоугодно было повелѣть графа Михаила Петровича изъ Вѣны назадъ отозвать и при семъ случаѣ графиню, его супругу [2]), законною ему женою признать. Я уповаю, что в. с., любя графа Михаила Петровича, о семъ извѣстіи съ пріятностью услышать изволите. На мѣсто же его посольское въ Вѣну повелѣно ѣхать графу Кейзерлингу, а на мѣсто Кейзерлинга опредѣленъ господинъ Гросъ и чаятельно въ скоромъ времени въ путь свой, въ Дрезденъ, отправится.

О полученіи упомянутаго здѣсь портрета, также и о прежде посланныхъ отъ меня къ в. с. письмахъ я буду ожидать пріятнаго увѣдомленія, дабы за неимѣніемъ извѣстія въ напрасномъ сумнѣніи не оставался, а я не престаю отвѣтомъ моимъ служить на всякое письмо в. с. Впрочемъ пребываю и пр.

1752 г. Апрѣля 28 дня, въ Спб.

Еще же в. с. сообщить имѣю, что А. В. Олсуфьеву повелѣно въ нашей коллегіи засѣданіе имѣть, гдѣ онъ и началъ 24 числа сего мѣсяца [3]).

---

[1]) Портретъ этотъ поясной, въ зеленомъ мундирѣ, принадлежитъ графу А. С. Уварову и находится въ с. Порѣчьѣ. Каравака, родомъ Гасконецъ, поступилъ на службу къ Петру Великому и сдѣлался придворнымъ живописцемъ. Прилагаемый при семъ томѣ портретъ графа Алексѣя Григорьевича есть геліографическій снимокъ съ портрета, писаннаго Караваком.

[2]) Вторая жена гр. М. П. Бестужева-Рюмина была вдова Саксонскаго оберъ-шенка Гаугвицъ.

[3]) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

VII.

Партіи при дворѣ.—Бестужевъ.—Шуваловы.—Приготовленія къ войнѣ.—Отъѣздъ гетмана въ Глуховъ.

Разумовскіе прибыли въ Москву почти въ одно время съ дворомъ, который тронулся 14 Декабря изъ С.-Петербурга. Вмѣстѣ съ дворомъ пріѣхалъ, разумѣется, и графъ Алексѣй Григорьевичъ, все еще могущественный, хотя уже не всемогущій и единственный фаворитъ.

Великій канцлеръ Бестужевъ не сопутствовалъ Государынѣ; дѣла и здоровье задерживали его въ Петербургѣ. Грозная туча стояла на политическомъ горизонтѣ, а при дворѣ ряды его пріятелей замѣтно пустѣли. Между дипломатами распространился, какъ мы уже упоминали, слухъ, что даже старшій Разумовскій отъ него отшатнулся. Прусскій министръ Гольцъ доносилъ даже своему правительству, что Воронцовъ имѣлъ разговоръ съ Кирилою Разумовскимъ. Однако, когда Гольцъ предложилъ Воронцову деньги для привлеченія Алексѣя Григорьевича, Воронцовъ отвѣчалъ, что „теперь не время“ [1]).— Слухъ этотъ былъ не болѣе, какъ дипломатическая сплетня или же хвастовство со стороны Воронцова, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что толки доходили до Бестужева, который болѣе чѣмъ когда-либо заискивалъ у младшаго Разумовскаго.

I.

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ“, писалъ онъ, „не могу я довольно изобразить в. с. моей благодарности за все то, что въ почтеннѣйшемъ вашемъ отъ 17 сего ко мнѣ письмѣ обязательнаго для меня находится. В. с., не довольствуясь показаніемъ мнѣ дѣйствительнаго одобренія, изволите еще оное умножать образомъ вашего мнѣнія. Я-жъ, напротиву того, теперь токмо прилежнѣйше прошу увѣренными быть, что мое признаніе будетъ безконечно. Присовѣтованіе в. с. быть мнѣ великодушнымъ есть подлинно единственнымъ мнѣ теперь способомъ. Да, могу сказать, что я онаго всегда, сколько могъ, держался и много сносить за велико не считалъ. Въ первую, во вторую, отчасти въ третью въ Москвѣ бытность, не меньше же и здѣсь во время оно, хотя работывалъ я, и почти по-

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 58—59.

вседневно, до третьяго и четвертаго часа пополуночи, однако же при всемъ томъ спокойно, а иногда сутки и полторы безпрерывно спать могъ; нынѣ же при всемъ моемъ предъ прежнимъ весьма поздномъ житіи, почти совсѣмъ спать не могу. Къ тому же, при старости (умалчиваю о скорбутикѣ, о которой отъ непрестаннаго сидѣнія и не удивительно) привязалась ко мнѣ ипохондрія, которая такъ жестоко меня мучитъ, что всю кровь во мнѣ непрестанно въ сильное движеніе приводитъ, и ни мало успокоиться не даетъ, и такъ всегда дня черезъ два или три теченіе отворяетъ. Я же при томъ не имѣю инаго облегченія, какъ токмо самое малое отъ десяти часовъ поутру часовъ до седьмаго вечеру, а прочее время безпрестанно страдаю, такъ что буде на часъ и усну, то однако-жъ не инако какъ обутый и въ тулупѣ. Въ такомъ будучи состояніи, со всею в. с. благосклонно дружескою помощью, за которую паки наиобязательнѣйшее мое благодареніе приношу, къ крайнему моему сожалѣнію не предвижу, когда возмогу къ Москвѣ перетащиться, и в. с. первопомно обнадежить о всесовершенной моей къ вамъ преданности, и съ какимъ усердіемъ и высокопочитаніемъ я есмь и всегда пребуду, и пр.

Въ Санктъ-Петербургѣ. Генваря 25 дня 1753 г.

II.

Прилагая при семъ переводъ письма ко мнѣ отъ знакомаго в. с. инженернаго подполковника Этлингера, в. с. сами изъ онаго усмотрѣть изволите нынѣйшнее бѣдное его состояніе. Я не знаю, заслужилъ ли онъ чѣмъ-нибудь милость в. с., но вѣдая его къ вамъ усердіе, я его самъ въ оную препоручить смѣлость пріемлю, не соизволите ли иногда в. с. съ своей стороны благосклонное стараніе употребить, дабы сей бѣдный человѣкъ нѣсколько вспомоществованъ былъ. Онъ конечно не престанетъ признавать въ томъ ваше благодѣяніе и милость, я-жъ всегда пребуду и пр.

Въ Спб., Февраля 15 дня 1753 г. [1]).

---

[1]) Къ письму этому приложенъ переводъ съ письма къ канцлеру инженеръ-полковника Этлингера отъ 11 Января 1753, слѣдующаго содержанія:

„В. с. не прогнѣвайтесь, что я васъ вторично моимъ письмомъ утруждаю, но, не имѣя иного прибѣжища, а в. с. мнѣ всегда вашу высокую милость оказывать изволили, я и дерзнулъ васъ о милостивомъ вспоможеніи просить. Я нынѣ въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ нахожусь, въ какихъ никогда не бывалъ, ибо по силѣ указовъ изъ военной коллегіи и фортификаціонной канцеляріи я принужденъ былъ возвратиться къ командѣ, хотя я нездоровъ былъ, а теперь мнѣ жалованья выдавать не хотятъ съ того времени, какъ я въ Батуринѣ находился, чрезъ что я въ какія

III.

.... Покорнѣйше благодарствую в. с. за почтеннѣйшее ваше отъ 4-го сего мѣсяца ко мнѣ писаніе и за подаваемые онымъ совѣты хранить мое здоровье. Не меньше обязанъ я в. с. за скорую присылку адресса къ господину профессору Бургаву, чтобъ онъ въ Москву ѣхалъ со мною. Братъ его, господинъ тайный совѣтникъ ко мнѣ уже писалъ, что онъ в. с. имянное о томъ Высочайшее Е. И. В. повелѣніе, да и мнѣ при томъ монаршимъ Е. В. именемъ объявляетъ, чтобъ я безъ совѣта сего доктора въ дорогу скоро не отваживался, да и во всемъ по его совѣтамъ поступалъ. Такимъ образомъ буду я повиноваться господину профессору, да еще радъ, что такому, отъ котораго я, конечно, много добра для моего здоровья надѣюся. На немъ уже изволите в. с. взыскать, ежели я нѣсколько больше запоздаю персонально в. с. мое почитаніе засвидѣтельствовать.

Увѣдомленіе в. с. о жестокомъ припадкѣ графу Михайлѣ Ларіоновичу мнѣ крайне прискорбно и печально, и я всѣмъ сердцемъ желаю е. с. скораго и совершеннаго выздоровленія. Впрочемъ истинно всегда пребуду и пр.

Спб., Февраля 8 дня 1753 г.

IV.

В. с. покорнѣйше прошу да соизволите ордеровать господина совѣтника Шумахера, чтобъ онъ позволилъ кому-либо изъ служителей академіи снять два плана съ тѣхъ мѣстъ принадлежащаго мнѣ Ка-

---

бѣдныя обстоятельства приведенъ, оное в. с. легко представить можете. Поѣздку въ Батуринъ я по требованію е. с. гетмана сдѣлалъ и на то отъ покойнаго генерала Леонтьева позволеніе имѣлъ, а нынѣ мнѣ оное вмѣсто отпуску считаютъ. Далѣе принуждаютъ меня въ степи ѣхать безъ денегъ и при хворости. В. с. извѣстно, что я сей посылкѣ не супротивился, какъ я въ Ригѣ вылеченъ былъ, но какъ я поѣздкою изъ Риги къ сожалѣнію паки въ прежнее немощное состояніе приведенъ, то я, по истинѣ, на самомъ дѣлѣ не въ состояніи такую должность, которая столь многими безпокойствами и трудами сопряжена, исправлять, а особливо безъ жалованія. Того ради я в. с. всенижайше прошу мнѣ вашу высокую милость показать и вашимъ милостивымъ заступленіемъ исходатайствовать, дабы я отъ сихъ печальныхъ обстоятельствъ освобожденъ или е. с. гетману или въ Ригу командированъ былъ, также чтобы мнѣ заслуженное мое жалованіе выдано было, ибо я будучи въ Батуринѣ такожде Е. И. В. всенижайше служилъ. В. с. меня всегда своею милостію не оставляли и в. с. природная склонность нужду терпящихъ спомогать меня милостиво увѣряетъ, что в. с. и сію мою просьбу милостиво услышать изволите.

меннаго острова [1]), которые господинъ надворный совѣтникъ Штелинъ, будучи ему тѣ мѣста наибольше извѣстны, покажетъ, такъ же чтобы стараніе было приложено о скорѣйшей отдѣлкѣ работаемаго уже тому острову проспекта [2]) и чтобы оный и съ другимъ меньшимъ планомъ, какъ экземпляры, такъ и доски, ко мнѣ со щетомъ присланы были, дабы я по тому подлежащія деньги немедленно заплатить могъ. Я-жъ напротивъ того есмь всегда съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію и пр.

Сентября 27 дня 1753 г.

P. S. Я уже многократно и ежедневно собираюсь къ в. с. пріѣхать мой поклонъ отдать, но мнѣ всегда сказываютъ, что в. с. въ городъ переѣзжать изволите, чѣмъ я и воздерживаюсь, дабы тогда переѣзду в. с. не помѣшать.

V.

.... В. с. покорнѣйше прошу да соизволите приказать, чтобы вложенный при семъ артикулъ еще съ сегодняшнею почтою въ Петербургъ отправленъ и при тамошнихъ газетахъ какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ напечатанъ былъ.

27 Сентября 1753 г.

Послѣднія три записки относятся уже ко времени пребыванія гетмана въ Петербургѣ, но мы кстати помѣщаемъ ихъ здѣсь.

VI.

Сегодня тотчасъ по отъѣздѣ в. с. отъ меня пріѣхалъ ко мнѣ его превосходительство оберъ-гофмаршалъ [3]) и просилъ дабы, я в. с. реко-

[1]) Каменный островъ, между Большой и Малой Невой, близъ Петербурга, принадлежалъ канцлеру графу Головкину, а потомъ графу Бестужеву, который на украшеніе его употребилъ много денегъ: провелъ поперекъ острова рвы, выкладенные камнемъ, развелъ голландскій садъ и пр. Отъ него перешелъ онъ къ Императору Павлу I, тогда еще Великому Князю; нынѣ принадлежитъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ.

[2]) Виды эти принадлежали къ рѣдкимъ частнымъ заказамъ, дѣланнымъ въ тѣ времена академическимъ граверамъ. Тогда состояли при академіи граверы Вортманъ, Штенглинъ, знаменитый Шмидтъ, а изъ русскихъ Соколовъ, Виноградовъ и Генсовъ. Виды Каменнаго острова составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

[3]) Въ 1754 году оберъ-гофмаршаломъ былъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, андреевскій кавалеръ, онъ былъ строителемъ Зимняго дворца. Онъ умеръ въ 1759 году и завѣщалъ домъ свой, находившійся въ сосѣдствѣ съ Зимнимъ дворцомъ, Государынѣ. Отъ этого та часть дворца, гдѣ находится теперь Ломотовъ павильонъ, долгое время называлась—„шепелевскимъ дворцомъ“.

ендовалъ въ милость капитенармуса вашего полка Комарскаго, дабы онъ милостію в. с. пожалованъ былъ въ сержанты и ежели невозможно въ комплектъ, хотя за комплектъ, потому что онъ нынѣ только одинъ безъ произвожденія, слѣдовательно старшій остался. Я тѣмъ меньше отъ сего отрещись могу, что в. с., конечно, склонны будете такое снисхожденіе е. пр. оберъ-гофмаршалу показать.

16 мая 1754 г.

VII.

Прилагаю при семъ для извѣстія в. с. полученное отъ полковника Бестужева-Рюмина изъ Митавы письмо, изъ котораго в. с. усмотрѣть изволите, какое онъ отъ взятія изъ Мемеля привезенныхъ туда осьми ящиковъ распоряженіе учинилъ. Впрочемъ, уповаю я завтра съ в. с. у Степана Ѳедоровича [1]) обѣдать, а послѣ завтра, ежели в. с. дома быть изволите, буду честь имѣть и вамъ къ обѣду пріѣхать и съ вами проститься.

Іюня 3-го дня 1754 г.

Изъ приложеннаго при семъ оригинальнаго письма ко мнѣ господина надворнаго совѣтника Штелина в. с. изволите уже пространнѣе усмотрѣть желаніе его и просьбу, и тѣ резоны, на которыхъ онъ то основываетъ, а какъ сіе по командѣ прямо принадлежитъ токмо до в. с., да я и безъ того знаю, что вы его милостію жаловать изволите, то мнѣ и не остается болѣе, какъ только его въ продолженіе оной рекомендовать.

Апрѣля 11-го, 1755 г. [2]).

Льстивыя выраженія и заискиванія канцлера имѣли однако мало вліянія на Кирилу Григорьевича Разумовскаго. Правда, онъ старался облегчить больному Бестужеву путешествіе въ Москву, рекомендовалъ ему въ спутники профессора и доктора Коу-Бёргава (Koou-Boerhaave), брата лейбъ-медика и тайнаго совѣтника Германа Бёргава [3]); пользовался его рекомендаціями на-счетъ построекъ (въ этомъ дѣлѣ канц-

---

[1]) Апраксина.

[2]) Изъ Архива гр. А. С. Уварова.

[3]) Richter, Geschichte der Medicin in Russland, III, 424. Лейбъ-медикъ Бёргавъ умеръ въ Москвѣ 1753, его мѣсто занялъ докторъ Панаіоти (Павелъ Захарьевичъ) Кондоиди. Авраамъ Бёргавъ пріѣхалъ въ Россію въ 1746 г. и въ 1748 получилъ при академіи мѣсто профессора физіологіи и анатоміи. Шумахеръ мѣтилъ его и въ профессора химіи, чтобы вытѣснить Ломоносова.

леръ былъ знатокомъ), такъ какъ самъ, подъ надзоромъ архитектора Филиппа Кокорева (вѣроятно, Кокоринова), производилъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ „многія строенія“ [1]), но въ то же время онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ не только съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, но даже съ графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ, теперь уже непримиримымъ врагомъ графа Алексѣя Петровича. Съ Шуваловымъ Разумовскаго сблизилъ ихъ общій другъ графъ Иванъ Чернышевъ. О семъ послѣднемъ и о Шуваловѣ при дворѣ иначе не говорили, какъ объ Орестѣ и Пиладѣ. Втроемъ они составляли лучшій цвѣтъ тогдашней придворной молодежи.

По пріѣздѣ въ Москву, великій канцлеръ лихорадочно началъ искать себѣ союзниковъ. Уже съ нѣкоторыхъ поръ остановила на себѣ его вниманіе молодая Великая Княгиня, старавшаяся, въ неравной борьбѣ съ нимъ, воздавать ему, по мѣрѣ силъ, око за око и зубъ за зубъ. Стойкость и хитрость, съ которыми Екатерина защищала интересы и права мужа въ вопросѣ о герцогствѣ Голштинскомъ, доказали канцлеру, что онъ имѣлъ дѣло съ женщиною далеко не обыкновенною; онъ зналъ, что въ семейной жизни Великая Княгиня была несчастлива. Что же касается до Великаго Князя, то Бестужевъ уже давно понялъ, чего могла ожидать отъ него Россія; къ тому же, онъ его ненавидѣлъ какъ друга Фридриха-Великаго и сторонника Шуваловыхъ. Беременность Екатерины давала надежду, что скоро родится наслѣдникъ престола, а здоровье Государыни, по свидѣтельству лечившихъ ее врачей, не подавало надежды на долгое царствованіе. Канцлеръ первый разгадалъ и понялъ Екатерину, и рѣшился съ нею сблизиться. Черезъ Сергѣя Васильевича Салтыкова узнала она, что канцлеръ ищетъ ея дружбы. Хотя не мало накипѣло у нея злобы на сердцѣ противъ Бестужева, однако шутить такимъ предложеніемъ было нечего. Голштинецъ Бремзенъ, вполнѣ преданный канцлеру, служилъ при Великомъ Князѣ по дѣламъ его герцогства. Ему поручила Екатерина объявить Бестужеву, что она готова войти съ нимъ въ дружескія сношенія. Заключенъ былъ тайный союзъ. Канцлеръ сталъ всячески возбуждать Елизавету противъ племянника. Это было ему легко. Государынѣ давно опостылѣлъ ея наслѣдникъ, и всѣ его нѣмецкія безтактныя замашки были ей крайне противны. Въ запискахъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и Ивану Ивановичу Шувалову она въ самыхъ рѣзкихъ и, по обыкновенію своему, далеко не отборныхъ выраженіяхъ отзывалась о Великомъ Князѣ [2]). Но этого было недовольно. Бестужевъ рѣшилъ, въ случаѣ кончины Го-

---

[1]) Зап. Марковича, II.

[2]) Mémoires de Catherine II, 329.

сударыни, возвести на престолъ ея внука, а правительницею государства провозгласить Екатерину. Съ рожденіемъ правнука Петра Великаго, объ Иванѣ Антоновичѣ никто уже не думалъ. Теперь на мѣсто Петра Ѳедоровича, котораго легко можно было или отправить въ Голштинію, или заключить въ какіе-нибудь Холмогоры, представлялся наслѣдникомъ не иностранный принцъ, съ дѣтства заключенный въ крѣпости, съ именемъ котораго невольно соединены были всѣ ужасы Бироновщины, а кровь и плоть Петрова. Слѣдовало ко всему этому подготовить Государыню; но дѣло было крайне затруднительно, такъ какъ Елизавета Петровна страшно боялась смерти. Всякій намекъ на ея кончину могъ бы дорого стоить тому, кто бы на него отважился. Въ планахъ своихъ Бестужевъ нашелъ споспѣшника. То былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Явное презрѣніе ко всему русскому, пренебреженіе всѣми обрядами православной вѣры, страсть ко всему Нѣмецкому уже давно отдалили старшаго Разумовскаго отъ Великаго Князя. Какъ ни избѣгалъ онъ интригъ, какъ ни держалъ себя вдали отъ дѣлъ государственныхъ, однако въ этомъ случаѣ онъ охотно, какъ видно, поддался вліянію Бестужева. Все дѣло было однако содержимо въ глубокой тайнѣ. Шуваловы ничего не подозрѣвали, а великій канцлеръ и Екатерина, не спѣша и тихомолкомъ, подготовляли свой планъ дѣйствія.

Между тѣмъ гетманъ, среди безпрестанной придворной суеты, не забывалъ Украйны. Пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ Малороссы имъ были представлены Государынѣ, принявшей ихъ отмѣнно милостиво. Приказано было давать старшинамъ при дворѣ мѣсто съ генералъ-маіорами, а полковникамъ сейчасъ за бригадирами [1]). Еще въ бытность гетмана въ Глуховѣ, повелѣно ему было изъ Петербурга выслать 2,000 казаковъ для строенія крѣпости св. Елизаветы, нынѣшняго Елизаветграда. Въ Москвѣ Разумовскій съумѣлъ выхлопотать, чтобы вмѣсто 2,000 туда отправлено было только 611 человѣкъ. Изъ генеральной канцеляріи были имъ вытребованы въ Москву всѣ бумаги, относящіяся до финансовыхъ вопросовъ [2]). Онѣ были нужны гетману для докладовъ Государынѣ, вслѣдствіе которыхъ разные сборы, заведенные Самойловичемъ и Мазепою на Украйнѣ и чрезвычайно отяготительные для народа, были уничтожены; таможни на границахъ Малороссіи и Великороссіи закрыты, и объявлена свобода торговли между сѣверомъ и югомъ. „Отъ просвѣщенной Е. И. В. прозорливости не утаилось“, сказано было въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 27-го января 1754 года, „что существительный ея при-

[1]) Зап. Марковича. II, 312.

[2]) Тамъ же, II, 320.

бытокъ состоитъ въ прибыткѣ всѣхъ ея подданныхъ. По сему премудрому разсмотрѣнію всемилостивѣйше соизволила Е. И. В. пользы подвластнаго къ счастію своему ей народа такіе великіе короны своей доходы посвятить, которые во всѣ времена, да и во всѣхъ, не исключая ни одного, государствахъ, какъ справедливыми, такъ и весьма важными почитаются. Однимъ словомъ сказать Е. И. В. изволила всякіе внутреннихъ пошлинъ сборы отставить и всѣ внутреннія таможни уничтожить, такъ что внутренно вся толь обширная сія имперія вольнымъ портомъ сдѣлана. Возбужденная чрезъ то въ народѣ радость такъ велика и примѣтна была, что сенатъ обойтиться не могъ всенижайшее свое и должное за толикія благодѣянія благодареніе Е. И. В. засвидѣтельствовать. Почему въ навечеріе праздника Рождества Спасителя нашего, по окончаніи въ придворной церкви Божіей службы, канцлеръ, какъ старшій сенаторъ, обще со всѣми другими, именемъ сената и всего обрадованнаго и одолженнаго народа, оное Е. И. В. всеподданнѣйше и приносили, на которое Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила сама въ отвѣтъ сказать, что Е. В. всегда ко особливой радости и удовольствію служитъ возможность пользу своихъ подданныхъ, хотя бъ то и съ собственнымъ ея убыткомъ было, поспѣшествовать“ [1]). Эти перемѣны сильно порадовали Малороссіянъ: молебствія раздавались по церквамъ; были въ Глуховѣ и „водка“ у генеральнаго бунчужнаго, и банкеты у обознаго въ честь милостиваго указа [2]). Тѣмъ временемъ Тепловъ оставался въ Глуховѣ въ родѣ alter ego гетмана, подписывая ордеры, за которыми не всегда слѣдовало слѣпое повиновеніе, такъ что въ Ноябрѣ 1753 года Разумовскій выговаривалъ генеральной канцеляріи за невыдачу подводъ по подорожнымъ, подписаннымъ Григоріемъ Николаевичемъ [3]). Старшины, уѣхавшіе съ Разумовскимъ, почти цѣлый годъ при немъ оставались; Безбородко вернулся на родину только на самое короткое время и снова отправился къ гетману, при которомъ поперемѣнно дежурили въ Петербургѣ и Москвѣ кто либо изъ генеральныхъ старшинъ. Управленіе дѣлами въ Глуховѣ, послѣ отъѣзда Теплова, было поручено Кочубею и Скоропадскому, но вскорѣ вслѣдствіе ордера изъ Петербурга мѣсто послѣдняго занялъ Якубовичъ [4]).

Не такъ удачно шли дѣла академіи. Лишь только гетманъ пріѣхалъ въ Москву, къ нему явился Ломоносовъ, исключительно занятый въ то время мыслію о распространеніи въ Россіи мозаичнаго искусства. Шумахеръ отказалъ ему въ отпускѣ. Ломоносовъ обратился тогда съ

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 225.
[2]) Записки Марковича, II, 331.
[3]) Тамъ же, II, 319.
[4]) Тамъ же, II, 320.

просьбою въ сенатъ и отъ генералъ-адмирала князя Михаила Михайловича Голицына получилъ паспортъ на проѣздъ въ Москву. Гетманъ-президентъ ласково принялъ Ломоносова и во все время пребыванія его въ Москвѣ оказывалъ дружелюбіе. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ на куртагѣ представилъ Ломоносова Государынѣ, которая пожаловала ему деревни и сама изъявила ему желаніе, чтобы онъ занялся исторіею Россіи.

Довольный возвратился Ломоносовъ въ Петербургъ, но здѣсь его ожидали непріятности. Въ профессорскомъ собраніи ему прочтенъ былъ выговоръ отъ президента, а князь Голицынъ получилъ письмо отъ Теплова, въ которомъ, именемъ Разумовскаго, онъ его просилъ въ чужія дѣла не входить [1]). Причину этой перемѣны было угадать не трудно. Разумовскій, занятый дѣлами своего гетманства, не подозрѣвалъ ничего противозаконнаго въ поступкѣ Ломоносова и принялъ его дружески. Рапорты Шумахера, въ которыхъ вѣроятно изображено было самыми черными красками непослушаніе Ломоносова, не признававшаго власти президента, пришли уже послѣ отъѣзда перваго изъ Москвы. Къ тому же Тепловъ, только-что вернувшійся изъ Малороссіи, Елагинъ и Сумароковъ вѣроятно обратили вниманіе Разумовскаго на отношенія Ломоносова къ Шувалову, на благосклонный пріемъ, сдѣланный ему Императрицею, указывали на него какъ на ловкаго пройдоху, интригующаго противъ начальства. Въ письмахъ къ Шувалову Ломоносовъ горько жалуется на академію. Онъ писалъ пространно объ этомъ и къ Разумовскому и просилъ его положить конецъ 20-лѣтнему бѣдственному его положенію и „избавить отъ приближающагося конечнаго разоренія“ [2]). Ломоносовъ добивался того, чтобы „никакія ученыя дѣла не отправлялись“ безъ обсужденія академическаго собранія и чтобъ президентъ не апробовалъ ничего того, что канцелярія безъ согласія собраній будетъ представлять ему; онъ просилъ Шувалова замолвить слово президенту и ожидалъ какъ отъ Разумовскаго, такъ и отъ Ивана Ивановича „скорой наукамъ помощи“ [3]). Вслѣдствіе жалобъ Ломоносова, несмотря на хорошія отношенія Ивана Шувалова къ младшему Разумовскому, стали при дворѣ поговаривать объ излишествахъ, недостаткахъ и непорядкахъ академіи, и президентъ услышалъ непріятныя тамъ рѣчи о своемъ правленіи [4]). Слѣдствіемъ этихъ непріятныхъ рѣчей было учрежденіе, по приказанію президента, коммиссіи, въ которой засѣдали: Шумахеръ, Ломоносовъ, Штелинъ и Мюл-

---

[1]) Билярскій, Матеріалы, 070.

[2]) Тамъ же, 229.

[3]) Тамъ же, 230.

[4]) Тамъ же, 070.

леръ, „для отрѣшенія излишествъ“ отъ академіи [1]). Коммиссія однако ни къ чему не повела: „съ одного конца академію хотятъ починивать, а съ другого портятъ“, отзывался Ломоносовъ Шувалову [2]). Кромѣ того, президентъ предписалъ Шумахеру всѣ рѣчи, говоренныя академическими студентами, собрать и напечатать на русскомъ языкѣ, и рѣчи, читанныя впредь академическими студентами точно также печатать, „ибо сіе въ публикѣ будетъ доказательствомъ происходящимъ въ университетѣ успѣхамъ“. Наконецъ Разумовскій горячо взялся за изданіе русскаго журнала при академіи. Журналъ этотъ долженъ былъ называться „Санктъ-Петербургскія ежемѣсячныя примѣчанія“; изданіе его поручалось Мюллеру, и онъ долженъ былъ выходить въ 2000 экземплярахъ [3]). Ломоносовъ немедля раскритиковалъ заглавіе, объявивъ, что ежели назвать книгу „Санктпетербургскими штанами, то сіе таковожъ прилично будетъ“ [4]). Начались опять споры и непріятности; наконецъ 1-ая книжка журнала вышла въ 1755 году подъ именемъ: „Ежемѣсячныхъ сочиненій“. Разумовскій особенно интересовался своимъ твореніемъ и когда въ статьяхъ являлись „нѣкоторыя сумнительства“, самъ лично въ бытность свою въ Петербургѣ разрѣшалъ ихъ [5]). По случаю повелѣнія исправить всѣ штаты, регламентъ академіи былъ снова разсмотрѣнъ въ общемъ профессорскомъ собраніи; тутъ дѣло чуть не дошло до драки между Тепловымъ и Ломоносовымъ.

Весною 1754 года дворъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. За дворомъ послѣдовалъ и гетманъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ снова поселился въ хоромахъ своихъ на Мойкѣ [6]), тогда еще деревянныхъ, и снова сталъ принимать у себя все Петербургское общество. Зима съ 1754 на 55 годъ была одна изъ самыхъ блестящихъ славившагося празднествами царствованія Елизаветы. По случаю рожденія Великаго Князя Павла Петровича, при дворѣ были безпрестанные пріемы. Частные люди съ своей стороны старались не отставать отъ двора и наперерывъ другъ передъ другомъ устраивали у себя обѣды, балы, маскарады и прочіе праздники съ иллюминаціями и фейерверками [7]). Между ними особенно отличались роскошью

[1]) Билярскій, матеріалы.

[2]) Тамъ же, 261.

[3]) Тамъ же, 46.

[4]) Пекарскій, Редакторъ, Сотрудникъ и Цензоръ, въ „Русскомъ Журналѣ“ 1755—1764 (Приложеніе къ XII т. Зап. Им. Ак. Наукъ, 5).

[5]) Тамъ же, 8.

[6]) Reimers, S.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, II, 177 и Георги Описаніе С.-Петербурга, 101, см. объ этомъ домѣ ниже.

[7]) Hermann's Gesch. d. russ. St. V, 134.

своею праздники Разумовскихъ. Алексѣй Григорьевичъ принималъ дворъ то въ Аничковскомъ дворцѣ Государыни, то въ Цесаревниномъ домѣ, то на Приморской своей дачѣ, то въ Мурзинкѣ, то въ Гостилицахъ [1]). Отъ старшаго брата не отставалъ и Кирилла Григорьевичъ. Государыня часто посѣщала его балы и вечера, и иногда оставалась у него до 5-го часа утра [2]). Столъ его славился по всему Петербургу, и поваровъ своихъ онъ выписывалъ изъ Парижа.

Между бумагами младшаго Разумовскаго, сохранившимися въ архивѣ графа Уварова, находимъ нижеслѣдующее письмо отъ Ѳедора Дмитріевича Бехтѣева, отправленнаго въ Парижъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства и занимавшагося тамъ, между прочимъ, исполненіемъ разныхъ коммиссій для Петербургскихъ придворныхъ.

„По приказу в. с., Григорій Николаевичъ писалъ ко мнѣ о принятіи здѣсь для дома вашего повара или chef de cuisine, а паче всѣхъ стараться склонить къ тому извѣстнаго Баріота [3]), бывшаго гофмейстеромъ маркиза Шетордія. Сей человѣкъ охотно въ службу къ в. с. идетъ. Изъ приложенной при семъ записки, которую онъ мнѣ подалъ, изволите милостиво усмотрѣть, чего онъ требуетъ, полагаясь, впрочемъ, на щедроту вашу, что̀ касается до жалованья. Я думаю, что онъ будетъ доволенъ тремя стами рублями. Нижайше в. с. прошу приказать меня увѣдомить о соизволеніи вашемъ, дабы сей человѣкъ напрасно здѣсь время не пропускалъ и послѣ бы какихъ претензій дѣлать не сталъ, какъ то обыкновенно отъ нихъ бываетъ. Впрочемъ, прошу нижайше о продолженіи мнѣ высокой вашей милости, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ в. с. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. Ѳедоръ Бехтѣевъ.

„Изъ Парижа. Въ 9-е Декабря 1756 г.“

Что графъ Кирилла Григорьевичъ былъ охотникъ полакомиться, тому служитъ еще доказательствомъ слѣдующее письмо отъ Новгородскаго архимандрита Іоасафа:

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1864 г., 276.

[2]) Кам.-фуріерскій журналъ 1755 г.

[3]) Маркизъ де-ла-Шетарди пріѣхалъ въ Россію съ огромною свитою; при немъ было 12 молодыхъ людей, состоявшихъ при его миссіи, секретарь посольства, 6 духовныхъ лицъ, частный секретарь и 50 человѣкъ прислуги, между которой было 5 поваровъ, подъ главнымъ смотрѣніемъ кухмистера Баріота или Барридо (Barrideau), который, какъ говорили современники, искусствомъ превосходилъ знаменитаго Дюваля, главнаго повара Фридриха Великаго. Ла-Шетарди съ собою привезъ 100,000 бутылокъ вина, изъ которыхъ было 16,800 бутылокъ шампанскаго. Съ этихъ поръ шампанское стало входить въ общее употребленіе, а со времени Екатерины II стали на банкетахъ его пить при тостахъ. До Екатерины при здоровьяхъ пили Венгерское вино.

Высокосіятельнѣйшій графъ, ясновельможный и высокоповелительный господинъ, милостивый государь и патронъ.

Убогій монахъ, недостойный землякъ вашему высокографскому сіятельству, нижайше челомъ бью. О внутреннемъ моемъ къ высокографской персонѣ вашей искреннѣйшемъ усердіи и почтеніи засвидѣтельствуетъ совершеннѣе Богъ и самая моя совѣсть, нежели сіе малое и подлое письмецо. Я при семъ возымѣлъ дерзновеніе послать къ столу вашего высокографскаго сіятельства новгородской особливой рыбки, подборныхъ сто сиржей, которые если милостиво приняты будутъ, то я себя счастливымъ признавать имѣю; а нынѣ до конца жизни моей пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ вашей ясновельможности временныхъ и вѣчныхъ благъ всеусердно желающій богомолецъ и нижайшій слуга. Антоніева монастыря Римлянина архимандритъ и Новгородской семинаріи ректоръ Іоасафъ.

Съ Новгорода, 1754 году Августа 8 дня [1]).

Но „средь винъ, сластей и ароматъ“ Кирила Григорьевичъ не забывалъ всего на свѣтѣ. Утонченныя блюда, приготовляемыя французскими поварами и вкусныя особливыя рыбки не предлагались однимъ только избраннымъ и знакомымъ пріятелямъ. У Разумовскаго былъ всегда открытый столъ, куда могли являться званые и незваные. Правомъ этимъ воспользовался однажды бѣдный офицеръ, жившій по тяжебнымъ дѣламъ въ Петербургѣ и лишеный всякаго способа къ пропитанію. Каждый день обѣдывалъ онъ у гетмана и, привыкнувъ наконецъ къ дому, вошелъ однажды послѣ обѣда въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ графъ игралъ, по обыкновенію, съ пріятелемъ въ шахматы. Разумовскій сдѣлалъ ошибку въ игрѣ, офицеръ не могъ удержать восклицанія. Гетманъ остановился и спросилъ у бѣдняка, въ чемъ состояла ошибка. Сконфуженный офицеръ указалъ на промахъ графа. Съ тѣхъ поръ Разумовскій, садясь играть, спрашивалъ „гдѣ мой учитель“. Но однажды учитель не пришелъ къ обѣду, гетманъ велѣлъ навести справки, почему его не было. Съ трудомъ дознались, кто былъ незваный гость графа. Несчастный былъ боленъ и въ крайности. Разумовскій отправилъ къ нему своего доктора, снабжалъ его лекарствами и кушаньями, и послѣ выздоровленія помогъ ему выиграть тяжбу и наградилъ деньгами [2]).

Другой разъ у гетмана обѣдалъ Австрійскій посолъ, графъ Эстергази, и показывалъ за столомъ богатую табакерку, подаренную ему Государыней. Всѣ ею любовались, и табакерка обошла вокругъ всего огромнаго стола. Подъ конецъ обѣда посолъ захотѣлъ понюхать та-

---

[1]) Изъ Архива гр. Уварова.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣч. къ стр. 77—78.

баку; онъ сталъ искать табакерку и не находилъ ея. Всѣ присутствующіе, изъ которыхъ многіе были вовсе незнакомы хозяину, поставлены были этимъ въ самое непріятное положеніе. Посолъ сталъ намекать на то, что табакерка украдена. Гетманъ тогда всталъ, перевернулъ свои карманы и громко сказалъ: „господа, я подалъ добрый примѣръ, надѣюсь, что всѣ ему послѣдуютъ и такимъ образомъ успокоятъ господина посла“. Всѣ бросились подражать графу, одинъ только бѣдно одѣтый старичокъ, сидѣвшій на отдаленномъ концѣ стола, отказался отъ этого и со слезами на глазахъ объявилъ, что желаетъ наединѣ объясниться съ гетманомъ. Разумовскій вышелъ въ сосѣднюю комнату, за нимъ послѣдовалъ гость его, на котораго со всѣхъ сторонъ устремились косые взгляды. Когда хозяинъ и старикъ очутились наединѣ, послѣдній сказалъ: „Ваше сіятельство, я въ крайней бѣдности и единственно прокармливаю себя и семейство свое вашими обѣдами; мнѣ стыдно было въ этомъ признаться передъ всѣми гостями, не взыщите на меня: я честный человѣкъ и живу трудами своими“. При этомъ онъ сталъ вынимать разную провизію изъ кармановъ. Въ эту минуту пришли сказать, что табакерка нашлась у посла: она провалилась между кафтаномъ и подкладкой. Бѣдняку гетманъ назначилъ пожизненный пенсіонъ [1]).

Послѣ пріѣзда Кирилы Григорьевича въ Петербургъ, раздоры въ академіи не успокоивались. Въ 1755 году къ Ломоносову было подкинуто подмѣтное письмо, которое содержало въ себѣ, „подъ видомъ критики на нѣкоторыя сочиненія, жалобы великія на г. академіи президента, злодѣйскія ругательства совѣтнику Теплову, полковнику Сумарокову, профессору Миллеру и напослѣдокъ на всѣхъ чужестранныхъ въ академіи служащихъ, злобную клевету“. Тепловъ въ авторствѣ письма этого заподозрѣлъ Тредіаковскаго, крайне обиженнаго тѣмъ, что стихи его не помѣщались въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“. Будучи внѣ себя отъ колкой критики на собственныя сочиненія [2]) и особенно на то, что въ письмѣ упоминалось о „баранкѣ“—прозваніи, даннomъ ему еще въ дѣтствѣ дьячкомъ, учившимъ его читать, Тепловъ представилъ академіи записку, въ которой всячески ругалъ Тредіаковскаго. Не довольствуясь этимъ, онъ еще его вызвалъ къ себѣ на домъ. Вотъ какъ случай этотъ разсказываетъ самъ злосчастный піита:

„Ложное подозрѣніе на меня о сочиненной невѣдомо кѣмъ критикѣ на сочиненія г. совѣтника Теплова толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ

[1]) Изъ семейныхъ преданій.

[2]) Вѣроятно здѣсь разбиралось сочиненіе Теплова: „Наставленія нравственной философіи или знанія до философіи касающіяся“. С.-П.-Б. 1751.

было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ его графскаго сіятельства, не обличивъ, и не доказавъ ничѣмъ, да и не чѣмъ пустымъ, ругалъ какъ хотѣлъ м..... и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была словесная жалоба, и какъ я на другой день принесъ письменное прошеніе его графскому сіятельству, то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться, то услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобы скорѣе уйти домой и съ собой унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ и помышлять“ [1]).

Ломоносовъ съ своей стороны продолжалъ вести ожесточенную борьбу съ Шумахеромъ изъ-за пересмотра академическаго устава. Шумахеръ обвинялъ Ломоносова въ томъ, что онъ хочетъ отнять власть у президента. Ломоносовъ отвѣчалъ, что желаетъ только снять съ президента бремя, которое выше силъ одного человѣка. Съ Тепловымъ, какъ мы уже видѣли выше, дѣло дошло чуть не до драки. Дѣло окончилось выговоромъ, сдѣланнымъ Ломоносову отъ имени Разумовскаго и запрещеніемъ первому являться въ академическія собранія. „Я осужденъ, — писалъ Ломоносовъ Шувалову — Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ... Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только не Теплову“ [2]). Шуваловъ поспѣшилъ однако ходатайствовать за любимаго поэта, и Ломоносову разрѣшено было снова присутствовать въ академическихъ конференціяхъ. Трудно было Разумовскому распутать весь этотъ гордіевъ узелъ академическихъ споровъ, доносовъ и сплетень. Всѣ академики были между собою на ножахъ и кромѣ того, за исключеніемъ осторожнаго Шумахера, открыто враждовали съ Тепловымъ. Не одинъ Ломоносовъ подпалъ подъ гнѣвъ всемогущаго „совѣтника“, досталось и ученому историку Мюллеру, на котораго жаловался между прочими и Ломоносовъ, за неосторожныя будто выраженія въ его Сибирской исторіи. Мюллеру отъ имени Разумовскаго запретили сочинять родословныя и у него отнято было мѣсто ректора въ академическомъ университетѣ. Выведенный изъ терпѣнія, Мюллеръ подалъ Кирилѣ Григорьевичу жалобу на Теплова. Въ отвѣтъ на жалобу президентомъ была отправлена въ академію бумага, въ которой между прочимъ было сказано, что нѣкоторые члены препятствуютъ его стараніямъ къ пользѣ этого учрежденія, и прямо указывалось на Мюллера, который изъ академиковъ былъ разжалованъ въ адъюнкты, но впрочемъ не на долго [3]).

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 188 и 193.
[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 326—327, и Билярскій, стр. 161.
[3]) Исторія Соловьева, XXIII, 328—331.

Одновременно съ этими внутренними академическими раздорами, въ 1754 на Разумовскаго поданъ былъ доносъ черезъ жида Аарона Якубова, который доводилъ до свѣдѣнія правительства, что бунчуковый товарищъ Яковъ Торновскій и сотникъ Шеповаловскій Максимъ Суханскій торгуютъ подъ именемъ гетмана черезъ Польшу въ Кёнигсбергъ заповѣдными товарами. Е. И. В., какъ сказано въ журналѣ конференціи отъ 22 Марта 1754 г., соизволила слушать выписку изъ дѣла и копію съ грамоты, отправленной къ гетману, „а копію съ отвѣтнаго его листа, за пространностію онаго для прочитанія со временемъ у себя оставить соизволила“. Въ этомъ листѣ Разумовскій несомнѣнно совершенно оправдалъ себя отъ клеветы, такъ какъ не только послѣдствій не было, но даже гетманъ просилъ о томъ, чтобы Кіевскій магистратъ былъ ему подчиненъ. По приказанію Государыни наведены были справки и оказалось, что ни у Скоропадскаго, ни у другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ Кіевскій магистратъ въ вѣдомствѣ не былъ, вслѣдствіе чего Императрица соизволила указать: „Кіевскому магистрату быть при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать“. Точно также отказано было гетману въ просьбѣ его отдать въ его смотрѣніе, зависящіе отъ канцеляріи конфискаціи, села: Хоружевку, принадлежавшее вице-канцлеру графу Головкину, и Ряски, принадлежавшее нѣкогда фельдмаршалу Миниху, состоявшее „для имѣющейся въ немъ суконной фабрики“ подъ вѣдѣніемъ мануфактуръ-коллегіи. Въ 1755 году особыми грамотами подтверждено было гетману: 1) полковниковъ Малороссійскихъ собою безъ указу не производить; 2) чтобы для лучшаго усмотрѣнія и пресѣченія производящихся въ Малой Россіи непорядковъ быть при гетманѣ по прежнему обыкновенію министру изъ генералитета, и 3) чтобъ ему, гетману, собою заграничной корреспонденціи не имѣть, но поступать въ томъ по прежнему, какъ при гетманѣ Скоропадскомъ было. [1]). Въ 1754 году уничтожены были „для уравненія свободностію Малороссійскаго равно подданнаго же Е. И. В. народа“ существовавшіе въ Малороссіи внутренніе таможенные сборы, извѣстные подъ названіемъ *индуктов* и *евекты* [2]). Въ указѣ отъ 15 Іюля 1754 г. изображено было: „По Малороссійскимъ правамъ, яко то по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу нашу гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Малороссійскимъ и по немъ бывшіе гетманы подтверждены, изъ которыхъ на основаніи гетмана Скоропадскаго нынѣ нашему Малороссійскому гетману всемилостивѣйше отъ насъ быть повелѣно, всѣ въ Малороссіи сборы, выбирая Малороссій-

[1]) Архивъ князя Воронцова, VII, 344—345; 353.
[2]) Исторія Соловьева XXIII, 247.

скими людьми, а подъ смотрѣніемъ Великороссійскихъ воеводъ, подлежащими въ нашу казну положены и утверждены и точно въ тѣхъ де пунктахъ именовано всякіе въ Малой Россіи сборы, купно и съ доходами отъ купцовъ чуземскихъ индѣ токмо въ Государеву казну во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ доходить имѣютъ" [1]). На основаніе этого послѣдняго указа весь индуктный сборъ, приходившійся на долю гетмана, былъ у него отобранъ. Графъ Кирила Григорьевичъ поспѣшилъ по этому случаю обратиться къ канцлеру съ слѣдующимъ письмомъ отъ 4 Декабря 1754 г.: „В. с. извѣстно, что, по представленію Правительствующаго Сената, Е. И. В. Всемилостивѣйшая Государыня высочайше повелѣть соизволила индукту и евекту въ Малой Россіи отставить и повелѣть учредить по всей Малороссійской границѣ портовыя таможни, въ которыхъ сбирать пошлину по тарифу и внутреннюю въ казну Государеву; а мнѣ яко по высочайшей Ея же И. В. милости учрежденному въ Малой Россіи гетману, потому что оный доходъ, въ силѣ высочайше конфирмованныхъ правъ и обыкновеній Малороссійскихъ понынѣ въ домъ на мой собственный прожитокъ приходилъ, никакого за то эквиваленту не пожаловано. Въ указѣ же печатномъ Е. И. В. изъ прав. сената отъ 15 Мая 1754 г. точно изображено, якобы тотъ доходъ индукта и евекта по правамъ и статьямъ, мнѣ даннымъ, подлежитъ въ казну государеву, а не въ скарбъ мой гетманскій, то я принялъ дерзновеніе о томъ подать мое всеподданнѣйшее прошеніе Е. И. В., дабы я не лишенъ былъ той Монаршей милости противу всѣхъ моихъ антецессоровъ, которая мнѣ всемилостивѣйше единожды уже конфирмована высочайшею грамотою за собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ. И о семъ толь наипаче осмѣлился трудить Е. И. В., что благоволеніе ея есть все то свято сохранить, что мнѣ всемилостивѣйше и Малороссійскому народу акордовать уже соизволила. А яко в. с. первенствующая въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ персона, въ которой всѣ указы государевы, Малороссійскія правы и статьи гетманскія повелѣно особливымъ имяннымъ указомъ Е. В. вѣдать, то я, при поданіи моего всеподданнѣйшаго прошенія Е. И. В., не осмѣлился трудить изъясненіемъ подробно всѣхъ правъ, статей и указовъ, по которымъ индукта и евекта всегда подлежала на гетмана собственно. А прилагаю оныя при семъ в. с. прося покорнѣйше, что ежели Е. И. В. угодно явится потребовать иногда извѣстія отъ в. с., чѣмъ я утверждаю правость мою, внушить сіи мои документы, которые единственно состоятъ на томъ основаніи, которое всемилостивѣйшая Государыня двѣмя высочайшими грамотами, за собственноручнымъ своимъ подписаніемъ, утвердить для непоколеби-

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 411—412.

маго по тому исполненію изволила. В. с. чувствительное мнѣ одолженіе покажетъ, когда примете въ разсужденіе правость мою, и чрезъ то отвратите разорительныя слѣдствія дому моему, которыя неослабно приближаются, что самое меня обяжетъ къ совершенному признанію моей благодарности и преданства".

Къ письму приложена была пространная записка, въ которой приведены были въ подробности всѣ пункты привилегій, дарованныхъ Богдану Хмѣльницкому, касающихся до гетманскаго скарба и на основаніи примѣровъ Хмѣльницкаго, Брюховецкаго, Дорошенки и Скоропадскаго, доказывалось, что индукта несомнѣнно приходилась на долю гетмана. „Гетману", сказано въ заключеніи, „не извѣстны тѣ причины, по которымъ онъ лишался, къ крайнему своему недостатку въ содержаніи, сего индуктнаго дохода, безъ котораго ему пробавить себя въ гетманствѣ ни по какой мѣрѣ невозможно, за неимѣніемъ другихъ, кромѣ какъ изъ маетностей доходовъ, которыя по умаленію чуть не большей половины бывшихъ при Скоропадскомъ деревень, не приносятъ по лучшей экономіи и 15,000 рублей въ годъ, а паче за отрѣшеніемъ многихъ другихъ доходовъ, которые получаемы бывали всѣми гетманами". Наконецъ Разумовскій добавляетъ: „ежели сіе показаніе въ чемъ-либо сумнительно, невѣроятно или не довольно ясно покажется, то словесное объясненіе, уповаю, неоспоримо быть можетъ, котораго за пространствомъ изобразить здѣсь невозможно; ибо много препятствуетъ точному разумѣнію и нарѣчіе Малороссійское, которое въ правахъ, въ статьяхъ и универсалахъ гетманскихъ всегда въ иномъ разумѣ писано, нежели какъ на Россійскомъ діалектѣ то разумѣть должно было". Бестужевъ не спѣшилъ докладомъ Государынѣ; онъ „должнымъ себѣ почиталъ простымъ сего поднесеніемъ не утруждать", какъ объяснено имъ было при поднесеніи экстракта, „пока самъ напередъ съ крайнимъ прилежаніемъ и осторожностію не разсмотрѣлъ всѣхъ предъявленныхъ обстоятельствъ и резоновъ, какіе гетманъ на свое право и пользу имѣетъ". Изъ экстракта, составленнаго Бестужевымъ по этому дѣлу для представленія Императрицѣ, оказывается, что сенатъ не почелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой зависѣла Малороссія, объ уничтоженіи индукты и что даже канцлеру лично, какъ сенатору, ничего по этому предмету не было сообщено. По мнѣнію Бестужева, при разсмотрѣніи дѣла такой важности слѣдовало не только пригласить въ сенатъ всю коллегію иностранныхъ дѣлъ, но и самого гетмана, однако онъ не смѣетъ объ этомъ говорить, такъ какъ воспослѣдовало уже высочайшее рѣшеніе", но продолжаетъ онъ, „когда всевысочайшая Е. И. В. милость къ гетману неотъемлема, и монаршее ея соизволеніе не токмо много разъ словесно, иногда съ гнѣвомъ на канцлера, а особ-

ливо когда объ опредѣленіи министра представляемо было, но и двумя высочайшими за ея подписаніемъ данными грамотами подтверждено“... то канцлеръ, „не вступая теперь въ разсмотрѣніе учиненныхъ отъ сената объ Украйнѣ распоряженій, яко ему неизвѣстныхъ, не можетъ однакожъ обойтись, чтобъ Е. И. В. всенижайше не представить, что подобное истолкованіе прямому состоянію было совсѣмъ противно“. По убѣжденію Бестужева, гетманы несомнѣнно пользовались индуктою. „Но какъ теперь, не вступая въ пространство, дѣло коротко въ томъ состоитъ, что гетманъ по отнятіи у него индукты, за умалившимися въ половину противъ Скоропадскаго съ деревень доходами (хотя и сей индукту также имѣлъ), содержать себя не можетъ, а правосудіе Е. И. В. думать не позволяетъ, чтобъ Е. В., опредѣляя гетмана единственно изъ милости къ Малороссійскому народу, похотѣла, чтобы одинъ нынѣшній гетманъ тогда претерпѣвалъ, когда всѣ ему въ команду ввѣренные ея щедротами пользуются и когда оказуемыя Е. И. В. гетману милости имѣли-бъ служить знакомъ и залогомъ монаршаго ея ко всему народу, имъ управляемому, благоволенія, и когда Е. И. В. то и другое совокупить въ благодѣющей своей рукѣ имѣетъ толико способовъ: ибо видится для гетмана все равно, индуктою ли или другимъ какимъ образомъ получить отъ ея щедроты то, чего нынѣ одинъ изъ всѣхъ гетмановъ лишается и сіе видится толь легче и справедливѣе, что учрежденныя вновь... таможни, имѣя собирать толь несравненно большія противу того пошлины, какъ гетманъ до сего получалъ... и казнѣ, конечно, великаго ущерба не будетъ, когда-бъ изъ тѣхъ пошлинъ столько ему возвращалось, сколько онъ до нынѣ индуктою, а именно по 50,000 рублевъ, къ лучшей своей экономіи получалъ“ [1]).

Государыня согласилась съ мнѣніемъ государственнаго канцлера и указомъ отъ 15 Мая 1755 г. повелѣла „по высочайшей своей особливой милости выдавать Малороссійскому гетману графу Разумовскому ежегодно по 50 тысячъ рублей изъ собираемыхъ въ Малой Россіи пограничными таможнями тарифной и 30-копѣечной пошлины, производя сію дачу по третямъ года, начавъ оную съ 1-го Сентября прошлаго 1754 года“ [2]). Какъ видно, Разумовскому содержаніе штата въ Глуховѣ стоило не малаго, потому что, несмотря на эту милость, онъ еще просилъ взаймы 60,000 рублей. Вслѣдствіе этой просьбы, отъ 4 Октября 1756 года Государыня предписала сенату: „выдать Малороссійскому гетману графу Разумовскому 60,000 рублей, которые изъ опредѣленной ему по пятидесяти тысячъ повсегодной изъ таможенъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 408—421.

[2]) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

суммы вычитать черезъ три года, всякій годъ по 20,000 рублей, начиная съ перваго Января настоящаго 1756 года" [1]).

Указомъ отъ 17 Января 1706 года, состоявшимся по прошенію Разумовскаго, всѣ дѣла Малороссійскія были перенесены изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ сенатъ [2]). Такимъ образомъ гетманъ сталъ зависѣть отъ первой въ государствѣ инстанціи. Въ этой мѣрѣ нельзя не видѣть перваго шага къ уравненію Малороссіи съ остальными частями Имперіи. Гетманъ здѣсь явно дѣйствовалъ по побужденію Теплова. Григорій Николаевичъ, породнившійся третьимъ бракомъ своимъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрешенцовой, сестрѣ жены генеральнаго обознаго Кочубея, съ гетманомъ, сталъ подумывать о томъ, что̀ можетъ произойти, ежели бы, паче чаянія, старшій Разумовскій былъ удаленъ отъ двора. Онъ, если не ошибаемся, уже исподоволь готовился къ переходу въ противный лагерь, или по крайней мѣрѣ заранѣе такъ обставлялъ свои дѣла, чтобы отъ какой-либо внезапной перемѣны не пострадать, какъ было во времена оны, когда онъ состоялъ при Волынскомъ. Этимъ объясняется записка Теплова „О непорядкахъ въ Малороссіи" [3]), гдѣ онъ старается выставить передъ Императрицей Елизаветой Петровной аномалію тогдашняго состоянія Украйны и вредъ, который отъ этого претерпѣвала казна. Въ каждой строкѣ записки этой проведена мысль о необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ Малороссіи и объ уравненіи правъ ея съ правами остальныхъ частей Имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой мысли было много вѣрнаго, но въ то же время нельзя не замѣтить, что записка дѣлаетъ мало чести Теплову. Будь бумага эта представлена Разумовскому, дѣло было бы другое, но она готовилась къ подачѣ Государынѣ и, судя по тону, какимъ говорится о послѣднемъ гетманѣ, помимо его. Такимъ образомъ записка оказывается чѣмъ-то въ родѣ доноса. Не даромъ опасалась графиня Наталья Демьяновна хитраго Теплова. Въ вопросѣ о перенесеніи Малороссійскихъ дѣлъ изъ иностранной коллегіи въ сенатъ, Тепловъ былъ движимъ личною ненавистью къ великому канцлеру. Отношенія къ послѣднему младшаго Разумовскаго, несмотря на дружественную съ виду переписку, все болѣе и болѣе охлаждались, гетманъ охотно внималъ наущеніямъ своего совѣтника и весьма доволенъ былъ окончательно выдти изъ-подъ надзора старика Бестужева. Но напрасно Тепловъ готовился такъ преждевременно къ паденію Разумовскихъ. Положеніе ихъ при дворѣ нисколько не поколебалось. Правда, что графъ Алексѣй Григорьевичъ, съ тѣхъ поръ какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, держался въ сто-

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

[2]) Записки Марковича, II, 885.

[3]) Кулишъ, Записки о Южной Россіи, II, 171.

ронѣ и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ за своихъ родственниковъ и друзей [1]), но все-таки Императрица не оставляла его своими милостями. Такъ, племянникъ его Михайло Власьевичъ Будлянскій, воспитанный вмѣстѣ съ извѣстнымъ образованностью своею графомъ Яковомъ Ефимовичемъ Сиверсомъ [2]), былъ пожалованъ камергеромъ ко двору Наслѣдника; другой племянникъ Дараганъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ [3]). Племянницы Марина и Софья Осиповны Закревскія и Софья Ефимовна Дараганъ—были взяты фрейлинами ко двору, а двоюродные племянники Петръ и Василій Ивановичи Разумовскіе, воспитанные въ кадетскомъ корпусѣ, пожалованы: первый—Нѣжинскимъ, а второй—Гадячскимъ полковниками; къ тому же, второй нѣсколько позднѣе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ егермейстеромъ [4]).

Въ 1756 году Государыня подарила старшему Разумовскому, построенный по ея приказанію въ 1748 году [5]) графомъ Растрелліемъ,

---

[1]) Mémoires de Catherine, II.

[2]) Blum, ein Russischer Staatsmann, IV. Тайный совѣтникъ и камергеръ Михаилъ Власьевичъ Будлянскій первый ввёлъ въ Малороссіи посадку табака. Ему принадлежало мѣстечко Срѣбное, въ Прилукскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ центръ малороссійской табачной промышленности. Тютюнъ долгое время назывался „Камергеркою“ въ честь Будлянскаго. Онъ жилъ въ Чемерѣ (который успѣлъ отецъ его оттянуть у кіевскихъ писарей) истымъ бариномъ, имѣлъ 5,000 душъ крестьянъ и извѣстный по всей Малороссіи оркестръ, которымъ управлялъ капельмейстеръ итальянецъ Баби (сообщено Г. П. Галаганомъ). Михаилъ Власьевичъ былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Валькевичъ и имѣлъ двухъ сыновей, Алексѣя и Петра, умершихъ бездѣтными (см. о первомъ князь Шаликовъ: „Путешествіе въ Малороссію“ и Лазаревскій, „Очерки старѣйшихъ родовъ Черниг. губ.“). Все имѣніе Будлянскихъ перешло въ родъ Ширяевъ. У Михаила Власьевича была сестра Марина Власьевна за Данилою Петровичемъ Апостоломъ.

[3]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1755 г.

[4]) Тамъ же, 1756, 1757 и 1758 года. Изъ нетитулованныхъ Разумовскихъ, одинъ только Василій Ивановичъ былъ женатъ на графинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ Апраксиной, которой братъ, какъ мы увидимъ ниже, женился на одной изъ дочерей гетмана. Василій Ивановичъ умеръ въ 1800 году, въ пожалованномъ ему Елизаветою селѣ Сенковицахъ и похороненъ въ Сергіевой пустынѣ близъ Петербурга. Тамъ же похоронена и жена его († 1806). У нихъ были двѣ дочери, I. Александра Васильевна, за Алексѣемъ Деденевымъ, о которомъ Гельбигъ говоритъ, что онъ былъ человѣкъ весьма странный и въ обществѣ неуживчивъ (für die Gesellschaft ganz unbrauchbarer Charakter. Russ. Günstlinge, 214). У Деденевыхъ былъ сынъ камергеръ Михаилъ Алексѣевичъ, р. 1793, † въ Дрезденѣ 1831, и дочь Софья Алексѣевна за ген. отъ инф., ген.-адъют. и с.-петерб. ген.-губернаторомъ Матвѣемъ Евграфовичемъ Храповицкимъ (1784, † 1847); его первая жена. Вторая дочь В. И. Разумовскаго, Наталья Васильевна (1761 † 1844), была замужемъ за Д. С. С. Муравьевымъ.

[5]) Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1755 года, Аничковскій дворецъ называется еще „Аничковскимъ Ея Императорскаго Величества дворцомъ“; а въ 1757 уже просто „Аничковскимъ домомъ“. До 1756 г. онъ отдавался разнымъ лицамъ для

Аничковскій дворецъ. Дворецъ этотъ, весьма великій, стоялъ въ тѣ времена на открытомъ мѣстѣ; онъ былъ въ три этажа и имѣлъ совершенно простой фасадъ. На улицу выходилъ на сводахъ висячій садъ, равный ширинѣ дворца. Дворцовый садъ въ видѣ неправильнаго четырехугольника простирался до Садовой улицы. Въ саду находилось каменное зданіе въ одинъ этажъ, въ которомъ помѣщена была картинная галерея графа [1]). Уже въ первые годы своего царствованія Елизавета подарила Разумовскому дворецъ, въ которомъ сама жила до восшествія своего на престолъ, и который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Цесаревниннаго дворца. Онъ находился на Царицыномъ лугу не далеко отъ Милліонной, близъ дома, принадлежавшаго графу Лестоку, а потомъ подареннаго фельдмаршалу Апраксину [2]), на мѣстѣ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ и дома принца Ольденбургскаго. Замѣчательно, что ни жалованныхъ грамотъ, ни указовъ на пожалованіе этихъ двухъ дворцовъ не было.

Въ государственномъ архивѣ мы нашли записку, безъ подписи и числа, въ которой изъяснено, что жалуются графу Алексѣю Григорьевичу, еще не фельдмаршалу, въ потомственное владѣніе: „два собственныхъ наши каменные дома въ С.-Петербургѣ. Одинъ построенный на рѣкѣ Фонтанкѣ, что у Аничковскаго моста со всѣми строеніями каменными и деревянными безъ изъятія, и что въ нихъ мебелевъ и другихъ наличностей имѣется, такожъ и съ мѣстомъ принадлежащимъ къ тому дому, которое лежитъ за каменной оградой на берегу той же рѣки, а другой, что противъ нашего большого сада на Красной улицѣ по каналу стоитъ, со всѣми же строеніями и мебелями, какъ оный нынѣ находится". Второй домъ былъ несомнѣнно тотъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ Цесаревнина. Кирила Григорьевичъ, послѣ смерти брата, обратился къ Екатеринѣ II съ просьбою о грамотѣ на имѣнія его; вопросъ же о собственности дворцовъ передавалъ на монаршее благоволеніе. Екатерина все за нимъ утвердила [3]). Елизавета Петровна любила посѣщать Аничковскій домъ, хотя графъ Алексѣй Григорьевичъ продолжалъ по прежнему жить при ней во дворцѣ; часто ѣзжала она туда къ обѣднѣ [4]) и постоянно, покамѣстъ

праздниковъ; такъ, напримѣръ, тамъ принималъ Государыню и дворъ австрійскій посолъ графъ Эстергази (Камеръ-фуріерскій журналъ 1755 года). Георги въ описаніи говоритъ, что Аничковскій дворецъ выстроенъ въ 1744 году, а Reimers (Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts) въ 1748 году; придерживаемся послѣдняго показанія.

[1]) Тамъ же, 108.

[2]) Нынѣ домъ графини Игнатьевой, рожд. кн. Мещерской.

[3]) См. приложенія.

[4]) Камеръ-фуріерскіе журналы 1757, 1758, 1759 и 1760 годовъ.

[illegible] ей [illegible] [illegible]ровала тамъ именины [illegible] [illegible]. Наконецъ, [illegible] Сентября 1756 года, въ [illegible] [illegible]ства, Государ[illegible] [illegible]ловала Алексѣя Григорьевича [illegible] съ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, графомъ [illegible] Борисовичемъ Бутурлинымъ и Степаномъ Ѳедоровичемъ [illegible] въ генералъ-фельдмаршалы. „Повелѣваемъ", сказано [illegible] „нашему генералъ-фельдмаршалу графу Алексѣю Ра[illegible] жалованія его фельдмаршаломъ, жалованіе произво[illegible] нему его фельдмаршальскому чину полное, а [illegible] ковъ изъ военной суммы" [1]). Военной коллегіи объяв[illegible] при [illegible] фельдмаршалѣ и кавалерѣ графѣ Разум[illegible] [illegible] 2-мъ генеральсъ-адъютантамъ, 2-мъ флигел[illegible] [illegible] секретарю обыкновенныхъ чиновъ по фельд[illegible] а съ полнымъ жалованіемъ по ихъ рангамъ [illegible] Преданіе гласитъ, что Елизавета уже [illegible] [illegible]умовскаго въ это званіе, но [illegible] [illegible] него отказывался, наконецъ, [illegible] [illegible] залъ ей: „Государыня, ты [illegible] [illegible] никогда не [illegible] [illegible] да и только!"

Въ то время, какъ въ Петербургѣ [illegible] [illegible] Великаго Князя Павла Петровича [illegible] [illegible] Екатерины черезъ рожденіе это [illegible] [illegible] [illegible] быстро шли впередъ. Европа, [illegible] [illegible]гроссомъ, снова грозила загорѣться [illegible] [illegible]едливо гордился Ахенскимъ [illegible] [illegible] на него какъ на свое творенія. Ахенскій конгрессъ [illegible] [illegible]даря появленію на Рейнѣ-Русскаго 30,000 корпуса [illegible] [illegible]гліею и Нидерландами. Россія, не тратя ни людей, [illegible] [illegible]заняла въ Европѣ первое [illegible]. Дружбы ея домогали[illegible] [illegible]щія державы. Но на самомъ дѣлѣ Ахенскій конгрессъ [illegible] одного изъ вопросовъ, волновавшихъ Европу. Вражда [illegible] и Австріею не ослабѣвала, и обѣ державы только [illegible] [illegible]помѣрить силы свои на полѣ битвъ. Это было скорѣе [illegible] что другое. Вѣрный преданіямъ Петра Великаго и [illegible] Остермана, Бестужевъ, съ самаго начала царствованія [illegible] жался, какъ мы видѣли, союза съ Австріею. Съ [illegible] былъ заключенъ договоръ, по которому обѣ держав[illegible] случаѣ нападенія на владѣнія одной изъ нихъ, [illegible]

[1]) Государственный архивъ.

[2]) Тамъ же.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ

РАЗУМОВСКІЙ

ОБЕРЪ-ЕГЕРМЕЙСТЕРЪ И ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

пусъ на помощь союзницы. Въ то же время Бестужевъ искалъ союза и съ Англіею, къ которой былъ привязанъ лучшими воспоминаніями юности. Отъ Пруссіи и Франціи отдаляли его какъ интересы Россіи, такъ и личная вражда къ Фридриху II-му и Версальскому кабинету, столь долго и неутомимо, черезъ Мардефельда, Ла-Шетарди и Лестока, трудившихся надъ его паденіемъ. Тройственнымъ союзомъ между Россіею, Англіею и Вѣнскимъ дворомъ, канцлеръ думалъ удержать statu quo въ Европѣ и помѣшать новому пролитію крови. Изъ Англіи, съ цѣлію заключить тѣсный союзъ, отправленъ былъ въ Россію сиръ Чарльсъ Ганбюри Виліамсъ (sir Charles Hanbury Williams, 1709 † 1759) одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей славившагося въ то время остроуміемъ и ученостію лондонскаго общества. „Можно сказать, что еще никакой государь не имѣлъ удовольствія быть только почитаемымъ“, говорилъ Бестужевъ о Елизаветѣ въ докладной запискѣ, имъ поданной Государынѣ 19 Января 1756, ...„были ли... къ славѣ Е. И. В. канцлеровы труды, оное Е. В. лучше извѣстно“. И въ самомъ дѣлѣ никогда еще Россія не имѣла такого громаднаго вліянія на дѣла Европы и нѣтъ сомнѣнія, что вліяніемъ своимъ отечество наше не мало было обязано трудамъ канцлера. Несмотря на свои огромные недостатки, на корыстолюбіе, неразборчивость средствъ для достиженія своихъ цѣлей, на крайнее честолюбіе и пр., и пр., и пр., Бестужевъ все-таки оставался на 16-мъ году царствованія Елизаветы тѣмъ, чѣмъ былъ при началѣ его, т.-е. единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять кормиломъ государства среди волненій внѣшней политики. Съ большою опытностью въ дѣлахъ дипломатическихъ онъ соединялъ рѣдкія познанія и несомнѣнно желалъ величія Россіи, хотя иногда любовь къ родинѣ подчинялъ личнымъ выгодамъ. Теперь труднѣе, чѣмъ когда-нибудь стало управленіе дѣлами государственными. Въ Европѣ произошла внезапная перемѣна, которой никто не ожидалъ и не предвидѣлъ и которая спутала соображенія самыхъ искусныхъ дипломатовъ, а между ними и Бестужева. Льстивыя письма Маріи-Терезіи ко всемогущей маркизѣ де-Помпадуръ измѣнили всю политику Версальскаго двора, а кстати и ловко употребленное выраженіе: „ma cousine“ — стерло тѣ кровавыя воспоминанія, которыя, казалось, на вѣкъ должны были отдѣлить Францію отъ Вѣнскаго кабинета. Освященныя вѣками, преданія Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV были забыты; Франція протянула руку своему историческому врагу и, забывъ недавнюю связь съ Пруссіею, открыто выступила противъ Фридриха-Великаго. Австрія, Франція и большая часть Германіи соединились въ одно; на сторонѣ Пруссіи оставалась одна только Англія. При такомъ неожиданномъ переворотѣ, Бестужевъ, болѣе чѣмъ когда-либо, стремился къ союзу съ

Сенъ-Джемскимъ дворомъ. Союзъ этотъ могъ парализировать прежній договоръ съ Австріею и спасти Россію отъ пагубной войны. Бестужевъ рѣшился на всякій случай двинуть войска къ границѣ и наготовѣ выжидать удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Европы, не теряя ни людей, ни денегъ. Въ это трудное для Бестужева время, когда ему приходилось безпрестанно бороться съ сильными противниками, на каждомъ шагу натыкаться на подкопы и видѣть, какъ, благодаря нежданнымъ событіямъ на Западѣ, подъ мѣткими ударами его враговъ, сокрушалось зданіе его политики, съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ возведенное, новая неожиданность еще болѣе расшатала его нетвердое положеніе при дворѣ и окончательно уронила его въ глазахъ Императрицы. Неожиданность эту породила Англія. Въ началѣ пребыванія Виліамса въ Россіи все улыбалось Британскому посланнику. Канцлеръ принялъ его самымъ дружелюбнымъ образомъ. Въ свитѣ его находился красивый и блестящій графъ Станиславъ Понятовскій, вскорѣ сблизившійся со дворомъ Великокняжескимъ. Понятовскій сталъ безпрестанно посѣщать живописный китайскій павильонъ, выстроенный Екатериною среди тѣнистыхъ дубовъ Ораніенбаумскаго парка и свелъ Виліамса съ Великою Княгинею. Въ Лондонѣ сэръ Чарльзъ считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ и остроумныхъ собесѣдниковъ; онъ былъ другомъ Гораса Вальполя, лорда Голланда, Лительтона и Фильдинга. Онъ любилъ литературу, писалъ стихи и славился своими политическими пѣснями. Екатерина вполнѣ поддалась обаятельному уму ловкаго и любезнаго Англичанина. Между ними завязалась переписка, въ которомъ молодая Великая Княгиня совершенно откровенно высказывала все то что́ у ней было на душѣ. Къ сожалѣнію, переписка эта, которая должна пополнить всѣ недомолвки записокъ Екатерины, еще недоступна изслѣдователямъ. Она намъ извѣстна только по краткимъ отрывкамъ, внесеннымъ профессоромъ Соловьевымъ въ его исторію. „Шуваловы не любятъ васъ за вашу дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ“, писалъ къ ней Виліамсъ, „они будутъ хлопотать съ помощью Австрійскаго и Французскаго пословъ, боясь восшествія на престолъ Великаго Князя, и провозгласятъ вашего сына, удаливъ васъ изъ Россіи“. „Я съумѣю разрушить ихъ замыселъ“, отвѣчала Екатерина, „или умру, или буду царствовать, а не поступлю какъ Шведскій король“ [1]). Въ другомъ письмѣ она прямо излагаетъ свой планъ дѣйствія въ случаѣ смерти Елизаветы: „Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату; пошлю за офицерами гвардіи, за Бестуже-

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 62—63.

вымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ и сама иду въ комнату умирающей... если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми". Далѣе Екатерина сообщаетъ, что имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея дѣла и утверждалъ, что Измайловскій полкъ, котораго онъ состоялъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ ручался, что его братъ въ предсмертныя минуты Елизаветы возьметъ Великаго Князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду съ Бестужевымъ, такъ какъ всѣ ея друзья должны теперь дѣйствовать за-одно. Гетманъ же долженъ былъ склонять въ пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкаго и даже Воронцова, втайнѣ ненавидѣвшаго Шуваловыхъ. „Я рѣшилась", писала еще Екатерина, „или царствовать, или погибнуть" [1]). При такой откровенности со стороны женщины, на которую уже обратили взоры всѣ лучшіе люди Русскіе, неудивительно что Виліамсъ слѣпо вѣрилъ въ успѣхъ свой. Онъ уже мечталъ разыграть роль новаго де-ла-Шетарди, но въ это самое время Англійское правительство неожиданно заключило союзъ съ Фридрихомъ II. Виліамсъ все еще твердо вѣрилъ въ свой успѣхъ, онъ ожидалъ скорой развязки; Елизавета была опасно больна, доктора отчаявались въ ея выздоровленіи. Но и здѣсь онъ ошибся.

Между тѣмъ вліяніе Шуваловыхъ возросло до высшей степени. Иванъ Ивановичъ, открытый любимецъ Государыни, былъ всемогущъ, но вліяніе свое онъ по мѣрѣ силъ употреблялъ на пользу отечества, забывая о себѣ и довольствуясь личнымъ расположеніемъ Императрицы. За то двоюродные его братья быстро достигли высшихъ государственныхъ почестей. Оба были уже Андреевскими кавалерами и графами; изъ нихъ графъ Александръ Ивановичъ, по смерти графа Ушакова, назначенъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи, а графъ Петръ Ивановичъ, настоящая глава всей Шуваловской партіи, въ 1756 году получилъ мѣсто генералъ-фельдцейхмейстера. Благодаря женѣ своей, графинѣ Маврѣ Егоровнѣ, нѣкогда любимой камерфрау, а теперь всемогущей наперсницѣ Государыни, и двоюродному брату, часто, но, къ сожалѣнію, всегда безуспѣшно старавшемуся освободиться изъ-подъ его опеки, успѣлъ графъ Петръ Шуваловъ завладѣть довѣренностью Елизаветы Петровны. Безпрестанные недуги ослабили нервы Императрицы: ей постоянно приходила на умъ первая ночь ея царствованія, и она опасалась, чтобы съ ней не поступили точно такъ, какъ нѣкогда поступила она съ несчастной Анной Леопольдовной. Этимъ настроеніемъ ловко воспользовался графъ Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь Государыни, увѣрялъ ее, что она окружена

[1]) Тамъ же, XXIV, 64.

тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему вполнѣ удалось убѣдить больную и слабѣющую Императрицу въ томъ, что одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ. Въ этомъ состояла главная сила его при дворѣ. Безъ всякой подготовки къ дѣламъ государственнымъ, лишенный образованія и познаній, крайне самонадѣянный, Шуваловъ на самомъ дѣлѣ способенъ былъ только къ однимъ мелкимъ придворнымъ интригамъ; но, тщеславный и честолюбивый, онъ, несмотря на всю свою несостоятельность, стремился къ достиженію исключительнаго вліянія на дѣла и хотѣлъ стать во главѣ управленія. Не имѣя никакой опытности въ вопросахъ дипломатическихъ, незнакомый съ тайными пружинами Европейскихъ кабинетовъ, никогда не бывавшій на войнѣ и кое-какъ знавшій службу, онъ однако ни передъ чѣмъ не останавливался: брался и за составленіе новаго уложенія, и за финансовые вопросы, и за управленіе политикой Русскаго двора, и за выдумку гаубицъ, и за учрежденіе военнаго строя. Достигнувъ почти исключительнаго вліянія, онъ, еще недавно съ покорностью склонявшій спину подъ батогами всемогущаго Разумовскаго, сдѣлался теперь самымъ гордымъ временщикомъ двора Елизаветы. Даже многочисленные его кліенты, запрудившіе всѣ отрасли управленія, были надменности невыносимой. Не менѣе Бестужева падкій къ деньгамъ, Шуваловъ набивалъ свои карманы трудовою копѣйкою народа, тогда какъ канцлеръ исключительно наживался деньгами, получаемыми отъ иностранныхъ державъ. Разумѣется, всѣ дѣйствія Шувалова носили отпечатокъ мелкости его способностей. Все дѣлалось наскоро, кое-какъ, безъ системы и логики. Какъ при Петрѣ были у насъ въ модѣ Голландцы, при Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ—Нѣмцы, такъ теперь при Елизаветѣ, со временъ де-ла-Шетарди, въ ходъ пошли Французы. Пышные праздники, блестящая свита и звонкія фразы Французскаго посла сдѣлали глубокое впечатлѣніе на поверхностныхъ людей, а между ними и на П. И. Шувалова. Все Французское стало въ модѣ при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ, Французскій языкъ быстро вошелъ въ общее употребленіе. Къ сожалѣнію, въ этомъ слѣпомъ пристрастіи грѣшенъ былъ Иванъ Ивановичъ, находившійся въ дѣятельной перепискѣ съ Вольтеромъ, который писалъ тогда, по заказу двора нашего, исторію Петра Великаго. Благодаря этому настроенію высшаго общества, графъ Петръ Ивановичъ сталъ открытымъ сторонникомъ Франціи; тѣсный союзъ съ Версальскимъ дворомъ сдѣлался любимою мечтою его. Не разбирая, выгоденъ ли союзъ этотъ для Россіи и какія будутъ отъ него послѣдствія, онъ сталъ всячески, безъ вѣдома Бестужева, стремиться къ осуществленію своей цѣли. Бехтѣевъ былъ отправленъ тайнымъ агентомъ въ Парижъ. Со стороны Франціи явились въ Пе-

вымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ и сама иду въ комнату умирающей... если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми". Далѣе Екатерина сообщаетъ, что имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея дѣла и утверждалъ, что Измайловскій полкъ, котораго онъ состоялъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ ручался, что его братъ въ предсмертныя минуты Елизаветы возьметъ Великаго Князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду съ Бестужевымъ, такъ какъ всѣ ея друзья должны теперь дѣйствовать за-одно. Гетманъ же долженъ былъ склонять въ пользу Екатерины Вутурлина, Трубецкаго и даже Воронцова, втайнѣ ненавидѣвшаго Шуваловыхъ. „Я рѣшилась", писала еще Екатерина, „или царствовать, или погибнуть" [1]). При такой откровенности со стороны женщины, на которую уже обратили взоры всѣ лучшіе люди Русскіе, неудивительно что Виліамсъ слѣпо вѣрилъ въ успѣхъ свой. Онъ уже мечталъ разыграть роль новаго де-ла-Шетарди, но въ это самое время Англійское правительство неожиданно заключило союзъ съ Фридрихомъ II. Виліамсъ все еще твердо вѣрилъ въ свой успѣхъ, онъ ожидалъ скорой развязки; Елизавета была опасно больна, доктора отчаявались въ ея выздоровленіи. Но и здѣсь онъ ошибся.

Между тѣмъ вліяніе Шуваловыхъ возросло до высшей степени. Иванъ Ивановичъ, открытый любимецъ Государыни, былъ всемогущъ, но вліяніе свое онъ по мѣрѣ силъ употреблялъ на пользу отечества, забывая о себѣ и довольствуясь личнымъ расположеніемъ Императрицы. За то двоюродные его братья быстро достигли высшихъ государственныхъ почестей. Оба были уже Андреевскими кавалерами и графами; изъ нихъ графъ Александръ Ивановичъ, по смерти графа Ушакова, назначенъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи, а графъ Петръ Ивановичъ, настоящая глава всей Шуваловской партіи, въ 1756 году получилъ мѣсто генералъ-фельдцейхмейстера. Благодаря женѣ своей, графинѣ Маврѣ Егоровнѣ, нѣкогда любимой камерфрау, а теперь всемогущей наперсницѣ Государыни, и двоюродному брату, часто, но, къ сожалѣнію, всегда безуспѣшно старавшемуся освободиться изъ-подъ его опеки, успѣлъ графъ Петръ Шуваловъ завладѣть довѣренностью Елизаветы Петровны. Безпрестанные недуги ослабили нервы Императрицы: ей постоянно приходила на умъ первая ночь ея царствованія, и она опасалась, чтобы съ ней не поступили точно такъ, какъ нѣкогда поступила она съ несчастной Анной Леопольдовной. Этимъ настроеніемъ ловко воспользовался графъ Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь Государыни, увѣрялъ ее, что она окружена

[1]) Тамъ же, XXIV, 64.

Недоброжелателями этими, однако, были одни графы Шуваловы; съ Иваномъ же Ивановичемъ и Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ графъ Кирила Григорьевичъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Императрица снова заболѣла. Врачи отчаявались въ выздоровленіи. Шуваловы испугались и стали заискивать у Екатерины; переговоры между ними и Великою Княгинею шли черезъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго и Бецкаго. Апраксинъ совѣтовалъ Екатеринѣ не брезгать Шуваловыми, она написала къ Ивану Ивановичу письмо, переданное ему Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и принятое, по словамъ послѣдняго, съ восторгомъ [1]). Но Государыня, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, поправилась. Назначенъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ положено было дѣйствовать наступательно. Послѣ союза Англіи съ Пруссіею не могло уже быть рѣчи о субсидномъ договорѣ. Вступленіе Фридриха въ Саксонію крайне разгнѣвало Императрицу. Со всѣхъ сторонъ готовились къ войнѣ. Виліамсъ заявилъ, что Фридрихъ проситъ Императрицу принять на себя посредничество въ примиреніи съ Австріею, но видя, что заявленію этому плохо вѣрятъ при дворѣ, сталъ грозить нападеніемъ со стороны Прусскаго короля. 31 Декабря 1756 г. Елизавета подписала актъ приступленія къ Версальскому договору, заключенному между Австріею и Франціею. Напрасно наслѣдникъ престола позволилъ себѣ нѣкоторыя возраженія на конференціи: „что сдѣлано, то сдѣлано по моему приказанію“, отвѣчала ему Государыня, „и я не хочу, чтобы объ этомъ разсуждали“ [2]). Бестужевъ не переставалъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ для Россіи, до открытой войны дѣло не дойдетъ, и, вѣрный своему плану, выдвинулъ къ границамъ войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина, лучшаго своего друга, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и пользовавшагося довѣріемъ Великой Княгини. Другъ канцлера, Апраксинъ былъ въ то же время близокъ и къ Шуваловымъ: дочь его княгиня Елена Степановна Куракина была въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ графомъ Петромъ Ивановичемъ и имѣла на него большое вліяніе. Съ однимъ только гетманомъ не въ ладахъ былъ Апраксинъ: они какъ-то повздорили вмѣстѣ и злые языки увѣряли, что фельдмаршалу досталось отъ гетманскихъ кулаковъ [3]).

Вообще графъ Кирила Григорьевичъ былъ очень горячъ и не всегда умѣлъ сдерживать себя; онъ поссорился и съ благодушнымъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, и какъ видно не на шутку. „Je

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 65.
[2]) Тамъ же, XXIV, 84.
[3]) Raumer, II, 409.

тербургъ извѣстный шевалье или, вѣрнѣе, „шевальерша“ д'Эонъ и шевалье Мамензи Дугласъ. За Бехтѣевымъ въ Парижѣ всячески ухаживали; что же касается до Дугласа, хотя онъ собственно былъ только повѣреннымъ принца де-Конти и не имѣлъ никакого оффиціальнаго положенія при Русскомъ дворѣ, однако онъ вскорѣ сталъ домашнимъ человѣкомъ у Шуваловыхъ и Воронцова и, помимо канцлера, успѣлъ снова завести дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею и подготовить путь къ пріѣзду посла маркиза Лониталя. Замѣчательно, что Дугласу поручено было, между прочимъ, отъ Французскаго правительства развѣдать о причинахъ, заставившихъ вызвать изъ Украйны гетмана, о томъ, что думаютъ о вѣрности Малороссіянъ и какъ съ ними обходятся въ Петербургѣ [1]). Интриги до того сплелись при дворѣ, что трудно было даже самому хитрому и ловкому придворному разобрать этотъ гордіевъ узелъ. Съ одной стороны была сильная партія Шуваловыхъ, отъ которой тайкомъ начиналъ отдѣляться Воронцовъ. Съ другой стороны стоялъ старый канцлеръ, опиравшійся на Алексѣя Григорьевича Разумовскаго и въ то же самое время находившійся въ открытой враждѣ съ гетманомъ, который съ своей стороны былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Виліамсомъ и Понятовскимъ. Послѣдній былъ своимъ человѣкомъ въ гетманскомъ домѣ и тамъ проводилъ почти всѣ вечера. Австрійскій посолъ графъ Эстергази, нѣкогда лучшій другъ Бестужева, перешелъ на сторону Шуваловыхъ. Оставалась Великая Княгиня, но на нее можно было разсчитывать для будущаго, а въ настоящемъ ея положеніи она могла мало принести пользы. Екатерина принуждена была скрывать сочувствіе свое къ канцлеру, которое могло, въ случаѣ, если бы слухи о немъ дошли до Императрицы, сильно повредить обоимъ. Противъ Шуваловыхъ могла она дѣйствовать только орудіями свѣтской женщины. Она на каждомъ шагу выказывала имъ глубочайшее презрѣніе, отыскивала ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ своими насмѣшками и сарказмами, которые повторялись по всему городу. Графы Шуваловы своею нетерпимою гордостью успѣли нажить себѣ много недоброжелателей, поэтому всякій охотно смѣялся и передавалъ знакомымъ колкости Великой Княгини. Кромѣ этого, Екатерина болѣе чѣмъ когда-нибудь ласкала Разумовскихъ, всегда, впрочемъ, ею особенно любимыхъ [2]), и этимъ опять-таки досаждала Шуваловымъ, такъ какъ послѣдніе, по ея свидѣтельству, были въ описываемое нами время открытыми недоброжелателями графовъ Алексѣя и Кирилы Григорьевичей [3]).

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 68.

[2]) Mémoires de Catherine II, 229.

[3]) Тамъ же, 422.

браться могли и по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ провіанта съ собою имѣли, однакожъ безъ обозу". 26 Августа приказаніе это наикрѣпчайше подтверждено. Въ Сентябрѣ повелѣно было изъ конференціи, чтобы, такъ-какъ войска выступающія на границу подъ предводительствомъ Апраксина отчасти собирались въ Малороссіи, то чтобы провіантъ и фуражъ для нихъ были заготовлены своевременно и „потому разсуждено отъ Сената учинить какъ наискорѣе такое опредѣленіе, дабы какъ Малороссійскій гетманъ, такъ до пріѣзда его туда тамошняя войсковая канцелярія по присылаемымъ прямо отъ его превосходительства генерала фельдмаршала и кавалера требованіямъ во всемъ скорое и неотложное исполненіе чинили". Въ то же время запрещенъ былъ выгонъ рогатой скотины изъ Малороссіи въ Силезію [1]). 5000-ный отрядъ былъ назначенъ для выступленія къ Прусскимъ границамъ подъ начальствомъ генеральнаго есаула Якубовича; однако вслѣдствіе представленій гетмана, выступили только 1000 человѣкъ подъ командою Якубовича, Прилуцкаго полковника Галагана и обозныхъ полковыхъ: Стародубскаго Скакуна и Кіевскаго Солонины. При отрядѣ этомъ состоялъ тоже бригадиръ Капнистъ. Кромѣ того, 8000 посполитовъ, или крестьянъ, отправлены были къ арміи, чтобы исправлять должность погонщиковъ [2]). Среди всеобщаго ожиданія и приготовленій къ войнѣ, въ Запорожскомъ войскѣ возникло неудовольствіе. Казаки жаловались, что ихъ тѣснятъ. Сенатъ вслѣдствіе этихъ жалобъ приказалъ перенесть запорожскіе зимовники, находящіеся по сію сторону рѣки Самоктани, въ другое мѣсто въ Запорожскихъ же дачахъ, чтобы никакъ ссоръ, особенно же гайдамацкаго воровства не было, и предписалъ гетману, отобравъ мнѣніе кошевого, представить ему это мнѣніе, приложивъ свое заключеніе. Запорожцы требовали, чтобы у Старосамарскихъ жителей отнято было право владѣть мѣстами на рѣкѣ Самарѣ и чтобы Запорожскому войску даны были грамоты на всѣ владѣемыя имъ съ давнихъ поръ земли. Сенатъ отвѣчалъ, что требованія Запорожцевъ неосновательны; завязалась переписка. Запорожцы доказывали, что такъ было при Хмѣльницкомъ; сенатъ отвѣчалъ, что грамоты, на которыя казаки ссылаются, нельзя отыскать и приказалъ, чтобы гетманъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, и Запорожское войско назначили особыхъ людей, которые должны сдѣлать описаніе всѣмъ Запорожскимъ землямъ и угодьямъ, положить на карту и представить въ сенатъ. При этомъ дано почувствовать Запорожью, что полная независимость при выборахъ должностныхъ лицъ не будетъ уже допущена. Въ то же самое время

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, III, 454 и 493.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 204.

dois avec regret communiquer à Votre Excellence", писалъ Шуваловъ къ Воронцову, „que ce matin Hetman (sic) m'a fait des reproches et des reprimandes si vives qui me sont d'autant plus sensibles que je n'y ai aucune part. C'est par rapport de ce qu'on lui a ôté la garde. V. e. pourra penser combien il est fâcheux pour un homme de se voir traité de la sorte. Je suis fâché de mon coeur de perdre ses bontés. Il faut qu'il y ait des gens qui nous ont brouillés. Voilà, monseigneur, les recréations que je suis obligé d'essuyer de beaucoup de gens qui me font toujours coupable sans reflechir" [1]).

Но ссора эта какъ видно продолжалась не долго; уже въ Январѣ 1757 года Шуваловъ пишетъ Воронцову: „on m'a dit que Vous êtes chez son excellence hettmane, je Vous prie, monseigneur, de lui faire mes respects [2])", и въ томъ же году, какъ мы увидимъ ниже, между Кирилою Григорьевичемъ и Шуваловымъ завязалась дѣятельная переписка.

Гетманъ продолжалъ жить въ Петербургѣ открытымъ домомъ, щеголяя экипажами [3]) и собирая у себя отборное общество. Depuis-ce temps là (1756) je commençai à fréquenter plus souvent la cour et le grand monde, allant dans les meilleures maisons, comme celle du hetmann comte de Rasoumovsky, fort lié avec notre famille, le prince Troubetzkoy, le c-te Cheremeteff..." повѣствуетъ въ запискахъ своихъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ [4]).

Военныя приготовленія отозвались и въ Малороссіи. Уже въ 1754 году 200 Запорожцевъ выступили изъ Сѣчи для прикрытія Елизаветграда отъ нечаянныхъ нападеній Татаръ, а въ слѣдующемъ году, по случаю смерти султана Махмуда I, войска казацкія были усилены на границахъ [5]). Въ правительствующій сенатъ въ Апрѣлѣ 1756 года сообщено было экстрактомъ изъ протокола конференціи, „чтобы Малороссійскихъ Украинскихъ гетманскаго уряду казаковъ съ потребною старшиною такимъ образомъ нарядить, чтобы оные всѣ и каждый о дву конь по первому указу въ двѣ или три недѣли со-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 275.

[2]) Тамъ же, VI, 284.

[3]) Бехтѣевъ писалъ изъ Парижа къ графу М. И. Воронцову: „Я самъ заказу карету графу Кириллѣ Григорьевичу... на каретѣ графа Алексѣя Григорьевича думаю вмѣсто золота сдѣлать простой лакъ и только одинъ гербъ по сторонамъ; здѣсь каретъ болѣе не золотятъ". „Для его сіятельства гетмана", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Воронцову же, „карету я заказалъ; карета для графа Алексѣя Гр. дѣлается, оная выбита будетъ зеленымъ травчатымъ бархатомъ, но позолоты снаружи мало будетъ". „Карета е. с. графа Алексѣя Григорьевича, стала здѣсь на мѣстѣ въ 5,327 ливровъ" (Тамъ же, томы III и VI).

[4]) Архивъ князя Воронцова, V, 15.

[5]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 203.

нужное военное время нѣкотораго числа съ Малороссіи людей стараться какъ наилучше и наискорѣе въ дѣйство произвести“ [1]).

На этотъ указъ гетманъ поспѣшилъ отвѣтить, что онъ къ отъѣзду готовится, что относительно перваго пункта онъ проситъ дать знать на Украйну; касательно второго пункта онъ „по истинному подданству присяжнаго раба и по непоколебимой своей вѣрности къ освященной Е. И. В. особѣ и къ сохраненію во всѣхъ случаяхъ высочайшаго Е. И. В. государственнаго интереса долженствуетъ чистою совѣстію признаться, что въ вѣрноподданномъ Малороссійскомъ народѣ ни малѣйшаго наклоненія къ таковымъ вѣроломнымъ помысламъ ни тайнаго, ни явнаго онъ не примѣчалъ и не уповаетъ, чтобы сей народъ на таковое душевредство поступать теперь могъ“. Касательно 4-го пункта гетманъ обѣщался сдѣлать все возможное, но при томъ за долгъ считаетъ напомнить, что Малороссія страна пограничная и вовсе безъ людей оставаться не можетъ [2]). Одновременно съ этимъ отвѣтомъ гетманъ обратился къ Государынѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Высочайшее В. И. В. повелѣніе, дабы мнѣ въ Малую Россію немедленно отъѣхать, мнѣ объявлено изъ конференціи по которому и отправлюсь туда съ поспѣшеніемъ. Но при отъѣздѣ моемъ дерзновеніе пріемлю всеподданнѣйше просить милосердымъ окомъ воззрѣть на обстоятельства моей опечаленной теперь фамиліи. Беременная моя почти уже на сносѣхъ жена съ восемью малолѣтними и по бо̀льшей части больными дѣтьми въ такомъ состояніи теперь, что мнѣ ихъ съ собою взять, какъ для холодовъ наступившихъ, такъ и для дальняго пути, и помыслить невозможно; а оставить къ приближающимся родамъ одну ее съ столь многочисленною и малолѣтнею фамиліею любовь и само человѣколюбіе воспрещаетъ, да и В. И. В. благоутробіе и милосердіе къ роду человѣческому того учинить великодушно не дозволитъ. Того ради съ глубочайшимъ моимъ раболѣпствомъ всеподданнѣйше прошу повелѣть мнѣ здѣсь еще остаться, доколѣ жизнь жены моей изъ страху выйдетъ, дабы я, оставя ее въ такомъ опасномъ состояніи, не восчувствовалъ иногда въ отдаленіи осиротѣлыхъ моихъ малолѣтнихъ дѣтей. Впрочемъ военныя обстоятельства зимнимъ временемъ въ Малой Россіи опасными быть не кажутся, а хотя бы что и было сумнительно, то повѣренный тамъ генералитетъ и Малороссійская старшина, сколько мнѣ извѣстно, довольно о томъ предосторожности имѣть могутъ, да и подтвердить имъ, доколѣ я пріѣду, изъ своихъ командъ, наистрожайше о томъ можно. Ежели В. И. В. сіе мое всеподданнѣйшее и всекрайне нужное прошеніе неугодно явится, то я, не пріемля никакихъ о фамиліи

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, III, 544—545.

[2]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

моей размышленій, Божію предусмотрѣнію и В. И. В. милосердому благопризрѣнію предавъ жену и всю малолѣтнюю мою при ней фамилію, отъѣду немедленно въ Малую Россію. На сіе ожидаю всеподданнѣйше В. И. В. милостивѣйшаго повелѣнія и есмь по гробъ В. И. В. всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій" [безъ числа] [1]).

Прошеніе явилось угоднымъ; графъ получилъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ до родовъ жены. Она родила 8-го Января 1757 года, сына Льва. 14 Февраля Государыня съ Наслѣдникомъ престола крестила новорожденнаго [2]). Сейчасъ послѣ крестинъ гетманъ сталъ собираться въ путь.

„Отъѣзжая на Украйну (въ 1751 г.)" писалъ Ломоносовъ о графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ, въ длинномъ представленіи, адрессованномъ вѣроятно И. И. Шувалову, „президентъ повѣрилъ правительство одному Шумахеру и пріѣхавъ, представилъ въ присутствіе трехъ человѣкъ: первый безсовѣтный, другой шалунъ, третій невѣжда. Съ пріѣзда графъ былъ въ академіи только однажды". На этотъ разъ Ломоносовъ не имѣлъ причинъ жаловаться; отправляясь въ Малороссію Разумовскій, подъ предлогомъ старости и дряхлости Шумахера, предписалъ: „присутствовать въ канцеляріи академической и всѣ текущія по академіи дѣла обще съ Шумахеромъ подписывать г. коллежскому совѣтнику и профессору Ломоносову и г. коллежскому ассессору и унтеръ-библіотекарю Тауберту, поступая во всемъ по регламенту и приложенной при семъ особливой инструкціи, о чемъ отъ меня и въ правительствующій сенатъ доношеніемъ представлено" [3]). Вообще въ то время по городу относительно президента академіи ходили весьма нелестные слухи. Говорили между прочимъ, что гетманъ больше наплодилъ дѣтей, чѣмъ читалъ книгъ и лучше зналъ разныхъ Петербургскихъ красавицъ, чѣмъ членовъ академіи [4]).

Передъ отъѣздомъ гетману дано было вмѣсто кафтана и запоны 1116 рублей 52 копѣйки, а чиновникамъ, при немъ бывшимъ, вмѣсто соболей и камокъ: новому генеральному судьѣ Журману—250 рублей, а остальнымъ по 60 рублей. По всей дорогѣ, на каждомъ почтовомъ стану, велѣно было выставить по 200 подводъ, по примѣру пріѣздовъ

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1757 года. Графиня Екатерина Ивановна родила: въ 1753 г. дочь графиню Дарью Кириловну (умерла въ малолѣтствѣ, въ Москвѣ, 1762 года); въ 1754 г.—дочь графиню Анну Кириловну; въ 1755 г.—дочь Прасковью Кириловну.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 608—609.

[4]) „Русскій Архивъ" 1873 г., II, 1912—1913.

гетмана Скоропадскаго [1]). Гетманъ отправился въ путь съ Тепловымъ, Журманомъ и „прочими своими придворными“ [2]). Графиня Екатерина Ивановна съ дѣтьми и Матреною Герасимовною Тепловой осталась въ Петербургѣ. „Другъ нашъ его сіятельство гетманъ поѣхалъ въ Украйну, а графиня со всѣмъ домомъ здѣсь осталась“, писалъ графъ М. И. Воронцовъ къ графу М. П. Бестужеву [3]).

ГЛАВА VIII.

Пребываніе гетмана въ Малороссіи.— Переписка съ Петербургомъ.

„Вашего сіятельства письмо дружеское отъ 13-го сего мѣсяца я получилъ исправно“—писалъ изъ Москвы графъ Кирила Григорьевичъ къ графу М. И. Воронцову, „и за предварительное увѣдомленіе вашихъ ко мнѣ дружескихъ сентиментовъ отъ искренняго сердца в. с. покорнѣйше благодарствую. Я, слава Богу, благополучно въ Москву 18 подъ вечеръ, т.-е. во вторникъ, пріѣхалъ, и ежели бы не столь худая дорога отъ множества снѣговъ, которая какъ сани мои всѣ почти переломала, такъ и меня самого крайне обезпокоила, удержала меня въ Москвѣ дней на пять: то бы я, нимало не мѣшкавъ, далѣ въ путь отправился. Однакожъ не далѣе какъ до воскресенія пробуду, а между тѣмъ, пользуясь компаніею братца вашего Ивана Ларивоновича, и какъ съ нимъ, такъ и съ другими немногими пріятелями, побывавъ у себя въ Троицкомъ и Петровскомъ, завтра ѣду къ вамъ обѣдать въ Коньково и тамъ буду имѣть удовольствіе пить в. с. и милостивой государыни моей графини Анны Карловны и Анны Михайловны здоровіе. Въ вашемъ домѣ воспоминаніе дружбы вашей любезнѣе еще мнѣ покажется, хотя, гдѣ бы я ни былъ, истиннаго себѣ друга и безъ того не забываю.

Москва, 20-го февраля 1757 г. [4]).

Въ Глуховъ гетманъ пріѣхалъ 2 Марта; тамъ ожидала его старушка-мать [5]).

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 174—175.

[2]) Зап. Марковича, II, 343.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, II, 367.

[4]) Тамъ же, IV, 379—380.

[5]) Записки Марковича, II, 343.

Осмотрѣвъ состояніе Малороссіи, гетманъ отправилъ къ Государынѣ слѣдующее донесеніе:

„Всепресвѣтлѣйшая и проч. По всевысочайшему соизволенію В. И. В. пріѣхалъ я въ Глуховъ сего Марта 2-го дня и все, что̀ всемилостивѣйше мнѣ ввѣрено отъ В. И. В. по нынѣшнимъ военнымъ конъюнктурамъ, осмотрѣлъ съ крайнимъ моимъ усердіемъ и вѣрноподданническою вѣрностью. По исполненіи же того дерзновеніе пріемлю В. И. В. всеподданнѣйше донести, что Малая Россія во всѣхъ ея предѣлахъ, самодержавію В. В. подвластныхъ, Богу благодареніе, находится въ вѣрноприсяжной своей должности, и никакихъ посторонних ниже подсылокъ, ниже какихъ либо сумнительствъ по сіе время нигдѣ и ни отъ кого не слышно, и не было. О чемъ собственно по моей рабской должности В. И. В. доношу, и, припадая къ стопамъ, есмь по конецъ жизни моей В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

Марта 17 дня 1757 г. Глуховъ“ [1]).

Нѣкоторыя сумнительства были однако слышны со стороны Запорожья: атаманы Минскаго куреня Шкура и Ирклеевскаго—Кишенскій, возмутили казаковъ, взяли насильно котлы и, ударяя въ нихъ, созвали раду. Собралось около 300 казаковъ и избрали, вмѣсто прежнихъ кошевого и судьи,—Шкуру и Кишенскаго. Но избраніе это было кассировано атаманами, которые возвратили власть прежнимъ своимъ предводителямъ. Узнавъ о самовольномъ поступкѣ Шкуры и Кишенскаго, Разумовскій приказалъ ихъ арестовать, равно какъ и другихъ зачинщиковъ и представить въ Глуховъ. Между тѣмъ кошевой и войсковая старшина, при видѣ общаго неудовольствія, отказались отъ власти. Безъ разрѣшенія гетмана, приступлено было къ новымъ выборамъ. Коль скоро слухъ о томъ дошелъ до Глухова, графъ Кирила Григорьевичъ отправилъ на Запорожье универсалъ, въ которомъ объяснено было, что за такое дѣло войско Запорожское весьма достойно быть подъ истязаніемъ и штрафомъ и чтобъ впредь не смѣли, подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва, сами собою увольнять кошевого и старшину и выбирать новыхъ. Въ то же самое время гайдамаки оговорили кошевого и старшину, что они брали у нихъ въ подарокъ ограбленныя вещи“ [2]).

Другое дѣло, которымъ пришлось Разумовскому заняться вскорѣ послѣ своего пріѣзда, касалось до секретныхъ связей, которыя могли имѣть съ Малороссіею Нахимовскій, Мировичъ, Орликъ и другіе

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

[2]) Исторія Соловьева, XXIV, 175.

эмигранты, покинувшіе Украйну послѣ Полтавскаго боя. Объ этихъ секретныхъ связяхъ доносилъ посланникъ нашъ въ Варшавѣ Гроссъ. Львовскій почтмейстеръ сообщилъ секретно Гроссу письмо изъ Яссъ отъ Нахимовскаго къ Орлику, находившемуся на Французской службѣ въ чинѣ бригадира. Въ письмѣ этомъ Нахимовскій говорилъ, что въ то время какъ онъ былъ въ Крыму, кошевой войска Запорожскаго прислалъ къ хану нарочнаго подъ видомъ купца, съ тѣмъ, чтобы войти въ переговоры касательно освобожденія казаковъ изъ-подъ Русскаго ига. Ханъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, и ожидалъ внушеній изъ Стамбула; что же касается до самого Нахимовскаго и Мировича, то они, по словамъ перваго, всячески старались возбудить посланца противъ Москалей“ [1]).

Какъ письмо это, такъ и надежды, въ немъ выраженныя о томъ, что дѣла Малороссіи начинаютъ поправляться, было не что иное, какъ пустое хвастовство. Все въ Малороссіи было вполнѣ покойно, не было ни малѣйшаго признака измѣны, ничего подобнаго не приходило на умъ казакамъ, и безпорядки на Запорожьѣ не имѣли никакого особенно важнаго значенія. Тѣмъ не менѣе слухи эти сильно раздражали графа Кирилу Григорьевича и онъ, не зная подробностей, приписывалъ ихъ недоброжелательству къ себѣ великаго канцлера.

„Пріятнѣйшія письма в. с.“, писалъ онъ къ Воронцову, „и съ приложеніями я получилъ исправно. Благодарствую в. с. за увѣдомленія дружескія и поздравленіе имянинами. Взаимно имѣю честь и васъ поздравить, какъ съ прошедшимъ праздникомъ Воскресенія Христова, такъ и приближающимся торжествомъ дня коронаціи Е. В. всемилостивѣйшей нашей Государыни. При томъ о себѣ объявляю, что я не очень здоровъ. Воздухъ здѣшній, жизнь скучная, а при томъ прешедшій постъ и дурная дорога въ худомъ моемъ и безъ того здоровіи много перемѣны сдѣлали, и я опасаюся, чтобъ больше не занемочь. И доктора не имѣю, и взять его негдѣ; голова уже безпрестанно побаливаетъ, а насморки обыкновенные много силы берутъ. Сожалѣю, что в. с. и сами часто также западаете; желаю, чтобъ лѣто хотя сіе васъ поправило и недостатки тѣ наградило въ здоровіи, которые нынѣшней зимой претерпѣли. Е. с. милостивой государынѣ моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ Христосъ Воскресе и съ любезною графинею Анною Михайловною. Апрѣля 3 дня 1757 г. Глуховъ.

„P. S. Полученный мною изъ конференціи рескриптъ привелъ меня въ немалое сумнѣніе, а особливо переводъ извѣстнаго письма. В. с. яко другу моему, открываюсь, что сіе дѣло есть совсѣмъ несбытное и неосновательное; а больше почитаю, что вымышленное моими извѣст-

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 156—157.

ными пріятелями, такого свойства, каковы были мнимые шпіоны отъ Короля Прусскаго, единственно только для того, чтобъ сдѣлать мое присутствіе здѣсь нужнымъ, важнымъ и весьма необходимо полезнымъ, дабы черезъ то вложить мнѣніе всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, какая опасность отъ сего края быть можетъ, въ наблюденіе чего, чтобъ меня засадить въ семъ скучномъ мѣстѣ и затворить бы путь къ моему возвращенію въ Петербургъ, ежели пожелаю. Сіе есть мое мнѣніе въ разсужденіе сей матеріи. В. с., будучи при самомъ источникѣ оной, можете лучше меня видѣть и знать, и ежели можете при оказіи мнѣ ваше о семъ дружеское мнѣніе открыть, то меня много одолжите. Въ прочемъ позвольте, м. г. мой, себѣ дружески попенять, для чего вы мнѣ не сообщили въ письмѣ вашемъ о семъ извѣстномъ и надежномъ каналѣ, чрезъ которое сіе письмо получено, ибо когда дѣло и матерія мнѣ ввѣряется, то для чего-жъ происшествіе о нихъ мнѣ для единственнаго моего знанія не сообщить? Вы изъ многихъ опытовъ могли примѣтить, что я повѣренность друзей моихъ такихъ, какимъ в. с. быть себѣ ласкаю, всегда крѣпко храню и ни для чего въ свѣтѣ другу моему злодѣемъ быть не могу. Рекомендуется мнѣ въ рескриптѣ, чтобъ имѣть предосторожность отъ пріѣзжающихъ изъ Крыму, Молдавіи и Польши. Воистину чудное дѣло поручается, котораго, сколь мое усердіе ни велико, сполнить не могу, яко же всѣ пограничные посты, какъ-то: форпосты, заставы и таможни не въ моей власти, ниже вѣдѣніи состоятъ. Сіе мое разсужденіе для единственнаго вашего знанія дружески сообщаю. Я надѣюсь, что и впредь будутъ сему подобные забубоны вымышлены, причемъ имѣю твердую надежду, что вы, гдѣ возможно будетъ, употребите стараніе добраго друга, чтобъ сему не вовсе слѣпо вѣрили. Моя преданность къ в. с., любовь и дружба нелицемѣрная заставятъ васъ дѣлать, что должность друга въ такихъ случаяхъ требуетъ, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь".

Дѣло однако разъяснилось и Разумовскій сталъ придумывать средство отдѣлаться отъ безпокойныхъ эмигрантовъ, клеветавшихъ на вѣрныхъ казаковъ. Въ то же время онъ писалъ къ Воронцову, отъ 6 Апрѣля:

„Провизія моя Венгерскихъ винъ изъ Токая пришла благополучно, о чемъ я по причинѣ военныхъ нынѣшнихъ обстоятельствъ не мало сомнѣвался. Не могъ я оставить, чтобъ съ в. с. оною не подѣлиться, изъ которой теперь имѣю честь послать в. с. десять анталовъ, изъ всякаго сорта по одному. В. с. усмотрите, что нынѣшняго года Венгерскія вина очень хороши. Прошу оныя въ здоровіе употреблять [1])".

[1]) Всѣ письма гетмана, писанныя имъ къ Воронцову въ 1757, заимствованы нами изъ Архива князя Воронцова, IV, 379—393.

Воронцовъ съ своей стороны почти еженедѣльно переписывался съ Разумовскимъ и передавалъ ему всѣ городскія извѣстія. „Его сіятельство братецъ вашъ", писалъ онъ между прочимъ отъ 12 Марта, „намѣренъ обычайно свои имянины въ Аничковомъ домѣ отправлять, гдѣ и Е. В. присутствовать соизволитъ". „Мы еще донынѣ о счастливомъ вашемъ въ Глуховъ пріѣздѣ извѣстія не имѣемъ,—сообщалъ онъ 21 Марта,—и вчерась, будучи съ е. с. братцемъ вашимъ въ Аничковомъ домѣ, обѣдавъ со всѣмъ синодомъ и духовенствомъ, много о в. с. говорили, и о здоровьѣ вашемъ пито". „Позвольте мнѣ попенять", пишетъ еще вице-канцлеръ, „что вы насъ здѣсь друзей своихъ, черезъ такъ долгое время, оставили въ великомъ безпокойствѣ, не имѣвъ понынѣ (2 Апрѣля) никакого извѣстія о вашемъ пріѣздѣ въ Глуховъ; а графиня ваша и братецъ въ крайней печали и сомнѣніи о вашемъ здоровіи пребываютъ..... у насъ ни единъ день не проходитъ, чтобы мы о любезномъ гетманѣ не поминали, всегда сожалѣя о разлученіи съ вами" [1]). Въ другомъ еще письмѣ Воронцовъ говоритъ, что по случаю неполученія извѣстій отъ Разумовскаго „въ городѣ уже были нескладные эхи", но что онъ ни мало не удивляется, что гетманъ „никакой пріятной сосіеты и забавы въ его скучномъ мѣстѣ найти не изволилъ" [2]).

Гетманъ наконецъ придумалъ способъ отдѣлаться отъ эмигрантовъ „При семъ отправленіи" писалъ онъ отъ 12 Апрѣля, „ничего новаго донести не могу. Ѣзжу уже давно по зеленымъ полямъ, и лѣсы густѣть начинаютъ; однакожъ воздухъ нѣсколько холоденъ. Со всѣмъ тѣмъ, лишася компаніи Петербургской, ничто не веселитъ и желаю какъ наискорѣе съ вами видѣться.

„P. S.—Послѣдній рескриптъ заставилъ меня думать, какимъ образомъ истребить сей каналъ, откуда сіи вѣсти (о намѣреніи Запорожцевъ отложиться отъ Россіи) приходятъ, которыя смущаютъ тѣхъ, которымъ дѣла сіи ввѣрены (т.-е. Бестужева), а наводятъ на сей край недовѣренность въ то время, когда ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ, но напротиву того всѣ пребываютъ въ непоколебимой вѣрности къ Е. И. В., въ чемъ в. с. твердо увѣряю. Для пресѣченія сего мнѣ кажется можно способъ употребить, чтобъ двухъ или трехъ бездѣльниковъ (Нахимовскаго и Мировича) истребить, которые въ Крыму изстари живутъ, и будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украйна послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ по-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 428 и 429.

[2]) Тамъ же, IV, 430.

читай люди, и слѣдовательно не тѣ ужъ и мысли въ нихъ пребываютъ. Для успокойствія всего, мнѣ кажется, что можно сихъ плутовъ оттуда украсть или какимъ способомъ истребить, о успѣхѣ котораго увѣрить за подлинно васъ не могу, только стараніе удобовозможное употреблено будетъ. Сіе дѣло какъ весьма деликатное и требуетъ политическаго размышленія, то я собою отнюдь ничего дѣйствовать не дерзаю, ежели мнѣ не повелѣно будетъ свыше; а вамъ, яко другу моему, мое мнѣніе открываю для единственнаго вашего знанія. Я хотѣлъ было о сей матеріи письмо писать къ персонѣ Е. И. В. съ представленіемъ моего мнѣнія, только поудержался съ тѣмъ. Ежели вы разсудите, что сіе будетъ не лишнее, то и тогда можно будетъ сіе сдѣлать. Итакъ васъ прошу при первой оказіи дать мнѣ знать, что вы о семъ думаете; а здѣсь всѣ жестоко злятся на сихъ пребывающихъ въ Крыму бездѣльникахъ, яко рушителей здѣшняго покоя наведеніемъ на сей край подозрѣнія и сомнѣнія о вѣрности той, которую всѣ единодушно къ Е. И. В. имѣютъ".

Воронцовъ отвѣчалъ на это предложеніе, что несомнѣнно желательно бы было, чтобы Нахимовскій и Мировичъ были какимъ случаемъ истреблены или украдены, но еще лучше ихъ оставить въ презрѣніи „тѣмъ болѣе, что никакого опасенія отъ ихъ каверзъ имѣть не можно, а они уже престарѣлые люди и скоро въ гробъ пойдутъ". Впрочемъ, вице-канцлеръ совѣтовалъ о предложеніи семъ довести гетману до свѣдѣнія Государыни или по малой мѣрѣ о томъ отписать въ конференцію „единственно для показанія тѣмъ усердія и ревности къ службѣ", причемъ добавилъ, что предложеніе это „не инако, какъ весьма пріятно здѣсь принято быть можетъ" и что объ этомъ уже увѣдомленъ Воронцовымъ графъ Алексѣй Григорьевичъ [1]).

О дѣятельности гетмана въ это пребываніе его въ Глуховѣ мы имѣемъ не много извѣстій. Онъ отстаивалъ, сколько могъ, передъ сенатомъ старинныя права Малороссіи. Между прочимъ, онъ жаловался на то, что главный магистратъ опредѣлилъ для словеснаго суда между купцами по два человѣка изъ великороссійскихъ купцовъ и что для протеста векселей въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ и Борзнѣ назначенъ былъ публичный нотаріусъ. Дѣло это возбуждалось уже не впервые. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что гетманъ уже въ 1754 году объяснилъ, что въ Малороссіи суду и расправѣ во всѣхъ претензіяхъ надлежитъ быть по силѣ малороссійскихъ правъ, въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ, и потому Малороссіяне должны быть освобождены отъ новаго учрежденія. На этотъ разъ ходатайство Разумовскаго имѣло успѣхъ: нотаріусъ и купцы были обратно вызваны въ Россію. Вскорѣ

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 481.

послѣ этого, гетманъ получилъ изъ сената грамоту, въ которой излагалась необходимость ввести словесные суды въ Малороссіи. Графъ Кирила Григорьевичъ отвѣчалъ, что часъ отъ часу рождается ему большая темнота и затрудненіе въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ, благодаря неточному истолкованію постановленій о Малороссійскомъ народѣ, на которыхъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій приступилъ подъ всероссійскую державу. Въ статьяхъ Хмѣльницкаго, писалъ гетманъ, смѣшиваются пункты, утвержденные царемъ, съ пунктами, которые упоминались только въ разговорѣ между боярами и гетманскими посланцами; отъ этого и происходятъ противорѣчія [1]). Съ цѣлью выработать сводъ малороссійскихъ правъ и вольностей, весьма дотолѣ неопредѣленныхъ, гетманомъ созвана была въ Глуховъ особая коммиссія, но сводъ, ею составленный, пришелся не по вкусу генеральной старшинѣ [2]). Съ другой стороны, сенатъ довольно колко отвѣчалъ Разумовскому. Сенатъ не усматривалъ изъ гетманскаго листа, какая темнота и затрудненіе рождаются гетману въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ и какая происходитъ неточность въ истолкованіи постановленій о Малороссійскомъ народѣ. „Самъ гетманъ", гласитъ даже отвѣтная грамота, „въ своемъ листѣ ни малѣйшаго о томъ изъясненія не прописываетъ и не упоминаетъ, кромѣ одного дѣла о словесныхъ между купцами судахъ; но одного этого дѣла въ темноту по всѣмъ малороссійскимъ дѣламъ вмѣнять и въ затрудненіе въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ и въ неточное истолкованіе постановленій о Малороссійскомъ народѣ почитать весьма не надлежитъ, ибо всѣ конфирмованныя отъ Е. И. В. о Малороссійскомъ народѣ постановленія безъ наималѣйшей отмѣны въ своей силѣ по всѣмъ дѣламъ содержаны быть должны. А помянутое дѣло къ отмѣнности постановленій о Малороссійскомъ народѣ наималѣйше не принадлежитъ, наипаче же къ затрудненію въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ не касается, потому что дѣло состоитъ токмо о словесныхъ между одного купечества судахъ, которому по учрежденіи по границѣ таможень и производимой чрезъ оныя не однимъ малороссійскимъ, но и великороссійскимъ и иностраннымъ купечествомъ государственной коммерціи, необходимо быть слѣдуетъ, и когда всѣ вышеупомянутые какъ разговорные, такъ и письменные пункты, во-1-хъ, при грамотѣ къ гетману Богдану Хмѣльницкому посланы; во-2-хъ, тѣжъ разговорные пункты за подписаніемъ Петра Великаго еще въ 1722 году прописаны и утверждены, равно съ того и въ 1754 году о индуктѣ въ докладъ Е. И. В. внесены и подписаніемъ Е. И. В. руки конфирмованы, то за-

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 245—246.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 204.

тѣмъ и правительствующій сенатъ оныхъ разговорныхъ пунктовъ недѣйствительными почесть не можетъ, колми паче ему господину гетману недѣйствительными оные представлять и о непріемѣ оныхъ за основаніе просить не надлежало, а наконецъ между разговорными и письменными пунктами противорѣчья никакого нѣтъ“ [1]). Гетманъ былъ счастливѣе въ представленіяхъ своихъ по Запорожскому войску. Онъ выхлопоталъ Запорожскимъ казакамъ прибавку жалованья, основываясь на томъ, что сербскіе выселенцы и новый слободскій полкъ стѣснили ихъ въ рыбной и звѣриной ловлѣ, и что вслѣдствіе увеличенія пошлинъ въ пограничныхъ таможняхъ казаки покинули и торговлю и соляные промыслы. Разумовскій просилъ тоже снабдить Запорожское войско артиллеріею. Сенатъ постановилъ жалованья прибавить 2000 рублей и отпустить въ Запорожское войску три новыя пушки [2]).

Среди своихъ занятій, графъ Кирила Григорьевичъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ. Приводимъ здѣсь письма его къ графу М. И. Воронцову, сохранившіяся въ архивѣ князя Воронцова:

I.

Чрезъ сіе в. с. свидѣтельствую мое всегдашнее повтореніе непрерывающейся и искренней моей дружбы и почтенія в. с. Я на сихъ дняхъ ѣду въ Батуринъ. Гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и немало и притомъ по сирости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, не въ пору строенное и скоропоспѣшно худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что я единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ въ Батуринѣ. Матеріалы всѣ и съ излишествомъ готовы, да архитекта не имѣю. Просилъ я на сихъ дняхъ въ правительствующій сенатъ, чтобъ на коштъ малороссійскій для всѣхъ публичныхъ и казенныхъ строеній опредѣленъ былъ архитектъ Квасовъ въ Малую Россію, который до сего въ Козельцѣ находился; однакожъ Квасовъ понадобился брату моему и затѣмъ отъѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ, да и я его желалъ только потому, что онъ у насъ на лицо былъ и меня о томъ просилъ, а когда уже уѣхалъ, то

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 300—301.

[2]) Тамъ же.

я въ немъ не много теряю. В. с. прошу, поговоря съ Трезинымъ [1]), который такъ давно ищетъ абшиту, спросить его, не хочетъ ли года хоть на четыре или на пять ко мнѣ на такомъ жалованіи пріѣхать, какое въ Петербургѣ получалъ, и буде хочетъ, то чтобъ вашимъ же стараніемъ не позже какъ въ два мѣсяца ко мнѣ пріѣхалъ, дабы лучшаго времени мнѣ не потерять къ строенію. Ежели же въ немъ никакой надежды нѣтъ или въ неизвѣстности лѣто сіе можетъ пройти, то и вовсе сей проэктъ объ немъ оставляю, а прошу в. с. исходатайствовать мнѣ гезеля Кокорина [2]), который въ рукахъ теперь у Ивана Антоновича [3]). Я имъ весьма буду доволенъ, да и онъ безмѣрно будетъ радъ тому, что при мнѣ будетъ. Только я не думаю, чтобъ Иванъ Антоновичъ, употребляя его къ порцелиновой фабрикѣ, охотно хотѣлъ отпустить; однако-жъ для счастія его, Кокорина, прошу уговорить Ивана Антоновича. На сіе ожидаю в. с. дружескаго увѣдомленія.

Апрѣля 24, 1757. Глуховъ.

II.

Получа в. с. пріятнѣйшее письмо отъ 18 Апрѣля покорно благодарствую за удостовѣреніе будущихъ увѣдомленій. Я въ надеждѣ на истинную вашу ко мнѣ дружбу, осмѣлился вамъ о томъ припамятовать и, вѣдая вашу ко мнѣ всегдашнюю откровенность, учинилъ то, не преступивъ закона нимало истинной нашей взаимной повѣренности. Я уже поѣхалъ шататься по полямъ, гдѣ стараться буду дѣла необходимыя Малороссійскія съ перемѣненіемъ воздуха отправлять, а особливо, что здоровье мое сего движенія въ хорошіе нынѣшніе дни требуетъ. Благодарствую в. с. за присланную кореспонденцію Короля Прусскаго съ графинею Бриль. Мнѣ таковыя піесы въ скучномъ семъ мѣстѣ очень пріятны. У насъ здѣсь слухъ пронесся, что превеликая баталія была у Пруссаковъ съ Австрійцами, армія прусская вся побита и Король самъ убитъ.

Апрѣля 27 дня, 1757. Королевецъ.

---

[1]) Архитекторъ Трезинъ, родомъ итальянецъ, дѣятельный участникъ въ первыхъ постройкахъ Петербурга.

[2]) Архитектуры-гезель, т.-е. подмастерье Александръ Филиповичъ Кокоринов, сибирскій уроженецъ, впослѣдствіи строитель и первый директоръ Им. Академіи Художествъ, † 1771.

[3]) Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ.

III.

В. с. пріятнѣйшее и дружеское письмо отъ 8 сего мѣсяца я получилъ исправно и благодарствую покорно за старанія объ архитектѣ. Я бы всемѣрно желалъ имѣть у себя гезеля Кокорина и почиталъ бы себѣ за великое одолженіе отъ Ивана Антоновича, ежели бы онъ меня отпускомъ сего человѣка одолжилъ. Писалъ я по сей оказіи и къ братцу о семъ, а васъ прошу, съ нимъ поговоря, сколько можно, того или иного кого безъ потерянія времени ко мнѣ пріискать, чѣмъ меня премного одолжить можете. За дружеское приношеніе участія къ хлѣбному торгу, я в. с. особливое благодареніе приношу. Я послалъ уже гдѣ можно справки сдѣлать, по чему и въ какую пору хлѣбъ и какой и коликой мѣры купить можно, и во что отъ какого мѣста до Риги обойдется. О томъ же самомъ не оставлю и въ низовыхъ моихъ деревняхъ навѣдаться. Однакожъ такія справки нѣкотораго времени требуютъ. А между тѣмъ по обстоятельствамъ сего немалаго и труднаго предпріятія желаю предварительно знать подробно, какими авантажами и въ какомъ количествѣ хлѣба я надежду имѣю пользоваться. Мнѣ сіе для того наипаче знать надобно, что хлѣбъ въ Малой Россіи съ немалою прибылью на высидку вина здѣсь обращается. А когда получу отъ в. с. точное росписаніе, куда и по какой цѣнѣ отъ васъ примутъ, и сколько четвертей, и какіе отъ того для меня авантажи, тогда обстоятельно в. с. мнѣніе мое отпишу, сходно ли то будетъ съ вашею и моею пользою изъ Украйны доставить. О чемъ прошу въ непродолжительномъ времени меня увѣдомить, а я какъ скоро мои справки соберу, то къ в. с. сообщу.

Мая 26-го, 1757. Нѣжинъ.

IV.

Получа послѣднее отъ Мая 15-го дня в. с. дружеское письмо, имѣю честь объявить въ отвѣтъ, что я весьма радуюсь о пріѣздѣ двухъ италіанскихъ архитекторовъ Венерони и Вартоліати. Я желаю изъ нихъ одного, который за лучшаго в. с. (въ чемъ я на вашу волю и отдаюся) признанъ будетъ, имѣть у себя на службѣ. Я ему дамъ 800 руб. на годъ, хотя кажется сіе для Украинской дешевизны въ житіѣ и много, и при томъ и столъ мой, когда я въ Глуховѣ живу, или онъ при мнѣ будетъ, къ его услугамъ всегда. Но сіе послѣднее не вписывать прошу въ обязательство, а обѣщать ему, что онъ столомъ при мнѣ будетъ доволенъ, дабы онъ то могъ считать себѣ отъ дому

моего, сверхъ обязательства, себѣ за особливое учтивство, къ которому я, усмотря его труды и способность, могу и другіе агременты присовокупить. Что касается до квартиры, оная, разумѣется, ему всегда готова отъ меня. Чего ради в. с. прошу въ имени моемъ его принять и мнѣ сообщить кондиціи, на которыхъ онъ остался войти ко мнѣ въ службу, а потомъ и отправить его приказать не умедля въ Глуховъ на почтовыхъ, что самое Романъ Ларивоновичъ по дружбѣ и любви своей ко мнѣ не оставитъ изъ дому моего учинить. Прежде же сего исполненія, я в. с. открою мое прямое желаніе, что я конечно хочу имѣть гезеля Кокорина, котораго Иванъ Антоновичъ держитъ въ мнимомъ проэктѣ, будто онъ его въ Италію доучиваться послать имѣетъ именное высочайшее повелѣніе. Тому уже пять лѣтъ, я чаю, какъ онъ его, Кокорина, симъ вояжемъ обнадежилъ, только уже и самъ Кокоринъ привыкъ вѣрить, что сему не бывать. А я бы Кокорина и довольнымъ сдѣлалъ и самъ бы имъ весьма доволенъ былъ, вѣдая прокъ въ немъ. Онъ бы мнѣ не такъ былъ дорогъ (по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не изъ чего много и дать), какъ италіанецъ. Сверхъ того, онъ съ русскими работниками, а особливо съ малороссійскими обойтись лучше могъ, а главное то, что я великолѣпныхъ строеній строить не намѣренъ, но домъ каменный, покойный къ житію, который хотя весьма по нашему посредственною рукою построится, въ Малой Россіи всегда однакожъ будетъ казаться великолѣпнымъ. Сіе бы я снисхожденіе отъ Ивана Антоновича за особливую къ себѣ дружбу принялъ, о чемъ писалъ я по нынѣшней оказіи и къ государю братцу; однакожъ, знаю упорство старика Ивана Антоновича и потому весьма мало надежды имѣю, чтобъ онъ меня симъ одолжилъ, а въ семъ послѣднемъ случаѣ в. с. прошу съ италіанцемъ дѣло такъ, какъ я выше изъяснился, окончать и въ ожиданіи сего одолженія отъ в. с. имѣю честь и пр.

Іюня 9 дня, 1757. Глуховъ.

V.

На полученное отъ в. с. почтеннѣйшее письмо отъ 17-го сего мѣсяца изъ Царскаго Села доношу, что я ожидаю отъ в. с. коіи со всего того, что въ правит. сенатѣ для васъ сдѣлано, а о цѣнахъ, провозѣ и о прочемъ: припасовъ пшеницы, гороху, маку, сѣмени льняного и конопляного, справки дѣлаю и скоро сообщу. Хотя в. с. ко мнѣ ничего не пишете, однакожъ я стороною увѣдомился, что в. с. и милостивой государынѣ моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ Богъ даровалъ дочь, чѣмъ отъ всего сердца моего и поздравляю.

1757 г. Іюня 30 дня. Глуховъ.

VI.

За приложенный трудъ о приглашеніи архитекторовъ италіанцевъ въ мою службу, я в. с. особливое приношу благодареніе. Проектъ контракта и ихъ своеручное на французскомъ языкѣ приписаніе я высмотрѣлъ и изо всего того велѣлъ сочинить имъ удовлетвореніе отъ моей стороны, которое при семъ и прилагаю на русскомъ языкѣ за моимъ подписаніемъ и приложеніемъ собственной моей печати, а отъ нихъ чрезъ в. с. ожидать буду за руками ихъ контракта. И такимъ образомъ окончa дѣло, прошу в. с. препоручить ихъ Роману Ларивоновичу, который по своей ко мнѣ дружбѣ не замедлитъ ихъ ко мнѣ отправить, о чемъ я и писалъ къ нему по сей оказіи. Что же в. с., такъ и братъ мой писать изволите, чтобъ я о семъ отозвался въ правит. сенатъ и что е. с. князь Никита Юрьевичъ [1]) обѣщалъ на то и резолюцію сенатскую исходатайствовать, то я почитаю сіе за ненужное, потому что я указъ именной имѣю за подписаніемъ собственныя Е. И. В. высочайшей руки о строеніяхъ тѣхъ, которыя начинать хочу. Почему и сумма хотя не въ согласіи Е. И. В. высочайшаго прежняго о томъ указа отобрана, однакожъ и то, что опредѣлено нынѣ отъ правит. сената выдавать въ скарбъ по представленнымъ отъ меня нуждамъ, перечневою суммою отдано на мою диспозицію, почему и содержаніе архитекта при строеніяхъ, такъ какъ доктора, лекаря и прочихъ въ народѣ потребныхъ людей, есть дѣло зависящее отъ собственной моей диспозиціи, и я держалъ черезъ пять лѣтъ и прежняго архитекта Ринальди по моему собственному опредѣленію, а теперь ежели бы о сихъ архитектахъ требовать позволенія, то черезъ то самое о прежнемъ [о которомъ въ коллегіи вопросы старательствомъ Олсуфьева [2]) уже были, по какому указу я архитекта на скарбѣ Малороссійскомъ содержу] подать могу будто бы нѣкоторое признаніе, что я прежняго непозволеннымъ образомъ держалъ. Имѣю ли я архитекта или нѣтъ, въ томъ я отвѣту по волѣ Е. И. В. никому уже дать не долженъ. И они, кромѣ меня, ни которому мѣсту отчету дать не будутъ же обязаны.

Іюля 21, 1757. Глуховъ.

---

[1]) Трубецкой, ген.-фельдмаршалъ, въ то время генералъ-прокуроръ.

[2]) Адамъ Васильевичъ.

VII.

Я по сей оказіи писалъ къ братцу моему съ приложеніемъ особаго письма къ Е. И. В. всемилостивѣйшей Государынѣ, котораго содержаніе то, чтобъ изъ особливой высочайшей милости дозволено мнѣ было пріѣхать въ С.-Петербургъ хотя на самое короткое время, какъ для того счастья, чтобъ видѣть очи Е. И. В., такъ и для того, чтобъ самому себѣ персонально пріискать людей въ службу такихъ, безъ которыхъ въ Малой Россіи пробыть невозможно, а именно доктора, лѣкаря, учителей, мадаму и прочихъ: а потомъ, послѣ новаго году, забравъ всю свою фамилію и распорядивъ домы Великороссійскіе и долги, еще не малымъ числомъ оставшіеся, ретироваться въ Малую Россію со всѣмъ домомъ. А къ брату графу Алексѣю Григорьевичу еще и то дополнилъ, что ежели онъ и въ томъ еще усмотритъ нѣкоторое затрудненіе, то бы ту только милость сдѣлалъ, чтобъ поскорѣе меня о томъ увѣдомилъ; а я, не отлагая ни на малое время, пошлю отъ себя нарочнаго или кого изъ пріятелей, упрошу жену мою и всю фамилію привезти ко мнѣ немедленно въ Глуховъ. Такія мѣры я долженъ буду принять для того наипаче, что мое житіе въ такомъ состояніи, въ каковомъ оно нынѣ, и разорительно и несносно для претерпѣваемой мнѣ скуки, тѣмъ наипаче, что я, живучи въ неизвѣстности и ожидая резолюціи, о которой зачалъ докучать весьма еще заблаговременно брату, т.-е. отъ 30 Іюля, упустилъ время способное къ заготовленію въ погребъ провизіи и прочихъ надобностей. Того ради въ согласіе всего вышеписаннаго, прошу в. с., такъ какъ особливаго друга, приложить свое дружеское стараніе тамъ, гдѣ ваша сила и возможность будетъ, чѣмъ меня безмѣрно одолжите.

Октября 17 дня, 1757. Глуховъ.

Разумовскому не сидѣлось въ Малороссіи: и внутренняя борьба партій и борьба внѣшняя, вдругъ разгорѣвшаяся съ береговъ Вислы до Атлантическаго океана и даже Америки, и сердечныя невзгоды, какъ мы увидимъ далѣе—все это вмѣстѣ тянуло его въ Петербургъ. Уже въ Августѣ рѣшился онъ обратиться прямо къ Государынѣ съ прошеніемъ о дозволеніи вернуться.

„Исполняя всевысочайшую волю В. И. В.“, писалъ онъ, „пробылъ я до сего времени въ Малой Россіи, гдѣ бы желалъ и всю наступающую осень и зиму остаться, дожидаясь будущаго вашего монаршаго повелѣнія, но непритворно В. В. признаваюся, что въ моемъ слабомъ здоровьи, а паче, что я доктора того лишаюся, который меня привыкъ пользовать, не снесу въ наступающія осень и зиму Глухов-

ского сырого и гнилого воздуха. В. И. В. самимъ извѣстно положеніе города Глухова и при томъ обстоятельства моего здоровья. Первое не соотвѣтствуетъ никакъ пользѣ больного человѣка, такого какъ я, а другое не соотвѣтствуетъ силамъ моимъ и не старымъ лѣтамъ. Болѣзнь въ правомъ боку, которая началася уже у меня болѣе четырехъ лѣтъ и почти всего меня высушила, перестала было на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я себя отдалъ въ руки доктору Крузу, а нынѣ чувствительно опять показалася. Ежели же мнѣ остаться осень и зиму въ Глуховѣ, то самовидѣцъ тому Богъ, что она меня преодолѣетъ. И для того принимаю смѣлость всеподданнѣйше просить В. И. В. о дозволеніи мнѣ возвратиться въ Санктпетербургъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, дабы я могъ наступающія осень и зиму пробыть въ лучшемъ воздухѣ и удостоиться видѣть В. И. В., а притомъ пользоваться въ моей болѣзни, которая, кажется, не по лѣтамъ моимъ къ гробу меня ведетъ. Уповая на человѣколюбіе и милосердіе В. И. В., повергаю себя къ стопамъ вашимъ освященнымъ и есмь, пока живъ, съ раболѣпствомъ и повиновеніемъ,

„Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ К. Разумовскій.

„Августа 27 дня. Глуховъ, 1757 [1])".

Не получая отвѣта, гетманъ, какъ онъ увѣдомлялъ Воронцова, снова просилъ Государыню слѣдующимъ письмомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая и проч. Предъ симъ за нѣсколько мѣсяцевъ, принялъ я дерзновеніе утруждать В. И. В. всеподданнѣйшимъ моимъ прошеніемъ о дозволеніи пріѣхать мнѣ на зиму въ Санктпетербургъ, но не получа милостивой резолюціи, чрезъ сіе еще повергая себя къ стопамъ В. И. В., всеподданнѣйше прошу дать мнѣ оное пріѣхать хотя на малое время, дабы я могъ имѣть счастіе видѣть очи В. И. В., а потомъ само-персонально пріискать людей себѣ въ службу, безъ которыхъ мнѣ въ Глуховѣ для здоровья моего никакъ пробыть невозможно, и наслѣдокъ, препоручивъ себя высокоматерному вашему милосердію и распорядивъ домъ мой, забраться со всею моею фамиліею въ Малую Россію. Сего всемилостивѣйшаго дозволенія, по крайности моей, испросить отъ В. И. В. смѣлость принялъ и, какъ необходимо мнѣ надобно, ожидаю съ раболѣпствомъ. В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій.

„Октября 16 дня, 1757. Глуховъ [2])".

Но и на это прошеніе не послѣдовало высочайшаго соизволенія. Тоскующій гетманъ писалъ къ Воронцову:

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

[2]) Тамъ же.

VIII.

Послѣднее в. с. дружеское письмо отъ 17 Октября [1]) я съ великимъ моимъ удовольствіемъ получилъ, и за откровенность вашу, такъ какъ и за искренность вашихъ обо мнѣ сентиментовъ съ великимъ признаніемъ приношу вамъ мое благодареніе. Мнѣ, живущему въ отдаленіи и крайне лишенному всѣхъ извѣстій изъ С.-Петербурга о военныхъ нынѣшнихъ обращеніяхъ, а при томъ и никакими газетами кромѣ Петербургскихъ не пользующемуся, откровенность в. с. великую новость принесла. Я никогда не думалъ, чтобъ въ фельдмаршалѣ Апраксинѣ столь мало искуснаго командира найти; и хотя отъ возвращающихся къ намъ изъ нерегулярныхъ войскъ великимъ числомъ раненыхъ и увѣченныхъ слышно по всей Малой Россіи о успѣхахъ бывшей въ Пруссіи баталіи весьма противное, нежели въ реляціи печатной то опубликовано: однакожъ принужденное вѣроятіе я отдавалъ печатному листу, а на слухахъ съ мѣста возвратившихся не увѣрялся, доколѣ в. с. не навели меня своимъ увѣдомленіемъ вовсе сумнѣніе мое оставить. Повѣрьте, м. г. мой, что, видя къ сторонѣ Россійской арміи столь великіе казавшіеся авантажи, невозможно уклониться, чтобъ не почувствовать досады противу того, кто причиною (буде то правда) нашему теперешнему безславію. Можемъ по справедливости сказать, что дрожали горы, а [2])... Не натурально, чтобъ интересъ отечества своего, а паче слава всемилостивѣйшей Государыни на сердцѣ намъ всѣмъ обще и каждому особно не лежали. Потому заключить можете, сколь много и мнѣ прискорбности ваше увѣдомленіе принесло, и чаяли ли мы опытъ своей храбрости и военнаго искуства при самомъ началѣ столь малый показать? Въ откровенности къ в. с. взаимно могу сказать, что когда тщеславіе соединится съ невѣжествомъ, то вящшей опасности ожидать надобно, нежели отъ одного невѣжества. Ежели бы тогда моего мнѣнія спросили, когда командиръ учреждался, я бы всегда могъ по привычкѣ чистосердечно и безпристрастно сказать, что человѣкъ безъ практики и столь тяжелаго тѣла, а при томъ ни въ какихъ военныхъ обращеніяхъ съ Европейцами не бывалъ, кромѣ нѣкоторой турецкой команды, гдѣ одною бригадою командовать ему дозволено было, по благосклонности главнаго командира [3]), едва ли годится командиромъ быть главнымъ въ великомъ корпусѣ и давно въ полѣ не бываломъ, противъ столь исправнаго войска, которое довольно я самъ видѣлъ, какое оно въ Пруссіи. Уже того поворотить нельзя

[1]) Смотри ниже.

[2]) Пропускъ въ подлинникѣ.

[3]) Фельдмаршала Миниха, въ 1738.

кто лишенъ подъ симъ худымъ предводительствомъ живота, и кто на вѣки увѣченъ. Помоги, Боже, всемилостивѣйшей Государынѣ нашей радостнѣйшія и вѣрнѣйшія извѣстія впредь получить, чего всѣ мы для общаго нашего благополучія желать должны, или пособи, Боже, ублажить миролюбное сердце нашей Государыни скорымъ и полезнымъ миромъ, нежели столь худою войною смущать. За попеченіе о каретѣ, которую для меня в. с въ Парижѣ заказать изволили, много вамъ благодарствую. У насъ первый снѣгъ 19 сего Ноября выпалъ и стоитъ постоянно. Я намѣреніе принялъ жену свою взять къ себѣ въ Глуховъ, принявъ столь долговременное молчаніе за несоизволеніе Е. И. В., чтобъ мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Прошу в. с. постараться, чтобъ хотя то мнѣ не вовбранено было; ибо истинно возможности нѣтъ болѣе такъ жить уединенно, какъ я живу, а времени способнаго пропустить опасаюсь, такъ какъ осень изрядную напрасно въ ожиданіи утратилъ, въ которую весьма было способно жену, малыхъ дѣтей и всѣ провизіи къ себѣ завести. Ноября 22 дня, 1757 года. Глуховъ.

IX.

В. с. послѣднее письмо отъ Ноября 14 чрезъ человѣка братца вашего я исправно имѣлъ честь получить. Я вижу, что я въ дружбѣ в. с., которую и съ моей стороны, не взирая ни на какіе девастры, храню всегда постоянно, никогда не ошибался; да и не думаю, чтобъ кто нибудь инаго долженъ былъ быть мнѣнія, вѣдаючи доподлинно характеръ в. с. Дружескія в. с. всегда желанія, дѣйствительнымъ стараніемъ мнѣ подтвержденныя, видѣть меня въ Петербургѣ обязываютъ принести вамъ чувствительное благодареніе. Господинъ посолъ Французскій [1]), отъ всѣхъ слышу что согласно своей репутаціи поступаетъ: любимъ всѣми и всегда того ищетъ посредствомъ своего пріятнаго характера. Прошу в. с. отъ меня ему засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе и поблагодарить за честь, которую онъ дѣлаетъ дому моему и обо мнѣ столь дружелюбно отзывается. Я сожалѣю, что счастія сего не имѣю, да какъ видно, и буду ли когда имѣть, чтобъ съ нимъ персонально найти знакомство. Однакожъ отсутствіе мое не убавляетъ нимало почтенія, которое я къ его превосходительству имѣю. За попеченіе о каретѣ покорнѣйше благодарствую. Я прошу напослѣдокъ, ежели въ первомъ моемъ намѣреніи неудача, способствовать своимъ стараніемъ, чтобъ жена моя и вся моя фамилія по-

[1]) Маркизъ Лопиталь (Paul Galuccio l'Hôpital, marquis de Chateauneuf).

скорѣе выѣхали ко мнѣ. Истинно возможности болѣе нѣтъ въ такомъ уединеніи жить, какъ нынѣ живу. Лѣтомъ забавляло меня нѣсколько поле, а нынѣ, и того лишася, сижу совершеннымъ затворникомъ въ крайнемъ безлюдіи. За присылку архитекторъ покорно благодарствую. Кажется, что люди такіе точно, какихъ мнѣ желать надобно, и принимаются за дѣло нелѣностно.

Ноября 28 дня, 1757 г. Глуховъ.

P. S. Ежели жена моя конечно отпущена будетъ ко мнѣ ѣхать въ Глуховъ, то я в. с. покорно прошу, дабы чрезъ Правит. Сенатъ повелѣно было по прежнему обыкновенію ей со всею свитою поставить потребное число по станціямъ отъ Петербурга до Глухова подводъ и дворцы бы велѣно было протопить. Я хотя и не уповаю, чтобъ въ семъ ей затрудненіе было сдѣлано, однакожъ по моимъ обстоятельствамъ чего ожидать не надобно? Въ убѣжаніе сего я совершенную надежду кладу на дружество и стараніе в. с. объ ней".

Каждая строка изъ Петербурга въ отдаленномъ Глуховѣ была въ эту тревожную эпоху кладомъ. Въ архивѣ графа А. С. Уварова находимъ мы цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Разумовскимъ изъ Петербурга. Мы ихъ помѣщаемъ здѣсь и начинаемъ съ писемъ вице-канцлера, главнаго корреспондента скучавшаго гетмана [1]).

I.

Чрезъ сіе в. с. донести имѣю, что бывшіе передъ симъ въ здѣшней службѣ два архитекта, одинъ, родомъ изъ Милана, называется Іосифъ Венерони, другой, изъ Лугано, Францискузъ Бертоліати на сихъ дняхъ сюда пріѣхали искать себѣ службы. Я имъ говорилъ, не пожелаютъ ли ѣхать къ вамъ на Украйну, въ чемъ они и охоту свою оказали, чего ради я велѣлъ имъ въ запасъ написать кондиціи, на какомъ основаніи они въ вашу службу поступить имѣютъ, которыя пересмотря и на мѣрѣ постановя къ авантажу вашему, для апробаціи в. с. немедленно пришлю. Впрочемъ, я в. с. увѣрить могу, что они оба въ архитектурѣ весьма искусны и вы будете довольны. А понеже в. с. хотѣли Трезину то же жалованіе дать, которое онъ здѣсь получаетъ (т.-е. по 800 руб. на годъ), я надѣюсь не выше оной цѣны ихъ

[1]) Мы печатаемъ только тѣ письма графа М. И. Воронцова, которыя не вошли въ архивъ кн. Воронцова.

уговорить, только квартиру и столъ имъ дать должно. И ежели в. с. на вышеписанныя предыдущія кондиціи склониться изволите, то прошу какъ наискорѣе ко мнѣ отписать и до тѣхъ поръ я ихъ удерживать буду, чтобъ никакого обязательства они не принимали. В. с. пріятнѣйшее письмо отъ 27 Апрѣля изъ Королевца получилъ исправно. Весьма радуюсь, что вы въ добромъ здоровіѣ обрѣтаетесь, желаю по часту сіи пріятныя извѣстія получать. Что же надлежитъ до происшедшаго у насъ слуха, якобы жестокая баталія между Пруссаками и Аустрійцами была, будто Король Прусскій убитъ и армія его вся побита, мы на сихъ дняхъ получили извѣстіе, что 25 Апрѣля (6 Мая) у Праги великая баталія чрезъ 7 часовъ продолжалась, на которой съ обѣихъ сторонъ множество побитыхъ, и Король Прусскій поверхность дѣйствительно одержалъ по превосходному числу своей арміи, ибо 112 т. человѣкъ противъ 50 т. Аустрійцевъ имѣлъ. Токмо обстоятельныхъ вѣдомостей, сколько тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ убито, въ полученіи здѣсь не имѣемъ. Правда, что при началѣ нынѣшней кампаніи въ Богеміи, Король Прусскій нѣкоторые авантажи уже имѣлъ. Надлежитъ смотрѣть на середину и конецъ кампаніи, а особливо когда наша и Французская армія будутъ въ его землякъ дѣйствовать, о чемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ будетъ вѣдомо.

1757 г. Мая 15 д. С.-Петербургъ.

При семъ посылаю для любопытства вашего нѣкоторые стихи, которые по причинѣ замѣшанія Французскихъ (неразобрано)' сдѣланы.

II.

Чрезъ сіе имѣю токмо увѣдомить о полученіи дражайшаго письма в. с. отъ 26 Мая изъ Нѣжина, предоставляя, впрочемъ, ответомъ моимъ служить, коль скоро окончаніе по извѣстному дѣлу въ сенатѣ послѣдуетъ, которое на сихъ дняхъ обѣщали окончить, и тогда обстоятельно къ в. с. писать буду. Мы здѣсь уже 10 дней живемъ. Е. В. угодно было, чтобъ жена моя для родинъ сюда переѣхала, къ чему время весьма приближается. Дай Боже, чтобъ благополучно родины ея окончились и я имѣлъ пріятное удовольствіе в. с. о томъ донести. Е. с. братецъ вашъ имѣлъ недавно припадокъ болѣзни отъ почечуя, а теперь въ совершенномъ здоровіи обрѣтается.

1757, Іюня 9 дня, въ Царскомъ-Селѣ.

III.

Господинъ Елагинъ [1]) мнѣ знать далъ объ отправленіи къ в. с. нарочнаго куріера, я симъ случаемъ пользуясь, засвидѣтельствую в. с. о моемъ непремѣнномъ высокопочитаніи и совершенной дружбѣ и притомъ донести имѣю, что по извѣстному моему дѣлу въ сенатѣ наконецъ рѣшеніе послѣдовало, и я на сихъ дняхъ получилъ копію съ опредѣленія, съ котораго для извѣстія вашего прилагаю копію. А чрезъ сіе имѣю только донести, что отъ Санктпетербургскаго и Рижскаго портовъ запрещается въ выпускъ заморской: рожь, мука, овесъ и крупа, но токмо дозволяется: пшеница, горохъ, макъ, сѣмя льняное и конопляное, а отъ города Архангельска всякій хлѣбъ. Итакъ теперь остается вѣдать заподлинно вышеуказанные сорты хлѣба по какой цѣнѣ и до коликаго числа нынѣшняго года и въ будущее лѣто изъ Малороссіи къ Рижскому порту поставить можно. О семъ пунктѣ покорно прошу в. с. приказать достовѣрно освѣдомиться и буде не точно, то хотя примѣромъ почему четверть изъ означенныхъ вещей (кои я нарочно карандашемъ подчеркнулъ) къ Рижскому порту, съ покупкою и съ провозомъ и прочими расходами, привезти можно и до коликаго числа четвертей. Понеже безъ сего извѣстія отнюдь не можно съ чужестранными купцами въ договоры вступать, слѣдовательно и на покупку сихъ разныхъ вещей денегъ впередъ требовать. А я уже коммиссію далъ въ разные города къ чужестраннымъ писать, сколько какого сорта хлѣба и отъ котораго порта имѣть пожелаютъ и почему за ластъ платить имѣютъ (NB. а ластъ 16 четвертей считается) и о семъ надѣюсь не въ продолжительномъ времени получить обстоятельныя извѣстія. Весьма желательно, чтобы къ тому времени я могъ и отъ в. с. точное увѣдомленіе имѣть, дабы по сему дѣлу надлежащія мѣры и распоряженія учинить, безъ всякой ошибки. А какъ скоро я получу извѣстія отъ чужестранныхъ купцовъ и по какой цѣнѣ за ластъ хлѣба и прочія вещи давать будутъ, не оставлю в. с. донести. Изъ чего прямо увидѣть можно будетъ, какая прибыль послѣдуетъ.

1757 г., Іюня 17 д., въ Царскомъ-Селѣ.

P. S. О вышеписанномъ прошу Григорію Николаевичу сообщить и отъ меня поклонъ сказать, и что я самъ къ нему о сей матеріи вскорѣ писать буду.

---

[1]) Иванъ Перфильевичъ.

IV.

Чрезъ сіе имѣю токмо покорнѣйше в. с. благодареніе принести за дружеское ваше участіе, которое изобразить изволили въ письмѣ вашемъ отъ 11-го сего мѣсяца по случаю сговора дочери моей съ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. А теперь имѣю донести, что въ 20-е сего мѣсяца Е. И. В. соизволила милостивно невѣсту и жениха перстнями размѣнять и мы теперь стараніе прилагаемъ, чтобы еще симъ мясоѣдомъ, буде можно, сватьбу совершить. Сердечно желаю, чтобъ в. с. къ тому времени сюда прибыли, о чемъ стараніе со всѣхъ сторонъ прилагается.

1757 г. Сентября 22 д. въ Санктъ-Петербургѣ.

P. S. Г. Виліамсъ [1]) паки раздумалъ моремъ ѣхать и вновь требовалъ, чтобы подводы ему даны были чрезъ Финляндію и Швецію ѣхать, которыя къ 25 числу сего мѣсяца и поставить велѣно и онъ въ Кронштадта сегодня сюда ожидается. Вчерась Е. В. соизволила пожаловать зятя моего въ камеръ-юнкеры къ своему двору, также князя Трубецкаго, Бутурлина и молодого Шувалова, а Сиверса гофъмаршаломъ.

V.

Я уже давно отъ в. с. пріятнѣйшихъ писемъ не получалъ и весьма безпокоенъ о здоровьи вашемъ вѣдать, чего ради прошу дружескимъ увѣдомленіемъ меня не оставлять, дабы хотя тѣмъ нѣкоторое порадованіе имѣлъ, когда до нынѣ суетно ласкался васъ вскорѣ здѣсь видѣть; будучи и теперь въ ожиданіи ежечасно услышать, что вамъ сюда пріѣхать повелѣно будетъ, чего всѣмъ сердцемъ желаю, а съ моей стороны все возможное къ тому употребляю, токмо къ чувствительному моему сожалѣнію сіе такъ долго медлится, однакожъ не отчаеваюсь услышать пріятнѣйшее извѣстіе о прибытіи вашемъ сюда, котораго всѣ генерально съ нетерпѣніемъ дожидаются. О себѣ покорнѣйше донести имѣю, что при начавшейся дурной погодѣ, я уже нѣсколько разъ боленъ былъ и принужденъ по бо́льшей части въ скукѣ дома сидѣть; къ тому же, наипаче худые успѣхи нашей арміи и неожиданныя, странныя и весьма безславныя для насъ поведенія командующаго фельдмаршала столь много меня изнуряютъ, что я сего прискорбія едва сносить могу, будучи усердіемъ и вѣрностію

[1]) Виліамсъ вслѣдствіе своей неудачи помѣшался; первые припадки умопомѣшательства почувствовалъ онъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ сумасшедшимъ въ 1759 году.

о славѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и любезнаго отечества объятъ и зная, какія непріятныя толкованія при всѣхъ дворахъ чинятся, и изъ того худыя послѣдованія быть имѣютъ, умалчивая о напрасныхъ издержкахъ многихъ милліоновъ, что̀ все ничѣмъ исправить и наградить не можно, хотя къ тому наисильнѣйшія мѣры употребляются, и начало сдѣлано снятіемъ команды отъ фельдмаршала Апраксина, которая господину генералу Фермору [1]) поручена. Вышеписанное въ довѣренности в. с., моему наилучшему другу, откровенно объявляю, зная ваши честные сентименты и усердіе о славѣ Е. И. В. и пользѣ дражайшаго отечества, что вы равномѣрно такое же прискорбіе чувствуете. По нынѣ мы худымъ управленіемъ постъ-амта хотя и лишены всѣхъ публичныхъ извѣстій, т.-е. печатныхъ газетъ, однакоже многія поносныя и крайне огорчительныя извѣстія о бытности нашей арміи въ Пруссіи здѣсь подъ рукою получаются, которыя токмо сожалѣніе умножаютъ, а плохое руководство нашего командира къ вѣчному его посрамленію и осужденію памятью останутся. При семъ для любопытства вашего посылаю недавно здѣсь полученный экстрактъ письма Кор. Прусс. къ фельдмаршалу Кейту; стиль онаго вамъ, надѣюсь, понравится. Въ заключеніе прошу непремѣнно содержать меня въ вашей любви и дражайшей дружбѣ, о которыхъ я совершенно увѣряюсь и вамъ неизмѣнно пребуду истиннымъ другомъ и вѣрнымъ слугою. Я вскорѣ отъ г-на Дукласа ожидаю извѣстія, что онъ въ Парижъ пріѣхалъ и повелѣнную отъ меня дорожную карету для васъ сдѣлать заказалъ; токмо я не могу отъ г-на Елагина дождаться вашего герба, который прислать ко мнѣ обѣщался въ Августѣ; однакожъ г. Ададуровъ приказалъ въ герольдіи наилучшимъ образомъ сдѣлать, и я, получа оный, пошлю къ г. Дукласу. На сихъ дняхъ получено извѣстіе, что г. Виліамсъ въ Абовъ пріѣхалъ, токмо еще море не переѣзжалъ; можетъ быть, что и въ третій разъ сюда воротится, чего однако же не уповаю. У насъ жестокіе морозы и снѣгъ всякій день идетъ, вчерась нарочитое наводненіе было, и ледъ во всю рѣку плыветъ; такой ранней зимы никто не помнитъ.

1757 г., Октября 17 д., въ С.-Петербургѣ.

VI.

На сихъ дняхъ я получилъ в. с. два дружескія писанія отъ 17 и 23 Октября и что̀ до одного надлежитъ, я въ ежедневномъ ожиданіи пребываю услышать милостивое Е. В. повелѣніе о пріѣздѣ вашемъ

[1]) Генералъ-аншефъ и русскихъ орденовъ кавалеръ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ ум. 1771 года. Въ 1759, послѣ Цорндорфской, битвы онъ уступилъ команду графу Салтыкову.

сюды, но къ неописанному моему чувствительному сожалѣнію донынѣ онаго не послѣдовало; я не оставлю на сихъ дняхъ при удобномъ случаѣ паки доложить Е. В., и, получа соизволеніе, немедленно изъ конференціи съ указомъ курьеръ къ в. с. отправится. Вы не можете себѣ представить, сколь много здѣсь всѣ друзья ваши съ нетерпѣніемъ прибытія вашего ожидаютъ. Французскій посолъ [1]), хотя не имѣетъ чести персонально васъ знать, непрестанно у меня спрашиваетъ, дано ли позволеніе о пріѣздѣ вашемъ сюды. По непремѣнной моей преданности и дружбѣ къ в. с., вы легко можете понять, сколько мнѣ прискорбно такое долгое медленіе вашего прибытія. Что же касается до другого письма вашего, я не могу довольно благодаренія моего принести за употребленное стараніе ваше въ способствованіи извѣстнаго хлѣбнаго торга; токмо по нынѣ еще никакихъ позитивныхъ извѣстій изъ чужестранныхъ государствъ въ полученіи не имѣю, сколько числомъ ластовъ и какого сорта хлѣба купить желаютъ; я думаю, что высокая цѣна у насъ хлѣбу, а паче великая пошлина съ выпуску, къ тому же хорошій урожай нынѣшняго лѣта всякому хлѣбу за моремъ, есть причиною, что такъ мало охотниковъ являются покупать хлѣбъ въ Россіи.

С.-Петербургъ, 20 Октября, 1757.

Письмо отъ графини Анны Карловны Воронцовой, рожденной Скавронской:

Государь мой Кирила Григорьевичъ!

Я никогда не сомнѣвалась о томъ, что в. с. примете искреннее участіе по случаю обрученія дочери моей [2]) съ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ [3]), но всегда того ожидала отъ истинной дружбы вашей и постояннаго къ намъ благонамѣренія. Всѣ склонныя привѣтствія въ письмѣ вашемъ пріемлю я съ особливою чувствительностію, вѣдая довольно, что онѣ происходятъ отъ искренняго и благороднаго сердца вашего. В. с. можете увѣрены быть и о моемъ къ вамъ усердіи, и что я по толь дѣйствительнымъ опытамъ пріятства вашего конечно не останусь безъ сердечной благодарности и признанія, равномѣрно и дочь моя, которая при самомъ

---

[1]) Маркизъ Лопиталь.

[2]) Баронесса, впослѣдствіи графиня Анна Михайловна Строганова (1743 † 1769) не долго жила съ мужемъ и уже въ началѣ царствованія Екатерины II была съ нимъ въ разводѣ.

[3]) Графъ А. С. Строгановъ, оберъ-камергеръ и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, президентъ академіи художествъ (1734 † 1811). По матери баронессѣ Софіи Кирилловнѣ Строгановой, рожденной Нарышкиной, онъ былъ двоюродный братъ графини Е. И. Разумовской.

началѣ вступленія въ родство съ вами, видя особливую къ себѣ отъ васъ ласковость, надѣется обрѣсть себѣ милосердаго отца въ особѣ вашей; я, оную вамъ совершенно поручая, пребуду всегда съ непреклоннымъ почтеніемъ къ услугамъ Анна Воронцова.

С.-Петербургъ, 20 Октября 1757.

Пожалуй пріѣзжай къ намъ поскорѣе, а то мы скуки (sic) пропадаемъ.

Письма отъ И. И. Шувалова.

I.

В. с. при отъѣздѣ своемъ дозволили мнѣ, чтобы я къ вамъ писалъ. Я, пользуясь симъ удовольствіемъ, имѣю честь принести в. с. мое всегдашнее почтеніе и благодарность за знаки вашей милости предъ отъѣздомъ вашимъ, которые моимъ признаніемъ и желаніемъ быть вамъ угоднымъ къ услугамъ удостоиться болѣе стараться буду.

Имѣю честь поздравить съ наступающимъ днемъ тезоименитства вашего, желая отъ моего сердца многіе таковые благополучно препроводить. Впрочемъ, съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

1757 года, Марта 14 дня.

II.

В. с. письмо съ моимъ почтеніемъ честь имѣя получить, видѣлъ къ великому моему обрадованію знакъ вашей ко мнѣ милости, которой буду стараться удостоиться моимъ всегдашнимъ признаніемъ и желаніемъ во всякомъ случаѣ в. с. показать мое истинное почтеніе, которое я всегда къ вашимъ качествамъ имѣлъ и имѣю. Не примите, в. с., сіе за увѣреніе единыхъ обыкновенныхъ словъ, но за чистосердечное мое къ вамъ почитаніе. Долженъ еще повторить симъ в. с. мое благодареніе за старанія ваши къ моей пользѣ предъ отъѣздомъ вашимъ; если оныя по желанію вашему, къ моему несчастію, дѣйства своего не получили, то я долженъ только жаловаться на мою неудачу; однако не меньше тѣмъ чувствую вашу склонность къ благодѣянію; въ отсутствіи же вашемъ я ко всему подверженъ быть могъ, не имѣя никого кто бы могъ способствовать мнѣ. Сердечно сожалѣю о вашемъ худомъ здоровьи и скукѣ; а я, милостивый государь, уже недѣли съ двѣ какъ всякій день боленъ головою, имѣя при томъ хорошее начало ипохондріи, чего я боялся и ожидаю всегда; и тако заключаю, препоручая себя въ милость в. с.

Апрѣля 14 дня, 1757 г., С.-Петербургъ.

III.

В. с. письмо съ особливымъ моимъ удовольствіемъ честь имѣлъ получить, сколько не чувствителенъ благодарностію за все во ономъ в. с. ко мнѣ увѣреніи и сколько не обнадеженъ о всѣхъ вашихъ сентиментахъ, которые вамъ справедливое отъ всѣхъ почтеніе пріобрѣли, то бы мое письмо чрезъ мѣру въ доказательствахъ велико было. Я сказать только то долженъ, что во все время, какъ я честь имѣю знать в. с., хотя были нѣкоторыя обстоятельства по моему легковѣрію, которыя бы могли перемѣнить мои противъ васъ мысли, но ничего инаго какъ болѣе утвержденія моего почтенія не сдѣлали. Прошу в. с. сдѣлать мнѣ честь и удовольствіе въ отсутствіи вашемъ вашими письмами; желая отъ сердца васъ самихъ скорѣе видѣть и увѣрить, съ какимъ я непремѣннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

Мая 8 дня, 1757 года, Село Царское.

IV.

В. с. мнѣ дозволить изволили приносить вамъ въ отсутствіи мое почтеніе. Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь в. с. при засвидѣтельствованіи онаго увѣрить о моей всегдашней благодарности, которую я всегда чувствовать буду и тѣмъ болѣе она никогда не перемѣнится, сколь много я увѣренъ о вашихъ честныхъ сентиментахъ. Повѣрьте, м. г., что я крайне желаю васъ здѣсь видѣть, гдѣ льщу себѣ, что болѣе могу пріобрѣсти моимъ исканіемъ вашу къ себѣ склонность. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ теперь у меня проситъ, чтобъ в. с. принесть его почтеніе.

Іюня 5 дня, 1757 года, Царское Село.

V.

Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь в. с. послать нѣсколько книгъ новыхъ; нѣтъ, кажется, ни одной завидной; какъ что ни получу достойное вашего любопытства, то пришлю; я себѣ за честь и удовольствіе почитаю, что мнѣ хотя сіе малое дѣло приказать изволили. Имѣю честь послать в. с. три медали серебряныя, о уставленіи университета [1]). Прошу, м. г., простить, золотыя еще не поспѣли;

[1]) Указъ объ основаніи Московскаго университета воспослѣдовалъ 12 Января 1754 года, самое же открытіе его 26 Апрѣля 1755 года. Изъ медалей, выбитыхъ по

какъ поспѣютъ, то служить буду. Здѣшнихъ вѣстей новыхъ нѣтъ; какъ я чаю, въ газетахъ видѣть изволите о взятіи Цесарцами у Пруссаковъ города Гавеля [1]) и 3500 человѣкъ въ полонъ; сіи послѣдніе, кажется, поправились и счастіе на своей сторонѣ и поверхность имѣютъ; дай Богъ, чтобъ только пользовались. Наша армія, чаю, въ Пруссіи, только операціи еще нѣтъ кромѣ Мемеля [2]); когда в. с. дозволите, то я буду о приключеніяхъ сихъ писать, которыя за нѣсколько дней прежде газетъ приходить будутъ, желая показать вамъ во всемъ мое глубокое почтеніе; а паче сего желаю, чтобы могъ имѣть честь скорѣе васъ видѣть и засвидѣтельствовать, сколько я есмь в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

1757 году Іюля 28 дня.

VI.

Покорнѣйше благодарствую за милостивое письмо, которымъ вы мнѣ честь сдѣлать изволили. Позвольте, чтобъ я, пользуясь симъ случаемъ, принесъ в. с. мое всенижайшее почтеніе, которому опыты во всѣхъ мнѣ возможныхъ случаяхъ стараться доказать буду. Сердечно желаю, чтобъ в. с. самихъ здѣсь скорѣе видѣть, въ чемъ я льщусь и надѣюсь, гдѣ могу лучше доказать самъ, сколько я есмь и пр.

1757 г., Ноября 16 дня, С.-Петербургъ.

случаю основанія университета, извѣстны намъ двѣ: одна большая, представляетъ съ одной стороны профиль Государыни съ подписью вокругъ: D. G. Elisabeta I. Imp. Autocr. Omn. Ross., а съ другой—аллегорическую фигуру Россіи, окруженную принадлежностями наукъ и искусствъ, сидящую около пьедестала, на которомъ виденъ на щитѣ вензель Императрицы. На заднемъ планѣ изображена Москва. Вокругъ читаемъ: Nova Sibi monumenta paravit, а внизу подъ аллегорическою фигурой: Academia Mosc. Instit MDCCLIV. Другая медаль, меньшая, съ одной стороны подъ императорскою короною имѣетъ надпись: Auspiciis Augustissimae Elisabetae I. Omnium Russiarum Imperatricis et Autocratoris. Die XXV. Aprilis; съ другой стороны видна сидящая Паллада, держащая въ рукѣ вѣнки и окруженная принадлежностями наукъ и искусствъ. Вокругъ находится подпись: Dat praemia laudi, а внизу: Universit. Mosc. (Ricaud de Tiregale, Médailles sur les principaux événements de l'empire de Russie, 82 и 83).

[1]) Городъ Габель, а не Гавель, былъ занятъ Австрійцами подъ начальствомъ генерала Макира, послѣ 36-ти-часовой осады, 15 Іюля (нов. ст.) 1757 года. Городъ защищалъ прусскій генералъ Путкамеръ. Взятіе этого города открыло Австрійцамъ входъ въ Лужицы (Lloyd und Tempelhof, Gesch. d. 7 jährigen Krieges in Deutschland, I, 227).

[2]) Мемель былъ занятъ русскими 24 Іюня 1757 года.

Письма генералъ-фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго:

I.

Изъ С.-Петербурга, 21 Марта 1757.

Я пользуясь сею оказіею всеусердно в. с. поздравить съ благополучнымъ (какъ то съ Божіей помощью надѣюсь) въ Глуховъ прибытіемъ, всепокорно прося содержать меня всегда въ вашей памяти.

P. S. По позволенію в. с., какъ сами мнѣ дозволили, г. Фрейганга сегодня въ сенатъ въ переводчики опредѣлилъ.

II.

Изъ С.-Петербурга, 18 Апрѣля 1757.

Я пользуясь сею оказіею покорно в. с. доношу: братъ вашъ и супруга и всѣ дѣти в. с. благодатію Господнею во всецѣломъ здоровіи находятся. А при томъ въ покорности же моей в. с. благодарствую за увѣдомленіе меня вашимъ почтеннѣйшимъ отъ 17 минувшаго о благополучномъ в. с. въ Глуховъ прибытіи. И доношу, что по дѣлу в. с. о смолчюжныхъ (sic) заводахъ (какъ въ приложенномъ при ономъ поскрипѣ изъяснить изволили) съ крайнимъ моимъ желаніемъ оное въ пользу в. с. елико возможность меня допустить скоро окончить стараюся и стараться буду и уже разсужденіе по тому въ правительствующій сенатъ было и приказаніе есть, но не совершенно еще окончено. Я, видя изъ того в. с. ко мнѣ дружескую повѣренность, сердечно тому радуюся, покорно прося о продолженіи оной, которую съ моей стороны всегда и во всемъ съ особливымъ совершеннымъ высокопочитаніемъ непоколебимо содержа, непрестану вѣрно именоватъся, какъ и истинно есмь и пр.

P. S. Экспедиція сія, съ чѣмъ податель сего къ в. с. посылается, требуетъ по обстоятельству дѣлъ (и во убѣжденіе, ежели бы не скоро сдѣлана была, отъ злотолковъ ворчанія) строгаго исполненія, того для какъ вѣрный в. с. слуга и примѣръ тутъ (?) разсудилъ построжѣе написаніе, кому то поручить изволите, какъ можно скорѣе исполнить. По написаніи сего отъ в. с. брата вашего Екимъ Яковлевичъ (?) привезъ ко мнѣ къ в. с. адрессованный пакетъ съ рекомендаціею вѣрно оный вамъ доставитъ, который при семъ и прилагаю и ежели изволите съ подателемъ сего и в. с. писать, то потомужъ въ моемъ пакетѣ вложить приказите, чрезъ что вѣрно и то в. с. вручено будетъ, также и къ графу Михайлѣ Ларіоновичу.

III.

Изъ С.-Петербурга, 29 Апрѣля 1757.

Незапно случившаяся скорая сего подателя посылка не дозволяетъ мнѣ не о чемъ здѣсь распространяться, а для того покорно в. с. благодарствую за почтеннѣйшее ко мнѣ в. с. отъ 12 настоящаго мѣсяца сегодня полученное и только то доношу, что я какъ по тѣмъ, о которыхъ онымъ мнѣ рекомендовать изволите, такъ и во всѣхъ в. с. повелѣніяхъ, яко всегда сущій в. с. вѣрный слуга стараться моими услугами доказать, яко съ неотмѣннымъ высокопочитаніемъ искреннѣйше именовался и пр.

P. S. Е. с. братъ вашъ, м. г. мой, и съ дражайшей в. с. супругою и со всѣми, находятся во всецѣломъ здравіи и хотя я посылалъ донести имъ объ отправленіи сего подателя, написать, какъ за скорымъ его отпускомъ, такъ и за тѣмъ, что въ почту сію писали не изволили.

IV.

Изъ С.-Петербурга, съ Приморскаго двора. 10 Іюля 1757.

Сейчасъ съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ получилъ я в. с. отъ 30-го минувшаго Ноября писанное, за которое принесши мое покорное благодареніе, прошу пожаловать отпустить мнѣ, что такъ долго умедлилъ моимъ за почтеннѣйшее в. с. письмо благодареніемъ. Правда, хотя суеты, какъ по конференціи, такъ и по сенату, а притомъ изъ продолженія Пирмонтскихъ (неразобранное слово) водъ куреа, въ чемъ и нынѣ еще состою, нѣсколько, какъ угадывать изволите, помѣшивали, но со всѣмъ тѣмъ отговариваться не хочу, но покорно прошу ту мѣшкоть мнѣ пожаловать отпустить. Меня ничто въ томъ такъ не обмануло мое искреннее къ в. с. усердіе, чтобъ всѣ ваши дѣла окончивъ, вдругъ донести, какъ малыя и рѣдкія собранія въ сенатѣ, а при томъ и мои отлучки нѣсколько и по-нынѣ то мнѣ дѣйствіе произвести препятствовали, то теперь, довольствуясь тѣмъ, что доношу о точномъ окончаніи уже сколько можно дѣла. Вѣрьте, в. с., что ей-ей всѣ мои силы къ оному прилагать (*буду*) и какъ многія помѣшки тому были (о чемъ писать къ вамъ право не хотѣлось), то какъ всѣми силами давно предупреждалъ, невольно уже пришелъ на такую дорогу, что больше въ сенатѣ сдѣлать нельзя было. Я о всемъ этомъ е. с. брату вашему сообщалъ, теперь же и остальныя всѣ какъ о плутѣ Богдановичѣ (?), такъ и прочія, да и сегодня полученныя съ крайнимъ моимъ усердіемъ стараться буду по тому же съ добрымъ успѣ-

хонъ приводить къ концу, елико только возможность меня силою законовъ допуститъ. На концѣ же я не о чемъ иномъ, токмо покорно пожаловать твердо увѣрену быть, съ достодолжнѣйшимъ почтеніемъ и сущею дружескою преданностію всегда и пр.

Пожайлуйста, государь мой Григорій Николаевичъ, не погнѣвайтесь тѣмъ, что умѣшкалъ своею благодарностію за ваше ко мнѣ писаніе, истинно не для чего токмо по пословицѣ со мною дѣлается: „браги частыя, а руки одиноки“. Но будьте пожалуйста увѣрены, что я какъ много и столь люблю и почитаю вашего принцыпала, то и вамъ пребуду и есмь неотмѣнно вѣрный слуга.

V.

Изъ С.-Петербурга, 25 Августа 1757.

В. с. отъ 21 минувшаго Іюля я имѣлъ честь исправно съ обыкновеннымъ моимъ къ в. с. почтеніемъ получить и тотчасъ объ ученикѣ архитектуры Борзоковскомъ, чтобы по прежнему оставленъ былъ при Глуховскомъ строеніи къ Ухтомскому [1]) писалъ, почему и уповаю, что уже исполнено и покорно прося в. с. и впредь въ потребномъ въ угодность вашу мною повелѣвать, ибо я со сущею моею преданностію и пр.

VI.

Изъ С.-Петербурга, 5 Октября 1757.

Я какъ всегда имѣю съ крайнею моею и неотмѣнною преданностію обычайное мое къ в. с. почтеніе, то не хотѣлъ упустить сего случая, чтобъ не пользоваться чрезъ сіе ту мою искренность удостовѣрить и притомъ покорно в. с. донести, что е. с., любезнѣйшій вамъ братъ, и вся дражайшая фамилія ваша во всецѣломъ здоровіи находится и у насъ все благодатію Божіею обстоитъ благополучно. Объ экспедиціи съ подателемъ сего в. с. отправляемой я повторять оставляю, ибо сами изволите увидѣть, сколько то нужно и необходимо и тако подлежащіе къ оному распорядки учинить приказать не оставите. А я только сердечно желаю, чтобъ скорѣе Богъ помогъ мнѣ о томъ стараться, чтобъ в. с. видѣть здѣсь и изустно донести яко съ сущею преданностію и неотмѣннымъ высокопочитаніемъ именуюся и пр.

---

[1]) Князь Дмитрій Ухтомскій, извѣстный архитекторъ; онъ въ 1742 г. основалъ архитектурную школу въ Москвѣ.

P. S. Государю моему Григорію Николаевичу униженно кланяюсь и притомъ услужно прошу пожаловать здѣсь включенный наказъ господину Лашкевичу, ежели онъ не въ Глуховѣ, приказать послать.

VII.

Изъ С.-Петербурга, 12 Ноября, 1757.

Съ подателемъ сего в. с. отъ 27 минувшаго я съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ исправно имѣлъ честь получить и видя изъ него новый опытъ в. с. ко мнѣ дружеской любви всепокорное мое принести имѣю благодареніе. Прося при семъ пожаловать господину Крыжановскому рекомендовать мои тамошнія маетности, о чемъ къ нему съ прошеніемъ я отъ сего числа также и къ прикащику моему, чтобы послушенъ былъ и въ полномъ его вѣденіи состоялъ писалъ.

Письма отъ Штелина.

I.

Monseigneur, la gracieuse résolution [1]) que V. E. vient d'envoyer à la chancellerie académique en ma faveur et celle des beaux arts, m'oblige au remerciement le plus humble et le plus sincère en mon particulier et en général au nom de tous les beaux arts, lesquels à la fin s'attendent du sein de leur digne président à leur véritable progrès—l'effet indubitable des nouveaux ordres de V. E. Ce sera le temps et les ouvrages entrepris désormais qui Vous rendront un remerciement actuel. Pour moi je m'estimerai assez heureux, si mon zêle sous la protection de V. E. pourra contribuer à l'accomplissement du louable dessein de V. E. et faire mieux réussir à l'avenir notre Académie des arts dans ses entreprises. En avance je me flatte du moins que V. E. en son retour la trouvera sur un meilleur pied. Plusieures choses du moins les plus nécessaires dans ses départements sont changées déjà et un arrangement fait en sorte que le gâtemêtier et la suffisance ne se puissent plus s'y glisser si aisément en retour. Les maitres et leurs subalternes en sont très satisfaits depuis que je leur ai fait comprendre que la nouvelle direction n'aboutissait qu'à leur avancement dans les arts, à l'honneur de l'Académie et à l'utilité

[1]) Штелинъ пожалованъ былъ въ 1757 членомъ академической канцеляріи (см. выше) и директоромъ отдѣленія художествъ (см. Митр. Евгеній, Словарь русскихъ писателей, II, 265).

publique. Notre chancellerie, ayant été pressée depuis quelques jours par des oukases du haut Sénat pour rendre à la cour de la monnaie une demi-douzaine de nos meilleurs élèves de l'Académie du dessein, j'ai taché de répondre en sorte que nous ne nous dépouillons tout à fait du peu de bon qu'il y a encore chez nous capable de profiter des maitres artistes que nous attendons [1]). De Berlin j'attends avec impatience la réponse de M. Schmidt [2]) à ma seconde, qui lui a porté réponse à ses propositions. Peut-être fait elle le circonflexe ou nouveau detour des lettres par la Suède et la benedetta Finlande? Peut-être n'ose-t-il se joindre à nous pendant que les troubles regnent sur les frontières de la Prusse? M. le résident baron Wolf [3]) a été charmé de la part que V. E. a voulu bien prendre à sa convalescence. Il m'a chargé de témoigner à V. E. ses remerciements et les sentiments de la plus humble reconnaissance. Depuis trois semaines il demeure dans sa nouvelle maison du jardin à l'isle de St.-Pétersbourg. Autant que le beau temps permet, il ne manque guère de l'un ou de l'autre gaste. Hier S. E. m. le vice-chancelier [4]) avec le Comte Martin Carlowitz [5]) et le chambellan Korff [6]) a diné chez lui. M-r l'ambassadeur Williams, qui reside au Primorsky du baron Wolf y est survenu inopinément. Le Comte Esterhasi [7]) garde la chambre à cause d'une érysipèle dans le visage (sic). Son taciturne général St.-André, Suabe (sic), protestant qui n'a pas manqué d'approbation, est reparti pour Riga le

---

[1]) Ожидаемые художники были: Лун-Жозефъ де-Лоррэнъ (Le-Lorrain), рисовальщикъ Маро, скульпторъ Николай Жилле (Gillet) и наконецъ знаменитый берлинскій граверъ Георгъ-Фридрихъ Шмидтъ.

[2]) Г. Ф. Шмидтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ XVIII вѣка, род. 1712 въ Берлинѣ; въ 1757 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1759 онъ гравировалъ знаменитый портретъ Елизаветы съ картины Токе. Портретъ былъ готовъ за 6 дней до смерти Государыни. Кромѣ этого въ Петербургѣ Шмидтъ гравировалъ еще портреты: княгини, гр. М. И. Воронцова, И. И. Шувалова, гр. П. И. Шувалова, доктора Моунзи (рѣдчайшій) и Австрійскаго посла графа Эстергази. Въ 1762 Шмидтъ вернулся въ Берлинъ. Онъ умеръ въ 1775 году. Изъ учениковъ его замѣчательны: Чемесовъ, Васильевъ, Герасимовъ и пр.

[3]) Баронъ Вольфъ, созданіе Воронцова и Шуваловыхъ, сначала былъ нѣчто въ родѣ банкира, а потомъ замѣнилъ Штамбке при Наслѣдникѣ и сдѣлался министромъ-резидентомъ по Голштинскимъ дѣламъ.

[4]) Гр. М. И. Воронцовъ.

[5]) Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, генералъ-аншефъ (1717—1776), братъ графини Воронцовой.

[6]) Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ и андреевскій кав., жен. б. на гр. Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской.

[7]) Графъ Николай Эстергази де-Галанта (Esterhasi de Galantha), андреевскій кав., Австрійскій посолъ.

lendemain du jour de cour où il a été présenté à S. M. Le général Boukow [1]) né Hanovrien, est encore ici. Le Comte Poniat [2]) donne souvent à manger. Le baron Posse a passé une couple de nuits à la belle étoile dans les forêts de Wiborgstoron, et en est revenu chargé de gibier mâle, croyant, avec raison, pécher et tuer les femelles dans la saison présente. L'encan de l'héritage de feu Malzahn [3]) s'est fait la semaine passée. M-r l'envoyé van den Osten [4]) en a acheté la plus grande partie. M. Douglas [5]) se prépare pour partir sitôt que l'ambassadeur, qui est parti de Varsovie [6]), comptant arriver ici les premiers jours de Juin, sera arrivé ici. Notre ambassadeur Comte Bestoucheff [7]) est passé par Nurnberg, d'où il y a des lettres de fraiche dâte. M-r Prasse [8]) continue à chanter le miserere en Saxon. Au lieu d'incommoder V. E. d'avantage par mes nouvelles importantes, j'ai l'honneur de joindre ici un couple (sic) de pièces authentiques, qui ne manqueront pas de divertir V. E. d'un côté et de faire pitié de l'autre. Celle qui nous debite un nouveau monseigneur a été envoyée ici en quantité pour être distribuée aux connaissances du nouveau monseigneur. L'autre en mspt. ne sera imprimée nullement ici. A la gracieuse continuation de la bienveillance de V. E. et à sa généreuse protection se recommande, monseigneur, de V. E. le plus humble et très obéissant serviteur J. Stehlin.

St.-Pétersbourg, le 9 de Mai 1757.

---

[1]) Генералы Буковъ и Сантъ-Андре—Австрійцы, прибывшіе чрезвычайными посланниками отъ Маріи-Терезіи. Пріемная аудіенція дана была Букову 26 Января 1757 г. (Кам.-фур. жур. с. г.). Буковъ состоялъ при нашей арміи, въ званіи Австрійскаго коммиссара. За Буковымъ й вѣроятно С.-Андре (въ Камеръ-фур. жур., говорится такъ: Цесарскіе пріѣзжіе съ прочими) очень ухаживали, показывали имъ Петергофъ, Кронштадтъ, Царское Село и пр.

[2]) Станиславъ Августъ Понятовскій, будущій Польскій король, пріѣхалъ въ первый разъ въ качествѣ attaché къ посольству Вилліамса, а теперь былъ Польскимъ посланникомъ.

[3]) Баронъ Мальцанъ, Датскій посланникъ, смѣнившій графа Линара, умеръ 1756 года въ Петербургѣ.

[4]) Датскій камергеръ фонъ-Остенъ, замѣнилъ Мальцана, его пріемная аудіенція была 24 Февраля 1757.

[5]) Шевалье Макензи Дугласъ (см. о немъ выше).

[6]) Французскій посолъ маркизъ Лопиталь имѣлъ пріемную аудіенцію 27 Іюня 1757 года; въ тотъ же самый день генералъ Буковъ имѣлъ отпускную аудіенцію.

[7]) Графъ Михайло Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, посолъ нашъ въ Вѣнѣ, отправлялся посломъ во Францію, гдѣ онъ умеръ въ 1760 г.

[8]) Прассе, Саксонскій резидентъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ домомъ вице-канцлера.

II.

Monseigneur.

Une nouvelle tout nouvellement arrivée me fournit l'occasion d'en féliciter V. E. de tout mon cœur. C'était aujourd'hui à la pointe du jour, que le bruit de 101 canons de la fortresse éveilla toute la ville de Pétersbourg. Tout le monde croyait d'abord, que c'était pour annoncer le retour de S. M. I. de Sarskoe Sélo, d'où pourtant à ce que l'on entend S. M. I. ne retournera pas dans le mois présent. Bientôt après on entendit qu'après minuit M. le Gen.-Maj. Panin [1]) était arrivé à Sarskoe Sélo avec l'agréable nouvelle d'une victoire considérable, que le 19 du courant l'armée de S. M. I. avait remportée sur l'armée prussienne sous le commandement du Maréchal Général Lehwald dans les environs de Welau, une mille au deça du retranchement Prussien [2]). Le rapport qui fut écrit au champ de bataille ne contient que l'abrégé de cette journée. Le détail suivera bientôt. Cependant comme rien n'en est encore imprimé, je ne voulais pas manquer d'en donner part (sic) à V. E. même en hâte, autant qu'en est venu à ma connaissance.

Le Feldmaréchal Apraxine, ayant fait sa disposition pour attaquer l'ennemi dans son retranchement, fût attaqué une mille au deça en pleine marche dans un espèce de défilé. Le combat le plus vigoureux dura 3 heures. Nos grenadiers, notre artillerie et surtout nos haubises [3]) ont fait des merveilles. Nos généraux se sont distingués par leur bravoure. Les Prussiens furent obligés à décamper avec une perte considérable et se retirèrent dans leurs retranchements. Parmi le nombre des tués de leur côté on a trouvé le général en chef Comte Dohna et beaucoup d'autres officiers. Notre armée a remporté quantité de drapeaux Prussiens, gagné 33 canons de différents calibres et 3 haubises et fait prisonniers 600 et deserteurs 300. De notre côté sont

---

[1]) Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, извѣстный побѣдитель Пугачева. Порошинъ записалъ: „Какъ П. И. Панинъ съ извѣстіемъ о Эгерсдорфской баталіи, съ трубящими почталіонами, въ Царское Село пріѣхалъ, то Великій Князь испугался. Тотъ день былъ ужасный громъ („Р. Вѣстн." 1866 г., кн. 8, стр. 485).

[2]) Битва при Гроссъ-Егерндорфѣ или Егерсдорфѣ, на берегахъ Прегеля, неподалеку отъ Велау. Апраксинъ 19 Августа 1757 года съ 80,000 человѣкъ войска побилъ 22,000 корпусъ прусскій подъ командою фельдмаршала Левальда. Вслѣдъ за побѣдою Апраксинъ переправился обратно черезъ Прегель и очистилъ Пруссію, оставя за собою одинъ Мемель.

[3]) Извѣстныя Шуваловскія гаубицы, здѣсь впервыя употребленныя; онѣ отличались отъ обыкновенныхъ бо́льшею длиною и овальнымъ распаломъ, котораго длина была вдвое болѣе ширины. Орудія эти содержались въ тайнѣ, какъ изобрѣтеніе, отъ котораго ожидали большихъ успѣховъ. Несмотря однако на слова Штелина, опытъ не доказалъ ихъ пользы, и онѣ вскорѣ были вовсе оставлены.

parmi les tués (dont on ne sait pas encore le nombre ni de l'un, ni de l'autre côté) Mr. Lapouchin gen. en chef [1]), qui commandait l'aile gauche et qui se précipita dans les escadrons ennemis; Mr. Sibin lieut.-général; Mr. Kapnist [2]) brigadier des cosaques et le cheval sous le corps de S. E. le Feldmar. Apraxine. Parmi les blessés:

M. Lieven, gen. en chef [3]). M. Lieven—lieut.-gen. [4]). M. Tolstoi—lieut.-gen. [5]). M. Bousquet—gen. maj. ingen [6]). M. Willebois, qui avec une sanglante blessure dans la tête n'a pas quitté l'action jusqu'à la fin [7]). M. Joh. Manteufel Zöge, beau-frère du gen. Lieven. M. Plemenikof — brigad. M. Weymarn — brigad. quartier maitre gen. Nous avons bu aujourd'hui un bon bocal à la continuation de l'heureux succès des glorieuses armées de S. M. I. ce que souhaite de tout son coeur, Monseigneur, Votre très humble et très obéissant J. Stehlin.

A Pétersb. le 28 Août 1757.

P. S. Je viens de recevoir la réponse de M. Schmidt de Berlin à nos dernières propositions. Il les a acceptées et compte partir bientôt pour s'embarquer à Lubec et nous joindre encore dans l'autômne présent. M. l'ambassadeur Villiams ayant été parti d'ici tout à fait pour Stockholm et passé déjà une couple de stations de Finlande, retourna tout un coup (sic) il y a huit jours en ville avec une espèce de fièvre bilieuse. Il s'est logé dans son premier quartier chez m. le baron Wolf et se prépare actuellement pour partir avec un vaisseau Anglais pour se rendre tout droit par mer en Angleterre.

Письма отъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова [8]).

I.

„В. с. государя моего милостиваго пріятнѣйшее писаніе отъ 5-го числа изъ Глухова, я вчерась честь имѣлъ получить. Радуюсь, что в. с. здоровы, что единственно съ охраною старается препобѣдить

---

[1]) Генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ женатъ былъ на графинѣ Ягужинской.

[2]) Капнистъ, отправленный на театръ войны съ малороссійскимъ отрядомъ (см. выше).

[3]) Ген.-аншефъ и александровскій кавалеръ баронъ Юрій Григорьевичъ (Георгъ Рейнгольдъ), † 1763.

[4]) Баронъ Матвѣй Эбергардъ, † 1762.

[5]) Ген.-аншефъ и алекс. кав. Матвѣй Андреевичъ Толстой, † 1763, женатъ былъ на графинѣ Остерманъ.

[6]) Ген.-аншефъ и алекс. кав. де-Боскетъ.

[7]) Ген.-фельдцейхмейстеръ и всѣхъ росс. орд. кав. Александръ Никитичъ Вильбоа.

[8]) Письма эти, вполнѣ безграмотныя, доказываютъ, какъ нетребовательно было высшее общество того времени въ дѣлѣ образованія.

скуку, и охотникомъ еже не имѣете дѣлъ отъемлющихъ время, быть пожалую, чѣмъ иногда и здѣсь покажетеся не скучнымъ, когда-жъ и то увеселитъ. А о мѣстѣ отнюдь не скажу живи, но старайся возвратиться, гдѣ вѣрные вамъ благожелатели сердечно и искренно тебя ждѣть и жить неразлучно желаютъ. За посланныя черешни много благодарствую и о полученіи тебѣ донесу и Василія Васильевича (?), какъ скоро попросите, для васъ отпущу.

14 Апрѣля, 1757. С.-Петербургъ.

Е. с. графиня Катерина Ивановна и всѣ дражайшія дѣти ваши находятся здоровы, только по усердію моему ко всей фамиліи в. с. умолчать долгъ воспрещаетъ, какъ пріѣхавъ на мѣсто, чрезъ двѣ недѣли вспомнилъ сказать о себѣ, ежели-бъ видѣли какія-то графинѣ слезы нанесло, да и всѣмъ любящимъ васъ печаль, вѣрно надѣюсь впредь и всегда-бъ того стереглись, что все и видѣть желаютъ. Не лѣнись, мой батюшка, пиши почаще. А Григорій Николаевичъ хотя въ письмѣ графа Михайлы Ларивоновича меня вспомнилъ, чтобъ привѣтами я съ нимъ подѣлился, и за то кланяюсь, пребывая ему здѣсь во всегда вѣрнымъ слугою.

II.

Я не оправдаюсь, что такъ долгое время не служилъ моими письмами, но могу искреннее мое почитаніе и любовь къ в. с. засвидѣтельствовать не только любезною вашею супругою, но и всѣмъ домомъ, гдѣ я очень часто бываю съ совершенною искренностію; видѣвъ ея житіе, поступки во всемъ сходные съ честію васъ обоихъ и, однимъ словомъ, не нижу человѣка, ктобъ не хотѣлъ съ большимъ почитаніемъ быть въ домѣ вашемъ для усмотрѣнныхъ меритовъ въ е. с. графинѣ вашей. Она тотъ же домъ имѣетъ для честныхъ и знатныхъ людей, какъ и при в. с. было. Графъ Михаила Ларіоновичъ и графиня Анна Карловна очень часто провождаетъ (sic) дни васъ вспоминая, когда-жъ у нея нѣтъ съ кѣмъ поиграть въ кадрилью, что ежедневно между дѣлъ наше единственное утѣшеніе и удовольствіе, наѣзжалъ (sic); она имѣетъ только съ дѣтьми дѣло, и я съ ними; вотъ я и думаю, слышавъ порядокъ моего предъ вами проступка, и свѣтовать уже не будете; чтожъ я забытъ, добромилостивецъ мой, какъ увидимся, тогда попеняю; а теперь повѣрьте, государь мой милостивый, что радость всякому честному человѣку домъ вашъ видѣть, и вы найдете оный съ желаніемъ вашимъ во всемъ сходный. Романъ Ларіоновичъ [1]) истинно усердный вашъ

[1]) Воронцовъ.

другъ и слуга; я не знаю, когда гдѣ бываетъ, кромѣ вашего дома; печется и хлопочетъ, гдѣ силы достать могутъ, единственно объ васъ и для васъ, чѣмъ я удостовѣрить могу, почитая самъ за первѣйшее удовольствіе, когда-бъ какое въ чемъ-либо вамъ добро видѣлъ или и слышалъ! А за тѣмъ увѣряю совершенно, вы столь счастливы, что весь городъ васъ здѣсь видѣть желаетъ, слѣдовательно имѣете надежду сюда радостно пріѣхать; спѣшите, спѣшите, всѣ силы употребляя, чего съ моей стороны особенно усердно васъ въ полномъ здоровіи видѣть желая, пребываю во всегда и пр.

14 Ноября, 1757. С.-Петербургъ.

Письма шведскаго посланника, барона Маврикія Поссе [1]).

I.

Monseigneur, Me trouvant justement chez Madame la comtesse lorsqu'elle était occupeé à finir la lettre dans laquelle celle-ci se trouvera, j'ai pris la liberté de joindre ces peu de mots pour assurer V. E. de mes très humbles respects. De dire à V. E. combien nous regrettons sa présence ici, cela serait aussi impossible, que je le crois inutile, d'autant plus qu'avant Votre départ tout le monde pouvait voir nos regrets sur nos visages. Ces mêmes regrets, Monseigneur, continuent toujours et même ils ne font qu'auguementer par l'inquiétude où nous sommes de ne pas recevoir de Vos nouvelles, pour consoler Votre aimable sposa qui commence déjà à n'entendre de raison sur Votre silence. Je me tue à lui persuader qu'il est arrivé quelque malheur au courier que Vous auriez depéché, mais j'ai beau dire tout ce que je veux tout cela ne sert à rien et je vois bien qu'il n'y a qu'une lettre de V. E. capable de la tranquilliser. Jugez, Monseigneur, par la hardiesse que j'ai de Vous écrire (sur) un chiffon comme celui-ci quelle confiance je mets en Vos bontés, c'est en Vous en demandant humblement la continuation que j'ai l'honneur и пр.

II.

St.-Pétersburg ce 2 de Mai 1757.

Monseigneur.

Un billet doux qu'un amant recevroit de sa maitresse ne sauroit lui causer une joie plus grande que celle que j'ai ressentie en recevant la

[1]) Баронъ Поссе, какъ видно изъ писемъ его, другъ дома Разумовскихъ, встрѣчается въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ между лицами чаще другихъ приглашаемыми ко двору.

gracieuse lettre, dont il a plu à v. e. de m'honorer. Une marque si signalée de votre bienveillance ne fait qu'augmenter en moi le désir inexprimable que j'ai de revoir l'homme d'or, l'homme du monde que j'estime le plus; et s'il ne tenait qu'à moi, monseigneur, je n'hésiterai pas un instant à me mettre tout à l'heure à cheval pour aller vous rejoindre à Gloukoff, pour vous témoigner la vive reconnaissance que je conserverai toute ma vie de vos bontés. L'empressement avec lequel j'ai toujours recherché l'honneur de votre aimable compagnie, vous persuadera assez du plaisir que j'aurai de me trouver auprès de v. e., et ce serait en partageant avec elle les plaisirs de la chasse, comme aussi en prenant part aux autres petits amusements que l'occasion et la fortune nous présenteraient, que j'oublierais longtemps les vanités de ce monde, la cour, les intérêts des princes et toute la boutique politique. Ce n'est pas, monseigneur, qu'une société aimable ne rend mon séjour ici des plus agréables: mon propre penchant qui m'invite à faire ma cour très assidûment auprès des deux aimables dames [1]), qui par l'absence de leurs chères moitiés se trouvent un peu isolées; l'ancienne habitude que j'ai contractée dans votre maison, la bonne compagnie qui s'y trouve et le bon accueil que la gracieuse comtesse me fait tout les jours, tout cela m'engage naturellement à augmenter le nombre de ceux qui s'empressent de lui tenir compagnie; par ce moyen je suis parvenu à supporter l'absence de v. e. plus facilement que je ne croyais au commencement. M-r le major d'Endten [2]) me fit l'honneur il y a quelque temps de me nommer parrain avec s. e. m-me la Hettmanne d'un garçon dont sa femme était accouchée; l'enfant est mort, mais l'alliance spirituelle que j'ai contractée en cette occasion avec m-me la comtesse subsiste toujours, en faveur de quoi ma gracieuse „Couma" m'a fait présent d'une très belle boite que je conserverai eternellement en souvenir d'un évènement si glorieux. M. le médecin Kruus [3]) a conseillé à m-me la comtesse de se donner beaucoup d'exercice, mais comme elle a été obligée pendant quelque temps de garder la chambre à cause d'un refroidissement, qu'elle êut un jour en voulant pêcher à la ligne dans son jardin, elle ne peut en prendre d'autre que de jouer au volant; en attendant tous les préparatifs sont faits pour monter à cheval et après quelques essais que m-me la comtesse veut encore faire incognito dans le jardin, il se fera au premier jour une grande cavalcade à Cathrinhof. L'autre jour m-me la com-

[1]) Графини Екатерина Ивановна и Матрена Герасимовна Теплова.

[2]) Вѣроятно офицеръ Измайловскаго полка.

[3]) Докторъ Карлъ-Фридрихъ Крузе (по-русски Карлъ Ѳедоровичъ), родомъ изъ Голштиніи, былъ главнымъ докторомъ лейбъ-гвардіи, а потомъ лейбъ-медикомъ. Онъ былъ братъ графини Сиверсъ, жены оберъ-гофмаршала.

tesse m'amenait avec elle souper chez la belle Maréchale [1]), la compagnie n'était pas nombreuse, et il n'y avait que m-r le chambellan Worontzow [2]), m-r le conseiller Borsokoff [3]), quelques officiers du régiment d'Ismayloff, m-r Endten et messieurs Belogradski et Raupach qui nous regalèrent avant souper et pendant que nous jouions au cadrille [4]), de plats de leur métier. Tout le monde était de bonne humeur, et la charmante hôtesse dont les beaux yeux n'inspirent rien moins que la tristesse, fit si bien les honneurs de sa maison, que si vous l'aviez vu monseigneur, vous n'aurez pas été le dernier à convenir qu'elle était toute aimable. On nous flatte, monseigneur, du plaisir de vous revoir bientôt ici; en ce cas-là, je ne regretterai pas du tout le refus dont je suis menacé par rapport à mon rappel, espérant encore d'avoir le bonheur de vous assurer de vive voix du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être и пр.

III.

S.-Pétersbourg ce 24 de Juillet 1757.

Vous connaissez j'éspère, monseigneur, le zêle et l'inviolable attachement que je vous ai voué depuis longtemps à vous et à tout ce qui vous appartient. Une suite de ces sentimens invariables me donne occasion d'écrire à v. e. la présente lettre qui la convaincra sans doute de toute la part que je prends à ce qui peut intéresser v. e. le plus sensiblement. S. e. m-me la comtesse votre épouse, vous marquera par ce courrier l'idée que j'ai conçue de procurer à vos aimables enfants un gouverneur très capable de leur apprendre non seulement les sciences qui conviennent à de jeunes seigneurs, mais de leur inspirer des sentiments dignes de leur naissance et de former leurs coeurs et leur caractère. Ce sont là les qualités essentielles d'un gouverneur pour des enfants de famille, et je ne sais pas trop, si la personne à qui v. e. a confié actuellement cet important soin, pourrait entièrement y répondre; c'est pourquoi je prends la liberté de présenter pour cet effet un sujet, Suèdois de nation.

---

[1]) Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о теткѣ гетманши—Маріи Павловнѣ Нарышкиной, рожд. Балкъ-Полевой, женѣ Семена Кириловича, который въ то время былъ гофмаршаломъ, но вскорѣ (7 мая 1757) пожалованъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Жены тогдашнихъ фельдмаршаловъ (Трубецкаго, Бутурлина и Апраксина) были всѣ женщины пожилыя, а М. П. Нарышкиной р. въ 1730 г. было всего 27 лѣтъ.

[2]) Графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ.

[3]) Вѣроятно, это тотъ же Барсуковъ, о которомъ упоминается въ письмахъ Ададурова (см. выше).

[4]) Кадриль, игра въ карты, въ родѣ ломбера.

qui est un homme de bonnes moeurs et d'étude et qui outre cela a déjà élevé en Suède quelques seigneurs de mes parents, savoir les barons de Sparre. Un hazard des plus heureux l'a conduit-ici. Il vient d'arriver actuellement de Paris. De crainte que ses talents ne le fissent entrer autre part, je l'ai engagé de ne prendre aucun autre engagement avant que d'avoir reçu la réponse de v. e. Je suis persuadé qu'elle ne pourrait pas trouver un meilleur gouverneur pour ses enfants, et si v. e. veut m'en croire, elle n'hésitera pas à décider son choix. La personne en question s'appelle Safstrom; il a fait ses études à Upsale plusieurs années de suite; depuis il a été en France d'où il vient d'arriver il y a 8 jours muni d'une forte lettre de recommandation pour moi de la part de l'envoyé de Suède à la cour de France. Comme au reste il n'est pas assez bien du côté de la fortune pour vivre longtemps ici à ses propres dépens, je vous supplie, monseigneur, de faire connaitre au plutôt vos sentiments à s. e. m-me la comtesse Catherine Ivanovna. Je me flatte quand v. e. connaitera le sujet que je prends la liberté de lui recommander, qu'elle me saura un peu gré de le lui avoir procuré. Je ressens un vrai plaisir de procurer par là à v. e. une millième partie de mon inviolable attachement et de l'infinie et respectueuse considération avec laquelle и пр.

P. S. Mille compliments à m-r le conseiller Tepleoff (sic). Sa chère Matrona Garasna (sic) se porte comme un charme, et l'on s'apperçoit fort bien à la fraicheur de son tein, qu'elle ne dorme (sic) plus les après-diner et qu'elle jouit pendant les nuits d'un sommeil non interrompu.

Не смотря на эту лестную рекомендацію, Савстромъ однако не поступилъ къ Разумовскому: мы не находимъ даже имени его въ перечнѣ иностранныхъ учителей, явившихся вслѣдствіе указа отъ 28 Апрѣля 1757 года, на испытаніе въ академію наукъ для полученія свидѣтельства на право быть учителемъ. Что же касается до нѣсколько гривуазной приписки, то Матрена Герасимовна, несмотря на увѣреніе Поссе, въ это время не столько предавалась покою, сколько была занята любовію къ ней Великаго Князя. Наслѣдникъ поссорился съ фрейлиною графинею Воронцовою и влюбился въ Теплову. Когда онъ ожидалъ ее къ себѣ, то совѣтовался съ Великою Княгинею о томъ, какъ бы лучше украсить свои комнаты, чтобы онѣ были по вкусу Матренѣ Герасимовнѣ. Съ этой цѣлью онъ однажды собралъ кучу гренадерскихъ киверовъ, ружей, перевязей и пр., такъ что комнаты его стали похожи на арсеналъ. Но нѣжная связь съ Тепловой продолжалась недолго. Нѣсколько, какъ видно, романтическая супруга Григорія Николаевича лѣтомъ не могла часто видѣться съ своимъ высокимъ любовникомъ, и принялась за переписку. Она начала съ

длиннѣйшаго письма на четырехъ страницахъ, требуя, чтобы Великій Князь съ своей стороны писалъ ей по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю. Наслѣдникъ, ненавидѣвшій всякое писаніе, разсердился не на шутку и этимъ отношенія ихъ пресѣклись [1]).

Гетманъ сидѣлъ въ Глуховѣ какъ на горящихъ углахъ. Несмотря на частую присылку курьеровъ и на многихъ корреспондентовъ, извѣстія поздно доходили до отдаленной Малороссіи. Въ письмахъ были безпрестанныя недомолвки. Отступленіе Апраксина и всеобщій на него ропотъ, отголоски котораго доходили до Глухова, сильно безпокоили Разумовскаго. Онъ зналъ, что Апраксинъ близокъ къ великому канцлеру и что онъ велъ тайные переговоры съ Великою Княгинею. Самъ графъ Кирила Григорьевичъ, несмотря на *крупный разговоръ* свой съ фельдмаршаломъ, о которомъ упоминали мы выше, передъ отъѣздомъ своимъ въ Малороссію, по настоянію Екатерины, вошелъ съ нимъ въ сношенія. Примиреніе шло черезъ И. И. Шувалова. „Касательно до дѣла гетманскаго“, писалъ Апраксинъ къ Шувалову изъ Риги, „доношу в. п., что я уже какъ прежде, такъ и нынѣ во всемъ на васъ и на брата вашего Петра Ивановича положился, о чемъ пространнѣе ему писалъ изъ Митавы отъ 11-го сего мѣсяца, на которое ссылаюсь и что по этому дѣлу вы, м. г., и братъ вашъ Петръ Ивановичъ, положить и учинить изволите, я всѣмъ доволенъ“ [2]). Крики негодованія противъ Бестужева и Апраксина, раздававшіеся въ Вѣнѣ и Парижѣ, долетѣли и до гетмана. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ для Апраксина на сильную поддержку Шуваловыхъ; быть можетъ, онъ не зналъ, что великій канцлеръ вполнѣ отрекся отъ бывшаго своего друга и съ злорадствомъ, которое ему однако не помогло, указывалъ на фельдмаршала, какъ на добропріятеля Шуваловыхъ. Но, съ другой стороны, гетманъ твердо вѣдалъ, что Екатерина вела тайные переговоры съ Апраксинымъ, что онъ самъ, равно какъ и многіе изъ приближенныхъ къ брату его лицъ, могутъ сильно попасться, если доберутся до происковъ Великой Княгини и что паденіе Бестужева, несмотря на свое личное къ нему недоброжелательство, можетъ сильно отозваться на положеніе при дворѣ графа Алексѣя Григорьевича. Не даромъ писалъ ему Штелинъ о какомъ-то новомъ Monseigneur'ѣ. Благодаря всему этому положеніе графа Кирилы Григорьевича въ Глуховѣ, вдали отъ двора и отъ всѣхъ близкихъ, было крайне не завидное. Къ тому же, его еще томило личное горе.

Мы видѣли, что Елизавета женила его нѣсколько противъ воли, что за нимъ бѣгали всѣ Петербургскія красавицы. Цѣломудріе въ то

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 248—251.

[2]) „Сборникъ Русс. Истор. Общества“, IX, 456.

время, не смотря на указъ 1750 года противъ женщинъ вольнаго поведенія, не было въ общемъ ходу, и гетманъ, подобно другимъ, забывалъ подъ-часъ супружескую вѣрность. Онъ любилъ пламенно какую-то намъ неизвѣстную красавицу, и она его обманывала. Вотъ что писалъ къ нему по этому случаю Иванъ Перфильевичъ Елагинъ:

„Сколько мои письма до сего были в. с. пріятны, столько, я думаю, настоящее приключитъ вамъ горести и безпокойства. Любезная ваша доказала, что она женщина и непостоянству женскому подвержена. Романъ Ларіоновичъ [1]) обо всемъ писалъ къ вамъ обстоятельно, я это вѣдаю и для того не хочу повторепіемъ безшутныхъ рѣзвостей и мщенія недозволительнаго вамъ болѣе дѣлать прискорбности, зная вашу страсть и понимая, каково тяжело слышать вамъ о невѣрности такой персоны, которую вы обожали и можетъ быть еще, услыша все, обожать не перестанете. Она теперь раскаивается и все мнѣ обѣщаетъ, чего бы я отъ нея ни потребовалъ; но не знаю, истинное ли имѣетъ раскаяніе и исполнитъ ли тѣ обѣщанія, которыя мнѣ дѣлаетъ: время намъ все покажетъ. Я чувствую, м. г., сколь вамъ несносно чтеніе моего письма; и чтобы не умножать болѣе вашей досады, грусти и печали, оканчиваю его тѣмъ, что я, доколѣ живъ, съ непремѣнною преданностію и глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

„5-го Іюля 1757 г., С.-Петербургъ“.

Наконецъ столь долго ожидаемое и столь часто выпрашиваемое дозволеніе вернуться въ Петербургъ было даровано Государынею чрезъ посредство И. И. Шувалова. Объ этомъ извѣстили Разумовскаго Воронцовъ и Трубецкой.

„Изъ отправленнаго сегодня рескрипта изъ конференціи“, писалъ первый, „в. с. усмотрите, что всемилостивѣйшая Государыня соизволила повелѣть вамъ ко двору Е. В. пріѣхать. Сіе Е. И. В. повелѣніе мнѣ объявлено отъ е. пр. И. И. Шувалова, а потомъ сама Е. В. именно указать изволила. Я о семъ обстоятельствѣ для того къ в. с. пишу, что, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ усерднаго и дружескаго старанія е. пр., вы ему одолженіе имѣете. Къ тому же я совершенно знаю сколь много онъ васъ любитъ и почитаетъ и въ искренней дружбѣ съ вами быть желаетъ. Вы не оставите съ своей стороны тому соотвѣтствовать. А я, будучи вамъ обоимъ искренній другъ и слуга, весьма тому радуюсь. Впрочемъ я ласкаю себя, что вы всевозможное (стараніе?) употребите, чтобъ сюда къ дражайшему дню Е. В. рож-

[1]) Воронцовъ.

длиннѣйшаго письма на четырехъ страницахъ, требуя, чтобы Великій Князь съ своей стороны писалъ ей по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю. Наслѣдникъ, ненавидѣвшій всякое писаніе, разсердился не на шутку и этимъ отношенія ихъ пресѣклись [1]).

Гетманъ сидѣлъ въ Глуховѣ какъ на горящихъ угляхъ. Несмотря на частую присылку курьеровъ и на многихъ корреспондентовъ, извѣстія поздно доходили до отдаленной Малороссіи. Въ письмахъ были безпрестанныя недомолвки. Отступленіе Апраксина и всеобщій на него ропотъ, отголоски котораго доходили до Глухова, сильно безпокоили Разумовскаго. Онъ зналъ, что Апраксинъ близокъ къ великому канцлеру и что онъ велъ тайные переговоры съ Великою Княгинею. Самъ графъ Кирила Григорьевичъ, несмотря на *крупный разговоръ* свой съ фельдмаршаломъ, о которомъ упоминали мы выше, передъ отъѣздомъ своимъ въ Малороссію, по настоянію Екатерины, вошелъ съ нимъ въ сношенія. Примиреніе шло черезъ И. И. Шувалова. „Касательно до дѣла гетманскаго", писалъ Апраксинъ къ Шувалову изъ Риги, „доношу в. п., что я уже какъ прежде, такъ и нынѣ во всемъ на васъ и на брата вашего Петра Ивановича положился, о чемъ пространнѣе ему писалъ изъ Митавы отъ 11-го сего мѣсяца, на которое ссылаюсь и что по этому дѣлу вы, м. г., и братъ вашъ Петръ Ивановичъ, положить и учинить изволите, я всѣмъ доволенъ" [2]). Крики негодованія противъ Бестужева и Апраксина, раздававшіеся въ Вѣнѣ и Парижѣ, долетѣли и до гетмана. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ для Апраксина на сильную поддержку Шуваловыхъ; быть можетъ, онъ не зналъ, что великій канцлеръ вполнѣ отрекся отъ бывшаго своего друга и съ злорадствомъ, которое ему однако не помогло, указывалъ на фельдмаршала, какъ на добропріятеля Шуваловыхъ. Но, съ другой стороны, гетманъ твердо вѣдалъ, что Екатерина вела тайные переговоры съ Апраксинымъ, что онъ самъ, равно какъ и многіе изъ приближенныхъ къ брату его лицъ, могутъ сильно попасться, если доберутся до происковъ Великой Княгини и что паденіе Бестужева, несмотря на свое личное къ нему недоброжелательство, можетъ сильно отозваться на положеніе при дворѣ графа Алексѣя Григорьевича. Не даромъ писалъ ему Штелинъ о какомъ-то новомъ Monseigneur'ѣ. Благодаря всему этому положеніе графа Кирилы Григорьевича въ Глуховѣ, вдали отъ двора и отъ всѣхъ близкихъ, было крайне не завидное. Къ тому же, его еще томило личное горе.

Мы видѣли, что Елизавета женила его нѣсколько противъ воли, что за нимъ бѣгали всѣ Петербургскія красавицы. Цѣломудріе въ то

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 248—251.

[2]) „Сборникъ Русс. Истор. Общества", IX, 456.

время, не смотря на указъ 1750 года противъ женщинъ вольнаго поведенія, не было въ общемъ ходу, и гетманъ, подобно другимъ, забывалъ подъ-часъ супружескую вѣрность. Онъ любилъ пламенно какую-то намъ неизвѣстную красавицу, и она его обманывала. Вотъ что писалъ къ нему по этому случаю Иванъ Перфильевичъ Елагинъ:

„Сколько мои письма до сего были в. с. пріятны, столько, я думаю, настоящее приключитъ вамъ горести и безпокойства. Любезная ваша доказала, что она женщина и непостоянству женскому подвержена. Романъ Ларіоновичъ [1]) обо всемъ писалъ къ вамъ обстоятельно, я это вѣдаю и для того не хочу повтореніемъ безпутныхъ рѣзвостей и мщенія недозволительнаго вамъ болѣе дѣлать прискорбности, зная вашу страсть и понимая, каково тяжело слышать вамъ о невѣрности такой персоны, которую вы обожали и можетъ быть еще, услыша все, обожать не перестанете. Она теперь раскаивается и все мнѣ обѣщаетъ, чего бы я отъ нея ни потребовалъ; но не знаю, истинное ли имѣетъ раскаяніе и исполнитъ ли тѣ обѣщанія, которыя мнѣ дѣлаетъ: время намъ все покажетъ. Я чувствую, м. г., сколь вамъ несносно чтеніе моего письма; и чтобы не умножать болѣе вашей досады, грусти и печали, оканчиваю его тѣмъ, что я, доколѣ живъ, съ непремѣнною преданностію и глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

„5-го Іюля 1757 г., С.-Петербургъ“.

Наконецъ столь долго ожидаемое и столь часто выпрашиваемое дозволеніе вернуться въ Петербургъ было даровано Государынею чрезъ посредство И. И. Шувалова. Объ этомъ извѣстили Разумовскаго Воронцовъ и Трубецкой.

„Изъ отправленнаго сегодня рескрипта изъ конференціи“, писалъ первый, „в. с. усмотрите, что всемилостивѣйшая Государыня соизволила повелѣть вамъ ко двору Е. В. пріѣхать. Сіе Е. И. В. повелѣніе мнѣ объявлено отъ е. пр. И. И. Шувалова, а потомъ сама Е. В. именно указать изволила. Я о семъ обстоятельствѣ для того къ в. с. пишу, что, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ усерднаго и дружескаго старанія е. пр., вы ему одолженіе имѣете. Къ тому же я совершенно знаю сколь много онъ васъ любитъ и почитаетъ и въ искренней дружбѣ съ вами быть желаетъ. Вы не оставите съ своей стороны тому соотвѣтствовать. А я, будучи вамъ обоимъ искренній другъ и слуга, весьма тому радуюсь. Впрочемъ я ласкаю себя, что вы всевозможное (стараніе?) употребите, чтобъ сюда къ дражайшему дню Е. В. рож-

[1]) Воронцовъ.

и возвращались домой увѣренные, что были единственными гостями хлѣбосольнаго гетмана [1]).

Среди этихъ вечериновъ и приготовленій къ сватьбамъ, которыхъ при дворѣ праздновали разомъ три, Нарышкина съ Закревской, барона Строганова съ графиней Анной Михайловной Воронцовой и графа Петра-Іоны Александровича Бутурлина [2]) съ графиней Марьей Романовной Воронцовой, въ то время, какъ гетманъ шутливо бился объ закладъ съ Датскимъ посланникомъ Остеномъ о томъ, который изъ молодыхъ мужей первый будетъ рогоносцемъ [3]),—Разумовскимъ грозила страшная опасность. Арестованіе Апраксина и слѣдствіе надъ нимъ нанесли окончательный ударъ Бестужеву. Онъ висѣлъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ поспѣшилъ разорвать могущественный при дворѣ маркизъ Лопиталь, нашедшій въ Петербургѣ обширное поле къ упражненію въ интригахъ. Государыня, наканунѣ сватьбы Марины Осиповны, сама была на дѣвичникѣ, который справлялся въ Аничковскомъ домѣ. Сватьба праздновалась съ обыкновенною торжественностью, съ маршалами, шаферами и ближними дѣвицами; а въ то же время, по выраженію князя Шаховскаго, „происками злодѣевъ графъ Бестужевъ повергнутъ былъ въ несчастіе“ [4]). Великій канцлеръ былъ арестованъ, 25 февраля 1758 г., вечеромъ, въ то время, какъ онъ только-что пріѣхалъ во дворецъ на конференцію [5]). Солдаты, которые должны были арестовать Бестужева, радовались, думая, что имъ велятъ схватить Шуваловыхъ [6]). По свидѣтельству Екатерины, общественное мнѣніе было совершенно на сторонѣ Бестужева. Напали на слѣды переписки Екатерины съ Апраксинымъ, Елизаветѣ донесено было о сношеніяхъ Великой Княгини съ гетманомъ. Переписку съ гетманомъ Екатерина вела подъ строжайшимъ секретомъ. „О семъ секретѣ“, писалъ впослѣдствіи Бестужевъ, „никому извѣстно быть не могло кромѣ Теплова: онъ единственно, злася на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ“ [7]). Въ одно время съ канцлеромъ захвачены были два друга графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, герольдмейстеръ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, и люби-

[1]) Mémoires de Catherine, II, 278—279.

[2]) Сынъ фельдмаршала.

[3]) Mémoires de Cath. II, 309.

[4]) Записки кн. Я. П. Шаховского, II, 140.

[5]) Екатерина спутываетъ въ своихъ запискахъ числа. Такъ, она арестованіе Бестужева относитъ къ 1759 году, наканунѣ сватьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина. Сватьба Бутурлина была 15, Строганова 18, а Нарышкина 22-го февраля 1758. Память, очевидно, въ этомъ измѣнила Екатеринѣ. Мы руководствуемся показаніемъ саксонскаго резидента Прассе. Hermann, Gesch. de Russ. St. V, 225.

[6]) Mém. de Cath., 311.

[7]) Исторія Соловьева, XXIV, 193, и XXV, 153.

услужно благодарить чрезъ сіе, но въ чувствительнымъ моимъ признаніямъ (неразобранное слово) желаю сердечно взаимно оказать усердіе и потому сердечно радуюсь, что скоро могу то персонально вамъ увѣрить.

P. S. Пожалуйста, государи, не замѣшкайтесь, пріѣзжайте скорѣе ѣдь сюда право.

Изъ С.-Петербурга 1 Декабря 1757 г.

„Я отъ вчерашняго числа изъявлялъ мое удовольствіе высочайшимъ Е. И. В. повелѣніемъ быть сюда, а теперь, пользуясь сею оказіею, имѣю честь в. с. донести, яко податель сего, отправленный отъ сената нарочно со всѣмъ тѣмъ учрежденіемъ, что до пріѣзду в. с. принадлежитъ. Почему уповаю, что никакой уже остановки въ скоромъ прибытіи в. с. сюда послѣдовать не можетъ. Итакъ, осталось мнѣ только донести то, что съ сущею преданностію и пр.“.

ГЛАВА IX.

Пребываніе при дворѣ.—Сватьны.—Паденіе Бестужева.—Опасность, Угрожавшая Разумовскимъ. — Занятія по академіи. — Пребываніе въ Малороссіи.

Разумовскаго незачѣмъ было торопить: коль скоро онъ получилъ высочайшее дозволеніе ѣхать ко двору, онъ поручилъ управленіе Малороссіею генеральному обозному Кочубею, генеральному подскарбію Скоропадскому, генеральному писарю Безбородкѣ, есаулу Волькевичу и хорунжему Ханенкѣ, и въ сопровожденіи одного только канцеляриста Дергуна [1]) поскакалъ 12 Декабря въ Петербургъ. Графиня Наталья Демьяновна еще въ Ноябрѣ вернулась въ Адамовку, а Тепловъ, недавно выдавшій племянницу свою за Миклашевскаго [2]), какъ кажется, еще остался въ Глуховѣ. Въ Петербургѣ Разумовскій засталъ маркиза Лопиталя, игравшаго первую роль какъ въ обществѣ, такъ и при дворѣ. Государыня его особенно жаловала и въ праздникъ ея восшествія на престолъ французскій посолъ стоялъ съ тарелкою у нея за стуломъ [3]). Апраксинъ содержался недалеко отъ Петербурга

---

[1]) Зап. Марковича, II, 348.

[2]) Тамъ же.

[3]) Зап. Порошина, 72.

въ мѣстечкѣ Три-Руки, въ путевомъ дворцѣ, не въѣзжая въ городъ, подъ присмотромъ того же Суворова, который нѣкогда привезъ въ Глуховъ Андреевскую ленту гетману. Графъ Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ дѣйствовалъ за-одно съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ: оба хотѣли спасти Апраксина, но противъ нихъ были вице-канцлеръ, графъ Бутурлинъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которыхъ подстрекали Эстергази и Лопиталь [1]). Что же касается до Бестужева, то онъ послѣднее время уже почти не видалъ Государыню. Переговоры о дѣлахъ дѣлались черезъ третье лицо, и его положеніе съ каждымъ днемъ становилось болѣе затруднительнымъ.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить о томъ, что Великая Княгиня особенно отличала Разумовскихъ. Въ настоящій пріѣздъ свой ко двору гетманъ еще болѣе сблизился съ супругою Наслѣдника престола.

Екатерина [2]) сосватала племянницу Разумовскихъ Марину Осиповну Закревскую за Льва Александровича Нарышкина. Сватовство это началось на балѣ у Великой Княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцовала менуетъ съ Нарышкинымъ. Екатерина, сидѣвшая между сестрою Нарышкина, Сенявиною, и невѣсткою его Анною Никитичною [3]) любовалась парою и рѣшила вмѣстѣ съ собесѣдницами своими, что молодыхъ людей слѣдуетъ непремѣнно женить; ее еще болѣе къ этому подстрекало то, что Нарышкина сватали въ городѣ за племянницу Шуваловыхъ, Хитрову. На другой день, на придворномъ маскарадѣ Екатерина подошла къ гетману и сказала, что стыдно ему не похлопотать о счастьи своей племянницы, что ей представляется прекрасная партія въ лицѣ Льва Нарышкина; что мать Нарышкина [4]) хочетъ женить его на Хитровой, но что гораздо лучше выдать за него Марину Осиповну, и что гетманъ долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Гр. Кирила Григорьевичъ поспѣшилъ сообщить проектъ Великой Княгини Теплову, который тотчасъ же передалъ его графу Алексѣю Григорьевичу и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ Петербургскому архіепископу и получилъ за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ [5]). Какъ скоро разрѣшеніе было получено, гетманъ съ графинею Екатериною Ивановною

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 286.

[2]) Екатерина въ своихъ запискахъ относитъ сватовство Закревской и просьбу гетмана къ 1757. Тутъ явная ошибка. Невозможно, чтобы Нарышкинъ былъ такъ долго женихомъ; къ тому же, гетманъ лѣтомъ 1757 былъ въ Малороссіи.

[3]) Анна Никитична урожд. Румянцова (1730 † 1820).

[4]) Елена Александровна, урожд. гр. Апраксина († 1767).

[5]) Трудно понять, какое дозволеніе было нужно для этого брака: между молодыми людьми не было ни малѣйшаго родства.

явились къ теткѣ своей, Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной, и съумѣли такъ ловко повести дѣло, что та противъ воли согласилась. Затѣмъ гетманъ и родственницы убѣдили Льва Нарышкина жениться на Закревской. Получивъ согласіе жениха, Кирила Григорьевичъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла партію слишкомъ выгодною, чтобы отъ нея отказаться. На другой день, въ воскресенье, оба Разумовскіе обратились къ Государынѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ и тотчасъ его получили. Это сватовство еще болѣе сдружило Великую Княгиню съ Разумовскими. Оба брата были крайне благодарны Екатеринѣ за то, что она устроила для ихъ племянницы такую блистательную и богатую свадьбу и, сверхъ того, были довольны одержать верхъ надъ Шуваловыми, съ трудомъ скрывшими свою досаду [1]). Вскорѣ послѣ своего сватовства, Левъ Александровичъ Нарышкинъ убѣдилъ гетмана приглашать къ себѣ Великаго Князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю: на вечерахъ этихъ присутствовали только гетманъ, Марья Павловна Нарышкина [2]), Великій Князь, Матрена Герасимовна Теплова и самъ Нарышкинъ. Собранья эти происходили великимъ постомъ и подали поводъ къ новой выдумкѣ. Домъ гетмана, какъ мы уже упомянули выше, былъ въ то время деревянный; въ комнатахъ графини Екатерины Ивановны ежедневно собирались гости, и такъ какъ хозяйка любила карты, то тамъ по вечерамъ бывала постоянная игра. Гетманъ являлся въ гостиную жены, любезничалъ съ гостями и опять исчезалъ, а на его половинѣ, даже въ тѣ дни, когда не бывало Великаго Князя, собиралась своя бесѣда. Кирила Григорьевичъ нѣсколько разъ бывалъ у Великой Княгини на ея тайныхъ вечеринкахъ, и захотѣлъ въ свою очередь принять ее у себя. Великой Княгинѣ и обществу ея отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ гетманскаго дома; комнаты эти гетманъ называлъ своимъ эрмитажемъ. Наслѣднику престола и супругѣ его строжайше запрещено было выѣзжать изъ дворца безъ особеннаго дозволенія Императрицы. Окруженные шпіонами, они только тайкомъ могли выходить изъ своихъ аппартаментовъ, причемъ Великій Князь таился отъ Великой Княгини, а Великая Княгиня отъ Великаго Князя. Такимъ образомъ у Кирилы Григорьевича, въ одномъ и томъ же домѣ и въ одно время, собиралось по три и по четыре различныхъ общества. Одинъ только хозяинъ да приближенные Екатерины знали о томъ, что происходило въ домѣ; другіе же, начиная съ хозяйки, и не подозрѣвали того, что дѣлалось за стѣнами графининой гостиной

---

[1]) Mémoires de Catherine, II, 273—276.

[2]) Жена оберъ-егермейстера Семена Кириловича, о которой упоминали мы выше.

и возвращались домой увѣренные, что были единственными гостями хлѣбосольнаго гетмана [1]).

Среди этихъ вечеринокъ и приготовленій къ сватьбамъ, которыхъ при дворѣ праздновали разомъ три, Нарышкина съ Закревской, барона Строганова съ графиней Анной Михайловной Воронцовой и графа Петра-Іоны Александровича Бутурлина [2]) съ графиней Марьей Романовной Воронцовой, въ то время, какъ гетманъ шутливо бился объ закладъ съ Датскимъ посланникомъ Остеномъ о томъ, который изъ молодыхъ мужей первый будетъ рогоносцемъ [3]),—Разумовскимъ грозила страшная опасность. Арестованіе Апраксина и слѣдствіе надъ нимъ нанесли окончательный ударъ Бестужеву. Онъ висѣлъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ поспѣшилъ разорвать могущественный при дворѣ маркизъ Лопиталь, нашедшій въ Петербургѣ обширное поле къ упражненію въ интригахъ. Государыня, наканунѣ сватьбы Марины Осиповны, сама была на дѣвичникѣ, который справлялся въ Аничковскомъ домѣ. Сватьба праздновалась съ обыкновенною торжественностью, съ маршалами, шаферами и ближними дѣвицами; а въ то же время, по выраженію князя Шаховскаго, „происками злодѣевъ графъ Бестужевъ повергнутъ былъ въ несчастіе“ [4]). Великій канцлеръ былъ арестованъ, 25 февраля 1758 г., вечеромъ, въ то время, какъ онъ только-что пріѣхалъ во дворецъ на конференцію [5]). Солдаты, которые должны были арестовать Бестужева, радовались, думая, что имъ велятъ схватить Шуваловыхъ [6]). По свидѣтельству Екатерины, общественное мнѣніе было совершенно на сторонѣ Бестужева. Напали на слѣды переписки Екатерины съ Апраксинымъ, Елизаветѣ донесено было о сношеніяхъ Великой Княгини съ гетманомъ. Переписку съ гетманомъ Екатерина вела подъ строжайшимъ секретомъ. „О семъ секретѣ“, писалъ впослѣдствіи Бестужевъ, „никому извѣстно быть не могло кромѣ Теплова: онъ единственно, зляся на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ“ [7]). Въ одно время съ канцлеромъ захвачены были два друга графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, герольдмейстеръ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, и люби-

[1]) Mémoires de Catherine, II, 278—279.

[2]) Сынъ фельдмаршала.

[3]) Mémoires de Cath. II, 309.

[4]) Записки кн. Я. П. Шаховского, II, 140.

[5]) Екатерина спутываетъ въ своихъ запискахъ числа. Такъ, она арестованіе Бестужева относитъ къ 1759 году, наканунѣ сватьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина. Сватьба Бутурлина была 15, Строганова 18, а Нарышкина 22-го февраля 1758. Память, очевидно, въ этомъ измѣнила Екатеринѣ. Мы руководствуемся показаніемъ саксонскаго резидента Прассе. Hermann, Gesch. de Russ. St. V, 225.

[6]) Mém. de Cath., 311.

[7]) Исторія Соловьева, XXIV, 193, и XXV, 153.

ный адъютантъ графа, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Стали сильно подозрѣвать сношенія Екатерины съ великимъ канцлеромъ. Присутствіе духа Бестужева спасло Екатерину: всѣ бумаги и письма ея были имъ истреблены. Графу Петру Ивановичу Шувалову всего этого было не довольно: онъ всячески хотѣлъ завлечь въ эту катастрофу и обоихъ Разумовскихъ. Для этого онъ старался дѣйствовать черезъ другого адъютанта Алексѣя Григорьевича—поэта Сумарокова. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Сумароковъ имѣлъ довольно честности, чтобы остаться вѣрнымъ своему благодѣтелю.

„Петръ Ивановичъ Шуваловъ мой злодѣй", писалъ Сумароковъ къ Екатеринѣ II отъ 25 февраля 1770, „за то особливо, что онъ хотѣлъ меня сдѣлать себѣ противу графа Разумовскаго злодѣемъ" [1]). Сумарокова допрашивали [2]).

„Графы Разумовскіе", говоритъ Прассе въ депешѣ отъ 28 апрѣля 1758 года, „должны ожидать тоже ареста [3])". Но гроза прошла мимо. Апраксинъ умеръ внезапно, Бестужевъ, почти годъ содержавшійся подъ арестомъ, былъ сосланъ въ подмосковное село свое Горетово, Елагинъ отправленъ въ Казанскую деревню, Ададуровъ назначенъ въ Оренбургъ товарищемъ губернатора, а Разумовскихъ не только не арестовали, но даже 17-го марта Государыня пировала у графа Алексѣя Григорьевича въ Аничковскомъ его домѣ до 2-хъ часовъ утра, причемъ были генералитетъ, штатсъ-дамы и полныя генеральши [4]). Въ личномъ объясненіи Великой Княгини съ Императрицею, послѣ Бестужевскаго дѣла даже не помянуто было имя графа Кирилы Григорьевича. Лѣтомъ Государыня провела со всѣми статсъ-дамами и кавалерами пять дней въ Гостилицахъ и осенью крестила сына гетмана — Григорія Кириловича, родившагося 10-го ноября 1758 года. Можно предположить, что, кромѣ брачныхъ узъ, соединявшихъ съ Государынею старшаго Разумовскаго и несомнѣнно послужившихъ ему и его брату лучшею въ этомъ дѣлѣ защитою, оба были еще многимъ обязаны заступничеству И. И. Шувалова и графа М. И. Воронцова. Даже дѣла опальной Екатерины вскорѣ настолько поправились, что она рѣшилась войти въ письменныя сношенія съ ссыльнымъ Елагинымъ. Она ссужала его деньгами и въ запискахъ своихъ намекала ему подъ разными псевдонимами объ общихъ друзьяхъ. „Homme d'or

---

[1]) Библіографическія записки, т. I, стр. 433. Вотъ, между прочимъ, причина, почему Екатерина, не взирая на все сумасбродство Сумарокова, впослѣдствіи все-таки ему покровительствовала.

[2]) Prasse говоритъ: „der Oberstallmeister Sumarokow", но онъ здѣсь, очевидно, принимаетъ одного за другого.

[3]) Hermann, Geschichte des Russ. Staats, V, 227.

[4]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1758 г.

здѣсь и хорошій ему пріемъ", пишетъ она, „и мы всѣ не оставимъ о васъ упомянуть". „Наши дѣла изрядно идутъ", говоритъ она въ другой запискѣ, „Homme d'or съ часу на часъ сюда ждутъ, Неподвижному напомню объ васъ, чтобъ окончить скорѣе наше соединеніе". „Homme d'or присылалъ ваши два письма вдругъ ко мнѣ; я о его отъѣздѣ весьма сожалѣю, а еще болѣе объ васъ. Многократно недвижимый человѣкъ возбужденъ стараться и старался васъ поворотить, но еще успѣха благополучнаго не имѣлъ... Какъ Homme d'or уѣдетъ, то присылайте къ тому человѣку, съ которымъ я присылаю записку... Homme d'or имѣлъ четыре мѣсяца письмо ваше у себя, а мнѣ не присылалъ... а нынѣ онъ ко мнѣ ваши два письма вдругъ прислалъ... Неподвижнаго рѣдко вижу, а Копала почти нѣтъ, но совсѣмъ тѣмъ не пропущу ему напоминать и подвигать ко всему тому, что вамъ полезно будетъ [1])".

По мнѣнію профессора Соловьева, подъ золотымъ человѣкомъ надобно разумѣть гетмана графа Кирилу Разумовскаго, а подъ неподвижнымъ—графа Алексѣя Григорьевича [2]). Намеки объ отъѣздахъ и пріѣздахъ могутъ относиться до пребыванія гетмана на дачѣ.

Одновременно съ Екатериною писалъ къ Елагину и Понятовскій. Понятовскій черезъ Екатерину сблизился и съ Разумовскими; съ гетманомъ, какъ мы видѣли, онъ былъ друженъ и въ запискахъ къ Елагину безпрестанно намекаетъ и на Золотого человѣка (Goldmann) и на Неподвижнаго, котораго называетъ горою (Berg). „Гору мы будемъ сколько возможно понукать относительно того, что вы знаете, въ случаѣ если Золотой человѣкъ пропадетъ (dahin ginge)... Передъ отъѣздомъ своимъ въ Августѣ 1758 Понятовскій, прощаясь съ Елагинымъ, писалъ къ нему между прочимъ: „Письмо это оставляю у Золотого человѣка, онъ вамъ его доставитъ, когда на то представится случай" [3]). Въ самый разгаръ Бестужевскаго дѣла пріѣхалъ въ Петербургъ съ блестящею свитою поляковъ и нѣмцевъ принцъ Карлъ Саксонскій; при немъ состоялъ другъ Разумовскаго, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Первымъ дѣломъ принца, по пріѣздѣ, было отправить къ графу Алексѣю Григорьевичу состоявшаго при немъ въ родѣ пѣступа генерала Лашиналя. Алексѣй Григорьевичъ былъ боленъ (весьма вѣроятно, что вся Бестужевская трагедія подѣйствовала на его организмъ) и вмѣсто себя отправилъ къ принцу съ поздрав-

---

[1]) „Сбор. Русс. Ист. Общ.", VII, 75—80.

[2]) Исторія Соловьева, XXIV, 446 (примѣчаніе 118).

[3]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 75—80. Нѣмецкіе подлинники переведены крайне небрежно.

леніями бригадира Воейкова. Однимъ изъ первыхъ визитовъ принца былъ къ Алексѣю Григорьевичу и гетману [1]).

Какъ скоро кризисъ прошелъ и Разумовскіе явились если не съ новой силой при дворѣ, то съ новыми знаками монаршей благосклонности, гетманъ обратился къ Императрицѣ съ прошеніемъ. Какъ ни странно и непріятно поражаютъ въ наше время просьбы въ родѣ той, которую приводимъ ниже, надо однако, въ извиненіе гетмана, сказать, что въ тѣ времена просилъ всякій, бывшій въ случаѣ. На казну тогда смотрѣли, и, надо признаться, до сихъ поръ смотрятъ многіе православные, какъ на мать-кормилицу, неистощимую и неисчисляемую подательницу всякихъ благъ. Никто столько не просилъ, а гдѣ приходилось и прямо не забиралъ, какъ оба графы Шуваловы; просили и Воронцовы, и Трубецкой, и Апраксинъ, и Бестужевъ—однимъ словомъ, всякій, кто только занималъ немного видное мѣсто при дворѣ, обращался къ верховной власти съ просьбою о денежномъ пособіи и почти всегда успѣвалъ въ своей просьбѣ. Это обстоятельство должно извинить графа Кирилу, но при этомъ должны мы замѣтить, что навряд ли когда такъ поступалъ старшій братъ его. Приводимъ прошеніе гетмана:

„Всепресвѣтлѣйшая и пр.

„Степень, на которую меня благоугодно явилось В. И. В. возвести, всему свѣту доказываетъ, сколь далеко простирается милосердіе, и щедрота, и великодушіе В. И. В. Равнымъ образомъ и благодарность всей нашей фамиліи не имѣетъ иныхъ предѣловъ, какъ только жизнь и дыханіе наше, пока Богъ благоволитъ оныя продолжить. В. И. В. даровали намъ все то, что̀ токмо въ щасти (sic) рода человѣческаго пожелать возможно, и я собственно всему племени нашему оставлю въ вѣчный законъ сіе въ В. И. В. Божіе дарованіе превозносить вѣчнымъ признаніемъ, а самъ, пока живъ, усердными къ Богу молитвами о продолженіи вседражайшаго здравія Вашего, будучи столь изобильно взысканъ милосердіемъ Вашимъ. Но, взирая на умножившееся число дѣтей моихъ, по человѣчески предвижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ недостаткахъ къ житію могутъ иногда закрыты остаться знаки сихъ благодѣяній въ моемъ потомствѣ. Я имѣю теперь пять сыновей и пять дочерей: всѣ они, какъ нынѣшніе, такъ и которыми впредь вослибо (sic) Богъ меня благословитъ, однимъ наслѣдствомъ жены моей, а ихъ матери, должны будутъ себя снабдить, потому что я собственнаго недвижимаго имѣнія въ вѣчность за собою ни единой души не имѣю. Всемилостивѣйшая Государыня, призрѣвъ столь великодушно на меня, призри милосердо на мое потомство для вящаго

[1]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1758 г.

прославленія въ поздніе вѣки имени В. В.; сотвори и съ ними для ихъ наслѣдія свою высочайшую и благоутробную милость пожалованіемъ мнѣ въ вѣчное потомство въ Малой Россіи недвижимаго имѣнія,—хотя часть изъ тѣхъ деревень, которыя въ вѣчномъ же владѣніи у князя Меншикова были и которыми я по одному только гетманству изъ высочайшей Вашей милости съ нѣкоторыми другими, временно, а потому безпрочно и безкорыстно, нынѣ владѣю. И ежели на всеподданнѣйшее сіе мое прошеніе тѣмъ же милосердымъ окомъ воззрѣть соизволите, то я дерзновеніе принимаю и записку тѣмъ деревнямъ приложить, которыхъ осмѣлился просить мнѣ и потомкамъ моимъ въ вѣчность. Явленная ко мнѣ уже В. И. В. милость, хотя въ родѣ моемъ не угаснетъ на многіе вѣки, однакожъ чѣмъ болѣе потомки мои достигнутъ позднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе одолженные служить отечеству, глубочайше прославлять будутъ въ состояніи своемъ собственнымъ примѣромъ, милость, щедрость и великодушіе безпримѣрно-милосердой своей Государыни, о благосостояніи которой я со всѣмъ моимъ племенемъ молить Бога одолженъ, такъ какъ есмь усердно, Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій и вѣрный рабъ графъ К. Разумовскій". (Безъ числа).

Записка, приложенная къ письму:

1. Волость Почеповская со всѣми деревнями, такъ какъ она во владѣніи за княземъ Меншиковымъ состояла.

2. Волость Батуринская по его же Меншикова владѣнію.

3. Волость Шептаковская и Бакланская по владѣнію также князя Меншикова.

Вышеупомянутыя волости состоятъ теперь по тому же князя Меншикова владѣнію, съ иными многими за нимъ княземъ Меншиковымъ бывшими волостями и деревнями, за гетманомъ Малороссійскимъ, по урядъ его. А оныя какъ тѣ, которыя гетманъ смѣлость принялъ просить, такъ и другія, были отданы ему князю Меншикову въ вѣчное и потомственное владѣніе и по его несчастію на Государя отобраны. А Бакланская отдана была Ивану Ивановичу Неплюеву" [1]).

Просьба Разумовскаго была исполнена: въ Маѣ 1759 года ему подарены города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская.

Въ этомъ же году лѣтомъ снова пріѣхалъ въ С.-Петербургъ Карлъ Саксонскій, уже въ качествѣ герцога Курляндскаго. Гетманъ былъ почти неразлученъ съ нимъ, и вѣроятно на этотъ разъ назначенъ былъ состоять при немъ. Лѣто-жъ графъ Кирила Григорьевичъ жилъ

[1]) Государственный архивъ.

шлые годы, въ случаѣ надобности, для помянутаго учрежденія выдавать по частямъ изъ академической суммы или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришелъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный г. Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхи“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ по приказанію Разумовскаго напечатано было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе о томъ, что число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ втрое умножено, а потому родители приглашаются къ отдачѣ своихъ дѣтей „для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ“ [2]). Гетманъ сталъ тоже заботиться объ учрежденіи самостоятельнаго С.-Петербургскаго университета, и для академіи велѣлъ купить Строгановскій домъ, находившійся на Васильевскомъ острову [3]). Нельзя не отдать Разумовскому справедливости въ томъ, что онъ старался поддерживать Ломоносова несмотря на то, что геніальный академикъ, какъ-бы нарочно, именно въ это время, болѣе чѣмъ когда либо, враждовалъ съ близкими къ графу Кирилу Григорьевичу лицами. Не только онъ былъ на ножахъ съ Шумахеромъ, Таубертомъ и Мюллеромъ, но еще перессорился съ Румовскимъ и Шлёцеромъ, которые имѣли всегда къ президенту свободный доступъ. Вообще, надо сознаться, что у Ломоносова былъ характеръ крайне неуживчивый и что онъ, достигнувъ званія члена канцеляріи, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Таубертъ [4]). Иногда онъ прямо затрогивалъ и самихъ Разумовскихъ. Между студентами академическаго университета находились два Малороссіянина Лобысевичъ и Дѣвовичъ, которымъ особенно покровительствовали оба брата Разумовскіе. Несмотря на это, по предложенію Ломоносова, академическая канцелярія постановила обоихъ студентовъ за нехожденіе на лекціи выключить. Малороссы обратились съ жалобою къ президенту и, представивъ аттестаты объ успѣхахъ, выданные имъ Брауномъ и другими академиками, всенижайше просили его высокографское сіятельство, дабы онъ, прекратя высокою своею властію злобу Ломоносова, прямо повелѣлъ наградить ихъ при академіи адъюнктами или магистрами и къ другому какому мѣсту опредѣлить. Жалоба эта уже не застала Разумовскаго въ Петербургѣ, она была отправлена въ Глуховъ, причемъ Лобысевичъ и Дѣвовичъ заявили, что Ломоносовъ нарочно откладывалъ рѣшеніе по ихъ дѣлу

[1]) Тамъ же, II, 679—680.
[2]) Тамъ же, II, 683.
[3]) Билярскій, Матеріалы, 076—081.
[4]) Пекарскій, Ист. Академіи, II, LIV.

стерскія [1]). Въ ордерѣ Разумовскаго Ломоносову, между прочимъ, сказано было, „ежели онъ (Ломоносовъ), что къ лучшему произведенію ученыхъ дѣлъ и къ приращенію наукъ усмотритъ, о томъ представлять въ канцеляріи прочимъ гг. членамъ, гдѣ, по общему согласію, о томъ чинить разсужденія и опредѣленія и докладывать для конфирмаціи е. с. г. президенту [2])". По порученію Разумовскаго Ломоносовъ приступилъ къ составленію большого атласа Россійской имперіи. Ломоносовъ же для университета и гимназіи составилъ новый штатъ и сочинилъ новый регламентъ, которые были Разумовскимъ апробованы, несмотря на противодѣйствіе академиковъ Мюллера, Брауна, Фишера и Модераха. „Его сіятельство академіи наукъ господинъ президентъ", писалъ Ломоносовъ въ отвѣтъ на замѣчанія названныхъ выше академиковъ, „вѣдая, коль великія и безполезныя несогласія и шумы были въ академическихъ собраніяхъ, когда онъ по силѣ академическаго регламента приказалъ въ профессорскихъ собраніяхъ сочинить регламентъ для университета и гимназіи, изволилъ поручить г. коллежскому совѣтнику Ломоносову оныхъ составленіе, дабы отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ споровъ не произошло по прежнему въ томъ препятствія и потери времени, въ которое бы могло Россійское юношество пользоваться добрымъ обоихъ оныхъ департаментовъ учрежденіемъ" [3]). Разумовскій не только поддержалъ Ломоносова, но еще поручилъ университетъ и гимназію въ исключительное его смотрѣніе. Въ предложеніи своемъ академической канцеляріи, Разумовскій между прочимъ говоритъ: „г. Ломоносовъ... по сочиненному отъ него регламенту гимназіи, поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ, того ради по данной мнѣ отъ Е. И. В. власти поручаю учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи единственно оному г. совѣтнику Ломоносову по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніе до цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ по должности сына отечества со всякимъ прилежаніемъ и усердіемъ поступать будетъ. И по сему академической канцеляріи чинить ему въ произведеніе сей, на него единственно положенной должности всякое споможеніе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ, а особливо чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять ни на какіе другіе расходы, но и недоимочную на про-

---

[1]) Билярскій, 359.

[2]) Пекарскій, Ист. Академіи, II, 637.

[3]) Тамъ же, II, 673.

шные годы, въ случаѣ надобности, для помянутаго учрежденія выдавать по частямъ изъ академической суммы или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришелъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный г. Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхи“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ по приказанію Разумовскаго напечатано было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе о томъ, что число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ втрое умножено, а потому родители приглашаются къ отдачѣ своихъ дѣтей „для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ“ [2]). Гетманъ сталъ тоже заботиться объ учрежденіи самостоятельнаго С.-Петербургскаго университета, и для академіи велѣлъ купить Строгановскій домъ, находившійся на Васильевскомъ островѣ [3]). Нельзя не отдать Разумовскому справедливости въ томъ, что онъ старался поддерживать Ломоносова несмотря на то, что геніальный академикъ, какъ-бы нарочно, именно въ это время, болѣе чѣмъ когда либо, враждовалъ съ близкими къ графу Кирилу Григорьевичу лицами. Не только онъ былъ на ножахъ съ Шумахеромъ, Таубертомъ и Миллеромъ, но еще перессорился съ Румовскимъ и Шлёцеромъ, которые имѣли всегда къ президенту свободный доступъ. Вообще, надо сознаться, что у Ломоносова былъ характеръ крайне неуживчивый и что онъ, достигнувъ званія члена канцеляріи, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Тауберть [4]). Иногда онъ прямо затрогивалъ и самихъ Разумовскихъ. Между студентами академическаго университета находились два Малороссіянина Лобысевичъ и Дѣвовичъ, которымъ особенно покровительствовали оба брата Разумовскіе. Несмотря на это, по предложенію Ломоносова, академическая канцелярія постановила обоихъ студентовъ за нехожденіе на лекціи выключить. Малороссы обратились съ жалобою къ президенту и, представивъ аттестаты объ успѣхахъ, выданные имъ Брауномъ и другими академиками, всенижайше просили его высокографское сіятельство, дабы онъ, прекратя высокою своею властію злобу Ломоносова, прямо повелѣлъ наградить ихъ при академіи адъюнктами или магистрами и къ другому какому мѣсту опредѣлить. Жалоба эта уже не застала Разумовскаго въ Петербургѣ, она была отправлена въ Глуховъ, причемъ Лобысевичъ и Дѣвовичъ заявили, что Ломоносовъ нарочно откладывалъ рѣшеніе по ихъ дѣлу

[1]) Тамъ же, II, 679—680.
[2]) Тамъ же, II, 683.
[3]) Билярскій, Матеріалы, 076—081.
[4]) Пекарскій, Ист. Академіи, II, LIV.

до отъѣзда президента. Графъ Кирила Григорьевичъ заступился за земляковъ, вытребовалъ ихъ къ себѣ въ Глуховъ, пристроилъ ихъ къ должностямъ, а въ академическую канцелярію писалъ между прочимъ: „А между тѣмъ г. Ломоносову объявить, что я весьма удивляюсь, по чьему учрежденію таковой противу воли ихъ отпускъ безъ моей апробаціи сдѣланъ... Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г. Ломоносову не давалъ“ [1]).

Несмотря однако на эти непріятности, несмотря на безпрестанныя жалобы какъ академиковъ, такъ и приближенныхъ къ нему и къ брату его, графу Алексѣю Григорьевичу, лицъ, гетманъ безпрекословно утверждалъ все, что ни подавалъ ему Ломоносовъ относительно мѣръ, казавшихся послѣднему необходимыми для улучшенія учебной части въ академіи. Только въ 1761 году, когда требованія Ломоносова сдѣлались черезъ-чуръ неумѣренны и онъ сталъ представлять о необходимости удалить и Мюллера и Тауберта, президентъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе и оставлялъ ихъ безъ движенія [2]).

Къ академической дѣятельности Разумовскаго въ эту эпоху относятся письма, полученныя имъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками графа Фермора и профессора Флотвеля. Вотъ они:

„Находящійся здѣсь въ Кенигсбергѣ профессоръ-учитель, Санктъ-Петербургской Имп. академіи членъ Флотвель, отъ е. с. вице-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова рекомендованъ ко мнѣ, съ тѣмъ, что онъ в. с. довольно знаетъ и дабы въ пребываніяхъ его возможное вспоможеніе показывать, почему ему всякое удовольствіе для в. с. учинится; но при томъ онъ проситъ обѣщаннаго ему награжденія, о чемъ хотя прямо къ в. с., яко академіи президенту, отъ него особливо писано, но и меня о семъ неотступно просилъ къ в. с. рекомендаціею заступить; я, видя ту его просьбу и что в. с. довольно его знать изволите, не могъ въ томъ ему отказать, чтобъ сей моей рекомендаціи не учинить. При семъ же в. с. имѣю честь пріобщить говоренную рѣчь въ здѣшней академіи сего мѣсяца 11 числа на день рожденія Его И. В. на Латинскомъ языкѣ.

Впрочемъ пребываю съ моимъ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію в. с., милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга В. Ферморъ. 15 Февраля 1758 года, Кенигсбергъ.

„Monseigneur“, писалъ Флотвель, „la magnanimité de v. e., dont votre gouvernement et nos environs retentissent, la grandeur de l'âme, qui la fait admirer, par milliers des (sic) gens et la grâce distinguée dont v. e. m'a généreusement comblé tant pendant son séjour en Prusse

[1]) Тамъ же, II, 689—690.
[2]) Тамъ же, II, 728.

qu'après son retour à Pétersbourg et encore dernièrement par la très gracieuse recommandation à s. e. monseigneur le général en chef de Fermor, qui surpasse toute mon attente, me paroissent donner le privilége de m'adresser immédiatement à v. e., dans une affaire, qui ne demande que sa protection et où il y va à faire fortune. Je tiens par la seule grâce de v. e. une place dans la célèbre Académie Impériale de St.-Pétersbourg, un emploi qui m'élève à la dignité d'un membre dans un corps, qui sous vos gracieux auspices fait les délices du monde. Les journaux des savants en admirent les progrès et les pièces rendues publiques font honneur à leurs auteurs. Pénétré du plus respectueux attachement tant pour l'illustre chef que de la plus vive reconnaissance pour tous les membres de l'académie, je tâcherai de me rendre digne de leur confiance par des expéditions et l'accomplissement des ordres, dont il plaira de me charger. Je ferai jouer tous les ressorts de mon esprit, pour mériter la grâce de v. e. et son puissant appui pour obtenir la pension réunie à ma charge; J'hasarde d'en implorer l'accord et muni d'une recommandation de s. e. monseigneur de Fermor, général gouverneur de Prusse, qui par sa grâce se fait admirer dans tout le pays, j'espère d'être exaucé et en même temps engagé à ne donner mes jours qu'aux occupations pour l'Académie.... Celestin Chretien Flotwell" [1]).

Во время долгаго пребыванія гетмана въ Петербургѣ, въ Малороссіи умерли генеральные старшины: Скоропадскій, Оболонскій, Якубовичъ и Валькевичъ, на дочери котораго женился въ 1759 году племянникъ гетмана, камергеръ Михайло Власьевичъ Будлянскій [2]). На мѣсто умершихъ избраны были: Илья Васильевичъ Журманъ, Василій Андреевичъ Гудовичъ и Иванъ Тимофеевичъ Жоравка. На избраніе ихъ собрались въ Глуховѣ въ Сентябрѣ 1758 года всѣ чины Малороссійскіе. Имъ предложено было, кромѣ избранія новыхъ старшинъ, разсмотрѣть проектъ коммиссіи о правахъ Малороссійскихъ. Собраніе отложило это дѣло до Января 1759, но и тутъ, ничего не рѣшивъ, разъѣхалось. Какъ мы уже замѣтили, проектъ былъ не по вкусу Малороссійской шляхты; она заботилась только о томъ, какъ бы дѣло отложить въ долгій ящикъ. Вслѣдствіе этого отправленъ былъ въ

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова. Целестинъ Христіанъ Флотвель, который, какъ онъ самъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ, былъ знакомъ съ Разумовскимъ во время перваго пребыванія его за границею, былъ уроженцемъ Іены, ректоромъ соборной школы въ Кенигсбергѣ и извѣстнымъ въ свое время богословомъ. Не знаемъ исполнилъ ли Разумовскій просьбу стараго своего знакомаго, а весьма вѣроятно и учителя. Во всякомъ случаѣ Флотвель не долго могъ пользоваться испрашиваемымъ жалованьемъ. Онъ умеръ въ слѣдующемъ 1759 году.

[2]) Записки Марковича, II, 327.

Глуховъ Григорій Николаевичъ Тепловъ [1]). Онъ оставался въ Глуховѣ до времени пріѣзда гетмана и вѣроятно подготовилъ рядъ реформъ, которыя Разумовскій намѣренъ былъ ввести въ Малороссіи.

Пріѣздъ Теплова поразилъ шляхетство, и по Украйнѣ стали о новыхъ порядкахъ говорить неодобрительно. Рядомъ съ реформами судебными и административными, Разумовскій занялся планомъ университета, который онъ собирался учредить въ Батуринѣ.

Этотъ Батуринскій университетъ интересовалъ Кирилу Григорьевича гораздо болѣе, чѣмъ существовавшіе въ Петербургѣ при академіи начатки гимназіи и университета, о которыхъ такъ радѣлъ Ломоносовъ. Въ мысли учрежденія высшаго учебнаго заведенія для Малороссіи видно вліяніе Ивана Ивановича Шувалова, дружба котораго къ гетману усиливалась съ годами. Шуваловъ въ это время былъ всею душою преданъ только-что основанному имъ Московскому университету, и вѣроятно въ частыхъ бесѣдахъ своихъ съ Разумовскимъ вселилъ въ послѣднемъ желаніе оказать подобную же услугу ввѣренной его управленію Украйнѣ. Проектъ былъ сочиненъ Тепловымъ въ 1760 году. Тепловъ явно руководствовался при этомъ статутами Германскихъ университетовъ. Причинами къ учрежденію университета въ Малороссіи приводятся въ проектѣ этомъ слѣдующія: во-первыхъ, склонность народа Малороссійскаго къ ученію и наукамъ, благодаря которымъ многіе Малороссіяне, не смотря на всѣ затрудненія, ходили учиться въ Польшу, Германію и даже Римъ, а во-вторыхъ, недостаточность существовавшихъ въ то время въ Малороссіи школъ или, какъ ихъ тогда называли, академій. Мѣстомъ заведенія предлагался Батуринъ. Для учрежденія университета, по мнѣнію Теплова, необходимы были слѣдующія основанія: доходъ, законы, семинарія и профессіи университетскія. Доходъ долженъ былъ быть временный и вѣчный. Первый, на вызовъ и проѣздъ ученыхъ изъ-за границы, на разныя постройки, покупку библіотеки, устройство типографіи, ботаническаго сада и анатомическаго театра, покупку инструментовъ и другія единовременныя издержки—всего на сумму 20,000 рублей. Для пополненія его предполагалось: обложить мельницы въ Малороссіи на одинъ годъ податью съ каждаго жернова, отдѣлить часть оставшихся коммиссарскихъ денегъ, учредить шнуровыя книги за подписью ясновельможнаго и высокоповелительнаго гетмана и генеральныхъ старшинъ, для отправки во всѣ полки: „таковую книгу непостыдно было (по мнѣнію Теплова), во-первыхъ, послать въ С.-Петербургъ, къ двору Е. И. В.“; наконецъ разсчитывалось на пожертвованія гетмана и старшинъ. Источниками вѣчнаго дохода должны были служить по-

[1]) Тамъ же.

жалованныя университету свободныя войсковыя выморочныя деревни, маетности Батуринскаго монастыря, который предполагалось упразднить и зданіе употребить подъ университетъ; часть таможенныхъ сборовъ, налогъ на цыганъ, налогъ на косы, ввозимыя въ Малороссію, и наконецъ типографія и книжная лавка. Гетманъ долженъ былъ носить пожизненно титулъ фундатора и протектора Малороссійскаго Батуринскаго университета, съ правомъ передать, кому онъ захочетъ, по смерти достоинство протектора, но не фундатора. Инавгурація университета должна была совершиться по примѣру другихъ Европейскихъ университетовъ, и на будущіе вѣка каждаго столѣтія два раза долженъ былъ праздноваться съ принятыми при такихъ торжествахъ обрядами юбилей. Ректоръ университета долженъ былъ пользоваться всѣми правами, какими пользовались ректоры Германскихъ университетовъ; онъ долженъ былъ избираться первостатейными профессорами на годъ, имѣть калификацію „Magnificus“, а „по приличію Русскаго нарѣчія, высокопочтенный“ и при „публичныхъ актахъ пурпурою ему украшатися“. Ректоръ былъ президентомъ университетскаго директоріума, состоявшаго изъ профессоровъ. Студенты были подсудны во всемъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, одному директоріуму. Ректоръ и профессора должны были сочинить сводъ особливыхъ университетскихъ узаконеній, которыхъ бы гетманъ утвердилъ особливымъ универсаломъ. Желающіе поступить въ университетъ должны были явиться къ ректору, который бы на экзаменѣ вписывалъ ихъ въ университетскую книгу и отсылалъ при письменномъ видѣ къ тому профессору, котораго лекціи были потребны вступающему. Всѣ студенты, какого бы то они званія ни были, получали право носить шпагу или саблю. Изъ школъ: Кіевской, Черниговской, Переяславской, Бѣлогородской и изъ школъ Польскихъ, ученики при хорошихъ аттестатахъ, окончивъ классъ реторическій, получали право поступать прямо въ Батуринскій университетъ, причемъ Малороссійскія школы не должны были задерживать желающихъ вступить въ университетъ. Крѣпостные не могли иначе поступать въ предположенный университетъ, какъ получивъ отъ господъ своихъ вольную, которая должна была храниться въ университетскомъ архивѣ и, въ случаѣ дурного поведенія студента, возвращалась вмѣстѣ съ изгнаннымъ студентомъ владѣльцу. Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года; послѣ его окончанія студенты должны были писать диссертаціи на ученыя степени и защищать ихъ въ публичныхъ диспутахъ. Получившіе аттестатъ отъ ректора должны были опредѣляться въ гражданскую и военную службу въ предпочтеніе неученымъ. Входя въ университетъ, студенты должны были подписываться подъ законами университетскими и присягать въ исполненіи ихъ. Профессора, кромѣ публичныхъ лекцій для всѣхъ

студентовъ, могли еще читать, по желанію студентовъ, и частныя лекціи, „Collegia privata и privatissima“. При университетѣ учреждалась семинарія для 40 человѣкъ бѣдныхъ шляхтинцевъ и всякихъ разночинцевъ „способныхъ и не вовсе увѣчливыхъ“. Они должны были готовиться въ студенты и, кончивъ курсъ, за даровое воспитаніе оставаться на службѣ университета, для обученія другихъ сперва учителями, потомъ магистрами, и наконецъ профессорами. Въ семинаріи ученики должны были учиться латинскому языку (переводить Корнелія Непота, Цицерона, Юстина, Саллюстія и Юлія Цезаря, а изъ поэтовъ Виргилія, Овидія, Горація и Марціала), краткой исторіи и географіи, французскому и греческому языкамъ, а для дѣтей шляхетныхъ еще назначались фехтованіе и танцы. Въ университетѣ предполагалось учредить 9 профессуръ: 1) латинскаго краснорѣчія, 2) логики, метафизики и практической философіи, 3) естественнаго права и юриспруденціи, 4) древностей, исторіи „литеральной“ и политической, генеалогіи и геральдики, 5) физики экспериментальной и математики со всѣми ея частями, 6) физики теоретической и практической, 7) анатоміи, 8) химіи и наконецъ 9) ботаники и естественной исторіи. При университетѣ предполагалось еще учредить церковь со всѣмъ причтомъ, больницу, экономическую контору, карцеръ, гауптвахту, лабораторію и пр., и пр. [1]).

Въ концѣ 1759 года гетманъ со всѣмъ семействомъ отправился въ Малороссію. Дорогою онъ остановился въ Москвѣ и здѣсь провелъ около двухъ мѣсяцевъ, видаясь почти ежедневно съ графомъ Иваномъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. Въ февралѣ 1760 г. графиня Екатерина Ивановна со всѣми дѣтьми поѣхала далѣе; гетманъ же послѣдовалъ за нею нѣсколько позднѣе и прибылъ въ свою резиденцію 8-го Марта, „а при немъ“, говоритъ Марковичъ, „французовъ не мало“ [2]).

„Письмо в. с. почтеннѣйшее“, писалъ графъ Кирила Григорьевичъ къ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой изъ Глухова отъ 23 Марта 1760, „отъ Марта 2-го меня уже застало сего 22 числа въ Глуховѣ. Желаніе в. с. искреннее совершилося тѣмъ, что я, жена и дѣти, слава Богу, благополучно уже живемъ на мѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ мы всегда слышали и о благосостояніи в. с., а моя благодарность и признаніе за всю вашу милость и дружбу никогда забвенны не будутъ, въ какомъ бы ни было отдаленіи отъ васъ. В. с. управы ищите на Шведскаго посланника господина барона Поза“ (sic) [3]) что онъ безъ меня васъ заигрываетъ. Мнѣ кажется, что онъ вамъ вмѣсто меня

---

[1]) Чтенія при Имп. Обществѣ исторіи и древностей, 1763, II. Смѣсь, стр. 67—85.

[2]) Зап. Марковича, II, 365.

[3]) Баронъ Поссе—см. о немъ выше.

войну объявилъ. И гдѣ бы я думалъ, что вы отомстите ему мои обиды, тутъ, вижу, вамъ самимъ неудача. Засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе и скажите, что ежели бы онъ былъ въ Украйнѣ, я бы ему въ отмщеніе пороху не далъ стрѣлять. Только я не злопамятенъ, авось либо помирился бы съ нимъ, однакожъ пересиживать его надобно и не всегда давать волю быть своимъ побѣдителемъ. Весьма благодарствую за присланный портретъ Е. И. В., такъ какъ за первое украшеніе дому моего. Ежели что въ нашихъ дикихъ мѣстахъ угодно покажется в. с., прошу повелѣвать".

Отъ того же числа гетманъ увѣдомлялъ и канцлера о своемъ пріѣздѣ въ Глуховъ:

„Пріѣхавши въ Глуховъ сего 8-го числа, перво всего почувствовалъ я, что удаленъ сталъ отъ дому в. с. и м. г. графини Анны Карловны, въ который любовь и дружба искренняя почти повседневно меня привлекали. Постоянство и твердость в. с. характера къ друзьямъ своимъ меня вѣчно опредѣлили, гдѣ бы я ни былъ, искать продолженія любви вашей; потому что всякъ, кто оную имѣетъ совершенными опытами дружбы отъ васъ бываетъ заплаченъ. Помыслите теперь сами, вѣдая и о моей къ вамъ искренности, сколь мнѣ стало прискорбно отлучиться, да и на неизвѣстное время, отъ в. с., такъ какъ истиннаго моего друга и сколь жалостно мнѣ было покинуть и супругу вашу, которая дружеству нашему совершенную цѣну знала и своею ко мнѣ милостію и любовію тому всему способствовала. Всемилостивѣйшая Государыня благополучіе мое и потомства моего всесовершеннымъ теперь устроила. Я, не желая ничего болѣе уже въ свѣтѣ, того только одного лишаюся, что съ друзьями не всегда вмѣстѣ быть могу и хотя отсутствующіе простываютъ иногда отъ дальняго и долговременнаго отлученія въ дружбѣ, но тамъ, гдѣ чистосердечіе и гдѣ искренность залогомъ, никогда дружба, по моему мнѣнію, не оскудѣваетъ, и союзъ паче укрѣпляется взаимными опытами. Въ таковыхъ сентиментахъ я в. с. покинулъ и въ таковыхъ отъ васъ отлучился. Столь твердаго оставивъ друга, какъ в. с., не имѣю нималой причины просить васъ о продолженіи любви, дружбы и милости вашей. Единожды то постановлено, никогда въ васъ перемѣниться уже не можетъ" [1]).

Гетманъ по пріѣздѣ въ Глуховъ серьёзно занялся дѣлами; онъ объѣхалъ всѣ полки [2]) и съ помощью Теплова дѣятельно принялся за реформы. Какъ видно, Григорій Николаевичъ въ это время считалъ уже Разумовскаго крѣпкимъ на мѣстѣ и купилъ даже у Якова Марковича въ Глуховѣ домъ на Веригинѣ, на Сѣнявской

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 393—395.

[2]) Зап. Марковича, II, 368.

улицѣ [1]). Гетманъ отправилъ въ армію 2000 казаковъ подъ командою Прилуцкаго полковника Григорія Галагана. Одна тысяча была составлена изъ полковъ компанейскихъ, а другая изъ полковъ городовыхъ [2]). Смерть генеральнаго хорунжаго Ханенки дала Разумовскому случай сдѣлать перемѣну въ судопроизводствѣ. Генеральный судъ, въ которомъ прежде засѣдали всѣ генеральные старшины и президентомъ котораго былъ съ 1728 г. самъ гетманъ, въ послѣднее время состоялъ изъ одного только генеральнаго судьи, рѣшенія котораго были подвержены аппеляціи въ генеральную канцелярію. Такимъ образомъ въ Малороссіи въ то время было пять инстанцій: сотенный судъ, полковникъ, генеральный судъ, генеральная войсковая канцелярія, наконецъ гетманъ. Чтобы возвысить судъ и сократить проволочку въ дѣлахъ, Разумовскій, универсаломъ отъ 17 Ноября 1760 года, велѣлъ присутствовать въ генеральномъ судѣ двумъ генеральнымъ судьямъ и десяти депутатамъ отъ Малороссійскихъ полковъ, выбраннымъ дворянствомъ изъ полковыхъ старшинъ. Каждый изъ нихъ при слушаніи дѣла, до полка ихъ относящагося, выходилъ изъ присутствія; тѣмъ же правиломъ руководились и генеральные судьи [3]). Среди этихъ занятій, въ Мартѣ 1761-го года, гетманъ непріятно и неожиданно былъ пораженъ указомъ, въ силу котораго Кіевъ отдѣлялся отъ гетманства и снова непосредственно подчиненъ былъ сенату; всѣхъ казаковъ приказано было оттуда вывести и поселить на лѣвомъ берегу Днѣпра [4]). Какъ ни прискорбно было Разумовскому видѣть, что главный городъ Малороссіи отходитъ изъ его вѣдомства, однако онъ съ тѣмъ же рвеніемъ продолжалъ заниматься дѣлами. Собранная въ Петербургѣ коммиссія новаго уложенія требовала изъ Малороссіи данныхъ для продолженія своихъ работъ. Сенатъ предписалъ: „Малороссійскому гетману, опредѣля особыхъ людей къ тому способныхъ Литовскій статутъ разсмотрѣть, и какія явятся въ немъ недостатки пополнить, а излишки исключить, и прислать въ сенатъ съ депутатомъ, который бы могъ дать обо всемъ подробное изъясненіе“ [5]). Универсаломъ отъ 6-го Іюля 1761 года гетманъ положилъ преграду злоупотребленіямъ, происходившимъ отъ излишняго винокуренія, дошедшаго до такихъ размѣровъ, что ведро водки продавалось по 15 копѣекъ. „Малороссіяне, сказано въ универсалѣ, не только пренебрегаютъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, отъ которыхъ проистекаетъ богатство народное, но еще, вдаваясь въ непомѣрное винокуреніе,

---

[1]) Тамъ же, II, 369.
[2]) Ригельманъ, IV, 19.
[3]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 205.
[4]) Зап. Марковича, II, 373.
[5]) Исторія Соловьева, XXIV, 426.

часто покупаютъ хлѣбъ по торгамъ дорогою цѣною не для пріобрѣтенія себѣ какихъ либо выгодъ, а для одного пьянства; истребляя лѣсныя свои угодья и нуждаясь отъ того въ дровахъ, необходимыхъ къ отапливанію ихъ хижинъ. Во избѣжаніе происшедшихъ отъ сего безпорядковъ опредѣляемъ: 1) чтобы винокуреніемъ занимались одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа; 2) полковникамъ и сотникамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишенія мѣстъ, надзирать за точнымъ исполненіемъ сего; 3) запрещается имѣть въ Малороссіи винокурни и шинки Великороссіянамъ и вообще не тамошнимъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ; 4) возбраняется также полковникамъ и полковымъ старшинамъ нанимать бѣдныхъ, хотя и имѣющихъ грунты, казаковъ для произведенія подъ ихъ именами винокуренія и шинковства, но каждому предоставляется производить оныя на своихъ земляхъ и изъ собственнаго имущества“ [1]).

Кромѣ этихъ реформъ гетманъ задумалъ еще населить пустопорожнія земли на Украйнѣ, а между прочимъ и свои маетности раскольниками, бѣжавшими въ Польшу. Съ этою цѣлью онъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Божіею споспѣшествующею милостію, всепресвѣтлѣйшей и пр. (слѣдуетъ полный Императорскій титулъ).

„В. И. всепресвѣтлѣйшаго В. вѣрный подданный Малой Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ челомъ бью. Въ прошломъ Іюнѣ мѣсяцѣ сего года явился у меня Великороссійскій человѣкъ Иларіонъ Яковлевъ сынъ Арленковъ и добровольно показалъ о себѣ, что онъ крестьянинъ ст. сов. Теплова, Кромскаго уѣзда села Молодовой, а за 6 лѣтъ оттуда бѣжавъ, жилъ въ Польшѣ и, услышавъ о публикованныхъ всемилостивѣйшихъ В. И. В. указахъ, коими къ возвращенію въ Россію разбѣжавшимся за границу Россійскимъ подданнымъ назначенъ послѣдній срокъ съ отпущеніемъ винъ, вышелъ изъ-за границы и при томъ объявилъ, что многіе живущіе за границею Польскою Россійскіе подданные желаютъ выдти на жительство въ Малую Россію, токмо бы отведена имъ была къ населенію земля. Но на такомъ его объявленіи не увѣряясь, велѣлъ ему о томъ желаніи къ выходу въ Россію многихъ въ Польшѣ живущихъ Россійскихъ подданныхъ сыскать достовѣрное свидѣтельство, почему онъ-же крестьянинъ Арленковъ сего Августа 11 дня, явясь съ двумя монахами заграничныхъ раскольничьихъ монастырей, подали мнѣ доношеніе за подписомъ своимъ и игумна Досиѳея съ братіею, да отъ слободъ въ Польшѣ-жъ, Великороссійскими людьми-раскольниками населен-

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 205—206.

ныхъ, слободы Еремеевой, слободы Грабовки, слободы Лукьяновой и слободы Нивокъ. А въ томъ доношеніи просятъ объ отводѣ имъ на поселеніе въ Малой Россіи земли, близъ границы Польской имѣющейся, лежащей въ Стародубскомъ полку, между рѣками Цатою и Вагою на устьѣ, а ежели-де тамо за чѣмъ поселиться отведено быть не можетъ, то на другихъ земляхъ въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ, съ тѣмъ-же токмо основаніемъ, чтобъ имъ въ содержаніи закона ихъ по преданіямъ и старопечатнымъ книгамъ ни отъ кого возбраненія не чинено, и дозволено-бъ имъ содержать у себя своихъ священниковъ и церкви, при томъ же съ нихъ не брано-бъ въ солдаты и не употреблено-бъ къ службамъ съ казаками, какъ-де и отъ жительствующихъ нынѣ въ Малой Россіи въ описанныхъ раскольничьихъ слободахъ того не требуется, кромѣ двойнаго годоваго оброку и всякихъ общенародныхъ повинностей равно съ Малороссіянами; а безъ такого-де дозволенія, они и прочіе живущіе въ Польшѣ Россійскіе люди выходить опасаются, дабы-де съ ними, такъ какъ въ прошлыхъ 738 и 739 годахъ въ описныхъ государевыхъ слободахъ весь духовный ихъ чинъ разобранъ и разосланъ по неизвѣстнымъ мѣстамъ, и нынѣ поступлено не было, а безъ духовнаго-де ихъ чина и простой народъ ужить не можетъ, какъ о томъ всѣмъ изъ приложеннаго здѣсь въ оригиналѣ доношенія ихъ усмотрѣть соизволено будетъ [1]). Притомъ же для любопытства сколь великое число народа Великороссійскаго раскольниковъ въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ населено слободами, взята у оныхъ, изъ Польши вышедшихъ монаховъ, сказка, съ которой для извѣстія въ правительствующемъ сенатѣ включаю при семъ копію. Я, признавая таковое желаніе Великороссійскаго народа къ выходу изъ Польши на поселеніе въ Малой Россіи, для высочайшихъ В. И. В. интересовъ полезнымъ, за должность почелъ всякое къ тому приложить стараніе и не оставилъ учинить справокъ объ оной землѣ въ Стародубскомъ полку, между рѣками Цатою и Вагою, о которой они просятъ; и по справкамъ, хотя еще не въ полности собраннымъ, нашлось, что оная земля отъ нѣсколькихъ лѣтъ была спорная съ Поляками, а теперь при дѣланіи за силу указовъ В. И. В. пограничнаго укрѣпленія и засѣкъ, осталась въ границахъ Малороссійскихъ надлежащею къ Стародубскому полку и еще безъ всякаго поселенія, токмо на оной по малому ея пространству немиого людей поселеніемъ вмѣститься можетъ. А въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ, всевысочайше отъ В. И. В. мнѣ въ вѣчно-потомственное владѣніе пожалованныхъ, въ Почеповской и Батуринской волостяхъ, по дозволенному свободному здѣшнимъ людямъ переходу, немало пустыхъ мѣстъ является. Того

[1]) Прошенія этого въ архивѣ кн. Воронцова не находится.

ради В. И. В. всеподданнѣйше прошу, оныхъ желающихъ выходить изъ Польши зашедшихъ туда Великороссійскихъ людей раскольниковъ, какъ въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ на порожнихъ мѣстахъ, такъ и на оной отобранной изъ завладѣнія Польскаго землѣ, лежащей въ Стародубскомъ полку, между рѣчками Цатою и Вагою, поселить подъ владѣніемъ моимъ всевысочайше дозволить, на томъ основаніи, какъ они просятъ. Хотя же построеніе для нихъ церкви и соблазненно видится, однако для приласканія ихъ къ жительству на первый случай мнится весьма быть надобно, ибо по публикованнымъ В. И. В. указамъ, хотя многіе сроки назначиваны къ возвращенію ушедшимъ въ Польшу Россійскимъ людямъ, какъ то уже нынѣ и послѣдній срокъ окончился, но выходъ оныхъ людей, а особливо раскольниковъ, весьма чаятельно малъ, по одному какъ видно твердому содержанію церковныхъ ихъ старовѣрческихъ обрядовъ и духовныхъ своихъ, коихъ они лишаться и оставить въ Польшѣ не хотятъ, и ежели имъ дозволенія въ томъ не будетъ, то не токмо въ прежнія Великороссійскія мѣста откуда отцы ихъ или сами вышли, возвращенія, но и въ Малую Россію выходу къ поселенію надѣяться не можно, и, слѣдовательно, не безъ ущерба государственнаго въ чужомъ краю они останутся; отъ поселенія же ихъ въ Малой Россіи подъ владѣніемъ моимъ интересамъ В. И. В. приращеніе воспослѣдуетъ, яко-жъ сколько оныхъ раскольниковъ выходящихъ изъ Польши во владѣніи моемъ поселить, двойной подушный сборъ въ казну В. И. В. за нихъ отъ меня плаченъ будетъ, съ таковымъ притомъ опредѣленіемъ: чтобъ до нихъ, кромѣ меня, яко помѣщика моихъ деревень, никакой другой управитель не интересовался, и они бы при вышеупомянутыхъ государственныхъ оброкахъ обыкновенную крестьянскую повинность мнѣ отправляли. А ежели кто изъ Великороссійскихъ помѣщиковъ, за поселеніемъ оныхъ людей, признаетъ и докажетъ кого изъ нихъ своимъ крестьяниномъ, такого безъ всякаго затрудненія получить себѣ можетъ, да и Малороссійскимъ жителямъ чрезъ умноженіе въ Малой Россіи народа указноположенныхъ востатченіяхъ (sic) облегченіе быть слѣдуетъ. За высочайшимъ же отъ В. И. В. на сіе дозволеніемъ наикрѣпчайшее смотрѣніе отъ меня устроится, дабы отнюдь ни подъ какимъ образомъ вновь бѣгающихъ Великороссійскихъ помѣщичьихъ, купецкихъ и изъ военныхъ людей къ тому поселенію не принимано, кромѣ однихъ сущевыходящихъ изъ Польши, да и что принадлежитъ до раскольничьей ереси, то не токмо до наималѣйшаго распространенія не допускать, но сколько возможно самихъ ихъ отъ того заблужденія увѣщевать и исправлять прилежное стараніе употребляемо будетъ. До воспослѣдованія же на сіе высочайшей В. И. В. резолюціи

онымъ явившимся у меня двумъ раскольничьимъ монахамъ даны паспорты съ срокомъ къ явкѣ у меня отъ сего времени въ два мѣсяца.

„1760 года Августа 31 дня“ [1]).

Наврядъ ли на прошеніе это вышла требуемая гетманомъ резолюція. Императрица была слишкомъ занята войною; къ тому же, силы ея видимо слабѣли и нѣкогда было читать просьбы гетмана.

Въ 1760 году освящена была въ Лемѣшахъ, сооруженная братьями Разумовскими надъ могилою отца, трехъ-святительская церковь.

„Сіятельнѣйшій графъ, ясновельможный, высокоповелительный господинъ, господинъ (sic) Малыя Россіи отъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, высокомилостивый государь и патронъ“, писалъ по этому случаю къ гетману Ираклій Комаровскій, епископъ Черниговскій [2]), „в. с. высокопочтенное писаніе съ требованіемъ прибытія моего въ Лемѣши для освященія, по данному отъ преосвященнаго митрополита Кіевскаго господина Арсенія благословенію, новосооруженной тамо в. с. церкви за отписаніемъ о томъ его преосвященству, мною сего 1760 года Августа 8 дня уже въ поздній вечеръ всепочтеннѣйше получено и по оному в. с. писанію сего числа писалъ къ его преосвященству съ нарочнымъ, кой и отправленъ съ самаго утра съ прошеніемъ его преосвященству къ тому оной церкви Лемѣшковской мнѣ освященію дозволенія; и ежели по оному писанію моему къ тому его преосвященства воспослѣдуетъ дозволеніе и о томъ меня увѣдомленіе, то я за полученіемъ того къ назначенному по письму в. с. сего Августа 16-го числу въ Лемѣши прибыть имѣю. Если же паче чаянія въ томъ его преосвященства не будетъ благословенія, то я и о томъ тотчасъ увѣдомить в. с. не оставлю и тойчасъ покорнѣйше доношу и притомъ высокопатронской в. с. навсегда препоручая себя милости и неоставленію, со всепреданностію моею остаюсь в. с., высокомилостиваго государя и патрона, всѣхъ благополучій всеусерднѣйшій богомолецъ и покорнѣйшій слуга [3])“

Тѣмъ же лѣтомъ графиня Екатерина Ивановна съ дѣтьми собралась на богомолье въ Кіевъ. Узнавъ о намѣреніи гетманши, архимандритъ Кіево-печерской лавры, Лука Бѣлоусовичъ [4]) обратился къ графинѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Сіятельнѣйшая графыня, милостивая благодѣтелко (sic), извѣстился я что в. графское с. по усерд-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 421—425.

[2]) Ираклій Комаровскій хиротонисанъ въ 1752 г. изъ архимандритовъ черниговскаго Ильинскаго монастыря. Въ 1761 уволенъ на покой, † 1765 г.

[3]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

[4]) † 1761 г.

ному своему желанію намѣрены сего лѣта Кіевъ посѣтить, но якого именно времени соизволите быть, точнаго увѣдомленія не имѣю, и того ради в. гр. с. покорно прошу о томъ своемъ намѣреніи и пріѣздѣ завременно меня увѣдомить. При семъ же совѣтую в. с. богомолчано (sic), въ настоящее самонужнѣйшее людямъ время не подводами людскими, но собственными своими лошадьми ѣхать, дабы ваше благоугодное намѣреніе Богъ исполнилъ въ пользу душевную, а за подводы, люди, наипаче въ настоящее время имъ крайне нужное, воздыхаютъ со плачемъ. Для лошадей же в. гр. с. собственныхъ, я могу услужить фуражемъ; токмо о сохраненіи людей и паки прошу и благонадеженъ пребуду в. гр. с., милостивой благодѣтелки всего добра всеусердный желатель, всегдашній богомолецъ и покорнѣйшій слуга. 1760 г. Іюля 27.

„P. S. Аще бы и его высокографское с. милостивый нашъ господинъ гетманъ возымѣлъ намѣреніе посѣтить Кіевъ, то таковымъ же Богоугоднымъ людей бѣдныхъ пощаженіемъ прошу посовѣтовать помиловать“ [1]).

Мы видѣли выше, что за десять лѣтъ до описываемаго нами времени, зять гетмана Власъ Климовичъ, обратившійся въ потомки Польскихъ шляхтичей Будлянскихъ, добирался до села Чемеръ и что, несмотря на заступничество матери, графъ Кирила Григорьевичъ воспротивился захватамъ бывшаго ткача. Но въ настоящій пріѣздъ на Украйну, Разумовскій засталъ графиню Наталію Демьяновну больною и дряхлою, у него не хватило духа долѣе противиться просьбамъ матери, и Будлянскій универсаломъ гетмана получилъ село Чемеръ, гдѣ нѣкогда учился грамотѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

„Бунчуковый товарищъ Власій Будлянскій“, сказано было въ универсалѣ, „представилъ о службѣ предковъ (!?) своихъ, продолженныхъ вѣрно Всероссійскому престолу чрезъ многіе годы, и что онъ самъ находился въ войсковой службѣ не малое время. Съ опредѣленія-жъ его бунчуковымъ товарищемъ, жительство имѣетъ полку Кіевскаго, сотни Козелецкой въ селѣ Чемерѣ, которое есть испрежде войсковое и ни подъ какимъ урядомъ и ратушею не находилось. А нынѣ полковой кіевскій писарь Миткевичъ владѣетъ онымъ по рангу своему. При домѣ-жъ его, Будлянскаго, съ котораго должная служба Е. В. происходитъ, въ неимѣніи подданныхъ крайняя нужда и необходимость состоитъ; для того онъ, Будлянскій, просилъ респектомъ продолженныхъ предками его и имъ самимъ войсковыхъ службъ, о подачѣ ему во владѣніе того села Чемера нашего разсмотрѣнія. А яко

[1]) Изъ архива гр. Уварова.

по справкѣ въ нашей генеральной канцеляріи, съ генеральнымъ слѣдствіемъ чиненнымъ 1730 года, о всѣхъ Малороссійскихъ маетностяхъ, показано, что село Чемеръ прежде было войсковое; потомъ, по опредѣленію полковника Константія Солонины, протопопъ Козелецкій Юрій содержалъ, а по немъ на чинъ судейства полковаго, Романъ Жила владѣлъ, потомъ же на урядъ писарей полковыхъ пошло (sic); прежде же ни подъ какими урядниками, ни подъ ратушею не было; изъ какого генеральнаго слѣдствія явствуетъ, что оное село Чемеръ не утверждено отъ прежнихъ антецессоровъ нашихъ на чинъ писаря полковаго Кіевскаго, но завладѣно по одному полковниковъ Кіевскихъ допущенію, а оное есть свободное въ диспозиціи нашей гетманской состоящее. Того ради, мы, респектуя на оныя предками его бунчуковаго товарища Власія Будлянскаго отправленныя и нынѣ отъ дому его происходимыя службы, то село Чемеръ, яко свободное войсковое, надаемъ ему, бунчуковому товарищу Власію Будлянскому, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и угодьями, въ вѣчное и потомственное владѣніе, кромѣ казаковъ и ихъ грунтовъ“ [1]).

Изъ Глухова Разумовскій велъ дѣятельную переписку съ графомъ М. И. и графинею А. К. Воронцовыми. Помѣщаемъ здѣсь письма его въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Бывшіе въ службѣ моей архитекты Бартоліати и Венероній [2]) отпущены теперь. Я рекомендую ихъ обратно в. с. въ милость, такъ какъ иностранцевъ, и уповаю, что в. с. по особливой склонности и великодушію къ таковымъ, не лишите ихъ своего покровительства, въ чемъ я благонадеженъ пребуду.

P. S. Они уѣхали вчера и забыли взять отъ меня сіе письмо, о которомъ просили.

Марта 23 дня 1760 г. Глуховъ.

II.

Monsieur,

La lettre du 15 de ce mois, que v. e. m'a fait l'honneur de m'écrire, m'est rendue ce matin avec tout ce qui y était joint. L'injustice que les deux architectes Bartoliati et Veneroni font à m-r Teploff, dans

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниг. губ., 112.

[2]) См. о нихъ выше.

les termes peu ménagés à v. e. est à la vérité outrageante pour lui; mais elle me touche aussi de près, voyant que ces messieurs se trouvent offensés de ma part, quand leur mécontentement ne vient que de l'insuffisance palpable de remplir les points auxquels il se sont engagés comme architectes. Malgré les témoignages dont ils se vantent, leurs projets pour mes bâtiments plusieurs fois répétés, lesquels j'ai exposé à l'examen de plusieurs habiles architectes, étant à Pétersbourg l'année passée, où m-r Teploff ne se trouva point, ne les mettaient point même au rang d'architectes médiocres; encore moins remplissaient-ils mes désirs. Après cela les bâtiments de bois qu'ils ont commencés à Batourine à l'aveu de m-r Teploff et de tout le monde, sont gâtés par eux-mêmes à ne pouvoir y plus remédier. C'est à faux qu'ils veulent s'excuser comme si plusieurs autres en avoient la disposition; il n'y a que m-r Teploff de qui dépendait la disposition des chambres et des commodités à ma fantaisie, dont je suis aussi fort content; mais la construction de bois, la force des fondements de pierre, la régularité des fénêtres, leur proportion, dont personne ne se mêlait point, n'est que leur faute, où ils ont grossièrement manqué, et pour toute excuse ils faisaient une réponse ridicule, comme s'ils ne se sont pas engagés que pour des bâtiments de pierre et qu'ils n'avoient jamais eu en mains de bâtiments de bois, étant sensés Italiens, chose qu'ils désavouent à présent impudemment. Si ce n'étaient point les instances de m-r Teploff de les garder jusqu'ici dans l'espérance d'avoir de meilleurs fruits de leur talent et peut-être si ce n'était point son respect et mon attention à la recommandation de v. e., je devrais les congédier dans la première année, quand ils m'ont présenté leur premier projet; mais v. e. voit lui-même par la lettre de m-r Teploff, que je lui renvoie pour la relire, avec combien d'affabilité il couvre à eux mon mécontentement. Ce sont des raisons véritables qui m'ont forcé, sans que m-r Teploff y eût aucune part, de les renvoyer et de chercher un autre architecte. La nature du contrat, vu que les conditions de part et d'autre sont remplies, dure immuable; mais dès que les points y marqués ne subsistent en réalité, l'obligation de même cesse. Si j'avais manqué de l'argent, m'auraient-ils alors servi? Mais s'ils manquent jusqu'à tel point de talent, comme tous les architectes m'ont dit à Pétersbourg, voyant leurs projets ridicules, les dois-je payer ultérieurement? V. e. me connait trop, que je ne suis pas un homme à ménager l'argent, quand il s'agit à conserver ma foi. Aurais-je (pu) les laisser sans raisons légitimes et sans les besoins pressants pour commencer mes bâtiments au plutôt? La durée de leur service chez moi n'était enfin que la valeur de tout ce que je reçois de vos mains; mais il me semble que j'ai prevenu v. e. étant encore à Pétersbourg que ni ma satisfac-

tion, ni mon intérêt n'étaient plus de garder ces deux Italiens et que j'ai cherché déjà un autre à leur place, lequel ayant trouvé, j'ai fait remercier les premiers par la Cancellerie (sic) Générale, et non pas par m-r Teploff, d'une manière fort satisfaisante à ce qu'il m'a paru. J'ai donné même une lettre de recommandation à v. e. en leur faveur, laquelle, soit-il par distraction ou par mépris, il n'ont pas pris des mains de Teploff, qui fût pourtant obligé de l'expédier à v. e. par une occasion à part. Quant à la lettre de m-r Teploff écrite à eux l'année 1758, laquelle ils prennent pour une pierre d'achoppement, ce n'est qu'une pure fiction pour animer v. e. contre m-r Teploff, et cet abus ou plutôt ruse n'est pas pardonnable aux Italiens. M-r Teploff même fût surpris d'avoir vu tourner sa lettre amicale et pleine de ménagement pour eux, en époque de leur quasimalheur, à ce qu'ils disent à v. e. S'il leur y a reproché d'avoir importuné v. e., sans avoir s'adresser (sic) auparavant à la place de qui dépendait leur arrangement, ce n'est qu'étant jaloux des bontés de v. e. et ayant vu que le désordre prétendu parvenait jusqu'à vos oreilles, il ne pouvait pas leur passer sous silence et sans exhortation. Encore ne fût-il fait qu'avec des termes badins et ménagés contre eux, mais toujours respectueux pour v. e. Et puisque entre cette lettre et leur départ passa plus de deux ans, que ne faisait-il dans cet intervalle pour eux m-r Teploff d'amicale (sic)? Mais leur ignorance et mon intérêt n'en pouvaient point soutenir la continuation. Au reste je ne veux pas passer sous silence que ma cousine m-me Teploff portait des plaintes amères contre la conduite scandaleuse et indécente de Bartoliati, qui s'émancipait de prostituer leur maison par sa conduite trop passionnée pour la gouvernante des filles de m-r Teploff, sans ménager leur présence et l'honneur d'enfants dans un âge où les bons et les mauvais exemples s'impriment également. Et quoique ce ne fût éclaté qu'aux derniers mois où leur ignorance suggérait déjà la résolution positive de les congédier, toute fois il a causé une confusion et alarme dans la famille d'un père qui prend beaucoup à cœur l'éducation de ses enfants, et qui fût sur le champ obligé de renvoyer la gouvernante comme indigne et d'être privé de secours, étant éloigné de lieux propres à trouver une autre à sa place. Mais ce sujet ne regarde en particulier que Bartoliati, qui pour se venger de m-r Teploff me parait le premier motif de cette calomnie qu'ils ont exagérée par des termes fort grossiers et outrageants dans la supplique à v. e., et que j'ai l'honneur de vous renvoyer ci-jointe pour la justification de m-r Teploff. Pour le congé que ces m-rs veulent avoir, j'aurais leur donné sans doute (sic), s'ils m'avaient parlé un seul mot, mais c'est à présent seulement qu'ils commencent à le désirer, et je suis prêt à signer tel que v. e. m'annoncera en leur faveur.

Quant aux autres prétentions de payement, j'en suis quitte tout à fait avec eux, comme avec des gens qui pour plus de 4,000 rbles en argent m'ont fait deux inutiles et ridicules projets pour ma maison de Batourine et un bâtiment de bois gâté dans ses fondements. Comme ils étaient défrayés dans ma maison de tout et ne vivaient que mesquinement, ils sont assez heureux d'avoir conservé tout cet argent sans contredit. Enfin je suis mortifié d'être provoqué à dire les choses sur leur compte dont je voulais garder plutôt le silence.

Le 29 de May 1760. Gloukoff.

III.

Я уже прежде извѣстенъ былъ изъ постороннихъ увѣдомленій, что в. с. больны были и крайне тѣмъ безпокоился, а получа третьяго дня почтеннѣйшія в. с. письма отъ 15 Мая, весьма обрадовался, видя ваше облегченіе. Чрезъ двѣ недѣли пожилъ я на чистомъ воздухѣ въ Батуринѣ, и мои припадки всѣ также миновалися. Мы воздухомъ пользуемся весьма изрядным, однакожъ морозы и у насъ продолжалися по ночамъ даже до первыхъ чиселъ Мая, чего и глубокіе старики наши не запомнятъ. За лимоны в. с. весьма благодарствую. Они пришли всѣ въ цѣлости и весьма кстати, которыми я и жена моя пользуемся только почти для лѣкарства. Свидѣтельствую мое почтеніе м. г. моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ.

1760 г., Мая 29. Глуховъ.

Приписка графини Екатерины Ивановны:

„Присемъ и я в. с. приписываю мой поклонъ, такъ какъ и милостивой моей государынѣ Аннѣ Карловнѣ и при томъ благодарствую за присылку лимоновъ, которые мнѣ очень нужны были для лѣкарства. В. с. всегда вѣрная и покорная услужница г. Екатерина Разумовская".

Приписка рукою графа Кирилы Григорьевича:

„За табакерки [1]) присланныя какъ я, такъ и жена моя приносимъ в. с. благодареніе. Желалъ бы я что-нибудь съ сего краю вамъ прислать, но ничего достойнаго рукъ вашихъ не нахожу; ежелижъ вамъ

[1]) Воронцовъ писалъ Разумовскому отъ 22 Мая: „on m'a apporté depuis peu de Paris quelques tabatières des plus à la mode et d'un fort beau vernis. En voici deux que je prie s. e. m-me la Comtesse et Vous, m-r, d'accepter. Si l'amitié ne s'acquitte pas par des bagatelles, elle n'en a pas moins le droit de les offrir" и пр. (Арх. кн. Воронцова, IV, 444). Табакерки эти были изъ *vernis Martin*, за который любители платятъ въ наши дни огромныя деньги.

что ни есть бы отсюда угодно было, прошу мнѣ дать комиссію прислать, что приму за особливый знакъ дружбы вашей ко мнѣ. А то мнѣ весьма пріятно, что не забываете меня книжками новыми, о чемъ и впредь прошу“ [1]).

IV.

Податель сего, ассессоръ г. Крыжановскій, будучи извѣстенъ мнѣ по своей исправности во всѣхъ дѣлахъ, которыя отъ меня положены были на него, показалъ нынѣ наипаче усердіе къ соблюденію интереса Е. И. В. въ покупкѣ лошадей на армію, о чемъ и свидѣтельства отъ господъ командующихъ имѣетъ. Онъ теперь проситъ въ награжденіе за свою службу мѣста покойнаго, т.-е., быть полковникомъ и я, совершенно желая ему оное получить, прошу в. с. въ томъ ему сильную свою помочь подать [2]).

1760 года, Сентября 25. Глуховъ.

V.

В. с. благопріятнѣйшее письмо отъ 1 Сентября я получилъ исправно. Приложенія, которыя изволите при письмахъ вашихъ дѣлать то книгами, то піесами, любопытства достойными, въ отдаленіи моемъ двойной цѣны мнѣ стоятъ. Они веселятъ меня и матеріею своею и удостовѣряютъ, что в. с. участникомъ меня дѣлаете своихъ удовольствій. Впрочемъ не примите за одно только народное обыкновеніе, но за характеръ истиннаго моего къ вамъ дружества, что я, поздравивъ васъ праздниками наступающими и новымъ годомъ, свидѣтельствую чрезъ сіе при начатіи онаго мое чистосердечное желаніе вамъ и всей вашей любезной фамиліи, при совершенномъ здравіи, такого благополучія, которое бы соотвѣтствовало во всемъ желаніямъ вашимъ. Е. с. графинѣ, м. г. моей Аннѣ Карловнѣ съ любезными вашими дѣтьми того же желая, удостовѣряю весь домъ вашъ, что сіи мои поздравленія отъ нелицемѣрнаго друга происходятъ.

1760. Декабря 5. Глуховъ.

---

[1]) Воронцовъ выслалъ Разумовскому новое сочиненіе Фридриха-Великаго.

[2]) Въ IV т. „Архива кн. Воронцова“, стр. 425—426, напечатана копія съ листа въ Прав. Сенатъ, отъ 27 Мая 1761, въ которой Разумовскій проситъ о назначеніи въ Гадячскіе полковники того же компанейскаго полковника Антона Крыжановскаго.

VI.

C'est la première fois de ma vie que je donne une recommandation à un homme de mérite à contre-coeur. L'envie même de le garder toujours auprès de moi m'a tenté de me servir d'une fraude, si je ne croyais pas que cette façon devait aussi blesser ma délicatesse de penser et empêcher la fortune d'un homme que j'aime. Monsieur Clerc [1]) jusqu'ici mon médecin a exercé si bien ses talents chez moi en Ukraine, que je dois avoir tout lieu de me plaindre de me séparer de lui. Monsieur Monci (sic) [2]) étant à présent médecin du corps de S. M. I. et ayant quitté la ville de Moscou, m-r Leclerc y est invité par ses amis et envisage cette place comme une petite fortune en perspective pour lui. Son contrat n'est pas encore fini avec moi; mais l'empressement que j'ai de le rendre heureux a prévalu sur les droits que j'avais sur lui. Il me sollicite d'employer les meilleurs moyens pour que cette place ne soit point accordée à quelque autre médecin et qu'il y soit placé avec une pension avantageuse et honorable de S. M. I. Bien loin

---

[1]) Николай-Гавріилъ Клеркъ или Леклеркъ (N. Gab. Clerc—dit Leclerc) род. въ Бомъ-ле-дамъ (Baume les Dames—Franche-Comté) въ 1726, † въ Версалѣ въ 1798. Онъ сперва былъ докторомъ у герцога Орлеанскаго въ Вилеръ-Котре (Villers-Cotterets), потомъ полковымъ докторомъ при французской арміи, дѣйствовавшей въ Германіи; въ 1759 г. онъ поступилъ на службу къ графу Кириллу Григорьевичу. Въ 1769 онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ В. К. Павла Петровича, директоромъ шляхетнаго корпуса и наконецъ инспекторомъ Павловской больницы въ Москвѣ. Онъ возвратился во Францію въ 1777 г. и Людовикомъ XVI возведенъ былъ въ дворянство съ именемъ Леклерка, получилъ ленту св. Михаила, значительную пенсію и званіе главнаго инспектора всѣхъ госпиталей во Франціи. Во время революціи онъ вышелъ въ отставку. Онъ былъ членомъ С.-Петербургской академіи. Кромѣ многихъ сочиненій медицинскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Леклеркъ написалъ романъ (Yu le grand et Confucius) для чтенія молодого В. Князя Павла Петровича, перевелъ сочиненія Бецкаго на французскій языкъ (Plans et statuts и Education morale et physique) и наконецъ извѣстную Исторію Россіи Histoire physique, morale, civique et politique de la Russie ancienne et moderne. Versailles et Paris, 1783—85, 6 томовъ in 4-to съ атласомъ и гравюрами), вызвавшую извѣстный отвѣтъ Болтина. Сынъ Леклерка Антонъ-Францискъ, извѣстный легитимистъ (р. 1757 † 1816), былъ сотрудникомъ отца и написалъ послѣдніе два тома Исторіи Россіи; онъ же перевелъ на французскій языкъ Исторію Россіи, англичанина Тука Tooke). Леклеркъ-отецъ напечаталъ еще: 1) Observations sur la carte de la Russie, sur la mer Baltique, sur la mer Caspienne и пр., Paris 1786, одно изданіе in-folio съ 15 картами, другое in 4-to, съ 10-ю, и 2) Examen impartial de la critique des cartes de la mer Baltique et du golfe de Finlande. Paris, 1786, въ 8°.

[2]) Первый лейбъ-медикъ и тайный совѣтникъ Яковъ Моунзей (Mounsey) былъ докторомъ въ Москвѣ; съ 1760 призванъ ко двору, присутствовалъ при смерти Елизаветы, а по воцаренія Екатерины уѣхалъ въ Англію.

de le dissuader de cette proposition, car à la vérité l'exercice dans une ville comme Moscou pour un médecin habile et vertueux lui donnera plus de jour qu'à Gloukoff, où il n'y a que ma maison qui connait son mérite, je me suis proposé d'employer l'effet de l'amitié que v. e. a pour moi et de vous prier de lui accorder votre protection qui lui sera la plus efficace dans le cas où il est. V. e. par tout ce que je connais de votre bonté de coeur sera charmée de l'obliger, et la ville de Moscou profitera de ses talents. Il n'y a que moi qui perde sûrement à l'échange, mais je compte aussi faire un acte de vertu en faisant du bien à quelqu'un à mes propres dépens.

Ce 8 de Janvier 1761. Gloukoff.

VII.

Къ графинѣ Аннѣ Карловнѣ:

„По письму почтеннѣйшему в. с. отъ 15 Марта желалъ бы я сердечно, понимая самъ довольно обстоятельства е. с. княгини Катерины Алексѣевны [1]) услужить покупкою конскаго ея заводу; однакожъ лошадей у меня такъ много расплодилося, какъ около Москвы [2]), такъ и въ Украйнѣ, что я безъ отягощенія своей экономіи прибавлять за недостаткомъ людей никакъ не могу у себя. Между тѣмъ, принимая въ уваженіе рекомендацію в. с. и княгини Катерины Алексѣевны обстоятельства, препоручилъ сію комиссію Григорію Николаевичу, не можетъ ли онъ хотя въ розницу охотникамъ Малороссійскимъ за тритысячную сумму оный заводъ распродать и къ части Знаменки слободы куща пріискать. Надобно искать, по способности сихъ деревень, въ слободскихъ полкахъ, потому что они не въ Малой Россіи. А что по сему происходить будетъ, о томъ онъ къ княгинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ увѣдомленія по временамъ посылать будетъ. Я всегда радъ в. с. угодности искать, гдѣ моя возможность.

1761 г. Марта 31 дня. Ватуринъ."

„При засвидѣтельствованіи е. с. графу М. Л. моего почтенія, прошу ему объявить, что письмо отъ е. с. писанное, я получилъ, вслѣдствіе чего и къ кошевому атаману отъ меня повелѣніе дано будетъ, какъ

---

[1]) Вдова умершаго вице-канцлера и алекс. кав. князя Петра Михайловича Голицына (второго сына Полтавскаго героя, кн. Михаила Михайловича старшаго), † 1760 рожденная Карр.

[2]) У гетмана подъ Москвою былъ конный заводъ въ селѣ Троицкомъ - Ликовѣ, см. о немъ ниже.

съ оными поступить, и когда ко мнѣ привезены будутъ, то немедленно постараюсь къ е. с. отправить".

VIII.

Приложенное при семъ письмо покорно прошу в. с. приказать доставить съ первою и надежною оказіею е. с. графу Петру Григорьевичу Чернышеву, которое по домашней моей нуждѣ для дорожной кареты не терпитъ промедленія, о которой я прошу е. с., чтобъ пожаловалъ выслалъ изъ Парижа съ послѣдними кораблями. О себѣ доношу, что я не очень здоровъ, а мучитъ меня лихорадка, которая въ Малой Россіи, особливо въ Глуховѣ, не въ диковинку.

1761 года, Мая 27 дня. Глуховъ.

IX.

Вчера пріѣхали въ службу мою изъ Варшавы докторъ Ди-Фаи и лѣкарь Эно, оба французы. Они ко мнѣ привезли о своемъ искусствѣ и великой ихъ практикѣ отъ всѣхъ почти знатнѣйшихъ Польскихъ магнатовъ весьма авантажныя рекомендаціи. Время покажетъ, буду ли я счастливъ въ нихъ, а кондиціи съ ними постановлены такія, что никакой причины они имѣть не будутъ никѣмъ въ домѣ моемъ быть недовольными, потому что все ихъ содержаніе на однихъ только деньгахъ. На счетъ мой посланный за ними учитель Эльгертъ занялъ 204 червонныхъ въ Варшавѣ къ даннымъ ему отъ меня наличнымъ деньгамъ у барона Реокура, и по его адрессу г. Энденъ заплатилъ уже, уповаю, оныя деньги въ Петербургѣ купцамъ Арбутнота и Риттеру. Того ради прошу в. с. по дружбѣ своей одолжить меня взятую отъ нихъ квитанцію приказать какъ наискорѣе для сохраненія впредь моего кредита переслать къ его превосходительству Ѳедору Матвѣевичу Воейкову [1]), который за посланнаго моего Эльгерта Реокуру пожаловалъ отвѣтствовалъ своимъ кредитомъ.

1761 годъ, Іюня 28 дня. Батуринъ.

X.

Сего Августа 6 числа Богъ даровалъ мнѣ сына Ивана, котораго предаю въ вашу дружескую ко мнѣ милость.

---

[1]) Посланникъ въ Варшавѣ.

P. S. При семъ свидѣтельствую и е. с. м. г. моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ мое почтеніе и доношу, что намъ Богъ даровалъ сына Ивана, котораго въ милость рекомендую.

1761 года, Августа 16. Глуховъ.

XI.

Покорнѣйше благодарствую в. с. за пересылку барону Реокуру должной отъ меня суммы. А нынѣ выписалъ я себѣ изъ Варшавы учителемъ къ дѣтямъ моимъ подполковника Мальшара, за котораго я тому же барону Реокуру задолжился вторично 155 червонныхъ и сто рублей, того ради я приказалъ господину Эндену помянутыя деньги прежнимъ каналомъ заплатить въ С.-Петербургѣ, и в. с. прошу еще трудъ на себя принять и оную квитанцію переслать къ Ѳ. М. Воейкову съ приложеннымъ отъ меня письмомъ, чѣмъ меня попремногу одолжите.

1761 года, Августа 16. Глуховъ.

XII.

О вѣрныхъ Е. И. В. службахъ въ войскѣ Запорожскомъ низовомъ, старшины того войска Ивана Чугуевца (который уроженецъ съ татарскихъ Едисанскихъ мурзъ) и что онъ, будучи въ ономъ Запорожскомъ войскѣ чрезъ немалое время войсковымъ писаремъ, понесъ многіе труды и прилагалъ старательства, какъ къ сохраненію и пользѣ Высочайшаго интереса, такъ и къ учрежденію въ томъ же войскѣ всѣхъ добрыхъ распоряженій чрезъ присланное ко мнѣ отъ всего онаго Запорожскаго войска доношеніе рекомендовано его, Чугуевца, къ удостоенію къ полученію Высочайшей милости и желаемаго имъ награжденія. Я, будучи сверхъ того увѣренъ изъ даннаго оному старшинѣ войска Запорожскаго низоваго Ивану Чугуевцу о тѣхъ его службахъ и добромъ обхожденіи отъ всего онаго Запорожскаго войска аттестата, имѣю честь въ милостивое ваше призрѣніе рекомендовать.

Сентября 28, 1761 [1]).

Въ октябрѣ 1761 года гетманъ вдругъ былъ отозванъ ко двору. Его призывалъ братъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ дняхъ благодѣтельницы Разумовскихъ. Еще въ 1758 году ожидали близкой

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 395—404.

кончины Государыни. Съ каждымъ годомъ она все слабѣла и въ концѣ 1761 года уже не была въ состояніи выѣзжать изъ дворца. Для развлеченія ее переносили въ комнаты то Шувалова, то Разумовскаго, гдѣ она или обѣдывала, или ужинала. Лѣтомъ 1761 года съ большимъ трудомъ Государыня переѣхала въ Петергофъ, оттуда ее еле-живую перевезли осенью обратно въ Петербургъ. Гетманъ, только отпраздновавшій сватьбу племянницы своей Марины Будлянской съ Даніломъ Петровичемъ Апостоломъ [1]), 23 Октября поскакалъ въ Петербургъ съ Тепловымъ, Скоропадскимъ, Туманскимъ и племянникомъ своимъ Будлянскимъ, оставивъ въ Глуховѣ всю семью свою [2]).

Разумовскій остановился въ Москвѣ, чтобы осмотрѣть университетъ. Мысль объ университетѣ въ Батуринѣ его не покидала. Изъ Малороссіи онъ велъ объ этомъ дѣятельную переписку съ Миллеромъ [3]). 12 Ноября Разумовскій вмѣстѣ со многими Московскими вельможами и Тепловымъ посѣтилъ университетъ. Въ сопровожденіи куратора Веселовскаго, онъ вошелъ сначала въ латинскій классъ ректора Шадена, гдѣ встрѣтили его рѣчью и стихами латинскими, и здѣсь выслушалъ переводъ на Русскій языкъ изъ Цицероновыхъ писемъ, потомъ историческую лекцію профессора Рейхеля. Въ большой аудиторіи профессоръ Барсовъ встрѣтилъ его Русскимъ привѣтствіемъ. Профессоръ Фроманнъ взошелъ на каѳедру и прочелъ лекцію о вѣроятности (de probabilismo). Затѣмъ слѣдовали юридическіе тезисы: de principibus juris naturae, между студентами Дилтея. Изъ большой аудиторіи гетманъ перешелъ во французскіе классы Билона, Бойе, и въ латинскій классъ Попова. Затѣмъ поѣхали въ домъ, гдѣ жили пансіонеры. Гетманъ осмотрѣлъ его, типографію и словолитню; посѣтилъ камеру, гдѣ читаются физическія лекціи. Показавъ инструменты, профессоръ Ростъ прочелъ лекцію: de pressione et compressione aëris, и сдѣлалъ опыты сюда относящіеся, съ надлежащимъ вниманіемъ. Въ заключеніе гетманъ осматривалъ минералогическій кабинетъ, химическую лабораторію, гдѣ показаны были нѣкоторые малые опыты, и наконецъ библіотеку. Обзоръ университета окончился обѣдомъ у куратора [4]).

---

[1]) Зап. Марковича, II, 375.

[2]) Тамъ же, II, 376.

[3]) Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, 91.

[4]) Тамъ же, 91—92.

X.

Смерть Елизаветы. — Таракановы. — Царствованіе Петра III. — Восшествіе на престолъ Екатерины.

Когда графъ К. Г. Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государыня, еле-живая, страдала лихорадкою; припадки начались 16 Ноября, но къ удивленію докторовъ лихорадка прошла. Царедворцы стали надѣяться, но 12-го Декабря открылась жестокая рвота съ кашлемъ и кровью; 23-го болѣзнь усилилась. Государыню пріобщили, а 24-го соборовали. Въ этотъ же день вечеромъ, какъ доносилъ графу Кауницу Австрійскій посолъ графъ Мерси д'Аржанто, депешею изъ С.-Петербурга отъ 10 Января 1762 г. (н. ст.), Государыня позвала къ себѣ Великаго Князя и Великую Княгиню, и, пригласивъ удалиться всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Адама Васильевича Олсуфьева, объявила Великому Князю слѣдующее: „въ благодарность за все, что она для него сдѣлала, пусть онъ обѣщаетъ при ея послѣднихъ минутахъ не обижать въ особенности графа А. Г. Разумовскаго и камергера И. Шувалова, также и прочихъ находившихся на ея службѣ особъ считать вѣрными слугами, вообще предать полному забвенію все то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло возбудить его неудовольствіе противъ нихъ. На это Великій Князь, какъ говорятъ, чрезвычайно растроганный краткою послѣднею просьбою Императрицы, торжественно обѣщалъ Е. В., что послѣднія приказанія ея будутъ исполнены точно и неизмѣнно“ [1]). 25 Декабря, въ $4^1/_2$ часа пополудни, Императрицы Елизаветы Петровны не стало. Нѣтъ сомнѣнія, что Разумовскіе не отходили отъ изголовья своей благодѣтельницы, которую, особенно же графъ Алексѣй Григорьевичъ, любили всѣми силами преданнаго, простого сердца. Слезы обоихъ братьевъ были слезами искренними, и скорбь ихъ была вполнѣ сердечная. Покойная Государыня, возведшая ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей, была къ нимъ неизмѣнно добра. Несмотря на всѣ свои недостатки, Елизавета несомнѣнно имѣла даръ вселять глубокую къ себѣ привязанность. Въ горести И. И. Шувалова, Разумовскихъ, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ вѣрныхъ слугъ ея слышалось не сожалѣніе о концѣ ихъ случая, но глубокое, вполнѣ чистосердечное сокрушеніе о той, которую они такъ искренно и неподкупно любили.

Передъ тѣмъ, чтобы продолжать разсказъ нашъ, остановимся нѣ-

---

[1]) „Сборникъ Историческаго Общества“, XVIII, 27.

сколько на легендѣ о таинственныхъ князьяхъ и княгиняхъ Таракановыхъ, этихъ загадочныхъ дѣтяхъ Елизаветы и Разумовскаго, о которыхъ немало было писано заграницею и у насъ въ послѣднее время.

О Таракановыхъ говорили заграницею въ сочиненіяхъ своихъ: Кастера, Дюкло, Архенгольцъ и др. еще въ прошломъ столѣтіи; у насъ имя это появилось весьма недавно. Его ввели въ моду бумаги, напечатанныя въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., № 4, статья М. Н. Лонгинова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1859, т. 24, и особенно талантливая, хотя и запечатлѣнная анахронизмомъ, картина покойнаго художника Флавицкаго. Напечатанныя въ первой книгѣ „Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, за 1867 г., оффиціальныя бумаги и свѣдѣнія объ искательницѣ приключеній, надѣлавшей столько шума въ Европѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, ясно доказываютъ, что она ничего общаго съ такъ-называемыми Таракановыми не имѣла. Она называла себя султаншей Алиной или Али-Эмете, потомъ владѣтельницей Азова (dame d'Azov), наслѣдницею дома Володимірскаго (de la maison de Volodimir), принцессой Елизаветой Володимірскою, принцессой Елизаветой Всероссійской, также графинею Пиненбергъ и графинею Селинскою, но никогда и нигдѣ имени Таракановой не принимала, да и вѣроятно о такой фамиліи никогда и не слыхала. О странной женщинѣ этой распространяться мы не будемъ. Она стала выдавать себя за дочь Елизаветы и „казацкаго гетмана князя Разумовскаго, родственника шаху персидскому“ и за сестру Пугачева, только во второй половинѣ своей романтической карьеры; весь разсказъ ея о своей первой молодости до того наивно баснословенъ, что невольно дивишься, какъ женщина, несомнѣнно умная, могла до самой смерти разсказывать такія бабьи сказки.

Покойный гр. Д. Н. Блудовъ разсказывалъ, что существовали братъ и сестра Таракановы, дѣти Елизаветы, получившіе фамилію свою отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія графа А. Г. Разумовскаго, что сестра была послушницей и потомъ монахиней въ Вознесенскомъ монастырѣ Московскаго Кремля и что на ея похороны въ началѣ нынѣшняго вѣка собрались всѣ жившіе въ Москвѣ члены и родственники фамиліи Разумовскихъ; братъ же жилъ въ какомъ-то монастырѣ, кажется, близъ Переяславля-Залѣсскаго [1]). Г. Снегиревъ сперва въ „Русской Старинѣ“ [2]), а потомъ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ [3]) приводитъ преданіе о старицѣ Досиѳеѣ, присланной по секретному указу Екатерины II-й въ Ивановскій монастырь въ 1785 году,

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1865, 656.

[2]) „Русская Старина“, изд. Мартынова, годъ 2-ой, стр. 87.

[3]) „Русскія Достопамятности“, вып. V, 14—17.

получавшей, кромѣ ежегодной особенной суммы изъ казначейства, еще значительныя деньги отъ неизвѣстныхъ лицъ и знакомой (кромѣ игумены, духовника и причетника) съ однимъ только московскимъ купцомъ Шепелевымъ. Старица эта, послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, скончалась 4 февраля 1810, какъ гласитъ ея надгробіе, или 1808, по надписи на ея портретѣ. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію митрополита Платона, викарій его, преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались главнокомандующій столицы графъ И. В. Гудовичъ, женатый на дочери гетмана, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Тѣло Досиѳеи погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ. Къ V-му выпуску „Русскихъ Достопамятностей“ приложенъ даже литографическій портретъ монахини Досиѳеи. „Оригиналъ“, говоритъ г. Снегиревъ, „по сказанію г. Мельникова (въ „Русской Старинѣ“ этотъ авторитетъ не приводится и прямо сказано: „портретъ хранится въ настоятельскихъ кельяхъ“) хранится въ настоятельскихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря; писанъ на полотнѣ выш. $10^1/_2$, шир. $7^1/_2$ вер. На задней его сторонѣ читаемъ: „Принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ во многихъ лѣтѣхъ, проведенной жизни своей, скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ“. Между потомками гетмана сохранилось тоже преданіе о таинственной старицѣ княжнѣ Таракановой, жившей отшельницею въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Преданіе гласитъ, что были двѣ княжны Таракановы, воспитывавшіяся въ Италіи. Съ ними вмѣстѣ тамъ жила нѣкая Лопухина. Гр. Орловъ предательски арестовалъ въ Ливорно обѣихъ сестеръ. Одну дорогой утопили, другую спасъ матросъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, спасенная Тараканова явилась къ бывшей подругѣ своей, Лопухиной; та крайне перепугалась, дала Таракановой крестьянское платье и видъ какъ своей крѣпостной, умоляя ее скорѣе покинуть ея домъ. Съ этимъ видомъ Тараканова отправилась въ Москву, гдѣ постриглась въ Никитскомъ монастырѣ. Она всегда на себѣ носила какія-то бумаги, которыя сожгла передъ смертью.

Въ посадѣ Шучежѣ, Костромской губерніи, сохраняется преданіе о дочери Елизаветы, инокинѣ Аркадіи, жившей тамъ подъ именемъ Варвары Мироновны Назаровой [1]). Въ Казани за дочь Елизаветы Петровны, и даже за рожденную княжну Тараканову, почитали княгиню Баратову, которой, говорятъ, Императоръ Павелъ I-й оказывалъ, во время своего тамъ пребыванія, особые знаки почтенія. Въ Перми г. Турчанинова считали за сына Императрицы. Подобныя же преданія

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1866 г., кн. II.

сохранились въ Екатеринбургѣ, Уфѣ, Нижнемъ и Костромѣ [1]). Кастера говоритъ, что княжна Тараканова (здѣсь онъ разумѣетъ: la princesse de Volodimir) была младшая изъ троихъ дѣтей, рожденныхъ отъ брака Елизаветы Петровны съ гр. А. Г. Разумовскимъ, что одинъ изъ ея братьевъ былъ еще живъ въ 1800 году, а другой, готовясь въ юности къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и погибъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, задушенный ядовитыми испареніями какого-то состава, пролившагося изъ разбитой по неосторожности склянки [2]). Дюкло говоритъ, что 8 незаконныхъ дѣтей Елизаветы Петровны, изъ которыхъ ни одинъ не былъ ею признанъ, воспитывались у приближенной къ ней Итальянки Іоганны, какъ собственныя дѣти послѣдней [3]). Наконецъ Гельбигъ повѣствуетъ: „Увѣряли, что у Елизаветы было 8 человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе; однако лица, которыя это могутъ знать, увѣряютъ, что одинъ только тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи Закревскій былъ сыномъ Императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго. Сколько мы знаемъ, добавляетъ онъ въ примѣчаніи, у Государыни было двое дѣтей, сынъ отъ Разумовскаго и дочь отъ Шувалова [4]). Въ біографіи Шувалова Гельбигъ разсказываетъ исторію принцессы de Wolodimir, которую называетъ княжною Таракановою [5]). Вотъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя данныя о дѣтяхъ Елизаветы.

Строго взвѣсивъ эти противорѣчащія другъ другу извѣстія, мы дошли до окончательнаго убѣжденія, что у Елизаветы Петровны никогда никакихъ дѣтей не бывало. Нѣтъ возможности допустить, чтобы Елизавета, имѣвшая несомнѣнно доброе сердце, могла заточить плоть и кровь свою по разнымъ монастырямъ обширнаго своего государства. Въ тѣ времена открытаго фаворитизма, на приличія свѣта не обращали слишкомъ строгаго вниманія. Если бы у Елизаветы были дѣти, то они воспитывались бы во дворцѣ и со временемъ получили бы и чины, и богатство. Положеніе Екатерины II-й, особенно же въ первые годы ея царствованія, было не въ примѣръ щекотливѣе положенія Елизаветы. Недоброжелатели ея толпились на ступеняхъ трона: Великій Князь Павелъ Петровичъ былъ ей постояннымъ упрекомъ, и она могла на каждомъ шагу опасаться переворота во имя его, а тѣмъ не менѣе, для воспитанника своего Алексѣя Григорьевича Бобринскаго она намѣревалась учредить княжество въ Германіи, наградила его огромнымъ состояніемъ, благодаря которому

---

[1]) Княгиня Тараканова и принцесса Владимірская, П. Мельникова, стр. 5.

[2]) Castera, Histoire de Catherine II, Paris, an VIII, I, 99.

[3]) Duclos, Mémoires secrets sur la France, II, 350.

[4]) Russische Günstlinge, 213.

[5]) Тамъ же, 249.

онъ сталъ вельможею и жилъ постоянно въ высшемъ обществѣ, вполнѣ знавшемъ объ его происхожденіи. Нельзя тоже вообразить, чтобы такой рѣдкій семьянинъ, какъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, такой почтительный сынъ, любящій братъ, попечительный дядя, оставилъ безъ всякаго призрѣнія и присмотра дѣтей своихъ, чтобы онъ ими никогда не занимался при жизни и ничего не отказалъ имъ по смерти. Самое имя Таракановыхъ, данное дѣтямъ Елизаветы и Разумовскаго, доказываетъ всю нелѣпость басни о ихъ существованіи. Во-первыхъ, Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемѣшахъ; во-вторыхъ, слободы Таракановки нѣтъ во всей Черниговской губерніи [1]), не было ея также и между имѣніями, дарованными Елизаветой старшему Разумовскому, да и самаго слова „тараканъ“ нѣтъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи. Наконецъ, фамилія Таракановыхъ существовала въ Россіи до Елизаветы и была въ тѣ времена весьма извѣстною и въ столицахъ, и при дворѣ. Генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ Алексѣй Таракановъ отличился во время Турецкихъ походовъ царствованія Анны Ивановны, подъ начальствомъ Миниха, получилъ деревни въ Малороссіи, занималъ почетное мѣсто въ обществѣ и умеръ въ 1760 году. Съ какой стати дала бы Государыня дѣтямъ своимъ фамилію, принадлежащую лицу не имѣвшему ничего съ ними общаго.

Что же касается до схимницъ, то почти нѣтъ значительнаго женскаго монастыря на Руси, въ которомъ не было бы преданія о какой либо таинственной затворницѣ, присланной по высочайшему указу, получающей неизвѣстно откуда огромныя деньги, передъ которой трепещутъ губернаторы и мѣстныя власти и на похороны которой являются всѣ городскіе тузы въ полной формѣ, а иногда еще нарочно присланные чиновники изъ столицы. Въ основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ лежатъ обыкновенно сплетни праздныхъ женщинъ, желающихъ придать рельефность своему городу и монастырю. Васнь о старицѣ Досиѳеѣ, какъ видно изъ разсказа г. Смагина [2]), равно какъ и семейное преданіе, сохранившееся у потомковъ гетмана, до того спутаны съ исторіею принцессы Володимірской, что оба, очевидно, носятъ на себѣ печать изобрѣтенія. Портрета старицы Досиѳеи ни въ настоятельскихъ, ни въ какихъ другихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря не существуетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы, основываясь на статьѣ г. Снегирева, не разъ на мѣстѣ разыскивали этотъ портретъ; никто изъ братіи, начиная съ отца архимандрита, о немъ не зналъ и не слыхивалъ. Въ 1868 году, на выставкѣ любителей художествъ въ Москвѣ выставленъ былъ портретъ старицы Досиѳеи, писан-

[1]) Мельниковъ, „Кн. Тараканова“, 24—25.

[2]) Современная Лѣтопись, 1865, № 13.

ной масляными красками и присланный, если не ошибаемся, изъ Новоспасскаго монастыря, но это ничто иное какъ новѣйшая, и притомъ весьма плохая, копія, сдѣланная съ литографическаго портрета, приложеннаго къ V-му выпуску Русскихъ Достопамятностей.

Отвуда же взялась басня о Таракановыхъ? Кто могъ выдумать подобное имя?

Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ автобіографіи историка Шлёцера и въ письмѣ, которое сохранилось въ архивѣ графа А. С. Уварова. Шлёцеръ состоялъ учителемъ при сыновьяхъ гетмана. Въ автобіографіи его мы, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее: „Разъ обѣдали у насъ 4 сына Императрицы Елизаветы (поэтому двоюродные братья нашихъ графовъ), подъ именемъ графовъ Т—выхъ (von T—v), вмѣстѣ съ ихъ наставникомъ (Hofmeister) Нѣмцемъ по имени Д—ль (D—l), который выдавалъ себя за полковника и даже носилъ военный мундиръ. Они только-что возвратились изъ Швейцаріи, гдѣ провели 6 лѣтъ и въ это время проучили, т.-е. прѣли, 36,000 рублей. Они остались полнѣйшими невѣждами и не по своей винѣ, а благодаря наставнику. Такъ какъ они часто насъ посѣщали, то я наскоро прошелъ съ вторымъ графомъ [1]) по Бюшингу географію Женевы. Какъ удивились юноши, когда ученикъ мой сталъ ихъ разспрашивать про улицы, гулянья, образъ правленія и проч. города, гдѣ онъ никогда не бывалъ, а они, проведшіе въ немъ столько лѣтъ, не могли дать на вопросы ни одного удовлетворительнаго отвѣта" [2]). Въ правдивости Шлёцера сомнѣваться нельзя. Кто-жъ были эти Т—вы, или, вѣрнѣе, Тараканов (ибо пропущенныя буквы сами собою просятся наружу), о которыхъ упоминаетъ ученый профессоръ и которые такъ долго жили въ Женевѣ подъ руководствомъ недостойнаго наставника Д—ля? Вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ къ графу Алексѣю Григорьевичу его племянниками въ 1761 году [3]):

„Сыятельнѣйшій графъ, прыногомылостивый отецъ и благодѣтель. Всенижайше просимъ в. с., высокомилостыво насъ простыть, что мы такое долгое время пропустили безъ засвидѣтельствованія нашего должнаго почтенія; мы имъ при самой истинной (sic) в. с. имѣемъ честь донесть, что до нашей преданности и безконечнаго къ в. с. всенижайшаго почтенія и благодарности никогда изъ мыслей не выходыло и изразить (sic) онаго на бумагѣ удер-

[1]) Графомъ Петромъ Кириловичемъ.

[2]) August, Ludwig Schlözer's Oeffentliches und Privat-Leben von ihm selbst geschrieben, 139—140.

[3]) Мы приводимъ письмо съ сохраненіемъ малороссійскаго произношенія сочинителей.

ными, значительно подкрашенная и преувеличенная Дицеемъ, получила права гражданства въ Европѣ, напечатана была публицистами въ родѣ Кастеры какъ нѣчто несомнѣнное, и изъ Германіи и Франціи снова залетѣла къ намъ въ Россію, чтобъ здѣсь облечься въ форму преданій о всякихъ монахиняхъ Досиѳеяхъ и старицахъ Назарьевыхъ.

Заключимъ повѣствованіе наше о Разумовскихъ въ періодъ царствованія Елизаветы Петровны письмомъ, относящимся къ послѣднимъ днямъ 1761 года и полученнымъ гетманомъ отъ бывшаго „придворнаго философа", а въ описываемое нами время „старшаго при академіи наукъ переводчика" Кириака Кондратовича:

„Сіятельнѣйшій графъ Кирила Григорьевичъ, милостивѣйшій патронъ. Хотя я, по милостивѣйшему в. с. представленію отъ правительствующаго сената, за долговременную мою службу награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора; но остался при томъ же 300 рублевомъ жалованіи, за тѣмъ что академія объявила, что я полное получаю жалованіе, а прибавить не изъ чего; а младшій переводчикъ Лебедевъ въ то время получалъ и нынѣ получаетъ 350 р. въ годъ. Прежде меня бывшіе ассессоры, какъ Россійскіе, такъ и иностранные и при правленіи и при переводахъ книгъ, всѣ получали по 600; и въ штатѣ академическому ассессору 600 положено; и по указу дозволено коллегіямъ и канцеляріямъ самимъ собою чинить прибавку; и понеже я не только никакихъ деревень не имѣю, но и всѣ мои пожитки до 5000 р. въ Камѣ рѣкѣ потонули и, для выданія замужъ двухъ моихъ дочерей, задолжался до 500 р. и съ четырьмя оставшимися малолѣтними дѣтьми и съ женою, претерпѣваю крайнюю скудость и отъ заимодавцевъ безпокойство: того ради рабски прошу сотворить со мною бѣднымъ и разореннымъ высокую патронскую милость, по которой бы я удостоился имѣть приличное моему чину пропитаніе. Вашего графскаго сіятельства раболѣпнѣйшій ассессоръ Кириакъ Кондратовичъ. 1761 года Декабря 13 дня" [2]).

При перемѣнѣ правленія, о возвращеніи въ Малороссію для гетмана не могло быть рѣчи. Камергеръ Петръ Кириловичъ Нарышкинъ, дядя графини Екатерины Ивановны, поскакалъ на Украйну съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III-го [3]). Гетманша со всѣмъ семействомъ въ Январѣ 1762-го года возвратилась въ Петербургъ. Первыя минуты новаго царствованія были тяжелы для графа Алексѣя Григорьевича. Другъ Бестужева и ненавистникъ иностранцевъ, онъ былъ постоянно въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю и вполнѣ симпатизировалъ проэкту канцлера объ уда-

[1]) Изъ архива гр. Уварова.

[2]) Записки Марковича, II, 377—378.

Итакъ, князья Таракановы были никто иные, какъ уже намъ знакомые племянники Разумовскаго, господа Закревскіе, Дараганы и Стрешенцовъ, воспитанные, какъ мы видѣли выше, сперва во дворцѣ, подъ смотрѣніемъ г-жи Шмидтъ и г. Носке, а потомъ за границею, подъ вѣдѣніемъ г. Дицеля, преміеръ-майора Московскаго Драгунскаго полка. Этотъ Дицель, несмотря на жалобы племянниковъ Разумовскихъ, не только не былъ удаленъ, но даже вмѣстѣ съ находящимся въ штатѣ генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Разумовскаго флигель-адъютантомъ Алексѣемъ Вагнеромъ произведенъ въ подполковники и оба назначены къ нему же, графу Разумовскому, въ генеральсъ-адъютанты [1]). Вотъ почему Гельбигъ говоритъ, что всѣхъ дѣтей Елизаветы насчитывали до восьми и въ числѣ ихъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе. У насъ до сихъ поръ, даже въ высшихъ слояхъ общества, часто ищутъ таинственнаго происхожденія тамъ, гдѣ никакой тайны нѣтъ; тѣмъ болѣе искали ее въ царствованіе Елизаветы Петровны, о бракѣ которой съ Разумовскимъ говорили только шопотомъ. Дѣти, привезенныя изъ Украйны, родители которыхъ являлись при дворѣ только мелькомъ, и то въ началѣ царствованія Елизаветы, воспитанныя во дворцѣ подъ смотрѣніемъ m-me Шмидтъ, которая и есть вѣроятно Итальянка Іоганна, о которой упоминаетъ Дюкло, обратили на себя вниманіе царедворцевъ. Ласки къ нимъ Государыни, возвышеніе ихъ мамки и учителя, отправка ихъ на воспитаніе за границу, все это вмѣстѣ породило между этими же царедворцами мысль о ихъ якобы таинственномъ происхожденіи. Особенно поразила слухъ придворныхъ дотолѣ вовсе неизвѣстная въ Петербургѣ и звучащая какъ-то странно фамилія „Дараганъ“, которую придворные служители, какъ видно изъ Камеръ-фурьерскихъ журналовъ, перекрестили въ „Дарагановы“. Этимъ именемъ стали вѣроятно безразлично называть всѣхъ племянниковъ графа Алексѣя Григорьевича, жившихъ при дворѣ. Нѣмцы, которыхъ, не смотря на торжество Русской партіи, оставалось при Елизаветѣ Петровнѣ не малое число въ Петербургѣ, изъ Дарагановыхъ сдѣлали „Таракановыхъ“, по свойству своего произношенія. Вѣроятно для пущей важности, „полковникъ“ Дицель за границею пустилъ въ ходъ молву, что онъ состоитъ при дѣтяхъ Императрицы Елизаветы „графахъ von Tarakanov“, путешествующихъ подъ строгимъ инкогнито. Память путешествія гетмана подъ чужимъ именемъ еще была жива въ Европѣ. О нёмъ знала и принцесса Володимірская, принимавшая только Кирила Григорьевича за Пугачева [2]).

Такимъ образомъ, басня, сочиненная, отъ нечего дѣлать, придвор-

---

[1]) Изъ Государственнаго архива.

[2]) Мельниковъ, „Кн. Тараканова“, 99.

военнымъ упражненіямъ привыкшаго къ нѣгѣ Разумовскаго" [1]). Такое положеніе при дворѣ должно было глубоко оскорблять графа Кирила Григорьевича. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ шута и не могъ при своемъ свѣтломъ умѣ, съ первыхъ же дней новаго царствованія, не понять жалкой роли, которую ему предоставилъ новый Императоръ. Однимъ изъ первыхъ удовольствій Петра III-го было заставлять старыхъ и изнѣженныхъ царедворцевъ Елизаветы ежедневно выдѣлывать передъ дворцомъ новое прусское ученье, только-что введенное въ войска наши. Съ перваго же дня восшествія его на престолъ, всѣ фельдмаршалы и генералы получили каждый особый полкъ, для котораго должны были сочинить новыя формы. Подполковники и маіоры гвардейскихъ полковъ, въ какомъ бы чинѣ ни были, принуждены были лично командовать, когда во дворцѣ смѣнялись караулы, и стоять передъ фрунтомъ во время парадовъ. Этому новому правилу принужденъ былъ подчиниться и гетманъ, не имѣвшій дотолѣ понятія о военномъ строѣ и не бравшій никогда въ руки эспантона. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ Императора и не быть предметомъ насмѣшекъ, онъ, подобно товарищамъ своимъ, держалъ у себя на дому молодого офицера, хорошо знавшаго военный артикулъ, и раза по три или по четыре въ день бралъ у него уроки новой прусской экзерциціи [2]). Какъ однако гетманъ ни трудился, все-таки приходилось публично глотать и выговоры, и насмѣшки, глубоко оскорбительныя для человѣка, привыкшаго при Елизаветѣ играть чуть не первую роль при дворѣ. Петръ III-й однако не сознавалъ своихъ промаховъ и, пожуривъ и насмѣявшись публично надъ гетманомъ, запросто заходилъ къ нему въ гости, не подозрѣвая того, сколько горечи накипѣло на сердцѣ графа Кирила Григорьевича. „Я была очень смѣшлива", разсказывала Пушкину, долго послѣ описываемаго нами времени, старшая дочь гетмана, остроумная Наталья Кириловна Загряжская: „Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя. Однажды, разсказывала она ему же, „Государь объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарциссъ; этотъ арапъ подрался на улицѣ съ палачомъ, и Государь хотѣлъ снять съ него безчестіе (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и покрыли его ими. Тѣмъ дѣло кончилось" [3]).

---

[1]) Hermann, Geschichte des Russischen Staats, V, 265.

[2]) Записки Штелина объ Импер. Петрѣ III. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ., 1866, IV. Смѣсь, 101—107.

[3]) Прим. къ соч. Пушкина (изд. Исакова) Г. Н. Геннади, 104 — 105. Пушкинъ записалъ 9 анекдотовъ Н. К. Загряжской, изъ которыхъ только 6 были у насъ на-

Эти странныя выходки и безпрестанныя мелкія обиды, безсознательно наносимыя Императоромъ, дѣлали ему страшный вредъ. Всѣ невольно обращали взоры на забытую и загнанную Императрицу, которая въ уединеніи оплакивала смерть тётки, тогда какъ супругъ ея, съ перваго дня царствованія своего, принялся за пирушки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на едва охладѣлое тѣло покойной Государыни. Въ высшихъ слояхъ общества сталъ слышаться ропотъ, быстро распространявшійся по столицѣ и по всей Россіи, когда узнали о мирѣ съ Пруссіею, когда увидѣли презрѣніе новаго Императора ко всему русскому и поклоненіе, доходившее до фетишизма, вчерашнему нашему врагу. Однажды Императоръ хвастался предъ гетманомъ тѣмъ, что Фридрихъ произвелъ его въ генералъ-маіоры Прусской службы. „Вы можете съ лихвою отплатить ему",—отвѣчалъ Разумовскій, „произведите его въ русскіе фельдмаршалы" [1]). Несмотря на насмѣшки свои надъ гетманомъ, Петръ снова возвратилъ Кіевъ подъ его вѣдомство, и всѣ доклады по Малороссійскимъ дѣламъ были утверждены. Зять гетмана, генеральный бунчужный Осипъ Лукьяновичъ Закревскій, Безбородко, Гамалѣя, Бороздна и черниговскій полковникъ Божичъ получили отставку, съ пожалованіемъ перваго въ генеральные обозные, втораго и третьяго въ генеральные судьи, четвертаго въ генеральные бунчужные, а послѣдняго въ бригадиры. На мѣсто ихъ избраны были Дублянскій, Туманскій и Скоропадскій [2]); въ хорунжіе избранъ племянникъ гетмана Даніилъ Апостолъ, а въ бунчужные Тарновскій [3]). Кромѣ этого, назначено безъ выборовъ нѣсколько полковниковъ, что было новонведеніемъ въ Малороссіи. Но какъ уничтоженіе тайной канцеляріи и дарованіе вольностей дворянству не могли заглушить всеобщаго неудовольствія, такъ точно возвращеніе Кіева, утвержденіе нѣсколькихъ производствъ и сохраненіе богатыхъ окладовъ (содержаніе его обходилось въ то время казнѣ въ 98,147 рублей и 85 коп. [4]) далеко не удовлетворяли гетмана. По городу ходили слухи, что гетманомъ назначенъ будетъ любимецъ царскій, Андрей Гудовичъ, и слухи эти, несмотря на благосклонность, оказываемую графу Кириллѣ Григорьевичу, легко могли осуществиться при перемѣнчивомъ нравѣ новаго Императора. Перемѣна мундировъ, безпрестанныя утомительныя ученья, явное предпоч-

---

печатаны. Кн. Дашкова въ своихъ запискахъ разсказываетъ послѣдній анекдотъ нѣсколько иначе.

[1]) Бант.-Каменскій, Ист. Малой Россіи, III, 207.

[2]) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, IV, 20.

[3]) Записки Марковича, II, 379.

[4]) Ист. Соловьева, XXV, 26.

теніе Нѣмцамъ, слухи о новой войнѣ, предпринимаемой изъ-за Голштиніи, порождали громкій ропотъ между гвардейцами. По всему городу слышны были жалобы, между народомъ ходили глухіе слухи, въ воздухѣ чуялось тревожное волненіе, предшествующее бурѣ. Всѣ желали перемѣны и перемѣну эту ждали отъ Екатерины. Преданностію своею къ православной вѣрѣ и Русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, которые такъ безразсудно попиралъ Петръ III, открытымъ предпочтеніемъ ко всему Русскому, Императрица съумѣла вселить къ себѣ общее сочувствіе. На нее смотрѣли какъ на надежду Россіи, отъ нея ожидали единственнаго спасенія. Неоднократно подвергавшаяся въ обществѣ грубымъ выходкамъ Императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенною ловкостью и искусствомъ держала въ рукахъ своихъ нити общественнаго заговора, съ каждымъ днемъ усиливавшагося, во главѣ котораго стояли предпріимчивые и талантливые братья Орловы. Но долгое время заговорщики считали въ рядахъ своихъ одну только молодежь; имъ нужны были теперь люди съ вѣсомъ и значеніемъ въ свѣтѣ, и прежде всего надо было склонить на свою сторону наставника Великаго Князя Наслѣдника, Никиту Ивановича Панина, и обожаемаго гвардіею гетмана графа Разумовскаго. Главное искусство Екатерины состояло въ томъ, что она до послѣдней минуты не высказывалась; многіе изъ заговорщиковъ, а между ними Панины и, какъ думаютъ иные, гетманъ, увѣрены были, что дѣло идетъ о возведеніи на престолъ Павла Петровича и ошибку свою увидѣли только тогда, когда Екатерина была уже провозглашена Самодержицею и когда дѣлать уже было нечего. Давнишній поклонникъ Екатерины, графъ Кирила Григорьевичъ находился постоянно въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Отношенія эти не прерывались съ перемѣною правленія. Гетманъ не могъ не сокрушаться о томъ, что Государь не внималъ совѣтамъ своей супруги и всячески старался унижать ее передъ посторонними. „Любимый полкомъ своимъ“,—говоритъ княгиня Дашкова, „Разумовскій, хотя и жалуемый при дворѣ, понималъ всю неспособность царствовавшаго Монарха и ясно сознавалъ всѣ опасности, грозившія Россіи отъ его правленія“ [1]). Гвардія, а особенно Измайловскій полкъ“, добавляетъ Германъ, „обожали гетмана, крайне щедраго къ бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ“ [2]). Привлеченіе такой личности было дѣломъ величайшей важности для заговорщиковъ. На дѣло это отважился Алексѣй Григорьевичъ Ор-

---

[1]) Memoirs of the Princess Dashkow, I, 55.

[2]) Hermann, Gesch. d. Russ. St., V, 283.

ловъ. Онъ явился къ Разумовскому ночью. Гетманъ хладнокровно выслушалъ рѣчь Орлова, потомъ, подумавъ немного, присовѣтовалъ Орлову ѣхать въ другому для совѣщанія, и, сказавъ: „онъ умнѣе насъ", потушилъ свѣчи и пожелалъ нежданному гостю покойной ночи [1]). Такой странный отвѣтъ долженъ былъ сильно озадачить заговорщиковъ. Послѣ неудачи Орлова выступила впередъ княгиня Дашкова, эта безпокойно-романтическая личность, этотъ философъ, поэтъ и впослѣдствіи директоръ академіи, соединявшая съ несомнѣнными достоинствами огромные недостатки и вполнѣ предавшаяся въ настоящую минуту своей страсти къ интригамъ и смѣлымъ предпріятіямъ. Княгиня только-что оказала Екатеринѣ огромную услугу, уговоривъ Н. И. Панина принять участіе въ заговорѣ. На Разумовскаго Дашкова старалась дѣйствовать черезъ Рославлевыхъ и Ласунскаго, служившихъ въ Измайловскомъ полку, душою и тѣломъ преданныхъ Екатеринѣ и находившихся въ близкихъ отношеніяхъ къ гетману; Ласунскій даже, какъ говорили, имѣлъ на него значительное вліяніе [2]). Въ то время однако, когда предпріимчивая княгиня такъ хлопотала и почти отчаявалась въ содѣйствіи Разумовскаго, гетманъ, уже въ предъидущее царствованіе вполнѣ преданный Екатеринѣ, тайкомъ подготавливалъ успѣхъ задуманному дѣлу. Подъ разными предлогами онъ сталъ удалять всѣхъ Нѣмцевъ изъ своего Измайловскаго полка [3]). Между тѣмъ заговорщики старались заманить на свою сторону Теплова, недовольнаго новымъ правленіемъ и нерѣдко дозволявшаго себѣ рѣзкія выраженія относительно Императора. Между многочисленными домочадцами гетмана находился нѣкто Валуа, архитекторъ, выписанный имъ изъ Франціи для разныхъ построекъ, производимыхъ имъ за разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Украйнѣ. Этого Валуа какъ-то обидѣлъ Тепловъ, не особенно любимый, какъ видно, въ домѣ младшаго Разумовскаго. Валуа поклялся отмстить за обиду. Неосторожныя слова, произнесенныя Тепловымъ при немъ, вскорѣ подали ему въ этому случай. Архитекторъ написалъ доносъ на Теплова и представилъ его Государю, въ то время, какъ онъ верхомъ ѣхалъ обѣдать къ англійскому послу Кейту [4]). Петръ уже давно недоброжелательствовалъ Теплову и, будучи еще Великимъ Княземъ, горько жаловался И. И. Шувалову на интриги Теплова, благодаря которымъ гетманъ не исполняетъ ни одну изъ просьбъ его [5]). Императоръ велѣлъ посадить Теплова подъ караулъ и допросить его строжайшимъ

[1]) Бант.-Каменскій, Біографіи русс. фельдмаршаловъ, I, 242—243.
[2]) Mem. of the Princess Dashkow, I, 56.
[3]) Сообщено намъ покойнымъ Хмыровымъ.
[4]) Vie de Pierre III, 1, 230.
[5]) „Русскій Архивъ", 1866 г., 582.

въ окошко пистолетъ или что-то этакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „полно перестань; что за глупость!“ и потомъ, обратясь къ часовому: „мы пріѣхали по приглашенію Государя“.—Извольте идти въ караульню.—Батюшка пошелъ, а насъ отправилъ къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir, видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour.

„А Государь ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „ни за что не пойду на галеру“. На силу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ.

„Матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки, черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію: бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру; кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de câle съ гр. Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.

„На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ: ура!.. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту“.

Арестованіе одного изъ заговорщиковъ, Пассека, вдругъ измѣнило всѣ ихъ планы. Медлить было невозможно. Алексѣй Орловъ ночью съ 27 на 28 Іюня поскакалъ въ Петергофъ, гдѣ уединенно жила въ Монплезирѣ Екатерина. Онъ разбудилъ ее, Императрица поспѣшно одѣлась и сѣла въ карету Орлова съ любимою своей камеръюнгферой Екатериною Ивановною Шаргородскою. Все время Екатерина шутила и смѣялась съ Шаргородскою по поводу какого-то безпорядка, замѣченнаго ею въ ихъ одѣяніи [1]). Орловъ сидѣлъ на козлахъ кареты, у дверей ѣхалъ верхомъ Василій Ильичъ Бибиковъ. На дорогѣ Государыня увидала ѣдущаго камердинера своего, она опустила стекло кареты, выглянула и закричала: „воротись за мною“ [2]). За пять верстъ

---

[1]) Непзданный біографическій словарь Казадаева, хранившійся въ Чертковской библіотекѣ. Шарогородская ошибочно названа Настасіею Ивановною Соколовою.

[2]) Тамъ же.

ксандръ Сергѣевичъ Строгановъ, Тепловъ и многіе другіе. Петръ III лѣто проводилъ въ Ораніенбаумѣ, Императрица жила въ Петергофѣ. Ожидали скораго отъѣзда Императора: онъ долженъ былъ ѣхать къ войску, направленному противъ Даніи и заѣхать въ Берлинъ для посѣщенія обожаемаго Фридриха II. Заговорщики отложили исполненіе своего предпріятія до отъѣзда Государя, а до тѣхъ поръ всячески старались дѣйствовать на народъ и гвардію; распространяли, впрочемъ не совершенно ложный, слухъ о томъ, что Петръ намѣренъ заключить Императрицу въ монастырь и жениться на графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Между тѣмъ полковникъ баронъ Будбергъ увѣдомилъ Государя, что противъ него есть заговоръ и что самому Будбергу предлагали принять въ немъ участіе [1]). Императоръ не обратилъ вниманія на слова Будберга, но заговоръ принималъ такіе размѣры, что сохранить тайну не было почти возможности; со всѣхъ сторонъ стали доходить до Императора предостереженія. 26 Іюня Государыня посѣтила Петра III въ Ораніенбаумѣ. Въ японской залѣ былъ большой обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ въ театрѣ. Заговорщики съ безпокойствомъ замѣтили, что Императоръ былъ въ очень дурномъ духѣ при началѣ праздника, но къ вечеру онъ опять повеселѣлъ [2]). 27 Іюня Императоръ и Императрица отправились въ Гостилицы, гдѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ давалъ въ ихъ честь великолѣпный праздникъ [3]).

Въ Гостилицахъ Петръ III и Екатерина увидѣлись въ послѣдній разъ. Приведемъ здѣсь разсказъ Натальи Кириловны Загряжской, записанный Пушкинымъ, о послѣднемъ днѣ царствованія Петра III.

„Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна [4]) и я въ одной каретѣ, батюшка съ Васильемъ Ивановичемъ [5]) въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ они явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ... И охота ему проказить наканунѣ праздника“. Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили, и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ.

Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ: часовой сунулъ намъ

---

[1]) Biographie Peters des Dritten, 107.

[2]) Тамъ же, 121.

[3]) Тамъ же, 122.

[4]) Графиня Апраксина, см. о ней ниже и во-2-мъ томѣ.

[5]) Вѣроятно—Чулковымъ.

въ академической типографіи манифесты и присяги на Французскомъ, Нѣмецкомъ, Латынскомъ, Финскомъ и Шведскомъ языкахъ, о тисненіи же Русскихъ манифестовъ нѣтъ никакихъ упоминаній [1]). За то Шлецеръ повѣствуетъ слѣдующее: „Таубертъ принималъ много участія въ великомъ дѣлѣ (переворотѣ 1762 г.): въ подземельяхъ академическаго дома, въ которомъ онъ жилъ, печатался ночью манифестъ, который уже раздавался на разсвѣтѣ дня (28 Іюня)... Одинъ Нѣмецъ, состоявшій при Академіи, былъ позванъ вечеромъ къ *знатной особѣ*, которая ему объявила, что наборщики и печатники съ своими приборами заперты тамъ-то, съ тѣмъ, чтобы ночью печатать манифестъ о переворотѣ, а онъ, Нѣмецъ, долженъ отправиться туда же, чтобы наблюдать за корректурою и пр. Бѣднякъ отказывался отъ предложенія, противился, кланялся въ ноги, на колѣняхъ умолялъ, чтобы избавили его отъ порученія. „Вы знаете уже слишкомъ многое“, отвѣчалъ вельможа, „вы и я отвѣчаемъ головою, если что нибудь откроется. Вы должны идти туда, куда васъ посылаютъ и не сиѣете оттуда отлучиться“. Несчастный Нѣмецъ поплелся и за подвигъ свой, за весь смертельный страхъ, который претерпѣлъ, награжденъ былъ жалкими пятидесятью рублями [2]). Несомнѣнно, что „знатная персона“, о которой здѣсь говоритъ Шлецеръ, былъ никто иной, какъ графъ Кирила Григорьевичъ. Вѣроятно что манифесты заранѣе были сочинены Тепловымъ, по указанію Екатерины, и что, какъ скоро гетманъ узналъ объ арестѣ Пассека, онъ распорядился ихъ печатаніемъ. Вотъ почему нѣсколько дней послѣ переворота Тепловъ могъ вполнѣ справедливо замѣтить Мюллеру, пришедшему къ нему съ поздравленіемъ: „N'est ce pas une grande affaire et bien conduite? [3])“.

По окончаніи совѣта Екатерина въ Преображенскомъ мундирѣ стараго покроя, принадлежавшемъ Талызину, съ распущенными волосами, въ трехугольной шляпѣ, обвитой дубовыми листьями, сѣла на нѣгаго коня и во главѣ гвардейскихъ полковъ выступила въ Петергофъ. Ей сопутствовала княгиня Дашкова, тоже въ преображенскомъ мундирѣ, гетманъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ [4]). Между тѣмъ Петръ III, узнавъ, что въ Петербургѣ началось возстаніе, поспѣшилъ въ Петергофъ, гдѣ, какъ мы видѣли, застали его Разумовскіе. Убѣдившись собственными глазами, что Императрица покинула Петергофъ, онъ, по совѣту Миниха, поплылъ со всею своею свитою въ Кронштадтъ. Но вице-адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ успѣлъ уже

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, I, 658.

[2]) A. L. Schlözers oeffentl. u. Privatleben v. ihm selbst beschrieben, 106—108.

[3]) Тамъ же.

[4]) Biographie Peters d. III, II, 133 и Memoirs of the Princess Dashkow, I, 80—84.

привести тамошній гарнизонъ къ присягѣ. Въ совершенномъ изнеможеніи духа, воротился несчастный Императоръ въ Ораніенбаумъ. Узнавъ, что гетманъ находится въ свитѣ Екатерины, онъ послалъ въ Гостилицы за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ [1]). Старикъ не медля пріѣхалъ. Всѣ окружавшіе Петра, кромѣ Миниха и Гудовича и весьма вѣроятно старшаго Разумовскаго, спѣшили его покинуть. 29 Іюня, въ то время, какъ Императрица достигла Сергіевской пустыни, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ вручилъ ей отреченіе Петра III. На другой день послѣ переворота, Измайловскій полкъ, отъ „мечтательнаго своего превозношенія“, собрался своевольно около лѣтняго дворца требуя, чтобы Императрица къ нему вышла и увѣрила лично, что она здорова. Говорили, что она увезена „хитростями“ Фридриха II. Дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и шефъ полка гетманъ, старались успокоить Измайловцевъ, увѣряя, что Государыня здорова и опочиваетъ. Солдаты не унимались. Государыня принуждена была явиться. Вслѣдъ за этимъ вышелъ манифестъ, въ которомъ Императрица благодарила солдатъ, но въ то же время, напоминая имъ о дисциплинѣ, объявляла, что съ тѣми, которые не будутъ повиноваться начальникамъ, будетъ поступлено со всею строгостью закона [2]). Всѣ главные сторонники Екатерины были щедро награждены. Гетманъ получилъ, сверхъ своихъ прежнихъ окладовъ, по 5000 рублей въ годъ [3]) и пожалованъ былъ въ сенаторы и генералъ-адъютанты Государыни. Племянникъ его камергеръ Михайла Власьевичъ Будлянскій посланъ былъ въ Малороссію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II [4]). 4-го Іюля вышло распоряженіе, чтобъ гетманъ Малороссійскій графъ Разумовскій имѣлъ въ командѣ всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположенные, и гарнизоны Петербургскій и Выборгскій [5]). 25 Іюля того же года Екатерина посѣтила гетмана, передъ вечернимъ столомъ, и въ знакъ особеннаго своего благоволенія къ нему и къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ возложила на нее орденъ св. Екатерины [6]). Въ Рошинской драмѣ графъ Кирила Григорьевичъ не принялъ участія; несомнѣнно ей чужда была и сама Екатерина. Весь odium преступленія падаетъ на графа Алексѣя Орлова, князя Ѳ. С. Барятинскаго и Г. Н. Теплова. Узнавъ о неожиданной кончинѣ Петра III, Императрица объявила, что будетъ присутствовать при погребеніи

---

[1]) Тамъ же, II, 135.
[2]) Записки Державина, 23.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1864, 402.
[4]) Зап. Марковича, II, 381.
[5]) Исторія Соловьева, XXV, 136—137.
[6]) Неизданный словарь Казадаева.

усопшаго Императора. Гетманъ и Никита Ивановичъ Панинъ сильно противились этому рѣшенію, но Екатерина настаивала на своемъ. Тогда Панинъ въ засѣданіи Сената предложилъ всѣмъ сенаторамъ in corpore представить Государынѣ, чтобы она, „сохраняя свое здравіе, по любви своей къ Россійскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволила бъ намѣреніе свое отложить“. Сенатъ принялъ предложеніе Панина, всѣ сенаторы отправились во внутренніе покои и уговорили Императрицу не исполнять своего намѣренія [1]).

ГЛАВА XI.

Коронація.—Замыслы Орлова.—Безкорыстіе графа Алексѣя Григорьевича.—Уничтоженіе гетманства.—Путешествіе графа Кирилы Григорьевича за границею.—Переписка съ И. И. Шуваловымъ.—Смерть графа Алексѣя Григорьевича и графини Екатерины Ивановны.

Въ Августѣ 1762 года Екатерина отправилась въ Москву для коронованія и остановилась въ подмосковной гетмана, селѣ Петровскомъ. Здѣсь провела она нѣсколько дней, посѣщая изрѣдка городъ подъ строгимъ инкогнито. Здѣсь же, въ первый разъ вблизи увидалъ ее Державинъ, находившійся тогда простымъ солдатомъ на карауле при Петровскомъ домѣ [2]). Во время коронаціи гетманъ, вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ ассистентомъ у Государыни, а графъ Алексѣй Григорьевичъ несъ корону и послѣ обряда коронованія бросалъ въ народъ жетоны.

Въ Москвѣ, среди празднествъ коронаціи, Разумовскіе получили извѣстіе о кончинѣ престарѣлой ихъ матери. Графиня Наталья Демьяновна мирно кончила жизнь на хуторѣ своемъ Алексѣевщинѣ, близъ Адамовки, 12 Сентября 1762 года. Ее похоронили въ Козельцѣ, въ нижнемъ лѣвомъ придѣлѣ Захаро-Елизаветинскаго храма, который, какъ мы видѣли выше, она начала строить. Въ придѣлъ этотъ перенесли иконостасъ изъ домовой церкви ея въ Алексѣевщинѣ, гдѣ теперь едва видны слѣды ея дома. Самый иконостасъ давно уже истлѣлъ и замѣ-

---

[1]) Исторія Соловьева, XXV, 140.

[2]) Записки Державина, 24.

нѣнъ другимъ, который отъ сырости тоже испортился. Вообще нижній этажъ Козелецкой Захаро-Елизаветинской церкви содержится въ непозволительной небрежности, безъ оконъ, наполненный соромъ и всякаго рода хламомъ; вода по лѣстницамъ безпрепятственно стекаетъ во внутренность, и потому все, что только есть въ церкви, покрыто плѣсенью. Гробница Натальи Демьяновны изъ простаго кирпича, на ней стоитъ гипсовый крестъ вершковъ въ 10 высоты. На крестѣ съ одной стороны Славянская надпись: „Со святыми упокой, Христе, душу рабы твоея графини Наталіи, идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная", а съ другой: „1762 года Сентября 12 дня". Въ придѣлѣ служатъ два раза въ годъ заупокойныя обѣдни: 12-го Сентября и 26 Августа, и въ это время поютъ панихиды по Адріянѣ и Натальи. Этотъ Адріянъ новѣйшаго изобрѣтенія, между родственниками Разумовскихъ никакого Адріяна никогда не бывало.

Гетманъ оставался при Государынѣ все время ея пребыванія въ Москвѣ т.-е. до Іюня 1763 года. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Екатерины и нерѣдко исполнялъ самыя секретныя ея порученія: „1000 рублей отослать гетману, графу К. Разумовскому"; „Отошли къ графу К. Г. Разумовскому, для извѣстнаго ему употребленія 4,100 рублевъ", встрѣчаемъ мы безпрестанно въ запискахъ, писанныхъ Екатериною къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву въ первый годъ ея царствованія. Государыня назначала гетмана однимъ изъ членовъ предполагаемаго въ то время совѣта [1]), поручила ему предсѣдательство въ коммиссіи, учрежденной при высочайшемъ дворѣ, изъ наличнаго лучшаго генералитета [2]) для составленія новыхъ штатовъ всей арміи. Вслѣдствіе этого послѣдняго назначенія гетманъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа Фермора, находившагося въ то время въ отставкѣ.

„Сіятельнѣйшій графъ, м. г. мой, Кирила Григорьевичъ. Увѣдомясь о учрежденной отъ Е. И. В. всемилостивѣйшей Государыни военной коммиссіи, беру смѣлость къ вашему высокографскому сіятельству, яко первенственному члену, адресоваться, покорнѣйше прося вспоможеніемъ вашимъ удостоить меня того счастія паки въ славной службѣ Е. И. В., яко всемилосердой Государыни моей, быть и послѣднюю мою жизнь въ оной продолжить. Я бы, милостивый государь, себя счастливымъ почиталъ, ежели бы удостоенъ былъ прежнимъ моимъ старшинствомъ и жалованіемъ, вице-президентомъ военной коллегіи присутствовать и тѣмъ долгъ мой отечеству своему всеподданнѣйше оказать; но и то все предоставляю всевысочайшей волѣ Е. И В., гдѣ раба своего упо-

---

[1]) См. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, VII т., 109, 115 и др.

[2]) Тамъ же, VII, 201.

требить соизволить. Рекомендуя себя въ благоволеніе и милость вашего высокографскаго сіятельства, съ должнымъ высокопочитаніемъ всегда пребуду вашего выс. с., м. г. моего, всепокорнѣйшій слуга графъ В. Ферморъ.

„Декабря 14-го дня 1762. С.-Петербургъ“ [1]).

Какъ видно, Государыня осталась вполнѣ довольною трудами коммиссіи. Штаты ею сочиненные были конфирмованы, и по приказанію Императрицы составлены были три списка: 1) всѣмъ служащимъ военнымъ отъ фельдмаршала до послѣдняго въ табели о рангахъ находящагося, 2) генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и 3) всѣмъ военнымъ, опредѣленнымъ къ гражданскимъ дѣламъ и не у дѣлъ находящимся [2]). Еще болѣе довѣрія выказала Государыня младшему Разумовскому, поручивъ ему слѣдствіе по дѣлу о братьяхъ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, которое на нее произвело весьма сильное впечатлѣніе, едва разсѣянное торжествами коронаціи. „Мы повелѣли“, сказано было въ манифестѣ о наказаніи Хрущова и Гурьевыхъ, „нашей гвардіи тремъ штабъ-офицерамъ, а именно: гетману графу Разумовскому и генералъ-поручикамъ Суворову и Ватковскому сіе дѣло секретно изслѣдовать, безъ розысковъ прикрыхъ (sic) (т.-е. претящихъ) нашему человѣколюбію, по самой справедливости и ближайшими способами къ открытію правды“ [4]). Кромѣ этихъ порученій, графъ Кирила Григорьевичъ былъ еще назначенъ Екатериною, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, графомъ М. И. Воронцовымъ, княземъ Я. П. Шаховскимъ, Н. И. Панинымъ, графомъ З. Г. Чернышевымъ и графомъ Г. Г. Орловымъ, засѣдать въ коммиссіи о русскомъ дворянствѣ, открытой при высочайшемъ дворѣ 11-го февраля 1763 года. Въ указѣ коммиссіи, который былъ собственноручно написанъ Государынею, сказано было, что свобода, данная благородному русскому дворянству Петромъ III, была далеко не полна, а поэтому „надлежитъ учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли честолюбіе дворянъ къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества“. Екатерина сама открыла коммиссію и передала указъ свой Бестужеву. 18 Марта уже коммиссія представила Государынѣ обширный докладъ и при немъ права дворянства Россійскаго, изложенныя въ 21 статьѣ, съ примѣчаніями. Какъ видно изъ доклада, статья 11-я, въ которой изложено, что въ случаѣ если дворянинъ, вслѣдствіе оскорбленія величества и возмущенія противъ общаго покоя, будетъ казненъ или сосланъ, то имѣ-

[1]) „Русскій Архивъ“. 1865, 667.

[2]) Изъ архива гр. Уварова.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1865, 483.

[4]) Сборникъ Русскаго Ист. Общества, VII, 172.

ніе его не конфискуется, а передается наслѣдникамъ, принята была голосами гетмана, Бестужева, Воронцова, Панина, Чернышева и Орлова противъ мнѣнія князей Я. П. Шаховскаго и М. Н. Волконскаго. Екатерина нѣсколько мѣсяцевъ держала у себя докладъ коммиссіи. Онъ былъ возвращенъ ей только 11 Октября, причемъ Тепловъ изустно объявилъ, что Государыня желаетъ, чтобы коммиссія сочинила по этому поводу законы и манифестъ, и какъ тѣ, такъ и другой представила ей на разсмотрѣніе.

Отъ такого порученія коммиссія почтительнѣйше отказалась, такъ какъ ей неизвѣстно, изволитъ ли Государыня подтвердить изложенныя въ докладѣ права и не воспослѣдуетъ ли какого въ статьяхъ измѣненія. Вслѣдствіе этого отвѣта все дѣло о вольностяхъ дворянства отложено было въ долгій ящикъ [1]). Среди этихъ занятій, гетманъ не забывалъ и Малороссіи. По представленію Разумовскаго, разрѣшенъ былъ безпошлинный вывозъ лѣса изъ Польши, откуда въ то же самое время запрещено было впускать горячее вино въ Новую Сербію и въ Запорожскую Сѣчь, и уничтожены въ Украйнѣ табачные и другіе откупы, стѣснявшіе тамошнюю торговлю [2]). Универсаломъ отъ 17 Февраля 1763 года гетманъ подтвердилъ полковымъ канцеляріямъ и челобитчикамъ представленія и прошенія доставлять прямо въ генеральный судъ, откуда они должны были поступать на гетманское утвержденіе; генеральной канцеляріи, въ силу того же универсала, предписано было сноситься съ генеральнымъ судомъ во всякихъ перепискахъ сообщеніями [3]).

Мы упомянули о томъ, что Бестужевъ присутствовалъ при коронаціи Екатерины: немедленно послѣ переворота 28 Іюня Императрица вызвала, изъ подмосковнаго села Горетова, своего стараго сторонника. Бестужевъ поспѣшилъ ко двору и нашелъ тамъ много новыхъ, ему вовсе незнакомыхъ дѣятелей. Канцлерское мѣсто было занято графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Екатерина пожаловала старика въ фельдмаршалы, назначила ему значительный окладъ, но въ то же время, „во уваженіе преклонныхъ лѣтъ“, уволила его отъ занятій военныхъ и гражданскихъ. Времена Елизаветинскія прошли безвозвратно; вседѣятельному и всеобъемлющему уму Екатерины нужны были новые сотрудники. Она осыпала милостями старыхъ царедворцевъ тётки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, но въ то же время выдвигала впередъ цѣлую фалангу новыхъ дѣятелей, которыхъ не только хватило на ея 34-хъ-лѣтнее царствованіе,

---

[1]) Тамъ же, VII, 232 и 238—266.

[2]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 208.

[3]) Тамъ же.

Елизаветы Петровны и извѣстна до сихъ поръ [1]) подъ именемъ мраморной (ее теперь занимаетъ директоръ). Графъ читалъ св. Писаніе Кіевской печати въ октаву. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Воронцовъ объявилъ Разумовскому причину своего посѣщенія. Графъ Алексѣй Григорьевичъ потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ. Онъ развернулъ бумаги, атласъ спряталъ назадъ въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился, со слезами на глазахъ и съ примѣтнымъ волненіемъ возвратился къ камину, у котораго оставался канцлеръ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресло и, помолчавъ немного, сказалъ: „Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ я десницею ея. Обожалъ ее какъ сердобольную мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, „его же не прейдемъ“, въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государынѣ: да продлитъ она милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все прошедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ, что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною толковъ“. Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ Государынѣ и донесъ ей съ подробностью о томъ, что произошло между нимъ и графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и сказала: „Мы другъ

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи, 1866 г., книга III, смѣсь, стр. 249—250.

уховенство и нѣсколько сенаторовъ подписались, а какъ дескать дошло до Панина и Разумовскаго, то Панинъ, видя въ оном неполезность, и хотѣлъ развѣдать и изъяснить неудобность. Саму Государыню просилъ, чтобъ ему дозволено было съ нею переговорить, что и получилъ; начавъ представлять, что съ позволенія-ль ея оное дѣлается, и въ отвѣтъ получилъ, что нѣтъ; однако онъ могъ примѣтить изъ лица и поступокъ, что это все происходило по повелѣнію ея, и тотчасъ позвавъ къ себѣ гетмана, Захара Чернышева, и согласились между собою оное уничтожить и пригласили къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Барятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ Петра и Сергѣя, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, разсуждая, что это дѣло не хорошее и что отечеству вредно, и всякій патріотъ долженъ вступиться, искоренить и опровергнуть [1])". Такова была молва, ходившая по всей Москвѣ.

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, пріѣхавшій вмѣстѣ со дворомъ въ Москву на коронацію, тамъ оставался все время пребыванія Государыни и жилъ въ домѣ своемъ на Покровкѣ, о которомъ мы уже говорили. Орловъ нерѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ разговора съ Воронцовымъ, Императрица призвала послѣдняго къ себѣ и приказала ему написать проектъ указа, въ которомъ объявлялось, что „въ память почившей тётки своей, Императрицы Елизаветы Петровны, Государыня признаетъ справедливымъ даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному съ Государыней, титулъ Императорскаго Высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ своей объявляетъ ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ сіе гласнымъ во всенародное извѣстіе". При этомъ Екатерина приказала Воронцову попросить у Разумовскаго всѣ документы, касавшіеся до его брака съ Императрицею Елизаветою Петровною, чтобы по нимъ можно было составить актъ, облеченный въ законную форму. Воронцовъ былъ какъ громомъ пораженъ приказомъ Государыни, который противорѣчилъ не столько словамъ, сколько тону отвѣта, сдѣланнаго ему за нѣсколько дней до того; онъ хотѣлъ-было возражать, но Екатерина настойчиво подтвердила свое повелѣніе и вышла, оставя канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Воронцовъ на-скоро набросалъ проектъ указа и поѣхалъ съ нимъ къ старшему Разумовскому. Онъ его засталъ въ домѣ на Покровкѣ, близъ Воскресенія въ Барашахъ, сидѣвшимъ въ креслахъ у камина, вѣроятно въ той комнатѣ, которая по преданію служила спальнею

[1]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 290—291.

Елизаветы Петровны и извѣстна до сихъ поръ [1]) подъ именемъ мраморной (ее теперь занимаетъ директоръ). Графъ читалъ св. Писаніе Кіевской печати въ октаву. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Воронцовъ объявилъ Разумовскому причину своего посѣщенія. Графъ Алексѣй Григорьевичъ потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ. Онъ развернулъ бумаги, атласъ спряталъ назадъ въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился, со слезами на глазахъ и съ примѣтнымъ волненіемъ возвратился къ камину, у котораго оставался канцлеръ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресло и, помолчавъ немного, сказалъ: „Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ я десницею ея. Обожалъ ее какъ сердобольную мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, „его же не прейдемъ“, въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государынѣ: да продлитъ она милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все прошедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ, что̀ имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною толковъ“. Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ Государынѣ и донесъ ей съ подробностью о томъ, что̀ произошло между нимъ и графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и сказала: „Мы другъ

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи, 1866 г., книга III, смѣсь, стр. 249—250.

друга понимаемъ. Тайнаго брака не существовало, хотя бы и для успокоенія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго Малороссіянину самоотверженія". Съ послѣднимъ словомъ она погрузилась въ мрачную глубокую думу. Воронцовъ вышелъ. Приходъ графа Григорія Григорьевича Орлова прервалъ размышленія Государыни. О чемъ они говорили—неизвѣстно [1]).

Въ разговорѣ съ Воронцовымъ Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что слова созданы для скрытія настоящей мысли. Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака съ Орловымъ, толки о которомъ возбуждали всеобщее недовольство. Но въ то время какъ она отсылала Воронцова къ Разумовскому, Государыня вполнѣ разсчитывала воспользоваться документами, находившимися въ рукахъ у послѣдняго. Кредитъ Орлова послѣ поступка графа Алексѣя Григорьевича нисколько не ослабѣлъ; девять лѣтъ оставался онъ еще всемогущимъ любимцемъ Императрицы. Напротивъ того, всѣ лица, слишкомъ явно возставшіе противъ брака, начиная съ канцлера, впали въ немилость. Ротмистръ конной гвардіи и камеръ-юнкеръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Хитрово, дѣятельный участникъ въ Іюньскомъ переворотѣ, былъ арестованъ, допрошенъ и сосланъ въ Орловское свое имѣніе. Ласунскій и Рославлевъ были удалены отъ двора. Княгинѣ Дашковой черезъ ея мужа былъ сдѣланъ высочайшій выговоръ, на Панинныхъ Государыня смотрѣла недовѣрчиво. Одинъ гетманъ, изъ всей противной Орлову партіи, оставался

---

[1]) Подробности эти мы почерпнули изъ имѣющагося у насъ въ спискѣ разсказа графа С. С. Уварова, въ Варшавѣ, на обѣдѣ у фельдмаршала князя Паскевича о бракѣ Елизаветы Петровны. Сущность разсказа этого (напечатаннаго in extenso въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей 1863 г. Книга 3-я. Смѣсь, 153—157) отзывается правдой; но многое въ немъ невѣрно, такъ, напримѣръ, мѣстомъ событія предполагается Петербургъ, тогда какъ весь эпизодъ несостоявшагося брака съ Орловымъ разыгрался въ Москвѣ; также говорится, что Разумовскій изъ дому ѣзжалъ только въ церковь, удаляясь отъ свѣта, тогда какъ онъ до конца жизни принималъ у себя Государыню и дворъ; къ тому же въ обоихъ домахъ своихъ въ Петербургѣ имѣлъ онъ домовыя церкви и пр. Кромѣ того въ разсказѣ иногда слышатся не слова графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго (тестя графа Уварова, передавшаго ему подробности эти), а личныя воззрѣнія повѣствователя. Такъ, изъ словъ гр. Уварова вытекаетъ, что Екатерина уже заранѣе готовила отказъ Орлову и что, коротко зная честную и прямую натуру Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, она предугадывала его образъ дѣйствій и разсчитывала на него. Но это противорѣчитъ другимъ современнымъ извѣстіямъ, обнародованнымъ позднѣе и которыя поэтому не были извѣстны въ то время (т.-е. въ 1843 г.) гр. Уварову. Екатерина, напротивъ, хотѣла вступить во вторичный бракъ, но поступокъ Разумовскаго и всеобщій ропотъ заставили ее измѣнить свое намѣреніе.

по прежнему въ милости. „Мнѣ кажется, что Императрица“ доносилъ, отъ 23 Августа новаго стиля, въ очень секретной депешѣ, англійскій посланникъ графъ Букингамъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Галифаксу, „не подозрѣваетъ гетмана въ участіи въ послѣднихъ безпорядкахъ (дѣло Хитрово), хотя многіе изъ предводителей этого возстанія постоянно находились въ его обществѣ. Тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстно, что онъ очень недоволенъ милостями, оказываемыми любимцу (Г. Г. Орлову)“ [1]). Что же касается до графа Алексѣя Григорьевича, Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ, не могла не быть тронутою рѣдкимъ (особенно же въ тѣ времена), между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія и благородства. Она всячески старалась дѣлать старику угодное. Такъ въ началѣ 1763 г. старшій Разумовскій просилъ заимообразно изъ банка 80,000 рублей на два года съ процентами или безъ процентовъ, смотря по соизволенію Государыни. Екатерина, на докладной запискѣ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, собственноручно надписала: „безъ процентовъ“ и дала сенату слѣдующій указъ:

„Нашъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Разумовскій всеподданнѣйше насъ проситъ, чтобы мы ему повелѣли выдать для его необходимыхъ нуждъ изъ банка заимообразно 80,000 рублевъ на два года, предая на нашу высочайшую волю, съ процентами ли ему то выдать или безъ процентовъ. Мы, имѣя непремѣнное къ нему, графу Алексѣю Разумовскому, Императорское наше благоволеніе, всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать ему заимообразно 80,000 рублевъ на два года безъ процентовъ, не требуя съ него никакихъ имѣній въ закладъ, но подъ единую его росписку, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ тѣ два года всю помянутую сумму уплатилъ (такъ какъ онъ и самъ болѣе срока къ тому не проситъ) такою же монетою, какою ему выдано будетъ. А понеже суммы наличной теперь въ банкахъ не нашлося на толикое число, того ради, для скорѣйшаго полученія ему, графу Алексѣю Разумовскому, выдать оные 80,000 рублевъ мѣдною монетою повелѣваемъ, изъ наличныхъ таможенныхъ денегъ, на счетъ конторы мѣднаго банка, а оная банковая контора изъ первовступаемыхъ законтрактованныхъ въ положенные сроки денегъ возвратить имѣетъ всѣ оные 80,000 рублей въ таможенные сборы по прежнему. Января 23, 1763 г.“ [2]). Другой разъ случилось Разумовскому просить Государыню за нѣкоего прапорщика Венглинскаго: „Александръ Ивановичъ“, собственноручно писала Екатерина къ Глѣбову, „Я вчерась и сегодня (1-го Апрѣля 1763 г.) позабыла вамъ отдать приложенную цыдулку;

---

[1]) Сборникъ Ист. Общества, XII, 160.

[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 229—230.

пожалуй устрой у мѣста онаго человѣка; графъ А. Г. Разумовскій объ немъ проситъ; онъ много и по моей просьбѣ дѣлывалъ. Екатерина“ [1]). — До конца жизни старшаго Разумовскаго, Екатерина оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ скорѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда графъ Алексѣй Григорьевичъ являлся къ Государынѣ, она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама сейчасъ же подавала кресло, и когда онъ уходилъ, Императрица провожала его до дверей своего кабинета.

18 Іюня 1763, гетманъ выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію. Его призывали туда дѣла управленія, да кромѣ того онъ былъ не въ лучшихъ отношеніяхъ съ Орловымъ и поэтому при дворѣ ему было неловко. „Императрица“, доносилъ Прусскій посланникъ графъ Сольмсъ Фридриху Великому изъ Москвы отъ 17 (28) Марта 1763 года, „рѣшила не заставлять никого служить противъ воли, и стоитъ сказать только слово, чтобы получить не только отпускъ, но даже разрѣшеніе покинуть навсегда отечество. Гетманъ Разумовскій, котораго, кромѣ приведенныхъ имъ экономическихъ соображеній, побудили еще къ тому зависть по поводу утраченной милости и вліянія, по первой просьбѣ получилъ разрѣшеніе отправиться на два года въ Украйну, мѣсто своего новаго (sic) пребыванія. Онъ останется однако въ Москвѣ до отъѣзда двора въ Петербургъ“ [2]). „Гетману“, писалъ онъ далѣе отъ 7 Іюня, „не нравилось, что человѣкъ (Г. Г. Орловъ), который нѣсколько времени назадъ стоялъ такъ значительно ниже его, сдѣлался равнымъ ему по чину.“ [3]).

Передъ гетманомъ отправились въ Малороссію племянники его Будлянскій и Петръ Ивановичъ Разумовскій, со всею свитою, пѣвчими и конюшими, а потомъ гетманша съ младшими сыновьями и дочерьми. Старшіе сыновья Разумовскаго оставались въ Петербургѣ, гдѣ, какъ мы увидимъ далѣе, они воспитывались подъ руководствомъ гувернеровъ своихъ Бурбье, Румовскаго и Шлёцера. Тепловъ уже не сопровождалъ гетмана. Переворотъ 1762 открылъ ему болѣе обширное поле дѣятельности. Онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ при Государынѣ вмѣстѣ съ Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ и Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, и такимъ образомъ самъ сталъ въ ряды сановниковъ имперіи. Съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ ѣхали на этотъ разъ родственники его: Семенъ Васильевичъ Кочубей, генеральный обозный, и Илья Журманъ, генеральный писарь, прибывшіе въ Москву на коронацію депутатами отъ народа Малороссійскаго. Те-

---

[1]) Сборникъ Им. Русс. Истор. Общества, VII, 273—274.
[2]) Тамъ же, т. XXII, 44.
[3]) Тамъ же, XXII, 71.

пловъ, оставшійся при дворѣ, поспѣшилъ забыть своего покровителя: это подтверждаютъ и Георгій Конисскій, и Бантышъ-Каменскій, и преданіе и весь прежній образъ дѣйствій Теплова. Несомнѣнно однакожъ то, что гетманъ не вѣрилъ въ двуличіе Теплова и что онъ послѣ, какъ и прежде, оставался съ Григоріемъ Николаевичемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Пріѣхавъ въ Глуховъ, гетманъ дѣятельно принялся за преобразованія, начало которыхъ было еще положено при Елизаветѣ.

Съ Государыней гетманъ продолжалъ быть, несмотря на враждебность свою къ Орлову, въ хорошихъ отношеніяхъ и велъ съ нею дѣятельную переписку, которая, къ несчастію, до насъ не дошла. У насъ подъ рукою только одно письмо отъ Екатерины, свидѣтельствующее о частомъ обмѣнѣ мыслей и, кромѣ того, показаніе Воронцова, который, пересылая Разумовскому (17 Іюня 1763) пакетъ отъ Императрицы, поздравляетъ его съ счастливымъ пріѣздомъ въ Малороссію и проситъ извѣстить получилъ ли онъ письмо отъ Государыни, отправленное изъ Москвы съ нарочнымъ курьеромъ [1]).

Дошедшее до насъ собственноручное письмо Екатерины отъ 14-го Августа 1763 года, изъ Петербурга, было слѣдующаго содержанія: „Графъ Кирилъ Григоріевичъ, письмо ваше изъ Батурина дня съ три тому назадъ, какъ до моихъ рукъ дошло; вы пишите ко мнѣ, что вы съ господиномъ Штейномъ (?) разъѣзжаете, когда погода вамъ то дозволяетъ: знать, что и у васъ лѣто не лучше, какъ и у насъ. Третьяго дня я сына господина Штейна изъ тюрьмы освободила, гдѣ магистратъ его посадилъ вмѣсто отца за протестованные векселя, а думаю, что нынѣ къ вамъ писано будетъ, дабы вы задержали упомянутаго барона. Je meurs de peur qu'il ne vous vole une seconde année de vous revenus. Prenez bien garde à cet homme: c'est un fripon reconnu; il doit encore à présent au chancelier le revenu de ses terres en Finlande, il ne lui a jamais payé un sou. voila ce que mon amitié pour vous me dicte. Au reste vous ferez comme vous le jugerez à propos. Il n'y a rien de nouveau ici, и въ крайней тишинѣ живемъ. Петербургъ весьма пустъ кажется противъ Москвы. Великій Князь и я слава Богу, здоровы. Voilà tout ce que je puis vous dire pour cette fois, je souhaite d'en entendre autant de votre part et je suis comme toujours avec beaucoup d'amitié pour vous—Екатерина“ [2]) Изъ переписки графа Кирилы Григорьевича, относящейся къ описываемому нами времени, имѣемъ мы только одно письмо къ великому канцлеру.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 456. Письмо это помѣчено 1762 г. Это явная ошибка, такъ какъ 18 Іюля 1762 гетманъ находился въ Петербургѣ.

[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 314—315.

„Въ разсужденіи старанія", писалъ гетманъ изъ Глухова, отъ 18 Іюля 1763, „которое я всегда имѣлъ о продолженіи вашей дружбы и благосклонности, в. с. можете быть увѣрены, что я такое имѣлъ удовольствіе, читая ваше пріятное мнѣ сообщеніе о высочайшемъ присутствіи Е. В. въ вашемъ домѣ, властно какъ бы я самъ пользовался тѣмъ счастіемъ, за которое дружеское сообщеніе покорную мою приношу благодарность, такъ какъ и за приложеніе аллегорическаго описанія представленной при семъ случаѣ предъ домомъ в. с. иллюминаціи. Ея е. милостивой государынѣ моей Аннѣ Карловнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и поклонъ". Рукою графини Екатерины Ивановны: „При семъ и я благодарствую в. с. какъ за присланный мнѣ поклонъ, такъ и за книжку, которую вы мнѣ прислать изволили, и притомъ е. с. графинѣ Аннѣ Карловнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе" [1]). Уѣзжая изъ Москвы графъ Кирила Григорьевичъ не догадывался, что надолго разставался съ Воронцовыми. Въ письмѣ отъ 29-го Іюля 1763, великій канцлеръ сообщаетъ, что онъ съ радостію узналъ, что Разумовскій скоро будетъ въ Петербургѣ, такъ какъ получилъ двухлѣтній отпускъ за границу и даже домъ его, по его же прошенію, взятъ Государынею „на чинъ будущихъ канцлеровъ и за оныя выдать повелѣла деньги сколько я по несчастному и знатному моему чину долговъ нажить принужденъ былъ" [2]). Слухъ о скоромъ возвращеніи гетмана былъ совершенно ложенъ; Разумовскій былъ слишкомъ занятъ дѣлами Малороссійскими, чтобы думать о столичныхъ удовольствіяхъ.

Казаки, носившіе до тѣхъ поръ разнообразныя одѣянія, получили мундиръ, который, вслѣдствіе универсала гетмана 1763 года, долженъ былъ быть во всѣхъ полкахъ одного цвѣта и покроя. Въ полки стали вводиться регулярный строй и порядокъ. Многіе полковники, особенно же въ царствованіе Петра III-го, подражая гетману, стали носить мундиры того же цвѣта, какъ и мундиры казаковъ, но нѣмецкаго покроя [3]). По всей Малороссіи производилась народная перепись, оконченная въ 1764 году. Въ исходѣ того же года гетманъ созвалъ въ Глуховъ всѣ чины Малороссійскіе на генеральное собраніе. Здѣсь обсуживались вопросы первой важности для Малороссіи. Прежде всего выработано было прошеніе объ уравненіи чиновъ Малороссійскихъ съ Великорусскими. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ, и Государыня милостиво приняла его, поручивъ коммиссіи, трудившейся надъ составленіемъ правъ и вольностей для дворянства, членомъ которой, какъ мы видѣли выше, былъ самъ гетманъ, сочинить положеніе о

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 404—405.

[2]) Тамъ же, IV, 457.

[3]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 234—235.

рангахъ Малороссійскихъ и объ образѣ производства ихъ [1]). Въ силу этого положенія, чины Украинскіе были совершенно уравнены съ Великорусскими. Кромѣ этого, положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, указомъ 1742 года снова введенному въ Малороссію [2]). Благодаря этому рѣшенію собранія, уменьшилось бродяжничество. Но главное вниманіе гетмана обращено было на судоустройство. Какъ мы видѣли, универсалами своими изъ Москвы Разумовскій уменьшилъ число инстанцій и сократилъ проволочку дѣлъ. Теперь онъ принялся за реформу болѣе радикальную. Уничтоженные Богданомъ Хмѣльницкимъ суды земскіе, градскіе и подкоморскіе были снова возстановлены. Такимъ образомъ полковники и сотники остались чисто-военными начальниками, и власть гражданская отдѣлилась отъ власти военной. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ: Козелецкій, Остерскій, Черниговскій, Мглинскій, Стародубскій, Погарскій, Глуховскій, Батуринскій, Нѣжинскій, Переяславскій, Золотоношскій, Прилуцкій, Винницкій, Лубенскій, Роменскій, Гадячскій, Зѣньковскій, Мирогородскій, Остаповскій и Полтавскій. Въ каждомъ повѣтѣ находился земскій судъ, въ которомъ три раза въ году собирались несмѣняемые: судья, подсудокъ и земскій писарь, избранные вольными голосами изъ шляхетства того повѣта. Въ судахъ подкоморскихъ, въ которыхъ разбирались спорныя дѣла о землѣ, и подъ вѣдомствомъ которыхъ находились межи, засѣдалъ подкоморій съ двумя помощниками-коморниками. Для уголовныхъ дѣлъ установленъ былъ въ каждомъ полку градскій судъ; полковникъ остался его предсѣдателемъ, но судья и писарь стали уже называться не полковыми, а городскими. Полковыя и сотенныя канцеляріи занимались только производствомъ дѣлъ военныхъ и сотенныхъ своего вѣдомства [3]).

Вѣроятно къ этому послѣднему пребыванію гетмана въ Глуховѣ относится слѣдующій анекдотъ. Одинъ малороссійскій помѣщикъ несправедливымъ рѣшеніемъ суда лишенъ былъ всего своего достоянія; нѣсколько разъ приносилъ онъ на судей письменныя жалобы, не доходившія до гетмана, нѣсколько разъ безъ всякаго также успѣха старался онъ лично объясниться съ нимъ; наконецъ, по совѣту одного пріятеля, рѣшился онъ черезъ садъ пробраться къ гетманскому кабинету и ожидать въ сѣняхъ появленія его. По увѣренію пріятеля, гетманъ обыкновенно, послѣ полуденнаго отдыха, выходилъ въ садъ, въ то время какъ приближенные къ нему играли въ бильярдъ или занимались другими увеселеніями. Напрасно бѣдный проситель ожидалъ

---

[1]) Ригельманъ, Лѣтопис. повѣствованіе о М. Россіи, IV, 20—21.
[2]) Тамъ же.
[3]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 208—209.

въ углу, опасаясь вмѣсто гетмана увидѣть его камердинера: дверь изъ сѣней не отворялась, и молчаніе было только прерываемо стукомъ бильярдной игры. Наконецъ помѣщикъ услыхалъ шорохъ въ кабинетѣ и узналъ тяжелые шаги гетмана, отворявшаго дверь въ другую комнату. Бѣдный проситель трепетно ожидалъ появленія Разумовскаго, но тишина снова водворилась въ кабинетѣ. Вдругъ шорохъ снова раздался близъ самой двери въ кабинетъ. Не теряя времени, помѣщикъ нагнулся къ порогу и просунулъ черезъ оный свою челобитную. Вскорѣ бумага исчезла и потомъ опять явилась изъ-за порога. Помѣщикъ схватилъ ее и пустился бѣжать. Развернувъ бумагу, онъ увидѣлъ, что гетманъ не только велѣлъ суду возвратить ему несправедливо отнятое имѣніе, но еще удовлетворить за всѣ понесенные протори и убытки. „Кто привелъ къ в. с. просителя?“ спросили потомъ гетмана его приближенные. „Никто“, отвѣчалъ онъ. „Гдѣ же вы его видѣли?“— „Нигдѣ“.— „Но какимъ образомъ дошла до васъ просьба?“— „Такимъ, которымъ и хитрѣйшій изъ васъ не умѣлъ бы воспользоваться: она пролѣзла черезъ порогъ“ [1]).

Среди своихъ многотрудныхъ занятій, гетманъ былъ непріятно пораженъ начавшимся на границахъ Украйны вербованіемъ новыхъ уланскихъ полковъ. Въ 1764 году, при проектѣ образованія Новороссійской губерніи, представлено было на высочайшее благоусмотрѣніе формированіе поселеннаго кавалерійскаго полка, вооруженнаго пиками и названіе онаго уланскимъ, по примѣру другихъ Европейскихъ державъ. На это представленіе воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобы полкъ получилъ названіе Елизаветскаго пикинернаго [2]). Губернаторъ Мельгуновъ дѣятельно принялся за дѣло и началъ съ того, что сталъ заманивать задунайскихъ казаковъ въ пикинерный полкъ. Вербованіе это, извѣстное въ Малороссіи подъ названіемъ *пикинеріи* и *вербунокъ*, породило сперва стычки между новонабранными солдатами и гетманскими казаками, а потомъ и открытый мятежъ, когда пикинеровъ стали учить строевой службѣ. Между казаками поднялся ропотъ, стали поговаривать о старинныхъ правахъ и о договорахъ Хмѣльницкаго [3]). Все это дошло до Петербурга и возбудило неудовольствіе. Но неудовольствію этому не стало границъ, когда узнали, что Разумовскій задумалъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ родѣ своемъ. Какъ и когда породилась въ головѣ графа Кирилы Григорьевича эта династическая фантазія—намъ неизвѣстно. Все дѣло было затѣяно крайне неловко и разыгралось крайне безтолково.

---

[1]) Тамъ же, III, примѣчаніе, 75—76.

[2]) Военно-энциклопедическій словарь, XIII, 202.

[3]) Марковичъ, Исторія Малороссіи, II, 653.

Въ концѣ генеральнаго собранія, когда вопросъ о судоустройствѣ былъ рѣшенъ, между нѣкоторыми старшинами и полковниками зашла рѣчь о томъ, что нехудо гетманство сдѣлать наслѣдственнымъ въ родѣ Разумовскаго. Объ этомъ стали поговаривать кліенты гетмана, имъ же самимъ, вѣроятно, подученные. Дѣланы были разныя „пропозиціи", возникли жаркіе споры и наконецъ выработано было 23 пункта. Затѣмъ собраніе разошлось на время. Генеральный писарь Василій Григорьевичъ Туманскій, вмѣстѣ съ полковниками гадячскимъ — Антономъ Степановичемъ Крыжановскимъ и миргородскимъ — Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Остроградскимъ, сочинили, на основаніи пунктовъ, которые приняло собраніе, челобитную на имя Государыни. Старшій канцелярист генеральной войсковой канцеляріи — Туманскій, братъ генеральнаго судьи, отправленъ былъ гетманомъ въ Кіевъ, подъ предлогомъ введенія въ Кіевскій магистратъ новаго писаря, но собственно съ тѣмъ, чтобы переговорить съ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ и архимандритомъ Печерской лавры Зосимою Валькевичемъ о задуманномъ дѣлѣ. Туманскій повезъ съ собою челобитную. Разумовскій, разославшій по всѣмъ полкамъ ордеры, чтобы полковники, старшины и живущіе при полкахъ чиновники съѣхались снова въ Глуховъ, хотѣлъ заручиться, до этого экстраординарнаго собранія, подписями митрополита, архимандрита и прочаго духовенства, въ полной увѣренности, что примѣръ ихъ сильно подѣйствуетъ на умы въ Малороссіи. Повѣренный гетмана, окончивъ свое оффиціальное порученіе, обратился сперва къ Печерскому архимандриту. Онъ сталъ ему говорить о своевременности избранія и утвержденія въ преемники гетману одного изъ сыновей Разумовскаго и предложилъ ему подписаться подъ челобитною, которую чины Малороссійскіе намѣрены подать Императрицѣ. Зосима Валькевичъ выманилъ у Туманскаго челобитную, снялъ съ нея копію, и, возвращая подлинникъ посланцу гетманскому, объявилъ: „что никакого предложенія отъ генеральной старшины и прочаго общества, по вопросу о наслѣдственности гетманства въ родѣ Разумовскихъ, ему не дѣлано, что нѣтъ на то соизволенія Государыни, которой онъ присягалъ въ вѣрности" и на-отрѣзъ въ подписи отказалъ. Отъ архимандрита, который поспѣшилъ сообщить начальству какъ самую суть дѣла, такъ и копію съ челобитной, Туманскій отправился къ митрополиту. Преосвященный Арсеній, выслушавъ предложеніе войскового канцеляриста, отвѣчалъ, что, быть можетъ, онъ съ своими духовными особами подпишетъ, но не иначе какъ *особую* челобитную на избраніе гетманскаго сына и то только въ томъ случаѣ, если 1) гетманъ сложитъ чинъ свой, 2) если послѣдуетъ на то высочайшее соизволеніе и наконецъ, 3) если ему будетъ сдѣлано по этому поводу предложеніе отъ всего общества. „Впрочемъ", добавилъ

владыка, „кажется гетману и тою высочайшею милостію, которую имѣетъ, довольнымъ быть должно“. Послѣ этихъ двухъ неудачъ, Туманскій возвратился въ Глуховъ, куда тѣмъ временемъ съѣхалось не мало всякихъ чиновниковъ. Несмотря на отказъ духовенства, гетманъ не остановился и приказалъ всѣмъ прибывшимъ собраться въ генеральную канцелярію. Одинъ только бригадиръ Петръ Даниловичъ Апостолъ не получилъ приглашенія. Генеральный писарь прочелъ собранію челобитную. Раздалось нѣсколько отдѣльныхъ криковъ: „хорошо“, но большинство собранія молчало. Противъ челобитной возстали: бывшій генеральный писарь Андрей Яковлевичъ Безбородко, бывшій генеральный судья Илья Васильевичъ Журманъ, черниговскій полковникъ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, переяславскій Семенъ Ивановичъ Сулима, и бунчуковый товарищъ Григорій Григорьевичъ Иваненко. Генеральный судья Александръ Павловичъ Дублянскій объявилъ: „теперь-де хорошо, а впредь что будетъ, неизвѣстно и потому подписывать не буду“. Послѣ этихъ словъ всѣ стали другъ за другомъ выходить изъ канцеляріи; пошли толки о томъ, что надобности подписываться нѣтъ никакой, высказано было даже опасеніе „о бытіи той фамиліи во всегдашнемъ гетманствѣ“ и собраніе само-собою закрылось. На другой день снова всѣ собрались и снова стали говорить за и противъ челобитной. Когда рѣчь дошла до подписей, то вся генеральная старшина, за исключеніемъ Туманскаго, генеральнаго подскарбія Василія Андреевича Гудовича и Дублянскаго, учинившаго наканунѣ смуту противъ челобитной, а на этотъ разъ подписавшаго ее, отказалась отъ рукоприкладства. Генеральный обозный Семенъ Васильевичъ Кочубей и бывшій судья Журманъ объявили, что по свойству съ гетманомъ не могутъ подписать челобитной; генеральный есаулъ Иванъ Михайловичъ Скоропадскій, къ которому присталъ генеральный бунчужный Яковъ Степановичъ Тарновскій, отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что гетманъ ему шефъ; генеральный хорунжій Данило Петровичъ Апостолъ, сынъ неприглашеннаго на собраніе бригадира и племянникъ по женѣ гетмана, заявилъ: „что есть люди его постарѣе, они пускай прежде подпишутся“.—За то подписались подъ челобитною всѣ полковники, исключая Милорадовича, всѣ бунчуковые товарищи, кромѣ Иваненки, всѣ полковые старшины, сотники и прочіе полковые чины. Росписался даже протестовавшій наканунѣ полковникъ Сулима съ писаремъ своимъ Горленкимъ, опасаясь, какъ онъ объяснялъ послѣ, отъ гетмана гоненія и надѣясь, что бумагу нельзя будетъ отправить въ Петербургъ, такъ какъ между подписями оставлены были большіе интервалы для именъ тѣхъ старшинъ, которые пожелали бы позднѣе скрѣпить прошеніе. Этимъ дѣло и окончилось, хотя ожидали еще изъ полковъ немалаго съѣзда.

Въ самой же челобитной, генеральная старшина, полковники, бунчуковые товарищи, старшины полковые и прочіе чины били челомъ Государынѣ о слѣдующемъ: сначала изображены были всѣ монаршія благодѣянія, сыпавшіяся на Малороссію и съ припаденіемъ къ августѣйшимъ стопамъ припоминалось, что отъ начала присоединенія Малой Россіи къ державѣ Всероссійской отъ всѣхъ Всероссійскихъ Монарховъ утверждено, чтобъ Малороссійскимъ народомъ, по узаконеннымъ правамъ и привилегіямъ, управлять гетманской особѣ. Со временъ Богдана Хмѣльницкаго избраніе всегда новыхъ персонъ производило несогласія, въ дѣлахъ замѣшательства и разныя другія неистовства, которыя причиняли затрудненія и самой Россійской имперіи, такъ что послѣ смерти Даніила Апостола, новое гетманское избраніе отложено было указомъ. Вслѣдствіе этого, какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ Е. И. В. и всей Имперіи интересовъ, такъ и для сохраненія утвержденныхъ Малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій и избѣжанія для народа разорительныхъ трудностей, слѣдуетъ имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей къ Всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена. Извѣстно избраніе графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, столь много сдѣлавшаго для Малороссіи въ свое четырнадцатилѣтнее гетманство. Взирая на его полезное управленіе, на его вѣрность къ престолу, на то, что онъ имѣетъ столько же имѣній въ Великой, какъ и въ Малой Россіи и въ надеждѣ, что его сыновья, которые столь благородно воспитуются, несомнѣнно подражать будутъ родителю, старшина, полковники, бунчуковые и прочіе чины униженно просятъ, дабы высочайше дозволено было избраніе въ гетманы его сіятельства сыновъ, графовъ Разумовскихъ, по примѣру Юрія Хмѣльницкаго. Того ради на усердное сіе общее желаніе просятъ Малороссійскіе чины явить монаршее благоволеніе и утвердить указами дозволеніе избрать послѣ нынѣшняго гетмана достойнѣйшаго изъ сыновей его, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и самъ гетманъ, къ прославленію премудраго царствованія Е. И. В., умноженію славы и пользы всей Имперіи и непоколебимой вѣрности Малороссійскаго народа, при утвержденныхъ правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ [1]).

Такова была просьба, въ которой, неизвѣстно почему историкъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Георгія Конисскаго, нашелъ, что къ преемственности гетманства приведены были причины крайне оскорбительныя для самихъ просителей и ихъ потомства, въ которой озлословлены и обмараны, по его словамъ, правители и подчиненные Малороссійскіе живые и мертвые, которая значила вмѣстѣ приговоръ и

---

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

декретъ на злостные поступки жителей Украйны, и отъ хульнаго и злобнаго писанія которой задрожала бы рука гражданина природнаго [1]).

Челобитная, какъ можно было ожидать, сильно разгнѣвала Государыню. Извѣстія о гетманскихъ замыслахъ долетѣли до Петербурга со всѣхъ сторонъ. Архимандритъ Зосима Вальковичъ сообщилъ копію съ челобитной и всѣ подробности дѣла Кіевскому оберъ-коменданту Чичерину, Глуховскій комендантъ де-Латуръ извѣстилъ о томъ же Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, — оба поспѣшили донести объ этомъ въ Петербургъ [2]), куда тайкомъ старшины успѣли отправить „съ нѣкоторыми письмами“ войсковаго товарища Павловскаго [3]). Наконецъ, самъ гетманъ, не дождавшись новаго съѣзда, отправилъ къ Государынѣ подписанную только частію генеральной старшины челобитную [4]). Какъ кажется, графъ Кирила Григорьевичъ и не подозрѣвалъ, что дѣйствія его возбудили неудовольствіе въ Петербургѣ. Его туда вызвали, но онъ не спѣшилъ отъѣздомъ, посѣтилъ Батуринъ, отпраздновалъ новый годъ въ Глуховѣ и отправился въ столицу только 9-го Января [5]). Правленіе Малороссіи было ввѣрено Семену Васильевичу Кочубею, Василію Григорьевичу Туманскому и Даніилѣ Петровичу Апостолу. Генеральному есаулу, хорунжимъ и бунчужнымъ гетманъ поручилъ передъ своимъ отъѣздомъ военный судъ и войска, приказавъ, по возможности, сохранять единообразіе въ мундирахъ и оружіи [6]). Гетманъ, какъ видно, вполнѣ разсчитывалъ на самое краткое пребываніе въ столицѣ. Онъ даже оставилъ въ Глуховѣ жену и дѣтей и поѣхалъ на-легкѣ. Вѣроятно, Тепловъ, втайнѣ противъ него дѣйствовавшій, успокоивалъ его своими письмами. Лишь только Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ его непріятно поразило извѣстіе, что Кіевъ исключенъ вновь изъ его вѣдомства. Государыня, благодаря Теплову, безпрестанно подававшему ей доклады по дѣламъ знакомой ему Малороссіи, уже и безъ того недовольная гетманомъ, теперь крайне была возмущена противъ него. Тепловъ въ докладахъ своихъ представлялъ всю опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ Разумовскаго и волненія въ Малороссіи. Еще до пріѣзда гетмана, въ Петербургѣ распространился слухъ, что графиня Разумовская ѣдетъ въ столицу и что она была уже въ Кромахъ (Орловской губерніи). „Адамъ Васильевичъ“,—писала Екатерина къ Олсуфьеву отъ 4-го Января 1764 года, „спроси у своего курьера, самъ ли онъ видѣлъ гетманшу, на-

[1]) Исторія Руссовъ, 249.
[2]) Бан.-Каменскій, III, 209.
[3]) Государственный Архивъ.
[4]) Марковичъ, Ист. Малороссіи, II, 653—654.
[5]) Зам. Марковича, II, 388—389.
[6]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 210.

родный ли слухъ, или онъ отъ вѣрныхъ людей слышалъ, что она въ Кромѣ; напиши отвѣтъ и пришли, а я очень любопытна“ [1]). Какъ скоро Разумовскій прибылъ въ Петербургъ, онъ явился во дворецъ. Тепловъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Григорій Орловъ, находившійся при этой встрѣчѣ, воскликнулъ: „и лобза его же предаде“ [2]). Пріемъ, сдѣланный гетману, былъ самый холодный и глубоко оскорбилъ его.

„Гетманъ пріѣхалъ и былъ очень холодно принятъ“, доносилъ въ секретной депешѣ отъ 12 Февраля н. с. 1764 г. графъ Букингамъ графу Сандвичу [3]). Разумовскаго всѣ любили, и между царедворцами образовалась въ его пользу цѣлая партія, громко осуждавшая правительство. Государыня, крайне ревнивая ко всему, что касалось до верховной власти, запретила гетману являться ко двору и требовала отъ него прошенія объ увольненіи отъ званія своего. Въ городѣ приписывали эту немилость интригамъ Орлова, и говорили, что Государыня гетманомъ назначитъ графа Григорія Григорьевича [4]). Эти слухи, которыми впослѣдствіи, вѣроятно, воспользовался Тепловъ, чтобы очистить себя въ глазахъ Разумовскихъ, глубоко оскорбляли Екатерину. „Адамъ Васильевичъ“,— писала она отъ 17 февраля 1764 года къ Олсуфьеву, „дайте, пожалуй, разнымъ людямъ прочесть и сами разскажите друзьямъ своимъ происхожденіе гетманскаго дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ — какъ позвала Неплюева, Панина, Шаховского, васъ и вице-канцлера, какъ вы вообще всѣ согласны были на то, чтобъ Панинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для растолкованія гетману непорядочныхъ его поведеній, и какъ, наконецъ, онъ самъ узналъ и они ему совѣтовали, дабы изъ этого съ честью выйтить, что индѣ дороги нѣтъ, какъ только просить объ увольненіи отъ этой должности; а нынѣ въ Петербургѣ иные говорятъ, будто то все происходитъ отъ гоненія на гетмана графа Григорія Григорьевича Орлова, и вамъ лучше извѣстно, сколь то ложно выдумано“ [5]). Гетманъ долго не поддавался. Гетманша, не дождавшись мужа, въ Мартѣ мѣсяцѣ покинула Глуховъ и пріѣхала въ Петербургъ. До какой степени Государыня была гнѣвна на Разумовскаго, видно изъ другого писама ея къ Олсуфьеву отъ 27 Марта 1764 года [6]). Въ письмѣ этомъ Государыня, дѣйствуя совершенно

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1863, 424.

[2]) Б.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, прим. 73—74.

[3]) Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 567. Депеша Сакена.

[4]) „Сборникъ Русск. Истор. Общ.“, XII, 160.

[5]) „Русскій Архивъ“, 1863, 427.

[6]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1863, 437) письмо это помѣчено отъ 27 Марта 1765. Тутъ явная ошибка. Весною 1765 г. Разумовскіе были уже за границею.

по-женски, старалась придраться и къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. „Адамъ Васильевичъ", гласитъ письмо это, „пошлите кабинетъ-курьера отселѣ до Москвы и велите ему навѣдаться подъ рукою и будто отъ себя, объ ѣздѣ сюда Катерины Ивановны Разумовской. Она сегодня пріѣхала, а сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брали и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ нею шествовали, прибили чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика и множество озорничества дѣлали по дорогѣ; и естьли то такъ, то велите курьеру, чтобъ онъ совѣтовалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ, прося защищенія и удовлетворенія; однако-жъ, чтобъ они въ правду просили, а не въ вымышленныхъ обидахъ. Пожалуй, умненько сдѣлайте; а какъ до Москвы доѣдетъ, то день другой проживъ, велите съ записанными извѣстіями ѣхать обратно сюда".

Сторону Разумовскаго держалъ отчасти графъ Н. И. Панинъ, принимавшій живое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Разумовскій увидѣлъ, что дѣлать нечего, и рѣшился, по совѣту Панина, принести повинную Государынѣ. „Никита Ивановичъ", писала Екатерина Панину, „гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то же сказалъ, что и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сумнѣваться не могу, а впредь съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, что онъ мнѣ говорилъ". „Никита Ивановичъ, приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское", пишетъ она ему далѣе. Гетманъ подалъ прошеніе въ Октябрѣ. Императрица, повелѣвшая Олсуфьеву составить секретныя инструкціи для губернаторовъ Ярославскаго, Астраханскаго и Новгородскаго (Мельгунова, Бекетова и Сиверса), письмомъ отъ 30 Октября приказывала ему изготовить такую же инструкцію для Малороссійскаго генералъ-губернатора, „оставя на имя его мѣсто".—„Прибавить надлежитъ", продолжала Императрица, „чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли; и разбирать и раздѣлить le gouvernement militaire d'avec le civil, souverainement confondu dans cette province... раздѣлить ихъ настоящіе правы съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отселѣ имъ дается 48,000. 2-й пунктъ. Сего пункта нѣсколько перемѣнить надобно и что на одну персону написано, писать на общее лицо" [1]). Эта одна персона былъ несомнѣнно самъ гетманъ.

[1]) Тамъ же, 433.

Наконецъ, 10 Ноября 1764 года вышелъ указъ объ уничтоженіи гетманства, который начинался такъ:

„Божіею милостью, Мы, Екатерина II и проч. Объявляемъ нашему вѣрноподданному Малороссійскому народу, Малороссійскій гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ насъ всеподданнѣйше, чтобъ мы, въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ, а напротивъ того и въ другихъ въ Великой Россіи не меньше важныхъ его упражненій, чѣмъ гетманство, и наложенное на него по тому правленіе Малой Россіи съ него сняли. Мы, видя его графа Разумовскаго не малое по справедливости обремененіе, и снисходя на его къ намъ всеподданнѣйшее прошеніе, уволили его всемилостивѣйше, какъ отъ чина гетманскаго, такъ и отъ всѣхъ Малороссійскихъ по оному дѣлъ".

Того же числа Государыня, переименовавъ Разумовскаго въ генералъ-фельдмаршалы, пожаловала ему пожизненно гетманское содержаніе въ 50,000 рублей на годъ, съ прибавкою изъ Малороссійскихъ доходовъ 10,000 рублей, городъ Гадячъ съ ключемъ, т.-е. съ селами и деревнями, Быковскую волость и домъ, построенный на казенныя деньги въ принадлежавшемъ уже ему Батуринѣ [1]).

Изъ всѣхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Петербургѣ, одинъ только Сольмсъ зналъ подробности этого дѣла. Оказывается, что по Европѣ стали ходить слухи о новомъ заговорѣ противъ Екатерины. Фридрихъ II счелъ за долгъ объ этомъ извѣстить Государыню. Панинъ иронично благодарилъ за сообщеніе и добавилъ, что Императрицѣ было уже извѣстно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что онъ, Панинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, составили заговоръ съ цѣлью свергнуть Императрицу и посадить на престолъ наслѣдника. Императрица выказала себя великодушною, отвергнувъ это извѣстіе... „Что касается до гетмана", доносилъ Сольмсъ въ депешѣ отъ 17 (28) Апрѣля 1764 года, „то мнѣ кажется, что онъ не такой человѣкъ, какой нуженъ для подобныхъ смѣлыхъ предпріятій; онъ лѣнивъ и безпеченъ, любитъ только комфортъ и хорошій столъ, и чистосердечно ненавидитъ трудъ и занятія. Тѣмъ не менѣе, онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ, потому что въ настоящее время у него хотятъ отнять присвоенную его званію власть и низвести его въ положеніе близко сходное съ положеніемъ частнаго человѣка. Но въ подобное затрудненіе онъ поставилъ себя самъ, своею безпечностью, предоставивъ управленіе Украйною своимъ старшинамъ, вслѣдствіе чего народъ былъ ужасно притѣсняемъ, самъ онъ обѣднѣлъ, а всѣ эти люди обогатились. Жалобы дошли, наконецъ, до Е. И. В., и на него косо стали смотрѣть. Но всего болѣе повредило ему неблагораз-

[1]) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, IV, 22.

умѣ: онъ разрѣшилъ части Украинскаго дворянства собраться въ сеймъ, гдѣ они подписали челобитную къ Императрицѣ, прося признать должность гетмана наслѣдственною въ его семействѣ, избравъ одного изъ сыновей гетмана для наслѣдованія ему въ случаѣ смерти, и даровать ему и народу нѣкоторыя старинныя права, которыя Петръ I благоразумно отмѣнилъ. Враги графа Разумовскаго объясняютъ это, какъ попытку сдѣлаться независимымъ отъ Россіи и Императрица уже готова была предать его суду. Графъ Панинъ вмѣшался, и тогда дѣло было разслѣдовано, причемъ, какъ оказалось, графъ погрѣшилъ противъ разума, но не противъ сердца. Въ настоящую минуту, чтобы нѣсколько удовлетворить государство, у гетмана отбираютъ всѣ принадлежащія ему права и власть, которыя переходятъ въ руки малороссійской коллегіи; онъ же сохранитъ, однако, пожизненно всѣ почести и доходы, присвоенные его прежней должности, такъ что лишается онъ только труда, а оставляетъ за собою всѣ удобства, которыми пользовался“ [1]).

Только по истеченіи четырехъ лѣтъ узнали суть дѣла товарищи Сольмса, и англійскій повѣренный въ дѣлахъ, Генрихъ Ширлей, въ депешѣ къ виконту Веймоту (Waymouth) отъ 20-го (31-го) Іюля 1768 г. повѣствуетъ: „Нѣкоторыя знатныя лица удаляются въ Москву, утомленныя и недовольныя дворомъ и властію человѣка (Орлова), который, шесть лѣтъ тому назадъ, стоялъ на столько ихъ ниже. Назову только штальмейстера князя Рѣпнина [2]) и фельдмаршала графа Разумовскаго, о которомъ я слышалъ, что онъ испрашиваетъ дозволенія удалиться на нѣкоторое время въ свои помѣстья. Однако, подлежитъ сомнѣнію, будетъ ли это ему разрѣшено, вслѣдствіе обстоятельства, о которомъ я недавно узналъ отъ лица, хорошо знающаго такого рода дѣла. Вскорѣ послѣ коронованія Е. И. В., графъ Разумовскій, бывшій тогда гетманомъ казаковъ, считалъ возможнымъ убѣдить Малороссіянъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ его родѣ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отпросился въ свои имѣнія, расположенныя въ этой части Россіи. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ туда, онъ собралъ Малороссовъ и изложилъ имъ свое желаніе. Но противъ этого сильно и дѣятельно возстали многіе, даже двое изъ лучшихъ друзей Разумовскаго объявили, что готовы сдѣлать для него все, кромѣ лишенія себя права избирать гетмана. Въ то время, какъ шли эти препирательства, сюда былъ отправленъ гонецъ, сообщившій Императрицѣ о попыткѣ графа. Ему немедленно было приказано вернуться въ Петербургъ, а три полка, расположенные въ окрестностяхъ Украй-

[1]) Сборникъ Им. Росс. Истор. Общества, XXII, 247—248.

[2]) Князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ—оберъ-штальмейстеръ, † 1778.

ны, были туда секретно отправлены, дабы въ случаѣ, если бы гетманъ сталъ колебаться, заставить его подчиниться повелѣніямъ Ея Величества. Графъ, убѣдясь въ невозможности успѣха, счелъ за лучшее покориться. Онъ былъ лишенъ званія гетманскаго, совершенно уничтоженнаго, а взамѣнъ получилъ значительную пожизненную пенсію. Съ тѣхъ поръ старались сравнить положеніе Малороссовъ съ положеніемъ русскихъ крѣпостныхъ, что, какъ слышно, вызвало сильное недовольство... При такихъ условіяхъ, желаніе графа Разумовскаго ѣхать въ свои помѣстья кажется немного подозрительнымъ и хотя Императрица совершенно убѣждена, что ему невозможно будетъ снова занять тамъ свое прежнее положеніе, однако, она не желаетъ подавать ему случай къ подобнымъ попыткамъ, послѣ которыхъ пришлось бы ей принимать мѣры строгости, что было бы ей крайне прискорбно и совершенно противорѣчило принятому ею образу дѣйствій" [1]).

Такъ кончилось гетманство графа Кирилы Григорьевича. Въ четырнадцатилѣтнее свое управленіе онъ старался, по мѣрѣ силъ своихъ, быть полезнымъ родному краю. Не надо забывать, что воспитаніе его было самое поверхностное, что, силою обстоятельствъ перенесенный изъ хаты на школьную скамью, а съ нея брошенный въ вихрь блестящаго и веселаго двора Елизаветы, онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакой серьёзной подготовки къ административной дѣятельности. Тамъ, гдѣ имъ руководили природный умъ и доброе сердце, тамъ дѣло всегда шло на ладъ. Къ сожалѣнію, гетманъ легко поддавался чужому вліянію. Тепловъ, генеральная старшина, и корыстная родня, старуха мать, души не чаявшая въ дочеряхъ и всегда готовая за нихъ вступиться, всѣ болѣе или менѣе руководили Разумовскимъ и нерѣдко подстрекали его къ дѣйствіямъ, которыя, къ несчастію, тяжело отозвались на бѣдныхъ посполитыхъ людяхъ Малороссійскихъ. „Управленіе Разумовскаго", говоритъ г. Лазаревскій, „было для Малороссіянъ тягостнѣе всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей XVIII в. Несмотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ Великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободными села „въ вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ владѣніе", формула совершенно новая, впервые явив-

[1]) Сборникъ Истор. Общества, XII, 340.

нался въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ. „Закрѣпощеніе крестьянъ", продолжаетъ г. Лазаревскій, „узаконенное черезъ двадцать лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ" [1]).

Въ то время, когда разыгрывалась въ Глуховѣ и Петербургѣ гетманская траги-комедія, на берегахъ Вислы, старый пріятель Разумовскаго нежданно и негаданно надѣвалъ вѣнецъ Ягеллы. Мы упоминали о томъ, что графъ Станиславъ Понятовскій, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, былъ свой человѣкъ въ домѣ графа Кирилы Григорьевича. Послѣ отъѣзда своего изъ Россіи, Станиславъ-Августъ продолжалъ изрѣдка переписываться съ гетманомъ. Вотъ два письма его, сохранившіяся въ архивѣ графа А. С. Уварова.

I.

Monseigneur,

Le sieur Kuczewski gentilhomme Polonais qui aura l'honneur de remettre cette lettre à v. e., aura en même temps celui de vous exposer ses plaintes à la charge de certains cosaques de la Siecz, dont il compte de produire (sic) devant v. e. des preuves sans réplique. Comme les cosaques de la Siecz relêvent aussi de l'autorité de v. e., il vous sera aisé, monseigneur, de faire rendre justice au sieur Kuczewski, que je recommande particulièrement pour cet effet à la bonté et à la protection de v. e. Je profite de cette occassion pour vous rappeler le souvenir de celui, qui s'étant toujours fait honneur de son attachement pour vous, ne cessera d'être toujours avec les mêmes sentiments d'amitié et de respect, monseigneur, de v. e. le trés humble et très obeissant serviteur Stanislas Poniatowski Stolnik de Lithuanie.

Varsovie, ce 10 (21) Novembre 1763.

II.

Me souvenant toujours avec reconnaissance des agréments dont j'ai joui dans la maison de v. e. pendant mon séjour en Russie; c'est un avantage que je souhaite à tous ceux à qui je m'interesse et vont dans ce pays-là, d'être à même de vous voir et d'être bien vu de vous. Je

[1]) „Русскій Архивъ", 1873, 383—384. Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, ст. Лазаревскаго.

le souhaite particulièrement à m-r Oskierka, Czesnik de Lithuanie, délégué de la conféderation du grand duché à S. M. I. de toutes les Russies, qui aura l'honneur de vous remettre celle-ci. Je lui envie son voyage à bien des égards. Il me serait bien doux de pouvoir Vous renouveler de bouche les assurances du véritable et constant attachement dans lequel и пр.

Varsovie, ce 24 Avril 1764.

Какъ скоро графъ Кирила Григорьевичъ узналъ объ избраніи Понятовскаго онъ поспѣшилъ письменно поздравить его.

„Sire", писалъ къ нему Разумовскій, „personne ne peut prendre plus de part à l'avènement au trône de V. M. que l'amitié Vous a de tout temps aussi solidement attaché que moi; permettez donc, Sire, que je Vous présente mes félicitations et que je fasse des voeux pour la prospérité de votre règne. Heureux le peuple qui est gouverné par un Prince qui faisait remarquer, avant d'être sur le trône, toutes les qualités qui peuvent y faire parvenir et qui a aussi dignement rassemblé les suffrages d'un pays qui n'aspirait qu'à la félicité de Vous avoir pour mâitre. J'ai l'honneur de connaitre suffisament V. M. pour être persuadé de la solidité de son bonheur et qu'à la longue, loin de diminuer la joie d'être sous un Prince tel que Vous, leur félicité auguementera à chaque nouvelle année de votre règne lequel je désire être prolongé à l'infini. Une longue et dangereuse maladie qui m'ôtait toute faculté de penser a été cause que j'ai tardé si longtemps à présenter mes respectueux compliments à V. M., mais reprenant l'usage de mes sens, cela a été mon premier soin de même que Vous demander la continuation de Vos bontés.

S.-Pétersbourg, Novembre 1764 [1]).

Двери дворца снова раскрылись для графа Кирилы Григорьевича. До тѣхъ поръ имя его мы встрѣчаемъ только разъ въ „Камеръ-фурьерскомъ журналѣ" между лицами, приглашенными ко двору, и то по случаю двойной свадьбы, племянника и племянницы, Андрея Осиповича Закревскаго на княгинѣ Маріи Ивановнѣ Одоевской и фрейлины Софьи Ефимовны Дараганъ за князя Петра Васильевича Хованскаго [2]); но уже въ Іюнѣ онъ сопутствуетъ Государынѣ въ поѣздкѣ ея по Прибалтійскому краю, и съ этихъ поръ, какъ видно изъ „Записокъ Порошина", безпрестанно обѣдаетъ во дворцѣ, бываетъ у Наслѣдника и играетъ въ карты съ Государыней. Какъ мало уничтоженіе гетман-

---

[1]) Архивъ гр. Уваровъ.

[2]) Камеръ-фурьерскіе журналы, 1764 г.

ства пошатнуло довѣріе графа Кирилы Григорьевича къ Теплову, видно изъ слѣдующаго письма отъ гетмана, писаннаго почти на другой день послѣ увольненія его, къ Ивану Перфильевичу Елагину, бывшему въ то время, какъ уже сказано, однимъ изъ секретарей Государыни.

Письмо это мы приводимъ со всѣми украинизмами Разумовскаго.

Государь мой и другъ Иванъ Перфильевичъ! прошу васъ государя моего приложенную челобитную о комиссіи Почеповской представить Е. И. В. нашей всемилостивѣйшей Государынѣ. Я, вѣдая обстоятельно, что оная или за посули секретарямъ и подъячимъ или отъ непроницательства судьями дѣлъ и обыкновеній Малороссійскихъ помѣщиковъ, до такого замѣшательства доведена, что не только мнѣ, но едваль и наслѣдникамъ моимъ доведется видѣть окончаніе оной. Чего для симъ моимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ принужденъ прибѣгнуть третично къ защищенію и правосудію нашей всемилостивѣйшей Монархини, прося всенижайше, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было въ какомъ ни есть сенатскомъ департаментѣ. Васъ же, государя моего, прошу внушить Е. И. В., дабы высочайшимъ своимъ имяннымъ указомъ изволили повелѣть по сему дѣлу, для объясненія господамъ сенаторамъ, присутствовать Григорію Николаевичу Теплову, яко одному такому, который по справедливости тамошнія дѣла въ точности ихъ вѣдаетъ. Симъ способомъ правосудіе сыскано будетъ, и дѣла, получа свою ясность отъ затмѣнія ябедниковъ, челобитчиковъ, секретарей и подъячихъ ихъ помощниковъ, получатъ свое скорое и справедливое какъ для интересовъ государевыхъ, такъ и для меня окончаніе, надѣюсь не долѣ, какъ въ два мѣсяца. Я есмь со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ и дружбою, вашъ государя моего всепокорный другъ и слуга, графъ К. Разумовскій.

Ноября 2, 1764 [1]).

Возвращаясь изъ Балтійскаго края, Екатерина заѣхала къ старому графу Алексѣю Григорьевичу въ Гостилицы. Она туда прибыла въ 11 часовъ пополудни; у крыльца встрѣтилъ ее хозяинъ „со всѣми своими свойственниками“, и для высочайшаго прибытія, изъ поставленныхъ предъ домомъ пушекъ, производилась пушечная пальба изъ 101-го выстрѣла. „Вечернее кушанье Е. И. В. изволили кушать въ 18-ти персонахъ; при столѣ пили здоровье, причемъ производилась пушечная пальба: 1) Е. И. В. благополучнаго прибытія зачиналъ е. с. графъ Алексѣй Григорьевичъ съ выстрѣломъ 51 пушки. 2) Е. И. В. изволила зачинать пить здоровье е. с. графа, яко хо-

[1]) Изъ Государственнаго архива.

зина тому дому, съ выстрѣломъ 21-й пушки". На другой день былъ обѣдъ въ 30 кувертовъ, и Государыня изволила кушать въ 30-ти персонахъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе графа и пили тѣ же здоровья. Потомъ Государыня играла въ карты, каталась съ горъ и въ линеѣ по саду. За ужиномъ „столъ былъ убранъ пристойною великолѣпностью, а изъ пирамидъ были пущены по два фонтана". 23-го Іюля, послѣ завтрака, пожаловавъ хозяина и свойственниковъ его къ рукѣ, Государыня отправилась при пушечной пальбѣ въ Петергофъ [1]).

Если вѣрить преданію, бывшаго гетмана ожидала въ Петербургѣ новая непріятность. 5-го Іюля, въ день выѣзда Императрицы изъ Пернавы, произошло въ Шлиссельбургѣ покушеніе Мировича, стоившее жизни несчастному затворнику Ивану Антоновичу. Въ судьи Мировича, гласитъ преданіе, назначенъ былъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Когда судьи спросили подсудимаго, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло? — тотъ отвѣчалъ: — „г. гетманъ графъ Разумовскій". — Всѣ судьи, а въ томъ числѣ и Разумовскій, были крайне изумлены. Оказалось, что Мировичъ доискивался до имѣнія, несправедливо отнятаго у его предковъ, и не разъ объ этомъ просилъ гетмана. Графъ отвѣчалъ ему однажды, что мертваго изъ гроба не ворочаютъ и добавилъ: „ты молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе". Эти слова графа подали Мировичу мысль искать счастія въ возведеніи принца Ивана на престолъ [2]). Преданіе это, набросанное на бумагу Г. Ѳ. Квиткою, имѣетъ много правдоподобнаго. Екатеринѣ же все, напоминавшее про дѣло Мировича, было особенно непріятно. Такъ, генералъ-поручикъ Александръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, командовавшій во время заговора полкомъ, въ которомъ служилъ Мировичъ, никогда не могъ добиться, несмотря на всѣ усилія честолюбивой жены и знатныхъ при дворѣ родственниковъ ея, до генералъ-аншефскаго чина. Хотя совсѣмъ бездоказательно, однако, все-таки имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ. Онъ почелъ благоразумнымъ, а быть можетъ, ему присовѣтовали свыше, удалиться на время отъ двора, и въ Апрѣлѣ 1765 года онъ отправился за границу.

Въ царствованіе Петра III и въ первые годы правленія Екатерины Разумовскій, находившійся безпрестанно при Императорѣ, занятый Малороссіею, государственными переворотами и вопросомъ о гетманствѣ, мало занимался академіею. Однако изъ Москвы отъ 17 Апрѣля 1763 онъ писалъ академической канцеляріи, что „гг. членамъ

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 (дополненіе).

[2]) „Русскій Архивъ", 1863 г., 478.

рекомендуется впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь академіи, а дѣлать то, съ чего бы вящшая государству польза слѣдовать могла". Споры между академиками однако не переставали усиливаться. Ломоносовъ принималъ въ нихъ такое живое участіе, что въ Москвѣ поднятъ былъ вопросъ объ увольненіи его изъ академіи. Указомъ отъ 2-го Мая 1763 г. Ломоносовъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и въ то же время отставленъ вовсе отъ службы съ половиннымъ по смерть жалованьемъ. Черезъ десять дней, однако, Императрица отправила въ сенатъ собственноручную записку съ предписаніемъ прислать къ ней обратно указъ объ отставкѣ. Такимъ образомъ Ломоносовъ получилъ давно желаемый чинъ и все-таки остался при академіи. 2-го Іюля 1763 года, въ отсутствіе президента, находившагося въ Малороссіи, Екатерина, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и блестящею свитою придворныхъ дамъ и кавалеровъ, посѣтила торжественное засѣданіе академіи. Никогда еще академія не удостоивалась подобной чести. Государыня прослушала рѣчи Эпинуса, Цейгера и Румовскаго, произнесенныя по-нѣмецки и по-русски, что̀ также было нововведеніемъ, такъ какъ до тѣхъ поръ одинъ Латинскій языкъ допускался въ академіи, приняла отъ профессора Мюллера новыя изданія, пожелала видѣть опыты профессора Цейгера и, поблагодаривъ всѣхъ академиковъ, возвратилась въ лѣтній дворецъ. На другой день всѣ академики явились во дворецъ благодарить Государыню и цѣловали ея руку. Во время путешествія Екатерины по Остзейскому краю, куда сопровождалъ ее Разумовскій, началась ожесточенная борьба между Ломоносовымъ и Шлёцеромъ. Ломоносовъ представилъ на отъѣзжавшаго за границу Шлёцера доносъ прямо въ сенатъ. Сенатъ распорядился не выдавать заграничнаго отпуска Шлёцеру и предписалъ академической канцеляріи отобрать у несчастнаго адъюнкта историческія рукописи. Таубертъ не спѣшилъ исполнять приказаніе сената, а Ломоносовъ, напротивъ, поспѣшилъ съ новымъ доносомъ. Тѣмъ временемъ вернулся графъ Кирила Григорьевичъ и сейчасъ же по пріѣздѣ получилъ указъ отъ сената, въ силу котораго предписывалось президенту о Шлёцерѣ и о важныхъ рукописяхъ, у него находившихся, произвести надлежащее слѣдствіе по своему благоусмотрѣнію и о томъ, что̀ по этому дѣлу учинено будетъ, рапортовать сенату. Вся эта исторія и огорчила, и обидѣла Разумовскаго. Таубертъ былъ къ нему особенно близокъ, пользовался его полнымъ довѣріемъ и былъ главнымъ руководителемъ воспитанія его сыновей, а самъ Шлёцеръ находился при нихъ наставникомъ и жилъ вмѣстѣ съ ними. Образъ дѣйствій Ломоносова былъ по малой мѣрѣ странный. Графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ отъ безпокойнаго академика отвѣтъ, для чего мимо президента, яко глав-

зяина тому дому, съ выстрѣломъ 21-й пушки". На другой день былъ обѣдъ въ 30 кувертовъ, и Государыня изволила кушать въ 30-ти персонахъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе графа и пили тѣ же здоровья. Потомъ Государыня играла въ карты, каталась съ горъ и въ линеѣ по саду. За ужиномъ „столъ былъ убранъ пристойною великолѣпностью, а изъ пирамидъ были пущены по два фонтана". 23-го Іюля, послѣ завтрака, пожаловавъ хозяина и свойственниковъ его къ рукѣ, Государыня отправилась при пушечной пальбѣ въ Петергофъ [1]).

Если вѣрить преданію, бывшаго гетмана ожидала въ Петербургѣ новая непріятность. 5-го Іюля, въ день выѣзда Императрицы изъ Пернавы, произошло въ Шлиссельбургѣ покушеніе Мировича, стоившее жизни несчастному затворнику Ивану Антоновичу. Въ судьи Мировича, гласитъ преданіе, назначенъ былъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Когда судьи спросили подсудимаго, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло? — тотъ отвѣчалъ: — „г. гетманъ графъ Разумовскій". — Всѣ судьи, а въ томъ числѣ и Разумовскій, были крайне изумлены. Оказалось, что Мировичъ доискивался до имѣнія, несправедливо отнятаго у его предковъ, и не разъ объ этомъ просилъ гетмана. Графъ отвѣчалъ ему однажды, что мертваго изъ гроба не ворочаютъ и добавилъ: „ты молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе". Эти слова графа подали Мировичу мысль искать счастія въ возведеніи принца Ивана на престолъ [2]). Преданіе это, набросанное на бумагу Г. Ѳ. Квиткою, имѣетъ много правдоподобнаго. Екатеринѣ же все, напоминавшее про дѣло Мировича, было особенно непріятно. Такъ, генералъ-поручикъ Александръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, командовавшій во время заговора полкомъ, въ которомъ служилъ Мировичъ, никогда не могъ добиться, несмотря на всѣ усилія честолюбивой жены и знатныхъ при дворѣ родственниковъ ея, до генералъ-аншефскаго чина. Хотя совсѣмъ бездоказательно, однако, все-таки имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ. Онъ почелъ благоразумнымъ, а быть можетъ, ему присовѣтовали свыше, удалиться на время отъ двора, и въ Апрѣлѣ 1765 года онъ отправился за границу.

Въ царствованіе Петра III и въ первые годы правленія Екатерины Разумовскій, находившійся безпрестанно при Императорѣ, занятый Малороссіею, государственными переворотами и вопросомъ о гетманствѣ, мало занимался академіею. Однако изъ Москвы отъ 17 Апрѣля 1763 онъ писалъ академической канцеляріи, что „гг. членамъ

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 (дополненіе).

[2]) „Русскій Архивъ", 1863 г., 478.

рекомендуется впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь академіи, а дѣлать то, съ чего бы вящшая государству польза слѣдовать могла". Споры между академиками однако не переставали усиливаться. Ломоносовъ принималъ въ нихъ такое живое участіе, что въ Москвѣ поднятъ былъ вопросъ объ увольненіи его изъ академіи. Указомъ отъ 2-го Мая 1763 г. Ломоносовъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и въ то же время отставленъ вовсе отъ службы съ половиннымъ по смерть жалованьемъ. Черезъ десять дней, однако, Императрица отправила въ сенатъ собственноручную записку съ предписаніемъ прислать къ ней обратно указъ объ отставкѣ. Такимъ образомъ Ломоносовъ получилъ давно желаемый чинъ и все-таки остался при академіи. 2-го Іюля 1763 года, въ отсутствіе президента, находившагося въ Малороссіи, Екатерина, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и блестящею свитою придворныхъ дамъ и кавалеровъ, посѣтила торжественное засѣданіе академіи. Никогда еще академія не удостоивалась подобной чести. Государыня прослушала рѣчи Эпинуса, Цейгера и Румовскаго, произнесенныя по-нѣмецки и по-русски, что̀ также было нововведеніемъ, такъ какъ до тѣхъ поръ одинъ Латинскій языкъ допускался въ академіи, приняла отъ профессора Миллера новыя изданія, пожелала видѣть опыты профессора Цейгера и, поблагодаривъ всѣхъ академиковъ, возвратилась въ лѣтній дворецъ. На другой день всѣ академики явились во дворецъ благодарить Государыню и цѣловали ея руку. Во время путешествія Екатерины по Остзейскому краю, куда сопровождалъ ее Разумовскій, началась ожесточенная борьба между Ломоносовымъ и Шлёцеромъ. Ломоносовъ представилъ на отъѣзжавшаго за границу Шлёцера доносъ прямо въ сенатъ. Сенатъ распорядился не выдавать заграничнаго отпуска Шлёцеру и предписалъ академической канцеляріи отобрать у несчастнаго адъюнкта историческія рукописи. Таубертъ не спѣшилъ исполнять приказаніе сената, а Ломоносовъ, напротивъ, поспѣшилъ съ новымъ доносомъ. Тѣмъ временемъ вернулся графъ Кирила Григорьевичъ и сейчасъ же по пріѣздѣ получилъ указъ отъ сената, въ силу котораго предписывалось президенту о Шлёцерѣ и о важныхъ рукописяхъ, у него находившихся, произвести надлежащее слѣдствіе по своему благоусмотрѣнію и о томъ, что̀ по этому дѣлу учинено будетъ, рапортовать сенату. Вся эта исторія и огорчила, и обидѣла Разумовскаго. Таубертъ былъ къ нему особенно близокъ, пользовался его полнымъ довѣріемъ и былъ главнымъ руководителемъ воспитанія его сыновей, а самъ Шлёцеръ находился при нихъ наставникомъ и жилъ вмѣстѣ съ ними. Образъ дѣйствій Ломоносова былъ по малой мѣрѣ странный. Графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ отъ безпокойнаго академика отвѣтъ, для чего мимо президента, яко глав-

наго [illegible] правительствующій сенатъ о так[illegible] [illegible] регламента [illegible] президента. Отвѣт[illegible] [illegible] онъ не только не [illegible] какъ-бы обвинителемъ [illegible] переписка, пошли новыя [illegible] между Ломоносовымъ, Тауб[illegible] [illegible] границъ. Самая крупн[illegible] [illegible] сторонъ, причемъ нельзя не [illegible] [illegible] Ломоносовъ. Дѣло, наконецъ [illegible] ординарнымъ профессоромъ [illegible] [illegible], вслѣдствіе прошенія, [illegible] [illegible] поддержаннаго Тепловымъ [illegible] [illegible] тоже примѣръ Государыни [illegible] [illegible] воспитанія, побудили Разумовскаго [illegible] Въ Мартѣ 1764 президентъ [illegible] [illegible] канцеляріи, чтобы Ломоносовъ и Тауб[illegible] [illegible] то порознь, приглася каждому [illegible] профессоровъ, чего пожелаютъ, учинить проекты, во-[illegible] [illegible] академическому ученому Корпусу [illegible] [illegible] быть должно, а потомъ и прочимъ [illegible] [illegible] бъ располагаемая сумма не превосх[illegible] [illegible]". Поводомъ къ этому распоряженію выста[illegible] [illegible] академическимъ штатомъ наличнаго состава [illegible] разныхъ лицъ... „Къ тому же", добавлялъ [illegible] указали, что разные въ регламентѣ пре[illegible] [illegible] соотвѣтствуютъ ожидаемой отъ оныхъ пользы" [illegible] и отъѣздъ за границу президента положили [illegible] предполагаемымъ реформамъ. Въ бумагахъ экс-гетма[illegible] [illegible] къ этому времени, благодарственное пись[illegible] [illegible] д'Аламберта [2]) за избраніе его въ почетные члены академіи, сл[illegible] [illegible] содержанія.

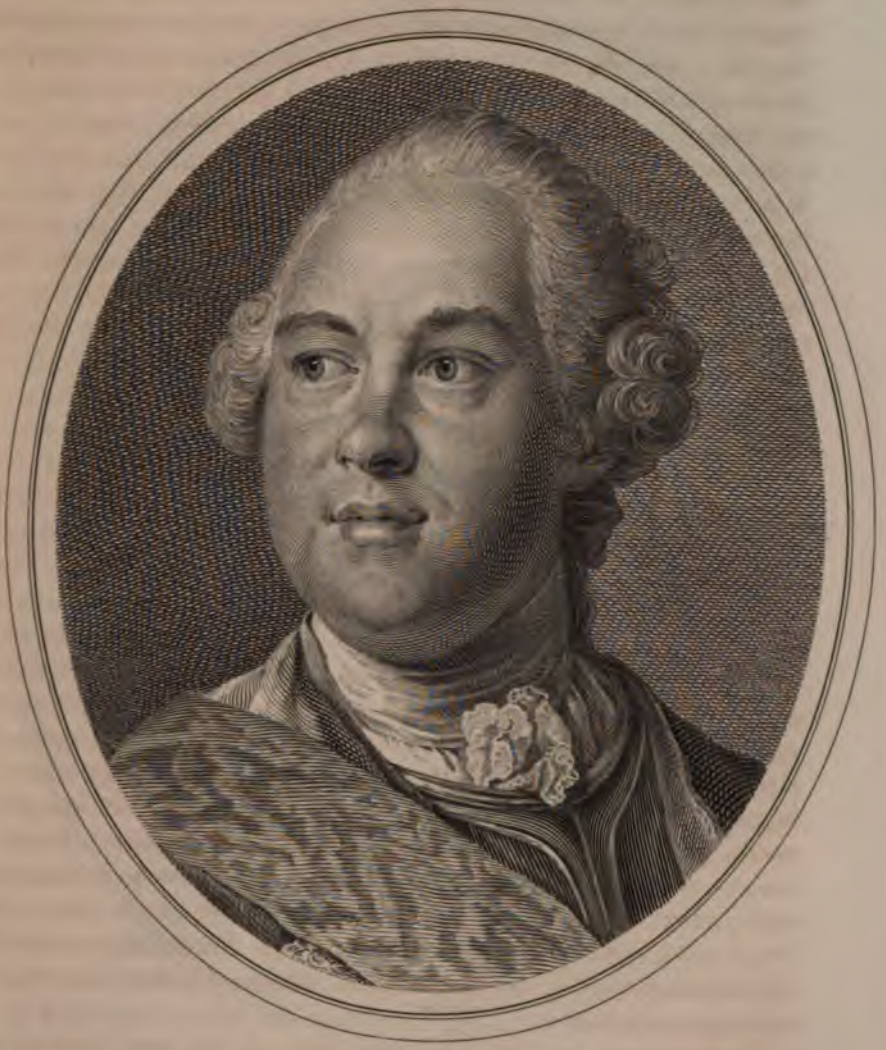
Monsieur, je n'ai reçu que depuis très peu de jours par le can[illegible] de M-r le prince [illegible] [3]) le diplôme, que v. e. m'a fait l'honne[illegible] de m'envoyer et la lettre très obligeante qu'elle a bien voulu y joindr[illegible]

---

[1]) Пекарскій, [illegible] академіи, II, 785—849.

[2]) Д'Аламберъ [illegible] 1783. Екатерина на первомъ году царство[illegible] [illegible] съ нимъ въ [illegible] призвала въ Петербургъ, чтобъ быть воспитат[illegible] [illegible] Князя и [illegible] громкое жалованье. Философъ отказался. [illegible] [illegible], что внимание [illegible] побудило академію избрать его въ члены.

[3]) [illegible] Дмитрій [illegible] Голицынъ, род. 1734, сконч. въ 1799. До [illegible] [illegible] посланникомъ [illegible] съ 1764 въ Гагѣ.



МАЛЫЯ РОССІИ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА И ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЕТМАНЪ,

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЗИДЕНТЪ И ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ КИРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧЬ РАЗУМОВСКІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Гелiогр. въ Экспедиціи Заготов. Госуд. Б

J'ai déjà eu l'honneur de remercier l'illustre Académie Impériale par une lettre, que j'ai remise à M-r le prince Galitzine, dès que j'eus appris mon élection. Permettez moi, monsieur, de l'assurer de nouveau de mon respect, de mon attachement et de ma recconnaissance. Permettez moi aussi de vous assurer des mêmes sentiments, comme étant le digne chef de cette illustre compagnie, depuis longtemps connu dans toute l'Europe par votre amour éclairé pour les sciences et les lettres. Je suis avec un profond respect, monsieur, de v. e. le très humble et très obeissant serviteur D'Alembert.

A Paris, le 3 Novembre 1764 [1]).

Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей напечатаны также письма Эйлера къ Разумовскому и Тауберту. Изъ нихъ мы видимъ, что, благодаря заступничеству Разумовскаго, Эйлеръ въ 1763 году получилъ 1200 рублей въ награду за Шарлоттенбургскій домъ его, разрушенный Русскими войсками при взятіи Берлина, и что недовольный предпочтеніемъ, оказываемымъ въ Берлинѣ Французамъ, онъ желалъ вернуться въ Россію. Эйлеръ только опасался, что „Monseigneur le Hetman" сердился на него за прежній отказъ и желалъ, чтобы графу объяснены были тогдашнія критическія его обстоятельства [2]).

Отвѣтъ Эйлеру уже приказала написать сама Государыня, послѣ отъѣзда Разумовскаго. „Monsieur le comte Worontzow", писала она къ графу Михаилу Иларіоновичу, отъ 6 января 1766 года, „la lettre que M-r Euler vous a ecrite m'a causé beaucoup de satisfaction, par la raison que j'y vois son désir d'entrer derechef au service. Assurément je le trouve parfaitement digne de la place de vice-président de l'Académie des sciences qu'il souhaite, mais pour cela il y a certaines mésures à prendre avant que je puisse établir cette charge; je dis établir, car jusqu'à présent il n'y en a pas eu. Le comte Rasoumofski à son départ m'a résigné sa charge de président, que je n'ai pu remplir jusqu'ici; j'avois donc pensé à mettre adinterim un vice président de qualité, qui, je crois, refusera par modestie la charge de président pour laquelle d'ailleurs les candidats sont difficiles à trouver, ainsi je ne puis rien répondre sur cet article pour le présent à M-r Euler [3]).

Такимъ образомъ окончилось двадцатилѣтнее президентство Разумовскаго. Хотя новый директоръ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, продолжалъ оказывать Кириллѣ Григорьевичу всѣ должные

---

[1]) Изъ архива графа Уварова.

[2]) Чтенія Об. Ист. и Древ., за 1866, IV. Смѣсь, 130—133.

[3]) Архивъ князя Воронцова, VII, 650—651.

почетному предсѣдателю знаки уваженія, что продолжалось до назначенія въ президенты княгини Дашковой, самъ экс-гетманъ со дня отъѣзда за границу считалъ себя уже вполнѣ чуждымъ академіи. Разумѣется, въ эти двадцать лѣтъ Разумовскій не много сдѣлалъ для науки, но не надо забывать, что во главу академіи онъ попалъ 18-ти лѣтъ, почти прямо изъ реестровыхъ казаковъ, не сознавая ни цѣли ея, ни значенія, ни пользы. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не могъ обойтись безъ руководителя, что неопытностью его воспользовались люди ловкіе и вдастолюбивые, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что дѣло могло бы идти гораздо хуже. Въ Разумовскомъ при неоспоримомъ природномъ умѣ было еще много такта, и тактъ этотъ часто выводилъ его изъ самаго затруднительнаго положенія. Къ тому же, это была вполнѣ русская натура, сочувственно отзывавшаяся ко всякому родному звуку, чуткая къ каждому проявленію народнаго духа. Каково бы было положеніе Ломоносова при Бревернѣ или Корфѣ? Его бы затерли такъ, что едва ли дошелъ бы до насъ слухъ о немъ. Грубыя выходки, неуживчивость, раздражительная щекотливость геніальнаго академика могли, впрочемъ, всякаго вывести изъ терпѣнія. Враговъ онъ себѣ нажилъ всюду, но особенно между самыми близкими къ Разумовскому людьми и, несмотря на это, президентъ выказывалъ къ нему почти невозмутимое долготерпѣніе. Самъ Ломоносовъ чувствовалъ это и не разъ отдавалъ справедливость добротѣ Разумовскаго. Правда, что въ долгое президентство гетмана всѣ попытки (за исключеніемъ одного Шлёцера и то въ послѣдніе годы) къ приглашенію извѣстныхъ ученыхъ изъ-за границы оставались безуспѣшными, но за то данъ былъ первый толчокъ отечественной литературной дѣятельности, хотя пока только переводной, и впервые стали появляться у насъ академики изъ Русскихъ. Кромѣ Ломоносова и Тредіаковскаго мы встрѣчаемъ еще, въ президентство Разумовскаго, между академиками и адъюнктами имена: Крашенинникова, Никиты Попова, Котельникова, Румовскаго, Софронова, Красильникова, Козицкаго и Матониса, и это въ то время, когда поддерживаемый Тепловымъ, Шумахеръ могъ открыто жаловаться: „что я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры“, а приближенный къ президенту Тауберт говорить: „развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно, и одинъ намъ въ тягость“ [1]).

„На сихъ дняхъ“, писалъ великій канцлеръ Воронцовъ къ И. И. Шувалову отъ 15 Апрѣля 1765 г., изъ Петербурга, „отъѣзжаетъ отсюда графъ К. Г. Разумовскій въ Ахенъ, откуда намѣренъ поѣздку учи-

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, XLVIII.

нить во Францію, Италію и Англію" [1]). Разумовскій отправился за границу вмѣстѣ съ сыновьями; проѣзжая въ Ахенъ, онъ остановился въ Берлинѣ. Здѣсь онъ представился Фридриху-Великому, двадцать лѣтъ тому назадъ оказавшему вниманіе молодому школьнику, скрывавшемуся подъ названіемъ Обидовскаго. Король принялъ путешественника весьма ласково и пригласилъ его на большіе маневры. „Какого вы мнѣнія о движеніяхъ войска?" спросилъ его Фридрихъ. „Государь", отвѣчалъ графъ Кирила Григорьевичъ, „я фельдмаршалъ не военный, а гражданскій". „Такихъ чиновъ мы здѣсь не знаемъ", иронически замѣтилъ король Прусскій [2]). „Я былъ обрадованъ", писалъ Фридрихъ-Великій къ Екатеринѣ отъ 1 Іюня 1765 года изъ Санъ-Суси, „узнавъ отъ графа Разумовскаго, что В. И. В. совершенно поправились послѣ нездоровія, которое чувствовали; фельдмаршалъ этотъ былъ принятъ здѣсь такъ, какъ должны быть приняты всѣ, имѣющіе счастіе зависѣть отъ васъ" [3]). Изъ Ахена Разумовскій поѣхалъ въ Мангеймъ, откуда отправилъ сыновей въ Страсбургъ, самъ же остановился при блестящемъ дворѣ курфюрста-палатина Карла-Теодора, старавшагося на берегу Рейна завести малое подобіе Версаля. Какъ видно, палатинъ радушно принялъ графа Кирилу Григорьевича, который по просьбѣ его сталъ хлопотать о доставленіи Александровской ленты любимцу курфюрста, барону Фюрстенбергу и написалъ о томъ Никитѣ Ивановичу Панину, завѣдывавшему коллегіею иностранныхъ дѣлъ.

„Votre Excellence a marqué en cour", отвѣчалъ ему Панинъ отъ 28 Сентября 1765 г., „le désir que l'électeur Palatin lui a fait connaitre de voir le baron de Fürstenberg sont lieutenant-général décoré de l'ordre de St. Alexandre Newski. S. M. I. ne doutant point sur une telle recommandation que le b. de Fürstenberg ne soit digne de la distinction qu'il demande, s'est fait un plaisir de la lui accorder, d'autant plus qu'il a paru que v. e. s'y interessait. L'Impératrice a de plus en vue en faisant cette faveur à une personne que l'électeur honore de ses bontés de donner une marque de ses sentiments personnels pour S. A. S. Je joins ici les marques de l'ordre que vous voudrez bien, monsieur, faire parvenir ou à l'électeur pour en revêtir le nouveau chevalier, ou directement au baron de Fürstenberg, suivant que vous le trouverez plus à propos. Je suis bien aise d'avoir cette occasion de faire mon compliment à v. e. sur la bonne santé dont elle jouit dans son voyage. Je lui en souhaite la continuation [4]).

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1864, 382.

[2]) Castera, Historie de Catherine II, I, 221.

[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, XX, 224.

[4]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

неціи составляющій: воздухомъ несравненно лучше, почему и я остался дней пятнадцать для употребленія водъ, близъ сего города находящихся. Послѣзавтра отсюда отъѣзжаю въ Туринъ и надѣюсь, что заѣду въ Миланъ на малое время. Въ Геную намѣренъ съѣздить налегкѣ изъ Турина съ графомъ Мозенкомъ (?). Вотъ все мое похожденіе вкратцѣ въ сихъ мѣстахъ в. с. донесши, пребываю и пр.

1766 г., Мая 31 дня, Падва (sic) [1]).

Изъ Турина Разумовскій проѣхалъ снова въ Парижъ, оттуда, если не ошибаемся, ѣздилъ въ Англію, а въ Сентябрѣ 1767 г. мы его уже встрѣчаемъ на праздникѣ, данномъ Екатеринѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ подмосковномъ селѣ Островѣ [2]).

Вернувшись изъ чужихъ краевъ, Разумовскій поселился въ Петербургѣ уже не въ деревянномъ домѣ, а въ построенныхъ на его мѣстѣ великолѣпныхъ каменныхъ палатахъ, до сихъ поръ существующихъ и которыя, по рѣдкому у насъ случаю, не измѣнили своего внѣшняго вида. „Домъ его на Мойкѣ“, говоритъ Гельбигъ, „одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дворцовъ столицы. Онъ въ немъ жилъ истымъ вельможею. Насчитывали въ одномъ этомъ городскомъ домѣ болѣе 200 человѣкъ служителей. Онъ давалъ великолѣпные праздники и ежедневно принималъ. Къ нему охотно собирались, ибо всѣхъ притягивало добродушное, сердечное и благородное обхожденіе фельдмаршала, высокія достоинства сыновей его, равно какъ умъ и любезность его дочерей“ [3]). Въ домѣ этомъ, въ богатомъ кабинетѣ графа, стоялъ изящный накладной шкафъ изъ розоваго дерева; въ немъ свято хранились пастушечья свирѣль и простонародный кобенякъ, который во дни юности носилъ Лемешевскій казакъ Кирило Розумъ, теперешній фельдмаршалъ и вельможа. Разумовскій часто показывалъ эти памятники давно-прошедшаго своимъ приближеннымъ.

Дурное впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Мировича, мало-помалу изглаживалось въ умѣ Государыни. Разумовскій сталъ ея почти ежедневнымъ собесѣдникомъ. Въ концѣ 1768 года произошелъ нежданный разрывъ съ Турціею. Обстоятельства усложнялись. Екатерина, не смотря на свой умъ и свою энергію, почувствовала необходимость въ добрыхъ совѣтахъ. Она стала думать о возстановленіи существовавшей при Елизаветѣ Петровнѣ конференціи, но графъ Н. И. Панинъ съ этимъ не соглашался и вмѣсто конференціи предлагалъ созвать чрезвычайный совѣтъ, какъ то бывало уже нѣсколько разъ со времени восшествія Государыни на престолъ. Панинъ притомъ указалъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII.

[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1767.

[3]) Helbig, Russische Günstlinge, 217.

на графа Г. Г. Орлова, обойти котораго въ то время было еще невозможно, графа З. Г. Чернышева, князя А. А. Вяземскаго, будущаго фельдмаршала и вице-канцлера Голицыныхъ, какъ на полезныхъ членовъ предполагаемаго совѣта. „Не соизволите-ль“, добавлялъ онъ въ предложеніи своемъ, „туда-жъ (т.-е. въ совѣтъ) призвать фельдмаршала графа Разумовскаго, хотя бы сіе только было въ разсужденіи знатности перваго вашего класса, чѣмъ импрессія, особливо у другихъ дворовъ, еще важнѣе и значительнѣе будетъ; ибо, по обращенію его при дворѣ его считаютъ въ довѣренности Вашего Величества, а тѣмъ самымъ тѣмъ болѣе удостовѣряется о согласіи и единодушіи предпринятыхъ мѣръ, вслѣдствіе держащагося совѣта“. Предложеніе Панина оказалось Государынѣ угоднымъ, совѣтъ былъ созванъ и кромѣ предложенныхъ Панинымъ кандидатовъ приглашены были еще братъ его графъ Петръ Ивановичъ и князь М. Н. Волконскій. Сама Екатерина открыла первое засѣданіе рѣчью, въ которой объяснила цѣль совѣта и то, что она отъ него ожидаетъ. По чину своему графъ Кирилла Григорьевичъ предсѣдательствовалъ. Характеръ постояннаго учрежденія получилъ совѣтъ только въ слѣдующемъ 1769 году [1]). „Графъ Орловъ, графъ Разумовскій, генералъ Чернышевъ, двое Паниныхъ и двое Голицыныхъ“, писалъ лордъ Каткартъ (Cathcart) къ графу Рочфорду изъ С.-Петербурга отъ 12 Декабря 1768 г., „принадлежатъ къ недавно возникшей партіи. Двое первыхъ честные люди, вовсе не Французы, скорѣе преданные Австріи, чѣмъ Пруссіи и расположенные къ Англіи, но по мягкости характера способные, подъ вліяніемъ Французовъ, Австрійцевъ или другихъ, склоняться на мѣры и понятія, послѣдствія которыхъ они не предвидятъ“ [2]). „Разумовскій, доносилъ тотъ же Каткартъ, отъ 29 Декабря 1769 г., человѣкъ чрезвычайно честный и благонамѣренный“ [3]). „Графъ Орловъ (Григорій Григорьевичъ), писалъ онъ же отъ 29 Октября 1780 г., „служитъ въ совѣтѣ представителемъ оппозиціи графу Панину... Пользуется поддержкой и поощреніемъ нѣмого большинства, за исключеніемъ графа Разумовскаго, предсѣдателя совѣта“ [4]). Разумовскій часто обѣдалъ у Государыни, игралъ съ нею въ вистъ по 10 рублей роберъ; изрѣдка Екатерина его посѣщала иногда вовсе неожиданно, но какъ бы скрытно она ни подъѣзжала къ малому подъѣзду графскаго дома, постоянно находила все готовымъ для ея пріема [5]). Мѣткія слова графа Кирилы Григорьевича и колкія его

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи XXVIII, 10.
[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общ. XII, 412—413.
[3]) Тамъ же, XIX, 21.
[4]) Тамъ же, XIX, 133.
[5]) Сумароковъ, Черты Екатерины Великой.

рѣчи ходили по городу, но самая колкость ихъ дышала добродушіемъ и на Разумовскаго никто не сердился. „Что у васъ новаго въ свѣтѣ?“ спросилъ его однажды одинъ пріятель. „Все по старому“, отвѣчалъ Разумовскій: „одинъ Панинъ (Никита Ивановичъ) думаетъ, другой (Петръ Ивановичъ) кричитъ, одинъ Чернышевъ (графъ Захаръ Григорьевичъ) предлагаетъ, другой (графъ Иванъ Григорьевичъ) труситъ; я молчу, а прочіе, хоть и говорятъ, да того хуже“ [1]). Другой разъ, за обѣдомъ у Государыни, палъ разговоръ, во время десерта, на ябедниковъ, и Екатерина предложила тостъ за честныхъ людей. Всѣ подняли бокалы, одинъ Разумовскій не дотронулся до своей рюмки. На вопросъ Императрицы: „почему онъ не доброжелательствуетъ честнымъ людямъ?“ — „Боюсь, отвѣчалъ Разумовскій,—моръ будетъ“ [2]). Когда началась первая война съ Турками, главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Графъ Кирила Григорьевичъ, по гетманству, считался старшимъ фельдмаршаломъ; кто-то изъ его знакомыхъ, желая польстить Разумовскому, изъявилъ удивленіе, почему младшему ввѣрена была армія противъ Турокъ. „Потому, отвѣчалъ графъ, что ему достаточно одной, а я, лишась двухъ, съ третьею только разобью непріятеля“ [3]). Въ сенатѣ и совѣтѣ онъ отличался необыкновенною правдивостью и независимостью. Однажды въ сенатѣ Разумовскій отказался подписать рѣшеніе, которое считалъ несправедливымъ. „Государыня желаетъ, чтобъ дѣло было рѣшено такимъ образомъ“, объявили ему сенаторы. „Когда такъ, не смѣю ослушаться“, отвѣчалъ Кирила Григорьевичъ, перевернулъ бумагу и подписалъ свое имя. Екатерина потребовала объясненій. „Я исполнилъ вашу волю“, сказалъ онъ, „и подписалъ рѣшеніе, но такъ какъ оно, по моему мнѣнію, неправое и товарищи покривили совѣстью, то я и почелъ нужнымъ криво подписать свое имя“. Государыня пересмотрѣла дѣло, отмѣнила рѣшеніе сенаторовъ и сказала Разумовскому: „Вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость“ [4]). Другой разъ разбиралось въ совѣтѣ дѣло о женитьбѣ князя Орлова на его двоюродной сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой. Орловъ, всегдашній недоброжелатель Разумовскаго, въ это время былъ уже въ немилости, и члены совѣта, долго передъ нимъ преклонявшіеся, теперь рѣшили его разлучить съ женою и обоихъ заключить въ монастыри. Кирила Григорьевичъ отказался подписать приговоръ и объявилъ товарищамъ, что для рѣшенія дѣла не доставало выписки изъ постановленія „о кулачныхъ бояхъ“. Всѣ за-

[1]) Бан.-Каменскій, біографіи фельдмаршаловъ, I, 214.
[2]) Тамъ же.
[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣч. 79.
[4]) Тамъ же.

смѣялись и требовали объясненія. „Тамъ“ продолжалъ графъ, „сказано между прочимъ: лежачаго не бить. Еще недавно всѣ мы считали бы себя счастливыми, ежели бы Орловъ пригласилъ насъ на свою сватьбу, а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и совѣстно намъ нападать на него“ [1]). Несмотря однако на слова эти, приговоръ состоялся; но Екатерина объявила, что рука ея отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь многимъ обязана. Пожалованіе княгини Орловой въ статсъ-дамы и Екатерининская лента, ей присланная, затушили все это дѣло. Слова и поступки Разумовскаго быстро разносились по столицамъ. Оригинальный образъ выраженія, Малороссійское произношеніе, слѣды котораго находимъ даже въ правописаніи Кирила Григорьевича, все это давало особенную рельефность его рѣчамъ и усиливало его популярность. Никто не сердился на его насмѣшки, потому что въ нихъ никогда не было ядовитости. Однако и Разумовскому иногда доставалось. Въ тѣ времена въ большомъ ходу были каталоги. Это были сатиры на общество, къ имени того или другого лица подбирали заглавіе извѣстной книги, въ которомъ содержался какой-нибудь намекъ болѣе или менѣе колкій на характеръ этого лица. Такого рода каталогъ ходилъ по Петербургу въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ немъ, между прочимъ подъ № 20 видимъ: L'ami des hommes par le Comte Rasoumovski; для людей, знакомыхъ съ тогдашнею литературою, понятенъ былъ намекъ на многочисленность семейства Разумовскаго и на Ловеласовскія его наклонности. Полное заглавіе книги, сочиненной отцомъ знаменитаго Мирабо: l'Ami des hommes—ou traité de la population“.

Въ архивѣ князя Александра Михайловича Голицына сохранилось нѣсколько писемъ графа Кирила Григорьевича отъ 1768 года въ Италію, къ Ивану Ивановичу Шувалову. Приводимъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Февраля 4 ст. ст. 1768 г. Москва.

Дружеское письмо ваше отъ 22-го Декабря ст. ст., изъ Рима подъ № 17 пущенное, мною получено, изъ котораго съ особливымъ удовольствіемъ вижу, что вамъ пребываніе въ Римѣ не скучно и что вы даже до такого (sic) степени дошли, что приватно маленькіе ужины имѣете, что весьма трудно для чужестранныхъ. Я сими выгодами не

[1]) Тамъ же.

могъ въ бытность мою пользоваться по причинѣ моего малаго въ семъ городѣ пребыванія и притомъ великаго поста. Я надѣюсь, что ни всѣ антики и болванчики въ Римѣ выкупите; только не думаю, чтобы такой промахъ сдѣлали, какъ бывшій мой докторъ Илеръ, который подъ видомъ достойныхъ вещей всю дрянь, которая въ погребахъ и подъ кровлями валялася, выкупилъ; если бы я его совѣтамъ послѣдовалъ, то бы много вздору покупалъ; со всѣмъ тѣмъ въ Падоѣ (sic), послѣдуя его совѣтамъ, нѣсколько негодныхъ картиноѣ цапнулъ. Сожалѣю, любезный мой другъ, что обстоятельства вашего здоровія принуждаютъ васъ такъ долго въ Италіи остаться, и сколь бы я ни желалъ, чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ былъ, но вижу, что ему должно будетъ разстаться съ вами, ибо я не болѣ хочу его оставить какъ до Октября мѣсяца, какъ уже я вамъ и прежде имѣлъ честь о семъ писать; а мнѣ необходимо хочется, чтобы онъ въ Англіи, прежде нежели въ отечество возвратиться, побывалъ. И такъ прошу васъ, любезнаго моего друга, постараться пріискать ему достойнаго сопутника и отпустить изъ Италіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, предписавъ ему такой путь, какой вы заблагоразсудите; я же бы думалъ, чтобы лучше ѣхать въ Гену (sic) и въ Марсель и видѣть меридіональныя французскія провинціи, нежели повторять дорогу черезъ Альпы, которую уже онъ со мною сдѣлалъ. На сихъ дняхъ, то есть 20-го Января, Е. В. въ С.-Петербургъ уѣхать изволила; Великій Князь здѣсь нѣсколько времени оставался, по причинѣ великой стужи, а завтра также отсюда отправится. Фамилія моя также отсюда уѣхала, а я на первой недѣли поста, конечно, отсюда выѣду. Вотъ всѣ вамъ здѣшнія вѣсти. Прошу сказать сыну, что я письмо его подъ нумеромъ первымъ отъ перваго Января получилъ и что не отвѣтствую особливымъ письмомъ—истинно времени нѣтъ, а что я и всѣ домашніе здоровы, въ томъ онъ изъ вашего письма увѣриться можетъ. Я уже не ласкаю себя писать вамъ отсюда, а по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ конечно не оставлю васъ увѣдомить. Послѣднее письмо ваше было подъ № 15, а сіе, на которое имѣю честь вамъ отвѣчать, подъ № 17; и такъ 16-е я не получалъ, если то ошибка въ нумерахъ, то нѣтъ ничего, а если на дорогѣ пропало, то я сожалѣю. Прости, любезный другъ, желаю вамъ веселиться наступающею весною, а мы весьма еще далеко отъ того отстоимъ.

Прежде писалъ я къ вамъ о пріисканіи мнѣ повара хорошаго и метеръ-дотеля и теперь о семъ вамъ просьбу мою повторяю, если возможно, но чтобы оба люди были такіе, которые въ знатныхъ и большихъ хоромахъ бывали и знаютъ обходиться съ большими столами. Въ семъ случаѣ, кажется, господинъ Нагъ способствовать можетъ, а мнѣ крайняя нужда, а особливо въ хорошомъ поварѣ, ибо метръ-

дотель чужестранной съ нашими людьми не вдругъ управится, однакожъ нуженъ для стола. Я о семъ кромѣ васъ никому коммиссіи не давалъ, такъ ни отъ кого болѣе какъ отъ васъ же и не ожидаю, дабы иногда двухъ не приговорить черезъ разныя руки.

II.

Февраля 26, 1768 г. С.-Петербургъ. Три письма ваши я получилъ, одно отъ 29 Декабря 1767 подъ нумеромъ 18; другое отъ 9 Генваря подъ № 1-мъ, третье отъ 23 Генваря жъ подъ нумеромъ 3-мъ, одно изъ оныхъ въ Москвѣ, а два уже здѣсь пріѣхавши, на которыя, если по сіе время не отвѣчалъ, прошу васъ, любезный другъ, на меня не попенять: причина тому мой переѣздъ изъ Москвы сюда. Теперь вамъ на полученныя письма вкратцѣ отвѣчаю, а впредь переписка наша исправнѣе будетъ, будучи на такомъ мѣстѣ, куда письма исправнѣе и ближе приходятъ, нежели въ Москвѣ. Я благодарствую за принимаемое вами участіе въ разсужденіи моей болѣзни. Я ожидаю теперь весны, съ которой зачавъ, продолжать намѣренъ черезъ все будущее лѣто излѣченіе моихъ припадковъ, которые зимою весьма для меня несносны бываютъ... Къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву писалъ я цидулкою, спрашивая его, получилъ ли онъ письмо то, которое вы къ ему писали въ горестныхъ часахъ, ибо я его сіи дни не видалъ во дворцѣ; какой отъ него отвѣтъ получилъ, при семъ сообщаю. Приморскаго вашего двора я никакъ купить не могу, ибо и мой собственный въ пустѣ какъ опальный стоитъ, также и братъ свой бросилъ и никогда тамъ не живетъ, а довольствуется Гостилицею; что же касается до деревни, то я ему о томъ говорить буду, а лучше бы оба мы вмѣстѣ ее выторговали по благополучномъ вашемъ возвращеніи въ отечество. Что касается до пересылки писемъ вашихъ къ сестрицѣ вашей, то для меня сія коммиссія весьма пріятна, и для того извольте ихъ прислать на мое имя, а я всегда въ Москву оныя доставлять не примину.

Пишете вы, милостивый мой другъ, что вы намѣрены побольше въ одномъ мѣстѣ пожить, какъ для ученія сыну то полезнымъ почитаете, такъ и для того, что вы не любите часто мѣстъ перемѣнять, изъ чего я заключаю, что вы долго Италію не намѣрены оставить, и сколь ваши резоны ни законны, только не сходны съ намѣреніемъ тѣмъ, которое я предпріялъ съ моимъ сыномъ, то-есть чтобъ ему возвратиться будущею осенью въ отечество. Я не считаю за потерянные часы то время, которое онъ съ вами проводитъ, но хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Италію оставили; ваша склонность, чтобъ не куріерствовать, намѣреніе чтобъ

употреблять воды въ Пизѣ будущимъ лѣтомъ, великое знакомство и хорошее, которое вы въ Италіи надѣлали, представляютъ мнѣ, что вы ни въ концѣ будущаго лѣта оную не оставите, и думаю, что всю предбудущую зиму тамо прокочуете; если бы я зналъ заподлинно, когда вы съ симъ краемъ разстаться намѣрены, то бы постарался, буде возможно, соединить вояжъ сына моего съ вашимъ, а иначе прошу его отправить, если онъ лишится сего авантажу, что принужденъ будетъ отъ васъ отстать, изъ Генуи на Марсель, оттуда онъ, проѣхавъ и посмотрѣвъ меридіональныя французскія провинціи, въ Англію проберется и тамо можетъ васъ еще подождать; ибо я думаю, что и вы тотъ же путь предпріять изволите и въ Парижѣ недолго останетесь. Сіе есть мое распоряженіе въ разсужденіи моего сына, которое однакожъ подвергаю вашему благоизобрѣтенію и ожидаю на сіе вашего отвѣта какъ и на то, что я думаю пора деньги ему переслать; такимъ ли образомъ, какъ прежде, или другимъ какимъ, прошу меня увѣдомить.

Въ третьемъ письмѣ отъ 23 Генваря подъ № 3-мъ пишете вы ко мнѣ о деньгахъ, которыя вы доставили принцу Курляндскому, тысячу триста пятьдесятъ червонныхъ въ Венеціи, почему и вексель и полномочіе для принятія оныхъ прислать изволили. Я удивляюсь, что вы, имѣвъ всегда въ незабвенной памяти четыре особы, какъ-то: Сумарокова, Лефорта, князя Хованскаго и Веревкина, разсудили за благо еще пятаго къ нимъ подъ масть подтасовать. Сей дѣтина есть сущій промышленникъ, который таскается по свѣту безъ воли и удовольствія, слѣдовательно и безъ заплаты отъ отца своего, который ему не больше даетъ какъ шесть тысячъ въ годъ, что̀ учинить не съ большимъ пять тысячъ нашихъ рублей. Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его подѣлалъ, что наконецъ въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Однако, любезный мой другъ, когда вы заблагоразсудили дать мнѣ сію коммисію, чтобъ вамъ отыскать сіи деньги, то я не оставлю употребить всевозможнаго старанія, вслѣдствіе чего разсудилъ призвать Александра Ивановича Черкасова, которому вручилъ для пересылки письмо къ принцу Петру, давъ ему знать, сколько вашъ поступокъ честенъ и знатенъ въ разсужденіи сей фамиліи и что вы по справедливости для спокойствія вашего немедленно удовольствованы быть должны. Я на сіе буду ждать отвѣту и если они затрудненіе будутъ дѣлать, то я тогда черезъ министерство пойду и ежели необходимость требовать будетъ, то и самой Государынѣ внушить не оставлю и просить Е. В. о доставленіи вамъ удовольствія. Наскучилъ я вамъ долгимъ моимъ отвѣтомъ на ваши три письма, пора перестать. Прости, любезной мой антиква-

ріосъ. Если за благо разсудите и для меня какую древнюю статуйку подцѣните, то мнѣ великое удовольствіе сдѣлаетъ. Adieu.

III.

Февраля 29, 1768. С.-Петербургъ. На полученное письмо отъ сына и отъ васъ, Февраля 6 изъ Рима пущенное, симъ отвѣчаю. Приказчика вашего я сыскалъ и самъ ему письмо вручилъ въ самый тотъ день, въ который получилъ и велѣлъ ему немедленно въ тотъ же самый день въ Москву переслать, яко сіе случилось въ самый почтовый день отсюда въ Москву. Что касается до заплаты денегъ, которыя вы заняли для принца Курляндскаго, то будь, мой любезный другъ, спокоенъ: я ничего не упущу, что потребно будетъ къ доставленію вамъ оныхъ. Вѣстей у насъ новыхъ никакихъ нѣтъ, зима жестокая стоитъ, снѣгу мало, а морозовъ и много и прежестокіе, словомъ, подобно какъ бываютъ большая стужа и морозы крещенскіе, хотя завтра 1-е Марта, а у васъ уже около половины, у людей весна. Я только прошу Бога, чтобъ солнце увидѣть не льдяное, а подобное тому, которымъ вы пользуетесь, и котораго я уже мѣсяцевъ шесть не видалъ. Никита Ивановичъ Панинъ столь замерзъ зимою, что лучшаго способа не нашелъ къ согрѣтію плоти своей какъ поять себѣ жену и чрезъ то уподобиться мужьямъ постояннымъ, а не вѣтреннымъ волокитамъ. Вотъ уже видите два авантажа изъ сего послѣдующіе—теплота и постоянство, а третій есть тотъ, который многіе за собою имѣютъ, что жена будетъ предорогая, злая, постоянно хозяйка въ домѣ совершенная и притомъ и богата, словомъ она—Анна Петровна Шереметева. Сговоръ былъ вчера; благодарили объ стороны всемилостивѣйшую Государыню и говорятъ, что послѣ Свѣтлаго праздника сватьба будетъ. Прошу сказать сыну, что я здоровъ, письмо его подъ № 5-мъ получилъ, расходовъ обѣщанныхъ ожидаю и какъ я, такъ и всѣ домашніе здоровы, и сіе бы принялъ онъ за отвѣтъ на его послѣднее письмо, впрочемъ завидую вамъ, что вы, бѣгляне, пользуетесь благорастворенным воздухомъ, а я здѣсь всякій день какъ собака золъ, что ни малѣйшей оттепели на дворѣ не вижу, да и надежды къ тому нѣтъ, Ecco la cara patria! Прости, любезный мой другъ, пора тебѣ жениться, а мнѣ приказки кого сватать.

IV.

С.-Петербургъ Марта 7, 1768. Дружеское письмо ваше подъ № 20, 12 Генваря ст. ст. изъ Рима пущенное и приписанное въ сыновнемъ письмѣ, мною получено; деньги я къ сыну вскорѣ постараюсь

переслать такимъ образомъ, какъ вы совѣтуете. Прилагаю къ вамъ письмо отъ вашего здѣсь приващика; письма ваши я всегда къ нему отсылаю, а иногда прямо ихъ адресую въ Москву по ихъ надписямъ. Тому дней съ четыре, какъ у графа Ивана Григорьевича сынъ родился, и надѣятся, что онъ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Англію отправится. Поступками сына моего я очень доволенъ, онъ пишетъ часто и довольно, что́ все приписываю вашимъ напоминаніямъ; прошу ему сказать, что я письма его отъ 22 и 30 получилъ, отвѣтствовать впредь буду, а теперь нельзя; простудился тому нѣсколько дней, и докторъ не велитъ много писать. Прости, любезный мой другъ, у насъ еще по сіе время превеликая зима продолжается.

V.

Государь мой и другъ Иванъ Ивановичъ, письмо ваше подъ № 4, Февраля 2 дня, получилъ 13 Марта; и по оному главное, о чемъ васъ увѣдомить нынѣ хочу и что васъ безпокоитъ, есть обнадежить васъ поскорѣе, что деньги ваши, данныя въ займы принцу Курляндскому, не пропадутъ, ибо уже о томъ ко мнѣ отозвались; вчера баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ письмомъ, которое при семъ къ вамъ въ оригиналѣ прилагаю, и трактовалъ со мною, чтобы уплату помянутаго долгу получить серебряною здѣшнею монетою, и я, чтобъ только поскорѣе опасное ассюрировать, сказалъ, что все равно, только бы червонные уплачены были такою цѣною, какою они здѣсь ходятъ. И такъ теперь только остается мнѣ знать отъ васъ, что, когда оныя деньги получу, прикажете съ ними дѣлать. Письмо отъ сына увѣдомительное о полученіи имъ моего векселя и подлинно послѣ получилъ я, такъ, какъ вы и думали; и потому онъ не виноватъ, о чемъ отъ меня уже къ нему и писано. Что касается до того, чтобы воякъ сына моего согласить съ вашимъ, то мнѣ сіе весьма пріятно тѣмъ, что для меня неопасно, и для него весьма полезно. Хотѣлъ бы я только знать именно, въ какое вы время точно полагаете изъ Италіи выѣхать, о чемъ прошу, государь мой другъ, меня увѣдомить, какъ то уже и прежде я вамъ о семъ писалъ довольно. Есмь съ почтеніемъ и дружбою вашего превосходительства, государя моего и друга, вѣрный всегдашній слуга графъ К. Разумовскій.

VI.

1767 г. Марта 14 ст. с. Не прогнѣвайся, любезный мой другъ, что своею рукою письма не могъ написать: я тому нѣсколько дней простудился; теперь превеликій кашель, и докторъ не велитъ писать.

Прошу сказать сыну, что я его послѣднее письмо и приложенный расходъ получилъ; деньги къ нему вскорѣ пересланы будутъ, васъ же прошу его оными ссужать, пока онъ нынѣ посланныя получитъ. Письма къ нему особливаго не пишу по вышепрописанной причинѣ. Впрочемъ, прилежаніемъ его къ трудамъ и къ ученію весьма доволенъ и васъ, моего любезнаго друга, довольно возблагодарить не могу, за то, что вы вашими столь полезными совѣтами истребляете въ немъ оставшуюся дѣтскую лѣность и вкореняете съ мужествомъ прилежность къ трудамъ. Прилагаю къ вамъ струны пробы, противу которыхъ прошу хорошую провизію прислать, а при томъ и для скрипицъ разныхъ сортовъ по нѣскольку бунтовъ прибавить, которую комиссію прошу поручить сыну, ибо думаю, что онъ и самъ musicalischer Geist.

VII.

Апрѣля 1, 1768 г. С.-Петербургъ. Письмо ваше, любезнаго моего друга, отъ 16 Февраля пущенное, я получилъ исправно Марта 20 нов. шт. Вы хорошо сдѣлали, что въ Неаполь не поѣхали зимнимъ временемъ; зима вездѣ свои неудобства имѣетъ: у насъ она означивается большими громадами снѣговъ и льдовъ, а въ вашихъ мѣстахъ холодными вѣтрами и дождями, которые весьма неспособны для любопытныхъ людей въ тамошнихъ мѣстахъ. А особливо присутствіе господина Галянтона въ Неаполѣ гораздо вамъ тамошнее пребываніе пріятнымъ сдѣлаетъ, онъ человѣкъ любопытный и знающій и притомъ не лѣнивъ таскаться вездѣ и показывать свою услугу чужестраннымъ, я и самъ въ бытность мою въ Неаполѣ по его предписанію всѣ тамошнія околичности смотрѣлъ; сколь онъ ни желалъ самъ со мною вездѣ быть и показывать, но здоровье его не дозволило. Если сіе мое письмо васъ въ Неаполѣ застанетъ, прошу, любезный другъ, засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. Изъ часто получаемыхъ отъ сына писемъ и также изъ вашихъ дружескихъ увѣреній вижу, что онъ гораздо поприлежнѣе сталъ предъ прежнимъ, и весьма будучи какъ его прилежаніемъ доволенъ, такъ и вижу, что вы, любезный мой другъ, его пребываніемъ съ вами не скучаете и не обезпокоены, почитая притомъ, что онъ лучше не можетъ времени употребить, какъ находясь съ вами и пользуясь вашими дружескими совѣтами, которое къ немалому моему удовольствію вижу изъ писемъ его ко мнѣ, что онъ чувствуетъ сходными съ его пользою и принимаетъ такъ, какъ должно принимать отъ честнаго человѣка, нелестнаго друга и милостивца, и проситъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ ему сроку прибавить. И хотя мое намѣреніе было непреложное, чтобъ онъ въ будущемъ

Сентябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ, но, видя, что пребываніе ваше и расположеніе несходно съ моимъ по причинѣ предпріятаго вами употребленія теплицъ въ Пизѣ, то, желая чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ изъ Италіи выѣхалъ, сроку ему до будущей весны прибавляю, желая, чтобъ онъ будущую зиму въ Англіи вмѣстѣ съ братьями препроводилъ, которые туда вскорѣ отправлятся: васъ же прошу, милостиваго моего друга, не оставлять его вашими дружескими совѣтами, дабы онъ, сколько возможно, время свое не праздно препровождалъ, въ чемъ имѣю на васъ твердую надежду. Апропо. Въ проѣздъ мой черезъ Пизу, я заѣзжалъ къ водамъ, которыя мили двѣ или три отъ города; и оныя пробовали съ Миллеромъ и докторомъ тамошнимъ, имени котораго не упомню. По экспериментамъ нами дѣланнымъ нашли, что воды очень слабы, а докторъ глупъ, такъ что казалось намъ тогда, что не токмо человѣка, но ниже любимой собаки ему повѣрить лечить нельзя. Напротиву того есть воды недалеко отъ Сіенны, которыя гораздо сильны и славны еще были при древнихъ Римлянахъ, да и докторъ весьма мужикъ изрядный и ученый и силу водъ фундаментально знаетъ. Я, любя васъ и почитая, желаю отъ сердца, чтобы вы всякую пользу отъ употребляемыхъ водъ получили, и совѣтую, чтобъ въ проѣздъ вашъ черезъ Сіенну съ тамошнимъ лучшимъ докторомъ поговорить о вашихъ припадкахъ, о качествахъ тамошнихъ водъ, не могутъ ли онѣ вамъ годиться; также извольте о водахъ, которыя въ Пизѣ, говорить съ докторомъ герцогскимъ во Флоренціи, а на того, что въ Пизѣ, не извольте полагаться, ибо онъ великій невѣжа и чучело, сколько мы въ короткое время примѣтить могли. Деньги къ сыну я скоро пошлю, надѣясь на ваше дружеское обнадеживаніе, что ему въ оныхъ нужды не будетъ; съ пересылкою оныхъ не спѣшу, потому что курсъ здѣсь чрезвычайно низокъ по причинѣ страстной недѣли и праздника, въ которые никакихъ торговъ не дѣлается, а послѣ праздника, какъ скоро хоть немного подымутся, такъ я деньги переведу. Прилагаю письмо, которое вашъ управитель мнѣ отдалъ; оно у меня пролежало, потому что почты двѣ или три къ вамъ не писалъ. О деньгахъ, которыя вы принцу Курляндскому заняли, ничего не слышу. А на сихъ дняхъ еще, гдѣ надлежитъ, потолкаюсь. Прости, мой любезный другъ.

VIII.

Санктпетербургъ. Апрѣля 9, 1768 г.

Я не хотѣлъ пропустить, чтобъ васъ, любезнаго моего друга, не увѣдомить съ сею почтою, что деньги ваши тысячу триста червонныхъ я вчера принялъ; теперь ожидаю вашего повелѣнія, куда оныя при-

вашете перевесть или здѣсь отдать. Вексель я отдалъ и копію изъ уполномочія, а оригиналъ у себя оставилъ; и такъ ваши деньги на границѣ Курляндскомъ не пропали. Въ послѣднемъ письмѣ, подъ нумеромъ десятымъ отъ сына полученномъ мною, пишетъ онъ, также и вы изволите упоминать (*неразобрано*) французѣ Монфоръ инженеръ. Я ничего заподлинно обѣщать не могу, а ежели онъ сюда пріѣдетъ и во мнѣ явится, то не оставлю его рекомендовать, гдѣ надобно будетъ, дабы онъ могъ мѣсто сходное съ его желаніемъ и достоинствомъ въ службѣ здѣшней получить. По сей почтѣ посылаю я къ сыну векселей на три тысячи рублей; курсъ весьма низокъ, не больше какъ 44 за рубль; черезъ мѣсяцъ увѣряютъ, что оный непремѣнно подвысится, но я не хотѣлъ такъ долго дожидаться, дабы моею остановкою иногда вамъ безпокойства не навесть, а на предбудущей почтѣ повторительные векселя отправлю. У насъ время настало сырое, дурное и холодное, рѣка еще льдомъ покрылася, и думаю, что дней десятокъ простоитъ, хотя уже караулы поставлены и черезъ рѣку не пропускаютъ никого. Пребываю съ непремѣнною дружбою и преданностію.

IX.

Санктпетербургъ, 1768 г. Апрѣля, 11-го дня.

Прилагаю къ вамъ повторительные векселя, вслѣдствіе тѣхъ, которые я отправилъ къ сыну на прошедшей почтѣ, которые прошу ему вручить и сказать, что я и домашніе всѣ здоровы. У насъ теперь время весьма настало мокрое и дурное, рѣка еще не вскрылась, земля распускается, я сейчасъ ѣду на дежурство, а завтра Е. В. изволитъ ѣхать въ Сарское село обѣдать, куда и слуга вашъ слѣдуетъ, убѣгая дурного городского воздуха; тамо пробудемъ до двадцать второго сего мѣсяца и, отправя праздникъ рожденія Е. В., возвратимся въ городъ для слушанія оперы Эфигеніи Авторидъ во вкусѣ французскомъ, а музыка Буранельлева; прямо ли она похожа будетъ на французскую, впредь вамъ отпишу. Другъ вашъ Иванъ Перфильевичъ лежитъ боленъ въ подагрѣ; больше къ вамъ, любезному моему другу, съ сею почтою ничего писать не имѣю; и такъ, желая вамъ всякаго удовольствія купно и съ моимъ юношею, остаюсь съ непремѣннымъ почтеніемъ и искреннею дружбою.

1771 годъ былъ годомъ скорбнымъ для семейства Разумовскихъ. Уже давно хворалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ уже не вставалъ съ постели. Сумароковъ, узнавъ о болѣзни своего бывшаго начальника, поспѣшилъ въ Петербургъ. Онъ засталъ старика очень плохимъ. Алексѣй Григорьевичъ со слезами

Любимца царскаго здѣсь тѣнь оплакиваетъ.
Со именемъ его и прахъ не сотлѣваетъ;
Но если бъ и сотлѣлъ и мельче пепла былъ,
То и тогда-бъ сей прахъ для всѣхъ безцѣнныхъ слылъ.
На мѣстѣ семъ лежитъ, быть мнится, добродѣтель,
Елизаветинскихъ щедротъ, всѣхъ дѣлъ свидѣтель.
Монархиня сама ему вѣнцы плела,
Рукой своей безсмертья въ храмъ ввела" [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти графа Алексѣя Григорьевича, Іюля 22-го того же 1771 года, скончалась, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста, графиня Екатерина Ивановна Разумовская.

Хотя бракъ Разумовскихъ благословенъ былъ многочадіемъ,—у нихъ было шесть сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ одна только дочь, графиня Дарья Кириловна, скончалась въ малолѣтствѣ,—однако между ними не было, особенно въ послѣдніе годы, примѣрнаго согласія. Эксъ-гетманъ былъ страстный поклонникъ прекраснаго пола, а графиня весьма затрудняла воспитаніе дѣтей (die Mama, sagte man mache gute Erziehung schwer [2]). Тѣмъ неменѣе, какъ свидѣтельствуетъ Казадаевъ, графиня Екатерина Ивановна была вѣрная супруга, попечительная мать, добрая родственница и кроткая госпожа въ домѣ [3]).

И графъ Алексѣй Григорьевичъ и графиня Екатерина Ивановна похоронены въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви. Сохранилось семейное преданіе, будто при гробѣ эксъ-гетманши дежурили камергеры и придворныя дамы, по причинѣ родства ея съ покойной Государыней, которой она приходилась, какъ сказано выше, внучатною сестрою. Графъ Кирила Григорьевичъ надъ могилами брата и жены воздвигъ великолѣпный мраморный памятникъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ съ слѣдующею эпитафіею: „Здѣсь погребены тѣла въ Бозѣ усопшихъ: рабы Божіей графини Катерины Ивановны Разумовской, урожденной Нарышкиной, двора Е. И. В. Императрицы Всероссійской дѣйствительной штатсъ-дамы, ордена святыя Екатерины кавалера, родившейся 1729 году Мая 11-го дня [1]), скончавшейся въ Санктпетербургѣ 1771 года Іюля 22 дня, жившей 42 года 2 мѣсяца и 12 дней, и раба Божія Римскаго и Россійскаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Россійскихъ войскъ генерала-фельдмаршала, оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, перваго камергера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника, орденовъ Россійскихъ святого апостола Андрея, святого Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и святыя Анны кавалера, родившагося 1709

[1]) Сочиненія Н. Струйскаго, т. I, стр. 9.
[2]) Aug. Lud. Schlözers öffentliches und Privatleben, 119.
[3]) Неизданный рукописный словарь Казадаева.

года Марта 17-го дня, скончавшагося въ Санктпетербургѣ 1771 года Іюля 6-го дня, жившаго 62 года 4 мѣсяца и 19 дней. Сей монументъ сооруженъ въ знакъ супружеской и братской любви и незабвенной памяти генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ Кириломъ Разумовскимъ 1779 года".

ГЛАВА XII.

Вдовство.—Жизнь въ Петербургѣ и въ Малороссіи.

Вскорѣ послѣ смерти графини Екатерины Ивановны, въ домъ Кирилы Григорьевича переселилась племянница его, графиня Софья Осиповна Апраксина, дочь Анны Григорьевны Закревской. О сестрѣ ея Маринѣ Осиповнѣ Нарышкиной мы упомянули выше, сама же Софья Осиповна была въ замужствѣ за графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ. Умная и хитрая, она была въ то же самое время властолюбива, завистлива, жадна къ деньгамъ и скупа до крайности. Разумѣется, всѣ свои недостатки она умѣла скрывать. Съ виду суровый, особенно въ кругу домашнихъ, которые его всѣ нѣсколько побаивались, и упрямый какъ истый хохолъ, графъ Кирила Григорьевичъ на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ крайне благодушный, съ мягкимъ сердцемъ, довольно слабо-характерный и имъ при нѣкоторой ловкости не трудно было управлять. Это на дѣлѣ доказалъ Г. Н. Тепловъ и это давно подмѣтила хитрая Апраксина. Со дня вступленія своего въ домъ Разумовскаго она стала забирать непримѣтно власть въ руки, вскорѣ сдѣлалась въ немъ полною хозяйкою и пріобрѣла надолго такое вліяніе, которое уже ничто до конца жизни графа не могло пошатнуть. Понятно, что появленіе Апраксиной въ отцовскомъ домѣ было крайне не по сердцу дѣтямъ Кирилы Григорьевича, тѣмъ болѣе, что по поводу роли, разыгрываемой ею въ семьѣ Разумовскихъ, стали ходить по городу самые обидные слухи. Старшія дочери графа: Наталья и Елизавета Кириловны, были уже давно фрейлинами; послѣ смерти матери взяты были ко двору и двѣ меньшія, графини Анна и Прасковья. Наталья и Анна Кириловны вскорѣ вышли замужъ, первая за Николая Александровича Загряжскаго, а вторая—за брата тогдашняго любимца Екатерины, Василія Семеновича Васильчикова. Въ 1775 году любимая дочь Кирилы Григорьевича, графиня Елизавета, бѣжала изъ дворца съ графомъ Петромъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ, своякомъ графини Софьи Осиповны, человѣкомъ пользовавшимся весьма плохою

репутаціею и къ тому же уже женатымъ. Поведеніе дочери сильно огорчило отца и онъ прервалъ съ нею всякія сношенія. Говорятъ, что раздраженный отецъ явился къ Государынѣ, и возвратилъ ей фрейлинскій шифръ дочери, объявляя, что дочь его уже не достойна носить пожалованный Императрицею знакъ отличія. Однако, благодаря вмѣшательству Екатерины, дѣло было улажено, бракъ узаконенъ, и Кирила Григорьевичъ простилъ своей провинившейся любимицѣ. Черезъ годъ послѣ бѣгства сестры, выдана была за Ивана Васильевича Гудовича и младшая дочь эксъ-гетмана, графиня Прасковья. Бракъ этотъ состоялся нѣсколько противъ воли невѣсты, вслѣдствіе происковъ Софіи Осиповны, отмѣнно благоволившей къ брату жениха, Михаилу Васильевичу Гудовичу. Изъ пяти сыновей графа, трое уже были взрослые. Старшаго, графа Алексѣя Кириловича, отецъ женилъ въ 1774 на первой, въ тогдашнее время, по богатству и знатности русской невѣстѣ, графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой; второй противъ воли всего семейства женился на вдовѣ, Софьѣ Степановнѣ Чарторыжской, рожденной Ушаковой; младшіе были подъ руководствомъ гувернеровъ отправлены за границу. Опасаясь вмѣшательства дѣтей въ домашнія дѣла Кирилы Григорьевича, графиня Апраксина всячески старалась отдалять ихъ отъ отца. Она отчасти достигла своей цѣли. Дѣти, а особенно дочери, нѣжно любившія родителя, страдали отъ этого отдаленія и стали въ открыто-враждебныя отношенія къ Апраксиной. Разумѣется, это еще болѣе раздражило противъ нихъ Софью Осиповну, и она съ своей стороны всячески старалась возбуждать противъ нихъ Кирилу Григорьевича. „Изъ всѣхъ семейныхъ исторій“, писала Наталья Кириловна къ брату Андрею въ Вѣну отъ 29 декабря 1777 г., „самая крупная это исторія Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватаетъ духа говорить объ ней. Скажу только то, что̀ дастъ тебѣ понятіе о томъ, на какомъ счету у насъ теперь добродѣтель. Никогда женщина эта не была наглѣе, безстыднѣе и въ болѣе открытыхъ отношеніяхъ кое къ кому, и никогда ее лучше не принимали, болѣе не ласкали, усерднѣе за нею не ухаживали. Корсаковъ приглашаетъ ее на свои концерты, куда обыкновенно зовутъ только самыхъ приближенныхъ. Она бываетъ на маленькихъ балахъ у Государыни, и вскорѣ, я въ этомъ убѣждена, будетъ постоянно приглашаема ко двору. Напрасно ищешь всему этому причины—развѣ аналогія вкусовъ. Каждый разъ, когда подумаю объ этой женщинѣ, мнѣ приходятъ на умъ стихи изъ Федры:

„Dieux qui la connoissez,
Est-ce donc la vertu que Vous recompensez!“

Одинъ только, любимецъ отца, графъ Андрей Кириловичъ, подчасъ заискивавшій у всемогущей двоюродной сестры своей, съумѣлъ остаться съ Кирилою Григорьевичемъ въ прежнихъ, самыхъ короткихъ отношеніяхъ.

Графъ Кирила Григорьевичъ за женою взялъ громадное приданое, отъ брата онъ получилъ огромное наслѣдство, отъ императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины ему были дарованы знатныя маетности въ Малороссіи. Все это, взятое вмѣстѣ, поставило его на ряду съ первыми русскими богачами. Едва ли, кромѣ графа Шереметева, кто-либо могъ съ нимъ теперь соперничать. Однако долгая жизнь при дворѣ, вдали отъ имѣній, разстроила это громадное состояніе. Тѣмъ не менѣе, среди двора и развлеченій петербургской жизни, Разумовскій заботился о благосостояніи крестьянъ своихъ и даже, что рѣдко можно было встрѣтить въ прошломъ столѣтіи, интересовался вопросами, касавшимися до отношеній крѣпостныхъ къ помѣщику. Слѣды этого попеченія встрѣчаемъ въ слѣдующемъ коллективномъ письмѣ къ Кириллѣ Григорьевичу: Штелина, Нартова и Эйлера:

Подъ Высочайшемъ Е. И. В. покровительствомъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества его сіятельству г-ну генералъ-фельдмаршалу, Е. И. В. генералъ-адъютанту, сенатору, дѣйствительному камергеру, Академіи Наукъ президенту, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику, разныхъ орденовъ кавалеру и онаго общества члену, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому. За рѣшеніе задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло ваше сіятельство изволили обѣщать въ награжденіе 35 червонныхъ, а какъ въ числѣ присланныхъ пьесъ нашлась одна такая, которая по довольномъ разсматриваніи комитетомъ признана во всемъ соотвѣтствующею оной задачѣ, потому Вольное Экономическое Общество сочинителю помянутой пьесы господину пастору Гросману принудило выдать обѣщанное награжденіе и за должное почло вашему сіятельству сообщить о томъ письменно во извѣстіе, прося при томъ, чтобы ваше сіятельство благоволили оныя деньги 35 червонныхъ прислать въ собраніе Вольнаго Экономическаго Общества для выдачи обѣщаннаго награжденія помянутому пастору Гросману, яко рѣшителю вышеозначенной задачи. I. фонъ-Штелинъ, Андрей Нартовъ, L. Euler. Ноября 30 дня, 1776 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ нѣсколько поневолѣ продолжалъ жить въ Петербургѣ, проводя лѣто то въ Гостилицахъ, то на Знаменкѣ, которую онъ впослѣдствіи продалъ графу Андрею Петровичу Шувалову; изрѣдка онъ ѣздилъ въ Москву и посѣщалъ свои тамошнія подмосковныя: Петровское, Троицкое и Поливаново. Въ Малороссію его Екатерина не отпускала; воспоминаніе о династическихъ замыслахъ экъ-гетмана въ умѣ

ея еще не вполнѣ изгладилось. Не имѣя возможности посѣщать пожизненныя свои маетности, Разумовскій въ 1772 году поручилъ управленіе ими старшему сыну своему Алексѣю. Между отцомъ и сыномъ, жившимъ въ Москвѣ, установилась дѣятельная переписка. Мы помѣщаемъ здѣсь письма графа Алексѣя Кириловича, прямо относящіяся до хозяйственныхъ вопросовъ; остальная часть переписки этой найдетъ себѣ мѣсто въ біографіи старшаго сына гетмана.

I.

Москва, Марта 21 д. 1773 г.

Послѣ долгаго и безпокойнаго цѣлую недѣлю продолжавшагося путешествія, наконецъ прибыли мы въ Москву 18-го числа. Хотя и долгъ мой былъ въ тотъ самый день увѣдомить васъ о пріѣздѣ нашемъ, но разборы съ дороги и нѣкоторые визиты къ намъ не допустили меня оный исполнить. Приношу теперь, м. г. батюшка, вамъ нижайшія мои поздравленія съ прошедшимъ днемъ вашего тезоименитства и притомъ отъ искренняго сердца все то желаю, что можетъ желать благодарный сынъ такому отцу, котораго паче всего любитъ и почитаетъ. Вчерашняго дня Наталья Кириловна (Загряжская) на нѣсколько дней уѣхала къ Александру Артемьевичу [1]) въ деревню, а я до сихъ поръ не выѣзжалъ еще ни къ кому, ибо послѣ дороги у меня столь опухли ноги, что никакимъ образомъ мнѣ не возможно было одѣться. Однако завтрашняго дня надѣюсь выѣхать. Дороги къ Украйнѣ, говорятъ, что уже столь попорчены, что саньми ѣхать не возможно, а притомъ и рѣки не безъ опасности, и я для того долженъ буду ожидать здѣсь лѣтняго пути, что меня задержитъ въ Москвѣ я думаю по-крайней-мѣрѣ недѣли три. Василій Сидоровичъ [2]) сказывалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ всякій день резолюціи отъ васъ, на просьбу его объ отрѣшеніи отъ здѣшней экономіи. Однако ежели смѣю представить вамъ, м. г. батюшка, что здѣшнія деревенскія дѣла повидимому не въ лучшемъ порядкѣ находятся и притомъ въ оныхъ столь много управляющихъ, что ежели оные поручите человѣку, не совсѣмъ извѣстной честности, то онѣ въ совершенный безпорядокъ пріидутъ, а теперь хотя я почитаю Василія Сидоровича и не за самаго искуснѣйшаго эконома, но столь долгая его свычка съ оными

---

[1]) Александръ Артемьевичъ, ген.-поручикъ, † 1786. Жилъ въ имѣніи своемъ Знаменское-Каріанъ, Загрячина тожъ, въ 35 верстахъ отъ Тамбова, по астраханской дорогѣ; тамъ и похороненъ. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ графу П. С. Строганову.

[2]) Управляющій.

и притомъ короткое его знаніе всѣхъ ему подчиненныхъ, еще не допускаютъ здѣшнія дѣла дойти до той степени безпорядка.

Въ вотчинахъ вашихъ здѣсь содержится охота псарная не малая, и какъ Василій Сидоровичъ самъ признается, что оной содержаніе не мало стоитъ: не дозволите, м. г., перевесть оную въ Украйну, гдѣ, конечно, содержаніе сравнить не можно съ здѣшнимъ и притомъ и я буду оною пользоваться нынѣшнимъ лѣтомъ.

II.

Москва, Апрѣля 22 д. 1773 г.

Послѣ послѣдняго моего письма, которое надѣюсь, что уже дошло съ г. Друковцовымъ, я не имѣлъ чести писать къ вамъ, потому что случилось, что я дважды въ почтовые дни былъ за городомъ, изъ которыхъ единожды у Петра Борисовича [1]) въ Кусковѣ, гдѣ мы ѣздили съ собаками цѣлый день. Разговаривая про тамошнія мѣста съ нимъ, онъ мнѣ сказывалъ, что отъ Перовской земли сажень съ 40, ни къ чему не употребляемыя, подошли къ его саду и, будучи весьма ему нужны по плану его, онъ далъ коммиссію Павлу Сергѣевичу Потемкину [2]) объ оныхъ поговорить съ вами въ Петербургѣ, не сомнѣваясь, что вы какъ-нибудь не изволите согласиться, оныя ему уступить или на другое промѣнять, на что и я ему обѣщалъ къ вамъ писать. Я думаю, м. г. батюшка, что сіе мѣсто ни къ чему не нужно, а его конечно весьма онымъ одолжите. Ѣздилъ я также въ Троицкое, гдѣ нашелъ довольно порядку, однако при томъ, ежели смѣю представить вамъ свое мнѣніе, мнѣ кажется, что оный заводъ весьма не экономическій и не полезный здѣсь имѣть. Троицкое село съ принадлежащими къ оному мѣстами составляетъ слишкомъ 600 душъ, которыя всѣ употреблены къ заводу; оный прибыли большой не приноситъ и долженъ упадать, потому что по бо́льшей части лошади мелки становятся и штутмейстеръ [3]) въ ономъ Крупицкій не очень знающій человѣкъ, а ежелибъ оный съ прочими соединить въ Украинѣ, то здѣшніе мужики для перваго случая конечно бы одного оброка дали тысячи двѣ и больше, къ которой суммѣ ежели причесть содержаніе, то, конечно, съ заводу никогда оной не придетъ. Все сіе я почелъ за долгъ мой вамъ представить. Архитектора Баженова до сихъ поръ видѣть я не могъ и для того ничего о модели еще не могу донесть.

---

[1]) Шереметева.

[2]) Впослѣдствіи графъ, ген.-аншефъ, † 1796.

[3]) Смотритель коннаго завода.

На сихъ дняхъ сбираюсь я съѣздить въ Поливаново, а по возвращеніи оттуда скоро отправлюсь въ Украйну. Что касается до невѣсты, оный проектъ уже надобно будетъ отложить до пріѣзда моего изъ Украйны, потому что одно съ другимъ согласиться не можетъ.

III.

Москва, Апрѣля 5 д. 1774 г.

Письмо ваше черезъ Яновскаго имѣлъ я честь получить вчерашняго числа и планъ, вами апробованный, видѣлъ. Представленіе мое вамъ въ Петербургѣ состояло въ томъ, чтобы, спасая отъ гнитья остатки столь великаго и чрезъ мѣру пространнаго дома [1]), собрать изъ онаго спокойнѣе и удобнѣе домъ на лучшемъ по соизволенію вашему мѣстѣ, который бы исподоволь можно было поставить и привести въ состояніе, а, напротивъ того, починка столь обширнаго строенія, каковъ онъ теперь есть, и какой намѣреніе взяли его сдѣлать, великія затрудненія и разстройку сдѣлаетъ во всей вашей экономіи Малороссійской, потому что какъ крышку, такъ и почти всѣ стѣны, полы и печи доведется дѣлать новые; сумма на то потребна не малая; а изволите знать, что денегъ у насъ нѣтъ ни полушки, что уже принуждены были входить въ долгъ, и съ нуждою находить занять для уплаты Владиславичу; что ни лѣса ни никакого къ строенію нужнаго матеріала въ Батуринѣ нѣтъ; что подданные требуютъ вспоможенія и поправленія своего собственнаго, слѣдовательно, и не въ состояніи нынѣшній годъ быть употреблены ни въ какую, сему подобную работу. Гофштейнъ же, который долженъ теперь почти день и ночь трудиться въ поправленіи Стародубскихъ вашихъ деревень и въ изысканіи надъ оными дѣланнаго мошенничества, долженъ будетъ вмѣсто того оставить все то, что бы онъ сдѣлалъ въ вашу пользу, и обратить всѣ свои труды и старанія къ строеніямъ. Въ заключеніе всего, милостивый государь батюшка, я никакъ себя не вижу посему въ состояніи ни одного пункта моего выполнить, и всѣ хорошія и полезныя намѣренія и представленія мои вамъ о поправленіи вашихъ деревень и приведеніи въ хорошее состояніе оныхъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ и порядочныхъ доходовъ, все сіе я уже не въ состояніи исправить и отвѣтствовать ни за что не могу. Вы вѣдать изволите, что представленіе мое состояло въ томъ, чтобы издержекъ, кромѣ самыхъ полезныхъ для экономіи, не дѣлать, доходы оставлять, никакихъ къ уплатѣ долговъ не ассигновать; а за то обязался я всякій годъ снаб-

[1]) Домъ въ Батуринѣ.

дить домъ вашъ провизіей, 50,000 деньгами пересылать въ Петербургъ и въ нѣсколько лѣтъ поправить состояніе подданныхъ, привести въ порядокъ всю экономію и пріобрѣсти изрядный капиталъ, который по прошествіи того времени употребить бы изволили по вашему благоразсмотрѣнію. Напротивъ того, во-первыхъ, принуждена была тамошняя экономія заплатить слишкомъ 20,000, которые ассигновать тамъ изволили. Сія уплата привела въ немалыя затрудненія экономію и пріостановила пополненіе всѣхъ полезныхъ предпріятій; въ такомъ положеніи, когда еще взяться теперь за такія строенія, то уже способа никакого я не нахожу къ исполненію мною вамъ представленнаго, а напротивъ того, инаго не предвижу, какъ дальнее разореніе подданныхъ и безпорядокъ во всей экономіи.

Притомъ дозвольте мнѣ, милостивый государь батюшка, представить вамъ мои мысли, которыя единственно происходятъ отъ любви и усердія моего къ вамъ, конечно оное сверхъ еще долга сыновняго больше всѣхъ постороннихъ меня къ вамъ привязываютъ и къ интересамъ вашимъ, а потому, конечно, никто больше и участія не пріемлетъ, какъ въ благополучіи и удовольствіи вашемъ, такъ и въ противномъ. Для того пользу вашу и благосостояніе я почитаю такъ, какъ свое собственное. Долги и разстройство вашихъ интересовъ меня столько же смущаютъ, какъ васъ самихъ, и сердечно бы всѣ свои силы употребилъ къ избавленію васъ отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, но со всѣмъ тѣмъ, милостивый государь, дозвольте мнѣ представить, что я почитаю, что отъѣздъ вашъ въ Малороссію никакъ не есть способъ къ тому. Проживать вы немногимъ меньше тамъ будете, какъ и въ Петербургѣ, а особливо въ первый годъ, въ который должно будетъ перевозить и заготавливать изъ Петербурга туда всю провизію для погреба, стола и прочаго, не считая, во что станетъ переѣздъ вашъ со всѣмъ домомъ, не считая двойныхъ расходовъ, которые должны имѣть въ Малороссіи для себя, а въ Петербургѣ для содержанія братцевъ и оставшихся людей, домовъ и прочаго, не считая многихъ еще другихъ причинъ, которыми васъ здѣсь не утруждаю, а думаю, милостивый государь батюшка, что, не трогаясь съ мѣста, можно бы съ хорошимъ правленіемъ деревень и дома вашего въ нѣсколько лѣтъ и долги заплатить, и привести все въ лучшій порядокъ и васъ лишить всѣхъ безпокойствъ, въ семъ я увѣренъ и конечно-бы взялся оное доказать, ежели-бы только изволили твердое намѣреніе принять, удостоить меня своею довѣренностію и послѣдовать моимъ представленіямъ, ни отъ кого другихъ не принимая. Но какъ бы то ни было, наконецъ остается въ волѣ вашей. Теперь я Яновскаго отправлю, а ждать буду послѣдней вашей резолюціи. Разницы сіе только

сдѣлаетъ двѣ недѣли, а какъ скоро получу повелѣніе ваше, то съ нарочнымъ тотчасъ дамъ знать Гофштейну.

Притомъ, милостивый государь батюшка, приму смѣлость напомнить вамъ, что будучи въ Петербургѣ представлялъ вамъ о необходимости послать на нѣсколько времени въ Малороссію Червинскаго, на что вы изволили согласиться и обѣщать его къ веснѣ туда отправить; но до сихъ поръ я о томъ никакого извѣстія не имѣлъ, хотя уже и время бы ему теперь тамъ быть на мѣстѣ и заготавливаться всѣмъ къ положенному ему тамъ упражненію. Не выполня сего, никакимъ образомъ приступить невозможно къ установленію порядка въ вашей экономіи, ни къ пріобрѣтенію никакихъ новыхъ доходовъ, кромѣ того, что лишитесь удовольствія видѣть всегда предъ глазами положеніе и состояніе своего имѣнія и потому способность къ заведенію или прибавленію чего-нибудь новаго и полезнаго. Напротивъ того, теперь можно сказать, что не только вы, но и самъ Гофштейнъ, который управляетъ оными, не знаетъ и знать не можетъ точно и подробно прямое состояніе такого пространнаго владѣнія, отъ чего и рождаются безпорядки, ссоры, процессы и проч.

Письмо ваше князю Михаилу Никитичу [1]) я самъ вручу и постараюсь его уговорить, такъ какъ изволите приказывать, чтобы пообождалъ, пока сыщутся занять тѣ деньги, а стараться буду оныя какъ возможно скорѣе найти.

О каретѣ Брюссельской я ничего не писалъ, потому что въ томъ повелѣнія вашего не было, а приказывать изволили только вычинить ее и исправить къ пріѣзду Петра Кириловича, что все и сдѣлано; палатку также съ того времени дѣлаютъ, которая скоро уже и готова будетъ..." [2])

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Прежнія впечатлѣнія теряли свою силу. Вслѣдъ за дѣломъ Мировича стали сглаживаться въ памяти Екатерины и воспоминанія о династическихъ бреднихъ эксъ-гетмана. При дворѣ появилось новое свѣтило, блескъ котораго вполнѣ затмилъ прежнее сіяніе Орлова. Значеніе талантливаго Потемкина росло не по днямъ, а по часамъ. Чуждый придворнымъ интригамъ, Разумовскій довольно равнодушно смотрѣлъ на паденіе враждебнаго ему Орлова, и не принялъ участія въ краткомъ случаѣ Васильчикова, съ которымъ однако пришлось ему породниться, такъ какъ Государыня сосватала третью дочь Кирилы Григорьевича за брата своего новаго любимца. Но самобытный складъ блестящаго ума, широкіе виды, жажда къ дѣятельности, которыми очаровалъ Потемкинъ Госу-

[1]) Волконскому.

[2]) Изъ архива автора.

дарынею, пришлись по сердцу и Разумовскому. Онъ сблизился съ новымъ генералъ-адъютантомъ, и покуда оставался при дворѣ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Уже давно тянуло Кирилу Григорьевича въ Малороссію. Ему хотѣлось подышать роднымъ воздухомъ; болѣе 11 лѣтъ держали его вдали отъ любимыхъ имъ степей. Къ тому же, надо было привести дѣла въ надлежащій порядокъ и расплатиться съ долгами. Вдали отъ зоркихъ глазъ его хозяйство шло весьма плохо. Управленіемъ старшаго сына онъ былъ крайне недоволенъ. Другіе сыновья его сорили деньгами и безпрестанно докучали отцу безразсудными требованіями денегъ. Огромныя Малороссійскія маетности давали плохіе доходы. Сосѣди, пользуясь отсутствіемъ Разумовскаго, стали заводить процессы, до которыхъ Малороссы были большіе охотники и оспаривать права его на владѣніе тою или другою мѣстностію. Благодаря неясности владѣльныхъ актовъ и смутнымъ понятіямъ о границахъ и правахъ на владѣніе землею и крестьянами, такіе процессы было очень легко заводить. Такъ, въ 1760 году графъ Кирила Григорьевичъ купилъ у Василія Танскаго мѣстечко Яготинъ; ближніе сосѣди стали оспаривать послѣ пятнадцати лѣтъ права Разумовскаго на посполитые Яготинскіе дворы и доказывать, что онъ ими завладѣлъ самовольно: Все это требовало неотлагательнаго присутствія Разумовскаго въ Малороссіи. Не обращая вниманія на совѣты старшаго сына, онъ воспользовался дружбою къ нему Потемкина, чтобы при первой возможности подать просьбу объ отпускѣ. Въ 1775 дворъ отправился на цѣлый годъ въ Москву для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Разумовскій сопутствовалъ Государынѣ и съ нею вмѣстѣ совершилъ пѣшій походъ къ Троицѣ. Сейчасъ же послѣ похода, онъ черезъ Потемкина подалъ слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

Всемилостивѣйшая Государыня. Припадки, случающіеся въ здоровіи моемъ, требуютъ по совѣту докторскому того, чтобъ я на нѣкоторое время климатъ перемѣнилъ и употребилъ безпрерывное движеніе, которое средство они почитаютъ наилучшимъ для меня лекарствомъ; но притомъ и упавшіе по заочности и отдаленному правленію доходы мои, такъ какъ и всей экономіи худыя обстоятельства, понуждаютъ меня самого необходимо всѣ деревни мои осмотрѣть и привести въ лучшее состояніе какимъ-нибудь распорядкомъ. Сего ради дерзаю, всемилостивѣйшая Государыня, симъ всеподданнѣйше просить объ увольненіи меня на два года въ мои деревни, съ тѣмъ, чтобъ изъ высочайшей ко мнѣ милости по чину моему штатъ мой и все прочее, что я получаю, при мнѣ сохранены остались. В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій [1]).

[1]) Изъ Государственнаго архива.

Невольно приходятъ на умъ при чтеніи этого прошенія просьбы, писанныя изъ Глухова тѣмъ же Разумовскимъ 20 лѣтъ назадъ. Тогда молодому царедворцу вреденъ былъ климатъ Малороссіи, и онъ для поправленія здоровья просился въ Петербургъ. Много утекло съ тѣхъ поръ воды и возмужалый фельдмаршалъ жаждалъ надышаться воздухомъ родной Украины.

Столь давно желаемое дозволеніе было наконецъ даровано. Передъ отъѣздомъ Кирила Григорьевичъ рѣшился для уплаты долговъ раздѣлаться съ ненужными ему Петербургскими домами. Потемкинъ обѣщалъ ему, что Аничковъ домъ купитъ казна, на Цесаревинъ дворъ онъ также искалъ покупщика. За собою оставлялъ онъ свои обширныя палаты на Мойкѣ. Кромѣ того, онъ рѣшился пожертвовать и однимъ изъ пожалованныхъ ему Екатериною имѣній, но не зналъ которое продать, Быковскую ли волость или Гадяцкій замокъ съ ключемъ. Изъ Петербурга подробно писалъ къ отцу о дѣлахъ графъ Алексѣй Кириловичъ.

Спб. 9-го Апрѣля, 1777.

Милостивый государь-батюшка!

Письмо ваше отъ 8-го Марта имѣлъ я честь получить. Плану Цесаревинскаго дома я при Ламотѣ никогда не видалъ и не зналъ, что вы приказывали подѣлать; а изъ Москвы я давалъ коммисію Мартинелли, чтобы, съ Ламотомъ посовѣтуясь, сдѣлали бы планъ, который и сдѣланъ за нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе края. Что касается до дома покойной канцлерши, я оный осматривалъ, но въ цѣнѣ мы согласиться не могли; и такъ я думаю, что принужденъ буду со временемъ искать нанять домъ, что́ весьма нелегко найти, и дорого здѣсь.

Андрея Осиповича [1]) весьма рѣдко я вижу, потому что онъ безпрестанно въ Академіи, и съ Васильевскаго острова почти не съѣзжаетъ, а теперь рѣка опасна, и видѣться трудно съ островскими жителями; а какъ скоро его увижу, то буду говорить ему о намѣреніи вашемъ, чтобы Григорій Кириловичъ жилъ здѣсь; однако я ничего не успѣю тутъ учредить, понеже получилъ дозволеніе ѣхать изъ Петербурга, какъ скоро изъ Москвы пріѣдетъ Николай Петровичъ [2]), котораго ожидаютъ на сихъ дняхъ. Притомъ не изволите-ли о томъ и къ маіору Олсуфьеву прежде написать, дабы онъ не почелъ оное за знакъ вашего неудовольствія.

Прилагаю при семъ двѣ челобитныя объ отдачѣ Гадяцкой и Быковской волости. Жураховскій сказывалъ, что вы изволили приказы-

---

[1]) Закревскаго.

[2]) Шереметевъ.

вать ему въ Батуринѣ, чтобы онъ здѣсь, сообразуясь съ обстоятельствами, подалъ бы изъ оныхъ которую сочтетъ полезнѣйшую. Но его мнѣніе, что онѣ обѣ не полезны и для того я, услышавъ его доказательства, разсудилъ лучше ихъ обратно отправить къ вамъ и ожидать на то послѣдней вашей резолюціи. Время къ подачѣ не уйдетъ, если въ томъ намѣреніи оставаться изволите, а маленькая ошибка въ формѣ можетъ со временемъ родить великія хлопоты. Во-первыхъ, въ челобитной написано, что замокъ Гадяцкой пожалованъ вамъ со всѣмъ его уѣздомъ; а замокъ Гадяцкій имѣетъ свой собственный уѣздъ; сверхъ того, принадлежатъ къ оному многіе другіе города, которые также имѣютъ свои уѣзды: слѣдовательно, по челобитной меньше вы просите, нежели вамъ принадлежитъ. Сверхъ того, сей пунктъ противорѣчитъ тому, что прошлаго года вы изволили доказать въ сенатѣ по дѣлу селъ Котлякова и Севастіановича, что въ Малороссіи уѣздовъ нѣтъ. Потомъ написано, что по сіе время оныя волости законнымъ порядкомъ вамъ не отданы, отъ чего и грамоты не получаете: а оную же грамоту, когда въ Москвѣ былъ дворъ, то изволите помнить, что сенатъ опредѣлилъ дать и заготовить формуляръ, который и сдѣланъ: грамота не дана единственно для того, что въ оному формулярѣ не внесены были нѣкоторыя нужныя слова, о чемъ одномъ теперь сенатъ трактуетъ. Итакъ, если изволите Гадячъ и Быковъ, по примѣру графа Румянцева, получить, то надлежитъ челобитную сдѣлать точно съ того, какъ въ жалованномъ указѣ написано; а о грамотѣ, и другаго ничего не упоминать; дабы оная грамота дана была съ желаемою пользою и дабы сенатъ не счелъ себѣ въ обиду, что, сказавъ въ опредѣленіи своемъ, что онъ имѣетъ право дать вамъ грамоту, теперь въ челобитной сказано, что еще не имѣете права оной получить.

Притомъ Жураховскій доказываетъ, и мнѣ кажется, что справедливо, что комиссія отдаточная, какой вы просите, не основана на законахъ и правахъ, почему и дѣла ея непрочны. Графъ Румянцевъ спокойно владѣетъ своимъ имѣніемъ, потому что никто не смѣетъ его безпокоить, пока онъ останется главнымъ въ Малороссіи: но со временемъ или онъ или наслѣдники его почувствуютъ слѣдствія оной отдачи. А если изволите, чтобы оная отдача учинена была прямо на основаніи законовъ, слѣдовательно осталась бы безпорочна, то надлежитъ съ трехъ сторонъ, т.-е. со стороны Государевой, съ вашей и со стороны сосѣдей разночинцевъ, опредѣлить по три человѣка комиссаровъ, кои власть имѣютъ оную учинить по законамъ, что гораздо надежнѣе, прочнѣе и притомъ не терпитъ никакого препятствія. Если изволите на то согласиться, то и челобитной никакой не надобно: сенатъ безъ того опредѣлитъ тѣхъ комиссаровъ. Оное все

зависитъ отъ вашего благоразсмотрѣнія, и что̀ изволите положить, по тому и поступать станутъ; только Жураховскій проситъ, чтобы безъ замедленія о томъ изволили прислать свою резолюцію, потому что скоро послѣ праздника надлежало бы и вступить въ дѣло. Для лучшаго о семъ вниманія велѣлъ я ему сдѣлать выписку изъ правъ Малороссійскихъ о комиссіяхъ, которую здѣсь прилагаю; и если изволите просмотрѣть оную, то и справедливость Жураховскаго представленія увидѣть изволите. Онъ далъ мнѣ также экстрактъ сочиненный со всего дѣла по замку Гадяцкому, имѣющемуся въ сенатѣ, съ коего обстоятельно видѣть можно все то, что̀ принадлежало и что̀ принадлежитъ теперь къ замку и чѣмъ вы дѣйствительно владѣете. Какъ онаго у васъ нѣтъ, а можетъ быть иногда изволите о чемъ справиться, то при семъ также посылаю. Съ Шкуропадскимъ дѣло такъ, какъ сказывалъ мнѣ Жураховскій, худую беретъ дорогу; оное Кузьмину поручено для разсмотрѣнія по законамъ. Тому нѣсколько времени, какъ я спрашивалъ у него объ ономъ дѣлѣ; но, удаляясь отъ разговора, онъ мнѣ сказалъ только, что ему велѣно справиться по законамъ, и что когда что̀ сдѣлано будетъ, то онъ меня увѣдомитъ: а мнѣ кажется, что я отъ него ничего не свѣдаю, и что онъ нарочно мѣшкаетъ, потому что знаетъ, что я ѣду въ Москву. Кузьминъ же въ сенатѣ и законахъ Малороссійскихъ ничего не понимаетъ, а управляемъ Безбородкою, который всячески старается помочь Шкуропадскому, съ коимъ онъ очень часто здѣсь бываетъ. Къ Теплову нѣсколько разъ ходилъ Жураховскій, но онъ, не знаю для чего, не хочетъ ни во что мѣшаться; и почти выгналъ его отъ себя, сказавъ, что онъ жалованья отъ графа не получаетъ, чтобы быть его стряпчимъ. Елагинъ перешелъ въ другой департаментъ, и потому также въ ваши дѣла теперь уже не входитъ; а къ Кузьмину приступа никакого нѣтъ, и Жураховскій, который сочинилъ выписку изъ законовъ по сему дѣлу для подачи ему, никакъ того исполнить не могъ; оную я велѣлъ также списать, и при семъ прилагаю. Можетъ быть, нужда случится когда въ оной для справокъ.

Нѣкоторые Англичане здѣсь дѣлаютъ мнѣ пропозицію взять на аренду Знаменскую мызу, и хотятъ весьма выгодныя кондиціи сдѣлать: мнѣ кажется, что оно было бы весьма авантажно для Знаменскаго, потому что они удобрятъ всѣ земли и будутъ содержать въ порядкѣ, но такъ какъ они меньше не хотятъ брать, какъ лѣтъ на 8 или на 10, то я не могъ съ ними ничего заключить безъ вашего дозволенія, что̀ имъ объявилъ и обѣщалъ къ вамъ писать. Если дозволите, то всепокорно прошу о томъ мнѣ дать знать, дабы съ ними заключить контрактъ прежде лѣта [1]).

[1]) Изъ архива автора.

Разумовскій былъ уже въ Батуринѣ въ началѣ 1776 года. Онъ нашелъ въ Малороссіи огромную перемѣну. Тамъ былъ новый властитель и ему приходилось разыгрывать уже не первую роль. Многіе изъ тѣхъ, которые за десять лѣтъ передъ описываемымъ нами временемъ униженно .передъ нимъ изгибались, теперь не ломали передъ нимъ шапокъ и заводили вздорные процессы. Главнымъ истцомъ противъ него былъ теперь Скоропадскій, скакавшій нѣкогда по гетманскому повелѣнію въ Петербургъ съ извѣстіемъ о рожденіи у Разумовскаго третьяго сына. Съ новымъ правителемъ Малороссіи графомъ П. А. Румянцевымъ отношенія графа Кирѝлы Григорьевича были натянуты, и вначалѣ его пребыванія въ Батуринѣ почти враждебны. Два секретаря перваго, Завадовскій и Безбородко, вышедшіе послѣ Кайнарджійскаго мира въ люди и игравшіе ужъ видную роль при дворѣ, стали на сторонѣ противниковъ эксъ-гетмана. Особенно былъ ему враждебенъ талантливый Безбородко, въ которомъ Скоропадскій нашелъ себѣ покровителя и ходатая. Въ письмахъ къ графу А. Р. Воронцову, Безбородко съ явнымъ пристрастіемъ нападаетъ на Разумовскаго и, подъ вліяніемъ Скоропадскаго, крайне рѣзко говоритъ о дѣйствіяхъ Кирилы Григорьевича, о его будто бы грабежахъ и несправедливыхъ захватахъ [1]). Если бы попреки, возводимые Безбородко на Разумовскаго, были справедливы, они отозвались бы на общественномъ мнѣніи въ Малороссіи и молва о гетманѣ дошла бы до позднѣйшихъ поколѣній далеко не въ томъ привлекательномъ видѣ, въ какомъ она на самомъ дѣлѣ долгое время держалась на Украйнѣ. Пишущему сіи строки самому въ дѣтствѣ не разъ приходилось слышать отъ старожиловъ Быковской волости, что отцы и дѣды ихъ, зажиточные казаки, добровольно шли въ кабалу къ доброму и честному Разумовскому, чтобы избавиться отъ притѣсненій сосѣдней Малороссійской шляхты. Въ спорныхъ дѣлахъ своихъ Разумовскій обращался за защитою къ пріятелю своему князю Потемкину. Въ то время при послѣднемъ находился правителемъ его канцеляріи Михаилъ Васильевичъ Ковалинскій. Этотъ Ковалинскій, родомъ Малороссъ и другъ извѣстнаго Сковроды, въ 1774 году вернулся изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ четвертымъ сыномъ Разумовскаго графомъ Львомъ Кириловичемъ. Графъ Кирила Григорьевичъ остался очень доволенъ попеченіями Ковалинскаго и пристроилъ его къ новому генералъ-адъютанту. Со времени полученія отпуска между Ковалинскимъ и графомъ завязалась дѣятельная переписка. Въ письмахъ своихъ Разумовскій говоритъ о житьѣ своемъ въ Малороссіи и о причиняемыхъ ему обидахъ. Вообще въ это время графъ Кирила Григорьевичъ былъ въ грустномъ настроеніи духа.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII. 186—190.

Кромѣ хозяйственныхъ невзгодъ его еще внезапно поразило, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Малороссію, извѣстіе о кончинѣ Великой Княгини Наталіи Алексѣевны и о нежданной опалѣ любимаго сына, графа Андрея Кириловича. Помѣщаемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ письма Разумовскаго къ Ковалинскому.

I.

(Москва, начало 1776 года).

Читая письмо ваше къ Софьѣ Осиповнѣ [1]) весьма мнѣ лестно было видѣть дружескіе отзывы обо мнѣ шефа вашего, а особливо въ разсужденіе дѣла ябедническаго съ Шкура (Скоропадскимъ), которое есть для меня великою занозою. Безмѣрно меня удивило то, что Румя(нцевъ) тутъ *помутилъ*. Я никогда не сомнѣвался, что сей человѣкъ меня не любитъ для того, что онъ ни друзей, ни ближнихъ своихъ не можетъ любить, но злости въ немъ противу меня не полагалъ, даже до такого градуса, что не устыдился быть поборникомъ въ такомъ ябедническомъ и гнусномъ дѣлѣ, каково есть Скуропадс(каго)! Возможно ли такъ далеко простирать свою злобу, чтобъ забыть, что онъ благовоспитанный дворянинъ, что такой же чинъ имѣетъ и что такой же точно помѣщикъ, какъ и тотъ, кого онъ гонитъ и старается затмить правосудіе и сотворить участникомъ злости и ненависти своего перваго по Бозѣ судію, а съ другой стороны дать ябедникамъ поводъ въ Малороссіи поступать съ первыми въ государствѣ чинами, какъ съ гайдамаками и готовить яму, въ которую самъ перво всѣхъ ввержень будетъ. О, несказанное ослѣпленіе сего человѣка! Господь да будетъ ему судья, а я о заблужденіи его сожалѣю. Теперь тебя, друга моего, прилежнѣйше прошу, скажи мое глубочайшее признаніе графу [2]), скажи, что я не въ состояніи изъяснить того словами, что сердце мое чувствуетъ. Попроси его отъ меня и напоминай почаще, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ одолженіе и привелъ бы сіе поганое дѣло къ концу пока его Румя(нцевъ) еще вовсе не скозлилъ (sic), который живетъ, какъ слышно, здѣсь въ Подмосковной и ожидаетъ курьера съ С.-Петербурга, дабы по тому направить свои стези.

II.

Батуринъ. Марта 25-го, 1776.

Вручитель сего флигель-адъютантъ мой Жураховскій, посланъ отъ меня въ С.-Петербургъ по имѣющимся моимъ дѣламъ въ сенатѣ имѣть

---

[1]) Графинѣ Апраксиной.

[2]) Потемкину.

хожденіе. Я вамъ его въ дружбу вашу рекомендую, какъ дѣтину добраго, права здѣшнія хорошо свѣдущаго и человѣка честнаго. Хотя мой другъ графъ Григорій Александровичъ и полны карманы мнѣ обѣщаній насулилъ, но руки пусты: домъ не купленъ, взаймы денегъ не слыхать чтобы давали и дѣло Скоропадскаго не рѣшено. Сей ябедникъ уже хвасталъ здѣсь публично, что Е. И. В. дѣло его со мною рѣшить изволила въ его пользу, о чемъ въ проѣздъ мой черезъ Глуховъ многіе съ удивленіемъ у меня спрашивали, да и то правда, что онъ весьма надеженъ на двухъ новыхъ секретарей [1]), которые ему великіе покровители и друзья. Убѣждай, пожалуй, графа, чтобы онъ употребилъ свое стараніе, чтобы сіе дѣло было кончено, яко такое, которое во всѣхъ судахъ уже оправдано. А то молодцы новые сломаютъ и сдѣлаютъ мнѣ образу (sic), а Царицѣ нанесутъ порицаніе въ публикѣ.

Вѣдомостей здѣшнихъ никакихъ нѣтъ. Я пріѣхалъ сюда 25 прошлаго мѣсяца, нашелъ прекрасную весну, потому недѣли съ двѣ, какъ сдѣлался воздухъ студеный, а дней съ пять какъ нападалъ снѣгъ и воды позамерзали и сдѣлалась наша весна настоящею зимою.

Прошу, другъ мой, увѣдомлять меня, что у васъ дѣлается, а особливо, какъ въ заводчикѣ [2]), ибо мы здѣсь въ весьма пустомъ мѣстѣ живемъ и ничего не знаемъ.

III.

Батуринъ. 24-го Мая 1776.

Благодарю васъ за письмо и за сообщеніе вѣдомостей отъ 28-го Апрѣля ко мнѣ пущенное изъ Царскаго Села. Правда ваша, что Аничковскій мой домъ на рукахъ остается. Но только бы та и бѣда была, но то хуже, что и адвокатъ мой, сынъ Андрей погибъ, да и тотъ кто обѣщалъ пособлять не въ такомъ состояніи, какого ему моя всегдашняя дружба и преданность желаетъ. Но что дѣлать, когда судьба такова. Здѣсь слухъ пронесся съ Москвы, что вашъ шефъ зачалъ будто бы съ грусти спивать. Я сему не вѣрю и крѣпко спорю, ибо я лучшую крѣпость духа ему приписываю, нежели сію. Прошу по вѣрной оказіи меня увѣдомлять, что въ домѣ Давидовѣ происходитъ. Въ заключеніе прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и поклонъ князю Григорію Александровичу. Нашъ правитель отсюда уѣхалъ, будучи позванъ отъ самой Государыни; какъ принятъ, куда употребленъ будетъ, прошу меня увѣдомлять. Здѣсь молва носится будто онъ сюда

---

[1]) Завадовскій и Безбородко.

[2]) Намекъ на случай Завадовскаго.

не будетъ больше, что зависѣть будетъ много оттого, какъ ему у васъ повезетъ.

Если свѣдаешь причину за что мой юноша страждетъ, дай мнѣ при оказіи знать, ибо я никакъ понять не могу, какая его вина.

Карандашемъ и другою рукою:

Андрею Ос. писалъ, но онъ, по обыкновенію, ничего не знаетъ. Аще можно, да мимо идетъ чаша, да пусть отвратитъ кому вся возможна. Когда же могли, то старались, какъ можно болѣе добра сдѣлать.

IV.

Яготинъ. 23 Іюля 1776 года.

Письмо ваше отъ 15 прошедшаго мѣсяца я сего 22 получилъ. Благодарствую за сообщенныя въ ономъ вѣдомости. Желаю отъ сердца, чтобы апостольскія слова: „бѣды внутрѣ, бѣды внѣ“ перемѣнились во псаломниковы: „мы же возстахомъ и исправихомся“. Я вижу, что твой князь нашелъ въ Катеринѣ Алексѣевнѣ Синя. [1]) новаго Орфея, но приближающійся Марсіасъ въ лицѣ князя Ник. Вас. Репнина не попортилъ бы ихъ гармоніи по прежнимъ крѣпостямъ. Онъ теперь подъ Кіевомъ въ карантинѣ, и скоро вашихъ предѣловъ достигнетъ. Сыну моему Андрею велѣно жить у меня въ Малороссіи. Я о семъ письмо отъ Царицы получилъ, которому кажется уже и быть здѣсь должно, но еще не бывалъ. Иванъ Перфи. Елаги(нъ) писалъ ко мнѣ, что домъ мой Аничковскій купленъ за 80,000 рублей. Правда, что за безцѣнокъ, но что дѣлать, когда никто и полушки дать не захотѣлъ, а мнѣ деньги нужны и долги тяготятъ. Прошу писать по оказіямъ, что у васъ дѣлается, а особливо какъ Завад(овскій)? Здѣсь слухъ носится, что онъ великъ зѣло, зѣло. Будьте увѣрены, что мнѣ письма ваши весьма пріятны.

Другою рукою карандашемъ:

Какъ собирателю рукописей посылаю вамъ подлинныя письма Царскія: Петра 32, Алексія 5, Екатерины 8, Анны 1, которыми графъ Петръ Бор. Шереметевъ и другіе дарили.

V.

Батуринъ. Генваря 11-го, 1777.

Письмо ваше отъ 1-го сего мѣсяца получилъ да и передъ симъ, которыя вы ко мнѣ писали до меня исправно дошли. За всѣ васъ

[1]) Екатерина Алексѣевна Синявина, дочь адмирала Алексѣя Наумовича. Она вышла замужъ за графа Семена Романовича Воронцова.

искренно благодарю, такъ какъ и за поздравленія меня съ новымъ годомъ и за всѣ ваши пріятельскія желанія, въ письмѣ вашемъ выраженныя, о которыхъ я увѣренъ, что они отъ добраго сердца происходятъ. Я и васъ съ симъ начавшимся новымъ годомъ поздравляю, желаю отъ сердца всякаго удовольствія, совершеннаго здоровія, чиновъ и богатства; для сихъ послѣднихъ надобно, чтобы на пана вашего свѣтилъ лучъ не прошлогодній, но позапрошлогодній, чего усерднѣйше желаю. Слава Богу, юноша мой попалъ въ мѣсто злачное, въ мѣсто прохладное, и такое, какого кажется, по моему вкусу, лучше не можетъ быть на свѣтѣ семъ, въ которомъ онъ не будетъ ни такого суроваго климата имѣть ни такого холоднаго воздуха глотать, какимъ естество насъ здѣсь потчиваетъ [1]). Задунайскій у васъ боленъ, а мы его сюда давно ожидаемъ, такъ какъ здѣсь слухъ пронесся будто онъ хотѣлъ послѣ праздника сюда быть.

VI.

Батуринъ. Генваря 23-го, 1777.

Посылаю письмо къ князю Григорію Александровичу, которое прошу васъ ему вручить и просить скорой резолюціи. Я не сомнѣваюсь, что она будетъ и полезна, понеже требованіе губернской канцеляріи есть несправедливое и незаконное, какъ усмотрите изъ приложеннаго экстракта. Боюсь я, чтобы мнѣ еще не довелось трудить моего благодѣтеля, князя Григорія Александровича, ибо г. губернаторъ Чертковъ кажется мнѣ или корыстолюбивъ, или весьма не внимаетъ, понеже на отзывы мои къ нему самъ не отвѣчаетъ, а канцелярія его мнѣ нелѣпые отвѣты пишетъ по его велѣнію и даетъ протекцію людямъ, бѣжавшимъ изъ моей службы и подданства. Я, сколько возможность будетъ, стану отъѣдаться отъ сего бѣса полуденнаго самъ, не утруждая вашего шефа, но въ противномъ случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ его оборонѣ.

VII.

Батуринъ. Октября 16-го 1777.

Когда ужъ я думалъ, что васъ или въ С.-Петербургѣ нѣтъ, или вы про меня забыли, тогда въ самое то время получилъ ваши два пріятныя письма, за которыя симъ вамъ и благодарю. По сей оказіи

---

[1]) Говорится о назначеніи графа Андрея Кириловича министромъ въ Неаполь.

пишу я князю Григорію Александровичу, чтобы исходатайствовалъ мнѣ продолженія моего срока отпуску до будущаго лѣта. Пожалуй напоминай ему, дабы иногда за дворскими суетами не запомнилъ (sic) просьбы отдаленнаго. Также и о Скоропадскаго дѣлѣ не на кого иного, какъ на Бога и на него надежду имѣю. Напоминай ему, да не посмѣются врази наши надъ нами, но съ пророкомъ скажемъ: мы же возстахомъ, исправихомся.

VIII.

Батуринъ, Ноября 9-го 1777.

Письмо ваше отъ 7-го Октября имѣлъ удовольствіе получить. Гадячане оболгаху меня туне передъ г. Зоричемъ, будто я деревни у нихъ поограбливалъ. Жаль, что сіи клеветники, принося свою жалобу, не ознаменуютъ ни лѣтъ, ни примѣтъ, почему тотъ, кому они клевещутъ, можетъ подумать, что я, живучи теперь въ Малороссіи, симъ мастерствомъ упражняюсь. А таковые отборы были учинены, по бытности моей гетманомъ, имѣній Государевыхъ беззаконно и воровски похищенныхъ, не имѣя никогда того въ виду, чтобы такія имѣнія могли быть моими. Посему они, не имѣвъ никакихъ законныхъ доказательствъ, молчали про таковые отборы и молчали бы вѣчно, но когда, по щедротамъ высочайшимъ, пожалованы сіи имѣнія мнѣ и должно стало отдачу учинить, при которой слѣдуетъ еще у неправильно владѣющихъ у государства похищеннаго имѣнія возвратить, то въ отвращеніе могущихъ быть такихъ слѣдствій, а паче въ затемнѣніе справедливости, ябедники приступили съ крикомъ, чтобы отдачи не только не чинить, чтобы ни у кого ничего не отбирать, но чтобы прежде отобранные судомъ гетманскимъ возвратить и вѣдаться бы мнѣ со всякимъ особливо судомъ, который всякому вору есть какъ во спасеніе и для отвѣчанія котораго ни моей, ни дѣтей моихъ жизни не станетъ. И вотъ въ чемъ вся задача состоитъ. Могъ бы я вамъ сказать, каковы по дикому и непросвѣщенному здѣшнихъ жителей воспитанію и неблагодарности дѣлаются теперь въ присутствіи моемъ досады. Постыжусь про оныя говорить, вѣдая, что никто вѣрить не можетъ, что отъ такихъ малыхъ людей такія дерзости дѣлаться могли. Благодаря васъ за сдѣланныя вами заступленія оклеветанному моему имени передъ г. Зоричемъ, остаюсь и пр.

PS. Полковникъ Пламенецъ проѣхалъ въ Галичь, у меня не бывалъ, видно, что его ябедники наточили [1])

[1]) Архивъ графа А. С. Уварова.

Во время пребыванія графа Кирилы Григорьевича въ Батуринѣ, къ нему пріѣзжалъ опальный сынъ его Андрей Кириловичъ вмѣстѣ съ сестрою Наталіею Кириловною. Судьба сына, занимавшаго уже видное мѣсто при дворѣ, сильно озабочивала Разумовскаго. Государыня собственноручно объяснила ему суть дѣла и причины своего гнѣва на зазнавшагося юношу. Назначеніе Андрея Кириловича министромъ въ Неаполь успокоило огорченнаго отца. Въ концѣ 1778 года, графъ Кирила Григорьевичъ покинулъ Малороссію и поѣхалъ въ Москву. Здѣсь оставался онъ нѣсколько времени и здѣсь примирился, благодаря усиліямъ графа Румянцева, съ дочерью своею Апраксиною. Какъ видно, между правителемъ Малороссіи и экъ-гетманомъ уже существовало въ то время полное согласіе. „Mon père est à Moscou“ писала брату Андрею изъ Петербурга Наталья Кириловна, отъ 26-го августа 1778 года, „et on l'attend ici. Vous savez ou vous ne savez pas que j'ai été obligée de déménager de la maison de mon père, qui se trouve trop petite à présent, tandis qu'autrefois elle était assez grande pour nous tous. C'est un trait de ma cousine [1]), je la reconnais à ces traits. Михайло Власьевичъ [2]) a été obligé de déloger aussi ainsi que Софья Ефимовна [3]) et il ne reste dans la maison que mon père, ma cousine et mes deux frères [4]) . . . . Je suis fâchée que tout cela ait fait jaser sur le compte de mon père et lui a fait tort dans l'esprit de tous les gens qui pensent. Cette maudite femme ne nous quittera-t-elle jamais? Elle vient d'être cause de la mort du pauvre Червинскій, qui s'est tué parcequ'elle l'a mis mal dans l'esprit de mon père et qu'elle voulait encore lui faire perdre l'espérance d'être jamais avancé.... Il ne lui manquait que cette petite horreur pour achever de la rendre tout à fait interessante . . . . Je suis curieuse, добавляла она, de savoir comment le Grand Duc recevera mon père, car, depuis votre départ, il n'a je crois pas dit un mot à qui que ce soit de la famille“ [5]).

Въ концѣ Августа Разумовскій вернулся въ Петербургъ и на другой же день явился въ Царское Село, гдѣ его нетерпѣливо ожидали. „Mon père est très bien aux deux cours“, доносила брату Наталья Кириловна, „surtout à la grande. On a été très impatient de le voir et jusqu'à présent l'accueil qu'on lui fait justifie cette impatience“. Но за то дочь крайне недовольна была отношеніями отца къ Потемкину, хотя сама была съ нимъ въ большой дружбѣ. Ей казалось, что графъ Кирила Григорьевичъ слишкомъ за Потемкинымъ ухаживалъ,

[1]) Графиня С. О. Апраксина.
[2]) Будлянскій.
[3]) Дараганъ.
[4]) Графы Григорій и Иванъ Кириловичи.
[5]) Изъ архива князя Разумовскаго.

а главное ее возмущало доброе согласіе между княземъ Григоріемъ Александровичемъ и графинею Софіею Осиповною. „Potemkine est l'ami de ma cousine et n'est guère celui de mon père", писала она брату, „car de tout ce qu'il lui a demandé il n'a jamais rien obtenu, comme par exemple que mon frère Alexis soit employé à Moscou. C'est lui qui a tout gâté. Après cela que mon frère Léon soit fait adjudant (sic) il le refuse. Il ne peut seulement pas obtenir depuis trois mois, que mon frère Grégoire soit fait adjudant chez mon père. Je ne conçois non plus mon père, pourquoi ne pas en parler lui même à l'Impératrice, qui le distingue beaucoup et auprès de laquelle il a tant de droits. En vérité je souffre quand je vois si peu de fiérté. Comment faire la cour à ce vilain aveugle et pourquoi? [1]).

Въ Петербургѣ Разумовскій оставался недолго. Онъ сдалъ домъ свой на Мойкѣ графу Браницкому, который въ немъ принималъ Екатерину [2]), а бывшій Цесаревнинъ дворецъ, находившійся на Милліонной и Красной улицахъ, близъ дома князя Грузинскаго, продалъ за 25,000 рублей И. И. Бецкому для воспитательнаго дома, котораго числился почетнымъ благотворителемъ [3]). Въ 1781 году онъ уже снова былъ въ Малороссіи и снова зачалъ дѣятельную переписку съ Ковалинскимъ.

Вотъ его письма.

I.

Батуринъ, Марта 16-го 1781.

Письмо ваше отъ 24-го прошедшаго мѣсяца получилъ. Узнавъ изъ онаго о намѣреніи двора быть въ Москву въ 83-мъ году, оставилъ намѣреніе возвращаться самъ наступающимъ лѣтомъ въ Петербургъ. Васъ же, благодаря за увѣдомленіе, яко для моего здоровья и съ домашними моими обстоятельствами весьма соединенное и полезное, прошу свидѣтельствовать мою благодарность князю Григорію Александровичу за пріемлемое въ томъ дружеское участіе, а притомъ и представьте ему мою просьбу, чтобъ исходатайствовалъ отъ Е. И. В. высочайшее дозволеніе о продолженіи моего здѣсь пребыванія. Теперь же переставъ заботиться о поворотѣ моемъ къ вамъ, симъ лѣтомъ стану помышлять о поѣздѣ моемъ въ Новороссійскую губернію, для обозрѣнія тамъ отведенныхъ мнѣ земель и буде не встрѣтятся какія либо непредвидѣнныя препоны, то и направлю стези мои въ Херсонъ

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Сборникъ Им. Истор. Общества IX. 113—114.

[3]) „Русская Старина", 1875, 154 и 361.

для обозрѣнія сего мѣста. Сей вояжъ хочется мнѣ сдѣлать въ Маѣ мѣсяцѣ, ибо далѣе говорятъ, что станетъ жарко, а потому и безпокойно. Благодарю васъ какъ за присылку календарей, такъ и за сообщеніе вѣдомостей, которыми прошу и впредь меня почаще снабдѣвать (sic) въ письмахъ вашихъ.

Сейчасъ, когда печатать зачалъ письма мои въ Петербургъ, получилъ по почтѣ письмо ваше отъ 28-го Февраля и приложенный военный новонапечатанный списокъ, за которые вамъ мою благодарность симъ свидѣтельствую.

II.

Мая 4-го 1782 г. Батуринъ.

Отъ Марта мѣсяца, котораго числа не подписано, отъ Апрѣля 7 и 12-го письма ваши получилъ. Благодаря васъ за оныя, благодарю и за сообщеніе мнѣ двухъ книжечекъ, которыя дѣйствительно любопытныя и для царей одного съ нимъ исповѣданія хороши, а для папы весьма дурны. Но пора ему роги сломать. Довольно сей попъ въ прошедшія времена передъ царями карачился. Относительно до продажи села моего Поливанова было время, что оное помышлялъ продать по причинѣ, что упутался было въ долги какъ медвѣдь въ сѣти, но о цѣнѣ мы съ оберъ-камергеромъ не сошлись. Между тѣмъ продалъ дома въ Петербургѣ и нѣсколько деревень здѣсь и посбылъ знатную часть долговъ, меня угнетающихъ. Теперь же я не только оной продавать не намѣренъ, но слыша, что князь Григорій Александровичъ купилъ неподалеку Голицынскія Дубровицы, то таковое для меня пріятное сосѣдство умножаетъ больше къ сему селу привязанность, ибо я воображаю, что со временемъ наскучатъ пышность, роскошь и суета, свойственныя резиденціямъ, удалимся въ сіи мѣста, въ тишинѣ и въ безмолвіи, отложше ветхаго человѣка и подобно въ новаго облещемся и тако поживемъ. Прошу васъ продолжить вашу мнѣ переписку. Сообщайте мнѣ вѣдомости, каковыя случатся и подобныя книжечки, если попадутся.

Другою рукою, вѣроятно графини С. О. Апраксиной:

И я вамъ кланяюсь. Рада, что Поливаново не продается и я сама оную деревню очень люблю. Возьми съ него обои къ спальной, которые онъ обѣщалъ и вели обить мою комнату. Я тебѣ буду благодарна. Прощай.

III.

Возвратясь изъ Херсонскаго края 13-го числа сего мѣсяца, письмо ваше отъ 26-го Мая я получилъ и какъ за содержащееся въ немъ

увѣдомленіе съ новостями, происходимыми въ обитаемомъ вами городѣ, такъ и за приложенный притомъ новый уставъ полиціи, искренно благодарю. Жаль токмо, что оный не въ переплетѣ до меня дошелъ. По необходимости былъ онъ въ рукахъ здѣшнихъ переплетчиковъ, кои безобразнымъ своимъ переплетомъ и облекли его въ видъ акаѳиста. Прошу одолжать меня и впредь доставленіемъ сему подобныхъ и другихъ, кои признаете достойными любопытства, новостей. Сіе во всякое время сочту знакомъ вашей ко мнѣ искренней пріязни, но не забывайте притомъ и жалобы моей на здѣшнихъ переплетчиковъ. Въ сдѣланномъ мною въ Херсонъ вояжѣ я ощущалъ особливое удовольствіе, ибо неточію въ путешествіи семъ не имѣлъ никакого безпокойства, но зрѣніе мое безпрестанно занималось пріятнымъ удивленіемъ, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, гдѣ въ недавнемъ времени едва кое-гдѣ разсѣянныя обрѣтаемы были ничего не значущія избушки, называемыя отъ бывшихъ Запорожцевъ зимовниками, на сей, говорю, пустошѣ особливо по Херсонскому пути, начиная отъ самаго Кременчуга, нашелъ я довольныя селенія верстахъ въ 20, въ 25, и не далѣе 30, бо́льшею же частью при обильныхъ водахъ. Что принадлежитъ до самаго Херсона, то, кромѣ извѣстнаго великолѣпнаго Днѣпра, сѣверный берегъ котораго здѣсь онымъ населяется, представьте себѣ множество всякій часъ умножающихся каменныхъ зданій, крѣпость, замыкающую въ себѣ цитадель и лучшія строенія, адмиралтейство съ строющимися и построенными уже кораблями, обширное предмѣстье, обитаемое купечествомъ и мѣщанами разнородными съ одной стороны; казармы, около 10,000 военнослужащихъ въ себѣ вмѣщающихъ, съ другой. Присовокупите къ сему почти передъ самымъ предмѣстіемъ и видопріятный островъ съ карантинными строеніями, съ Греческими купеческими кораблями и съ проводимыми для выгодъ сихъ судовъ каналами. Все сіе вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вамъ скажу, что я и понынѣ не могу выдти изъ недоумѣнія о толь скоромъ возращеніи онаго на мѣстѣ, гдѣ такъ внедавне одинъ токмо обрѣтался зимовникъ. Не говорю уже о томъ, что сей городъ, конечно, въ скорости процвѣтетъ богатствомъ и коммерціею, сколь то видѣть можно изъ завиднаго начала оной. Климатъ онаго есть также обстоятельство благое. Вы пишите, что и 26 Мая лѣта у васъ еще не начиналось, а я въ сіе время, будучи тамъ, терпѣлъ сильный жаръ, который всегда однако для меня сноснѣе, нежели Финская вредоносная стужи буйность. Херсонъ для меня столь показался пріятенъ, что я взялъ въ немъ и мѣсто для постройки дома, на случай, хоть быть тамъ нѣкогда и согражданиномъ. Скажу вамъ и то, что не одинъ сей городъ занималъ мое удивленіе. Новые и весьма невдавне также основанные города: Никополь, Новый-Кон-

дакъ, лѣпоустроенный Екатеринославль. Къ тому же присовокупить должно расчищенные и къ судоходству удобными сдѣланные Ненаситицкіе пороги съ проведеннымъ и проводимымъ при нихъ съ невѣроятнымъ успѣхомъ каналомъ, равно достойны всякаго вниманія разума человѣческаго, паче же достойны безсмертной славы великія Екатерины, премудрымъ своимъ проницаніемъ о грядущемъ блаженствѣ Россіи устроивающей столь дивная и чудная и съ толикимъ преуспѣяніемъ. Все сіе заслуживаетъ человѣческое любопытство, которое, чудясь великости дѣлъ нашей Монархини, не менѣе всегда дивится и прозорливому ея избранію сорачителей мудрыхъ ея намѣреній, плоды подвиговъ которыхъ зрѣютъ благоуспѣшно. Изъ всего того заключить можете о всемъ удовольствіи, которое испыталъ я надъ упованіе мое (sic) въ семъ путешествіи. Симъ оканчиваю.

Іюня 22-го дня 1782 года, Батуринъ.

PS. Князь вашъ съ одной стороны охотникъ деревни продавать и покупать, съ другой стороны пронесся здѣсь слухъ, что ему полюбилась деревня графа Петра Александровича Румянцева въ Переяславскомъ бывшемъ полку Городище, которую онъ намѣренъ, говорятъ, купить для племянницы своей, Александры Васильевны графини Браницкой. Не знаю, сойдутся ли они торгомъ съ графомъ или нѣтъ. Но если князю въ сихъ мѣстахъ имѣніе надобно, то я ему продамъ волость Яготинскую, въ томъ же мѣстѣ, на той же рѣкѣ, Супой называемой, такая же ситуація, словомъ можно пріѣхать и жить съ людьми и большимъ домомъ, какъ я и жилъ. О семъ извольте князю доложить и если ему угодно, то подробная опись пришлется.

IV.

Яготинъ, Сентября 15-го, 1781.

Письма ваши получилъ. Радуюсь, что вы опять на старое мѣсто къ князю попали. Касательно, чтобъ вамъ прожить нѣкоторое время въ домѣ моемъ, я весьма тому согласенъ, но какъ я оный уступилъ теперь е. с. князю вашему для сватьбы племянницы его, то и не знаю за симъ не только вновь какихъ жителей возможно-ль будетъ помѣстить, но и живущихъ тамо дѣтей моихъ уповаю потѣснить надобно будетъ. Однако-жъ вы можете о семъ говорить съ Андреемъ Осиповичемъ Закревскимъ, къ которому я обо всемъ пишу относительномъ по дому.

Сей куріеръ могъ дня три прежде отъ меня отправленъ быть, но онъ доходилъ въ Переяславлѣ сысканія его бѣднаго имущества и

прогонныхъ денегъ, которое ограблено было на дорогѣ; охота конная Кіевскаго полку офицерами. Сіи люди здѣсь имѣютъ по доходящимъ до меня слухамъ ту же славу, что Павлинцы около Петербурга, хотя и полковники кажется степенные и нѣмцы, да всѣ говорятъ: о се намъ лихо!—по мѣстамъ, гдѣ они квартируютъ.

Въ томъ же году Разумовскій писалъ къ сыну изъ Яготина:

„Уже всѣ мои письма запечатаны были, и куріеръ, котораго я въ С.-Петербургъ отправлялъ, совсѣмъ отпущенъ, только что еще не ускакалъ, въ то самое время прислали мнѣ изъ Батуринскаго дома письма, по почтѣ полученныя, между которыми и отъ тебя письмо, пущенное изъ Портичи, подъ № 5 отъ 29 Мая, получилъ, изъ котораго увидѣлъ, что письмо мое отъ 13 прошедшаго Марта нанесло тебѣ великую непріятность и воздвигло тебя на тонъ Родрика. Я весьма тому радъ, видя изъ сего чувствительное твое сердце, что весьма свойственно благовоспитанному человѣку. Желаю, чтобы сія чувствительность всегда въ сердцѣ твоемъ пребывала, то она будетъ служить преградою всякимъ непріятностямъ, могущимъ встрѣтиться въ теченіи жизни твоей. Я отъ сердца желаю, чтобы ты мнѣ впредь не подалъ никакого случая къ неудовольствію, какъ ты и обѣщаешь. Можешь быть увѣренъ, что и я во всякихъ случаяхъ отдамъ тебѣ должную справедливость. На сихъ дняхъ получилъ я отъ Ея Величества на прошеніе мое собственноручное письмо, которымъ всемилостивѣйше дозволяется мнѣ остаться здѣсь для поправленія моего здоровія до будущаго лѣта. Итакъ, я въ сіе мѣсто заѣхалъ теперь со всѣмъ домомъ, а въ Батуринѣ на зиму домъ конопатятъ, которому весьма сіе нужно по его ветхости. Касательно до капельмейстера, Лау мой свой терминъ кончилъ, наступалъ какъ бѣшеный, чтобъ ему данъ былъ абшитъ, который, какъ скоро получилъ, то и пришелъ въ раскаяніе и оказалъ желаніе продолжать у меня службу, сколько мнѣ угодно, почему я его на годъ и принялъ, считая отъ прошедшаго Мая мѣсяца, слѣдовательно, въ пріисканіи такого человѣка спѣшить нѣтъ нужды, однакожъ изъ виду вовсе терять не надобно. Я и самъ знаю, что таковаго сорту людей надобно искать въ Нѣмецкой землѣ, но не знаю къ кому туда адресоваться, авось не попадется ли какое нибудь животное въ вашихъ предѣлахъ, такое, какое мы ищемъ“ [1]).

Отъ 17-го Ноября того же года Кирила Григорьевичъ писалъ къ Андрею Кириловичу уже изъ Батурина:

„Подъ № 7 отъ 28-го Августа, письмо твое получилъ. Правда, что давно мы другъ другу писемъ не писали; слѣдовательно и не полу-

---

[1]) Изъ архива, кн. Андрея Кир. Разумовскаго. Оттуда же и всѣ остальныя письма графа Кирилла Григорьевича.

ии, но того и взыскивать нельзя по отдаленности мѣстъ, въ кото-
ъ мы теперь живемъ, и по кочующей жизни, которую я въ лѣт-
время въ сихъ мѣстахъ веду. Не удивляюсь я, что васъ жары
покоили въ Неаполѣ, когда и здѣсь мы нѣсколько оными, мѣсяца
, безпокоены были и которыя и мнѣ были гораздо чувствительны
ому, который и по лѣтамъ и по сложенію любитъ теплый климатъ,
которымъ гоняясь, лишаюсь резиденціи, вмѣсто оной водворяюсь
степяхъ и нерѣдко кочую въ палаткахъ или кибиткахъ. Знатнѣй-
путешественники ИИ. ВВ. Великій Князь и Великая Княгиня
ись проѣхали [1]) и 15 Октября выѣхали изъ Кіева, изъ Малой Рос-
и отечества. Въ бытность ихъ въ семъ городѣ оказали не малое
отмѣнное благоволеніе какъ къ сему городу, такъ и всему краю
шнему. Такими милостивыми знаками и отзывами плѣнили сердца
шнихъ обывателей и провожаемы были со слезами. Я и самъ былъ
Кіевѣ, принятъ былъ весьма милостиво и въ слезахъ съ ними
стался. Сказываютъ, что и въ Петербургѣ тѣмъ же началось и
чилось, съ тою разницею только, что тамъ было съ родными дѣтьми,
ѣдовательно и чувство и слезы по-сильнѣе. Теперь мнѣ остается
лать, чтобы тебя тамъ увидѣли и, правъ ли ты или виноватъ, по-
ѣніе и обхожденіе въ разсужденіи тебя такое бы было, дабы хо-
ность не примѣчаема была въ публикѣ, и въ случаѣ если Е. В.
равно будетъ, пребываніе твое въ отечествѣ-ль твоемъ или внѣ
аго, мое мнѣніе такое, чтобы ты оставилъ сію стезю, на которой
теперь стоишь и просился въ отечество твое въ службу, къ кото-
й ты съ дѣтства пріуготовляемъ былъ и въ знаніи которой ты пре-
лѣлъ, я разумѣю морскую, въ адмиралтейство. Съ нынѣшнимъ тво-
ъ чиномъ и старшинствомъ, ты въ семъ мѣстѣ скорѣе произойдешь
жели во всякомъ другомъ. Хотя и въ арміи не отстанешь, но то
зница, что первой ты учился, а другой пріучиваться надобно. Вотъ
бѣ мой совѣтъ для переду, который въ дѣйствіе произведи тогда,
гда обстоятельства дозволятъ. Всѣ домашніе мои благодарятъ за
писаніе и кланяются. Я здоровъ, отёкъ прошёлъ, приложили на 6
сяцевъ *гару*. Сія операція по слабости моей груди сдѣлалась почти
обходимою".

Въ 1785 году Разумовскій воротился уже въ Петербургъ и во время
сутствія Государыни, ѣздившей въ Іюнѣ въ Вышній Волочокъ, управ-
лъ столицею.

„Всемилостивѣйшая Государыня", писалъ къ ней Разумовскій,
ъ 14 Іюня, „письма В. И. В., изъ Твери и Вышняго Волочка пу-

[1]) Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, отправлявшіеся на путешествіе за
ницу, подъ названіемъ графа и графини Сѣверныхъ.

щенныя, имѣлъ счастіе получить, несказанно радъ я, равно и всѣ здѣшніе жители, что В. И. В. при совершенномъ здравіи путешествіе ваше продолжаете, какъ о томъ, что угодно вамъ было сократить оное и обрадовать вашимъ возвращеніемъ столицу вашу и ея предѣлы. Высочайшее повелѣніе ваше оберъ-полиціймейстеру объявилъ, чтобы онъ наблюдалъ, дабы въ каменныхъ домахъ деревянныхъ лѣстницъ и переходовъ не строено было. Онъ мнѣ объявилъ, что при новыхъ строеніяхъ полиція того всемѣрно наблюдаетъ, старыхъ же ломать В. И. В. ему не повелѣли, но послѣдній пожаръ и тѣхъ пугнулъ, почему и стараются хозяева брать лучшія предосторожности. Здѣсь все благополучно и время пріятное настаетъ, но еще и нам пріятнѣе будетъ, когда будемъ имѣть счастіе В. И. В. видѣть въ совершенномъ здравіи и удовольствіи послѣ поднятыхъ трудовъ".

„Два письма В. И. В", писалъ еще Разумовскій отъ 18 Іюня того же года, „отъ 16 и 17 имѣлъ счастіе получить. Касательно до встрѣчи Высочайшее повелѣніе ваше исполнено будетъ, яко В. В. угодное, хотя столицѣ вашей весьма беззаботное. Время здѣсь сдѣлалось сырое и прохладное, но сердца горящія любовью и желаніемъ видѣть свою монархиню, благополучно возвращающуюся послѣ поднятыхъ трудовъ въ путешествіи, какъ по суху, такъ и по водамъ" [1]).

При дворѣ Кирила Григорьевичъ занялъ обыкновенное свое мѣсто. Онъ почти ежедневно бывалъ у Государыни, аккуратно посѣщалъ эрмитажныя собранія и по-прежнему былъ ея записнымъ партнеромъ, только вистъ замѣненъ былъ рокамболемъ и бостономъ по самой малой цѣнѣ. „Батюшку отмѣнно принимаютъ при дворахъ", писала къ графу Андрею Кириловичу Наталья Кириловна Загряжская. Къ этому времени относится слѣдующее письмо графа Петра Ивановича Панина къ графу Кирилѣ Григорьевичу:

„Милостивое в. с. опредѣленіе лекаря Ленуа сугубо меня тѣмъ одолжаетъ, съ какого вы, милостивый графъ, расположеніемъ къ памяти покойнаго брата моего оное сдѣлать изволили. Я, отнеся сіе особливо къ тѣмъ вашимъ врожденнымъ добродѣтельнымъ качествамъ, къ которымъ въ Бозѣ почившій братъ мой и собственно я всегда наполнялись почтеніемъ и привергли себя искреннимъ усердіемъ къ в. с., приношу чрезъ сіе мое вамъ за все оное наипризнательнѣйшее благодареніе, прося, чтобъ ваше обращаемое расположеніе къ обоимъ намъ съ покойнымъ братомъ моимъ теперь обратить на единаго меня съ тою полною вѣрою, что я, зная прямую тому цѣну, буду соотвѣтствовать оному всегда искреннѣйшимъ усердіемъ и вѣрностію.

Декабря 29 дня, 1783 года, Москва" [2]).

---

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

[2]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

Тотъ же самый графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, за десять лѣтъ передъ этимъ, а именно въ 1773, въ письмѣ къ племяннику своему князю Александру Борисовичу Куракину, того же самаго Разумовскаго назвалъ „въ припадкѣ счастія обогащеннымъ празднецомъ“ [1]).

Между тѣмъ сынъ Разумовскаго, графъ Андрей, былъ переведенъ изъ Неаполя въ Копенгагенъ. Въ богатомъ его архивѣ сохранился цѣлый рядъ писемъ отъ отца къ сыну. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ:

I.

С.-Петербургъ, 1 Іюля 1785.

Г. Вице-адмиралъ Грейгъ [2]), отправляя дѣтей своихъ мичмановъ въ морскомъ флотѣ Алексѣя и Ивана Грейговъ съ ихъ учителемъ Адамомъ Амстромомъ вояжировать, просилъ меня черезъ графа Ивана Григорьевича Чернышева [3]), чтобъ ихъ рекомендовать твоему попеченію, когда они въ Копенгагенъ прибудутъ. Я сію комиссію взялъ охотно на себя исполнить, будучи увѣренъ, что ты и безъ моей рекомендаціи не оставилъ бы изъявить всякія благодѣянія и выгоды, которыя только отъ тебя зависѣть будутъ, что однакожъ симъ исполняя, поручаю сихъ молодыхъ людей, во время тамъ пребыванія, твоему попеченію и призрѣнію, во всемъ, въ чемъ имъ оное нужно будетъ. Симъ одолжишь ихъ отца, добраго, знатнаго и заслуженнаго въ Россійскомъ флотѣ человѣка; сдѣлаешь угодное и графу И. Г. Чернышеву, который тебя любитъ и яко шефъ ихъ интересуется, и мнѣ удовольствіе.

II.

С.-Петербургъ, Декабря 13, 1785.

Отъ 26 Ноября письмо твое подъ № 19 получилъ. Левашевъ, которому ты письмо ко мнѣ вручилъ, еще сюда не бывалъ. Сказываютъ, что къ новому году будетъ 4000, обѣщанныя и слѣдующія тебѣ, въ началѣ Генваря переведены будутъ равно и за покойную твою гардеробу, сколько доведётся, ибо мы сколько ни старались съ Толстымъ Александромъ пріобрѣсть тебѣ лучшую сумму за сію статью, но больше 800 получить не могли и то взялъ одинъ портной, который

---

[1]) „Русская Старина“, VIII, 342.

[2]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ (Sir Samuel Greig), р. 1736, † 1788, адмиралъ, андр. кав.

[3]) Графъ И. Г. Чернышевъ былъ президентомъ адмиралтействъ-коллегіи.

на меня дѣлаетъ платье, въ упованіи томъ, что замѣнитъ сію сумму счетами, свойственными людямъ его званія. Съ наступившею зимою здоровіе мое кажется немного получше становится, которое осенью отъ сыраго и суроваго воздуха гораздо претерпѣвало. Весною думаю отъ сихъ странъ удалиться на нѣсколько лѣтъ въ Малороссію, а со временемъ, если нужно будетъ и далѣе въ теплѣйшій климатъ, о чемъ я уже и прежде писалъ. Жаль, что мною присланные ковры можетъ быть поздно пріѣдутъ, только они для зимы таковы, какихъ въ Англіи не дѣлаютъ. Читалъ я посткриптъ твой и письмо смотрителя завода Троицкаго къ тебѣ писанное. Правда, что онъ давно мнѣ стужалъ о томъ, чтобы ему доставить нѣсколько жеребцовъ для подновленія завода изъ Даніи или изъ Ганновера, soupe au lait называемыхъ, но я, пріѣхавши сюда, купилъ ему изъ привозимыхъ всякую весну на биржу одного жеребца; отправилъ къ нему, а прочее и изъ виду потерялъ, почему видно не надѣялся онъ на мое проворство, а узнавъ, что ты въ Данію переселился, ударился прямо къ тебѣ съ предложеніемъ и чтобъ тебя больше на сей подвигъ обязать, то и далъ тебѣ знать, что и заводъ и деревня и весь тамошній животъ тебѣ принадлежатъ, что и самая правда и моя такая на то воля, но сіе со временемъ должно послѣдовать, ибо раздѣлъ мой между вами Великороссійскихъ имѣній есть ничто иное какъ порядокъ, утвержденный на истинномъ равенствѣ всякой изъ васъ части, дабы, послѣ кончины моея, не имѣли нужды разбираться, а можетъ и ссориться и враждовать другъ на друга и не таскаться по судамъ по пусту, дѣлая изъ себя доходъ всѣмъ лихоимцамъ, по суднымъ мѣстамъ находящимся. Предоставивъ однакожъ себѣ волю выдѣлить, изъ дѣтей моихъ тѣхъ, кого заблаго-разсужу и сколько кому изъ нихъ удѣлить захочу, имѣвъ въ виду и то, что мнѣ и самому жить и содержать по чину моему штатъ и домъ надобно. По сіе время полную часть имѣетъ братъ вашъ старшій Алексѣй, также Петръ, кромѣ къ Гостилицамъ приписанныхъ Знаменскаго и Крестовскаго острова, да прошлаго лѣта Льву отдѣлилъ 3000 Можайскихъ въ удѣлъ на его содержаніе, ибо онъ первыя руки мотъ и часто мнѣ своими безпутными и неумѣренными издержками немалую скуку наводилъ. Что же касается до тебя, то не имѣешь причины заботиться о правленіи твоею частію, она въ добрыхъ рукахъ, но хотя бы я и хотѣлъ выдѣлить тебя прежде 3 лѣтъ того сдѣлать нельзя, ибо большая часть составляется изъ Псковскихъ имѣній, а оныя въ арендѣ у Фитенгофа на 9 лѣтъ отданы, чему уже 6 лѣтъ прошло. И сыну Петру могъ я удѣлить по его согласію съ вычетомъ по пропорціи платимой мнѣ суммы годовой за аренду. Для лучшаго же твоего усмотрѣнія и свѣдѣнія о семъ дошедшемъ о раздѣлѣ слухѣ, прилагаю точную копію со всего сего акта Е. В. конфирмованнаго. Говоря о семъ,

ничего тебѣ о возложенной отъ Генаута [1]) на тебя коммиссіи не сказалъ; итакъ, обращаясь къ первому скажу, что требованіе его къ тебѣ въ пріисканіи описаннаго жеребца есть дѣльное и основательное, которое и я не токмо апробую, но и совѣтую пріискать двухъ сколько можно хорошихъ жеребцовъ, одного такой шерсти, какъ онъ описалъ, а другаго буланаго, или кого изволишь, только бы не вороной былъ, ибо сія шерсть у насъ теперь не весьма въ употребленіи и почитай ее обѣгаютъ. Сіи кони надобно, чтобъ съ первыми кораблями сюда приплыли. Что же касается до заплаты денегъ и привозу чего стоитъ будутъ, то и сіе зависитъ отъ воли твоей. Если вексель адресованъ на мое имя будетъ, то я здѣсь заплачу, а если надобно оный перевесть, то по письму твоему и то учинено будетъ.

Записка, о которой упоминаетъ Разумовскій въ вышеприведенномъ письмѣ и которую мы помѣщаемъ in extenso въ приложеніяхъ, была имъ подана на высочайшее имя въ 1784. Во время двукратнаго пребыванія своего въ Малороссіи, графъ Кирила Григорьевичъ окончательно расплатился съ долгами и привелъ дѣла свои въ блестящее положеніе. Имѣнія, полученныя имъ отъ брата и жены не только не были „умалены, но еще присовокуплены". „Не число душъ", говоритъ онъ въ запискѣ своей, „но прилежное вниманіе за экономіею и умѣренная жизнь умножаетъ имѣніе". Онъ раздѣлилъ между пятью сыновьями 37,432 души, такъ что на долю каждаго, приходилось 6000 съ чѣмъ-то душъ. Четыре дочери получили каждая по 2000 душъ и по 40,000 рублей на приданое. Въ томъ же году актъ былъ утвержденъ Екатериною, но сыновья, какъ видно было выше, не всѣ еще были выдѣлены и Кирила Григорьевичъ оставилъ за собою право передавать доставшіяся на долю каждаго по раздѣлу имѣнія, когда ему заблагоразсудится. Обращаемся снова къ письмамъ Разумовскаго.

III.

Генваря 7, 1786. С.-Петербургъ.

Письмо твое подъ № 20 получилъ, на которое впредь отвѣчать буду, сіе же къ тебѣ пишу, хотя по почтѣ, но не обыкновенною дорогою чрезъ купцовъ, которою и ты отвѣчать можешь. Причина сему письму, окончаніе отъ тебя полученнаго подъ вышеозначеннымъ №, начинающемуся сими словами: „Il y a bien longtemps, mon cher père, que j'ai l'esprit fortement et incessement occupé d'objets de la plus haute importance pour etc". Говоришь не ясно, а думаешь,

[1]) Смотритель Троицкаго завода.

что я догадаюсь и узнаю если дамъ себѣ время подумать. Я довольно думалъ, но не отгадалъ; изъ тѣхъ же кому показалъ, чтобъ отгадали, разумѣется своимъ, одна сестра твоя Наталья Кириловна, зная твое расположеніе сердечное и влюбчивое, заключила, что ты вздумалъ жениться. Если она отгадала, то отпиши въ какой части свѣта, въ какомъ государствѣ, въ какомъ городѣ живетъ и кто такова по имени и по фамиліи красавица, которая тебя плѣнила. Для меня, я бы желалъ, чтобъ была знатна, а не подла, для тебя и для экономіи твоей, которую я не лучшею статьею въ жизни твоей поставляю, надобно, чтобъ лучше была богата, нежели бѣдна. Чтобъ же она и хороша была въ томъ мы оба согласны, а съ моей стороны мимоходомъ скажу тебѣ, не можно-ль, чтобъ она была и Русская. Вотъ наше гаданіе, на чемъ мы и остановились. Теперь ожидаю на сіе отвѣта твоего, который долженъ быть и ясенъ и внятенъ. Новый годъ кончился, который тебѣ благополучно провождать во всякомъ удовольствіи желаю, празднованіемъ безъ всякаго произвожденія ни по арміи, ни по штатскимъ, кромѣ только, что обыкновенные по гвардіи доклады вышли. У насъ были морозы великіе, около мѣсяца продолжавшіеся, теперь оттепель, таетъ, много снѣгу спущается, отъ которой у меня грудь завалило, которая съ погодой, уповаю, пройдетъ. Adieu.

IV.

С.-Петербургъ, 10 Генваря 1786.

Подъ № 20 отъ 17 Декабря прошлаго 1785 г. изъ Копенгагена письмо твое пущенное я исправно получилъ. Помнится мнѣ, что ковры, посланные къ тебѣ въ 4 штукахъ состоящіе, сдѣланы полотнищами, съ тѣмъ точно намѣреніемъ, чтобы ихъ сшивать было можно по пространству комнаты. При семъ включаю тебѣ обѣщанныхъ на 5000 векселей, въ которыхъ считай и требуемыя тобою экстраординарныя, потому что я сестрѣ твоей Загряжской 409 р. заплатилъ, которыхъ не вычитаю. Покойную твою гардеробу отдалъ портному за 800 р., а тебѣ пошлю полную тысячу. Сверхъ сего не вычитаю и сего, что портной у меня по обыкновенному и свойственному симъ мастеровымъ искусству другую 1000 учтетъ. За симъ всѣмъ не ожидай больше отъ меня ни копѣйки до слѣдующаго Мая мѣсяца, въ которое время получишь отъ меня 4000, а за симъ менажъ твой располагай такъ, чтобъ не было нужды никому стужать и просить помощи въ твоихъ недостаткахъ, да и какая нужда въ долги тебѣ заходить, понеже ни званіе твое, ни дворъ того, отъ тебя не требуютъ, а я право не въ состояніи шестерыхъ васъ прихоти и пустыя из-

держки выполнять. Богъ мнѣ единъ свидѣтель бываетъ, когда я мечусь какъ угорѣлый, чтобы сыскать способъ честный, удовлетворять случающимся недостаткамъ по дому и по образу жизни моей, хоть не прихотливому, но соотвѣтственному моему званію.

P. S. Подъ № 22 письмо твое сейчасъ получилъ. Новый годъ, которымъ меня поздравляешь, началъ весьма нехорошо, потому что занемогъ и послѣ онаго не выѣзжалъ еще и по сіе время, но, слава Богу, теперь полегче и думаю дня черезъ два выѣхать. Желаю тебѣ сей наступившій провожать съ лучшимъ здоровіемъ и со всякими по желанію твоему выгодами. Софья Осиповна поручила мнѣ свидѣтельствовать тебѣ ея благодарность и чувствительность за приписанное о ней, она желаетъ тебѣ въ сей новый годъ и во всѣ послѣдующіе совершеннаго здоровія и всякаго благополучія. Малая ея Вѣрушка [1]), которую ты почти дитею оставилъ, сдѣлалась большою и хорошею слыветъ дѣвицею. Она была помолвлена за Нарышкина, сына Петра Петровича [2]) и, слывши невѣстою съ мѣсяцъ, другъ другу не полюбились и нареченная сватьба не состоялась. Одна осталась свободною невѣстою въ ожиданіи другаго жениха, а другому, лишившись любезной ему невѣсты, осталось право другую искать, влюбиться и жениться. Рекомендованный тобою секретарь не бывалъ; изъ описанія твоего о немъ понимаю, что онъ великій мушкатъ! На что мнѣ его рекомендуешь? У меня и своихъ много подобныхъ ему, которые заржавили и меня съѣдаютъ.

V.

С.-Петербургъ, Февраля 14, 1786.

Левашевъ [3]) съ своего путешествія возвратился; хвалится вездѣ и передъ самою Государынею, сколь онъ твоимъ ласковымъ пріемомъ былъ въ Копенгагенѣ доволенъ, а потому благодаренъ и признателенъ на его учтивый отзывъ, я ему отвѣчалъ равнымъ учтивствомъ. Сія есть обыкновенная монета придворная. Письмо твое подъ № 18-мъ мнѣ вручилъ, на которое вкратцѣ тебѣ симъ отвѣчаю. Что касается

---

[1]) Графиня Вѣра Николаевна Апраксина, дочь графини Софьи Осиповны, † въ 1845 г., вышла замужъ за графа Петра Васильевича Завадовскаго.

[2]) Петръ Петровичъ Нарышкинъ, гвардіи маіоръ (1726 † 1782) женатъ былъ на княгинѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Репниной. Сынъ его Петръ, тайный совѣтникъ и сенаторъ (р. 1764, † 1825) былъ женатъ: 1) на гр. Маріи Николаевнѣ Салтыковой; 2) на Екатеринѣ Николаевнѣ Опочининой.

[3]) Василій Ивановичъ Левашевъ, д. т. с., оберъ-егермейстеръ, р. 1740, † холостымъ 1803 года.

до твоего разсужденія, относящагося къ твоему званію и посту, сопровождаемому всегдашними непріятностями, не имѣющему никакого поощренія, ни авантажу и весьма уничижительному какъ для тебя, такъ и непріятному для тѣхъ, которые съ тобою дѣло имѣютъ, и кажется, что и для самыхъ дѣлъ не полезно. Но я сужу, какъ слѣпой о цвѣтахъ, и можетъ быть политика для меня вовсе дама незнакомая, съ которою ты теперь обращаешся, сего такъ требуетъ. Въ томъ Богъ вамъ въ помощь, а разсужденія твои нахожу справедливыми и противорѣчить онымъ не могу. Касательно же до того, чтобъ сдѣлать подвигъ къ самой Ея Величеству, который тебѣ представляется лучшимъ и плавчимъ (sic) способомъ, сіе самое уже сдѣлано было и ключъ почитаю обѣщанный въ дорогѣ, но ничего извѣстнаго не вышло, кромѣ одно извѣстное, что тому года два назадъ слишкомъ, какъ сіе происходило. По сему сей способъ не почитаю за способный. Что же до меня касается, то я при всѣхъ моихъ выгодахъ, не могу быть доволенъ въ семъ мѣстѣ по причинѣ суровости климата, которымъ мое здоровіе часъ отъ часу истощевается и заставляетъ меня помышлять удалиться изъ сего мѣста и хоть нѣсколько оное поисправить. Почему въ Маѣ, конечно, полагаю отсюда уѣхать въ Малороссію, гдѣ годъ поживши, если облегченія не почувствую, то удалюсь въ иныя теплѣйшія страны въ Европѣ находящіяся, ибо сіе есть общее мнѣніе всѣхъ господъ учениковъ Гипократовыхъ, что одинъ сей способъ къ подкрѣпленію моего разстроеннаго здоровія есть, и я думаю, что они въ первый разъ противъ обыкновенія своего не ошибаются. Въ такихъ моихъ похожденіяхъ можетъ быть гдѣ ни есть представится способъ къ свиданію нашему съ тобою; впрочемъ, какъ еще довольно времени впереди, то о семъ и впредь переписаться можемъ.

P. S. Сіе письмо зачато было прежде благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини, которая родила Принцессу Марію Павловну [1]). Ее вчера окрестили, и, какъ обыкновенно, при такомъ радостномъ пріобрѣтеніи фамиліи Императорскому дому бываютъ оказуемыя многимъ подданнымъ Монаршія милости, то я остановился и сдѣлалъ кое-гдѣ подвиги о напамятованіи въ семъ случаѣ и о тебѣ. Сколько было произведенныхъ, за краткостію времени не могу тебѣ сообщить, да и нужнымъ не поставляю, а скажу, что ты пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; симъ тебя усерднѣйше по-

---

[1]) Великая Княгиня Марія Павловна, р. 4 февраля 1786, † 11 (23) іюня 1859. Въ супружествѣ была (1804 г.) за Карломъ Фридрихомъ, великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскимъ (1783, † 1853).

здравляю. Радуюсь сердечно, что ты сдвинулся съ такого якоря, на которомъ около десяти лѣтъ простоялъ. Сія оказанная тебѣ Монаршая милость, не сомнѣваюсь, что усугубитъ извѣстную твою охоту, ревность и усердіе, которыя и до сего ты имѣлъ въ настоящемъ твоемъ званіи и служеніи. Князь Г. А. Потемкинъ и гр. А. А. Безбородко были предстателями о тебѣ, при семъ случаѣ я и совѣтую засвидѣтельствовать имъ твою благодарность особливыми письмами, прося ихъ, чтобъ и впредь не оставляли употребить свое ходатайство тебѣ во благо, гдѣ случай встрѣтиться можетъ, а особливо послѣдній, отъ котораго вы, господа дипломатическаго корпуса, непосредственную имѣете зависимость. Бывшій твой секретарь Chevalier Pierre, письмо твое, подъ № 21, мнѣ доставилъ чрезъ брата твоего Петра. Я его самъ не видалъ, да и нужды въ томъ не нахожу, чтобъ спѣшить его видѣть. На содержаніе письма твоего отвѣчать не имѣю ничего, въ разсужденіи томъ, что думаю мнѣнія твои, какъ по сему, такъ и по прочимъ письмамъ, перемѣнятся по причинѣ твоего произвожденія, яко такого рессора, который упадшій твой разумъ и разсудокъ въ унынie, наладятъ на дальнѣйшее продолженіе твоего служенія. Писалъ ты тому нѣсколько времени, что король Шведскій, который тебѣ весьма знакомъ и который тобою столь хорошо въ Неаполѣ угощенъ былъ, желаетъ тебя видѣть въ Стокгольмѣ гостемъ, о чемъ отзывался и господину Маркову [1]), находящемуся нашему министру при Е. В., и что ты желалъ бы сіе сдѣлать, но безъ увольненія не можешь отлучиться отъ своего поста, и просилъ, чтобы я о семъ навѣдался. Мой совѣтъ тебѣ вотъ какой: отпиши о семъ или къ вице-канцлеру [2]) или къ гр. Безбородко, съ приложеніемъ копіи письма къ тебѣ отъ Маркова, о такихъ отзывахъ; оное твое письмо конечно доложено Е. В. будетъ, почему и резолюція воспослѣдуетъ о томъ ѣхать или нѣтъ. Если дозволено будетъ, поѣдешь, а если отказано, въ такомъ случаѣ и Царь право свое теряетъ, что, однако же, кажется, чаять нельзя. Отвѣтствую тебѣ вкратцѣ на всѣ твои вопросы, въ разныхъ твоихъ письмахъ находившіеся. За нужное нахожу объяснить вкратцѣ о взаимномъ нашемъ желаніи повидаться. Я, уже какъ выше сказалъ, что имѣю намѣреніе, весною будущею удалиться отъ сего мѣста для поправленія моего здоровія, но какъ

---

[1]) Аркадій Ивановичъ Марковъ, впослѣдствіи графъ, род. 1747, † 1829, министръ сперва въ Голландіи, а потомъ въ Стокгольмѣ; онъ въ 1786 занялъ мѣсто Бакунина въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, игралъ важную роль во время случая Зубова. При Александрѣ I былъ посломъ въ Парижѣ, д. т. с. и андр. кав.

[2]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ (1725, † 1811). Посолъ въ Швеціи, потомъ вице-канцлеръ (на мѣсто князя Александра Михайловича Голицына въ 1775). При Императорѣ Павлѣ въ 1796 назначенъ государственнымъ канцлеромъ.

для сего краткаго времени и по причинѣ исходатайствованія тебѣ отъ двора увольненія, гдѣ для кого и спѣшатъ, не всегда скоро все дѣлается, для тебя же никакая бездѣлица скоро сдѣлаться не можетъ, то я и почитаю сію цѣль, чтобы намъ здѣсь свидѣться, неудобною, а потому и невозможною, а для того сего года или по малой мѣрѣ лѣто отложить должно. Впредь же сіе лучшимъ образомъ можно кажется исполнить, о чемъ обстоятельнѣе переписаться можно будетъ. Остается мнѣ еще тебѣ слово молвить объ извѣстныхъ жеребцахъ къ Троицкому заводу: я желаю имѣть двухъ хорошихъ сколько возможно жеребцовъ, буланаго, т.-е. черная грива и ноги по колѣно, а другаго соловаго, т.-е. soupe au lait, которыхъ и совѣтую промыслить.

VI.

Февраля 21, 1786. С.-Петербургъ.

Предъ симъ я уже писалъ къ тебѣ о пріисканіи и покупкѣ для Троицкаго нашего завода двухъ хорошихъ датскихъ жеребцовъ, одного буланаго, а другаго соловаго. Теперь прилагаю на покупку оныхъ векселей на сумму 1500 руб., которой я почитаю довольно будетъ для заплаты за оныхъ, такъ и на отправленіе и доставленіе ихъ сюда къ порту съ первыми кораблями. Засимъ, теперь ничего больше писать не имѣю. Масляница у насъ оканчивается съ превеликою стужею, такъ что спектакли и маскарады отмѣняются. Вотъ какова Чухонія! Да и въ то время, когда уже въ Европѣ Мартъ настаетъ! Впрочемъ, я сижу больше въ такихъ холодныхъ обстоятельствахъ дома, когда же выѣзжаю, то всегда больше-ли, меньше-ли, но чувствую тѣсноту и одышку въ груди...

VII.

Марта 14, 1786. С.-Петербургъ.

Письмо твое извѣстное, подъ № 2, отъ 14 Февраля пущенное, мною исправно получено 9 Марта, о чемъ и спѣшу тебя симъ увѣдомить. Что же касается до содержанія онаго, то теперь ни время, ни случай подробно отвѣчать не дозволяютъ: то только теперь тебѣ вкратцѣ скажу, что по мнѣнію моему, великія встрѣчаются препоны къ достиженію твоего желанія во всѣхъ его частахъ, о которыхъ должно больше трактовать на словахъ лицомъ къ лицу, нежели по перепискѣ, которая времени много будетъ только уносить, а настоящаго дѣла не оснуетъ, а тѣмъ менѣе рѣшитъ. Сего для полагаю

необходимо намъ видѣться, но гдѣ и когда, о томъ впредь переписываться можемъ. За симъ желаю тебѣ совершеннаго здоровія и всякаго благополучія.

VIII.

Апрѣля 1, 1786.

Подъ № 3 отъ 7 Марта изъ Копенгагена пущенное письмо ваше получилъ. По желанію твоему, свѣчи восковыя бѣлыя, Батуринской моей фабрики, для домашняго твоего обиходу доставлены будутъ, которыя, въ разсужденіи ихъ бѣлизны и чистоты, Французскимъ не уступятъ, но за пріуготовленіе свѣтиленъ отвѣчать не могу, хотя всѣ способы употребляются у меня на фабрикѣ для приведенія оныхъ въ совершенство, но не уповаю, чтобы могли съ Французскими равняться. Чай зеленый тоже доставленъ будетъ, который теперь гораздо вздорожалъ, по причинѣ сдѣлавшагося раздору съ Китайцами, который нѣкоторую помѣху дѣлаетъ торговлѣ на Кяхтѣ, но сіе мало значитъ, ибо сіи шалуны, гнѣвяся и дѣлая прицѣпки ко всякой бездѣлицѣ, часто подобныя штучки выкидываютъ. Сіи обѣ статьи будутъ къ тебѣ доставлены съ нашею эскадрою, которая пойдетъ, какъ скоро льды исчезнутъ. О братѣ твоемъ [1]) и его спутникѣ Фюслейнѣ скажу тебѣ, что я ихъ послалъ въ Гётингъ или въ другое какое училище, но они оякорились въ Дрезденѣ, и хотя я писалъ, что всякую резиденцію почитаю не способомъ къ ученію, но имъ сіе мѣсто полюбилось и я ихъ оттуда выслать не могъ. Приставъ его говоритъ, что всѣ способы къ наученію они тамъ нашли. Ты можетъ быть ихъ въ теченіи будущаго лѣта у себя увидишь, то и не оставь подать имъ совѣта, который бы и лучшимъ и полезнѣйшимъ для нихъ по твоему разсужденію быть могъ.

IX.

Апрѣля 18-го, 1786. С.-Петербургъ.

Письма твои подъ №№ 4 и 5 мною получены. Будучи въ статской службѣ и спискѣ, военнаго мундира носить нельзя и не водится, но старое доносить можешь въ отсутствіи, ибо никто строго сего взыскивать не станетъ; что же касается до намѣстническихъ униформовъ, или мундировъ, прилагаю при семъ напечатанную книжку, въ которой всѣ мундиры описаны, а которые ты носить можешь, означены знакомъ NB. Касательно до бекеши, которыя здѣсь въ модѣ, сей статьи здѣсь сыскать трудно, но какъ у меня сыскалась готовая, ко-

---

[1]) Графъ Иванъ Кириловичъ.

торую я очень мало употреблялъ, а шапку и ни разу, то я оныя къ тебѣ и пошлю, можетъ съ нашею эскадрою, равно и муфту соболью сдѣлать прикажу. Сіи овчинки не калмыцкія, а крымскія или, по нынѣшнему названію, Таврическія именуются. Касательно до отданія по сосѣдству твоего почтенія его Шведскому величеству, о семъ вице-канцлеръ къ тебѣ, уповаю, писать будетъ, почему и поступить можешь какъ съ такимъ предписаніемъ изшедшимъ свыше; мнѣ же о семъ болѣе сказать нечего. У насъ здѣсь отмѣнно хорошая весна наступаетъ. Дворъ уповательно скоро отправится въ Царское Село. Я слава Богу здоровъ, только еще объ отъѣздѣ моемъ отселѣ просьбы моея не заносилъ и не знаю еще времени, когда отсюда выѣхать смогу.... къ кн. Потемкину и гр. Безбородкѣ письма отъ тебя вручилъ.

Уже не разъ, какъ видѣли мы выше, Кирила Григорьевичъ намекалъ сыну о желаніи его, къ достиженію котораго отецъ видѣлъ великія препоны. Желаніе это, какъ вѣрно угадала Н. К. Загряжская, была женитьба. Еще въ 1777 году, проѣздомъ въ Неаполь, графъ Андрей Кириловичъ сблизился въ Вѣнѣ съ семействомъ графа Тунъ-Гогенштейнъ. Одна изъ дочерей графа, графиня Елизавета Тунъ, влюбилась въ красиваго русскаго дипломата. Послѣ назначенія своего въ Копенгагенъ, Андрей Кириловичъ снова заѣхалъ въ Вѣну и съ этихъ поръ сталъ серьёзно помышлять о женитьбѣ. Между нимъ и молодой Австрійкой завязалась переписка. Сперва намеками, а потомъ уже открыто Андрей Разумовскій сообщилъ отцу о своемъ намѣреніи жениться Родные невѣсты требовали со стороны жениха перемѣны вѣры, перехода въ Австрійское подданство, перевода части имѣнія за-границу и наконецъ „доказательства о древности дворянства“. Все это было крайне не по́ сердцу Кирилѣ Григорьевичу. Глубокая его привязанность къ вѣрѣ отцовъ и родинѣ излилась въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ къ сыну отъ 1-го мая 1786 г. изъ С.-Петербурга:

X.

Отправленіе отсюда въ море Г. Капитана Ломана, который тебѣ мои посылки доставитъ и котораго рекомендую и поручаю твоему попеченію и призрѣнію, что́ отъ тебя зависѣть можетъ, подаетъ мнѣ случай увѣдомить тебя, что я письмо твое подъ № 6 получилъ. Хотя все учреждается къ тому, чтобъ Ея Величеству шествовать будущею зимою въ Херсонъ, а оттуда въ Таврическую область, но какъ сіе еще далеко, то можетъ по политическимъ обстоятельствамъ какая ни есть внезапность случиться или другая какая помѣха, которая оста-

новить можетъ. Такъ о всякихъ отдаленныхъ предпріятіяхъ кажется судить надлежитъ, какъ бы оныя вѣроятны ни были. Мой также отъѣздъ отсюда хотя и вѣрнѣе, ибо мои обстоятельства и препоны несравненно менѣе, а потому и маловажнѣе, но я еще не знаю, въ началѣ-ли лѣта, въ половинѣ-ли или въ концѣ въ Малороссію отправлюсь, или не встрѣтится ли что ни есть такого, что и вовсе не поѣду, а потому и свиданіе наше съ тобою, столько желаемое, весьма сомнительно, особливо вскорѣ, и кажется сіе удобнѣе въ проѣздъ Ея Величества черезъ Малороссію, если оный подлинно случится. Но полно о сей матеріи бесѣдовать, впредь можемъ списаться, къ чему довольно времени впереди имѣется.

Какъ сей случай вѣрный и не по почтѣ, то и разсудилось мнѣ слово сказать тебѣ, относительно письма твоего подъ № 2 о женитьбѣ и касательныхъ до того обстоятельствъ. Первое, чтобъ войти въ цесарскую службу, оставить, такъ-сказать, свое отечество, сдѣлаться изъ Русскаго Австрійцемъ, истребить здѣсь, такъ-сказать, гнѣздо твое, достающееся тебѣ по наслѣдству въ недвижимомъ имѣніи, которое обратить въ деньги и доставить тебѣ оныя, — все сіе есть операція не токмо что трудная, но и невозможная и соединенная съ твоимъ поношеніемъ и разореніемъ, которую ни я, ни свойственники, ни друзья наши апробовать не могутъ, непріятели же употребятъ сіе яко орудіе, которымъ тебѣ и мнѣ вредить возмогутъ, если бы таковое намѣреніе до ихъ свѣдѣнія дойти могло. Быть подданнымъ Австрійскимъ или Россійскимъ, по мнѣнію моему, все равно, то и не стоитъ труда отечество свое вовсе оставлять. Взгляни на твари безсловесныя, которыя всегда мѣстъ своихъ и лѣсовъ держатся, въ которыхъ онѣ родились и взросли, хотя нерѣдко бываютъ спуганы охотниками или звѣрями сильнѣе ихъ и принуждены бѣжать и удаляться свойственныхъ имъ жилищъ; но, по прошествіи такой внезапности, паки въ оныя возвращаются и водворяются, то кольми паче человѣкъ, тварь одаренная разумомъ и разсудкомъ, долженъ сего правила держаться. Сказавъ тебѣ о приступѣ къ сему сватанію, скажу о персонѣ, яко главной причинѣ нашея бесѣды. Можетъ быть, она мила, прекрасна и такъ совершенна и наполнена добрыми качествами, какъ ты описываешь, или еще больше, я на все согласенъ съ тобою, но встрѣчающіеся три артикула, которые Германскій педантизмъ влечетъ за собою, мнѣ и всѣмъ любящимъ васъ весьма противны, т.-е. выводное, чтобъ положить 150,000 гульденовъ, ставаніе о законѣ или вѣрѣ Греческой и доказательство о древности дворянства. Когда прилежно и хорошенько разсудить, кажется, должно дѣлать остуду всякому горящему, любовному пламени, яко слѣпотою возжигаемому и горящему, а по сему и по вышесказанному вотъ мое заключеніе: на женитьбу я согласенъ.

Таковой союзъ, признаюсь тебѣ, что пріятнѣе бы онъ мнѣ былъ съ Россіянкою. Если же, слѣдуя или любви или другимъ какимъ встрѣчающимся обстоятельствамъ, заключить союзъ съ иностранкою, то имѣть въ виду и никогда не потерять, ниже въ чемъ либо нарушить сіи три пункта: отечество, вѣра и Государь. Сіи должны во всякомъ случаѣ свято и неприкосновенно сохранены быть, а засимъ самъ разсуди и, сколько возможно, безпристрастно подумай, возможно-ль сіе предпріятіе, которое ты въ виду имѣешь, довести до желаемаго тобою окончанія и за исключеніемъ всѣхъ неудобностей, о которыхъ я выше сказалъ; если есть возможность, чего я не предвижу однако-жъ, то можешь доходить онаго. Если же нѣтъ, то лучше съ Германцами не связываться и не срамиться напрасно, а обратить взоры и предметъ въ другую сторону, а всего бы лучше въ Россійскую, въ которой много красавицъ и хорошихъ и не бѣдныхъ имѣется. Богъ тебѣ да поможетъ.

PS. Говоря о представляющихся въ мысляхъ твоихъ выгодахъ въ Австріи, позабылъ сказать о посольствѣ, оное пріятно въ теперешнемъ положеніи и обстоятельствахъ, но чтобъ всегда сіе посольство такъ лестно было, за сіе никто отвѣчать не можетъ. Прилагаю письмо отъ Ивана Васильевича Гудовича [1]), зятя нашего, который мужъ и отецъ своимъ дѣтямъ хорошій и свойственникъ добрый. Онъ прошлаго года сдѣланъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ правителемъ намѣстничества. Я его въ твою дружбу и знакомство рекомендую. Касательно выписыванія для Троицкаго завода жеребцовъ, они нынѣшній годъ не могутъ поспѣть къ заводу. Довольно, чтобъ они наступающимъ лѣтомъ около осени могли въ Москву доставлены быть.

XI.

Мая 6-го, 1786. С.-Петербургъ.

Прилагаю вексель въ 4,000 рублей, тебѣ отъ меня опредѣленныхъ: о полученіи сего меня увѣдомляй. Сказываютъ, что у васъ, по причинѣ Датскаго торгу съ Остъ-Индіею, вывозятъ оттуда порцелинъ Японскій или Китайскій въ немаломъ количествѣ и продаютъ недорогою цѣною, а какъ сего вздору у меня по дому немалое количество выходитъ, то я бы и желалъ знать цѣну сему у васъ товару

[1]) Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, впослѣдствіи графъ (см. о немъ выше) и генералъ-фельдмаршалъ (р. 1731, † 1808), женатъ былъ на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской.

для выписыванія по дому, если оный дешевле, нежели у насъ обходится, то и рекомендую прислать ко мнѣ всякаго сорту изъ лучшихъ, среднихъ и самыхъ послѣднихъ по дюжинѣ тарелокъ глубокихъ и мелкихъ и по нѣскольку блюдъ, а притомъ и смѣту для всякаго сорту. Еслибы собрать полный сервизъ отъ 24 до 30 персонъ, то во что оный здѣсь на наши деньги обойтиться можетъ. Почему я, разсудя, могу черезъ тебя выписать нѣсколько такихъ сервизовъ для разсылки по разнымъ мѣстамъ. Не оставь навѣдаться, можетъ-ли сей порцелинъ такъ, какъ наши европейскіе, терпѣть горячую воду или кипятокъ. Сію высылку, мнѣ кажется, отъ васъ весьма удобно будетъ сдѣлать, по причинѣ пресмыкающихся взадъ и впередъ въ теченіи лѣта нашихъ кораблей. Если у васъ есть еще что такое, чего у насъ нѣтъ, что бы выписывать можно, то дай мнѣ знать. Весна у насъ настаетъ, зелень зачала показываться, но мосты еще не наводятся по причинѣ льдовъ, которыми Ладога страшаетъ. Дворъ давно въ Царскомъ Селѣ. Я слава Богу здоровіемъ моимъ весну изрядно начинаю, а что покажетъ лѣто—увижу.

XII.

Мая 16-го, 1786. С.-Петербургъ.

Подъ № 7 отъ 29-го Апрѣля пущенное изъ Копенгагена письмо твое получилъ, что касается до извѣстнаго портрета [1]), то мое мнѣніе: поставь его въ кабинетѣ своемъ или въ другой какой комнатѣ, но вмѣстѣ съ нашими кажется неудобно. Я о семъ ни съ кѣмъ не разглагольствовалъ, да и нужды, кажется, нѣтъ, а пишу тебѣ какъ думаю. Здѣсь у вице-канцлера гр. Остермана того же государя въ домѣ портретъ большой и въ богатой рамѣ поставленъ въ особой комнатѣ. Удивительно мнѣ, что ты пишешь о своей бывшей гардеробѣ, что ее желаешь назадъ имѣть, когда я, какъ скоро получилъ оную, то всѣ способы употребилъ ко пріисканію какого ни есть охотника или промышленника, который бы взялъ ее за резонабельную цѣну, за двѣ или бы хоть за полторы тысячи рублей, но никто на сіе не пріискался. Наконецъ портной мой взялъ за 800 руб., не съ тѣмъ однако-жъ, чтобы готовыя деньги платить, но чтобъ ему зачтено было впредь по счетамъ, которые онъ мнѣ за подѣлки на меня подавать будетъ. Я еще велѣлъ искать и видя, что сіи вещи могутъ навсегда остаться на рукахъ и должны преданы быть согнитію, принужденъ отдать былъ и деньги въ началѣ Января къ тебѣ посланы, вмѣсто 800—1,000 руб., которые ты и получилъ. Теперь по письму твоему

[1]) Дѣло идетъ, кажется, о портретѣ короля Шведскаго.

послѣднему посылалъ я къ портному справиться, не разсовалъ-ли онъ еще сей коллекціи кафтановъ? Нашлось, что всѣ зимніе и богатѣйшіе онъ распырялъ (sic), а остались одни лѣтніе, за которые онъ требуетъ 500 р. Я приказалъ торговаться, если уступитъ, то думаю взять и отправить къ тебѣ. Оные кафтаны къ Петрову дню могутъ поспѣть; итакъ, въ теченіе лѣта ими пользоваться можешь, а впредь никакъ спѣшить не должно. Если тебѣ карета надобна, то я могу тебѣ доставить за половину цѣны, которую тебѣ заплатилъ, ибо она у меня стоитъ безъ всякаго дѣйствія. Что касается до лошадей Троицкаго завода, то деньги къ тебѣ переведены, шерсть лошадямъ сказана, и такъ, пожалуй, только ихъ въ теченіи лѣта сюда высылай, дабы я могъ прежде глубокой и грязной осени ихъ въ Москву доставить. О братѣ Иванѣ, чего для онъ въ Дрезденѣ остался, а не въ другомъ какомъ училищѣ въ Нѣмецкой землѣ, я уже писалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ.

XIII.

Мая 26-го, 1786. С.-Петербургъ.

Прежде нежели сіе письмо до рукъ твоихъ дойдетъ, я не сомнѣваюсь, что ты извѣстенъ уже будешь о переселеніи твоемъ, по высочайшему повелѣнію, изъ Датской земли въ Швецію, на мѣсто Маркова, который сюда поворачивается, для заступленія, говорятъ, мѣста Бакунина, тайнаго совѣтника Петра Васильевича [1]), котораго уповаю ты знавалъ и который недавно умеръ, заболѣвъ прошедшею зимою чахоткою, отъ которой здѣсь трудно излечиваться. Письмо сіе доставлено тебѣ будетъ черезъ Кочубея [2]), офицера гвардіи, племянника гр. А. А. Безбородко, который въ Швецію посылается куріеромъ и везетъ къ тебѣ депеши и повелѣніе о перемѣщеніи твоемъ въ Швецію. Сей молодой человѣкъ останется въ Швеціи нѣкоторое время при тебѣ. Для него гр. Безбородко, который занимаетъ въ воспитаніи его мѣсто отца, желалъ, чтобы я сего юношу вамъ рекомендовалъ, что̀ симъ охотно обѣщанное ему исполняю. Поручаю сего молодаго человѣка вашему призрѣнію и надсмотрѣнію въ его поведеніи, о которомъ старайся не токмо отъ него самого знать по довѣренности, которую, уповаю, ты пріобрѣтешь съ его стороны, но и по сторонѣ навѣдываться, дабы онъ иногда, какъ молодой человѣкъ, не далъ ка-

[1]) Петръ Васильевичъ Бакунинъ, тайный совѣтникъ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, † 1786.

[2]) Викторъ Павловичъ Кочубей, впослѣдствіи государственный канцлеръ и князь (р. 1768, † 1834); онъ женился позднѣе на внукѣ графа Кирилы Григорьевича, Маріи Васильевнѣ Васильчиковой.

кого промаха, который бы могъ навлечь непріятность дядѣ его и самому ему, отъ чего всегда старайся его отвратить здравыми совѣтами и разсужденіями, больше дружескими и смягченными, нежели суровыми и министерскими, которые бо̀льшею частію, молодыхъ людей самолюбіе уничтожая, самихъ ихъ нерѣдко въ курбетъ поставляютъ. Впрочемъ, сей дѣтина есть малый молодой, но скромный и неслышно за нимъ никакихъ пороковъ, ни шалостей, слѣдовательно не дальнихъ заботъ тебѣ стоить будетъ присмотръ за его поведеніемъ. Что же до его упражненія касается, то намѣреніе и желаніе дяди его гр. А. А., чтобы онъ обращался при министрахъ, пріобыкъ къ министерскимъ дѣламъ, то и старайся вводить его въ сіе званіе всѣми лучшими способами, какови, по мнѣнію твоему, встрѣтиться могутъ. Симъ самымъ угодность сдѣлаешь гр. А. А., который носитъ милость и довѣренность отмѣнную Государскую, имѣетъ и склонность и готовность дѣлать добро и который весьма о тебѣ хорошаго мнѣнія, какъ мнѣ довольно извѣстно стороною и заочно, по его отзывамъ. Теперь остается мнѣ сказать тебѣ, что письмо твое отъ 12 Мая я получилъ. Отъѣздъ Ея Величества въ Херсонъ и Таврическую область, ни въ чемъ ни отмѣненъ, а положено быть ему въ будущемъ году въ Генварѣ или Февралѣ мѣсяцѣ. Мое здоровіе по сію пору въ изрядномъ состояніи и такъ не спѣшу отсюда въ Малороссію, но думаю въ теченіи лѣта однако же отправиться. Чтобы же намъ тамъ, и въ то время, когда дворъ будетъ, увидѣться, сіе почитаю неудобнымъ, о чемъ и предъ симъ уже къ тебѣ писалъ, а еще больше, по новости твоей перемѣны, неудобность теперь настоитъ. Сіе теперь мѣсто тебѣ поручается знатное и важное по его связи; имѣешь теперь пространное поле показать твою способность, ревность и усердіе въ семъ званіи. Старайся однако же не промотаться, а сказываютъ, что тутъ способовъ къ тому довольно. Adieu.

XIV.

Іюня 6-го, 1786. С.-Петербургъ.

Васильевъ твой, наконецъ, къ тебѣ отправляется. Я недавно писалъ къ тебѣ съ племянникомъ гр. Безбородки, но теперь почитай и писать ничего не имѣю, хотя и изрядная оказія тому, кажется, представляется. Не знаю, когда въ Швецію переселишься? Здѣсь всѣ считаютъ, что скоро. Въ семъ мѣстѣ тебѣ труднѣйшую роль играть думаю будетъ, нежели въ Копенгагенѣ. Со многими дружиться, говорятъ, надобно будетъ, но не всегда искренно, но говорятъ, что въ Стокгольмѣ гораздо пріятнѣе будетъ жить передъ Копенгагеномъ. Король тебѣ знакомъ, кажется по отзывамъ и друженъ, но онъ занос-

чивъ и, можетъ быть, его интересы не всегда съ нашими согласіемъ встрѣчаются, то въ такихъ случаяхъ и дружба ваша буде не вовсе ко паденію, то потрясенію подвергаться можетъ. Старайся, чтобы возстановляющаяся твоя репутація въ семъ мѣстѣ не умалялась, но возрастала. Реляціи твои пиши больше по русски, а письма къ министрамъ на какомъ языкѣ изволишь. Гр. Безбородко, который считается всемогущъ, весьма, какъ стороною слышу, хорошо о тебѣ говоритъ. Старайся племянника его пріучить, чтобы твоихъ совѣтовъ слушалъ и творилъ благоугодное дядѣ своему, какъ я довольно о семъ писалъ. Симъ, думаю, средствомъ усугубишь лучшее мнѣніе его къ себѣ, впрочемъ о всѣхъ здѣшнихъ поведеніяхъ вручитель сей лучше и больше, уповаю, сказать можетъ, нежели я на память. Оставшую твою гардеробу, состоящую въ нѣсколькихъ лѣтнихъ кафтанахъ, думаю вскорѣ отправить въ Гельзингёръ.

P. S. Въ Швеціи дѣлается поваренная желѣзная посуда, которая по свойству металла гораздо почитается здоровѣе и безопаснѣе мѣдной, по причинѣ что за сею весьма прилежное имѣть надлежитъ смотрѣніе, дабы часто и хорошо лужена была, а если сего недосмотрѣно будетъ, то отъ бываемой яри или vert de gris называемой, великія болѣзни, а иногда и самая смертельная опасность приключается, чего отъ желѣзной посуды никакъ не бываетъ. Для того по приложенной здѣсь на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ запискѣ, прикажи оной надѣлать лучшимъ мастерствомъ и ко мнѣ въ домъ отправить. На первый случай сіе количество не великое и послужитъ только для пробы; если же усмотрится желаемая выгода и прочность, то и впредь на всю поварню на разныя мѣста въ моихъ домахъ выписать можно будетъ. По описаннымъ въ письмахъ твоихъ недостаткамъ и дороговизнѣ въ Копенгагенѣ, порцелиновый Китайскій сервизъ вижу должно оставить. Мнѣ сказано было, что его тамъ и дешево и способно доставить лучше, нежели всякій другой, а потому было я къ тебѣ о сёмъ и адресовался.

XV.

Іюня 27-го, 1786. Знаменское.

Письмо твое, изъ Копенгагена пущенное, которымъ увѣдомляешь меня о полученіи векселей, получилъ. Прилагаю коносементъ на посланную твою остальную гардеробу, о которой я уже прежде писалъ. Дворъ переѣхалъ на праздники въ Петергофъ, по обыкновенію, и тому два дня, какъ я поселился на дачу Знаменскую и больше ничего писать не имѣю. Я слава Богу здоровъ, чего и тебѣ отъ сердца желаю.

XVI.

1786, Іюля 18-го. Гостилицы.

Письмо твое отъ 27 Іюня изъ Копенгагена пущенное, получилъ. Что касается до переѣзда твоего изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, то, хотя я заподлинно и опредѣлительно сказать не могу, но знаю, что намѣреніе министерства, чтобъ Марковъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше пріѣхалъ. Слухъ же носился, который и до меня дошелъ, чтобъ Маркова ты смѣнилъ тамъ лично, а не черезъ переписку, то и не только до половины зимы, вряд ли твои обстоятельства дозволятъ и до Сентября въ Копенгагенѣ остаться. Впрочемъ, пишу тебѣ сіе гаданіемъ, знать же мнѣ не почему, ибо дворъ въ Царскомъ Селѣ, а я живу въ Гостилицахъ, принимаю лекарство для облегченія припадковъ, причиняемыхъ мнѣ осеннимъ сырымъ временемъ, а потому я никого не вижу, да и видѣть до Октября мѣсяца не могу. Слѣдовательно и о причиняемыхъ переселеніемъ твоимъ тебѣ убыткахъ ни съ кѣмъ говорить не могу, да увѣренъ, хотя бы и говорилъ, то будутъ потерянныя слова, ибо дворъ ни малѣйше не входитъ въ издержки своихъ министровъ, равно и въ ихъ долги, правильно-ль или мотовствомъ оные надѣланы, дворъ на то съ индиферентностію взираетъ. Что же касается до меня, то я право не въ состояніи тебѣ помогать. Вашей братіи расточителей у меня шесть, истинно доходовъ недостаетъ! Мнѣ одному большимъ домомъ, по моему званію, жить должно, а на ваши экстраординаріи хотя великую часть имѣнія продалъ, но и то уже прожито и паки тебѣ повторяю, не ожидай отъ меня ничего на заплату твоихъ долговъ, а плати ихъ какъ и чѣмъ хочешь. Впрочемъ, въ началѣ Сентября четыре тысячи получишь за треть".

Проданное имѣніе о которомъ упоминаетъ Разумовскій въ предыдущемъ письмѣ, былъ пожалованный ему Екатериною городъ Гадячъ съ ключемъ. Какъ мы видѣли выше, Кирила Григорьевичъ уже давно помышлялъ о томъ, какъ бы окончательно разсчитаться съ долгами. Онъ долго колебался между продажею Гадяча и Быковской волости. Теперь онъ рѣшился на первое и продалъ Гадячъ казнѣ съ селами и деревнями, всего въ этомъ владѣніи считалось 9,948 душъ, за 596,088 рублей.

Уже не разъ въ письмахъ своихъ упоминалъ Кирила Григорьевичъ о намѣреніи своемъ выѣхать изъ Петербурга. Въ 1787 г. онъ окончательно на это рѣшился, продалъ Знаменское графу Шувалову и началъ собираться въ путь.

„Любезный другъ мой, Иванъ Васильевичъ", писалъ онъ къ зятю своему Гудовичу отъ 1 Января 1787 года: „Письмо ваше

черезъ губернатора Александра Андреевича Волкова получилъ. Подателя онаго я нашелъ также, какъ вы описываете, человѣкомъ знающимъ и достойнымъ дружбы вашей. По причинѣ его здѣшнихъ заботъ и короткаго пребыванія, мало мнѣ досталося времени пользоваться его обществомъ и разговорами. Дворъ завтра переѣзжаетъ въ Царское Село, а со всѣмъ въ походъ [1]) пустятся 7-го сего мѣсяца. Я же получилъ, по всеподданнѣйшему моему прошенію милостивый отпускъ, который меня дѣлаетъ свободнымъ пребывать во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта. Для усмотрѣнія вашего копію прилагаю. И какъ отъ меня зависитъ продолжить оный, сколько я захочу, то можете понять, что спѣшить не буду кончить оной. Жестокій кашель, который сильно меня мѣсяцей (sic) около трехъ безпокоилъ, прошелъ; но по обыкновенію зимнему, а особливо въ здѣшнемъ климатѣ, всякое утро больше или меньше безпокоитъ меня заложеніе въ груди, а иногда и головная болѣзнь, отъ которыхъ частію кофеемъ, а частію терпѣніемъ отдѣлавшись утромъ, прочее время дня сносно провождаю, а потому мало куда и выѣзжаю. Равно по сей причинѣ и зимою выѣхать отсюда не въ состояніи, то и дожидаться буду весны: въ исходѣ Апрѣля или въ началѣ Мая пущусь въ Москву черезъ Псковъ и Смоленскъ, буде что не воспрепятствуетъ. Въ Москвѣ прямо поѣду въ Петровское, гдѣ и буду дожидать Ея Величества на возвратномъ пути. Я ласкаю себя пріятною надеждою видѣться съ вами въ Москвѣ.

P. S. Вы знаете, что Петръ Васильевичъ Завадовскій обѣщался жениться на Вѣрѣ Николаевнѣ [2]). Годъ все обходился какъ женихъ съ невѣстою, откладывая публичное оглашеніе сего акта съ мѣсяца на мѣсяцъ, а наконецъ черезъ мѣсяцъ положилъ быть рѣшительнымъ. Генварь пришелъ; дворъ отъѣзжаетъ; онъ не рѣшился, но увѣряетъ. Мать и дочь въ крайнемъ безпокойствѣ. Публика твердитъ негативу, я же не знаю еще, что изъ всего сего выдетъ; но кажется, что для обѣихъ сторонъ не только не похвально, но и поносно, ежели ни во что обратится [3])".

Къ этому послѣднему пребыванію въ Петербургѣ Кирила Григорьевича относятся слѣдующіе два анекдота, записанные Бантышъ-Каменскимъ. Послѣ Чесменской побѣды, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни и всего двора, митрополитъ Платонъ,

---

[1]) Путешествіе Екатерины въ Крымъ.

[2]) Апраксиной, см. выше.

[3]) „Русскій Архивъ", 1873, кн. I, 0467—0468.

тогда еще архіепископъ Тверской, произнесъ знаменитое слово, среди котораго онъ внезапно сошелъ съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра Великаго и, ударивъ по немъ посохомъ, воскликнулъ: „Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое“ и пр. Среди общаго восторга и умиленія, графъ Кирила Григорьевичъ тихонько сказалъ окружавшимъ его: „чего онъ его кличетъ; если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется“ [1]).

Однажды, когда Разумовскій былъ въ благородномъ собраніи, у соннаго гусара украли дорогую графскую соболью шубу; гусаръ испугался не столько графа, котораго всѣ служащіе обожали, сколько главнаго дворецкаго, и умолялъ Кирила Григорьевича скрыть отъ дворецкаго пропажу. „Не бойся, отвѣчалъ ему графъ, я обѣщаю тебѣ, что кромѣ меня и тебя никто не будетъ объ этомъ знать“. Вернувшись домой, гусаръ на всѣ разспросы о шубѣ ссылался на Разумовскаго, который хладнокровно отвѣчалъ встревоженному дворецкому: „объ этомъ знаетъ я да гусаръ“ [2]). Весною 1787 года Разумовскій покинулъ окончательно сѣверную столицу, въ которую уже не возвращался и объѣхавъ свои Псковскія и Можайскія помѣстья, поселился на жительство въ Москвѣ.

ГЛАВА XIII.

Жизнь въ Москвѣ.

Въ былыя, теперь, увы! давнопрошедшія времена, вельможи и царедворцы, прослуживъ царю и отечеству достаточное число лѣтъ, уступали мѣста свои новому поколѣнію и удалялись въ Москву, гдѣ вполнѣ наслаждались *otium cum dignitate*, о которомъ теперь изгладилось даже преданіе. Тогда рѣдко можно было встрѣтить при дворѣ еле-дышащихъ, дряхлыхъ стариковъ, съ жадностію придерживающихся окостенѣлыми руками къ послѣднимъ призракамъ прежняго значенія, а въ высшихъ сферахъ административныхъ не попадались сѣдые, какъ лунь, сановники, борящіеся съ недугами и немощами глубокой старости. Къ тѣмъ, которые удалялись въ Москву на покой, присоединялись еще недовольные, какъ, напр., графъ Петръ Ивановичъ Па-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, IV, 275.

[2]) Онъ же, Исторія Малой Россіи, прим. къ т. III, 78.

нинъ, Куракины и другіе. „Количество дворянъ, живущихъ въ Москвѣ“, повѣствуетъ одинъ путешественникъ, „невѣроятно. Русскихъ вельможъ весьма немного въ Петербургѣ... Освободившись отъ службы, они всѣ переѣзжаютъ въ Москву... Петербургъ не представляетъ ни одного примѣра этихъ колоссовъ великолѣпія и азіатской пышности, которыхъ намъ не разъ случалось встрѣтить здѣсь“ [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Москва была не то, что теперь. По всей бѣлокаменной возвышались великолѣпныя палаты Русскихъ баръ: на Вздвиженкѣ стояли хоромы Разумовскаго (домъ графа Шереметева), Нарышкиныхъ (архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ) и графа Мусина-Пушкина (фельдмаршала Валентина Платоновича, купленный имъ послѣ смерти великаго канцлера графа М. И. Воронцова, теперь домъ Бутурлиной), на Никитской дома княгини Дашковой (консерваторія), графини Головкиной и князя Юрія Владиміровича Долгорукаго (Реальное училище), на Стоженкѣ—Еропкиныхъ (Коммерческое училище), на Знаменкѣ—Апраксиныхъ (Александровскій кадетскій корпусъ), на Рожественкѣ—графа Р. Л. Воронцова (университетская клиника), въ Новой Слободѣ—графовъ Остермановъ (Семинарія), на Моросейкѣ—графовъ Румянцевыхъ (доставшійся имъ по наслѣдству отъ Матвѣевыхъ, нынѣ домъ Каулина), на Покровкѣ Ивана Ивановича Шувалова (домъ кн. Голицыной), на Басманной—Демидовыхъ (Елизаветинскій Институтъ и школа топографовъ), на Разгуляѣ—графа Мусина-Пушкина (Алексѣя Ивановича, 2-я гимназія). Подъ Донскимъ жили Орловы, на Тверской Чернышевы (домъ генералъ-губернатора), Салтыковы (домъ Мятлева) и Прозоровскіе (домъ Малкіеля), на Страстномъ бульварѣ—Гагарины (Екатерининская больница), на Моховой—Пашковы и Барятинскіе (Университетъ); нынѣшній Сиротскій домъ принадлежалъ князю Михаилу Петровичу Голицыну, теперешній Межевой Институтъ—Куракинымъ и пр. и пр. и пр. Каждому знатному лицу вмѣнялось, какъ-бы въ обязанность, имѣть свои хоромы въ Москвѣ. Всякій служившій въ Петербургѣ исподоволь готовилъ себѣ убѣжище на старость лѣтъ. Всѣ эти роскошные барскіе дома были биткомъ набиты рѣдчайшими коллекціями, библіотеками, мраморами, картинами. „Можно подумать“, говоритъ Кларкъ, бывшій въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, „что обобрали всю Европу для составленія богатѣйшихъ Московскихъ музеевъ“ [2]).

Библіотеки графа Бутурлина, Разумовскаго, Головкина и Демидова были извѣстны по всей Европѣ. Хоромы Голицыныхъ, Головкина, Гагариныхъ, Козлова и проч. были украшены лучшими произведе-

[1]) Voyage de deux Français dans le nord de l'Europe, II, 345.
[2]) Clarke, Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie, I, 108.

ніями Итальянскихъ и Голландскихъ художниковъ. У князей Урусова, Щербатова, Одоевскаго можно было видѣть рѣдчайшія собранія по естественной исторіи [1]). „Коллекціи графа Бутурлина, быть можетъ, самыя замѣчательныя въ Европѣ", говоритъ Кларкъ [2]). „Не станемъ поминать", продолжаетъ онъ, „о тысячѣ другихъ собраній, разсыпанныхъ по Москвѣ" [3]). Куда дѣвались эти сокровища искусствъ, эти рѣдкія изданія, эти богатые минералы, эти груды драгоцѣннаго фарфора, бронзы, мраморовъ? Изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ, все разлетѣлось на воздухъ. Немилосердая рука нашихъ доморощенныхъ архитекторовъ разорила чудныя залы, богатыя гостинныя Екатерининскихъ вельможъ, которыя съ такимъ вкусомъ украшали Растрелли, Казаковъ, Баженовъ, князь Ухтомскій, Гваренги и Камерони. Вельможи... но и отъ нихъ осталось одно только имя, одно только громкое преданіе. То, что французы называли когда-то grand-seigneur и что у насъ вѣрно и мѣтко передано словомъ вельможа, давнымъ-давно исчезло и уже забыто на Руси вмѣстѣ съ преданіями Екатерининской славы. Мѣста вельможъ заняли военные и штатскіе генералы, которые *otium*'а уже не ищутъ, а о *dignitas* имѣютъ самыя оффиціальныя понятія. Стали сходить въ могилу Екатерининскіе орлы, опустѣла и Москва! А за сто лѣтъ много ихъ еще было по бѣлокаменной. Въ тѣ протекшія блаженныя времена, Куракины строили богадѣльню, Шереметевы—странопріимные дома, Голицыны—больницы, и все на царскую ногу. Примѣру бояръ родовитыхъ слѣдовали люди новые: Демидовы осыпали золотомъ юный Московскій университетъ и только что созданный Екатериною Воспитательный домъ. Тогда въ новопожалованныхъ помѣстьяхъ Орловы, Разумовскіе, Завадовскіе и другіе строили великолѣпные храмы, барскіе хоромы, часто посѣщали и по-долгу живали въ своихъ имѣніяхъ. Въ Москвѣ вельможи имѣли значеніе сами по себѣ, а не по мѣсту ими занимаемому. Они любили народъ, раздѣляли его вкусы и были любимы имъ. Каждый вельможа помышлялъ, что не довольно было родиться или подняться на верхъ, чтобы заслужить всеобщее уваженіе и быть чѣмъ либо. Всѣ они возросли на чистой русской почвѣ, всѣ дорожили Москвою, какъ сердцемъ Россіи. На Петербургъ взирали какъ на городъ чисто бюрократическій, гдѣ слѣдовало жить, покамѣстъ состоишь на службѣ. Постоянное же пребываніе тамъ, а тѣмъ болѣе за-границею, было немыслимо для истаго боярина. Независимое положеніе Москвичей поддерживала въ нихъ независимый об-

[1]) Voyage de deux Français, III, 346.
[2]) Clarke, I, 179.
[3]) Тамъ же, I, 178.

разъ мыслей, которымъ не только не пренебрегала, но на которыя даже нерѣдко обращала особое вниманіе Великая Екатерина. Этимъ независимымъ духомъ, впрочемъ, обуреваемъ бывалъ графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій и до переѣзда своего въ Москву. Какъ кажется даже, колкія выраженія его относительно того, что дѣлалось, навлекли гнѣвъ Государыни, иначе трудно объяснить слова, сказанныя ею Храповицкому: „графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣетъ испорченное сердце“ [1]), столь противорѣчащія мнѣнію, выраженному ею о немъ въ ея запискахъ. Графъ Кирилла Григорьевичъ поселился въ великолѣпномъ домѣ, который былъ выстроенъ на старинномъ Романовомъ дворѣ въ 1782 году, по плану графа З. Г. Чернышева [2]) и который донынѣ не измѣнилъ внѣшняго своего вида. Все пространство по обѣимъ сторонамъ Вздвиженки при соединеніи ея съ Моховою, на берегу Неглинной принадлежало въ XVII и началѣ XVIII вѣка Нарышкинымъ. Вздвиженка называлась въ то время Арбатскою улицею. Одна часть со старинными домомъ, извѣстнымъ въ тѣ времена подъ названіемъ Ирининскаго, отъ домовой церкви во имя св. мученицы Ирины, построенной по преданію самимъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, досталась по раздѣлу Александру Львовичу Нарышкину и въ концѣ прошлаго столѣтія продана была женѣ генерала отъ инфантеріи, Софіи Петровнѣ Свѣчиной, отъ которой перешла въ 1818 г. горному правленію [3]). На другой сторонѣ улицы находился такъ-называемый Романовъ дворъ, со многими вокругъ него мѣстами, скупленными у сосѣдей бояриномъ Львомъ Кириловичемъ, который при домѣ выстроилъ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами свв. Варлаама Хутынскаго и Сергія Радонежскаго, совершенно сходную съ церквами имъ же построенными и находящимися въ бывшихъ подмосковныхъ вотчинахъ Нарышкина—селахъ Покровскомъ—Филяхъ, Троицкомъ, — Лыковѣ и Петровскомъ (Разумовскомъ). Въ книгѣ первой ревизіи съ 1722 по 1726 годъ, церковь Знаменія показана на новомъ дворѣ Александра и Ивана Нарышкиныхъ [4]). Церковь сохранила свой первобытный внѣшній видъ. Внутренность, къ сожалѣнію, совершенно передѣлана въ 1847 году. Этотъ Романовъ дворъ, вѣроятно жалованный царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, достался на долю Ивана Львовича Нарышкина, а послѣ него перешелъ единственной дочери его, графинѣ Екатеринѣ Ива-

[1]) Записки Храповицкаго, изд. Барсукова, 73.

[2]) „Русская Старина“, Мартынова, II, 115.

[3]) „Русская Старина“, Мартынова, I, 40. Церковь во имя св. мученицы Ирины, разобранная въ 1842, вновь выстроена по старымъ планамъ въ 1873 г. Самый домъ занятъ теперь архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Тамъ же, II, 115—116.

ницѣ Разумовской. Здѣсь-то графъ Кирила Григорьевичъ зажилъ совершеннымъ вельможею, затемняя пышностію своею другихъ Московскихъ баръ. Въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, бывалъ у Разумовскаго ежедневный открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ многіе Московскіе старожилы помнили еще хлѣбосольство экъ-гетмана и веселые пиры его на Вздвиженкѣ и въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Лѣто Кирила Григорьевичъ проводилъ въ родовой Нарышкинской вотчинѣ жены своей, Петровскомъ, посѣщая, впрочемъ, и другія свои подмосковныя Троицкое-Лыково, тоже Нарышкинское наслѣдіе и Поливаново. Въ первые годы Разумовскій уѣзжалъ иногда на лѣтніе мѣсяцы въ Малороссію, но любимымъ его пребываніемъ до 1794 года было Петровское-Разумовское. „Имѣніе это", говоритъ Коксъ, путешествовавшій по Россіи вмѣстѣ съ лордомъ Гербертомъ, въ 1778 году, „походитъ скорѣе на городъ, чѣмъ на дачу. Оно состоитъ изъ 40 или 50 домовъ разной величины. Одни дома кирпичные, другіе деревянные; одни окрашены, другіе нѣтъ. У графа Разумовскаго находятся тутъ тѣлохранители, множество слугъ и оркестръ музыки" [1]). Огромные Петровскіе пруды были выкопаны работниками-малороссами. Графъ увѣрялъ, что они лучше копаютъ землю, чѣмъ великоруссы, но потомъ признавался, что ихъ выписывалъ за тѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе садиться среди нихъ во время работъ и говорить съ ними на родномъ нарѣчіи. Несмотря на утонченную роскошь свою, на путешествія и придворную жизнь, Разумовскій все-таки оставался хохломъ и признавался, что когда передъ нимъ заиграютъ на бандурѣ, то долженъ скорѣе вспомнить, кто онъ и гдѣ онъ, чтобы не пуститься плясать трепака. Здѣсь въ Петровскомъ, окруженный блестящимъ военнымъ штатомъ: генералъ-и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, цѣлою толпою егерей, гайдуковъ, гусаровъ, скороходовъ, карликовъ и всякихъ другихъ тѣлохранителей, экъ-гетманъ по истинѣ долженъ былъ представиться иностранцу однимъ изъ тѣхъ колоссовъ великолѣпія и азіатской пышности, о которыхъ упоминаетъ Кларкъ. Таковымъ, на самомъ дѣлѣ, показался онъ молодой своей снохѣ, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Разумовской, рожденной графинѣ Тунъ-Гогенштейнъ, съ дѣтства привыкшей однако къ изстари извѣстной роскоши Австрійскихъ магнатовъ. Графъ Андрей Кириловичъ послѣ начала войны съ Густавомъ III, съ опасностію жизни, бѣжалъ изъ Стокгольма. Екатерина была имъ отмѣнно довольна, но все еще не дозволяла ему вернуться въ Петербургъ и младшій Разумовскій изъ Гамбурга прямо

[1]) Voyage en Pologne, Russie etc. par William Coxe, trad. par Mallet. ed. in 4°, I, 148.

проѣхать въ Вѣну. Тамъ любовь невѣсты превозмогла всѣ затрудненія. Къ тому же, дѣло взялъ въ руки, находившійся въ то время въ Вѣнѣ, старый другъ Кирилы Григорьевича, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Молодая Тунъ вскружила ему голову и онъ уговорилъ своего друга дать согласіе. Графъ Андрей Разумовскій женился, не перемѣнивъ ни подданства, ни вѣры, не представивъ даже необходящихся доказательствъ древности дворянства, а тѣмъ болѣе безъ перевода за границу денегъ, которыхъ у расточительнаго дипломата никогда не имѣлось въ запасѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Андрей Разумовскій не безъ труда получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Россію, но только прямо въ Москву, не заѣзжая въ Петербургъ, который былъ для него запертъ съ 1776 года. Самъ Кирила Григорьевичъ, въ Апрѣлѣ 1788, испросилъ у Государыни разрѣшенія на сватьбу сына и на пріѣздъ его въ Москву для свиданія съ нимъ. Снохѣ старикъ Разумовскій подготовилъ торжественную встрѣчу въ Петровскомъ. При пріѣздѣ ея весь военный штатъ фельдмаршала и цѣлая армія егерей, гусаровъ, скороходовъ, лакеевъ, казаковъ, карликовъ и проч. окружили ее на лѣстницѣ [1]). Молодая графиня не была красавицею, но она была крайне миловидна, любезна, ласкова. Вскорѣ домъ Разумовскаго, начиная съ фельдмаршала и кончая послѣднимъ карликомъ, сталъ отъ нея безъ ума. Она ухаживала за свекромъ, говорила съ нимъ по-итальянски, языкъ, къ которому старикъ имѣлъ особое пристрастіе, коверкала передъ нимъ Русскія слова, шутила съ карликами и прислугою, сердечностію обворожила сестеръ, съумѣла даже полюбиться графинѣ Софьѣ Осиповнѣ, однимъ словомъ, она какъ солнечный лучъ освѣтила нѣсколько угрюмый домъ Кирилы Григорьевича. Молодые провели около года въ Москвѣ, наконецъ въ концѣ 1789 г. Андрей Кириловичъ получилъ столь долго ожидаемое разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Онъ поспѣшилъ туда съ молодою женою. Со дня отъѣзда завязалась между отцомъ и сыномъ дѣятельная переписка, благодаря которой Кирила Григорьевичъ снова дѣлается автобіографомъ.

I.

Августа 20-го, 1789 года, Петровское.

Тотъ день, какъ вы отъѣхали, полученъ пакетъ на твое имя съ посылкой, присланной отъ Бориса Александровича Загряжскаго [2]),

---

[1]) См. ниже письма графа Андрея Разумовскаго къ женѣ.

[2]) Борисъ Александровичъ Загряжскій, братъ мужа Наталіи Кириловны, женатъ былъ на княжнѣ Черкасской.

котораго человѣкъ сказалъ, что тутъ отъ господина его письмо имѣется, почему я и распечаталъ, нашелъ тутъ письмо къ себѣ отъ сестры вашей Наталіи, которое съ пособіемъ Алексѣя Кириловича прочелъ и къ прочимъ тоже разослалъ, Загряжскому и какой-то Француженкѣ мамвели или мадамѣ. Твое же запечатать велѣлъ и пришлю съ братомъ Алексѣемъ. Не спѣшу его пересылать, понеже ты автора тамо найдешь. Сегодня принесли ко мнѣ изъ почты надписанное къ тебѣ, которое и прилагаю. Остается мнѣ слово толковать о себѣ. Болѣзни мои не умаляются, горло болитъ, но кажется поменьше, нога тоже не убавляется; какъ вы уѣхали, привязалъ еще гару на плечо лѣвое, а сверхъ гару и на ногѣ котера. Господа Эскулапы еще настоятъ, чтобъ для утоленія боли въ затылкѣ, которая продолжается, или шпанскія мухи пластырь прилѣпить, или пьявицы присадить, или баночную кровь пустить. Если черезъ нѣсколько дней не легче будетъ, то я думаю на послѣднее согласиться. Сверхъ сего, мой козелъ и оселъ [1]) накатываетъ въ меня внутреннія лекарства. Вотъ картина нашея жизни, какъ Сирахъ говоритъ: „юнъ бѣхъ и состарѣхся, инъ тя поящетъ и ведетъ тя аможе не хощеши“ [2]). Любезной Елизаветѣ кланяюсь; желаю отъ сердца, чтобъ ей въ столицѣ менѣе скучно было, нежели въ Петровскомъ. Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, Петру Васильевичу и супругѣ его [3]) мое почтеніе скажи, писать къ нимъ хотя бы и радъ, да не готовъ и сіе съ великою нуждою начертилъ, истинно затылокъ пуще болитъ. Прощайте, будьте веселы и здоровы.

II.

Петровское, 23-го Августа, 1789 года.

Полученныя на имя твое и жены твоей письма включаю. Лизавета твоя увѣренъ, что воспляшетъ, получа два пакета, которыхъ, думаю, давно ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Здоровье мое еще не хорошо, горлу получше, но не совсѣмъ прошло, нога тоже, но больше всего меня безпокоитъ ломъ въ затылкѣ съ лѣвой стороны; не даетъ ни читать, ни писать. Ни котеръ, ни гару на рукѣ лѣвой еще боли не смягчаютъ, равно какъ и всѣ по сю пору способы, то и надобно еще по-

---

[1]) Докторъ графа Кирилы Григорьевича, Нѣмецъ Дуссикъ (см. ниже).

[2]) Текстъ этотъ не изъ Книги премудрости Іисуса сына Сираха, а изъ Евангелія отъ Іоанна, гл. XXI, ст. 18.

[3]) Петръ Васильевичъ Завадовскій (съ 1794 г. графъ), любимецъ Екатерины, статсъ-секретарь, сенаторъ (при Александрѣ I министръ народнаго просвѣщенія) (1738 † 1812), женатъ былъ на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной († 1845), дочери гр. Софіи Осиповны.

пробовать пороть и колоть, чтобъ отъ сей бѣды хотя нѣсколько избавиться. Сегодня на воздухъ выѣзжалъ по причинѣ хорошаго дня. Adieu.

PS. Когда уже сіе запечатано и послано было на почту, то еще три пакетца принесли ко мнѣ на имя ваше съ Лизаветою, я принужденъ былъ поворотить посланнаго, дабы безъ задержанія и сіи къ вамъ доставить, которыя здѣсь и влагаю.

III.

Петровское, 28-го Августа, 1789 года.

На сихъ дняхъ получилъ отъ брата вашего Льва письма, во второмъ и къ тебѣ включено, которое и посылаю. Здоровье мое по осеннему, то-есть не лучше. Хозяйкѣ твоей кланяюсь; я думаю, что она въ столицѣ веселится, чего ей отъ сердца желаю. Магометомъ своимъ, уповаю, зѣло, зѣло занимается.

IV.

Петровское, Августа 30-го, 1789.

Штатеръ [1]) вчера сюда пріѣхалъ и письмо вручилъ отъ тебя; слава Богу, что вы благополучно до С.-Петербурга дотащились. Елизаветѣ твоей любезной кланяюсь, благодарю ее за приписанныя ласковыя слова, въ письмѣ твоемъ. Рука ея довольно четка и напрасно трудится большими каратерами писать, вѣдь я только дурного письма читать не могу, каково есть ея Магомета, а прочее изрядно, а особливо ея, читаю безъ малѣйшаго затрудненія. Скажи ей, что я поклонъ отъ нея всѣмъ отвѣсилъ. Софія Осиповна ее благодаритъ, Анна [2]) и Прасковья [3]) тоже. Васильчикова [4]) сегодня потащилась въ Ростовъ на богомолье, что весьма странно, ибо въ Москвѣ церкви, какъ рощи стоятъ и любую избирать можно на моленіе. Соболева не стоитъ труда посылать на малое время къ тебѣ въ Петербургъ, я его отдалъ Астерлони обучаться коммерціи. Прилагаю письмо къ ло-

---

[1]) Англичанинъ подполковникъ Статеръ, управляющій Малороссійскими имѣніями Разумовскаго. См. о немъ Архивъ князя Воронцова, XIII, 113.

[2]) Анна Кириловна Васильчикова.

[3]) Прасковья Кириловна Гудовичъ.

[4]) А. К. Васильчикова съ-молоду была крайне богомольна, она скончалась монахинею, подъ именемъ Агніи.

безной Елизаветѣ, видно, что долго еще письма сюда къ вамъ приходить станутъ. Здѣсь время стоитъ уже нѣсколько дней прескверное, отчего нетвердое мое здоровье весьма на разладѣ, грудь и плеча такъ болятъ, будто бы кто палками катали. Съ перемѣною вѣтра и погоды можетъ и мнѣ лучше быть. Графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу отъ меня свидѣтельствуй поклонъ. Желаю вамъ въ столицѣ всякаго удовольствія.

V.

Петровское, Сентября 3-го, 1789.

Послѣднее письмо твое отъ 27-го прошедшаго мѣсяца, изъ С.-Петербурга пущенное, получилъ, которое меня увѣдомило, что вы благополучно притащились въ сію столицу. По привычкѣ, письма къ вамъ еще всѣ сюда адрессуютъ и каковы послѣдніе пакетцы получилъ, оные прилагаю. Брату вашему Григорію тоже прилагаю, которому вручи и скажи, что я не пишу къ нему потому, что не очень здоровъ и прошлую ночь пароксизмъ имѣлъ, и такъ здоровье мое къ осеннему. У насъ около сутокъ продолжается великій вѣтеръ; думаютъ, что у васъ должна быть великая вода, ибо его такимъ почитаютъ.

Елизаветѣ Осиповнѣ отъ меня кланяйся; я думаю ей веселѣе Петровскаго, но послѣдней мѣрѣ я того желаю, чтобы ей не скучно было.

Графу Ивану Григорьевичу мое почтеніе и поклонъ Петру Васильевичу Завадовскому.

VI.

Петровское, 10-го Сентября, 1789.

Двѣ почты прошло, я отъ тебя ни строчки не получалъ, а особливо мнѣ нужно было знать, когда и какъ вы представлены были Ея Величеству и Высочайшей фамиліи. Графъ Матюшкинъ [1]) вчера обѣдалъ у меня въ Петровскомъ и сказывалъ, что вы были представлены въ Александровъ день въ вечеру, хотя было и положено быть сему поутру. Отъ графа Ивана Григорьевича тоже получилъ письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что вы были представлены и представленіемъ довольны. Слава Богу! Дай мнѣ знать, какъ съ тобой обходятся, особливо Великій Князь, и куда тебя прочатъ, то-есть къ какой державѣ и долго-ль въ Петербургѣ останешься? Время осеннее большими шагами наступаетъ, убирайтесь поскорѣе изъ Петербурга, если не желаете гдѣ-нибудь въ дорогѣ по грязи пластать или вовсе

[1]) Графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ, т. свѣ. (1725 † 1800).

завязнуть. Прилагаю пакеты полученные изъ почтоваго двора на имя ваше. Любезной твоей Елизаветѣ мой поклонъ скажи. У насъ осень изрядная, но все осень, а не весна и не лѣто, а потому и здоровье мое по осеннему, то-есть сопровождаемо припадками асматическими. Слава Богу, что еще не сильными; окошко на ногѣ я затворилъ, мало пользы причинявшее, а на рукѣ гару еще не оставилъ. Молю Всевышняго да избавитъ васъ отъ подобныхъ лѣкарствъ, и да даруетъ вамъ совершенное здоровье.

VII.

Петровское, Сентября 13-го, 1789.

Отъ 3-го и 6-го ч. сего мѣсяца въ одинъ день письма ваши я получилъ. Изъ оныхъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы имѣли счастіе быть представлены Ея Величеству и Ихъ Высочествамъ и приняты милостиво. Въ провожавшемъ васъ офицерѣ Кругликовѣ, пока вы въ Петербургѣ, я не сомнѣваюсь, что никакой нужды не имѣете, а когда въ путь отправитесь, тогда менѣе нужды въ немъ имѣть будете, потому что онъ никакимъ языкомъ чужестраннымъ не говоритъ, почему и писалъ я теперь къ Моллеру [1]), чтобы онъ сего сюда отправилъ съ первымъ обозомъ, если случится; если же нѣтъ, то давъ ему прогоны по разсчету... Касательно твоего отъѣзда изъ Петербурга, если обстоятельства дозволятъ вамъ и здоровье твоей жены, чтобы по первому пути ѣхать далѣе, то я и самъ почитаю за лучшее, нежели подвергать себя въ глубокую осень на всякомъ шагу въ грязи топиться и вязнуть. Здоровье мое по осеннему; у насъ сырости и мокроты больше; солнце хотя изрѣдка и проглядываетъ, но мало грѣетъ. Лизаветѣ любезной мой поклонъ скажи, благодарите за приписку и пребывайте въ здоровьи. Сіе есть усерднѣйшее желаніе остающагося и кланяющагося всѣмъ ближнимъ и пріятелямъ. Софія Осиповна и прочіе вамъ всѣ кланяются и благодарятъ.

VIII.

Москва, Сентября 27, 1789.

Прилагаю два письма, мною здѣсь полученныя, которыя твоей Елизаветѣ вручи при моемъ поклонѣ, и времени недостаетъ по причинѣ отъѣзда почты, да и писать больше нечего, итакъ, сказавъ тебѣ что я переселился уже вчера съ Петровскаго въ Москву на зимнее ко-

---

[1]) Моллеръ, управляющій Псковскихъ и Петербургскихъ имѣній Разумовскаго.

чевье, остаюсь съ всегдашнимъ моимъ вамъ усерднѣйшимъ доброжелательствомъ и проч.

IX.

Москва, 1-го Октября, 1789.

Получилъ я вчера письмо отъ любезной Елизаветы, которая занимала мѣсто твоего секретаря по причинѣ сей день приключившейся тебѣ головной болѣзни, которой скажи мое благодареніе за всѣ ея ласковыя выраженія, въ письмѣ ея написанныя. Не оставилъ я сказать отъ нея поклонъ живущимъ здѣсь двумъ сестрамъ, Васильчиковой и Гудовичевой, тоже и Софьѣ Осиповнѣ, всѣ ея хоромъ благодарятъ. Три пакета прилагаю, одинъ на твое имя подписанный, другой на брата вашего Григорія, а третій на всю фамилію и тутъ же въ домѣ (sic) камергера Васильчикова [1]), какъ же я по пребыванію моему въ Москвѣ ближе всѣхъ дому Васильчикова [2]), то и распечаталъ оный, не нашелъ ничего на мой счетъ, посылаю къ вамъ всѣмъ, разберите, къ кому изъ васъ принадлежитъ? Градоначальникъ [3]) нашъ Московскій получилъ письмо отъ Всемилостивѣйшей Государыни, которое вчера и мнѣ сообщилъ; въ немъ ознаменуются побѣды надъ Турками. Благодареніе Вышнему, авось за симъ послѣдуетъ миръ и тишина, которыя да даруетъ Богъ. У насъ здѣсь дней уже двѣнадцать какъ продолжается прекрасное время и здоровье мое изрядно.

X.

Москва, 11-го Октября, 1789.

Отъ 4 сего мѣсяца письмо твое вчера получилъ. Хорошо, что вы, между прочимъ осматривая Кронштадтъ и Петергофъ, заглянули и въ Гостилицы, которые вы видѣли съ лучшею прикрасою, нежели я ихъ оставилъ, ибо два пруда, которые всѣ хвалятъ, я только велѣлъ дѣлать, а сдѣланными не видалъ, а плотики думаю, что хорошіе и крѣпкіе; уповаю, что не скоро попортятся. Я уже старъ и слабъ, вижу что здоровье мое трудно укрѣплять и для того устремился на плотики, о чемъ и здѣсь помышляю, какъ бы покрѣпче и попрочнѣе ихъ передѣлать.

---

[1]) Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, камергеръ, любимецъ Екатерины (1740, † 1804); за братомъ его Василіемъ Семеновичемъ была замужемъ дочь Разумовскаго.

[2]) Домъ Васильчиковыхъ у Арбатскихъ воротъ сгорѣлъ въ 1812 году.

[3]) Ген.-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, Москов. главнокомандующій съ 1786—1790 г.

Прилагаю письмецо къ брату Григорію, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ забавляется, и не скучаетъ-ли по Швейцаріи? Софія Осиповна свидѣтельствуетъ вамъ обще съ Елизаветою поклонъ и благодареніе, что объ ней вспомнили. Посланныя лѣкарства съ обозомъ она исправно получила и благодаритъ за выполненіе ея коммиссіи, сказываетъ, что ты обѣщалъ ей что-то о лѣкарствахъ и ихъ употребленіи ей съ Англійскаго по-русски перевесть, но я думаю, что обѣщано было въ Петровскомъ, то трудно выполнить въ столицѣ, а особливо относительно къ переводу съ одного языка на другой. Не знаю, какъ у васъ, а у насъ время стоитъ сухое и ясное, но холодное, ночью морозы 4 и 5°, а днемъ солнце свѣтитъ холодомъ, словомъ какъ итальянцы называютъ „una bella frescatella", но вамъ врядъ ли смѣть пуститься въ дорогу по причинѣ столь поздняго времени, а и первый путь, повидимому, не замедлитъ уставиться.

Здоровье мое изрядно. По вечерамъ, влѣзши въ теплый шлафорокъ, отдуваюсь и отпиваюсь кофеемъ, вмѣсто опіума, которое дѣлаетъ мнѣ облегченіе въ груди и сонъ. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Парасковья наша губернаторша, называемая Гудовичева, таскаясь девять мѣсяцевъ съ большимъ брюхомъ, на сихъ дняхъ родила мертваго сына, отъ чего печалится и плачетъ; что же до ея касается, то по сіе время все изрядно, и никакихъ дурныхъ послѣдствій не примѣчается, впрочемъ ни она и ни кто не знаетъ причины, отъ которой сіи неблагополучныя родины произошли.

XI.

Москва, 19 Октября, 1789.

Кругликовъ вручилъ мнѣ два отъ тебя письма. Правда, что я зналъ нѣсколько изъ писемъ Петра Васильевича и графа Ивана Григорьевича, что ты принялъ намѣреніе подолѣе въ С.-Петербургѣ остаться, но обстоятельно, какъ ты мнѣ не писалъ, не зналъ; коли не гонятъ, то и нѣтъ надобности удаляться изъ такого мѣста, откуда выѣзжаютъ, вѣдая всегда свою хорошую-ль или дурную судьбу, а ты-бъ уѣхалъ, не зная никакой, то и я съ пріятелями нашими согласенъ, чтобъ не спѣшить, если того не потребуютъ обстоятельства. Если бы тебя куда и послать вздумали, то всегда лучше на мѣстѣ взять наставленія, нежели одни только письменныя. Въ избранныя приватныя Ея Величества общества не дѣлай дальнихъ искательствъ, дабы иногда не сочли нахальнымъ. Я не знаю какого свойства теперешъ-

ній фаворитъ [1]), а вижу изъ письма твоего, что онъ съ тобою незнакомъ да и знакомому быть нельзя. Таковыя пропозиціи или изъявленія желанія лучше дѣлать черезъ фаворита, нежели черезъ кого другого; вѣдь у фаворитовъ бываютъ еще ихъ фавориты, дураки и нарядные люди, то и черезъ таковыхъ пристойнымъ образомъ попытки дѣлать можно, которыя и нерѣдко удаются. Что же ты адресовался чрезъ Николая Ивановича Салтыкова [2]), то кажется мнѣ не по пути. Хорошо, что ты къ Потемкину писалъ, а еще лучше если онъ самъ пріѣдетъ и тебя въ столицѣ застанетъ, а и всего лучше, если и сотворитъ по желанію твоему, чего отъ всего сердца моего желаю.

Теперь остается мнѣ сказать тебѣ слово, относительно процессовъ по деревнямъ, опредѣленнымъ на твою часть, съ Дубровскимъ и прочими, о чемъ ты написалъ въ письмѣ къ брату твоему старшему [3]). Чтобъ я, или кто подобный мнѣ, отдавъ недвижимое имѣніе, оставляли и забирали на себя, по онымъ, хлопоты и издержки, сего нигдѣ нѣтъ. Должно тебѣ знать, что всякое имѣніе, по несчастію, не только у насъ, но и во всѣхъ государствахъ, имѣетъ свои выгоды и непріятности, которыя всякъ владѣющій очищать долженъ. Я же, отдавая вамъ имѣніе, даю и полную волю и ни въ чемъ васъ не стѣсняю, слѣдовательно, всѣ изъ васъ имѣете власть дѣлать всякія сдѣлки съ своими нападчиками правильными и неправильными, какъ изволите. Сія судьба и тебя не минуетъ не только теперь, но и впредь, дай Богъ, чтобъ ея только не случилось, вотъ все, что я тебѣ совѣтовать и сказать на сіе могу. Я ищу покою и убѣгаю, сколько возможно, отъ всякихъ процессовъ, которые уже мнѣ наскучили, и уже ни денегъ, ни повѣренныхъ, ни терпѣнія, а паче всего здоровья недостаетъ, а къ тому и зрѣнія и памяти. Другу твоему, любезной Елизаветѣ, кланяюсь.

XII.

Москва, Октября 21, 1789.

Отъ 18 сего мѣсяца письмо твое получилъ. Тому нѣсколько времени, какъ принесли съ почты полученное на твое имя, которое и прилагаю, видно, что письма еще черезъ Москву долго васъ преслѣ-

---

[1]) Въ іюнѣ 1789 года на мѣсто Мамонова фаворитомъ сталъ Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767 † 1822. Графъ Римской имперіи въ 1793; свѣт. князь Римской имперіи въ 1796 г.). Покровителемъ его до 1789 г. былъ Н. И. Салтыковъ.

[2]) Николай Ивановичъ Салтыковъ (1736 † 1816, графъ въ 1790 г., свѣт. князь въ 1814), впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ. Состоялъ сперва при В. К. Павлѣ Петровичѣ, а въ 1789 былъ воспитателемъ В. К. Александра Павловича.

[3]) Графу Алексѣю Кириловичу.

довать будутъ. Моллеръ ко мнѣ писалъ, по возвращеніи его изъ Пскова. Что касается до претензіи по деревнямъ, на твою часть опредѣленнымъ, помѣщиковъ Дубровскаго и прочихъ, то мнѣ давно извѣстно, о чемъ я и съ Моллеромъ, а прежде его съ братомъ твоимъ Алексѣемъ Кириловичемъ говорилъ, переписывался и трактовано было черезъ повѣренныхъ и, словомъ, ничего не пропущено. Находится, что наши доказательства слабы, дабы заочно можно сихъ претендентовъ отбоярить отъ ихъ претензіи и для того разсудилось идти на миръ, что постараемся сдѣлать, не упуская времени, или отдать имѣніе претендующимъ. Таковые процессы во всѣхъ деревняхъ имѣются, но если крестьяне ихъ упустить не хотятъ, то они и уплатятъ употребленную на то сумму исподоволь, на что и твои охотно приступаютъ Что касается до брата твоего Петра, то о семъ было отъ меня рекомендовано Моллеру, дабы на мѣстѣ все объѣздилъ и осмотрѣлъ, что онъ и учинилъ, и разсуждаетъ, что находитъ за способно и не безобидно на обѣ стороны нѣкоторою частью размѣняться съ общаго между вами обоими согласія; о чемъ къ нему писано, чтобы таковой планъ вамъ представилъ и на чемъ вы согласитесь, тому и быть такъ. Сіе вамъ рекомендую учинить какъ по братской любви, такъ и человѣколюбія ради, ибо крестьяне политики не разумѣютъ, они повадились въ лѣса ѣздить и употреблять какъ на свои строенія, такъ и на дрова, легко отъ сего не отстанутъ и будутъ ѣздить насильно и когда станутъ возбранять, послѣдуютъ драки и смертоубійства, что все добрымъ вашимъ согласіемъ упредится, котораго и рекомендую не потерять изъ виду.

Вотъ мое рѣшеніе на два замѣченные тобою пункта и вопросы. Иного я тебѣ мнѣнія подать не могу, какъ вышеписанное. Впрочемъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что съ новаго года деревни тебѣ въ полную посессію отъ меня отдадутся, аще живъ буду; а въ противномъ случаѣ и самъ ихъ возьмешь.

Итакъ, распоряжай ими, что до сдѣлокъ касается, такъ, какъ бы ихъ ты уже въ рукахъ имѣлъ. У насъ время настоитъ весьма пріятное, а потому здоровье мое получше яко термометръ. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

XIII.

Москва, 28 Октября, 1789.

Отъ 18 и 22 Октября письма твои получилъ. Съ разныхъ мѣстъ приходятъ пріятныя вѣсти о побѣдахъ надъ Турками, какъ съ нашей стороны, такъ и Цесарцевъ. Дай Богъ, чтобы въ теченіи зимы, когда все поуспокоится, вышелъ миръ, приносящій дальнѣйшее спо-

койствіе, котораго отъ Царя до пастуха всѣ желаютъ. Бѣдный Король Французскій! не довольно, что всякая въ его государствѣ тварь на него вооружается и обуздаетъ его не токмо на теперешнее, но и на будущее время; но къ бо́льшему поношенію и самой подлой статьи бабы на него наскакуютъ! Вотъ прямо надъ самимъ Государемъ сбылась пословица, гласящая: „на похилое (sic) дерево и козы скачутъ“. Чѣмъ-то все сіе кончится, Богъ вѣсть!

Рекомендованнаго тебѣ доктора-француза, la Rivière, я не отметаю, но и не принимаю, вотъ почему: какъ я давно имѣлъ въ виду съ моимъ сморкачемъ [1]) разстаться, не для того, чтобы онъ хуже въ его искуствѣ былъ многихъ другихъ его сотоварищей, но я хотѣлъ бы имѣть и доктора и компаніона, съ кѣмъ бы иногда на безлюдьи и побесѣдовать, на что́ онъ отнюдь неспособенъ, не говоря никакимъ языкомъ, кромѣ Нѣмецкаго жаргона, почему и рекомендованъ мнѣ былъ еще прошлаго году другой отъ Андрея Осиповича Закревскаго [2]), съ которымъ онъ и переписку имѣлъ, чтобы вступить въ мою службу, на что оный докторъ и согласился; но не знаю какими судьбами выпущена была сія негоціяція изъ виду, которую я теперь опять возобновилъ и вскорѣ ожидаю рѣшительнаго отвѣта: или онъ будетъ у меня, или вовсе его изъ виду оставить и искать будемъ другого. Въ послѣднемъ случаѣ, рекомендованный тебѣ можетъ пригодиться, но до того времени оставить все въ глубокомъ молчаніи, а между тѣмъ сего la Rivière'а ознакомить съ сестрою Загряжскою или нѣкоторымъ изъ шести братьевъ, и примѣчать, какого онъ поведенія, дабы если бы и ты уѣхалъ, я зналъ, къ кому адресоваться и чрезъ кого съ нимъ трактовать.

Григорія уговаривайте всѣ, чтобы онъ въ Швейцарію не ѣхалъ. Чѣмъ онъ скучаетъ? и какая его нужда туда гонить? Буде недоволенъ, что его никуда не опредѣляютъ. Слава Богу! Знать, что не спѣшатъ! Служба не есть володъ, терпѣть можно. Конечно, похвальное дѣло посвятить свою способность на служеніе государству и Государю, но въ томъ оказать свою готовность, что онъ и учинилъ, а затѣмъ быть должно спокойну въ ожиданіи, пока будетъ угодно указать ему мѣсто и должность, и если какое покажется, въ такомъ случаѣ надобно кое-гдѣ и толкнуться, по слову евангельскому: „ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ“. Прила-

---

[1]) Докторъ Дуссикъ.

[2]) Андрей Осиповичъ Закревскій (1743, † 18..), директоръ училища при Академіи художествъ (1775—1780), потомъ президентъ коммерцъ-коллегіи, племянникъ графа Кирилы Григорьевича, братъ Марины Осип. Нарышкиной и гр. С. О. Апраксиной.

гаю письмо о вѣдомостяхъ французскихъ, которое мой Адамъ [1]) [illegible] прослѣзевалъ (sic). Я, слава Богу, по сему сырому и мокрому времени, которое у насъ началось, кромѣ ревматизмовъ, болѣе ни чѣмъ не обезпокоенъ.

Припадка безпокоющаго тебя совѣтую не презирать и по осенней погодѣ не очень пресмыкаться. Adieu.

P. S. Какъ сіе письмо получишь ты отъ графа Ивана Григорьевича Чернышева, чрезъ нарочнаго, отправляющагося по адмиралтейской коллегіи дѣламъ курьера, то и желаю знать: такъ какъ Ихъ Высочества теперь въ городѣ, и обыкновенно бывали у нихъ балы, то есть ли оные теперь и зовутъ ли васъ на оные и каково съ вами обходятся при маломъ дворѣ? При большомъ же всѣ меня увѣряютъ, что хорошо; тоже, какъ думаешь долго остаться въ резиденціи и объ опредѣленіи тебя къ какому-либо мѣсту, внѣ-ль государства или внутри, ничего-ли еще не оказывается?

О всемъ меня при оказіи не оставь увѣдомить.

XIV.

Москва, Ноября 22, 1789.

Послѣднее твое письмо отъ 7-го сего мѣсяца получилъ. Почитая за нужное отвратить цѣль Апраксина [2]) на Вѣну, прилагаю письмо къ сестрѣ вашей Елизаветѣ, которое можешь посредствомъ Ивана Григорьевича или графа Безбородки имъ доставить чрезъ нашего министра тамъ находящагося. Съ письмомъ я теперь о семъ безпутномъ человѣкѣ ни къ П. В. Завадовскому, ни гр. А. А. Безбородко не разсудилъ за нужное адресоваться, почитая довольно будетъ и моего письма, которое подъ открытою печатью посылаю; прочти и, запечатавъ, самъ отдай, кому заблагоразсудишь, для пересылки. Еслибъ паче чаянія сіе не подѣйствовало, то тогда можно къ помощи къ нашимъ пріятелямъ прибѣгнуть, которая можетъ столь дѣйствительна быть, что и изъ Вѣны его выслать могутъ, что и весьма нужно было, дабы онъ впредь по резиденціямъ не совался. У Штатера денегъ нѣтъ, онъ на сихъ дняхъ перевелъ сюда десять тысячъ, которыми я и живу. Къ Моллеру писалъ я, если по Псковскимъ деревнямъ деньги въ сборѣ, чтобъ меня увѣдомилъ, тогда и резолюція моя выйдетъ. Я

---

[1]) Французъ Адамъ, библіотекарь графа Кирилла Григорьевича.

[2]) Графъ Петръ Ѳедоровичъ Апраксинъ († 1813), женившійся отъ живой жены на графинѣ Елизаветѣ Кириловнѣ Разумовской (см. выше и т. III).

самъ въ долгу и недоумѣваю, чѣмъ уплачивать, и какъ впредь жить. Зима у насъ сильная. Зачались морозы до 18-ти градусовъ, а снѣгу мало, такая стужа нерѣдко и меня давитъ и выживаетъ съ постели. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ скажи.

P. S. Прилагаю письмо о деревняхъ, тебѣ мною вручаемыхъ, по которому тебѣ отъ правленія отдача учинена будетъ, если то надобно. Гр. И. Г. Чернышеву и Петру Васильевичу скажи мой поклонъ, не успѣлъ къ нимъ на письма ихъ отвѣчать теперь, а впредь буду. Истинно много письма и нездоровъ.

XV.

Москва, Ноября 27, 1789.

Тому нѣсколько времени, какъ писалъ ты ко мнѣ о докторѣ французѣ, рекомендованномъ Гудріемъ и Роджерсономъ [1]), на что тогда я не могъ ничего опредѣлительнаго въ резолюцію сказать, не получа отвѣта о докторѣ Акортѣ, рекомендованномъ Андреемъ Осиповичемъ. Теперь я получилъ отвѣтъ, что сей докторъ, человѣкъ молодой, перекрестъ изъ жидовъ Польскихъ, который и вѣру католическую, видно, взялъ только для того, чтобы подъ сею маскою въ доктора попасть; большой репутаціи въ тамошнемъ околоткѣ не имѣетъ, ко мнѣ въ службу не болѣе, какъ года на два желаетъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ увѣренъ былъ, что по прошествіи сего времени онъ опять медицинскою канцеляріею въ службу опредѣлится. Таковыя обстоятельства мнѣ не нравятся, я и своего доктора считаю полужидомъ, а тутъ можетъ и полновѣсный жидъ и такой же сморчокъ, какъ и мой, попадется. Да признаюсь тебѣ, что я ко всѣмъ докторамъ эстиму и довѣренность потерялъ и никакого имѣть не хочу; а хочется мнѣ имѣть хорошаго лѣкаря, добраго практика и искуснаго оператора, если бы такой попался, то бы я очень доволенъ былъ. Развѣдай пожалуй отъ Андрея Осиповича, по медицинской отъ Гудра и Роджерсона, и отъ всѣхъ, кто лучшаго рекомендовать можетъ, и коли сыщешь, сондируйте его о кондиціяхъ и отпиши ко мнѣ. Что же до доктора касается, то въ Москвѣ ихъ много, столь же дурныхъ, какъ и вездѣ, а имѣвъ лѣкаря, лучшаго изо-всѣхъ докторовъ за умѣренную плату здѣсь для дому уговорить можно, а въ деревнѣ домашній лѣкарь и пользовать будетъ по наставленіямъ доктора, если онъ

---

[1]) Иванъ Самуиловичъ Роджерсонъ, лейбъ-медикъ Екатерины II, тайный совѣтникъ, † 1823 года.

самъ не лучшаго знанія будетъ. Что о семъ развѣдаешь, ко мнѣ отпиши. У насъ зима сдѣлалась нѣсколько дней мягче, но снѣгу мало наволокло, будто падать хочетъ, но не падаетъ. Здоровье мое не мало претерпѣваетъ, но я берегусь, сколько возможно, терпѣніемъ и постомъ. Послѣ новаго года легче будетъ, ибо Ноябрь и Декабрь для меня всегда трудные мѣсяцы въ году во всѣхъ мѣстахъ.

Елизаветѣ твоей кланяюсь.

XVI.

Москва, Декабря 3, 1789.

Предъ симъ писалъ я къ тебѣ, чтобъ, согласившись съ Андреемъ Осиповичемъ, искать мнѣ хорошаго въ домъ лѣкаря, на мѣсто моего сморкача доктора; теперь съ симъ послалъ я записку къ графу Ивану Григорьевичу о лѣкарѣ, который ему очень знакомъ долженъ быть, котораго взялъ было Шереметевъ [1]) къ себѣ въ домъ по рекомендаціи Роджерсоновой, но за гнусную, сказываютъ, фигуру его отпустилъ. Я не думаю, чтобъ могла въ натурѣ быть гнуснѣе фигура моего и не думаю, чтобъ и акомпанименты гаже быть могли. Ко всему себя я уже пріучилъ, не могу себя пріучить къ тому, кто ни на какомъ языкѣ не говоритъ, а притомъ, весьма сіе животное свой покой наблюдаетъ, а часто очень боленъ, чего я въ докторахъ и лѣкаряхъ терпѣть не могу. Что тебѣ графъ Иванъ Григорьевичъ о рекомендуемомъ лѣкарѣ скажетъ, отпиши ко мнѣ, а я до того времени сего ни видѣть, ни говорить съ нимъ не буду. Доктора я въ домѣ твердо предпріялъ не имѣть, а хорошаго лѣкаря почитаю необходимо нужнымъ. Рекомендованнаго доктора Андреемъ Осиповичемъ никто не похвалялъ, и про тебя одного будь сказано, что въ рекомендаціяхъ Андрей Осиповичъ не счастливъ. Сколько онъ мнѣ разныхъ искусныхъ людей ни рекомендовалъ, ни одинъ ниже посредственный не попадался, то и въ семъ случаѣ навѣдывайся стороною больше, а не чрезъ него.

Вчера здѣсь скончался князь Гагаринъ [2]), оставя въ прежалкомъ состояніи молодую жену и дѣтей въ превеличайшихъ долгахъ; онъ всѣми любимъ былъ и сожалѣемъ, они вамъ очень знакомы и въ Петровскомъ часто бывали, она Плещѣевыхъ, почтенная женщина. Больше писать нечего, я здоровъ, хотя не такъ. Желаю вамъ лучшаго.

---

[1]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (1751 † 1809), братъ графини Варвары Петровны Разумовской, жены гр. Алексѣя Кириловича.

[2]) Генералъ-поручикъ князь Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ (р. 1747 † 2 дек. 1789) женатъ былъ на Татьянѣ Ивановнѣ Плещѣевой.

XVII.

Москва, Декабря 7, 1789.

Послѣднее письмо твое съ курьеромъ графа Ивана Григорьевича получилъ. Признаюсь тебѣ, что я и самъ нѣсколько сомнѣваюсь, чтобъ безпутный Апраксинъ исполнилъ по моему письму, но какъ я желаю чтобъ обойтиться безъ всякаго другого способа къ его понужденію, то и надобно подождать отвѣта, а какъ времени довольно, то нехудо бы дать знать вашимъ въ Вѣнѣ друзьямъ, чтобъ ему больше задъ, нежели лицо казали, что̀ и можетъ въ немъ сдѣлать простуду къ сему мѣсту и онъ скорѣе согласится на мое предложеніе. Здѣсь отъ проживающихъ слышно, что князь Потемкинъ въ Яссахъ и находится съ визиремъ въ перепискѣ о мирѣ, посему и полагаютъ, что онъ не скоро будетъ къ вамъ въ Петербургъ, то и кажется мнѣ, что надежда твоя на сего визиря тщетная, а потому совѣтую, имиже вѣси судьбами, стараться о извѣстности твоей судьбы, прежде нежели изъ Россіи уѣдешь. Кажется, что П. В. Завадовскій и Марковъ [1]) могутъ тебѣ быть пособіемъ по ихъ связи съ Безбородкомъ. Если случай представится, свидѣтельствуй Его Высочеству мою чистѣйшую и чувствительнѣйшую благодарность за его милостивое о мнѣ напамятованіе. Софья Осиповна благодаритъ и кланяется за приписанное ей. Когда ты примешь деревни отъ Моллера, то получишь и собранныя въ оныхъ деньги, о чемъ ему писано будетъ. Я не знаю, кому ты ихъ поручишь въ вѣдомство, но думаю что ты бы съ нимъ твой счетъ нашелъ, если бы ему ихъ поручилъ въ вѣдѣніе, а его съ ними подчинилъ бы хотя Петру Васильевичу или Маркову въ отсутствіи твоемъ. Онъ Лифляндецъ, ему имѣніе сіе теперь знакомо, у насъ же полагаютъ, что всѣ Лифляндцы лучшіе экономы. Онъ же тутъ, думаю, нѣкоторые уже порядки учредилъ. Графу Ивану Григорьевичу скажи мое почтеніе, не пенялъ бы, что къ нему теперь не пишу. На дворѣ оттепель, что̀ меня сильно разстроило, ночь худо спалъ, поутру пароксизмъ имѣлъ, и сіе съ нуждою написалъ, голова какъ лукошко. Adieu.

XVIII.

Москва, 12 Декабря, 1789.

Братъ вашъ Петръ пріѣхалъ сюда; побывъ нѣсколько, отъѣзжаетъ. Вручилъ мнѣ твое письмо, на которое съ нимъ же вкратцѣ отвѣчаю...

[1]) Аркадій Ивановичъ Марковъ въ то время присутствовалъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

любезной твоей, и сожалѣю, что не очень здоровой Елисаветѣ; кан... нѣсь и посылаю [illegible] отъ сердца, желая, чтобъ она с... употребляла съ пользою и удовольствіемъ за нѣжными руками. ... насъ зима [illegible] нечаянная, [illegible] и у насъ сн... нѣтъ, тепло не лучше, холодъ же зимній [illegible] ... все сіе мое слабое здоровье много разстроиваетъ. Груд... болитъ, [illegible] и руки будто [illegible] отъ ревмати... [illegible] будетъ. Перемѣнъ... мѣстъ министерскихъ [illegible] ничего [illegible] во сіе время не видѣть.

XIX

Москва. Декабря 27. 1789.

Письмо, которымъ увѣдомляешь меня о полученіи посланной шуб... я получилъ; радуюсь, если сія посылка тебѣ понравилась; я въ Мол... дару повелѣніе послалъ о томъ, чтобъ собранныя деньги при пору... ніи въ твое вѣдѣніе переведены тебѣ прочемъ были. Неизвѣстнаго лѣкар... я принимаю: желалъ бы я, чтобъ онъ такъ хорошъ былъ, какъ его рекомендуютъ, и такъ полезенъ, какъ бы я желалъ для моихъ немо... щей; впрочемъ онъ для лѣкаря очень не дешевъ. Мой стряпчій ещ... ничего не знаетъ, по малой мѣрѣ намѣренія моего еще не объявилъ. Здѣсь странный по Москвѣ носится секретный слухъ, который отно... сятъ и до меня дошелъ, что Булгаковъ зѣло изъ Тріеста ѣдетъ къ Потемкину и что вы съ Марковымъ туда же назначаетесь для заклю... ченія мира. Есть люди, которые сему вѣрятъ, но я — нѣтъ; а если вы тамъ будете, то миру скоро не будетъ.

Записки Императрицы съ Императоромъ [illegible] своими гарантіями, что не подданствомъ, а вольностію и независимостію сіи люди [illegible] и трудно будетъ имъ съ сей стези сбиться. У насъ непостоянныя и перемѣнныя погоды, отъ коихъ и здоровье мое много претерпѣваетъ. Adieu.

P. S. Съ сею вѣрною оказіею не могу умолчать, сколь мнѣ пріятно *обхожденіе* милостивое Ея Величества съ вами. Но надобно за благо дать тебѣ знать, чтобъ поступать, сколь возможно, умѣреннѣе въ сихъ *обхожденіяхъ*, дабы никогда, хотя невольнымъ образомъ, не навлечь на себя какого-либо непріятнаго и репутаціи твоей вреднаго поступка, тѣмъ болѣе, что публика на ваше поведеніе глаза имѣетъ и примѣчаетъ. Въ доказательство сего и графъ Иванъ Григорьевичъ въ послѣднемъ его письмѣ ко мнѣ написалъ сіи слова: „Графа Ан-

рея Ихъ Высочества, а особливо онъ, весьма милостиво принимаетъ — не сдѣлало бы то вреда?“ Если бы . . . . . [1]). Только что сей надежный пріятель примѣтилъ, то не бѣда; но вотъ бѣда, когда другіе, не столь благомыслящіе и любящіе тебя, какъ онъ, разсуждать вдоль и поперегъ станутъ, и станутъ дѣлать такія разсужденія и заключенія, въ которыхъ ни хвоста, ни головы не найдешь, „at sapienti sat“.

XX.

Москва, 2 Января, 1790.

Симъ поручаю тебѣ коммиссію свидѣтельствовать мой поклонъ любезной нашей Елизаветѣ и сказать ей, что письмо ея получилъ, въ которомъ описываетъ твое сошествіе въ вице-канцлеровъ погребъ, хотя ты не Орфей и не Эвридицію искалъ, но другаго чего, не во адъ сошелъ, но погребъ, но искренне тебя поздравляю, что шеи не сломилъ, а отдѣлался нѣкоторыми контузіями. Впредь же будь осторожень; не твое дѣло по чужимъ погребамъ таскаться; возьми (sic) сію экспедицію, она много можетъ стоять. Прости.

XXI.

Москва, 9 Января, 1790.

Два письма вашихъ получилъ отъ 31 прошлаго года Декабря, и отъ 3 теперешняго Января. Въ сей новый годъ желаю вамъ отъ всего сердца новаго благополучія и совершеннаго здоровья, а особливо любезной твоей Елизаветѣ, которой крайняя въ семъ нужда. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ сестры вашей Елизаветы Апраксиной, которое въ оригиналѣ сообщаю, ибо оно должно васъ успокоить тѣмъ, что намѣренія ихъ нѣту въ Вѣнѣ быть. Одно мнѣ крайне не нравится въ немъ, что Императоръ [2]) занемогъ. Боже, не дай намъ сего друга потерять, другаго подобнаго ему врядъ ли Россія нажить можетъ.

Прилагаю письмо отвѣтное, которое доставить ей постарайся.

Скажи брату Алексѣю Кириловичу и сестрѣ Загряжской, что я письма ихъ получилъ, чтобы не пеняли, что не отвѣчаю, истинно не могу, сіе пишу, а голова какъ лукошко. Зима наша непостоянная, вся въ пароксизмахъ, а здоровье мое какъ гагръ (sic) за нею слѣдуетъ.

---

[1]) Точки въ подлинномъ письмѣ.

[2]) Іосифъ II.

Философъ нашъ, чаю, скоро сюда будетъ, получивъ свою отставку. Льва всякій день сюда ожидаю. Кланяюсь Елизаветѣ, желаю ей отъ сердца, чтобъ здоровье ея совершенное сдѣлалось.

Прощайте, съ дурною головою писать не ловко.

XXII.

Москва, 15 Января, 1790.

Письмо твое съ майоромъ моимъ получилъ. Оставимъ политику съ ея безпокойствами, станемъ говорить о твоемъ миролюбивомъ Королѣ [1]), котораго и я право любить зачинаю, и постараюсь, и чрезъ Ивана Васильевича и чрезъ прочихъ другихъ, поискать лучшихъ гончихъ собакъ. Лѣтомъ сего нельзя было сдѣлать, понеже и господа и собаки были въ поляхъ и лѣсахъ, но какъ первыхъ зима въ городъ загнала, вторые сысканы будутъ. Я думаю, что сихъ животныхъ пары три или четыре доставить и при нихъ охотника и другого надобно же, которыхъ искать станемъ. Словомъ, что впредь будетъ, не оставлю тебя увѣдомить. Между тѣмъ, если бы собраны были, то куда имъ идти до Вѣны: черезъ Петербургъ или черезъ Польшу? О семъ меня увѣдомить рекомендую. Лизаветѣ нашей любезной кланяюсь. У насъ зима началась и морозы великіе всѣ давятъ и мою грудь въ покоѣ не оставляютъ. Буду ждать лучшаго.

XXIII.

Москва, 24 Января, 1790.

Послѣднее письмо твое отъ 14 сего мѣсяца получилъ. О собакахъ, требуемыхъ тобою, писалъ я уже къ И. В. Гудовичу; но то было о гончихъ, которыхъ я ему рекомендовалъ доставить лучшихъ. Теперь буду писать о борзыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, у него лучшія и льщу себя, что онъ можетъ быть пару и удѣлитъ, хотя онъ, послѣ жены и дѣтей, сихъ животныхъ любитъ паче другихъ. Словомъ, пару, другую и третью сихъ собакъ я здѣсь наберу; тѣхъ же, которые бы ихъ до Неаполя доставили, ищу въ моей охотѣ, изъ которыхъ одинъ пьяный, да полпьяный, а посему, по малому количеству какъ собакъ, такъ и людей и качеству сихъ послѣднихъ, не можно будетъ хорошей

---

[1]) Фердинандъ IV, король Неаполитанскій, р. 1751 † 1825, мужъ Маріи-Каролины-Луизы Австрійской, сестры Королевы Французской Маріи-Антуанеты. См. о ней т. III, біографія князя А. К. Разумовскаго.

эпохи (sic) ожидать въ какомъ бы они костюмѣ въ Неаполѣ ни предстали, ибо пьянство все помрачитъ. Сказавъ тебѣ вышеписанное, скажу теперь мою слѣдующую мысль. Я полагаю, что о сей посылкѣ необходимо должно внушить Ея Величеству, пристойнымъ образомъ, ибо хотя дѣло идетъ о нѣкоторомъ числѣ собакъ, но притомъ послать должно подданныхъ ея, а сіе и заставляетъ увѣдомить ее, дабы иногда не принято было за противное. Итакъ прежде всего внушить сію исторію Ея Величеству за нужное и необходимое считаю. Мнѣ и то приходитъ на мысль, не угодно-ли ей будетъ сей пріятной для Короля подарокъ отъ себя учинить, взявъ за предметъ, что она, узнавъ отъ тебя, что Его Величество желаетъ Русскую охоту имѣть, тогда выйдетъ стая гончихъ, по препорціи борзыхъ 12 или 15. Охотниковъ, одѣтыхъ богато, какъ въ старину въ царскихъ охотахъ одѣяніе бывало, на сѣдлахъ русскихъ, на коняхъ бѣлыхъ, вотъ видишь не шутка будетъ — царскій и пріятный подарокъ, и будетъ эпоха въ Неаполѣ о собакахъ и охотѣ Русской, какъ въ Гишпаніи и Англіи объ овцахъ. Таковые подарки у Государей всѣгда въ обыкновеніи и тѣмъ часто съ пріятностію ихъ дѣлаютъ, что они пріятными будутъ, а собливо когда ихъ горячо желаютъ. О сей моей мысли посовѣтуйся какъ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, такъ и съ другими пріятелями, яко съ П. В. Завадовскимъ, съ гр. А. А. Безбородкою и прочими, и какая ихъ мысль будетъ—увѣдомь. А я между тѣмъ буду писать въ Малороссію, чтобы двухъ лучшихъ охотниковъ выслали. Но лучшіе будутъ пьянъ да полпьянъ. Здоровье мое по зимнему, то-есть перемѣнчивое. Любезной Елизаветѣ кланяюсь, желая вамъ всякаго благополучія.

P. S. Философъ нашъ увѣдомилъ меня письмомъ, что онъ направилъ лыжи изъ Петербурга въ Швейцарію съ великимъ, однакожъ, восхищеніемъ по причинѣ даннаго ему диплома княгинею Дашковою, которымъ онъ въ чинъ членовъ академіи нашей принятъ.

XXIV.

Москва, 28 Января, 1790.

Графъ Рехтеръ сюда пріѣхалъ какъ снѣгъ для меня на голову, котораго я не ожидалъ и, увидя внезапно передъ собою, удивился. Онъ у меня почти всякій день бываетъ, вручилъ мнѣ твое письмо, изъ котораго, увидя, что вы здоровы и ѣздите по баламъ, заключаю, что и весело ваше время провожаете, чему сердечно радуюсь. Отъ И. В. Гудовича еще и на первое письмо отвѣту не получилъ, а о послѣд-

немъ еще писалъ къ нему съ его женою, которая дня три какъ къ нему съ дѣтьми отправилась отсюда. Ожидаю вскорѣ на оба сіи письма отвѣта; впрочемъ я все въ тѣхъ мысляхъ, что Ея Величество, если только ей представлено будетъ, изволитъ указать отъ ея имени сію угодность сдѣлать для такого Государя, который нашъ союзникъ и въ котораго порты, какъ бы въ свои, наши корабли заѣзжаютъ. Коли во время оно Императрица Анна Ивановна Королю Прусскому триста человѣкъ великановъ подарила, до которыхъ онъ былъ великій охотникъ, то для чего-бъ нельзя подарить сотню собакъ и нѣсколько человѣкъ ихъ директоровъ Государю, который великую охоту имѣетъ къ симъ животнымъ, и который съ лучшимъ удовольствіемъ такой подарокъ приметъ, нежели военный корабль или полкъ вооруженный? Поговори и подумай о семъ съ пріятелями. Здѣсь я въ разговорахъ сказалъ мою идею князю А. М. Голицыну [1]), онъ весьма похвалилъ и тоже думаетъ, что таковой подарокъ у мѣста былъ бы. Чтобъ тебѣ на малое время съѣздить въ имѣніе твое Псковское, въ Кирилловскую мызу, для обозрѣнія? Я весьма похвалилъ бы такое (посѣщеніе), оно первое будетъ помѣщичье въ сей мызѣ, какъ оная заведена, ибо я самъ ее не видалъ послѣ сей эпохи. Сейчасъ явился у меня молодой Демидовъ [2]), который вручилъ твое письмо и приложенное отъ Вѣры Николаевны Завадовской къ матери ея, которая поручила мнѣ свидѣтельствовать ея благодарность тебѣ за приписанное къ ней. У насъ морозы невелики, снѣгу довольно нападало и частыя перемѣны въ воздухѣ, отъ которыхъ и я не мало въ моихъ немощахъ претерпѣваю. Любезной Елизаветѣ и всѣмъ моимъ пріятелямъ отъ меня кланяйся. Adieu.

P. S. Когда письмо мое къ тебѣ уже написано и запечатано было, то получилъ я отъ Ивана Васильевича въ отвѣтъ на мое къ нему писанное. Я его нарочно скопировать приказалъ, которое здѣсь влагаю. Ты изъ онаго увидишь, что онъ, яко охотникъ, понялъ яснѣе, нежели въ письмѣ твоемъ написано было, то-есть что собаки должны быть борзыя, а не гончія, коихъ онъ ни во что вмѣняетъ. По письму его сіи животныя вскорѣ сюда присланы будутъ, съ которыми обходиться у меня въ дому никто не знаетъ, ибо моя охота вся въ Батуринѣ и еще завтра туда отправится требованіе, чтобъ охотниковъ прислали.

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (1723 † 1807), вице-канцлеръ съ 1762 по 1774 г., потомъ оберъ-камергеръ.

[2]) Вѣроятно Николай Никитичъ.

XXV.

Москва, 13 Февраля, 1790.

Сіе пишу тебѣ единственно только съ тѣмъ, чтобы ознакомить тебя со вручителемъ бригадиромъ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, который меня просилъ, чтобы препроводить его письмомъ къ тебѣ какъ человѣка незнакомаго, который желаетъ вашего знакомства. Я его рекомендую какъ добраго и честнаго человѣка. Отъ Ивана Васильевича извѣстныхъ собакъ я еще не получалъ, а по письму его всякій день ожидаю. Къ немощамъ моимъ прибавился проклятый кашель, который меня мучитъ.

XXVI.

Москва, 21 Февраля, 1790.

Отъ 17 сего мѣсяца письмо твое получилъ, собакъ еще отъ Ивана Васильевича мнѣ не доставили; я не оставлю ему при первомъ случаѣ свидѣтельствовать твою ему благодарность. Я считалъ уже тебя по письмамъ Моллеровымъ въ твоихъ деревняхъ, но если сію поѣздку отложить можешь до весны, то тѣмъ лучше будетъ. Съ симъ посылаю двѣ книги исторіи Петра I-го, которыя кошевой мой снарядилъ [1]). Я крайне безпокоенъ нѣсколько уже дней жестокимъ кашлемъ, который меня лишилъ сна, вкусу и аппетиту; обратилъ искуство моихъ врачей въ невѣдѣніе и всю ихъ науку въ безполезную микстуру, которою долго меня чинили. Осталось, кажется, ожидать помощи отъ времени, а паче всего отъ Бога. Любезной твоей Елизаветѣ кланяюсь.

XXVII.

Москва, 27 Февраля, 1790.

Письма твои отъ 25 и 31 прошедшаго мѣсяца получилъ. Въ первомъ пишешь, что записку о коммиссіяхъ у себя не могъ отыскать, почему я пошарилъ въ своихъ запискахъ и нашелъ оную подлинную, твоею рукою писанную, которую въ оригиналѣ и посылаю, оставивъ у себя точно такую-же копію. Карета Брюссельская должна быть четверомѣстная—на рессорахъ, хотя и назначена была въ запискѣ безъ рессоровъ, но я, справясь, что и прежняя была съ рессорами, замѣтилъ на сторонѣ „par un NB“. Впрочемъ, все такъ, какъ въ запискѣ быть

[1]) Не о сочиненіи ли Туманскаго здѣсь говоритъ Разумовскій?

должно, наблюдая, чтобъ все было крѣпко, чисто и покойно сдѣлано, не гоняясь за богатыми украшеніями. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ И. В. Гудовича, котораго копію прилагаю, изъ которой усмотришь, сколько онъ заботится о собакахъ и думаю, что хороши будутъ. Если бы угодно было сію посылку отъ двора сдѣлать, то бы и нашихъ туда же включить надобно, яко хорошихъ, а если сего учинить не разсудятъ, то надобно поискать человѣка, кто бы ихъ доставить могъ, ибо на однихъ охотниковъ нельзя положиться, яко на людей безгласныхъ, о чемъ заранѣе думать должно. Постарайся пріискать таковаго человѣка у васъ, а если не сыщется, дай мнѣ знать, то я здѣсь поищу. Напрасно вы столько заботитесь о мебеляхъ, я никакихъ оттуда [1]) брать не велѣлъ. Одно бюро назначилъ-было, но увидѣлъ, что сію зиму никакъ нельзя его употребить по причинѣ, что кабинетъ мой очень холоденъ оказался, то и не велѣлъ его оттуда трогать и скажи твоей Елизаветѣ, чтобъ она была здорова и съ сей стороны была спокойна; если и будущую зиму останетесь, то и онъ при васъ. Графу Ивану Григорьевичу я ничего о семъ не скажу, да не о чемъ и говорить о такой бездѣлицѣ, которая словъ не стоитъ.

Я получилъ отъ Моллера письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты намѣренъ ѣхать въ Псковскія деревни твои для обозрѣнія и онъ за тобою. Сіе весьма хорошо и полезно, дабы ты видѣлъ свое имѣніе.

Здоровье мое все по зимнему, то-есть не хорошо. Прибавился прежестокій кашель, который много меня безпокоилъ, кажется становится полегче, но еще не оставляетъ меня нѣсколько безпокоить. Дня съ четыре какъ Левъ нашъ пріѣхалъ сюда, думаетъ къ вамъ ѣхать со временемъ.

Будьте здоровы съ любезной Елизаветой.

XXVIII.

Москва, 3-го Марта, 1790.

Вчера возвратился М. В. Гудовичъ и вручилъ письмо отъ тебя, хвалитъ и прославляетъ знакомство твое съ нимъ. Письмо твое къ Ивану Васильевичу сегодня же отправилъ, ибо люди его, приведшіе собакъ, сегодня къ часу отправляются. О смерти Императора [2]) Москва говоритъ и всѣ съ сожалѣніемъ. Похитила смерть сего Государя у подданныхъ, у нашей Императрицы вѣрнаго друга и у Россіи хорошаго

---

[1]) Т.-е. изъ Петербургскаго дома, на Мойкѣ, что̀ теперь Воспитательный домъ.

[2]) Императоръ Іосифъ II (р. 1741), умеръ въ Вѣнѣ, послѣ продолжительной болѣзни, 20 февраля н. ст. 1790 г.

сонника „тако-бо преходитъ яко тѣнь слава міра сего“. Жалка бѣдная наша Великая Княгиня, потерявъ свою любезную сестру [1]). Я понимаю всю тяжесть ея грусти по любви ея и нѣжности. Кондратковскій пріѣхалъ, письмо твое привезъ, трудно, кажется, пробиться къ вѣнскому посту, пока старикъ [2]) его не оставятъ, но бѣды нѣтъ, что попытался, но хранить въ тайнѣ сію попытку сколько возможно должно. Съ моей стороны будь увѣренъ и спокоенъ, что ни врагу, ни другу тайна сія повѣдана не будетъ.

Собаки и охотники здѣсь, ихъ должно по зимнему пути посылать, а зимній путь уже исчезъ, вотъ бѣда: какъ намъ жениться, такъ и ночь коротка! Побуждай графа Безбородко, чтобъ доложилъ Царицѣ. Истинно гораздо бы и для насъ лучше, и для Ея Величества славно, да Королю бы пріятно было столь знатное собачье посольство! Но пора, пора что нибудь да дѣлать, ибо и одѣть и прибрать надлежитъ сихъ посланцевъ по пристойности. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ скажи. Жестокой меня кашель оставилъ, есть однако же остаточки, но лучшаго ожидаю поправленія отъ весны и благорастворенна воздуха.

PS. Ты видишься часто съ Иваномъ Григорьевичемъ, графомъ Чернышевымъ, и П. В. Завадовскимъ, кланяйся имъ отъ меня и скажи, чтобы не попеняли, что на письма ихъ не отвѣчаю, ей мочи нѣтъ.

XXIX.

Москва, 10-го Марта, 1790 г.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ позабылъ я тебя благодарить за присланную зимнюю рубашку, изъ вигонь [3]) сдѣланную, что симъ теперь исполняю. У меня подобная имѣется и хорошо ее носить и тепло. Нѣтъ-ли у сего продавца сихъ вещей такихъ же панталонъ, или какихъ бы то ни было шерстяныхъ бѣлыхъ для зимы и шелковыхъ для лѣта? Я бы желалъ по парѣ имѣть. Если сыщутся, то для меня возьми, а что стоить будутъ, деньги Моллеръ заплатитъ.

Собакъ для посольства у меня много, т.-е. около десяти набралось, но не думаю, чтобъ всѣ онѣ для посольства годились, а довольно бу-

[1]) Эрцгерцогиня Елизавета, рожденная Принцесса Виртембергская, меньшая сестра Имп. Маріи Ѳеодоровны. Первая жена Имп. Франца II Германскаго (Франца I Австрійскаго). Она умерла 17 февраля 1790 г., за три дня до смерти Іосифа II.

[2]) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (1721 † 1793), въ то время посолъ въ Вѣнѣ.

[3]) Vigogne.

детъ собакъ шесть или восемь лучшихъ справить. Жаль мнѣ, если Государыня не захочетъ сей столь для Неаполитанца знаменитый подарокъ отъ себя послать. Кромѣ что намъ заботно и не дешево станетъ, и подарокъ не будетъ той цѣны имѣть, какъ бы оный имѣлъ отъ аттенціи Ея Величества. То ли другое, пора знать, и для того проси Безбородко, чтобъ доложилъ Ея Величеству, дозволитъ-ли она, чтобъ сіе нами сдѣлано было, если же не изволитъ отъ себя послать. Кромѣ двухъ охотниковъ, надобно необходимо послать при нихъ и офицера, для чего я избралъ на сей случай Денисьева, сына моего флигель-адъютанта, о чемъ и писалъ къ отцу, представляя ему сколь авантаженъ такой вояжъ для молодого человѣка. Еще годился бы на сей случай генералъ-адъютантъ мой Будлянскій, Михаила Власьевича сынъ [1]), онъ у васъ въ С.-Петербургѣ, посондируй его и мнѣ дай знать, а если ни той, ни другой не согласятся, то поискать изъ унтеръ-офицеровъ или офицеровъ гвардіи. Я не думаю, чтобъ на столь хорошую коммиссію охотниковъ не нашлось. Здоровье мое на разладъ. Родъ ревматизмовъ во многихъ частяхъ меня безпокоитъ, надо терпѣть и отдуваться, пока благотворный весенній воздухъ чѣмъ лучшимъ зимнюю загустѣлость въ тѣлѣ наградитъ. Поклонъ любезной Елизаветѣ и здравія вамъ обоимъ отъ сердца желаю.

XXX.

Москва, 20-го Марта, 1790.

Я не знаю что̀ дѣлать съ нашими собаками. Онѣ собраны штукъ восемь добрыхъ, два охотника, привезенные изъ Батурина, которыхъ ни срядилъ, ни сготовилъ къ отправленію, потому что отъ тебя никакого извѣстія не получаю, отправлять-ли ихъ или нѣтъ? Время весеннее однакожъ приближается и корабельный ходъ тоже; ты по веснѣ собираешься уѣхать, то кто же въ сіе время въ отсутствіи твоемъ приметъ ихъ для отправленія и прочее? Мнѣ приходитъ на мысль, не лучше-ли сію экспедицію остановить до удобнѣйшаго времени, ибо теперь вездѣ воюютъ, вездѣ бунтуютъ, скоты наши, могутъ, хотя неповинные и къ неповинному Царю грядущіе, могутъ, говорю, тою или другою шайкою схвачены быть и лишить насъ сего предмета. Подумай о семъ и дай мнѣ знать, я тотчасъ оглобли сіи въ другую сторону поворочу. Если же посылать, то надобно, мнѣ кажется, упредить

---

[1]) У М. В. Будлянскаго было два сына: Алексѣй и Петръ. Не знаемъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Дюка Серра Капріола [1]), чтобы онъ уже на себя принялъ отправленіе сихъ людей и скотовъ къ его Государю, въ отсутствіи твоемъ. Онъ можетъ нѣкоторыя издержки на сіе употребить, которыя ему отъ его двора возвращены будутъ, а я уже могу прямо ихъ къ нему адрессовать, а за цѣлость сей экспедиціи и за доставленіе ея онъ отвѣчать долженъ будетъ. Вотъ моя мысль, которую тебѣ на разсмотрѣніе сообщаю и ожидаю твое о семъ мнѣніе. Но чтобъ ни предпринимать дѣлать, пора знать рѣшеніе нашей Государыни о семъ. Состояніе мое ни первое между здоровыми, ни послѣднее между больными, ожидаю теплую и пріятную весну яко лучшаго лекарства и обращаю взоры и мысли мои въ Петровское. Кланяюсь любезной Елизаветѣ и желаю вамъ всѣхъ и всякихъ благополучій.

XXXI.

Москва, 28-го Марта, 1790.

Отъ 13 и 21 Марта письма твои получилъ. Посольство собачье, какъ тѣ, которыя отъ Ивана Васильевича присланы, такъ и прочія собранныя дружины, содержатся въ добромъ присмотрѣ и трактаментѣ. Прилагаю пакетъ, который я изъ Петербурга получилъ въ моемъ пакетѣ, оный, кажется мнѣ, что принадлежитъ вашему повару, ибо у меня чужестранца нѣтъ. Касательно герба моего и chiffre'а, я приказалъ то и другое сдѣлать, и какъ скоро готово будетъ, то пришлю. Признаюсь, что я сіе совсѣмъ было позабылъ. Если же надобно симъ поспѣшить, то вотъ способъ легчайшій: всѣ мои дипломы и граматы въ казенной въ С.-Петербургѣ, то прикажи взять изъ казенной: графской дипломъ, въ которомъ найдешь гербъ со всѣми цвѣтами описанный, который прикажи скопировать кому нибудь, хотя въ академіи художествъ, имя тоже не трудно написать, и, какъ все сіе готово будетъ, то и посылай, куда заблагоразсудишь. Судя по слухамъ политическимъ и снарядамъ военнымъ, любезные миръ и тишина отдаляются; все подвергается неизвѣстному року! Дай-то Богъ, чтобъ возсіяло знаменіе во благо для достиженія желаемаго покоя! Растаяло было все, оказывало приближеніе весны, но вдругъ задуло по зимнему, заморозило и дало пощечину веснѣ, которая гораздо кажется поотчалила. Здоровье мое тоже не спокойное; въ разныхъ мѣстахъ ревматизмъ меня безпокоитъ, но дѣлать нечего, все что ни употребляю,

---

[1]) Герцогъ Серра Капріола, Неаполитанскій министръ въ Петербургѣ (р. 1752 † 1822), женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской († 1839), дочери генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

дальняго спокойства не дѣлаетъ, видно что терпѣть надо въ ожиданіи отъ Бога и лучшаго времени помощи. Елизаветѣ кланяюсь.

XXXII.

Апрѣля 6-го, 1790. Москва.

По послѣднему твоему письму собачье посольство, о коемъ мы столько заботимся, кажется, на хорошей дорогѣ. Съ кн. Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ оберъ-егермейстеромъ [1]) можно трактовать, я не думаю, чтобъ онъ въ чемъ либо какое затрудненіе сдѣлалъ, равно и о собакахъ, которыхъ штукъ восемь рекомендованныхъ наберется, говорить съ нимъ можемъ, тоже и посылать-ли при нихъ особаго человѣка или нѣтъ, и, если посылать: должно-ли его одѣть по охотничьей нашей ливреи или никакъ не одѣвать? Все сіе мнѣ знать должно для того, чтобъ я могъ скорѣе отправить въ С.-Петербургъ. Я не сомнѣваюсь, что по первой оказіи получу отъ тебя извѣстіе, которое мнѣ руки развяжетъ по сей матеріи.

Политическія вѣдомости дурное гласятъ. Пруссакъ союзъ заключилъ съ Турками и съ Татарами, и съ Поляками, все сіе около Цесарцевъ и насъ вертится. Шведъ на миръ нейдетъ, да и нельзя ему подладиться подъ тонъ, которымъ ему предлагаютъ, если нѣсколько октавъ не спустятъ. Все сіе знаменуетъ войну жестокую и смертоносную, и кажется сей годъ паче другихъ обагренъ будетъ кровью человѣческою, будь воля Божія и Государева, а бѣднымъ ихъ рабамъ тяжело зѣло, зѣло становится! Я думаю, Левъ нашъ скоро возвратится; отпиши съ нимъ, какъ тебѣ везетъ у дворовъ меньшаго и большаго и куда тебя прочатъ къ мѣсту. Штакельбергъ [2]) сказываютъ смѣняется. Польша—мѣсто хорошее, но не въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Сказываютъ, опредѣляется или опредѣленъ туда Булгаковъ [3]).

По Москвѣ слухъ носится, что будто положено у Визиря и князя Потемкина, какъ скоро выступятъ въ поле и станутъ въ ружье, то миръ съ Россіею и съ Портою заключится. Два тому резона полагаю, что Алкоранъ запрещаетъ мириться иначе какъ имѣвъ оружіе въ рукахъ, а притомъ, чтобъ симъ способомъ отдалить всѣхъ посред-

---

[1]) Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (р. 1741, † 1810), оберъ-егермейстеръ и андр. кавалеръ.

[2]) Графъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ (1736 † 1800), д. т. с. и кав. ордена св. Алекс. Нев. Посланникъ въ Италіи и посолъ въ Варшавѣ, откуда онъ былъ отозванъ въ 1790 г. и назначенъ въ Швецію.

[3]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 † 1809), посланникъ въ Царьградѣ, а съ 1790—1794 въ Варшавѣ.

ственниковъ, которые нерѣдко бываютъ сущіе волки въ овечьей кожѣ и вмѣсто чтобъ сѣшили вѣнки мирные сплетать, къ пулямъ и ядрамъ поощряютъ, и наконецъ чтобъ не произвесть ревности въ разныхъ державахъ. Дай-то Богъ, чтобъ такія вѣсти сбылись. Давно ни ты, ни графъ Иванъ Григорьевичъ не споминаетесь въ письмахъ вашихъ взаимно, не поссорились-ли вы?

Весна у насъ настаетъ и я въ Петровское переселяться помышляю около конца сего мѣсяца. Елизаветѣ твоей кланяюсь, радуюсь, что она здорова. Я же не очень. Весна и жизнь петровская поправитъ желающаго вамъ всѣхъ благъ.

XXXIII.

Москва, 14-го Апрѣля 1790.

Почти ничего къ тебѣ писать не имѣю, какъ только ожидаю извѣстія отъ тебя, посылать-ли собакъ, или вовсе посылку сію уже оставить, о чемъ меня не замедли увѣдомить.

У насъ стало было походить на весну, но вдругъ нападалъ снѣгъ и стали ѣздить на саняхъ, словомъ, заглянешь въ календарь, видишь Апрѣль, а на дворѣ похоже на Январь. Здоровье мое тоже не въ лучшемъ положеніи, но надежда, что сіе не надолго продолжится, ободряетъ; желаю вамъ всѣхъ благъ.

XXXIV.

Москва, 15-го Апрѣля 1790.

Вчера письмо твое послѣднее получилъ, вижу, что посольство наше долго еще продолжится, по причинѣ, что попалось на докладъ графу Безбородко, который въ обѣщаніи споръ, а кажется пора доложить, но въ исполненіи совсѣмъ тому противное выходитъ. Скажи вн. Петру Алексѣевичу, что число собакъ, которыхъ я полагаю послать— восемь, а если ему много покажется, то можно и на шести помириться. Что касается до герба и имени, то велѣлъ я ихъ писать поприлежнѣе и какъ скоро готовы будутъ, то по почтѣ перешлю, правда, что въ граматахъ и дипломахъ въ С.-Петербургѣ имѣются гербы, но скопировать ихъ нѣтъ способа, хотя бы и Моллеръ былъ въ городѣ, ибо по выправкѣ оказалось, что ключи здѣсь, а не у него. Мнѣ приходитъ на мысль, буде мы опоздаемъ съ доставленіемъ шифровъ и гербовъ въ Брюссель и Парижъ, то можно ихъ написать, когда они въ Петербургъ привезены будутъ, а тамъ бы только назначили гдѣ быть

вовсе отмѣнить. Хотя-жъ о выпускахъ сзади и приказалъ я отмѣнить, но ихъ почитаю une commodité de plus, и думаю по наслышкамъ, сіи выпуски ослабятъ повозку, но если художникъ не сего мнѣнія, то лучше ихъ оставить. Гербъ уже для сихъ повозокъ посланъ, а за симъ получишь и вензель написанный изрядно. Какъ скоро отъ тебя сказано будетъ, собачки отправятся и все къ тому готовится. Софія Осиповна просила меня, чтобъ какъ тебѣ, такъ и Елизаветѣ ея поклонъ и почтеніе начертить. Отъ меня любезной Елизаветѣ кланяюсь, отъ сердца желаю, чтобъ надежда ваша была не тщетна. Adieu.

XXXVII.

Мая 13, 1790 года, Москва.

Послѣднее письмо твое наполнено пріятными вѣдомостями, которыя должны Государыню и всѣхъ подданныхъ веселить и къ коимъ еще старичёкъ Чичаговъ [1]) прибавилъ хорошую штуку, прогнаніемъ непріятельскаго флота и уничтоженіемъ самаго коварнаго и опаснѣйшаго предпріятія, которому видно, что Рогервикъ [2]) былъ моделью, но Русскій Роберти принялъ гостей такъ, какъ они и не ожидали! Дай Богъ, чтобъ и впредь ихъ поталкивать, авось втолкаютъ въ королишку Шведскаго мирныя мысли. Что касается до запасу, который ты предпріялъ сдѣлать женѣ твоей, то я почитаю резонабельнымъ, но почитаю за необходимое внесть, что сіе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если судьбами Божіими твоя жизнь прежде ея пресѣчётся. При отдачѣ деревень въ твое владѣніе, далъ я тебѣ и письмо урядовое, уполномочивающее тебя на всякія сдѣлки въ имѣніи, а потому и казалось мнѣ, что уже никакое другое письмо не нужно; но какъ ты просилъ, точію на сей артикулъ точнаго еще письма, то я оное и прилагаю, которое если надобно, то употребляй его, если же что отмѣнить разсудите, то давайте знать, что̀ прибавить или убавить, я, подписавъ, вскорѣ къ вамъ доставлю, о чемъ я писалъ и къ Петру Васильевичу.

Весна настаетъ или уже настала. Корабли приходить и отходить станутъ съ С.-Петербурга. Посольство наше собачье еще не обдѣлано къ отсылкѣ, да и предвидѣть нельзя, какъ скоро оное конецъ свой финальный возьметъ. Ты же не вѣчный житель С.-Петербургскихъ пре-

---

[1]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1726 † 1809), адмиралъ. Разбилъ Шведскій флотъ на Ревельскомъ рейдѣ 2-го мая 1790. Екатерина наградила его Андреевскою лентою.

[2]) Въ мартѣ 1790 г. полковникъ Роберти, комендантъ Балтійскаго порта или Рогервика, осажденный Шведскими кораблями, подписалъ постыдную капитуляцію.

дѣловъ, и когда въ присутствіи и при стряпаніи твоемъ сіе не скоро подвигается, то безъ ошибки можно полагать, что какъ ты уѣдешь, вовсе остановится, забудется, и изъ виду потеряется. Сегодня рѣшился я учинить слѣдующее: Нѣмцевъ у меня въ службѣ нѣтъ, а два охотника и восемь собакъ борзыхъ изготовлены къ отсылкѣ, и хотя одинъ изъ охотниковъ Нѣмецъ, но Лифляндецъ, а другой мой крѣпостной, оба же подданные Россійскіе, я съ ними всѣми посылаю одного изъ моихъ флигель-адъютантовъ Денисьева, который поѣдетъ какъ вояжёръ на кораблѣ. Свита его будетъ состоять въ 2-хъ охотникахъ и 8-ми собакахъ. Можетъ быть, и будетъ при немъ одинъ его собственный человѣкъ. Дается ему инструкція отъ меня съ предписаніемъ его комиссіи; подробностями же, какъ и къ кому явиться въ Неаполѣ, ты долженъ его снабдить, равно въ пріисканіи корабля. Договоръ со шкиперомъ—тоже твое дѣло и попеченіе. Что же принадлежитъ до содержанія какъ самого Денисьева, такъ при немъ людей и собакъ, какъ туда, такъ и обратно до возвращенія въ Россію, вы должны реглировать съ Моллеромъ и пріискать банкира, который доставлялъ бы сумму по разсчёту на содержаніе, а Моллеръ долженъ дѣлать заплату въ С.-Петербургѣ. Вотъ мой планъ, который не мѣшаетъ никакъ дворцовой охотѣ отосланной быть. Я же думаю, что Денисьева и охотниковъ тамъ долго не будутъ держать, но черезъ мѣсяцъ или полтора оттуда отпустятъ, и такъ могутъ быть около зимы въ отечество, а какъ сія экспедиція вскорѣ отсюда отправлена будетъ, то и скажи Моллеру, чтобъ заготовилъ мѣсто на Крестовскомъ острову для сихъ гостей для житья и куля два овсяной муки для корму собакъ. Я завтра переѣзжаю въ Петровское, кажется, гдѣ васъ ожидать буду. Adieu.

P. S. Когда мое письмо написано уже было, то получилъ твое послѣднее отъ 6 Мая, наполненное пріятною вѣдомостію, о происшествіи, бывшемъ подъ Ревелемъ. Я несомнѣваюсь, что сія вѣсть нашей всемилостивѣйшей Монархинѣ пріятнѣйшею была по ея важности и не удивляюсь, что изволила такъ весела быть, какъ ты описываешь. Даруй Всевышній Ея Величеству почаще таковыя (побѣды) получать надъ всѣми воюющими противу ея врагами, а за сими миръ и тишину, которые столь для Ея Величества и для роду человѣческаго нужны. Прилагаю письмо къ Елизаветѣ, которое сего дня съ почты принесено, и скажи мой ей поклонъ.

XXXVIII.

Петровское. Мая 16, 1790.

Послѣднее письмо твое отъ 20-го сего мѣсяца чрезъ адъютанта князя Прозоровскаго получилъ. Что касается до непріятныхъ дѣйствій, подъ Фридрихсгамомъ [1]) послѣдовавшихъ, то по Москвѣ слухъ конфузный уже пронесся, до того, какъ я отъ тебя получилъ (письмо). Дай Богъ, чтобъ сіе впредь лучшими происшествіями награждаемо было. Удивляетъ меня твой отзывъ, что ты герба не получилъ моего, который недѣли двѣ прежде шифра отправленъ чрезъ Веніяминова, находящагося при банкѣ и живущаго у Петра Васильевича Завадовскаго, такъ мнѣ сказалъ Бусирской (?), который его срисовалъ и отправилъ, да кажется мнѣ, что и ты писалъ ко мнѣ о полученіи его, равно какъ и о томъ, чтобъ гербъ и шифръ туда не посылать, гдѣ дѣлаются повозки, а дожидаться когда пріѣдутъ въ Петербургъ, то ихъ тутъ написать приказать. Борзыя собаки вскорѣ отправлены будутъ, охотники уже одѣты и галстухи на собакъ сработали. Я съ вчера сюда пріѣхалъ, а сегодня что то вѣтрено, холодно и сыро, если бы вчера такая погода была, то бы я изъ города не выдвинулся, а поѣхавши—буду уже поживать въ ожиданіи лучшаго времени. Елизаветѣ кланяюсь.

XXXIX.

Петровское. 20 Мая 1790.

Вчера получилъ я твое письмо, отъ 14 сего мѣсяца пущенное. Если Моллеръ почитаетъ за лучшее, чтобъ за кареты вдругъ сумму заплатить, я въ томъ счету не нахожу, и желалъ бы, чтобы то сдѣлано съ такимъ разсчётомъ, какъ я прежде уже о семъ писалъ, ибо мнѣ здѣсь въ деньгахъ нужда великая настоитъ. Кареты, конечно, дороги приходятся, такъ, какъ и все выписываемое оттуда, понеже деньги наши сдѣлались дешевыми; стараться должно, чтобъ по причинѣ военныхъ обстоятельствъ кареты мои не попали къ Шведамъ въ руки, дабы не лишиться и денегъ и каретъ. Вензель или гербъ на сихъ повозкахъ написаны будутъ, для меня все равно, но я удивляюсь, что ты герба не получилъ, который гораздо давно отсюда отправленъ и почти цѣлый мѣсяцъ прежде шифра. Если вамъ пробираться сюда, то, конечно, по пути будетъ заѣхать въ Псковскія твои деревни, и

---

[1]) 3 Мая 1790 г. Густавъ III разбилъ капитана Слизова и требовалъ сдачи Фридрихсгама.

обозрѣвъ оныя, пуститься черезъ Смоленскъ, или черезъ Новгородъ въ Москву, но изъ Москвы на Вѣну кажется должно держать путь вамъ на Малороссію и на Кіевъ, а оттуда на Броды и въ Австрійскіе предѣлы. Но изъ Кіева до Бродовъ триста верстъ Польшею необходимо ѣхать должно; а черезъ Польшу теперь ни солдаты, ни генералъ, ни курьеры не ѣздятъ; ни Русская птица кажется не пролетитъ, такъ Прудеусы взбѣсилися противъ Русскихъ, то врядъ и вамъ возможность будетъ предпринять туда путь, не подвергая себя крайней опасности отъ своевольныхъ и сумасбродныхъ Полячишковъ, что почёлъ я за нужное тебѣ примѣтить. За Штатера всѣ вы я вижу братья хватаетесь, не знаю, станетъ ли его столько, чтобъ за всякаго имѣніемъ усмотрѣть какъ должно, не говорю о томъ, что я и самъ на него видъ имѣю, который совсѣмъ несходенъ будетъ съ вашимъ.

Прилагаемое письмо отъ Ивана Васильевича, которое писано было еще въ Бессарабіи, въ лагерѣ, и ходило comme la vérole du docteur Panglos dans le Candide и наконецъ ко мнѣ дошло.

Дня четыре, какъ я сюда въ Петровское переѣхалъ, зефиръ Чухонскій дуетъ, отчего холодно и дурно. Ни выдти, ни выѣхать на дворъ не забавно, да и комнаты понемногу протапливать должно. Пишешь ты мнѣ, какой способъ ты сыскалъ къ отправленію псовъ, я же мой тебѣ передъ симъ довольно ознаменовалъ и твоего ожидаю, а все уже къ отправленію готово. Любезной Елизаветѣ кланяюсь. Левъ оставилъ письмо для Мелессино, которое пожалуй доставь.

XL.

Петровское, 31 Мая, 1790.

Вручитель сего есть флигель-адъютантъ мой, Степанъ Васильевъ сынъ Денисьевъ, отправленный съ извѣстною тебѣ комиссіею. Первый твой подвигъ долженъ быть объ отправленіи его скорѣе къ его мѣсту, дабы напрасно не мѣшкалъ въ С.-Петербургѣ и не упускалъ хорошаго времени для его вояжа. Отпуская его отсюда, далъ я ему двѣсти рублей, изъ которыхъ онъ долженъ заплатить сто руб. за четыре пары наемныхъ извощиковъ, а прочіе сто на содержаніе его, охотниковъ и собакъ въ пути, и на прочіе путевые расходы, что уповаю и довольно будетъ для Петербурга, а если чего бы недоставало, то писалъ я къ Моллеру, чтобъ онъ давалъ ему деньги, сколько нужда потребуетъ, а лучше, во все время бытности его въ С.-Петербургѣ, вели ему къ тебѣ адрессоваться въ его надобностяхъ.

Что же касается до его дальнѣйшаго отправленія и содержанія какъ его, такъ при немъ людей и скотовъ, чтобъ они имѣли безнуж-

ное и безъизлишнее содержаніе, какъ туда, такъ и обратно въ Россію, о семъ сдѣлать вамъ распоряженіе съ Моллеромъ и до какой суммы простираться будетъ, дать ему вексель, или кредитное письмо отъ банкира, которое Моллеръ уплачивать будетъ по увѣдомленію банкировъ, которые тамъ ему деньги выдавать будутъ. Въ Неаполь его адрессуй къ кому ты знаешь. Проси, чтобъ ихъ тамъ не задержали больше, какъ только пока нужда потребуетъ.

Увѣдомить-ли или нѣтъ о семъ нашего тамъ министра, предаю, какъ и все прочее, въ твою волю и разсужденіе, ибо ты самъ лучше вѣдаешь права, вашей братіи принадлежащія или присвоенныя. Равно брать мѣры, чтобы въ Балтійскомъ морѣ Шведамъ, а въ Средиземномъ Алжирскимъ и Тунисскимъ разбойникамъ въ руки не попадались. Послѣднее горше перваго, а то и другое недоставитъ нашей цѣли! Словомъ, мое дѣло по сіе время было доставить скотовъ, что̀ я и сдѣлалъ, изготовить и отправить ихъ до С.-Петербурга, что̀ я симъ и исполняю. Какая же отъ меня дана инструкція Денисьеву, копію влагаю. Я думаю о дальнѣйшемъ его отправленіи не худо посовѣтоваться и съ другомъ нашимъ, графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, какъ человѣкомъ недавно вояжировавшимъ. Вотъ сей корабликъ, который я отъ себя спустилъ на воду, который Божію сохраненію и твоему попеченію поручаю. Имена собакамъ прилагаю, о содержаніи ихъ можешь спросить инструкцію у Денисьева. Adieu.

XLI.

Петровское, Іюня 3, 1790.

Два письма твоихъ отъ 20 до 27 прошлаго мѣсяца получилъ. О выданныхъ или заплаченныхъ тобою деньгахъ за брата Ивана, прилагаю къ Моллеру повелѣніе о заплатѣ оныхъ, а притомъ, чтобъ сіе было въ первое и послѣднее, ибо какъ бездонную кадку не наполнишь водою, такъ сего мота и долговъ не заплатишь, которыхъ на немъ многія сотни тысячей, а если бы онъ такъ храбро на непріятеля наступалъ, какъ на банкъ, то бы сдѣлалъ себѣ славу и честь роду своему, а теперь будетъ тварь презрѣнія достойная, промотавшая знатное имѣніе и рано-ль, поздно-ли пойдетъ по-міру въ тяжесть ближнимъ рода своего.

За сообщенныя вѣдомости въ послѣднемъ письмѣ твоемъ благодарю. Слава Богу, что нахальство Шведовъ добрымъ отпоромъ отъ нашихъ въ ничтожество обращается, но лучше бы если бы удалось ихъ ловко поколотить. Отъ Востоку ничего не слышно здѣсь, кромѣ

того, что нарѣдка слухи проскакиваютъ что скоро миръ будетъ, но я къ здѣшнимъ слухамъ не иму вѣры.

Чудно мнѣ, что ты герба моего не получалъ, онъ дѣйствительно посланъ съ Вениаминовымъ, который у П. В. Завадовскаго, въ четвероугольномъ ящикѣ клеенкою зашитъ и подписано на твое имя. Скажи П. В., чтобы приказалъ его поискать сему господину. 29 прошедшаго мѣсяца Денисьевъ съ восемью борзыми собаками и съ двумя охотниками на четырехъ парахъ отсюда отправился, дальше же его отправленіе будетъ зависѣть отъ твоего изволенія и проворства, я бы думалъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, дабы хорошимъ временемъ туда доплели, то скорѣе и оттуда поворотиться могутъ. У насъ зачались дни хорошіе, но вчера, незнамо почему и за что, подвернулся такой сильный пароксизмъ, какого я давно не имѣлъ; чутъ меня не задавилъ, зачался послѣ обѣда и держалъ сильно за полночь, а кончился въ три часа по-полуночи, размучивъ меня паче галерника варварскаго. Кланяюсь любезной Елизаветѣ и желаю вамъ всегда хорошаго здоровья.

XLII.

Петровское, Іюня 13, 1790.

Увѣдомляю тебя о полученіи твоего письма, отъ 6-го сего мѣсяца пущеннаго, изъ котораго усмотрѣлъ, что успѣхи надъ запертымъ Шведскимъ флотомъ не такъ поспѣшно идутъ, какъ то желается, но полная надежда къ лучшему на нашей сторонѣ, которую заблаговолитъ совершить Всевышній по желанію нашему.

Спѣшу тебѣ сказать слово о каменьщикѣ, рекомендуемомъ Камероном[1]). Въ бытность его здѣсь, правда, что говорено было о такомъ мастеровомъ, но какъ мой главный въ Батуринѣ домъ придетъ уже подъ кровлю[2]), прежде нежели онъ туда доѣдетъ, сіи же мастеровые надобны при заложеніи строенія; сверхъ того, опасаюсь я, что иногда они не перессорились съ архитекторомъ, то вмѣсто успѣха пойдетъ дѣло на разладъ. Сихъ ради причинъ, кажется мнѣ, что можно обойтиться теперь безъ сего мастероваго и для того, по полученіи сего, изволь ему отказать, дабы онъ, не упуская времени, могъ возвратиться во-свояси.

Получилъ я вчера письмо отъ нашего Григорія, слѣпого философа Швейцарскаго, который увѣдомляетъ меня, что по многотрудномъ

---

[1]) Карлъ Камеронъ, англичанинъ, придворный архитекторъ Екатерины II. Имъ построена носящая его имя галерея въ Царскосельскомъ дворцѣ.

[2]) Домъ этотъ существуетъ понынѣ; онъ никогда достроенъ не былъ (см. ниже).

пути достигъ онъ до края, которымъ восхищается, гдѣ желаетъ остаться навсегда неподвижно и имѣетъ въ виду купить имѣніе отъ 100 до 200 тысячъ франковъ Швейцарскихъ. Проситъ, чтобъ заложить его имѣніе въ банкѣ и переслать для покупки таковаго ему тамъ по желанію его имѣнія, котораго онъ опасается, чтобы кто другой не перекупилъ. Видно, что и въ семъ, какъ и въ прочихъ его поведеніяхъ вводится легкомысліе, которое не допускаетъ сдѣлать разсчетъ, сообразный обстоятельствамъ, въ которыхъ мы теперь находимся, по причинѣ войны: денегъ нигдѣ нѣтъ, занять ихъ негдѣ, курсъ нашъ въ Европѣ въ превеликомъ упадкѣ! То-ль время настоитъ, чтобъ не только дѣлать, но и помышлять о такихъ предпріятіяхъ? О неизмѣримое невѣжество и легкомысліе! Лѣто у насъ дождливое и прохладное. Сукно, байка, служатъ мнѣ одѣяніемъ отъ жаровъ. Здоровье мое посредственно, но хлѣбы и травы хороши становятся, далъ бы Богъ ихъ убрать по желанію. Любезной Елизаветѣ кланяюсь, зѣло, зѣло. Adieu.

XLIII.

Петровское, Іюня 20, 1790.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ получилъ я твое письмо отъ 10-го сего мѣсяца пущенное, въ которомъ объявляешь, что угодно было Ея Величеству наименовать тебя къ Вѣнскому двору министромъ [1]). Двоякая для тебя пріятность: знатность мѣста, постоянство онаго, и что въ немъ много знакомыхъ и почти другая для тебя фамилія имѣется, а для Елизаветы твоей несказанная выгода, по любви ея къ своимъ, а особливо и сверхъ по привязанности ея къ матери, она-то по пословицѣ и дома и замужемъ. Кланяйся ей отъ меня и поздравь ее съ симъ пріятнымъ и милостивымъ происшествіемъ.

Не сомнѣваюся я, что можетъ съ перваго шагу твое наименованіе поселитъ нѣкоторое смущеніе въ мысляхъ нашего тамъ посла, князя Дмитрія Михайловича [2]), какъ то и здѣсь произвело оное у его свойственниковъ, о чемъ графъ Иванъ Григорьевичъ тебѣ объяснитъ, но сіе зависѣть будетъ отъ тебя и твоихъ съ нимъ поступковъ, которые, не сомнѣваюсь, вѣдая твое душевное расположеніе не на оскорбленіе ближнему, будутъ таковы, что загладятъ причиняемое противу намѣренія твоего ему смущеніе и обратятъ на желаемое спокойствіе духа. Положеніе твое теперь такое, что я тебя или скоро сюда

[1]) Чтобы не обижать старика князя Д. М. Голицына, Андрей Кириловичъ назначенъ былъ министромъ къ королю Венгерско-богемскому.

[2]) Голицынъ (1721 † 1793) женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Кантеміръ (1720 † 1761). Онъ находился 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ.

ожидаю, или, можетъ быть, и вовсе не будешь, если твое присутствіе покажется нужнымъ къ назначенному тебѣ мѣсту, а притомъ иногда бы и состояніе жены твоей, которое есть не въ ея волѣ, не воспрепятствовало-бъ сему намѣренію. У насъ лѣто очень дурное, холодно, сыро и грязно, а потому я изъ Петровскаго никуда не двигаюсь, хотѣлъ было въ Троицкое [1]) переѣхать, но никакъ за сыростію нельзя; а какъ и здоровье мое по погодѣ располагается, то нерѣдко разныя безпокойства чувствую, да и нога моя понемногу меня безпокоитъ. На сей часъ больше, кажется, писать нечего.

XLIV.

Петровское, 6 Іюня, 1790.

И прежнее и послѣднее письмо твое отъ 2-го Іюня получилъ Распорядокъ, которымъ ты препроводилъ собакъ Королю Неаполитанскому и всѣ взятыя къ тому мѣры, весьма апробую и похваляю; кажется все такъ хорошо устроено, что нельзя имъ не попасть до желаемаго мѣста. Слава Богу кажется, что уже знаменитые авантажи нашъ флотъ одержалъ надъ Шведами. Вчера сообщилъ мнѣ князь Прозоровскій письмо и реляцію отъ Ея Величества [2]), къ нему присланныя. Теперь остается только желать спокойствія и мира, какъ на водахъ, такъ и на сухой землѣ. За всѣ твои сообщенныя по сіе время вѣдомости, яко весьма обстоятельныя, изъявляю мое большое удовольствіе.

Бѣдный Чичаговъ недолго, думаю, будетъ пользоваться полученными милостями монаршими, ибо уже изжилъ вѣкъ свой съ тридцатью душами и кажется время уже коротко пользоваться четырьмя тысячами [3]).

Писанное въ письмѣ твоемъ, о твоемъ названіи въ Вѣну и о послѣ нашемъ тамъ, показывалъ я князю оберъ-камергеру [4]), который вчера

---

[1]) Троицкое-Ыково принадлежитъ теперь г. Корзинкину.

[2]) Князь Александръ Александровичъ меньшій Прозоровскій (р. 1732 † 1809), тогда генералъ-аншефъ, а при Имп. Павлѣ — фельдмаршалъ, былъ съ 1790 — 1795 главнокомандующимъ въ Москвѣ.

3 іюня 1790 г. Шведскій флотъ, подъ предводительствомъ герцога Зюндерманландскаго, напалъ на нашъ флотъ и былъ отбитъ.

[3]) Разумовскій ошибался: Василій Яковлевичъ Чичаговъ пережилъ его и умеръ въ 1809 г.

[4]) Оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ былъ двоюроднымъ братомъ посла, князя Дмитрія Михайловича. Послѣдній былъ сыномъ фельдмаршала кн. Михаила Михайловича старшаго, а первый генералъ-адмирала кн. Михаила Михайловича меньшаго.

у меня въ Петровскомъ обѣдалъ, онъ весьма довольнымъ быть казался начертаніями твоими.

Ошибку нашу велѣлъ я поправить Моллеру, заплатя тобою издержанныхъ за брата Ивана 150 р., а тысячу въ казнѣ оставить. Слава Богу! таковые повороты у меня весьма рѣдки бываютъ.

Слава Богу, что твоя Елизавета поправляется; чтобы ей производить подобныхъ себѣ на свѣтъ, надобно совершенное здоровье имѣть, а пока столь слабое продолжаться будетъ, то совѣтуй ей въ сей промыселъ не вступать, яко крайне вредный и опасный для нея. Ожидать васъ сюда я буду, но совѣтую не подвергать себя на возвратномъ пути дурному осеннему времени, не забывая, что не малое разстояніе до Вѣны отъ Петербурга. У насъ еще лѣто не можетъ выправиться, все пестро на небѣ и дождливо на землѣ. Adieu.

XLV.

Петровское, 11 Іюля, 1790.

Послѣднія письма твои получилъ; не оставилъ я сообщить писанное отъ тебя къ послу нашему въ Вѣну князю оберъ-камергеру. Рекомендованный тобою графъ Нидерландецъ еще не бывалъ, и когда въ Москву и пріѣдетъ, то она уповаю больше его займетъ нежели я старый, хворый и деревенскій житель. Касательно выписки кареты изъ Брюсселя, видно, что коммиссіонеръ твой Вѣнскій не послѣдній вѣтрогонъ, да и каретникъ Симонъ въ тотъ же вихорь попалъ, но какъ бы то ни было, только бы карета доставлена была; чтожъ до передѣлки касается и выпусковъ позади, то бѣда не велика, что не передѣлана по предписанію моему, авось либо и пригодится когда-нибудь. Буде тебѣ непріятно возвѣщать дурныя вѣсти о принцѣ Нассау [1]), то и мнѣ непріятно слышать, но необходимо знать же надобно какъ пріятное, такъ и противное тому. Авось даруетъ Всевышній впредь сіе поправить. О Лондонской экспедиціи ожидаемыхъ нами повозокъ видно, что еще никакого извѣстія нѣтъ, понеже ты ничего не вспоминаешь. Радуюсь, что Елизавета твоя поправляется, отъ сердца желаю, чтобы силы ея вящше и вящше укрѣплялись. Лѣто уже проходитъ, а мы кромѣ дурной осени по сіе время не видали, желательно хотя бы оно въ осень помѣстилось. Adieu.

P. S. Приложенное письмецо при моемъ искреннемъ почтеніи вручи

---

[1]) Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау Зигенъ (1745 † 1805), Андр. кавалеръ и адмиралъ, 1 іюля 1790, атаковавъ Шведовъ при Роченсальмѣ, былъ отбитъ.

графу Ивану Григорьевичу и попроси е. с. отъ меня, чтобъ приказалъ его по адрессу доставить, гдѣ находится.

XLVI.

Троицкое, 1 Августа, 1790.

Привыкши отъ тебя частыя имѣть извѣстія, не зналъ чему приписать молчаніе черезъ нѣсколько почтъ; боялся, что чего непослѣдовало съ вами непріятнаго, но послѣднее твое письмо меня поуспокоило. До твоего послѣдняго письма не слыхалъ я, чтобъ Валентинъ Платоновичъ графъ Пушкинъ [1]) намѣренъ сюда быть, а сказывали мнѣ, что графиню, его мать, ожидаютъ вскорѣ.

Если отправленіе твое не очень скоро будетъ, то врядъ быть-ли вамъ сюда возможно будетъ, а надобно будетъ убираться отъ дурного и грязнаго пути кратчайшими дорогами. Прибывшія кареты, какъ изъ Англіи, такъ и изъ Брюсселя, буде привезутъ, не спѣши сюда отправлять ко мнѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ въ оныхъ нужды нѣтъ, которое уже и теперь въ исходѣ, а когда пріѣдутъ, то и все кончится, сего для я думаю, чтобъ онѣ отправлены были сюда по лучшему зимнему пути, когда и дорога хороша и извощиковъ довольно, а въ сіе время, и то и другое трудно, теперь же у меня въ повозкахъ нужды нѣтъ. Я уже пятый день, какъ переѣхалъ изъ Петровскаго въ область Троицкую, и ночую въ мезонинѣ, гдѣ вы однажды обѣдали со мною. Время хотя не самое горячее, однакоже получше стало. Вскорѣ собираюсь посмотрѣть въ Поливаново [2]), дня на два или на три. По возвращеніи оттуда возвращусь въ Петровское.

XLVII.

Петровское, 15 Августа, 1790.

Отъ 5 и 8 сего мѣсяца письма твои получилъ, только-что ты меня одинъ извѣстилъ о воспослѣдовавшемъ мирѣ со Шведомъ [3]), а больше никто изъ вашей страны по сю пору ни одного слова ни рекъ. Здѣшній градоначальникъ сообщилъ мнѣ копію писаннаго къ нему

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (1735 † 1804) былъ главнокомандующимъ войсками противъ Шведовъ. Екатерина была имъ недовольна и замѣнила его въ началѣ 1790 г. графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ. Гр. Мусинъ-Пушкинъ женатъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Долгорукой, дочери Крымскаго. Мать его, графиня Марѳа Петровна, была родомъ княжна Черкасская.

[2]) Село Поливаново, Подольскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ В. В. Давыдову.

[3]) Миръ со Шведами былъ подписанъ 3 Августа 1790 года въ Верелѣ.

Ея Величествомъ о семъ. Слава Богу, что сіе сдѣлалось и такъ скоро и секретно, что ни одинъ газетчикъ не пикнулъ въ Европѣ. Дай то Богъ, чтобъ за симъ повсюду послѣдовалъ миръ и тишина. Графу Ивану Григорьевичу скажи мой поклонъ, равно и мое искреннее сожалѣніе о приключившемся съ нимъ. Жаль, что меня нѣтъ тамъ, можетъ быть сего съ нимъ не случилось, онъ всегда склоненъ былъ скоро ѣздить, а я всегда противился тому, и николи съ нимъ не ѣзжалъ, какъ по договору, то-есть или въ моей повозкѣ, или буде въ его, то-бъ ѣхали рысью, а не скакали. Дай Богъ, чтобы ему сіе прошло безъ малѣйшаго безпокойства на грядущія времена, для предосторожности же впредь посовѣтуй ему перенять у меня любезную твою повозку таратайку, въ которой нельзя иначе ѣздить, какъ степенно умѣренными шагами, а если поскачешь зуба во рту не останется. Сію повозку люблю только я, и Чубукъ мой почитаетъ за лучшую для моціона. Изъ писемъ твоихъ вижу, что экспедиція наша, состоящая въ повозкахъ, изъ Лондона благополучно привалила къ Петербургскому порту, но гдѣ-жъ дѣвалась Брюссельская карета? Неужели ея корсары подхватили? Пора вамъ оставить столицу, если не намѣрены таскаться по грязямъ осеннимъ. Радуюсь, что здоровье нашей Елизаветы наладилось предпріять предлежащій путь. Кланяюсь ей, посылаю два пакета писемъ, адресованныхъ къ ней, которые она весьма любитъ. Напрасно она поспѣшила, чтобъ они адрессованы ей были сюда. Симъ не ускорите, но умедлите; почта и курьеры нарочные всегда исправнѣе ходятъ на С.-Петербургъ, нежели сюда, съ которою скорѣе бы до рукъ доходили. Время у насъ предурное, а потому и здоровье мое не лучше. Adieu.

XLVIII.

Петровское 26 Августа, 1790.

Отъ 13 и 15 пущенныя письма ваши получилъ. У насъ столь дурное и безпрестанно дождливое время продолжается, что всѣ и вездѣ грязью покрыто, поселяне бѣдные лишаются собранія плодовъ своихъ, безпрестанно трудятся то въ сѣнокосѣ, то въ жатвѣ, но всѣ труды ихъ дождемъ и сыростію согниваются. Почты уже не приходятъ въ урочные дни отъ распутицы. Не знаю какъ-то вамъ по такимъ путямъ таскаться будетъ? если не перемѣнитъ Богъ солнца въ ясное и теплое, а если оно останется такъ, какъ по сіе время, то, кажется, и думать проѣхать нигдѣ нельзя будетъ и не лучше-ль дождаться перваго зимняго пути, съ которымъ вездѣ заѣхать можно будетъ? Но сіе думаю не ладно будетъ, съ твоимъ званіемъ, а паче съ здоровьемъ твоей сопутницы Елизаветы, которой мой поклонъ свидѣтельствуй, и полу-

ченное на ея имя письмо влагаю, которое нѣсколько уже дней какъ ко мнѣ принесено.

Погода негодная дѣлаетъ и меня такимъ же. Весь я разложѣнъ; въ груди, ногахъ и въ рукахъ боль и ревматизмъ. Все сіе не грѣхамъ юности моея приписывать должно, но дурной погодѣ и шестидесяти двумъ веснамъ.

XLIX.

Петровское, 2 Сентября 1790.

Отъ 26 прошедшаго мѣсяца письмо твое получилъ, думалъ было я уже не отвѣчать на оное, видя тебя совсѣмъ готоваго къ отъѣзду, но какъ еще совсѣмъ ты не отправленъ, то и разсудилъ еще сіе написать, которое почитай послѣднимъ. Какъ ни разсуждаю, какъ ни придумываю къ лучшему, все уже неудобнымъ время представляется для пути, а особливо слабому здоровью, каково есть нашея Елисаветы.

Прилагаю письмо къ Елисаветѣ, и объявляю мой поклонъ; у насъ сегодня первый день, въ который съ утра до вечера почти солнце свѣтило ясно, но прохладно по осеннему. Ночью шелъ однакожъ не малый дождь Adieu.

L.

Петровское, 5 Сентября 1790.

Послѣднее твое письмо, отъ 29 Августа пущенное, получилъ— l'homme propose et Dieu dispose, сіе съ твоимъ путешествіемъ сбылось, но какъ боги все дѣлаютъ къ лучшему, то и пріятно волѣ ихъ повиноваться. Высочайшее благоволеніе Ея Величества, чтобы вы повеселясь праздниками пустились въ путь, вамъ предлежащій, смягчаетъ суровость онаго въ позднее время [1]). Елизаветѣ кланяйся и совѣтуй отъ меня, чтобъ она больше танцовала, прыгала и такими движеніями приготовляла себя къ понесенію пути столь дальняго и непріятнаго въ столь позднее время; впрочемъ слѣдуетъ полагаться на Божіе провидѣніе, можетъ быть, что глубокая осень будетъ съ морозами, то можно будетъ, хотя не такъ какъ лѣтомъ, но съ нѣкоторою пріятностію продолжать оный. Прилагаю ей мною полученную библіотеку писемъ на ея имя, которыя она между праздниками почитывать можетъ. Рука Господня коснулась меня, ревматизмъ въ правомъ плечѣ, боль въ груди и старая въ правой ногѣ. Непостоянное бывшее холодное и сырое лѣто, осень на дворѣ и шестьдесятъ лѣтъ съ лишкомъ на пле-

---

[1]) Праздники по случаю мира съ Швеціею.

чахъ снабдѣваютъ мое терпѣніе симъ непріятнымъ запасомъ. Богъ да сохранитъ васъ отъ сего въ позднѣйшія лѣта. Adieu.

LI.

Петровское, 23 Сентября 1790.

Послѣднее письмо твое получилъ, о всемилостивѣйшемъ дозволеніи я пріемлю истинное участіе и сорадуюсь съ тобою; сожалѣю съ тобою, что таковая отличная милость и благоволеніе Монаршее на канунѣ почти твоего отъѣзда послѣдовала, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Прилагаю письмо къ любезной Елизаветѣ, которой поручаю и мой поклонъ свидѣтельствовать. Почтеніе мое скажи графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу. Я немощенъ, а они теперь пирушками заняты, потому къ нимъ ничего и не пишу. А переѣхавъ изъ Петровскаго въ Москву, зачну толкаться съ писульками моими. Я нездоровъ.

LII.

Москва, 30 Сентября 1790.

Полученное письмо къ любезной нашей Елизаветѣ включаю. Я переѣхавши сюда въ городъ изъ Петровскаго первыя три ночи былъ крайне обезпокоенъ, не могши спать отъ припадковъ астматическихъ, почему и помышлялъ уже возвратиться въ Петровское, но четвёртая ночь меня остановила. Проводя оную спокойнѣе, ласкаю себя, что, поживя, привыкну сносить городскій воздухъ, а особливо какъ позамёрзнетъ, чего всякій день ожидать надлежитъ.

LIII.

Москва, 4 Октября 1790.

Послѣднее твое письмо отъ 26-го Сентября получилъ. Напрасно ты ласкаешься, чтобъ вояжъ вамъ былъ сопровождаемъ хорошимъ временемъ, въ столь глубокую осень, каковая уже настаетъ, не только въ нашемъ Русскомъ суровомъ климатѣ, нельзя уже съ пріятностію путешествовать во всей почти Европѣ; если бы служба дозволяла и дѣла ваши домашнія, то бы лучше пользоваться изливаемою и оказуемою милостію Монархини и остаться до послѣдняго пути, которымъ прибывъ сюда, можно бы уже съ пріятнымъ весеннимъ временемъ въ

путь пуститься. Сей планъ можетъ быть не покажется твоей Елизаветѣ, но должно пеленать ей свой разумъ терпѣніемъ, всякому человѣку повсемѣстно свойственнымъ; въ утѣшеніе ей прилагаю письмецо, всегда милое для нея, и присоединяю мой поклонъ. Здоровье мое немножко въ городѣ поналадилось, ночи поспокойнѣе сталъ провожать, и болѣзни, поборяя времени, иногда больше, иногда меньше меня безпокоятъ, ибо сей календарь крѣпко, по несчастію, въ мой корпусъ водворился и сдѣлалъ меня термометромъ по неволѣ.

LIV.

Москва, 12 Октября 1790.

Послѣднее письмо твое, отъ 5-го сего мѣсяца пущенное, получилъ. Прилагаю два письма, полученныя мною на имя Елизаветы, которой при вручении скажи отъ меня поклонъ. Графу Ивану Григорьевичу скажи мое почтеніе и благодареніе какъ за письмо, такъ и за подробное описаніе настоящихъ праздниковъ по причинѣ мира. Я оныя справилъ къ пріятелю нашему князю Александру Михайловичу Голицыну, который себя, лошадей, зайцевъ, людей и собакъ безпокоитъ у Шереметева въ Кусковѣ и называетъ сію свольчь охотиться. У насъ, слава Богу, другой день безъ дождя, а сегодня и гораздо на лѣтній похожъ, но ни боль моя въ ногѣ, ни ревматизмъ въ рукѣ не унимаются. Пора кончить мое письмо, дабы праздничныхъ забавъ не ущербить. Adieu.

LV.

Москва, 19 Октября 1790.

На прошлой почтѣ не писалъ я къ тебѣ ничего, а послалъ только полученное письмо къ Елизаветѣ, написавъ на твое имя, которое не разсудилось мнѣ задержать. Сегодня получилъ я отъ князя Александра Михайловича письмо подъ открытою печатью отъ князя Дмитрія Михайловича, который меня проситъ, чтобъ, запечатавъ оное, къ тебѣ переслать, что симъ и исполняю; впрочемъ, въ нёмъ не означается ни года, ни мѣсяца, ни числа, ни мѣста откуда отправлено, что приписать должно неисправности секретарской. Прилагаю также письмо къ невѣсткѣ Софіи Степановнѣ [1]); которое отправь немедленно по надписи; какъ она пишетъ ко мнѣ, что они переселяются въ Италію, то

---

[1]) Графиня Софія Степановна Разумовская, рожденная Ушакова, жена графа Петра Кириловича.

и не худо узнать въ С.-Петербургѣ, кто банкиръ брата вашего Петра, которому и сіе письмо вручите для вѣрнаго доставленія, а безъ того можетъ оно бродить по Европѣ и не попасть въ надлежащія руки.

Время всякій день дѣлается хуже; вмѣсто сырого и грязнаго, которое почти чрезъ все лѣто продолжалось, прибавилось еще и холодное, и здоровье мое по осеннему нехорошо. Елизаветѣ кланяюсь, отъ сердца желаю, да укрѣпитъ Господь здоровье ея на понесеніе столь дальняго пути, въ такое суровое время. Прощай.

LVI.

Москва, 24 Октября 1790.

Ужъ прошло нѣсколько времени, какъ я отъ тебя письма не имѣлъ, а сіе ничему иному не приписываю, какъ только тому, что писать нечего. Зима наступаетъ, путь способный, но студёный и непріятный, особливо для такого здоровья, какъ твое и Елизаветы, опасный. По политическимъ обстоятельствамъ, кажется спѣшить не для чего къ твоему посту, гдѣ старый посолъ находится. По домашнимъ же обстоятельствамъ, присутствіе твое въ резиденціи не противно, и никто тебя оттуда не выживаетъ, и такъ не лучше-ли прозимовать въ Петербургѣ? А противу весны въ дорогу, такимъ способомъ можете пріятно и здорово въ Маѣ мѣсяцѣ достигнуть Вѣны. Вотъ вамъ мой совѣтъ, пользуйтесь имъ, если ничто не препятствуетъ. У насъ грязь и сырость, кажется, прошли, земля поокрѣпла отъ наставшихъ морозовъ, а думать надлежитъ, что и снѣгъ не замедлитъ. Здоровье мое не ладно, и особливо нога меня не мало тревожитъ и безпокоитъ. Чубукъ мой многіе способы къ излеченію употреблялъ, но все то было по сіе время втунѣ, только что одно безпокойство, а пользы никакой. Буду терпѣть, пока угодно будетъ Богу. Новостей у насъ никакихъ нѣтъ, отъ вашихъ предѣловъ оныхъ ожидаемъ. За симъ кланяюсь любезной Елизаветѣ. Софья Осиповна обоимъ вамъ зѣло, зѣло кланяется.

LVII.

Москва, 28 Октября 1790.

Послѣднее твое письмо, отъ 14-го сего мѣсяца, получилъ; бывшее мое безпокойство не отъ чего иного послѣдовало, какъ отъ перемѣны мѣста и дома, ибо нѣкоторые полы были подкрашены; кабинетъ былъ подзолоченъ и подштукатуренъ, все сіе хотя заблаговременно было учинено, но мое дурное здоровье, однакожъ, почув-

ствовало, видно, что не мое дѣло домы обновлять, ибо и самыя маленькія починки мнѣ гораздо чувствительны. Понимаю я, сколько пріятно тебѣ милостивое Ея Величества дозволеніе быть участникомъ въ ея обществѣ; поминая прошедшіе дни, которые имѣю въ незабвенной памяти пріятнаго сего общества, крайне сожалѣю, что состояніе моего дурного здоровья лишаетъ меня сего счастія. Вотъ и зима настаетъ; у насъ уже снѣгъ показался, хотя еще не такой, чтобъ на саняхъ ѣздить можно, но морозы отъ шести до семи градусовъ оказались. Думать надлежитъ, что у васъ еще и болѣе сего. Что касается до вашего вояжа, я все такого мнѣнія, какъ прежде писалъ, предъ симъ. Относительно до герба на каретѣ Брюссельской, писалъ я къ Моллеру, чтобы онъ поступилъ какъ заблагоразсудитъ; къ тебѣ ничего не упомянулъ для того, что считалъ тебя отъѣзжающимъ, а какъ теперь ты охотно за сіе принимаешься, то и предаю твоему благоизобрѣтенію бронзовый ли гербъ, или вензель на сей каретѣ сдѣлать или написать, или другой приказать, словомъ, въ полную твою волю и выборъ предоставляю, только наблюдать того, чтобъ не опоздать съ отсылкою сихъ повозокъ, и не пропустить перваго пути, ибо когда выбоины по дорогѣ подѣлаются, тогда опасно, чтобъ ихъ не переломали.

Прилагаю письмо къ Елизаветѣ, присоединяю ей мой поклонъ и искреннее желаніе всякаго ей блага и совершеннаго здоровья, якоже и тебѣ. Графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу благодарю, что о мнѣ вспомнили и свидѣтельствуй имъ мой взаимный поклонъ и почтеніе. Софія Осиповна кланяется и благодаритъ за приписанное ей. Adieu.

LVIII.

Москва, 1 Ноября 1790.

Шидловскій вчера явился и вручилъ твое письмо. Извѣстный твой подвигъ я нахожу кстати, нерѣдко бываютъ просьбы, никакъ съ правдою несродны; а твоя имѣетъ оную основаніемъ. Если персоны, къ которымъ ты адрессовался, расположены творить добро, то доброе и выйдетъ. Если же иначе, то останешься при томъ, что до сего былъ. Софья Осиповна съ превеликимъ удовольствіемъ получила Англійскую палку съ ея приборомъ, для тасканія рыбы изъ воды. Премного тебя благодаритъ.

Сегодня разнесся слухъ по Москвѣ, будто Турки подъ Киліею, сдѣлавъ вылазку, нашихъ поколотили, генерала-аншефъ Меллера [1])

[1]) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ-аншефъ, Андреевскій и Георгіевскій кавалеръ, смертельно раненъ былъ подъ Киліею, † 10 октября 1790.

будто больно ранили, и генерала Шереметева [1]) тоже. Дай-то Богъ, чтобъ сіе неправда была. Прилагаю полученное письмо для Елизаветы, скажи ей: у насъ снѣгъ на дворѣ и прегустой воздухъ, и я поразстроенъ.

LIX.

Москва, 7 Ноября 1790.

Отъ 28-го прошедшаго мѣсяца послѣднее письмо твое получилъ. Если Старембергъ къ намъ пріѣдетъ сюда, то не думаю, чтобы твоя ему рекомендація ко мнѣ могла ему быть полезною, ибо я никуда не выѣзжаю, а теперь и не одѣваюсь, и почти изъ спальни не выхожу, по причинѣ ноги, которую лечатъ и велятъ больше лежать.

Графу Ивану Григорьевичу мой поклонъ и почтеніе скажи; сожалѣю, что его ревматизмъ атаковалъ, я и самъ получилъ его еще лѣтомъ въ лѣвое плечо, и хотя я многими спиртами и пластырями его отводилъ, но ничто не успѣвало; наконецъ, принужденъ былъ гару привязать, но и тотъ немного помогъ, къ чему прибавилъ еще рѣпный пластырь, сіи два способа подѣйствовали и гораздо поубавили болѣзнь, которую я претерпѣвалъ, но еще не совсѣмъ, почему и продолжать буду лекарство, пока истребится боль. Я бы хотѣлъ знать, чѣмъ е. с. свой ревматизмъ лечитъ, дабы въ случаѣ воспользоваться могъ? Господинъ Денисьевъ добивается извѣстія о сынѣ своемъ, отправленномъ съ собаками, а какъ онъ писалъ ко мнѣ изъ Копенгагена, а послѣ того уже никакого извѣстія о немъ не имѣю, слѣдовательно, отцу ничего повѣдать не могу, то симъ адрессуюсь къ тебѣ, не имѣешь ли хотя стороною о сей экспедиціи какого извѣстія, дабы я отцу могъ знать дать. Прилагаю письмо къ любезной Елизаветѣ и присоединяю мой поклонъ. Зима у насъ-было поустановилась, но боюсь, что опять сойдетъ, ибо зачинаетъ не малая оттепель.

Если въ новой оперѣ, „Олегъ“ [2]) называемой, есть такія пьесы, или аріи, которыя можно играть на духовыхъ инструментахъ, то прикажи скопировать, какія тебѣ нравятся, и доставь мнѣ для игранія при столѣ моими музыкантами. Adieu.

---

[1]) Генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ.

[2]) Начальное правленіе Олега, подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія театральныхъ правилъ, соч. Екатерины II. Императрица сочиняла пьесу эту въ 1786 г. Музыка была писана Чимарозою (жившемъ при С.-Петербургскомъ дворѣ отъ 1787—1792 г.) и Сарти (жившемъ въ Россіи при дворѣ и при Потемкинѣ 1784 — 1802). Олегъ былъ игранъ въ 1-й разъ на Эрмитажномъ театрѣ 22-го Октября 1790 г.

LX.

Москва, Ноября 1790.

Прилагаю письмо, полученное къ Елизаветѣ. У насъ уже извѣстно, что Килія, городъ, стоящій на Дунаѣ, взятъ, но какъ его взялъ нашъ И. В. Гудовичъ [1]), то и прилагаю его послѣднее ко мнѣ съ нѣкоторыми обстоятельствами письмо. Между прочимъ, увидите и то, что покойный Меллеръ, мнѣ кажется, погорячился, поступилъ противъ предписанія главнокомандующаго и заплатилъ жизнію своею. Сіе письмо можешь показать графу Ивану Григорьевичу и П. В. Завадовскому, который его любитъ. У насъ зима, но безъ снѣгу, на дворѣ воздухъ густой, солнца не видать, а потому и здоровье мое многія немощи безпокоятъ.

LXI.

Москва, 19 Ноября 1790.

Отъ 5 сего мѣсяца, письмо твое получилъ и включенное въ ономъ отъ Денисьева къ отцу его и ко мнѣ. Я на сихъ дняхъ получилъ отъ отца его, которое здѣсь влагаю, рекомендую сколь возможно доставить ему черезъ Вѣну или какъ лучше заблагоразсудишь, ибо я не знаю, куда его адрессовать. Также на сихъ дняхъ полученный пакетъ, надписанный на имя твое, влагаю; я думаю, что онъ отъ Томсона. Къ Елизаветѣ нашей ничего не получалъ, и такъ мой поклонъ ей скажи. Зима наша шалитъ и весьма непостоянная, а потому и здоровье мое столь частыми и внезапными перемѣнами не мало безпокоится, но стало-быть терпѣть надо.

LXII.

Москва, 25 Ноября 1790.

Письмо твое, отъ 14 и 18 сего мѣсяца пущенное, получилъ. Правда, что нашъ И. В. Гудовичъ кажется счастливъ потому, что честный и добрый человѣкъ, слуга Государю и Отечеству вѣрный, въ обществѣ полезный, а потому и всемилостивѣйшее пожалованіе его полнымъ Генераломъ всѣми признается достойному достойнымъ награжденіемъ [2]).

---

[1]) Килія сдалась на капитуляцію И. В. Гудовичу 18 Октября 1790 г.

[2]) Иванъ Васильевичъ Гудовичъ произведенъ за взятіе Килін въ генералъ-аншефы 12 Ноября 1790 года и переведенъ на Кавказъ.

Частое о мнѣ напоминаніе Ея Величества, нашей всемилостивѣйшей Монархини, о которомъ ты пишешь, умножаетъ мое сожалѣніе, что лично не могу пользоваться и быть участникомъ столь милостиваго расположенія. Когда угодно Ея Величеству доставить мнѣ музыку „Олега", я приму съ благодареніемъ достодолжнымъ, а тебѣ совѣтую ожидать обѣтованнаго, но не стужать, дабы не наскучить иногда напоминаніемъ.

Въ послѣднемъ письмѣ пишешь о забавахъ, которыя у васъ происходятъ; не сомнѣваюсь о совершенствѣ и пріятности ихъ, сожалѣю, что не могу быть, хотя въ зрѣніи, соучастникомъ въ оныхъ. Старембергу квартиры въ домѣ моемъ обѣщать никакъ невозможно, ибо истинно некуда помѣститься, равно то же могу сказать и объ Иванѣ Ивановичѣ [1]); я съ превеликою нуждою нѣсколько покоевъ очистилъ для тебя, а братья, если который и пріѣдетъ, что всякую зиму случается, то уже и не знаю куда дѣвать! Домъ мой, хотя не малъ кажется, но онъ объ одномъ только жильѣ, а потому и весьма мало выгоденъ для помѣщенія постороннихъ. Софья Осиповна проситъ меня засвидѣтельствовать ея поклонъ тебѣ и любезной твоей Елизаветѣ, которой и мой тутъ же помѣщаю. Зима наша худо настаетъ; время сырое, воздухъ густой и нездоровый; хотя я не выѣзжаю, но не менѣе сіи перемѣны чувствую, ибо весь разлаженъ.

LXIII.

Москва, 12 Декабря, 1790.

Прежнее твое письмо отъ 25-го Ноября получилъ и вчера вечеромъ предстали предъ меня два камергера: толстый Дивовъ [2]), и худой Старембергъ, который и вручилъ мнѣ твое послѣднее. Сколько бы ни радъ я по рекомендаціи твоей любезной Елизаветы быть полезнымъ сему гостю, но немощи мои не дозволяютъ ему ни въ чёмъ быть полезнымъ, ибо я изъ дому никуда не ѣзжу, ни у себя за большимъ столомъ не присутствую. Просилъ его однакожъ, чтобъ ѣздилъ ко мнѣ въ домъ, какъ въ свой собственный, всякій часъ, когда ему свободное время дозволитъ. Николаю Александровичу Загряжскому рекомендовалъ его по письму вашему, съ которымъ у меня въ домѣ видѣлся, но сей тоже не очень по Москвѣ пресмыкаетъ; большой его выѣздъ только ко мнѣ, а больше мало куда ѣздитъ, но гостя въ дворянскій клубъ сво-

[1]) Шуваловѣ.

[2]) Адріанъ Ивановичъ Дивовъ († 1814), камергеръ, завѣдывалъ Эрмитажною Французскою труппою (впослѣдствіи сенаторъ), женатъ былъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Бутурлиной.

зить обѣщалъ, а можетъ быть въ маскарадъ и въ національный дурной спектакль, когда захочетъ. Впрочемъ нельзя лучше имѣть сопутника какъ Дивовъ; онъ съ нимъ причалилъ къ Бутурлину [1]), человѣку молодому и богатому, у котораго метресса красавица-Француженка, да и всѣ, или многія сей націи сорванцы у него притолку имѣютъ и часто играютъ спектакли въ домѣ его. Такой образъ жизни свойственъ человѣку, каковымъ мнѣ кажется Старембергъ [2]), въ долгое время можетъ бы быть и наскучилъ, но въ короткое время можетъ какъ обсерваторъ и какъ Spectateur заниматься безъ скуки, а въ противномъ случаѣ можетъ имѣть убѣжище въ моемъ домѣ, яко антиподу того, въ которомъ онъ водворился. Они въ третій день изъ Петербурга въ Москву пріѣхали, чему я удивился; дорога, сказываютъ, очень хороша, здѣсь снѣгу нѣтъ, но льду по дорогѣ довольно, который её гладкою дѣлаетъ. У насъ стоитъ больше осень, нежели зима; все пасмурно, воздухъ густой, снѣгъ нѣсколько разъ принимался падать въ довольномъ количествѣ, но, въ то же время, кончался дождемъ, отъ котораго и растаивалъ. Здоровье мое изрядно, кромѣ что съ ногою не можемъ сладить, много лекарствъ прикладываютъ, но все сіе мнѣ пользы не дѣлаетъ. Adieu.

LXIV.

Москва, 16 Декабря, 1790.

Писавъ къ тебѣ на прошлой почтѣ, на сей ничего писать не имѣю, какъ только, что прилагаю письмо къ Денисьеву, отъ сенатора, родителя его, которому рекомендую доставить. Жаль, что сей молодой человѣкъ столь рѣдко о себѣ увѣдомленіе подаетъ, а потому и нельзя знать, что́ мыслить о его неизвѣстности. Мнѣ приходитъ на мысль, не попалъ ли онъ въ руки морскихъ корсаровъ, ибо не знаю, чему приписать его неизвѣстіе.

Король Неаполитанскій долго-ль будетъ въ Вѣнѣ, я думаю вамъ сіе извѣстно, ибо, пока онъ не возвратится, наша экспедиція не можетъ оттуда тронуться, буде счастливо туда доѣхала. Графу Старембергу Москва полюбилась, домъ Бутурлина, гдѣ онъ живетъ и вся яже въ немъ, то-есть образъ жизни. Здѣсь нѣсколько удивляются, что онъ

---

[1]) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (1763 † 1829), племянникъ и воспитанникъ канцлера графа Александра Романовича Воронцова, библіофилъ. Домъ его находился въ Нѣмецкой слободѣ, при немъ была великолѣпная библіотека, минералогическій кабинетъ, ботаническій садъ и проч. Славился своимъ хлѣбосольствомъ. Въ 1793 г. женился на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой.

[2]) Графъ Старембергъ (Starhemberg), Австрійскій камергеръ, пріѣзжалъ путешественникомъ въ Россію.

по званымъ обѣдамъ, спектаклямъ и клубамъ въ жилетѣ ѣздить, но можетъ быть то повсемѣстная мода, которую Москва хотя и ловитъ, но иногда за хвостъ вмѣсто головы ухватится, почему и криво понять можетъ.

У насъ зима настаетъ, а еще не настала. Здоровье мое живетъ, нога безпокоитъ, ласкаюсь впредь симъ имѣть себя лучшимъ.

LXV.

Москва, 30 Декабря 1790.

Не знаю, какъ пролетѣло письмо, къ тебѣ писанное отъ нашего влюбленнаго философа, мимо Петербурга, и попало ко мнѣ, которое читая узналъ, что къ брату пишетъ, и, разглядѣвъ надпись начиталъ, что именно къ тебѣ, я его здѣсь влагаю. Многія письма уже онъ ко мнѣ писалъ, но я еще ни на одно не отвѣчалъ, и чѣмъ болѣе размышляю о его вопросахъ и намѣреніяхъ, которые клонятся, чтобъ жениться чортъ знаетъ на комъ, удалиться отъ своихъ кровныхъ и отечества, поселиться внѣ оныхъ! Матерія непріятная во истину. И самъ не знаю, когда и что̀ на таковые необычайные и вздорные вопросы отвѣчать? Требуетъ въ письмѣ твоемъ денегъ на покупку имѣнія, въ которомъ ему никакой нужды нѣтъ, и я ему оныхъ дать не могу, не имѣвъ у себя готовыхъ; не умнѣе же было, если бы онъ и самъ и дульцинею свою сюда привёзъ и женился бы, буде она того стоитъ, здѣсь, а буде какая потаскушка, то и безъ женитьбы можно обойтиться, пока наскучитъ, что̀ безъ сомнѣнія вскорѣ послѣдовать можетъ! Жаль мнѣ, что я хорошее имѣніе, какъ Гостилицы, опредѣлилъ въ недостойныя руки. Ты, уповаю, будешь писать, дай ему здравый совѣтъ, который весьма теперь нуженъ. Adieu.

LXVI.

Москва, 8 Января 1791.

Послѣднее письмо ваше получилъ; радъ, что собаки наши доставлены до ихъ мѣста. Признаюсь тебѣ, что долгое неповѣстіе зачало было меня безпокоить; я боялся, чтобъ наше посольство не досталось въ руки Алжирскихъ морскихъ разбойниковъ, то-то бы одолжили Денисьева, управивъ его сынка въ эсклавы, коего онъ безъ памяти любитъ. Жаль мнѣ, если молодой сей человѣкъ уѣдетъ не видавши Короля, но

что же дѣлать, если иначе нельзя. Письмо Италинскаго [1]) возвращаю, и изъ него нѣчто вычиталъ и послалъ къ старику Денисьеву. Въ прошедшее торжество новаго года пожаловано немало штатъ и придворныхъ, а тебѣ хотя бы обѣщанный ключъ камергерскій дали, но и того нѣтъ. Если сіе дѣлается съ тѣмъ, чтобъ, подавшись назадъ, лучше впередъ прыгнуть, хорошо, а безъ сего предмета никуда негодится. Пишетъ мнѣ Загряжская, сестра ваша, что бѣдная твоя Елизавета все въ такомъ же положеніи, какъ и въ Петровскомъ была, я о семъ крайне сожалѣю. Неужели факультетъ цѣлый Петербургскій не можетъ ей сдѣлать никакого пособія въ сихъ ея припадкахъ.

P. S. Измаилъ взятъ [2]), побито Турокъ много, но и своимъ думать надо, что досталось. Молебенъ пѣтъ, а про миръ здѣсь ничего не слышно. Говорятъ, что князь Потемкинъ поскачетъ въ С.-Петербургъ, то и того менѣе надежды къ достиженію мира, столь всѣми желаемаго. Газеты сулятъ Англійскую эскадру въ Балтійское море, состоящую изъ 24 военныхъ кораблей; въ Черное изъ 10-ти. Полячки сдѣлали союзъ съ Турками наступательный и оборонительный, именно противъ двухъ Императорскихъ Дворовъ. Все сіе гласилось прежде взятія и избитія Измаила, что впредь заговорятъ—увидимъ. Пруссаки также начали сильно вооружать. Что знаютъ у васъ, говорятъ и думаютъ обо всемъ, дай мнѣ при случаѣ знать.

LXVII.

Москва, 22 Января 1791.

Разсудилось мнѣ дать тебѣ знать о мысли моей слѣдующей. Между имѣніями, распредѣленными вамъ, братьямъ, отъ меня въ Великороссіи, достались Гостилицы нашему философу Григорію слѣпому и влюбленному въ Швейцарку и Швейцарію. Сіе имѣніе отмѣнно стоитъ уваженія по красотѣ мѣста, по выгодамъ его и по привязанности и уваженію, которое имѣлъ братъ покойный, дядя вашъ, и я имѣю. Но нашъ шалопай всему сему цѣны не знаетъ и предается достойное въ руки недостойныя. Мнѣ приходитъ на мысль передѣлать сіе и

---

[1]) Андрей Юрьевичъ Италинскій р. въ Кіевѣ 1743 г., † въ Римѣ 1827 г. Учился медицинѣ, отправленъ былъ въ Лондонъ, Эдинбургъ и Парижъ для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Парижѣ сблизился съ Гриммомъ. Былъ наставникомъ В. П. Кочубея; назначенъ былъ секретаремъ посольства въ Неаполѣ, а потомъ министромъ тамъ же. При Имп. Александрѣ до 1817 года былъ посланникомъ въ Царьградѣ, а потомъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ. Человѣкъ замѣчательнаго ума и страстный археологъ.

[2]) Измаилъ взятъ штурмомъ 11-го Декабря 1790 г.

доставить тебѣ въ твой удѣлъ, а ему отдать часть изъ твоихъ деревень, а именно изъ Псковскихъ: волость Владимірскую, въ которой 1285 душъ и въ Копорскихъ 510 душъ; въ Гостилицахъ же 1,666, то хотя сотнею душъ и превосходитъ, но въ разсужденіи отмѣнныхъ выгодъ тягаться труда не стóитъ. Подумай о семъ, пока ты на мѣстѣ, можешь поразспросить Штатера непримѣтнымъ образомъ, о чемъ тебѣ угодно, словомъ подумай, поразсуди, а когда сюда пріѣдешь, то подробнѣйше и заключительнѣе переговоримъ. Прощай! [1]).

LXVIII.

Москва, 21 Января 1791.

Послѣднее письмо ваше получилъ, которое меня извѣстило, что молчанію вашему нѣсколько времени причиною были забавы и пляски и балы; дай-то Богъ, чтобъ за сими миръ послѣдовалъ, то еще веселѣе будетъ. Швейцарскій нашъ философъ, кажется, совсѣмъ спятилъ съ ума, писалъ ко мнѣ Моллеръ, что онъ взялъ свое опредѣленное, послалъ векселей на нѣсколько тысячъ, видно, что разсудокъ его помрачился, близко году уже, какъ я ни на одно изъ его писемъ не отвѣчаю; не можетъ понять, что мнѣ всѣ его предпріятія неугодны и посылаетъ векселя, какъ будто бы и я его глупыми предпріятіями столько же восхищался, какъ и самъ. О неограниченное дурачество, подкрѣпляемое самолюбіемъ! Но я векселей не велѣлъ акцептовать, дабы дураку и впредь неповадно было посылать оные.

Здѣсь Москва занимается пріѣздомъ князя Потемкина. Губернаторъ [2]) поскакалъ, говорятъ, на встрѣчу на границу, и предводители по ихъ уѣздамъ, хотя, гдѣ онъ и когда будетъ, никто не знаетъ, а судятъ только по тому, что лошади по станамъ стоятъ; здѣсь давно уже считаютъ, что Поповъ [3]) у васъ, а у васъ его только ждутъ. Графъ Брюсъ сюда прошлую ночь пріѣхалъ. Сожалѣю, что твоя Елизавета не поправляется въ здоровьѣ, скажи ей мой поклонъ, сожалѣніе и усерднѣйшее желаніе къ поправленію и возстановленію ея здоровья. Что до моего касается, то чувствую его по перемѣнамъ воздуха и времени: когда чисто и хорошо, то и мнѣ изрядно; когда же мятель и вѣтеръ, то и я все чувствую тяжкое. Но быть тому такъ; нога моя

---

[1]) Гостилицы достались на часть графа Петра Кириловича.

[2]) Московскимъ губернаторомъ съ 1784—93 г. былъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ (впослѣдствіи свѣт. князь и д. т. с. 1-го кл.).

[3]) Василій Степановичъ Поповъ (впослѣд. д. т. с., 1745 † 1822), правитель дѣлъ Потемкина.

все почти въ томъ же положеніи, одинъ Чубукъ глядитъ, что она лучше, но Чубукъ дуракъ какъ лошадь. Adieu.

LXIX.

Москва, 28 Января 1791.

Третьяго дня получилъ я изъ Батурина письма отъ Денисьева, въ которыхъ и письмо приложено къ сыну его, которое постарайся доставить исправно. Прилагаю выписку изъ его послѣдняго письма ко мнѣ для любопытства твоего, изъ котораго увидишь сколь сей старичокъ заботится о томъ, что показалось ему Италинскій скоро его сына изъ Неаполя выпроводить хотѣлъ, даже заботится и о томъ, что сынъ ему ничего и о деньгахъ не пишетъ. На все сіе я ему краткое объясненіе сдѣлалъ, что сей городъ не такой, чтобы долго проѣзжающему задерживаться должно; что же онъ денегъ отъ него не требуетъ, то потому, что все уже придумано такимъ образомъ, что онъ въ оныхъ недостатка имѣть не будетъ. Я не сомнѣваюсь, что отдано знать его корреспондентамъ, гдѣ надобность потребуетъ, чтобъ даваемы ему были деньги на его содержаніе, до нѣкоторой суммы, но понеже отецъ его желаетъ, чтобъ перевесть къ нему въ Вѣну тысячу рублей на его счётъ, которыя ему должны вручены быть въ его проѣздъ чрезъ сей городъ, то на сей конецъ и прилагаю повелѣніе къ Моллеру, которое когда ему вручишь, то онъ исполнить долженъ по твоему приказу.

Изъ арміи многіе пріѣзжаютъ сюда; всѣ говорятъ, что князь Потемкинъ будетъ, пока никто не знаетъ—куда. Между многими вѣстями, которыя по городу носятся, говорятъ, что Суворовъ сдѣланъ отъ Императора фельдмаршаломъ [1]), а другіе говорятъ, что и орденъ Маріи Терезіи ему данъ, хотя по статуту сего ордена, если кто не католическаго закона, то не можетъ его имѣть. Елизаветѣ скажи мой поклонъ и прощай.

LXX.

Москва, 7 Февраля. 1791.

Письмо твое отъ 27 прошедшаго мѣсяца получилъ. Что касается о Гостилицахъ, то сіе только и писано было съ тѣмъ, чтобъ выправился, поразсмотрѣлъ, посовѣтовался съ кѣмъ заблагоразсудишь, въ

---

[1]) Слухъ этотъ оказался ложнымъ. Суворовъ назначенъ былъ Австрійскимъ фельдмаршаломъ только въ Мартѣ 1799 года.

томъ числѣ и съ П. В. Завадовскимъ, а когда пріѣдешь сюда, то еще переговоримъ, прежде нежели къ дѣлу приступимъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ [1]) сюда пріѣхалъ, занимается забавами Московскими, хотя не надолго, ибо вскорѣ намѣренъ возвратиться вспять. По словамъ его и по письму твоему, политическая барка весьма волнуется; дай же Богъ, чтобы она къ веснѣ къ тихому пристанищу прибилась, а безъ того быть бурѣ.

Князя [2]) Москва сюда ожидаетъ, по прежнему же и неизвѣстно когда будетъ. Сожалѣю отъ сердца, что здоровье твоей любезной Елизаветы не укрѣпляется. Какъ скоро Салтыковъ сюда пріѣдетъ, посылку отъ него истребую и немедленно перешлю; онъ еще сказывалъ мнѣ, что графъ Безбородко въ Варшавѣ. Удивляюсь я, что мать нашей Елизаветы такую нужную для нея вещь съ проѣзжающимъ, а не съ курьеромъ послала, которые, уповаю, нерѣдки изъ Вѣны бываютъ.

Я весьма доволенъ, что посылка нашихъ псовъ твоему доброму Королю понравилась. Думаю какъ ихъ увидитъ, еще довольнѣе будетъ. Сего искренно желаю, хорошо, что ты и мою благодарность за его милостивый отзывъ обо мнѣ отвѣсилъ. Погода у насъ точно весенняя, весьма тепло, таетъ и снѣгъ въ лужи воды превращается. Таковыя внезапныя перемѣны и мнѣ не нечувствительны, но болѣе оттерпливаюся. Adieu.

LXXI.

Москва, 10 Февраля 1791.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Денисьева, который проситъ, чтобы приложенное къ сыну его доставить. Я оное здѣсь влагаю и рекомендую его, подписавъ на имя флигель-адъютанта моего порусски или по французски, доставить въ его руки. Онъ называется Степанъ Васильевичъ Денисьевъ. Князя Потемкина сегодня сюда ожидаютъ. Графъ Безбородко, если онъ не будетъ, то еще день останется. Я вчера занемогъ было очень сильно необыкновенною болѣзнію коликою, но слава Богу все прошло. Прощай.

LXXII

Москва, 13 Февраля 1791.

Отъ 6-го сего мѣсяца письмо ваше получилъ. Что касается до отпуска Денисьева и полученнаго имъ награжденія, то изрядно. Но

---

[1]) Строгановъ.

[2]) Потемкина.

что принадлежитъ до удержанія людей въ службѣ, то не знаю, откуда ты взялъ, чтобъ ихъ тамъ оставили, ибо помнится, чтобъ они съ Денисьевымъ возвратились, у нихъ есть жены и дѣти, то, кажется, не могутъ они тамъ долго остаться; впрочемъ, одинъ изъ нихъ Лифляндецъ вольный человѣкъ, а другой Русскій, мой. Я думаю, если они и останутся, то не надолго, то-есть на полгода или на годъ, о чемъ вамъ необходимо и писать туда, къ кому заблагоразсудите. Что до Денисьева касается, не зачѣмъ въ Вѣнѣ дожидаться пріѣзда твоего туда, чего для и отпиши, чтобъ его оттуда отправили во свояси, какъ скоро онъ туда пріѣдетъ, о чемъ я къ отцу его писать буду, равно какъ и о томъ, чтобъ если онъ вздумаетъ писать къ сыну, то бы письмо его отправлялъ прямо чрезъ Кіевъ на имя посла или въ канцелярію посольства въ Вѣну, а ты дай отъ себя знать, кому надлежитъ, что когда такія письма получаемы будутъ, то бы ихъ или отсылали или удерживали, смотря по обстоятельствамъ, такимъ образомъ скорѣе будетъ доходить, нежели чрезъ С.-Петербургъ. Салтыковъ сюда пріѣхалъ.

Посылки еще я не получалъ, о которой ты писалъ; какъ скоро получу, то немедленно по почтѣ отправлю. Сожалѣю о приключившемся случаѣ съ свойственницею нашея Елизаветы, который ей, конечно, долженъ быть прискорбенъ. Вотъ каково падать съ лѣстницъ; благодари Бога, что тебя спасъ и не допустилъ войти въ царство Плутона въ ту пору, когда неосторожностію попалъ было въ Остермановъ погребъ. Прощай!

LXXIII.

Москва, 24 Февраля, 1791.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Денисьева къ сыну, которое немедленно доставить туда рекомендую, написавъ адресъ на пакетахъ какъ заблагоразсудишь, по французски или по русски. Князь Григорій Александровичъ здѣсь гоститъ, можетъ быть, ты скорѣе его увидишь, нежели сіе письмо получишь; онъ всю Москву привелъ въ превеликое уваженіе, куда ни повернется, толпы людей всякаго званія! Больше писать нечего. Прощай.

P. S. Я надѣюсь, что посылка моя получена, которую тому почты съ двѣ прошло, какъ я отправилъ, получа отъ Салтыкова.

LXXIV.

Москва, 23 Марта, 1791.

Послѣднее письмо твое отъ 17 сего мѣсяца получилъ. За поздравленіе меня съ именинами благодарю, дай Богъ еще пожить, пока ему угодно, со всѣми вами. Любезной Елизаветѣ кланяюсь и благодарю за ея поздравленіе. Влюбленный Швейцаръ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ на мое молчаніе и за недавнее переведеніе на его имѣніе денегъ. Виноватъ-ли я и мои правители, что его нелегкая занесла въ Швейцарію, что деньги наши въ упадкѣ, и что онъ не получаетъ опредѣленной ему суммы на половину? Павелъ апостолъ говоритъ: „хощеши-ли не боятися власти—твори благо", а я говорю, коли хочешь полный доходъ получать, живи въ отечествѣ своемъ между своими ближними и кровными; коли хочешь жениться, избирай благородную жену въ отечествѣ своемъ, а не потаскушку въ Швейцаріи. Оставляющій бо человѣкъ родъ и отчизну по доброй волѣ, извергъ есть, итакъ, не на кого да не пеняетъ. Хорошо, что онъ поѣхалъ во Францію при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей землѣ, можетъ или на фонарь попасть, или позабыть свою дульцинею, въ томъ и другомъ случаяхъ—выигрышъ на нашей сторонѣ. Больше писать нечего, да и не должно занимать въ льющихся какъ рѣка на васъ веселіяхъ. Сокращаюсь въ желаніи веселиться вамъ въ совершенномъ здоровьи.

LXXV.

Москва, 2 Апрѣля, 1791.

Отъ 24 прошедшаго мѣсяца письмо ваше получилъ. Не удивляюсь я, если ты усталъ отъ праздниковъ и пирушекъ, занимающихъ всѣ дни ваши. Желаю только отъ сердца, чтобы не приключилось никакого вреда здоровью вашему. Думаю, однакоже, что головная боль твоя есть не что другое, какъ слѣдствіе безпорядочной жизни, царствующей въ столицѣ.

Портретъ Батоніевъ взять можешь, тогда онъ поселится у васъ, а со временемъ, буде здоровье мое дозволило, то и оригиналъ можетъ пріѣхать къ вамъ повидаться.

Матвѣю Васильевичу Муромцеву, при засвидѣтельствованіи моего почтенія и поклона, можешь сказать, что я полученнаго отъ него пластыря еще не употреблялъ; ученики Гипократовы пачкаютъ мою ногу ни, а когда ихъ операціи кончатся безъ успѣху, тогда ихъ са-

михъ, ихъ спеціи и методы брося, ухвачусь за пластырь, ими презираемый.

Пріѣзда Рахманова ожидаю, который мнѣ привезетъ лучшее и полное увѣдомленіе касательно до тебя и твоего положенія. Видно что тебѣ ранѣе мѣсяца сюда не бывать, ибо, если ранѣе сего мѣсяца пустишься въ путь, то въ грязи между Петербургомъ и Москвою увязнешь; итакъ, ожидать буду въ Петровскомъ вашего пріѣзда. Князь у васъ силенъ и всемогущъ. Что онъ съ тобою ласково обходится, то хорошо; что ко мнѣ о его дружбѣ и преданности говоритъ, и то не дурно, но все сіе есть монета придворная и весьма легковѣсная, на которую и полагаться нельзя. У насъ весна настаетъ, солнце и пріятные дни показываются, еще на воздухъ не выѣзжалъ отъ Октября мѣсяца, но познакомиться съ нимъ думаю. Здоровье мое живетъ, нога дурна по старому. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Прилагаю письмо подписанное банкиру въ Венеціи, которое вѣрно доставь черезъ Вѣну; въ немъ включено письмо къ брату вашему Петру, которому я совѣтую возвратиться въ Москву, перестать вести жизнь цыганскую, таскаться по Европѣ, и поселиться въ своемъ отечествѣ и между своими—фамиліею, соотчичами и имѣніями въ семъ городѣ.

LXXVI.

Москва, 29 Апрѣля, 1791.

Принялъ было я намѣреніе больше къ тебѣ не писать, потому что не думалъ, чтобы мои письма уже застали васъ въ столицѣ, но, получа послѣднее, въ которомъ пишешь, что уповаешь чрезъ пятнадцать дней выѣхать изъ С.-Петербурга, думаю, что и сіе еще тебя застанетъ. Несказанно сожалѣю я о сдѣлавшемся припадкѣ, графу Ивану Григорьевичу. Дай Богъ, чтобы сіе дальней опасности къ его жизни не нанесло, къ несказанному сожалѣнію его графини, фамиліи и моему. Къ желанію сему прибавила и добрую надежду, своею вѣстію, весьма для меня пріятною, Елизавета Михайловна Черкасова [1]), она сказала мнѣ, что дядюшкѣ ея, слава Богу, есть гораздо получше, что языкъ свободный, рукою и ногою владѣть можетъ, о недѣйствіи которыхъ доктора съ перваго взгляда сомнѣвались. Пока ты будешь въ резиденціи, увѣдомляй меня всякую почту, что̀ съ моимъ другомъ дѣлаться будетъ. Хочу знать о его какъ дурномъ, равно и хорошемъ

---

[1]) Баронесса Елизавета Михайловна Черкасова, рожденная княжна Бѣлосельская, племянница по матери графа Чернышева.

столицѣ, гордый князь Тавриды заѣхалъ навѣстить Разумовскаго. Несмотря на свою немочь, экс-гетманъ, по старой дружбѣ, на другой день отдалъ ему визитъ. Потемкинъ принялъ его по обыкновенію неодѣтый и неумытый, въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ гостя дать въ честь его балъ. Кирила Григорьевичъ согласился, на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ [1]). Хитрый малороссіянинъ разомъ казнилъ и любимца Екатерины, и городъ, пришедшій отъ пріѣзда его въ смятеніе. Вотъ почему, вѣроятно, Разумовскій писалъ къ сыну, что считаетъ лестныя о немъ выраженія Потемкина не болѣе какъ придворною легковѣсною монетою. Въ Маѣ 1792 года много шума произвелъ по Москвѣ арестъ извѣстнаго Новикова. Главнокомандующій князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, не отличавшійся особыми административными и другими способностями, вообразилъ себѣ, что Новиковъ виновенъ въ самыхъ страшныхъ злоумышленіяхъ. Онъ обставилъ арестъ и высылку скромнаго философа необыкновенными воинскими предосторожностями и придавалъ важное значеніе успѣху своихъ распоряженій. Графъ Кирила Григорьевичъ, встрѣтивъ главнокомандующаго вскорѣ послѣ, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Старичонку, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать—такъ притащилъ-бы его“ [2]). Въ архивѣ князя Разумовскаго сохранилось еще нѣсколько писемъ Кирилы Григорьевича, отъ 1793 и 1794 годовъ.

I.

Петровское, 30 Іюля, 1793.

Письма твои отъ 1-го и 19 Мая по нашему счету я получилъ. Послѣднее вручилъ братъ вашъ Григорій, который весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра! Не знаю—о послѣднемъ жалѣть или радоваться? Братъ Петръ пишетъ изъ Лозанны, что прежде году еще ему не можно возвратиться въ отечество, ибо онъ еще долженъ Швейцарію подробнѣйше разсмотрѣть! Вотъ чортъ въ полѣ домъ приказалъ (sic). А притомъ думаетъ и бабу свою картузную повылечить, которая давно

---

[1]) Семейное преданіе.

[2]) Лонгиновъ, „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“, 323, и Словарь достоп. людей—Бантышъ-Каменскаго, IV, 29.

LXXIV.

Москва, 23 Марта, 1791.

Послѣднее письмо твое отъ 17 сего мѣсяца получилъ. За поздравленіе меня съ имянинами благодарю, дай Богъ еще пожить, пока ему угодно, со всѣми вами. Любезной Елизаветѣ кланяюсь и благодарю за ея поздравленіе. Влюбленный Швейцаръ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ на мое молчаніе и за недавнее переведеніе на его имѣніе денегъ. Виноватъ-ли я и мои правители, что его нелегкая занесла въ Швейцарію, что деньги наши въ упадкѣ, и что онъ не получаетъ опредѣленной ему суммы на половину? Павелъ апостолъ говоритъ: „хощеши-ли не боятися власти—твори благо“, а я говорю, коли хочешь полный доходъ получать, живи въ отечествѣ своемъ между своими ближними и кровными; коли хочешь жениться, избирай благородную жену въ отечествѣ своемъ, а не потаскушку въ Швейцаріи. Оставляющій бо человѣкъ родъ и отчизну по доброй волѣ, извергъ есть, итакъ, не на кого да не пеняетъ. Хорошо, что онъ поѣхалъ во Францію при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей землѣ, можетъ или на фонарь попасть, или позабыть свою дульцинею, въ томъ и другомъ случаяхъ—выигрышъ на нашей сторонѣ. Больше писать нечего, да и не должно занимать въ льющихся какъ рѣка на васъ веселіяхъ. Сокращаюсь въ желаніи веселиться вамъ въ совершенномъ здоровьи.

LXXV.

Москва, 2 Апрѣля, 1791.

Отъ 24 прошедшаго мѣсяца письмо ваше получилъ. Не удивляюсь я, если ты усталъ отъ праздниковъ и пирушекъ, занимающихъ всѣ дни ваши. Желаю только отъ сердца, чтобы не приключилось никакого вреда здоровью вашему. Думаю, однакоже, что головная боль твоя есть не что другое, какъ слѣдствіе безпорядочной жизни, царствующей въ столицѣ.

Портретъ Батоніевъ взять можешь, тогда онъ поселится у васъ, а со временемъ, буде здоровье мое дозволило, то и оригиналъ можетъ пріѣхать къ вамъ повидаться.

Матвѣю Васильевичу Муромцеву, при засвидѣтельствованіи моего почтенія и поклона, можешь сказать, что я полученнаго отъ него пластыря еще не употреблялъ; ученики Гипократовы пачкаютъ мою ногу своими, а когда ихъ операціи кончатся безъ успѣху, тогда ихъ са-

II.

2 Августа 1793. Петровское.

Два письма вашихъ, отъ 13 Іюня и отъ 11 Іюля, получилъ. Посланный порцелинъ еще не пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, но я за оный благодарю; не сомнѣваюсь, что онъ хорошъ будетъ; опасаюсь только, чтобы его, въ перевозѣ въ Москву не перебили. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ получилъ письмо отъ графа Ивана Григорьевича и къ протопопу Почеповскому отъ сына его [1]). Къ первому отвѣтъ влагаю, а другому переслано будетъ. Мнѣ кажется, что я писалъ уже тебѣ тогда же о садовникѣ, какъ ты мнѣ отозвался о семъ, но если, паче чаянія, ты его не получалъ, то сіе послѣднее употреби яко первое и дозволь сему человѣку остаться въ Англіи по его желанію, ибо довольно если онъ около весны попадетъ въ Малороссію. Далекое разстояніе причиною, что письма мои рѣдкими тебѣ кажутся; мнѣ же кажется, что я очень исправно на получаемыя отъ тебя письма отвѣчаю. Любезной Елизаветѣ кланяйся отъ меня. Дай Богъ, чтобы она въ свое время скоро и благополучно разрѣшилась отъ бремени [2]). Поклонъ отъ тебя всѣмъ нашимъ отвѣсилъ, всѣ благодарятъ и Софья Осиповна желаетъ тебѣ имѣть удовольствіе. У насъ, послѣ жаркихъ и хорошихъ дней, сдѣлалась осенняя погода. Я переправился-было въ Поливаново мѣсяца на полтора, но, пріѣхавъ туда, занемогъ и всѣ четыре ночи спать не могъ; опасаясь большой бѣды, принужденъ былъ убѣжать сюда. Причиною сему было, что старый мой Мазепа Огалинъ (?) вздумалъ мнѣ представить домъ въ лучшемъ видѣ, отштукатурилъ его къ пріѣзду, а сіе-то и было причиною, что никакъ въ немъ жить нельзя, хотя онъ и сухъ и выстоялся, но снаружи, какъ скоро окошки отворишь, то извесочный духъ какъ палкою въ лобъ; на ночь затворятся окошки, остается набравшійся воздухъ, а сего-то для моей слабой груди и довольно для произведенія астматическихъ припадковъ. Хотя я, набравшись сего дурного духу, и здѣсь безпокойство еще чувствую, но надѣюсь, по милости Божіей, что сіе не продолжится, а особливо когда въ семъ для меня здоровомъ мѣстѣ установится хорошая погода, которой мы уже нѣсколько дней лишились. Adieu.

P. S. По приложенной у сего запискѣ инструментамъ для духовой моей музыки, которая, говорятъ, пораздувалась, равно и нотамъ му-

---

[1]) Не отъ Кудрявскаго-ли?

[2]) Надежда эта не сбылась.

состояніи. У насъ послѣ прекрасныхъ дней сдѣлалась погода чухонская, небо пестрое, похоже на сѣрую лошадь въ яблокахъ, между которыхъ и солнце иногда проскакиваетъ. Погода холодная и сырая производитъ дождь, снѣгъ и крупу, а посему и я какъ разбитая лошадь, чувствую боль превеликую въ груди. Спина, ребра, будто какъ дубьемъ понадломали. Въ Петровское хочу переселиться, но непріятно еще при такой непогодѣ, и такъ въ городѣ сижу въ хижинѣ и ожидаю лучшія погоды. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Скажи брату Алексѣю Кириловичу, что я послѣднее его письмо получилъ, и что не отвѣчалъ ему на оное потому, что прежде его письма далъ я полную резолюцію Моллеру о всемъ томъ, что онъ у меня спрашиваетъ, касательно до Петербургскаго дома и находящихся въ ономъ вещахъ, о чемъ и сомнѣваюсь, что Моллеръ ему сообщилъ какъ то отъ меня велѣно".

Весною 1791 г. старикъ Разумовскій снова былъ порадованъ посѣщеніемъ любимаго сына и любезной жены его. По дорогѣ въ Вѣну они заѣхали въ Петровское и здоровье графини Елизаветы Осиповны заставило ихъ остановиться тамъ гораздо долѣе, чѣмъ они предполагали. Несмотря на хворость свою, графъ Кирила Григорьевичъ всячески ухаживалъ за своею любимицею. Самъ онъ былъ въ жалкомъ состояніи: ревматизмы, астма, хирарга и подагра его жестоко мучили. На ногахъ открылись раны, онъ самъ говаривалъ, что ноги его „avant-coureurs dans l'autre monde" [1]). Отъ билліардной игры, къ которой съ молоду былъ страстный охотникъ, за болѣзнію онъ принужденъ былъ отказаться. За то теперь любилъ поиграть въ карты, и часто за игрою проводилъ безсонныя отъ недуга ночи. Подъ бременемъ своихъ недуговъ, Разумовскій видимо слабѣлъ физически, но умъ его все тотъ-же— острый, насмѣшливый, съ оттѣнкомъ чисто-малороссійскаго юмора. Онъ, какъ самъ признался выше, уже рѣдко являлся на свои роскошные обѣды, которые однако все-таки продолжались своимъ чередомъ и куда по прежнему являлись званые и незваные. Когда же онъ выходилъ къ гостямъ, собравшимся на обѣдъ или на балъ, то въ послѣдніе годы почти постоянно въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ, съ нашитою на немъ андреевскою звѣздою [2]). Сохранилось преданіе, что въ послѣдній проѣздъ Потемкина черезъ Москву, о которомъ упоминаетъ Кирила Григорьевичъ въ письмѣ къ сыну, нѣсколько подсмѣиваясь надъ суматохою, произведенною этимъ посѣщеніемъ въ древней

[1]) „Русскій Архивъ", 1870 г., стр. 1217, письмо И. В. Лопухина къ Руничу.

[2]) Слышано отъ очевидцевъ: А. В. Васильчакова, графа А. И. Гудовича, князя С. М. Голицына и другихъ.

столицѣ, гордый князь Тавриды заѣхалъ навѣстить Разумовскаго. Несмотря на свою немочь, экс-гетманъ, по старой дружбѣ, на другой день отдалъ ему визитъ. Потемкинъ принялъ его по обыкновенію неодѣтый и неумытый, въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ гостя дать въ честь его балъ. Кирила Григорьевичъ согласился, на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ [1]). Хитрый малороссіянинъ разомъ казнилъ и любимца Екатерины, и городъ, пришедшій отъ пріѣзда его въ смятеніе. Вотъ почему, вѣроятно, Разумовскій писалъ къ сыну, что считаетъ лестныя о немъ выраженія Потемкина не болѣе какъ придворною легковѣсною монетою. Въ Маѣ 1792 года много шума произвелъ по Москвѣ арестъ извѣстнаго Новикова. Главнокомандующій князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, не отличавшійся особыми административными и другими способностями, вообразилъ себѣ, что Новиковъ виновенъ въ самыхъ страшныхъ злоумышленіяхъ. Онъ обставилъ арестъ и высылку скромнаго философа необыкновенными воинскими предосторожностями и придавалъ важное значеніе успѣху своихъ распоряженій. Графъ Кирила Григорьевичъ, встрѣтивъ главнокомандующаго вскорѣ послѣ, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Старичонку, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать—такъ притащилъ-бы его“ [2]). Въ архивѣ князя Разумовскаго сохранилось еще нѣсколько писемъ Кирилы Григорьевича, отъ 1793 и 1794 годовъ.

I.

Петровское, 30 Іюля, 1793.

Письма твои отъ 1-го и 19 Мая по нашему счету я получилъ. Послѣднее вручилъ братъ вашъ Григорій, который весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра! Не знаю—о послѣднемъ жалѣть или радоваться? Братъ Петръ пишетъ изъ Лозанны, что прежде году еще ему не можно возвратиться въ отечество, ибо онъ еще долженъ Швейцарію подробнѣйше разсмотрѣть! Вотъ чортъ въ полѣ домъ приказалъ (sic). А притомъ думаетъ и бабу свою картузную повылечить, которая давно

---

[1]) Семейное преданіе.

[2]) Лонгиновъ, „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“, 323, и Словарь достоп. людей—Бантышъ-Каменскаго, IV, 29.

уже неизлечима [1]), но дуракъ сего по сю пору не примѣтилъ. Чудны дѣла Божія по всей вселенной, и у насъ въ фамиліи не безъ того. Чтобы Григорію въ службу вступить то трудно, ибо испорченное не поправишь. Ты самъ свидѣтель, какъ онъ хорошо было себя съ начала пріѣзда въ столицу ознаменовалъ, и каково подло подъ конецъ выглянулъ, а таковымъ поступкомъ истребилъ вовсе въ чужихъ и даже своихъ зародившееся доброе мнѣніе съ перваго взгляда. Мнѣ же о немъ стряпать ни здоровіе, ни отсутствіе не дозволяетъ, а своимъ проворствомъ онъ ни до чего не добьется. Итакъ, мое мнѣніе, чтобы оставаться ему при тѣхъ. Занятыя тобою для него деньги, какъ скоро вексель, обѣщанный тобою, получится, такъ скоро и заплачены будутъ. Жаль мнѣ, что садовника Григорій съ собою не привезъ. Для чего-бы не посадить его въ карету съ собою, буде мѣсто было? Черезъ то бы ни садовнику знатности, ни ему униженія не послѣдовало! Въ ожиданіи отъ тебя стекляннаго обѣщаннаго мастера, упустилъ я здѣсь представившагося. Теперь пишу я къ Гибертовскому, чтобы искалъ, не можно-ли достать изъ Польши, изъ пріобрѣтенныхъ провинцій къ Россіи, хотя онъ не будетъ можетъ быть такъ совѣстенъ, какъ Богемецъ, но уповаю гораздо будетъ лучше той неудачи, которая на моемъ заводѣ имѣется. Скажу тебѣ слово о дѣлахъ твоихъ: я писалъ къ тебѣ, что всѣ способы употреблены были о займѣ 100,000 подъ закладъ имѣнія, но нѣтъ способа, развѣ продать часть изъ имѣнія, а при томъ и требовалъ, чтобы ты именно назначилъ какое продать, но еще отвѣта не получилъ, хотя письмо подано 5-го Мая, чему уже около 2-хъ мѣсяцевъ, что меня не мало удивляетъ, ибо въ немъ все было подробно написано. Въ Малороссію я нынѣшнимъ лѣтомъ не ѣздилъ, а будущимъ если ссудитъ Богъ, непремѣнно поѣду и на нѣкоторое время, а можетъ быть и на долго, буде поздоровится, ибо здѣсь жить дорого до безконечности. Любезную Елизавету благодарю за письмо ея, оно мнѣ пріятно, но отвѣчать не могу на Французскомъ языкѣ, съ трудомъ и по Русски пишу, ибо голова дурна и кружится, глаза худо глядятъ, да и все мое здоровіе идетъ на разладъ, такъ меня теперешнее лѣто оттрепало. Шесть уже недѣль какъ безпрестанно идутъ дожди, вѣтры холодные, сырость въ воздухѣ, все сіе меня лишило обонянія, вкуса, апетита и сна, и къ тому нерѣдкіе астматическіе припадки сдѣлали меня худымъ, тощимъ и недвижущимся, такъ что и пишу съ превеликою нуждою, а впредь буду писать чрезъ секретаря. Прощай.

---

[1]) Графиня Софія Степановна страдала солитеромъ—см. т. II.

тельства и могъ рѣшиться на надобное мнѣ годовое или полугодовое количество“ [1]).

Первые годы пребыванія своего въ Украйнѣ старикъ Разумовскій велъ дѣятельную жизнь и съ увлеченіемъ предался страсти своей къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ [2]) совершенно круглую церковь, обведенную Іоническою колоннадою, съ каменнымъ иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ [3]) и домъ по планамъ архитектора Менеласа. У Разумовскаго былъ домъ въ Кіевѣ, строенный изъ дубовыхъ брусьевъ. Въ немъ, какъ можно судить изъ предъидущаго письма, онъ собирался провести зиму. Семейное преданіе гласитъ, что съ фельдмаршала стали требовать за этотъ домъ какую-то постойную повинность. Разгнѣванный фельдмаршалъ, живо помнившій прежнее свое положеніе въ Малороссіи, велѣлъ въ двадцать четыре часа разобрать домъ и перенести его изъ Кіева въ Яготинъ. Домъ этотъ, перестроенный, какъ мы сказали выше, Менелаcомъ, состоялъ изъ главнаго корпуса, перевезеннаго изъ Кіева, и шести павильоновъ, изъ которыхъ каждый равнялся большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы [4]). Въ Бакланѣ выстроилъ Кирила Григорьевичъ домъ въ подраженіе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима [5]), въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный, съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекою въ 5000 томовъ. Вокругъ него, по красивымъ берегамъ Судогости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ Голландскомъ вкусѣ [6]). Въ Почепѣ въ Іюнѣ 1795 года свидѣлся съ нимъ старый пріятель его, гр. П. В. Завадовскій. Вотъ что послѣдній писалъ по этому случаю другу своему, гр. А. Г. Воронцову: „Въ Почепѣ видѣлъ я графа Кирила Григорьевича. Я разстался съ нимъ какъ съ ночнымъ картежникамъ и съ дневнымъ биліардщикомъ. Какая перемѣна! Видъ его поразилъ меня до слезъ: водятъ подъ руки, голова преклонилась долу, изсохъ какъ сухарь; духъ только не утратилъ пріятной веселости. Онъ заѣхалъ туда, чтобъ въ своей землѣ погребсти кости“ [7]).

---

[1]) Изъ Архива князя Разумовскаго.

[2]) Принадлежитъ нынѣ дѣтямъ праправнука Кирилы Григорьевича, князьямъ Репнинымъ.

[3]) На освященіи Яготинской церкви Кирила Григорьевичъ по слабости не могъ уже присутствовать (смотри ниже).

[4]) Главный корпусъ Яготинскаго дома нѣсколько лѣтъ тому былъ разобранъ.

[5]) Фонъ-Гунъ, „Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малую Россію въ осени 1805 г.“

[6]) Тамъ же.

[7]) Архивъ князя Воронцова, XII, 155.

зыкальнымъ, справься о цѣнѣ; что сіе можетъ стоить, дай мнѣ знать, ибо я хочу вѣдать вашу цѣну. По запискѣ сей требуютъ 800 черв. слишкомъ: если разница въ цѣнѣ малая, то можно и здѣсь все сіе скупить безъ дальнѣйшихъ заботъ, — въ противномъ случаѣ, лучше у васъ сіе исправить. Потребны мнѣ часы Англійскіе, которые бы ходили вѣрно и исправно, ибо мои все врутъ и колобродятъ. Я думаю часы карманные, буде возможно, то и съ репетиціею, ибо я худо вижу, то иногда по стуку доходить до настоящаго часа. У тебя въ Англіи есть корреспондентъ, какой-то Куралиша (sic), певѣтренный. Дай ему коммиссію, чтобъ нарочно заказалъ мнѣ часы крѣпкіе, карманные и вѣрные, но не богатые.

III.

Октября 17, 1793. Петровское.

Прилагаю письмо къ графу Ивану Григорьевичу [1]) въ отвѣтъ на его два мною полученныя, которое рекомендую его сіятельству доставить исправно. Здѣсь слухъ носится, что предмѣстникъ твой, князь Дмитрій Михайловичъ, умеръ [2]), но отъ тебя я какъ о семъ, такъ и всемъ, даже о тебѣ самомъ, давно извѣстія не имѣю. Видно, что вы или забавами, или дѣлами заняты. Больше по сей почтѣ ничего писать не имѣю. Бракосочетаніе В. К. Александра Павловича кончилось [3]), никакихъ произвожденій не слыхать, всѣ бо онѣ, однѣ въ коронацію, другія въ мирное торжество [4]) отшлифованы щедро, милостиво и изобильно въ моихъ мысляхъ, а о другихъ я не судья. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ; я надѣюсь, что она здорова; сіе есть искреннее мое желаніе. Лѣто наше прошло, началась-было сырая и непріятная осень, туда же послѣдовала, ибо все-было замерзло и земля снѣгомъ покрылась, и я думалъ-было въ Москву отсюда передвинуться; но снѣгъ сошелъ, земля распустилась и я здѣсь остался, хотя въ мокротѣ и грязи, но въ чистѣйшемъ воздухѣ, передъ Московскимъ, и съ первыми морозами вернусь въ городъ, ибо здѣсь скучно начинаетъ быть, всѣ меня оставили за дурною и грязною дорогою, но я ни на кого не пеняю, ибо грязь велика, дни короткіе, ночи долгія и темныя. Левъ, братъ вашъ, пріѣхалъ изъ арміи, живетъ здѣсь, а Гри-

---

[1]) Гр. И. Г. Чернышевъ послѣ удара жилъ долгое время въ чужихъ краяхъ.

[2]) Князь Д. М. Голицынъ умеръ въ Вѣнѣ 19 Сентября, 1793.

[3]) Бракосочетаніе в. к. Александра Павловича совершено было 21 Мая, 1793 года.

[4]) Торжество мира съ Турціею празднованно было въ С.-Петербургѣ 2-го Сентября 1793 г.

горій, со всѣми его элеганціями, ведетъ скуку въ Петербургѣ, яко же и вездѣ. Я при всѣхъ сихъ перемѣнахъ воздушныхъ много претерпѣвалъ и готовлюсь запастись терпѣніемъ на цѣлую зиму или пока Богъ позволитъ. Adieu.

IV.

Москва, 6 Января 1794.

Статскій совѣтникъ, коммиссіонеръ вашъ, Александръ Александровичъ Юній принесъ ко мнѣ пакетъ, прося оной препроводить къ тебѣ. Въ немъ вложено два векселя на 30,000 рублей, занятыхъ здѣсь у оберъ-камергера князя Александра Михайловича Голицына, что̀ все увидишь подробнѣйше изъ его къ тебѣ письма. Желаю усерднѣйше, съ моей стороны, чтобъ сей заемъ былъ послѣдній и чтобъ ты себя такъ располагалъ въ образѣ твоея жизни, чтобъ не было нужды совать твоего имѣнія по разнымъ рукамъ, затыкая прорѣхи, долгами причиненныя, тѣмъ никого не одолжишь, себя же разоришь, и составишь на прочее время жизни твоея тягости и непріятное бремя, что̀ уже и въ самомъ дѣлѣ не однажды испыталъ и, кажется, по-истинѣ пора опомниться и быть осторожнѣе, если не желаешь навсегда оставаться безъ всякаго имѣнія и дохода. Вотъ мой тебѣ отцовскій и истиннаго друга совѣтъ; послѣдуй ему и благо тебѣ будетъ. Сіе письмо я адресовалъ черезъ Николая Александровича Загряжскаго къ его женѣ, а вашей сестрѣ, Натальѣ Кириловнѣ, которая бы отправила немедленно къ тебѣ, буде еще изъ Вѣны въ Россію не выѣхалъ, что̀ лучше извѣстно ей тамъ, нежели мнѣ здѣсь, ибо они, по привычкѣ обращаясь съ чужестранными, часто видятся съ графомъ Кобенцелемъ [1]), въ котораго депешахъ можетъ и сіе письмо быть отправлено съ лучшею вѣрностью, а въ случаѣ, если бы ты былъ уже на пути, то бы держала до твоего пріѣзда. Я здоровъ по-зимнему, ибо, кромѣ холоднаго времени, которое само-по-себѣ вредно, нерѣдкія перемѣны въ воздухѣ больше и больше оное разстраиваютъ и подвергаютъ меня разнымъ припадкамъ, а особливо нога моя гораздо меня безпокоитъ. Прощай.

---

[1]) Графъ Людвигъ Кобенцель, австрійскій посолъ въ Петербургѣ.

ГЛАВА XIV.

Послѣдніе годы.

Въ 1794-мъ году графъ Кирила Григорьевичъ переѣхалъ на житье въ Малороссію. Усилившійся недугъ заставилъ его покинуть Москву и искать облегченія въ благорастворенномъ климатѣ родины. „Графъ Кирила Григорьевичъ", писалъ къ гр. Александру Романовичу Воронцову гр. П. В. Завадовскій въ 1794 г., „когда поѣхалъ бы въ Малороссію, то не для другого, какъ погребсти свои кости въ отчизнѣ. Его болѣзнь такова, что всякій часъ можетъ быть конецъ, который уже приблизило естественное истощеніе тѣла. Онъ человѣкъ, такъ-сказать, прячущій отъ многихъ свой здравый разумъ и знанія" [1]). Разумовскій поселился въ Батуринѣ и тѣмъ еще болѣе удалился отъ дѣтей своихъ. Графиня С. О. Апраксина была въ домѣ его полною хозяйкою, всѣмъ заправляла и, вмѣстѣ съ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, пользовавшимся отмѣннымъ ея благорасположеніемъ, составляла почти единственное общество старика фельдмаршала. Сначала, какъ видно, Кирила Григорьевичъ не рѣшался окончательно поселиться въ Батуринѣ.

„Виргилій говоритъ: боюся Грековъ, когда они подарки даютъ". Евангеліе гласитъ: „ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ", писалъ онъ къ сыну Андрею изъ Батурина отъ 26 Іюля 1795 или 1796 года (на письмѣ годъ не выставленъ), „я сего вручителя, Нѣжинскаго жителя, грека купца симъ препровождаю для поступленія съ нимъ по Евангельскому совѣту, яко съ подданнымъ Россійскимъ. Вотъ и его ко мнѣ просительное письмо, а больше увидишь изъ собственнаго дѣла, правъ ли онъ или виноватъ и благотвореніе твое да будетъ по тому располагаемо. По сію пору еще я не рѣшился, гдѣ зимовать буду, ибо Яновскій ничего еще не написалъ ко мнѣ изъ Кіева, куда я его послалъ; за симъ больше ничего писать не имѣю, ибо недавно писалъ [2]). Здоровіе мое все въ томъ же положеніи. Прощай.

P. S. Писалъ къ тебѣ еще изъ Москвы, чтобъ доставить нѣкоторыхъ винъ для стола Венгерскихъ, которыя бы замѣняли Французскія. Получилъ отвѣтъ, что сіе дѣло возможное. Не можно-ли доставить нѣкоторыхъ сортовъ по малому количеству по выбору и вкусу вашему, съ объясненіемъ цѣны и прочаго, почему бы я узналъ всѣ обстоя-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XII, 106.

[2]) Письма эти не сохранились.

мѣсто. „Это невозможно, отвѣчалъ ему управляющій,—хата принадлежитъ казаку.“ Такъ купить ее! „Казакъ слишкомъ дорожится“, продолжалъ управляющій“, онъ за нее требуетъ 3000 рублей.“—„Ты не умѣешь торговаться, сказалъ графъ, пришли его ко мнѣ.“ Казака привели къ графу. Разумовскій сталъ ему доказывать, что онъ запрашиваетъ слишкомъ дорого за свою хату, при которой находится только 10 или 12 десятинъ земли; казакъ утверждалъ, что у него было больше десятинъ, но что графскіе же хлопцы ихъ у него отрѣзали; наконецъ, послѣ продолжительнаго торга, казакъ согласился сбавить 500 рублей. Графъ не медля всталъ съ своихъ креселъ и вынулъ изъ своего стола 5000 рублей, причемъ сказалъ казаку: „смотри, чтобъ черезъ три дня не было уже твоей хаты на моей землѣ!“ Казакъ началъ представлять невозможность столь скоро пріискать себѣ другое мѣстожительство. „Это мое дѣло“, отвѣчалъ графъ и, оборотясь къ управляющему, прибавилъ: „отведи ему въ концѣ моихъ владѣній двойное количество купленной у него земли и построй на мой коштъ новую хату“ [1]). Однажды Разумовскій гулялъ по Батурину съ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, почти постоянно проживавшимъ въ домѣ графа. Гуляя, они прошли мимо только-что отстроеннаго дома графскаго управляющаго. Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить управляющаго, что онъ воръ и на графскія деньги отстроилъ себѣ домъ. „Нѣтъ, братъ,“ отвѣчалъ Разумовскій, „этому только осталось крышу крыть, а другаго взять, онъ съизнова станетъ весь домъ строить“ [2]).

Тотъ же самый управляющій, англичанинъ Штатеръ, пришелъ ему объявить, что нѣсколько сотенъ изъ крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край. „Можно ли быть до такой степени неблагодарными!“, добавилъ Штатеръ. „В. с. истинный отецъ своимъ подданнымъ“. „Батько хорошъ“, отвѣчалъ Разумовскій, „да матушка-свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я бы тоже утёкъ“. Одинъ прикащикъ графскій изъ крѣпостныхъ затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднякомъ помѣщикомъ. Благодаря имени графа и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло, и у него отняли все небольшое его имѣніе. Объ этомъ узналъ графъ Кирила Григорьевичъ, велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе, да еще подарилъ ему ту деревню, къ которой приписанъ былъ прикащикъ. Чрезъ нѣсколько дней однако прикащикъ, по желанію графа, считавшаго его довольно наказаннымъ, отъ новаго помѣщика своего получилъ отпускную. Другой разъ случилось опять нѣчто подобное. У бѣднаго же помѣщика управляющіе графскіе оттянули послѣднее его достояніе, онисали его какъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Біографіи росс. фельдмаршаловъ“, I, 248.

[2]) Тамъ же, I, 246.

Въ послѣдніе годы жизни своей графъ Кирила Григорьевичъ былъ занятъ постройками дома и церкви въ Батуринѣ. Домъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ находится на самомъ краю Батурина, на мѣстности, называемой Тепловкою, въ честь Григорія Николаевича Теплова. Строеніе стоитъ на обрывистомъ и живописномъ берегу Сейма. По обѣимъ сторонамъ его находятся два большіе двухъ-этажные флигеля, которые теперь почти въ развалинахъ. Средній корпусъ носитъ еще слѣды прежняго великолѣпія. Многія комнаты украшены лѣпною работою и имѣютъ до сихъ поръ паркетные полы. Въ одной изъ залъ особенно хорошо украшеніе вокругъ главнаго входа. На восточной сторонѣ дома, къ рѣкѣ Сейму, находится балконъ, украшенный восьмью колонами Тосканскаго ордена. За домомъ расположенъ липовый садъ съ правильными аллеями [1]). Домъ этотъ, равно какъ и церковь Воскресенія Христова, о которой придется намъ говорить ниже, никогда не были вполнѣ отдѣланы. Фельдмаршалъ умеръ, не достроивъ ни дома, ни церкви, а послѣ смерти его некому было не только думать о новыхъ постройкахъ, но даже поддерживать старое, и все существовавшее въ Батуринѣ стало съ необыкновенною быстротою разрушаться.

Занимаясь украшеніемъ имѣній своихъ, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства: въ 1797 выписалъ онъ Испанскихъ овецъ, съ завода князя Лихтенштейна, и такимъ образомъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу и вводилъ шелководство въ Яготинѣ; выписывалъ машины, заводилъ мельницы, усовершенствовалъ свѣчную и суконную фабрики въ Батуринѣ и проч. Есть преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же самое время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. „Крестьяне благословляютъ память покойнаго фельдмаршала Разумовскаго“, говоритъ фонъ-Гунъ. „Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что и старые, и малые, и дворяне и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ память графа Кирила Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми“ [2]). Память этихъ златыхъ временъ не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ памятный 1861 годъ, когда настала пора свободы для нашей меньшей братіи, у многихъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его

---

[1]) Батуринъ, мѣстечко Черниговской губерніи. „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“, 1866, № 12. Въ довольно наивной статьѣ этой ошибочно сказано, что Разумовскій жилъ въ этомъ домѣ.

[2]) Фонъ-Гунъ, „Поверхностныя замѣчанія и пр.“

никъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастеляншa, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа,—всего 261 человѣкъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое ежемѣсячно простиралось до 2 тысячъ тогдашнихъ ассигнаціонныхъ рублей [1]). Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. Графиня Софья Осиповна, завѣдывавшая всѣмъ хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ она рѣшилась подать графу два реестра о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Разумовскій подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону. „Я согласенъ съ тобою“, сказалъ онъ племянницѣ, „что люди эти не нужны мнѣ; но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ“ [2]).

Съ каждымъ годомъ фельдмаршалъ все болѣе и болѣе страдалъ отъ своихъ недуговъ. Онъ не могъ уже болѣе разъѣзжать по имѣніямъ и едва выходилъ изъ дома. Гости стали его утомлять. Гостепріимныя двери Батуринскаго дворца теперь уже отворялись для однихъ близкихъ, пріемы надоѣдали старику, а въ то же время одиночество было ему также въ тягость. Дѣти только изрѣдка посѣщали Батуринъ и гостили не подолгу. Вся Батуринская обстановка, и особенно повелительный тонъ графини Апраксиной былъ имъ крайне не по сердцу. Разумѣется, Кирила Григорьевичъ ставилъ дѣтямъ въ укоръ дурныя ихъ отношенія къ Апраксиной. Въ письмѣ къ сыну Андрею изъ Батурина отъ 3-го апрѣля 1799 года старикъ горько жалуется на свое одиночество. „Отъ полученія письма твоего черезъ Вецъ“, писалъ онъ, „ожидалъ я отъ тебя повторительнаго, но прошло не малое время, а я ничего отъ тебя не получалъ, думалъ, что на меня осердился, тѣмъ паче, что нѣчто похожее на то въ письмѣ твоемъ мнѣ показалось. Притомъ въ газетахъ возгласили, что ты уволенъ отъ нашего Монарха по просьбѣ твоей на нѣкоторое время въ Россію, куда уже и собрался ѣхать, и такъ я остановился со всякими моими

[1]) „Москвитянинъ“, 1852 г., № 4.

[2]) Бан.-Кам., „Біогр. фельдмаршаловъ“, I, 248—250.

чались къ графу, какъ къ фельдмаршалу и полковнику Измайловскаго полка [1]). За обѣдомъ ежедневно игралъ домашній оркестръ, а къ концу обѣда за десертомъ пѣли пѣвчіе. Старикъ Разумовскій особенно любилъ Малороссійскія пѣсни, которыя у него пѣвались на славу. Часто, когда пѣвчіе зачинали какой-нибудь народный припѣвъ, графъ Кирила Григорьевичъ замѣчалъ: „вотъ эту пѣсню пѣвалъ я, будучи хлопцемъ.“ Ходилъ онъ плохо, отъ боли въ ногѣ, и являлся изъ внутреннихъ комнатъ своихъ не иначе, какъ въ перчаткахъ, такъ какъ страдалъ хираргою [2]). Въ 1796 посѣтилъ Разумовскаго въ Яготинѣ одинъ изъ лучшихъ дѣятелей Екатерининыхъ временъ, графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. „Фельдмаршалъ только-что сюда прибылъ изъ Батурина“, писалъ Сиверсъ къ дочери изъ Яготина отъ 17 Іюля 1796 года; „онъ очень удивился меня видѣть, такъ какъ я его непредупредилъ о моемъ посѣщеніи. Онъ меня принялъ съ истинною сердечностью, какъ одного изъ старѣйшихъ своихъ знакомыхъ. Удовольствіе мое съ нимъ видѣться было сильно помрачено жалкимъ состояніемъ его здоровья. У него были раны на ногѣ, которыя истощили его силы. Доктора считали ихъ неизлечимыми, но, благодаря простому средству одного мужика, онъ отъ нихъ отдѣлался. При немъ не было никого изъ его сыновей и дочерей, но находились старая его подруга, вдовствующая графиня Апраксина, и Генералъ-Маіоръ Гудовичъ. . . . Около самаго дома разведенъ небольшой регулярный липовой садъ, далѣе фруктовый садъ со множествомъ винограда. . . . Мы ходили смотрѣть на мельницы. . . . и закончили прогулку тѣмъ, что̀ меня болѣе всего интересовало и понравилось,—именно шелковичнымъ садомъ (это настоящій лѣсъ) и домомъ, гдѣ находятся шелковичные червяки. . . . Весь образъ приготовленія шелка доказываетъ, что Италіанскій графъ, которому фельдмаршалъ платитъ страшно дорого, ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ. . . . Сегодня мы осматривали плотину. Это просто Римская работа. Графъ намѣренъ обратить въ озеро огромный лугъ, находящійся передъ домомъ. Я хотѣлъ ѣхать сегодня, но добрый старикъ фельдмаршалъ меня никакъ не отпустилъ“ [3]). Много сохранилось анекдотовъ о послѣднихъ годахъ жизни Разумовскаго. Вотъ главные изъ нихъ:

Объѣзжая свои владѣнія, графъ Кирила Григорьевичъ примѣтилъ бѣдную хату, стоявшую среди полей, и велѣлъ перенести ее на другое

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1860 г. № 182. Село Лемёши, Кобзаря Василенко.

[2]) Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной, правнуки Натальи Демьяновны Разумовской. Въ послѣдніе годы жизни Разумовскаго, Чорбина проживала при немъ въ Батуринѣ (смотри ниже). Передано Г. П. Галаганомъ, которому эти подробности сообщила сама Чорбина.

[3]) Ein russischer Staatsmann von K. L. Blum. IV, 246—248.

авось лѣто его степеннѣйшимъ учинитъ. Сожалѣю, другъ мой, что тебя мать-политика въ старость безвременную загнала. Желаю искреннѣйше ей претвориться въ лучшую и пріятнѣйшую, да съ нею и твое состояніе обновится яко орля юность. Прощай".

Извѣстія, напечатанныя въ газетахъ, оказались не вполнѣ ложными. Въ Январѣ 1799 года уже было состоялся указъ объ отозваніи Андрея Кириловича изъ Вѣны и о назначеній на его мѣсто Колычева. Новымъ указомъ отъ 23 Февраля онъ былъ оставленъ въ прежнемъ званіи и въ то же самое время пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 25-го Сентября того же 1799 года Разумовскій былъ уволенъ на 6 мѣсяцевъ отъ занимаемой имъ должности Русскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ. Разсчитывая на новую перемѣну, онъ не спѣшилъ отъѣздомъ. Грозное предписаніе Государя повелѣло ему немедля оставить Вѣну и ѣхать къ отцу въ Малороссію. Только въ концѣ Декабря, убѣдившись, что ожидать нечего, Андрей Кириловичъ отправился въ Батуринъ.

„Выведенный изъ терпѣнія медленностію моего путешествія", писалъ онъ къ женѣ изъ Батурина [1]), „я рѣшился взять изъ Кіева кибитку и въ 18 часовъ проскакалъ 220 верстъ. Я пріѣхалъ сюда въ 6 часовъ утра. Перваго увидалъ я толстаго Громацкаго, того самаго, который былъ дворецкимъ въ Петербургѣ; онъ меня помѣстилъ въ тѣхъ грустныхъ комнатахъ, въ которыхъ провелъ я въ 1776 году 6 мѣсяцевъ! Сердце мое сжалось при этомъ воспоминаніи, но мысль, что я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ батюшкою, скоро разогнала грустныя ощущенія. Мнѣ объявили, что Гудовичъ спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ, онъ первый въ домѣ встаетъ. Я побѣжалъ къ нему и провелъ съ нимъ около получаса. Я строго на строго запретилъ будить батюшку. Въ 9 часовъ мнѣ объявили, что онъ всталъ. Я засталъ его въ гостиной. Не могу тебѣ изобразить всего того что̀ я перечувствовалъ въ эту минуту. Я принужденъ былъ удалиться, чтобы придти въ себя. Батюшка былъ также разстроенъ [2]). Это нѣсколько отозвалось на немъ въ продолженіи всего дня. Не буду разсказывать тебѣ какъ я свидѣлся съ кузиною [3]), съ сестрою Анною [4]), и всѣми домочадцами — ты себѣ это легко можешь представить, а я уже ничего не

---

[1]) Писемъ съ подробностями перваго свиданія съ отцомъ два, одно отъ 11-го Января 1800, другое отъ 10-го Марта того же года. Андрей Кириловичъ написалъ второе, думая что первое затеряно, такъ какъ графиня его не получала. Мы здѣсь сливаемъ оба письма.

[2]) Отецъ съ сыномъ не видались 9 лѣтъ.

[3]) Гр. С. О. Апраксина.

[4]) Анна Кириловна Васильчикова, чтобы быть ближе къ отцу, жила въ то время въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ и часто посѣщала отца въ Батуринѣ.

человѣка весьма безпокойнаго и просили графа сдѣлать ему такой пріемъ, отъ котораго онъ не устоялъ бы на ногахъ. „Чего стоитъ отпатая у тебя деревня?“ спросилъ Разумовскій.—„Семь тысячъ рублей“, отвѣчалъ помѣщикъ. „Сейчасъ велю“, продолжалъ графъ, „выдать тебѣ 15,000 рублей.“ Пораженный помѣщикъ палъ на колѣни. „Посмотрите“, сказалъ Кирила Григорьевичъ управляющимъ, поднимая помѣщика: „я сдѣлалъ вамъ угодное, онъ не устоялъ на ногахъ“ [1]).

Смерть Екатерины не могла не отозваться глубоко въ сердцѣ Разумовскаго. Не смотря на тучи, которыя изрѣдка отемняли ихъ взаимныя отношенія, онъ былъ глубоко и душевно привязанъ къ великой Царицѣ, съ именемъ которой соединялись лучшія воспоминанія его жизни.

Фельдъегерь, отправленный новымъ Императоромъ къ фельдмаршалу Румянцеву, не засталъ его въ живыхъ. На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Батуринъ, и увѣдомя Кирилу Григорьевича о кончинѣ Задунайскаго, спросилъ что прикажетъ онъ о себѣ сказать Государю Императору? „Скажи, что и я умеръ“, отвѣчалъ Разумовскій [2]).

Вскорѣ начались перемѣны, отголосокъ которыхъ дошелъ и до Батурина. Вслѣдствіе указа новаго Императора, приказано было распустить военные штаты, находившіеся при генералъ-фельдмаршалахъ, не состоявшихъ на дѣйствительной службѣ. Всѣ генералъ- и флигель-адъютанты, всѣ ординарцы и почетные караулы, гайдуки егеря и гусары покинули Батуринъ. Старику было это крайне досадно и обидно. „Я бы желалъ послать къ вамъ нарочнаго курьера“, писалъ онъ изъ Батурина къ князю Безбородкѣ отъ 3-го октября 1799 года, „но по волѣ Его Величества штатъ и ординарцы отъ меня отпущены и остаюсь я одинъ на лицо“ [3]). Тѣмъ не менѣе и за отпускомъ военныхъ, штатъ служителей стараго фельдмаршала все-таки остался огромный. При немъ находились: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлекарь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитера, 1 ихъ помощникъ, три ихъ ученика, 1 кофишенкъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 его помощникъ, 1 ученикъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тафельдекарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, два писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистера, 1 помощникъ, 1 приспѣш-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Біографіи росс. фельдмаршаловъ“, I, 246.

[2]) Записки Шишкова, I, 19.

[3]) Изъ Государственнаго Архива.

Въ то время, какъ радость свиданія съ отцомъ смягчила на время въ сердцѣ графа Андрея Кириловича горечь служебныхъ невзгодъ, подозрительный Павелъ I, изъ Михайловскаго замка, съ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Батуринѣ. По приказанію его, въ Декабрѣ 1799 года, бывшимъ въ то время генералъ-прокуроромъ Александромъ Андреевичемъ Беклешевымъ [1]) отправленъ былъ въ Москву, Шкловъ и Батуринъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николевъ, съ тѣмъ, чтобы взять свои мѣры и извѣститься о поступкахъ: въ Москвѣ, княгини Екатерины Ѳедоровны Долгорукой, рожденной княжны Барятинской, князей Александра и Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ и Сергѣя Ивановича Плещеева, въ Шкловѣ—Зорича и наконецъ въ Батуринѣ—графовъ: Кирила Григорьевича и Андрея Кириловича Разумовскихъ. Беклешевъ вручилъ Николеву письмо къ старшему Разумовскому отъ 13-го Декабря 1799 года, слѣдующаго содержанія:

„Находящійся при мнѣ д. с. с. Николевъ, пользуясь отпускомъ, желаетъ побывать въ Кіевѣ, куда неминуемо ему черезъ Батуринъ ѣхать должно... осмѣливаюсь вручителя сего г. Николева препоручить въ милость и покровительство ваше и т. д.“

Навряд-ли Разумовскіе были такъ просты, что не поняли настоящей цѣли путешествія г. Николева. Туристовъ не водилось въ тѣ времена на Руси, а благочестіе генералъ-прокурорскаго чиновника должно было показаться имъ по малой мѣрѣ подозрительнымъ. Какъ бы то ни было, однако графъ Андрей Кириловичъ ни слова не упоминаетъ въ письмахъ къ женѣ о посѣщеніи Николева, самъ же Николевъ изъ Москвы отъ 16-го Февраля 1800 года отправилъ отношеніе о пребываніи своемъ въ Батуринѣ, но не къ Беклешеву, уже смѣненному непостояннымъ Павломъ, а къ преемнику его, Петру Хрисанфовичу Обольянинову.

„Въ мѣстечкѣ Батуринѣ“, писалъ онъ, „нашелъ я графа Кирила Григорьевича безъ ногъ и ходить онъ не можетъ, а возятъ его въ колясочкѣ. Также на лѣвой рукѣ у кисти, на суставѣ, большая шишка, отчего худо и рукою владѣетъ. Графъ Андрей Кириловичъ здоровъ, но желтъ, худъ и задумчивъ. Упражненія сего послѣдняго: въ 12 часовъ приходитъ къ отцу, гдѣ и остается до 4-хъ часовъ, а съ сего времени до 7-ми часовъ безъисходно бываетъ у себя въ комнатѣ, читая, а больше задумавшись ходитъ по комнатѣ; а въ вечеру, какъ онъ, такъ и всѣ живущіе собираются у графа и разговариваютъ или играютъ въ карты. Сіи всѣхъ живущихъ у графа ежедневныя упраж-

[1]) А. А. Беклешевъ, Курскій и Кіевскій, а потомъ Рижскій генералъ-губернаторъ и генералъ-прокуроръ, р. 1743 † 1808.

письменными къ тебѣ отзывами, положивъ твердое намѣреніе тебя лично увидѣть, но послѣднее отъ тебя полученное письмо совсѣмъ увѣрило меня о противномъ и оказалось, что все старое по старому и вновь ничего.

„Овечья наша экспедиція еще не кончена, за опозданіемъ. Зимовали на границѣ Цесарской, что̀ все весьма дорого мнѣ стоитъ и развѣ въ концѣ Мая или въ Іюнѣ на опредѣленное имъ мѣсто придутъ. Дошли бы только въ хорошемъ состояніи, а о издержкахъ нечего жалѣть, ибо вознагражденъ буду заведеніемъ сего хорошаго рода скотинъ въ имѣніяхъ моихъ и вашихъ. Извѣстнаго архитектора. . . . (неразобранное слово) я вижу трудно у васъ достать. Отъ шалуна нашего Григорія нечего другого было ожидать, какъ такого поступка, которымъ онъ увѣнчалъ всѣ свои неистовства. Жаль мнѣ, что при старости и дряхлости моей не могу ни одного изъ васъ имѣть при себѣ, который бы мнѣ очи закрылъ, ибо большой б . . . . . какъ рощею окружился, недвижимъ съ мѣста, все видится ему въ чернѣ и сердится на всѣхъ тѣхъ, кои около меня остаются. Братъ Петръ съ женою, Левъ ролю Линдора играетъ, Григорій, жаль что и родня его Иванъ, надѣлалъ безумно долговъ, надавалъ всѣмъ на себя кабалы, не заботится о заплатѣ, но бьетъ шабалу по Европѣ. Ты же, несчастный дипломатъ, самъ въ себѣ не воленъ и хорошо сдѣлалъ, что хотя къ садику пристрастился [1]), по пословицѣ: мѣшай дѣло съ бездѣлицей, не скучай. Чубукъ меня уговариваетъ въ Карсбадъ шествіе предпринять, почитая весьма сіе полезнымъ здоровію моему. Я еще не рѣшился на сіе, а ежели рѣшусь, то буду у тебя въ садовникахъ въ новонасажденномъ твоемъ садикѣ. Домъ мой Санктпетербургскій я продалъ въ казну [2]) за триста тысячъ. Онъ сталъ валиться и сдѣлался бы совершенною развалиною, изъ васъ же никто не въ состояніи его ни поддержать, ни содержать въ желаемомъ видѣ, и такъ я сіе почитаю за лучшее. Авось удастся мнѣ и твои долги заплатить и выручить деревни твои Копорскія изъ подъ закладу, которыя были къ продажѣ осуждены. Если зима у васъ была пріятная, то и у насъ не сурова, хотя снѣговъ много нападало, но ужъ недѣли съ три какъ сошли и пользуюсь буде не настоящею пріятною весною, то близко того. Любезной твоей сожительницѣ кланяюсь, благодаря за ея о мнѣ напоминаніе. Здоровье мое еще отъ зимы не совсѣмъ откашлялось,

---

[1]) Андрей Кириловичъ купилъ земли, принадлежавшія графу Монтекукули на Landstrasse (одномъ изъ Вѣнскихъ предмѣстій). Впослѣдствіи онъ выстроилъ тамъ великолѣпный домъ, нынѣ князя Лихтенштейна (см. томъ III).

[2]) Домъ Разумовскаго на Мойкѣ былъ проданъ въ 1797 году, подъ Воспитательный домъ (см. Reimers, St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, II, 177). Онъ до сихъ поръ сохранилъ внѣшній свой видъ.

авось лѣто его степеннѣйшимъ учинитъ. Сожалѣю, другъ мой, что тебя мать-политика въ старость безвременную загнала. Желаю искреннѣйше ей претвориться въ лучшую и пріятнѣйшую, да съ нею и твое состояніе обновится яко орля юность. Прощай".

Извѣстія, напечатанныя въ газетахъ, оказались не вполнѣ ложными. Въ Январѣ 1799 года уже было состоялся указъ объ отозваніи Андрея Кириловича изъ Вѣны и о назначеніи на его мѣсто Колычева. Новымъ указомъ отъ 23 Февраля онъ былъ оставленъ въ прежнемъ званіи и въ то же самое время пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 25-го Сентября того же 1799 года Разумовскій былъ уволенъ на 6 мѣсяцевъ отъ занимаемой имъ должности Русскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ. Разсчитывая на новую перемѣну, онъ не спѣшилъ отъѣздомъ. Грозное предписаніе Государя повелѣло ему немедля оставить Вѣну и ѣхать къ отцу въ Малороссію. Только въ концѣ Декабря, убѣдившись, что ожидать нечего, Андрей Кириловичъ отправился въ Батуринъ.

„Выведенный изъ терпѣнія медленностію моего путешествія", писалъ онъ къ женѣ изъ Батурина [1]), „я рѣшился взять изъ Кіева кибитку и въ 18 часовъ проскакалъ 220 верстъ. Я пріѣхалъ сюда въ 6 часовъ утра. Перваго увидалъ я толстаго Громацкаго, того самаго, который былъ дворецкимъ въ Петербургѣ; онъ меня помѣстилъ въ тѣхъ грустныхъ комнатахъ, въ которыхъ провелъ я въ 1776 году 6 мѣсяцевъ! Сердце мое сжалось при этомъ воспоминаніи, но мысль, что я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ батюшкою, скоро разогнала грустныя ощущенія. Мнѣ объявили, что Гудовичъ спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ, онъ первый въ домѣ встаетъ. Я побѣжалъ къ нему и провелъ съ нимъ около получаса. Я строго на строго запретилъ будить батюшку. Въ 9 часовъ мнѣ объявили, что онъ всталъ. Я засталъ его въ гостиной. Не могу тебѣ изобразить всего того что̀ я перечувствовалъ въ эту минуту. Я принужденъ былъ удалиться, чтобы придти въ себя. Батюшка былъ также разстроенъ [2]). Это нѣсколько отозвалось на немъ въ продолженіи всего дня. Не буду разсказывать тебѣ какъ я свидѣлся съ кузиною [3]), съ сестрою Анною [4]), и всѣми домочадцами — ты себѣ это легко можешь представить, а я уже ничего не

---

[1]) Писемъ съ подробностями перваго свиданія съ отцомъ два, одно отъ 11-го Января 1800, другое отъ 10-го Марта того же года. Андрей Кириловичъ написалъ второе, думая что первое затеряно, такъ какъ графиня его не получала. Мы здѣсь сливаемъ оба письма.

[2]) Отецъ съ сыномъ не видались 9 лѣтъ.

[3]) Гр. С. О. Апраксина.

[4]) Анна Кириловна Васильчикова, чтобы быть ближе къ отцу, жила въ то время въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ и часто посѣщала отца въ Батуринѣ.

могу припомнить изо-всего этого дня, кромѣ того, что много говорилъ про тебя и поставилъ твой портретъ на столикъ передъ батюшкою. Подарокъ этотъ его очень порадовалъ, онъ его цѣлый день держалъ около себя, а вечеромъ велѣлъ повѣсить въ своемъ кабинетѣ. Я имѣлъ несказанное счастіе застать добраго батюшку въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ я предполагалъ. Я тебя увѣряю, что онъ смотритъ гораздо бодрѣе, чѣмъ когда ты его оставила (въ 1791 году). Онъ обѣдаетъ за столомъ со всѣми, ѣстъ съ большимъ аппетитомъ, даже иногда слишкомъ много и это, какъ кажется, ему не вредитъ, но за то почти уже не ходитъ. Онъ съ трудомъ и весьма тихо передвигается изъ своей спальни въ гостиную, опираясь одной рукою на костыль, а другою на своего камердинера. Я увѣренъ однако, что главное затрудненіе происходитъ отъ недостатка упражненія въ мускулахъ. Послѣ первыхъ шаговъ видно, что батюшкѣ уже не такъ трудно ходить. Съ наступленіемъ весны ноги его поправятся. Всѣ окружающіе его говорятъ, что такъ бываетъ каждый годъ. Къ тому же, ноги его стянуты въ бинтахъ, что̀ несомнѣнно способствуетъ ихъ онѣмѣнію. Батюшка также носитъ бандажи и на рукахъ. Дурные соки бросились къ оконечностямъ и—слава Богу, это освободило грудь и онъ уже давно не страдаетъ одышкою... Веселость и расположеніе духа были бы у него прежнія, если бы не огорчали его безпрестанныя домашнія дрязги. Ахъ, милый другъ, какое у него сердце! Всю жизнь испытывалъ я его благосклонность, но ничего не можетъ сравниться съ тѣми ласками, съ тѣми знаками любви, которыми онъ меня теперь осыпаетъ. Я отъ него отхожу только въ тѣ минуты, когда онъ отдыхаетъ. Я могу, когда хочу, видѣться съ нимъ наединѣ, и хотя я всегда цѣнилъ рѣдкія его достоинства, однако теперь болѣе чѣмъ когда-либо сознаю всю доброту его. Онъ много и съ глубокою нѣжностью и сочувствіемъ говорилъ о тебѣ. Какой отличный, какой несравненный отецъ! Кочубей [1]) былъ здѣсь на дняхъ съ своею женою; онъ уѣхалъ за день до моего пріѣзда, но я надѣюсь, что онъ сюда вернется и проведетъ здѣсь нѣсколько дней. Онъ поѣхалъ повидаться съ своею бабушкою, матерью Безбородки [2]). Вообрази, эта бѣдная старушка слѣпа и не знаетъ, что сынъ ея умеръ. Ей читаютъ письма будто бы имъ писанныя, и эту комедію будутъ разыгрывать до ея смерти" [3]).

---

[1]) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, тогда вице-канцлеръ и графъ, недавно женился на внукѣ графа Кирилы Григорьевича, Маріи Васильевнѣ Васильчиковой, дочери Анны Кириловны Васильчиковой.

[2]) Евдокія Михайловна Безбородко, рожденная Забѣла, дочь ея Ульяна Андреевна была матерью В. П. Кочубея.

[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

временѣ. Чувствуется еще изобиліе во всемъ, но при этомъ общая распущенность въ прислугѣ. Лучшихъ людей уже нѣтъ. Видно, что главная пружина ослабла, ощущается недостатокъ въ энергіи. Никогда батюшкѣ такъ плохо не прислуживали и никогда не бывалъ онъ менѣе взыскательнымъ. Общій видъ дома вселяетъ глубокую тоску. Онъ можетъ мнѣ, какъ людямъ, страдающимъ желтухою, все представляется въ темномъ цвѣтѣ, но здѣсь все дышетъ разрушеніемъ и упадкомъ. Однако я вовсе не думаю, что бѣдный батюшка въ отчаянномъ состояніи; напротивъ, я твердо убѣжденъ, что онъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, докторъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе и я ухватываюсь за эту надежду, чтобы забыть все прочее...

„Я исполнилъ всѣ твои порученія [1]). Батюшка былъ очень тронутъ, прочитавъ то, что до него относится. Я не забылъ никого, не исключая карликовъ, которые по прежнему остались лучшими слугами батюшки. Ефимъ два раза въ день приходитъ объявлять мнѣ, что батюшка проснулся. Толстякъ, котораго щекотали, уже болѣе не существуетъ, гайдуки распущены по высочайшему повелѣнію, равно какъ конюха и гусары, составлявшіе въ Малороссіи свиту и гвардію батюшки. Точно также нѣтъ уже болѣе военнаго штата и ты здѣсь не нашла бы той арміи, которая окружала тебя на лѣстницѣ въ Петровскомъ. Здѣшній домъ походитъ нѣсколько на богадѣльню: одинъ хромаетъ, другой кашляетъ, и чтобы не отстать отъ другихъ, я самъ страдаю головною болью... Батюшка почти не владѣетъ ногами, съ нимъ дѣлается одышка и онъ очень страдаетъ, когда, едва передвигаясь, съ помощью костылей, пройдетъ нѣсколько шаговъ. Онъ страдаетъ даже сидя. Докторъ говоритъ, что общее состояніе здоровья удовлетворительно и что не только онъ можетъ еще прожить нѣсколько лѣтъ, но даже можно бы было помочь мѣстному страданію, ежели-бы онъ согласился на путешествіе къ минеральнымъ водамъ. Я часто уговариваю его это сдѣлать, иногда онъ какъ будто соглашается, но чаще приводитъ разныя причины, тормозящія это спасительное для него предположеніе. Батюшку всегда надо увлекать на всякое рѣшеніе. Къ нему необходимо приставать, чтобы заставить его предпринять даже такое дѣло, которое ему вполнѣ по сердцу. Мнѣ пришло на умъ, что не худо бы тебѣ написать къ нему. Скажи, что изъ писемъ моихъ ты заключаешь, что ему необходимо ѣхать на купанія въ Баденъ [2]). Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ съ этого началъ. Можешь прибавить, что ты говорила съ Франкомъ [3]), который на этомъ настаиваетъ (въ чемъ я совершенно убѣжденъ)... Будь понѣжнѣе и поласъ-

[1]) Отъ 10 Марта 1800.

[2]) Баденъ близъ Вѣны.

[3]) Франкъ, извѣстный въ то время Вѣнскій докторъ.

ненія, а законо-противныхъ разговоровъ не слыхать, да не предвидятся, чтобъ были. При мнѣ проѣхалъ графъ П. В. Завадовскій, который на другой день отправился къ себѣ въ деревню. Въ домѣ графа Кирилы Григорьевича находятся не принадлежащихъ къ оному: подполковникъ Англичанинъ Статеръ, экономъ всѣхъ графскихъ Малороссійскихъ деревень, служитъ у графа болѣе 20 лѣтъ; докторъ Англичанинъ, Гунтъ, живущій по контракту съ 1796; докторъ Нѣмецъ надворный совѣтникъ Дуссикъ, по контракту служащій 15 лѣтъ; лѣкарь Дуссикъ, сынъ доктора; библіотекарь Французъ Адамъ, находится при графѣ въ сей должности 12 лѣтъ; камердинеръ Нѣмецъ Флистеръ, живетъ 7 лѣтъ; секретарь изъ Малороссіянъ—Константинъ Сорока, находится въ сей должности съ 1778 года; управитель Батурина—подпоручикъ Рышляковъ. Принадлежащихъ графу Малороссіянъ, живущихъ въ Батуринѣ, 600 душъ. Проживающіе для компаніи графа: —генералъ-маіоръ Гудовичъ 3-й, по временамъ отлучается въ деревню; графиня Софья Осиповна Апраксина, живетъ 30 лѣтъ. Маіорша Чорбина съ дочерью [1]) живетъ по родству и неимуществу" [2]).

„Теперь мы здѣсь совершенно одни", писалъ Андрей Кириловичъ къ женѣ отъ 23 Января, „съ батюшкою, кузиною и Михаиломъ Гудовичемъ. Я очень доволенъ обоими и думаю, что со временемъ буду еще довольнѣе. Мы живемъ какъ въ монастырѣ, каждый знаетъ въ подробности, что дѣлаютъ другіе, и каждый день повторяется одно и то же. Я встаю въ 7 часовъ. Мнѣ докладываютъ, когда батюшка встаетъ, я первый къ нему являюсь; послѣ 10 часовъ начинается перевязка ногъ и одѣваніе, я самъ тогда иду одѣваться. Въ полдень я снова прихожу къ нему; послѣ часа онъ играетъ въ триктракъ съ Адамомъ. Въ два часа садятся обѣдать. Я сижу за столомъ подлѣ батюшки, всѣхъ насъ мужчинъ и женщинъ 20 человѣкъ: секретари служащіе, нѣсколько неуклюжихъ и нѣмыхъ родственницъ—все это нѣмыя личности. Говорящихъ только насъ трое. Послѣ обѣда батюшку на креслахъ перевозятъ въ гостиную, съ полчаса разговариваютъ, потомъ каждый идетъ къ себѣ отдыхать до пяти часовъ. Въ пять собираются къ чаю, вокругъ большого стола, за которымъ предсѣдательствуетъ кузина. Потомъ играютъ въ бостонъ, въ чемъ и я принимаю участіе. Въ десять часовъ ужинъ. Потомъ я остаюсь еще у батюшки вмѣстѣ съ Гудовичемъ. Въ 11 часовъ всѣ расходятся. Здѣсь страшное множество крысъ... Батюшка окруженъ котами, но они до того жирны, что крысами вовсе не занимаются. Ты нашла бы въ домѣ громадную

---

[1]) Вѣра Ивановна Чорбина, рожденная Галаганъ, правнука Натальи Демьяновны. Умерла въ 1840 году 80 лѣтъ.

[2]) Изъ Государственнаго Архива.

голубое, нижнее красное, епанча и поясъ, на которомъ виситъ сабля, серебряный лукъ, колчанъ и сабля золотые, а съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный полякъ съ обнаженною главою, щитъ правою рукою держащій, у котораго верхнее платье красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ золотое метательное копье имѣющій. Для показанія начала фамиліи Разумовскихъ изъ Польскаго королевства и для ихъ прежнихъ военныхъ службъ и храбрыхъ дѣйствій къ чему и приложенная подпись: FAMAM EXTENDERE FACTIS, то есть: славу умножать дѣлами. Склоняется такъ какъ все сіе въ настоящей Нашей жалованной грамотѣ надлежащими красками точнѣе изображенное зрѣнію представляется. Желая и симъ Нашимъ указомъ повелѣвая, дабы часто помянутый Нашъ вѣрнолюбезный Россійскія Имперіи Графъ, Кирила Григорьевичъ Разумовскій, и всѣ отъ него рожденные и впредь рождаемые законные дѣти и ихъ наслѣдники и потомство обоего пола нисходящей линіи вышеписанный гербъ (оставляя при томъ ненарушимо надлежащее съ симъ гербомъ соединеніе получаемыхъ отъ каждаго кавалерскихъ орденовъ и другихъ персональныхъ украшеній), какъ нынѣ, такъ и впредь, въ вѣчныя времена во всѣхъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ, дѣйствіяхъ и экспедиціяхъ, такожъ въ письмахъ, въ печатяхъ, на домахъ и на домовыхъ вещахъ и вездѣ, гдѣ ихъ честь и другія случающіяся обстоятельства того потребуютъ, свободно, покойно и безпрепятственно имѣть и по своему изволенію употреблять могли. И того ради Мы, Всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня Императрица Елисафетъ Первая, Самодержица Всероссійская, Нашей Всероссійской Имперіи вѣрнолюбезнымъ подданнымъ, какъ духовнымъ высшія и нижнія степени, такъ и мірскимъ въ Нашемъ Императорскаго Величества синклитѣ обрѣтающимся, всякаго чина и степени какъ военнымъ, такъ гражданскимъ и придворнымъ и генерально всѣмъ подданствомъ вѣрностію и послушаніемъ Намъ обязаннымъ, какого бы званія, достоинства и состоянія оные ни были Всемилостивѣйше и накрѣпко повелѣваемъ и указомъ Нашимъ именнымъ утверждаемъ, а прочихъ потентантовъ, принцовъ и высокихъ областей дружебно просимъ, такожъ и отъ прочихъ отъ всякаго по достоинству чина и состоянія благоволительно и милостиво желаемъ, дабы помянутаго Намъ и Всероссійской Нашей Имперіи вѣрнолюбезнаго Россійскія Имперіи Графа Кириллу Григорьевича Разумовскаго и отъ него законно рожденныхъ и впредь рождаемыхъ дѣтей и ихъ наслѣдниковъ и потомство обоего пола нисходящей линіи въ вѣчныя времена Нашими Россійскія Имперіи Графами и Графинями сіятельными признавали, почитали, писали и именовали и по Всемилостивѣйшему Нашему возвышенію предсѣдательство въ духовныхъ и сенаторскихъ совѣтахъ по достоинству онымъ позволяли и прочія преимущества и почтенія отдавали, которыя Мы по самодержавству Нашему Нашимъ Россійскія Имперіи Графамъ съ особливою милостію пожаловали и позволили, что все Мы подданнымъ Нашимъ исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникамъ Нашего Императорскаго гнѣва и пени ста фунтовъ чистаго золота, изъ котораго половина въ казну Нашу, а остаточное тому оскорбленному доправлено быть имѣетъ; прочимъ же потентантамъ, принцамъ и всѣмъ высокимъ областямъ взаимно въ таковыхъ же мѣрахъ воздавать обѣщаемъ. Яко же во свидѣтельство сей нашей къ помянутому Намъ вѣрнолюбезному Россійской Имперіи Графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому милости и достойнаго возвышенія Мы сію Нашу жалованную грамоту Нашею собственною рукою подписали и государственною Нашею печатію укрѣпить повелѣли. Дано въ Нашей резиденціи въ Санктпетербургѣ лѣта отъ

ковѣе... Добрый батюшка, между прочимъ, вѣчно опасается быть, благодаря своимъ немощамъ, другимъ въ тягость. Чтобы успокоить тебя, скажу по̀ секрету, что буде путешествіе осуществится, кузина не приметъ въ немъ участія. На ея мѣстѣ поѣдетъ сестра моя Елизавета, которую батюшка очень любитъ и еще, быть можетъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, сестра Загряжская. Это будетъ единственный способъ окружить батюшку своими. Просто стыдно, что никого изъ дѣтей при немъ здѣсь не находится. Несомнѣнно однако, что поѣдетъ одинъ изъ Гудовичей, вѣроятно Михаилъ, что еще не такъ худо; къ тому же тамъ онъ уже будетъ вовсе не тѣмъ, что̀ здѣсь. Если ты со мной согласна, то напиши какъ можно поразборчивѣе, такъ какъ, хотя я буду тутъ на подмогу, все же мнѣ бы пріятнѣе было, если-бы батюшка могъ все прочесть самъ, а я ограничился бы только тѣмъ, что, стоя за креслами, сталъ бы разбирать трудно понятныя слова.

„Простуда батюшки (отъ 16 Апрѣля), слава Богу, проходитъ, но я очень опасаюсь дурной погоды и теперешней недѣли говѣнія. Правда, взяты всѣ предосторожности. Первые дни онъ рѣшительно ничего не ѣлъ, не ради поста, а ради предосторожности. Онъ сильно кашляетъ и кашель его въ самомъ дѣлѣ страшенъ. Вчера онъ обѣдалъ на своей половинѣ, а сегодня ѣлъ постное за общимъ столомъ. Его на креслахъ поутру перевезли въ церковь по галлереѣ, которая мнѣ очень не по сердцу, при этомъ не были приняты должныя предосторожности. Сегодня вечеромъ исповѣдь, а завтра онъ пріобщается. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ свирѣпствуетъ у насъ страшнѣйшій ураганъ и не знаешь, куда отъ него укрыться въ картонномъ здѣшнемъ домѣ, въ которомъ никто, за исключеніемъ, быть можетъ, меня, не имѣетъ такого дурного помѣщенія, какъ батюшка. Мнѣ это подало мысль пристроить къ дому корпусъ, который бы легко можно было отдѣлать къ будущей зимѣ. Такимъ образомъ можно оградить батюшку отъ простудъ, которыя онъ теперь безпрестанно схватываетъ въ своихъ обращенныхъ на сѣверъ комнатахъ, что̀ никуда не годно въ его лѣта. Хотя всѣ дуются на меня, ты знаешь на кого я намекаю, за эту мысль, однако я отъ нея не отстану... Племянникъ мой [1]) пріѣхалъ третьяго дня; онъ въ одиннадцать дней доѣхалъ изъ Вѣны, несмотря на то, что полтора сутокъ провелъ у матери въ Кіевѣ... Я

[1]) Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, сынъ Анны Кириловны Васильчиковой и внукъ графа Кирилы Григорьевича; онъ служилъ при дядѣ своемъ, графѣ Андреѣ Кириловичѣ, въ Вѣнѣ. По отъѣздѣ Разумовскаго, А. В. остался при Колычевѣ. Онъ отправленъ былъ курьеромъ въ Петербургъ и по дорогѣ заѣхалъ для свиданія въ матери въ Кіевъ и къ дѣду въ Батуринъ. Васильчиковъ дядѣ привезъ извѣстіе о смерти его тещи, графини Тунъ-Гогенштейнъ.

новъ руками. Для испрошенія Всевысочайшей Нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда Войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Пиковецъ и Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того по повелѣнію Нашему общаго вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его Графа Разумовскаго Гетманомъ Всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной Намъ, Великой Государынѣ, вѣрности своей, предъ святымъ Евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь, въ придворной Нашей церкви, при нашемъ канцлерѣ, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, присягѣ войсковые клейноты, булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ Насъ получилъ; послѣ чего онъ, подданный Нашъ Гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Наше Императорское Величество, дабы Мы пожаловали его на урядъ Гетманскій и на маетности на булаву, опредѣленныя жалованною Нашею грамотою и Мы, Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, Наше Императорское Величество, призирая на то подданнаго Нашего Гетмана прошеніе и вѣдая его къ Нашему Императорскому Величеству по прежде засвидѣтельствованному при дворѣ Нашемъ по чину своему прилежности и благоповеденію, такожде въ гвардіи Нашей и въ Академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда Гетманскаго дать, и силою сей Нашей Императорскаго Величества жалованной грамоты соизволяемъ ему, подданному Нашему Гетману, войсковую, Армату или Артиллерію и данные Гетманскаго достоинства знаки имѣть, такъ какъ прежніе Гетманы въ вѣрности своей къ Намъ бывшіе содержали воинскія и гражданскія всякія въ Малороссіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда Нашего блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Нашимъ, Императорскаго Величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему присылаемымъ, безъ нарушенія правъ и вольностей стародавныхъ народа Малороссійскаго, а маетностьми на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ Нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію и дабы видя онъ, подданный Нашъ Гетманъ къ себѣ сію Нашу милость, служилъ Нашему Императорскому Величеству и Нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно, со всѣмъ подправленіемъ его гетманскимъ обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ противъ всѣхъ Нашихъ непріятелей, во всемъ согласуя вышеименованной присягѣ, которую онъ Гетманъ, при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ, за что Нашей Великой Государыни Нашего Императорскаго Величества милость и призрѣніе и впредь отъ него подданнаго Нашего отъемлема не будетъ, но напаче умножится. И для объявленія вящей къ нему, подданному Нашему Гетману, Нашей милости и утвержденія, сію грамоту собственною Нашею Императорскаго Величества рукою подписали и Нашею Государственною печатью утвердить повелѣли. Дано въ резиденціи Нашей въ С.-Петербургѣ Мая 22 дня,

станно тоскуетъ, хотя ему стòитъ только пожелать, чтобы все это измѣнилось. Но въ этомъ-то и все затрудненіе, и затрудненіе это съ каждымъ днемъ увеличивается. Воля другихъ все болѣе и болѣе имъ управляетъ. Бòльшую часть дня онъ дремлетъ въ своихъ креслахъ и спрашиваетъ, какова погода. Для перемѣны онъ ругаетъ доктора. Коль скоро онъ его видитъ, онъ на него кричитъ; коль скоро его нѣтъ, онъ за нимъ посылаетъ. Почему не вылечиваетъ онъ болѣзни въ ногахъ? Вотъ главное неудовольствіе противъ доктора. Увы! изъ словъ послѣдняго,—и я вѣрю ему, ясно, что всѣ средства истощены. Въ пику доктору обращаются за совѣтами къ разнымъ знахарямъ. Теперь у насъ живетъ старая баба, которую выписали за 300 верстъ отсюда. Съ батюшкою не спорятъ, чтобы не лишать его надежды, послѣдняго оставшагося ему блага, но за всѣмъ тѣмъ, что̀ знахари ему предписываютъ, зорко слѣдятъ доктора, внутреннихъ же лекарствъ вовсе не допускаютъ. Ты не можешь себѣ представить, что только эта старая вѣдьма не сочиняетъ. Она заразила весь домъ. Она натираетъ батюшкины ноги мазью изъ чеснока и коровьяго кала! По утрамъ она зубами хватаетъ его колѣни, бормочетъ что-то и если все это не поможетъ, отгадай, изъ чего она намѣрена составить пластырь? Она будетъ сопранизировать котовъ! да, котовъ! право стыдно, что медицинскій факультетъ не открылъ до сихъ поръ этого удивительнаго специфическаго средства! Ты, быть можетъ, думаешь, что я шучу,—увы, все это буквально вѣрно, мнѣ и на мысль не приходитъ тебя обманывать, только ради Бога никому объ этомъ не говори. Ты не можешь себѣ представить, что стало теперь съ батюшкою", писалъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе графъ Андрей Кириловичъ, „кѣмъ онъ окруженъ и что̀ за жизнь у него здѣсь. Ты никогда не могла бы ее вынести" [1]).

Иногда, пріѣздъ молодыхъ внуковъ графа Кирилы Григорьевича, нѣсколько оживлялъ мрачный Батуринскій домъ. Графъ Петръ Алексѣевичъ Разумовскій, Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, Викторъ Павловичъ Кочубей съ молодою женою, Гудовичи, Апраксины посѣщали изрѣдка стараго фельдмаршала. Послѣднихъ, впрочемъ, старикъ Разумовскій недолюбливалъ, за то безъ ума любилъ перваго, который одно время числился при немъ адъютантомъ.

„Мы вчера и сегодня были „very busy", снаряжая въ путь племянника моего Петра. Къ нему прицѣпили и другого племянника, разслабленнаго Апраксина, отъ котораго, между нами будь сказано, очень рады были отдѣлаться. Батюшка возненавидѣлъ этого несчастнаго, за то перваго считаетъ совершенствомъ".

10 Декабря 1800 года, графъ Андрей Кириловичъ назначенъ былъ

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

и справедливый. Здоровье мое въ томъ же положеніи, какъ при васъ было; руки болятъ и ноги также.

О здѣшнемъ исправникѣ когда вы уже говорили съ Козодавлевымъ и онъ явилъ свою податливость, то пожалуй еще къ нему потолкайся, чтобы сей человѣкъ оставленъ былъ при прежнемъ мѣстѣ, яко человѣкъ въ должности своей исправный.

III.

Батуринъ, 15 Апрѣля, 1801.

По дѣлу съ Танскимъ принесены Сенату отъ стороны нашей такія обстоятельства, кои требуютъ, въ разсужденіи исполняемаго указа, поспѣшнѣйшаго разрѣшенія, и хотя повѣренный мой въ Петербургѣ не оставленъ и доходитъ до полезной резолюціи надобной, какъ вы увидите изъ копіи указа, у сего включаемаго, но, для достиженія желаемаго, рекомендую и вамъ со стороны своей употребить къ тому всевозможное стараніе. У насъ новаго ничего нѣтъ, нога моя болѣе разбаливается и руки тоже. Американское масло ни мало не пособляетъ. Или болѣзнь такого рода, что не можетъ сіе лекарство преодолѣть его, или оно составлено шарлатаномъ и потому недѣйствительно. Впрочемъ, я давно не получаю отъ васъ никакихъ извѣстій, а теперь должны быть у васъ повседневныя любопытныя перемѣны, о коихъ мнѣ знать бы хотѣлось, теперь же и почты не стѣснены. По написаніи сего получилъ я ваше письмо, при которомъ приложены стихи, напечатанные на восшествіе Государя Императора, изъ котораго я увидѣлъ, что вы направляете стопы ваши въ Вѣну. Кажется, что лучше для васъ и для фамиліи нашей было бы, если бы по званію вашему назначали приличное вамъ мѣсто къ занятію въ своемъ отечествѣ, а не внѣ онаго; но когда уже то сдѣлано сходно съ желаніемъ вашимъ, то сему такъ уже быть, а потому и ожидаю того времени, въ которое буду имѣть удовольствіе васъ видѣть, такъ какъ вы путь свой предпринимаете учинить на сіе мѣсто. Хотя передъ симъ поручилъ я вамъ принести всеподданнѣйшее поздравленіе Е. И. В., но теперь, убѣжденъ будучи совѣтами сдѣлать то на письмѣ, препровождаю здѣсь таковое съ копіею для прочету вашего и съ тѣмъ, чтобы вы по разсужденію вашему, какъ за благо признаете, учинили по дѣлу онаго или бы и оставили безъ поднесенія. Вручители сего гг. Гудовичи —одинъ генералъ-поручикъ, а другой бригадиръ, оба поѣхали искать службы у Государя. Если вамъ удастся за нихъ слово замолвить, то рекомендую такого случая не пропустите“ [1]).

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

II.

Батуринъ, 25 Марта, 1801.

Письма ваши дошли ко мнѣ всѣ исправно... Откровенность ваша, въ нихъ обнаруженная, убѣждаетъ меня изъявить вамъ искреннюю признательность, равно какъ и за дѣятельные подвиги въ исполненіи моихъ порученій. Фазаны ваши отъ Лашкевича сюда присланы 24 штуки, изъ коихъ 6 послала къ вамъ гр. Софья Осиповна, но не знаю какъ они къ вамъ довезены, равно и олень съ ними полученъ. Фазаны были въ хорошемъ состояніи, а олень немного тронулся, такъ что поваръ сказалъ и употреблять его иначе нельзя, какъ надобно мариновать, что́ и велѣлъ ему учинить. Касательно брошуровъ (brochures), о коихъ вы ко мнѣ пишете, что г. Лашкевичъ хотѣлъ при сей посылкѣ присовокупить, сколько я ни рылся, но оныхъ сыскать не могъ, слѣдственно г. Лашкевичъ ихъ не посылалъ. Относительно до посольства вашего въ Парижѣ, первую вѣдомость получилъ я отъ брата вашего, графа Алексѣя Кириловича, изъ Москвы, а потомъ такіе же слухи доходить ко мнѣ стали и изъ здѣшнихъ мѣстъ. Сколько я не сомнѣвался не вѣрить сему, но началъ было колебаться, пока вы теперь меня въ томъ переувѣрили въ письмѣ своемъ, черезъ Миклашевскаго полученномъ. Описать вамъ не можно всеобщаго восхищенія и радости, произведенной восшествіемъ на престолъ Е. И. В. Александра Павловича. Артиллерійская команда съ ихъ шефомъ Бреверномъ, слѣдующая чрезъ Батуринъ въ Москву на ревю къ 10-му Мая, получивъ по именному повелѣнію приказаніе возвратиться обратно въ Кіевъ, торжественно сей обратный путь пріемлетъ и несказанно довольна сею перемѣною. Надѣюсь, что вы нынѣ царствующимъ Императоромъ счастіе имѣете пріемлемыми быть благосклонно. Поручаю вамъ избрать добрый случай повергнуть меня, со всѣми вами, къ стопамъ Его Величества и принесть достодолжное мое поздравленіе съ благополучнымъ Е. В. восшествіемъ на престолъ. Я молю Всевышняго, дабы онъ даровалъ ему многолѣтное, счастливое надъ нами царствованіе и поручаю себя со всею моею фамиліею во всевысочайшее Е. В. покровительство. Чрезъ Давыдова, отправленнаго отъ Великаго Князя Константина Павловича для закупки лошадей, я получилъ изъ Кошаръ отъ Француза письмо ваше, его же самого не видалъ, да и нужды въ томъ нѣтъ, ибо они могутъ толковать о ихъ дѣлѣ съ Французомъ. Съ новымъ генералъ-прокуроромъ совѣтую вамъ имѣть знакомство, а буде можно и дружбу, ибо онъ по дѣламъ моимъ въ Сенатѣ всегда быть можетъ нужнымъ, яко человѣкъ дѣловой

VI.

ГРАМОТА НА БАТУРИНЪ, ПОЧЕПЪ И ПРОЧ.

Божію поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр. (полный титулъ).

Объявляемъ чрезъ сіе, что Вселюбезнѣйшая Наша тетка, блаженныя и вѣчной славы достойная памяти Государыня Императрица Елисавета Петровна именнымъ своимъ указомъ февраля 17-го дня 1760 года сенату даннымъ Всемилостивѣйше пожаловала тогда Малороссійскому Гетману и нынѣ Нашему генералу-фельдмаршалу, сенатору, генералу-адъютанту, дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику и орденовъ святыхъ: Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе Малороссійскія маетности, а именно: городъ Батуринъ и городъ Почепъ съ ихъ уѣздами, по тому какъ состояли они во владѣніи за княземъ Меншиковымъ, такожъ Шептаковскую волость и Бакланскій дворецъ съ ихъ селами и деревнями и угодьями, повелѣвая ему, графу Разумовскому, владѣть симъ всѣмъ жалованнымъ отъ Ея Величества недвижимымъ имѣніемъ, по тому какъ оное состояло по ревизіямъ во время покойнаго гетмана Скоропадскаго, а потомъ во время владѣнія князя Меншикова, выключая только что кому съ того времени предковъ Ея и Ея Величества именными за своеручнымъ ихъ и Ея Величества подписаніемъ указами отдано, чего ради и ревизіи къ отдачѣ употребить тѣхъ головъ; а въ 1764 году ноября въ 10-й день Мы, снисходя на прошеніе его, графа Разумовскаго, и Всемилостивѣйше увольняя его отъ Гетманства, не только утвердили за нимъ всѣ вышеописанныя Малороссійскія маетности отъ Нашей Вселюбезной тетки, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе пожалованные, но и всемилостивѣйше изъ Высочайшей Нашей Императорской къ нему милости пожаловали въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе въ Малой же Россіи изъ урядовыхъ маетностей замокъ Гадяцкій и волость Быковскую съ принадлежащими къ ней мѣстечками, селами и деревнями; но какъ онъ, генералъ-фельдмаршалъ, на всѣ вышеписанныя маетности жалованной Нашей грамоты еще не имѣетъ, того ради Мы, по Самодержавной Нашей Императорской власти, силою сей Нашей жалованной грамоты ему, Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его означенныя маетности со всѣми къ нимъ вышеупомянутыми принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, съ сѣнными покосами и рыбными ловлями, ничего не выключая изъ всего того, что къ нимъ принадлежитъ и потому впредь правдою и судомъ по пристойству присовокуплено быть можетъ, пожалованію вышеобъявленныхъ Вселюбезнѣйшей тетки Нашей и Нашего Всемилостивѣйшихъ указовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Всемилостивѣйше утверждаемъ и оныя ему, наслѣдникамъ и потомкамъ его продать, заложить и во всякія крѣпости по правамъ укрѣпить позволяемъ, токмо чтобъ обыкновенные публичные сборы, равно какъ съ прочихъ наслѣдныхъ шляхетныхъ маетностей

Вотъ письмо, которымъ среди своихъ немочей графъ Кирила Григорьевичъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра I.

„Всемилостивѣйшій Государь. Достигшее до здѣшняго края всерадостное извѣстіе, о восшествіи В. И. В. на прародительскій престолъ, принесло и мнѣ, удрученному ветхостію лѣтъ и изнеможенному вѣрноподданному, радость неизреченную. Вѣдаю, что довлѣло бы, не взирая на всѣ немощи мои и великость разстоянія, пасть къ освященнымъ стопамъ В. И. В. со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ, но немощи, меня безпрерывно удручающія, по истинѣ столь велики, что не токмо предпринять столь дальній переѣздъ не въ силахъ, но, бывъ лишенъ владѣнія рукъ, по сіе время не былъ въ состояніи принести оное и письменно. Теперь же, получа ослабѣвшимъ моимъ рукамъ весьма малое облегченіе, первое счастливѣйшее для меня изъ нихъ употребленіе дѣлаю, подписывая сіе приносимое В. И. В. всеподданнѣйшее мое поздравленіе и повергая себя мысленно къ стопамъ В. В., повергаю купно и всю мою фамилію, препоручая какъ себя, такъ и дѣтей моихъ въ высокомонаршую милость В. И. В. Пріими оное, Всемилостивѣйшій Государь, отъ вѣрноподданнаго, служившаго многіе годы въ Бозѣ почивающимъ предкамъ твоимъ и нынѣ служить бы желающаго, если бы немощи, препятствующія тому, не лишили сего счастія. Обѣщаемое В. И. В. правленіе по законамъ и по сердцу вселюбезныя бабки вашея, въ бозѣ почивающей Императрицы Екатерины Великія, восхитившее всѣхъ вѣрноподданныхъ до степени неизъяснимой, восхитивъ меня и какъ бы обновивъ истощенныя мои силы, подаетъ мнѣ изнеможенному, но усердіемъ пылающему, неизмѣнную надежду, что сіе мое припошеніе будетъ принято благосклонно".

Апрѣля, 15 1801, Батуринъ [1]).

Государь отвѣчалъ немедленно слѣдующимъ рескриптомъ отъ 15-го Мая того же года: „Графъ Кирила Григорьевичъ. Послуживъ вѣрно и ревностно толикимъ монархамъ, пося и оправдывая на себѣ ихъ милости, вы имѣете все право наслаждаться въ нѣдрѣ покоя вашего всеобщимъ уваженіемъ и отличнымъ моимъ благоволеніемъ. Примите истинную мою признательность за поздравленіе ваше и желанія, его сопровождающія. Я увѣренъ, что мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ Небесамъ. Молю Всемогущаго да ниспошлетъ вамъ силы и здоровье, и западъ жизни вашей да исполнится тихія радости, неотъемлемой и единой истинной награды добрыхъ дѣлъ. Пребываю вамъ всегда доброжелательнымъ. Александръ" [2]).

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Бан.-Каменскій, „Біогр. фельдм.", I, 245.

дажи, заказанные по запискамъ Дуссика въ Вѣнѣ, надъ исполненіемъ которыхъ наблюдалъ самъ знаменитый Франкъ. Но бандажи, съ нетерпѣніемъ ожидаемые, оказались не годными. Что́ еще болѣе поразило графа Кирила Григорьевича, это была смерть Чубука его, иначе доктора Дуссика, стараго Чеха, съ которымъ онъ вѣчно бранился, но безъ котораго онъ не могъ ни на минуту обойтись. Эстафеты полетѣли въ Вѣну съ требованіями новаго доктора. Графъ Андрей Кириловичъ рекомендовалъ ихъ нѣсколько, но особенно Француза Бальо (Baillot). „Это именно такой человѣкъ, какого", писалъ графъ Андрей, „вы уже давно желаете, онъ имѣетъ при отличныхъ манерахъ (bon-ton) весьма много познаній, благодаря которымъ общество его весьма пріятно, однимъ словомъ, это человѣкъ совершенно благовоспитанный (un homme de mise), который можетъ вполнѣ пополнить тотъ недостатокъ въ общительности, на который вы такъ часто жаловались и которымъ такъ страдалъ покойный докторъ вашъ съ его отталкивающими манерами. Одно только затрудненіе, это то, что Бальо незнаетъ понѣмецки и потому не будетъ въ состояніи познакомиться съ журналомъ вашей болѣзни, который велъ Дуссикъ" [1]). Этотъ Клодъ Бальо, деканъ Ліонскаго медицинскаго факультета и пр. и пр. и пр., поступилъ къ графу Кириллѣ Григорьевичу на слѣдующихъ условіяхъ: 1) путешествіе доктора и его камердинера, изъ Вѣны въ Батурина и обратно, въ случаѣ если ему будетъ отказано, оплачивается фельдмаршаломъ; 2) онъ получаетъ полное содержаніе и кромѣ того, 500 Голландскихъ дукатовъ (по тогдашнему счету 2500 руб.) годового жалованья. Жалованье это ежегодно увеличивается на 150 дукатовъ; 3) въ случаѣ кончины графа, Бальо получаетъ пожизненный пенсіонъ, равный двумъ третямъ того жалованья, которое онъ будетъ получать въ тотъ годъ, когда это несчастіе случится. Въ случаѣ же смерти Бальо, половина того же пенсіона достается его женѣ. Со смертію Дуссика рушились планы заграничнаго путешествія.

Въ письмѣ отъ 19 Марта Андрей Кириловичъ пишетъ, что карета, какъ ему сообщаютъ изъ Лондона, оказывается чудомъ совершенства (un chef d'oeuvre de perfection),—онъ говоритъ о томъ, какъ ее доставить въ Россію, совѣтуетъ это сдѣлать моремъ, не отправляя, какъ предполагалъ старикъ фельдмаршалъ, за нею нарочнаго въ Лондонъ, а адресуя ее прямо въ Петербургъ на имя Бервика, зятя Штатера. „Но увы", продолжаетъ онъ, „какъ я глубоко пораженъ тѣмъ, что всѣ эти распоряженія не имѣютъ уже цѣлью предположенное путешествіе, которое было бы такъ полезно для вашего здоровья и въ то же время такъ бы меня осчастливило. Я все надѣюсь, что лѣ-

[1]) Тамъ же.

нюю мою признательность, такъ какъ увѣренъ я, что вашимъ стараніемъ на сію дорогу поставлены дѣла оныя. Теперь остается ожидать, чтобъ кончились по желанію. Касательно перемѣны военной службы на статскую внукомъ моимъ, а вашимъ племянникомъ графомъ Петромъ, тогда сіе было необходимо, но теперь, когда всякъ обезпеченъ въ своемъ постѣ, якоже гласитъ писаніе: „хощеши ли не боятися власти, твори благое", могутъ безпечны быть и по военной и по гражданской части служащіе правдою. Не меньше меня удивляетъ и брата вашего графа Алексѣя Кириловича, что оба его сыновья къ вамъ не показываются и что вы ихъ не видите ни при дворѣ, ни въ домахъ, въ коихъ бываете. Сохраняя правила родства, вы можете, призвавъ ихъ къ себѣ, сдѣлать имъ примѣчаніе, что они упускаютъ родственный долгъ въ частомъ съ вами свиданіи и отецъ ихъ хотѣлъ къ вамъ писать и просить васъ, дабы вы по сему обстоятельству ихъ не оставили" [1]).

Страданія стараго фельдмаршала все усиливались; онъ наконецъ рѣшился ѣхать за границу. Съ этою цѣлью графъ Андрей Кириловичъ заказалъ для отца въ Лондонѣ карету особаго устройства. Карета эта была сдѣлана такъ, что посредствомъ довольно хитраго механизма задокъ откидывался и въ нее можно было вкатывать постель. „Одинъ изъ кущовъ нашихъ, Филимоновъ, ежегодно бывающій въ Вѣнѣ, возвращается назадъ черезъ Батуринъ, спѣшу черезъ него сообщить вамъ, что въ Лондонѣ отлично поняли мой заказъ", писалъ графъ Андрей къ отцу отъ 27 Ноября 1801 года, „но карета не можетъ быть готова и къ вамъ доставлена ранѣе Мая. По вашему приказанію я подписалъ васъ на тѣ Французскія и Нѣмецкія газеты, которыя мнѣ показались лучшими. Въ то же время вы мнѣ писали, что не желаете болѣе получать журнала Гуфланда и Лондонскаго курьера. Прилагаю при семъ записку тѣмъ журналамъ, на которые я васъ подписалъ, а равно другихъ, которыхъ рекомендуетъ здѣсь книгопродавецъ" [2]). Вотъ журналы, на которые подписанъ былъ графъ Кирила Григорьевичъ:

„Journal de Francfort", „Mercure Universel", „Spectateur du Nord", „Journal des Modes", „Hamburger Zeitung" и „Salzburger Journal". Книгопродавецъ рекомендовалъ еще: „Le Nord littéraire par Olivarius" (4 cahiers par année), „Le Mercure de France" (24 №№ par année), „La décade philosophique (36 №№ par année), „L'esprit des journaux", (12 cahiers par année), „Annales des arts et des manufactures" (12 cahiers par année) [3]). Въ то же самое время сынъ пересылалъ отцу бан-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

дажи, заказанные по запискамъ Дуссика въ Вѣнѣ, надъ исполненіемъ которыхъ наблюдалъ самъ знаменитый Франкъ. Но бандажи, съ нетерпѣніемъ ожидаемые, оказались не годными. Что еще болѣе поранило графа Кирила Григорьевича, это была смерть Чубука его, иначе доктора Дуссика, стараго Чеха, съ которымъ онъ вѣчно бранился, но безъ котораго онъ не могъ ни на минуту обойтись. Эстафеты полетѣли въ Вѣну съ требованіями новаго доктора. Графъ Андрей Кириловичъ рекомендовалъ ихъ нѣсколько, но особенно Француза Бальо (Baillot). „Это именно такой человѣкъ, какого", писалъ графъ Андрей, „вы уже давно желаете, онъ имѣетъ при отличныхъ манерахъ (bon-ton) весьма много познаній, благодаря которымъ общество его весьма пріятно, однимъ словомъ, это человѣкъ совершенно благовоспитанный (un homme de mise), который можетъ вполнѣ пополнить тотъ недостатокъ въ общительности, на который вы такъ часто жаловались и которымъ такъ страдалъ покойный докторъ вашъ съ его отталкивающими манерами. Одно только затрудненіе, это то, что Бальо незнаетъ понѣмецки и потому не будетъ въ состояніи познакомиться съ журналомъ вашей болѣзни, который велъ Дуссикъ" [1]). Этотъ Клодъ Бальо, деканъ Ліонскаго медицинскаго факультета и пр. и пр. и пр., поступилъ къ графу Кирилѣ Григорьевичу на слѣдующихъ условіяхъ: путешествіе доктора и его камердинера, изъ Вѣны въ Батурина и обратно, въ случаѣ если ему будетъ отказано, оплачивается фельдмаршаломъ; 2) онъ получаетъ полное содержаніе и кромѣ того, 500 Голландскихъ дукатовъ (по тогдашнему счету 2500 руб.) годового жалованья. Жалованье это ежегодно увеличивается на 150 дукатовъ; 3) въ случаѣ кончины графа, Бальо получаетъ пожизненный пенсіонъ, равный двумъ третямъ того жалованья, которое онъ будетъ получать въ тотъ годъ, когда это несчастіе случится. Въ случаѣ же смерти Бальо, половина того же пенсіона достается его женѣ. Со смертію Дуссика рушились планы заграничнаго путешествія.

Въ письмѣ отъ 19 Марта Андрей Кириловичъ пишетъ, что карета, какъ ему сообщаютъ изъ Лондона, оказывается чудомъ совершенства (un chef d'oeuvre de perfection),—онъ говоритъ о томъ, какъ ее доставить въ Россію, совѣтуетъ это сдѣлать моремъ, не отправляя, какъ предполагалъ старикъ фельдмаршалъ, за нею нарочнаго въ Лондонъ, а адресуя ее прямо въ Петербургъ на имя Бервика, зятя Штатера. „Но увы", продолжаетъ онъ, „какъ я глубоко пораженъ тѣмъ, что всѣ эти распоряженія не имѣютъ уже цѣлью предположенное путешествіе, которое было бы такъ полезно для вашего здоровья и въ то же время такъ бы меня осчастливило. Я все надѣюсь, что лѣ-

[1]) Тамъ же.

томъ, когда пріѣдутъ докторъ и карета, вы рѣшитись ѣхать. Я въ отчаяніи, заключаетъ онъ, отъ того, что случилось съ вашими газетами! Это не могло быть по приказанію Государя нашего, вамъ бы слѣдовало, любезный батюшка, написать объ этомъ Трощинскому или графу Кочубею....“ [1]). Карета была выставлена въ Лондонѣ и ее показывали за деньги; мастеръ, какъ въ то время увѣряли, выручилъ такимъ образомъ до 5000 рублей. Ввозъ иностранныхъ экипажей въ царствованіе Павла I былъ строго запрещенъ, и надо было имѣть особенное дозволеніе отъ Государя на провозъ кареты. Императоръ Александръ Павловичъ немедленно разрѣшилъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, потребовалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный островъ, а потомъ къ вдовствующей Государынѣ въ Павловскъ. Съ доставкою въ Батуринъ карета обошлась въ 18,000 тогдашнихъ рублей. Фельдмаршалъ захотѣлъ ее попробовать, но она оказалась слишкомъ грузною: 8 лошадей послѣ 4-хъ-верстной ѣзды едва могли ее довезти домой [2]). Карета эта въ концѣ сороковыхъ годовъ еще хранилась въ Батуринѣ.

Въ 1802 году страждущій Разумовскій былъ пораженъ смертію сына Ивана, скончавшагося отъ чахотки въ Италіи. Послѣ него осталось много долговъ, старикъ нуждался въ деньгахъ, и это его крайне мучило. Новый докторъ не былъ въ состояніи уменьшить физическихъ страданій. Отправлено было описаніе болѣзни въ Парижъ въ тамошній медицинскій факультетъ, но Французскіе доктора медлили отвѣтомъ. Къ тому же, камердинеръ Нѣмецъ, къ которому фельдмаршалъ привыкъ, отъ него отошелъ — все это усугубляло нравственную и физическую тоску бѣднаго страдальца. „Я глубоко огорченъ тѣмъ, что Англійская карета, которою я занялся съ такою заботою, что даже ночью о ней бредилъ, не удостоилась вашего одобренія“, писалъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 22 Ноября 1802. — „Вотъ что значитъ не наблюдать самому за работою, безъ себя никакъ нельзя поручиться, чтобы не произошло ошибки въ размѣрахъ; безъ сомнѣнія, если бы карета дѣлалась на моихъ глазахъ, всѣхъ тѣхъ недостатковъ, на которые вы указываете, не было бы. Я все надѣюсь, что найдется способъ поправить ошибку и сдѣлать способными къ употребленію тѣ усовершенствованія, которыя карета несомнѣнно имѣетъ. Ахъ, если бы она могла привезти васъ сюда, это было бы верхъ моихъ желаній, ибо, повторяю еще разъ, это было бы для васъ спасеніемъ. Вы жалуетесь, любезный батюшка, что докторъ не предпринимаетъ никакого способа леченія и ограничивается тѣмъ, что за вами наблюдаетъ. Безъ сомнѣнія, онъ

[1]) Тамъ же.

[2]) Фонъ-Гунъ, Поверх. замѣч. и пр.

ожидаетъ консультаціи изъ Парижа, которую вы вѣроятно уже получили, такъ какъ я ее къ вамъ отправилъ съ эстафетою. Я получилъ тому два дня письмо отъ графа Моркова [1]) касательно бандажей; онъ пишетъ, что они еще не готовы.... Вы мнѣ говорите, дорогой батюшка, что вы никогда такъ не нуждались въ деньгахъ, какъ теперь, и что вы никакъ не можете обойтись безъ займа, — это плачевная крайность и никто болѣе меня вамъ не можетъ соболѣзновать.... Вы меня напугали извѣстіемъ о бывшемъ у васъ землетрясеніи; по депешамъ, мною полученнымъ, въ тотъ же самый день, землетрясеніе чувствовали въ Константинополѣ и въ Валахіи. Слава Богу, что оно у васъ не причинило ни малѣйшаго зла“ [2]). Хотя фельдмаршалъ жаловался на стѣсненное положеніе, однако, какъ видно изъ приводимаго ниже письма, онъ до конца жизни пользовался всѣми дарованными ему Елизаветою и Екатериною пенсіями:

„Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый государь.

Выполняя желаніе вашего сіятельства, въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 2 Августа сего года къ его высокопревосходительству, г. дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, государственному казначею и кавалеру барону Алексѣю Ивановичу Васильеву, предписано отъ экспедиціи государственныхъ доходовъ С.-Петербургскому штатному казначейству, дабы оно слѣдующія вамъ, милостивый государь, въ пенсіонъ за майскую сего года треть деньги 21,450 р. отпустило его сіятельству графу Петру Кириловичу. О семъ поставляя долгомъ увѣдомить ваше сіятельство, имѣю честь быть и пр. Ѳедоръ Голубцовъ. Августа 28 дня 1801 года“ [3]).

Не долго пришлось еще графу Кириллѣ Григорьевичу пользоваться пенсіями и человѣческими почестями. Ни новый докторъ, ни совѣты парижскихъ медиковъ, ни заказанные въ Парижѣ бандажи не могли уже остановить быстраго хода его болѣзни. Страданія усиливались, силы слабѣли. Фельдмаршалъ уже почти не могъ двигаться. Вышеприведенное письмо графа Андрея Кириловича было однимъ изъ послѣднихъ имъ полученныхъ. Батуринскій домъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Въ 1802 году его однако еще озарилъ лучъ радости. Старикъ фельдмаршалъ благословилъ внуку свою, графиню Варвару Алексѣевну, на бракъ съ княземъ Репнинымъ. Свадьбу отпраздновали въ Батуринѣ въ домовой церкви. Вслѣдъ за этимъ графъ Левъ Кириловичъ привезъ къ отцу красавицу жену свою. Бракъ этотъ былъ старику не по сердцу [4]).

[1]) Графъ Морковъ былъ въ то время посломъ въ Парижѣ.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[3]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

[4]) Графиня М. Г. Разумовская вторично вышла замужъ при живомъ первомъ мужѣ.

Но добрая, милая и любезная, графиня Марья Григорьевна съумѣла плѣнить умирающаго старца, который осыпалъ ее ласками [1]). За 4 мѣсяца до своей кончины графъ Кирила Григорьевичъ ѣздилъ осматривать церковь (гдѣ онъ и похороненъ), которая въ то время еще строилась. Это была его послѣдняя прогулка. Онъ окончилъ жизнь 3-го Января 1803 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ похороненъ въ трапезѣ Батуринской церкви Воскресенія Христова [2]). Графъ Андрей Кириловичъ, получившій Батуринъ въ наслѣдство, поставилъ надъ могилою отца мраморный памятникъ въ видѣ пирамиды съ гербомъ, урною и рельефнымъ медальономъ покойнаго, окруженнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Надгробная надпись гласитъ:

„Здѣсь покоится тѣло Его Сіятельства Господина Генералъ-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра-Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, родившагося 1728 года Марта 18 дня и скончавшагося въ Батуринѣ 1803 года Января 9 дня въ 2 часа пополудни. Житія его было 74 года 9 мѣсяцевъ и 22 дня".

Противъ памятника въ деревянной рамкѣ сохраняется шитый гербъ Разумовскаго. Въ алтарѣ находилось стальное узорчатое кресло, формою похожее на курульный стулъ, принадлежавшее гетману [3]); сѣнь надъ престоломъ изъ серебрянаго глазета служила, по преданію, балдахиномъ надъ катафалкомъ фельдмаршала. Сверхъ того, у входа въ церковь съ лѣвой стороны находится картина, изображающая Божію Матерь, которая, говорятъ, перенесена изъ покоевъ графа Кирилы Григорьевича. Въ самомъ Батуринѣ въ саду П. А. Кочубея, называемомъ Кочубеевщина, существуетъ еще дубовый пень, на которомъ, по преданію, любилъ садиться Разумовскій.

---

[1]) Изъ разсказовъ гр. Маріи Григорьевны Разумовской.

[2]) Изъ церковной описи видно, что церковь Воскресенія Христова выстроена въ 1803 году. Она далеко некрасива и послѣ смерти Разумовскаго ее додѣлали кое-какъ. Народное преданіе гласитъ, что на мѣстѣ, гдѣ теперь церковь, стоялъ какой-то Мазепинъ столбъ, который былъ такъ великъ, что когда сломали его, то получили нѣсколько пудовъ желѣза, много денегъ и кирпича столько, что его стало на построеніе почти всей церкви („Черниговскія Губ. Вѣд.", 1860, м. Батуринъ).

[3]) Кресло это недавно продано мѣстнымъ духовенствомъ Петру Аркадіевичу Кочубею.

НКИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Конецъ первой части.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ДИПЛОМЪ НА ГРАФСКОЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДОСТОИНСТВО.

Diploma S. R. Imperii Comitis cum Praedicato Illustris et Magnifici pro Alexio Gregorovio de Rasumoffski et eius Descendentibus legitimis. dd-o Francofurti die 27 Aprilis 1744.

Nos Carolus Septimus etc. (titulus integer.) Agnoscimus et notum facimus tenore praesentium universis: Quae per latissimos Romani Imperii fines digna passim bene merentibus virtutum Praemia distribuit, eadem et in Exteros se diffundit inexhausta Caesareae benignitatis Ubertas, et eos, qui amicitiae, foederisve nexu sibi devinctis Principibus et Populis Domi militiaeve strenuam operam navantes, nobilioris indolis praeclara documenta edunt, augustis Munificentiae suae radiis ita collustrat, ut supremo Caesareae Maiestatis Throno propius admoti, Sacrique Imperii Civitate donati, fulgentissimis honorum et iurium titulis per omnem terrarum orbem conspicui reddantur.

Intelligentes igitur celebrem familiam Alexii Gregorovii de Rasumoffski supremi in Aula Russica Venationum Praefecti, locumtenentis praetoriae cohortis et actualis primarii Camerarii, nec non Russicorum Ordinum Sancti Andreae et Sancti Alexandri ac Holsatici Sanctae Annae Equitis Originem suam ex Polonia trahere, et a Romano Rozynski, inde in Russiam delato descendere, ibique et praesertim in Civitate Koselesk Districtus Kioviensis sedem fixisse, et non solum insignibus meritis et obtentorum munerum claritate conspicuam se reddidisse, sed etiam a datis subinde salutaribus consiliis cognomen Rasumoffsky adeptam esse.

Considerantes praeterea ipsius Alexii Gregorovii de Rasumoffski praestantes animi ingeniique dotes, in rebus agendis fidem, zelum et dexteritatem, quibus se et familiam suam ornavit et ulterius ornare pergit, atque multifariis in occasionibus se adeo commendatum reddidit, ut in Aula Russica Dignitatibus supra recensitis gratificatus et ordinibus praememoratis donatus fuerit; ideoque certo confisi fore, ut nullam de Nobis, Sacroque Romano Imperio et Augustâ Domo Nostrâ bene merendi occasionem praetermittat, Nos dignum omnino censemus, ut eidem gratiam Nostram Caesaream peculiari quodam monumento ad seram Posteritatem transmittendo testemur.

Quapropter motu proprio ex certa Nostra scientia, animo bene deliberato, et de Caesareae Nostrae Potestatis plenitudine praefatum Alexium Gregorovium de Rasumoffski eiusque liberos, Posteros et Descendentes utriusque Sexus, ex legitimo thoro natos et nascituros, veros Nostros et Sacri Romani Imperii Nostrarumque Ditionum haereditariarum Comites creamus, dicimus ac nominamus et Comitum seu Comitatus

titulo, honore ac Dignitate insignimus et condecoramus, aliorumque Nostrarum et Sacri Romani Imperii nec non Ditionum Nostrarum haereditariarum Comitum Numero, Coetui ac Consortio adscribimus et aggregamus.

Decernentes et hoc Nostro Caesareo Edicto statuentes dictum Alexium Gregorovium de Rasumoffski, omnesque Eius liberos et Posteros legitimos utriusque Sexus natos et omni posthac tempore nascituros S. R. Imperii Comitum appellatione tam in literis, quam viva voce uti, et ubivis locarum ac terrarum in quibuscunque negotiis et actionibus veros Comites dici et haberi, omnibusque et singulis Privilegiis, Exemptionibus, libertatibus, honoribus et Praerogativis libere uti, frui, potiri et gaudere posse ac debere, quibus alii Sacri Romani Imperii, Ditionumque Nostrarum haereditariarum Comites ex antiqua Stirpe orti, quatuorque tales avos paternos et maternos numerantes in sacro Romano Imperio Nostrisque Ditionibus haereditariis utuntur, fruuntur et gaudent, de consuetudine vel de iure.

Ut autem eo luculentius de collata hac S. R. Imperii Comitatus Dignitate omni Posteritate constet, non solum gesta hactenus eius Insignia clementer laudamus et approbamus, sed ea sequentem in modum omni posthac tempore gerenda benigne concedimus videlicet:

Scutum militare erectum in forma decussis quadripartitum cum Parmula caerulea in medio, cataphractam argenteam duabus ex utraque parte Sagittis transversim confixam continente utpate avita familiae de Rasumoffski arma. In capite huius scuti seu decussis tres nigri et incensi pyroboli in fundo aureo, in basi vero nigri coloris aureum inter tres stellas argenteas cantherium cernitur, ad denotandam Dignitatem suam apud Cohortem Praetoriam; ad latera vero in fundo caeruleis et argenteis Rhombis variegato imposita est dimidia aquila nigra e regione versa, in Signum gratiae Nostrae Caesareae et meritarum testimonium ex qua ipsa ratione etiam coronam S. R. Imperii Comitibus propeiam Scuto huic integro imposuimus. Superius vero eminent tres galeae torneariae pariter coronatae, clathratae ac suis monilibus et torquibus ornatae, quarum media argentea est, et Aquilam Imperialem corona, rostra et cruribus aureis sustinet, altera ad dextram posita vexillo caeruleo supra quod in Parmula descripta Cataphracta argentea conspicitur, et duabus rubeis in forma Crucis Sancti Andreae positis Sagittis ornatur, tertia et ad sinistram collocata Galea autem Mytram pyrobolariis cohortis Praetoriae propriam, dextrorsum versam, adhaerente ex utraque parte iugo alarum aquilinarum nigrarum, utrinque tribus stellis argenteis insignitarum ostentat. Laciniae defluentes a dextris nigrae et aureae a sinistris vero Caeruleae et argenteae sunt. Telamonum loco stat hinc Scythus armatus aperto capite et sinistra manu scutum sustineus, cuius superior vestis caerulea, inferior vero rubea, Pallium autem, cingulum, in quo Acinaces pendet, et calcaria argentea sunt, Scythicus Arcus, Pharetra et Acinaces ex auro; illinc vero se praesentat Polonus pariter armatus aperto Capite et dextra manu Clypeum tenens, cuius vestis superior rubea, et inferior caerulea est, manu altera hastam auream portans, ad denotandam originem familiae de Rasumoffski ex Polonia, et ibi praestita eius seruitia; prout haco omnia vivis coloribus hic accuratius delineata ante oculos ponuntur.

Locus Picturae:

Volentes et hoc Imperiali nostro Edicto statuentes saepe memoratum Alexium Gregorovium Nostrum S. R. Imperii Ditionumque Nostrarum haereditariarum Comitem de Rasumoffski omnesque eius natos et nascituros liberos legitimos Posteros et Descendentes utriusque Sexus supra scripta arma (Salvis ordinis cuiuscunque accedentibus Insigniis, aliisque ornamentis personalibus) deinceps in omnibus et singulis honestis et decentibus actibus, exercitiis atque expeditionibus libere, quiete, et sine omni pror-

sus impedimento gerere et adhibere, iisdemque pro libero voluntatis arbitrio quovis modo uti posse et valere.

Praeterea ut uberiori Caesareae Nostrae beneficentiae ac gratiae fructu gaudeant, dicto Alexio Gregorovio Comiti de Rasumoffski, eiusque Descendentibus, ut supra, hoc quoque Privilegium impertimur, ut deincepsa Nobis, Nostrisque in S. R. Imperio Successoribus Romanorum Imperatoribus ac Regibus titulo: Illustres et Magnifici, germanice hoch und Wohlgebohrn perpetuo nominentur, salutentur et praedicentur, ipsisque ex omnibus nostris Nostrorumque in S. R. Imperio Successorum Nobisque et Serenissimae Domui Nostrae subiectarum Ditionum Cancellariis titulus et appellatio: Illustres et Magnifici, germanice hoch und Wohlgebohrn detur et tribuatur, quemadmodum in hunc ipsum benignae mentis ac voluntatis Nostrae Caesareae effectum hoc dictis Nostris Cancellariis ad supplicem petitionem per Caesarea Decreta stricte mandabimus et iniungemus.

Ideoque etiam omnibus et singulis Nostris et S. R. Imperii Electaribus aliisque Principibus Ecclesiasticis et secularibus, Archiepiscopis, Episcopis, Ducibus, Marchionibus, Comitibus, Baronibus, Militibus, Nobilibus, Clientibus, Capitaneis, Vicedominis, Praefectis, Castellanis Officialibus, Civium Magistris, Judicibus, Consulibus, Heroaldis et Caduceatoribus, Civibus, Communitatibus ac omnibus denique Nostris et Sacri Romani Imperii Ditionumque Nostrarum haereditariarum subditis et fidelibus dilectis cuiuscunque Dignitatis, gradus, ordinis, et conditionis existant, mandamus et praecipimus, ut saepefatum Illustrem et Magnificum Nostrum Sacrique Imperii fidelem dilectum Alexium Gregorovium Comitem de Rasumoffski, eiusque ex legitimo thoro natos et nascituros liberos, Posteros ac Descendentes, utriusque Sexus in infinitum in dicto S. R. Imperii Comitum Statu, ordine et Dignitate permanere, omnibusque et singulis supradictis Privilegiis, Juribus, Consuetudinibus, immunitatibus, libertatibus, exemptionibus, honoribus et praerogativis in hoc Nostro Imperiali Diplomate concessis libere, quiete et absque ullo impedimento uti, frui, potiri et gaudere sinant, adeoque eos in omnibus et singulis defendant et tueantur, et alios, ne quid in contrarium faciant vel moliantur pro viribus impediant et prohibeant, sub poena gravissimae nostrae, et S. R. Imperii Indignatione, mulctœque ducentarum marcarum auri puri fisco seu aerario Nostro Caesareo et Parti laesae ex aequo toties sine spe remissionis pendendae, quoties temerario ausu aliquid contra huius Caesarei Diplomatis tenorem actum vel attentatum fuerit.

Caeterosquoque Nobis non subiectos Reges, Duces, Principes Ecclesiasticos et seculares, ac cuiuscunque ordinis homines pro status conditione fraterne, benevole, clementerque hortamur et requirimus, ut declaratae hic Nostrae voluntatis effectum quovis modo promoveant et tueantur, quo ipso rem facient Nobis pergratam, fraterno amoris affectu, benevolentia et gratia Nostra Caesarea quavis occasione rependendam.

Harum testimonio literarum manu Nostra subsriptarum et Sigilli Nostri Caesarei appensione munitarum, quae dabantur in libera Nostra et Sacri Romani Imperii Civitate Francofurto ad Moenum die vigesima septima Mensis Aprilis anno Domini millesimo septingentesimo quadragesimo quarto, Regnorum Nostrorum Romani et Bohemici tertio. Carolus.

V-t Ioann: Georgius Comes a Königsfeld. Ad Mandatum Sacrae Caesareae Maiestatis proprium Christianus Teuber.

(Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива).

II.

ДИПЛОМЪ НА ГРАФСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Елисафетъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ Государыня и Великая Княгиня; Новагорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кандійская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

На память будущихъ вѣковъ объявляемъ настоящею Нашею жалованною грамотою всѣмъ, хотя данная Намъ отъ Всевышняго самодержавная власть во Всероссійской Нашей наслѣдной Имперіи и принадлежащихъ къ ней пространнѣйшихъ Царствахъ, Княжествахъ и земляхъ тако распространяется, что всѣ достоинства и высокихъ степеней чести и преимущества, какъ издавна въ оной обыкновенныя, такъ по Высочайшему Нашему соизволенію нововведенныя, каждому по заслугамъ и по Нашей Императорской милости раздавать въ единомъ токмо Нашемъ благоволеніи состоитъ, однакожъ Мы въ награжденіи таковыми знатными степенями, честьми и титлами въ Имперіи Нашей богатодарность Нашу обыкли изъявлять, разсматривая каждаго, а наипаче тѣхъ, которыхъ на степень знатнѣйшаго графскаго преимущества возвести, соизволяемъ особливыя заслуги и высокія достоинства.

И тако разсуждая, что любезно Намъ вѣрноподданный Нашъ Малороссійскій войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ, Нашего Императорскаго Величества дѣйствительный камеръ-геръ, Академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и орденовъ святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ, Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, по объявленной отъ брата его роднаго Нашего генерала лейбъ-компаніи Нашей капитана-поручика, оберъегермейстера, перваго Нашего дѣйствительнаго камеръ-гера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника и Россійскихъ орденовъ: святаго Апостола Андрея и святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго святыя Анны кавалера, Россійскія и Римскія Имперіи, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, данной ему за подписаніемъ его Римскаго Императорскаго Величества Карла Седьмаго на графское достоинство Римскія Имперіи жалованной грамотѣ—происходитъ отъ знатной и благородной фамиліи Польскаго королевства Рожинскихъ, изъ которой Романъ Рожинскій, по прибытіи въ Россію, поселился въ Малороссійскихъ Нашихъ городахъ, гдѣ его потомки отъ своихъ полезныхъ заслугъ и многихъ благоразумныхъ совѣтовъ употребляемое нынѣ званіе Разумовскихъ получили.

А потомъ, усмотря его, Кириллы Григорьевича Разумовскаго, собственныя превосходныя дарованія, чрезвычайныя добродѣтели, остроту разума, въ дѣлахъ

вѣрность, ревность и справедливость, которыми онъ какъ себя, такъ и фамилію свою наивяще украсилъ и чрезъ то толикую себѣ похвалу заслужилъ, что отъ Насъ Императорскаго Величества въ 1743 году Апрѣля 24 дня во время его пребыванія въ чужихъ Государствахъ, куда онъ, по благородной своей къ полезнымъ наукамъ склонности, отъ Насъ Всемилостивѣйше былъ увольненъ, въ Наши камеръ-юнкеры произведенъ, а потомъ въ 1744 году Іюля 15 дня и честію Нашего Россійской Имперіи графа удостоенъ и пожалованъ, по возвращеніи же его въ Россію въ 1745 году Мая 29 дня въ Наши дѣйствительные камеръ-геры и въ томъ же году для оказанной его къ службѣ Нашей ревности кавалеромъ Голстинскаго ордена святыя Анны, а въ 1746 году Мая 21 дня въ разсужденіи разсмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства Нашей Академіи наукъ въ президенты Всемилостивѣйше пожалованъ, гдѣ онъ многими къ приращенію наукъ и художествъ касающимися и отъ Насъ Всемилостивѣйше аппробованными учрежденіями какъ Намъ, такъ и всей Имперіи Нашей, о которой въ просвѣщеніи ея благопристойными и полезными науками всегда наивящее Наше высокоматернее попеченіе есть, знатныя и полезныя услуги показалъ, за которыя его ревностныя старанія и Намъ благоугодныя службы въ томъ же году Іюня 29 дня кавалеріею святаго Александра Невскаго награжденъ, и понеже онъ при томъ достохвальными своими поступками и заслугами не токмо Наше, но и иностранныхъ государей почтеніе и милость себѣ заслужилъ и отъ оныхъ явными и великими знаками милости съ соизволенія Нашего награжденъ, а особливо въ 1748 году Септабря 5 дня отъ его Королевскаго Величества Польскаго Августа Третьяго орденомъ кавалеріи Бѣлаго орла чрезъ его публичнаго министра почтенъ и удостоенъ, также и отъ Насъ Императорскаго Величества за вышепоказанныя его вѣрныя службы того же числа Нашей лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ Всемилостивѣйше пожалованъ; усмотря же неутолимую его въ повѣренныхъ ему отъ Насъ чинахъ и должностяхъ ревность, сверхъ всѣхъ выше писанныхъ его достонствъ, по учиненному по Высочайшему Нашему повелѣнію въ Малороссіи тамошняго народа вольными голосами избранія его въ Гетманы, онъ Россійскія Имперіи графъ Кириллo Григорьевичъ Разумовскій, отъ Насъ Императорскаго Величества Нашимъ Малороссійскимъ войска Запорожскаго обоихъ странъ Днѣпра Гетманомъ прошлаго 1750 года Апрѣля 24 дня Всемилостивѣйше конфирмованъ и пожалованъ, о чемъ ему отъ Насъ Императорскаго Величества вышеписаннаго числа и объявлено, а въ Правительствующій Нашъ Сенатъ и во всѣ прочія мѣста въ Имперіи Нашей, куда надлежало, о томъ его пожалованіи дано знать Нашими указами, которому яко Гетману при всѣхъ торжествахъ и публичныхъ церемоніяхъ мѣсто имѣть съ Нашими генералами-фельдмаршалами, считаясь между оными по старшинству съ пожалованія въ чинъ, Всемилостивѣйше повелѣли и имѣя къ его персонѣ особливую Всевысочайшую довѣренность и благоволеніе и другими знатными привилегіями и преимуществами пожаловать и наградить его соизволили, и для того, желая ему, Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, за вышеобъявленныя его службы новый и публичный знакъ Нашей Императорской милости показать, которой бы не токмо ему и его потомству въ вѣчныя времена къ особливой чести и славѣ и опрочимъ Нашимъ подданнымъ къ побужденію служить могъ, чрезъ вѣрныя и ревностныя службы Нашей Императорской милости достойными себя учинить, Всемилостивѣйше соизволили его Кириллу Григорьевича Разумовскаго по Нашей Императорской Самодержавной власти и силѣ не токмо въ данныхъ ему отъ Насъ и отъ иностранныхъ государей честяхъ и титулахъ милостиво

Но добрая, милая и любезная, графиня Марья Григорьевна съумѣла плѣнить умирающаго старца, который осыпалъ ее ласками [1]). За 4 мѣсяца до своей кончины графъ Кирила Григорьевичъ ѣздилъ осматривать церковь (гдѣ онъ и похороненъ), которая въ то время еще строилась. Это была его послѣдняя прогулка. Онъ окончилъ жизнь 3-го Января 1803 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ похороненъ въ трапезѣ Батуринской церкви Воскресенія Христова [2]). Графъ Андрей Кириловичъ, получившій Батуринъ въ наслѣдство, поставилъ надъ могилою отца мраморный памятникъ въ видѣ пирамиды съ гербомъ, урною и рельефнымъ медальономъ покойнаго, окруженнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Надгробная надпись гласитъ:

„Здѣсь покоится тѣло Его Сіятельства Господина Генералъ-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра-Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, родившагося 1728 года Марта 18 дня и скончавшагося въ Батуринѣ 1803 года Января 9 дня въ 2 часа пополудни. Житія его было 74 года 9 мѣсяцевъ и 22 дня".

Противъ памятника въ деревянной рамкѣ сохраняется шитый гербъ Разумовскаго. Въ алтарѣ находилось стальное узорчатое кресло, формою похожее на курульный стулъ, принадлежавшее гетману [3]); сѣнь надъ престоломъ изъ серебрянаго глазета служила, по преданію, балдахиномъ надъ катафалкомъ фельдмаршала. Сверхъ того, у входа въ церковь съ лѣвой стороны находится картина, изображающая Божію Матерь, которая, говорятъ, перенесена изъ покоевъ графа Кирилы Григорьевича. Въ самомъ Батуринѣ въ саду П. А. Кочубея, называемомъ Кочубеевщина, существуетъ еще дубовый пень, на которомъ, по преданію, любилъ садиться Разумовскій.

---

[1]) Изъ разсказовъ гр. Маріи Григорьевны Разумовской.

[2]) Изъ церковной описи видно, что церковь Воскресенія Христова выстроена въ 1803 году. Она далеко некрасива и послѣ смерти Разумовскаго ее додѣлали кое-какъ. Народное преданіе гласитъ, что на мѣстѣ, гдѣ теперь церковь, стоялъ какой-то Мазепинъ столбъ, который былъ такъ великъ, что когда сломали его, то получили нѣсколько пудовъ желѣза, много денегъ и кирпича столько, что его стало на построеніе почти всей церкви („Черниговскія Губ. Вѣд.", 1860, м. Батуринъ).

[3]) Кресло это недавно продано мѣстнымъ духовенствомъ Петру Аркадіевичу Кочубею.

НКИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Конецъ первой части.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Рождества Христова тысяща семь сотъ пятдесятъ перваго, Марта перваго дня, Государствованія Нашего девятаго года.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако: Елисафетъ.

Канцлеръ Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(Изъ архива автора).

III.

ГРАМОТА НА ГЕТМАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Елисафетъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новгорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же Малороссійскому народу, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Мы, Великая Государыня Наше Императорское Величество, милосердуя о Нашихъ вѣрноподданныхъ Малороссійскаго народа и имѣя о благосостояніи онаго матерinское попеченіе и призрѣніе, дабы сей изъ давныхъ временъ къ Нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій, лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше охраненъ и содержанъ: на Всеподданнѣйшее отъ Малороссійской старшины именемъ всего народа прошеніе, Высочайше и Всемилостивѣйше соизволили по прежнему обыкновенію, вольными голосами избрать Гетмана, яко то при предкахъ Нашихъ Всероссійскихъ Монархахъ и Императорахъ было, въ слѣдствіе же того Нашего Всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію Нашего Императорскаго Величества генералъ-маіорѣ, лейбъ-компаніи подпоручикѣ и Ея Императорскаго Высочества Нашей Любезной племянницы Великой Княгини камеръ-герѣ и орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалерѣ, Графѣ Иванѣ Гендриковѣ 22 Февраля прошлаго 1750 года въ Глуховѣ отъ всѣхъ обще и Малороссійскихъ чиновъ и народы единогласно избранъ Гетманомъ природный малороссіянинъ Нашъ дѣйствительный камеръ-геръ Академіи Наукъ президентъ и Нашей гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и орденовъ святаго Александра, Бѣлаго Орла и святыя Анны, кавалеръ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, и со онымъ выборомъ, подписаннымъ всѣхъ при томъ бывшихъ духовныхъ персонъ, старшины и другихъ чи-

новъ руками. Для испрошенія Всевысочайшей Нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда Войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Никовецъ и Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того по повелѣнію Нашему общаго вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его Графа Разумовскаго Гетманомъ Всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной Намъ, Великой Государынѣ, вѣрности своей, предъ святымъ Евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь, въ придворной Нашей церкви, при нашемъ канцлерѣ, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, присягѣ войсковые клейноты, булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ Насъ получилъ; послѣ чего онъ, подданный Нашъ Гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Наше Императорское Величество, дабы Мы пожаловали его на урядъ Гетманскій и на маетности на булаву, опредѣленныя жалованною Нашею грамотою и Мы, Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, Наше Императорское Величество, призирая на то подданнаго Нашего Гетмана прошеніе и вѣдая его къ Нашему Императорскому Величеству по прежде засвидѣтельствованному при дворѣ Нашемъ по чину своему прилежности и благоповедѣнію, такожде въ гвардіи Нашей и въ Академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда Гетманскаго дать, и силою сей Нашей Императорскаго Величества жалованной грамоты соизволяемъ ему, подданному Нашему Гетману, войсковую, Армату или Артиллерію и данные Гетманскаго достоинства знаки имѣть, такъ какъ прежніе Гетманы въ вѣрности своей къ Намъ бывшіе содержали воинскія и гражданскія всякія въ Малороссіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда Нашего блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Нашимъ, Императорскаго Величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему присылаемымъ, безъ нарушенія правъ и вольностей стародавныхъ народа Малороссійскаго, а маетностьми на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ Нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію и дабы видя онъ, подданный Нашъ Гетманъ къ себѣ сію Нашу милость, служилъ Нашему Императорскому Величеству и Нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно, со всѣмъ подправленіемъ его гетманскимъ обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ противъ всѣхъ Нашихъ непріятелей, во всемъ согласуя вышеизображенной присягѣ, которую онъ Гетманъ, при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ, за что Нашей Великой Государыни Нашего Императорскаго Величества милость и призрѣніе и впредь отъ него подданнаго Нашего отъемлема не будетъ, но наипаче умножится. И для объявленія вящей къ нему, подданному Нашему Гетману, Нашей милости и утвержденія, сію грамоту собственною Нашею Императорскаго Величества рукою подписали и Нашею Государственною печатью утвердить повелѣли. Дано въ резиденціи Нашей въ С.-Петербургѣ Мая 22 дня

лѣта отъ Рождества Христова тысяща семь сотъ пятдесятъ перваго, Государствованія Нашего девятаго года.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Елисафетъ.

Канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(Изъ архива автора).

IV.

ГРАМОТА НА ОРДЕНЪ СВЯТАГО АНДРЕЯ.

Божіею милостію Мы, Елисафетъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Высоко и благоурожденному Намъ любезновѣрному подданному Малороссійскому войска Запорожскаго обѣихъ странъ Днѣпра Гетману Нашему, дѣйствительному камеръ-геру, Академіи Наукъ президенту и Нашей гвардіи Измайловскаго полку подполковнику графу Разумовскому.

Изъ Высочайшей Нашей къ вамъ милости пожаловали Мы васъ кавалеромъ Нашего перваго ордена святаго Андрея и знаки онаго при семъ посилая, повелѣваемъ вамъ на себя надѣть и носить. А впрочемъ уповаемъ, что вы своею должною и вѣрною службою къ Намъ продолжать не оставите и пребываемъ Нашею Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Октября 8 дня 1751 года.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Елисафетъ.

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Писана на листу и прислана подъ конвертомъ.

(Изъ архива автора).

V.

ГРАМОТА НА ДЕРЕВНИ ВЕЛИКОРОССІЙСКІЯ ПОКОЙНАГО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА.

Божію поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новагорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня

Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

Объявляемъ чрезъ сіе, что вселюбезнѣйшая наша тетка, блаженныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, имянными своими указами 1742 г. іюля 13-го, 1743 г. іюня 2-го и октября 7-го, 1744 г. мая 12-го и 1747 годовъ мая 27-го числъ, Всемилостивѣйше пожаловала генералу-фельдмаршалу, оберъ-егермейстеру, лейбъ-компаніи капитану-поручику, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковнику и кавалеру графу Алексѣю Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе. Первымъ: имѣющіяся въ вѣдомствѣ собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны вотчинной канцеляріи вотчины Можайскаго уѣзда, село Троицкое, Болычево тожъ, село же Рожественно Порѣчье тожъ, да село Николаевское Карачарово тожъ, съ принадлежащими къ нимъ деревнями, съ людьми и со крестьяны, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодіи и съ заводы, какъ оные въ вѣдомствѣ оной канцеляріи состояли; да въ Московскомъ уѣздѣ село Знаменское съ людьми и со крестьяны и со всѣмъ противъ вышеписаннаго же. Вторымъ: собственныя блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны вотчины, состоящія въ Псковскомъ уѣздѣ Корельскую волость съ принесными къ ней въ разныхъ уѣздахъ засадахъ и губахъ волостьми и деревнями, съ людьми и со крестьяны, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со скотомъ и со всѣми къ тѣмъ вотчинамъ принадлежностями, все что оныхъ имѣлось во Псковской провинціи въ вѣдомствѣ собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны вотчинной канцеляріи не оставливая ничего. Третьимъ: отписныя Ингерманландскія деревни и Приморскій дворъ, при томъ же имѣющійся въ Санктъ-Петербургѣ за Малою Невою называемый Крестовскій Островъ, бывшаго фельдмаршала Миниха. А именно: въ Копорскомъ уѣздѣ Гостилицкую мызу со всякимъ строеніемъ и со скотомъ и со всѣми къ ней принадлежащими деревнями и землями, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, съ людьми и со крестьяны и со обрѣтающемся въ оныхъ деревняхъ красочнымъ заводомъ, съ людьми на оныхъ. Четвертымъ: село Перово и деревни Тетерки и Тимохово со всѣми къ нимъ принадлежностями, такожъ и дворъ Гороховскій на наемной землѣ Спаса Андроньева монастыря, со всѣмъ въ чемъ оныя деревни и дворъ по имянному указу ноября 5-го дня 1743 года приняты въ вѣдомство собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны вотчинной канцеляріи и что тогда во оныхъ имѣлось, кромѣ одной земли, что подъ вышеписаннымъ Гороховскимъ дворомъ Спаса Андроньева монастыря, за которую положенныя оброчныя деньги повсягодно платить ему въ тотъ монастырь бездомочно. Пятымъ: изъ отписныхъ по бывшему межеванію земель въ Копорскомъ уѣздѣ, въ Сынковицкой мызѣ, за отмежеваніемъ на указную дачу статскому дѣйствительному совѣтнику Борису Неронову оставшую пашенную землю, сѣнные покосы, лѣсныя угодья съ людьми и со крестьяны, съ Латыши и Маниистами; да бывшаго князя Меншикова Рачинскій погостъ, мызу Перекѣсскую и мызу Гревову съ деревнями; да за отдачею генералу-маіору Албрехту оставшія деревни Котельской мызы деревни Пилово, Большое, Рудуилово, Войносово и деревню Монастырь, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, съ отмежеванною въ 1714 году отъ вышепомянутой Синковицкой къ Хотунской мызѣ пустошью Власовой. А въ 1771 году Нашъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камеръ-геръ, лейбъ-гвардіи Из-

майловскаго полку подполковникъ, Академіи наукъ президентъ и орденовъ святыхъ Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій въ поданномъ Намъ прошеніи писалъ, что онъ, по смерти брата своего покойнаго генерала-фельдмаршала графа Алексѣя Разумовскаго, ступя по законному праву въ наслѣдство всего движимаго и недвижимаго его имѣнія, нашелъ, что на всѣ жалованныя ему отъ любезнѣйшей Нашей тетки, блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны волости и деревни, въ Великой Россіи находящіяся, жалованныхъ грамотъ ему дано не было; а на Аничковскій его домъ и никакого имяннаго указа нѣтъ, на Цесаревинскій же хотя и есть, но только словесный, записанный въ бывшей собственной канцеляріи тогдашнимъ оной канцеляріи присутствующимъ, и просилъ о пожалованіи ему на помянутыя вотчины грамоть, что же до обоихъ домовъ касается, то предалъ въ наше благоволеніе. А какъ воля любезнѣйшей Государыни, тетки Нашей Намъ не токмо была извѣстна, но Мы и сами при томъ были, когда она покойному графу Алексѣю Разумовскому Аничковской домъ пожаловала, то Мы, почитая свято Ея соизволеніе, нынѣ утверждаемъ пожалованіе въ родъ его неотъемлемо какъ Аничковскаго, такъ Цесаревинскаго домовъ и всего того, что блаженныя памяти Государыня тетка Наша оному покойному фельдмаршалу пожаловала, и въ слѣдствіе сего Наше Императорское Величество по Самодержавной Нашей Императорской власти, силою сей Нашей жалованной грамоты, ему генералу-фельдмаршалу графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому въ его наслѣдство вышеписанныя вотчины со всѣми къ нимъ вышеупомянутыми принадлежностями, также Крестовской Островъ, Приморской дворъ, Аничковской и Цесаревинской домы всемилостивѣйше утверждаемъ и оные ему, наслѣдникамъ и потомкамъ его продать, заложить и во всякія крѣпости по правамъ укрѣпить позволяемъ, повелѣвая при томъ всѣмъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ, его, графа, и потомковъ его не только въ спокойномъ владѣніи и пользованіи оными вотчинами, островомъ и домами содержать, но и никакого препятствія въ томъ не чинить, паче же въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ надлежащими мѣрами защищать и охранять. Для вящшего же утвержденія всего того Всемилостивѣйше пожалованнаго на вѣчное обезпрепятственное ему, графу, и потомкамъ его владѣніе сія Наша Императорская жалованная грамота за подписаніемъ собственныя Нашея руки и съ приложеніемъ Государственныя Нашея печати дана въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ семьдесятъ девятаго года декабря въ пятый день, царствованія Нашего въ осьмое-на-десять лѣто.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

(Изъ архива автора).

XI.

РЯДНАЯ ГРАФИНИ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЗУМОВСКОЙ, РОЖДЕННОЙ НАРЫШКИНОЙ.

Реэстръ что пожаловано въ приданое Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

Робной уборъ и къ нему фантанш.
Три убора самарныхъ кружевныхъ.
Круглые манжеты кружевные съ воротомъ.
Двѣ дюжины каморточныхъ манжетъ круглыхъ.
Къ постели шафорокъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый корсетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый колпакъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Подвязной карнетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Шесть карнетъ ночныхъ, подвязныхъ, батистовыхъ, съ бѣлымъ кружевомъ.
Каморточное покрывало на подушки съ кружевомъ.
Каморточное покрывало на нахтышъ съ кружевомъ.
Одна перемѣна батистовая на подушки съ кружевомъ.
Двѣнадцать паръ мужскихъ манжетъ.
Двѣ дюжины шитыхъ мужскихъ манжетъ.
Четыре галстука мужскихъ кружевныхъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ галстуковъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ платковъ.
Двѣ дюжины кисейныхъ платковъ.
Четыре платка по кисеѣ шитые.
Одна дюжина шелковыхъ платковъ.
Двѣ дюжины бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ.
Двѣ дюжины башмаковъ.
Три дюжины мужскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ валендорскихъ рубашекъ.
Двѣ перемѣны голландскихъ на постелю.
Шесть перемѣнъ валендорскихъ на постелю.
Три дюжины полотенецъ.
Двѣ скатерти большихъ и къ нимъ надлежитъ четыре дюжины салфетокъ.
Шесть скатертей и къ нимъ шесть дюжинъ салфетокъ.
Большой сундукъ на платья коженный.
Другой сундукъ на бѣлье обитъ камкою съ позументомъ.
Ларецъ на башмаки обитъ камкою съ позументомъ.
Умывальный ларецъ обитъ бархатомъ и съ позументомъ.

(Изъ Государственнаго архива).

плачены были. При томъ показанному Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его не токмо вышеобъявленными маетностями со всѣми къ нимъ принадлежностьми пользоваться Всемилостивѣйше повелѣваемъ, но и всѣхъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ, накрѣпко подтверждаемъ въ спокойномъ владѣніи ими никакого ему, дѣтямъ его и потомству препятствія не чинить, а въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ всякими мѣрами защищать и охранять, во утвержденіе же всего вышеписаннаго Мы сію Нашу Императорскую жалованную грамоту Нашею собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дана въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта тысяча семь сотъ восемьдесятъ втораго, генваря седьмаго дня, Государствованія Нашего двадесятаго года.

Подлинная подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: **Екатерина.**

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

VII.

ГРАМОТА НА ДЕРЕВНИ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОКОЙНАГО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и пр. и пр. (полный титулъ).

Объявляемъ чрезъ сіе, что Вселюбезнѣйшая Наша тетка блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна именными своими указами 1742 году, сенату данными, Всемилостивѣйше пожаловала покойному генералу-фельдмаршалу и кавалеру графу Алексѣю Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе: первымъ, іюня отъ 30-го дня изъ описныхъ послѣ бывшаго фельдмаршала Миниха въ Малой Россіи вотчинъ въ городѣ Носовкѣ, да въ селѣ Адамовкѣ, что за нимъ, Минихомъ, имѣлось во владѣніи дворового числа и съ подданными обывателями и съ имѣющимися къ тому владѣнію въ городѣ Носовкѣ на рѣкѣ Вербѣ хуторами и съ принадлежащею къ тѣмъ вотчинамъ и хуторамъ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи и съ винокурнями и съ скотными заводами и припасы, что тогда имѣлось на лицо и со всѣми къ тѣмъ вотчинамъ принадлежностьми и шинками; да въ селѣ Козарахъ владѣнія его жъ, Миниха, на рѣкѣ Острѣ мельницы, что оныхъ во владѣніи за нимъ же, Минихомъ, имѣлось. Вторымъ: августа отъ 27-го дня Малороссійскія волости, мѣстечко Ропскъ и мѣстечко Воклань съ принадлежащими къ нимъ селы и деревнями, съ людьми и со крестьяни, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и со всякими заводы и мельницами и со скотомъ и со всякимъ строеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, какъ оные въ отдачѣ были покойному дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Неплюеву, не оставляя ничего. Третьимъ: апрѣля отъ 30 дня 1743 года изъ маетностей, которыя конфискованы у бывшаго генералъ-фельдмаршала Миниха, состоящія въ Малой же Россіи въ полку Полтавскомъ: слободу Орликъ, слободу Карловку,

обрѣтаются въ домѣ Екатерины Ивановны умершаго ея человѣка Крупицкаго у жены его, а что при описи явится золотыхъ, серебряныхъ и алмазныхъ вещей и каменьевъ, то отправить сюда, а прочее кромѣ того отдать на руки по новой описи служителямъ Екатерины Ивановны и графа Кирилы Григорьевича.

Въ 18 день октября 1746 г.

II.

Вѣдомость, сообщенная гофмаршаломъ Нарышкинымъ.

За Иваномъ Львовичемъ по раздѣлу въ 1732 году Генваря дня съ братомъ Его Александромъ Львовичемъ и по учиненнымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ записямъ въ разныхъ уѣздахъ должно быть недвижимаго имѣнія и въ немъ по подушной переписи мужскаго полу душъ.

Крестьянскихъ	15,688
Да оставшихся за тѣмъ раздѣломъ общихъ	1,342
Изъ которыхъ Ивану Львовичу надлежитъ быть половина.	671
Итого съ нераздѣльными.	16,359
Дворовыхъ людей раздѣльныхъ	55
Да общихъ дворовыхъ же людей.	276
Изъ оныхъ Ивану Львовичу половина.	138
Всего крестьянъ и дворовыхъ	16,552.

Движимому ихъ Александра и Ивана Львовичей всему имѣнію учинены при жизни ихъ росписанія, по которымъ и раздѣлъ былъ учиненъ, а что кому досталось, такого росписанія не имѣется и гдѣ оное нынѣ находится то неизвѣстно, токмо оному росписанію должно быть, повидимому, въ домѣ Александра Львовича, потому что всѣ важныя крѣпости и описи дѣйствительно находятся въ его домѣ.

Изъ оныхъ одной подлинной записи, которой надлежало быть при домѣ Ивана Львовича, на лицо не имѣется, а токмо имѣется копія, а какъ ниже сего значитъ, оной подлинной записи съ прочими крѣпостьми надлежитъ быть при домѣ покойнаго Александра Львовича.

По объявленнымъ записямъ записано общихъ крестьянъ и людей, росписавъ, раздѣлить впредь, а тѣ дворовые люди въ ту прежнюю перепись въ подушномъ окладѣ написаны въ разныхъ вотчинахъ и подушные за нихъ деньги платятся пополамъ, а тѣмъ людямъ хотя точнаго раздѣлу и нѣтъ, однакоже по домовому росписанію, которые отдѣлены на половину Ивана Львовича, тѣмъ жалованье и хлѣбъ давался изъ дому его съ 732 года почему и по нынѣ берутъ сполна.

Кромѣ малолѣтныхъ, которыхъ тогда въ подушный окладъ числить не велѣно.

А по кончинѣ Ивана Львовича движимаго его имѣнія сколько осталось, то видѣть можно изъ учиненныхъ описей:

1) въ 734 году Августа 7 дня камеръ-геромъ Михайломъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ и служителемъ Лукою Ивановымъ съ товарищи, которая опись въ 736 году послана въ С.-Петербургъ къ Александру Львовичу, съ нея оставлена копія;

2) въ 742 году Декабря дня служительми онымъ же Лукою Ивановымъ и Михайломъ Крупицкимъ съ товарищи по приказу Александра Львовича, которая имѣется за руками ихъ на лицо.

Сія вѣдомость сообщена отъ гофъ-маршала Г. Нарышкина въ 14 день Октября 1746.

VIII.

ПРОШЕНІЕ ГРАФА К. Г. РАЗУМОВСКАГО КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-ОЙ О РАЗДѢЛѢ ИМѢНІЯ.

Всемилостивѣйшая Государыня. Когда всемилостивѣйше снисходя на прошеніе многихъ своихъ вѣрноподданныхъ Высочайше соизволили утвердить просьбы о раздѣлѣ имѣнія между дѣтьми ихъ, то и я, слѣдуя симъ примѣрамъ, повергаю себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Высочайшей конфирмаціи на нижеслѣдующее мое распредѣленіе: имѣю я дѣтей, рожденныхъ съ покойною женою моей Катериной Ивановой роду Нарышкиныхъ, сыновей графовъ: Алексѣя, Петра, Андрея, Льва, Григорія, Ивана, графинь: Наталью, что нынѣ за Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ, Елисавету, что за графомъ Петромъ Федоровичемъ Апраксинымъ, Анну, что за Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ, Прасковью, что за Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ; и хотя въ разсужденіи ихъ нынѣшней дружбы между собою и братской любви не сомнѣваюсь, что оная всегда и при раздѣлѣ наслѣдія ихъ продолжится; но какъ часто непредвидимыми случаями иногда любовь братская, изскакнувъ, и между единокровными обращается въ ссоры и несогласіе, а чрезъ то и раздѣлъ послѣ родителей продолжается нѣсколько лѣтъ и кончится рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ, но ненависть и неудовольствіе между ими продолжается до гроба, а иногда переходитъ и къ дѣтямъ ихъ.

Для предупрежденія сего, а болѣе, что нѣкоторые изъ сыновей, пришедъ въ совершенный возрастъ, могутъ и сами управлять своимъ имѣніемъ, раздѣляю на шесть частей все находящееся въ Великороссійскихъ губерніяхъ имѣніе, которое есть двоякаго роду: одно родовое по матери ихъ, законно ей и дѣтямъ моимъ принадлежащее, другое собственное мое, также въ Великороссіи, дошедшее до меня унаслѣдіе отъ покойнаго брата моего роднаго, генералъ-фельдмаршала графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, единственно мнѣ яко ближайшему по крови наслѣднику, принадлежащее; для того оба сіи недвижимыя имѣнія, какъ покойной жены моей, такъ и дошедшее ко мнѣ отъ брата моего, не только ни въ чемъ не умаленное, но еще присовокупленное, всѣ безъ остатка совокупляю вмѣстѣ и, располагая на равныя части, отдаю какъ мое имѣніе все то, что Высочайшими именными указами брату моему графу Алексѣю Григорьевичу пожаловано, равно и покойной матери ихъ графини Катеринѣ Ивановнѣ со описанными въ жалованныхъ грамотахъ и отказныхъ книгахъ принадлежностными, также и пріобрѣтенныя по купчимъ, закладнымъ, раздѣльнымъ записямъ законно утвержденнымъ; и хотя въ одной части число душъ умножено, въ другой уменьшено; но сіе сдѣлано мною единственно во уваженіе состоянія разнаго качества деревень, въ которыхъ одни выгоды замѣнены другими, да сверхъ же того не число душъ, но прилежное вниманіе за экономіею и умѣренная жизнь умножаетъ имѣніе и сдѣлаетъ сей раздѣлъ безобиднымъ. Изъ имѣнія покойной жены моей во владѣніе и распоряженіе вмѣсто седьмой части оставляю себѣ село Троицкое съ присудными деревнями, село Петровское и Черкизово также съ деревнями и подмосковное село Поливаново съ деревнями. Всего тысячу семь сотъ шестьде-

обрѣтаются въ домѣ Екатерины Ивановны умершаго ея человѣка Крупицкаго у жены его, а что при описи явится золотыхъ, серебряныхъ и алмазныхъ вещей и каменьевъ, то отправить сюда, а прочее кромѣ того отдать на руки по новой описи служителямъ Екатерины Ивановны и графа Кирилы Григорьевича.

Въ 18 день октября 1746 г.

II.

Вѣдомость, сообщенная гофмаршаломъ Нарышкинымъ.

За Иваномъ Львовичемъ по раздѣлу въ 1732 году Генваря дня съ братомъ Его Александромъ Львовичемъ и по учиненнымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ записямъ въ разныхъ уѣздахъ должно быть недвижимаго имѣнія и въ немъ по подушной переписи мужскаго полу душъ.

Крестьянскихъ	15,688
Да оставшихся за тѣмъ раздѣломъ общихъ	1,342
Изъ которыхъ Ивану Львовичу надлежитъ быть половина.	671
Итого съ нераздѣльными.	16,359
Дворовыхъ людей раздѣльныхъ	55
Да общихъ дворовыхъ же людей.	276
Изъ оныхъ Ивану Львовичу половина.	138
Всего крестьянъ и дворовыхъ	16,552.

Движимому ихъ Александра и Ивана Львовичей всему имѣнію учинены при жизни ихъ росписанія, по которымъ и раздѣлъ былъ учиненъ, а что кому досталось, такого росписанія не имѣется и гдѣ оное нынѣ находится то неизвѣстно, токмо оному росписанію должно быть, повидимому, въ домѣ Александра Львовича, потому что всѣ важныя крѣпости и описи дѣйствительно находятся въ его домѣ.

Изъ оныхъ одной подлинной записи, которой надлежало быть при домѣ Ивана Львовича, на лицо не имѣется, а токмо имѣется копія, а какъ ниже сего значитъ, оной подлинной записи съ прочими крѣпостьми надлежитъ быть при домѣ покойнаго Александра Львовича.

По объявленнымъ записямъ записано общихъ крестьянъ и людей, росписавъ, раздѣлить впредь, а тѣ дворовые люди въ ту прежнюю перепись въ подушномъ окладѣ написаны въ разныхъ вотчинахъ и подушные за нихъ деньги платятся пополамъ, а тѣмъ людямъ хотя точнаго раздѣлу и нѣтъ, однакоже по домовому росписанію, которые отдѣлены на половину Ивана Львовича, тѣмъ жалованье и хлѣбъ давался изъ дому его съ 732 года почему и по нынѣ берутъ сполна.

Кромѣ малолѣтныхъ, которыхъ тогда въ подушный окладъ числить не велѣно.

А по кончинѣ Ивана Львовича движимаго его имѣнія сколько осталось, то видѣть можно изъ учиненныхъ описей:

1) въ 734 году Августа 7 дня камеръ-геромъ Михайломъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ и служителемъ Лукою Ивановымъ съ товарищи, которая опись въ 736 году послана въ С.-Петербургъ къ Александру Львовичу, съ нея оставлена копія;

2) въ 742 году Декабря дня служительми онымъ же Лукою Ивановымъ и Михайломъ Крупицкимъ съ товарищи по приказу Александра Львовича, которая имѣется за руками ихъ на лицо.

Сія вѣдомость сообщена отъ гофъ-маршала Г. Нарышкина въ 14 день Октября 1746.

графу Алексѣю Григорьевичу и при немъ деревня Коркулъ	60	
Итого . . .	6244	Сверхъ пропорціональнаго числа 6-ть душъ.
На 2-ю часть — графу Петру:		
Крестовскій островъ	31	
Псковскаго намѣстничества, Зубковская волость	2616	
Опочецкаго уѣзда, Опочецкая волость .	3317	
Гостилицкой мызы, деревня Сокулъ, большое и меньшое, и Осено	288	
Приморская Васильевская мыза, что называется Знаменскою.	42	
Итого . . .	6294	Сверхъ пропорціональныхъ число излишнихъ 54 души.
На 3-ю часть — графу Андрею:		
Подмосковное село Троицкое съ деревнями	649	
Санктъ-Петербургской губерніи, Ямбургскаго уѣзда, изъ принадлежащихъ къ Греевой мызѣ селъ и деревень, изъ 1580 душъ половинное число къ однимъ мѣстамъ	510	
Псковскаго намѣстничества, Островскаго уѣзда волости Старовысицкое.	1003	
Немоевская	1690	
Володимерская	1285	
Выборгская	1106	
Итого . . .	6233	Сверхъ пропорціональнаго числа недостаетъ 6 душъ.
На 4-ю часть—графу Льву:		
Подмосковное село Петровское. . . .	107	
Можайскія три волости съ присудными къ нимъ деревнями.	3088	
Епифанскихъ.	717	
Санктъ-Петербургской губерніи Ораніенбаумскаго уѣзда, Греева мыза, съ присудными къ ней селы и деревнями.	1797	
Да Ямбургскаго уѣзда съ принадлежащихъ къ Греевой же мызѣ селъ и деревень, изъ 1580 душъ въ одномъ мѣстѣ.	512	
Итого . . .	6221	Недостаетъ 17 душъ.
На 5-ю часть — графу Григорію:		
Саратовскаго намѣстничества, Аткарской округи, въ деревняхъ Двоенкѣ и Каменкѣ	378	

Въ Малороссійской Алексѣевской слободѣ Малороссіянъ	604	
Московской губерніи, Воскресенской округи, село Черкизово съ деревнями . . .	629	
Псковскаго намѣстничества и того же уѣзда, волости: Рюская, Рюсицкая, Чирская, Погостицкая, Придаицкая, село Ноготь, въ коихъ съ волостью Корельскою	1978	
Опочецкаго уѣзда, Красногородская волость	584	
Санктъ-Петербургской губерніи, Драми, Ямбургскаго уѣзда Гостилицкая мыза съ присудными къ ней однимъ селомъ и семью деревнями	1666	
Да Ямбургскаго уѣзда деревня Рудаково, Вокносово, Пилово, Глубокое	569	
Итого . . .	6407	Сверхъ пропорціональнаго числа 178 душъ.
На 6-ю часть — графу Ивану:		
Тамбовскаго намѣстничества, Шацкаго уѣзда, Тарадейской, Неурской присуды . .	4882	
При томъ винокуренный заводъ.		
Новоприкупаемое село Федосово. . . .	140	
Подмосковное село Поливаново съ деревнями	485	
Санктъ-Петербургской губерніи, приморская дача, называемая Шуваловская, купленная въ 771-мъ году и при ней деревня Погозы	86	
Псковскаго намѣстничества и того же уѣзда Пруцкая волость	440	
Итого	6033	Недостаетъ 211 душъ; но заводъ винокуренный сіе замѣняетъ.
А всего . .	37482	

сверхъ вышеписаннаго имѣнія отдано мною дочерямъ моимъ въ приданое по 2000 душъ слишкомъ по третьей ревизіи, а по нынѣшней реалею болѣе.

Именно.

1-й — Натальѣ Загряжской.

Московской губерніи Дмитровскаго уѣзда селы Пересвѣтово и Федоровское, съ присудными къ нимъ деревнями, въ которыхъ по бывшей 3-й ревизіи	646
Симбирскаго уѣзда, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества Вольской и Фали-	

всеподданнѣйшемъ моемъ доношеніи и алмазныя и золотыя и серебряныя вещи и прочіе каменья В. И. В. отправлены будутъ.

Декабря 22 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

5.

Что В. И. В. по Высочайшему указу бывшей фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, а нынѣ штатсъ-дамы, дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго супруги, въ Москвѣ движимому имѣнію опись окончена, о томъ В. И. В. отъ меня въ 746 году Декабря 22 всеподданнѣйше рабски донесено.

Нынѣ о показанномъ имѣніи вновь учиненную за моею и при мнѣ бывшихъ камеръ-коллегіи вице-президента князя Михайла Шаховскаго, да мануфактуръ-коллегіи совѣтника князя Ивана Одоевскаго за руками, опись, да въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненную за руками же Александра Львовича Нарышкина служителей Луки Иванова, Василія Гришоловскаго да Ивана Львовича Нарышкина служителя Григорья Нѣмчинова найденную опись, о которой 746 года Декабря 22-го В. И. В. я всеподданнѣйше рабски доносилъ, а для чего отправленныя въ С.-Петербургъ (съ прежнею подлинною описью) копіи несходны явились, о томъ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской отъ служителя Петра Ашиткова со взятой сказки точную копію при семъ В. И. В. всеподданнѣйше рабски подношу, а таковая жъ точная новая опись и по ней всѣ вещи въ Москвѣ въ домѣ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны служителемъ Артамону Шульгину да Петру Ашиткову съ росписки отдана, а каменья и золото и серебро съ нарочнымъ офицеромъ безъ всякаго замедленія въ С.-Петербургъ отправлено быть.

Генваря 8 дня 1747 года,
въ Москвѣ.

6.

В. И. В. сего года Генваря отъ 24 за высокодержавною рукою по Высочайшему именному указу штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ Москвѣ оставшему по описи имѣнію изъ Московскаго магистрата взятыми цѣновщиками оцѣнка учинена и цѣновную опись цѣновщиковъ за руками при семъ В. И. В. всеподданнѣйше подношу, а такова-жъ за руками тѣхъ же цѣновщиковъ цѣновная опись въ Москвѣ предписанной же штатсъ-же дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ домѣ управителю отдана будетъ, понеже оный управитель нынѣ отъ Москвы въ отлучкѣ въ Смоленскѣ имѣется.

IV.

Раздѣльный актъ между братьями Нарышкиными.

Лѣта тысяща седмьсотъ тридесятъ втораго Генваря 31 дня тайный совѣтникъ и камеръ-коллегіи президентъ Александръ Львовичъ сынъ Нарышкинъ съ братомъ [illegible] родными отъ флота капитаномъ Иваномъ Львовичемъ сы-

4-й — Прасковьѣ Гудовичевой: Владимерскаго намѣстничества, Муромскаго уѣзда, Новосельская треть съ присудными къ нему пятью селами и двѣнадцатью деревнями, въ которыхъ по 3-й ревизіи было	1948
Да изъ Вяжской трети Заидонская слобода по третьей же ревизіи было	52
Итого.	2000

Изъ того числа нѣкоторые дворовые люди изъ отдачи исключены.

У подлиннаго раздѣла рука приложена: Тако сей раздѣлъ учинилъ я, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Кирилла Разумовскій.

По листамъ скрѣпилъ секретарь Иванъ Шлетъ, Прапорщикъ Петръ Волчанецкій.

(Изъ архива автора).

IX.

ИЗВѢСТІЕ ДОМУ ФАМИЛІЙ ЕГО ГРАФСКАГО СІЯТЕЛЬСТВА, ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА, СЕНАТОРА И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА, ГРАФА КИРИЛЫ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКАГО.

Рождѣніе. Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Имена.	Тезоименитства. Мѣсяцы.	Числа.
1728	Марта	18	Графъ Кирила Григорьевичъ	Марта	18
1731	Маія	11	Графиня Екатерина Ивановна. . . . Преставилась 1771 года Іюля 22 числа.	Ноября	24
			Дѣти ихъ Сіятельствъ:		
1747	Сентябр.	5	Графиня Наталья Кириловна	Августа	26
1748	Сентябр.	12	Графъ Алексѣй Кириловичъ	Марта	17
1749	Декабря	15	Графиня Елисаветъ Кириловна . . .	Сентябр.	5
1751	Генваря	15	Графъ Петръ Кириловичъ	Генваря	16
1752	Октября	22	Графъ Андрей Кириловичъ	Ноября	30
1753	Октября	»	Графиня Дарья Кириловна . . . . . Преставилась 1762 года Іюля 25 числа въ Москвѣ.	Марта	19
1754	Декабря	1	Графиня Анна Кириловна	Декабря	9
1755	Декабря	12	Графиня Прасковья Кириловна . . .	Октября	28
1757	Генваря	8	Графъ Левъ Кириловичъ	Февраля	20
1759	Ноября	10	Графъ Григорій Кириловичъ	Ноября	17
1761	Августа	6	Графъ Иванъ Кириловичъ	Генваря	7

(Изъ архива князя Н. В. Репнина).

X.

РЯДНАЯ ГРАФИНИ ЕВДОКІИ ДАНИЛОВНЫ БЕСТУЖЕВОЙ-РЮМИНОЙ, РОЖДЕННОЙ РАЗУМОВСКОЙ.

Роспись рядная приданому что дано двора Ея Императорскаго Величества за камеръ фрейлиною Авдотьею Денисовною (sic) Разумовской отъ дяди ея Ея Императорскаго Величества оберъ егеръ-мейстера дѣйствительнаго камергера и лейбъ-компаніи капитана-поручика и кавалера графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ награжденіе Ея ж Императорскаго Величества камеръ-юнкеру графу Андрею Алексѣевичу Бестужеву-Рюмину. А именно:

Святыхъ иконъ:

Образъ Спаса Вседержителя, окладъ, риза и поля, чеканный золотой вѣнецъ и около средняго поля осыпано жемчугомъ крупнымъ, угловатымъ, счетомъ сто девяносто два зерна; въ вѣнцѣ два изумруда и два лалика на полѣ; на углу одинъ яхонтъ большой.

Образъ преподобныя Евдокіи, окладъ на всей дскѣ накладной, серебряный, чеканный, вызолоченъ.

Образъ преподобнаго Нила Столбенскаго, окладъ, поля и риза серебряные, чеканные, вызолочены.

Алмазныхъ вещей (не означено).

Серебра бѣлаго въ посудѣ.

	Фунты.	Золотники.	Рубли.
Чайникъ большой съ канеоромъ и съ доскою .	8	82	
Чайникъ меньшой съ канеоромъ безъ лампады съ доскою	6	62	
Чайникъ малый, безъ канеора	1	67	
Кофейникъ большой	3	29	
Молошникъ на ножкахъ	2	18½	
Сахарница фляжкою, съ крышкою на полнерѣ .	1	2	
12 ложечекъ чайныхъ съ пріемцы сахарными .		45¼	
4 шандана столовые и одни щипцы съ дощечкою.	7	87	
Итого	32	8¾	767

Серебра жъ подъ золотомъ — въ туалетѣ.

	Фунты.	Золотники.	Рубли.
8 ларчиковъ большихъ и малыхъ, 1 съ подушкою на булавки, 1 рукомойникъ съ лаханью, 2 тарелочки на уборы, 2 шандана, 1 щипцы съ дощечкою, 1 фляжка круглая съ крюкомъ, 1 зеркало большое, съ рамами, вѣсу . .	44	12½	
Совсѣмъ состоитъ въ цѣнѣ	—	—	2,130
Денегъ рублевой монеты	—	—	15,000

упоминалось. А въ Шацкой уѣздъ въ вышеписанныя села и деревни по сему нашему раздѣлу послать намъ для осмотру отъ себя людей нашихъ и велѣть имъ по свидѣтельству въ вѣрность наличныхъ крестьянъ мужескъ полъ переписать; уравнять тѣ села наличными душами въ равенство, по подушному окладу и по исполненію наличнаго дворового числа душъ, въ тѣхъ Шацкихъ селахъ; по тому-жъ учинить управленіе и въ землѣ по писцовымъ книгамъ, чтобъ оба жеребья и въ пашенной землѣ по сему росписанію нашему на обѣ половины всѣмъ уравнительны были: какъ душами, такъ и пашенными землями и сѣнными покосы по-сельно и по-деревенно, къ которому селу и деревни написаны по писцовымъ книгамъ и подушной переписи, чтобъ села и деревни по росписанію нашему добротою крестьяне были равны и къ смежеству, а которые крестьяне вновь изъ Шацкихъ нашихъ старыхъ селъ выпущены по нашему исполненію на новыя слободы, а другіе крестьяне и собою вышли, послѣ подушной переписи, и тѣхъ вновь же переписать по именамъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ пожитки и, уравняя худаго съ добрымъ, раздѣлить пополамъ и по усмотрѣнію раздѣлу, которые надлежитъ вывесть въ старые села или кто пожелаетъ для лучшей пользы—въ тѣхъ новыхъ поселкахъ оставить и тѣхъ. Раздѣлять по тому-жъ пополамъ цѣльными поселками и тому учинить особливое росписаніе равными жеребьи, а которые крестьяне бѣжали или собою вышли изъ моихъ, Александровыхъ, собственныхъ вотчинъ, а именно изъ Соломенской волости и тѣхъ взять мнѣ, Александру, а изъ двухъ жеребьевъ, что справлено за мною, по дачамъ послѣ сестръ, а нынѣ при свидѣтельствѣ раздѣленія посланными людьми сыщутся по вышеписанному росписанію въ его, Ивановыхъ, въ деревняхъ, и тѣмъ быть въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ оные явятся. А буде въ общихъ вотчинахъ, а именно въ Симбирской и Пензенской и въ Шацкихъ новыхъ посёлкахъ явятся, изъ тѣхъ же двухъ жеребьевъ и тѣхъ крестьянъ мнѣ, Александру, вывесть на прежнее жилище всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые въ общихъ оныхъ вотчинахъ написаны въ подушномъ окладѣ. А земля въ Пензенскомъ уѣздѣ моей, Александровой, собственной дачи тую землю въ раздѣлъ не класть, а токмо поселенныхъ на той землѣ общихъ крестьянъ отдать мнѣ, Александру, въ зачетъ раздѣлу, а ему, Ивану, наполнить крестьянъ въ Симбирской вотчинѣ тѣмъ же числомъ, сколько въ той Пензенской мужеска полу душъ отставлено будетъ такимижъ крестьяны и такимъ заводомъ. А земли въ Симбирской вотчинѣ раздѣлить пополамъ, а которые за мною, Александромъ, послѣ сестръ и что по дачамъ особливо имѣется справлено, въ томъ числѣ и Соломенскіе заводы, а владѣли мы обще и доходы получали, потомъ по сей нашей полюбовной раздѣльной записи намъ и по насъ наслѣдникомъ нашимъ ни о какихъ съ тѣхъ заводовъ и другихъ моихъ, Александровыхъ, вотчинъ доходахъ на него, Ивана, не бить челомъ и при допросѣ намъ ни въ чемъ не спорить. А Московскіе наши дворы: что на Арбатской улицѣ каменной Ириниской и при немъ съ прикупными дворовыми мѣстами и загородной Пресвинскій мнѣ, Александру, а ему, Ивану: каменной же новой дворъ, что слыветъ Романовъ, а къ нему прибавить мнѣ, Александру, ему, Ивану, денегъ три тысячи шестьсотъ рублевъ, да загородный дворъ, что на Дѣвичьемъ полѣ, а загородные-жъ дворы что на Крымскомъ броду и другой въ Земляномъ городѣ межъ Остоженки и Пречистенской улицъ, оные равною мѣрою раздѣлить пополамъ и которыя прикупныя дворовыя мѣста при новомъ дворѣ, что слыветъ Романовъ оными быть при томъ дворѣ, которыми владѣть намъ по сему раздѣлу, въ межахъ, по дачамъ нашимъ и по крѣпостнымъ. А которой нашъ домъ на Чистомъ Пруду въ приходѣ церкви Архангела Гавріила каменный и

оный дворъ продать намъ обще, или кто по оцѣнкѣ пожелаетъ взять себѣ, тому заплатить половину цѣны. А которое есть въ Московскихъ домахъ и въ раздѣленныхъ нашихъ Подмосковныхъ и другихъ вотчинахъ общее движимое, а именно: лошади, всякая скотина и пчёлы ульями и птицы и хлѣбъ столчій и молоченой и посуда мѣдная и чугунная всякая, что явится того движимаго на лицо, оное всѣ посланнымъ нашимъ людямъ, уровняя худое съ добрымъ, съ жеребья раздѣлить пополамъ, такимъ же образомъ, какъ мы другое свое движимое имѣніе сами имѣющееся при себѣ раздѣлили, и впредь намъ, Александру и Ивану, и женамъ нашимъ и дѣтямъ и наслѣдникамъ о всемъ движимомъ другъ на друга по раздѣлѣ не бить челомъ. А которые наши дворы имѣются въ разныхъ городахъ отъ вотчинъ для постою и житья вотчинныхъ крестьянъ, а въ тѣхъ уѣздахъ будутъ у обоихъ насъ вотчины и тѣмъ дворамъ быть за нами общимъ. А которые крестьяне до сей нашей раздѣльной записи и до подушной переписи вошли въ которой жеребій въ зятья или какими другими раздѣлы перешли изъ котораго жеребья въ другой жеребій и живутъ дворами или вдовы и дѣвки вышли въ замужство, и тѣмъ быть въ тѣхъ жеребьяхъ, кто гдѣ нынѣ живетъ. И подушныя деньги платить по раздѣленіи и по переписи всякому за свой жеребій за умершихъ и вывозныхъ и которые отданы въ солдаты и помѣщикомъ вывезены и безвѣстно бѣжали, кромѣ Шацкихъ вотчинъ. А въ Шацкихъ вотчинахъ, которые крестьяне бѣжали изъ тѣхъ вотчинъ изъ подушнаго окладу и явятся въ новыхъ посёлкахъ и тѣмъ крестьянамъ подушный платежъ платить въ тѣ села, изъ которыхъ они выбѣжали, а которые бѣжали безвѣстно и въ тѣхъ новыхъ поселкахъ ихъ не явится, и за тѣхъ платить пополамъ тѣми жъ селы и поселки, а буде послѣ сего нашего раздѣла нынѣ явятся по свидѣтельству нашему, въ которомъ жеребью чьи бѣглые люди и крестьяне и по изысканію помѣщиковъ взяты будутъ съ пожилыми годами, и за тѣхъ взятыхъ бѣглыхъ крестьянъ жилыми душами отдать изъ цѣлаго жеребья въ тотъ жеребій, у котораго возьмутъ половину, равнымъ числомъ, душами мужеска и женска полу. А пожилыя деньги и подушной окладъ за вывозныхъ крестьянъ платить пополамъ, а которые послѣ сего раздѣлу бѣглые крестьяне явятся въ пріемѣ въ чьемъ жеребью или кто нынѣ, раздѣля бѣглыхъ, не осмотритъ и вонъ не вышлетъ до седмьсотъ тридесятъ третьяго году, и за тѣхъ съ онаго году платить намъ самимъ каждому по вотчинѣ, у кого гдѣ явятся. А буде изъ которыхъ жеребьевъ указомъ Е. И. В. что взято будетъ, и отдано кому въ какое наслѣдство или другимъ какимъ образомъ что отъ кого отойдетъ, и за оное отданье дать тому, у кого отойдетъ толикое жъ число дворами и душами мужеска и женска полу изъ своего жеребья половину, въ томъ же уѣздѣ, въ которомъ взято будетъ. И буде какое и владѣніе и денежный платежъ взыщется, такожъ по исповымъ дѣламъ, которые до сего раздѣлу зачаты и впредь явится челобитье по общему нашему владѣнію, кому обвинены будутъ, и тѣ иски и владѣнье и денежный платежъ платить пополамъ же. А буде по нашему изысканію вотчинные наши крестьяне изъ бѣговъ сысканы будутъ или которые нынѣ изъ бѣговъ сысканы, а бѣжали до сего раздѣлу и надлежитъ за тѣхъ бѣглецовъ съ кого помѣщиковъ взять пожилыя деньги или какіе по половинѣ иски и вычеты, и тѣмъ деньгамъ взятье имѣть и раздѣлить пополамъ. А буде впредь въ чемъ какіе вотчинные посторонніе споры будутъ или нынѣ имѣются и по тѣмъ спорамъ имѣть общее стараніе. А которые общіе наши долги имѣются на насъ по росписи, которые за нашими руками и тѣ долги заплатить намъ пополамъ. А что еще имѣется на насъ долгу въ военной коллегіи тринадцать тысячъ рублевъ, которые мы занимали обще

на покупку С.-Петербургскаго двора и о зачетѣ ихъ имѣется прошеніе въ Артилеріи, и тѣ деньги намъ росписать такимъ образомъ, которыя до 705 году явятся за взятые припасы съ заводовъ желѣзныхъ и тѣ всѣ деньги взять намъ обще пополамъ, а которые взятые припасы явятся послѣ 705 году, за тѣ припасы деньги ежели ихъ явится съ онаго года суммою больше тринадцати тысячъ и тѣ деньги зачесть отъ меня, Александра, одного за С.-Петербургскій дворъ и тотъ дворъ взять мнѣ, Александру, нынѣ себѣ, а ему, Ивану, дѣла нѣтъ, а буде послѣ 705 году въ Артилеріи ко взятью будетъ меньше тринадцати тысячъ и тѣ деньги сколько не достанетъ въ тою сумму за тотъ дворъ доплатить мнѣ, Александру, ему, Ивану. А буде на вышеписанныя заемныя деньги взысканы будутъ проценты и тѣ платить пополамъ, а до котораго числа оныя деньги мнѣ, Александру, не зачтены будутъ тому Петербургскому двору числятся обще, а двору, что на рѣчкѣ Фонтанкѣ, по сему раздѣлу быть за мною, Александромъ, за однимъ.

И людей своихъ общихъ мы раздѣлили-жъ, а именно: мнѣ, Александру, Луку Иванова, Андрея Иванова сына Турчанинова, Василья Гришоловскаго, Якова Братова, Гаврила Забѣлина, Якова Рубцова, Клима Андреева, Макара Горянинова, Ивана Долгинина, Петра Крылова, Юрья Бахтѣева, Кондратья Грекова, Ивана Климова, Савву Евреинова, Федора Афросимова, Василья Сингирея, Ипата Наумова, Алексѣя Беклемишева, Семена Мошкова, Александра Курціезова, Андрея Андреева сына Турченина, Ивана Рубцева, Михайлу Турченина, Бориса Друганова, Ивана Колосова, Петра Мошкова, Сергѣя Друганова, Алексѣя Филипова, Михайла Колосова, Алексѣя Колосова, Ивана Троицкаго, Алексѣя Михайлова, Ивана Кольчугина, Ивана Грибкова, Степана Масѣева, Ивана Софронова, Ивана Вешникова, Алексѣя Старкова, Якова Федорова, Ивана Францъ, Якова Кокорева, Макара Панова, Алексѣя Полякова, Савву Мошкова, Ивана Чулкова, Сергѣя Старкова, Ивана Фотерлиста, Федора Ветчинина, Семена Плетенева, Якова Евреинова, Федора да Володиміра Красовскихъ, Дмитрія Голевинскаго, Фому Акулова. А ему, Ивану: Григорья Нѣмчинова, Михайлу Крупецкаго, Петра Давыдова, Осипа Сунгурова, Ивана Шульгина, Петра Ашиткова, Андрея Небольсина, Степана Неустроева, Артамона Шульгина, Алексѣя Радивилова, Петра Дедешина, Дементія Волкова, Елисѣя Близова, Авдея Вешникова, Пимена Булатова, Никиту Евреинова, Филимона Волоховца, Якова Павлова, Ивана Ухватова, Юрья Грамоцкаго, Петра Крупицкаго, Петра Игнатьева, Якова Гнеушова, Петра Небольсина, Алексѣя Сунгурова, Семена Крупицкаго, Никиту Махова, Дмитрія Смирнова, Кирилу Смольянинова, Аврама Иванова, Антона Пенючина, Василья Ильина, Василья Врова, Степана Пенючина, Іону Степанова, Ивана Ашиткова, Михайлу Климова, Ивана Бабурскаго, Якова Ухватова, Ивана Комисарова, Сергѣя Комисарова, Романа Афанасьева, Осипа Ананьина, Матвѣя Ананьина, Андрея Колоскова, Гаврилу Плетенева, Петра Зубка, Афанасья Портнаго, Ивана Кондакова, Матвѣя Законина, Сергѣя Николаева, Ивана Ананьина, Ивана Булатова, Степана Кострова, Ивана Власова, съ женами ихъ и съ дѣтьми безотмѣнно. А которые люди въ подушномъ окладѣ написаны по вотчинамъ хотя въ тѣхъ селахъ, которые кому и не достались, и по тому подушному окладу оныхъ людей намъ не числить, а числить ихъ по сему раздѣлу какъ оные написаны выше сего и о подушномъ платежѣ и о переписки и о положеніи въ окладъ за насъ, по сему раздѣлу, подать намъ въ камеръ-коллегію обще челобитную и о томъ имѣть обще ходатайство, а доколѣжъ указъ о томъ учиненъ будетъ подушныя деньги платять тому, кому эти люди по сему раздѣлу достались безъ всякія

бандскими кружевными манжетами; 9 спальныхъ шапочекъ, 3 шапочки подъ кроникъ (sic), 3 пары штановъ, бѣлый спальный контушъ, тринадцать паръ бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ, семнадцать паръ маленькихъ манжетовъ камертуховыхъ къ рубашкамъ, и притомъ манжеты къ вороту.

Шесть платковъ кисейныхъ и одинъ вышивной платокъ.

5 спальныхъ шапочекъ кисейныхъ безъ кружева; большая наволочка, шесть маленькихъ, покрышка на постелю изъ камертуха, покрышка жъ для пахтъ-тиша. } Обшиты брабандскими кружевами и къ постелѣ принадлежатъ

Приборъ къ постелѣ.

Перемѣна состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ такихъ же; Такая-жъ перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна-жъ, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 большой наволокѣ и въ 2 маленькихъ. NB. три маленькихъ наволочекъ на дорогѣ потеряны. Перемѣна состоящая въ 2 простыняхъ, 1 большой наволокѣ и въ 6 маленькихъ.

Приборъ къ столу.

Большая скатерть, съ 24-мя салфетками, клѣтчатыя; скатерть съ 19-ю салфетками, клѣтчатыя; скатерть съ 24-мя салфетками на подобіе грезету; скатерть съ 18-ю салфетками на подобіе грезету; скатерть съ 12-ю салфетками узорчатыми; скатерть съ 6-ю салфетками, узорчатыя; скатерть съ 12-ю салфетками, мелкотравныя; скатерть съ 6-ю салфетками, мелкотравныя. NB. Изъ сихъ у камеръ-фрау 5 салфетокъ потеряно.

Уборы.

Кармазинная штофная занавѣсъ, золотымъ позументомъ обложена, съ перною и подушками, съ синими атласными наволоками и притомъ синее и бѣлое атласные одѣяла. Двое креслы и два табурета обиты краснымъ кармазиннымъ штофомъ. Три кармазинныя штофныя покрышки на тоалетъ, съ золотымъ позументомъ. Большой серебряный позолоченый тоалетъ; маленькій такой же. Серебряный кофейный сервизъ. Маленькая готовальня съ брилліантами. Наличныхъ денегъ графиня привезла 15 тысячъ рублевъ. Изъ тѣхъ 5,000 рублевъ, которые мадамъ Іоганна имѣла, такожъ привезено 1,800 рублевъ.

Во время замужства подарено: Отъ Ея Императорскаго Величества 1000 червонцевъ. — Отъ Его Сіятельства Графа Алексѣя Григорьевича 500 червонныхъ.

Брилліантовъ:

Отъ Ея Императорскаго Величества. Брилліантовыя серги.

Отъ Ея Величества Римской Императрицы. Брилліантовое перо.

Отъ Его Величества Короля Польскаго. Фарфоровый чайный сервизъ.

Отъ Его Сіятельства Графа Алексѣя Григорьевича. Ясписовая небольшая табакерка съ брилліантами.

Отъ Его Сіятельства Канцлера. Брилліантовый складень и четыре нитки жемчугу.

Отъ Ея Сіятельства Гофмейстерины. Одно перо и одинъ брилліантовый шлейфъ.

на покупку С.-Петербургскаго двора и о зачетѣ ихъ имѣется прошеніе въ Артилеріи, и тѣ деньги намъ росписать такимъ образомъ, которыя до 705 году явятся за взятые припасы съ заводовъ желѣзныхъ и тѣ всѣ деньги взять намъ обще пополамъ, а которые взятые припасы явятся послѣ 705 году, за тѣ припасы деньги ежели ихъ явится съ онаго года суммою больше тринадцати тысячъ и тѣ деньги зачесть отъ меня, Александра, одного за С.-Петербургскій дворъ и тотъ дворъ взять мнѣ, Александру, нынѣ себѣ, а ему, Ивану, дѣла нѣтъ, а буде послѣ 705 году въ Артилеріи ко взятью будетъ меньше тринадцати тысячъ и тѣ деньги сколько не достанетъ въ тою сумму за тотъ дворъ доплатить мнѣ, Александру, ему, Ивану. А буде на вышеписанныя заемныя деньги взысканы будутъ проценты и тѣ платить пополамъ, а до котораго числа оныя деньги мнѣ, Александру, не зачтены будутъ тому Петербургскому двору числятся обще, а двору, что на рѣчкѣ Фонтанкѣ, по сему раздѣлу быть за мною, Александромъ, за однимъ.

И людей своихъ общихъ мы раздѣлили-жъ, а именно: мнѣ, Александру, Луку Иванова, Андрея Иванова сына Турчанинова, Василья Гришоловскаго, Якова Братова, Гаврила Забѣлина, Якова Рубцова, Клима Андреева, Макара Горянинова, Ивана Долгинина, Петра Крылова, Юрья Бахтѣева, Кондратья Грекова, Ивана Климова, Савву Евреинова, Федора Афросимова, Василья Сингирея, Ипата Наумова, Алексѣя Беклемишева, Семена Мошкова, Александра Куркіезова, Андрея Андреева сына Турченина, Ивана Рубцева, Михайлу Турченина, Бориса Друганова, Ивана Колосова, Петра Мошкова, Сергѣя Друганова, Алексѣя Филипова, Михайла Колосова, Алексѣя Колосова, Ивана Троицкаго, Алексѣя Михайлова, Ивана Кольчугина, Ивана Грибкова, Степана Масѣева, Ивана Софронова, Ивана Вешникова, Алексѣя Старкова, Якова Федорова, Ивана Францъ, Якова Кокорева, Макара Панова, Алексѣя Полякова, Савву Мошкова, Ивана Чулкова, Сергѣя Старкова, Ивана Фотерлиста, Федора Ветчинина, Семена Плетенева, Якова Евреинова, Федора да Володиміра Красовскихъ, Дмитрія Голевинскаго, Фому Акулова. А ему, Ивану: Григорья Нѣмчинова, Михайлу Крупецкаго, Петра Давыдова, Осипа Сунгурова, Ивана Шульгина, Петра Ашиткова, Андрея Небольсина, Степана Неустроева, Артамона Шульгина, Алексѣя Радивилова, Петра Дедешина, Дементія Волкова, Елисѣя Близова, Авдея Вешникова, Пимена Булатова, Никиту Евреинова, Филимона Волоховца, Якова Павлова, Ивана Ухватова, Юрья Грамоцкаго, Петра Крупицкаго, Петра Игнатьева, Якова Гнеушова, Петра Небольсина, Алексѣя Сунгурова, Семена Крупицкаго, Никиту Махова, Дмитрія Смирнова, Кирилу Смольянинова, Аврама Иванова, Антона Пенючина, Василья Ильина, Василья Врова, Степана Пенючина, Іону Степанова, Ивана Ашиткова, Михайлу Климова, Ивана Бабурскаго, Якова Ухватова, Ивана Комисарова, Сергѣя Комисарова, Романа Афанасьева, Осипа Ананьина, Матвѣя Ананьина, Андрея Колоскова, Гаврилу Плетенева, Петра Зубка, Афанасья Портнаго, Ивана Кондакова, Матвѣя Законина, Сергѣя Николаева, Ивана Ананьина, Ивана Булатова, Степана Кострова, Ивана Власова, съ женами ихъ и съ дѣтьми безотмѣнно. А которые люди въ подушномъ окладѣ написаны по вотчинамъ хотя въ тѣхъ селахъ, которые кому и не достались, и по тому подушному окладу оныхъ людей намъ не числить, а числить ихъ по сему раздѣлу какъ оные написаны выше сего и о подушномъ платежѣ и о переписки и о положеніи въ окладъ за насъ, по сему раздѣлу, подать намъ въ камеръ-коллегію обще челобитную и о томъ имѣть обще ходатайство, а доколѣжъ указъ о томъ учиненъ будетъ подушныя деньги платить тому, кому эти люди по сему раздѣлу достались безъ всякія

отговорки, не допущая никакихъ убытковъ. А другихъ оставшихъ за вышеписаннымъ раздѣломъ всѣхъ людей мужеска и женска полу въ Москвѣ и подмосковныхъ раздѣлить намъ впредь. А ежели я, Александръ, противъ сей раздѣльной записи не устою, то ему, брату моему Ивану, и наслѣдникамъ его взять на мнѣ, Александрѣ, и наслѣдникахъ моихъ за неустойку денегъ тысячу рублевъ. А сія запись и по взятіи неустойки и впредь въ запись. Къ сей записи тайный совѣтникъ и камеръ-коллегіи президентъ Александръ Львовъ сынъ Нарышкинъ сію сдѣлку учинилъ и неустойки тысячу рублевъ написалъ и руку приложилъ. А что въ сей раздѣльной въ подъяческой рукѣ перваго листу на второй страницѣ сверху въ четвертой строкѣ по чищеному написано триста на той же страницѣ сверху девятой на десять строкѣ почищено триста жъ, того я Александръ впредь спорить не буду. Камеръ-геръ Михайла Григорьевъ сынъ Нарышкинъ, у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Логинъ Михайловъ сынъ Щербачевъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Прапорщикъ Иванъ Павловъ сынъ Жемчужниковъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Федоръ княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Алексѣй княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Лейбъ-Гвардіи капитанъ-поручикъ князь Яковъ княжъ Алексѣевъ сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Петръ Ивановъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Николай Петровъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Трубецкой свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Афанасій Наумовъ сынъ Мельгуновъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Полковникъ Яковъ Матвѣевъ сынъ Фотреденъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Статскій Совѣтникъ Володиміръ Семеновъ сынъ Борзого у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Никита Андреевъ сынъ Балкуновъ свидѣтелемъ былъ у сей записи и руку приложилъ. Раздѣльную писалъ Московской Крѣпостной Конторы подъячій Аврамъ Худяковъ. Совершить по указу. Секретарь Иванъ Протопоповъ 1732 году Генваря въ 31 день сія раздѣльная въ Московской Крѣпостной Конторѣ въ книгѣ записана подлинно. Пошлинъ сто девяносто пять рублевъ, отъ письма тридцать рублевъ, отъ записки сорокъ копѣекъ, за излишнія страницы два рубля, на расходъ рубль пять копѣекъ одна четверть взяты. Совершилъ надсмотрщикъ Петръ Большовъ.

V.

Письма Михайла Григорьевича Нарышкина къ Александру Львовичу Нарышкину.

1.

Государь мой Александръ Львовичъ.

Благополучно государь мой здравствуй съ государынею моею Аленою Александровною и дѣтками вашими.

Доношу вамъ сего Іюля 11 дня брата вашего Ивана Львовича не стало. О кончинѣ его къ вамъ на прошлой почтѣ писалъ и оное письмо отдалъ любимъ вашимъ Лукѣ; а въ тотъ день случилась почта четверговая, а о кончинѣ

XI.

РЯДНАЯ ГРАФИНИ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЗУМОВСКОЙ, РОЖДЕННОЙ НАРЫШКИНОЙ.

Реэстръ что пожаловано въ приданое Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

Робной уборъ и къ нему фантанишъ.
Три убора самарныхъ кружевныхъ.
Круглые манжеты кружевные съ воротомъ.
Двѣ дюжины каморточныхъ манжетъ круглыхъ.
Къ постели шлафорокъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый корсетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый колпакъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Подвязной карнетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Шесть карнетъ ночныхъ, подвязныхъ, батистовыхъ, съ бѣлымъ кружевомъ.
Каморточное покрывало на подушки съ кружевомъ.
Каморточное покрывало на нахтышъ съ кружевомъ.
Одна перемѣна батистовая на подушки съ кружевомъ.
Двѣнадцать паръ мужскихъ манжетъ.
Двѣ дюжины шитыхъ мужскихъ манжетъ.
Четыре галстука мужскихъ кружевныхъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ галстуковъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ платковъ.
Двѣ дюжины кисейныхъ платковъ.
Четыре платка по кисеѣ шитые.
Одна дюжина шелковыхъ платковъ.
Двѣ дюжины бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ.
Двѣ дюжины башмаковъ.
Три дюжины мужскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ валендорскихъ рубашекъ.
Двѣ перемѣны голландскихъ на постелю.
Шесть перемѣнъ валендорскихъ на постелю.
Три дюжины полотенецъ.
Двѣ скатерти большихъ и къ нимъ надлежитъ четыре дюжины салфетокъ.
Шесть скатертей и къ нимъ шесть дюжинъ салфетокъ.
Большой сундукъ на платья коженный.
Другой сундукъ на бѣлье обитъ камкою съ позументомъ.
Ларецъ на башмаки обитъ камкою съ позументомъ.
Умывальный ларецъ обитъ бархатомъ и съ позументомъ.

(Изъ Государственнаго архива).

XII.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДѢЛА ОБЪ ИМѢНІЯХЪ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ НАРЫШКИНОЙ.

I.

Указъ нашему генералу Левашеву.

Объявляемъ вамъ, что Мы нашу фрейлину, дочь Ивана Львовича Нарышкина, Екатерину Ивановну сговорили въ супружество нашему дѣйствительному камеръ-геру графу Кирилѣ Г. Разумовскому, который бракъ вскорѣ быть имѣетъ, а понеже оная наша фрейлина отъ отца и матери осталась малолѣтна и воспитана въ домѣ дяди ея Александра Львовича, у котораго въ вѣдѣніи и управленіи состояли всѣ имѣнія движимыя и недвижимыя, а нынѣ по кончинѣ Александра Львовича въ домѣ его нашлись отъ оной фрейлины имѣнія извѣстія токмо о недвижимомъ подлинная раздѣльная запись 1732 года, а о движимомъ имѣніи подлинной описи учиненной по кончинѣ Ивана Львовича чрезъ камеръ-гера Михаила Григорьевича Нарышкина и людьми Александра Львовича и Ивана Львовича здѣсь не явилось; и токмо люди помянутой нашей фрейлины: Петръ Ашитковъ, Иванъ Кондаковъ объявили копію съ полной описи движимому имѣнію, учиненной въ 1734 году камеръ-геромъ Михайломъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ и та ничьею рукою не подписана. По тому же движимому имѣнію подлинную опись, учиненную въ 1742 году людьми Александра Львовича: Лукою Ивановымъ, Андреемъ Турчениновымъ, Васильемъ Бѣляевымъ, Ивана Львовича человѣкомъ Михайломъ Крупецкимъ за ихъ руками, но оныя обѣ описи одна съ одною несходны и послѣдняя опись дѣлана не слѣдуя прежней, а по разсмотрѣніи оныхъ описей явилось, что многаго въ новой описи нѣтъ, что въ первой есть, и многое сверхъ той прежней описи есть, чего въ оной первой не писано. А люди ихъ, которые при описи были многіе померли, а остались въ живыхъ Александра Львовича: Василій Гришановскій въ Московскомъ домѣ, Василій Бѣляевъ въ здѣшнемъ домѣ управителемъ. И для того повелѣваемъ вамъ, прежнюю 1734 года подлинную опись приказать отыскать въ домовой канцеляріи или, оной, буде, не сыщется, то по посланнымъ при семъ описямъ вновь учинить новую опись, къ которой описи при себѣ употребить вамъ коллежскихъ и канцелярскихъ судей, обрѣтающихся въ Москвѣ, кои къ тому способны, также секретаря изъ сенатской конторы, а для письма взять людей изъ домовой канцеляріи Александра Львовича и Екатерины Ивановны, причемъ быть и служителямъ Александра Львовича—Гришановскому, который въ Москвѣ, и Бѣляеву, да Екатерины Ивановны—Петру Ашиткову, которые отсюда отправлены, да со стороны графа К. Г. Разумовскаго Ивану Вагнеру и слѣдовать при томъ по прежней описи и чего не явится, то спрашивать у вышеписанныхъ людей и гдѣ что дѣвалось и куда употреблено, и если на то имовѣрныя записи или что сверхъ первой и другой описи въ казенной явится, о томъ о всемъ спрашивать вышеписанныхъ людей съ прикладываніемъ ихъ рукъ, для чего оное излишество и какимъ образомъ учинилось, также всю прежнюю опись очистить и оную прислать къ намъ за вашею и другихъ при томъ присутствующихъ руками, а ключи отъ казенной

его вамъ объявилъ, и послѣ того посовѣтывался съ сродниками своими Иваномъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а брата Семена Григорьевича въ Москвѣ не было. И мы съ Иваномъ братомъ надлежащее къ похоронамъ, все что надлежитъ къ погребенію убору, приказали людямъ его изъ его суммы денежной покупать; а именно: управителю Григорію Нѣмчинову, и какъ все исправили надлежащее и съ подобающею честію, къ выносу призвали архимандритовъ 5 человѣкъ и священниковъ довольно, а архіереевъ на выносѣ не было, за такою нуждою, что и всего въ Москвѣ имѣются два человѣка, и тѣ были въ служеніи въ соборѣ Архангельскомъ одинъ, а другой въ Вознесенскомъ монастырѣ, и звали ихъ за два дня до выносу и они отговарнвались. Однакожъ Ростовскій, хотя на выносѣ и служеніи не былъ, а въ Петровскій монастырь къ отпѣванію и погребенію пріѣхалъ, и былъ и надлежащее все отправили. А кончина брата вашего случилась въ слободѣ и оттудова и выносъ былъ со всякою подобающею честію, какъ надлежитъ, и оный выносъ и погребеніе въ одинъ день отправлено и то было въ Іюлѣ же 14 дня. А которые пожитки брата вашего при немъ были и на рукахъ и казенная съ прочимъ изживеніемъ была у Петра Крупицкаго, и оное изъ слободы забравъ, съ Иваномъ Ивановичемъ и съ княземъ Григоріемъ Мышецкимъ, привезли къ Москвѣ, и которое и въ Москвѣ было и то забравъ, поставили въ казенную и запечатали. А которые не раздѣленные ваши общіе пожитки въ сундукахъ и наружѣ и призвавъ вашихъ людей Луку Иванова и Андрея Турченина, и то все забравъ, въ особливую палату поставили, и приказалъ твоимъ управителямъ такъ и Григорью Нѣмчинову замкнуть и запечатать своими печатьми ихъ. А во дворачествѣ и конюшняхъ, которые были при братѣ вашемъ, онымъ же приказалъ быти и Крупицкому у того же дѣла всѣмъ быти у оставшей рухляди, которая имѣлась на его рукахъ. А деньги, которыя имѣлись у Матвѣя Ананьина и оныя деньги, усмотря коликое число отданы Нѣмчинову на расходы ко употребленію на выносъ и погребеніе и на раздачу архіерею и архимандритамъ и священникамъ и на милостыню и прочее на расходы, а коликое число отдано Нѣмчинову, и что издержано и тому приказалъ послать до васъ извѣстіе Нѣмчинову съ симъ посланнымъ человѣкомъ. А отъ брата вашего приказанія словеснаго и письменнаго какъ о дочери своей, такъ и домѣ содержанія никакого никому не было. А братъ вашъ какъ исповѣданіемъ и причащеніемъ Христовыхъ святыхъ таинъ и посвященіемъ масла исправился за нѣсколько дней, и развѣ что и есть приказаніе отцу духовному и о томъ я не вѣдаю. А что мы, посовѣтовавъ съ братомъ Иваномъ, и въ сіе отправленіе къ погребенію вступили, понеже увидѣли, что никого не было, ни сестры вашей княгини Трубецкой, и мы разсудили, чтобы отъ васъ не было во оставленіи брата вашего на насъ порицанія и отъ постороннихъ поношенія. А по исправленіи сего нашего состоимъ во всемъ въ воли вашей; а о болѣзни брата вашего съ начатку до конца его живота донесетъ вамъ обстоятельно посланный человѣкъ къ вамъ и того ради и посланъ, который при немъ безотлучно былъ. При семъ доношу: братъ вашъ, признавъ кончину, призвалъ меня съ Мышецкимъ и говорилъ о дочери своей, что написати прошеніе княгинѣ Маріѣ Юрьевнѣ Черкаской, чтобы не оставила дочери его и хотѣлъ ей поручить, и я ему сталъ гововить, что надѣюсь никакъ княгиня на себя бремя не приметъ и князь Мышецкій вызвался, что лучше прошеніе написать милостивой Государынѣ Императрицѣ, чтобы, по своей высокой милости, не оставила и повелѣла ей жить въ домѣ брата вашего, и онъ, братъ вашъ, на томъ утвердился и приказалъ Мышецкому такое прошеніе написать и, написавъ, онъ, Мышецкій, при-

III.

Рапорты Левашева:

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

1.

Отъ Генерала Левашева всеподданнѣйшій рапортъ.

В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ минувшаго Октября 16-го (фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной дѣйствительному камеръ-геру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому въ супружество сговоренной движимому имѣнію описи о учиненіи) Всемилостивѣйшаго Высочайшаго именнаго указа съ приложеніями о полученіи и кто при той описи при мнѣ быть опредѣлены, я всеподданнѣйше В. И. В., минувшаго Октября 30 дня рабски доносилъ. Сего Ноября 1-го, Александра Львовича и Екатерины Ивановны Нарышкиныхъ служителямъ: Бѣляеву и Ашиткову, въ Москву по прибытіи, чтобъ въ 734 году учиненную опись въ домовыхъ канцеляріяхъ немедленно отыскали отъ меня накрѣпко приказано и для лучшаго и скорѣйшаго исправленія къ нимъ въ домы Александра Львовича Штабу моего оберъ-аудиторъ Черкасовъ приставлены были и въ обоихъ оныхъ домахъ предписанной 734 году описи искано, а не найдено, а отыскано въ домѣ Александра Львовича 742 г. бѣлая за руками служителей его; а въ домѣ Екатерины Ивановны одна 730 году, а вторая 734 году черныя описи, ни чьими руками не подписанныя.

Что же бы опись за рукою Михайла Григорьевича Нарышкина была, тому признавается будто бы быть не уповательно, какъ въ домѣ Александра Львовича изъ найденныхъ Михайла Григорьевича изъ двухъ писемъ при семъ приложенныхъ является, что показанная опись будетъ служителевыми руками подписана и чтобы по Высочайшему В. И. В. всемилостивѣйшему повелѣнію въ упоминаемой описи временно упущено не было Екатерины Ивановны имѣнію, я при мнѣ съ опредѣленными сего Ноября 6-го вновь опись дѣлать началъ, при чемъ иногда и настоящая опись не найдется.

В. И. В. Всемилостивѣйшей Государыни всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ

Василій Левашевъ.

Ноября 8 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

2.

В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ сего Октября отъ (оторвано) (фрейлины Ивана Львовича Нарышкина дочери Екатерины Ивановны дѣйствительному камеръ-геру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому въ супружество сговорено движимому имѣнію со употребленіемъ при мнѣ въ Москвѣ изъ коллежскихъ и канцелярскихъ Судей да изъ Сенатской Конторы секретаря описи о учиненіи) Всемилостивѣйшій Высочайшій именной указъ съ приложеніями я всеподданнѣйше сего Октября 6 принять удостоился и всени-

жайше рабски доношу по предписанному В. И. В. Всемилостивѣйшему Высочайшему указу во всемъ рабское исполненіе чинить долженствую.

При реченной описи при мнѣ Камеръ-Коллегіи вице-президентъ, хотя онъ въ годовомъ отпуску имѣется, но нынѣ въ Москвѣ быть прилучился къ показанному дѣлу весьма по его пристойности потребный человѣкъ и чтобъ другихъ отъ мѣстъ не брать князь Михаилъ Ивановичъ сынъ Шаховской да мануфактуръ-коллегіи изъ членовъ по пристойности же совѣтникъ Князь Иванъ Михайловъ Одоевскій, а изъ Сенатской Конторы секретарь Андрей Суровцевъ быть опредѣлены только изъ С.-Петербурга Александра Львовича служитель Василій Бѣляевъ да Екатерины Ивановны служитель же Петръ Ашитковъ, которымъ при описи быть надлежитъ, еще въ Москву не прибыли.

Октября 30 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

3.

Что по Высочайшему В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ по Всемилостивѣйшему указу дѣйствительнаго камеръ-гера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго супруги штатсъ-дамы Екатерины Ивановны движимому имѣнію вновь опись дѣлать начатъ, а прежнія тому имѣнію описи въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненной еще не найдено, о томъ отъ меня В. И. В. сего Ноября 8 дня всеподданнѣйше рабски донесено, а вчерашняго числа отъ дому Александра Львовича Нарышкина отъ служителей Василія Гришоловскаго, Михайла Турченина, Василія Бѣляева ко мнѣ при доношеніи означенная въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненная за руками Александра Львовича Нарышкина служителей Луки Иванова, Василія Гришоловскаго да Ивана Львовича Нарышкина служителя Григорія Нѣмчинова опись подана. И въ томъ доношеніи написано, что та опись въ ящикѣ между разными нѣмецкими и русскими въ книгѣ атласъ найдена и при той описи изъ рукоприкладчиковъ въ живыхъ одинъ Василій Гришоловскій имѣется и по оной описи при нынѣшней новой описи свидѣтельствовано будетъ, а предписаннаго имѣнія уже съ половину пересмотрѣно и описано.

Ноября 17 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

4.

Что по Высочайшему В. И. В. указу бывшей фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, а нынѣ дѣйствительнаго камеръ-гера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго супруги, движимому имѣнію опись дѣлать начатъ, о томъ В. И. В. минувшаго Ноября 8, а что реченному же имѣнію въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненная опись найдена, о томъ того жъ Ноября 17-го дня отъ меня всеподданнѣйше рабски донесено, а сего Декабря 20 дня та опись окончена, а замедленіе въ томъ происходило, что многія вещи, которыя въ которыхъ сундукахъ по описи написаны были не въ тѣхъ сундукахъ, но въ другихъ найдены и нынѣ противъ прежней означенной описи о неявившихся вещахъ и сверхъ того описи о явившихся отъ служителей отвѣты берутся и опись на-бѣло переписывается, изъ которыхъ одна за руками моею и при мнѣ при той описи будущихъ при

всеподданнѣйшемъ моемъ доношеніи и алмазныя и золотыя и серебряныя вещи и прочіе каменья В. И. В. отправлены будутъ.

Декабря 22 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

5.

Что В. И. В. по Высочайшему указу бывшей фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, а нынѣ штатсъ-дамы, дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго супруги, въ Москвѣ движимому имѣнію опись окончена, о томъ В. И. В. отъ меня въ 746 году Декабря 22 всеподданнѣйше рабски донесено.

Нынѣ о показанномъ имѣніи вновь учиненную за моею и при мнѣ бывшихъ камеръ-коллегіи вице-президента князя Михайла Шаховскаго, да мануфактуръ-коллегіи совѣтника князя Ивана Одоевскаго за руками, опись, да въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненную за руками же Александра Львовича Нарышкина служителей Луки Иванова, Василія Гришоловскаго да Ивана Львовича Нарышкина служителя Григорья Нѣмчинова найденную опись, о которой 746 года Декабря 22-го В. И. В. я всеподданнѣйше рабски доносилъ, а для чего отправленныя въ С.-Петербургъ (съ прежнею подлинною описью) копіи несходны явились, о томъ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской отъ служителя Петра Ашиткова со взятой сказки точную копію при семъ В. И. В. всеподданнѣйше рабски подношу, а таковая жъ точная новая опись и по ней всѣ вещи въ Москвѣ въ домѣ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны служителемъ Артамону Шульгину да Петру Ашиткову съ росписью отдана, а каменья и золото и серебро съ нарочнымъ офицеромъ безъ всякаго замедленія въ С.-Петербургъ отправлено быть.

Генваря 8 дня 1747 года,
въ Москвѣ.

6.

В. И. В. сего года Генваря отъ 24 за высокодержавною рукою по Высочайшему именному указу штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ Москвѣ оставшему по описи имѣнію изъ Московскаго магистрата взятыми цѣновщиками оцѣнка учинена и цѣновную опись цѣновщиковъ за руками при семъ В. И. В. всеподданнѣйше подношу, а такова-жъ за руками тѣхъ же цѣновщиковъ цѣновная опись въ Москвѣ предписанной же штатсъ-же дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ домѣ управителю отдана будетъ, понеже оный управитель нынѣ отъ Москвы въ отлучкѣ въ Смоленскѣ имѣется.

IV.

Раздѣльный актъ между братьями Нарышкиными.

Лѣта тысяща седмьсотъ тридесятъ втораго Генваря 31 дня тайный совѣтникъ и комерцъ-коллегіи президентъ Александръ Львовичъ сынъ Нарышкинъ съ братомъ своимъ роднымъ отъ флота капитаномъ Иваномъ Львовичемъ сы-

номъ Нарышкинымъ, учинили мы межъ собою полюбовный раздѣлъ въ томъ, что въ прошломъ 1705 году блаженныя памяти отецъ нашъ, боярин Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, при животѣ своемъ, опредѣлилъ намъ недвижимое свое имѣніе, а именно: мнѣ, Александру, одному: въ Каширскомъ уѣздѣ Соломенскую волость со крестьяны и съ желѣзными заводы и со всѣми къ ней принадлежащими угодьи, да сестрѣ нашей Аграфенѣ въ Московскомъ уѣздѣ село Медвѣдково и село Раёво съ деревнями седмьдесять два двора, да въ Муромскомъ уѣздѣ изъ Пуроцкой волости ей же Аграфенѣ шестьсотъ дворовъ; а сестрамъ нашимъ Прасковьѣ, Александрѣ, Маріѣ, Аннѣ изъ той же Пороцкой волости да въ прибавокъ изъ Яковлевской волости по четыреста дворовъ; а оставшія другія вотчины опредѣлилъ намъ, Александру и Ивану, и брату нашему Евграфу по равнымъ частямъ, и о томъ отецъ нашъ боярин Левъ Кириловичъ написалъ челобитную, которую блаженныя и вѣчно достойныя памяти Е. И. В. соизволилъ собственною своею рукою подписать, чтобы учинить по тому опредѣленію и въ томъ же 705 году въ помѣстномъ приказѣ, что нынѣ вотчинная коллегія, за всѣми нами справлена, а въ прошломъ 706 году братъ нашъ Евграфъ волею Божею умре, и опредѣленная часть его за нами по нынѣ оставлена была безъ справки за насъ, а сестра наша княгиня Аграфена въ прошломъ 710 году волею Божіею умре же и по смерти ея опредѣленное недвижимое все имѣніе справлено въ ономъ году за нами, Александромъ и Иваномъ обще, а сестръ нашихъ Прасковіи и княгини Маріи опредѣленныя ихъ части по указу справлены по пунктамъ и по наслѣдству за мною Александромъ за однимъ, кромѣ что послѣ смерти сестры нашей княгини Маріи изъ ея недвижимаго имѣнія дано мужу ея князю Федору Голицыну четвертая часть, а сестры наши Александра и Анна съ опредѣленнымъ своимъ недвижимымъ вышли замужъ и съ тѣмъ остались и по нынѣ, которыя дачи и раздѣльныя записи съ сестрами нашими значатъ именно въ вотчинной коллегіи и по той записи на него брата моего Ивана ни о чемъ не бить челомъ и владѣнія не взыскивать, понеже той сестрѣ нашей Прасковьѣ весь сполна жеребій по силѣ указовъ справленъ за мною, Александромъ, въ которой жеребья по той раздѣльной записи и по справкѣ въ вотчинной коллегіи недостало мнѣ, Александру, въ четыресотное дворовое число, ста тридцати осьми дворовъ и въ то число токмо возвратить изъ Муромскихъ вотчинъ изъ Вацкой трети деревню Гавриловъ-Починокъ тридцать два двора, а достальные сто шесть дворовъ въ томъ же Муромскомъ уѣздѣ изъ Вацкой же трети деревня Таломская, Митино, Сухарева, Терпигорева, Пыланиха и Рцова и что въ тѣмъ деревнямъ надлежитъ съ пашнею и съ сѣнными покосы и лѣсы и со всѣми угодьи по писцовымъ и отказнымъ книгамъ и по дачамъ отдаю ему, Ивану. А оставшіе за тѣмъ вышеписаннымъ прочія вотчины, а именно въ Московскомъ уѣздѣ мнѣ, Александру: село Чашниково, деревни Носово, деревня Катюшка, деревня Перепечина, деревня Котенёва, деревня Исакова, деревня Новосёлки, деревня Шенюкино, деревня Новое, сельцо Миликсарево, деревня Кулебакино, село Покровское, деревня Фили, деревня Мазилово, сельцо Кунцево, село Медвѣдково, деревня Выползова, деревня Филино, село Раёво, деревня Юрлова. деревня Сабурова; да въ Орловскомъ уѣздѣ: село Дмитровское съ деревнями; въ Карачевскомъ уѣздѣ: деревня Новолѣски; въ Ряжскомъ уѣздѣ: село Канино, село Смыково; въ Ярославецкомъ уѣздѣ Малаго: село Тарутино съ деревнями, сельцо Огубъ съ деревнями; въ Оболенскомъ уѣздѣ: сельцо Тросье съ деревнями; въ Каширскомъ уѣздѣ: сельцо Грызлово, село Савинско, сельцо Волохово съ деревнями; въ Можайскомъ уѣздѣ: сельцо Облинице; въ

Владимірскомъ уѣздѣ: село Рожествино съ деревнями; въ Шацкомъ уѣздѣ: село Конабѣево, село Ялтуново въ лѣсной сторонѣ, другое село Ялтуново въ напольной сторонѣ, село Волосатово, село Темешево, село Женменево, село Олешенево, село Маморга, село Купля, село Новоселки, село Огламазово, село Березово, деревня Токарева, Янина Слобода, деревня Янбирина, деревня Раковскіе усады, деревня Выша, деревня Ярнеевскихъ усадовъ, да въ восьми пустошахъ пашенная земля: село Барки, село Северенья, село Насины; въ Рожественскомъ присудѣ: село Рожествено, село Кузьмодемьяновское—Раево тожъ, село Кузьмодемьяновское—Рянза тожъ, село Никольское—Морошка тожъ, село Архангельское—Таракса тожъ, село Покровское—Машерка тожъ, поселокъ Васили, да къ тѣмъ же Шацкимъ селамъ и деревнямъ бортныхъ уложьевъ триста восемьдесятъ семь, да въ Муромскомъ уѣздѣ: сельцо Озябликово, Никольская слобода, деревня Еремейкова, деревня Тамцова, деревня Янино, деревня Чирятьево, деревня Шамшилова, деревня Шишкино, деревня Козлокова, деревня Максакова, деревня Турбанева, деревня Бангина, деревня Кряжи, деревня Выборково, деревня Вечкино, деревня Аксентьево, село Вача, село Дьяково, деревня Сколково, деревня Сурская, деревня Искусово, деревня Алтунино, деревня Рылово, деревня Новошанцово, деревня Михалево, деревня Бѣлогузово, деревня Урюпино, деревня Звягино, деревня Красная, деревня Маратино, село Козаково, деревня Полцо, деревня Деревнищи, деревня Сурское-Большое. Да брату моему Ивану Львовичу: въ Московскомъ уѣздѣ: село Черкизово, деревня Верёзкино, деревня Пекино, деревня Дубровки, деревня Морщихино, деревня Бурцево, деревня Пучьково, село Троицкое, деревня Черепкова, деревня Рублево, деревня Луки, деревня Острогино, деревня Макшино, деревня Коскино, село Петровское, сельцо Остродамово, деревня Селичино; въ Епифанскомъ уѣздѣ: Молоденьки, деревня Олховецъ; да въ Рязскомъ уѣздѣ: деревня Поплевино, деревня Бараково; въ Нижегородскомъ уѣздѣ: сельцо Таможниково съ деревнями; въ Дмитровскомъ уѣздѣ: село Пересвѣтово, село Федоровское съ деревнями; въ Боровскомъ уѣздѣ: Карамышевская волость; въ Шацкомъ уѣздѣ: село Вознесенское, Черная Слобода, село Кашеляево, село Кулики, село Кривая Лука, село Чернышово, село старое и новое Томниково, село Скопы, деревня Печены, деревня Рысли, четыре пустоши пашенной земли; къ томужъ присутствію бортныхъ уложьевъ триста восемьдесятъ семь; село Архангельское, село Знаменское, село Никольское—Машта тожъ, село Богоявленское—Шиндитино тожъ, село Суверенье; въ Муромскомъ уѣздѣ: деревни Верхополье, Варежская Слобода, деревня Макрецъ, деревня Вострома, деревня Юрьевецъ, деревня Горбанцово, деревня Горбанова, деревня Мамоново, деревня Лохани, деревня Кринуша, деревня Бужарова, село Давыдково, сельцо Чепанино, село Новоселки, село Фетиньино, село Глѣбово, деревня Путилково, деревня Дубровка, деревня Пиповка, деревня Городищи, деревня Попышево, деревня Фафонова, деревня Кошкино, деревня Бахарево, деревня Починокъ Брагинъ, деревня Каменки, деревня Алферова, деревня Бѣлякова, деревня Спетицкое, деревня Шишкино, деревня Лопкова, деревня Лѣсникова, деревня Федурина, деревня Карбышева. Да изъ жеребья сестры нашей что ему особо выше сего писано, а тѣ села и деревни со крестьяне и съ дворовыми людьми, кромѣ Московскихъ и Подмосковскихъ людей, со всѣми къ тѣмъ селамъ и деревнямъ принадлежащими угодьи, по писцовымъ и межевымъ и переписнымъ и отказнымъ книгамъ и подачамъ нашимъ, кромѣ новыхъ Шацкихъ посёлковъ и Симбирской и Пензенской вотчинъ. У Муромскихъ села Орефина и Залдомской слободы общихъ крестьянъ, которыхъ селъ и деревень выше сего не

упоминаюсь. А въ Шацкой уѣздъ въ вышеписанныя села и деревни по сему нашему раздѣлу послать намъ для осмотру отъ себя людей нашихъ и велѣть имъ по свидѣтельству въ вѣрность наличныхъ крестьянъ мужескъ полъ переписать; уравнять тѣ села наличными душами въ равенство, по подушному окладу и по исполненію наличнаго дворового числа душъ, въ тѣхъ Шацкихъ селахъ; по тому-жъ учинить управленіе и въ землѣ по писцовымъ книгамъ, чтобъ оба жеребья и въ пашенной землѣ по сему росписанію нашему на обѣ половины всѣмъ уравнительны были: какъ душами, такъ и пашенными землями и сѣнными покосы по-сельно и по-деревенно, къ которому селу и деревни написаны по писцовымъ книгамъ и подушной переписи, чтобъ села и деревни по росписанію нашему добротою крестьяне были равны и къ смежеству, а которые крестьяне вновь изъ Шацкихъ нашихъ старыхъ селъ выпущены по нашему исполненію на новыя слободы, а другіе крестьяне и собою вышли, послѣ подушной переписи, и тѣхъ вновь же переписать по именамъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ пожитки и, уравняя худаго съ добрымъ, раздѣлить пополамъ и по усмотрѣнію раздѣлу, которые надлежитъ вывесть въ старые села или кто пожелаетъ для лучшей пользы—въ тѣхъ новыхъ поселкахъ оставить и тѣхъ. Раздѣлять по тому-жъ пополамъ цѣльными поселками и тому учинить особливое росписаніе равными жеребьи, а которые крестьяне бѣжали или собою вышли изъ моихъ, Александровыхъ, собственныхъ вотчинъ, а именно изъ Соломенской волости и тѣхъ взять мнѣ, Александру, а изъ двухъ жеребьевъ, что справлено за мною, по дачамъ послѣ сестръ, а нынѣ при свидѣтельствѣ раздѣленія посланными людьми сыщутся по вышеписанному росписанію въ его, Ивановыхъ, въ деревняхъ, и тѣмъ быть въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ оные явятся. А буде въ общихъ вотчинахъ, а именно въ Симбирской и Пензенской и въ Шацкихъ новыхъ посѣлкахъ явятся, изъ тѣхъ же двухъ жеребьевъ и тѣхъ крестьянъ мнѣ, Александру, вывесть на прежнее жилище всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые въ общихъ оныхъ вотчинахъ написаны въ подушномъ окладѣ. А земля въ Пензенскомъ уѣздѣ моей, Александровой, собственной дачи тую землю въ раздѣлъ не класть, а токмо поселенныхъ на той землѣ общихъ крестьянъ отдать мнѣ, Александру, въ зачетъ раздѣлу, а ему, Ивану, наполнить крестьянъ въ Симбирской вотчинѣ тѣмъ же числомъ, сколько въ той Пензенской мужеска полу душъ отставлено будетъ такимижъ крестьяны и такимъ заводомъ. А земли въ Симбирской вотчинѣ раздѣлить пополамъ, а которые за мною, Александромъ, послѣ сестръ и что по дачамъ особливо имѣется справлено, въ томъ числѣ и Соломенскіе заводы, а владѣли мы обще и доходы получали, потомъ по сей нашей полюбовной раздѣльной записи намъ и по насъ наслѣдникомъ нашимъ ни о какихъ съ тѣхъ заводовъ и другихъ моихъ, Александровыхъ, вотчинъ доходахъ на него, Ивана, не бить челомъ и при допросѣ намъ ни въ чемъ не спорить. А Московскіе наши дворы: что на Арбатской улицѣ каменной Ирининской и при немъ съ прикупными дворовыми мѣстами и загородной Пресвинскій мнѣ, Александру, а ему, Ивану: каменной же новой дворъ, что слыветъ Романовъ, а къ нему прибавить мнѣ, Александру, ему, Ивану, денегъ три тысячи шестьсотъ рублевъ, да загородный дворъ, что на Дѣвичьемъ полѣ, а загородные-жъ дворы что на Крымскомъ броду и другой въ Земляномъ городѣ межъ Остоженки и Пречистенской улицъ, оные равною мѣрою раздѣлить пополамъ и которыя прикупныя дворовыя мѣста при новомъ дворѣ, что слыветъ Романовъ онымъ быть при томъ дворѣ, которыми владѣть намъ по сему раздѣлу, въ межахъ, по дачамъ нашимъ и по крѣпостнымъ. А которой нашъ домъ на Чистомъ Пруду въ приходѣ церкви Архангела Гавріила каменный и

оный дворъ продать намъ обще, или кто по оцѣнкѣ пожелаетъ взять себѣ, тому заплатить половину цѣны. А которое есть въ Московскихъ домахъ и въ раздѣленныхъ нашихъ Подмосковныхъ и другихъ вотчинахъ общее движимое, а именно: лошади, всякая скотина и пчёлы ульями и птицы и хлѣбъ стоячій и молоченой и посуда мѣдная и чугунная всякая, что явится того движимаго на лицо, оное всѣ посланнымъ нашимъ людямъ, уровняя худое съ добрымъ, съ жеребья раздѣлить пополамъ, такимъ же образомъ, какъ мы другое свое движимое имѣніе сами имѣющееся при себѣ раздѣлили, и впредь намъ, Александру и Ивану, и женамъ нашимъ и дѣтямъ и наслѣдникамъ о всемъ движимомъ другъ на друга по раздѣлѣ не бить челомъ. А которые наши дворы имѣются въ разныхъ городахъ отъ вотчинъ для постою и житья вотчинныхъ крестьянъ, а въ тѣхъ уѣздахъ будутъ у обоихъ насъ вотчины и тѣмъ дворамъ быть за нами общимъ. А которые крестьяне до сей нашей раздѣльной записи и до подушной переписи вошли въ которой жеребій въ зятья или какими другими раздѣлы перешли изъ котораго жеребья въ другой жеребій и живутъ дворами или вдовы и дѣвки вышли въ замужство, и тѣмъ быть въ тѣхъ жеребьяхъ, кто гдѣ нынѣ живетъ. И подушныя деньги платить по раздѣленіи и по переписи всякому за свой жеребій за умершихъ и вывозныхъ и которые отданы въ солдаты и помѣщикомъ вывезены и безвѣстно бѣжали, кромѣ Шацкихъ вотчинъ. А въ Шацкихъ вотчинахъ, которые крестьяне бѣжали изъ тѣхъ вотчинъ изъ подушнаго окладу и явится въ новыхъ посёлкахъ и тѣмъ крестьянамъ подушный платежъ платить въ тѣ села, изъ которыхъ они выбѣжали, а которые бѣжали безвѣстно и въ тѣхъ новыхъ поселкахъ ихъ не явится, и за тѣхъ платить пополамъ тѣми жъ селы и поселки, а буде послѣ сего нашего раздѣла нынѣ явятся по свидѣтельству нашему, въ которомъ жеребью чьи бѣглые люди и крестьяне и по изысканію помѣщиковъ взяты будутъ съ пожилыми годами, и за тѣхъ взятыхъ бѣглыхъ крестьянъ жилыми душами отдать изъ цѣлаго жеребья въ тотъ жеребій, у котораго возьмутъ половину, равнымъ числомъ, душами мужеска и женска полу. А пожилыя деньги и подушной окладъ за вывозныхъ крестьянъ платить пополамъ, а которые послѣ сего раздѣлу бѣглые крестьяне явятся въ пріемѣ въ чьемъ жеребью или кто нынѣ, раздѣля бѣглыхъ, не осмотритъ и вонъ не вышлетъ до седмьсотъ тридесятъ третьяго году, и за тѣхъ съ онаго году платить намъ самимъ каждому по вотчинѣ, у кого гдѣ явятся. А буде изъ которыхъ жеребьевъ указомъ Е. И. В. что взято будетъ, и отдано кому въ какое наслѣдство или другимъ какимъ образомъ что отъ кого отойдетъ, и за оное отданье дать тому, у кого отойдетъ толикое жъ число дворами и душами мужеска и женска полу изъ своего жеребья половину, въ томъ же уѣздѣ, въ которомъ взято будетъ. И буде какое и владѣніе и денежный платежъ взыщется, такожъ по исцовымъ дѣламъ, которые до сего раздѣлу зачаты и впредь явится челобитье по общему нашему владѣнію, кому обвинены будутъ, и тѣ иски и владѣнье и денежный платежъ платить пополамъ же. А буде по нашему изысканію вотчинные наши крестьяне изъ бѣговъ сысканы будутъ или которые нынѣ изъ бѣговъ сысканы, а бѣжали до сего раздѣлу и надлежитъ за тѣхъ бѣглецовъ съ кого помѣщиковъ взять пожилыя деньги или какіе по половинѣ иски и вычеты, и тѣмъ деньгамъ взятье имѣть и раздѣлить пополамъ. А буде впредь въ чемъ какіе вотчинные посторонніе споры будутъ или нынѣ имѣются и по тѣмъ спорамъ имѣть общее стараніе. А которые общіе наши долги имѣются на насъ по росписи, которые за нашими руками и тѣ долги заплатить намъ пополамъ. А что еще имѣется на насъ долгу въ военной коллегіи тринадцать тысячъ рублевъ, которые мы занимали обще

на покупку С.-Петербургскаго двора и о зачетѣ ихъ имѣется прошеніе въ Артилеріи, и тѣ деньги намъ росписать такимъ образомъ, которыя до 705 году явятся за взятые припасы съ заводовъ желѣзныхъ и тѣ всѣ деньги взять намъ обще пополамъ, а которые взятые припасы явятся послѣ 705 году, за тѣ припасы деньги ежели ихъ явится съ онаго года суммою больше тринадцати тысячъ и тѣ деньги зачесть отъ меня, Александра, одного за С.-Петербургскій дворъ и тотъ дворъ взять мнѣ, Александру, нынѣ себѣ, а ему, Ивану, дѣла нѣтъ, а буде послѣ 705 году въ Артилеріи ко взятью будетъ меньше тринадцати тысячъ и тѣ деньги сколько не достанетъ въ тою сумму за тотъ дворъ доплатить мнѣ, Александру, ему, Ивану. А буде на вышеписанныя заемныя деньги взысканы будутъ проценты и тѣ платить пополамъ, а до котораго числа оныя деньги мнѣ, Александру, не зачтены будутъ тому Петербургскому двору числятся обще, а двору, что на рѣчкѣ Фонтанкѣ, по сему раздѣлу быть за мною, Александромъ, за однимъ.

И людей своихъ общихъ мы раздѣлили-жъ, а именно: мнѣ, Александру, Луку Иванова, Андрея Иванова сына Турчанинова, Василья Гришоловскаго, Якова Братова, Гаврила Забѣлина, Якова Рубцова, Клима Андреева, Макара Горянинова, Ивана Долгинина, Петра Крылова, Юрья Бахтѣева, Кондратья Грекова, Ивана Климова, Савву Евреинова, Федора Афросимова, Василья Сингирея, Ипата Наумова, Алексѣя Беклемишева, Семена Мошкова, Александра Куркіезова, Андрея Андреева сына Турченина, Ивана Рубцева, Михайлу Турченина, Бориса Друганова, Ивана Колосова, Петра Мошкова, Сергѣя Друганова, Алексѣя Филипова, Михайла Колосова, Алексѣя Колосова, Ивана Троицкаго, Алексѣя Михайлова, Ивана Кольчугина, Ивана Грибкова, Степана Масѣева, Ивана Софронова, Ивана Вешникова, Алексѣя Старкова, Якова Федорова, Ивана Францъ, Якова Кокорева, Макара Панова, Алексѣя Полякова, Савву Мошкова, Ивана Чулкова, Сергѣя Старкова, Ивана Фотеринста, Федора Ветчинина, Семена Плетенева, Якова Евреинова, Федора да Володиміра Красовскихъ, Дмитрія Голевинскаго, Фому Акулова. А ему, Ивану: Григорья Нѣмчинова, Михайлу Крупецкаго, Петра Давыдова, Осипа Сунгурова, Ивана Шульгина, Петра Ашиткова, Андрея Небольсина, Степана Неустроева, Артамона Шульгина, Алексѣя Радивилова, Петра Дедешина, Дементія Волкова, Елисѣя Близова, Авдея Вешникова, Пимена Булатова, Никиту Евреинова, Филимона Волоховца, Якова Павлова, Ивана Ухватова, Юрья Грамоцкаго, Петра Крупицкаго, Петра Игнатьева, Якова Гнеушова, Петра Небольсина, Алексѣя Сунгурова, Семена Крупицкаго, Никиту Махова, Дмитрія Смирнова, Кирилу Смольянинова, Аврама Иванова, Антона Пенючина, Василья Ильина, Василья Врова, Степана Пенючина, Іону Степанова, Ивана Ашиткова, Михайлу Климова, Ивана Бабурскаго, Якова Ухватова, Ивана Комисарова, Сергѣя Комисарова, Романа Афанасьева, Осипа Ананьина, Матвѣя Ананьина, Андрея Колоскова, Гаврилу Плетенева, Петра Зубка, Афанасья Портнаго, Ивана Кондакова, Матвѣя Законнина, Сергѣя Николаева, Ивана Ананьина, Ивана Булатова, Степана Кострова, Ивана Власова, съ женами ихъ и съ дѣтьми безотмѣнно. А которые люди въ подушномъ окладѣ написаны по вотчинамъ хотя въ тѣхъ селахъ, которые кому и не достались, и по тому подушному окладу оныхъ людей намъ не числить, а числить ихъ по сему раздѣлу какъ оные написаны выше сего и о подушномъ платежѣ и о переписки и о положеніи въ окладъ за насъ, по сему раздѣлу, подать намъ въ камеръ-коллегію обще челобитную и о томъ имѣть обще ходатайство, а доколѣжъ указъ о томъ учиненъ будетъ подушныя деньги платить тому, кому эти люди по сему раздѣлу достались безъ всякія

отговорки, не допущая никакихъ убытковъ. А другихъ оставшихъ за вышеписаннымъ раздѣломъ всѣхъ людей мужеска и женска полу въ Москвѣ и подмосковныхъ раздѣлить намъ впредь. А ежели я, Александръ, противъ сей раздѣльной записи не устою, то ему, брату моему Ивану, и наслѣдникамъ его взять на мнѣ, Александрѣ, и наслѣдникахъ моихъ за неустойку денегъ тысячу рублевъ. А сія запись и по взятіи неустойки и впредь въ запись. Къ сей записи тайный совѣтникъ и камеръ-коллегіи президентъ Александръ Львовъ сынъ Нарышкинъ сію сдѣлку учинилъ и неустойки тысячу рублевъ написалъ и руку приложилъ. А что въ сей раздѣльной въ подъяческой рукѣ перваго листу на второй страницѣ сверху въ четвертой строкѣ по чищеному написано триста на той же страницѣ сверху девятой на десять строкѣ почищено триста жъ, того я Александръ впредь спорить не буду. Камеръ-геръ Михайла Григорьевъ сынъ Нарышкинъ, у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Логинъ Михайловъ сынъ Щербачевъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Прапорщикъ Иванъ Павловъ сынъ Жемчужниковъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Федоръ княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Алексѣй княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Лейбъ-Гвардіи капитанъ-поручикъ князь Яковъ княжъ Алексѣевъ сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Петръ Ивановъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Николай Петровъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Трубецкой свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Афанасій Наумовъ сынъ Мельгуновъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Полковникъ Яковъ Матвѣевъ сынъ Фотреденъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Статскій Совѣтникъ Володиміръ Семеновъ сынъ Борзого у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Никита Андреевъ сынъ Балкуновъ свидѣтелемъ былъ у сей записи и руку приложилъ. Раздѣльную писалъ Московской Крѣпостной Конторы подъячій Авраамъ Худяковъ. Совершить по указу. Секретарь Иванъ Протопоповъ 1732 году Генваря въ 31 день сія раздѣльная въ Московской Крѣпостной Конторѣ въ книгѣ записана подлинно. Пошлинъ сто девяносто пять рублевъ, отъ письма тридцать рублевъ, отъ записки сорокъ копѣекъ, за излишнія страницы два рубля, на расходъ рубль пять копѣекъ одна четверть взяты. Совершилъ надсмотрщикъ Петръ Большовъ.

V.

Письма Михайла Григорьевича Нарышкина къ Александру Львовичу Нарышкину.

1.

Государь мой Александръ Львовичъ.

Благополучно государь мой здравствуй съ государынею моею Аленою Александровною и дѣтками вашими.

Доношу вамъ сего Іюля 11 дня брата вашего Ивана Львовича не стало. О кончинѣ его къ вамъ на прошлой почтѣ писалъ и оное письмо отдалъ людямъ вашимъ Лукѣ; а въ тотъ день случилась почта четверговая, а о кончинѣ

его вамъ объявилъ, и послѣ того посовѣтывался съ сродниками своими Иваномъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а брата Семена Григорьевича въ Москвѣ не было. И мы съ Иваномъ братомъ надлежащее къ похоронамъ, все что надлежитъ къ погребенію убору, приказали людямъ его изъ его суммы денежной покупать; а именно: управителю Григорію Нѣмчинову, и какъ все исправили надлежащее и съ подобающею честію, къ выносу призвали архимандритовъ 5 человѣкъ и священниковъ довольно, а архіереевъ на выносѣ не было, за такою нуждою, что и всего въ Москвѣ имѣются два человѣка, и тѣ были въ служеніи въ соборѣ Архангельскомъ одинъ, а другой въ Вознесенскомъ монастырѣ, и звали ихъ за два дня до выносу и они отговаривались. Однакожъ Ростовскій, хотя на выносѣ и служеніи не былъ, а въ Петровскій монастырь къ отпѣванію и погребенію пріѣхалъ, и былъ и надлежащее все отправили. А кончина брата вашего случилась въ слободѣ и оттудова и выносъ былъ со всякою подобающею честію, какъ надлежитъ, и оный выносъ и погребеніе въ одинъ день отправлено и то было въ Іюлѣ же 14 дня. А которые пожитки брата вашего при немъ были и на рукахъ и казенная съ прочимъ изживеніемъ была у Петра Крупицкаго, и оное изъ слободы забравъ, съ Иваномъ Ивановичемъ и съ княземъ Григоріемъ Мышецкимъ, привезли къ Москвѣ, и которое и въ Москвѣ было и то забравъ, поставили въ казенную и запечатали. А которые не раздѣленные ваши общіе пожитки въ сундукахъ и наружѣ и призвавъ вашихъ людей Луку Иванова и Андрея Турченина, и то все забравъ, въ особливую палату поставили, и приказалъ твоимъ управителямъ такъ и Григорью Нѣмчинову замкнуть и запечатать своими печатьми ихъ. А во дворечествѣ и конюшняхъ, которые были при братѣ вашемъ, онымъ же приказалъ быти и Крупицкому у того же дѣла всѣмъ быти у оставшей рухляди, которая имѣлась на его рукахъ. А деньги, которыя имѣлись у Матвѣя Ананьина и оныя деньги, усмотря колико число отданы Нѣмчинову на расходы ко употребленію на выносъ и погребеніе и на раздачу архіерею и архимандритамъ и священникамъ и на милостыню и прочее на расходы, а колико число отдано Нѣмчинову, и что издержано и тому приказалъ послать до васъ извѣстіе Нѣмчинову съ симъ посланнымъ человѣкомъ. А отъ брата вашего приказанія словеснаго и письменнаго какъ о дочери своей, такъ и домѣ содержанія никакого никому не было. А братъ вашъ какъ исповѣданіемъ и причащеніемъ Христовыхъ святыхъ таинъ и посвященіемъ масла исправился за нѣсколько дней, и развѣ что и есть приказаніе отцу духовному и о томъ я не вѣдаю. А что мы, посовѣтовавъ съ братомъ Иваномъ, и въ сіе отправленіе къ погребенію вступили, понеже увидѣли, что никого не было, ни сестры вашей княгини Трубецкой, и мы разсудили, чтобы отъ васъ не было во оставленіи брата вашего на насъ порицанія и отъ постороннихъ поношенія. А по исправленіи сего нашего состоимъ во всемъ въ воли вашей; а о болѣзни брата вашего съ начатку до конца его живота донесетъ вамъ обстоятельно посланный человѣкъ къ вамъ и того ради и посланъ, который при немъ безотлучно былъ. При семъ доношу: братъ вашъ, признавъ кончину, призвалъ меня съ Мышецкимъ и говорилъ о дочери своей, что написати прошеніе княгинѣ Маріѣ Юрьевнѣ Черкаской, чтобы не оставила дочери его и хотѣлъ ей поручить, и я ему сталъ гововить, что надѣюсь никакъ княгиня на себя бремя не приметъ и князь Мышецкій вызвался, что лучше прошеніе написать милостивой Государынѣ Императрицѣ, чтобы, по своей высокой милости, не оставила и повелѣла ей жить въ домѣ брата вашего, и онъ, братъ вашъ, на томъ утвердился и приказалъ Мышецкому такое прошеніе написать и, написавъ, онъ, Мышецкій, при-

несъ брату и онъ заручилъ и отдалъ ему, Мышецкому, и онъ взялъ и гдѣ то прошеніе нынѣ, о томъ я не свѣдомъ, только прошу, чтобы сіе мое вамъ извѣстіе сохранить, никому не объявлять, а о семъ надѣюсь, что къ вамъ люди ваши писали.

Слуга вашъ М. Нарышкинъ.

Іюля 16 дня.

2.

Государь мой Александръ Львовичъ. Письмо ваше, отправленное отъ васъ Августа 1-го дня, получилъ изъ дому вашего Августа 7-го дня исправно, за которое вамъ благодарствую и прошу чтобъ впредь насъ не оставить. Изволили писать, чтобы намъ не оставить племянницы вашей и мы, по возможности своей, не оставляемъ и впредь желаемъ не оставить. А въ домѣ, чтобы мнѣ призирать и тѣмъ насъ, пожалуй, не изволь тяготить. Извольте въ домъ свой или брата вашего служителямъ писать, чтобы во управленіи были и хранили домъ брата вашего всякими дѣлами. А чтожъ по письму вашему прежнему приказать служителямъ вашимъ и брата вашего съ остальные послѣ брата Вашего какъ письма, такъ и движимаго приказалъ, осмотря, описать и начать осматривать, однакожъ я при себѣ и служителяхъ твоихъ и брата вашего изъ казенной вынувъ движимое главнѣйшее алмазныя и золотыя вещи, описали, осмотря, и положили по прежнему въ тѣ же мѣста, въ которыхъ были, и запечаталъ я своею печатью и поставивши въ казенную и потомъ же и казенную запечатали и потомъ со временемъ со осмотрѣніемъ описывать достальное движимое и письма и что движимое, буде найдется записка, и по тѣмъ запискамъ слачать будемъ, а чего не явится и о томъ будемъ спрашивать у кого была на рукахъ и какъ сочиня со осмотрѣніемъ опись всему пришлется къ вамъ копія, а вторая оставится въ казенной А описи будутъ за руками служителей какъ вашихъ, такъ и брата вашего и казенная за печатьми ихъ, А людя (?) же, которыя имѣются и дѣлъ въ Москвѣ и на приказехъ въ вотчинахъ, приказалъ Нѣмчинову, сочиня вѣдомость, послать къ вамъ. Да изволь тайно спросить Петра Игнатьева, которыя вещи алмазныя возвращены послѣ сестры вашей Маріи Львовны, и тѣхъ вещей главныхъ не явилось и о тѣхъ вещахъ извольте спросить Петра: такія вещи въ ономъ ларцѣ были-ль и ключъ и печать была у брата вашего и какъ оный ларецъ принашивали къ брату вашему до смерти его, видѣлъ-ли ихъ и не вынулъ-ли братъ вашъ тѣхъ вещей и не отдалъ ли кому? Отъ того ларца и отъ кабинета ключей не явилось по смерти брата вашего, а печать я взялъ по смерти брата вашего, и оный кабинетъ запечатавъ, послалъ изъ слободы въ казенную къ Москвѣ при служителяхъ братнихъ, а ларецъ съ вещами запечатанный до меня и стоялъ у мамы племянницы вашей, и я вамъ объявляю, а не во свидѣтельство пишу и прошу сохранить келейно за вашу къ себѣ любовь. Впрочемъ пребываю вашъ слуга М. Нарышкинъ. При семъ вамъ моему государю и Еленѣ Александровнѣ жена моя и дѣти нижайшій поклонъ отдаютъ *). При семъ вамъ Елена Александровна поклонъ я отдаю.

Прошу васъ моего государя не оставить дѣтей моихъ.

М. Н.

Августа 8-го дня 1734 года.
Москва.

*) Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ женатъ былъ на Уліанѣ Андреевнѣ Кали-

VI.

1746 года Декабря 20 дня опись, учиненная по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственныя руки отъ 18 числа Октября 1746 года, движимымъ, Ея Императорскаго Величества фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, имѣніямъ, что чего въ Московскомъ домѣ въ казенной явилось нынѣ на лицо, о томъ значитъ ниже сего, а именно:

№ 1-й.

Ларецъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ, обложенъ позументомъ съ городками золото-серебромъ, внутри выклеенъ камкою цвѣтною, а при томъ ларцѣ ключа не имѣлось, отомкнуть отмычками, а въ томъ ларцѣ имѣется вещей:

1. Перстень золотой, при немъ средняго и постороннихъ искръ нѣтъ, только имѣется по сторонамъ три нифъ бриліантовые.
2. Перстень золотой, въ немъ три камня розовые.
3. Перстень золотой, въ немъ шесть алмазовъ, а средняго камня нѣтъ.
4. Перстень золотой, въ немъ восемь искръ алмазныхъ, а средняго камня нѣтъ.
5. Въ бумажкѣ восемь искръ алмазныхъ.
6. Перстень золотой, въ немъ двѣ искры яхонтовыя, а среднихъ трехъ камней нѣтъ.
7. Кольцо золотое, въ немъ одиннадцать изумрудовъ.
8. Три запонки золотыя, въ томъ числѣ въ двухъ камни зеленые, а въ третьей камень бѣлый, а въ нихъ во всѣхъ трехъ запонкахъ среднихъ камней нѣтъ.
9. Табакерка черепаховая, черная, круглая, на крышкѣ врѣзана фигура травчатая, золотая; шалнеръ мѣдный.
10. Девять пуговицъ золотыхъ, въ нихъ искры алмазныя, въ томъ числѣ у одной ушки отломаны.
11. Три пуговицы золотыя съ красными искрами.
12. Шесть колецъ золотыхъ.
13. Запонка золотая двойная.
14. Два зерна бурмицкихъ.
15. Коробка бѣлая костяная.
16. Булавка золотая.
17. Восемь булавокъ серебряныхъ, въ нихъ въ головкахъ по алмазу.
18. Араматикъ золотой.
19. Двѣнадцать мѣстъ золотыхъ изъ складней, въ нихъ по двѣ искры алмазныя.
20. Пять камней лазоревыхъ, яхонтовыхъ.
21. Семь пуговицъ большихъ золотыхъ, прорѣзныхъ, около нихъ яхонты, изумруды и жемчугъ.
22. Пуговица золотая большая, въ ней одинъ алмазъ да шесть яхонтовъ.

чевой. У него было два сына: Сергѣй (ген.-маіоръ), Иванъ (ст. сов.) и пять дочерей: Марія старшая, Анастасія за Измайловымъ, Марія младшая за Жеребцовымъ, Прасковья за Воейковымъ и Анна за Отяевымъ.

23. Пуговка золотая съ финифтью, въ ней шесть искръ яхонтовыхъ.
24. Обручъ золотой, что на рукахъ носятъ, съ личниками.
25. Цѣпочка золотая, длиною въ четверть.
26. Одинъ слитокъ золота.
27. Портретъ золотой, въ немъ гербъ, кругомъ осыпанъ алмазами.
28. Медаль золотая 725-го года о погребеніи Его Императорскаго Величества Государя Петра Великаго.
29. Три портрета золотыхъ иностранныхъ.
30. Три монеты большихъ золотыхъ.
31. Четыре монеты малыхъ золотыхъ.
32. Часы золотые.
33. Двѣ цѣпочки золотыя съ крючками отъ часовъ.
34. Десять червонцевъ.
35. Двое часовъ серебренные карманные.
36. Четыре портрета серебренныхъ.
37. Три готовальни, оклеены хозомъ и оправлены серебромъ.
38. Футляръ серебренный вызолоченъ, въ немъ наперстокъ.
39. Готовальня серебренная, въ ней кладется перышко, на верху печать сердоликовая.
40. Чернильница серебряная свертная.
41. Компасъ серебренный, въ готовальнѣ хозовой.
42. Готовальня черепаховая черная, въ которой кладется перышко.
43. Табакерка золотая, круглая, крышка наметная.
44. Табакерка раковая въ золотѣ.
45. Табакерка серебренная четвероугольная; крышка янтарная.
46. Табакерка серебренная сердечкомъ; крышка янтарная, по ней травы золотыя.
47. Табакерка серебренная обронной работы; внутри на кровлѣ портретъ.
48. Табакерка каменная синяя, оправлена серебромъ.
49. Табакерка каменная, оправлена серебромъ, вызолочена, въ кровлѣ камень разбитъ.
50. Табакерка серебренная съ голубою финифтью; оправа серебряная, вызолоченая и по ней травы золотыя.
51. Табакерка такая же бѣлая, круглая, внутри вызолочена, кровля разломлена.
52. Табакерка серебренная съ финифтью бѣлою, оправа серебряная вызолочена, по ней травы золотыя.
53. Табакерка черепаховая, оправлена серебромъ.
54. Табакерка серебренная внутри вызолочена.
55. Коробочка серебренная сканной работы.
56. Коробочка раковая, круглая, оправлена серебромъ.
57. Табакерка каменная неотдѣланная.
58. Табакерка янтарная круглая.
59. Табакерка черепаховая черная, круглая; внутри высеребряно.
60. Раковина морская.
61. Три опахала костеныя.
62. Кошелекъ складной, шитъ золотомъ и разными шелками.
63. Раковина чёрная.
64. Роспись рядная писана на гербовой бумагѣ приданому Марьи Львовны и сверху передрана.

рѣзныя; на крышкѣ маленькая шишечка; вѣсомъ сорокъ пять золотниковъ съ половиною.

221. Двѣ коробочки, одна маленько побольше, а другая поменьше, рѣзныя, съ лица и въ нихъ вызолочено; вѣсомъ восемьдесятъ два золотника съ половиною.

222. Коробочка съ крышкой рѣзная, золоченая; въ ней чернильница и съ перышкомъ песочница, и отъ чернильницы втулочка серебренная; вѣсомъ тридцать одинъ золотникъ.

223. Рюмка вызолоченная оная и дно рѣзныя; вертено витое, у веретена рѣпокъ фигурный; другая рюмка такая же, но ниже, рѣзная же; у ней три рожка; въ нихъ вѣсу пятьдесятъ девять золотниковъ съ четвертью.

224. Три шандала, мѣстами рѣзьба, въ нихъ вѣсу одинъ фунтъ сорокъ два золотника.

225. Одинъ шандалецъ серебренный, трубка витая съ гайкой; вѣса въ немъ четырнадцать золотниковъ съ четвертью.

226. Тарелка вызолочена, по краямъ рѣзьба; въ ней вѣсу шестьдесятъ четыре золотника.

227. Двѣ ложки, одна вилка тройная, все вызолочено; въ нихъ вѣсу тридцать восемь золотниковъ.

228. Чарка на трехъ ножкахъ съ двумя ручками, вся вызолочена; въ ней вѣсу двадцать восемь золотниковъ.

229. Солонка, по краямъ рѣзьба золоченая; въ ней вѣсу восемнадцать золотниковъ.

230. Чаша золотая, кругомъ вѣнца каменья; вѣсу въ ней семьдесятъ четыре золотника.

№ 6-й.

Ларецъ обитъ сукномъ краснымъ, а въ немъ:

231. Ларецъ серебреный чеканный на яблокахъ, и при томъ двѣ скобы и у крышки двѣ цѣпочки, серебренныя же, вѣсомъ семь фунтовъ шестьдесятъ семь золотниковъ. Въ немъ блюдечко серебреное по краямъ рѣзьба позолоченое; вѣсомъ тридцать два золотника.

232. Крышка отъ стакана серебренная, вызолоченная, съ яблокомъ; вѣсомъ семнадцать золотниковъ.

233. Щётка, оправлена серебромъ.

234. Футлярецъ, сдѣланъ рыбкой, серебренный, вызолоченной, чешуйчетый; вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ.

235. Блюдечко серебренное, края чеканные; вѣсомъ семь золотниковъ.

236. Два ароматичка серебренные; вѣсомъ восемь золотниковъ.

237. Подушечка низ[illegible] жемчугомъ и бисеромъ.

[illegible]ожка серебр[illegible]хая, шесть золотниковъ.

[illegible]нетка сер[illegible]странная.

[illegible]кка сереб[illegible]евая, мѣста[illegible]очена; черень витый; в[illegible]адцать зо[illegible]

[illegible]яночка в[illegible]стальная

[illegible]инецъ кр[illegible] у поддонка, оправа со[illegible]

[illegible]нъ серебр[illegible]нъ фунтъ восемь зо-хо[illegible]

99. Шнурованье тафтяное, алое, стегано голубымъ шелкомъ.

100. Шнурованье тафтяное, алое, стегано бѣлымъ шелкомъ, при немъ шнуръ шелковый, бѣлый.

101. Пуговицы серебренныя съ женскаго шлафора.

102. Пуговицы серебренныя, съ кистями, спороные съ женскаго шлафора.

103. Сюрокъ съ казакина цвѣтной, шелковый, пуговицы обшивныя, серебренныя.

104. Трость переломленая, у ней головка и двѣ гайки золотыя, на головкѣ личина, наконечникъ мѣдный.

105. Шпага, ефесъ и у ноженъ крючекъ и наконешникъ золотые.

106. Шапка женская соболья, верхъ бархатный алый, на ней чехолъ тарценелевой, черной.

107. Шапка голубая, шелковая, опушка сѣрая, шелковая-жъ.

108. Кафтанъ, камзолъ и штаны парчевые по голубой землѣ, травы мелкія, серебренныя, подбиты тафтою бѣлою; пуговицы вызолоченныя, серебренныя, петли обшиты пергаментомъ.

109. Камзолъ парчи серебренной, подбитъ бѣлой тафтой; пуговицы волоченыя серебренныя, петли обшиты по пергаменту.

110. Кафтанъ и штаны тарценелевыя коричневые, подбиты тафтою голубою, пуговицы серебренныя волоченыя, петли обшиты по пергаменту серебренному, у штановъ шлифъ серебренный съ пряжки серебренными.

111. Камзолъ тарценелевый голубой, подбитъ тафтой бѣлой, пуговицы серебренныя волоченныя, петли обшиты по пергаменту серебренному.

112. Кафтанъ тарценелевой голубой, съ штанами, подбитъ тафтою алою, пуговицы серебренныя волоченныя, петли обшиты по пергаменту серебренному, у кафтана обшлаговъ нѣтъ, у штановъ шлифы серебренные.

113. Кафтанъ суконный кофейный, съ штанами, подбитъ тафтою голубою, у кафтана обшлага парчевые, серебренные по голубой землѣ, камзолъ той же парчи съ бахромой серебренною, подбитъ бѣлою тафтою; у кафтана и у камзола и у штановъ пуговицы серебренныя обшивныя и тѣ петли обшиты по пергаменту серебренному, у штановъ шлифы серебренные.

114. Кафтанъ суконный кофейнаго цвѣта, съ искрою, подбитъ тафтою голубою, обшлага и клапаны и по борту искладено позументомъ серебреннымъ широкимъ и узкимъ, пуговицы серебренныя обшивныя.

115. Камзолъ тарценелевой тканый, алый, травы серебренныя, подбитъ тафтой бѣлой, пуговицы обшивныя, серебренныя, петли по пергаменту серебренному.

116. Кафтанъ съ штанами суконные васильковые по борту и на обшлагахъ и на штанахъ петли шиты золотомъ; подбитъ тафтою красною, пуговицы обшиты золотомъ.

117. Бешметъ тарценелевой пунцовый, по немъ писанныя серебренныя травки съ зеленымъ шелкомъ, пуговицы и петли и зашивки съ кистями и кругомъ шнурокъ серебренные, подбитъ шерстью бѣлымъ.

118. Камзолъ парчевой серебренный по голубой землѣ съ бахромою серебренною; той бахромы у правой полы отрѣзано на четверть, пуговицы обшиты волоченнымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту, подбитъ тафтою бѣлою.

119. Кафтанъ и камзолъ бархатные голубые, обложены пондешпаніемъ серебреннымъ, кафтанъ подбитъ тафтою бѣлою, пуговицы серебренныя волоченыя, у камзола пуговицы такія же, петли обшиты по пергаменту серебренному, подъ камзоломъ подбою нѣтъ.

120. Штаны бархатные черные, подбиты крашениною.

121. Кафтанъ, камзолъ и двое штановъ перпетцелевые, кафтанъ подбитъ тарценелемъ голубымъ, а камзолъ тафтою бѣлою; пуговицы и петли обшиты тою же тафтою, у штановъ шлифы, у однихъ серебреные, а другихъ гарусные.

122. Кафтанъ и камзолъ полуметные сѣрые, кафтанъ подбитъ тафтою голубою, а камзолъ тафтою бѣлою, пуговицы и петли обшиты гарусомъ того же цвѣта.

123. Штаны тарценелевые, черные, шлифы шелковые, съ пряжками серебреными.

124. Камзолъ съ лацканами суконный, гвоздичный, на бѣломъ хребтовомъ мѣху; пуговицы обшиты волоченымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту серебромъ.

125. Камзолъ ветхій, серебренный, насыпной, по брусничной землѣ; подбитъ тафтою бѣлою, пуговицы обшиты волоченымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту.

126. Кафтанъ, камзолъ и штаны ратиновые, черные, подбиты штофцемъ, шерстянымъ чернымъ.

127. Кафтанъ и камзолъ и двое штановъ суконные черные, кафтанъ подбитъ стамедомъ чернымъ; камзолъ подбитъ тафтою черною; пуговицы и петли тѣмъ же сукномъ.

128. Кафтанъ, камзолъ и штаны суконные черные; кафтанъ подбитъ штофцемъ суконнымъ чернымъ, а камзолъ тафтою черною; пуговицы волоченыя, петли обшиты гарусомъ.

129. Кафтанъ суконный черный, подбитъ стамедомъ чернымъ; пуговицы и петли гарусныя.

130. Камзолъ съ лацканомъ суконный, зеленый; пуговицы и петли гарусныя; подбитъ бумазеею бѣлою.

131. Штаны суконные дикаго цвѣта, подбиты бумазеею бѣлою.

132. Спорокъ сертучный суконный, гвоздичневый.

133. Изъ подъ кафтана мѣхъ овчинокъ черныхъ волнистыхъ; у одного рукава овчиннаго обшлага нѣтъ; петли обшиты серебромъ по пергаменту.

134. Шлафоръ мужской ветхій, штофный, по брусничной землѣ; подбитъ тафтою голубою.

135. Казакинъ штофной по пунцовой землѣ, травы серебренныя и разныхъ шелковъ; подбитъ тафтою пунцовою.

136. Казакинъ тарценелевой дымчатый, подбитъ тафтою брусничною; пуговицы обшиты серебромъ волоченымъ; петли обшиты тѣмъ же тарценелемъ.

137. Душегрѣйка бѣлая шита травами, пуговицы каменныя, съ золотыми стежками.

138. Душегрѣйка камчатая гулянная на заячьемъ мѣху.

139. Наметъ съ нахтыша штофный малиновый, обложенъ позументомъ золотымъ.

140. Кафтанъ, камзолъ и штаны спаниолетовые дымчатые, клѣтчатые; кафтанъ подбитъ рецентомъ желтымъ, камзолъ тафтою бѣлою, штаны полотномъ бѣлымъ, пуговицы обшитыя подъ цвѣтъ шелкомъ, серебромъ; у штановъ шлифъ подъ цвѣтъ съ пряжками стальными.

141. Кафтанъ и камзолъ бараковые, дикаго цвѣта; кафтанъ подбитъ бархатомъ чернымъ, камзолъ тафтою бѣлою; пуговицы и петли подъ цвѣтъ шелковыя

при томъ штаны бархатныя черныя; шлифы шелковые, черные, съ пряжками серебренными.

142. Кафтанъ, камзолъ и штаны суконные вишневые; кафтанъ подбитъ тафтою голубою; камзолъ подбитъ тафтою бѣлою; штаны полотномъ бѣлымъ; пуговицы и петли гарусные подъ цвѣтъ; у штановъ шлифы подъ цвѣтъ шелковые, съ пряжками серебренными.

143. Бешметъ желтый, по немъ травы серебренныя, съ разными шелками; нашивки съ кистями серебренныя, пуговицы обшивныя волоченымъ серебромъ; петли по пергаменту обшиты серебромъ кругомъ шнуромъ серебрянымъ.

144. Шапка, верхъ парчи, золотая; овчинка волнистая черная; на верхъ кисть серебряная.

145. Позументу золотаго одностороняго, мѣрою девяносто восемь аршинъ три четверти.

146. Шапка мужская соболья, верхъ бархатный черный.

147. Шапка мужская, верхъ бархатный голубой, околышъ овчинки сѣрой, тулья соболья пупчетая.

148. Картузъ суконный черный, безъ полъ.

149. Картузъ суконный малиновый, поля бархатныя голубыя.

150. Колпакъ реценной жеркой (sic), шитъ серебромъ мѣстами, на верхъ кисточка серебряная.

151. Колпакъ тафтяной зеленой, обложенъ бахромою шёлковою бѣлою.

152. Колпакъ моровой бѣлой, обложенъ плетенкомъ серебреннымъ, ветхій.

153. Сукна алаго полъ-аршина.

154. Перпетухия (sic) два лоскута.

155. Овчина черная пупчетая.

156. Портупей кортичный позумента золотаго, подложенъ сукномъ.

157. Портупей кортичный позумента серебреннаго, ветхій.

158. Портупей кортичной лента серебренная по коричневой землѣ.

159. Портупей кортичный шелковый зеленый.

160. Три портупея шпажные самые ветхіе.

161. Шпага, эфесъ, крючокъ и наконешникъ серебренные, клинокъ трегранный.

162. Трость, при ней головка и гайка золотая, наконечникъ мѣдный.

163. Рукавицы выдровыя на лисьемъ мѣху, ветхія.

164. Кортикъ-эфесъ и крючокъ и наконечникъ серебренные.

165. Портупей кортичный лентовый, по голубой землѣ травы серебренные.

166. Шпага, ефесъ, крючокъ и наконечникъ серебренные, клинокъ трегранный.

167. Портупей шпажный шелковый, зеленый, тканый, коймы золотыя, пряжка мѣдная.

168. Портупей кортичный, серебренный тканый.

169. Епанча суконная алая, воротникъ истертъ и по прорѣхѣ обложена позументомъ золотымъ въ два раза.

170. Позументу серебреннаго снятаго съ портища; по описи 734 года показано вѣсомъ два фунта, изъ того по той же описи въ расходѣ на башмаки и къ колыбели, семьдесятъ восемь золотниковъ, а нынѣ на-лицо одинъ фунтъ пятьнадцать золотниковъ, не явилось трехъ золотниковъ.

171. Лоскутъ парчи золотой старой.

172. Два обшлага тарценелевые голубые, петли обшиты аргументомъ серебреннымъ.

173. Пологъ флеровой бѣлый.
174. Завѣсъ отъ окна полотняный.
175. Три завѣса кисейныхъ отъ оконъ.

№ 4-й.

Сундукъ липовой, а въ немъ серебра:

176. Шесть блюдъ полистыхъ, края рѣзные съ чернью, каемки вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцать три фунта семьдесятъ восемь золотниковъ.

177. Шесть блюдъ глубокихъ, по краямъ травы разныя вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцать семь фунтовъ сорокъ шесть золотниковъ.

178. Двѣ кружки вызолоченныя черневыя, каждая на трехъ яблокахъ, въ нихъ вызолочено съ ручками и на нихъ рожки, вѣсомъ восемь фунтовъ шестьдесятъ девять золотниковъ.

179. Двѣ кружки на яблокахъ; на крышкахъ по яблоку съ ручками, съ чернью, разныя,—вѣсомъ семь фунтовъ семьдесятъ семь золотниковъ съ половиною.

180. Кувшинъ, ручка витая, вѣсомъ два фунта восемьдесятъ золотниковъ.

181. Три чашки съ ручками на ножкахъ, вѣсомъ одиннадцать фунтовъ сорокъ одинъ золотникъ.

182. Кружка, внутри и съ лица и на крышкѣ вызолочена съ чернью, два яблока съ когтями отломлены; вѣсомъ три фунта восемьдесятъ одинъ золотникъ.

183. Двѣ кружки съ рѣзьбой вызолочены, вѣсомъ четыре фунта сорокъ шесть золотниковъ.

184. Дюжина тарелокъ, по краямъ поля рѣзныя, черневыя; вѣсомъ семь фунтовъ девяносто золотниковъ съ половиною.

185. Кувшинъ большой, серебренный, вызолоченъ; накладки бѣлыя, чеканныя, прорѣзныя; вѣсомъ двадцать восемь фунтовъ двѣнадцать золотниковъ.

186. Кружка большая съ ручкою, вызолочена съ лица, а внутри и около ея и на крышкѣ личины; вѣсомъ шесть фунтовъ пятьдесятъ одинъ золотникъ.

187. Другая кружка такая же; вѣсомъ шесть фунтовъ три золотника.

188. Шесть чашекъ водочныхъ, гладкія; вѣсомъ сорокъ два золотника.

189. Ложка суповая; вѣсомъ пятьдесятъ восемь золотниковъ.

190. Двадцать четыре ложки столовыхъ; вѣсомъ два фунта пятьдесятъ пять золотниковъ.

191. Пятнадцать ложекъ маленькихъ, въ томъ числѣ одна переломлена; вѣсомъ пятьдесятъ золотниковъ.

192. Шесть паръ ножей серебренные, черенья съ вилками; въ нихъ вѣсу съ желѣзомъ одинъ фунтъ двадцать-семь золотниковъ.

193. Шесть вилокъ съ такими же черенъями, да пять череновъ безъ лезвіевъ, въ нихъ вѣсу девяносто одинъ золотникъ.

194. Три чашки серебренныя съ финифтью; вѣсомъ одинъ фунтъ тридцать золотниковъ.

195. Поддонъ, что на оной ставятся судки, и при ономъ солонка, да четыре судка, да на верху тарелка, черневыя, вызолочены; вѣсъ семь фунтовъ шестьдесятъ золотниковъ.

196. Одиннадцать паръ разныхъ рукъ ножей съ вилками; вѣсомъ, и съ желѣзомъ, два фунта семьдесятъ три золотника.

197. Двѣ солонки; вѣсомъ пятьдесятъ золотниковъ.

198. Готовальня рѣзная съ чернью, мѣстами золочена, въ ней шесть коробочекъ; вѣсомъ три фунта тридцать три золотника съ половиною.

199. Два блюда глубокихъ вызолоченныхъ; вѣсомъ семь фунтовъ четырнадцать золотниковъ.

200. Чайникъ чеканной работы; вѣсомъ одинъ фунтъ восемьдесятъ шесть золотниковъ.

201. Стаканъ большой вызолоченъ, да пять стакановъ поменьше; вѣсомъ одинъ фунтъ двадцать шесть золотниковъ.

202. Чайникъ чеканный; безъ крышки съ ручкою деревянною; вѣсомъ девяносто три золотника.

203. Шандалъ, вмѣсто вертена мужикъ, мѣстами вызолоченъ; вѣсомъ три фунта три золотника; съ правой ноги прикрѣпки не имѣется.

204. Въ погребцѣ шесть четвертинъ съ шурупами, мѣстами золочены, грани черневыя; вѣсомъ десять фунтовъ четырнадцать золотниковъ.

205. Погребецъ покрытъ кожей красною и обитъ желѣзомъ, внутри краснымъ сукномъ; въ немъ шесть четвертиновъ граненыхъ, съ личинками чеканными, безъ крышекъ; вѣсомъ двѣнадцать фунтовъ семьдесятъ семь золотниковъ.

206. Блюдо большое, по полямъ рѣзьба, мѣстами вызолочена; вѣсомъ восемнадцать фунтовъ тридцать восемь золотниковъ.

207. Лахань чеканная, съ личинами, вызолочена, вѣсомъ шесть фунтовъ сорокъ девять золотниковъ.

208. Три чашки чешуйчетыя золоченыя; вѣсомъ два фунта двадцать золотниковъ.

209. Семь тарелокъ суповыхъ золоченыхъ, въ томъ числѣ одна не золоченая; вѣсомъ одиннадцать фунтовъ сорокъ восемь золотниковъ.

210. Кофейникъ бронной работы, на трехъ ножкахъ, двѣ ручки на верху; шишечка, три ключа выемные, на ножкахъ и на ручкахъ личинки, вѣсомъ шесть фунтовъ пять золотниковъ.

211. Два поддона большихъ, вѣсомъ пять фунтовъ сорокъ три золотника.

212. Кружка лощетая вызолочена; вѣсомъ два фунта шесть золотниковъ; на крышкѣ яблока нѣтъ.

213. Четыре шандала большихъ; вѣсомъ три фунта девяносто четыре золотника.

214. Лахань чеканная съ личинами, мѣстами поля вызолочены; вѣсомъ двѣнадцать фунтовъ семьдесятъ три золотника.

215. Лахань чеканная, поля прорѣзныя; вѣсомъ пять фунтовъ сорокъ пять золотниковъ.

216. Солонка круглая чеканная; вѣсомъ девятнадцать золотниковъ.

№ 5-й.

Шкатулка оклеенная красною кожею, обита желѣзомъ, а въ ней посуды серебренной вызолоченной.

217. Рукомойникъ съ блюдомъ, рѣзные, вызолочены сверху и внутри; вѣсомъ три фунта тридцать четыре золотника.

218. Чашка съ крышкою; на крышкѣ змѣйка золоченая, двѣ ручки съ рѣзьбой; вѣсомъ восемьдесятъ золотниковъ.

219. Стаканъ съ лица и внутри вызолоченъ, хозовой работы; въ немъ вѣсу тридцать девять золотниковъ.

220. Стаканъ съ крышкою съ лица и внутри вызолочено; оный и крышка

рѣзныя; на крышкѣ маленькая шишечка; вѣсомъ сорокъ пять золотниковъ съ половиною.

221. Двѣ коробочки, одна маленько побольше, а другая поменьше, рѣзныя, съ лица и въ нихъ вызолочено; вѣсомъ восемьдесятъ два золотника съ половиною.

222. Коробочка съ крышкой рѣзная, золоченая; въ ней чернильница и съ крышкомъ песочница, и отъ чернильницы втулочка серебренная; вѣсомъ тридцать одинъ золотникъ.

223. Рюмка вызолоченная оная и дно рѣзныя; вертено витое, у веретена рѣпокъ фигурный; другая рюмка такая же, но ниже, рѣзная же; у ней три рожка; въ нихъ вѣсу пятьдесятъ девять золотниковъ съ четвертью.

224. Три шандала, мѣстами рѣзьба, въ нихъ вѣсу одинъ фунтъ сорокъ два золотника.

225. Одинъ шандалецъ серебренный, трубка витая съ гайкой; вѣса въ немъ четырнадцать золотниковъ съ четвертью.

226. Тарелка вызолочена, по краямъ рѣзьба; въ ней вѣсу шестьдесятъ четыре золотника.

227. Двѣ ложки, одна вилка тройная, все вызолочено; въ нихъ вѣсу тридцать восемь золотниковъ.

228. Чарка на трехъ ножкахъ съ двумя ручками, вся вызолочена; въ ней вѣсу двадцать восемь золотниковъ.

229. Солонка, по краямъ рѣзьба золоченая; въ ней вѣсу восемнадцать золотниковъ.

230. Чаша золотая, кругомъ вѣнца каменья; вѣсу въ ней семьдесятъ четыре золотника.

№ 6-й.

Ларецъ обитъ сукномъ краснымъ, а въ немъ:

231. Ларецъ серебреный чеканный на яблокахъ, и при томъ двѣ скобы и у крышки двѣ цѣпочки, серебренныя же, вѣсомъ семь фунтовъ шестьдесятъ семь золотниковъ. Въ немъ блюдечко серебреное по краямъ рѣзьба позолоченое; вѣсомъ тридцать два золотника.

232. Крышка отъ стакана серебренная, вызолоченная, съ яблокомъ; вѣсомъ семнадцать золотниковъ.

233. Щётка, оправлена серебромъ.

234. Футлярецъ, сдѣланъ рыбкой, серебренный, вызолоченной, чешуйчетый: вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ.

235. Блюдечко серебренное, края леканные; вѣсомъ семь золотниковъ.

236. Два ароматичка серебренные; вѣсомъ восемь золотниковъ.

237. Подушечка низанная жемчугомъ и бисеромъ.

238. Ложка серебренная, ветхая, шесть золотниковъ.

239. Монетка серебренная иностранная.

240. Ложка серебренная, черневая, мѣстами вызолочена; черень витый; вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ.

241. Стклянночка въ футлярѣ хрустальная, красная.

242. Кувшинецъ краснаго стекла, разбито у носка и у поддонка, оправа серебренная.

243. Стаканъ серебренный, вызолоченъ; вѣсомъ одинъ фунтъ восемь золотниковъ.

244. Кружка серебренная, внутри и съ наружи мѣстами вызолочена; на крышкѣ гербъ; вѣсомъ одинъ фунтъ семьдесятъ одинъ золотникъ.

245. Рукомойникъ серебренный, сдѣланъ попугаемъ; вѣсомъ одинъ фунтъ десять золотниковъ.

246. Одна скатерть.

247. Двадцать три салфетки.

248. Судки серебренные, стоячіе, съ фигурами и травы около вертен выкрашены; на нихъ три судка да двѣ чашки серебренныя; вѣсомъ десять фунтовъ сорокъ четыре золотника.

249. Туфли бѣлыя, тканыя золотомъ.

250. Туфли алыя, тканыя серебромъ.

251. Туфли зеленыя, тканыя серебромъ.

252. Туфли зеленыя, тканыя золотомъ.

253. Черевики по вишневому бархату, шиты золотомъ.

254. Туфли замшевыя, съ серебренною лентою.

255. Черевики парчевые, серебренные.

256. Черевики оберинные, бѣлые, шитые золотомъ.

257. Черевики тафтяные, алые, шитые серебромъ.

258. Дощечка костяная, китайская.

259. Компасъ съ ночными часами костяной, изломанный.

№ 7-й.

Ящикъ сосновый,—въ немъ:

260. Шесть тарелокъ фарфоровыхъ, цвѣтныхъ, съ золотомъ.

261. Три блюдечка фарфоровыхъ, лощетыхъ, цвѣтныхъ, съ золотомъ.

262. Четыре блюдечка хрустальныхъ, травчатыхъ.

263. Двѣ чашки китайскія, съ крышками.

264. Двѣ чашки фарфоровыя желтыя.

265. Двѣ чашки яшмовыя, съ ручками.

266. Одна чашка фарфоровая, песочная.

267. Шесть чашекъ фарфоровыхъ кофейныхъ, съ алыми цвѣтами.

268. Шесть чашекъ фарфоровыхъ съ блюдечками, чайныхъ, цвѣтныя съ золотомъ.

269. Пять чашекъ цвѣтныхъ фарфоровыхъ, съ золотомъ.

270. Чашка черная китайская плетёная.

271. Двѣ чашечки водочныя орѣховыя.

272. Двѣ чашечки водочныя перловыя, бѣлыя.

273. Три чашечки водочныя фарфоровыя, цвѣтныя.

274. Шесть чашекъ бѣлой глины; лощетыя, водочныя.

275. Четыре блюдечка фарфоровыхъ синихъ.

276. Одно блюдечко фарфоровое, сверху синее, внизу кофейнаго цвѣта.

277. Четыре кувшинца бѣленькими цвѣточками.

№ 8-й.

Ящикъ сосновый задвижной, окованъ желѣзомъ, въ немъ:

278. Математическихъ инструментовъ и циркулей десять мѣстъ въ корпусахъ.

279. Ящикъ деревянный, восьми-гранный, съ инструментомъ.

280. Да безъ корпуса круглый инструментъ.
281. Да четыре циркуля.

№ 9-й.

Ларчикъ черно-цвѣтный лаковый, а въ немъ:
282. Цвѣты и бумажки разные китайскіе.

№ 10-й.

Сундукъ, верхъ обитъ кожею и желѣзомъ, а въ немъ:
283. По описи 734 года показано бархату рыжаго съ золотыми и разными цвѣтами, въ одной штукѣ, мѣрою пятьдесятъ три аршина девять вершковъ, а нынѣ явилось на лицо пятьдесятъ одинъ аршинъ съ половиною, а не явилось двухъ аршинъ одного вершка.
284. Въ другой штукѣ три аршина семь вершковъ.
285. Такое же одѣяло постельное, въ три полотнища, длиною три аршина три четверти.
286. Двѣ штуки, длиною каждая по три аршина, шириною по шести вершковъ.
287. Кафтанъ дѣтскій, вишнёвый, бархатный, мѣхъ соболій пупчетый, обложенъ золотымъ позументомъ.
288. Штофу шерстянаго коричневаго; кусокъ мѣрою шестнадцать аршинъ.
289. Мѣхъ бѣлій хрептовый, негодный; да рукавъ бѣлій, ветхій.
290. Штофу шерстянаго коричневаго, мѣрою три аршина съ половиною.
291. Пола соболья пластинчатая.
292. Штаны полосатые тафтяные, подложены холстиною.
293. Подкладка байковая, полосатая, изъ подъ мужскаго шлафора.
294. Одно мѣсто черное мушкарацкое тафтяное.
295. Остатокъ бѣлой байки, мѣрою четырнадцать вершковъ.
296. Лоскутъ чернаго суконца.
297. Другой лоскутъ чернаго сукна толстаго.
298. Лоскутъ чернаго стамеду.
299. Лоскутъ хлопчатаго мѣху бумажнаго.
300. Мѣхъ бѣлій, изъ подъ казакина ветхій.
301. Соболій лоскутъ пупчетой.

№ 11-й.

Сундукъ обитъ нернью и желѣзомъ бѣлымъ, а въ немъ:
302. Камки кофейной тринадцать аршинъ.
303. Муфта соболья.
304. Муфта переная алая.
305. Два рукава, да два лоскута соболья пупчетые.
306. Рукавъ бѣлій, покрытъ атласомъ вишневымъ, при немъ двѣ ленты полосатыя.
307. Нагрудникъ рысій, покрытъ тафтою голубою.
308. Одинъ лоскутъ брусничной камки.
309. Подкладка изъ подъ штановъ бумажки бѣлой.
310. Лоскутъ колыбельной, да семь ушковъ колыбельныхъ, бархатные, по алиновой землѣ травы золотыя и серебренныя.
311. Двѣ чашечки-пудреницы китайской работы.

312. Стклянночка хрустальная, съ серебреннымъ тисномъ.

313. Башмаки оберинные бѣлые, съ серебреннымъ позументомъ.

314. Туфли матерін серебренной, шиты серебромъ.

315. Въ мѣшечкѣ лоскутики соболи и самые мелкіе.

Дѣтскаго платья:

316. Кафтанъ да штаны оберинные лимонные, кафтанъ обложенъ золотнымъ плетешкомъ, пуговицы обшивныя, золотныя.

317. Душегрѣйка атласная, алая, обложена плетешкомъ серебреннымъ, да на ней восемь пуговицъ серебренныхъ.

318. Душегрейка камчатая малиновая, обложена плетешкомъ золотнымъ и серебреннымъ.

319. Душегрѣйка атласная алая, обложена плетешкомъ серебренныхъ; у ней двадцать пуговицъ, да восемь крючковъ.

320. Перчатки атласныя алыя, на собольемъ пупчетомъ мѣху.

Бѣлья:

321. Шестнадцать сорочекъ женскихъ голландскаго полотна.

По описи 734 показано:

322. Одиннадцать косынокъ кисейныхъ, восемь косынокъ голландскихъ, изъ оныхъ по той же описи показано одна кисейная да шесть голландскихъ, выданы Екатеринѣ Ивановнѣ, приняла мама, а нынѣ на лицо одна косынка кисейная, а не явилось двухъ косынокъ голландскихъ да девяти кисейныхъ.

323. Пять занавѣсовъ уборныхъ голландскихъ, въ томъ числѣ одинъ кисейный да одинъ холстинный.

324. Одна простыня постельная голландская съ кружевомъ.

325. Четыре наволочки камортковыя съ кружевомъ.

326. Двѣ наволочки камортковыя же малинныя съ кружевомъ.

327. Пять простынь голландскихъ, да одна холстинная простыня.

328. Семь наволочекъ голландскихъ.

329. Толстая простыня холстинная.

330. Одиннадцать салфетокъ камчатыхъ.

331. По описи 1734 года показано: восемь скатертей большихъ ткацкихъ, а нынѣ на лицо восемь кусковъ скатертей ткацкихъ, мѣрою семьдесятъ семь аршинъ съ четвертью.

332. Двадцать сорочекъ мужскихъ верхнихъ съ манжетами.

333. Шесть сорочекъ верхнихъ безъ манжетъ.

334. Пять сорочекъ исподнихъ.

335. Четыре порты ткацкаго полотна.

336. Шесть галздуковъ кисейныхъ длинныхъ.

337. Двѣнадцать галздуковъ кисейныхъ короткихъ съ шнурками.

338. Девять полотенецъ личныхъ.

339. Двѣ скатерти камчатыхъ.

340. Девять плюзеровъ.

341. Косякъ флеру брусничнаго травчатаго.

342. Пологъ дѣтскій болберековой брусничный, кругомъ его и на верху кружево. Золото серебромъ да съ рѣпьями, въ которыхъ бить серебренная.

343. Верхъ казакинный штофный, цвѣтной по лимонной землѣ травы бѣлыя, петли и пуговицы обшиты также штофомъ.

344. Да подъ вышеписанный казакинъ мѣхъ бѣлій, чешуйчатый.

488. Арчакъ; обѣ луки и огиби и извѣсти обложены серебромъ; на лукахъ особо мѣста серебренныя, мѣстами золоченыя съ чернью; подушка, крыща и тебенки матеріи золото-серебромъ; въ извѣстяхъ четыре колечка серебренныхъ; подпруги, пристуги, путлища тесьмы шелковой цвѣтной, нашиты на красномъ сафьянѣ.

489. Два тебенка бархатные, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

490. Плеть плетьникъ обложенъ весь серебромъ.

491. По описи 734 года показано: бахрамы шелковой широкой, разныхъ цвѣтовъ, девятнадцать аршинъ два вершка; бахрамы шелковой, разныхъ цвѣтовъ, узкой, тридцать три аршина съ половиною; бахрамы такого же цвѣту, самой узкой, девятнадцать аршинъ семь вершковъ; бахрамы простой, разныхъ цвѣтовъ, два аршина два вершка, а нынѣ на лицо той бахрамы узелъ гнилой.

492. Обою полотнаго штофъ травчатой, по малиновой землѣ травы разныхъ шелковъ, съ полосами, одиннадцать полотнищъ съ половиною, въ нихъ мѣрою, въ каждомъ полотнищѣ, по четыре аршина по семи вершковъ, итого пятьдесятъ одинъ аршинъ съ полувершкомъ.

493. Того же штофнаго обою полтора полотнища сшито, мѣрою, въ длину, одинъ аршинъ одиннадцать вершковъ.

494. Обери малиновой четыре аршина десять вершковъ съ половиною.

495. Отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ голубыхъ шесть, каждая въ одно полотнище, мѣрою каждая длиною, по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ.

496. Да фалборовъ четыре, въ трехъ длины въ каждомъ, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а въ четвертомъ одинъ аршинъ три четверти.

497. По описи 734 года показано отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ желтыхъ шесть; въ каждой мѣрою по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ, да три фалбора, въ каждомъ, мѣрою, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а нынѣ на лицо завѣсы мышами изъѣдены, а фалборъ одинъ, а не явилось двухъ фалборовъ.

498. Шарфъ черный шелковый, на вишневой камкѣ.

499. Камки красной отъ окна, въ три полотнища, въ каждомъ мѣрою по три аршина по шести вершковъ, итого десять аршинъ два вершка, а фалборы мѣрою два аршина съ четвертью.

500. Позументу золотаго, мѣрою одиннадцать аршинъ пять вершковъ, вѣсомъ семьдесятъ-восемь золотниковъ съ половиною.

501. Ленты было оберинной шелковой десять аршинъ.

502. Ленты тканой золотой, шириною въ полтретья вершка, длиною одинъ аршинъ семь вершковъ.

503. Два остатка позументу золотаго узкаго, въ обоихъ мѣрою два аршина четырнадцать вершковъ; вѣсомъ восемь золотниковъ съ половиною.

504. Лоскутъ маленькой парчи золотой.

505. Отъ иконъ завѣсъ, тафтяной пунцовой въ два полотнища ветхой, каждое мѣрою въ длину, по три аршина по три вершка, итого шесть аршинъ шесть вершковъ.

506. Изорбафу алаго два аршина.

507. Изорбафу цвѣтнаго малиноваго, мѣрою въ длину одинъ аршинъ девять вершковъ.

въ нихъ пятьдесятъ два камня красныхъ, вѣсомъ два фунта восемь золотниковъ три четверти.

472. Лосина бѣлая.

473. Трокъ сафьянный, сѣдельный, шитъ мѣстами серебромъ и золотомъ волоченымъ, въ шитьѣ тринадцать бирюзъ.

474. Трость чипрасовая: головка мѣдная, золоченая, конечникъ ее серебренный, подъ нимъ фигурка мѣдная, съ желѣзнымъ копьецомъ.

475. Тебёнки (sic) по красному сукну шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по краямъ острочено хозомъ зеленымъ; къ нимъ крылцы (sic) той же работы.

476. Тебёнки китайской работы писанныя.

477. Крылцы сѣдельные, бархатные, малиновые.

478. Платъ войлочный, сѣдельный, бархатный, алый, кругомъ обложенъ кружевомъ съ городами, золото съ серебромъ; подложенъ сукномъ алымъ.

479. Челдарь (sic) матеріи серебренной; кругомъ его бахрама золотная; подбитъ краснымъ кумачомъ; ветхій.

480. Войлокъ подсѣдельный, бархатный, красный, рытый, подложенъ кумачемъ краснымъ; обшитъ съ двухъ сторонъ матеріею золотою.

481. Войлокъ подсѣдельный матеріи серебряной, ветхій, подбитъ краснымъ кумачомъ; съ двухъ сторонъ обшитъ тою же матеріею.

482. Попона штофцу суконнаго алая; въ срединѣ и кругомъ ея шита разными шелками, подбита киндякомъ желтымъ.

483. Сѣдло-арчакъ черкесскій, обѣ луки, извѣстные концы и извѣсти обложены гладкимъ золоченымъ серебромъ; въ извѣстяхъ четыре скобки серебренныя, золоченыя же; подушка и крылцы и тебёнки, обери насыпной, по алой землѣ травы бархатныя; подпруги и путилища обшиты сафьяномъ краснымъ; стремяна китайскія, съ насѣчкою золотою.

484. Сѣдло русское, у него арчакъ уфимской; обѣ луки оклеены краснымъ хозомъ, огибъ серебренная, вызолочена, на ней же по три штуки серебренныя, прорѣзныя, вызолочены; въ извѣстяхъ четыре колечка съ рѣпьями; подушка и крылцы и сверху луки бархатныя жаркія, тебёнки кожаныя, шиты серебромъ съ золотомъ; стремена желѣзныя.

485. Сѣдло нѣмецкое, верхъ малиноваго бархату; по подушкѣ и по сторонамъ прошито плетешками золотными и кругомъ обложено позументомъ и бахромою золотною; у передней луки двѣ пряжки да подъ задней лукою одна пряжка серебренная, золоченая; кругомъ передней и задней лукъ, въ обогъ, серебренныхъ тридцать девять гвоздей, золоченыхъ; набалдашникъ мѣдный, тебёнки бархатныя, малиновыя, на красной яловочной кожѣ; кругомъ ихъ обложено цѣпочкою серебренною городками по счету восемьдесятъ восемь мѣстъ; подпруги кежовыя, шелковыя; стремена мѣдныя, у него же чепракъ бархатный малиновый, по ушамъ шитый золотомъ, кругомъ обложенъ позументомъ и бахромою золотою; того же сѣдла чешки бархатныя, малиновыя, на нихъ вышиты травы золотомъ, кругомъ обложены позументомъ и бахромою золотою.

486. Изъ подъ того сѣдла войлокъ крытъ сафьяномъ чернымъ и кругомъ по красному сафьяну шито золото серебромъ, въ шитьѣ восемнадцать мѣстъ серебренныхъ, золоченныхъ, съ бирюзами, кругомъ по краямъ войлокъ обшитъ бархатомъ малиновымъ, подложенъ сукномъ краснымъ.

487. Того же сѣдла олстры хозовыя, черныя, набалдашники серебренные, чеканные, вызолоченные, двѣ пряжки пристяжныя мѣдныя; съ того сѣдла наметъ суконный, красный, обложенъ кругомъ бахрамою золотною; все ветхое.

403. Камзолъ атласный, сливный, подбитъ тафтою такою же, петли шиты золотомъ.

404. Камзолъ штофу шерстянаго песочнаго, петли шиты золотомъ безъ подкладки.

405. Штаны вишневые, атласные, подбиты тафтою красною, по обѣимъ сторонамъ ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

406. Штаны камлотовые, вишневые, подбиты тафтою гулянною (sic), ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

407. Штаны песочнаго штофу подбиты тафтою бѣлою, ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

408. Штаны коричневаго цвѣту штофные, подбиты тафтою бѣлою.

409. Штаны штофу песочнаго, подбиты тафтою осиновою.

410. Кушакъ шелковый, красный, вязаный.

411. Одинъ шарфъ пестрый.

412. Девять сорочекъ женскихъ, старинныхъ холстинныхъ.

413. Кафтанъ камчатый коричневый, подбитъ камкою вишневою, у рукавовъ по шести гнѣздъ и гапель серебренныхъ.

№ 15.

Сундукъ оклеенъ нерпью, обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

414. Скатерть нѣмецкая.

415. Тридцать салфетокъ нѣмецкихъ.

416. Десять скатертей нѣмецкихъ.

417. Сорокъ четыре куска съ половиною салфетокъ, мѣрою въ нихъ восемьсотъ пятьдесятъ девять аршинъ два вершка.

418. Двадцать-пять кусковъ скатертей, мѣрою въ нихъ двѣсти тридцать пять аршинъ десять вершковъ.

№ 16.

Ларецъ обитъ малиновымъ штофомъ, кругомъ обложенъ галуномъ серебреннымъ, а въ немъ:

419. Платокъ флеровый бѣлый, шитъ серебромъ.

420. Платокъ флеровый брусничный, шитъ серебромъ съ канителью.

421. Платокъ флеровый брусничный, шитъ серебромъ и травы шелковыя голубыя.

422. Платокъ флеровой, голубой, каймы тканыя, серебренныя.

423. Палатинъ серебренный, шитъ по зеленому тарценелю, а при немъ восемь штучекъ.

424. Палатинъ тканый серебренный, цвѣтенъ разными шелками.

425. Лацканъ серебренный.

426. Лацканъ и при немъ палатинъ серебренный съ алымъ шелкомъ.

427. Два лацкана, одинъ золотный, другой серебренный.

428. Лацканъ шитъ серебромъ, разцвѣченъ разными шелками.

429. Игла золотая, въ ней двѣ искры алмазныя, да искра изумрудная.

430. Лацканъ серебренный съ битью.

431. Лацканъ серебренный, кругомъ бахрама.

432. Лацканъ серебренный.

433. Лацканъ серебренный, съ пропуровою лентою.

434. Отъ сорочки женской манжеты съ нѣмецкимъ кружевомъ и съ лентами брусничными.

435. Платокъ ситцевой.
436. Подвязки серебренныя.
437. Другія подвязки серебренныя, съ голубымъ шелкомъ.
438. Третьи подвязки серебренныя съ алымъ шелкомъ.
439. Три банта серебренные, съ кистями къ опахаламъ.
440. Башмаки по голубому тарценелю, шиты серебромъ.
441. Черевики матеріи серебренной, тканыя.
442. Поясъ по осиновой тафтѣ шитъ серебромъ; на концахъ бахрама серебренная.
443. Булавка серебренная, большая, на головѣ вырѣзано имя Дарьи Кирловны *).

№ 17-й.

Шляпникъ сосновый окованъ желѣзомъ, а въ немъ:
444. Двѣ шляпы пуховыя съ пандешпаніею.
445. Шляпа пуховая съ позументомъ серебреннымъ, прорѣзнымъ.
446. Натруска роговая, ветхая.

№ 18-й.

Сундукъ большой сосновый, а въ немъ:
447. Узда боярина Кирилы Полуэктовича, наборъ серебренный, дощатый съ рѣпейчиками, подложена сафьяномъ, наугольники граненые, въ удѣлахъ веретенцо съ кольцами серебренные, а набору на ней пятьдесятъ семь мѣстъ.
448. Узда ременная съ ухватомъ, на ней наборъ серебренный чеканный, вызолоченъ, съ бирюзами, на ней по счету тридцать девять мѣстъ, а на ухватѣ семьдесятъ два бубенца серебренные.
449. Къ той же уздѣ похви съ такимъ же наборомъ, на нихъ по счету девять мѣстъ, напаховникъ шитъ по малиновому бархату серебромъ и золотомъ, кругомъ его бахрама; въ срединѣ варварка да четыре кисти съ блесками.
450. Часдарь оберь (sic) серебренная, насѣчная, по ней травы бархатныя, кругомъ ея кружево серебренное, съ бахрамою золотою, подложено кумачомъ.
451. Муштукъ желѣзный, ремень черный, наборъ серебренный, бѣлый, на немъ сорокъ семь мѣстъ, къ ней пахви и паперсть (sic) съ такимъ же наборомъ, на похвяхъ двѣнадцать, на паперсти девятнадцать мѣстъ.
452. Платъ бархатный, малиновый, кругомъ его кружево серебренное съ городами, обшитъ шнуромъ золотымъ, подложенъ крашениною зеленою.
453. Пара олстровъ (sic) по красному хозу, шитъ золотомъ съ бирюзами, наконечники серебренные.
454. Муштукъ арабскій, наборъ серебренный съ чернью, вызолоченъ, набиранъ по тесьмѣ красной, подложенъ сафьяномъ краснымъ; подбородокъ связанъ къ головѣ цѣпочками серебренными, а счетомъ тѣхъ цѣпочекъ девять; на томъ же муштукѣ у перечелка кругъ серебренный прорѣзной, мѣстами вызолоченъ, съ чернью, при томъ же кругѣ четырнадцать кистей шелковыхъ; на томъ муштукѣ набору сто-сорокъ мѣстъ; у нея поводъ тесьмянный, красный.
455. Узда турецкая съ паперстью и похвями, наборъ серебренный, вызолоченъ, съ чернью; набирана по зеленой тесьмѣ; подшита сафьяномъ краснымъ;

*) Нарышкиной, матери Екатерины Ивановны.

488. Арчакъ; обѣ луки и огиби и извѣсти обложены серебромъ; на лукахъ особо мѣста серебренныя, мѣстами золоченыя съ чернью; подушка, крыща и тебенки матеріи золото-серебромъ; въ извѣстяхъ четыре колечка серебреныхъ; подпруги, пристуги, путлища тесьмы шелковой цвѣтной, нашиты на красномъ сафьянѣ.

489. Два тебенка бархатные, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

490. Плеть плетьникъ обложенъ весь серебромъ.

491. По описи 734 года показано: бахрамы шелковой широкой, разныхъ цвѣтовъ, девятнадцать аршинъ два вершка; бахрамы шелковой, разныхъ цвѣтовъ, узкой, тридцать три аршина съ половиною; бахрамы такого же цвѣту, самой узкой, девятнадцать аршинъ семь вершковъ; бахрамы простой, разныхъ цвѣтовъ, два аршина два вершка, а нынѣ на лицо той бахрамы узелъ гнилой.

492. Обою полотнаго штофъ травчатой, по малиновой землѣ травы разныхъ шелковъ, съ полосами, одиннадцать полотнищъ съ половиною, въ нихъ мѣрою, въ каждомъ полотнищѣ, по четыре аршина по семи вершковъ, итого пятьдесятъ одинъ аршинъ съ полувершкомъ.

493. Того же штофнаго обою полтора полотнища сшито, мѣрою, въ длину, одинъ аршинъ одиннадцать вершковъ.

494. Обери малиновой четыре аршина десять вершковъ съ половиною.

495. Отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ голубыхъ шесть, каждая въ одно полотнище, мѣрою каждая длиною, по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ.

496. Да фалборовъ четыре, въ трехъ длины въ каждомъ, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а въ четвертомъ одинъ аршинъ три четверти.

497. По описи 734 года показано отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ желтыхъ шесть; въ каждой мѣрою по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ, да три фалбора, въ каждомъ, мѣрою, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а нынѣ на лицо завѣсы мышами изъѣдены, а фалборъ одинъ, а не явилось двухъ фалборовъ.

498. Шарфъ черный шелковый, на вишневой камкѣ.

499. Камки красной отъ окна, въ три полотнища, въ каждомъ мѣрою по три аршина по шести вершковъ, итого десять аршинъ два вершка, а фалборы мѣрою два аршина съ четвертью.

500. Позументу золотаго, мѣрою одиннадцать аршинъ пять вершковъ, вѣсомъ семьдесятъ-восемь золотниковъ съ половиною.

501. Ленты было оберинной шелковой десять аршинъ.

502. Ленты тканой золотой, ширною въ полтретья вершка, длиною одинъ аршинъ семь вершковъ.

503. Два остатка позументу золотаго узкаго, въ обоихъ мѣрою два аршина четырнадцать вершковъ; вѣсомъ восемь золотниковъ съ половиною.

504. Лоскутъ маленькой парчи золотой.

505. Отъ иконъ завѣсъ, тафтяной пунцовой въ два полотнища ветхой, каждое мѣрою въ длину, по три аршина по три вершка, итого шесть аршинъ шесть вершковъ.

506. Изорбафу алаго два аршина.

507. Изорбафу цвѣтнаго малиноваго, мѣрою въ длину одинъ аршинъ девять вершковъ.

въ нихъ пятьдесятъ два камня красныхъ, вѣсомъ два фунта восемь золотниковъ три четверти.

472. Лосина бѣлая.

473. Трокъ сафьянный, сѣдельный, шитъ мѣстами серебромъ и золотомъ волоченымъ, въ шитьѣ тринадцать бирюзъ.

474. Трость чипрасовая: головка мѣдная, золоченая, конечникъ ея серебренный, подъ нимъ фигурка мѣдная, съ желѣзнымъ копьецомъ.

475. Тебѣнки (sic) по красному сукну шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по краямъ острочено хозомъ зеленымъ; къ нимъ крылцы (sic) той же работы.

476. Тебѣнки китайской работы писанныя.

477. Крылцы сѣдельные, бархатные, малиновые.

478. Платъ войлочный, сѣдельный, бархатный, алый, кругомъ обложенъ кружевомъ съ городами, золото съ серебромъ; подложенъ сукномъ алымъ.

479. Чолдарь (sic) матеріи серебренной; кругомъ его бахрама золотная; подбитъ краснымъ кумачомъ; ветхій.

480. Войлокъ подсѣдельный, бархатный, красный, рытый, подложенъ кумачемъ краснымъ; обшитъ съ двухъ сторонъ матеріею золотою.

481. Войлокъ подсѣдельный матеріи серебряной, ветхій, подбитъ краснымъ кумачомъ; съ двухъ сторонъ обшитъ тою же матеріею.

482. Попона штофцу суконнаго алая; въ срединѣ и кругомъ ея шита разными шелками, подбита киндякомъ желтымъ.

483. Сѣдло-арчакъ черкесскій, обѣ луки, извѣстные концы и извѣсти обложены гладкимъ золоченымъ серебромъ; въ извѣстяхъ четыре скобки серебренныя, золоченыя же; подушка и крылцы и тебѣнки, обери насыпной, по алой землѣ травы бархатныя; подпруги и путилища обшиты сафьяномъ краснымъ; стремяна китайскія, съ насѣчкою золотою.

484. Сѣдло русское, у него арчакъ уфимской; обѣ луки оклеены краснымъ хозомъ, огибъ серебренная, вызолочена, на ней же по три штуки серебренныя, прорѣзныя, вызолочены; въ извѣстяхъ четыре колечка съ рѣпьями; подушка и крылцы и сверху луки бархатныя жаркія, тебѣнки кожаныя, шиты серебромъ съ золотомъ; стремена желѣзныя.

485. Сѣдло нѣмецкое, верхъ малиноваго бархату; по подушкѣ и по сторонамъ прошито плетешками золотными и кругомъ обложено позументомъ и бахромою золотною; у передней луки двѣ пряжки да подъ задней лукою одна пряжка серебренная, золоченая; кругомъ передней и задней лукъ, въ обогъ, серебренныхъ тридцать девять гвоздей, золоченыхъ; набалдашникъ мѣдный, тебѣнки бархатныя, малиновыя, на красной яловочной кожѣ; кругомъ ихъ обложено цѣпочкою серебренною городками по счету восемьдесятъ восемь мѣстъ; подпруги кежовыя, шелковыя; стремена мѣдныя, у него же чепракъ бархатный малиновый, по ушамъ шитый золотомъ, кругомъ обложенъ позументомъ и бахрамою золотою; того же сѣдла чешки бархатныя, малиновыя, на нихъ вышиты травы золотомъ, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

486. Изъ подъ того сѣдла войлокъ крытъ сафьяномъ чернымъ и кругомъ по красному сафьяну шито золото серебромъ, въ шитьѣ восемнадцать мѣстъ серебренныхъ, золоченныхъ, съ бирюзами, кругомъ по краямъ войлокъ обшитъ бархатомъ малиновымъ, подложенъ сукномъ краснымъ.

487. Того же сѣдла остры хозовыя, черныя, набалдашники серебренные, чеканные, вызолоченные, двѣ пряжки пристяжныя мѣдныя; съ того сѣдла наметъ суконный, красный, обложенъ кругомъ бахрамою золотною; все ветхое.

488. Аръякъ; обѣ луки и огиби и извѣсти обложены серебромъ; на лукахъ особо мѣста серебренныя, мѣстами золоченыя съ чернью; подушка, крыпца и тебенки матерія золото-серебромъ; въ извѣстяхъ четыре колечка серебренныхъ; подпруги, пристуги, путлища тесьмы шелковой цвѣтной, нашиты на красномъ сафьянѣ.

489. Два тебенка бархатные, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

490. Плеть плетьникъ обложенъ весь серебромъ.

491. По описи 734 года показано: бахрамы шелковой широкой, разныхъ цвѣтовъ, девятнадцать аршинъ два вершка; бахрамы шелковой, разныхъ цвѣтовъ, узкой, тридцать три аршина съ половиною; бахрамы такого же цвѣту, самой узкой, девятнадцать аршинъ семь вершковъ; бахрамы простой, разныхъ цвѣтовъ, два аршина два вершка, а нынѣ на лицо той бахрамы узелъ гнилой.

492. Обою полотнаго штофъ травчатой, по малиновой землѣ травы разныхъ шелковъ, съ полосами, одиннадцать полотнищъ съ половиною, въ нихъ мѣрою, въ каждомъ полотнищѣ, по четыре аршина по семи вершковъ, итого пятьдесятъ одинъ аршинъ съ полувершкомъ.

493. Того же штофнаго обою полтора полотнища сшито, мѣрою, въ длину, одинъ аршинъ одиннадцать вершковъ.

494. Обери малиновой четыре аршина десять вершковъ съ половиною.

495. Отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ голубыхъ шесть, каждая въ одно полотнище, мѣрою каждая длиною, по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ.

496. Да фалборовъ четыре, въ трехъ длины въ каждомъ, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а въ четвертомъ одинъ аршинъ три четверти.

497. По описи 734 года показано отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ желтыхъ шесть; въ каждой мѣрою по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ, да три фалбора, въ каждомъ, мѣрою, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а нынѣ на лицо завѣсы мышами изъѣдены, а фалборъ одинъ, а не явилось двухъ фалборовъ.

498. Шарфъ черный шелковый, на вишневой камкѣ.

499. Камки красной отъ окна, въ три полотнища, въ каждомъ мѣрою по три аршина по шести вершковъ, итого десять аршинъ два вершка, а фалборы мѣрою два аршина съ четвертью.

500. Позументу золотаго, мѣрою одиннадцать аршинъ пять вершковъ, вѣсомъ семьдесятъ-восемь золотниковъ съ половиною.

501. Ленты было оберинной шелковой десять аршинъ.

502. Ленты тканой золотой, ширною въ полтретья вершка, длиною одинъ аршинъ семь вершковъ.

503. Два остатка позументу золотаго узкаго, въ обоихъ мѣрою два аршина четырнадцать вершковъ; вѣсомъ восемь золотниковъ съ половиною.

504. Лоскутъ маленькой парчи золотой.

505. Отъ иконъ завѣсъ, тафтяной пунцовой въ два полотнища ветхой, каждое мѣрою въ длину, по три аршина по три вершка, итого шесть аршинъ шесть вершковъ.

506. Изорбафу алаго два аршина.

507. Изорбафу цвѣтнаго малиноваго, мѣрою въ длину одинъ аршинъ девять вершковъ.

508. Бархату по тусиной землѣ цвѣтнаго, мѣрою четыре аршина съ четвертью.

509. Съ балдахина, оберпнаго малиноваго галуну серебренаго съ городками, четыре аршина пять вершковъ, да въ другомъ кускѣ такого же галуну четыре аршина, вѣсомъ въ обоихъ кускахъ сорокъ девять золотниковъ.

510. По описи 734 и 742 годовъ показано: кровать со всѣмъ уборомъ оберпнная малиновая, подъ ней подбой тафтяной, желтой, струйчетой, обложено по оберп позументомъ бѣлымъ шелковымъ, къ оной кровати покрывало тафтяное, желтое, струйчетое, подбито краменпною желтою, а на лицо верху оберпннаго и подвесъ подбою тафтянаго не явилось.

511. Александрійской бумаги семь десятей пятнадцать листовъ на лицо, изъѣдена мышами.

512. Уборъ на кровать желтый оберпнной, старый.

513. Обой полотной ветхій, камки желтой.

514. Наметъ съ стула малиновый, штофный, обложенъ галуномъ золотнымъ

515. Коверъ шелковый съ разными травами.

516. Съ четырехъ подушекъ пуховыхъ наволоки тафтяныя, брусничны.

№ 19-й.

Сундукъ сосновый, обитъ желѣзомъ, въ немъ:

517. Подкладка изъ подъ шеегрѣйки, бумазейная бѣлая.

518. Двадцать два горностая гнилыхъ и негодныхъ.

519. Галуну бархатнаго ветхаго, съ золотомъ, спораннаго съ трехъ лакейскихъ кафтановъ лоскутья.

520. Муфтъ лисья, чернобурая, гнилая.

521. Лоскутъ отъ попоны чернаго сукна.

522. Кафтанъ суконный васильковый, черкасскій; около воротника и рукавовъ и на клиньяхъ искладено позументомъ золотымъ; ветхій.

523. Полукафтанье камлотовое алое черкаское, также ветхое.

524. Епанча суконная, цвѣтъ маковая, на собольемъ пупчетомъ мѣху, ветхая.

№ 20-й.

525. По описи 734 года показано: Боула обита кожею и желѣзомъ, а въ ней положенъ кроватный уборъ, штофный, желтый, съ бахромою и съ галуномъ шелковымъ подъ цвѣтъ, а нынѣ на лицо и на нахтышъ уборъ того же штофу.

№ 21-й.

Кабинетъ оклеенъ орѣхомъ, въ дверяхъ стекла зеркальныя, а въ немъ:

526. Лента бѣлая, на которой подписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа.

527. Книжка костяная въ серебренныхъ рѣзныхъ доскахъ и съ карандашемъ серебреннымъ.

528. Двѣ запонки изумрудныя въ золотѣ.

529. Двѣ пары запонокъ янтарныхъ, въ томъ числѣ двѣ попорчены.

530. Ножъ съ вилками, черенья яшмовыя, оправлены серебромъ.

531. По описи 734 года показано: двѣ трубки зрительныя, оправа мѣдная вызолочена, а нынѣ на лицо у одной оправа мѣдная, а другая безъ оправы.

532. Табакерка серебренная, внутри вызолочена, безъ крышки.

533. Стклянночка хрустальная, оправлена серебромъ.

534. Готовальня оклеена чернымъ хозомъ, въ ней два циркуля серебренные, да при нихъ серебренная фигурка, во что карандашъ укрѣпляется, да стальное перо, да къ тѣмъ же циркулямъ два кривыхъ стальныхъ размѣровъ, да линейка гебоновая.

535. Готовальня хозовая, въ ней мѣдныхъ и стальныхъ инструментовъ десять мѣстъ да линейка гипрасовая.

536. Линейка двойная, гебоновая съ оправою мѣдною.

537. Линейка пальмовая съ начерченными мѣрами.

538. Часы солнечные, мѣдные, круглые.

539. Циркуль мѣдный, переломленный.

540. Гребень съ нагребникомъ, черепаховые.

541. Два блюдечка костяныя, внутри рѣзьба черневая.

542. Цѣпочка серебренная, испорченная, отъ часовъ.

543. Табакерка серенетинная, черная, круглая.

544. Табакерка черепаховая, круглая, внутри оправлена серебромъ и вызолочена.

545. Два глобуса маленькихъ деревянныхъ.

546. Три ручки стеклянныя.

547. Шестьдесятъ два мѣста мѣдныхъ, листочками, и на нихъ подписанныя слова.

548. Пуговка сердоликовая, на золотомъ стежкѣ съ душегрѣйки.

549. Ящикъ китайскій, съ чернилами.

550. Ложка раковая, безъ стебля, при ней малое число серебра.

Да оставшаго за описью 734 года вновь описано, а что чего порозь знать ниже:

№ 22-й.

Ларчикъ сосновой, а въ немъ:

551. Образъ Алексѣя человѣка Божія и Маріи Египетской, окладной, унизанъ жемчугомъ и каменьями зелеными и красными, въ кіотѣ деревянномъ.

552. Образъ Чудотворца Николая окладной.

553. Образъ Знаменія Богородицы окладной.

554. Образъ Алексѣя Митрополита окладной.

555. Образъ Святыя мученицы Параскевіи съ мощами, весь серебренный.

556. Образъ Богоматери Знаменія въ кіотѣ серебренномъ.

557. Образъ Селверста папы Римскаго, окладной.

558. Образъ Маріи Египетской окладной, вѣнецъ вынизанъ жемчугомъ.

559. Образъ Николая Чудотворца, поля окладныя.

560. Образъ Іоанна Предтеча, окладной.

561. Образъ Св. пророка Наума и св. мученицы Дарія, неокладной.

562. Образъ Богоматери Казанской, неокладной.

563. Образъ Великомученика Георгія не окладной.

564. Два образа Богоматери и Спасителевъ, рѣзные на камнѣ, вызолочены.

№ 23-й.

Сундукъ обитъ нерпью и желѣзомъ, а въ немъ:

565. Сабля, ножны по черному хову, оправлена серебромъ и вызолочена;

наконечникъ серебренный, вызолоченъ; на ней яхонтовъ и изумрудовъ триста сорокъ.

566. Сабля, ножны бархатныя, малиноваго цвѣта, оправа крижъ, черенъ и наконечникъ серебренные, вызолочены; на среди два кольца серебрянныя, вызолоченныя; поясъ—тесьма шелковая, на тесьмѣ двѣнадцать пряженъ, двѣ бляхи черневыя, два наконечника, одинъ крючокъ, да пряжка серебренные вызолочены.

567. Сабля, ножны хозовыя черныя, черенъ костяной, на черенѣ семь изумрудовъ, на ножкахъ у черня наконечникъ, оправа серебренная, филигранная; два кольца съ пробой; поясъ шелковый, красный, круглый.

568. Тесакъ, ножны хозовыя, черныя, оправа, черенъ и наконечникъ серебренные, безъ позолоты; двѣ гайки и одно кольцо; поясъ шелковый, тканый.

569. Двѣ шпаги, одна большая, другая малая, эфесы желѣзные, одинъ вызолоченъ, обвивка на эфесѣ серебренная; ножни черныя кожинныя, крючки и наконечники желѣзные.

570. Двѣ шпаги маленькія ветхія, эфесы на одной мѣдный, а на другой желѣзный, обвивки мѣдныя, наконечникъ и крючки желѣзные; ножны простыя черныя.

571. Плитка яшмовая, съ рѣзьбой.

572. Стаканъ костяной, бѣлый, рѣзной, оправа серебренная, позолочена, въ чехлѣ деревянномъ.

573. Два шарфа золотыхъ, одинъ съ бахромою, а другой вязаный, безъ бахромы.

574. Поясъ тканый золотомъ.

575. Натруска золотая, черневая,

576. Колчанъ, налучье лосинные; на налучьѣ серебренныхъ двадцать шесть мѣстъ.

577. Половина цѣни золотой, вѣсу шестьдесятъ золотниковъ.

578. Двѣ пары чушекъ, сукна краснаго съ бахромою золотою.

579. Къ тѣмъ чушкамъ кавтуры, шитые, ветхіе.

580. Перевесь лосинная, шитая серебромъ, ветхая, которой три лоскута.

581. Подобушникъ круглый, съ бахромою золотою, на немъ кольцо мѣдно при немъ тесьма, при тесьмѣ шесть мѣстъ серебренныхъ.

582. Намётъ съ сѣдла бархатный, ветхій.

583. Войлокъ подсѣдельный, на немъ крыша бархатная.

584. Намётъ съ сѣдла, суконный, шитый.

585. Одно крыльцо подсѣдельное, бархатное, ветхое.

586. Стремена мѣдныя.

587. Портупей кожаный, съ пряжками мѣдными.

588. Подушка бархатная, каретная, малиновая, кругомъ бахрома серебренная.

589. Двѣ подушки триповыхъ, малиновыя, рытыя.

590. Подушка триповая, малиновая, ветхая.

591. Двѣ подушки суконныя, каретныя красныя, ветхія.

592. Десять наметовъ суконныхъ, красныхъ, ветхихъ.

593. Намётъ, который подкладывается подъ сѣдло русское, чернаго сукна, по краямъ шито золотомъ.

594. Двѣ подушки колясочныя, побочныя, красныя, на нихъ тесьма бѣлая.

595. Бумажникъ колясочный, покрытъ станедомъ голубымъ, ветхій.

596. Попона зеленая, ветхая, подложена бѣлою байкою.

671. Одинъ галстукъ кисейный, ветхій.
672. Галстукъ кисейный съ кружевомъ.
673. Ангажанты съ кружевомъ, кисейныя.
674. Покрывало на столъ, кисейное съ кружевомъ.
675. Два занавѣса бритовные, ткацкаго полотна.
676. Девятнадцать салфетокъ разныхъ узоровъ.
677. Два колпака бумажныхъ ветхихъ.
678. Одна наволочка голландская, маленькая, на подушку.
679. Лоскутъ флеру бѣлаго
680. Платокъ голубой, флёровой, шитъ серебромъ.
681. Шесть картинъ римскихъ и два колпака на тафтѣ бѣлой и желтой.
682. Такихъ же картинъ на трехъ листкахъ бумажныхъ.
683. Два пояса каталицкихъ лентовыхъ.
684. Нагрудникъ тафтяной пунцовый.
685. Подзоръ отъ окошка ткацкаго полотна.
686. Двѣ пары чулковъ бумажныхъ.
687. Двѣ сорочки мужскія голландскаго полотна, безъ манжетъ.
688. Башмака женскіе вишневаго бархату, старинные.
689. Рогъ мѣдный для глухого человѣка.
690. Верхъ съ кровати, желтый, оберинный, обложенъ галуномъ бѣлымъ, шелковымъ, подложенъ крашенинною красною.
691. Покрывало и штука, которая въ головахъ ставится, такой же объери желтой, обложены бѣлымъ же галуномъ шелковымъ, подложены крашенинною желтою.
692. Верхъ съ кровати камчатой, желтой, обложенъ галуномъ желтымъ шелковымъ, подбитъ крашенинною желтою.
693. Двѣ завязки къ завѣсу оберинныя, желтыя, съ желтымъ галуномъ, шелковымъ.
694. Подушка пуховая, на ней наволочка желтая, камчатая.
695. Подушка пуховая, на ней наволочка камчатая, красная.
696. Подушка пуховая, на ней наволочка ткацкаго полотна.
697. Семь лоскутовъ полуобери голубой, ветхіе.
698. Лоскутъ рыжаго бархату съ золотомъ, ветхій.
699. Три парука, въ томъ числѣ два бѣлыхъ и одинъ темнорусый.
700. Три фузеи съ приборомъ желѣзнымъ.
701. Верхъ на балдахинъ кроватный, ветхій, коричневый, камчатый.
702. Раковина перловая.

№ 26-й.

Сундукъ дубовый обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

703. Одѣяло тафты зеленой, ветхое, подкладка холщевая, стёганое.
704. Казакинъ ветхій, камка коричневаго цвѣту, подбитъ собольимъ пупчетымъ мѣхомъ, одной половины полы камки нѣтъ.
705. Штаны черныя, ратиновыя, шлифы такіе же, черные, шелковые, пряжки желѣзныя.
706. Душегрѣйка канифасовая, подбита байкою бѣлою, ветхая.
707. Подушка пуховая, камка желтая.
708. Подушка пуховая, камка зеленая.
709. Подушка тафтяная, ветхая, пунцовая.
710. Пола шедриновая, ветхая, съ казакина, маковая.

631. Шесть блюдъ да двѣ тарелки серепетинныя черныя.
632. Одна четвертина серепетинная, съ кольцомъ.
633. Одинъ кубокъ серепетинный безъ поддона.
634. Три стакана серепетинныхъ, въ томъ числѣ одинъ ветхій.
635. Двѣ ступки серепетинныя.
636. Одна чашка серепетинная свертная, съ кольцомъ.
637. Одна чарка и двѣ крышки серепетинныя съ яшмочками.
638. Два шандала серепетинные, свертные.
639. Три ложки серепетинныхъ.
640. Одинъ кувшинъ съ крышкою китайскою.
641. Двѣ чашки виницейскія, съ крышками.
642. Одно блюдо виницейское.
643. Три блюда китайскія.
644. Одна чашка виницейская съ красными травами, безъ крышки.
645. Три подсвѣчника виницейскихъ; въ томъ числѣ одинъ расшибенъ.
646. Одинъ ночникъ виницейскій.
647. Шесть тарелокъ виницейскихъ; въ томъ числѣ одна разбита.
648. Одинъ стаканъ хрустальный рѣзной, съ крышкою.
649. Коробка мраморная; крышка рѣзная, въ ней стаканчикъ маленькій хрустальный.
650. Три кувшина виницейскихъ, большихъ.
651. Шесть блюдъ виницейскихъ.
652. Чернилица съ песочницею ценинная.
653. Чашка съ блюдомъ черепаховая.
654. Двѣ чашки яшмовыя рѣзныя.
655. Чайникъ, чашка глиняные.
656. Пять блюдечекъ чайныхъ, разбитыхъ.
657. Дощечка мраморная.

№ 25-й.

Баула обита нерпью и желѣзомъ, а въ ней:

658. Потиръ серебренный вызолоченъ, при немъ же ложка серебренная черневая.

659. Евангеліе оклеено малиновымъ бархатомъ, евангелисты серебренные, вызолоченные, двѣ застёжки серебренныя; при немъ закладка, съ звѣздою шита золотомъ, въ срединѣ жемчужина.

660. Поручи атласныя зеленыя, шиты золотомъ, ветхія, подложены краснениною зеленою.

661. Завѣсъ церковный камчатый, двуличневый, въ немъ десять полотнищъ.

662. Одежда съ жертвенника, да два лоскута такой же камки.

663. Пелена камчатая, красная, обложена камкою свѣтло-зеленою, ветхая.

664. Фата александрійская, красная, бумажная.

665. Ухватъ отъ узды, на красной тесьмѣ шелковой наборъ, серебренный вызолоченъ; счетомъ тридцать три мѣста, въ нихъ тридцать-пять бирюзъ.

666. Жаровѣйка серебренная, вызолоченая, съ ручкою серебренною.

667. Черень ножовый серебренный.

668. Галстукъ кружевной, мужской, нѣмецкаго кружева.

669. Два кружева, что употребляютъ подъ нахцы.

670. Девять платковъ кисейныхъ.

671. Одинъ галстукъ кисейный, ветхій.
672. Галстукъ кисейный съ кружевомъ.
673. Ангажанты съ кружевомъ, кисейныя.
674. Покрывало на столъ, кисейное съ кружевомъ.
675. Два занавѣса бритовные, ткацкаго полотна.
676. Девятнадцать салфетокъ разныхъ узоровъ.
677. Два колпака бумажныхъ ветхихъ.
678. Одна наволочка голландская, маленькая, на подушку.
679. Лоскутъ флеру бѣлаго
680. Платокъ голубой, флёровой, шитъ серебромъ.
681. Шесть картинъ римскихъ и два колпака на тафтѣ бѣлой и желтой.
682. Такихъ же картинъ на трехъ листкахъ бумажныхъ.
683. Два пояса каталицкихъ лентовыхъ.
684. Нагрудникъ тафтяной пунцовый.
685. Подзоръ отъ окошка ткацкаго полотна.
686. Двѣ пары чулковъ бумажныхъ.
687. Двѣ сорочки мужскія голландскаго полотна, безъ манжетъ.
688. Башмака женскіе вишневаго бархату, старинные.
689. Рогъ мѣдный для глухого человѣка.
690. Верхъ съ кровати, желтый, оберинный, обложенъ галуномъ бѣлымъ, шелковымъ, подложенъ крашенинною красною.
691. Покрывало и штука, которая въ головахъ ставится, такой же объери желтой, обложены бѣлымъ же галуномъ шелковымъ, подложены крашенинною желтою.
692. Верхъ съ кровати камчатой, желтой, обложенъ галуномъ желтымъ шелковымъ, подбитъ крашенинною желтою.
693. Двѣ завязки къ завѣсу оберинныя, желтыя, съ желтымъ галуномъ, шелковымъ.
694. Подушка пуховая, на ней наволочка желтая, камчатая.
695. Подушка пуховая, на ней наволочка камчатая, красная.
696. Подушка пуховая, на ней наволочка ткацкаго полотна.
697. Семь лоскутовъ полуобери голубой, ветхіе.
698. Лоскутъ рыжаго бархату съ золотомъ, ветхій.
699. Три парука, въ томъ числѣ два бѣлыхъ и одинъ темнорусый.
700. Три фузеи съ приборомъ желѣзнымъ.
701. Верхъ на балдахинъ кроватный, ветхій, коричневый, камчатый.
702. Раковина перловая.

№ 26-й.

Сундукъ дубовый обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

703. Одѣяло тафты зеленой, ветхое, подкладка холщевая, стёганое.
704. Казакинъ ветхій, камка коричневаго цвѣту, подбитъ собольимъ пупчетымъ мѣхомъ, одной половины полы камки нѣтъ.
705. Штаны черныя, ратиновыя, шлифы такіе же, черные, шелковые, пряжки желѣзныя.
706. Душегрѣйка каинфасовая, подбита байкою бѣлою, ветхая.
707. Подушка пуховая, камка желтая.
708. Подушка пуховая, камка зеленая.
709. Подушка тафтяная, ветхая, пунцовая.
710. Пола шедриновая, ветхая, съ казакина, маковая.

711. Четыре занавѣса отъ оконъ, тафтяные, желтые, при нихъ два подзора.

712. Пестряди полосатой, узкой, тринадцать аршинъ пять вершковъ.

713. Наволока пестряди широкой.

714. Полотнаго обою полу-оберн желтой, полдевята полотнища, да голубой четыре полотнища, въ длину по три аршина по одиннадцати вершковъ.

715. Обою такого же девять желтыхъ, да голубыхъ девять же полотнищъ, мѣрою въ длину по три аршина по одиннадцати вершковъ.

716. Обою такого же четыре желтыхъ, четыре голубыхъ, мѣрою въ длину такою же.

717. Еще такого же обою два полотнища голубыхъ, желтое одно, въ длину мѣрою то же.

718. Того же обою четыре лоскута, два голубыхъ, два желтыхъ, мѣрою въ полтора аршина.

719. Три полотнища голубыхъ, въ томъ же числѣ одно желтое, мѣрою одинъ аршинъ десять вершковъ.

720. Колпакъ бѣлый, бумажный, ветхій.

721. Десять салфетокъ простыхъ, въ томъ числѣ одна камчатая.

722. Лоскутъ бѣлой, холстинный, стеганый на бумагѣ, ветхій.

723. Крашенины желтой три аршина безъ вершка.

724. Лоскутъ чернаго сукна, ветхій.

725. Полполотнища голубой оберн полотнаго обою, мѣрою два аршина съ четвертью.

726. Два шнура шелковые, кинареечные, съ блоками.

727. Бахромы шелку разныхъ цвѣтовъ, мѣрою тридцать аршинъ съ четвертью.

728. Полъ пояса отъ штановъ алаго бархату, да клапанъ того же бархату, три петли шиты по пергаменту серебромъ.

729. Подвязки тканы шелкомъ бѣлымъ по зеленой землѣ, подложены краснымъ сукномъ.

730. Шнурованье холстинное, бѣлое, ветхое.

731. Скатерть ветхая.

732. Колокольчикъ мѣдный.

733. Изорбафу китайскаго, по красной землѣ травы золотыя, два аршина четыре вершка.

734. Шесть кусковъ скатертей старыхъ.

735. Полотнаго обою штофнаго, по желтой землѣ травы разныхъ цвѣтовъ, четырнадцать полотнищъ, а мѣрою въ длину каждое по три аршина по три четверти съ вершкомъ.

736. Того же обою шесть лоскутовъ.

737. Три скатерти ветхія да одна салфетка.

№ 27-й.

Шкатула оклеена малиновымъ бархатомъ, вмѣсто желѣза обита серебромъ, внутри выклеена камкою красною, а въ ней:

738. Разныхъ штукъ ломаныхъ, золота съ финифтью и серебра и одна жемчужина и два янтаря—во всѣхъ вѣсу четырнадцать золотниковъ.

739. Коробочка красная, деревянная, а въ ней двѣ кости единороговыя.

740. Шесть образовъ мѣдныхъ римскихъ.

741. Три камня морскіе да палочка каменная.

742. Образъ Богоматери, на лебастрѣ, римской.

743. Образъ Богоматери на свинцѣ.
744. Дощечка костяная.
745. Футъ костяной, въ немъ циркуль мѣдный и въ немъ карандашу палочка.
746. Каменная дощечка.
747. Два стекла косыя, въ томъ числѣ одно писаное, да два стекла табаочные.
748. Бисерная кисточка отъ галстуха.
749. Цѣпочка изломанная, отъ часовъ, стальная.
750. Мѣра лошадиная, лентовая, съ желѣзнымъ яблочкомъ.
751. Готовальня кожаная, красная, на тесьмѣ.
752. Три зеркалка, красные, да камешекъ маленькій.
753. Опушка съ шлафора серебряная, съ краснымъ шелкомъ.
754. Три кошелька разныхъ шелковыхъ съ золотомъ и серебромъ.
755. Середоликъ бѣлой съ краснымъ.
756. Разныя письма французскія и нѣмецкія.

№ 28-й.

Ларчикъ обитъ сукномъ краснымъ, а въ немъ:
757. Пять дѣтскихъ бѣлыхъ платьецевъ.
758. Тринадцать рубахъ дѣтскихъ.
759. Четыре передника дѣтскихъ.
760. Шесть платьецевъ шелковыхъ дѣтскихъ разныхъ.
761. Шнурованье черное тафтяное.
762. Бострачекъ шелковый, дѣтскій.
763. Четыре подушечки шитыхъ булавочныхъ.
764. Четыре ночки дѣтскія, шелковыя.
765. Два обручика на голову дѣтскіе, бархатные.
766. Нагрудникъ стеганый, бѣлый.
767. Три наволочки холстяныя.
768. Шнурованье дѣтское, бѣлое, стеганное голубымъ шелкомъ.
769. Епанечка дѣтская, черная, тафтяная.
770. Одѣяло тафтяное алое, дѣтское, ветхое.
771. Свивальникъ красный суконный.
772. Десять шапочекъ дѣтскихъ разныхъ.
773. Два банмака ворченные, дѣтскіе.
774. Чулки дѣтскіе, стеганые.
775. Дощечка китайская.
776. Четыре блюда и двѣ чашки фарфоровыя.
777. Игрушекъ дѣтскихъ алебастровыхъ и стеклянныхъ, деревянныхъ, станыхъ и глиняныхъ сто двадцать одна.
778. Шахматы и въ табакеркѣ игрушки костяныя.
779. Книжка французская, ветхая.
780. Два крючка желѣзные, вызолочены.
781. Два гребня пальмовые.
782. Двѣ тавлеи, большія и малыя.
783. Корейничекъ (sic) плетеный.
784. Двои кресла плетеныя.
785. Два ларчика клееные.
786. Два баульчика клееные же дѣтскіе.
787. Четыре шнурованья дѣтскихъ стеганыхъ.

№ 29-й.

788. Ларецъ оклеенъ бархатомъ малиновымъ, кругомъ обложенъ позументомъ, серебро съ золотомъ, при немъ двѣ скобы и у замка личинка серебряны.

789. Да въ той же казенной имѣется въ разныхъ сундукахъ книгъ разныхъ четыреста восемьдесятъ пять, въ томъ числѣ россійскихъ шесть.

790. Ящикъ обитъ червою кожею, внутри мѣста выклеены байкою, а въ немъ хрустальная и фарфоровая посуда.

791. Сундукъ сосновый, обитъ мало желѣзомъ, а въ немъ денегъ рублевой, полтинной и гривенной монеть сто шестьдесятъ пять рублей девяносто копѣекъ, мелкихъ серебряныхъ копѣекъ восемьсотъ тридцать восемь рублей пятьдесятъ одна копѣйка, итого тысяча четыре рубля сорокъ одна копѣйка.

792. Кабинетъ ветхій, старинный, оклеенъ орѣхомъ и покрытъ лакомъ, ландшафты на ящикахъ и на дверцахъ алебастровые, съ личинками, около тѣхъ ландшафтовъ обложено мѣдью рѣзною.

793. Кабинетъ дубовый съ разными всякими письмами.

794. Шкатула для дороги на посуду небольшая, оклеена кожею золотою, внутри оклеено сукномъ краснымъ; петли и скобы мѣдныя, пусты.

795. Ларчикъ оклеенъ черною кожею, а въ немъ разныя письма.

796. Подголовникъ дубовый, окованъ желѣзомъ, пустъ.

797. Столикъ дубовый, четвероугольный, съ двумя ящиками.

798. Три кровати.

799. Столъ четвероугольный, оклеенъ орѣхомъ, на четырехъ точеныхъ ножкахъ.

800. Ларчикъ ветхій, оклеенъ орѣхомъ, въ немъ щетка платяная да гребень пальмовой.

801. Ширмы камчатые, желтыя, о шести полотнищахъ.

802. Шесть стуловъ да кресны, станки орѣховые, обои фабрики Затрапезнаго.

803. Шесть стуловъ, да кресла, станки дубовые, обиты камкою желтою, ветхіе.

804. Шесть стуловъ, станки орѣховые, обиты трипомъ травчатымъ, ветхіе, съ бахромою.

805. Шесть стуловъ, станки дубовые, обиты штофомъ по желтой землѣ травы малиновыя.

806. Восемь станковъ столовыхъ, не обитыхъ.

807. Образъ Богоматери, писанный на холстѣ въ рамахъ золоченыхъ, золотомъ и серебромъ.

808. Образъ Распятія Христова на холстѣ, въ черныхъ рамкахъ.

809. Образъ и картинъ писанныхъ на стеклѣ девять.

810. Портретъ Царя Алексѣя Михайловича въ золоченыхъ рамкахъ.

811. Одинадцать картинъ разныхъ, въ золоченыхъ рамкахъ.

812. Двѣнадцать картинъ разныхъ, въ черныхъ рамкахъ.

813. Картинъ печатныхъ на бумагѣ, въ черныхъ рамкахъ, двадцать одна, въ томъ числѣ ветхихъ пять.

814. Шесть картинъ разныхъ безъ рамъ, въ томъ числѣ ветхихъ двѣ.

815. Конуклюзія печатная, въ черныхъ рамахъ.

816. Картина флеровая ветхая, въ золоченыхъ рамахъ.

817. Зеркало большое, рѣзное съ стрѣлкою часовою.

818. Два зеркала большія, въ золоченныхъ рѣзныхъ рамкахъ.

819. Зеркало среднее въ золоченныхъ ветхихъ рамкахъ.

820. Зеркало большое, овальное, въ золоченныхъ рѣзныхъ рамкахъ.

821. Зеркало въ орѣховыхъ рамахъ; рамы изломаны.

822. Два зеркала среднихъ четвероугольныхъ, въ черныхъ рамахъ.

823. Зеркало круглое, старинное, въ рѣзныхъ золоченныхъ рамахъ; разбитое.

824. Зеркало четвероугольное среднее, въ орѣховыхъ рамахъ.

825. Зеркало малое четвероугольное, въ зеркальныхъ же рамахъ съ звѣздками; по угламъ желтые.

826. Четыре зеркала овальные въ золотыхъ рѣзныхъ рамахъ, въ томъ числѣ у одной рамы ветхіе; при нихъ четыре подсвѣчника деревянные, рѣзные, золоченные, ветхіе.

827. Двѣ доски на столы съ черными каменными досками.

828. Три лоскута обоевъ маліованыхъ.

829. Колыбель рытая, бархатная, съ золотомъ и серебромъ, подложена камкою желтою.

830. Микроскопіумъ большой.

831. Часы стѣнные ветхіе.

832. Часы столовые мѣдные вызолочены, при нихъ двухъ ножекъ нѣтъ.

833. Два ящика съ красками.

834. Клавикорды ветхіе.

835. Рукомойникъ жестяной, стѣнной, ветхій.

836. Три таза мѣдныхъ маленькихъ.

837. Два урыльника оловянные.

838. Передача круглая, небольшая, съ двумя скобами, оловянная.

839. Шандалъ мѣдний съ фишфтью, о четырехъ трубкахъ.

840. Три штуки обоевъ тканыхъ, французской работы, гарусные.

841. Обоевъ тканыхъ гарусныхъ шесть штукъ.

842. Три ковра персидскихъ, въ томъ числѣ два ветхихъ.

843. Обои Затранезнаго фабрики синій съ желтымъ восемьнадцать полотнищъ и шесть лоскутовъ, которые были надъ окнами и надъ дверьми, ветхіе.

844. Обои ветхіе полуобериинныя, голубыя, съ краснымъ, мѣрою длины три аршина, одинъ вершокъ, въ нихъ красныхъ полотнищъ двѣнадцать съ половиною, голубыхъ двѣнадцать съ половиною; пять лоскутъ голубыхъ да три красныхъ.

845. Семь попонъ ветхихъ, изъ сѣраго сукна, окрашено голубою краскою, по краямъ обложено сукномъ краснымъ.

846. Повозокъ попонныхъ, обшитыхъ сукномъ краснымъ, девять.

847. Попона медвѣжья, покрыта голубымъ сукномъ, ветхая.

848. Обой крашенинныхъ шесть штукъ, красные съ желтымъ.

849. Двѣ подушки маленькія, колясочныя, красныя, суконныя, съ бѣлымъ галуномъ шелковымъ.

850. Двѣ подушки сукна голубова колясочныя, одна обложена галуномъ бѣлымъ шелковымъ.

851. На козлы платъ сукна зеленаго, подбитъ крашениною зеленою.

852. Полость балковая бѣлая, ветхая.

853. Наметъ краснаго сукна съ козелъ, съ бѣлымъ галуномъ шелковымъ, ветхій.

854. Наметъ съ козелъ чернаго сукна.

855. Возели гарусные красные, ветхіе.

856. Семь чепраковъ лакейскихъ, сукна краснаго, опушка сукна голубаго, при нихъ двѣ чушки того же цвѣта, суконные.

857. Бархату зеленаго рытаго, лоскутъ мѣрою одинъ аршинъ три четверти; при немъ того же бархату лоскутъ малый.

858. Наметъ сѣдельный краснаго сукна, подложенъ кожею красною, ветхій.

859. Наметъ суконный, красный, сѣдельный.

860. Наметъ малиноваго сукна, ветхій, сѣдельный.

861. Наметъ васильковаго сукна, сѣдельный.

862. Чехолъ краснаго сукна, ветхій, въ немъ восемь лоскутовъ ветхихъ разнаго цвѣту сукна.

863. Два чехла кожаныхъ съ наручниковъ, при нихъ чехолъ шпаги.

864. Пять луковъ турецкихъ, сандашныхъ, роговыхъ.

865. Ножны кортичные; крючекъ и оправа мѣдные; наконечника нѣтъ.

866. Муштукъ съ удилами мѣдными, а на удилѣ два мѣста мѣдныхъ, да узда безъ удила съ поводами ременными, ветхія; при томъ три тесьмы тканыя, шелковыя, подложены кожею красною, ветхія.

О вышеписанныхъ явившихся сверхъ описи 734 года движимыхъ имѣніяхъ дому дѣйствительной статсъ-дамы Елены Александровны Нарышкиной, служители Василій Гришаловскій и Василій Бѣляевъ, дому фрейлины Катерины Ивановны Нарышкиной, Петръ Ашитковъ, сказками съ приложеніемъ рукъ показали: Василій Гришаловскій, что какъ оныя за описью въ казенной оставшія вещи нашли онъ, Гришаловскій, не знаетъ, ибо онъ, Гришаловскій, съ окончанія 734 года описи, въ тою казенную палату никогда не хаживалъ и ключей у него, Гришаловскаго, отъ той казенной не имѣлось; а ходилъ онъ, Гришаловскій, въ прошломъ 745 году въ тою казенную, для вынятія прежде по словесному покойнаго господина его Александра Львовича Нарышкина приказанію денегъ тысячи рублевъ, а потомъ по присланному указу трехъ тысячъ рублевъ, не одинъ, но обще дому фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, съ домовыми управителями: Михаиломъ Крупицкимъ да Петромъ Ашитковымъ, а болѣе онъ, Гришаловской, въ тою казенную никогда ни съ кѣмъ не хаживалъ; Василій Бѣляевъ, что онъ 734 году при описи той вещей не былъ, а былъ при описи 742 году, по приказу покойнаго господина Александра Львовича Нарышкина, съ прочими того же дома служителями и тою опись чинили по всѣмъ тѣмъ вещамъ, но выборомъ, кои лучшія и тако, можетъ быть, оныя за тою 734 года описью и не оставшими и оказались; къ тому жъ изъ оныхъ нѣкоторыя вещи въ тою казенную положены послѣ учиненія уже той 742 года описи по послѣднему раздѣлу въ 744 году, а имовѣрныхъ всему тому записокъ въ домовой канцеляріи не имѣется; Петръ Ашитковъ, что какъ при прежней 734, такъ и при второй 742 годовъ описяхъ онъ, Ашитковъ, не былъ, а былъ въ Муромскихъ вотчинахъ на приказехъ и для чего въ казенной сверхъ описи 734 года оставшія вещи явились, онъ, Ашитковъ, не знаетъ, а имовѣрныхъ оному записокъ въ домовой ихъ канцеляріи не имѣется.

Василій Левашевъ, Князь Михаилъ Шаховской, Князь Иванъ Одоевскій и Андрей Суровцевъ.

XII.

СТАТЪ ДОМУ МОЕГО ПЕТЕРБУРГСКАГО: КОТОРЫМЪ ПОЛАГАЕТСЯ СКОЛК ИМѢТЬ ЛЮДЕЙ И ЛОШАДЕЙ: И ЧТО НА ВСЕ СОДЕРЖАНІЕ НАДОБНО ДЕНЕГЪ.

Подписалъ 25 Генвара 1774 г. Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій.

А именно:	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
При Церкви:													
Священникъ	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
пѣвчихъ	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Сторожъ или истопникъ.	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
На просвиры, ладанъ, свѣчи и вино въ годъ. .	—	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Итого.. .	4	—	—	33	50	—	—	134	—	—	—	402	—
Афисьянты:													
Метръ - дотель одинъ, ему жалованья въ годъ 300 р., да фуражъ на пару лошадей; вмѣсто коего производить по 100 р. въ годъ, а всего 400 р. . .	1	—	—	33	33⅓	—	—	133	33⅓	—	—	400	—
Тафельдекаръ	1	—	—	16	66⅔	—	—	66	66⅔	—	—	200	—
Кандитеръ	1	—	—	29	16⅔	—	—	116	66⅔	—	—	350	—
Келермейстеръ	1	—	—	20	83⅓	—	—	83	33⅓	—	—	250	—
Кафишенкъ.	1	—	—	9	—	—	—	36	—	—	—	108	—
Мунщенокъ.	1	—	—	9	—	—	—	36	—	—	—	108	—
Камердинеръ старшій .	1	—	—	16	66⅔	—	—	66	66⅔	—	—	200	—
Камердинеръ младшій .	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Парикмахеръ	1	—	—	9	—	—	—	36	—	—	—	108	—
При графиняхъ паримк.	1	—	—	9	—	—	—	36	—	—	—	108	—
Обойщикъ	1	—	—	9	—	—	—	36	—	—	—	108	—
Итого. .	11	—	—	171	66⅔	—	—	686	66⅔	—	—	2060	—
Помощники:													
при метрѣ - дотелѣ и клюшникъ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
при тафельдекарѣ . .	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
при кандитерѣ. . . .	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
при мунщенкѣ. . . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
при камердинерской .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
при келермейстерѣ . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Итого. .	8	—	—	32	—	—	—	128	—	—	—	384	—

А именно:	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Ливрейные:													
Швейцаръ	1	—	—	13	—	—	—	52	—	—	—	156	—
Лакеевъ десять, каждому по 48 р., а всѣмъ . .	10	4	—	40	—	16	—	160	—	48	—	480	—
Араповъ два	2	5	—	10	—	20	—	40	—	60	—	120	—
Гусаръ большихъ два .	2	7	—	14	—	28	—	56	—	84	—	168	—
Гусаръ меньшихъ два .	2	7	—	14	—	28	—	56	—	84	—	168	—
Егерей два	2	5	—	10	—	20	—	40	—	60	—	120	—
Скороходовъ два { одному .	1	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	180	—
Скороходовъ два { другому .	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Итого . .	21	—	—	126	—	—	—	504	—	—	—	1512	—
при нихъ прикмахеръ .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Истопники:													
Истопниковъ полагается 18 человѣкъ, каждому въ годъ по 36 рублей . .	18	3	—	54	—	12	—	216	—	36	—	648	—
Фратёровъ(1) 4 человѣка	4	3	—	12	—	12	—	48	—	36	—	144	—
Смотритель трубъ . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Итого . .	23	—	—	69	—	—	—	276	—	—	—	828	—
Куханнымъ:													
Кухмистеръ иностранецъ, ему въ годъ жалованья 400 р., да на вино, считая въ день по бутылкѣ, цѣною по 25 коп. бутылка, на 91 р. 25 к., а всего въ годъ 491 р. 25 коп.	1	—	—	40	93¾	—	—	163	75	—	—	491	25
Кухмистеровъ русскихъ два, каждому по 96 р. въ годъ	2	8	—	16	—	32	—	64	—	96	—	192	—
Поваровъ четыре, каждому по 48 р. въ годъ .	4	4	—	16	—	16	—	64	—	48	—	192	—
Борщеваръ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Брантмейстеръ . . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
каждому въ годъ по 48 руб.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Учениковъ два, каждому по 36 р. въ годъ. . . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого . .	13	—	—	94	93¾	—	—	372	75	—	—	1139	25
Дѣвушки:													
Камеръ-юнфоръ двѣ, каждой въ годъ по 48 р.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Камеръ-метхинъ двѣ, каждой по 36 р. въ годъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
При мадамѣ одна . . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Вдова одна	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—

(1) Т.-е. полотёровъ.

А именно:	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
имъ каждой на кушанье въ годъ по 36 р., а всѣмъ шестерымъ	—	3	—	18	—	12	—	72	—	36	—	216	—
Итого. .	6	—	—	39	—	—	—	156	—	—	—	468	—
Прачешная:													
Кастелянша.	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Кружевница и чулочница	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Прачекъ восемь, каждой по 42 р., въ годъ . . .	8	3	50	28	—	14	—	112	—	42	—	336	—
Итого. .	10	—	—	42	—	—	—	168	—	—	—	504	—
Садъ:													
Садовникъ	1	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
При немъ подмастерье, кому одно жалованье, а платья нѣтъ .	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Учениковъ три, каждому по 48 р. въ годъ. . . .	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
Работниковъ 15 человѣкъ, во весь годъ каждому по 42 руб	15	3	50	52	50	14	—	210	—	42	—	630	—
хотя оные работники и положены, чтобъ ихъ 15 человѣкъ всегда, но разумѣется такъ, что лѣтомъ живетъ ихъ двадцать и больше, а зимою отъ 6-ти до 8 человѣкъ для того, чтобъ не превосходить сей полагаемой суммы на нихъ, а исправляться ею.													
Итого. .	19	—	—	99	50	—	—	398	—	—	—	1194	—
Кузница:													
Кузнецъ и коновалъ .	1	—	—	20	83 1/3	—	—	83	33 1/3	—	—	250	—
Помощниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого. .	3	—	—	26	83 1/3	—	—	107	33 1/3	—	—	322	—
Ремесленники:													
Медоваръ.	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Два работника . . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Серебряникъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Столяровъ пять . . .	5	4	—	20	—	16	—	80	—	48	—	240	—
Слесарь	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Печниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого. .	12	—	—	46	—	—	—	184	—	—	—	552	—

А именно:	Число людей.	Имъ жалованья.										
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ год		
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Вс
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.
Контора:												
Дворецкій	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	1
Бухгалтеръ	1	—	—	7	—	—	—	28	—	—	—	
Конѣстовъ три . . .	3	5	—	15	—	20	—	60	—	60	—	1
Разсылщиковъ два . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	
Сторожъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	
Полицемейстеръ . . .	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	
Пріемщикъ всякихъ матеріаловъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	
Итого. . .	10	—	—	53	50	—	—	214	—	—	—	6
Конюшенные:												
Берейторъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	
Его ученикъ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	
Кучеръ нѣмецъ . . .	1	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	1
Кучеръ русской . . .	1	—	—	6	—	—	—	24	—	—	—	
Кучеръ младшій . . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	
Фарейторовъ	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	1
Конюховъ	11	3	—	33	—	12	—	132	—	36	—	3
Итого. . .	19	—	—	79	—	—	—	316	—	—	—	9
Работники: въ кухню 4, въ тафельдекарской 3, въ кандитерской 1, въ кафишенской 1, въ прачечной 2, въ лакейской 1, у музыкантовъ 1, на дворѣ 7, а всего 20 человѣкъ, каждому по 42 руб. въ годъ, а всѣмъ.	20	3	50	70	—	14	—	280	—	42	—	8
Музыканты:												
Музыкантовъ три . .	3	12	50	37	50	50	—	150	—	150	—	4
Пажиковъ	5	4	—	20	—	16	—	80	—	48	—	2
Живописныхъ учениковъ	2	4	—	8	16	16	—	32	—	48	—	
Итого. . .	10	—	—	65	50	—	—	262	—	—	—	7
Всего въ годъ жалованья .	191	—	—	1051	43¾	—	—	4205	75	—	—	126

Содержаніе лошадей и экипажей.	Число лошадей.	Имъ фуража.											
		На мѣсяцъ.				На треть.				Въ годъ.			
		Одной.		Всѣмъ.		Одной.		Всѣмъ.		Одной		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Полагается имѣть три цуга въ каждомъ по 7 лошадей. . . . . 21 Верховыхъ . . . . 8 Гусарскихъ. . . . 2 Камердинерская . . 1 Одноколочныхъ . . 2 Разъѣзжихъ . . . 10 Всего . 44													
Овса на каждую лошадь по полторы четверти въ мѣсяцъ, а въ годъ на одну 18 четвертей, а на всѣхъ на 44 лошади 792 четв. Но какъ овсу цѣна не равная, то полагается по 1 р. 50 к. за четверть. .	44	2	25	99	—	9	—	396	—	27	—	1188	—
Сѣна на каждую лошадь по 15-ти пудъ въ мѣсяцъ, а въ годъ на одну 180 пуд., а на всѣхъ на 44 лошади 7920 пудъ . . . Также и сѣно имѣетъ неравную цѣну и для того полагается за пудъ по 14 к., а все.	—	2	10	92	40	8	40	369	60	25	20	1108	80
Итого на фуражъ одинъ для 44-хъ лошадей . . .	—	—	—	191	40	—	—	765	60	—	—	2296	80
Итакъ, каждая лошадь стоитъ въ годъ однимъ фуражомъ по 52 р. 20 к.													
На разныя мелочи по конюшнѣ въ годъ.													
Масла конопляного 24 п., для ночниковъ по 1-му п. 24. Свѣчъ сальныхъ на 6 мѣсяцевъ 2400 на 12. Хлопчатой бумаги на свѣтильню 3 ф., по 40 к., 1 р. 20. Сала свинаго на смазку каретъ 36 п. по 2 р. 50=90 р., ветчиннаго сала для мазанія у лошадей копытъ 5 п. по 6 р.= 30 р., дегтя 18 п. по 40 к.=7 р. 20. Мыла 6 пуд. по 3 р.=18 р. Сала го-													

На разныя мелочи по конюшнѣ въ годъ.	Число лошадей.	Имъ фуража.										
		На мѣсяцъ.				На треть.				Въ год		
		Одной.		Всѣмъ.		Одной.		Всѣмъ.		Одной		Вс
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.
вяжьяго для мазанія шоръ 5 п., по 5 р., 25 р. Веревокъ всякихъ тонкихъ и толстыхъ на поводья и пристяжи 24 п., по 60 к., 14 р. 40. Холста на передники конюхамъ 150 ар. по 5 к.=7 р. 50. Скребницъ 20 на 10 р. Щетокъ 40 на 10 р. Мелкихъ щетокъ для чищенія наборовъ—3 р. Щетокъ для мытья каретъ 6 р. Лоханокъ 20 2 р. Уматовъ 8—4 р. Гребней—1 р. Ножницъ для стриженія гривъ 4 р. 4 кожи для починокъ—10 р. Холста для вытиранія стеколъ 30 ар. 1 р. 80. Спирта для мытья стеколъ 12 штоф.—12 р. Байки 10 ар. для обтиранія лошадей—4 р. 100 ар. лентъ черныхъ для заплетанія гривъ 2 р.; на лекарство лошадямъ, по 1 р. на лошадь 44 р. На ковку лошадей 24 коп. на лошадь въ мѣсяцъ, а въ годъ съ одной 1 р. 88 к., а за 44=129 р. 36.													
Итого мелочей 472 р. 46.	—	—	—	39	36½⅔	--	—	157	48⅔	—	—	47
А съ мелочью лошадь каждая въ годъ содержаніемъ будетъ стоить 62 р. 93½ к.												
На содержаніе экипажевъ и на починку оныхъ . . . . . 500 р.	—	—	—	41	66⅔	—	—	166	66⅔	—	—	50
На придѣлку новыхъ . . . . . 300 „	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	30
На солому . . 200 „	—	—	—	16	66⅔	—	—	66	66⅔	—	—	20
Всего . . 1000 р.	—	—	—	83	33⅓	—	—	333	33⅓	—	—	100
А всего на содержаніе лошадей и экипажевъ въ годъ	44	—	—	314	10½	—	—	1256	42	—	—	376

ержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
динны 1½ пуда черкаской, по фунтъ, а за пудъ 1 р. 60 к.	2	40						
нокъ одинъ	3	—						
нины 30 фун., по 5 коп. за фунтъ	1	50						
шковъ два по рублю	2	—						
овъ телячьихъ	—	40						
овъ на	—	60						
ъ говяжьихъ на	—	45						
нины копченой 10 ф., по 8½ за	—	85						
ъ русскихъ кормленыхъ 4, по 25	1	—						
къ двѣ, по 40 к.	—	80						
ѣйка одна	—	75						
одинъ	—	50						
никовъ 5 паръ, по 25 к. за пару	1	25						
ревей двѣ пары по 35 к. пара	—	70						
ла русскаго 3 фунта	—	24						
ла чухонскаго 10 ф., по 10 к. за	1	—						
ъ 60, по 6 к. десятокъ	—	36						
у ¼ четверика	—	12						
гу 10 ф., по 8 к. за фунтъ	—	80						
и крупитчатой 10 ф.	—	30						
аги на обертку жаркого одна	—	5						
на Сорочинскаго 1½ фунта	—	13½						
пъ смоленскихъ ½ ф.	—	3						
му 1 фунтъ	—	8						
ы на	1	—						
бовъ бѣлыхъ 4, по 4 к.	—	16						
ла прованскаго ½ бутылки	—	22						
вокъ бутылка	—	45						
арсовъ анчоусовъ одна бутылка	—	45						
оновъ свѣжихъ 6, по 5 коп.	—	30						
5 фунтовъ	—	5						
усу ренскаго 1 бутылка	—	10						
вокъ двѣ бутылки по 12 к.	—	24						
ока 7 бутылокъ, по 2 к.	—	14						
зелень 1 руб., но сіе покупать остатокъ, а должно довольство- кухню всею зеленью изъ своихъ	1	—						
Итого кухня стоитъ	23	32½	711	41¼	2845	65	8536	95
нечаянные расходы во время въ, когда излишнихъ гостей въ прибудетъ, прибавляется по 2 р. ньги не всякій день выдаютъ въ								

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
расходъ, а тогда, когда много случится посторонних людей	2	—	60	—	240	—	720	—
Итого со всѣмъ въ годъ	25	32½	771	41¼	3085	65	9256	6
1-е. Сіе все положеніе для кухни значитъ одни ординарные столы, а банкеты, на кои бываютъ гости званые по билетамъ или безъ билетовъ, оные исключаются изъ сей суммы, а должно таковой столъ давать особо изъ кабинета. 2-е. Стола-жъ ординарнаго никогда болѣе не накрывать какъ только на 25 человѣкъ, а когда случится людей и болѣе числомъ нежели 25 человѣкъ, тогда имѣть столъ въ другой комнатѣ, за который могутъ ходить всѣ домашніе, какъ-то: адъютанты, ординарцы и прочіе почитающіеся своими въ домѣ, за оный столъ кушаньемъ довольствовать со стола большого.									
Тафельдекарская въ день:								
Хлѣбовъ бѣлыхъ 35 по 4 к. . . .	1	40						
Ситныхъ 20 по 4 к.	—	80						
Сливокъ 2 бутылки по 12 к. . . .	—	24						
Уксусу ренскаго 1 бутылка . . .	—	10						
Масла прованскаго ½ бутылки . .	—	25						
Горчицы 8 золотниковъ	—	9						
Перцу 2 золотника	—	2						
Сахара 1 фунтъ	—	21						
Соли 2 фунта	—	2						
Огурцевъ на	—	10						
Салатовъ разныхъ на.	—	25						
Анчоусовъ капарсовъ заливковъ 1½ банки, по 45 к. банка	—	67½						
Масла сливочнаго 2 фунта	—	50						
Мыла 1½ фунта для мытья серебра	—	9						
Итого	4	74½	142	35	569	40	1708	2
Также и на тафельдекарскую въ банкеты особая сумма, какъ и о кухнѣ показано.								
Кофишенская въ день:								
Чаю чернаго и зеленаго по 10 золотниковъ	—	30						
Сахару 5 фунтовъ по 21 к. . . .	1	5						
Кофе 2 фунта по 33 к.	—	66						
Оленьего рога ¼ фунта	—	5						
Сливокъ 5 бутылокъ по 12 коп. . .	—	60						
Итого	2	66	79	80	319	20	957	6

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Тожъ въ банкеты и на кофишенскую выдавать; присемъ предписывается, что кромѣ фамиліи никому изъ кофишенской не отпускать ни чаю, ни сахару, ни кофе.								
Кондитерская въ день:								
Мокрыхъ конфектовъ 5 ф. по 60 к. за фун.	3	—						
Яблоковъ украинскихъ и ранетъ, а лѣтомъ ягодъ и апельсиновъ	3	—						
Сухихъ французскихъ и печеныхъ на	3	—						
Итого.	9	—	270	—	1080	—	3240	—
О кондитерской тожъ, что и о кухнѣ во время банкетовъ платить отъ кабинета, а сверхъ того въ вечерній столъ десерту никогда не подавать.								
Итакъ всѣ оныя 4 части въ день стоятъ	41	73	1431	90	5727	60	17182	80
Погребъ русскій въ годъ:								
Муки ржаной въ мѣсяцъ 1½ четверти по 3 р. 50 к., а въ годъ 18 четвертей 63 р. Муки пеклеванной въ мѣсяцъ 5 пуд. по 70 к., а въ годъ 60 пуд. 42 р. Муки пшеничной въ мѣсяцъ по ½ пуд., а въ годъ 6 пуд. по 1 р. 20 к. 7 р. 20. Солода пшеничнаго въ мѣсяцъ ½ пуд. по 1 р. пудъ, а въ годъ 6 пудъ 6 р. Солода ржанаго мелкаго 4 пуда въ мѣсяцъ по 70 к. пудъ, а въ годъ 48 пудъ 33 р. 60 к. Солода ржанаго крупнаго 2 четверика въ мѣсяцъ по 4 р. четверть, а въ годъ 3 четверти 12 р. Солода яшнаго 2 четверика въ мѣсяцъ, по 4 р. четверть, а въ годъ 3 четверти 12 р. Мяты нѣмецкой ½ пуда въ мѣсяцъ по 12 р. пудъ, а въ годъ 6 пудъ 72 р. Клюквы ½ четверти въ мѣсяцъ по 8 р. за четверть, а въ годъ 6 четвертей 48 р. Меду сырцу по 5 пудъ въ мѣсяцъ по 6 р. за пудъ, а въ годъ 60 пудъ 360. Клея рыбьяго 1½ фунта въ мѣсяцъ по 1 р. за фунтъ, а въ годъ 18 ф. 18 р. Корицы 15 ф. по 3½ руб. 52 р. 50 к. Гвоздики 3 фунта въ годъ по 4 руб. 12 р. Кишнецу 30 фунтовъ въ годъ на 3 р. Изюма 13 фунтовъ въ годъ на 1 р. Фіалки 9 фунтовъ въ годъ на 2 р.								

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
25 к. Полпива 12 варъ въ годъ, по 32 р. варя, 384 р. Пива 2 вари въ годъ по 38 варя 76 р. Итакъ въ годъ на русскій погребъ то-есть на квасы, кислые щи, меды, пиво, полпиво, надобно 1257 р., а въ день придетъ	3	49 1/6	104	75	419	—	1257	—
Изъ всего также по комнатамъ не отпускать кромѣ фамиліи.								
Погребъ фряжскій въ день:								
Одна бутылка бургонскаго	1	50						
12 бутылокъ пива англійскаго по 35 к. бутылка	4	20						
Двѣнадцать бутылокъ вина виноградnаго ординарнаго по 25 к. бутылка .	2	90						
Двѣ бутылки бишеву или наливнаго новаго, смородиновки, вишневки или малиновки какого-нибудь одного сорта.	1	—						
Изъ сладкихъ винъ венгерскаго или другихъ итальянскихъ на	2	—						
Водки французской одинъ штофъ .	1	—						
Спирта для подогрѣванія кушанья одинъ штофъ	1	30						
Лимоновъ 10 по 5 к.	—	50						
Сахара 1 фунтъ	—	21						
Водки на	1	39						
Итого	16	—	480	—	1920	—	5760	—
Изъ сего погреба также, кромѣ стола и фамилія, никому не отпускать, а въ банкеты тожъ, что и о кухнѣ сказано, выдавать изъ кабинета деньги.								
Итакъ содержаніе стола по кухнѣ, тафельдекарской, по кондитерской, по кофишенской и по обоимъ погребамъ стоитъ	61	22 1/2	2016	65	8066	60	24199	8
Разный по дому расходъ.								
На восковыя свѣчи ничего не полагается для того, что оныя должны привозимы быть изъ Малороссіи.								
Сальныхъ свѣчъ 300 пудъ въ треть по 3 руб., а въ годъ 900 пудъ. . . .	2	50	75	—	300	—	900	—
Дровъ однополѣнныхъ 2000 саженъ, по 1 р. 30 к.	7	22 1/5	216	66 2/3	866	66 2/3	2600	—
Угольевъ 6000 четвертей по 14 к. .	2	33 1/3	70	—	280	—	840	—
Въ прачешную на крахмалъ, мыло, шёлкъ, нитки и прочее	—	83 1/3	25	—	100	—	300	—

Разный по дому расходъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
ъ годъ на горшки, кадки, ушаты, ры, инструменты и на всякія ого- ныя сѣмена, на покупку деревьевъ подсадки шпалеръ и прочихъ, кро- вывознаго изъ чужихъ краевъ . .	1	66½	50	—	200	—	600	—
ъ кузницу на уголья, инструментъ а желѣзо	1	11⅕	33	33⅓	133	33⅓	400	—
а мелочныя издержки по дому, ко- описать не можно, а имѣть особый гъ.	13	88¾	416	66⅔	1666	66⅔	5000	—
Итого	29	55¼	886	66⅔	3546	66⅔	10640	—

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одно- му.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
ященнику деньгами .	1	—	—	4	16⅔	—	—	16	66⅔	—	—	50	—
умъ пѣвчимъ деньга- каждому по 20 р. . .	2	1	66⅔	3	33¼	13	33¼	26	66⅔	20	—	40	—
фтанъ афисьянскій, а алаго, на всю пару воими штанами 7 ар., ю по 3 р.—21 р. Ста- краснаго 4 ар. съ ½, 0 к. арш., — 2 р. 25. иеду бѣлаго 2 ар. по ар.—1 р.													
зументу на камзолъ ко одинъ, узкаго 15 вѣсомъ 10 лотъ, по 80 лотъ,—8 р. Пуговицъ анныхъ 2½ портища, к. портища—1 р. 25. вольныхъ 3½ портища, 25 к. портище—87½. гному за работу 5 р. .													
39 р. 37½.													
всѣмъ 11 человѣкамъ ьянтамъ:													
ому по 39 р. по 37½ тъ	11	3	28⅛	36	9⅜	13	12½	144	37½	39	37½	433	12½

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Да 3-мъ музыкантамъ такая-жъ	3	3	28 1/8	9	84 3/8	13	12 1/2	39	37 1/2	39	37 1/2	118	12
Двумъ карличкамъ каждому въ половину, а обоимъ.	2	1	64 4/15	3	28 1/8	6	56 1/4	13	12 1/2	19	68 3/4	39	37
Помошничій кафтанъ, сукна 7 ар. по 2 р.—14 р. Стамеду 6 ар. по 50 к.—3 р. Пуговицъ томпаковыхъ 2 1/2 портища, по 40 к.—1 р. Пуговицъ камзольныхъ 3 1/2 портища, по 20 к.—70 к. Портному за работу и прикладъ—5 р. 23 р. 70 к.													
А всѣмъ 8 человѣкамъ помощникамъ	8	1	97 1/2	15	80	7	90	63	20	23	70	189	60
Да пятерымъ пажикамъ и двумъ живописнымъ ученикамъ такое-жъ, а всего 7 человѣкамъ	7	1	97 1/2	13	82 1/2	7	90	55	30	23	70	165	90
Да камзолы имъ рабочіе изъ Батуринскаго, сукна, коихъ за работу и прикладъ каждаго по 2 р., а всѣмъ 15	—	—	16 1/2 1/6	2	50	—	66 2/3	10	—	2	—	30	—
Кафтанъ сьюсу(1). Сукна алаго 5 1/2 ар., по 2 рубля—11 р. Сукна голубаго 1 1/2 аршина, по 2 р.—3 р. Плису чернаго на обшлага 3/4 ар.—2 р. 25. Басону 24 ар., по 30 к.—7 р. 20. Позументу серебрянаго узкаго на камзолъ, въ два ряда 10 лотъ, по 75 к. лотъ—7 р. 50. Пуговицъ басонныхъ 2 1/2 портища, по 30 к.—75. Пуговицъ камзольныхъ 3 1/2 портища, по 15 к.—52 1/2 к. Стамеду 5 ар. по 50 к.—2 р. 50. За работу портному съ мелкимъ прикладомъ—5 р. Шляпа съ позументомъ и всѣмъ приборомъ 4 р. На перевязь сукна алаго 1 1/2 ар., по 2 р.—3 р. Позументу на выкладку оной 20 лотъ, по 75 к.—												

(1) Т.-е. швейцару.

одовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Стамеду 3 ар. по 50 р. 50. Петлицы на а — 6 р. За работу ревязи—2 р.													
70 р. 22½ к.	—	—	—	5	85¼	—	—	23	40¾	—	—	70	22½
танъ лакейскій, сук- ого 6 ар., съ двоими ми, по 2 р. аршинъ, Голубаго на камзолъ рш., по 2 р.—3 р. чернаго на обшлага п., 2 р.—25. Басону по 30 к.—7 р. 20. енту серебрянаго на ъ 10 лотъ, по 75 к.— 0 к. Пуговицъ басон- 2½ портища, по 30 к. Пуговицъ кам- ихъ оловянныхъ 3½ ща, по 15 к.—52½. ду 5 ар., по 50 к.— 0. За работу порт- съ мелкимъ прикла- –5 р. Шляпа съ позу- мъ и со всѣмъ при- ь—4 р.													
44 р. 72½.													
итъ одинъ лакейскій нъ со всѣмъ прибо- 44 р. 72½ к., а тако- надобно на 10 чело- лакеевъ да на двухъ , на трехъ кучеровъ трехъ форейторовъ, всѣхъ 18 кафтановъ. арское платье. Сукна на мантію и двое въ 6 ар., по 2 рубля— на камзолъ съ рука- сукна голубаго 2½ ца, по 2 р.—5 р. Ста- 4 ар., по 50 к.—2 р. енту 25 лотовъ по п.—18 р. 75. Шнур- ребрянаго 30 лотовъ к.—22 р. 50. Кисти яныя къ мантіи— Лиса чернаго ¾ ар- —2 р. 25. На опушку 6 кошекъ сибир-	18	3	72 3/5	67	8¾	14	90 1/5	268	35	44	72½	805	5

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К
скихъ по 80 коп.—4 р. 80 к. Пуговицъ мѣдныхъ посеребряныхъ 200—4 р. За работу и мелкій прикладъ 5 р. Киверъ съ приборомъ, какъ то: и съ позументомъ, съ атласною голубою подкладкою и съ кисточками серебряными—6 р. Кушакъ—5 р. Шляпа съ приборомъ и позументами—4 р.													
97 р. 30 к.													
Таковыхъ надобно 4-ре пары	4	8	10½⅓	32	43⅓	32	43⅓	129	73⅓	97	30	389	2
Арапское платье. Сукна алаго на шубу и двое шароваровъ 7 ар., по 2 р.—14 р. Голубаго на камзолъ съ рукавами 2½ ар., по 2 р.—5 р. Стамеду 6 ар. по 50 к.—3 р. Шнурку 25 ар. вѣсомъ 7 лотъ по 75 к. лотъ—5 р. 25. Позументу 10 лотовъ, по 75 коп.—7 р. 50 к. Плису ¾ аршина—2 р. 25. На опушку шубы кошекъ 6, по 80 к.—4 р. 80. За работу—5 р. Чалма со всѣмъ приборомъ и шитье серебряное—7 р.														
53 р. 80 к.													
Таковыхъ два платья .	2	4	48⅓	8	96⅔	17	93⅓	35	86⅔	53	80	107	6
Скороходское платье. Сукна алаго на кафтанчикъ и двое штановъ 5 ар. по 2 р.—10 р. Голубаго на камзолчикъ 1¼ ар. по 2 р.—2 р. 50. Стамеду 3½ ар., по 50 к.—1 р. 75. Трипу на обшлага и воротникъ ¾ ар.—2 р. 25. Позумента на кафтанъ и на камзолъ узкаго 55 ар., вѣсомъ 48 лотовъ, по 75 коп. 35 р. Грезету на юпку 3½ ар., по 1 р. 60 к. арш.—5 р. 60 к. Тафты черной на кушаки 5 ар.—по 1 р.														

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
—6 р. Плиса голубаго ртузъ 3/4 ар.—1 р. асу серебрянаго на зъ, 5 лотовъ, по 1 р. р. Бахромы серебре- лотъ по 1 р. 20 к.— 80 к. Кистей сере- ихъ 6 лотовъ, по 1 р. -7 р. 20. Шлифы подъ и 7 лотъ, по 1 р. 20 р. 40 к. Пуговицъ тицъ, по 40 к. пор- —2 р. 40 к. За ра- -8 р. На трость кис- шнурка 13 лотъ, по и.—9 р. 75. Шляпа														
121 руб.													
овыхъ два платья .	2	10	8⅓	20	16⅔	40	33⅓	80	66⅔	121	—	242	—
Итого ливрейнымъ	27	—	—	134	50⅝	—	—	538	2½	—	—	1614	7½
сверхъ того, ливрей- всѣмъ 27-ми чело- къ Святой недѣ- чулки, башмаки, а мъ на сапоги, по 3 р. му, а всѣмъ . . . мъ ливрейнымъ кам- шить ежегодно изъ инскаго сукна, а на адъ и за работу по 2 р. за каждый мъ, а всѣхъ оныхъ: 1, лакеямъ 10, ку- ъ 3, форейторамъ 3, мъ 2, гусарамъ 4, ско- амъ 2, арапамъ 2, 27 человѣкамъ . .	27	—	25	6	75	1	—	27	—	3	—	81	—
жнимъ служителямъ ъ кафтанъ, камзолъ е штановъ изъ Бату- аго сукна, за что и олагается на сукно ъ, а за одинъ при- и за работу порт- съ пары по пяти й. олько-жъ и кому кафтаны дѣлать, зна- подъ симъ:	27	—	16⅔	4	50	66⅔	—	18	—	2	—	54	—

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.		
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.
Лакейск. парикмахеру 5 р.												
Истопникамъ 18-ти, по 5 р. каждому . . 90 „												
Фратёрамъ 4-мъ . . 20 „												
Смотрителю трубъ. . 5 „												
Поварамъ 4-мъ. . . 20 „												
Борщевару 1-му . . 5 „												
Брантмейстеру 1-му . 5 „												
Приспѣшникамъ 2-мъ 10 „												
Ученикамъ 2-мъ . . 10 „												
Садовымъ учен. 3-мъ. 15 „												
Разсыльщикамъ 2-мъ. 10 „												
Сторожу 1-му . . . 5 „												
Берейторскому учен. 5 „												
Конюхамъ 11-ти на каждаго по 5 р. . 55 „												
Сторожу церковному. 5 „												
Итого . .	53	—	41⅔	22	8⅔	1	66⅔	88	33⅓	5	—	265
Кухмистеру иностр. .	1	—	—	2	50	—	—	10	—	—	—	30
Русскимъ.	2	1	66⅔	3	33⅓	6	66⅔	13	33⅓	20	—	40
Садовнику	1	—	—	2	91⅔	—	—	11	66⅔	—	—	35
Кузнечнымъ помощникамъ на зимнее и на лѣтнее, каждому по 6 р. . .	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12
Медовару 8 р., тутъ верхнее и зимнее	1	—	—	66⅔	—	—	—	2	66⅔	—	—	8
Его помощникамъ, каждому по 6 р., также на лѣтнее и зимнее	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12
Серебрянику	1	—	—	1	66⅔	—	—	6	66⅔	—	—	20
Столярамъ, каждому по 10 р., тутъ и лѣтнее и зимнее платье	5	—	83⅓	4	16⅔	3	33⅓	16	66⅔	10	—	50
Слесарю 8 р., тутъ зимнее и лѣтнее	1	—	—	—	66⅔	—	—	2	66⅔	—	—	8
Печникамъ по 6 р. двумъ на зимнее и лѣтнее. . .	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12
Бухгалтеру	1	—	—	1	66⅔	—	—	6	66⅔	—	—	20
Копіистамъ	3	1	25	3	75	5	—	15	—	15	—	45
Полицеймейстеру. . .	1	—	—	1	66⅔	—	—	6	66⅔	—	—	20
Пріемщику матеріаловъ	1	—	—	1	66⅔	—	—	6	66⅔	—	—	20
Онымъ всѣмъ деньгами давать, и болѣе уже никакого платья, ни зимняго, ни лѣтняго не давать.	—	—	—	27	66⅔	—	—	110	66⅔	—	—	332
Дворецкому противъ афисьянта строить. . .	1	—	—	3	28⅓	—	—	13	12½	—	—	39
Берейтору тожъ . . .	1	—	—	3	28⅓	—	—	13	12½	—	—	39
Всего на платье выходитъ	—	—	—	289	24¼	—	—	1156	98⅓	—	—	3470
А всего на содержаніе большого дома въ годъ. .	—	—	—	4389	76¾	—	—	17559	7	—	—	52677

торымъ полагается жаніе Аничковска- Фонтанскаго, Цеса- аго и Крюковскаго въ и Мурзянки.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
ичковскомъ домѣ:													
енникъ	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
на платье. . . .	—	—	—	2	50	—	—	10	—	—	—	30	—
ихъ.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
на платье . . .	—	1	16⅔	3	33⅓	6	66⅔	13	33⅓	20	—	40	—
жъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
на платье какъ на такъ и лѣтнее .	—	—	—	—	66⅔	—	—	2	—	—	—	8	—
одержаніе церкви ами, виномъ, ла- и свѣчами . . .	—	—	—	8	33⅓	—	—	33	33⅓	—	—	100	—
ичій, который смо- а домами и ходитъ казными дѣлами, жалованье и на и на содержаніе	1	—	—	29	16⅔	—	—	116	66⅔	—	—	350	—
немъ писарь. . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
на платье изъ Ба- таго сукна и на къ.	—	—	—	—	41⅔	—	—	1	66⅔	—	—	5	—
умагу и прочее. .	—	—	—	1	25	—	—	5	—	—	—	15	—
ръ-офицеръ ему и ъемъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
одержанія караула, ъ для чистки и въ на дворахъ . . .	12	3	—	36	—	12	—	144	—	36	—	432	—
на платье какъ на такъ и зимнее, каж- 6 р. въ годъ . .	—	—	50	6	—	2	—	24	—	6	—	72	—
олицейскія должно- а починку мосто- на дрова тамош- олько служителямъ.	—	—	—	83	33⅓	—	—	333	33⅓	—	—	1000	—
аревинскомъ домѣ:													
жей.	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
платье изъ Бату- го сукна, по 5 р. кладъ	—	—	41⅔	—	83⅓	1	66⅔	3	33⅓	5	—	10	—
къ на оный, такъ рюковской на со- ie полицейскими стями	—	—	—	16	66⅔	—	—	66	66⅔	—	—	200	—
Мурзянка:													
щикъ и съ плать- годъ	1	—	—	8	—	—	—	32	—	—	—	96	—
инковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—

Статъ, которымъ полагается на содержаніе Аничковскаго дома, Фонтанскаго, Цесаревинскаго и Крюковскаго домовъ и Мурзянки.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ го	
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Имъ платье изъ Батуринскаго сукна, по 5 р. каждому на прикладъ. .	—	—	41⅔	—	83⅓	1	66⅔	3	33⅓	5	—
Караульщикъ у лѣса .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—
Итого на содержаніе Аничковскаго, Фонтанскаго, Цесаревинскаго и Крюковскаго домовъ и Мурзянки	—	—	—	244	83⅓	—	—	979	33⅓	—	—
Крестовскій островъ:											
Прикащикъ	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—
Ему на платье. . . .	—	—	—	3	33⅓	—	—	13	33⅓	—	—
Сержантъ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—
Капралъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—
Имъ на платье. . . .	—	1	25	2	50	5	—	10	—	15	—
При нихъ баба . . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—
Скотница.	1	—	—	6	—	—	—	24	—	—	—
У ней работникъ. . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—
Бабъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—
У птицъ пастухъ и съ платьемъ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—
Сторожей.	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—
Садъ:											
Садовникъ	1	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—
Ему на платье . . .	—	—	—	2	8⅓	—	—	8	33⅓	—	—
Садовыхъ учениковъ .	4	4	—	16	—	16	—	64	—	48	—
Имъ платье изъ Батуринскаго сукна и на прикладъ по 5 р.	—	—	41⅔	1	66⅔	1	66⅔	6	66⅔	5	—
Работниковъ въ саду .	15	4	—	60	—	16	—	240	—	48	—
При островѣ Малороссіянъ	7	3	—	21	—	12	—	84	—	36	—
Имъ на платье . . .	—	—	66⅔	4	66⅔	2	66⅓	18	66⅔	8	—
	39	—	—	188	25	—	—	753	—	—	—
На содержаніе дровами дома, оранжерей и всѣхъ служительскихъ покоевъ и угольемъ на кухнѣ . .	—	—	—	133	33⅓	—	—	400	—	—	—
На кормъ птицъ . . .	—	—	—	8	33⅓	—	—	33	33⅓	—	—
На кормъ коровъ . .	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—
На кормъ воловъ. . .	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—
На кормъ лошадей . .	—	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—
Итого на содержаніе Крестовскаго острова . .	—	—	—	361	58⅓	—	—	1446	33⅓	—	—
Итого на содержаніе Аничковскаго, Фонтанскаго и Крюковскаго домовъ, Мурзянки и Крестовскаго острова	—	—	—	601	41¹/₃₂	—	—	2405	66⅔	—	—
А всего по всѣмъ штатамъ	—	—	—	4996	18⅓½	—	—	19984	73⅓	—	—

СЧЕТЪ ГОДОВОЙ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Жалованья людямъ.	35	33 1/3	1051	—	4205	75	12617	25
Содержаніе лошадей и экипажевъ	10	47	314	10 1/2	1256	42	3769	26
Содержаніе стола по кухнѣ.	25	32 1/2	771	11 1/4	3085	65	9256	95
По тафельдекерской. . . .	4	74 1/2	142	35	569	40	1708	20
По кондитерской	9	—	270	—	1080	—	3240	—
По кофишенской	2	66	79	80	319	20	957	60
По погребу Русскому . .	3	49 1/6	104	75	419	—	1257	—
По погребу Фряжскому .	16	—	480	—	1920	—	5760	—
Разнаго по дому расхода. .	29	55 1/4	886	66 2/3	3546	66 2/3	10640	—
Годовое платье людямъ. . .	9	64 1/6	289	24 1/3 1/4	1156	93 1/3	3470	95
	146	32 1/4	4389	76 2/4	17559	7	52677	21
ичковскій и другіе дворы въ Петербургѣ стоятъ.	8	16 1/6	244	83 1/3	979	33 1/3	2938	—
стовскій островъ.	12	5 1/4 1/20	361	58 1/3	1446	33 1/3	4339	—
	20	45/3 1/32	601	41 1/32	2405	66 2/3	7277	—
А всего	166	53 /2 1/3 1/6	4996	18 1/3 1/12	19984	73 2/3	59954	21

По сему исполнять. Графъ К. Разумовскій.

Вѣдомость заштатнымъ.

	Имъ жалованья.											
	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
	Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
фиѣ Елисаветѣ Кирилловнѣ	—	—	116	66 2/3	—	—	466	66 2/3	—	—	1400	—
фиѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ	—	—	83	33 1/3	—	—	333	33 2/3	—	—	1000	—
фу Андрею Кирилловичу	—	—	345	93 2/3 1/6	—	—	1383	75 1/3	—	—	4151	26
фу Петру Кирилловичу .	—	—	285	93 1/3 1/3	—	—	1143	75 1/3	—	—	3431	26
фу Льву Кирилловичу. .	—	—	181	52 1/3 1/3 1/12	—	—	726	11 2/3	—	—	2178	33
фу Григорью Кирилловичу	—	—	137	13 1/3 1/12	—	—	548	54 1/3	—	—	1645	63
дамъ	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
нителю дома.	—	—	50	—	—	—	200	—	—	—	600	—
тору.	—	—	125	—	—	—	500	—	—	—	1500	—
карю.	—	—	33	33 1/3	—	—	133	33 1/3	—	—	400	—
у на платье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	—

На что имъ оная сумма, о томъ росписано въ приложенныхъ у сего особенныхъ штатахъ.

	Имъ жалованья.										
	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ год		
	Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		В
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	
Живописцу Мартинелли. . .	—	—	33	33 1/3	—	—	133	33 1/3	—	—	
Ему на платье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кушанье въ мѣсяцъ по . . .	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	
Секретарю Маснѣ.	—	—	33	33 1/3	—	—	133	33 1/3	—	—	
Александру Шульгину. . . .	—	—	20	83 1/3	—	—	83	33 1/3	—	—	
Итого.	—	—	1487	20 5/6	—	—	5938	33 1/3	—	—	17
Оная сумма всѣмъ будетъ производиться изъ кабинета, а до дому и до конторы не касается.											
Верхнее платье также дѣлать всѣмъ отъ кабинета чрезъ три года и для того положенную какъ въ генеральномъ статѣ всѣмъ, такъ и меньшихъ графовъ сумму, коей особый у сего штатъ, отпускать изъ кабинета тогда, когда ему сроки будутъ, а именно: оное сдѣлано прошлаго 1773 года, а срокомъ будетъ 1776, въ которомъ году и должно её отпустить на строеніе онаго, чему приложены особые штаты съ показаніемъ, сколько онаго надобно и на какую сумму, а именно:											
Лѣтняго	—	—	102	—	—	—	408	—	—	—	1
Зимняго	—	—	222	64 1/6	—	—	890	56 2/3	—	—	2
Да сукна Батуринскаго на тоже трехгодовое лѣтнее и зимнее платье 615 аршинъ.											
А всего заштатнымъ на жалованье и на строеніе платья, кромѣ сукна	—	—	1809	35	—	—	7237	40	—	—	21

	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
ГЪ ГРАФУ АНДРЕЮ КИРИЛЛОВИЧУ.		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
мердинеровъ	2	10	—	20	—	40	—	80	—	120	—	240	—
ъ на платье противъ іантовъ каждому по 37½ коп.	—	3	28⅛	6	56¼	13	12½	26	25	39	37½	78	75
кеевъ	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
ъ на ливрею противъ евъ какъ всѣмъ по-но, по 44 р. 72½ коп.	—	3	72$^{17}/_{24}$	11	18⅜	14	90⅝	44	72½	44	72½	134	17½
топниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
ъ платье изъ Бату-каго сукна, а на при-ь и прочее по 5 р. .	—	—	41⅔	—	83⅓	1	66⅔	3	33⅓	5	—	10	—
черъ	1	4	—	—	—	16	—	—	—	—	—	48	—
у ливрею противъ ла-.	—	—	—	3	72$^{17}/_{24}$	—	—	14	90⅝	—	—	44	72½
нюховъ.	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
ъ платье изъ Бату-каго сукна, а на при-ь по 5 р.	—	—	41⅔	—	83⅓	1	66⅔	3	33⅓	5	—	10	—
) сіятельству самому атье, бѣлье и на про-елочные расходы. .	—	—	—	226	66⅔	—	—	906	66⅔	—	—	2720	—
падей { каретныхъ 4 верховыхъ 2													
ого лошадей . . . 6 каждой лошади на со-ваніе въ годъ противъ ихъ по 62 р. 93½ к.	—	5	24$^{11}/_{24}$	31	46¾	20	97⅝	125	87	62	93½	377	61
содержаніе экипажей	—	—	—	16	66⅔	—	—	66	66⅔	—	—	200	—
Итого . .	—	—	—	345	93⅝	—	—	1383	75½	—	—	4151	26
ТЪ ГРАФУ ПЕТРУ КИРИЛЛОВИЧУ.													
мердинеровъ	2	10	—	20	—	40	—	80	—	120	—	240	—
ъ на платье противъ іантовъ, каждому по 37½ к.	—	3	28⅛	6	56¼	13	12½	26	25	39	37½	78	75
кеевъ	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
ъ на ливрею противъ евъ какъ всѣмъ по-но, по 44 р. 72½ к. .	—	3	72$^{17}/_{24}$	11	18⅜	14	90⅝	44	72½	44	72½	134	17½
топниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
ъ платье изъ Бату-каго сукна, а на при-ь и прочее по 5 руб.	—	—	41⅔	—	83⅓	1	66⅔	3	33⅓	5	—	10	—
черъ	1	4	—	—	—	16	—	—	—	—	—	48	—
у ливрея противъ ла-.	—	—	—	3	72$^{17}/_{24}$	—	—	14	90⅝	—	—	44	72½

	Число людей.	Имъ жалованья.										
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ		
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Вс
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.
Конюховъ.	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	7
Имъ на платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ по 5 р.	—	—	41 2/3	—	83 1/3	1	66 2/3	3	33 1/3	5	—	1(
Его сіятельству самому на платье, бѣлье и на прочіе мелочные расходы.	—	—	—	166	66 2/3	—	—	666	66 2/3	—	—	200
Лошадей { каретныхъ 4 верховыхъ 2												
Итого лошадей . . . 6												
Каждой лошади на содержаніе въ годъ противъ прочихъ по 62 р. 93 1/2 к.	—	5	24 11/24	31	46 3/4	20	97 5/6	125	87	62	93 1/2	37
На содержаніе экипажей	—	—	—	16	66 2/3	—	—	66	66 2/3	—	—	20
Итого . .	—	—	—	285	97 5/6	—	—	1143	75 1/3	—	—	343
СТАТЪ ГРАФУ ЛЬВУ КИРИЛЛОВИЧУ.												
Камердинеръ	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	12
Ему платье противъ офиціанта	—	—	—	3	28 1/8	—	—	13	12 1/2	—	—	3
Ему-жъ на кушанье .	—	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	12
Лакеевъ	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	9
Имъ ливрея противъ прочихъ	—	3	72 17/24	7	45 5/12	14	90 5/6	29	81 2/3	44	72 1/2	8
Истопникъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	3
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ 5 руб.	—	—	—	—	41 2/3	—	—	1	66 2/3	—	—	
Кучеръ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	4
Ему ливрея противъ прочихъ	—	—	—	3	72 17/24	—	—	14	90 5/6	—	—	4
Конюхъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	3
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ 5 руб.	—	—	—	—	41 2/3	—	—	1	66 2/3	—	—	
Его сіятельству самому на платье, бѣлье и на прочіе мелочные расходы	—	—	—	100	—	—	—	400	—	—	—	120
Лошадей { каретныхъ 2 верховая 1												
Итого лошадей . . . 3												
Имъ на содержаніе каждой по 62 р. 93 1/2 к. . .	—	5	24 11/24	15	75 9/24	20	97 5/6	62	93 1/2	62	93 1/2	18
На содержаніе экипажей	—	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	15
Итого . .	—	—	—	181	52 23/24	—	—	726	11 5/6	—	—	217

ГЪ ГРАФУ ГРИГО- О КИРИЛЛОВИЧУ.	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
мердинеръ Иванъ Во- нъ	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
ну на платье противъ іанта.	—	—	—	3	28½	—	—	13	12½	—	—	39	37½
кей	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
ну ливрея противъ про-	—	—	—	3	72 17/24	—	—	14	90 5/6	—	—	44	72½
стопникъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
ну платье изъ Бату- каго сукна, а на при- ъ 5 руб.	—	—	—	—	41½	—	—	1	66⅔	—	—	5	—
черъ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
ну ливрея противъ ихъ.	—	—	—	3	72 17/24	—	—	14	90 5/6	—	—	44	72½
онюхъ.	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
ну платье изъ Бату- каго сукна, а на при- ь и прочее 5 руб. .	—	—	—	—	41⅔	—	—	1	66⅔	—	—	5	—
о сіятельству самому латье, бѣлье и на ie мелочные расходы	—	—	—	75	—	—	—	300	—	—	—	900	—
шадей { каретныхъ 2 верховая 1													
ого лошадей . . . 3 ъ на содержаніе каж- но 62 р. 93½ коп. .	—	5	24 11/24	15	73 9/24	20	97 5/6	62	93½	62	93½	188	80½
содержаніе экипажа	—	—	—	8	33⅓	—	—	33	33⅓	—	—	100	—
Итого . .	—	—	—	137	13 7/12	—	—	548	54⅓	—	—	1645	63

мердинеру Воронину
ованье опредѣляется
мущественно противъ
ихъ офиціантовъ для
, что 12-ти-лѣтняя его
ба при моихъ дѣтяхъ
гужихъ краяхъ, кою
исправлялъ порядоч-
дѣлаетъ его достой-
ъ сего отъ меня на-
денія. Ему-жъ при-
вается и нынѣ день-
сѣ графа Гр. Кирил-
ча имѣть у себя и имъ
ходъ и расходъ дер-
ь съ запискою, а по про-
твіи года давать мнѣ
ему отчётъ; сіе пред-
вается ему для того,
рафъ Гр. Кирилловичъ
вершенныхъ лѣтъ, а
му самъ распоряжать
лами не долженъ.

СЧЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, КОТОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.

Лѣтнее.

Ливрейнымъ:

Сукна голубаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к.
Стамеду голубаго 6 арш. по 50 к. . . . . 3 „ — „
Плису 1 аршинъ . . . . . 3 „ — „
Басону 15 арш. по 30 к. . . 4 „ 50 „
Пуговицъ басонныхъ 2 дюжины по 25 коп. . . . . — „ 50 „
За работу и прикладъ. . . 3 „ — „
24 р. — к.

	Число людей.	Имъ на платье.									
		На мѣсяцъ.		Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Таковыхъ надобно на 1-го свиса, на 19-ть лакеевъ, на 2-хъ егерей, на 4-хъ гусаръ, на 2-хъ скороходовъ, на 2-хъ араповъ, на 7-мь кучеровъ, на 3-хъ форейторовъ, а всего на 40 человѣкъ	40	2	—	8	—	320	—	24	—	960	—
Въ томъ числѣ на положенныхъ по особымъ штатамъ при меньшихъ графахъ: лакеямъ 9-ти да кучерамъ 4-мъ. Помощникамъ шинели изъ Батуринскаго сукна каждому по 5 аршинъ, а на подкладку каразеи, за мелкой прикладъ и за работу портному полагается по 4 р. на каждаго, а 8-мъ	8	—	33⅓	1	33⅓	10	66⅔	4	—	32	—
Истопникамъ 24-мъ, фротерамъ 4-мъ, надзирателю трубъ 1-му, парикмахеру лакейскому 1-му, а всѣмъ 30 человѣкамъ то же, что и помощникамъ. . .	30	—	33⅓	1	33⅓	40	—	4	—	120	—
Въ томъ числѣ и на положенныхъ при меньшихъ графахъ истопникамъ 6-ти человѣкамъ и двумъ кухмистерамъ Русскимъ по 12 руб.	2	1	—	4	—	8	—	12	—	24	—
Поварамъ 4-мъ, борщевару 1-му, брантмейстеру 1-му, приспѣшникамъ 2-мъ, ученикамъ 2-мъ. Всего 10-ти человѣкамъ, на шинели, каждому Батуринскаго сукна по 5 арш., а на прикладъ противъ помощника, по 4 р. .	10	—	33⅓	1	33⅓	13	33⅓	4	—	40	—
Разсыльщикамъ тожъ	2	—	33⅓	1	33⅓	2	66⅔	4	—	8	—
Двумъ: полиціймейстеру и пріемщику на сюртуки, каждому по 12 р.	2	1	—	4	—	8	—	12	—	24	—
Берейтору сюртукъ	1	1	—	—	—	4	—	—	—	12	—
Ученику его во всемъ противъ истопника	1	—	33⅓	—	—	1	33⅓	—	—	4	—
Итого, сукна Батуринскаго на трехгодовое лѣтнее платье 295 арш.											
А всего на лѣтнее трехгодовое платье, кромѣ Батуринскаго сукна . .	—	102	—	—	—	408	—	—	—	1224	—

ЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, ОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.	Число людей.	Имъ на платье.									
		На мѣсяцъ.		На треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Зимнее.											
Ливрейнымъ:											
акейскую шубу сукна краснаго 5 . по 2 рубля . . . . 10 р. — к.											
ду на опушку 1½ ар. 50 коп. . . . . — „ 75 „											
яго мѣха на . . . . 27 „ — „											
ицъ и пуговицъ гарусъ на . . . . . 1 „ 50 „											
ы въ рукава и прочій очной прикладъ, за оту . . . . . 4 „ — „											
а, верхъ красный, сѣькая опушка овчинная 5 „ 50 „											
48 р. 75 к.											
ковыхъ надобно на 19-ть человѣлакеевъ и 2-хъ арапов, а всешуба.	21	4	6¼	16	25	341	25	48	75	1023	75
томъ числѣ и на положенныхобымъ штатамъ при меньшихъ 9-ть лакеевъ.											
На гусарскую шубу.											
алаго 6 арш. по 2 р. 12 р. — к.											
ѣжьяго мѣха на. . . 18 „ — „											
ора разнаго гаруснаго . . . . . 1 „ 50 „											
боту и мелкій прикл. 4 „ — „											
а разсомашья . . . 8 „ — „											
серебряныя со шнуръ . . . . . 10 „ — „											
53 р. 50 к.											
ковыхъ надобно 4-ре шубы . .	4	4	45⅝	17	83⅓	71	33⅓	53	50	214	—
На скороходскій сюртукъ:											
алаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к.											
ду на опушку 2 арш. 50 к . . . . . 1 „ — „											
ицъ оловянныхъ 2½ кины . . . . . — „ 50 „											
яго мѣха на . . . . 27 „ — „											
ента серебрянаго съодками 10 арш., вѣсомъ лотъ, по 75 к. лотъ . 11 „ 15 „											
боту и мелочной прид . . . . . 4 „ — „											
а овчинная, сѣрая . 5 „ 50 „											
59 р. 15 к.											

СЧЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, КОТОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.	Число людей.	Имъ на платье.									
		На мѣсяцъ.		На треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Таковыхъ надобно для скороходовъ два, да на свиса одинъ, а всѣхъ три.	3	4	$92\frac{11}{12}$	19	$71\frac{2}{3}$	59	15	59	15	177	45
На егерскую шубу:											
Сукна зеленаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к.											
Стамеду 2 арш. по 50 к. . 1 „ — „											
Волчьяго мѣха на . . . . 27 „ — „											
За приборъ гарусный. . . 1 „ 50 „											
За работу и мелочной прикладъ . . . . . 4 „ — „											
Шапка сѣрая, овчинная. . 5 „ 50 „											
49 р. — к.											
Таковыхъ надобно двѣ шубы . .	2	4	$8\frac{1}{2}$	16	$33\frac{1}{3}$	32	$66\frac{2}{3}$	49	—	98	—
На кучерской сюртукъ:											
Сукна алаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к.											
Стамеду 2 арш. по 50 к. . 1 „ — „											
Пуговицъ оловянныхъ $2\frac{1}{2}$ дюжины . . . . . — „ 50 „											
Медвѣжьяго мѣха на. . . 18 „ — „											
Позумента 10 арш., вѣсомъ 15 лотъ, по 75 к. за лотъ. 11 „ 15 „											
За работу и мелочной прикладъ . . . . . 4 „ — „											
Шапка краснаго сукна, съ медвѣжьею опушкою, а на козырѣ позументъ . . . 5 „ — „											
Муфта медвѣжья . . . . 5 „ — „											
54 р. 65 к.											
Таковыхъ надобно для 7-ми кучеровъ и 3-хъ форейторовъ, а всѣхъ. .	10	4	55	18	$21\frac{1}{3}$	182	$16\frac{2}{3}$	54	65	546	50
Въ томъ числѣ и на положенныхъ при меньшихъ графахъ 4-хъ кучеровъ.											
Итого на зимнее верхнее 3-хъ-годовое платье ливрейное.	—	171	$64\frac{1}{6}$	—	—	686	$56\frac{2}{3}$	—	—	2059	70
Помощникамъ:											
На шубы, крытыя сукномъ Батуринскимъ, котораго на каждаго человѣка по 5 аршинъ, а на овчинный мѣхъ, на прикладъ и за работу по 5 руб., а всѣмъ 8-мъ	8	—	$41\frac{2}{3}$	1	$66\frac{2}{3}$	13	$33\frac{1}{3}$	5	—	40	—
Истопникамъ 24-мъ, фротерамъ 4-мъ, надзирателю трубъ 1-му, парикмахеру											

	Число людей.	Имъ на платье.									
		На мѣсяцъ.		На треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
акейскому 1-му, а всѣмъ 30-ти человѣкамъ то же что помощникамъ. . .	30	—	41²/₃	1	66²/₃	50	—	5	—	150	—
Въ томъ числѣ и на положенныхъ при меньшихъ графахъ 6 истопниковъ.											
Пѣвчимъ 2-мъ, деньгами, каждому по 10 руб.	2	—	83¹/₃	3	33¹/₃	6	66²/₃	10	—	20	—
Кухмистерамъ Русскимъ 2-мъ, деньгами по 15 руб.	2	1	25	5	—	10	—	15	—	30	—
Поварамъ 4-мъ, борщевару 1-му, приспѣшникамъ 2-мъ, ученикамъ 2-мъ, всего 10-ти человѣкамъ сукна Батуринскаго противъ помощниковъ, а на прикладъ и за работу каждому 5 р. .	10	—	41²/₃	1	66²/₃	16	66²/₃	5	—	50	—
Садовымъ ученикамъ то-жъ . . .	3	—	41²/₃	1	66²/₃	5	—	5	—	15	—
Серебрянникну деньгами.	1	—	83¹/₃	—	—	3	33¹/₃	—	—	10	—
Бухгалтеру	1	—	83¹/₃	—	—	3	33¹/₃	—	—	10	—
Копіистамъ 3-мъ, каждому по 8 р.	3	—	66²/₃	2	66²/₃	8	—	8	—	24	—
Разсыльщикамъ и сторожу во всемъ противъ истопниковъ, а на прикладъ и проч. по 5 р.	3	—	41²/₃	1	66²/₃	5	—	5	—	15	—
Полиціймейстеру и пріемщику дровъ, каждому деньгами по 12 р.	2	1	—	4	—	8	—	12	—	24	—
Берейтору.	1	1	25	—	—	5	—	—	—	15	—
Ученику его во всемъ противъ помощника	1	—	41²/₃	—	—	1	66²/₃	—	—	5	—
Конюхамъ сюртуки изъ Батуринскаго сукна, полагая на каждаго по 5 аршинъ, а на овчины, рукавицы, шапки и весь мелкій прикладъ, а равно и за работу портному по 12 на человѣка, а всего.	17	1	—	4	—	68	—	12	—	204	—
Въ томъ числѣ на 3-хъ, положенныхъ при меньшихъ графахъ 6 конюховъ											
Итого на 3-хъ-лѣтнее зимнее платье Батуринскаго сукна 360 аршинъ.											
Всего на зимнее 3-хъ-годовое платье кромѣ Батуринскаго сукна.	—	222	64¹/₆	—	—	890	56²/₃	—	—	2671	70

А по обоимъ штатамъ на верхнее 3-хъ-годовое лѣтнее и зимнее платье сукна Батуринскаго надобно 615 арш.

СТАТЪ НА 5 ПАЖЕЙ И 2 УЧЕНИКА МАТЕМАТИКА.

	Въ годъ. Р.	К.
Каждому на столъ, бѣлье, башмаки, сапоги, чулки, галстухи, баню и прочія мелочи въ мѣсяцъ по 5 рублей, въ годъ 60 рублей. А всѣмъ. . . .	420	
На годовое платье каждому:		
Сукна 7 аршинъ по 2 р. . . . . 14 р. — к.		
Стамеду 6 аршинъ по 50 к. . . . . 3 „ — „		
Пуговицъ томпаковыхъ:		
Кафтанныхъ 2½ портища. . . . . 1 „ — „		
Камзольныхъ 3½ портища. . . . . — „ 70 „		
Портному за прикладъ мелочной и за работу . . . . . 5 „ — „		
Итого одному . . 23 р. 70 к.		
А всѣмъ.	165	90
На камзолъ изъ Батуринскаго сукна за прикладъ и за работу портному съ каждаго по 2 р., а всѣмъ	11	
Рукою графа Кирилла Григорьевича:		
Мѣсто Батуринскаго сукна съ прикладомъ полагается на всякаго по 12 р., а всѣмъ.	34	
Всего въ годъ	669	90

Оное е. с. в
бовано и вы

29 Марта 1774 года.

Исправлять по сему Графъ К. Разумо

СТАТЪ СОДЕРЖАНІЯ ГРАФА ГРИГОРІЯ КИРИЛЛОВИЧА.

	Число людей.	И жало въ Одно-му. руб.
Полагается три мундира въ годъ, каждый мундиръ съ шляпою и темлякомъ 110 рублей, а за всѣ.	—	—
Сюртукъ мундирный	—	—
Фракъ одинъ.	—	—
На наемъ ямскихъ 4-хъ лошадей	—	—
На содержаніе бѣлья	—	—
Для его кармана, то-есть на покупку пудры, помады, башмаковъ и другихъ мелочей	—	—
Сверхъ сего, ему-жъ получаемое имъ отъ полка жалованье . . .	—	—
Камердинеровъ два:		
Ивану Воронину жалованья и на столъ	1	—
Ему на платье	—	—
Андрею Кириллову жалованье и на столъ	1	—
Ему на платье	—	—

	Число людей.	Имъ жалованья въ годъ.	
		Одному.	Всѣмъ.
		руб.	руб.
Лакеямъ жалованья и на столъ	2	48	96
Имъ на ливрею	—	27	54
Истопникъ	1	—	36
Ему на платье и для зимы на шубу	—	—	15
Для стола его и другихъ экстраординарныхъ расходовъ опредѣляется	—	—	1082
Итого на все годовое содержаніе.	—	—	3000

Все сіе зависитъ отъ повелѣнія и распоряженія Феодора Яковлевича.

КАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ I-мъ ТОМѢ.

А.

инъ (архіеп.)—стр. 282.
ь III (польск. кор.)—прим.

ія (игум. Великодубянскаго
ст.)—стр. 133, 134.
овъ (Вас. Евд.)—стр. 15,
31, 32, 34, 35, 45, 46, 57,
242, 250, 251.
(библіотек. франц.)—стр.

(докт.)—стр. 409.
ндръ I Императоръ—стр.
405, 447, 458, 478, 480.
й Михайловичъ Царь—стр.
396; пр. XI.
или Али-Эмете—см. Тара-
ва.
ій (еписк. Черниговск.)—
40, 120.
мъ, Адамъ (учит.)—стр.

ія (намѣстн. Пушкарск.
ст.)—стр. 133, 134.
ъ-Бернбургъ-Шаумбург-
принцъ) Викторъ Амедей—
425.
ъ-Цербстъ-Бернбургская
десса, Софія-Августа-Фре-
ка—см. Екатерина.

Аничковъ, Степ. Курьер.—стр. 130.
Анна Ивановна Импер.—стр. 156, 284, 416.
Антоній (Полтавскій игум.)—стр. 134.
Аѳеія (начальница Быстрицкаго монаст.)—стр. 134.
Апостолъ (Петръ—Лубенскій полковн.)—стр. 41, 42, 44, 315.
Апостолъ, Даніилъ Петр.—геткм.—стр. 44, 122, 192, 279, 316.
Апостолъ, Даніил. Петр.—ген. хорунж.—стр. 315, 317.
Апраксина, Алекс. Ѳед. гр.—стр. 192.
Апраксина, Вѣр. Ник. гр.—стр. 379, 399.
Апраксина, Елиз. Кир. гр.—стр. 295, 413 пр. XVIII, XIX, XXII.
Апраксинъ, Петръ Ѳедор. гр.—стр. 305, 349, 408, 411; пр. XVIII.
Апраксинъ, Ник. Ѳед. гр.—стр. 349.
Апраксинъ, Ст. Ѳед.—фельдмаршалъ—стр. 31, 59, 102, 103, 111, 126, 145, 167, 177, 193, 194, 197, 200, 202, 203, 220, 237, 242, 244, 247, 248, 250, 251, 253.
Апраксина, Соф. Осип. гр.—стр.

349, 350, 362, 367, 369, 399, 407, 460, 463, 466, 467, 469, 472.
Арапинъ, графск. конюшій—стр. 150, 152.
Арбутнотъ, куп.—стр. 277.
Аркадія, инокиня—стр. 282.
Арленковъ, крестьян.—стр. 282.
Арсеній Могилянскій (митр. Кіевск.)—стр. 151, 314.
Архенгольцъ, сочинит.—стр. 281.
Астерлони—стр. 400.
Ахтырскій, суд.—стр. 113.
Афендикъ Бориспольскій сотникъ—стр. 12, 14, 157.
Ашитковъ, Петръ, дворов. — пр. XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI.

Б.

Баби, капельмейст. итальян.—стр. 192, 198.
Баженовъ, архит.—стр. 353, 395.
Бакунинъ, Петръ Вас., т. сов. — стр. 381, 388.
Балкуновъ, Ник. Андр., маіор. — пр. XLII.
Балкъ-Полевая, Мар. Павл.—стр. 94.
Бантышъ-Каменскій, писат.—стр. 14, 21, 45, 67, 92, 117, 122, 132, 136, 145, 149, 151, 152, 162, 184, 201, 202, 212, 264, 265, 291, 293, 303, 310, 311, 312, 317, 318, 336, 346, 393, 455, 465, 466, 467, 480.
Баратова, кн.—стр. 282.
Баратовъ, кн.—стр. 156.
Барановскій, Ив., камерд. — стр. 97, 99.
Баріотъ-Барридо, кухмист. — стр. 183.
Барсовъ, профес.—стр. 87, 299.
Барсуковъ, Ек. Яковл., надв. сов.—стр. 36, 136, 136, 242.
Барсуковъ, издат.—стр. 396.
Бартеневъ, П. И., писат. — стр. 111, 126, 144.
Бартоліати, Франц. архит.—стр. 215, 222, 270.
Барятинскій, Өед. Серг., кн.—стр. 297, 299.
Батоній, стр. 452.
Батуринъ, подпор. Бутырск. полка—стр. 105, 106.
Бачмановъ, помѣщ.—стр. 108.
Безбородко, Андр. Яковл., ген. писар.—стр. 14, 122, 149, 150, 161, 162, 164, 180, 247, 291, 315, 360, 361, 363.
Безбородко, А. А. гр.,—стр. 381, 384, 388, 389, 390, 408, 411, 415, 419, 420, 423, 450.
Безбородко, Евд. Мих. рожд. Забѣла—стр. 470.
Бекетовъ, Ник. Аѳан.—стр. 126, 127, 136, 137, 319.
Беклешевъ, Алекс. Андр. — ген.-прокурор.—стр. 471.
Бёргавъ, Авраамъ. См. Коу-Бёргавъ.
Бёргавъ, Германъ. См. Коу-Бёргавъ.
Бергеръ,—стр. 43.
Бернулли, Д.—стр. 86, 90.
Берхгольцъ, сочинит.—стр. 48, 49.
Бестужевъ - Рюминъ, Ал. Петр. гр.—стр. 15, 17, 18, 21, 27, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 55, 59, 73, 89, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 111, 112, 126, 127, 129, 143, 145, 146, 164, 165, 169, 173, 176, 177, 178, 179, 189, 190, 191, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 210, 244, 247, 250, 251, 253, 288, 300, 302, 303, 304; прим. X, XI, XII.
Бестужева - Рюмина, Евд. Данил. (въ роспис. Денисовна) р. Разумовская—стр. 101; прим. XXIV, XXVI.
Бестужевъ-Рюминъ, М. П. гр.—стр. 172, 206, 236.
Бестужевъ-Рюминъ, Андр. Алекс. —прим. XXIV.
Бехтѣевъ, Өед. Дмитр., агентъ—стр. 183, 201.
Бецкій И. И., сочинит.—стр. 200, 368.
Бибиковъ, Вас. Ильич.—стр. 296.

ъ, Ив. Ив., ген. и сен.—
14, 44.
, учит. франц.—стр. 279.
ій, сочинит.—стр. 85, 86,
11, 181, 182, 186, 256,

—стр. 9.
, Д. Н. гр.—стр. 281.
ость,—стр. 82.
кій, Алекс. Григорьев.—
283.
, А. Ѳ.—стр. 4, 14.
, полк.—стр. 12, 14, 291.
, пѣвч.—ст. 5, 43.
ранц. учит.—стр. 279.
,—стр. 275.
въ, Петр. (надсмотрщикъ)—
XLII.
, Влад. Сем., ст. сов. —
XLII.
вскій, учен. архитектуры.—
333.
а,—стр. 291.
,—стр. 153.
, Кіев. полков. писар. —
159, 160.
, Як. Петр. бунч. тов. —
57.
, Як. Яков., Старод. полк.—
57.
кая, Ал. Вас. гр. — стр.

кій, гр.—стр. 368.
—стр. 83, 256, 257.
ъ, т. сов.—стр. 38, 82,

ъ, шефъ,—стр. 478.
капит.,—стр. 28.
графиня—стр. 214.
нъ, Вас. Ан.—стр. 105.
гр.—стр. 11, 289.
ръ, гр.—стр. 34, 48, 49.
цкій, гетм.,—стр. 189.
кій, Алекс. Мих. — стр.

кая, Марина,—стр. 279.
кій, Влас. Клим., бунч.
— стр. 54, 55, 156, 159,
269, 270, 279.
кій, Мих. Влас., шляхт.—
стр. 22, 73, 192, 259, 299, 309,
367, 420.
Будлянскій, Петр. Мих.—стр. 420.
Букингамъ, гр.—стр. 308, 318.
Буковъ, ген.—стр. 236.
Булгаковъ, Як. Ив. послан. (въ
Царьград.)—стр. 422.
Буличъ, сочинит.—стр. 126.
Буранельевъ,—стр. 345.
Вурбье, гуверн.—стр. 309.
Бургавъ, проф.—стр. 175.
Бусирской (?), стр. 428.
Бутурлина,—стр. 394.
Бутурлина, Елив. Петр.—стр. 444.
Бутурлинъ, Алек. Борис. гр. фельд-
марш.—стр. 41, 44, 167, 194,
197, 225, 242, 248.
Бутурлинъ, Петръ—Іона Алекс.
гр.—стр. 250, 394, 395.
Бутурлинъ, Дмитр. Петр. гр. —
стр. 445.
Быковскій, серж.—стр. 118.
Быстряковъ. Лаз., солд.—стр. 107.
Бѣликовскій, іерей,—стр. 133.
Бѣлосельскій - Бѣлозерскій, К. Э.
кн.—стр. 30
Бѣлосельскій, Мих. Андр. кн. —
стр. 128.
Бѣляевъ, Вас., дворов. — прил.
XXXII, XXXIV, XXXV.

В.

Вагнеръ, Ал., флигель-адъют.—стр.
287.
Валуа, архит.—стр. 293.
Валькевичъ,—стр. 135, 259.
Вальполь, Горасъ—стр. 196.
Вантовичъ, Варл.—стр. 19.
Василенко, Кобзарь — стр. 1, 13,
23, 463, 464.
Василій, митроп. Черногорск. —
стр. 163.
Василій-Гадяцкій протоп. — стр.
133, 134.
Васильевъ, грав—ъ—стр. 235.
Васильчикова, Ан. Кир.—стр. 400,
403, 469, 470, 474; прил. XVIII,
XXII.

Васильчикова, Мар. Вас. — стр. 388, 470.
Васильчиковъ, А. В. — стр. 454, 474, 476.
Васильчиковъ, Алекс. Семен., камергеръ.—стр. 403.
Васильчиковъ, Вас. Сем. — стр. 349; пр. XVIII.
Васильчиковъ, П. А.—стр. 9.
Ватковскій, ген.-поруч.—стр. 302.
Вейдемейеръ, истор. писат.—стр. 23, 62.
Веймотъ, виконтъ—стр. 321.
Венглинскій, прапорщ.—стр. 308.
Венерони, Іосиф., архит.—стр. 215, 222.
Веніаминовъ,— стр. 428, 431.
Веревкинъ,—стр. 340.
Верещагинъ, Петр., стряпч.—стр. 107.
Веселовскій, кураторъ—стр. 128, 279.
Вильбоа, Алекс. Ник., ген.-фельдцейхмейстеръ—стр. 238.
Вильямсъ, сиръ Чарльсъ, Ганбюри—стр. 195, 196, 197, 199, 225, 236.
Витковичъ.—стр. 137.
Вишневскій, Ѳед. Степ., полк.—стр. 3, 4, 23, 42.
Воейковъ, бригадиръ — стр. 253, 277.
Воейковъ, ген.-губ.—стр. 317.
Воейковъ,—пр. XLV.
Войновичъ, Дм., „каморд.“—стр. 97.
Волькевичъ, генер. есаулъ — стр. 149, 161, 192, 247.
Волконскій, Алекс. Никит., кн.—стр. 105.
Волконскій, Мих. Ник., кн.—стр. 294, 303, 335, 356.
Волынскій, Арт. Петр.,—стр. 15, 191.
Волынскій, Арт. Иван.,—стр. 94.
Вольтеръ, филос. — стр. 88, 125, 198.
Волфъ, бар.—стр. 235.
Воронцова, Ан. Артем., гр.—стр. 445.
Воронцова, Ан. Карл., р. Скавронская, гр. — стр. 31, 227, 228, 235, 243, 262, 270, 296, 333.
Воронцова, Ан. Мих., гр.—стр. 250.
Воронцова, Мар. Роман., гр.—стр. 250.
Воронцовъ, А. Г., гр.—стр. 461.
Воронцовъ, Алекс. Романов., гр.—стр. 201, 361, 445, 460.
Воронцовъ, Мих. Илар., гр.—стр. 10, 11, 18, 36, 40, 50, 100, 101, 129, 147, 164, 167, 171, 173, 178, 197, 199, 200, 201, 206, 208, 209, 210, 211, 213, 219, 222, 235, 239, 242, 245, 251, 258, 237, 274, 302, 303, 304, 305, 307, 310, 329, 330, 332, 333, 394.
Воронцовъ, Ив. Илар., гр.—стр. 262.
Воронцовъ, гр. камеръ-юнк.—стр. 74.
Воронцовъ, Ром. Илар., гр.—стр. 105, 245, 394.
Воронцовъ, кн. (архив.) Сем. Роман. — стр. 5, 6, 7, 34, 35, 37, 38, 39, 56, 57, 73, 92, 93, 102, 116, 124, 132, 143, 148, 159, 163, 187, 188, 190, 201, 202, 204, 206, 209, 210, 211, 222, 246, 263, 266, 268, 273, 274, 278, 310, 311, 329, 334, 361, 364, 400, 460, 461.
Вортманъ, грав.—стр. 176.
Вяземская, Ан. Александр., княж.—стр. 421.
Вяземскій, А. А., кн. — стр. 335, 421.
Вульфенштернъ, Шведск. пос.—стр. 128.

Г.

Гавріилъ Сорочинскій, игум.—стр. 134.
Гагарина, Дар. Алекс., княжн.—стр. 76.
Гагарина, Ан. Ал., княжн.—стр. 76.
Гагаринъ, Ив. Серг., кн. — стр. 410.

Гакстгаузенъ, гр. Датск. пос.—стр. 294.
Галаганъ, Г. П.,—стр. 2, 3, 4, 48, 52, 113, 155, 156, 157, 192, 202, 264, 464.
Галифаксъ, гр.—стр. 308.
Галянтонъ,—стр. 343.
Гамалѣй, Ив. — клейнодъ — стр. 122, 291.
Гваренги,—стр. 395.
Гевель, живоп.—стр. 90.
Гельбигъ, сочин.—стр. 15, 58, 192, 283, 287, 334.
Генаутъ, смотр. Троицк. завода—стр. 377.
Гендрикова, Елиз. Серг., гр. изъ р. Бутурл.—стр. 118.
Гендриковъ, А. С.—стр. 7.
Гендриковъ, Ив. Сим., гр. ген.-маіор.—стр. 98, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 131, 135, 143, 146; прим. X.
Геннади, Г. Н.—стр. 290.
Георги, сочин.—стр. 193.
Герасимовъ, грав.—стр. 235.
Гербертъ, лордъ—стр. 397.
Германъ,—стр. 292.
Гессенъ-Гомбургскій принц.—стр. 17.
Гессенъ-Гомбургская — ландграф. —стр. 95.
Гибертовскій,—стр. 456.
Глѣбовъ, Алекс. Ив., ген.-прокур.—стр. 308.
Голецкій, полк.—стр. 164.
Голицына, кн.—стр. 394.
Голицына, Нат. Мартем., кн.—стр. 93.
Голицынъ, кн.—стр. 30.
Голицынъ, кн. Алекс. Мих., вице-канцл. — стр. 48, 49, 76, 299, 336, 337, 381, 416, 419, 439, 459.
Голицынъ, Алекс. Михайл., кн.—стр. 109.
Голицынъ, Ал. Ив., кн. пр. XLII.
Голицынъ, Влад. Мих., кн.—стр. 109.
Голицынъ, Дм. Алекс., кн. — стр. 328.
Голицынъ, Дм. Мих., кн. — стр. 116, 432, 458.
Голицынъ, Мих. Мих., кн. — стр. 94, 181.
Голицынъ, Мих. Петр., кн.—стр. 394.
Голицынъ, Ник. Ѳед., кн.—стр. 109.
Голицынъ, Петр. Алекс., кн.—стр. 422.
Голицынъ, Петр. Мих., кн.—стр. 276.
Голицынъ, С. М., кн.—стр. 454.
Голицынъ, Ѳед. Ив., кн.—стр. 94, 109; пр. XXXVII, XLVI.
Голландъ, лордъ—стр. 196.
Головина, рожд. кн. Урусова,—стр. 12.
Головкина, граф.—стр. 394.
Головкинъ, гр.—стр. 176, 187, 394.
Гольцъ, прусск. посл.—стр. 129, 173.
Голштинскій, Авг. принц.—стр. 74.
Гомелевскій, архимандр.—стр. 149.
Горленки, Петръ и Григорій—стр. 122.
Горленко, Акимъ генер.-судья—стр. 122.
Горленко, Андр. Андр. — стр. 8, 41, 43, 135, 162.
Горлецкій, писар.—стр. 315.
Готовцева, Е. М.—стр. 94.
Гофштейнъ,—стр. 354, 356.
Грейгъ, Алекс., мичман.—стр. 375.
Грейгъ, Ив., мичман.—стр. 375.
Грейгъ, Самуил. Карл., вице-адмир.—стр. 375.
Гренвиль,—стр. 297.
Грива, запорож.—стр. 42.
Гриммъ,—стр. 447.
Гришановскій, Вас., дворов.—пр. XXXII.
Гришоловскій, Вас., дворов. — пр. XXXV, XXXVI, XLI.
Громацкій,—стр. 469.
Гросманъ, пасторъ—стр. 351.
Гроссъ, Генр. Ив., канц.-сов.—стр. 89, 172, 208.
Грюнштейнъ,—стр. 54, 55.
Гудовичъ, Андр.—стр. 291, 299.
Гудовичъ, А. И., гр.—стр. 454.

Гудовичъ, ген.-маіор. — стр. 464, 472.
Гудовичъ, Вас. Андр., — стр. 67, 69, 70, 97, 98, 114, 115, 116, 259, 315.
Гудовичъ, Мих. Вас.,—стр. 350, 417, 418, 460, 465, 472, 474.
Гудовичъ, И. В., гр. — стр. 282, 350, 386, 391, 414, 415, 418, 443;—пр. XVIII.
Гудовичъ, Праск. Кир.,—стр. 400, 403, 404;—пр. XVIII, XXIII.
Гудрій,—стр. 409.
Гунтъ, англ. докт.—стр. 472.
Гурьевы (братья),—стр. 302.
Густавъ III—стр. 397, 428.

Д.

Давыдовъ, В. В.,—стр. 435, 478.
Даніянъ, кн.—стр. 93.
Д'Аламберъ, филос.—стр. 328.
Даліонъ, франц. повѣрен.—стр. 101.
Далоліо, скрипач., композитор.—стр. 333.
Даміанъ, Нехворощанскій іером.—стр. 133, 134.
Данилевскій, Ив., канцеляр.—стр. 134, 135.
Дараганъ, Вѣра Гр.—стр. 52, 112, 115, 157.
Дараганъ, Вас. Ефим. — стр. 73, 97, 112.
Дараганъ, Соф. Ефим.—стр. 192, 324, 367.
Дараганъ (Драганъ), Евф. Ѳ., каз.—стр. 8, 22, 113, 114, 154, 155, 156, 157.
Дараганъ, Гр.—стр. 286, 287.
Дараганъ, Ив.—стр. 286, 287.
Д'Аржантонъ, маркиз. — стр. 101.
Дачковъ, Мих., токарь.—стр. 106.
Дашкова, кн.—стр. 291, 292, 293, 298, 304, 307, 330, 394, 415.
Де-Боскетъ, ген.-анш. — стр. 238.
Де-Бретёль, бар.—стр. 304.
Дегтяренко (слуг.) — стр. 54, 55.
Деденевъ, Алекс.—стр. 192.
Декенъ,—стр. 48, 49.
Де-Конти, принцъ—стр. 17, 199.
Де-ла-Месселіеръ,—стр. 60, 61.
Де-ла-Мотъ,—стр. 461.
Де-Латуръ,—стр. 317.
Де-ла-Шетарди, марк. — стр. 10, 18, 19, 33, 34, 102, 183, 195, 197, 198.
Делиль, Н. І.,—стр. 81, 83, 84.
Делиль, Роме—стр. 332.
Демешко, каз. Андр.—стр. 22, 47.
Демешко, Пав., каз.—стр. 22, 47, 48.
Демешко, Корн., каз.—стр. 22, 47, 48.
Демешко, Гер., каз.—стр. 21, 47.
Демешко, Ден., каз.—стр. 21, 47, 112, 113.
Демешко, Ѳеод., каз.—стр. 21, 47.
Демидовъ, Ник. Ник.—стр. 416.
Демидовъ,—стр. 394.
Денисьевъ, Ст. Вас., флиг.-адъют.—стр. 420, 427, 429, 430, 431, 443, 445, 447, 449, 450, 451.
Д'ергунъ, канцлер—ъ—стр. 427.
Державинъ,—стр. 299, 300.
Дивовъ, Андр. Ив., камерг.—стр. 444, 445.
Дильтей, студ.—стр. 279.
Димитрій Ростовскій—стр. 19; пр. XLIII.
Димитрій Сорочинскій, протоп.—стр. 133, 134.
Ди-Фаи, докт.—стр. 277.
Дицель (Дитцель),—стр. 286, 287, 288.
Долгорукая, Ек. Ѳедор., кн., рожд. княж. Барятинская—стр. 471.
Долгорукая, Праск. Вас., княж.—стр. 435.
Долгорукій, кн. фельдм.—стр. 44, 74.
Долгорукій, Юр. Влад., кн.—стр. 394.
Долинскій, есаул. полков.—стр. 135.
Донъ-Педро-Франко-Давила, перуніанецъ—стр. 332.
Дорошевичъ, Ае. іеромон.—стр. 108.
Дорошенко, гетм.—стр. 189.
Досиѳей, іеромон., каѳедр. писар.—стр. 134, 135.

Досиѳея старица—стр. 281, 282, 284.
Дубина, каз.—стр. 1.
Дубиновка,—стр. 115.
Дублянскій, генер. суд.—стр. 291, 315.
Дубровскій, помѣщ.—стр. 405, 406.
Дубянскій, Ѳед. Як., протоіер. (духовник.)—стр. 5, 18, 19, 20, 40, 43, 48, 50, 99, 114.
Дугласъ, Макензи-шевалье — стр. 199, 236.
Дукласъ,—стр. 226.
Дуссикъ, нѣмецъ-докт., надв. совѣтн. — стр. 399, 407, 424, 472.
Дуссикъ, лекар. — стр. 436, 440, 449, 468, 472, 477.
Друковцевъ,—стр. 353.
Дѣвовичъ, студ. акад.—стр. 257.
Д'Эонъ, „шевальерша"—стр. 199.
Дюкло, сочин.—стр. 281, 283, 287.
Дюплонъ,—ювел.—стр. 116, 135.

Е.

Евстаѳій, полтавскій протоп.—стр. 133, 134.
Егоровъ, В. служащ.—стр. 27.
Елагинъ, Ив. Перф.—стр. 16, 42, 85, 127, 136, 137, 181, 224, 245, 250, 251, 252, 309, 325, 360, 364.
Елагинъ,—стр. 226.
Елизавета, Императр.—стр. 5, 10, 16, 18, 19, 20, 33, 36, 39, 41, 44, 45, 50, 53, 57, 61, 62, 64, 65, 67, 79, 81, 83, 109, 129, 138, 143, 145, 153, 191, 194, 195, 197, 200, 235, 275, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 287, 289, 290, 305, 306, 307, 322, 334, 346, 351; пр. VI, X, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII.
Елизавета, Володимірская принц. —стр. 281, 283.
Елизавета, Всероссійская принц.—стр. 281.
Елизавета эрцгерцогиня, рожд. принцес. Виртембергская.—стр. 419.
Екатерина II, Импер.—стр. 31, 35, 36, 40, 49. 50, 51, 52, 55, 67, 76, 90, 103, 127, 129, 144, 183, 193, 197, 198, 248, 249, 250, 251, 275, 281, 283, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 300, 302, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 317, 318, 319, 320, 326, 327, 328, 331, 332, 334, 335, 350, 351, 356, 368, 371, 396, 397, 399, 409, 496, 431, 435, 442, 463, 466, 480; пр. XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII.
Еропкинъ, Петр. Дмитр., ген.-аншѳ.—стр. 403.

Ж.

Жеваховъ, кн.—стр. 156.
Жемчужниковъ, Ив. Павл. прапорщ.—пр. XLII.
Жеребцовъ,—пр. XLV.
Жила, Романъ—стр. 270.
Жилле, Никол., скульпт.—стр. 235.
Жоравка, Ив. Тим.—стр. 73, 122, 259.
Жофренъ,—стр. 40.
Журавка, Авд. Герас., р. Стрѣшенцова—стр. 70.
Жураховскій,—стр. 358, 359, 360, 362.
Журманъ, Ил. Вас., бунч. тов.—стр. 122, 124, 131, 146, 167, 205, 206, 259, 309, 315;—пр. XI.

З.

Заборовскій, Рафаилъ, митроп. Кіевск.—стр. 133.
Завадовская, Вѣра Никол.—стр. 416.
Завадовскій, секр.—стр. 361, 363, 364.
Завадовскій, гр. Петр. Вас.—стр. 379, 399, 401, 408, 411, 415,

419, 428, 431, 443, 450, 460, 461, 472.
Загоскевичъ, Кир., пѣвч.—стр. 108.
Загряжская, Нат. Кир.,—стр. 290, 295, 352, 374, 378, 384, 413, 447, 474, 475; пр. XVIII, XXI.
Загряжскій, Ник. Алекс. — стр. 349, 459;—пр. XVIII.
Загряжскій, Борис. Алекс.,—стр. 398, 399.
Закревская, Ан. Гр.,—стр. 63, 64, 72, 349.
Закревская, Мар. Осип.,—стр. 192, 248.
Закревская, Соф.—стр. 192.
Закревскій, Андр. Осип.—стр. 286, 287, 324, 358, 371, 407.
Закревскій, Гр.—стр. 286, 287.
Закревскій, Іос., есаул. полк.—стр. 64, 66.
Закревскій, Осип. Лукьян., ген. бунч.—стр. 8, 12, 49, 291.
Заутерсгейнъ,—стр. 332.
Захаровъ,—стр. 20, 33.
Зиновьева, Ек. Ник.,—стр. 336.
Золотовъ, Ив. камерд.—стр. 97.
Зосима Валькевичъ, архим. Печ. лавры—стр. 314, 317.
Зоричъ,—стр. 366, 471.
Зубовъ,—стр. 381.
Зубовъ, Плат. Алекс., — стр. 405.

И.

Иберкамфъ, лекарь—стр. 170.
Иваненко, Гр. Гр., бунч. тов.—стр. 315.
Ивановъ, регистр.—стр. 107.
Ивановъ, Лука, дворов. — пр. XXXII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XLI, XLIII.
Игнатьева, гр., рожд. кн. Мещерская—стр. 193.
Измайлова, Ан. Петр.—стр. 109.
Измайлова, Наст. Мих., р. Нарышкина—стр. 31, 59.
Измайловъ,—пр. XLV.
Илеръ, докт.—стр. 339.
Ираклій Комаровскій, еп. Черниг.—стр. 268.
Иродіонъ, Остаповскій намѣст.—стр. 133, 134.
Исаковъ, изд.—стр. 290.
Исидоръ, гадяцкій игум. — стр. 133, 134.
Италинскій, Андр. Юр.—стр. 447, 449.

І.

Іаковъ, Опошнянскій намѣстн.—стр. 133, 134.
Іоаннъ, Богаевскій намѣстн.—стр. 133, 134.
Іоасафъ, архим. Новгор.—стр. 183, 184.
Іоганна, итальянка—стр. 283, 287.
Іосифъ II, Импер.—стр. 413, 418.
Іосифъ Оранскій архимандр. — стр. 120, 121, 154.

К.

Казадаевъ,—стр. 57, 296, 297, 299, 348.
Казаковъ,—стр. 395.
Калачевъ, Ник., издат.—стр. 124.
Калмыковъ, Ив., служ.—стр. 27.
Камерози,—стр. 395.
Камеронъ, Карлъ, придв. архит.—стр. 431.
Каневецкій, сотн.—стр. 118.
Кантемиръ, кн.—стр. 89. 164.
Кантеміръ, Ек. Дм., княж.—стр. 432.
Капнистъ,—стр. 166, 238.
Каравка, придв. живоп.—стр. 172.
Карлъ VII, курф. Бавар., Имп. Герм.—стр. 33.
Карлъ-Теодоръ, курф.-палатинъ—стр. 331.
Карлъ-Фридрихъ, вел. герц. Саксенъ - Веймаръ - Эйзенахскій — стр. 380.
Кастеръ,—стр. 281.
Каткартъ, лордъ—стр. 335.

ъ,—стр. 394.
ъ, архит.—стр. 213.
ь, Г. Ѳ.—стр. 326.
лингъ, гр. Рус. юс. въ Дрез-
ь,—стр. 33, 82, 172.
англ. посол.—стр. 293,

фельдш.—стр. 226.
нъ,—стр. 106.
,—стр. 106.
ъ, Кондратовичъ, перевод-
,—стр. 288.
ский, атам. Ирменскаго ку-
,—стр. 207.
ь,—стр. 394, 395, 397.
ь или Леклеркъ, Николай
., докт., сочинит.—стр. 275.
ь-Леклеркъ, Антонъ-Фран-
ъ, легитимистъ,—стр. 275.
ичъ, Уласъ—стр. 22, 159,

ель, Людвигъ, гр., австр.
—стр. 459.
нскій, Мих. Вас.—стр. 361,
368.
нскій, Мих., іеромон., преф.
кад.—стр. 33.
ій,—стр. 330.
влевъ,—стр. 479.
ь,—стр. 394.
въ-Кокориновъ, Фил., архит.
р. 178, 214, 215, 216.
—стр. 397.
ва, Ульян. Андр.—прил.
V, XLV.
въ,—стр. 469, 474.
кій, каптенарм.—стр. 177.
овъ, Ив., дворов.—прил.
II.
тковскій,—стр. 419.
кій, Георг.—стр. 41, 51,
316.
нт. Павлов., Вел. Кн.—стр.

инъ,—стр. 56.
кинъ,—стр. 433.
ій, раскольн. старецъ—
107.
бар Ник. Андр.—стр. 82,
330.
Косоговскій, Гр., арест.—стр. 107.
Костошъ,—стр. 13, 44.
Котельниковъ,—стр. 330.
Котляковъ,—стр. 359.
Котляревскій, Ив. Ѳед., камер.-
лак.—стр. 5.
Коу-Бёргавъ, докт. и профес.—
стр. 177.
Кочетовъ,—стр. 93.
Кочубей, Викт. Павл., кн.—стр.
388, 470, 476.
Кочубей, генер. обозн.—стр. 164,
247.
Кочубей, Вас. Арк.—стр. 30.
Кочубей, М. Н.—стр. 162.
Кочубей, Сем. Вас. Нѣжин. полк.—
стр. 69, 70, 124, 131, 146,
153, 155, 180, 309, 315, 317;—
пр. XI.
Кочубей, Ульяна Андр.—стр. 470.
Красильниковъ,—стр. 330.
Крафтъ, Іоганнъ-Вольфангъ—стр.
86.
Крашенинниковъ, Ректор. унив.—
стр. 87, 330.
Кругликовъ, офиц.—стр. 402, 404.
Крузе,—стр. 75, 76.
Крузе, Карлъ-Фридр. докт.—стр.
241.
Крузіусъ, Христ., проф.—стр. 96.
Крупецкій, Мих., дворов.—пр.
XXXII, XLI.
Крупицкій, штутмейстеръ—стр.
353.
Крупицкій, Петръ—пр. XLIII.
Крыжановская, М. А.—стр. 3.
Крыжановскій, ассес.—стр. 274.
Крыжановскій, Ант. Степ., полк.—
стр. 314.
Крыжановскій, Ант., сотн.—стр.
118.
Кудрявскій (?),—стр. 457.
Кузьминъ,—стр. 360.
Кулишъ, сочинит.—стр. 191.
Куракина, Елен. Степан.—стр
200.
Куракинъ, Алекс. Борис., кн.—
стр. 375.
Куракинъ, Андр. Борис., кн.—стр.
471.

Куракинъ, Тимоѳ., Іеромон.
Куракинъ, оберъ-шталм.—стр. 16.
Куралина,—стр. 458.

Л.

Лазаревичъ, бунч. тов.—стр. 159, 160.
Лазаревскій, писат.—стр. 22, 57, 157, 160, 322, 323.
Лазаревскій, Венероній, архит.—270.
Ламота.—стр. 358.
Ланде, балетмейст.—стр. 62.
Ласунскій,—стр. 293, 294, 305, 307.
Лашиналь, ген.—стр. 252.
Лашкевичъ, Ром., бунчук. тов.—стр. 130, 234, 478.
Левальдъ, фельдм.—стр. 237.
Леванидовъ, Як., оберъ-секрет.—стр. 133.
Левашевъ, Вас. Ив., д. т. с. оберъ-егермейстеръ—стр. 375, 379.
Левашевъ, Вас. ген.—прил. XXXII, XXXIV.
Левашевъ, серж. гвард.—стр. 75, 76.
Левенвольдъ, Рейнгольдъ, гр.—стр. 4, 5, 10, 23.
Левенгауптъ, гр.—ст. 10.
Леманъ, проф.—стр. 283.
Лентулусъ—стр. 43.
Ленуа, лекарь—стр. 374.
Леонтьевъ, Кіевск. губерн.—стр. 44, 130.
Лепехинъ—стр. 332.
Лестокъ, гр.—стр. 10, 18, 19, 31, 34, 64, 65, 102, 127, 195.
Лефортъ—стр. 340.
Ливенъ, офиц.—стр. 197.
Ливенъ, Юр. Гр., ген.-аншефъ и Александр. кавалеръ—стр. 238.
Лизогубъ, Гр.—стр. 41.
Лизогубъ, Ил.—стр. 192.
Лизогубъ, Як., генер. обозн.—стр. 50, 67, 69, 70, 97, 99.
Линаръ, гр.—стр. 9, 14, 103, 236.
Лисенко—стр. 135.
Лительтонъ—стр. 196.
Литовскій,—стр. 116.
Лихтенштейнъ, кн.—стр. 462, 468.
Лобысевичъ, студ. акад.—стр. 257.
Ломанъ, кап.—стр. 384.
Ломоносовъ, поэтъ—стр. 83, 85, 86, 87, 126, 142, 177, 180, 181, 182, 185, 186, 205, 255, 256, 257, 258, 327, 328, 330.
Лонгиновъ, М. Н.—стр. 281, 455.
Лопатинскій, Ѳеофилактъ—стр. 19.
Лопиталь, марк.—стр. 199, 221, 227, 236, 247, 250.
Лопухина,—стр. 282.
Лопухинъ, И. В.—стр. 454.
Лопухинъ, Петръ Вас., Моск. губерн.—стр. 448.
Луи-Жозефъ де-Лоррэнъ, худож.—стр. 235.
Лука Бѣлоусовичъ, архимандр К.-Печ. лавры—стр. 268.
Лука, іеродіаконъ—стр. 134.
Лунинъ, ген.-маіоръ—стр. 98.
Лутай, Степ. дворецк.—стр. 46.
Лухмановъ (мѣняла)—стр. 346.
Людовикъ XVI—стр. 275.
Лягурова, Евфрос.—стр. 159.
Лясавицкій,—стр. 115.

М.

Мазепа, гетм.—стр. 179.
Макиръ, ген.—стр. 230.
Макріевичъ, Пав.—стр. 122.
Максимъ Зѣнковскій, протоп.—стр. 133, 134.
Малиновскій, Платонъ, архіеп. Сарскій и Подонскій—стр. 50.
Малкіель—стр. 394.
Мальцанъ, бар., Датс. пос.—стр. 236.
Мальшаръ, подполк.—стр. 278.
Мамоновъ—стр. 705.
Манасія Максимовичъ, архим. Софійск.—стр. 123.
Манассій, архидіак.—стр. 134.
Мардефельдъ, Прусск. пос.—стр. 57, 195.
Марія-Антуанета, кор. франц.—стр. 414.

Марія-Каролина-Луиза Австрійская—стр. 414.
Марія Павловна, Вел. Кн.—стр. 380.
Марія-Терезія,—стр. 101.
Марія Ѳеодоровна, Имп.—стр. 373, 419.
Маркевичъ, истор.,—стр. 34, 115, 117, 125, 131, 132, 145, 162.
Марковичъ, кап.-поруч.—стр. 70.
Марковичъ, Вас., поруч.—стр. 107.
Марковичъ, Марко, бунч. тов.—стр. 106.
Марковичъ, Як., истор.—стр. 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 13, 23, 30, 41, 42, 43, 48, 49, 50, 51, 53, 64, 67, 68, 98, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 135, 142, 143, 145, 149, 151, 152, 153, 155, 161, 164, 178, 179, 180, 191, 206, 247, 259, 262, 263, 264, 279, 288, 291, 294, 299, 313, 317.
Марковъ, Арк. Ив., гр.—стр. 381, 388, 391, 411.
Маро, рисовальщикъ—стр. 235.
Мартинелли,—стр. 358.
Мартыновъ, издат.—стр. 281, 396.
Матонисъ,—330.
Матюшкинъ, Д. М. гр., т. сов.—стр. 76, 401.
Махмудъ I, султанъ—стр. 201.
Меллеръ-Закомельскій, Ив. Ив., бар., ген.-анш.—стр. 441.
Меллисино, фельдм.—стр. 126, 429.
Мельгуновъ, Аѳан. Наум., маіоръ—прил. XLII.
Мельгуновъ, губерн. — стр. 313, 319.
Мельниковъ,—стр. 282, 283, 284, 287.
Менеласъ, архит.—стр. 461.
Меншиковъ, кн.—стр. 12, 99, 254;—пр. XIII.
Меркульевъ, Ив., солд.—стр. 107.
Мерси д'Аржанто, гр., австр. пос.—стр. 280.
Метастазій, кастратъ—стр. 42, 43.
Миклашевскій,—стр. 247.
Миллеръ, Ректъ. Унив.—стр. 15, 81, 87, 344.
Милорадовичъ, Петръ Степ., полк.—стр. 315.
Минихъ, ген.-фельдм.—стр. 9, 12, 14, 23, 30, 38, 46, 50, 187, 220, 284, 296, 298, 299;—пр. XVI, XVII.
Мировичъ, Петръ, секрет.—стр. 6, 203, 207, 208, 210, 211, 326, 334, 356.
Миткевичъ, кіевск. писарь—стр. 269.
Михайлова, Дар., дворов. дѣвка—стр. 107.
Михайлова, Лукерья персидск. дѣвка—стр. 108.
Михайловъ, Гр., бандур.—стр. 5, 6.
Михаилъ Кобеляцкій, протоп.—стр. 133, 134.
Могилянскій, Арсеній, архіеп. Переясл.,—стр. 50.
Модерахъ, акад.,—стр. 256.
Мозенкъ, гр.,—стр. 334.
Мозовскій, Ѳеод., казнач.—стр. 106.
Монтекукули, гр.—стр. 468.
Монфоръ, инженеръ—стр. 345.
Моунзей, докт.—стр. 235, 275.
Мурзакевичъ, Н. Н.—стр. 132.
Муромцевъ, Матв. Вас.—стр 452.
Мусина-Пушкина, Ан. Ив., гр.—стр. 394.
Мусинъ-Пушкинъ, Валент. Плат., гр., фельдмар.—стр. 394, 435.
Мышецкая, княжн.—стр. 94.
Мышецкій, Гр., кн.,—пр. XLIII.
Мюллеръ, проф.—стр. 181, 182, 185, 186, 256, 257, 258, 298, 327.
Мюллеръ, управляющ.—стр. 402, 406, 411, 417, 418, 419, 423, 425, 427, 428, 429, 430, 434, 441, 448, 454.
Мятлевъ,—стр. 394.

Н.

Нагъ,—стр. 338.
Назарьева, Вар. Мирон.,—стр. 282.
Нартовъ, Андр.—стр. 351.
Нарышкина, Дар. Кир.—стр. 93.
Нарышкина, Екат. Ив., фрейл.—

стр. 92, 93, 141, 227, 273, 317, 319, 348, 397, пр. XVIII, XXXI, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLV.
Нарышкина, Ек. Александр., урожд. гр. Апраксина,— стр. 248, 249, 250.
Нарышкина, Нат. Кирил., Царица— стр. 93.
Нарышкина, Мар. Льв.—стр. 109.
Нарышкина, Марин. Осип. — стр. 349, 407.
Нарышкина, Мар. Павл., рожд. Балкъ-Полевая—стр. 242, 249.
Нарышкинъ, Алекс. Льв.—стр. 151. 396; прил. XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXIX, XL, XLI, XLII.
Нарышкинъ, Вас. Льв.—стр. 24.
Нарышкинъ Г., гофмаршалъ,—пр. XXXIII.
Нарышкинъ, Ив. Льв.—стр. 73, 93, 396; пр. XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII.
Нарышкинъ, Ив. Ив.,—пр. XLIII.
Нарышкинъ Лев. Кир., бояр.,—пр. XXXVII.
Нарышкинъ, Лев. Алек.—стр. 200, 248, 249, 250.
Нарышкинъ, Мих. Гр., камергеръ —пр. XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLII, XLIV.
Нарышкинъ, Петр. Кир., камерг.— стр. 288; пр. XVIII.
Нарышкинъ, Петр. Петр., маіор.— стр. 379.
Нарышкинъ Петр. Петр., т. сов. и сенат.—стр. 379.
Нарышкинъ, Сем. Кир.—стр—69, 94.
Нарышкинъ, Ѳ. Ив.—стр. 93.
Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ, принцъ—стр. 434.
Нахимовскій,—стр. 112, 203, 207, 208, 210, 211.
Невскій, Бор., канцеляр-ъ —стр. 133.
Неплюевъ, Ив. Ив., д. т. сов., сенатор. и кавал.—стр. 12, 254, 318;—пр. XVI.
Нероновъ, Бор., д. ст. сов.—стр. 28; пр. XIII.
Николевъ, ст. сов.—стр. 471.
Никонова, Авд., крѣпост.—стр. 107, 108.
Новиковъ—стр. 455.
Носке, гофм. при камеръ-пажахъ —стр. 72, 73.
Нѣмчиновъ, Гр., управл., — пр. XXXV, XXXVI, XLIII, XLIV.

О.

Обидовскій, Ив. Ив., дворян.—стр. 27.
Оболонскій, Демьян., генер.-бунчужн.—стр. 14, 67, 69, 122. 124, 131, 135, 146, 150, 153. 259; пр. XI.
Обольяниновъ, Петр. Хрисанф.— стр. 471.
Огалинъ (?), Мазепа,—см. Кудрявскій.
Огѣевскій, согн.—стр. 118.
Одоевская, Мар. Ив., кн-я. — стр. 324.
Одоевскій, Ив. Вас., кн., Алекс. кавал.—стр. 59, 395.
Одоевскій, Ив. Мих., кн. — пр. XXXV, XXXVI.
Олсуфьевъ, А. В.—стр. 172, 217. 280, 301, 309, 317, 318, 319.
Олсуфьевъ, маіоръ—стр. 358.
Опочинина, Ек. Ник.—стр. 379.
Орбелліани, кн.—стр. 94.
Орманскій, герц.—стр. 275.
Орликъ,—стр. 207, 208.
Орлова, кн.—стр. 337.
Орловъ, Алекс. Гр.,—стр. 292, 293. 296, 299, 234.
Орловъ, Вл. Гр., гр.—стр. 90, 282, 329, 335
Орловъ, Гр. Гр., гр.—стр. 297, 302, 303, 304, 307, 308, 309, 310. 318, 335.
Орловъ, кн.—стр. 336, 337, 356.
Остенъ, Датск. посл.—стр. 250.
Остервальдъ, серж.—стр. 126.
Остерманъ, гр., Ив. Андр.,—стр. 9.

194, 381, 387;—пр. XIV, XVI, XVII.
Остерманъ, граф-я—стр. 238.
Остроградскій, суд.—стр. 155.
Остроградскій, Ѳ. Матв., полк.—стр. 314.
Отхотскій, Вас., управ.—стр. 130.
Отяевъ—прим. XLV.
Очаковъ, Сем., дворец.—стр. 106.

П.

Павелъ I Императ.—стр. 176, 275, 282, 283, 297, 373, 381, 405, 433, 471.
Павловскій—стр. 131.
Памфилія, начальн. Быстриц. монаст.,—стр. 133.
Панаіоти-Кондоиди, докт. — стр. 177.
Панинъ, Ник. Ив., гр.—стр. 16, 292, 293, 294, 300, 302, 303, 304, 305, 318, 319, 320, 321, 331, 332, 334, 335, 336, 341.
Панинъ, Петр. Иван., гр., ген.-анш. —стр. 237, 374, 375, 393.
Парцевскій, Ив., дворов. челов.,—стр. 107.
Пасквичъ, кн.—стр. 307.
Пассекова—стр. 164.
Пассекъ—стр. 298, 305.
Пафнутій, іером.—стр. 107, 108.
Пафнутій, Сорочинскій игум.—стр. 133.
Пашковскій—стр. 2.
Пекарскій, сочинит.—стр. 10, 17, 43, 55, 56, 60, 80, 81, 85, 86, 87, 88, 103, 111, 125, 126, 127, 182, 186, 205, 256, 257, 298, 328, 330.
Петръ Великій, — стр. 101, 121, 148, 198, 212, 321, 417.
Петръ III,—стр. 62, 280, 288, 289, 290, 292, 294, 295, 298, 299, 302, 311, 326, 346.
Пецольдъ, саксон. секр. посольства —стр. 11, 12, 14, 16, 54, 100.
Пиковецъ, Ив., писар.—стр. 122, 124, 131, 146; пр. XI.
Пиненбергъ, гр-я—стр. 281.
Писаревъ, Петр., кабинетъ-курьеръ, —стр. 64, 66, 67, 70 71.
Писаревъ, Степ., секрет.—стр. 121, 123.
Пичугинъ, Ив., купецъ—стр. 107.
Платонъ, митр. — стр. 143, 144, 282.
Плещеева, Татьян. Ив.,—стр. 410.
Плещеевъ, Серг. Ив.— стр 471.
Подвисоцкій—стр. 12, 14.
Познанцевъ—стр. 170.
Позняковъ, Андр., тит. сов.—стр. 107.
Покровскій, Петръ Михайловъ, іерей—стр. 133.
Полтавцевъ, камердин., — стр. 5, 8, 42, 43.
Полторацкій, Марко Ѳедор.—стр. 21.
Полѣновъ,—стр. 332.
Поляковъ, совѣтникъ—стр. 166.
Понятовскій, Станисл., гр. — стр. 196, 199, 236, 252, 323, 324.
Поповскій, студ.—стр. 87.
Поповъ, Ник.—стр. 279. 330.
Поповъ, Васил. Степ. — стр. 448.
Порошинъ, писат.—стр. 20, 21, 31, 59, 111, 247.
Поссе, Маврик., бар. — стр. 240. 262.
Потемкинъ—стр. 30.
Потемкинъ, Г. А., кн.—стр. 361, 381, 384, 411, 412, 448, 449, 450, 454, 455.
Потемкинъ, Пав. Серг., гр.—стр. 353, 356, 357, 358, 362, 367, 405.
Почеповскій, протоп. — стр. 457.
Поярковъ, однодвор.,—стр. 107.
Прассе, Саксонск. резид., — стр. 236, 250.
Претлахъ, бар.—стр. 75.
Прозоровскій, Ал. Ал., кн. — стр. 428, 433, 455.
Прокофьевъ Петръ, крестьян.—стр. 107.
Протопоповъ, Пв., секрет., — пр. XLII.
Пугачевъ,—стр. 281, 287.

Пустота, С., камерд.—стр. 14, 47, 48, 53, 68, 130, 131.
Путкамеръ, ген.—стр. 230.
Пушкинъ,—стр. 290, 295.

Р.

Разумиха, Н. Д., см. Разумовская.
Разумова, Нат. Д., см. Разумовская.
Разумовская, Нат. Демьян.,—стр. 1, 2, 4, 7, 8, 9, 14, 22, 42, 160, 464.
Разумовская Авд. Дан.,—стр. 73, 101; пр. XXIV, XXVI.
Разумовская, Екат. Ив., гр. см. Нарышкина.
Разумовская, Елиз. Осип., гр ,рожд. гр. Тунъ-Гогенштейнъ — стр. 384, 397, 474.
Разумовская, Елиз. Кир., гр.—стр. 408.
Разумовская, Мар. Гр., гр.—стр. 30.
Разумовская, Н. Кир.—см. Загряжская.
Разумовская, Праск. Кир.—см. Гудовичъ.
Разумовская Соф. Степ., гр., р. Ушакова—стр. 439.
Разумовскій, Алекс. Григ., гр.*)
Разумовскій, Кир. Гр., гр.*)
Разумовскій, Андр. Кир., гр., а впосл. кн.—стр. 350 351, 362, 365, 367, 368, 372, 374, 384, 397, 398, 414, 461, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 476, 479, 480.
Разумовскій, Алек. Кир., гр.,—стр. 350, 352, 405, 406.
Разумовскій, Гр. Кир., гр.,—стр. 367.
Разумовскій, Ив. Кир., гр.,—стр. 367, 383, 475.
Разумовскій, Вас. Ив., ген.-маіор. —стр. 126, 192.
Разумовскій Петр. Ив., Нѣжинск. полк.—стр. 192, 309.
Разумовскій, Петр. Алекс., гр.—стр. 476.
Растрелли, гр.—стр. 20, 192, 395.
Рахмановъ—стр. 453.
Рачинскій, Новгород. сотникъ,—стр. 152.
Реокуръ, бар. — стр. 277.
Репнина, Вар. Ал., кн., рожд. гр. Разумовская — стр. 30.
Репнина, Праск. Вас., кн. — стр. 379.
Репнинъ, Ник. Вас., кн.—стр. 305, 364; пр. XXIII.
Репнинъ, Петр. Ив., кн , оберъ-шталмейстеръ—стр. 321.
Рехтеръ, гр.—стр. 415.
Ржевскій, Ник.—стр. 305.
Ригельманъ, писат.—стр. 117, 122, 123, 124, 131, 132, 145, 147. 149, 161, 264, 291, 312, 320.
Римскій-Корсаковъ, Ал. Ив., ген.-поручикъ—стр. 326.
Ринальди, архит.—стр. 217.
Роберти, полковн.—стр. 426.
Роджерсонъ, Ив. Самуил., лейбъ-медикъ—стр. 409, 410.
Рожинскій, Ром. — стр. 33, 45; пр. VI.
Розумъ, Алексѣй Гр. см. Разумовскій, Ал. Григор.
Розумъ, Гр. Яковл.—стр. 1, 3, 4. 5, 6, 34.
Розумъ, Кир., каз. см. Разумовскій Кир. Гр.
Романовичъ, бунчук. тов. — стр. 159, 160.
Романъ, Миргорск. протоп. — стр. 134.
Рославлевъ—стр. 307.
Ростъ, проф —стр. 279.
Рочфорбъ, гр.—стр. 335.
Румовскій, студ. акад. — стр. 81, 309, 327, 330.
Румянцева, гр. — стр. 48, 49, 51.
Румянцевъ, Алекс. Ив., гр. — стр. 35, 74.

*) Имена ихъ не обозначены, потому что они встрѣчаются почти на каждой страницѣ.

Румянцевъ, П. А., гр.—стр. 157, 359, 361, 362, 365, 367, 371, 466.
Руничъ, — стр. 454.
Руссо, — стр. 332.
Рышляковъ, подпоруч.—стр. 472.

С.

Савинъ, Гр., служит.—стр. 27.
Савстромъ,—стр. 243.
Сагайдачный, гетм.—стр. 125.
Садовниковъ, Тим., канцеляр-ъ—стр. 71.
Саксонская, принц.—стр. 31.
Саксонскій, Карл., принц. — стр 252.
Саксонскій, Маврик., гр.—стр. 17.
Салтыкова, Мар. Ник., гр. — стр. 379.
Салтыкова, Праск. Юр., рожд. кн. Трубецкая — стр. 246.
Салтыковъ, гр.—стр. 48, 50, 226.
Салтыковъ, Ив. Петр., гр. — стр. 435, 450, 451.
Салтыковъ, Ник. Ив. гр., въ 1814 году., св. кн., впослѣдств. генер.-фельдмарш.—стр. 405.
Салтыковъ, Ник. Петр. поручикъ; пр. XLII.
Салтыковъ, Петр. Ив поручикъ;—пр. XLII.
Салтыковъ, Сер. Вас., кам.-юнк.—стр. 73, 178, 346.
Самойлова, гр.—стр. 333.
Самойловичъ,—стр. 179.
Сандвичъ, гр.—стр. 318.
Сантій,—стр. 38.
Санъ-Андре, ген.—стр. 236.
Сарти—стр. 442.
Свистуновъ, кадетъ—стр. 126.
Свѣчина, Соф. Петр.—стр. 396.
Севастіановичъ,—стр. 359.
Селинская, гр.—стр. 281.
Сенъ-Жермень, гр, генер. — стр. 294.
Серра-Капріола, герц. — Неаполитан. министръ въ Петерб—ѣ.—стр. 421.
Сиверсъ, граф-я—стр. 241.
Сиверсъ, Як. Ефим., гр.—стр. 36, 192, 225, 229, 319, 464.
Синявина,—стр. 248.
Синявина, Ек. Ал.—стр. 364.
Сикстусъ—стр. 43.
Симеонъ, Криловскій протоп. — стр. 133, 134.
Симеонъ, Хорольскій намѣстн. — стр. 133, 134.
Скавронская, Ек. Карл., граф. — стр. 235.
Скавронскій, Март. Карл., графъ камерг.,—стр. 96, 235.
Скакунъ, обозн. полковой, — стр. 202.
Скорупка, Пав. Гр., бунч. тов.—стр. 106.
Скоропадскій, гетм.—стр. 98, 117, 148, 158, 159, 180, 187, 189, 190, 206; пр. XV.
Скоропадскій Ив. Мих.—стр. 315.
Скоропадскій, Мих., подскарб.-генер. — стр. 51, 122, 135, 149, 150, 153, 161, 164, 247, 259, 279, 291, 360, 361, 362, 363, 366.
Слизовъ, капит.—стр. 428.
Смагинъ,—стр. 284.
Смирдинъ, издат.—стр. 83. 142.
Снегиревъ,—стр. 20, 281, 282, 284.
Собакинъ, совѣтн.—стр. 145.
Соболевъ,—стр. 400.
Соколова, Наст. Ив. см. Шаргородская.
Соловьевъ, истор. — стр. 18, 41, 44, 55, 79, 80, 81, 101, 106, 109, 129, 148, 149, 173, 180, 186, 187, 196, 199, 203, 206, 207, 208, 212, 213, 250, 252, 264, 289, 291, 294, 299, 300, 335.
Солонина, Константій, обозн. полковой—стр. 202, 270.
Сольмсъ, прусск. посл., гр — стр. 309, 320, 321.
Сорока, Конст., секрет. изъ Малорос.—стр. 472.
Соробинъ, Андр., секрет.—стр. 133.
Сосеротъ, Францискъ — лотарингецъ—стр. 72.

Софроновъ,—стр. 330.
Стакельбергъ, Оттонъ Магнусъ, гр.—стр. 422.
Станиславъ, Августъ—стр. 323.
Статеръ, подполк.—стр. 400, 472, 475.
Старембергъ, камерг. — стр. 444, 445.
Стеріевичъ — войтъ Нѣжинск. — стр. 68.
Стефанъ, архіер.—стр. 107.
Стражевъ, оберъ-секрет.—стр. 447.
Стришинецъ, Григ., Остерск. сотн. —стр. 22.
Строганова, Ан. Мих., гр. — стр. 227.
Строганова, Соф. Кир. гр., рожд. Нарышкина—стр. 227
Строгановъ, Алекс. Серг., гр. — стр. 16, 31, 94, 225, 227, 295, 450.
Строгановъ, П. С., гр.—стр. 352.
Строгановъ, Серг. Гр., бар., ген.-поруч.—стр. 94, 250.
Стрѣшенцова, Кс. Гер., граф. — стр. 70.
Стрѣшенцова, Матр. Гер. см. Теплова, Матр. Гер.
Стрѣшенцовъ, Ден. Демьян., бунч. тов.—стр. 4, 112.
Стрѣшенцовъ, Кир.—стр. 286, 287.
Струйскій, Пик. Еремѣев. — стр. 347, 348.
Суворовъ, ген.-пор. — стр. 302,
Суворовъ, Вас.—стр. 160, 248.
Суворовъ, фельдмаршалъ — стр. 449.
Сулима, Сем. Ив., полк.—стр. 315.
Сумароковъ, Алекс. Петр., генер.-адъют.—стр. 16, 85, 126, 181, 185, 251, 335, 340, 345, 346.
Сумароковъ, Петр. Спирид., оберъ-шталмейстеръ—стр. 238.
Суровцевъ, Андр., секрет. сенатск. конторы;— прил. XXXV.
Суханскій, Макс.—стр. 187.
Сѣченовъ, Дим., архимандр.—стр. 40.

Т.

Талейранъ, кн. — стр. 307.
Талызинъ, Ив. Лукьян., вице-адмиралъ — стр. 298.
Танскій, Ант. Мих., полк. кіевск.—стр. 9.
Танскій, Вас.—стр. 13, 357.
Танскій, Мих., полк. кіевск.—стр. 12, 14, 44.
Тараканова, Августа, принц. см. Тараканова княжна.
Тараканова, княжна — стр. 282, 283, 284, 287.
Таракановъ, Алексѣй, генер.-аншефъ — стр. 284.
Таракановы, кн. и кн.—стр. 280, 281, 284, 285, 287.
Тарасовичъ, пѣвч., малорос. — стр. 5.
Тарновскій, генер.-бунчужн.—стр. 153, 291, 315.
Таубертъ, унтеръ-библіотекарь.— стр. 87, 205, 255, 257, 258, 298, 327, 328, 329, 330, 332.
Темирязевъ, капитанъ-поручикъ— стр. 106.
Теплова, Матр. Гер.—стр. 4, 191, 206, 241, 243, 249.
Тепловъ, Гр. Ник., ассес. академ. наукъ—стр. 15, 23, 24, 27, 55, 56, 57, 69, 77, 79, 82, 83, 84, 75, 86, 87, 105, 107, 110, 115, 128, 129, 148, 150, 152, 153, 161, 162, 164, 180, 181, 182, 185, 186, 191, 206, 247, 250, 260, 263, 279, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 303, 305, 310, 317, 318, 322, 325, 328, 330, 349, 360, 462.
Тепловъ, ст. сов.—стр. 265.
Тимоѳей Щербацкій, архіеп. кіевск. —стр. 120, 121, 132, 133, 134, 151, 152, 154.
Токе, художн.—стр. 235.
Толстой, Алекс.—стр. 375.
Толстой, Матв. Андр., генер.-аншефъ,—стр. 238.

Торновскій, Як., бунч. тов.—стр. 187.
Тредьяковскій, проф. элоквенціи,—стр. 81, 82, 83, 87, 126, 185, 330.
Трезинъ, архит.—стр. 214, 222.
Тризна, Вибельск. сотн.—стр. 53, 68.
Трубецкая, кн.—пр. XLIII.
Трубецкой, Ал. Юр. кн., генер.-прокур.—стр. 18, 38, 54, 73, 94, 95, 105.
Трубецкой Ив. Юр., кн.—пр. XLII.
Трубецкой, Никит. Юр., кн.—стр. 194, 197, 200, 217, 225, 231, 242, 245, 246, 253.
Тунъ-Гогенштейнъ Елиз., гр.—см. Разумовская Елиз. Осип.
Тунъ-Гогенштейнъ, гр.—стр. 384.
Туманскій, канцеляр—ъ — стр. 164, 279, 291, 314.
Туманскій, Вас. Гр., генеральн. пис.—стр. 314, 315, 317.
Туранскій, сотн.—стр. 118.
Турковскій,—стр. 153.
Турчаниновъ,—стр. 282.
Турченинъ Мих., дворов.—пр. XXXV.
Турченинъ, Андр., дворов.—пр. XXXII, XLI, XLIII.
Тыртовъ,—стр. 106.

У.

Уварова, гр., р. Разумовская—стр. 12.
Уваровъ, А. С., гр.—стр. 3, 30, 35, 46, 78, 88, 92, 164, 169, 172, 177, 183, 184, 222, 259, 268, 269, 285, 288, 302, 323, 324, 329, 331, 332, 374.
Уваровъ, С. С., гр.—стр. 307.
Уманецъ, Ром., приказчикъ—стр. 130.
Унгеборнъ, докт.—стр. 64.
Урусовъ, кн.—стр. 395.
Ухтомск.ій, Дм., кн., архитекторъ—стр 233, 395.
Ушаковъ, Андр. Ив., гр.—стр. 35, 297.
Ушаковъ, Ст. Θед., губернат. Спб.—стр. 346.

Ф.

Фелькнеръ,—стр. 103.
Фердинандъ IV, кор. Неаполит.—стр. 414.
Ферморъ, Валимъ Валим., генер.—стр. 226, 258, 302.
Филаретъ, Скельскій игум.—стр. 133, 134.
Фильдингъ—стр. 196.
Фитенгофъ,—стр. 376.
Фицтумъ фонъ Екштедтъ, Людвигъ-Зигфридъ, гр.—стр. 92.
Фишеръ, академ.—стр. 256.
Финчъ, англ. президен.—стр. 18.
Флавицкій, художн.—стр. 281.
Флистеръ, камердин., нѣмецъ—стр. 472.
Флоринскій, Кир., архимандр.—стр. 108.
Флотвель, Целестинъ - Христіанъ, ученый—стр. 28, 258, 259.
Фонъ-Гунъ, сочинит.—стр. 461, 462.
Фонъ-Менгденъ, дѣвица—стр. 102.
Фонъ-Остенъ, Датск. камергеръ—стр. 236.
Фотреденъ, Як. Матв., полковн.—пр. XLII.
Франкъ, докт.—стр. 473.
Франценъ—стр. 478.
Францъ II, Германск. Импер., 419.
Фридрихъ Великій, Прусск. кор.—стр. 57, 88. 101, 178, 183, 195, 197, 200, 274, 295, 299, 309, 320, 331.
Фроманъ, проф.—стр. 279.
Фюрстенберіъ, бар.,—стр. 331.
Фюслейнъ—стр. 383.

Х.

Ханенко, Ник. Данил., истор.-писат.,—стр. 5, 6, 8, 11, 14, 67, 68, 69, 70, 73, 94, 96, 97, 98,

99, 105, 112, 113, 114, 115, 116, 128, 135, 150, 161, 164, 247, 264.
Хитрово—стр. 248.
Хитрово, Θед. Алекс.,камеръ-юнк., —стр. 307, 308.
Хмыровъ,—стр. 293.
Хмѣльницкій, Богд., гетм.—стр. 117, 125, 146, 187, 189, 212, 312, 313, 316.
Хмѣльницкій, Юр.—стр. 316.
Хованскій, Петръ Вас., кн.—стр. 305, 324, 340.
Хованскій, Серг.—стр. 305.
Холодовичъ, сотн. воронежск.—стр. 118.
Храповицкій, сочинит.—стр. 36, 192, 396.
Христенко, Іоаннъ, Воскресенскій іерей,—стр. 133.
Хрущовъ—стр. 302.
Худышкинъ—стр. 106.
Худяковъ Авр., подъячій, — пр. XLII.

Ц.

Цейгеръ, проф.—стр. 327.
Цербстская, принц.—стр. 49.

Ч.

Чарторыжская, Соф. Степ., р. Ушакова—стр. 350.
Чемесовъ, граверъ—стр. 235.
Червинскій—стр. 356.
Черкасова Елиз. Михайл., баронес. р. княж. Бѣлосельская—стр. 453.
Черкасовъ, Ал. Ив., бар.,—стр. 340, 342.
Черкасовъ, Ив. Ант., бар.,—стр. 64, 66, 100, 214; пр. XXXIV.
Черкасская, княж.—стр. 398.
Черкасская, Марѳ. Петр., княж.—стр. 435.
Черкасскій, Ал. Мих., кн., канцлеръ—стр. 18, 44, 94.
Чернолужскій, Петр.,—стр. 122.
Чернышевъ, Зах. Гр., гр., — стр. 35, 48, 49, 97, 116, 302, 303, 305, 335, 336 396, 419.
Чернышевъ, Ив. Гр., гр. — стр. 77, 78, 79, 105, 148, 252, 336, 339, 375, 398, 399, 408, 409, 458.
Чернышевъ, Петр. Гр., гр.,—стр. 56, 277, 399.
Чертковъ, губерн.—стр. 365.
Чимароза—стр. 442.
Чистовичъ—стр. 19.
Чичерина, А. Н.,—стр. 94.
Чичеринъ, оберъ-коменд. — стр. 317.
Чичаговъ, Вас. Як., адмиралъ—стр. 426, 433.
Чоглокова, оберъ-гофмейстерина, —стр. 104.
Чоглоковъ,—стр. 75, 76, 93, 103, 104, 105.
Чорбина, Вѣр. Ив., р. Галаганъ, —стр. 3, 4, 13, 464, 472.
Чубукъ, см. Дуссикъ—лекарь.
Чугуевецъ, Ив.—стр. 278.
Чулковъ, Вас. Ив., камерд.—стр. 5, 63, 280, 295.

Ш.

Шаденъ, ректоръ—стр. 279.
Шаликовъ, кн.—стр. 192.
Шаргородская, Ек. Ив., камеръюнгфера—стр. 296.
Штатеръ—стр. 408,429, 448,465.
Шафирова—стр. 76.
Шафировъ—стр. 5.
Шаховской, Мих. Ив., кн. — пр. XXXV, XXXVI.
Шаховской Як. Петр., кн.—стр. 39, 40, 250, 302, 303, 318.
Шварцъ—стр.10.
Шевыревъ, истор—ъ—стр. 279.
Шекспиръ—стр. 17, 442.
Шепелевъ, купецъ—стр. 282.
Шепелевъ А. С., премьеръ-маіоръ —стр. 297.
Шепелевъ, Дм. Андр., гофмейст. —стр. 48, 50, 176.
Шёпфлинъ,—стр. 333.

Шереметева, Ан. Петр.—стр. 341.
Шереметева, Вар. Петр.—стр. 350.
Шереметевъ, Вас. Серг., ген.-маіоръ. —стр. 442.
Шереметевъ—стр. 394.
Шереметевъ, Никол. Петр.—стр. 358, 410.
Шереметевъ, Петр. Борис., гр.—стр. 351, 353, 364, 439.
Шестаковъ, солдатъ—стр. 107.
Шетордій, маркизъ—стр. 183.
Шилетъ, Ив., секретарь—пр. XXIII.
Ширлей, Генрихъ—стр. 321.
Ширяй, Өед., бунч. тов.—стр. 122.
Шитацкій—стр. 130.
Шишко, полякъ—стр. 169, 171.
Шишковъ, сочинит.—стр. 466.
Шкура, атаманъ Минскаго куреня —стр. 207.
Шкуропадскій—см. Скоропадскій Мих.
Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскій, Петръ-Ульрихъ,—стр. 11.
Шлёцеръ, проф. акад.—стр. 285, 298, 309, 327, 328, 330.
Шмидтъ, г-жа—стр. 287.
Шмидтъ, Георгъ-Фридр., граверъ, —стр. 176, 235.
Шмитъ или Шмитша, Іоганна—стр. 72, 73.
Шмитъ, портной—стр. 425.
Штамбке—стр. 235.
Штейнъ—стр. 310.
Штелинъ, надв. сов. — стр. 43, 176, 177, 181, 234, 237, 244, 255, 290, 294.
Штеллингъ, граверъ,—стр. 176.
Штернъ, камердин.—стр. 5.
Штрубе де-Пирмонъ, Фридрихъ-Генрихъ—стр. 56, 83, 87.
Шубинъ, Алекс. Ник., камеръ-пажъ —стр. 5, 6, 7.
Шувалова, Мавр. Егор., статсъ-дама—стр. 21, 31.
Шуваловъ, Алекс. Ив.—стр. 11, 102, 108, 197.
Шуваловъ, Андр. Петр., гр.—стр. 351.
Шуваловъ, Ив., камеръ-юнкеръ,— стр. 109, 110, 127, 280.
Шуваловъ, Ив. Ив.—стр. 72, 78, 86, 109, 111, 112, 126, 136, 178, 181, 182, 186, 197, 200, 201, 205, 228, 229, 230, 235, 244, 245, 248, 251, 260, 280, 283, 293, 294, 298, 299, 330, 332, 337, 394, 444.
Шуваловъ, Петръ Ив.—стр. 7, 10, 11, 197, 198, 235, 248, 251, 351.
Шульгинъ, Артам., дворов. — пр. XXXVI.
Шумахеръ,—стр. 55, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 103, 110, 180, 181, 186, 205, 257, 294, 330.

Щ.

Щегловитый, поручикъ—стр. 130.
Щекатовъ—стр. 151.
Щербатовъ, кн.—стр. 58, 59, 74, 78, 79, 395.
Щербацкій, Гр.—стр. 33.
Щербачевъ Логинъ Михайл.,—пр. XLII.
Щетенко, солд.,—стр. 107.

Э.

Эбергардъ, Матв., бар.—стр. 238.
Эйлеръ, Леонардъ — стр. 55, 56, 58, 86, 88, 89, 90, 329, 351.
Эльгертъ, учит.,—стр. 277.
Энденъ—стр. 277, 278.
Эно, лекарь—стр. 277.
Эпинусъ, проф.—стр. 327.
Эстергази де-Галанта, гр., Австрійск. пос. — стр. 193, 199, 235.
Этлингеръ, подполковн.—стр. 170, 174.

Ю.

Юзефовичъ, капелянъ,—стр. 152.
Юпій, Алекс. Александр., ст. сов. — стр. 459.

А именно:	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Контора:													
Дворецкій	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
Бухгалтеръ	1	—	—	7	—	—	—	28	—	—	—	84	—
Копіистовъ три	3	5	—	15	—	20	—	60	—	60	—	180	—
Разсылщиковъ два	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Сторожъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Полицемейстеръ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Пріемщикъ всякихъ матеріаловъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Итого.	10	—	—	53	50	—	—	214	—	—	—	642	—
Конюшенные:													
Берейторъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Его ученикъ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Кучаръ нѣмецъ	1	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	180	—
Кучаръ русской	1	—	—	6	—	—	—	24	—	—	—	72	—
Кучаръ младшій	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Фарейторовъ	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
Конюховъ	11	3	—	33	—	12	—	132	—	36	—	396	—
Итого.	19	—	—	79	—	—	—	316	—	—	—	948	—
Работники: въ кухню 4, въ тафельдекарской 3, въ кандитерской 1, въ кафишенской 1, въ прачечной 2, въ лакейской 1, у музыкантовъ 1, на дворѣ 7, а всего 20 человѣкъ, каждому по 42 руб. въ годъ, а всѣмъ.	20	3	50	70	—	14	—	280	—	42	—	840	—
Музыканты:													
Музыкантовъ три	3	12	50	37	50	50	—	150	—	150	—	450	—
Пажиковъ	5	4	—	20	—	16	—	80	—	48	—	240	—
Живописныхъ учениковъ	2	4	—	8	16	16	—	32	—	48	—	96	—
Итого.	10	—	—	65	50	—	—	262	—	—	—	786	—
Всего въ годъ жалованья	191	—	—	1051	43¾	—	—	4205	75	—	—	12617	25

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Говядины 1½ пуда черкаской, по 4 к. за фунтъ, а за пудъ 1 р. 60 к. на	2	40						
Теленокъ одинъ	3	—						
Баранины 30 фун., по 5 коп. за фунтъ	1	50						
Барашковъ два по рублю	2	—						
Ушковъ телячьихъ	—	40						
Мозговъ на	—	60						
Нѣбъ говяжьихъ на	—	45						
Ветчины копченой 10 ф., по 8½ за фун	—	85						
Куръ русскихъ кормленыхъ 4, по 25 коп	1	—						
Утокъ двѣ, по 40 к.	—	80						
Индѣйка одна	—	75						
Гусь одинъ	—	50						
Рябчиковъ 5 паръ, по 25 к. за пару	1	25						
Тетеревей двѣ пары по 35 к. пара	—	70						
Масла русскаго 3 фунта	—	24						
Масла чухонскаго 10 ф., по 10 к. за фун	1	—						
Яицъ 60, по 6 к. десятокъ	—	36						
Луку ¼ четверика	—	12						
Шпигу 10 ф., по 8 к. за фунтъ	—	80						
Муки крупитчатой 10 ф.	—	30						
Бумаги на обертку жаркого одна десть	—	5						
Пшена Сорочинскаго 1½ фунта	—	13½						
Крупъ смоленскихъ ½ ф.	—	3						
Изюму 1 фунтъ	—	8						
Рыбы на	1	—						
Хлѣбовъ бѣлыхъ 4, по 4 к.	—	16						
Масла прованскаго ½ бутылки	—	22						
Сливокъ бутылка	—	45						
Капарсовъ анчоусовъ одна бутылка	—	45						
Лимоновъ свѣжихъ 6, по 5 коп.	—	30						
Соли 5 фунтовъ	—	5						
Уксусу ренскаго 1 бутылка	—	10						
Сливокъ двѣ бутылки по 12 к.	—	24						
Молока 7 бутылокъ, по 2 к.	—	14						
На зелень 1 руб., но сіе покупать въ недостаткѣ, а должно довольствовать кухню всею зеленью изъ своихъ садовъ	1	—						
Итого кухня стоитъ	23	32½	711	41¼	2845	65	8536	95
На нечаянные расходы во время случаевъ, когда излишнихъ гостей въ день прибудетъ, прибавляется по 2 р. Сіи деньги не всякій день выдаютъ въ								